

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176.25

Bound
MAR 5 1903

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXVI. — ТОМЪ СССXIII. — 1/14 НОЯБРЯ 1902.

114 - $\frac{57}{2}$

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1902

P Slav 176.25
~~Slav 302~~

Sever fund

3188

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРА.

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА II-я.

НОВАЯ СЕРІЯ
НОЯБРЬ, 1902.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1902.

Сод.

I.—АМЕРИКАНСКИИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.—Очерки и заметки.—I-V. — Ф. Ф. Мар- тенса	5
II.—НА ПОЛУТН.—Поэты.—XI-XX.—Описание.—Валер. Свѣтлина	52
III.—ИВ. С. ТУРГЕМЕВЪ ВО ФРАНЦИИ.—1847-1850 гг.—I-IX.—И. Гутыра	94
IV.—ВЪ ГОСТИЯХЪ НА ХУТОРѢ.—Личныя впечатлѣнія.—I. Въ страду дзекую. II. На хуторѣ. III. Гости. IV. Мой отъѣзд.—Юриі Крапивина	137
V.—РУССКІИ КИТАИ.—Наша первая колонія на Дальнемъ Востоке.— VI-VIII.—Описание.—А. Хвостова	181
VI.—НА ДОЛОТЫХЪ ПРИСКАХЪ ВЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.—По личнымъ вос- поминаніямъ.—У.—Описание.—И. С. Кларка	209
VII.—ШАТЛІИ ОСНОВЫ.—Эскизы.—W. von Polenz, „Wurzellocker“, Roman.— XIII-XXVIII.—II.—изъ С.—ной	251
VIII.—МЕЛКІИ ПРОМЫСЛЫ ВЪ АНГЛІИ.—В—го	303
IX.—КНИГА О КНЯЗѢ В. А. ЧЕРКАССКОМЪ.—„Материалы для биографіи кн. В. А. Черкасскаго“, состав. кн. О. Трубицкаго, т. I.—А. Ф. Коно	317
X.—НОВОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ.—Л. З. Славинскаго	342
XI.—ХРОНИКА.—Полный трудъ о дѣлѣвой географіи.—„Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ“ (1893—1902 г.) П. П. Магулава.—П. В.	361
XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Продолженіе заявлій уѣздныхъ комитетовъ.— Роль правительства, земства и городовъ въ области хранения народнаго имущества.—Индустриальныя собранія.—Примѣненіе промышленныхъ правилъ о народномъ продовольствіи.—Земскіе члены уѣздныхъ комитетовъ.—Новый газетный вывозъ противъ земства.—Инцидентъ въ поволжскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.—Участіе членовъ губернской земской управы въ уѣз- ныхъ земскихъ собраніяхъ	374
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бурскіе генералы въ Европѣ.—Англійская политика и ея континентальныя обязательства.—Исторія Австраліи въ вопросу о политическомъ статусѣ.—Положеніе Манчестера.—Парламентская дѣла во Франціи.—Развязка ливоншутландскаго кризиса въ Соединенныхъ- Штатахъ	391
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Гр. Павловичи, въ сумеркахъ литературы и души.—Д.—Сборникъ статей по исторіи и статистикѣ внешней тор- говли Россіи, в. р. В. И. Попова, т. I.—Обзоръ податнаго вѣстника курской губерніи за 1900 годъ.—В. В.—Очеркъ всеобщей и русской исто- рии, М. Ковалевскаго.—К.—Народное образованіе въ Петербургѣ, Ю. П. Лавровскаго.—Z.—Новыя книги и брошюры	404
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I G. Naval: „Les Sœuriennes“; „Les Ljubenskis“.—II. Hans Ostwald, „Verborgene“.—З. В.	424
XVI.—ИЗЪ ОВНЦЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Университетская реформа и роль г. торгашаго министерстваго народнаго просвѣщенія.—Особенная децентрализанія, проповѣдуемая въ „Гражданинѣ“, —Пересмотръ Городо- вого Положенія 1862 г. въ примѣненіи къ одному городу Петербургу.— Вопросъ о способѣ измѣненія дѣятельности городского головы; о распростра- неніи избирательнаго права; о порядкѣ производства выборовъ; объ испол- нительныхъ комиссияхъ	439
XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Помещичества и дворянства	456
XVIII.—ВИДНОГРАФИЧЕСКІИ ЛИСТОКЪ.—Воспитаніе и образованіе сельскихъ и вѣхъ прирѣчи на Западѣ, д-ра А. П. Скребицкаго.—Россія въ агрономіи измѣненія, состав. В. Медетъ.—Шекспиръ—въ переводахъ А. Э. Соколя- нскаго.—Практическія замѣтки по зоологіи и ботаникѣ Т. Текеля и Г. Мар- тинъ.—Синтагма русскаго языка, Д. Осиповича-Будановскаго	
XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-V; I-XII стр.	

АМЕРИКАНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Очерки и замѣтки.

Въ мартѣ прошедшаго года я получилъ отъ президента старѣйшаго американскаго университета (The Yale University) въ Нью-Гавенѣ извѣщеніе о пожалованіи мнѣ этимъ университетомъ званія почетнаго доктора правъ (Doctor of Laws—D. L. L.). Въмѣстѣ съ тѣмъ я былъ приглашенъ прибыть въ Нью-Гавенъ, въ октябрѣ, для церемоніи торжественнаго возведенія въ пожалованное званіе и для участія въ торжествахъ Іэльскаго университета по случаю двухсотлѣтняго его юбилея.

Давнымъ-давно собирался я посѣтить Новый-Свѣтъ, гдѣ у меня много знакомыхъ и добрыхъ друзей. Но путешествіе въ Америку сопряжено съ значительными затрудненіями. Главное затрудненіе—Атлантическій океанъ и плаваніе по немъ, а это весьма многихъ устрашаетъ отправляться въ Соединенные-Штаты.

Однако, въ виду исключительнаго почетнаго случая, я рѣшился рисковать продолжительнымъ морскимъ путешествіемъ и исполнить данное моимъ американскимъ друзьямъ обѣщаніе навѣстить ихъ въ ихъ отечествѣ. Къ тому же личная явка для церемоніи возведенія въ званіе почетнаго доктора правъ совершенно необходима, и американцы очень дорожатъ этимъ почетнымъ званіемъ, которое императоръ Вильгельмъ II, въ телеграммѣ къ моему брату, принцу Генриху, получившему это званіе отъ Гарвардскаго университета, близъ Бостона, въ февралѣ сего года, называетъ „высшимъ почетнымъ званіемъ, какое Америка можетъ предложить“.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я выѣхалъ изъ Бремергафена, на предномъ пароходѣ „Сѣверо-германскаго Ллойда“, „Kaiser

Wilhelm der Grosse“, и въ самомъ концѣ октября я вернулся въ Европу, пробывъ въ пути всего около двухъ мѣсяцевъ. Въ продолженіе моего непродолжительнаго пребыванія въ Соединенныхъ-Штатахъ мнѣ удалось видѣть весьма много, благодаря безпримѣрному гостепрїимству и очаровательной любезности американцевъ. Я имѣлъ возможность побыть въ Нью-Йоркѣ, видѣть Филадельфію, любоваться Вашингтономъ, принимать дѣятельное участіе въ университетскихъ юбилейныхъ торжествахъ въ Нью-Гавенѣ, посѣтить Бостонъ и самый старыи американскій университетъ Гарвардскій въ Кэмбриджѣ, близъ Бостона, откуда я уѣхалъ на знаменитый Ниагарскій водопадъ и на американскую выставку въ Буффало. Благодаря неутомимой любезности моихъ американскихъ друзей и знакомыхъ, мнѣ удалось подробно осмотрѣть четыре замѣчательныхъ американскихъ университета: Колумбійскій въ Нью-Йоркѣ, Іэльскій въ Нью-Гавенѣ, Гарвардскій въ Кэмбриджѣ и наконецъ Филадельфійскій въ Филадельфіи. Главнѣйшіе памятники исторіи и предпрїимчивости американскаго народа въ вышеназванныхъ городахъ были мною осмотрѣны, какъ-то: „The Independence Hall“ въ Филадельфіи, Національная бібліотека и музей „The Smithsonian Institution“ въ Вашингтонѣ.

Наконецъ, со многими американскими государственными дѣятелями, учеными и писателями, начиная съ президента Рузвельта, мнѣ удалось познакомиться и видѣть ихъ не только за торжественными обѣдами и интимными завтраками, но также многихъ изъ нихъ я видѣлъ въ ихъ домашнемъ быту, и въ шумныхъ городахъ, и въ тихихъ помѣстьяхъ.

Прошелъ почти годъ послѣ моего возвращенія изъ Америки, и удивительно свѣжо сохранились впечатлѣнія о всемъ мною видѣнномъ. Я вполне раздѣляю впечатлѣнія, которыя лучшій знатокъ Америки, Джемсъ Брайсъ, высказалъ въ своемъ громадномъ классическомъ трудѣ о Соединенныхъ-Штатахъ.

„Америка вызываетъ восторгъ,—писалъ Брайсъ,—который нужно почувствовать на мѣстѣ, чтобы его понять. Вѣра въ будущность американскаго народа переходитъ во всякому, кто движется среди него, убѣждая его, что роковыя ошибки въ политикѣ тамъ, въ Америкѣ, гораздо менѣе опасны, нежели онѣ были бы въ Европѣ“¹⁾.

Въ настоящихъ очеркахъ мнѣ хотѣлось набросать, въ общихъ чертахъ, мои личныя впечатлѣнія объ Америкѣ и культурно-по-

¹⁾ Bryce, The American commonwealth. London, 1888, t. I, p. 14. Русскій перев., 1889—90 („Американская республика“, М., 3 тома).

литическомъ состояніи Соединенныхъ-Штатовъ, вынесенныя какъ изъ бесѣдъ съ выдающимися общественными дѣятелями этой страны, такъ и изъ личныхъ наблюденій, пробѣренныхъ литературными пособіями. Въ виду весьма кратковременнаго пребыванія въ Америкѣ, мои впечатлѣнія могутъ быть обманчивы, и мои очерки могутъ вызвать справедливую критику. Но далека отъ меня мысль сказать что-нибудь новое объ этой интереснѣйшей странѣ. Я буду счастливъ, если мои очерки кое-что прибавятъ къ существующему уже интересу, вызываемому Соединенными-Штатами, и побудятъ также русскихъ почаще посѣщать Америку и болѣе основательно изучать народъ, будущее котораго должна имѣть для Европы самый животрепещущій интересъ.

Наконецъ, настоящіе очерки имѣютъ еще совершенно особенную цѣль. Не имѣвъ рѣшительно никакой возможности отблагодарить американцевъ разныхъ классовъ общества за чарующее гостепріимство, которымъ они меня осчастливили, я желалъ бы, чтобы эти очерки послужили имъ доказательствомъ того исключительнаго и признательнаго вниманія, съ которымъ я отношусь къ ихъ отечеству и ко всему, мною тамъ видѣнному. Я надѣюсь, что они усмотрятъ въ нѣкоторыхъ моихъ недоумѣніяхъ, относительно нынѣшняго курса государственнаго корабля Соединенныхъ-Штатовъ, только выраженіе искренняго уваженія къ мировой роли американскаго народа на лонѣ цивилизованныхъ государствъ. Чѣмъ почетнѣе эта роль, тѣмъ желательнѣе сохранять ее въ мировомъ ея назначеніи.

I.

Всякій, кто много путешествовалъ, знаетъ изъ опыта, что для полнаго наслажденія и истинной пользы всякаго путешествія нужно соблюдать два условія: во-первыхъ, имѣть точно опредѣленный маршрутъ, и во-вторыхъ, везти съ собою поменьше багажа. Въ особенности важно послѣднее условіе не только съ точки зрѣнія сокращенія путевыхъ издержекъ, но равнымъ образомъ въ виду несомнѣнныхъ удобствъ и пользы путешествія.

Всякій же багажъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) вещей — и 2) идей, понятій, привычекъ и предразсудковъ. Особенно вреднымъ багажемъ представляются тѣ предвзятыя понятія, претензіи и странныя предразсудки, съ которыми путешественники весьма часто переходятъ границы того или другого цивилизованнаго государства. Какъ часто личная антипатія къ политикѣ

даннаго правительства переносится на весь народъ, на его нравственные, социальныя и государственныя идеалы! Какъ часто нелюбовь къ данному выдающемуся государственному дѣятелю ставится мѣриломъ для оцѣнки цѣлаго народа, его нравовъ и характера! Въ видѣ иллюстраціи, стоить только вспомнить, какъ у насъ, въ Россіи, нелюбовь къ англійской виѣшней политикѣ, ея цѣлямъ и средствамъ, обыкновенно переносится на весь англійскій народъ, на всѣхъ англичанъ и на ихъ нравы и обычаи.

Такого рода багажъ крайне затрудняетъ дѣйствительное ознакомленіе съ чужимъ народомъ и лишаетъ всякое странствованіе разумнаго значенія и дѣйствительной пользы. Когда я сѣлъ на пароходъ сѣверо-германскаго Ллойда, чтобы переплыть Атлантическій океанъ, у меня не было съ собою никакого багажа въ видѣ предвзятыхъ мыслей или странныхъ предразсудковъ насчетъ Соединенныхъ-Штатовъ, или „брата Іонаана“. Но не скрою, что когда послѣ Шербурга стали мало-по-малу скрыватья берега Европы, когда потерялся изъ виду свѣтъ послѣдняго европейскаго маяка и когда нашъ пароходъ круто взялъ курсъ въ Атлантическій океанъ, тогда невольно мысли переносились впередъ черезъ океанъ и въ ту громадную страну, благополучное прибытіе въ которую искренно желалось всѣми 2.200 людьми, довѣрившими этому пароходу свою жизнь и свою ближайшую будущность.

Съ этого момента, по мѣрѣ приближенія къ американскому берегу, мысли стали сосредоточиваться на томъ великомъ народѣ, котораго гостепріимствомъ я намѣренъ былъ воспользоваться. Совершенно естественно вспоминались объ этомъ народѣ всѣ главнѣйшіе факты, особенно засѣвшіе въ памяти по личнымъ или случайнымъ причинамъ.

Невольно вспоминалъ я, какимъ казался мнѣ американскій народъ въ прежнія времена и какимъ является онъ въ настоящее время. Разница поразительная.

Въ моей молодости американцы являлись въ видѣ героевъ романовъ Купера: безпощадная и ожесточенная борьба американскихъ фермеровъ и піонеровъ съ дикими краснокожими индѣйцами сильно приковывала вниманіе молодыхъ читателей и заставляла удивляться и восторгаться личной храбростью, страшной отвагой и высокими нравственными добродѣтелями американскихъ піонеровъ. Въ то же время удивительное перо Бичеръ-Стоу нарисовало въ безсмертномъ разсказѣ „Хижина дяди Тома“ такую картину рабства негровъ на американскихъ плантаціяхъ, которая навѣрное никогда не изглаживалась изъ памяти читателей этого

знаменитаго творенія. Возбужденныя этимъ твореніемъ, чувства сожалѣнія и милосердія къ несчастнымъ жертвамъ плантаторскаго кнута и алчности несказанно воспрянули, когда президентъ Линкольнъ сталъ, въ 1863 году, во главѣ войны сѣверныхъ штатовъ противъ южныхъ рабовладѣльческихъ, съ цѣлью искоренить навсегда рабство негровъ и всѣ связанные съ нимъ ужасы.

Мнѣ помнится, съ какимъ восторгомъ все русское общество отнеслось тогда къ великому президенту Соединенныхъ-Штатовъ и съ какою открытою радостью оно встрѣчало извѣстія о поступательномъ торжествѣ Сѣверныхъ штатовъ, несмотря на происки Англіи и Франціи. Царь-Освободитель не могъ не сочувствовать дѣлу враговъ рабства, и блестящая депеша князя Горчакова, выразившая такое сочувствіе русскаго царя президенту Линкольну, была встрѣчена съ неподдѣльнымъ восторгомъ русскимъ народомъ, который нашель въ этомъ дипломатическомъ актѣ выраженіе своихъ собственныхъ задушевныхъ мыслей...

Глядя съ палубы громаднаго „Kaiser Wilhelm der Grosse“ на темно-сѣрыя волны Атлантическаго океана, мнѣ также вспомнилось, что черезъ этотъ же океанъ прибыла, въ 1866 году, въ Кронштадтъ, американская эскадра, подъ начальствомъ Фокса, чтобы торжественно передать Царю-Освободителю глубочайшую благодарность президента и народа Соединенныхъ-Штатовъ за искреннее сочувствіе Россіи къ ихъ войнѣ съ цѣлью отмѣны рабства и торговли неграми. Великъ былъ успѣхъ въ русскихъ водахъ еще никогда невиданнаго американскаго броненосца „Miantopomoh“ и безпредѣленъ былъ восторгъ, съ которымъ русское общество чествовало американскихъ моряковъ въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ. Явились тогда эти американцы живыми представителями идей личной свободы, равенства людей и равноправности предъ закономъ и судомъ. Вѣдь для торжества этихъ идей пожертвовали сѣверо-американцы жизнью сотенъ тысячъ своихъ согражданъ и сотнями милліоновъ долларовъ. Къ этимъ идеямъ очень чутко относилось русское общество начала 60-хъ годовъ, и потому громадный и единодушный успѣхъ американскихъ гостей въ Россіи былъ впередъ обезпеченъ. Американцы завоевали тогда русскихъ идеализмомъ своихъ стремленій, сердечностью своихъ симпатій и чарующею веселостью своихъ нравовъ.

Мнѣ живо помнится мое посѣщеніе американскаго броненосца на кронштадтскомъ рейдѣ и произведенный американскими моряками фуроръ, въ особенности среди русскихъ дамъ... Въ то самое время моего студенчества были еще другія причины увле-

ченія нашими „заатлантическими друзьями“ и американскими порядками. Молодое поколѣніе тогдашней эпохи съ увлеченіемъ зачитывалось сочиненіями Alexis de Tocqueville („La Démocratie en Amérique“) и Эдуарда Лабулэ („Paris en Amérique“). Въ этихъ классическихъ трудахъ была представлена увлекательная картина государственныхъ порядковъ Соединенныхъ-Штатовъ и нравовъ и обычаевъ американскаго народа. Сѣверо-американская республика рисовалась какъ идеальная страна гражданской свободы, самоуправленія и свободы мнѣнія, религіи, слова и печати. Эти американскіе порядки до такой степени отличались отъ порядковъ императорской Франціи, что французъ, прибывшій въ Америку, совершенно тамъ терялся, когда ему была предоставлена полная свобода вѣрить во что желаетъ, говорить что желаетъ и писать что желаетъ. Французъ временъ Наполеона III до такой степени привыкъ находиться подъ правительственною опекою, которая все для него предусматривала, что впадалъ въ самыя смѣшныя положенія въ Соединенныхъ-Штатахъ, гдѣ каждый долженъ думать о себѣ и устроить свою собственную судьбу по мѣрѣ силъ и способностей.

И вотъ увлеченія порядками, правами и обычаями великой сѣверо-американской республики заставляли въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія всѣхъ европейскіхъ защитниковъ бѣльшей свободы смотрѣть на эту страну какъ на классическій образецъ широчайшей личной и политической свободы. Гражданинъ Соединенныхъ-Штатовъ сдѣлался синонимомъ съ человѣкомъ, пользующимся личною свободою, самодѣятельностью и самоуправленіемъ.

Вотъ тѣ американскія идеи, которыми увлекались всѣ европейцы, желавшіе усовершенствованія порядковъ своей родины въ смыслѣ личной и гражданской свободы. Вотъ причина небывалаго успѣха сочиненій Токвилля и Лабулэ, и вотъ объясненіе популярности американцевъ въ Европѣ до 80-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое положеніе значительно измѣнилось въ послѣдніе годы: уже нѣтъ болѣе увлеченія американскими порядками, но есть боязнь за распространеніе на Европу американскаго имперіализма въ видѣ синдикатовъ и трѣстовъ, захватывающихъ европейскую торговлю, промышленность и судоходство.

Впрочемъ, этотъ страхъ предъ захватами Америкою источниковъ европейскаго богатства выражается въ самыхъ причудливыхъ формахъ. Одни въ Европѣ серьезно задумываются о необ-

ходимости соединенія европейскихъ государствъ въ общій оборонительный союзъ противъ Соединенныхъ-Штатовъ. Другіе, напротивъ, вполне сознавая грозящую опасность, полагаютъ, что лучше идти на встрѣчу Соединеннымъ-Штатамъ и соединиться съ ними. Такъ думаетъ, между прочимъ, талантливѣйшій англійскій публицистъ Стэдъ, который серьезно мечтаетъ о соединеніи подъ однимъ правленіемъ всей англо-американской расы. Въ такомъ случаѣ всѣ говорящіе на англійскомъ языкѣ народы составляли бы одно великое государство, въ составъ котораго входили бы 121 милліонъ свободныхъ гражданъ, правящихъ 353 милліонами азіатовъ и африканцевъ.

Съ точки зрѣнія этого англійскаго публициста, „американизация всего міра“ совершенно неизбежна въ ближайшемъ будущемъ, и Англія только выиграетъ отъ этого процесса поглощенія всего міра американцами, ибо ея языкъ и культура завоевываютъ всю вселенную ¹⁾).

Трудно согласиться со всѣми доводами симпатичнаго М. Stead, но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что прошло безвозвратно время, когда европейцы платоническимъ образомъ увлекались демократическими учрежденіями, нравами и порядками Соединенныхъ-Штатовъ.

Въ настоящее время сочиненія Токвилля и Лабулэ далеко не произвели бы того глубокаго и увлекательнаго впечатлѣнія, которое выпало на ихъ долю въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Такая крупная перемена въ отношеніяхъ къ сѣверо-американской республикѣ объясняется общеизвѣстными фактами изъ области торговой и международной политики Соединенныхъ-Штатовъ.

Стѣдуетъ только вспомнить тѣ фазисы, чрезъ которые проходила знаменитая доктрина Монроэ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ. Первоначально эта доктрина была протестомъ Соединенныхъ-Штатовъ противъ намѣренія великихъ европейскихъ державъ вмѣшиваться въ борьбу народовъ центральной Америки за свою свободу. Она положила конецъ такому вмѣшательству и обезпечила свободное развитіе центрально-американскихъ государствъ въ формѣ несюнчаемыхъ революцій, убійствъ и смуть. Вслѣдъ затѣмъ доктрина Монроэ послужила основаніемъ претензіи Соединенныхъ-Штатовъ имѣть верховное покровительство

¹⁾ См. *W. T. Stead. The Americanisation of the world.* London. 1902. Другого мнѣнія придерживался Stead въ 1899 году, въ своемъ сочиненіи: „*The United States of Europe*“.

надъ всею Америкею, ибо „Америка должна принадлежать американцамъ“. Отсюда уже выводилось право вашингтонскаго правительства даже вмѣшиваться въ отношенія европейскихъ государствъ—владѣльцевъ частей американскаго континента—къ ихъ собственнымъ подданнымъ или къ сосѣднимъ американскимъ народамъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время, доктрина Монро даже послужила оправданіемъ завоеваній Филиппинскихъ острововъ, ибо „мы, американцы,—сказалъ недавно замѣчательный американскій дипломатъ,—почти-что выросли въ гражданъ всей вселенной“ („citizens of the world“¹⁾).

Я не врирую, но только констатирую положительные факты.

Если имѣть въ виду эти факты, то понятно будетъ, почему въ особенности въ Англіи обнаруживается явное безпокойство насчетъ американскаго имперіализма въ области торговли, мореплаванія и международныхъ сношеній. Самъ мистеръ Стэдъ, несмотря на его увлеченіе американизаціею вселенной, все-таки каждый мѣсяць напоминаетъ въ своемъ „Review of Reviews“ своему отечеству о грозящей ему опасности отчаяннымъ возгласомъ: „Wake up! John Bull!“

Словомъ, по истинѣ велика перемѣна въ міровомъ положеніи Соединенныхъ-Штатовъ, совершившаяся въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ, „братъ Ионаанъ“ представлялся въ сатирическихъ журналахъ какъ худощавый и длинноногій янки, который, прибывъ въ континентальную Европу, не зналъ что дѣлать, какъ сѣсть и какъ избавиться отъ слѣдовавшей за нимъ правительственной опеки европейскихъ государствъ. Теперь же тотъ же янки или „дядя Самъ“ изображается въ карикатурахъ какъ морское чудовище, съ лицомъ знаменитаго Пирпонта Моргана, забравшее въ свои лапы всѣ торговые флоты европейскихъ народовъ. Или тотъ же „дядя Самъ“ рисуется какъ гигантъ Гулливеръ, оволо котораго копошатся пигмеи—европейскіе народы, не знающіе, какъ избавиться отъ поглощающей ихъ американской конкуренціи.

Дѣйствительно, велика происшедшая перемѣна, и совершенно правъ былъ римскій императоръ, сказавъ: „Tempora mutantur, et nos mutamur in illis“! Но будетъ ли народъ Соединенныхъ-Штатовъ счастливѣе отъ той „міровой роли“, которую онъ въ послѣднее время на себя принялъ,—это покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что идеально счастливо, сповойно

¹⁾ Whitelaw Reid. Problems of expansion. New-York, 1900, p. 155.

и завидно было его прошлое. Европейскіе народы съ завистью смотрѣли на счастливѣйшее сочетаніе въ конституціи Соединенныхъ-Штатовъ политической свободы съ глубочайшимъ уваженіемъ народонаселенія въ существующему законному порядку. Сохраненіе международнаго мира, естественнымъ образомъ, было обезпечено отсутствіемъ большой постоянной арміи и большого военного флота. Надъ европейскимъ милитаризмомъ ядовито и справедливо смѣялись американцы, нашедшіе для своихъ милліоновъ лучшее помѣщеніе въ торговлѣ и въ промышленности...

Таковы мысли, всецѣло занимавшія меня во время прогулки по палубѣ въ двѣсти метровъ громаднаго и роскошнаго парохода „Сѣверо-германскаго Ллойда“.

Ознакомившись во время моей поѣздки съ двумя лучшими пароходами „Сѣверо-германскаго Ллойда“, для меня совершенно понятно, почему Пирпонтъ Морганъ добивался во что бы ни стало вступленія этого пароходнаго общества въ его атлантической трѣсть. Съ другой стороны, не менѣе понятно, почему этой компаніи и другой—гамбургской—Морганъ долженъ былъ сдѣлать особенно льготныя условія. Съ пароходами обѣихъ германскихъ пароходныхъ компаній никакъ не могутъ конкурировать другія пароходныя общества, какъ-то: французское общество „Transatlantique“, англійскія—„Cuniard“, „White Star“ и другія.

Пароходъ „Kronprinz Wilhelm“, на которомъ я вернулся изъ Америки, на два метра длиннѣе парохода „Kaiser Wilhelm der Grosse“.

Приведу нѣкоторыя данныя относительно перваго. Онъ представлялъ собою громадный четырехъ-этажный домъ, надъ которымъ торчали четыре огромныя трубы. Нижняя часть этого парохода раздѣлена на двадцать-четыре части, которыя, въ случаѣ столкновенія или пробоя, въ одну секунду могутъ герметическимъ образомъ закрываться и быть отдѣляемы другъ отъ друга. Въ капитанской каютѣ видѣлъ я электрическій аппаратъ, посредствомъ котораго капитанъ, не сходя съ мостика, можетъ въ одну секунду изолировать столько отдѣленій, сколько нужно. Съ такими пробоями пароходъ можетъ спокойно продолжать свой путь. Для выкачиванія воды имѣются нѣсколько паровыхъ насосовъ, которыми въ одинъ часъ выкачиваются 3.600 тоннъ воды.

Пассажировъ I-го класса можетъ быть на „Kronprinz Wilhelm“ около 650 человѣкъ; II-го класса—около 350 человѣкъ; III-го класса—больше 700 человѣкъ. Наконецъ, команду парохода составляютъ больше 520 человѣкъ, въ составъ которыхъ входитъ также

оркестръ музыки, исполняющій разныя музыкальныя пьесы во время завтраковъ и обѣдовъ.

Вся обстановка помѣщенія для пассажировъ перваго класса вполне отвѣчаетъ всѣмъ современнымъ требованіямъ комфорта. Желающіе имѣть на пароходѣ свою отдѣльную роскошную квартиру изъ гостиной, спальни и ванной платятъ въ *одну* копейку—4.800 германскихъ марокъ, т.-е. около 2.400 рублей за шесть дней.

Въ общей столовой перваго класса имѣются 414 кресель за столами. Какъ столовая, такъ и гостиная, комната для куренія и читальня, отдѣланы съ большимъ вкусомъ и весьма комфортабельно. Вездѣ имѣется электрическое освѣщеніе и не только въ каютахъ и общихъ комнатахъ, но также и на палубѣ, гдѣ въ продолженіе всего дня и вечера сидятъ или прогуливаются пассажиры.

Въ плату за мѣсто на пароходѣ включена плата за столъ, который чрезвычайно обиленъ и можетъ удовлетворять самому изысканному вкусу. Каждый можетъ ѣсть сколько угодно съ утра до вечера и только за спиртные напитки обязанъ платить особо. Я не могъ не удивляться аппетиту нѣкоторыхъ пассажировъ.

Наконецъ, несмотря на то обстоятельство, что пароходъ работаль 35.550 лошадиными силами и дѣлаль въ часъ больше 24 узловъ, все-таки сотрясеніе намъ было не особенно чувствительно. Я писалъ каждый день свои письма во время хода. Только при очень бурной погодѣ писать нельзя было, и громадный пароходъ подбрасывался волнами океана какъ щепка.

Наибольшей скорости достигъ пароходъ „Kaiser Wilhelm der Grosse“ въ апрѣлѣ нынѣшняго года. Весь путь въ 3.146 морскихъ миль онъ прошелъ въ 5 дней 18 часовъ и 35 минутъ. Онъ шелъ въ сутки до 568 морскихъ миль. Каждый пойметъ, какіе запасы каменнаго угля должны находиться на этихъ пароходахъ. Лѣтъ десять тому назадъ считалось чудомъ, если какой-нибудь англійскій пароходъ въ одиннадцать дней совершалъ путь между Европою и Америкою. Теперь и шести дней не требуется для совершенія этого самаго пути.

Таковъ прогрессъ въ способахъ международныхъ сообщений. Такъ ли великъ нравственный подъемъ народовъ и культурный ихъ прогрессъ? Сомнѣваюсь...

II.

„Какъ вы переносите море? Развѣ вы не страдаете отъ морской болѣзни?“ — Таковы вопросы, которые мнѣ постоянно ставились до и послѣ моей поѣздки въ Америку. Всѣхъ интересуетъ вопросъ о морской болѣзни, и всѣ ея боятся.

Я довольно много путешествовалъ по разнымъ морямъ и бывалъ боленъ морскою болѣзнию. Но никогда эта болѣзнь меня не останавливала отъ желанія путешествовать и видѣть чужія страны. Мнѣ кажется, что для борьбы съ этою болѣзнию также нужна извѣстная сила воли: нужна твердая рѣшимость бороться съ нею.

Въ этомъ отношеніи мнѣ помнится мой разговоръ съ почтеннымъ капитаномъ парохода „Kronprinz Wilhelm“, побывавшимъ во всѣхъ моряхъ и съ малолѣтства плавающимъ. Я его спросилъ: имѣется ли какое-либо дѣйствительное средство отъ морской болѣзни? Онъ мнѣ категорически отвѣтилъ: „Нѣтъ, не имѣется. Всѣ аллопатическія и гомеопатическія средства, рекомендуемыя рекламами и шарлатанами, совершенно бесполезны“.

„Впрочемъ, — съ улыбкою прибавилъ почтенный старикъ, — у меня самого есть очень хорошее средство отъ морской болѣзни, но не всѣмъ могу я его рекомендовать и не всегда оно примѣнимо“. Когда я съ явнымъ любопытствомъ спросилъ капитана, какое жѣ это средство, — онъ отвѣтилъ: „Это средство — кончикъ каната!“ — „Какъ кончикъ каната?“ — спросилъ я его съ удивленіемъ. — „Да, кончикъ каната. Вотъ видите: когда поступали на управляемые мною корабли юнги, желающіе сдѣлаться мореходцами, они въ первое же плаваніе подверглись приступамъ морской болѣзни. Но я не позволялъ имъ предаваться этой болѣзни; я заставлялъ ихъ неустанно работать, и кончикъ каната очень чувствительнымъ образомъ поддерживалъ мое неумолимое требованіе. И вотъ тогда морская болѣзнь проходила немедленно, и мои молодцы, будучи постоянно заняты, совершенно забывали эту болѣзнь и ей не поддавали“.

Нельзя было не согласиться съ сѣдовласымъ капитаномъ, что его средство, практикуемое имъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, весьма дѣйствительно, но вѣроятно немногіе пассажиры согласятся разрѣшить употребленіе такого средства въ отношеніи ихъ. Однако, многолѣтняя опытность этого почтеннаго моряка неопровержимымъ образомъ подтверждаетъ то положеніе, что морская болѣзнь — этотъ врагъ морскихъ путешествій — зависитъ

въ значительной степени отъ психическаго, а не только—физическаго состоянія человѣка. На основаніи моего личнаго опыта,—если во время плаванія голова очень занята мыслями или чтеніемъ интересной книги, то, при совершенно здоровомъ и спокойномъ состояніи организма, врагъ морскихъ путешествениковъ менѣе легко можетъ одерживать побѣду.

Какъ бы то ни было, несмотря на очень непріятную качку въ Сѣверномъ морѣ, на пути отъ Бремергафена въ Соутгэнтонъ, и потомъ на бурю въ Атлантическомъ океанѣ, все-таки меня этотъ врагъ только атаковалъ, но не побѣдилъ. Послѣдніе три дни путешествія были восхитительны: иногда Атлантическій океанъ напоминалъ Женевское озеро въ чудный іюльскій день. Сидя за обѣденнымъ столомъ въ залитой электрическимъ свѣтомъ столовой парохода и слушая маршь изъ „Тангейзера“, разыгрываемый оркестромъ музыки, можно было себя вообразить гдѣ-нибудь на континентѣ европейскомъ, напр. въ „Hôtel Beau-rivage“ въ Лозаннѣ.

Въ одинъ изъ такихъ прелестныхъ дней на океанѣ представилось рѣдкое зрѣлище: цѣлое стадо китовъ, отъ 10—12 штукъ, пускало свои фонтаны на воздухъ, что можно было видѣть на очень большомъ разстояніи.

Наконецъ, въ исходѣ шестого дня нашего плаванія, мы стали приближаться къ американскому берегу, и беспроволочный телеграфъ Маркони, устроенный на пароходѣ, уже сталъ получать по воздуху черезъ океанъ извѣстія съ американскаго континента. Послѣдній обѣдъ на пароходѣ до высадки на берегъ всегда бываетъ особенно торжественъ: самый обѣдъ бываетъ особенно роскошный и въ концѣ обѣда происходитъ торжественное шествіе официантовъ со всѣми яствами и декоративными эмблемами мореплаванія. Столовая же изящно убрана на этотъ день гирляндами изъ цвѣтотъ, съ электрическими транспарантами и т. д. Этотъ послѣдній обѣдъ называется „обѣдъ капитана“ (the captain's dinner). Послѣ обѣда, при хорошей погодѣ, на палубѣ происходитъ балъ, на которомъ танцующія пары должны были обнаруживать особенную вѣрность, чтобы держаться на ногахъ и не терять равновѣсія—что было весьма нелегко, послѣ хорошаго обѣда съ шампанскимъ и при качкѣ парохода. Танцующія пары весьма часто сталкивались и валились по направленію, данному пароходу океанскою волною. Однако, не взирая ни на что, балъ продолжался за полночь.

На другой день послѣ этой веселой ночи на Атлантическомъ океанѣ, мы увидѣли наконецъ американскій берегъ и медленно

вошли въ устье рѣки Гудсонъ, на которой лежитъ Нью-Йоркъ. Первое впечатлѣніе, которое производятъ вѣзды въ Гудсонскую рѣку, окрестности Нью-Йорка и самый городъ, — грандіозное. Немедленно чувствуешь, что вступаешь въ страну, гдѣ все громадно и все подавляетъ европейца грандіозными размѣрами. Одинъ Бруклинскій мостъ въ 6.000 футовъ, подъ которымъ свободно проходятъ громаднѣйшіе мачтовые корабли, производитъ глубокое впечатлѣніе. Торчащія же надъ городомъ дома въ 25—27 этажей, названные американцами „небочесалками“ (skyscrapers), больше вызываютъ удивленіе зрителя, нежели желаніе жить въ такихъ домахъ.

Къ сожалѣнію, это грандіозное впечатлѣніе, производимое величайшимъ городомъ Соединенныхъ-Штатовъ на живописныхъ берегахъ Гудсона, значительнымъ образомъ парализуется невѣроятными таможенными мытарствами, которымъ подвергаются всѣ пассажиры на прибывающихъ пароходахъ. Эти таможенные порядки до такой степени унижительно для пассажировъ, что трудно вѣрится въ ихъ существованіе въ свободномъ государствѣ, устроенномъ на уваженіи къ достоинству человѣческой личности.

Мой рассказъ о таможенномъ осмотрѣ пассажировъ на границахъ Соединенныхъ-Штатовъ чуждъ всякаго личнаго неудовольствія: американскія таможенныя власти были со мною чрезвычайно любезны и не подвергли мой багажъ никакому осмотру, позволивъ мнѣ немедленно уѣхать изъ таможни. Но въ отношеніи самихъ американцевъ, безъ всякаго различія, и другихъ иностранцевъ этотъ таможенный осмотръ принималъ по истинѣ возмутительно-оскорбительную форму. Вотъ что происходитъ при прибытіи пассажирскаго парохода къ американскому берегу.

На пароходѣ, до прибытія въ Гудсонскую рѣку, пассажиры получили печатный листъ отъ секретаря казначейства Соединенныхъ-Штатовъ, въ которомъ было изложено слѣдующее: „Всѣ пассажиры обязаны подать таможенному чиновнику объявленіе, съ обозначеніемъ количества своихъ багажныхъ мѣстъ и ихъ содержанія. Граждане Соединенныхъ-Штатовъ, возвращаясь въ отечество, должны представить подробный списокъ купленныхъ ими заграницею вещей, съ обозначеніемъ цѣнъ, уплаченныхъ за нихъ. Лица, скрывшія вещи, подлежащія оплатѣ таможенныхъ пошлинъ, подвергаются конфискаціи самыхъ вещей, штрафу и уголовному наказанію въ видѣ тюремнаго заключенія.

„По закону 1890 года (Customs Administrative Act), штрафъ не долженъ превышать 2.000 долларовъ, и тюремное заключеніе

съ каторжною работою (hard labour) не можетъ превышать годичнаго срока, если пассажиры сдѣлали попытку подкупить таможеннаго чиновника при осмотрѣ ихъ багажа. Съ цѣлью облегчить трудъ таможеннаго ревизора, пассажиры приглашаются написать на отдѣльныхъ печатныхъ листахъ всѣ свои покупки, съ обозначеніемъ уплаченныхъ цѣнъ“.

Далеко до американскаго берега пассажиры угрюмо стали записывать на полученныхъ листахъ свои покупки и съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидали момента подачи этихъ объявленій таможеннымъ церберамъ. Этотъ моментъ наступилъ, когда пароходъ уже прошелъ мысъ Sandy Hoock и фортъ, обороняющій входъ въ устье рѣки Гудсонъ, и когда, послѣ остановки парохода, причалилъ къ нему небольшой таможенный пароходикъ, съ котораго перешли на большой пароходъ около 20 таможенныхъ чиновниковъ.

Часть этихъ чиновниковъ стала рыскать по всему пароходу, а около двѣнадцати изъ нихъ вошли въ столовую 1-го класса и здѣсь продѣлали слѣдующую унизительную церемонію.

Эти чиновники садились въ концахъ длинныхъ обѣденныхъ столовъ съ чернильницами и кипами формуляровъ деклараций. Пассажиры должны были садиться на кресла вдоль столовъ, и по мѣрѣ освобожденія переднихъ креселъ пересаживаться въ нихъ, пока они не дойдутъ до таможеннаго надзирателя. Первый, по лѣвой сторонѣ отъ чиновника, пассажиръ долженъ былъ отвѣчать на всѣ вопросы чиновника, который ихъ записывалъ. Вопросы заключались въ слѣдующемъ: имя и фамилія, какаго званія, откуда и куда, какія вещи имѣеть, подлежація очисткѣ пошлинъ, и сколько за нихъ заплатилъ. Эти послѣднія свѣдѣнія провѣрялись раньше по поданнымъ самимъ пассажиромъ объявленіямъ.

Такая церемонія продолжается нѣсколько часовъ, смотря по количеству пассажировъ. Тѣ изъ нихъ, которые опоздали занять кресло, должны стоять, пока не освободится послѣднее кресло въ ряду. Одни пассажиры пересаживаются съ кресла на кресло съ правой стороны стола, чтобы дойти до таможеннаго чиновника; другіе—съ лѣвой стороны, чтобы дойти до другого таможеннаго цербера. Одни пассажиры очень долго, въ полголоса, бесѣдуютъ съ ними; другіе отпускаются довольно скоро.

Между тѣмъ, благодаря этой самородной американской таможенной церемоніи, пассажиры приковываются сидѣть по часамъ въ столовой парохода, вмѣсто того, чтобы любоваться кар-

тиною, которую представляютъ городъ Нью-Йоркъ и его ближайшія окрестности.

Но эту церемонію на пароходѣ еще не кончены таможенные мытарства: это только цвѣтѣи, а ягоды впереди. Когда пароходъ причалилъ къ пристани, на которой собралось нѣсколько сотъ людей для встрѣчи ожидаемыхъ родственниковъ и знакомыхъ, начался другой фазисъ таможенныхъ вымогательствъ. Въ громадномъ пакгаузѣ были разставлены на шестахъ громадныя буквы въ алфавитномъ порядкѣ, и каждый пассажиръ долженъ былъ ждать своего багажа съ парохода у буквы, которую начинается его фамилія. Когда весь багажъ былъ выгруженъ—на что требовалось больше часа—начался таможенный осмотръ самаго багажа. Таможенные чиновники провѣрили содержаніе сундуковъ, корзины и чемодановъ по поданнымъ письменнымъ объявленіямъ и взыскивали пошлины на основаніи показанныхъ цѣнъ и собственной оцѣнки. Если же при тщательномъ осмотрѣ багажа оважутся вещи, не показанныя въ объявленіяхъ, то взыскиваются еще значительныя штрафы.

Этого мало: американскія таможенные власти съ особеннымъ усердіемъ ловятъ лицъ, скрывшихъ что-либо отъ нихъ зорваго ока. Для этой цѣли организовано нѣчто въ родѣ шпионства въ главнѣйшихъ европейскихъ пунктахъ, куда въ особенности направляются американцы мужского и женскаго пола для своихъ покупокъ. Сплошь да рядомъ бывають въ американской таможнѣ такого рода случаи. Пассажиръ, подавъ свое объявленіе, присутствовалъ при осмотрѣ своего багажа и былъ отпущенъ, такъ какъ оказалось, что все въ порядкѣ и деньги за показанныя вещи уплачены. Но вдругъ, тутъ же въ таможнѣ, къ нему подходитъ другой представитель таможенной власти и ему напоминаетъ, что онъ въ такой-то день купилъ тамъ-то въ Лондонѣ или Парижѣ драгоценныя камни или браслетъ, которые онъ не показалъ въ своемъ объявленіи. Въ такихъ случаяхъ пойманный пассажиръ долженъ заплатить еще штрафъ, или вещи отъ него совсѣмъ отбираются.

Подобная исторія случилась недавно съ женою одного извѣстнаго американца, которая вернулась изъ Европы. Мужъ ея ожидалъ на пристани, и послѣ окончанія таможеннаго осмотра они пожелали сѣсть въ свою коляску и уѣхать. Но въ то самое время подошелъ къ женѣ чиновникъ и заявилъ ей, что въ Парижѣ, въ Rue de la Paix, она купила ожерелье въ 100.000 франковъ, которое она не показала въ объявленіи. Мужу пришлось заплатить изрядный штрафъ и пошлины за ожерелье, ку-

пленное женою для себя въ Парижѣ, которое оказалось на ея шеѣ!

Вотъ картина американскихъ таможенныхъ порядковъ, введенныхъ съ 1898 года.

Всякій европеецъ согласится, что такіе порядки не только крайне неприятны, но и унижительно. Въ Европѣ господствуетъ мнѣніе, что государства, тратящія миллиарды на арміи и флоты, не должны гнаться за нѣсколькими тысячами рублей, получаемыми въ видѣ таможенныхъ пошлинъ съ бездѣлушекъ, сувенировъ или туалетныхъ мелочей, провозимыхъ туристами. Только въ отношеніи лицъ, систематически занимающихся провозомъ контрабанды, суровое примѣненіе таможенныхъ законовъ справедливо и необходимо. Такихъ же лицъ опытный глазъ таможеннаго чиновника немедленно откроетъ въ средѣ пассажировъ. Но подвергать лицъ, переѣзжающихъ границы государства, всѣмъ мытарствамъ и неприятностямъ посредствомъ придирчивой переборки всего ихъ багажа, съ цѣлью взыскать, во что бы то ни стало, нѣсколько десятковъ рублей въ пользу государственной казны, мнѣ кажется несогласнымъ съ достоинствомъ государства и совершенно несогласнымъ съ современными международными сообщениями. Въ Европѣ нигдѣ не существуетъ ничего похожаго на американскую процедуру подачи письменныхъ объявленій, никакихъ разспросовъ пассажировъ чиновниками по одиночкѣ, помпейскихъ раскопокъ въ багажахъ пассажировъ и келейнаго выслѣживанія ихъ покупокъ въ европейскихъ магазинахъ. Напротивъ, съ каждымъ годомъ осмотръ пассажирскаго багажа упрощается, и таможенные власти отказались, въ настоящее время, отъ прежняго взгляда, что проѣзжающій пассажиръ непременно мошенникъ, желающій надуть государственную казну. Вотъ почему въ Европѣ таможенный осмотръ на границахъ почти всѣхъ цивилизованныхъ государствъ обратился въ пустую формальность, ибо казна этихъ государствъ гораздо больше выигрываетъ отъ увеличенія удобствъ международныхъ сообщеній, нежели отъ увеличенія для пассажировъ таможенныхъ мытарствъ на границахъ.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ, очевидно, придерживаются противоположнаго взгляда.

Только чрезвычайно меня удивило, какъ равнодушно относились сами американцы къ унижительно процедурѣ, которой они подвергались. Никто не возмущался и не находилъ возмутительными приемы таможеннаго вѣдомства для увеличенія государственныхъ доходовъ. Когда я выразилъ одному американцу

мое удивленіе по этому поводу, я получилъ отвѣтъ: „Мы сами сочинили законъ 1898 года, и сами виноваты, если онъ плохъ и невыносимъ“.

Въ этихъ словахъ выражается характеристическая общая черта американскаго народа: безропотное подчиненіе законамъ. Весьма часто я удивлялся покорности, съ которою американцы подчиняются всякимъ законамъ и распоряженіямъ законныхъ властей. Это чувство законности объясняется сознаніемъ американца, что онъ самъ участвуетъ въ изданіи всѣхъ законовъ и въ установленіи законныхъ властей. Если эти законы или власти плохи, то онъ самъ виноватъ, ибо законы издаются конгрессомъ, члены котораго избираются народомъ, а власти, издающія глупыя распоряженія, избираются тѣмъ же народомъ. Вотъ почему американцевъ не возмущаютъ ни несообразные законы, ни бессмысленныя распоряженія властей. Въ случаѣ надобности, общественное мнѣніе—этотъ верховный повелитель Соединенныхъ-Штатовъ—заставитъ конгрессъ отмѣнить невыносимые законы и смѣститъ ограниченнаго правителя ¹⁾.

Этою чертою американскаго національнаго характера также объясняется ангельское терпѣніе американцевъ при таможенномъ розыскѣ, во имя закона 1898 года. Но долго ли будетъ существовать этотъ законъ—всецѣло зависящій отъ самого всемогущаго американскаго народа.

Изъ таможеннаго пакгауза въ Нью-Йоркѣ я зашелъ въ самую большую гостиницу: „The Waldorf-Astoria“. Подобной гостиницы въ Европѣ навѣрное нѣтъ: она состоитъ изъ 1.500 комнатъ и представляетъ собою громадное десятиэтажное зданіе, на крышѣ котораго—ресторанъ. Нижний этажъ представляетъ совершенно особенный интересъ: это—мѣсто свиданій для „flirt“ и мѣсто оборудованія всевозможныхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ. И такъ какъ въ Америкѣ всѣ поголовно интересуются вопросами о способахъ скорѣйшаго разбогащенія, то въ роскошныхъ гостиницахъ и корридорахъ „The Waldorf-Astoria“ постоянно обдѣлываются грандіозныя дѣла. Въ этомъ именно отношеніи, постоянно снующая въ этой гостиницѣ толпа и сидящая на всевозможныхъ диванчикахъ и креслахъ парочки заслуживаютъ серьезнаго вниманія наблюдателя. Только не думаю, чтобы продолжительное пребываніе въ этой гостиницѣ было пріятно лицамъ, желающимъ нѣкоторой тишины и спокойствія...

¹⁾ То же наблюденіе было сдѣлано Брайсомъ въ его „The American commonwealth“, t. III, p. 340 etc.

Я не намѣренъ описывать ни Нью-Йорка, ни другихъ американскихъ городовъ, въ которыхъ мнѣ случилось быть. Кто не читалъ описаній Нью-Йорка, его 25-ти-этажныхъ домовъ, его Wall-street и Broadway? Ограничусь только немногими замѣчаніями и наблюденіями.

Когда путешествуешь въ Швейцаріи, стараешься подняться на какую-нибудь гору, чтобы имѣть болѣе обширный кругозоръ и любоваться видомъ окрестныхъ мѣстностей. Когда я пріѣхалъ въ Нью-Йоркъ, въ тотъ же день, мой любезный гидъ, изъ нью-іорскихъ видныхъ дѣятелей, повелъ меня въ 24-хъ-этажный домъ, гдѣ на подъемной машинѣ съ огромною скоростью насъ подняли подъ самую крышу этого дома-„небечесалки“. Я видѣлъ у своихъ ногъ громадный городъ съ народонаселеніемъ въ $3\frac{1}{2}$ милліона, и невольно вспомнилъ, что сто лѣтъ тому назадъ все народонаселеніе всей сѣверо-американской республики составляло всего $5\frac{1}{2}$ милліоновъ, изъ которыхъ одинъ милліонъ были негры-невольники. Въ настоящее время народонаселеніе Соединенныхъ-Штатовъ доходитъ до 77 милліоновъ, изъ которыхъ свободные негры составляютъ 6,3 милліоновъ.

Не только сто, но и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Нью-Йоркъ былъ сравнительно небольшой городъ. Въ 1845 году, одна изъ громадныхъ гостинницъ („The Fifth Avenue Hôtel“) находилась почти за городомъ и представляла собою маленькій одноэтажный домикъ съ садомъ. Въ настоящее время эта гостинница находится въ самомъ центрѣ города и имѣетъ видъ огромнаго дворца. Сто лѣтъ тому назадъ, американцы жили близъ морского берега въ своихъ блокгаузахъ, въ которыхъ не всегда встрѣчались стекла въ окнахъ. Въ настоящее время только на дальнемъ западѣ (Far West) можно еще находить блокгаузы. На восточномъ же берегу все занято цвѣтущими городами, портами и морскими купаньями. Если смотрѣть внизъ съ крыши 24-хъ-этажнаго дома на городъ Нью-Йоркъ, то нельзя не удивляться той кипучей дѣятельности, которая кипитъ повсюду, на улицѣ и въ домахъ. Картина уличной жизни Нью-Йорка замѣчательно напоминаетъ сцены, ежедневно происходящія, въ опредѣленные часы, въ биржахъ (Stock Exchange и Produce Exchange). Разница, однако, между прочимъ, въ томъ, что на биржахъ происходятъ невообразимые гамъ и шумъ, между тѣмъ какъ на нью-іорскихъ улицахъ люди ведутъ себя обыкновенно тихо и чинно. Только невообразимое количество экипажей, вагоновъ электрическихъ и паровыхъ желѣзныхъ дорогъ, снующихъ по улицамъ и надъ улицами, производитъ шумъ и трескотню. Словомъ, видъ

съ высоты „небочесален“ очень интересный—на этотъ громаднѣйшій городъ съ его домами безъ всякаго архитектурнаго стиля. Но, откровенно признаюсь, въ Швейцаріи видъ съ Rigi-Kulm мнѣ больше нравится...

Уже въ Нью-Йоркѣ я сдѣлалъ наблюденіе, которое впослѣдствіи подтвердилось во всѣхъ другихъ американскихъ городахъ, мною посѣщенныхъ. Все въ Соединенныхъ-Штатахъ поражаетъ громадностью размѣровъ; все велико и громадно. Громадны пространства, громады дома и громаденъ Central-Park, простирающійся въ центрѣ самаго города на десятое миль.

Но, напротивъ, очень малы и даже мизерны историческіе памятники и все, что напоминаетъ прошлое. Кажется, только современность и ея жизнь интересуютъ американцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если взглянуть на памятники, сооруженные въ память американскихъ героевъ меча и пера, на улицахъ и площадяхъ Нью-Йорка, Филадельфіи и Вашингтона, то поражаешься малыми размѣрами ихъ и отсутствіемъ въ нихъ опредѣленныхъ мыслей. Даже знаменитый памятникъ-obeliskъ въ честь Вашингтона кажется совсѣмъ мизернымъ—между Капитоліемъ, съ одной стороны, и Библиотекою Конгресса, съ другой.

Можетъ быть, такое наблюденіе—результатъ оптическаго обмана или ошибочности моего личнаго впечатлѣнія. Но я вынесъ такое впечатлѣніе и думаю, что современная жизнь, ея успѣхи и разгромы, гораздо больше интересуютъ американцевъ, нежели ихъ прошлое. Историческій смыслъ и любовь къ старинѣ развиваются тамъ, гдѣ имѣется богатое историческое прошлое и гдѣ земля покрыта развалинами сѣдой старины и народъ живетъ воспоминаніями прежнихъ вѣковъ. Ничего подобнаго не могло быть въ Соединенныхъ-Штатахъ, гдѣ жизнерадостный народъ находится еще въ юношескомъ возрастѣ и представляетъ собою типъ „self-made nation“. Вотъ почему его историческіе памятники въ честь Франклина, Морзе и другихъ представляются почти миниатюрными игрушками на фонѣ окружающихъ ихъ гигантскихъ домовъ.

Этого мало: когда стоишь у подножія этихъ памятниковъ и видишь, что суетная толпа, въ погонѣ за оборудованіемъ своихъ дѣлъ, бѣжитъ стремглавъ мимо этихъ памятниковъ и даже не имѣетъ времени на нихъ взглянуть, то невольно вкрадывается въ душу мысль, что еслибы эти бронзовыя статуи могли оживиться и, какъ статуя Командора, сойти съ пьедестала и вмѣшаться въ современную толпу,—эти Вашингтонъ, Франклинъ, Джефферсонъ и Эмерсонъ, были бы чрезвычайно поражены со-

временнымъ направлеиємъ американской жизни. Вѣроятно, они пожелали бы опять обратиться въ бронзовыя статуи, ибо современной американской жизни они ни понять, ни охватить не могли бы.

Такое впечатлѣнiе укрѣпилось во мнѣ въ особенности послѣ посѣщенiя Филадельфiи и Вашингтона: въ первомъ городѣ началась историческая государственная жизнь американскаго народа и въ послѣднемъ сосредоточивается она въ настоящее время. Какъ поразительно малы такія историческія зданiя, какъ „The Independence Hall“, въ которомъ была подписана въ 1787 году нынѣ дѣйствующая конституція Соединенныхъ-Штатовъ! Какъ ѳбдны и малы залы, въ которыхъ происходили совѣщанiя представителей тринадцати первоначальныхъ штатовъ, согласившихся соединиться въ одну націю для борьбы противъ общаго врага! Какъ мизерна была вся тогдашняя обстановка, въ которой жили отцы Соединенныхъ-Штатовъ! И какъ колоссальны современные зданiя вашингтонскаго конгресса и національной библіотеки въ Вашингтонѣ!

Такія сравненiя напрашиваются на каждомъ шагѣ въ Америкѣ. Сто лѣтъ тому назадъ, проѣхать изъ Филадельфiи въ Вашингтонъ составляло почти подвигъ. Нужно было проѣзжать черезъ дремучіе лѣса и по ужасной дорогѣ. На это путешествіе требовалось не менѣе недѣли. Въ настоящее время желѣзнодорожный путь также проложенъ черезъ огромные лѣса, которые въ прелестный осенній день представляютъ живописнѣйшую картину, благодаря листьямъ, окрашеннымъ въ совершенно красный цвѣтъ. Только въ настоящее время этотъ самый путь можно совершить въ четыре часа и любоваться изъ оконъ вагона-ресторана громадными дубами, листья которыхъ также вдвое больше, чѣмъ въ Европѣ, потому что въ Америкѣ все должно быть бѳльшихъ размѣровъ. Уже таковъ въ Америкѣ законъ природы. Только въ Европѣ исторiя и прошлое несравненно болѣе велики и интересны, чѣмъ въ Америкѣ.

Это чувство невольнаго поклоненiя предъ величіемъ природы и громадностью современныхъ американскихъ сооружений охватило меня съ особенною силою въ Буффало и на берегахъ Ніагарскаго водопада. Никакія описанiя или фотографическія снимки не въ состоянiи передать тысячную долю того потрясающаго впечатлѣнiя, которое производятъ два Ніагарскіе водопада, съ ихъ неимоверною массою воды, падающей внизъ съ высоты 165 метровъ и разбивающейся внизу въ пыль. Въ эту пучину спустилась въ октябрѣ прошлаго года, наканунѣ моего посѣще-

ніа Ніагарскаго водопада, сверху внизъ въ бочкѣ г-жа Тэйлоръ и выиграла свое пари. Бочку съ нею выловили, когда она спустилась внизъ по теченію бышеной рѣки.

Если же принять въ соображеніе, что производительною силою этого водопада приводятся въ дѣйствіе всѣ электрическія машины фабрикъ, городовъ Ніагары и недалекаго Буффало, то нельзя не удивляться предпримчивости и искусству американцевъ въ области техническихъ сооружений. Дѣйствительно, поразительно даже для не-специалиста, какимъ образомъ по канатамъ равсылается электрическая сила, добытая отъ водопада, на далекія разстоянія, съ цѣлю приводить въ дѣйствіе машины множества фабрикъ и заводовъ.

Все это по истинѣ поразительно.

Но нисколько не менѣе поражали меня многія другія явленія американской жизни. Такъ, меня очень пріятно поражало то великое уваженіе, съ которымъ относятся въ Соединенныхъ Штатахъ къ юстиціи и ея высшему представителю, верховному судѣ Соединенныхъ-Штатовъ (Chief Justice). Я самъ испыталъ, что, находясь подъ его любезнымъ покровительствомъ, всѣ двери, начиная съ дверей „Блага дома“, настѣжь открыты и всякое уваженіе обезпечено.

Правда, велика роль верховнаго союзнаго суда (Supreme Court), котораго Chief Justice—пожизненный предсѣдатель. Этотъ судъ стоитъ на стражѣ конституціи сѣверо-американской республики, и предъ его авторитетнымъ рѣшеніемъ преклоняются весь народъ и всѣ власти, не исключая президента республики. Даже всемогущій конгрессъ долженъ признать толкованія конституціи верховнымъ союзнымъ судомъ для себя обязательными. Никогда задачи этого суда не были столь сложны, какъ въ настоящее время, когда имперіалистская политика покойнаго президента Макъ-Кинлея кореннымъ образомъ измѣнила основы и цѣли отношеній Соединенныхъ-Штатовъ къ иностраннымъ народамъ. Никогда, ни даже во времена знаменитаго Chief Justice Marshall, въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, верховный союзный судъ не принуждался столь часто, какъ теперь, останавливать увлеченія массы и сохранить неприкосновенность величайшаго созданія политической мудрости, именуемаго конституціею Соединенныхъ-Штатовъ. Честь и слава мистеру Фуллеру, нынѣшнему маститому Chief Justice of the United States, и почтеннымъ восьми членамъ верховнаго суда, что они высоко держатъ знамя, на которомъ написана конституція 1787 года, и не

поддаются вліянію никакихъ мимолетныхъ увлеченій или народныхъ страстей.

Эту высокую роль и возвышенное значеніе своего верховнаго суда отлично сознаетъ весь американскій народъ. Поэтому никто не посмѣетъ въ Соединенныхъ-Штатахъ оспаривать авторитетъ суда, и еще меньше кто-либо осмѣлится вторгнуться въ сферу его компетенціи или повліять со стороны на его рѣшенія.

Вотъ причины, объясняющія подавляющій авторитетъ этого высшаго судебнаго мѣста и ту отрадную почтительность, съ которою въ этой демократической странѣ всѣ относятся къ его почтенному предсѣдателю.

На одномъ приѣмѣ у нынѣшняго талантивѣйшаго президента Рузвельта я видѣлъ, что одинъ изъ представившихся ему очень дружескимъ образомъ положилъ свою руку на плечо президента и ему сказалъ: „Я очень радъ видѣть васъ, мистеръ президентъ“. (I am exceedingly glad to see you, m-r President). Мнѣ казалось, что мистеръ президентъ нисколько не былъ шокированъ такою безцеремонностью обращенія.

Я не видѣлъ, чтобъ кто-нибудь положилъ свою руку на плечо верховнаго судьи Фуллера, и мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, чтобъ при торжественномъ приѣмѣ у Chief Justice кто-либо позволилъ себѣ такую фамильярность.

III.

Совершенно неизгладимыя впечатлѣнія оставила во мнѣ система народнаго просвѣщенія въ Соединенныхъ-Штатахъ. Хотя очень много писано объ американскихъ учебныхъ заведеніяхъ и, въ частности, объ американскихъ университетахъ, — все-таки весьма противоположныя мнѣнія существуютъ относительно ихъ внутренняго достоинства. Встрѣчаются даже въ самой Америкѣ писатели, которые утверждаютъ, что высшее образованіе поставлено въ Соединенныхъ-Штатахъ весьма неудовлетворительно, ибо тамъ не прогрессируютъ ни наука, ни университеты. Эти порицатели находили эхо въ русской печати, въ которой также скептическое и пренебрежительное отношеніе къ американскимъ университетамъ и наукѣ находило свой отголосокъ.

Мнѣ кажется, что лучшимъ опроверженіемъ такого пренебрежительнаго отношенія будетъ объективное изложеніе самой нынѣшней системы народнаго образованія въ Соединенныхъ-Штатахъ, которая не подходитъ ни подъ одинъ изъ типовъ

европейскихъ системъ учебной или ученой части. На лицѣ европейскаго чиновника въ области народнаго просвѣщенія американская система можетъ вызвать только снисходительную улыбку. Но сами американцы очень довольны своею системою и добытыми ею результатами.

Главнѣйшіе результаты можно выразить въ нѣсколькихъ цифрахъ: въ настоящее время въ Соединенныхъ-Штатахъ имѣется 629 университетовъ и колледжей, владѣющихъ собственностью въ 680 милліоновъ рублей. Ежегодный ихъ доходъ—около 60 милліоновъ рублей, и въ продолженіе одного 1898—99 года частными лицами было пожертвовано не менѣе 45 милліоновъ рублей! Таковы цифры, свидѣтельствующія во всякомъ случаѣ о той цѣнѣ, которую американцы придаютъ образованію. Эту черту американскаго національнаго характера подмѣтилъ, уже 70 лѣтъ тому назадъ, знаменитый Ричардъ Кобденъ въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ:

„Общераспространенность образованія въ Соединенныхъ-Штатахъ вѣроятно больше, чѣмъ все другое, будетъ содѣйствовать ускоренію прогресса на пути къ высшей цивилизаціи и могуществу. Тридцать-шестая часть всѣхъ публичныхъ земель, изъ которыхъ сотни тысячъ квадратныхъ миль еще не обработаны, отписаны на нужды народнаго образованія.

„Если знаніе есть сила,—продолжаетъ Кобденъ,—и если образованіе даетъ знаніе, то американцы неминуемымъ образомъ должны сдѣлаться самымъ могущественнымъ народомъ на земномъ шарѣ. Самый геній американскаго законодательства не терпитъ невѣжества въ народѣ, усматривая въ немъ самаго страшнаго врага хорошаго правленія“¹⁾.

Глубокая правда этихъ словъ знаменитаго англійскаго государственнаго дѣятеля вполне подтверждается краткимъ анализомъ основъ американской системы народнаго образованія.

Вся эта система слагается изъ трехъ частей: для низшаго образованія—начальныя училища (grade-school); для средняго образованія—высшія училища (high-school), и наконецъ для высшаго образованія—университеты. Начальныя училища даютъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для 13—14-лѣтняго мальчика, чтобы самостоятельно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Иногда прохожденіемъ курса этихъ начальныхъ училищъ оканчивается обученіе дѣтей низшаго класса народонаселенія.

Самая система обученія—совершенно американская и заклю-

¹⁾ *Stead*, The Americanisation of the world, p. 148.

чается почти исключительно въ наглядномъ ознакомленіи съ предметами изученія. Такъ, пріятно поразили меня цвѣтники, украшающіе окна начальныхъ училищъ. Оказалось, что учитель или учительница показываютъ дѣтямъ, какъ надо сажать цвѣты и за ними ходить. Изъ дня въ день дѣти, подъ руководствомъ своихъ учителей, наблюдаютъ за ростомъ цвѣтовъ и растений, которые они сами сажали. Дѣти приносятъ съ собою въ школу овесъ, пшеницу или кукурузу, сажаютъ въ особые ящики, и чрезъ опредѣленные промежутки учитель вынимаетъ изъ земли одинъ экземпляръ каждаго, чтобы показать поступательное развитіе растенія. Курицу приносятъ въ училище, чтобы наблюдать за процессомъ выводки цыплятъ.

Идеальная цѣль американской системы обученія заключается въ развитіи въ ученикахъ не только разума, но и сердца. Интересъ ко всему окружающему міру постоянно поддерживается и развивается. Вотъ почему переходъ изъ начальныхъ школъ въ средне-учебныя заведенія (high-school)—не исключеніе, но общее правило также для бѣдныхъ учениковъ. Американцы справедливо гордятся тѣмъ фактомъ, что всѣ области знанія и всѣ учебныя заведенія, безъ исключенія, доступны для дѣтей всѣхъ классовъ общества. Даже самыя бѣдныя дѣти всегда находятъ возможность посѣщать и университеты, пользуясь чрезвычайно льготными условіями.

Эта жажда знанія приводитъ къ весьма любопытнымъ явленіямъ. Мальчики восьми или девяти лѣтъ сами зарабатываютъ деньги, нужныя на ихъ обученіе. Предо мною портретъ прелестнаго восьми-лѣтняго мальчика, который, въ свободное отъ ученія время, разноситъ газеты по домамъ и исполняетъ всевозможныя порученія за очень небольшую плату. Иногда онъ возвращается домой очень поздно ночью, и на другое утро въ пять часовъ онъ опять на ногахъ. Такимъ образомъ, этотъ американскій мальчуганъ зарабатываетъ настолько, что платитъ не только за свое собственное обученіе, но также за обученіе своей маленькой сестры въ дѣтскомъ саду.

Совершенно особенное и крайне отрадное впечатлѣніе производятъ американскіе мальчики восьми—девяти лѣтъ, когда видишь ихъ въ публичныхъ библіотекахъ серьезно читающими рекомендованныя имъ учителемъ книги. Также интересно видѣть ихъ, вмѣстѣ съ дѣвочками или отдѣльно, занимающимися въ школахъ разными ремеслами. Они изготовляютъ всевозможную мебель или вещи по собственнымъ рисункамъ и иногда даже по собствен-

ному изобрѣтенію. Это занятіе ручною работою (manual training) практикуется также въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Обращаясь теперь къ этимъ послѣднимъ заведеніямъ (high-school), я долженъ, прежде всего, замѣтить, что въ отношеніи ихъ совершенно не существуетъ непродуцирующей борьбы между классицизмомъ и реализмомъ. Въ этихъ высшихъ школахъ существуютъ обыкновенно три курса или отдѣленія: литературный, классическій и естествоиспытательный. Каждый ученикъ можетъ себѣ выбрать то отдѣленіе, которое наиболее соотвѣтствуетъ его способностямъ и наклонностямъ.

Изученіе одного латинскаго языка обыкновенно обязательно, но въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Гораздо больше вниманія обращено на изученіе новыхъ языковъ, которые въ высшихъ школахъ западной Америки совершенно устранили изученіе древнихъ языковъ.

Не входя въ подробное изложеніе программъ этихъ школъ, которыя не выдержатъ сравненія съ обширными учебными программами нашихъ гимназій, я не могу не остановиться на двухъ крайне отрадныхъ явленіяхъ американской школы.

Прежде всего, самый методъ преподаванія отличается простотою и сердечностью. Отношенія между учителями и учениками—не формальныя, но скорѣе дружескія. Учителя пользуются всѣми средствами и случаями нагляднаго изученія предметовъ, окружающей жизни и явленій природы. Ученики, во время уроковъ, часто ставятъ учителю вопросы, вступаютъ съ нимъ въ пренія, просятъ объясненій и даже защищаютъ свои собственные мнѣнія. Рѣдко такія пренія переходятъ границы нужнаго почитанія учителя, который всегда имѣетъ средство останавливать ученика, забывшаго свой долгъ.

Такія столкновенія между учителемъ и учениками бывають очень рѣдко, не въ виду угрожающихъ навазаній, но благодаря простотѣ и сердечности ихъ взаимныхъ отношеній. Учитель въ Америкѣ не только учитель, но и сердечный другъ своихъ учениковъ. Онъ интересуется жизнью, стремленіями и направленіемъ мыслей своихъ учениковъ. Не только въ классной комнатѣ, но также на общихъ гуляньяхъ, на школьныхъ играхъ и торжествахъ, учителя бывають вмѣстѣ съ учениками, съ ними бесѣдуютъ, стараются узнавать ихъ личность. Игры какъ football и tennis, вызываютъ живой интересъ не только учениковъ, но также и учителей. Часто бывають состязанія въ этихъ играхъ между воспитанниками различныхъ школъ. Побѣда данной школы есть великое торжество для побѣдителей, всѣхъ ихъ товарищей,

всѣхъ учителей и всѣхъ родителей, имѣющихъ дѣтей въ школь, получившей въ матч первый призъ.

Между учениками бываютъ также литературныя сообщества, въ дѣятельности которыхъ учителя принимаютъ ближайшее участіе, но не въ качествѣ надзирателей или начальства. Они являются свѣдущими совѣтниками и добрыми друзьями учениковъ, выступающихъ на собраніяхъ этихъ литературныхъ бесѣдъ съ своими произведеніями. Наконецъ, дружеская близость между учителями, учительницами и ихъ учениками въ особенно привлекательной формѣ проявляется во время торжествъ при выпускѣ учениковъ. У насъ, къ сожалѣнію, такіе выпуски часто являются законными поводами для попойекъ и всевозможныхъ безобразій. Въ американскихъ высшихъ школахъ выпускные (seniors) устраиваютъ на послѣдней недѣлѣ своего пребыванія въ школь вечеръ, на которомъ почетное мѣсто принадлежитъ приглашеннымъ учителямъ или учительницамъ. На этихъ обыкновенно скромныхъ вечерахъ, несмотря на богатство американцевъ, обыкновенно танцуютъ и веселятся отъ души. Или же на такихъ вечерахъ исполняется какая-нибудь театральная пьеса (the classplay), иногда сочиненная даровитыми учениками и подготовленная къ представленію при дружномъ содѣйствіи учителей и учениковъ. Такія пьесы обыкновенно касаются эпизодовъ изъ школьной жизни. Въ случаѣ отсутствія такихъ пьесъ исполняются пьесы извѣстныхъ авторовъ, которыя также отлично готовятся. Такова первая основа американской школьной жизни: простое, сердечное и дружеское отношеніе между учителями и учениками, часто продолжающееся на всю жизнь. Нѣтъ тутъ ни формально-начальническаго отношенія, съ одной стороны, ни бессмысленнаго страха или унижительнаго раболѣпства, съ другой.

Но есть еще другая, не менѣе отличительная основа американской школьной жизни: близкое и постоянное взаимодѣйствіе между школою и семьею. Въ Америкѣ я не находилъ даже признака враждебнаго чувства родителей къ школь. Напротивъ, родители любятъ, дорожатъ и восхваляютъ свои школы. Все, что происходитъ въ школь, ихъ интересуется, и все общество заинтересовано судьбою школы, ея успѣхами и привлеченіями. Всѣ школьныя торжества, какъ состязанія въ играхъ, театральныя представленія, литературныя состязанія и танцевальныя вечера, съ любовью описываются на столбцахъ мѣстныхъ газетъ. Школьный праздникъ есть общественный праздникъ.

Такое положеніе вещей обезпечиваетъ полное объединеніе силъ, школы и семьи въ достиженіи идеальной цѣли учебнаго

дѣла—гармоническаго развитія всѣхъ умственныхъ и физическихъ силъ юношества. Великую и неопѣнимую услугу оказываетъ въ этомъ отношеніи американская мать! Въ виду того, что время отцовъ поглощено ихъ дѣлами и борьбою за существованіе, матери посвящаютъ себя съ особеннымъ рвеніемъ дѣлу воспитанія и образованія своихъ дѣтей. Американскія матери весьма часто провожаютъ сами своихъ дѣтей въ школу, присутствуютъ очень часто на урокахъ и обмѣниваются съ учителями насчетъ способностей и поведенія дѣтей. Любопытно, что въ американскихъ школахъ присутствіе постороннихъ лицъ на школьныхъ урокахъ—весьма обыденное явленіе. За родителями же признается законное право послушать, какъ идетъ преподаваніе ихъ дѣтямъ. Матери же съ особеннымъ почтеніемъ принимаются въ американскихъ школахъ, и учителя со вниманіемъ выслушиваютъ желанія и замѣчанія матерей обучаемыхъ ими дѣтей.

Такимъ постояннымъ общеніемъ между матерями и учителями обѣ стороны отлично узнаютъ личность каждаго ученика и стараются вмѣстѣ общими силами направить ее на путь истины и добра.

Для лучшаго достиженія поставленной идеальной цѣли въ нѣкоторыхъ американскихъ городахъ устроились особенные „клубы матерей“ (Mothers clubs), въ которыхъ по вечерамъ встрѣчаются матери съ школьными учителями. Тутъ происходитъ между ними постоянный обмѣнъ мыслей, съ цѣлью обезпечить наилучшимъ образомъ достиженіе полного объединенія школы и семьи на пользу подросткающаго юношества.

Въ такой дружеской и неразрывной связи семьи съ школою заключается, по моему глубокому убѣжденію, великое преимущество американской школы. Подобнаго взаимодѣйствія между школою и семьею нигдѣ не существуетъ на европейскомъ континентѣ. Но едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что именно только общими силами семьи и школы можетъ быть достигнута высокая цѣль воспитанія и образованія юношества, которая одна и та же для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Практическій результатъ американской учебной системы бросается въ глаза каждому, кто не закрываетъ глазъ на окружающія его жизненныя явленія: жизнерадостность американской молодежи очаровываетъ и сердечно радуется каждаго внимательнаго наблюдателя.

IV.

Такую же отрадную картину представляют американскіе университеты, которые не подходят ни подъ одинъ изъ европейскихъ типовъ университетской организаціи. Совершенно справедливо замѣчаетъ Джемсъ Брайсъ, что въ Америкѣ нѣтъ университетовъ, подобно боловскому, парижскому или оxfordскому, возникшимъ силою собственной инициативы; нѣтъ также университетовъ, въ родѣ пражскаго, созданныхъ императорами или королями; наконецъ, нѣтъ также университетовъ, подобно гласгоускому, созданныхъ римскими папами ¹⁾.

Почти всѣ американскіе университеты обязаны своимъ существованіемъ почину частныхъ лицъ и щедротамъ благотворителей. Любопытно, что если въ Европѣ университеты, возникшіе по почину частныхъ лицъ или корпорацій, мало-по-малу превращаются въ государственныя учрежденія и теряютъ свою самостоятельность,—въ Америкѣ, напротивъ, университеты, зависящіе въ началѣ отъ государственной власти, становятся мало-по-малу совершенно независимыми отъ всякаго правительственнаго контроля. Они обращаются въ учрежденія, живущія собственными громадными капиталами и управляемыя президентами и коллегіями, которыя избираются всѣми бывшими воспитанниками университетовъ, получившими въ нихъ свой дипломъ (*graduates*). Ничего подобнаго нѣтъ въ какомъ-либо европейскомъ университетѣ ²⁾.

Еще менѣе можно находить въ Старомъ-Свѣтѣ что-либо напоминающее пожертвованія американцевъ на свои университеты, колледжи, библіотеки и лабораторіи. Достаточно отмѣтить слѣдующіе факты. Съ 1893 по 1901 гг., т.-е. за девять лѣтъ, такихъ частныхъ пожертвованій было всего 422 милліона долларовъ! Въ одномъ истекшемъ 1901 году было пожертвовано на учебно-воспитательныя учрежденія—107.360.000 долларовъ. Въ число этихъ милліоновъ входятъ 30 милліоновъ долларовъ, распределенныхъ Карнеги между университетами и публичными библіотеками, и 18 милліоновъ долларовъ, данныхъ госпожею Леландъ Станфордъ университету ея имени въ Калифорніи, которому она, кромѣ того, еще подарила милліонъ акровъ недвижимой собственности, стоимостью 12 милліоновъ долларовъ.

¹⁾ *Bryce*, *The American commonwealth*, t. III, p. 426.

²⁾ Сравн. *Butler*, *Monographs on education in the United States*. New-York. 1900. Также *Paulsen*, *Die deutschen Universitäten*. Berlin. 1902, S. 86.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ имѣется нѣсколько университетовъ, созданныхъ на средства одного лица и часто носящихъ имя этого лица. Сюда относятся университеты „Джонсъ Гопкинсъ“ въ Балтиморѣ, „Тьюланъ“ (Tulane) въ Нью-Орлеанѣ, „Корнель“ въ Итакѣ, „Вандербильтъ“ въ Нашвиллѣ и вышеупомянутый университетъ „Леландъ-Станфордъ“ въ Пало-Альто, близъ Санъ-Франциско, сооруженный родителями Станфордъ въ память ихъ умершаго сына.

Знаменитый Джонъ Рокфеллеръ, соорудившій университетъ въ Чикаго, не пожелалъ, чтобы онъ назывался его именемъ. Онъ только позволилъ поставить свой портретъ въ актовомъ залѣ. Этотъ богатѣйшій университетъ обогащается ежегодно, потому что ежегодно Рокфеллеръ даритъ ему отъ одного до двухъ милліоновъ долларовъ. Такую щедрость этотъ американскій меценатъ можетъ себѣ позволить, потому что его ежегодный чистый доходъ доходитъ до 90 милліоновъ долларовъ!

При такихъ обстоятельствахъ нѣкоторые американскіе университеты обладаютъ сказочными богатствами. Университетъ въ Чикаго уже теперь имѣетъ 20 милліоновъ долларовъ собственнаго капитала; университетъ „Колумбія“ въ Нью-Йоркѣ имѣетъ около 22 милліоновъ долларовъ; наконецъ, университетъ „Леландъ-Станфордъ“ владѣетъ фондами и недвижимостями въ 80 милліоновъ долларовъ. Сравнительно съ этими университетами-богачами, первый и старѣйшій американскій университетъ „Гарвардъ“, близъ Бостона, почти бѣденъ, ибо владѣетъ только 15 милліонами долларовъ.

Такое богатство американскихъ университетовъ еще особенно поражаетъ выходца изъ Стараго-Свѣта, когда онъ видитъ въ одномъ и томъ же городѣ нѣсколько совершенно независимыхъ другъ отъ друга университетовъ. Такъ, въ Вашингтонѣ—три университета; въ Нью-Йоркѣ и въ Чикаго—по два университета. Наконецъ, въ одномъ нью-іорьскомъ штатѣ имѣется всего *восемь* университетовъ, изъ которыхъ одинъ университетъ (Vassar-University)—исключительно для лицъ прекраснаго пола.

Наконецъ, нужно еще прибавить, что частныя лица основывали, на свои собственные средства, множество учебно-ученыхъ учреждений, въ видѣ химическихъ лабораторій или институтовъ, медицинскихъ школъ или факультетовъ съ необходимыми госпиталями, библиотекъ публичныхъ или состоящихъ при факультетахъ.

Если принять въ соображеніе это сказочное богатство американскихъ университетовъ, то понятны будутъ та роскошь и

тѣ удобства, которыми они обставлены. Трудно желать еще большихъ удобствъ для изученія тѣхъ или другихъ отраслей человѣческаго знанія. Одному Гарвардскому университету принадлежитъ около 60 зданій, которыя служатъ студентамъ и профессорамъ. Каждый факультетъ имѣетъ свои собственные зданія, аудиторіи и библіотеки. Обыкновенно въ одномъ и томъ же зданіи имѣются аудиторіи и библіотеки, такъ что профессора и студенты могутъ немедленно воспользоваться всѣми литературными пособиями для изученія интересующихъ ихъ научныхъ вопросовъ. Для студентовъ построены громадныя дома для общежитія (dormitories), въ которыхъ за небольшую плату они могутъ жить и заниматься. Въ Нью-Гавенѣ, гдѣ процвѣтаетъ Йельскій университетъ, выстроено громадное зданіе изъ бѣлаго мрамора, называемое „Gymnasium“, въ которомъ имѣются: большіе бассейны для плаванія въ проточной холодной водѣ, турецкія бани, громадный залъ для гимнастики, со всевозможными приспособленіями, для фехтованія, и галерея для бѣга, игры въ кегли и въ мячъ. Въ Гарвардскомъ университетѣ обращаетъ на себя вниманіе „The Memorial Hall“, представляющее собою громадное зданіе, служащее столовою, въ которой болѣе тысячи студентовъ могутъ свободно завтракать и обѣдать. Кухня находится въ подвалѣ и на подъемныхъ машинахъ поднимаются вверхъ, гдѣ сотня лакеевъ изъ негровъ принимаетъ въ мигъ всѣ кушанья и затѣмъ распределяетъ между присутствующими студентами. Рядомъ съ этою великолѣпною столовою, сооруженною въ память павшихъ во время междоусобной войны 1863 — 65 годовъ, бывшихъ воспитанниковъ Гарвардскаго университета, находится другое громадное зало, въ которомъ происходятъ театральныя представленія, концерты и литературныя чтенія.

Въ этой блестящей обстановкѣ течетъ мирно жизнь американскихъ университетовъ. Для вѣрной оцѣнки нужно еще имѣть въ виду внутреннюю организацію этихъ университетовъ, которая чрезвычайно проста.

Что касается до порядка управленія университетовъ, то онъ болѣе или менѣе одинаковъ. Если университетъ получаетъ субсидію отъ штата и отъ него зависитъ, то во главѣ управленія находятся „регенты“ (Regents), избираемые или народонаселеніемъ штата, или назначаемые губернаторомъ. Дѣйствительнымъ же главою университета является „президентъ“, который обыкновенно самовластно управляетъ дѣлами университета, находясь подъ контролемъ регентовъ и всего народонаселенія.

Огромное большинство американскихъ университетовъ совер-

шенно независимо отъ правительства какъ отдѣльныхъ штатовъ, такъ и вашигтонскаго правительства. Они управляются президентомъ и совѣтомъ (Board of trustees or governors), которые избираются на опредѣленные сроки голосованіемъ всѣхъ лицъ, получившихъ свое образованіе въ данномъ университетѣ. Огромное значеніе имѣетъ президентъ университета, власть и обязанности котораго весьма обширны и многосложны. Президентъ и „fellows“ Іэльскаго университета завѣдываютъ всѣми имуществами его и управляютъ всѣми его дѣлами. Для приведенія въ дѣйствіе какихъ-либо преобразованій въ жизни американскихъ университетовъ, достаточно воли президента и совѣта или „корпораціи“ изъ семи членовъ,—какъ въ Гарвардскомъ университетѣ. Никакого высшаго начальства не существуетъ, и автономія университетовъ не пустой звукъ, но положительный фактъ.

Обращаясь теперь къ профессорскому составу американскихъ университетовъ, нельзя не замѣтить, что онъ вообще малочисленнѣе европейскихъ университетовъ, хотя въ Гарвардскомъ университетѣ около 400 преподавателей. Но къ послѣднимъ причислены всевозможные профессора разнаго рода спорта. Содержаніе профессоровъ доходитъ до семи тысячъ долларовъ въ годъ. Послѣ чтенія лекцій въ теченіе шести лѣтъ, профессора имѣютъ право на седьмой годъ отдохнуть и уѣхать, съ сохраненіемъ своего содержанія, куда имъ угодно.

Если профессора, по словамъ Брайса, составляютъ „соціальную аристократію“ въ мѣстности ихъ пребыванія, то президенты университетовъ пользуются такимъ всеобщимъ уваженіемъ и общепринятымъ авторитетомъ, съ которымъ не можетъ сравниться положеніе ни одного изъ ректоровъ европейскихъ университетовъ. Кто въ Америкѣ не знаетъ мистера Эллиота, занимающаго уже тридцать лѣтъ должность президента Гарвардскаго университета? Кто изъ гостей Іэльскаго университета, во время празднованія имъ въ прошломъ году своего двухсотлѣтняго юбилея, не любовался всеобщимъ почитаніемъ, которымъ былъ окруженъ мистеръ Годлей, президентъ этого университета?

Но если вообще хорошо живетъ профессорамъ американскихъ университетовъ, то идеально хорошо организованъ бытъ студентовъ. Рамки, въ которыя поставлена студенческая жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ, настолько блестящія, что невольно вызываютъ чувство зависти у знатока студенческаго быта въ государствахъ Стараго-Свѣта, въ особенности въ томъ случаѣ, если этой блестящей внѣшности соответствуетъ также внутреннее содержаніе университетской жизни.

Американскіе университеты обыкновенно состоятъ изъ факультетовъ (colleges), въ которыхъ изучаютъ богословіе, историко-филологическія и юридическія науки, медицину, инженерное искусство и земледѣліе. Кромѣ этихъ факультетовъ, имѣется еще особенный „академическій факультетъ (academic department of college of liberal arts), имѣющій назначеніемъ давать болѣе основательное общее образованіе, основанія котораго были получены въ высшей школѣ“. Этотъ академическій факультетъ только отчасти напоминаетъ философскій факультетъ германскихъ университетовъ и обыкновенно служитъ подготовительною стадіею для спеціальнаго изученія отдѣльныхъ отраслей науки.

Пребываніе въ университетѣ обыкновенно продолжается четыре года. Студенты перваго курса носятъ кличку: „freshmen“ (новички); втораго курса—„sophomores“; третьяго курса—„juniors“; и, наконецъ, четвертаго курса—называются „seniors“.

Методъ преподаванія въ американскихъ университетахъ существенно не отличается отъ способовъ преподаванія въ „высшихъ школахъ“. Профессоръ не только читаетъ лекціи, но также спрашиваетъ, во время лекцій, студентовъ, выслушиваетъ ихъ вопросы, даетъ отвѣты и вступаетъ съ ними въ пренія. Каждый студентъ имѣетъ право останавливать профессора и просить разъясненія возникшихъ у него недоумѣній.

Письменные работы студентовъ весьма развиты и служатъ основаніемъ отбѣтокъ, которыя выставляются студентамъ по окончаніи каждаго семестра. Высшій баллъ—100; низшій—75.

Отношенія между профессорами и студентами—весьма близкія и дружескія. За посѣщеніемъ лекцій студентами установленъ весьма строгій контроль, и манкированіе лекцій, безъ уважительныхъ причинъ, лишаетъ студента права на дипломъ. Однако эта строгость нисколько не вліяетъ на дружескія отношенія между профессорами и студентами. Первые принимаютъ ближайшее участіе во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ студенческой жизни, а послѣдніе относятся съ глубокимъ уваженіемъ и сердечною простотою въ своимъ преподавателямъ.

Товарищеская жизнь студентовъ поддерживается всѣмъ строемъ американскихъ университетовъ. Прежде всего содѣйствуютъ развитію духа товарищества на всю жизнь студенческія общежитія или „dormitories“, въ которыхъ почти всѣ студенты даннаго университета, за небольшую плату (отъ 3 до 7 долларовъ въ недѣлю), могутъ имѣть одну или двѣ комнаты, комфортабельно устроенныя, съ ванною и со всѣми удобствами. Жизнь студентовъ на частныхъ квартирахъ представляетъ исключеніе, и если

въ „dormitories“ нѣтъ достаточно помѣщенія, то университетское начальство старается покровительствовать также студентамъ, живущимъ на частныхъ квартирахъ.

Органами общей жизни студентовъ являются: 1) студенческія періодическія изданія; 2) организованныя между студентами общества и 3) общія университетскія торжества.

Что касается періодическихъ изданій, публикуемыхъ студентами даннаго университета, то, напримѣръ, въ Гарвардскомъ университетѣ студенты издають пять газетъ и журналовъ: „The Crimson“, „The Monthly“, „The Advocate“, „The Campion“ и „The Graduates Magazine“.

Первое изданіе есть ежедневная газета о шести страницахъ, которая выходитъ каждый день утромъ и приноситъ самыя послѣднія новости изъ университетской жизни Гарварда. Другія изданія издаются рѣже и посвящены или изящной литературѣ, или юриспруденціи и т. п. Жгучіе политическіе вопросы дня обыкновенно оставляются въ сторонѣ редакторами этихъ студенческихъ изданій, юные читатели которыхъ исключительно интересуются дѣлами и жизнью своего университета.

Вообще, меня часто поражало въ Америкѣ, какъ люди образованные и умные мало интересуются политикою своей собственной страны. Каждый занимается своимъ собственнымъ дѣломъ, и политика считается спеціальною областью политическихъ дѣятелей-спеціалистовъ (politicians). Потому совершенно понятно, что и американскіе студенты политическими вопросами дня гораздо меньше интересуются, чѣмъ можно было ожидать. Студенческіе и университетскіе интересы—настолько разнообразны и всепоглощающы, что мало остается времени и охоты для занятія политикою.

Естественнымъ отводомъ отъ политическихъ словопреній и увлеченія политическими комбинаціями являются студенческія общества или товарищества, которыя иногда называются „братствами“ (fraternities). Такія братства представляются иногда тайными обществами, члены которыхъ избираются подачею голосовъ. Цѣли и статуты такихъ братствъ иногда извѣстны только членамъ, которые считаютъ себя на всю жизнь связанными неразрывной дружбою. Эти братства иногда обозначаются буквами греческаго алфавита, которыя можно видѣть на булавахъ членовъ братствъ.

Кромѣ такихъ братствъ, немного напоминающихъ германскія студенческія корпораціи, американскіе студенты имѣють свои литературныя общества, дѣятельность которыхъ чрезвычайно пло-

дотворна. Эти общества устраиваютъ почти еженедѣльно публичныя чтенія, концерты, исполненіе драматическихъ пьесъ, пренія о социальныхъ и иногда также о политическихъ вопросахъ. Все это организовано самими студентами, при ближайшемъ участіи подлежащихъ профессоровъ.

Особенный интересъ вызываютъ устраиваемые отъ времени до времени публичные диспуты на заданныя или свободно избранныя темы. На этихъ диспутахъ присутствуетъ публика въ лицѣ студентовъ, профессоровъ и родителей. Молодой ловкій ораторъ можетъ уже на этихъ университетскихъ турнирахъ обнаруживать свой ораторскій талантъ, логическія способности и находчивость.

Иногда такіе ораторскіе турниры устраиваются между различными университетами: каждый университетъ выставляетъ своихъ наиболѣе способныхъ и умныхъ ораторовъ, которые иногда экспромтомъ должны дебатировать на темы, заданныя при самомъ открытіи турнира. Эти состязанія приносятъ несомнѣнную пользу, заставляя молодыхъ диспутантовъ мыслить правильно и логично и развивать ихъ ораторскій талантъ.

Наконецъ, нужно еще прибавить, что, кромѣ этихъ братствъ и многочисленныхъ литературныхъ обществъ, между студентами отдѣльныхъ курсовъ существуютъ постоянныя товарищескія сборища и общества для организаціи своихъ курсовыхъ интересовъ.

Обращаясь теперь къ третьей опорѣ организаціи студенческой жизни въ американскихъ университетахъ, я долженъ замѣтить, что вообще всякій университетскій праздникъ есть общій праздникъ студентовъ, профессоровъ, родителей и всего населенія университетскаго города. Всѣ эти лица считаютъ себя нравственно обязанными дѣлать *все*, чтобы сохранить за университетскимъ праздникомъ его семейный и порядочный характеръ.

Я никогда не забуду той искренней радости и сердечныхъ ликованій, которыя я видѣлъ во время двухсотлѣтняго юбилея Йельскаго университета. Почти цѣлую недѣлю продолжались торжества самаго разнороднаго свойства. Были театральныя представленія пьесъ, сочиняемыхъ самими студентами; были концерты и былъ торжественный факельцугъ, сопровождавшій разныя историческія группы въ костюмахъ двухъ истекшихъ вѣковъ. Во всѣхъ этихъ торжествахъ участвовали нынѣшніе студенты рядомъ съ почтенными старцами, бывшими воспитанниками Йельскаго университета, и всѣ несказанно радовались за свою торжествующую *alma mater*. Весь городъ Нью-Гавенъ былъ разукрашенъ флагами и всѣ жители города считали за честь радушно принимать гостей любимаго университета.

Но кромѣ такого исключительнаго юбилейнаго празднества, какъ въ Нью-Гавенѣ, въ каждомъ университетѣ бывають въ продолженіе учебнаго года самыя разнообразныя торжества.

Сюда относятся состязанія въ игрѣ въ foot-ball, въ tennis, въ golf, гребныя гонки и т. п. Особеннымъ культомъ окружена въ Америкѣ игра въ foot-ball, для которой выстроены громадныя амфитеатры на 2.000—4.000 зрителей, принадлежащія въ собственность университетамъ. Мнѣ лично не нравится этотъ спортъ, благодаря его грубому характеру и отсутствію въ немъ всякой артистической красоты. Этотъ спортъ есть торжество грубой физической силы, отъ которой въ особенности часто страдаютъ носы играющихъ. Поэтому на носахъ бойцы носятъ футляры, — что не особенно украшаетъ фізіономію молодыхъ бойцовъ.

Но надо разъ присутствовать на состязаніяхъ въ футъ-боллѣ, чтобы понять возбужденныя ими страсти, какъ въ средѣ самихъ играющихъ, такъ и въ средѣ публики. Особенный интересъ вызываютъ состязанія между студентами-борцами въ футъ-боллѣ различныхъ университетовъ. Въ такомъ случаѣ вся публика раздѣляется на два лагеря, и каждый лагерь громкими криками поощряетъ или поддерживаетъ своихъ борцовъ. Побѣдителей на плечахъ относятъ въ ихъ дома.

Въ этихъ играхъ студенты — главные дѣятели. Но профессора и родители равнымъ образомъ заинтересованы перипетіями происходящей борьбы. Мячи въ теннисъ, крикетъ, гольфъ, гимнастика или гребныя гонки, организуемыя студентами, также вызываютъ всеобщій интересъ. Вообще, нельзя не радоваться тому значенію, которое американскіе университеты, подобно англійскимъ, придаютъ всякаго рода спортамъ, справедливо находя, что неопровержимо римское правило: „mens sana in corpore sano“.

Всѣ университетскіе праздники достигаютъ своего кульминаціоннаго пункта въ послѣднюю недѣлю до выпуска студентовъ послѣ четырехлѣтняго курса. Въ продолженіе недѣли происходятъ театральныя представленія (classplay) какой-либо пьесы, ad hoc сочиненной, балъ „сеньоровъ“, т.-е. студентовъ, покидающихъ университетъ, публичный актъ, на которомъ какой-нибудь выдающійся государственный человѣкъ или ораторъ произноситъ рѣчь. Затѣмъ президентъ университета говоритъ прощальную рѣчь студентамъ и раздаетъ имъ дипломы, дающіе право на особенный костюмъ съ четырехугольнымъ беретомъ. Званіе, даваемое дипломомъ, есть званіе кандидата (Bachelor) или „литературы“ (B. of Litterature), „науки“ (B. of Science), „искусства“ (B. of Arts) и т. д. Для полученія докторскаго диплома надо

выдержать особый экзаменъ. Между кандидатомъ и докторомъ имѣется званіе магистра (Master of Litterature, Arts etc.).

Пожалованіе званія почетнаго доктора искусства, литературы или правъ выдающимся ученымъ или государственнымъ дѣятелямъ есть обыкновенно большой университетскій праздникъ, въ которомъ принимаютъ живѣйшее участіе всѣ жители университетскаго города и все образованное общество страны. На церемоніи такого пожалованія президентъ университета произноситъ рѣчь о заслугахъ чествуемаго лица, и затѣмъ двое изъ профессоровъ мѣстнаго университета возлагаютъ на новаго почетнаго доктора особенное одѣяніе, называемыя „hood“ и вполне напоминающее нашъ башлыкъ. Обыкновенно такимъ образомъ чествуемый обязанъ произнести благодарственную рѣчь въ отвѣтъ на оказанную ему честь. Публика, присутствующая въ огромномъ количествѣ на такой церемоніи, высказываетъ громкими рукоплесканіями живѣйшее участіе въ происходящей церемоніи.

Въ заключеніе позволю себѣ прибавить нѣсколько общихъ замѣчаній относительно только-что изложенныхъ американскихъ университетскихъ порядковъ.

Каждаго европейскаго наблюдателя американскихъ университетскихъ порядковъ не могутъ не поражать двѣ характеристическія черты: во-первыхъ, изумительная щедрость американцевъ на нужды народнаго просвѣщенія и, во-вторыхъ, полная доступность американскихъ университетовъ всѣмъ классамъ общества. Въ послѣднее время въ самой Америкѣ раздаются голоса, критикующіе щедрость американскихъ меценатовъ и приписывающіе колоссальнымъ щедротамъ на развитіе университетскаго образованія только мотивы тщеславія и самолюбія. По моему крайнему разумѣнію, такіе мотивы скорѣе могутъ быть приписываемы меценатамъ въ европейскихъ государствахъ, гдѣ жертвователь можетъ добиться своими щедротами всевозможныхъ знаговъ отличій и почетныхъ званій. Ничего подобнаго не могутъ получать Рокфеллеръ, Карнеги или Станфордъ за сдѣланныя ими колоссальныя пожертвованія.

Наконецъ, если даже исключительно тщеславіемъ руководили эти меценаты, то ихъ тщеславіе настолько благородно и почтенно, что можно только желать, чтобы въ Старомъ-Свѣтѣ народились также Рокфеллеры и Карнеги, которые милліоны жертвуютъ на нужды народнаго и университетскаго образованія.

По моему убѣжденію, любовь къ жертвованіямъ на нужды образованія въ Соединенныхъ-Штатахъ объясняется двумя причинами: во-первыхъ, непоколебимымъ сознаніемъ жертвователей,

что знаніе есть сила, ибо они сами обязаны этой именно силѣ своими колоссальными богатствами; во-вторыхъ, нигдѣ, кромѣ Соединенныхъ-Штатовъ, сознаніе службы общей пользѣ не вошло настолько въ плоть и кровь народа. Это сознаніе заставляетъ каждаго американца думать не только о себѣ, о своемъ личномъ счастьѣ и удовольствіи, но также о пользѣ своей родины и окружающаго его общества. Американецъ представляетъ собою въ полномъ смыслѣ слова то „общезительное животное“ (*ζῷον πολιτικόν*), о которомъ говоритъ Аристотель какъ объ основѣ каждаго государства.

Не менѣе замѣчательна общедоступность американскихъ университетовъ, которая выражается въ томъ положительномъ фактѣ, что „въ Америкѣ каждый молодой человѣкъ, одаренный способностями и энергіею, можетъ получить высшее образованіе, ничего не платя за него“¹⁾. Эти слова американца совершенно справедливы.

Плата за ученіе въ американскихъ университетахъ весьма незначительна и весьма часто совершенно не взывается, если студентъ бѣденъ и дѣйствительно прилеженъ.

По отзывамъ же всѣхъ знатковъ американскихъ университетовъ, студенты вообще отлично занимаются, если имъ не мѣшаетъ спортъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что занятія всякими спортами очень много отнимаютъ времени у американскихъ студентовъ. Блестящая сторона американскихъ университетовъ заключается во всѣхъ спортсменскихъ играхъ и приспособленіяхъ, посвященныхъ физическому развитію юношества. Нельзя не сочувствовать такой правильной постановкѣ этого дѣла, отвлекающаго отъ вредныхъ времяпровожденій и создающаго здоровыхъ и жизнерадостныхъ гражданъ.

Однако, если игра въ футъ-болль, теннисъ или гребной спортъ, въ продолженіе цѣлыхъ недѣль—почти исключительное занятіе студентовъ, то вслѣдствіе этого неизбѣжнымъ образомъ должны пострадать научныя занятія, постановка которыхъ въ американскихъ университетахъ значительно отличается отъ постановки въ германскихъ и даже англійскихъ университетахъ. Огромное большинство американскихъ университетовъ представляется только „высшими школами“ или гимназіями высшаго разряда. Изъ тридцати американскихъ университетовъ подѣ масштабъ европейскаго континентальнаго университета подходятъ не болѣе восьми или

¹⁾ Сравни. *Bryce, The American commonwealth. t. III, p. 452.*

девяти. Остальные суть колледжи или высшія гимназіи въ смыслѣ среднеобразовательнаго учебнаго заведенія.

Въ самомъ дѣлѣ, самый методъ университетскаго преподаванія чрезвычайно напоминаетъ методъ гимназическаго преподаванія. Существеннаго различія между ними не существуетъ: тѣ же вопросы даже во время лекцій, пренія между профессорами и студентами, письменныя работы, отмѣтки и т. д. Насколько такіе приемы полезны и умѣстны въ гимназіяхъ или американскихъ „высшихъ школахъ“, настолько же неумѣстны въ университетахъ.

Здѣсь излишне разбирать подробно сложный вопросъ о пользѣ университетскихъ наукъ. Но, по моему личному мнѣнію, университетскую лекцію нельзя замѣнить никакими письменными работами или словесными преніями. Лекція не только должна давать слушателямъ научныя фактическія свѣдѣнія, но она должна указывать пути и методы, которыми эти свѣдѣнія добыты. Университетъ не есть только школа или учебное заведеніе, но онъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, академія, лабораторія, кабинетъ, въ которыхъ совершаются научныя изслѣдованія, работаетъ человѣческій умъ и двигаются впередъ науки. Хорошій лекторъ заставляетъ своихъ слушателей работать вмѣстѣ съ нимъ, прислушиваясь къ его словамъ, слѣдить за ходомъ его мыслей и присутствовать при созданіи имъ тѣхъ научныхъ положеній, которыя онъ имъ преподаетъ.

Уже Аристотель говоритъ:—чтобы знать, нужно вѣрить. Вѣра же дается, прежде всего, живымъ словомъ и увлекательнымъ приѣмомъ. Только посредствомъ своей личности профессоръ можетъ плодотворнымъ образомъ повліять на своихъ слушателей и установить тотъ электрическій токъ взаимодѣйствія, который связываетъ неразрывными узами университетскихъ слушателей съ ихъ университетскими преподавателями. Книга—мертва и никогда не въ состояніи замѣнить обаянія живой рѣчи, въ которой звучитъ глубина убѣжденій и проявляется стойкость научныхъ стремленій. *Viva vox docet.*

Само собою разумѣется, что для достиженія университетскою лекціею такой возвышенной цѣли абсолютно необходимо, чтобы университетское преподаваніе стояло на должной высотѣ. Необходимо, прежде всего, чтобы университетскіе преподаватели не читали лекціи, рабски держась какихъ-нибудь учебниковъ, но чтобы они передавали свою личность, насколько она проявляется въ совершаемыхъ ими научныхъ изслѣдованіяхъ или общественной дѣятельности. Но если лекціи считываются со страницъ

изданной книжки или читаются лицами, ровно ничего не сдѣлавшими въ преподаваемой ими наукѣ, въ такомъ случаѣ можно одобрить американскій методъ университетскаго преподаванія.

Этимъ я нисколько не хочу сказать, что въ американскихъ университетахъ каѳедры занимаютъ профессора, случайно на нихъ попавшіе и ничего не создавшіе въ избранной ими соціальной наукѣ. Далекое была отъ меня подобная мысль.

Нѣтъ, высказывая свой взглядъ на университетское преподаваніе вообще, я только желалъ выразить то положеніе, что университетская лекція не допускаетъ приѣмовъ гимназическаго преподаванія: она должна быть свободнымъ и, по возможности, воодушевленнымъ воспроизведеніемъ мыслей живого человѣка, а не книжки. Только подъ этимъ условіемъ оправдываются слова великаго поэта, что „человѣкъ вліяетъ на человѣка только посредствомъ своей личности“.

Въ американскихъ университетахъ въ высшей степени симпатичны дружескія сношенія между профессорами и студентами. Если профессора составляютъ „соціальную аристократію“ въ американскомъ народонаселеніи, то студенты являются возлюбленнымъ чадомъ всего народа. Всѣ интересуются въ Америкѣ судьбою университетовъ и участью университетской молодежи. Американскіе университеты свободны и популярны, въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Университетамъ и студентамъ приносятся въ даръ славочныя богатства, но подъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы университеты давали хорошее и нужное высшее образованіе и чтобы студенты прилежно занимались. Прилежаніе же американскихъ студентовъ восхваляется всѣми знатоками жизни американскихъ университетовъ.

Въ заключеніе остается мнѣ только выразить пожеланіе, чтобы американскіе университеты продолжали свободно развиваться по тому пути, на которомъ поставлены лучшіе изъ нихъ. Если въ нихъ вмѣстѣ съ преподаваніемъ все шире и шире будетъ развиваваться научная дѣятельность, то они въ состояніи достигнуть идеальной высоты.

Можетъ быть, учрежденіе свободнаго союзнаго университета, съ богатыми средствами, послужило бы образцомъ соединенія университетскаго преподаванія съ кипучею научною дѣятельностью профессоровъ. Можетъ быть, такой союзный панамериканскій университетъ, включая въ себѣ лучшія ученныя силы всей Америки, сдѣлался бы естественнымъ двигателемъ всѣхъ университетскихъ наукъ.

Это вполне возможно, и великая будущность американскаго

народа вмѣняетъ ему въ обязанность сдѣлать усилія въ завоеванію міра не только посредствомъ всемогущаго доллара, но еще болѣе могуществомъ знанія и силою идей. Только подъ соблюденіемъ этого условія „американизация всего міра“ можетъ обѣщать всѣмъ народамъ на земномъ шарѣ союзную и дружескую помощь американцевъ въ борьбѣ съ мракомъ невѣжества и съ адомъ чловѣческихъ страстей. Только при этомъ условіи „американизация“ сдѣлается синонимомъ свободы, свѣта и прогресса...

V.

Въ настоящее время идея „американизации всего міра“ — самая модная тема на страницахъ англо-американскихъ періодическихъ изданій. Для однихъ эта идея выражаетъ идеалъ ихъ задушевныхъ пожеланій и энергическихъ стремленій; для другихъ она представляется пугаломъ, которымъ омрачается ихъ свѣтлый взглядъ въ будущность. Нѣтъ сомнѣнія, что въ положеніи послѣднихъ должны находиться всѣ европейскіе народы не-англо-американской расы.

Если подъ „американизациею“ подразумѣвается порабощеніе англо-американскою расою всѣхъ европейскихъ народовъ, то этого опасаться нечего. О завоеваніи огнемъ и мечомъ всего міра едва ли мечтаютъ даже самые смѣлые поборники англо-американскаго имперіализма. Въ такомъ случаѣ спрашивается: въ чемъ же должна заключаться американизация міра? Другими словами: какою идеальной цѣль должны себѣ поставить американцы въ обществѣ другихъ цивилизованныхъ народовъ?

Мнѣ кажется, что эта высокая и идеальная цѣль дана всею исторіею, государственными порядками, правами и обычаями великаго американскаго народа. Не въ завоеваніяхъ мечомъ и огнемъ чужихъ странъ историческая роль Соединенныхъ-Штатовъ, и не въ порабощеніи остальнаго міра всемогущимъ долларомъ идеальная цѣль національной политики великой американской республики. Нѣтъ, по моему глубокому убѣжденію, высокое цивилизующее назначеніе этого государства заключается въ всестороннемъ развитіи тѣхъ великихъ *духовныхъ* силъ, которыми оно создано, жило и развивалось по настоящее время. Въ чемъ же состоятъ эти духовныя силы?

Глубоко правъ былъ Монтескье, гениальный творецъ „De l'Esprit des Lois“, сказавъ, что тѣ самыя силы, которыя вызвали въ жизнь данное государство, налагаютъ на него неизгладимую

печатать и служить рычагами его историческаго назначенія и прогрессивнаго развитія. Въ отношеніи Соединенныхъ-Штатовъ жизненнымъ принципомъ является: соединеніе единичныхъ силъ въ единое цѣлое для достиженія болѣе возвышенныхъ цѣлей. Когда, въ концѣ XVIII вѣка тринадцать штатовъ соединились вмѣстѣ и составили конфедерацію, они дѣйствовали во имя того великаго начала, которое красуется въ настоящее время подъ громадною фигурою свободы, находящеюся на куполѣ вашингтонскаго Капитолія, въ словахъ: „E pluribus unum!“. Когда въ 1787 году представители этихъ тринадцати штатовъ подписали нынѣ дѣйствующую образцовую конституцію Соединенныхъ-Штатовъ, они соединили вмѣстѣ свои матеріальные и духовные интересы для охраненія, прежде всего, своей политической самостоятельности. Но когда эта первѣйшая цѣль была достигнута, тѣ же Соединенные-Штаты продолжали доказывать всѣмъ народамъ цивилизованнаго міра, что для полнаго развитія народныхъ силъ нужно всегда держаться правила: „E pluribus unum“. Таковъ завѣтъ, который преподанъ великими творцами сѣверо-американской республики будущимъ потомствамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ остальнымъ народамъ.

Весь историческій ростъ американскаго государства и его учреждений служить краснорѣчивою иллюстраціею этого положенія: изъ 13 штатовъ образовалось 47 штатовъ и нѣсколько территорій; изъ одного Гарвардскаго университета—30 университетовъ. Во всѣхъ отрасляхъ экономической дѣятельности и политической жизни американцы неопровержимыми фактами доказали, что только соединеніемъ единичныхъ и разбросанныхъ силъ совершаются великія дѣла на всѣхъ поприщахъ человѣческой жизни.

Если „американизация всего міра“ должна заключаться въ торжествѣ этого великаго рычага человѣческой дѣятельности, то можно только радоваться такому вліянію американскихъ идей на жизнь европейскихъ народовъ.

Въ естественной связи съ этимъ жизненнымъ принципомъ находится другой, нашедшій опять въ Америкѣ наиболѣе наглядное примѣненіе. Соединенные-Штаты представляютъ единое и нераздѣльное государство подъ одною верховною властью. Но это государственное единство нисколько не убило мѣстную автономію отдѣльныхъ штатовъ, сохранившихъ по сіе время свое собственное штатное законодательство, представительныя учрежденія, штатныя суды и административную независимость въ управленіи мѣстными интересами. Это уваженіе мѣстной автономіи

отдѣльныхъ штатовъ есть краеугольный камень всего государственнаго устройства Соединенныхъ-Штатовъ. Только одинъ разъ, во время междоусобной войны 1863 года, центробѣжныя стремленія подвергли опасности государственное единство американской республики. Но ни эта братоубійственная война, ни крики сторонниковъ всепоглощающей центральной государственной власти, не въ состояннн были низложить коренной законъ Соединенныхъ-Штатовъ, обезпечивающій свободу и автономію за отдѣльными штатами. Эта же свобода и автономія нисколько не воспрепятствовали гигантскому росту всего государства.

Такимъ образомъ, развитіе Соединенныхъ-Штатовъ служить нагляднымъ доказательствомъ истинности другого культурно-историческаго принципа, который можно выразить въ положеніи: *единство въ разнообразіи и разнообразіе въ единствѣ*. Этотъ законъ проходитъ какъ красная нить чрезъ всю жизнь растительнаго и животнаго царства. Онъ же есть основаніе всякаго поступательнаго и мирнаго прогресса въ жизни народовъ.

Если „американизация всего міра“ означаетъ обезпеченіе окончательнаго торжества этого высоко-нравственнаго и социальнокультурнаго начала въ умахъ и сердцахъ всѣхъ народовъ, то исторія только съ признательностью будетъ помнить подвиги великаго сѣверо-американскаго народа.

Есть еще другая причина духовнаго преуспѣянія американскаго народа—это неограниченная вѣротерпимость. Нѣтъ въ этой странѣ ни клерикализма, ни борьбы съ претензіями римско-католической церкви, ни ограниченія чьихъ-либо гражданскихъ или политическихъ правъ, вслѣдствіе исповѣданія одной, а не другой вѣры. Въ Соединенныхъ-Штатахъ нѣтъ ни господствующей въ государствѣ церкви, ни привилегированныхъ классовъ общества, обязанныхъ своими преимуществами только принадлежності къ данной церкви. Въ великой американской республикѣ вполне осуществилось изреченіе Фридриха Великаго, что въ его государствѣ всѣ „по собственному фасону“ могутъ вѣровать и исповѣдывать какую угодно религію.

Притомъ замѣчательно, что, несмотря на отсутствіе въ Соединенныхъ-Штатахъ какаго бы то ни было принужденія въ дѣлахъ религіозныхъ, не взирая также на отсутствіе всякаго ханжества или англійскаго „cant“, все-таки американцы вообще весьма религіозный народъ. Хожденіе въ церковь по воскресеньямъ и соблюденіе воскреснаго отдыха весьма распространены.

Если „американизация всего міра“ приведетъ къ беспредѣль-

ному торжеству американскаго начала свободы совѣсти и религіи во всемъ мірѣ, то американцы сослужать великую службу дѣлу истинной цивилизаціи. Если благодаря имъ прекратятся всѣ споры и борьба между церковными обществами, и государства признають за своими гражданами неотъемлемое право вѣрить во чтò они желаютъ, то „американизация“ оважется побѣдою свѣта надъ мракомъ, свободы совѣсти надъ средневѣковымъ обскурантизмомъ и свободы религіи надъ возмутительными преслѣдованіями и насиліями въ дѣлахъ религіи. Въ самой Америкѣ полная свобода религіи и совѣсти сдѣлалась устоемъ государственнаго порядка. Поэтому можно думать, что „американизация“ сдѣлается синонимомъ неограниченной вѣротерпимости и свободы совѣсти.

Обращаюсь еще къ другому устою американскаго народа: это—неограниченное уваженіе всякаго честнаго и производительнаго труда. Нигдѣ въ мірѣ не существуетъ подобнаго почитанія трудолюбія и нигдѣ слово „джентльменъ“ не выражаетъ понятія о человѣкѣ трудящемся. Это мы видимъ только въ Америкѣ. Тамъ каждый работникъ есть джентльменъ, и каждый достигнувшій собственнымъ трудомъ богатства и славы есть первый между джентльменами. Поэтому въ Америкѣ никакой честный трудъ не считается позоромъ, и титулъ „self-made man“ отъкрываетъ двери всѣхъ салоновъ и обезпечиваетъ почетнѣйшее мѣсто въ обществѣ.

Ни одинъ американецъ не будетъ шокированъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, напримѣръ, студенты университетовъ, желая заработать деньги для уплаты за университетскія лекціи, поступаютъ, во время лѣтнихъ каникулъ, въ половые рестораны, кондуктора желѣзныхъ дорогъ, въ кучера и даже рабочіе на биржахъ. Студенты и ученики высшихъ школъ встають въ два или три часа утра, чтобы сбѣгать въ редакціи газетъ и затѣмъ, или пѣшкомъ, или на велосипедѣ, разносить по домамъ газеты. Молодые бѣдныя дѣвушки поступаютъ въ горничныя подъ условіемъ, что хозяйка освободитъ ихъ каждый день на два—три часа для слушанія лекцій въ университетѣ.

Ни одного американца такіе факты не смущаютъ и не удивляютъ. Онъ знаетъ, что ихъ Линкольны, Карнеги и Рокфеллеры изъ ничего сдѣлались и президентами Соединенныхъ-Штатовъ, и богатѣйшими людьми на земномъ шарѣ. Вотъ почему въ Америкѣ никогда честный трудъ не обезчеститъ человѣка, но всегда будетъ служить рекомендаціею и почетомъ. И надо прибавить, нигдѣ не виситъ работа такъ, какъ въ Соединенныхъ-Штатахъ.

Если благодаря „американизации всего мира“ повсюду, на всемъ земномъ шарѣ, утвердится такая американская любовь къ труду, то можно будетъ только радоваться такому положенію. Въ такомъ случаѣ съ корнями будутъ вырваны тѣ социальныя предрассудки, которые въ Европѣ еще существуютъ относительно труда и извѣстныхъ родовъ занятій. Если въ европейскихъ народахъ укоренится положеніе, что всякій честный трудъ даетъ право на уваженіе и что именно трудъ есть жизненный рычагъ всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности, въ такомъ случаѣ американцы одержатъ великую духовную побѣду надъ европейскими народами и такая „американизация“ будетъ только великимъ шагомъ впередъ на пути прогресса. Вся культурная работа американскаго народа есть блестящая иллюстрація вѣчно памятнаго изреченія римскаго поэта: „Labor omnia vincit“!

Кромѣ вышеприведенныхъ главнѣйшихъ духовныхъ принциповъ, внесенныхъ американцами въ общую сокровищницу плодовъ социально-культурной работы цивилизованныхъ народовъ, имѣются еще другія начала, которыя также достойны всеобщаго распространенія посредствомъ американизации. Сюда относятся: свобода мысли, слова и печати; равенство между людьми предъ закономъ и судомъ; простота обращенія и доброта отношеній; сказочная щедрость на пользу общественную и т. п.

Таковы тѣ жизненные принципы, которые были положены въ основаніе общественно-государственнаго строя Соединенныхъ-Штатовъ. Во всестороннемъ ихъ развитіи и стойкомъ поддержаніи заключалась культурно-историческая задача сѣверо-американской республики. Правда, всякое цивилизованное государство должно руководствоваться такими же началами для достиженія своихъ жизненныхъ цѣлей. Однако, до послѣдняго времени именно Соединенные-Штаты считались государствомъ, въ которомъ вышеисчисленные блага наиболѣе рельефно выступали какъ въ практической жизни, такъ и въ научныхъ трактатахъ.

Впрочемъ, ошибочно было бы думать, что порядки Соединенныхъ-Штатовъ могли бы считаться идеальными. Жизнь этого государства въ продолженіе истекшаго столѣтія отрывала множество отступленій отъ тѣхъ возвышенныхъ началъ, которыя были положены въ основаніе его бытовыхъ порядковъ. Свобода печати, не обузданная ни законами, ни чувствомъ приличія, ни правами, вездѣ можетъ становиться бичомъ для всего общества.

Великій принципъ соединенія разрозненныхъ силъ въ высшее единство, создавшее такое государство, какъ Соединенные-Штаты, обратился въ послѣднее время въ девизъ американскихъ синди-

каторъ и трѣстовъ, имѣющихъ цѣлью уничтоженіе всякой конкуренціи посредствомъ поглощенія всѣхъ опасныхъ конкурентовъ. Подобное извращеніе великаго жизненнаго принципа представляется только отступленіемъ отъ той идеальной и разумной цѣли, въ достиженіи которой заключается вся его культурная сила.

Если наша точка зрѣнія на всемірную роль Соединенныхъ-Штатовъ заслуживаетъ вниманія, а выясненные выше культурно-соціальныя начала дѣйствительно являются девизами на сѣверо-американскомъ флагѣ, въ такомъ случаѣ великая американская республика справедливымъ образомъ можетъ гордиться своимъ блестящимъ прошлымъ, споконно наслаждаться настоящимъ и съ упованіемъ смотрѣть въ грядущее.

Однако, въ послѣднее время происходитъ въ Соединенныхъ-Штатахъ переломъ, могущій привести къ полному отступленію отъ всѣхъ уважалованныхъ отъ предковъ великихъ принциповъ и порядковъ.

Пресловутая доктрина Монроэ, вызванная крайнею необходимостью положить предѣлы маніи вмѣшательства великихъ европейскихъ державъ начала прошлаго вѣка, превратилась изъ щита обороны въ динамитную бомбу, которая можетъ взорвать во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Все зависитъ отъ усмотрѣнія вашингтонскаго правительства, въ рукахъ котораго доктрина Монроэ есть весьма цѣлесообразное средство для устраненія всякаго европейскаго вліянія въ предѣлахъ всего американскаго континента. Трудно, мнѣ кажется, предвидѣть всѣ усложненія, которыя могутъ быть естественными послѣдствіями нынѣшняго чрезвычайнаго развитія этой политической доктрины. Непомѣрно велика отвѣтственность, принятая на себя Соединенными-Штатами въ отношеніи всѣхъ народовъ, могущихъ имѣть какіе-либо интересы на американскомъ континентѣ. Всякіе же интересы могутъ быть поводами всевозможныхъ столкновеній. Чѣмъ сложнѣе становятся политическія задачи сѣверо-американской политики, тѣмъ больше нужно ожидать поводовъ къ конфликтамъ, окончателный исходъ которыхъ никто предвидѣть не можетъ.

Современный американскій имперіализмъ послужитъ неизбѣжнымъ образомъ стимуломъ для самыхъ непредвидѣнныхъ политическихъ усложненій. Завоеваніе Порто-Рико и Филиппинскихъ острововъ послужило прославленію американской храбрости и отваги. Но не всегда завоеванія идутъ въ прокъ завоевателю. Только такія завоеванія становятся основаніемъ дальнѣйшаго развитія жизненныхъ силъ завоевателя, которыя входятъ въ его

плоть и кровь и дѣлаются органическою частью его владѣній. Если же завоеваніе ограничивается установленіемъ фактической власти надъ покоренною областью, безъ поглощенія ея государствомъ - завоевателемъ, то имѣеть мѣсто простое порабощеніе, которое можетъ быть поддерживаемо только физическою всеовершающею силою.

Я не берусь судить, какова будетъ дальнѣйшая судьба сдѣланныхъ Соединенными-Штатами завоеваній. Еще менѣе считаю я себя компетентнымъ для рѣшенія конституціонныхъ вопросовъ, вызванныхъ этими завоеваніями, и вытекающей изъ нихъ необходимости управлять завоеванными областями.

Однако не подлежитъ сомнѣнію, что народившіяся новыя задачи, въ отношеніи завоеванныхъ земель, должны вызвать новыя политическіе интересы и новыя пути и средства для ихъ охраненія. Роль „всемирнаго гражданина“ даромъ не дается. Поэтому военный бюджетъ Соединенныхъ-Штатовъ возрастаетъ съ поразительною быстротою, и нельзя предсказать, когда будетъ положенъ предѣлъ такому росту.

Всѣ эти новѣйшіе факты изъ жизни великой американской республики—очень блестящія доказательства ея могущества и жизнеспособности. Но позволительно сомнѣваться, чтобы американцы на поприщѣ международныхъ завоеваній и связаннаго съ ними милитаризма достигли такихъ же блистательныхъ результатовъ, какіе выпадали по сіе время на ихъ долю въ области мирныхъ завоеваній на поприщѣ торговли и промышленности. Сомнительно также, чтобы военные лавры вполнѣ могли замѣнить лавры, пріобрѣтенныя состязаніемъ въ царствѣ мирнаго и плодотворнаго труда.

Какъ бы то ни было, мнѣ лично кажется, что историко-культурная роль Соединенныхъ-Штатовъ вполнѣ опредѣлилась въ продолженіе истекшей ихъ столѣтней жизни: они были блестящимъ примѣромъ баснословнаго развитія всѣхъ жизненныхъ силъ этого народа мирною работою и постояннымъ культомъ тѣхъ великихъ социальныхъ принциповъ, на которыхъ были основаны его государственные порядки. Мнѣ кажется, что въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ началъ, въ ихъ распространеніи и одухотвореніи, заключается завидное историческое призваніе великой американской республики. Для исполненія этого призванія нужны не территоріальныя завоеванія, не громадныя флоты и арміи, но нужно только продолжать идти по пути, указанному исторіею и основными жизненными принципами американской республики. Еще большее развитіе американской университет-

ской науки приведетъ естественнымъ образомъ къ еще лучшему выясненію тѣхъ духовныхъ и культурныхъ силъ, которыми такъ богатъ американскій народъ.

Съ этими мыслями я покинулъ гостепріимную почву Соединенныхъ Штатовъ. Чѣмъ больше я былъ очарованъ неистощимымъ гостепріимствомъ моихъ американскихъ друзей и знакомыхъ, тѣмъ ярѣе засѣло во мнѣ пожеланіе видѣть мирную будущность этой страны въ полномъ соотвѣтствіи съ ея мирнымъ прошлымъ. Чѣмъ больше я проникался на американской почвѣ уваженіемъ къ этому великому и симпатичному народу, тѣмъ яснѣе сталъ для меня истинный смыслъ „американизация всего міра“ въ видѣ завоеванія всего міра тѣми великими соціально-культурными началами, которыя составляютъ устои его общественно-государственнаго строя.

Наконецъ, на почвѣ соединенія единичныхъ силъ для достиженія высшихъ благъ,—въ уваженіи разнообразія при соблюденіи единства; въ вѣротерпимости и въ увѣренности, что „трудъ все побѣждаетъ“,—на почвѣ этихъ началъ всѣ лучшіе умы Стараго и Новаго Свѣта всегда будутъ дѣйствовать единомысленно и согласно. На почвѣ этихъ жизненныхъ принциповъ можетъ быть между Европою и Америкою только мирное соревнованіе и дѣятельное взаимодѣйствіе.

Обеспечить и то, и другое, въ будущемъ есть задача, достойная какъ государственнаго дѣятеля, такъ и политическаго мыслителя.

Ф. МАРТЕНСЪ.

НА ПОЛПУТИ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

ХІ *).

Въ узенькой и темной прихожей стоялъ небольшой сундучокъ, выкрашенный красной краской и обитый свѣтлыми жестяными полосками; на немъ покоились двѣ подушки въ наволочкахъ, изъ розоваго ситца, да еще теплое пальто, стеганное на ватѣ. Это были вещи Маруши, приготовленныя ею къ отправкѣ... куда? Она и сама не знала. Завтра наступитъ третій день срока, даннаго ей Евлампіей Львовной, и нужно будетъ во что бы то ни стало уѣхать. Всѣ эти два дня она не переставала надѣяться, что Господь смягчитъ сердце суровой правительницы; но ни ея слезы, ни просьбы искренно огорченной Маруси—ничто не помогло. У Евлампіи Львовны былъ замѣчательно твердый характеръ, и это знали всѣ въ домѣ. Рѣшенія ей давались вообще трудно, но разъ она уже что-нибудь рѣшала, это было безспоротно.

На другое же утро Марушѣ были выданы пресловутые пятнадцать рублей, и это еще было особой милостью благодѣтельницы. Въ прежнія времена неповорныя или неугодныя приживалки изгонялись изъ дому безъ всякихъ воспособленій и безъ всякихъ льготныхъ дней, а такъ прямо на улицу и немедленно по произнесеніи приговора.

*) См. выше: окт., 475 стр.

Маруша надѣялась еще на заступничество своего покровителя, Алексѣя Львовича; иногда ему удавалось уговорить свою сестру, и всѣ знали, что изъ окружавшихъ Евлампію Львовну людей только онъ одинъ успѣвалъ въ столь трудной задачѣ.

Но Алексѣй Львовичъ какъ нарочно не шелъ. Онъ и вообще бывалъ не очень часто въ домѣ своей сестры, потому что служилъ въ консисторіи, гдѣ проводилъ цѣлыя дни, а по вечерамъ занимался у себя дома, въ холостой квартирѣ, состоявшей изъ трехъ комнатъ, дѣлами, которыя онъ бралъ „приватно“ для увеличенія средствъ жизни.

Евлампія Львовна очень уважала своего брата и въ затруднительныхъ случаяхъ любила выслушать его совѣтъ; и когда ей оказывалась надобность въ этомъ совѣтѣ, она посылала за нимъ, кормила его постнымъ обѣдомъ, пила чаемъ съ ячменнымъ сахаромъ, давала ему варенья, запиралась съ нимъ въ комнатѣ и выслушивала его обстоятельныя рѣчи. Неизвѣстно, всегда ли она слѣдовала его совѣтамъ, но, кажется, иногда придерживалась восточнаго правила жизни: „если хочешь поступить мудро, позови друга, выслушай его совѣтъ... и поступи какъ разъ наоборотъ“. Однако бывали случаи, когда совѣты брата и исполнялись, въ особенности въ дѣлахъ денежныхъ и по имуществу, потому что она считала его большимъ законникомъ по мѣсту и роду его службы. Онъ, напримѣръ, отлично зналъ, какія бумаги покупаютъ въ данную минуту духовныя лица и въ какіе фонды монастыри помѣщаютъ свои капиталы. Въ первое время, однако, она не довѣряла Алексѣю Львовичу, по той простой причинѣ, что онъ не сумѣлъ сберечь отцовскаго наслѣдства, проторговался въ пухъ и прахъ и потерялъ всякій кредитъ среди купечества. Ихъ покойный отецъ, занимавшійся парчевымъ производствомъ, былъ большой самодуръ и передъ смертью распорядился на особый ладъ: производство свое продалъ, капиталъ обратилъ въ процентныя бумаги и завѣщалъ девять-десятыхъ его — „любимой моей дочери Евлампіи, а по прошествіи зрѣлыхъ лѣтъ и выхода оной замужъ, капиталъ сей переходитъ полностью на дѣла благотворительныя, богоугодныя, а также на монастыри по особому моему указанію, къ сей моей волѣ приложенному“. Сыну Алексѣю онъ завѣщалъ остальное, то-есть небольшую лавчонку церковной утвари. Съ этой лавчонкой сынъ Алексѣй и вступилъ въ жизнь. Но онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ никогда не обнаруживалъ коммерческихъ способностей; всегда интересовался „высшими вопросами духа“, цѣлыми днями читалъ съ очами на носу, такъ какъ плохо видѣлъ, духовныя книги и вступалъ въ безконечныя

разговоры о религіи съ покупателями. Кажется, онъ даже обрадовался, когда проторговался и, благодаря обширному знакомству съ духовными лицами, поступилъ на службу въ конвисторію. Здѣсь онъ оказался какъ разъ на мѣстѣ и почувствовалъ себя въ своей сферѣ. Но послѣ приключившагося съ нимъ краха онъ уже не пускался въ разсужденія и разговоры, а ударился въ другую крайность и сталъ молчать; изрѣдка только торжественнымъ голосомъ произносилъ, по его мнѣнію, подходящую цитату, которая должна была окончательно „убить“ спорящаго и уничтожить его доводы.

Когда его первый практическій совѣтъ, принятый Евлампіей Львовной, оказался удачнымъ, она стала ему вѣрить и чаще обращаться къ его содѣйствію. Какъ, однакоже, ни тяжело приходилось въ первое время службы брату, Евлампія Львовна никогда не помогала ему матеріально, да и онъ никогда не обращался къ ней за помощію. Только на Рождество да на Пасху она дарила ему по десяти рублей, которые онъ бралъ довольно равнодушно и самымъ холоднымъ образомъ благодарилъ ее. Она же всегда считала долгомъ, при поднесеніи этихъ даровъ, сентенціознымъ тономъ прибавить: „Самой не изъ чего жить! Самъ видишь, какъ живу: ѣмъ впроголодь, грѣюсь впроголодь. И есть деньги, да не мои. Умру—оставлю сиротѣ-племянницѣ, да, согласно волѣ батюшки, на монастыри да богоугодныя учрежденія. Сама какъ бы займаю“.—„Да я и не прошу“,—замѣчалъ онъ.—„И отлично дѣлаешь. У тебя мѣсто, а казенное мѣсто человѣка кормить“.

На этомъ и прекращался разговоръ.

Въ своей частной жизни Алексѣй Львовичъ былъ затворникомъ и ипохондрикомъ. Въ особенности въ послѣднее время онъ сталъ чуждаться людскаго общества, женщинъ же не зналъ совершенно. Единственною его страстію было чтеніе духовныхъ книгъ; но, по своему малому образованію, онъ плохо понималъ ихъ и иногда цѣлыми мѣсяцами ходилъ съ какой-нибудь вычитанной фразой въ головѣ, сился своимъ умомъ дойти до ея пониманія. На сестру свою смотрѣлъ, кажется, съ уваженіемъ и считалъ ее благочестивой, а можетъ быть и святой жизни женщиной; на ея приживалокъ глядѣлъ восо, считая ихъ дармоѣдками и даже сестринными кровопійцами, по „необыкновенной добротѣ ея“. Въ послѣднее время, при посѣщеніяхъ дома Евлампіи Львовны, онъ вступалъ въ разговоръ только съ Марѳеушей, чего прежде никогда не дѣлалъ ни съ одной изъ обитательницъ „строгаго дома“. Да и посѣщенія его участились, вслѣдствіе ли

особыхъ обстоятельствъ, вызванныхъ слухами о письмѣ Маруси къ отцу и потребовавшихъ его присутствія для совѣтовъ, или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ причинъ—неизвѣстно. Досто- вѣрно только то, что онъ сталъ появляться у сестры непрошен- ный и незванный. И всегда онъ находилъ время перекинуться словечкомъ съ Мареушей или связать ей что-либо назидательное.

Никто изъ его сослуживцевъ не зналъ, какъ онъ относился къ разнымъ вопросамъ жизни и въ томъ числѣ къ браку, но никогда не могъ онъ пропустить ни одного ребенка безъ ласки, и если кого изъ товарищей посѣщаль, то только женатыхъ. По- этому рѣшили, что Алексѣй Львовичъ ничего не имѣетъ про- тивъ брака и даже одобряетъ его, но только въ принципѣ, такъ связать въ идеѣ.

— Ты что-жъ, Алексѣй,—спросила его однажды Евлампія Львовна, когда разговоръ пришелся „къ слову“: — такъ и не женишься?

— Такъ и не женюсь.

— А почему бы?—полюбопытствовала она.

— Чѣмъ же жить-то я буду съ семьей?—просто отвѣтилъ онъ. — И такъ не принцемъ живу. А пойдутъ младенцы—при- дется имъ жить впроголодь, да безъ лакомствъ, да безъ игру- шекъ. А развѣ младенцу можно въ чемъ отказать? Лучше я жизни рѣшусь, чѣмъ откажу младенцу. И самъ знаю: „не добро челоувѣку быть едину“...

— Отчего не добро? Вотъ же я одинока?

— Потому вокругъ тебя и приживалки, что ты одна; а была бы у тебя семья, и ихъ бы не было.

— А что онѣ тебѣ мѣшаютъ?

— Да мнѣ что, мнѣ ничего. Это я такъ, къ слову.

— Не вышла я замужъ,—усмѣхнувшись, продолжала сестра, —потому что нравъ у меня, говорили, больно строптивъ былъ. Одинъ женихъ былъ, да и того выгнала изъ дому. Мопенникъ, не меня онъ добивался, а къ капиталамъ моимъ подбирался, хотъ и самъ не безъ средствъ былъ...

Алексѣй Львовичъ промолчалъ, потому что отлично зналъ, что не Евлампія Львовна выгнала жениха, а онъ самъ ушелъ, развѣдавъ, что всѣ капиталы, въ случаѣ замужества Ситниковой, переходятъ на благотворительныя дѣла.

Больше никогда этотъ разговоръ и не возобновлялся.

И вотъ теперь Мареуша „съ неистовымъ нетерпѣніемъ ждала своего покровителя“—по выраженію Стуловой, и въ глубинѣ своей испуганной души надѣялась, что ему удастся „отговорить“

благодѣтельницу; къ тому же и Маруся обѣщалась поговорить съ дядей.

На третій день онъ, наконецъ, дѣйствительно пришелъ.

XII.

Алексѣй Львовичъ какъ пришелъ въ домъ, такъ сразу и наткнулся на сундучокъ Мареуши.

— Это что?—въ недоумѣніи произнесъ онъ:—пріѣхалъ къ вамъ кто-нибудь, или уѣзжаетъ?—спросилъ онъ быстро выбѣжавшую къ нему на встрѣчу Марусю.

— Уѣзжаетъ, дяденька, уѣзжаетъ... Тетенька ее выгоняетъ, а я хочу васъ просить, милый дяденька, разговорите вы ее отъ этого... вы добрый, вы можете...

— Стой, стой!—остановилъ онъ ее.—Да кто уѣзжаетъ? Кого прогоняютъ? Толкомъ сказывай.

— Мареушу! Ее прогоняютъ.

— Мареушу?—протянулъ онъ, и на лицѣ его легла тѣнь.—Да что ты? Евлампія ее прогоняетъ? Да за что же?

— Ой, говорите потише, дяденька,—тетенька услышать... По наговору Александры Васильевны... Ненавистью она ее ненавидитъ, а за что—не знаю.

— Ишь!..—проворчалъ Алексѣй Львовичъ.

— Вредная женщина!—подтвердила Маруся.

Евлампія Львовна отдыхала еще послѣ обѣда, дремля въ креслѣ; Ситниковъ заглянулъ къ ней въ комнату и не рѣшался будить ее. Онъ прошелъ въ комнату Маруси, гдѣ сидѣла и Мареуша. Стулова куда-то отлучилась, и трое пріятелей были въ относительной безопасности.

Мареуша при видѣ Алексѣя Львовича ударилась въ слезы и не могла произнести ни слова.

Алексѣй Львовичъ женскихъ слезъ видѣть не могъ, и тотчасъ же отвернулся неопредѣленно, въ видѣ утѣшенія огорченной дѣвушкѣ пробормотавъ:

— Ну-ну... ишь вѣдь...

Когда Мареуша успокоилась, она заговорила съ Алексѣемъ Львовичемъ и рассказала ему подробно о происшествіи; рассказывала она горячо, путанно, отклоняясь въ сторону, возвращаясь къ одному и тому же по нѣскольку разъ. Наконецъ, когда вопросъ достаточно выяснился, она спросила Ситникова:

— Ну, что вы скажете, Алексѣй Львовичъ?

Онъ помолчалъ.

— А ничего не скажу,—успокоительно замѣтилъ онъ.

Мареуша опѣшила.

— Какъ ничего?—повторила она и приготовилась заплакать.

— Такъ ничего. Чтò говорить? Дѣйствовать надо, а не говорить.

Маруся кинулась къ нему на шею.

— Дяденька, миленькій, какой вы добренькій!..

— А съ виду-то такой суровый!—замѣтила, улыбаясь, Мареуша, которая очень легко переходила отъ слезъ въ смѣху.

— Ужъ такой видъ!—согласился Ситниковъ. — У многихъ людей, — поучительно добавилъ онъ, — видъ не соотвѣтствуетъ душѣ. Вотъ у меня былъ учитель въ юности. Страшный такой съ виду, да и звали-то его Африканъ Гаврилычъ. А голосъ у него—чтò у льва пустыни. Ажно страшно становилось, когда уста свои раскрывалъ. Матушка моя покойница—царство ей небесное!—слабago сложенія была женщина, и та его даже боялась. „Охъ,—говорила она Африкану, — я сподобилъ же васъ Господь такимъ-то зычнымъ голосомъ, да еще и словеса страшныя изрекать“! И такая-то она передъ нимъ маленькая, худенькая, словно малютка. Вотъ когда приступалъ онъ къ моему обученію, и говорить она ему, кланяясь въ поясъ и слезно моля: „Обучите вы, батюшка, Африканъ Гавриловичъ, моего Алешу уму-разуму... только ежели онъ чего по глупости не пойметъ, строго не наказуйте—здоровьемъ-то онъ плохъ у меня, совсѣмъ явдашій. И въ науку,—говорить,—не отдала бы его, да ужъ больно желательно мнѣ, чтобы онъ по торговой части пошелъ“... А Африканъ-то еще пуще брови насупилъ, да такимъ зычнымъ голосомъ вскричалъ, что стекла въ окнѣ задребезжали: „Мареа, — говорить, — Мареа! Печешися о мнозѣ“!.. — Матушка-то со страху попятилась да и обидѣлась: „Какая,—говорить,— я тебѣ, отецъ мой, Мареа, коли зовутъ меня Федосьей“. Не поняла старуха. Ну, вотъ, и сталъ я обучаться у Африкана Гавриловича, и очень скоро всякій страхъ потерялъ, потому добрѣйшей души человѣкомъ оказался, и за все время ученія пальцемъ не тронулъ меня. А когда, бывало, разсердится, —рѣдко случалось это, потому и я прилеженъ былъ,—только мудреннѣмъ словомъ какимъ обзоветъ: „Сикофантъ!—вскричитъ таково зычно:—почто тетрадь чернилами облилъ“? Или: „Мастодонтъ! Корень ученія горекъ, а плодъ его сладокъ“! Или что-нибудь этакое—подобное.

Дѣвушки слушали Алексѣя Львовича внимательно и улыба-

лись. Онѣ знали, что его не нужно прерывать, когда онѣ начиналъ свои воспоминанія. Это случалось съ нимъ очень рѣдко, но всегда означало, что онѣ въ духѣ. Къ тому же обѣ давно подмѣтили, что онѣ только съ ними пускается въ воспоминанія и разговоры, тогда какъ съ другими упорно молчатъ или отвѣчаетъ ничего не значащими фразами.

— Я же скажу,—продолжалъ Ситниковъ,—что корень ученія горькимъ мнѣ ничуть не показался, а даже совсѣмъ напротивъ. И какъ выучился грамотѣ, полюбилось мнѣ пуще всего книжки читать, особливо какъ сказку про Конька-Горбунка прочиталъ. Наизусть я эту сказку выучилъ, да и до сихъ поръ помню. Африканъ же Гаврилычъ очень моими успѣхами доволенъ былъ; говорилъ, еслибы въ семинаріи мнѣ поучиться, непременно быть бы мнѣ попомъ. Однако не судилъ Богъ мнѣ этого!—со вздохомъ сожалѣнія проговорилъ Алексѣй Львовичъ.—Матушка,—продолжалъ онъ,—тоже радовалась, только все боялась, какъ бы я не заучился да не зачитался. „Храни Господь, заучиться—въ чахотку впадешь“... Къ чему это я веду-то?—вдругъ спохватился онъ и въ недоумѣніи остановился.—Да!—вспомнилъ онъ:—къ тому, что, молъ, всякая наружность обманчива. Суровъ былъ съ виду Африканъ,—ангелъ же душою. Таковъ и я! То-есть,—поправился онъ, вдругъ сконфузившись,—я-то не ангелъ, а грѣшный человѣкъ, со всѣми человѣческими слабостями и грѣхами, однако даромъ не только человѣка не обижу, а скажемъ такъ, что и вурлицы. А обликъ у меня мраченъ—это вы дѣйствительно. И обликомъ похожъ я на разбойника съ большой дороги.

Дѣвушки прыснули со смѣха.

— Чему вы?—изумился Алексѣй Львовичъ.

— Да какъ же, дяденька!—сказала Маруся, весело смѣясь:—какой же вы разбойникъ!

— Съ виду, говорю, съ одного виду.

— И съ виду даже вовсе не похожи. Худенькій вы...

— Что-жь, развѣ худенькихъ разбойниковъ не бываетъ, что-ли?

— Худые-то они всѣ худые, а худенькаго ни одного,—сострила Маруся, и Алексѣй Львовичъ благосклонно взглянулъ на нее, удостоивъ ее замѣчаніе улыбкой.

Маруся смотрѣла на этого тощаго человѣка въ очкахъ, минутно вздрагивавшаго отъ какого-то внутренняго холода, и никакъ не могла его вообразить себѣ разбойникомъ, да еще съ большой дороги...

Дверь отворилась, и въ ея отверстіе просунулась голова Александры Васильевны.

Увидя Алексѣя Львовича, она понялась; она его не любила и чувствовала въ немъ врага. Она знала, что Ситниковъ называетъ ее кровопійцей и настраиваетъ благодѣтельницу противъ нея. Однако они никогда между собою не разговаривали и по вѣщности ихъ отношенія были безукоризненны.

— Ничего, ничего, не стѣсняйтесь, — сказала Ситниковъ Стуловой. — Это я, свой, домашній человекъ. Вы по дѣлу?

— Не то чтобы... — замялась приживалка.

— Меня выживать? Часъ, дескать, насталъ? — вдругъ раздражившись, крикнула Марѳуша, чувствуя смѣлость въ присутствіи Алексѣя Львовича. — Не безпокойтесь, уйду... до вечера есть еще время.

— А мнѣ что? — отвѣтила Стулова. — Я вѣдь въ этомъ не причина.

— Не причина? — взвизгнула Марѳуша.

Но Алексѣй Львовичъ послѣшивъ вступить въ разговоръ, чтобы прекратить эту сцену.

— Госпожа Стулова, — торжественно сказалъ онъ, такъ какъ никогда не называлъ ее по имени и отчеству, — не соблаговолите ли сказать мнѣ: проснулась ли сестра?

— Проснувшись, Алексѣй Львовичъ, проснувшись. Только онѣ разстроены и никого видѣть не желаютъ, — отвѣтила она, робко поглядывая на Ситникова.

— Объ этомъ не безпокойтесь, госпожа Стулова. Сестра почти всегда разстроена, а долгъ брата заключается въ томъ, чтобы ее настроить.

Онъ всталъ, кивнулъ обѣимъ дѣвушкамъ и вышелъ изъ комнаты.

Евламія Львовна, дѣйствительно, была сильно не въ духѣ. Противъ обыкновенія она даже не отвѣтила на привѣтствіе брата, а только сухо кивнула головой и безпокойно задвигалась въ креслѣ, пристально взглянувъ въ выраженіе его лица, которое ей, должно быть, показалось не совсѣмъ обычнымъ.

— Ты чего? — наконецъ спросила она.

— Ничего. Зашелъ тебя провѣдать.

— Не умираю еще. Больно часто забѣгалъ. Когда нужно — зову, а такъ-то ходить — что пустые разговоры заводить? Пользы отъ нихъ не вижу. У „того“ былъ ли?

— Былъ и не однажды.

— Уговорилъ?

— Касательно чего?

— Да что ты, Алексѣй, вовсе оглупѣлъ, что-ли? Толку отъ

тебя не добьешься въ послѣднее время. Относительно того, чтобы онъ сюда не вздумалъ явиться.

— Не выгорѣло.

— Что же, явится?

— Это его твердое рѣшеніе.

Она посмотрѣла на него такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣла сказать: „Ну, вотъ и самъ видишь, на что же ты послѣ этого годенъ“.

— Говорить: „добромъ не пустить,—по закону потребую свиданія съ дочерью“. Что жъ я могу? По закону онъ правъ.

— По закону, по закону!—всвиѣла она.—Законники въ съ нимъ! Гдѣ это таковъ законъ? Двадцать лѣтъ не выдавшись съ дочерью—и вдругъ, на! по закону...

— Что-жъ, Евлампія, вначалѣ, по молодости и суетности, покинулъ онъ дочь, потомъ обстоятельства мѣшали...

— Да ты что? Въ своемъ умѣ?

— При полномъ разумѣ.

— Вишь, какъ заговорилъ! Ужъ не оправдываешь ли ты его?

— Я никого не осуждаю,—уклончиво отвѣтилъ Ситниковъ.

— И по твоему допустить?—спросила она его съ насмѣш-кой въ голосѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ робко.

— Нельзя не допустить...

— Ну ужъ, Алексѣй, сважу тебѣ прямо: не понимаю я, что съ тобой сдѣлалось въ послѣднее время? Али голова, али сердце у тебя не въ своемъ порядкѣ.

— Все, матушка, въ порядкѣ, все,—нѣсколько раздражаясь, проговорилъ Ситниковъ и мрачно продолжалъ: — Что же я-то могу?

— Представилъ бы ему резоны.

— И представлялъ. И грѣхомъ пугалъ, и тобою: женщина, говорю, властная, строгая.

— Мною нечего пугать, — обидѣлась она. — Я не сатана, чай...

— Да, вишь, онъ и въ сатану не вѣритъ.

— Да что ты думаешь, очень я боюсь его? Пущай приходитъ. Только чего же онъ до сихъ поръ-то не идетъ?

— Насильствомъ не хочетъ. Выжидаетъ твоего согласія.

— Вотъ что! — иронически разсмѣялась она, но въ душѣ ощутила пріятное чувство.

— Такъ сказать, чтобы пришелъ?

— Мнѣ что! Сважи. Только Маруся я ему не покажу.

Наступило молчаніе. Евлампія Львовна догадывалась, что онъ

еще что-то хочет сказать ей, и даже, кажется, знала, что именно. Тѣмъ не менѣе, она глядѣла на него вопросительно, какъ бы спрашивая его: „что же ты не уходишь, коли обо всемъ переговорили“?

Но такъ какъ Ситниковъ упорно молчалъ, то она, наконецъ, не выдержала и сама заговорила:

— Еще есть что?

— Есть, Евлампія.

— Говори.

— Да ужъ и не знаю, какъ сказать.—И онъ полѣзъ-было въ карманъ за папиросами, такъ какъ всегда, когда его что-либо смущало, имѣлъ привычку закуривать папиросу. Онъ сознавалъ, что курить „занятіе довольно подлое“, но отъучить себя отъ этой привычки, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могъ. Но онъ въ-время вспомнилъ, что въ домъ сестры никогда еще не позволялъ себѣ выкурить ни одной папиросы. И теперь онъ воздержался и помоталъ рукою по воздуху.

— А коли не знаешь, значить, пустое,—заявила Евлампія Львовна.

Ситниковъ вдругъ рассердился.

— Обижать праведнаго человѣка — пустое? — мрачно заговорилъ онъ. — Гнать бездомнаго на улицу — пустое, по твоему? Какая же ты послѣ этого христіанка, Евлампія?

Евлампія Львовна сурово нахмурилась. Она еще никогда не слышала такого тона отъ Алексѣя Львовича.

— Слушай,—медленно и внушительно заговорила она, внутренно волнуясь.—Слушай, что я тебѣ скажу, Алексѣй... Когда ежели мнѣ твой совѣтъ надобенъ, я тебя завсегда зову. Не такъ ли?

— Такъ.

— И говорю тебѣ: вотъ, молъ, такое-то и такое-то дѣло; какъ по твоему? А коли ежели я тебя не зову, и ни о чемъ не спрашиваю, стало быть ни въ тебѣ, ни въ твоёмъ совѣтѣ надобности не настоятъ. А въ свои домашнія дѣла никому вмѣшательства не поущу. И твоего вмѣшательства не поущу. Вотъ.

— Такъ,—еще мрачнѣе сказалъ онъ.

— Ступай-ка къ Марусѣ, пушай она тебя угостить чаемъ. И варенье у ней должно быть есть твое любимое — черносмородиное. А ежели нѣтъ, пусть въ лавочку кухарку пошлетъ. Мнѣ же покой нуженъ. И то помотали меня мои людишки.

— Навоевалась, значить... — усмѣхнулся онъ, все еще не поднимая глазъ.

— Алексѣй!—крикнула она, возмущенная его тономъ.

— Да ужъ такъ. А только дозвожь и мнѣ тебѣ связать: женщина ты разумная — Богъ уможь не обидѣль—и жизни ты строгой, благочестивой, это тоже нечего сказать...—заговорилъ онъ, видимо волнуясь и подбодряя себя.—Такъ какъ же, послѣ всего этого, допускаешь ты негодной пьяной бабѣ и прихлебательницѣ...

— Алексѣй!—еще разъ попробовала она остановить его.

Но его остановить было трудно. Онъ походилъ на кусокъ гранитной скалы, угрюмой и неподвижной, пока не тронулся съ мѣста; но когда кусокъ этотъ отрывался, то онъ уже катился безъ удержа, и ничто не могло бы его остановить въ его сокрушительномъ бѣгѣ.

— Какъ же ты, говорю, допускаешь выразиться ей надъ тобою? Дѣвушка ни въ чемъ неповинна — вся ея вина, что не сдумѣла угодить твоей... домоправительницѣ—а ты ее тираняшь. Дѣвушка, такъ сказать, благороднаго воспитанія и даже происхожденія, а ты ее въ угоду пьяницѣ прогоняешь? Если ужъ на тебя напало такое вражеское чувство, чтобы непремѣнно изгонять... ну, изгони свою Стулову. Отъ этого только въ домѣ миръ и спокойствіе наступятъ. А то и ее можно не изгонять, а только держать ее въ строгости.

— Да что ты влюбленъ, что-ли, въ поганую эту Мареутку?—въ ярости крикнула она, и замѣтила, какъ онъ вздрогнулъ.

— Поганые бываютъ псы и нѣкоторыя прочія животныя. А людей погаными обзывать грѣшно,—наружно спокойно отвѣтилъ онъ.—А что же касается до твоихъ нечистыхъ намековъ, то рассуждаю я такъ, что они и отвѣта не стѣютъ...

— Потому и не стѣютъ, что лгать-то на старости лѣтъ совѣстно, а правду сказать—еще того совѣстнѣе. А только что ты мнѣ ни говори, а это дѣло рѣшенное. Нѣтъ моей воли безпутную дѣвку въ домѣ держать, чтобы она и другихъ портила.

— Распутную? Да чѣмъ же это она распутная?

— А ты, небось, не знаешь?

— Не знаю, — отвѣтилъ тотъ неувѣреннымъ голосомъ и впился глазами въ старуху.

— А не говорила она, — побѣдоносно начала Евлампія Львовна,—что всякая тварь любить?

— Говорила.

— А не говорила она, что нѣту грѣха въ любви человѣческой, а какъ разъ наоборотъ?

— Говорила.

— Ну, такъ вотъ, значить, она и распутная.

Алексѣй Львовичъ удивился этому выводу и нѣкоторое время ничего не могъ отвѣтить сестрѣ. Онъ припомнилъ, что, дѣйствительно, недавно у него съ Мареушей былъ подобнаго рода разговоръ, въ которомъ онъ не нашель ничего зазорнаго, потому что они часто говорили на эту тему, а иногда и Маруся принимала участіе въ этихъ разговорахъ.

— Но почему же?—наконецъ, спросилъ онъ.

Евлампія Львовна не сразу наплась, что отвѣтить.

— Почему, почему? Потому самому!—разсердившись, крикнула она.—Да что!—припоминая еще что-то, прибавила она,—ты и самъ ее осадилъ...

— Я?

— Ты. Развѣ ты не отвѣтилъ этой паскудѣ: „не совмѣстимо мнѣ, холостому человѣку, въ преніе съ вами по такимъ дѣламъ вступать“?—побѣдоносно и торжествующе окончила она.

Алексѣй Львовичъ злобно ухмыльнулся.

— Ну, сестра,—сказалъ онъ,—вотъ что на это тебѣ возражу: никогда я такихъ словъ не произносилъ, это тебѣ напутали и нарочно нагнали твои шпіоны,—онъ повысилъ голосъ,—или, вѣрнѣе, твой единственный главный шпіонъ, госпожа Стулова. Говорю сіе громко, дабы она, коли находится за дверью въ положеніи подслушивательницы, то и слышала бы. А что касаемое дѣла, то оно обстояло такъ: мы дѣйствительно имѣли разсужденіе о любви и о томъ, что нѣтъ въ любви человѣческой грѣха, иначе не были бы произнесены слова: „плодитесь, размножайтесь и населяйте землю“. А когда Марѳа спросила меня: „значить, нѣту грѣха въ любви человѣческой, а какъ разъ наоборотъ?“—я ей отвѣтилъ: „нѣту“. А она вновь спросила: „а какъ же говорятъ, кто любитъ плотски, тотъ грѣшенъ“? И я вновь отвѣтилъ: „тотъ, кто любитъ самую любовь, а не чловѣка—тотъ грѣшенъ“. И на семь простились, и никогда я столь глупыхъ словъ, кои мнѣ вредны и озлобленные люди приписываютъ, не произносилъ...

— Она наущаетъ противъ меня Марью.

— Ложь.

— Говорить: „не слушайся ты старой тети, —нѣту, говорить, такой власти“...

— Клевета.

— Да ты чего отъ меня, наконецъ, хочешь?—потерявъ терпѣніе, вскрикнула Евлампія Львовна. — Ну, говори, только не мажь, а скорѣе и братче. Уставши я, вотъ.

— Изволь, скажу кратко; первое: не гони неповиннаго чело-
вѣка; второе: теперь ночь—куда ей дѣваться?

— А мнѣ какое дѣло?

— Да вѣдь ты христіанка! И еще третье: коли чело-
вѣка считаешь виновнымъ передъ собой, призови его, внуши ему,
выслушай оправданіе и прости его.

— Видѣть ее не хочу, слышать ее не желаю, непрощенныхъ
совѣтниковъ не терплю! Марѣуткѣ отсюда чтобы нынче же
убраться, а ты будь добръ, уйдя отсюда, передай ей это мое
последнее распоряженіе.

Алексѣй Львовичъ всталъ, тряхнулъ головой и подошелъ къ
сестрѣ такъ близко, что она отшатнулась.

— Упряма же ты, какъ ослица!—сказалъ онъ ей, и Евла-
мпія Львовна чрезвычайно разгнѣвалась.

— Что, что?! Я—ослица? Да какъ ты смѣешь! Да какъ ты
можешь!.. Въ домъ приходишь скандалить! И пускать тебя не
стану... Прикажу выгнать. Александра! Александра! — закри-
чала она.

Но съ совершенно необыкновенной легкостью Алексѣй Льво-
вичъ подскочилъ къ двери, заперъ ее на ключъ и вновь сталъ
передъ сестрой.

— Сестра,—сказалъ онъ ей спокойно,—не дури. Не вми-
шивай чужую бабу въ нашъ разговоръ, который ведемъ между
собою. Вѣдь мы братъ и сестра. Я вѣдь ей могу такое сказать...
А впрочемъ Богъ съ ней. Ссориться съ тобой тоже моего же-
ланія нѣтъ. А последнее мое слово таково: коли Марѣу про-
стить не желаешь...

— Не желаю.

— Погоди. Коли непременно ее изгнать рѣшила, не глядя
на ночь...

— Рѣшила.

— Постой, дай кончить. Такъ вотъ, коли ты все это рѣ-
шила, то и я рѣшилъ: Марѣа отсюда пойдетъ ко мнѣ.

— Къ тебѣ?! — вскрикнула Евлампія Львовна.—Къ тебѣ?!

— Не на улицѣ же ей въ самомъ дѣлѣ ночевать? — просто
отвѣтилъ онъ.

— А ты... ты куда же дѣнешься?

— Къ товарищу уйду.

— А товарищъ-то женатый?

— Женатый.

— Эхъ ты, умная голова, совѣтчикъ! Такъ ты ее лучше къ
семейному чело-вѣку отвези, а не на свою квартиру...

— А вѣдь и то!—согласился Алексѣй Львовичъ. — А всего лучше ей бы у тебя оставаться.

— Никогда.

— Экъ вѣдь тебя и впрямь не переупросишь.

Это замѣчаніе, повидимому, понравилось Евлампіи Львовнѣ, и она даже улыбнулась.

— Да ужъ, это ты вѣрно,—сказала она.

— Ну, будь по твоему. А теперь—прощай.

Онъ собирался выйти, когда Евлампія Львовна опять его остановила.

— А когда же свадьбу играть будемъ?—спросила она.

— Какую свадьбу?—удивился Алексѣй Львовичъ.

— Твою съ Мароуткой.

— Сестра Евлампія!—торжественно заговорилъ онъ, какъ бы стараясь внушить ей однимъ своимъ тономъ уваженіе къ себѣ.— Такихъ и подобныхъ сему шутокъ, при всей своей незлобивости и безобидности, не потерплю. Низменныхъ чувствъ во мнѣ къ ней не имѣется, кромѣ благородныхъ и сострадательныхъ. Коли собаку на улицѣ брошенную пригрѣваемъ,—какъ же не пригрѣть человѣка? И Богъ воздастъ мнѣ, а тебя и твою злую совѣтчицу накажетъ. А господину Муромскому передамъ твое разрѣшеніе явиться. Что касается меня, то незваннымъ меня долго не увидишь, а коли понадобится совѣтъ или дѣло какое, я по прежнему твой слуга и совѣтчикъ. Ну, а за симъ прощай, зlobствуй во все свое удовольствіе и прости меня, коли я тебя чѣмъ обидѣлъ.

Она хотѣла ему что-то отвѣтить и даже поднялась съ кресла, но онъ ее уже больше не слушалъ, медленно подошелъ къ двери, отперъ ее и вышелъ.

Въ передней, на сундучкѣ сидѣла Мароуша съ залитымъ слезами лицомъ, закутанная въ пальто и платокъ, готовая къ „выброшенью на улицу“, но все еще на что-то надѣявшаяся.

— Ну, что?—прошептала она.—Простили?

— Собирайтесь, поѣдьте,—отвѣтилъ онъ.

Она опять залилась горячими слезами, но онъ успѣшилъ успокоить ее, и голосъ его звучалъ на этотъ разъ какъ-то особенно сурово.

— Чего хнычете? Въ хорошій домъ отвезу. Лучше чѣмъ здѣсь будетъ...

XIII.

Муромскій шелъ по улицѣ, понура голову. Настроеніе его было неопредѣленное. Съ тѣхъ поръ какъ онъ пріѣхалъ въ Россію, прошло не мало времени. Онъ отвыкъ отъ строя жизни, отъ строя мыслей окружавшихъ его людей. Къ прошлому его уже не влекло какъ-то, онъ и самъ не зналъ—почему; въ настоящемъ ощущалась тоска—нудная и томительная,—пустота и неловкость, въ будущемъ все казалось мрачнымъ и горькимъ. Два-три товарища, которыхъ онъ встрѣтилъ по возвращеніи, отнеслись къ нему странно: одинъ пренебрежительно холодно поторопился произнести нѣсколько фразъ, установленныхъ кодексомъ свѣтскихъ приличій; остальные и того не сдѣлали, а поспѣшили не узнать его; два раза заходилъ Ситниковъ и объявлялъ, что желаніе на свиданіе еще не послѣдовало со стороны сестрицы. Муромскій замѣтилъ, что „суровый консисторецъ“, какъ онъ называлъ его, постепенно размякаетъ и съ каждымъ разомъ говоритъ съ нимъ въ менѣе сдержанномъ тонѣ, а иногда въ его голосѣ прорываются даже мягкія, теплыя нотки. Въ особенности перерожденнымъ онъ явился въ послѣдній, третій разъ, объявивъ, что „согласіе на свиданіе со стороны Евлампіи Львовны хотя и послѣдовало, однако же съ нѣкоторыми „прелиминаріями“, что означало нежеланіе старухи, чтобы Муромскій увидался съ дочерью. Муромскій, послѣ минутнаго размышленія, согласился, въ душѣ разчитывая при личномъ разговорѣ покорить волю Евлампіи Львовны и добиться своего. Въ тонѣ же Алексѣя Львовича было на этотъ разъ такъ много ласки, что Муромскій рискнулъ его попросить передать дочери записку. Однако Ситниковъ, хотя и виноватымъ голосомъ, но съ достаточною твердостью отклонилъ это порученіе.

— Увольте-съ, ей Богу, увольте.

И Муромскій понялъ, что настаивать будетъ бесполезно.

Онъ, конечно, давно могъ бы самъ отважиться пойти къ Евлампіи Львовнѣ или послать съ еѣмъ-нибудь письмо дочери, но онъ ничего не хотѣлъ „форсировать“, опасаясь тѣмъ повредить дѣлу или Марусѣ. И онъ терпѣливо выжидалъ.

Теперь, когда онъ шелъ по деревяннымъ мосткамъ, которые колыхались подъ его ногами, какъ владыши негоднаго рояля, смутное, тревожное чувство овладѣло имъ. О чемъ онъ будетъ говорить съ этими темными и странными людьми? И главное, какъ онъ будетъ говорить? Конечно, ни онъ ихъ, ни они его не

поймутъ. Они говорятъ на разныхъ языкахъ, и мысли ихъ слишкомъ различнаго строя, чтобы совпасть хотя въ чемъ-нибудь. Раза два у него мелькнула мысль вернуться, но что-то властное, что-то до сихъ поръ ни разу неиспытанное, что-то невѣдомое, толкало его впередъ и впередъ и заставляло сердце его учащенно биться.

Онъ даже передернулъ раза два плечами отъ досады. „Есть многое на свѣтѣ, другъ Горацио...—думалъ онъ:—двадцать лѣтъ прошло, и я ни разу не вспомнилъ ни жену, ни дочь... и вдругъ какое-то наивное письмо незнакомой дѣвочки перевернуло мнѣ всю душу“! И по мѣрѣ того, какъ онъ приближался, душа его наполнялась сладостнымъ, мучительнымъ чувствомъ, и онъ, который привыкъ все анализировать, беспомощно разводилъ руками и не могъ понять, что съ нимъ такое происходитъ.

Когда-то, не такъ еще давно, онъ читалъ лекцію объ альтруизмѣ и эгоизмѣ; онъ доказывалъ, что оба эти чувства составляютъ необходимые элементы душевной организаціи человѣка; онъ говорилъ, что они находятся въ постоянномъ антагонизмѣ, что сердце человѣческое скорѣе эгоистично, а разумъ скорѣе альтруистиченъ; что любовь къ своимъ собственнымъ дѣтямъ, къ своей семьѣ, къ своей родинѣ, по самому своему существу—чувство узкое и эгоистическое, хотя, въ силу издавна сложившихся традицій и ложно истолкованной морали, принято думать наоборотъ; онъ толковалъ, что любовь къ постороннему человѣку и къ чужимъ дѣтямъ, шире, естественнѣе; что любовь къ человечеству вообще, во всѣмъ людямъ еще шире, еще естественнѣе; что слова: семья, общество, государство, патриотизмъ—слова ложныя, скрывающія альтруистическое чувство человѣка и связывающія полетъ его мысли.

И вотъ, вдругъ, теперь онъ чувствуетъ всю разницу между отвлеченными разсужденіями и практикой жизни. Еще не видя дочери, онъ полюбилъ ее. Неиспытанное теплое, цѣлительное родительское чувство наполняетъ его... и удручаетъ его.

— „Alea jacta est!“—пробормоталъ онъ и позвонилъ у двери.

Онъ вошелъ въ комнату Евлампіи Львовны. Старуха двинулась въ креслѣ, нагнулась впередъ, и во взорѣ ея выразилось недоумѣніе. Она не узнала его, и по всему видно было, что она его не ожидала.

— Муромскій,—тихо произнесъ онъ.

— А...—отвѣтила Евлампія Львовна.—Прошу поворно садиться.

Наступило молчаніе. Ни Евлампія Львовна, ни Муромскій не прерывали его.

Наконецъ, она, оправившись отъ смущенія, заговорила.

— Вамъ, стало быть, братъ передалъ мои условія?

— Это насчетъ того, чтобы не видѣться съ дочерью?

— Насчетъ этого самаго.

— Передалъ.

Они опять замолчали.

— Евлампія Львовна!—началъ онъ, стараясь найти надлежащій тонъ и уклоняясь отъ ея остраго, пронизательнаго взгляда.

— Я не понимаю,—вы, женщина благочестивая, строгой жизни, какъ говорить Алексѣй Львовичъ... какъ это вы можете ставить такія условія... Вѣдь Маруся—дочь мнѣ... вѣдь я—отецъ ея.

— Какой же вы отецъ, ежели вы ее двадцать лѣтъ не видали?

— Ахъ, оставьте вы эти двадцать лѣтъ!—съ досадою проговорилъ онъ.—Ну, что же изъ этого? Ну, не видалъ, а теперь желаю видѣть...

— Я думала, что вы покорились моему рѣшенію. Марусю вы не увидите. Къ чему? Ей живется хорошо, тихо, спокойно,—зачѣмъ смущать ея душу? Ежели вы съ тѣмъ пришли, чтобы замутить ея душу, вотъ вамъ мое слово... ужъ извините, не выщипите за рѣзкое слово... вотъ Богъ, а вотъ порогъ!

Въ эту самую минуту Муромскій почувствовалъ, какъ сердце его дрогнуло. Уйти, не увидавъ дочери? Уйти, не сказавъ ей ни слова? Не прижавъ ее къ груди, къ груди,—которая давно не видала ласкъ? Весь запасъ любви, который со дня рожденія заложенъ въ человѣческой душѣ, а у него накапливался годами, вдругъ поднялся сразу. Какой-то внутренней вопль стоялъ въ немъ, и онъ заговорилъ страстно и горячо, такъ, какъ никогда не говорилъ, какъ и не могъ предполагать, что умѣетъ такъ говорить.

— Евлампія Львовна, вы видите передъ собой глубоко несчастнаго человѣка... Жизнь моя была уже разбита въ молодыхъ годахъ. Жена меня покинула вскорѣ послѣ рожденія Маруси. Боже мой, я никого не обвиню,—не обвиняю и ее,—можетъ быть, я самъ въ этомъ виноватъ, и даже навѣрное. Потому меня покинули люди, товарищи, и я самъ оставилъ отечество. Безъ семьи, безъ друзей, прожилъ я чуть не четверть вѣка на чужбинѣ... Тяжело вѣдь мнѣ было, подчасъ такъ тяжело, что и сказать—не повѣрите. Ну, вотъ, сердце мое охладѣвало, чувства мои остывали, умъ работалъ, усиленно работалъ, а все, что я

писать, мало вѣмъ было понято какъ слѣдуетъ, мало вѣмъ было принято. Когда сердце молчитъ или ожесточается, разумъ всегда доходить до крайнихъ выводовъ. И я понялъ это недавно. И я раскаялся... И мнѣ захотѣлось пожить, какъ живутъ всѣ люди, и мнѣ захотѣлось любить, какъ любить всѣ люди...

Широко раскрывъ глаза, слушала старуха эту странную рѣчь, и ничего не понимала. Она глядѣла на этого красиваго сорокапятилѣтняго человѣка, и ее разбиралъ страхъ. Ростъ и фигура Муромскаго, который среди своей рѣчи всталъ, были величественны, лицо мужественное, жесты его широки, классически благородны и прекрасны, какъ у человѣка, привыкшаго къ извѣстности, къ жизни на людяхъ. Говорилъ онъ нѣсколько театрально, и подъ влiяніемъ увлеченія или сильнаго чувства рѣчь его походила на декламацию. Лицо его и глаза всегда выражали волнующія его въ данную минуту чувства. Невольно чувствовалось, что это характеръ сильный, упорно настойчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекающійся до самозабвенія, что препятствiя могутъ только разжигать его. И вмѣстѣ съ тѣмъ иногда въ его словахъ и въ особенности въ его тонѣ дрожали глубоко-сворбныя нотки. Евлампiя Львовна старалась остановить его движеніемъ руки, но онъ, повидимому, не замѣчалъ ничего.

— А коли вы раскаялись,—наконецъ сказала она,—такъ оно и лучше. Богъ любитъ раскаявшихся грѣшниковъ. Коли дѣйствительно раскаялись,—и онъ проститъ, многомилостивый. Ну, а коли онъ проститъ,—какъ не проститъ и людямъ? Хорошо, батюшка, вы это сдѣлали... Теперь бы вамъ отговѣтъ, да исповѣдываться... отъ еретичества отъ вашего отречься...

— Вы меня не такъ поняли,—смущенно началъ онъ.—Мнѣ не отъ чего отречься. Я не сдѣлалъ ничего дурнаго или зазорнаго, и мнѣ не въ чемъ каяться... Я каюсь въ одномъ,—что жилъ до сихъ поръ безъ любви, что осмѣливался думать, что можно прожить однимъ разумомъ. Теперь я хочу видѣть дочь,—понимаете ли,—хочу и имѣю полное право требовать этого свиданія. Никто, слышите ли, никто,—вдругъ разгорячился онъ,—не можетъ меня лишить этого права...

— Ну, вотъ, батюшка, теперь я узнаю васъ! — ехидно зашѣптала старуха. — И нечего, стало быть, было прикидываться овцой. Волеѣ-то всегда скажется, даже въ овечьей шеурѣ.

— Эхъ, не понимаете вы меня, Евлампiя Львовна!

— И не понимаю этого, точно,—смирненно согласилась она.

— И никогда, никогда не поймете! — вскрикнулъ онъ. — Слишкомъ мы разные люди. Мнѣ васъ не понять, а вамъ меня.

— Это точно, — опять согласилась она равнодушнымъ тономъ.

— Да, пожалуй, этого и не требуется, — началъ онъ. — Я знаю, вы воспитывали мою дочь, когда родители ее покинули, и я глубоко вамъ благодаренъ за это, — ахъ, еслибы вы знали, какъ благодаренъ!

— Не на чемъ, — пробовала она его остановить.

— Ея мать была безъ разума и сердца, а отецъ жилъ только разсудкомъ; пусть такъ, противъ этого нечего спорить. Вы замѣнили ей мать. Ну, хорошо; никто не можетъ отнять отъ васъ этой заслуги. Но теперь Маруся — взрослая дѣвушка. Предоставьте же ей увидѣть отца, поговорить съ нимъ и рѣшить, отвергнетъ ли она его, или нѣтъ. Я не хочу насилія; я всю жизнь былъ противъ него, и я, даю вамъ слово, тотчасъ же уйду, какъ только увижу, что сердце ея не лежитъ ко мнѣ. И никто изъ васъ, ни она, ни вы, ни братъ вашъ не увидятъ больше меня... Но если она не отвергнетъ меня, если она полюбитъ меня, предоставьте же и мнѣ въ моей горькой одинокой жизни испытать хотя одно мгновеніе счастья, почувствовать на себѣ хотя одинъ теплый лучъ любви... За чтѣмъ, по какому праву вы хотите лишить меня этого? Или вы боитесь за нее? Тогда непрочно же, значить, вы вселили въ нее ваши идеи! Пусть она увидится со мной въ вашемъ присутствіи. Вы сами будете свидѣтельницей, что я буду вести себя честно и ни одного слова не скажу ни противъ васъ, ни въ свою пользу. Она молода, и молодое, здоровое, искреннее чувство подскажетъ ей, чтѣмъ ей дѣлать... Согласны?

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное.

Дверь съ шумомъ распахнулась, и въ комнату вбѣжала Маруся; видъ ея былъ растерянный, возбужденный. Еще въ дверяхъ она оттолкнула отъ себя Стулову. Всѣ эти дни она сторожила Марусю. Но, въ свою очередь, и Маруся была на чеку, видимо волновалась и, сама не отдавая себѣ отчета, предчувствовала что-то. Теперь дѣвушка, опустивъ глаза, стояла передъ теткой. Евлампія Львовна сурово взглянула на Марусю.

— Чтѣмъ тебѣ надо? — спросила она ее. — Кто тебя звалъ?

Маруся ничего не отвѣтила и рѣшила поднять глаза. Взглядъ ея остановился на Муромскомъ, который при входѣ ея оборвалъ свою рѣчь на полусловѣ; онъ также смотрѣлъ на нее безмолвно, пораженный ея красотой, и не столько красотой, сколько выраженіемъ вротости и чего-то высшаго, идеальнаго, чтѣмъ было присуще ея лицу.

Что-то дрогнуло въ немъ, чужое, незнакомое, что-то потрясло его и сжало въ горлѣ.

— Маруся! — произнесъ онъ еле слышно, однѣми губами, дрогнувшимъ и прервавшимся отъ волненія голосомъ.

— Папа! — вырвалось у нея какимъ-то истерическимъ крикомъ.

Она вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, хотѣла сдѣлать шагъ къ нему, качнулась и должна была сѣсть на стулъ.

— Это я... да, это я... — бессмысленно и растерянно повторялъ онъ, не зная, чтó дѣлать, съ чего начать. — Это я... вотъ я хотѣлъ васъ видѣть...

Евлампія Львовна, казалось, превратилась въ каменное изваяніе; еле-еле двигались ея зрачки, переходя съ лица Муромскаго на лицо племянницы, но ни одинъ мускулъ ея собственнаго лица не дрогнулъ.

Муромскій понемногу началъ приходить въ себя. Онъ подошелъ къ дѣвушкѣ, наклонился надъ нею, взялъ ея холодную руку и поцѣловалъ ее. Еще за мгновеніе до этого онъ не зналъ, чтó именно онъ сдѣлаетъ; вообще, онъ вдругъ потерялъ всякую способность разсуждать и анализировать свои чувства. Все какъ-то спуталось, смѣшалось въ его всегда ясной головѣ, а сердце его учащенно билось и въ немъ жило какое-то странное, и сладкое, и тревожное въ одно и то же время чувство.

— Маруся, милая... чего же вы испугались? Не бойтесь меня, милая, хорошая... Я вѣдь вашъ отецъ... И я люблю васъ, хотя, можетъ быть, и потерялъ право на это...

И тутъ вдругъ Евлампія Львовна открыла свои окаменѣвшія уста и изрекла строгимъ голосомъ:

— Кто жъ своему дѣтищу „вы“ говоритъ? Дѣтище она вамъ аль нѣтъ?

Маруся оправилась. Теперь она съ улыбкой подошла къ Муромскому и заговорила:

— Папа, это хорошо, что вы, наконецъ, пріѣхали, я давно ждала васъ и уже думала, что вы не хотите меня видѣть. Вы не бойтесь тети, она славная, добрая... Вотъ я у васъ хочу спросить что-то при ней... можно?

И она опять вся вспыхнула.

Муромскій переглянулся съ Евлампіей Львовной, и ему дѣйствительно показалось, что на ея лицѣ появилось какое-то особое выраженіе доброты, котораго прежде онъ не замѣчалъ въ ней.

— Конечно, можно, Маруся, — нерѣшительно пробормоталъ онъ.

— Отчего вы раньше не шли къ намъ? Я знала, что вы здѣсь... Вы... тети боялись?

— Я не звѣрю, чтобъ меня бояться,—обидѣлась Евлампія Львовна.

— Я не хотѣлъ придти безъ ея согласія, безъ согласія той, которая тебя вырастила и воспитала, но она долго не соглашалась.

— Отчего?

— Оттого что она думала, что я не люблю тебя, что я хочу явиться къ вамъ съ нехорошими цѣлями.

— Да, я знаю,—прервала его Маруся.—Тетя думала, что вы не вѣрите въ Бога.—И она мучительно-вопросительно посмотрѣла въ глаза своему отцу.—Папа,—продолжала она, не давая ему времени собраться отвѣтить,—скажите мнѣ, вотъ сейчасъ, при тетѣ: вѣрите вы въ Бога?

— Вѣрю, дорогое дитя, я вѣрю въ Бога. Я не только вѣрю въ него, но и люблю его...

— Ну, вотъ видите, видите!—чуть не вскрикнула Маруся, обращаясь къ тетѣ съ радостнымъ и шумнымъ волненіемъ, и Евлампія Львовна въ первый разъ видѣла такое возбужденіе въ своей тихой племянницѣ. И она взглянула на нее строго, потому что никогда не допускала въ своемъ домѣ ничего шумнаго и веселаго.

Но Маруся на этотъ разъ не испугалась этого взгляда. Въ ней происходило что-то великое и радостное; новое сильное чувство, казалось, найдя лазейку, шумнымъ и обильнымъ потокомъ врывалось въ ея душу, пригнетенную, сдавленную, затемненную. Теперь у нея есть опора, есть человѣкъ, который можетъ всегда поддержать ее.

Муромскому вдругъ стало весело. Никогда еще ничего подобнаго онъ не испытывалъ. Ни тогда, когда писалъ свою книгу и пылалъ радостью при сознаніи, что Истина открывается ему; ни тогда, когда читалъ лекціи и слышалъ привѣтствія и одобренія восторженной молодежи; ни тогда, когда жилъ въ радостной природѣ, на берегу лазурнаго моря, въ сіяніи радостнаго южнаго солнца, въ созерцаніи глубокаго синяго неба.

Онъ нѣжно обнялъ Марусю и тихимъ, взволнованнымъ голосомъ заговорилъ, самъ не зная, откуда брались у него слова, сами собою срывавшіяся съ губъ, ни того, почему онъ говорилъ именно это, а не то, не сознавая и того, слушаютъ ли его и понимаютъ ли то, что онъ говоритъ.

— Я люблю Бога, милая, родная дочурка, и люблю его тво-

ренія. Какъ не любить Божій міръ, какъ не любить людей, созданныхъ по образу и подобию его? И тѣ, кто тебѣ сказали, что я не люблю Бога, что я врагъ его, сказали неправду... не потому, чтобы они хотѣли сказать ложь, а потому что были введены въ заблужденіе... Я повторяю тебѣ: я люблю Божій міръ; природа собрала на землю все, что необходимо для человѣческаго счастья, а природа—дѣло рукъ Божіихъ. И если человѣкъ несчастенъ, какъ, напримѣръ, была ты или я тоже, то кто же виноватъ? Самъ человѣкъ. Я долго жилъ одинокимъ и не сознавалъ, что есть счастье, такъ легко доступное человѣку. А отчего? Потому что человѣкъ не слушается голоса природы и удаляется отъ нея. Ахъ, Маруся, Маруся, человѣкъ много сдѣлалъ самъ себѣ зла и много принесъ самъ себѣ горя... между тѣмъ какъ счастье его и счастье его близкихъ—въ немъ самомъ. Главное—надо любить... Я долго не зналъ этого, и понялъ только тогда, когда неожиданно-негаданно получилъ твое письмо. Что-то проснулось тогда во мнѣ, чего я не зналъ прежде, чего я не испытывалъ. Это была любовь—любовь къ тебѣ, моему ребенку, котораго не зналъ.

Онъ замолчалъ, не находя словъ для дальнѣйшихъ выраженій своихъ мыслей, которыхъ было такъ много и которыя толпились въ его головѣ, перебивая другъ друга и смѣняя одну другую съ необыкновенной быстротою.

Но Маруся слушала его и не слышала. Какой-то экстазъ овладѣлъ ею. Она даже и врядъ ли понимала его.

Она была покорена сразу. Съ восторженнымъ удивленіемъ смотрѣла она на него, и неиспытанная еще радость наполняла ея чистую дѣтскую душу.

Она ему вѣрила! Она не хотѣла, не могла ему не вѣрить! Да и какъ можетъ этотъ величественно-прекрасный человѣкъ, говорящій ей такія ласковыя, такія трогательныя слова, такимъ хватающимъ за душу голосомъ—быть страшнымъ грѣшникомъ, съ душою, обреченною на адскія муки? Нужды нѣтъ, что она не понимала этихъ словъ; довольно ей было его видѣть и слышать, его, такого величественнаго, такого важнаго и такъ смиренно просящаго ея любви... Развѣ грѣшники могутъ такъ говорить, такъ думать, такъ чувствовать? Если даже онъ и грѣшникъ, то вѣдь онъ кается, а кающійся въ грѣхахъ угоднѣе Богу, нежели праведникъ!

Къ тому же она не могла не замѣтить, что тетка, при всей своей строгости и суровости, смягчилась при видѣ его искренности и смиренія.

XIV.

Жизнь въ домѣ Ситниковой измѣнилась послѣ перваго посѣщенія Муромскаго. Съ внѣшней стороны все шло по прежнему, но чувствовалось, что нѣчто необычайное готовится подъ этой обычной внѣшностью и скоро должно будетъ развиться неожиданнымъ ударомъ.

Евлампія Львовна разрѣшила Муромскому видѣться съ дочерью въ ея домѣ, но не иначе какъ въ ея присутствіи; онъ принялъ эти условія; онъ не могъ не принять ихъ, какъ она не могла отказать ему въ его законномъ правѣ. Но Евлампія Львовна опять сдѣлалась прежней: встрѣчала нежеланнаго гостя сурово, почти не говорила съ нимъ, дулась на него. Ея присутствіе стѣсняло и отца, и дочь, но они ничего не возражали и говорили другъ съ другомъ цѣлыми часами. Эти свиданія стали утомлять Евлампію Львовну, и она часто засыпала въ ихъ присутствіи. Тогда они становились смѣлѣе, откровеннѣе и высказывали другъ другу то, чего не рѣшались говорить, когда она бодрствовала.

Но Студова, этотъ злой духъ Евлампіи Львовны, настраивала ее противъ Муромскаго, и старуха становилась все злѣе и нетерпѣливѣе, и теперь стала спрашивать все чаще и чаще, долго ли еще пробудетъ въ городѣ Муромскій и не собирается ли уѣзжать. Въ концѣ концовъ его присутствіе стало стѣснять ее, и она потребовала, чтобы Муромскій видѣлся съ дочерью въ комнатѣ Маруси, но не иначе какъ въ присутствіи Александры Васильевны, которая ровно ничего не понимала изъ ихъ разговоровъ, крайне этимъ огорчалась и обижалась, и на другой день несла невозможную околесную, яко бы передавая Евлампіи Львовнѣ содержаніе ихъ бесѣдъ. Старуха раздражалась, молча негодовала, но не могла пріискать никакаго приличнаго данному случаю выхода.

Раза два призывался Алексѣй Львовичъ. Но прежняго довѣрія онъ уже не имѣлъ. Старуха замѣтила, что ея братъ сталъ „обадѣвши“. Говорилъ Богъ знаетъ что, отвѣчалъ невпопадъ, и впадалъ въ неистовство, когда худо отзывались о Марушѣ.

Еъ довершенію обѣдъ старый недугъ Евлампіи Львовны вернулся и уже съ удвоенной силой. Ноги ея рѣшительно пухли и превращались въ какія-то гранитныя тумбы. Она не могла не только ходить, но даже передвинуть ихъ съ мѣста на мѣсто. Не было никакого сомнѣнія, что водянка задушитъ ее. Она

этому рѣшительно не хотѣла вѣрить: „помилуй, сузад я женщина, не сырая, не тучная,—откуда тутъ водѣ взяться?“—А между тѣмъ недугъ подраживался несомнѣнно, слишкомъ явно и необыкновенно быстро.

Бывали минуты, когда старуха ужасно мучилась. Въ одну изъ такихъ минутъ былъ позванъ Алексѣй Львовичъ, и ему предписано было привести съ собою еще одного пріятеля. Очевидно, дѣло шло о написаніи завѣщанія, и это сильно обезпечило Стулову.

Однажды ночью, когда со старухой сдѣлался припадокъ удущья, она испугалась—не за нее, конечно, а за себя, и не выдержала:

— Всѣ подь Богомъ ходимъ, матушка-благодѣтельница, всѣ въ его десницѣ животь обрѣтаемъ,—сказала она.—А ну какъ помрете? Дай вамъ Господь много лѣтъ здравствовать, а только кто же знаетъ...

И вдругъ она бухнулась на колѣни и залилась пьяными слезами.

— Не забудь, матушка, и меня своими милостями! Гдѣ же бѣдной голову склонить, коли Богъ судилъ мнѣ одной горькую жизнь вдовью коротать? Окружена ты врагами, расхитятъ твое добро, выгонятъ на улицу вѣрную слугу твою. Вонъ, намеднись, братецъ вашъ были съ консисторскимъ... писали что-то, а чего писали, не вѣдаю. Да и бумажку, будто бы, съ собой унесли...

Когда припадокъ удущья прошелъ у Евлампіи Львовны, она упавшимъ голосомъ сказала:

— Встань, Александра, будетъ валяться, шута строить. Не люблю этого. И врагами я не окружена, окромѣ родной моей племянницы, которая мнѣ отнюдь не врагъ. И до завѣщанія моего тебѣ никакого дѣла нѣтъ, а хранится оно,—внушительно и многозначительно взглянувъ на нее, добавила она:—въ вѣрномъ мѣстѣ...

Послѣ этой отвѣди, Стулова притихла и даже перестала пугать Евлампію Львовну угрозою уйти изъ дому. Разъ она все-таки попробовала придаться къ чему-то и обидѣться.

— Уйду я, матушка, отъ васъ... Уйду, силъ моихъ нѣтъ, какъ обижаютъ бѣдную сирюю вдову...

— А уйди!—вдругъ услышала она равнодушный отвѣтъ Евлампіи Львовны.

И несмотря на то, что Стулова была уже около двери, она сконфуженно вернулась на свое мѣсто.

— Нѣшто я могу бросить свою благодѣтельница...— про-
бормотала она въ видѣ оправданія,— да еще въ такомъ положеніи...

— Само собой,— язвительно отвѣтила ей Евлампія Львовна.—
Развѣ видано когда, чтобъ воронъ улеталъ отъ добычи?

Стулова сдѣлала видъ, что ничего не слышитъ.

— Приказать чтѣ изволишь, матушка? — наивно спросила
она.— Слухъ сталъ плохъ что-то.

Но на это она не получила отвѣта.

XV.

Между тѣмъ, сближеніе между Муромскимъ и Марусей пло-
не по днямъ, а по часамъ. По мѣрѣ того какъ болѣзнь ста-
рухи усиливалась, ихъ свиданія становились все болѣе и болѣе
свободными. Стулова, несмотря на строгій приказъ Евлампія
Львовны, все рѣже и рѣже присутствовала при ихъ свиданіяхъ;
она должна была или находиться при больной, или бѣгать по
ея порученіямъ.

Иногда еще Евлампія Львовна требовала Муромскаго и Ма-
русю къ себѣ, но чрезвычайно быстро утомлялась отъ ихъ раз-
говоровъ и просила ихъ удалиться.

Муромскій будто перерождался въ присутствіи дочери. Теперь
онъ могъ анализировать все происходившее въ немъ, и по воз-
вращеніи домой, ночью, одинъ въ своемъ кабинетѣ предавался
думамъ, соображеніямъ и мечтамъ.

Желаніе увидѣть свою дочь, послѣ полученнаго имъ письма,
онъ объяснялъ себѣ страннымъ капризомъ, одною изъ тѣхъ
сумасбродныхъ фантазій, которыя иногда приходятъ въ голову
людямъ даже самымъ серьезнымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, ему
тогда казалось. Онъ даже создалъ цѣлую теорію такъ-называе-
мой родительской любви и чувства крови. Страстную любовь къ
своимъ дѣтямъ онъ считалъ скорѣе неизменнымъ и во всякомъ
случаѣ достаточно „эгоистическимъ“, „самочнымъ“ чувствомъ.
Мать, страстно, безумно цѣлующая своего годовалаго ребенка,
обогаетъ въ немъ свое тѣло, свою кровь, ибо она не знаетъ
еще, выйдетъ ли изъ ея сына „апостоль добра“ или „страшный
Картушъ“. Она готова „перервать горло“ сотнѣ другихъ дѣтей,
сотнѣ чужихъ сыновей, чтобы доставить своему лишній кусокъ
или лучшее мѣсто въ жизни. Во всемъ этомъ онъ, при всѣхъ
своихъ усиліяхъ, никакъ не могъ видѣть ничего высокаго, герои-
ческаго, святого, а только нѣчто животное, неизменное и даже

гнутое. Онъ признавалъ, что не только можно, но и должно любить дѣтей, какъ матеріалъ, какъ сырье для будущаго человечества; что молодежи надо посвящать свои силы и отдавать свое сердце, чтобы передать имъ добытую прежнимъ поколѣніемъ частицу истины. „Дѣти“ должны были передать своимъ дѣтямъ эту частицу, увеличенную ихъ собственной работой. Да, дѣтей надо любить и ихъ лелѣять, но для этого нѣтъ надобности, чтобы ребенокъ былъ непременно „свой“. Одинаково должно любить всякаго ребенка, да и притомъ „голосъ крови“—это метафора и больше ничего.

Онъ былъ убѣжденъ, что покинутаго вскорѣ послѣ рожденія ребенокъ не можетъ быть узнанъ отцомъ и даже матерью,—впоследствии, когда онъ станетъ взрослымъ. И если такому родителю укажутъ на юношу и скажутъ ему: „это вашъ сынъ“,—„кровь“ вѣроятно бросится ему въ лицо и залетѣть его краской стыда, но „голосъ крови“ все-таки будетъ молчать. И ему вспомнился даже извѣстный рассказъ про Лафонтена, покинувшаго жену и только-что родившагося ребенка, котораго онъ встрѣтилъ двадцать лѣтъ спустя. Ему представили юношу и сказали, что это—его сынъ. „Monsieur, —церемонно отвѣтилъ ему Лафонтенъ,—очень радъ съ вами познакомиться“, и, поклонившись, спокойно отошелъ отъ него. Отсутствие „голоса крови“ не можетъ, однакоже, ни въ чемъ помѣшать любви, которую можно питать къ ребенку; и эта любовь рождается только отъ привычки совместной жизни, отъ заботъ, которыми окружаешь этого ребенка, отъ его физическаго и нравственнаго развитія и даже отъ огорченій и заботъ, которыя онъ доставляетъ. Эгоизмъ—это одинъ изъ источниковъ, въ которыхъ особенно охотно зарождаются самыя ужасныя болѣзни человѣческаго духа,—а что можетъ быть эгоистичнѣе любви къ своему ребенку, понятой узко въ „материнскомъ“ смыслѣ слова?..

Такъ разсуждалъ онъ еще очень недавно и считалъ себя правымъ. Но, вотъ, теперь, при видѣ этой цвѣтущей дѣвушки, куда дѣвались эти сухія, формальныя, разсудочныя мысли? Слушая ея глупенькія, наивныя рѣчи, упиваясь ея нѣжнымъ серебрянымъ голоскомъ, вглядываясь въ ея ласковыя, красивыя глаза, онъ чувствуетъ, какъ что-то пона еще смутное, но уже хорошее овладѣваетъ имъ, какъ сердце его начинаетъ сладостно биться, а разсудокъ съ его теоріями упорно молчитъ. Какъ разъ наоборотъ тому, въ чему онъ такъ привыкъ и что казалось ему единственно вѣрнымъ и непреложнымъ.

И въ Марусѣ происходила замѣтная перемѣна. Ея долго

дремавшій умъ, отъ природы пытливый, наслѣдственно-аналитическій, начиналъ пробуждаться. Жажда знаній просыпалась въ ней; но она, издавна привыкшая къ молчанію и покорности, смущаемая внушенною ей неприкосновенностію къ этимъ вопросамъ, суевѣрно боялась ихъ поднимать, сильно смущалась, услышавъ что-либо сильно расходящееся съ тѣмъ, чему ее раньше учили, и по ночамъ подолгу замаливала свои дневные грѣхи.

Но мало-по-малу, хотя и быстрѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, цѣпи ея скованной мысли ослабѣвали, распадались, освобождали ее. Она походила теперь на путника, долго блуждашаго по бесплодной и унылой пустынѣ и вдругъ набредшаго на оазисъ съ свѣтлой проточной водой и рощами съ великолѣпными, невиданными ею плодами. И она припала къ этому ручью запекшимися губами и жадно пила эту живительную влагу; и невѣдомые плоды манили ее и пугали; ей страстно хотѣлось отвѣдать ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ее пугала отравя, которая, можетъ быть, заключалась въ нихъ.

Муромскій отлично понималъ состояніе ея души. Онъ понималъ, что голодному человѣку нельзя сразу дать много пищи. И потому съ крайней осторожностію и съ большими промежутками открывалъ ей одну за другою свои истины, и, къ своему немалому удивленію, находилъ въ ней вполне здравый, логичный умъ. Мысли его она схватывала на лету, понимала его съ двухъ-трехъ фразъ и быстро усваивала самую суть, борясь еще съ своими прежними убѣжденіями и освобождаясь отъ опутывавшихъ ее суевѣрій и страховъ.

— Соединеніе частицъ, называемыхъ атомами, составляютъ человѣка и даютъ глазу наблюдателя, также состоящаго изъ атомовъ, пріятную комбинацію, называемую человѣкомъ. Придетъ день, они разъединятся съ тѣмъ же индифферентизмомъ, съ какимъ соединились, и человѣкъ исчезаетъ...

— А душа? — съ горящимъ взоромъ прерывала она его. — Въ каждомъ тѣлѣ живетъ душа: у злого человѣка душа одна, а у добраго — другая. Поэтому Богъ караетъ злодѣевъ и милуетъ добрыхъ.

— Богъ никого не караетъ, Маруся. Разъ ты признаешь, что человѣкъ — созданіе Божіе, такъ какъ же онъ можетъ карать насъ? Разъ онъ насъ создалъ, то не можетъ онъ быть ни удивленъ, ни разсерженъ, видя насъ такими, какими онъ насъ создалъ, и дѣйствующими согласно съ тѣми побужденіями и мыслями, которые онъ въ насъ вложилъ. Человѣкъ часто называетъ зломъ то, что можетъ быть вовсе и не зло. Разумъ и знаніе въ гла-

захъ твоей тетушки, напрымѣръ, несомнѣнное зло... Поэтому важенъ скорѣе не самый поступокъ, не самое совершившееся дѣло, а побужденіе, двинувшее человѣка на совершеніе того или иного дѣла.

— Я не понимаю этого,—безпомощно сказала Маруся.

— Ну, напрымѣръ: если человѣкъ, подавая милостыню, раздражается и спѣшитъ сунуть ее голодающему, лишь бы отдѣлаться отъ его просьбъ или чтобы заслужить названіе великодушнаго человѣка, или чтобы эгоистично избавиться отъ непріятнаго для него зрѣлища, то милостыня — злое дѣло. Если онъ подаетъ ее съ сердечнымъ порывомъ, съ душевною болью, она — хорошее дѣло. Молитва считается тобою святымъ дѣломъ?

— Конечно, папа!

— Но если ты молишься о дарованіи тебѣ того или иного блага—молитва пріобрѣтаетъ значеніе вымогательства, и кромѣ того она безцѣльна — вѣдь Богъ всевѣдущій не лучше ли тебя знаетъ, чтѣ именно тебѣ нужно?

Маруся широко раскрыла глаза и взволновалась. Это ее поразило. Какъ! Тетка заставляла ее часами стоять на колѣняхъ и выпрашивать у Бога разныхъ милостей для нея самой и для ея близкихъ. И она стояла и выпрашивала. И это было грѣшнымъ, дѣломъ и она оскорбляла этимъ Бога? Какія странныя вещи говорить ей отецъ! Но почему же эти вещи не возмущаютъ ее теперь, а какъ будто находятъ въ ея сердцѣ мѣсто и даже усваиваются ею?

— Папа!—страстно заговорила она:—вотъ мы узнали теперь другъ друга и мы много говорили съ вами за это время... Скажите мнѣ, скажите по совѣсти, какъ передъ Богомъ—христіанинъ вы или нѣтъ? Исповѣдуете ли вы нашу вѣру?...

Она еще что-то хотѣла сказать, но волненіе помѣшало ей, голосъ ея пресѣкся. Она въ первый разъ рѣшилась поставить ему этотъ вопросъ ребромъ, смѣло, категорически, безъ колебаній. Отъ этого зависѣло все ея будущее. Онъ, этотъ вопросъ, былъ слишкомъ великъ для нея, слишкомъ жгучъ, слишкомъ болѣзненъ, чтобы она могла относиться къ нему спокойно. До сихъ поръ она слушала ежедневно его рѣчи, которыя ей все-же казались грѣшными, быть можетъ, потому, что она наполовину ихъ еще не понимала, а только чувствовала, что за ними скрываются какіе-то новые горизонты. Ей хотѣлось, чтобы онъ ей прямо сказалъ, что онъ не еретикъ, что онъ христіанинъ, что онъ вѣруетъ въ то, во чтѣ она вѣруетъ, чтобы она могла за

нимъ пойти смѣло, безъ страха будущихъ мученій за вѣроотступничество, безъ думъ, безъ колебаній.

И онъ понялъ ея наболѣвшую душу. Онъ понялъ, что ему надо высказаться ясно, твердо, просто. Но онъ чувствовалъ и сознавалъ, что не умѣетъ говорить достаточно просто, такъ, чтобы его могла понять такая простая душа, какъ душа его дочери. Ахъ, еслибы онъ обладалъ даромъ Великаго Учителя въ простыхъ притчахъ высказывать величайшія философскія истины! Но не отвѣтить на ея вопросъ нельзя было, и онъ поспѣшилъ отвѣтить, какъ умѣлъ.

— Слушай, Маруся, — началъ онъ: — когда Великій Учитель кончилъ свое земное поприще, онъ оставилъ послѣ себя величайшее изъ ученій міра — христіанство. Рождались и умирали люди, гибли и нарождались государства, проходили вѣка, а учение его живо до сихъ поръ — не доказательство ли это истинности и силы его ученія? И я вѣрю этому ученію, я страстно вѣрю въ его духъ. Я хотѣлъ бы сдѣлаться первобытнымъ галилеяниномъ съ простою душою тѣхъ рыбаковъ, которые заглядывали въ Геннисаретское озеро сѣти, слушая слова, великія и простыя слова Божественнаго Учителя; я бы хотѣлъ пережить этотъ чудный совѣтъ, испытать на себѣ все очарованіе Мессіи. „Любить Бога“ значитъ любить все прекрасное и доброе или, по крайней мѣрѣ, то, что мы искренно и убѣжденно считаемъ таковымъ. Быть религиознымъ значитъ умѣть отыскивать во всемъ существующемъ духъ Божества, вѣрить, что онъ почиетъ въ тебѣ; если ты будешь прислушиваться каждую минуту къ своему внутреннему голосу, то каждый разъ этотъ голосъ направитъ тебя на вѣрный путь истины. „Толцые и отверзете вамъ, ищите и обряцете“. Вотъ въ этомъ-то „исканіи“ и заключается служеніе правдѣ и добру. Я именно такъ понимаю христіанство, и потому смѣло отвѣчаю тебѣ на твой прямой вопросъ, „христіанинъ я или нѣтъ“. Да, я христіанинъ, христіанинъ убѣжденный, и, думаю, не хуже и не менѣе христіанинъ, чѣмъ твоя тета и чѣмъ ты сама...

XVI.

Въ такихъ разговорахъ проходили дни и вечера. Отецъ и дочь сильно привязались другъ къ другу; имъ обоимъ страшно стало вспоминать, что такъ дольше продолжаться не можетъ и что такъ или иначе придется рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ ихъ существованіи.

Муромскій рѣшилъ окончательно переговорить съ Евлампіей Львовной относительно будущности Маруси и просить старуху не препятствовать его дочери жить съ нимъ или уѣхать куда-нибудь вмѣстѣ съ нимъ изъ города. Но онъ никакъ не могъ найти удобнаго случая. Старухѣ становилось все хуже и хуже, и теперь большую часть дня она проводила въ полудремотномъ состояніи, переходившемъ иногда въ обморочное. И она какъ-то все больше и больше замыкалась въ себя: рѣдко допускала къ себѣ Стулову, еще рѣже Марусю, а отъ свиданія съ Муромскимъ разъ навсегда и весьма рѣшительно отказалась.

— О чемъ мнѣ съ нимъ говорить?—отозвалась она:—пущай дѣлаетъ, что хочетъ, а на совмѣстное житье съ нимъ Маруси нѣтъ моего согласія. Однако и Маруся взрослый человѣкъ—ея добрая воля, коли душу свою хочетъ погубить, никто отъ этого удержать ее не можетъ. А мнѣ въ пору и о своей душѣ подумать. Не жилица я больше на этомъ свѣтѣ...

Однажды Муромскій велѣлъ передать ей, что привезетъ къ ней извѣстнаго доктора, который можетъ вылечить ея болѣзнь, но старуха спокойно отвѣтила:

— Благодарствую на добромъ желаніи, а только еще ни одинъ врачъ отъ смерти не вылечивалъ.

Въ тотъ же вечеръ старухѣ сдѣлалось совсѣмъ северно; она еле-еле могла усиленіемъ воли побороть дремоту и послать Стулову за братомъ. Но тотъ не пришелъ, а велѣлъ отвѣтить черезъ посланную, что у него и „своихъ дѣловъ много“.

Старуха врядъ-ли осмыслила этотъ отвѣтъ и даже не удивилась ему со стороны всегда услужливаго Алексѣя Львовича; она просила позвать къ ней Муромскаго. Но когда тотъ вошелъ въ комнату, она махнула рукой и проговорила:

— Нѣтъ, это я такъ... попритчилось.

Однако онъ не ушелъ, а сѣлъ въ кресло, думая, что она вспомнить, зачѣмъ его звала, и онъ не ошибся.

Евлампія Львовна опять преодолѣла свою дремоту и, пристально всмотрѣвшись въ своего гостя, проговорила:

— Господь къ себѣ требуетъ. Его святая воля. Часъ мой насталъ. Поговорю съ Марусей. Не препятствуйте ей — пусть сама рѣшить.

И она махнула рукой, давая знать, что аудіенція окончена. Онъ понялъ, что она хочетъ поговорить съ его дочерью передъ смертью и предоставить ей самой рѣшеніе своей участи. А что она умирала, онъ въ этомъ уже не сомнѣвался. Достаточно было взглянуть на ея полупотухшіе глаза, на ея осунувшееся лицо,

несмотря на его одутловатость и опухлость, наконецъ, на что-то неуловимое, смутное и тяжелое, легшее на ея лобъ и губы, чтобы убѣдиться, что смерть подошла къ ней и невидимой рукой запечатлѣла на ней свою печать.

Онъ вышелъ отъ старухи грустный, подавленный. Все же, въ глубинѣ души онъ чувствовалъ къ Евлампіи Львовнѣ благодарность за то, что она взростила его дочь, его Марусю, за то, что она воспитала ее и, несмотря на всю нелѣпость этого воспитанія, не окончательно затемнила ея разумъ и не совершенно иссушила ея сердце.

А онъ только радовался! Они много говорили съ Марусей и даже строили планы. Онъ видѣлъ, что часъ, когда Маруся освободится отъ опутывавшихъ ее чаръ ложныхъ ученій— близко; ея умъ просвѣтлялся; ей захотѣлось учиться, увидѣть свѣтъ, вспорхнуть вольной птицей. Какая радость—онъ направить ея полетъ, онъ уважаетъ ей на новый путь и поведетъ ее по нему.

И вдругъ что-то тяжелое легло ему на душу.

Онъ простился съ дочерью горячо. То родительское чувство, которое зародилось въ немъ такъ недавно, быстро выросло и теперь достигло высшей точки.

— Маруся! — взволнованно сказалъ онъ: — тетка твоя умираетъ...

Она вскрикнула.

— Да, родная, ступай къ ней; она хочетъ тебя видѣть...

Онъ поцѣловалъ ее и пошелъ къ двери. На порогѣ онъ обернулся.

— Маруся,—тихо проговорилъ онъ:—мы друзья? Ты мнѣ не измѣнишь?

Онъ и самъ не зналъ, что хотѣлъ сказать этимъ, и эти слова вырвались у него неожиданно, произвольно.

Она ему ничего не отвѣтила. Глаза ея были полны слезъ и страшная блѣдность покрыла ея лицо...

XVII.

Въ угловой комнатѣ царилъ полумракъ. Въ широкое и глубокое креслѣ сидѣла Евлампія Львовна, порывисто и тяжело дыша. Въ темномъ кюветѣ, за стекломъ, дрожало пламя лампы, разливая на серебряныя и золотыя ризы потемнѣвшихъ отъ времени ликовъ трепетные отблески свѣта. Пажко

насломъ и лекарствами, хотя больную никто не лечилъ, и только Студова варила ей какое-то питье и натирала изрѣдка камфорнымъ спиртомъ, увѣряя Евлампію Львовну, что камфорный спиртъ „ото всего хорошъ“. Давно знакомыя картины на стѣнахъ, желтый ликъ Христа передъ Фомой и синія одежды Маріи Магдалины—вновь мелькнули въ глазахъ Маруси, и кіотные образа, казалось, мрачно взглянули на нее. Въ комнатѣ было тихо, уныло, мрачно, какъ всегда, но было еще что-то невидимое и слышимое, невѣдомое, но близкое, несомнѣнно присутствующее, что заставило содрогнуться ее сердце. Между ею и теткой никого не было, но она ясно ощущала присутствіе чего-то, что глядѣло на нее невидимымъ ей взоромъ, что, казалось, вошло въ комнату вмѣстѣ съ нею и беззвучно шептало какія-то рѣчи, которыя она не могла ни слышать, ни понять. И она поняла, что Смерть, эта величайшая изъ тайнъ, эта роковая Незвѣстность, несомнѣнно присутствуетъ въ этой комнатѣ. И какъ будто что-то тяжелое придавило ее...

Евлампія Львовна заговорила, и Маруса вздрогнула—до того ей показался чуждымъ и страннымъ голосъ больной.

— Маруса,—начала старуха хрипло и тяжело переводя дыханіе,—умираю...

— Тетя!—вскрикнула дѣвушка, но больная слабо пошевелила пальцами, какъ бы прося ее не прерывать и отказаться отъ ненужныхъ и ни къ чему не ведущихъ сожалѣній.

— Умираю... Молилась врачу многомилостивому, угоднику Христову, дѣлтелю Пантелеймону, однако часть мой насталь. Не боюсь смерти, не страшусь предстать предъ Господомъ. Спокойно отошла бы въ его святое лоно, но одно мучаетъ меня, и сильно страдаю поэтому. Мучаетъ меня твоя участь... На ложный путь ты вступила и губишь свою душу... Злой человекъ совратилъ тебя; всю жизнь свою грѣшную отдала я тебѣ; вскормила, вспоила, наставила въ благочестіи, а теперь что? Умру и погибнешь, какъ погибла Марса—отпусти ей, Господи,—какъ погибли многія.

Она умоляла, переводя духъ, пошевелила пальцами, собралась съ силами и продолжала:

— Дай же мнѣ отойти спокойно... За всю мою любовь, за всѣ мои заботы достойно отплати мнѣ... Не для себя прошу,—для тебя же.

У Маруси похолодѣло сердце. Смутно она почувствовала, что старуха потребуетъ отъ нея большой, серьезной жертвы, быть можетъ, жертвы на всю жизнь, и ей стало страшно.

— Воля умирающаго священна,—продолжала больная:—кто преступитъ ее—великъ грѣшникъ передъ Господомъ, и тому человеку нѣтъ счастья на землѣ и нѣтъ спасенія въ будущей жизни... А ты, вскормленная мною, развѣ можешь отказать мнѣ?

— Нѣтъ, тетья, не могу,—тихо проговорила Маруся.— Скажите, чего вы хотите отъ меня?

— Сдѣлаешь? Все сдѣлаешь, что попрошу?

— Все, что въ моихъ силахъ.

— Правда?

— Богомъ клянусь, тетья.

— Не клянись, это грѣшно. Скажи: „да“, и я тебѣ повѣрю. Измѣнишь слову — не будетъ тебѣ счастья и покоя. Тагъ сдѣлаешь?

— Да.

— Ну, спасибо тебѣ, родная. Вотъ мнѣ и легче. Вотъ чего я хочу отъ тебя. Какъ только я умру, похорони меня честь честью, а сама ступай въ монастырь.

— Тетья!—въ ужасѣ вскрикнула дѣвушка, поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Не бойся. Не въ монашки прощу тебя идти, разъ у тебя сердце не лежитъ къ этому. Слушай: записала я все свое состояніе въ Новоспасовъ монастырь, съ тѣмъ, чтобы тебѣ отведена была тамъ келія на всю твою жизнь. Алексѣй ѣздилъ,—говорить, все устроилъ. И бѣлье, и постель, разрѣшили тебѣ имѣть свои, и даже умывальникъ. Одного не разрѣшили: писемъ писать и получать ихъ. Поживи тамъ три года; свыкнешься, потянетъ тебя душою Христовой невѣстой стать—къ тому времени пострижешься. Нѣтъ — войдешь въ свѣтъ, на эту мученическую жизнь въ свѣтъ; а страстеса бѣда—все-же у тебя будетъ вѣрный кусокъ хлѣба да теплый уголь; келія останется за тобою. Алексѣю оставлю пять-сотъ рублей—пусть съ ними дѣлаетъ, что хочетъ, и Александрѣ тоже пять-сотъ рублей—знаю, пропьетъ и подъ заборомъ умретъ. Хотѣла и ей устроить хорошую жизнь, да за ея строптивость, да пьяное поведеніе, раздумала. Что толку деньги по кабакамъ оставлять... Много она меня терзала, и еще больше я ей уступала. Все думала—наверстаю. Ну, вотъ и навестала...

— Передъ смертью прощать надо обиды!—вступилась Маруся, потрясенная своимъ неожиданнымъ горемъ, за Стулову.

— Я и простила... Это Богъ мнѣ внушилъ. Это онъ ее караетъ моей грѣшной рукой. И тебя ничѣмъ не обязываю. Сдѣлаешь какъ знаешь. Ты молода, и черезъ три года будешь мо-

лода — жизни впереди много. А только есть на то моя непремѣнная воля, чтобы тебѣ прожить три года въ обители... Горе ребенѣ, у котораго нѣтъ родителей, а еще горше тому, у кого они дурные... Прости, Господи, твоему отцу его еретичество...

— Тетя, родная, да онъ не еретикъ! — попробовала Маруся защитить отца.

— Еретикъ, еретикъ, злой еретикъ! — упорно, твердо, не смотря на свою слабость, проговорила старуха. — Я прощаю ему, Богъ ему никогда не простить...

— Богъ милосердь...

— Есть грѣхи непрощаемые. Самъ Христосъ сказалъ: горе тому, кто соблазнить невинную душу, и ему надо мельничныи жерновъ на шею и въ воду... Соблазнить, соблазнить онъ тебя...

Она заговорила невнятно, тихо, впавъ въ полное расслабленіе. Грудь ея высоко и тяжело вздымалась, вѣки закрылись, пальцы слабо шевелились. Но губы ея, синія и распухшія, продолжали бормотать что-то невнятное. Маруся въ страхъ нагнулась къ ней, прислушиваясь къ ея словамъ. Но это были уже какія-то странныя, дикія слова, въ которыхъ не было мысли, а чувствовался непонятный ей бредъ.

Маруся задрожала въ испугъ и выбѣжала изъ комнаты.

— Александра Васильевна! — зашептала она страстно, встрѣтивъ въ коридорѣ приживалку. — Съ тетей что-то неладное творится, я боюсь...

— Нечего тебѣ бояться. Умираетъ — вотъ тебѣ и неладное. Живого надо бояться, а такая не страшна... Чтѣ она теперь можетъ безъ движеніевъ?..

Онѣ вошли въ комнату больной. Евлампія Львовна уже хрипѣла; въ груди ея что-то влокотало; пальцы ея болѣе не шевелились. Что-то еще болѣе страшное, еще болѣе торжественное, чѣмъ то, что Маруся увидѣла въ первый свой приходъ, легло на ея лицо.

— Чтѣ съ ней? — прошептала она, наклонившись къ Стуловой.

— Извѣстно чтѣ! Отходить, — отвѣчала она, тоже шопотомъ.

Стулова опустилась на колѣни и стала бормотать про себя молитву великомученику Пантелеймону-Цѣлителю, хотя ясно было, что молиться объ исцѣленіи было уже поздно...

Больная открыла глаза, но въ мутномъ взорѣ ея уже не было жизни.

— Дѣйствуетъ, — проговорила Стулова. — Дѣйствуетъ молитва-то.

И она продолжала читать про себя.

Клокотаніе въ груди Евлампіи Львовны вдругъ прекратилось; какая-то судорога прошла по ней, какъ будто она хотѣла сдѣлать отчаянное усиліе встать; пальцы снова задвигались, дыханіе сдѣлалось ровнѣе, и на лицѣ появилось подобіе улыбки, что-то блаженное и страдальческое.

Сердце Маруси горестно сжалось. Вся ея жизнь въ домѣ тетки возстала передъ ней, и она почувствовала, что въ ея сердцѣ ярко зажглась любовь къ этой умиравшей женщинѣ, отдавшей ей всю свою жизнь. До сихъ поръ она только смутно догадывалась, что любить ее, — теперь она безсознательно удивлялась силѣ этого чувства. Горячія мучительныя слезы закатали изъ ея глазъ и рыданія просились наружу, но она сдерживала ихъ.

— Ступай къ себѣ! — услышала она надъ ухомъ шопотъ Стуловой. — Еще до утра протянется. Когда нужно будетъ — позову. Ей легче отходить будетъ въ покоѣ. Ступай, ступай же...

Но Маруся не шла, не будучи въ силахъ оторвать своего взора отъ умиравшей.

Стулова взяла ее за руку и тихо, хотя настойчиво, вывела ее изъ комнаты.

— Аль боишься? — спросила она ее въ коридорѣ. — Все цѣло будетъ, небось!

Маруся вдругъ потеряла всю свою волю, почувствовала необыкновенную слабость и, какъ подкошенная, не раздѣваясь, легла на постель и заснула глубокимъ, свинцовымъ сномъ.

Стулова немедленно вернулась въ комнату больной и, дрожа отъ страха и тишины, обшарила шкафъ, кіотъ и комодъ, въ чаяннн найти какую-либо бумажку, но ничего не нашла и усѣлась на табуретку.

— Припрятали, аспиды! — не удержалась она.

XVIII.

Бѣлесоватый разсвѣтъ занялся надъ улицами города и проиньъ черезъ единственное окно въ комнату Маруси.

Дѣвушка спала безпробудно съ той минуты, когда, подавленная горемъ и усталостью, легла на постель. Теперь она чувствовала надъ собой че-то дыханіе. Усиліемъ воли она заставила себя пробудиться и открыла глаза. Она различила передъ собой

темный силуэт Стуловой. Приживалка наклонилась къ ней и что-то ей говорила.

Наконецъ Маруся поняла смыслъ ея словъ.

— Вставай... вставай... Благодарѣтельница наша приказала долго жить...

— Тетушка?!—вскрикнула Маруся.

— Помёрши...—утвердительно кивнула головой Стулова.

Маруся мигомъ всочила съ постели. Вся эта ночь разомъ припомнилась ей. Прѣжнее больное чувство овладѣло ею. Тетушка умерла! Умерла единственная въ мірѣ душа, которая любила ее, которая лелѣяла ее. Любила по-своему конечно, но все-же любила. И она теперь осталась одна, сиротой на этомъ свѣтѣ... А отецъ? И Маруся вспомнила, что смерть тетки лишила ее отца. Со смертью тетки она разомъ потеряла двухъ любимыхъ ею существъ. Она вспомнила, что дала умирающей слово пойти въ монастырь; что это слово дано ею добровольно, и что никто, никто, ни одна душа не властна разрѣшить ее отъ этой клятвы. И ей стало жалко себя, и ей показалось, что она сама умираетъ, сама своими руками хоронитъ свою молодость, свои проснувшіяся мечты—въ холодную, мрачную могилу. И она заплакала; слезы ея лились неудержимо, страстно, горячо. И больно ей стало отъ сознанія, которое нашептывало ей, что она плачетъ больше о себѣ, чѣмъ о теткѣ, и оплакиваетъ свою смерть горячѣе, чѣмъ смерть Евлампіи Львовны.

— Что плакать-то? Не плачь,—говорила Стулова.—Становись-ка на молитву. Стань передъ образомъ на колѣни и молись великому Искупителю объ упокоеніи души рабы божіей Евлампіи и объ отпущеніи ей грѣховъ ея.

Маруся послушно опустилась на колѣни. Но молиться она не могла. Слова молитвы не шли съ ея языка, не приходили ей на умъ, не зарождались въ сердцѣ... Умъ былъ какъ-то особенно разсѣянъ, а сердце ея сосала одна мысль, что вотъ всѣ мечты ея рухнули, что впереди, вмѣсто широкой, вольной жизни, вмѣсто голубого неба и золотыхъ лучей солнца, вмѣсто смѣлыхъ рѣчей отца, такъ волновавшихъ и соблазнявшихъ ее, ей предстоитъ одинокое, унылое прозябаніе въ мрачной кельѣ, гдѣ будетъ царить могильная тишина, безмолвіе смерти, прерываемое бормотаньемъ молитвъ и пѣніемъ вѣра... Ей не хотѣлось молиться; душа ея ныла и безмолвовала; ей хотѣлось кого-то обвинять, на что-то жаловаться, о чемъ-то плакать. Но она не находила ни кого обвинять, ни на что жаловаться, ни о чемъ плакать... Все ей казалось постылымъ и чужимъ, ничего ей не

было жалко, и вдругъ все опять становилось ей близкимъ и дорогимъ, а ея судьба—ужасной.

Къ утру набѣжали откуда-то старушки, которыхъ Маруся до того не видѣла и не знала, любительницы похоронныхъ церемоній, и принялись суетливо „обряжать“ покойницу.

Еще попозже явился, увѣдомленный Стуловою, Алексѣй Львовичъ. На лицѣ его не было ни горя, ни удивленія.

— Царствіе ей небесное!—прошепталъ онъ, набожно перекрестившись передъ трупомъ, но произнесъ онъ это какъ-то безучастно, формально.

Когда онъ поправилъ простыню, которою было покрыто тѣло его сестры, Марусѣ мелькнуло на его пальцѣ обручальное кольцо. Она удивилась, но мысли ея были далеки ото всего ее окружавшаго, и она ничего не сказала.

Около одиннадцати часовъ, по обыкновенію, явился Муромскій. Еще въ воротахъ дома онъ узналъ о смерти Евлампіи Львовны и очень удивился такой быстрой развязкѣ; сердце его тревожно забилось, въ предчувствіи чего-то недобраго. Быстро онъ вошелъ въ квартиру покойной, гдѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ старухъ съ важными и строгими лицами, въ сознаніи необходимости своего положенія въ домѣ и первенства своего значенія въ данную минуту.

Онъ зашелъ въ комнату, гдѣ лежало тѣло, и поклонился ему. Маруси здѣсь не было; она сидѣла въ своей комнаткѣ.

Когда онъ вошелъ туда, она истерически вскрикнула и кинулась ему на шею, обливаясь слезами.

— Папа! папа!—кричала она:—все кончено, все...

Онъ не понялъ ее и сталъ утѣшать. Онъ немножко не ожидалъ, что смерть всегда суровой тетки произведетъ на нее такое сильное впечатлѣніе. Но она быстро рассказала ему ночную сцену. И тогда онъ все понялъ и содрогнулся.

Онъ хотѣлъ ее утѣшить; хотѣлъ сказать, что она не должна держать своего обѣщанія, если оно противно ея совѣсти. Но онъ ничего не сказалъ, потому что не осмѣлился.

— Я глядѣла на нее сегодня утромъ,—быстрымъ шопотомъ сообщала ему Маруся.—Ея лицо такое стало доброе и торжественное. Глаза ея были закрыты, но мнѣ казалось, что она сквозь вѣки смотритъ мнѣ въ самую душу и спрашиваетъ меня, сдержу ли я свое слово... Ты молчишь, папа? Ты не можешь мнѣ ничего сказать?

Она залилась слезами.

Онъ погладилъ ея волосы. Странная беспомощность овла-

дѣла имъ. Куда дѣвалось его мужество, его сила воли, его ясное отношеніе къ вопросамъ вѣры, духа и жизни. Онъ могъ бы смѣло сказать ей въ другую минуту: „человѣкъ долженъ дѣлать то, что кажется ему справедливымъ и истиннымъ; все остальное — предразсудки, выдуманные людьми“. Но онъ не могъ теперь произнести этого и смущенно молчалъ.

— Я дала, дала ей слово передъ лицомъ Бога. Я повлялась умирающей исполнить ее волю, — все страстиѣ говорила Маруся. — Могу ли я измѣнить этой клятвѣ, могу ли я это сдѣлать? Скажите, папа, — могу?

И вдругъ какъ будто кто-то посторонній, чужой посгѣшилъ отвѣтить за него:

— Нѣтъ, не можешь!..

Да, это сказалъ онъ. Онъ самъ произнесъ эти роковыя слова; онъ самъ отдалъ дочь на жертву длинному, трехлѣтнему искусу, въ концѣ котораго никто не могъ знать, что ее ожидало. Да, онъ, своими устами посовѣтовалъ ей исполнить волю сумасбродной старухи, искалѣчившей всю ее жизнь, смутившей ее молодую мысль. Да, онъ сказалъ это. Къ чему? Зачѣмъ?

Маруся нагнулась къ его рукѣ, поцѣловала ее и тихо сказала:

— Спасибо, папа, Теперь я люблю васъ еще сильнѣе, еще горячѣе. Не бойтесь, — пройдутъ три года... пройдутъ скоро, и я вернусь опять къ вамъ...

— Ахъ, дитя! дитя! — горячо вырвалось у него. — Не бывать этому... *Онъ* тебя погубяетъ, онъ не выпустяетъ тебя, онъ замутистъ твой умъ, твое чистое сердце, твою вѣру... Это — самое большое несчастіе, которое только могло надъ тобою стрястись.

И онъ заплакалъ.

Въ объятіяхъ другъ у друга стояли они посреди комнаты, жалкіе, растерянные, не зная, что предпринять, что сказать въ утѣшеніе другъ другу.

XIX.

На третій день хоронили Евлампію Львовну, а на четвертый Маруся должна была отправиться въ монастырь. Ничто не заставляло ее такъ торопиться, но она настаивала на скорѣйшемъ исполненіи даннаго обѣщанія, какъ будто желая отрѣзать себѣ всякій путь къ отступленію. Въ теченіе этихъ трехъ дней она больше не заговаривала о своемъ рѣшеніи съ отцомъ. Правда,

онъ оправился отъ перваго впечатлѣнія, которое помѣшало ему высказаться въ первый же день, и пробовалъ разными доводами убѣдить дочь отказаться отъ своего намѣренія. Но она была въ особомъ настроеніи, какъ будто вся замерла, слушала и не слышала, сосредоточивалась и не понимала; на нее нашло что-то въ родѣ столбняка, съ которымъ Муромскій рѣшительно не зналъ что дѣлать. Да впрочемъ, онъ и самъ чувствовалъ, что говорить не то, что надо, и не такъ, какъ надо. Ни прежней горячности, ни прежней убѣжденности въ немъ не было. Въ его словахъ чувствовалась натяжка, въ его увѣщаніяхъ слышались софизмы. Онъ очутился лицомъ къ лицу съ прямымъ, яснымъ и простымъ какъ день вопросомъ: нужно ли исполнить свободно данное слово, и вся его философія, всѣ его разсужденія оказались бессильными передъ простотою совѣсти Маруси. Да ему и мѣшали разные обстоятельства въ эти печальные дни. Его постоянно прерывали входившія въ комнату старухи, требовавшія то то, то другое; мѣшала Алексѣй Львовичъ, аккуратно приходившій къ утренней и вечерней панихидѣ; мѣшали гробовщики. Но онъ даже не сердился на всѣ эти препятствія; его энергія разомъ упала, какъ бы предчувствуя, что ей придется еще сослужить своему хозяину большую службу, въ день великаго горя, въ тотъ день, когда ему придется присутствовать при погребеніи его дочери за монастырской стѣной. Сердце его сжималось и холодъ проникалъ въ его душу.

Съ Марусей ничего нельзя было подѣлать. Алексѣй Львовичъ — и тотъ, несмотря на все свое благочестіе, отнесся несочувственно къ ея желанію исполнить во что бы то ни стало волю покойной тетки. Алексѣй Львовичъ вообще сильно измѣнился: сочувствовалъ Муромскому, не могъ подавить своей жизнерадостности, которая такъ не шла къ его добродѣтельной и благочестивой наружности, сталъ разговорчивъ и даже, пожалуй, болтливъ и упрекалъ Евлампію Львовну за неосторожно взятое съ Маруси слово.

Приходила и Мареуша, тоже очень измѣнившаяся за это время. Она пополнѣла и порозовѣла, и хотя на ней было скромное черное платье, подобавшее обстоятельствамъ, но на пальцѣ ея блестѣло, кромѣ обручальнаго кольца, еще и бирюзовое, ея любимаго голубого цвѣта. При ней Алексѣй Львовичъ умолкалъ и какъ-то растерянно-глупо ухмылялся, сладко глядя ей прямо въ глаза.

И Мареуша уговаривала Марусю:

— Брось, милая, брось, родненькая! Ну, что хорошаго? По-

люби кого ни на есть! Только любовь и есть настоящее дѣло на свѣтѣ! Вотъ я полюбила Алешу, и съ меня все это какъ рукой сняло. Да и опъ, гляди, сталъ другой. Правда, Алеша?

„Алеша“ сильно конфузился, но кивалъ головой въ знакъ согласія.

— Вотъ, мы обручились,—протянула она свой палецъ съ кольцомъ,—а какъ женимся—и вовсе хорошо будетъ! А за ослушаніе покойной твоей благодѣтельницы наложи на себя эпитемію, хопъ на годъ, али на два, и все ладно будетъ.

— Замолчи, Мароуша!—сурово прервала ее Маруся.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

XX.

На другой день послѣ похоронъ, Муромскій зашелъ къ Марусѣ. Она уже собрала чемоданчикъ и была совершенно готова къ отъѣзду. Въ квартирѣ было холодновато—окна стояли открытыми всю ночь, и все-таки пахло ладаномъ и ельникомъ. Тихо было въ комнатахъ; единственная прислуга, остававшаяся при Евлампіи Львовнѣ въ послѣднее время, копошилась на кухнѣ; Стулова, начавъ пить съ перваго же дня смерти своей благодѣтельницы, лежала теперь у себя въ комнатѣ въ нетрезвомъ состояніи. Кухарка налѣпила уже на окнахъ билетки съ объявленіемъ о сдачѣ квартиры. Завѣщаніе покойной еще не было вскрыто, но Ситниковъ сообщилъ Муромскому, что такъ какъ его никто оспаривать не будетъ, то оно, конечно, будетъ утверждено судомъ, что всѣ капиталы завѣщаны монастырю, въ которомъ Марусѣ назначена „вѣчная“ келья, а домъ предоставленъ въ достояніе той же Марусѣ, въ случаѣ если она пожелаетъ черезъ три года вернуться въ міръ; если же „Господь сподобитъ внушить ей свѣтлую мысль навсегда остаться въ монастырѣ, то и домъ поступитъ въ его пользу“. Онъ же, Ситниковъ, назначенъ до этого времени имъ управлять, а доходы доставлять въ монастырь, для учрежденія при церкви неугасимой лампы „въ поминованіе души усопшей рабы божіей Евлампіи“ и для чтенія по ней сорокоуста. Монастырь былъ, по желанію завѣщательницы, увѣдомленъ обо всемъ этомъ и выразилъ свое согласіе принять нынѣ же въ свое лоно Марусю, впредь до окончательнаго утвержденія завѣщанія, и на четвертый день послѣ смерти Евлампіи Львовны назначенъ былъ приемъ новой обитательницы.

Маруся обернулась при входѣ отца. Его поразило ея лицо. Оно было спокойно, неподвижно, будто высѣчено изъ камня. Богъ знаетъ, какія мысли бродили въ ея головѣ, но на лицѣ ея рѣшительно ничего не отражалось.

— Зачѣмъ вы пришли, папа?—чуть слышно спросила она.

— Проводить тебя, дорогая,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ.

— Къ чему? Дальніе проводы, лишнія слезы—усмѣхнулась она и замолкла.

Они спустились и сѣли въ экипажъ. Небо было блѣдное, но свѣтлое, безъ единого облачка. Пахло весной; свѣжій вѣтерокъ несся имъ на встрѣчу.

Оба молчали. Улицы становились пустынными, дома стали ниже и рѣже; потянулись заборы, фабрики, огороды, кладбища. Городъ оставался позади. Маруся ни разу не обернулась, ни разу не взглянула по сторонамъ. У нея ничего не было позади, о чемъ бы она жалѣла, а впереди ее ждала тяжелая неизвѣстность.

Муромскій заговорилъ съ нею.

— Богомъ заклинаю тебя, одумайся, Маруся!—сказалъ онъ.

Она ему спокойно отвѣтила:

— Папа, не тревожь меня. Это ни къ чему не поведетъ. Ты думаешь, легко мнѣ?

Больше она не произнесла ни слова, и они продолжали ѣхать молча.

— Вотъ монастырь,—проговорилъ Муромскій, указывая на золотой крестъ монастырской церкви, сіявшій на свѣтло-голубомъ небѣ.

Маруся вздрогнула и легкая краска покрѣла ея щеки.

Слышался звонъ церковнаго колокола, и звуки его вливали жестокую скорбь въ душу Муромскаго.

У воротъ каменной ограды остановился экипажъ. Сторожъ не пустилъ дальше лошадей. Путники вышли изъ экипажа. Ворота раскрылись; за ними, по аллеѣ, обсаженной липами, стояли монахини и встрѣтили свою новую гостью протяжнымъ, унылымъ гвнїемъ. Муромскаго не пустили дальше. Онъ нагнулся къ Марусѣ и поцѣловалъ ее. Она была холодна какъ изваяніе; ни одного слова она не сказала ему. Горькая складка легла на ея губы, но глаза были сухи, и ни единой слезинки онъ не подмѣтилъ въ нихъ.

Кто-то взялъ его подъ руку, оторвалъ отъ Маруси, посадилъ въ экипажъ. Лошади тронулись.

Въ послѣдній разъ онъ обернулся. Ворота не были еще заперты. Муромскій увидѣлъ еще разъ тонкую фигуру своей дѣвочки. Онъ снялъ шляпу и замахалъ ею, чуть не вскрикнувъ отъ горя, когда увидалъ, какъ ноги Маруси подкосились, какъ фигура ея осѣла, какъ ее подхватили двѣ монахини подъ руки. Ворота быстро затворились, и черныя силуэты исчезли за ними...

Колокола продолжали гудѣть, какъ бы издѣваясь надъ его горемъ.

И вотъ онъ остался одинъ на бѣломъ свѣтѣ, одинъ среди этой пробуждающейся отъ зимней спячки природы, среди этого ликованія весны, среди живыхъ людей, къ которымъ онъ никогда не чувствовалъ особеннаго влеченія. И онъ созналъ, что теперь появился у него новый спутникъ жизни, который, можетъ быть, никогда уже больше не покинетъ его, и имя этому спутнику—„горе“.

Вернется ли къ нему Маруса съ полпути—и какою вернется она?!

ВАЛЕР. СВѢТЛОВЪ.

ИВ. С. ТУРГЕНЕВЪ

во

Ф Р А Н Ц И И

1847—1850.

I.

Во второй половинѣ февраля ¹⁾ 1847 года, И. С. Тургеневъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Берлинъ, гдѣ съ 1-го января на сценѣ Королевской оперы пѣла П. Виардо. Въ концѣ апрѣля онъ отправился, вслѣдъ за нею, въ Дрезденъ. Съ 21-го мая до середины іюля, Иванъ Сергѣевичъ провелъ время вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ и П. В. Анненковымъ, главнымъ образомъ въ Зальцбруннѣ (Силезія). Затѣмъ, заглянувъ не надолго въ Лондонъ, Тургеневъ пріѣхалъ въ имѣніе Виардо, Куртавенель. Съ этого времени и начинается трехлѣтнее безвыѣздное пребываніе его во Франціи, еще мало затронутое біографами Ивана Сергѣевича, несмотря на то, что періодъ этотъ отмѣчается, съ одной стороны, созданіемъ „Записокъ Охотнива“, а съ другой—врупными событіями февральской революціи, свидѣтелемъ которыхъ былъ Тургеневъ.

Куртавенель (Château de Courtavenel) — „волыбель литературной извѣстности“ Ивана Сергѣевича, по его собственному выраженію, находился въ департаментѣ Сены-и-Марны, въ об-

¹⁾ Всѣ хронологическія данныя приведены нами по новому стилю.

ласти Бри (Brie), въ 12 верстахъ отъ городка Розэ (Rosay), верстахъ въ 60 къ востоку отъ Парижа. Замокъ носилъ на себѣ слѣды глубокой старины: массивныя стѣны пепельно-сѣраго цвѣта, большія окна, поросшая мѣстами мхомъ крыша и наполненные водою рвы, идущіе вокругъ дома,—вотъ что прежде всего останавливало вниманіе всякаго прїѣзжаго. Цвѣточныя клумбы между группами каштановъ и тополей расположились, противъ фасада; по другую сторону дома—паркъ, оранжереи, а еще дальше—поля и рощи. Въ перепискѣ Тургенева симпатично обрисовываются и отдѣльные уголки, мѣстечки вблизи и вдали замка, которые Иванъ Сергѣевичъ любилъ награждать различными именами собственнаго изобрѣтенія. Такъ, часть каналовъ, идущихъ вдоль дороги, названа была имъ „Великимъ океаномъ“; одинъ изъ мостовъ черезъ ровъ—„Чортovýmъ мостомъ“. Въ письмѣ къ П. Віардо изъ Куртавенеля, отъ 14-го іюля 1849 г., онъ пишетъ между прочимъ: „Я забавлялся тѣмъ, что разыскивалъ въ окрестностяхъ деревня, которыя имѣли бы фязіономію, — индивидуальность, такъ сказать,—и давалъ имъ имена... Каштановое дерево, что стоитъ на дворѣ, я прозвалъ „Германомъ“ и подыскиваю ему „Доротю“. Въ Мезонфлѣрѣ есть береза, которая очень похожа на „Гретхенъ“; одинъ дубъ окрещенъ „Гомеромъ“, другой—„встревоженною добродѣтелью“, одна ива названа м-ше Вандерборстъ“.

Прїѣхавъ въ Куртавенель, въ концѣ іюля 1847 г., Тургеневъ оставался тамъ до октября въ кругу дружественной ему семьи, изрѣдка заглядывая, впрочемъ, въ Парижъ, гдѣ лечился (до 23-го сентября) Бѣлинскій и гдѣ Иванъ Сергѣевичъ встрѣчался также съ Анненковымъ и другими русскими, о которыхъ будемъ говорить дальше. Въ началѣ октября, П. Віардо отправилась въ артистическую поѣздку по Германіи, чтобы принять участіе въ оперныхъ спектакляхъ въ Дрезденѣ (до декабря), въ Гамбургѣ (около двухъ недѣль) и наконецъ въ Берлинѣ. Тургеневъ въ томъ же октябрѣ выѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и прожилъ 9 мѣсяцевъ. Квартира его въ теченіе зимы находилась недалеко отъ Палэ-Рояля, куда Иванъ Сергѣевичъ почти каждый день ходилъ пить кофе и читать газеты. Это зданіе, построенное еще Ришелье, хотя и было въ эпоху іюльской монархіи центромъ модныхъ ресторановъ, но дни его славы уже давно миновали,— „той громкой и особенной славы (по свидѣтельству Тургенева), которая, бывало, влагала въ уста нашимъ ветеранамъ 1814 и 1815 годовъ, при первомъ свиданіи съ человѣкомъ, возвратившимся изъ Парижа, неизмѣнный вопросъ:— а что подѣлываетъ

батюшка Палé-Рояль“? Въ столицѣ Иванъ Сергѣевичъ проводилъ время, правда, не замкнуто, но и не столь шумно, какъ его русскіе друзья и знакомые. Изъ нихъ П. В. Анненковъ (проживавшій въ Парижѣ съ середины 1846 года до сентября 1848) былъ самымъ близкимъ къ нему человекомъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать семью А. И. Герцена, появившуюся во Франціи почти одновременно съ Тургеневымъ; М. А. Бакунина и, наконецъ, Н. И. Сазонова. Послѣдній вполнѣ принадлежалъ къ кружку Герцена и пользовался репутаціей оригинальнаго ума, который онъ, однако, растерялъ въ 25-лѣтнее пребываніе за границей, вращаясь между различными партіями, раздѣляя ихъ эксцентрическіе планы и несбыточные надежды ¹⁾. Въ одномъ изъ писемъ къ П. Віардо (8-го дек. 1847 г.) Тургеневъ такъ описываетъ свое времяпрепровожденіе: „Я веду здѣсь образъ жизни, который мнѣ очень нравится: все утро я работаю, въ два часа выхожу,—отправляюсь къ маман (m-me Гарсія мать П. Віардо), гдѣ остаюсь съ полчаса, потомъ читаю газеты, гуляю; послѣ обѣда иду въ театръ, или же возвращаюсь къ маман; по вечерамъ я иногда выдаюсь съ друзьями, особенно съ Анненковымъ, милымъ малымъ, обладающимъ столь же тонкимъ умомъ, сколь обширнымъ тѣломъ,—а затѣмъ я ложусь спать“. Съ какимъ удовольствіемъ, послѣ долгаго рабочаго утра, Иванъ Сергѣевичъ отдавался иной разъ прогулкѣ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ тому же лицу (14-го дек. 1847 г.): „Два или три дня стоитъ у насъ превосходная погода. Я много гуляю передъ обѣдомъ въ Тюльерійскомъ саду, любясь толпой дѣтей—красивыхъ, какъ амуры, и такъ волежливо наряженныхъ. Ихъ по-дѣтски важныя ласки, ихъ маленькія пухленькія щечки, слегка подрумяненныя первымъ зимнимъ морозцемъ, добрыя и невозмутимыя лица нянекъ, прекрасное багровое солнце, свѣтящее сквозь развѣсистыя каштаны, статуи, безмятежная поверхность водъ, величественная темно-сѣрая масса Тюльери,—все это очень нравится мнѣ, успокаиваетъ, освѣжаетъ меня послѣ работы цѣлаго утра“.

Какъ увидимъ дальше, время пребыванія Ивана Сергѣевича во Франціи было самымъ плодотворнымъ во всей его писательской дѣятельности. Но свой богатый досугъ онъ посвящалъ не одному, такъ сказать, самостоятельному творчеству. Насколько въ слѣдующія двѣ зимы онъ много помогалъ Луи Віардо и Просперу Меримé въ ихъ изученіи русской литературы, особенно Пушкина

¹⁾ „Анненковъ и его друзья“. Стр. 21.

и Гоголя,—настолько въ эту зиму часть своего рабочаго времени Иванъ Сергѣевичъ посвящалъ испанскому языку и литературѣ. Эти занятія вызваны были, очевидно, тѣмъ интересомъ ко всему испанскому, какой преобладалъ въ семьѣ знаменитой артистки. Какъ извѣстно, Полина Виардо была дочерью Мануэля Гарсія, извѣстнаго въ свое время опернаго пѣвца и компониста, родомъ испанца (родился въ Севильѣ). Мужъ ея, Луи Виардо, много переводилъ съ испанскаго на французскій. Его переводъ „Донъ Бихота“, напримѣръ, считается во Франціи классическимъ. Не удивительно, что и Тургеневъ былъ увлеченъ всѣми этими интересами. Здѣсь, однако, надо замѣтить, что начало занятій Ивана Сергѣевича испанской литературой не слѣдуетъ относить къ 1843 году, когда онъ впервые познакомился съ П. Виардо и когда уже написалъ сцены изъ испанской жизни—„Неосторожность“. Какъ давно уже замѣчено критикой, эта пьеса написана подъ влияніемъ поэзіи Альфреда де-Мюссе (перваго періода его творчества),—поэзіи „плаща и шпаги“, „шелковыхъ лѣстницъ и потаенныхъ ходовъ“,—которою восхищалось русское образованное общество конца тридцатыхъ годовъ настолько, что у насъ раньше французовъ поставлены были драматическія произведенія поэта на сцену. „Неосторожность“ въ рукописи была готова еще за нѣсколько мѣсяцевъ до первой встрѣчи Тургенева съ П. Виардо. Въ октябрѣ 1847 года, Иванъ Сергѣевичъ пригласилъ къ себѣ въ наставники el senor Castelar, который, между прочимъ, заставлялъ Тургенева вести корреспонденцію по-испански. „Я вступилъ въ переписку съ другимъ ученикомъ моего учителя,—сообщалъ Иванъ Сергѣевичъ, 17-го янв. 1848 г., П. Виардо“,—„переписку анонимную, которая не имѣетъ другой цѣли, кромѣ нашего усовершенствованія въ изученіи „magnifica lingua castellana“. Но посмотрите, какая мнѣ удача! Въ одномъ письмѣ я немного позабавился (не помню только, по какому именно поводу) насчетъ австрійскаго правительства, а мой корреспондентъ оказался крайне патріотичнымъ вѣнскимъ евреемъ! Впрочемъ, мой учитель увѣряетъ меня, что онъ очень добрый и не захотѣлъ принять это въ дурную сторону“.

Больше всего времени тратилъ, однако, Тургеневъ на изученіе произведеній испанской литературы, но не современной ему, усердно служившей романтизму. Объ этой послѣдней онъ былъ невысокаго мнѣнія, какъ можно судить по его отзыву, напримѣръ, объ одномъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей новой испанской литературы—Мартинесъ де-ла-Роза (1789—1862). Прочитавъ его прозаическое произведеніе („Isabel de

Salis" (1837—1840), Тургеневъ пишетъ о немъ П. Виардо: „Пусть извинятъ меня ваши соотечественники, если вся ихъ современная литература окажется въ такомъ же родѣ, — все ребячество. Интересны только однѣ выдержки изъ лѣтописей“. Иванъ Сергѣевичъ остановился на Кальдеронѣ (1600—1681). „Это величайшій драматургъ изъ католиковъ, какъ Шекспиръ самый гуманнѣйшій, самый анти-христіанскій драматургъ“, — такъ отзывался о немъ Тургеневъ въ письмахъ къ П. Виардо. Познакомившись съ одной изъ наиболѣе популярныхъ его драмъ — „Поклоненіе Кресту“, въ которой проводится мысль, что вѣра въ силу св. Креста достаточна для спасенія человѣка, какія бы злодѣянія онъ ни совершилъ, Иванъ Сергѣевичъ такъ говоритъ о ней въ тѣхъ же письмахъ: „Devotion de la Cruz“ есть шедевръ. Эта непоколебимая торжествующая вѣра, лишенная даже и тѣни какого-либо сомнѣнія или размышленія, подавляетъ васъ своею мощью и величіемъ, несмотря на все, что есть въ этой доктринѣ отталкивающаго и жестокаго. Это уничтоженіе всего, что составляетъ достоинство человѣка, передъ божественной волей; то равнодушіе ко всему, что мы называемъ добродѣтелью или порокомъ, и съ которымъ благодать осѣняетъ своего избранника, — является еще новымъ торжествомъ человѣческаго разума, потому что существо, рѣшающееся съ такой отвагой признаваться въ своемъ собственномъ ничтожествѣ, тѣмъ самымъ возвышается до того фантастическаго Божества, игрушкой котораго оно себя считаетъ. И это Божество есть тоже твореніе его руки. Но я все-таки предпочитаю Прометей, сатану, типъ возмущенія и индивидуальности. Пусть я буду атомъ, но я самъ себѣ владыка; я хочу истины, но не спасенія, и ожидаю ее получить отъ разума, а не отъ благодати“¹⁾.

Философская драма Кальдерона: „Жизнь есть сонъ“, доказывающая ничтожность земной жизни въ сравненіи съ реальностью вѣчной, вызвала слѣдующія замѣчанія Ивана Сергѣевича: „Это самая величественная драматическая концепція, какую я когда-либо видѣлъ или читалъ. Въ ней царитъ дикая энергія, глубокое и мрачное презрѣніе къ жизни, удивительная смѣлость мысли рядомъ съ фанатизмомъ непреклоннаго католика. Сигизмундъ Кальдерона (главный герой) — это испанскій Гамлетъ со всею разницею, какая существуетъ между съ-

¹⁾ „И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма къ г-жѣ Виардо“. М. 1900 г., стр. 25 (переводъ съ франц.).

веромъ и югомъ. Гамлетъ болѣе разсудителенъ, утонченъ, болѣе философъ; характеръ Сигизмунда проще, яснѣе и проникаетъ какъ шпага; одинъ не дѣйствуетъ вслѣдствіе своей нерѣшительности, сомнѣній и размышленій; другой дѣйствуетъ, потому что къ тому толкаетъ его южная кровь, но, дѣйствуя, онъ хорошо сознаетъ, что жизнь есть не что иное, какъ сонъ¹⁾.

Приступивъ къ „Чудесному волшебнику“, котораго называютъ испанскимъ Фаустомъ, но который на самомъ дѣлѣ томится не каждой постигнуть тайны природы, а жаждой любви,—Тургеневъ пишетъ своему другу: „Теперь я принялся читать испанскаго Фауста—El Magico prodigioso, и совсѣмъ „окальдероненъ“. Читая эти прекрасныя произведенія, чувствуешь, что они естественно выросли на плодородной и могучей почвѣ; ихъ вкусъ и благоуханіе просты, литературная подливка здѣсь совсѣмъ не чувствуется. Драма въ Испаніи была послѣднимъ и самымъ лучшимъ выраженіемъ наивнаго католицизма и общества, созданнаго имъ по своему образу“. Нѣкоторая какъ бы ультра-раціоналистическая нота, звучащая въ приведенныхъ выпискахъ, не вполне согласная съ послѣдующими взглядами Тургенева, вызвана была отчасти крайностями мировоззрѣнія Кальдерона, какъ религіознаго фанатика и восторженнаго мистика, отчасти же объясняется довольно замѣтнымъ увлеченіемъ со стороны Тургенева въ то время Фейербахомъ, котораго Иванъ Сергѣевичъ называлъ „единственнымъ человѣкомъ, единственнымъ характеромъ и единственнымъ талантомъ“ среди современныхъ ему писателей, произведенія которыхъ, казалось ему, „воняютъ литературой“. Впослѣдствіи Тургеневъ изъ всей испанской литературы интересовался болѣе всего „Донъ-Кихотомъ“, которому и посвятилъ столько горячихъ словъ въ своей рѣчи „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“ и котораго онъ неоднократно мечталъ перевести на русскій языкъ.

II.

Мирное и дѣятельное времяпрепровожденіе Ивана Сергѣевича, посвященное литературѣ, искусству, друзьямъ, было внезапно прервано февральской революціей. „Незадолго до 24 февраля,—писалъ впослѣдствіи Тургеневъ,—я уѣхалъ въ Бельгію—и вѣсть о государственномъ переворотѣ во Франціи дошла до меня въ

¹⁾ Ibid., стр. 28—29.

Брюсселѣ. Помнится, въ теченіе цѣлаго дня никто не получалъ ни писемъ, ни журналовъ изъ Парижа; жители толпились на улицахъ и на площадяхъ; все замирало въ тревожномъ ожиданіи. 26-го февраля, въ шесть часовъ утра, я еще лежалъ—хотя и не спалъ—въ постели, въ номерѣ гостинницы,—какъ вдругъ наружная дверь растворилась настежь и кто-то зычно прокричалъ: „Франція стала республикой!“—Не вѣря ушамъ своимъ, я вскочилъ съ кровати, выбѣжалъ изъ комнаты. По корридору мчался одинъ изъ гарсоновъ гостинницы и, поочередно раскрывая двери направо и налево, бросалъ въ каждый номеръ свое поразительное восклицаніе. Полчаса спустя, я уже былъ одѣтъ, уложилъ свои вещи и въ тотъ же день несся по желѣзной дорогѣ въ Парижъ. На границѣ сняты были рельсы; спутники мои и я—мы съ трудомъ, въ наемныхъ повозкахъ, добрались до Дуэ—и къ вечеру прибыли въ Понтуаза... Рельсы около Парижа были тоже сняты... Помню, что на одной станціи мимо насъ съ шумомъ и трескомъ пронесся лозомотивъ съ однимъ вагономъ перваго класса: въ этомъ эстренномъ поѣздѣ мчался „эстренный комиссаръ“ республики, Антоній Турэ; ѣхавшіе съ нимъ люди махали трехцвѣтными флагами, кричали; служащіе на станціи съ нѣмымъ изумленіемъ провожали глазами громадную фигуру комиссара, до половины высунутую изъ окна, съ высоко приподнятой рукой... Годы 1793, 1794 невольно воскресали въ памяти. Помню, что, не доѣзжая до Понтуаза, произошло столкновение нашего поѣзда съ другимъ, встрѣчнымъ... Были раненые—но никто не обратилъ даже вниманія на этотъ случай: у каждаго тотчасъ явилась одна и та же мысль: можно ли будетъ дальше ѣхать? И какъ только нашъ поѣздъ снова тронулся, всѣ тотчасъ заговорили съ прежнимъ одушевленіемъ, всѣ, исключая одного сѣдого старичка, который съ самаго Дуэ забился въ уголъ вагона и безпрестанно повторялъ шопотомъ: „все пропало! все пропало!“¹⁾ Столь же сильныя впечатлѣнія испыталъ Тургеневъ и при вѣздѣ въ Парижъ, при видѣ всюду пестрѣвшихъ трехцвѣтныхъ кокардъ, вооруженныхъ блузниковъ, разбивавшихъ камни баррикадъ, и т. п. „Весь первый день моего пребыванія въ Парижѣ прошелъ въ какомъ-то чадѣ“,—говорилъ онъ. Но впечатлѣнія переворота скоро улеглись въ душѣ Ивана Сергѣевича, и для него вновь наступило время обычныхъ занятій, прогулокъ, посѣщеній театровъ. Еслибы не опредѣленная дата 1 мая 1848 г., мы могли бы легко подумать, что слѣдующее

¹⁾ Сочин. И. С. Тургенева. Изд. „Нивы“. XII, 122—123.

письмо къ П. Виардо написано еще до революціи. „Сегодня я воспользовался хорошей погодой, чтобы отправиться въ Ville d'Avray, небольшую деревушку за Saint Cloud. Я думаю, что найму тамъ комнату. Я болѣе четырехъ часовъ провелъ въ лѣсахъ—печальный, растроганный, внимательный, поглощающій и поглощенный. Впечатлѣніе, которое природа производитъ на одинокаго человѣка, очень своеобразно. Въ этомъ впечатлѣніи есть осадокъ горечи, свѣжей какъ благоуханіе полей, немного ясной меланхолиі, какъ въ пѣніи птицъ... Вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать, потому что вы понимаете меня много лучше, чѣмъ я самъ себя. Я не могу видѣть безъ волненія, какъ вѣтвь, покрытая молодыми зеленѣющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубомъ небѣ. Почему? Да, почему? По причинѣ ли контраста между этою маленькою вѣтвью, живущею, колеблющеюся отъ самаго небольшого дуновенія, которую я могу сломать, и она должна умереть, но которую благолѣтельный сокъ оживляетъ и окрашиваетъ, — и этою вѣчною и пустою безпредѣльностью, этимъ небомъ, которое только благодаря землѣ синее и лучезарно? Ахъ, я не выношу неба!—но жизнь, ея реальность, ея капризы, ея случайности, ея привычки, ея быстро переходящую красоту... все это я обожаю. Я прикрѣпленъ къ землѣ. Я предпочитаю созерцать торопливыя движенія влажной лапки утки, которою она чешетъ себѣ затылокъ на краю лужи, или длинныя и блестящія капли воды, медленно падающія съ морды неподвижной вороны, только-что наившейся воды изъ пруда, куда она вошла по колѣно,—всему, что можно видѣть въ небѣ!..“

Имѣя передъ собою, съ одной стороны, подобныя и совѣмъ не политическія настроенія и интересы Тургенева въ 1848 г., а съ другой—такіе рассказы, какъ „Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“ и „Наши послали“, полные живого пониманія великихъ событій, совершавшихся тогда въ Парижѣ,—мы необходимо должны остановиться подробнѣе на вопросѣ,—насколько, въ самомъ дѣлѣ, интересовался Иванъ Сергѣевичъ политикой, каковы были, въ концѣ концовъ, его взгляды на нее и какую роль сыграла здѣсь февральская революція и вторая республика. Само собою разумѣется, что отвѣчать на этотъ вопросъ одной ссылкой на „западничество“ автора „Дыма“ невозможно. Никто и никогда не сомнѣвался въ западничествѣ Тургенева, но политическимъ взглядамъ его давали очень различную оцѣнку. Одновременно считали ихъ и умѣренно-либеральными, и консервативными, и даже революціонными. Однимъ казался Иванъ Сергѣевичъ „кувыркающимся“ передъ радикальной молодежью, другимъ же—прирож-

деннымъ баричемъ-ретроградомъ; третьимъ, наконецъ,—либераломъ въ молодости и консерваторомъ подъ старость. Въ дѣйствительности, основнымъ началомъ западничества у Тургенева служила мысль, а именно, что его отечество составляетъ органическую часть европейскаго цѣлаго, отнюдь не подлежащую какому-либо особымъ историческимъ законамъ или историческимъ процессамъ, чуждымъ, будто бы, западному міру.

III.

Тургеневъ явился во Францію съ немалой подготовкой къ пониманію столь чуждой въ то время для русскаго среды. Но предварительное ознакомленіе съ послѣдней заключалось менѣе всего въ чисто-политическихъ вопросахъ. Французское искусство, французская исторія—вотъ гдѣ Иванъ Сергѣевичъ чувствовалъ себя свободнымъ. Даже черезъ десять лѣтъ послѣ революціи 1848 г., въ письмѣ „Изъ-за границы“¹⁾, гдѣ онъ такъ горячегоратуетъ за подготовку ко всякому путешествію, предпринимаемому съ образовательной цѣлью, Тургеневъ не требуетъ знакомства съ политическими вопросами предпочтительнѣе или даже наравнѣ съ другими. Но какъ бы ни была скромна подготовка Ивана Сергѣевича въ этомъ отношеніи, на ней все-же слѣдуетъ остановиться. Прежде всего замѣтимъ, что у насъ въ сороковыхъ годахъ политикѣ не придавали такого главенствующаго значенія, какое приписывали ей люди шестидесятыхъ годовъ. Политическіе интересы того десятилѣтія въ кружкѣ Бѣлинскаго очень правильно характеризуются К. Д. Кавелинымъ въ его воспоминаніяхъ о великомъ критикѣ: „Мы мечтали о лучшемъ будущемъ, не формулируя положительно, какимъ оно должно быть, жадно собирали всѣ анекдоты, слухи и разговоры, изъ которыхъ прямо или косвенно слѣдовало... приближеніе иного времени; также жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ или печати мыслей и стремленій, которыми были преисполнены... Жоржъ-Завдъ и французская литература пользовались великимъ авторитетомъ. За событіями политическими въ Европѣ мы слѣдили внимательно, но нельзя сказать, чтобы съ настоящимъ пониманіемъ... Его (Бѣлинскаго) симпатіи клонились въ сторону Франціи, а не Германіи или Англіи. Его идеалы были нравственно-соціальныя болѣе, чѣмъ политическіе. Полити-

¹⁾ „Атеней“ 1858 г., кн. 6.

ческой программы ни у кого въ тогдашнихъ кружкахъ не было¹⁾. Не у одного Бѣлинскаго, но и у большинства друзей его идеалы были „нравственно-соціальныя“, т.-е. касающіеся общественной нравственности и культуры, „болѣе, чѣмъ политическія“. И попадаи эти люди въ среду молодыхъ радикаловъ позднѣйшаго времени, они сказали бы вмѣстѣ съ Базаровымъ въ „Отцахъ и Дѣтихъ“, что нечего толковать о парламентаризмѣ, напримѣръ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ; когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ; когда всѣ наши акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ; когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва-ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ“.

Не менѣе крупной особенностью политической мысли сороковыхъ годовъ, какъ справедливо замѣтилъ тотъ же Кавелинъ, является отсутствіе опредѣленной программы не только практическаго, но и теоретическаго значенія. Тогда сознавалась только необходимость разяснить общіе основныя вопросы историческаго развитія, и горячій споръ между западниками и славянофилами не замѣнялъ собою, а какъ разъ подготавливалъ обсужденіе и пониманіе вопросовъ чисто политическихъ, народившихся нѣсколько позднѣе. „Жоржъ-Зандъ и французская литература пользовались великимъ авторитетомъ“,—свидѣтельствуемъ Кавелинъ, подразумевая подъ французской литературой Пьера Леру, Луи Блана. Фурье, Кабе и иныхъ социалистовъ. Это же подтверждаютъ и другіе друзья Бѣлинскаго. Но, во-первыхъ, названные писатели до 1848 года тоже занимались болѣе общими, чѣмъ спеціальными практическими вопросами политики и социализма, а затѣмъ, авторитетъ французскихъ писателей для кружка Бѣлинскаго не былъ, къ тому же, подавляющимъ, никогда не господствовалъ до такой степени, какъ авторитетъ Гегеля въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Западники, за исключеніемъ развѣ Герцена, а позднѣе—Бакунина, не раздѣляли многихъ положеній социализма, не говоря уже о его крайностяхъ. Бѣлинскій даже не прочь былъ доказывать славянофильскую мысль, что Россія лучше сдумаетъ, пожалуй, разрѣшить вопросъ о враждѣ капитала и собственности съ трудомъ, чѣмъ Европа, хотя и считалъ тогдашнее наше положеніе вполне ненормальнымъ²⁾. Восторгаясь же статьей Литтре объ

¹⁾ А. Н. Писинъ. Біограф. Вѣлинскаго, II, 204, 208—9.

²⁾ А. Н. Писинъ. Біограф. Вѣлинскаго, II, 209.

успѣхахъ физиологіи („Современникъ“ 1847 г., кн. 2), Бѣлинскій вмѣнялъ автору въ заслугу, что онъ не принадлежитъ къ социалистамъ, которые уродились, по мнѣнію критика, изъ фантазій гения Руссо. Тургеневъ не менѣе друзей своихъ знакомился съ французской литературой, вмѣстѣ съ ними обсуждалъ ея вопросы и положенія. Подобно всѣмъ западникамъ, въ политикѣ онъ интересовался общими историческими вопросами. Какъ и его единомышленники, люди сороковыхъ годовъ, въ основу своихъ сужденій онъ ставилъ моральныя требованія, считая въ устройствѣ общества рѣшающей силой не тѣ или другія политическія формы или порядки, а нравственное воспитаніе общества и образованіе научное. А къ идеямъ социализма относился съ полнымъ отрицаніемъ, какъ это видно изъ письма къ Герцену, отъ 3 декабря 1862 года.

Но какъ ни мало въ общемъ увлекался Иванъ Сергѣевичъ политикой у себя дома, гдѣ къ тому же слишкомъ ясно чувствовалась бесполезность подобныхъ занятій, — ступивъ на почву Франціи, переживавшей тогда моменты первостепенной политической важности, онъ былъ невольно охваченъ живымъ и бурнымъ потокомъ совершавшихся вокругъ него событій. Правда, въ сравненіи съ друзьями своими, бывшими одновременно съ нимъ въ Парижѣ, Иванъ Сергѣевичъ можетъ показаться стоящимъ внѣ этихъ движеній. Бакунинъ и Герценъ сдѣлались активными участниками событій; даже П. В. Анненковъ кажется намъ теперь цѣликомъ погруженнымъ въ шумъ и сутолоку европейскихъ революцій и теорій конца сороковыхъ годовъ. Читая воспоминанія послѣдняго, невольно удивляешься, какъ этотъ человѣкъ близко принималъ къ сердцу столкновенія социалиста Вейтлинга съ Марксомъ, разногласія Маркса съ Прудономъ и т. д. Свои собственныя русскія дѣла онъ не могъ бы рѣшать съ бѣльшей обстоятельностью, чѣмъ дѣла французскихъ или нѣмецкихъ социалистовъ. Не относясь столь же горячо къ кипѣвшимъ вокругъ событіямъ, какъ его друзья, Тургеневъ, однако, внимательно слѣдилъ за ними, многое старался наблюдать непосредственно, даже рискуя иногда жизнью. Онъ самъ сознается, что общее волненіе, охватившее Парижъ въ ожиданіи предстоявшихъ въ февралѣ 1848 г. банкетовъ въ пользу реформы, охватило и его. Семнадцатаго марта того же года, онъ наблюдалъ, какъ громадная толпа работниковъ ходила къ ратушѣ протестовать передъ временнымъ правительствомъ противъ манифестаціи такъ-называемыхъ „медвѣжьихъ шапокъ“ (раскассированныхъ гренадеровъ и вольтижеровъ національной гвардіи). Пятнадцатаго мая, Турге-

не въ былъ очевидцемъ шествія массы народа, направлявшагося мимо церкви Маделены на штурмъ палаты депутатовъ. Тринадцатаго іюня, онъ долженъ былъ бѣжать вмѣстѣ съ толпой, которую гнали штыками съ площади Согласія. Черезъ десять дней, Иванъ Сергѣевичъ попалъ подъ выстрѣлы инсургентовъ, скрывавшихся въ Жувьенской фабрикѣ, и т. д. Но всѣхъ этихъ наблюденій было бы недостаточно для политической любовзательности, еслибы они не сопровождались бесѣдами съ людьми, близко стоящими къ текущимъ событіямъ. А въ сношеніяхъ съ такими людьми Тургеневъ былъ довольно счастливъ. Назовемъ хотя бы Бакунина, Герцена, Гервега и такую замѣчательную личность, какъ monsieur François („Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“), не говоря о французскихъ друзьяхъ и знакомыхъ семьи Віардо.

А. И. Герценъ пріѣхалъ въ Парижъ въ концѣ лѣта 1847 г., когда Тургеневъ былъ уже въ Куртавенелѣ, и прожилъ въ столицѣ до середины 1849 г., т. е. почти два года, въ теченіе которыхъ лишь февраль и мартъ 1848 г. провелъ въ Италіи. Въ тѣ мѣсяцы, когда Иванъ Сергѣевичъ находился въ Парижѣ, онъ часто видѣлся съ знаменитымъ эмигрантомъ, особенно въ зиму съ 1848 г. на 1849 г., когда, послѣ отъѣзда Анненкова, Тургеневъ у одного Герцена могъ быть поближе къ родному русскому, въ чемъ всегда такъ нуждался на чужбинѣ. Появившись въ столицѣ Франціи, Герценъ не только быстро вошелъ во всѣ подробности политическихъ движеній, волновавшихъ ее, но сталъ однимъ изъ видныхъ центровъ тогдашнихъ демократическихъ кружковъ, принимая у себя на квартирѣ такихъ лицъ, какъ Прудонъ, Гервегъ и др... Александръ Ивановичъ прибылъ во Францію горячимъ послѣдователемъ социализма. Эти симпатіи лишь усилились въ Парижѣ, но, подъ вліяніемъ буржуазнаго склада монархіи Луи-Филиппа и второй республики, онъ сталъ получать славянофильскій оттѣнокъ. Не признавая за Европой ни силъ, ни способностей осуществить социалистическій идеалъ, Герценъ сталъ ожидать именно отъ русскаго народа всеобщаго обновленія на почвѣ социализма. Этотъ поворотъ въ міровоззрѣніи уже замѣченъ былъ друзьями въ письмахъ его изъ Avenue-Magigny, помѣщенныхъ въ десятомъ номерѣ „Современника“ за 1847 годъ.

Бакунинъ поселился въ Парижѣ задолго до появленія въ немъ Тургенева и къ 1847 г. составилъ себѣ извѣстность дѣятельнымъ участіемъ въ польской революціонной партіи, къ которой примкнулъ, покинувъ прежнія занятія нѣмецкой философій. Блестящія діалектическія способности, повергавшія въ изум-

леніе иностранцевъ, дали возможность Бакунину быть очень крупной силой въ польскомъ дѣлѣ, хотя онъ и не вполнѣ отвѣчалъ требованіямъ центрального революціоннаго комитета. Бакунинъ въ своей пропагандѣ стремился не столько къ возстановленію Польши, сколько къ сближенію славянскихъ народностей на почвѣ политическихъ протестовъ противъ правительствъ. Будучи неразлучнымъ съ Бакунинымъ въ послѣдній годъ своего берлинскаго студенчества, Тургеневъ охотно возобновилъ дружеское общеніе съ прежнимъ своимъ товарищемъ и въ Парижѣ. Изъ писемъ послѣдняго къ Анненкову видно, что Иванъ Сергѣевичъ былъ въ числѣ немногихъ, съ которыми Бакунинъ дѣлился своими планами и секретами въ 1847 году. Но встрѣчи ихъ были прерваны очень скоро. Послѣ своей зажигательной рѣчи, 29 ноября, передъ поляками, за которую Гизо обозвалъ Бакунина, при запросѣ въ палатѣ депутатовъ, „une personnalité violente“, смѣлый агитаторъ былъ высланъ изъ Парижа и поселился въ Брюсселѣ. Вернувшись обратно послѣ февральскаго переворота, Бакунинъ явился передъ друзьями уже совсѣмъ въ другомъ видѣ. Поселившись въ казармѣ съ работниками, составлявшими охрану революціоннаго префекта полиціи Косидьера, онъ заявилъ себя не горячимъ сторонникомъ полонизма, а страстнымъ проповѣдникомъ социалистическихъ теорій. Вспоминая позднѣе о своихъ встрѣчахъ съ Бакунинымъ за этотъ второй періодъ его политической дѣятельности въ Парижѣ, Тургеневъ рассказывалъ слѣдующее: „Вліяніе Бакунина на рабочихъ объясняется тѣмъ, что онъ былъ демократъ по природѣ. Когда онъ входилъ въ кабакъ, то всѣмъ присутствующимъ казалось, что онъ всю жизнь провелъ въ этомъ кабацѣ. Къ тому же онъ былъ необыкновенно доступенъ для всѣхъ и каждаго. Однажды въ Парижѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, встрѣчается съ Бакунинымъ какой-то рабочій, останавливаетъ „гражданина“ Бакунина и начинаетъ ему излагать свой проектъ, согласно которому для спасенія человѣчества необходимо разрушить до восьми сотъ лучшихъ зданій Парижа. Всякій другой поспѣшилъ бы отдѣлаться отъ этого полупомѣшаннаго. Бакунинъ же садится тутъ же на какой-то камень и въ теченіе четырехъ часовъ доказываетъ рабочему, что проектъ его не выдерживаетъ критики“! ¹⁾ Въ Парижѣ Бакунинъ и на этотъ разъ прожилъ недолго вмѣстѣ съ Тургеневымъ. Выѣхавъ въ началѣ апрѣля 1848 г. черезъ Брюссель въ Германію, онъ

¹⁾ Воспоминанія о Тургеневѣ Ан. Половцова. Календарь „Царь-Колоколъ“ 1887 г., стр. 77.

въ началѣ мая организовалъ возстаніе рабочихъ въ Дрезденѣ, получивъ отъ послѣднихъ почти диктаторскія полномочія. Девятого мая, онъ былъ взятъ въ плѣнъ прусскими войсками и приговоренъ къ смертной казни, которая была, однако, замѣнена ему пожизненнымъ заключеніемъ. Позднѣе онъ былъ выданъ Австріи, а этой послѣднею—Россіи и сосланъ въ Сибирь.

Гервегъ (Herwegh) жилъ уже изгнанникомъ въ Парижѣ и былъ тамъ предсѣдателемъ клуба нѣмцевъ-эмигрантовъ, „Demostatischer Verein“, когда въ столицѣ появился Тургеневъ. По-знакомившись съ поэтомъ (у Герцена), Иванъ Сергѣевичъ почувствовалъ къ нему искреннюю симпатію и всегда искалъ съ нимъ встрѣчъ и бесѣдъ, вплоть до выѣзда Гервега въ Швейцарію (послѣдовавшаго въ серединѣ 1849 года). Особенно часты были ихъ встрѣчи въ маѣ и іюнѣ 1848 г., когда Тургеневъ квартировалъ не только въ одномъ домѣ (на углу улицы Мира и Итальянскаго бульвара), но на одной и той же лѣстницѣ съ Гервегомъ. Иванъ Сергѣевичъ безпрестанно заходилъ къ нему „отводить душу“ въ виду грозныхъ событій, волновавшихъ въ то время Парижъ. Анненковъ даетъ слѣдующую характеристику Гервега. Онъ былъ, по его мнѣнію, „въ высшей степени развитой, изящной и вмѣстѣ холодной и эгоистически-сластолюбивой личностью“. Являлся вдобавокъ еще „двойной германской знаменитостью: онъ прославился лирическими пѣснями, призывавшими народы къ оружію, и радикализмомъ взглядовъ на правительство вообще и на прусское въ особенности. Подъ мягкою, вкрадчивою наружностью, прикрываясь очень многостороннимъ, прозорливымъ умомъ, который всегда былъ на сторожѣ, такъ сказать, и опираясь на изумительную способность распознавать малѣйшія душевныя движенія чловѣка и къ нимъ поддѣлываться,—чудная личность эта таила въ себѣ сокровища эгоизма, эпикурейскихъ склонностей и потребности лелѣять и удовлетворять свои страсти, чего бы то ни стоило“¹⁾. Отрицательныя стороны характера Гервега были, однако, въ то время еще совершенно скрыты отъ русскихъ друзей его и обнаружались позднѣе въ той романтической исторіи, описанной тѣмъ же Анненковымъ въ его воспоминаніяхъ, которая оставила глубокіе слѣды въ семейной жизни Герценовъ. Интересно, какъ отнесся Тургеневъ къ апрѣльской (1848 г.) экспедиціи Гервега въ Баденъ. Подъ вліяніемъ февральской революціи нѣмецкій поэтъ, какъ извѣстно, отправился въ походъ во главѣ отряда вооруженныхъ рабочихъ и съ

¹⁾ Воспоминанія и критическіе очерки. III, 179.

помощью баденскихъ революціонеровъ проникъ въ городъ, но былъ отбитъ виртембергскими войсками. Узнавъ объ этой неудачѣ, Иванъ Сергѣевичъ писалъ П. Віардо (30 апрѣля): „Экспедиція моего друга Гервега потерпѣла полное фіаско; эти несчастные рабочіе подверглись ужасному избіенію. Второй начальникъ, Борнштедтъ, былъ убитъ; что касается до Гервега, то онъ, говорятъ, вернулся въ Страсбургъ со своею женою. Если онъ пріѣдетъ сюда, я ему посоветую еще разъ прочесть „Короля Лира“, особенно сцену между королемъ, Эдгаромъ и шуткомъ въ лѣсу. Бѣдняга! Ему слѣдовало или не начинать дѣла, или дать убить себя, какъ и другихъ“.

IV.

Попавъ въ круговоротъ крупныхъ политическихъ событій, сталкиваясь съ людьми, интересы которыхъ сосредоточивались на тѣхъ же событіяхъ, Тургеневъ именно во Франціи 1848—1849 годовъ получилъ свое, такъ сказать, политическое крещеніе, какъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ въ Германіи получилъ культурное, научное крещеніе. Лучшей политической школы, какъ Парижъ конца сороковыхъ годовъ, невозможно было найти въ Европѣ для современниковъ Тургенева,—какъ для того же поколѣнія нельзя было найти и лучшей научной школы, чѣмъ Берлинъ конца тридцатыхъ годовъ. Въ Парижѣ у Ивана Сергѣевича сложились окончательно тѣ взгляды, тѣ выводы, отъ которыхъ онъ уже не отступалъ во всю свою жизнь при обсужденіи какъ своей родной, такъ и западной дѣйствительности, поскольку выражалась она въ политикѣ. Эти выводы не явились у Тургенева внезапно, какъ слѣдствіе переворота въ міровоззрѣніи,—они имѣли извѣстную подготовку въ болѣе раннемъ времени, въ бесѣдахъ кружка Бѣлинскаго и даже на студенческой скамьѣ берлинскаго университета. Но окончательную какъ бы шлифовку получили они все-таки въ Парижѣ 1848—1849 годовъ.

Выяснить политическіе взгляды Ивана Сергѣевича за тѣ годы намъ поможетъ превосходный рассказъ его „Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“. Тургеневъ не запомнилъ бы съ изумительной точностью всѣхъ бесѣдъ своихъ съ героемъ воспоминаній—monsieur François,—этотъ послѣдній не являлся бы передъ нами столь художественно-правдивымъ и живымъ при всей своей глубокой оригинальности, еслибы многіе взгляды его не совпадали со взглядами молодого Тургенева, вѣрнѣе—еслибы они не помогли уяснить

послѣднему смутно сознаваемыя собственныя мысли. Но лучше всего сказанное нами подтверждается сравненіемъ политическихъ сужденій monsieur François съ такими же сужденіями Ивана Сергѣевича. Начать съ того, что ни „Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“, ни Тургеневъ не вѣрили „въ принципы 89-го года, всеобщее братство, прогрессъ“ и т. п. Первый прямо говорилъ, что эта вѣра хороша для овощныхъ торговцевъ (roug les épicierg). Иванъ же Сергѣевичъ писалъ, 20 іюля 1849 г., П. Віардо: „Кто сказалъ, что человѣку суждено быть свободнымъ? Исторія доказываетъ намъ противное. Гёте, конечно, не изъ низкопоклонства написалъ свой знаменитый стихъ:

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein!

Это просто фактъ, истина, высказанная имъ въ качествѣ точнаго наблюдателя дѣйствительности, какимъ онъ былъ“.

Повторявъ, восемнадцать лѣтъ спустя, тотъ же стихъ Гёте въ письмѣ къ Герцену, Тургеневъ дополняетъ его еще слѣдующими словами: „Это вопросъ фیزیологическій, а общество рабовъ съ подраздѣленіемъ на классы попадаетъ на каждомъ шагу въ природѣ (пчелы и т. д.) — и изъ всѣхъ европейскихъ народовъ именно русскій менѣе всѣхъ другихъ нуждается въ свободѣ“. Послѣднія слова могутъ показаться крайностью, вызванной полемическимъ задоромъ, но основная мысль Тургенева остается ясной. Monsieur François высказывалъ и другія характерныя положенія своему собесѣднику. Особенно тѣсно связывается съ предъидущимъ указаніе на то стихійное, безразличное состояніе массъ, общества, которое дѣлаетъ людскую толпу способной какъ на высокое увлеченіе идеаломъ, такъ одновременно и на слѣпое слѣдованіе за всякимъ ловкимъ шарлатаномъ. Представляя собою къ тому же матеріалъ и для простыхъ случайностей, чернь, народъ, не можетъ возбуждать ни уваженія, ни презрѣнія, не можетъ носить въ себѣ никакихъ основъ для осуществленія торжества политическихъ идеаловъ. „Народъ—то же, что земля“, — говоритъ monsieur François: „хочу, папу ее... и она меня кормить; хочу, оставляю ее подъ паромъ. Она меня носить, а я ее побираю. Правда, она вдругъ возьметъ да встряхнется, какъ мокрый пудель, и повалить все, что мы на ней настроили— всѣ наши карточные домики. Да вѣдь это, въ сущности, рѣдко случается—эти землетрясенія-то. Съ другой стороны, я очень хорошо знаю, что, въ концѣ концовъ, она меня поглотитъ... И народъ меня поглотитъ тоже. Этому помочь нельзя“. Человѣкъ

всегда остается человѣкомъ со всѣми своими недостатками, дѣйствуетъ ли онъ въ одной части свѣта, или въ другой, живетъ ли онъ въ эпоху крайняго развитія индустріи, или во времена языческихъ имперій древности. „Америка—та же Европа—только на изнанку“,—доказывалъ monsieur François:—„у американцевъ нѣтъ ни одной изъ тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется зданіе европейскаго государства... а между тѣмъ—выходитъ одно и то же. Все людское—одно и то же. Вы помните наставленіе унтер-офицера рекрутамъ: „направо кругомъ—совершенно то же самое, что налево кругомъ, только оно совершенно противоположно“. Ну, вотъ, и Америка—та же Европа, только налево кругомъ“.

Подобныя же мысли высказывалъ и Тургеневъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, но, конечно, безъ эгонистически-властолюбиваго оттѣнка, характеризующаго рѣчи monsieur François. Съ наибольшею силою изложилъ онъ ихъ въ отрывкѣ „Довольно“, гдѣ мы читаемъ между прочимъ: „Еслибы вновь народился Шекспиръ, ему не изъ чего было бы отказаться отъ своего Гамлета, отъ своего Лира. Его пронизательный взоръ не открылъ бы ничего новаго въ человѣческомъ быту: все та же пестрая и въ сущности несложная картина развернулась бы передъ нимъ въ своемъ тревожномъ однообразіи. То же легковѣріе и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, тѣ же пошлыя удовольствія, тѣ же бессмысленныя страданія во имя... ну, хоть во имя того же вздора, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ осмѣяннаго Аристофаномъ; тѣ же самыя грубыя приманки, на которыя такъ же легко попадается многоголовый звѣрь—людская толпа; тѣ же ухватки власти, тѣ же привычки рабства, та же естественность неправды—словомъ, то же хлопотливое прыганье бѣлки въ томъ же старомъ, даже не подновленномъ колесѣ“. Въ одномъ только расходился Тургеневъ съ своимъ случайнымъ собесѣдникомъ въ ротондѣ Палé-Рояля. Иванъ Сергѣевичъ не могъ принимать участія въ революціонныхъ дѣйствіяхъ. Подобно Бѣлинскому, онъ чувствовалъ отвращеніе ко всякимъ насильственнымъ мѣрамъ, скорымъ расправамъ, и трудно придумать болѣе чудовищную клевету, чѣмъ ту, какую старались распустить его заграничныя квазі-друзья изъ русскихъ эмигрантовъ, будто на смертномъ одрѣ онъ, авторъ „Казни Тропмана“, признавался въ бреду: „а все-таки террористы—великіе люди“. Достаточно прочесть мѣсто въ его разсказѣ „Наши послали“, гдѣ говорится о разстрѣливаніи инсургентовъ въ іюньскіе дни 1848 г., чтобы представить себѣ весь ужасъ, какой возбуждали въ душѣ Ивана Сергѣевича подобныя мѣры.

Тургеневъ въ своихъ политическихъ, точно такъ же, какъ и въ историческихъ взглядахъ, былъ, однако, не разочарованнымъ, не скептикомъ—иначе онъ не отнесся бы съ полнымъ сочувствіемъ, подчасъ съ восторгомъ, къ реформамъ шестидесятыхъ годовъ. Его воззрѣнія, поѣтому, отнюдь не исключали самой горячей заботы о благѣ того самаго народа, въ которомъ онъ видѣлъ столько чисто стихійныхъ свойствъ. Политическіе взгляды Ивана Сергѣевича являются лишь характерными для строгаго послѣдователя эволюціонной теоріи, если будемъ понимать подъ эволюціей органической процессъ зарожденія, развитія, роста и умиранія (разложенія). Основы такого міросозерцанія были заложены у Тургенева еще въ берлинскомъ университетѣ, гдѣ сказывалось тогда сильное вліяніе „исторической школы права“ Савиньи, отрицавшей рѣшительныя и быстрыя мѣры въ политической дѣятельности и выдвигавшей на первый планъ преемственность и органическое развитіе учреждений. Но именно какъ эволюционистъ, Тургеневъ не могъ быть въ такой степени консервативенъ, какъ Савиньи, и не могъ отрицать вслѣдъ за нимъ, напримѣръ, института присяжныхъ, или защищать смертную казнь и тѣлесныя наказанія. Какъ эволюционистъ, онъ не впалъ въ славянофильскія крайности, чтд случилось съ Герценомъ подъ вліяніемъ разочарованія отъ событій 1848—49 годовъ. Какъ эволюционистъ, наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ былъ чуждъ того политическаго космополитизма, какимъ отличался Бавунинъ. Тургеневъ былъ только тѣмъ, чѣмъ онъ самъ называлъ себя въ извѣстномъ отвѣтѣ „Иногородному обывателю“. „Не хвастаясь и не обинуясь,—писалъ онъ,—а просто констатируя фактъ, я имѣю право утверждать, что убѣжденія, высказанныя мною и печатно и изустно, не измѣнились ни на іоту въ послѣдніа сорокъ лѣтъ (т.-е. со временъ Бѣлинскаго), я не скрывалъ ихъ никогда и ни передъ кѣмъ. Въ глазахъ нашей молодежи, въ какой бы партіи она ни принадлежала—я всегда былъ и до сихъ поръ остался „постепеновцемъ“, либераломъ стараго покроя въ англійскомъ, династическомъ смыслѣ, человѣкомъ, ожидающимъ реформъ только свыше,—принципіальнымъ противникомъ революціи,—не говоря уже о безобразіяхъ послѣдняго времени“.

V.

Возвращаясь снова къ описанію вѣдшихъ событій жизни Ивана Сергѣевича, мы должны прежде всего повторить, что мирные интересы искусства, литературы, дружескихъ общеній, прерванные февральскими событіями, сдѣлались опять господствующими въ парижской жизни Тургенева почти тотчасъ же послѣ переворота. Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой объ Иванѣ Сергѣевичѣ, за время съ марта по июнь, рисуютъ его такимъ съ достаточной выпуклостью. „Когда мы, — рассказываетъ она, — всѣмъ семействомъ, т.-е. мои родители, я съ сестрой и гувернантка наша, m-me Michel, пріѣхали въ 1848 году изъ Рима въ Парижъ, Александръ Ивановичъ Герценъ писалъ о нашемъ пріѣздѣ Павлу Васильевичу Анненкову, который, какъ и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, находился тогда тамъ. Сначала Анненковъ пришелъ къ намъ одинъ; онъ намъ всѣмъ очень понравился: его непринужденность, пріятное и ровное обхожденіе со всѣми, его готовность намъ все показывать въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ какъ дома, приводили насъ въ восторгъ. Его помощь была всего чувствительнѣе въ картинныхъ галереяхъ: онъ понималъ живопись, много уже видалъ галерей за границей и любилъ объяснять намъ особенности картинъ, которыя были у насъ передъ глазами, но которыя бы мы, вѣроятно, безъ него не замѣтили, благодаря нашей неопытности. Черезъ нѣсколько дней Анненковъ привелъ намъ Ивана Сергѣевича Тургенева. Высокій ростъ Ивана Сергѣевича, прекрасные его глаза, иногда упорная молчаливость, иногда, наоборотъ, горячій разговоръ, безконечные споры съ Анненковымъ на всевозможныя темы, — все это не могло не поразить насъ... Онъ приходилъ къ намъ ежедневно, иногда чтобы играть въ шахматы съ моимъ отцомъ, иногда исключительно для меня; съ остальными дамами онъ только здоровался, а дамъ было много, особенно съ возвращенія изъ Италіи семейства А. И. Герцена, и всѣ дамы, вонечно, замѣчательнѣе меня.

„Жена Герцена, о которой я много говорила въ Запискахъ Т. П. Пассекъ, была поэтическая натура и наружности очень привлекательной; Марья Ѳедоровна Коршъ (сестра Евгенія), не молодая уже дѣвица, умная и очень любезная; красивая и еще не старая мать Александра Ивановича Герцена, Луиза Ивановна, и Марія Каспаровна Эрнъ (нынѣ m-me Рейхель), тогда дѣвушка, очень умная, веселая, образованная; моя мать, тогда еще довольно молодая и тоже красивая; моя сестра Елена, которую

за ея необыкновенную грацію Наталья Александровна Герценъ называла „своимъ пажемъ“ и я, дурняшка, которую она называла своей Консулою или Миньоной Гёте.

„Тургеневъ любилъ читать мнѣ стихотворенія или рассказы-вать планы своихъ будущихъ сочиненій... Иногда Иванъ Сергѣевичъ приносилъ мнѣ духи „гардени“, его любимый запахъ; говорилъ со мною даже иногда о Віардо, тогда какъ вообще онъ избѣгалъ произносить ея имя—это было для него въ родѣ святотатства... Впослѣдствіи мы жили въ одномъ домѣ съ А. И. и Н. А. Герценами въ Парижѣ, и потому Тургеневъ часто заставлялъ меня съ сестрой у Натальи Александровны. Часто Александра Ивановича не было дома; тогда Тургеневъ читалъ мнѣ что-нибудь; при этомъ, если всѣ сидѣли вмѣстѣ, то у Тургенева являлись удивительныя фантазіи: онъ то просилъ у насъ всѣхъ позволенія кричать какъ пѣтухъ, влѣзалъ на подоконникъ и, дѣйствительно, неподражаемо хорошо кричалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ устремлялъ на насъ неподвижные глаза; то просилъ позволенія представить сумасшедшаго. Мы обѣ съ сестрой радостно позволяли, но Наталья Александровна Герценъ возражала ему:

„— Вы такіе длинные, Тургеневъ, вы все тутъ переломаете,—говорила она,—да, пожалуй, и напугаете меня.

„Но онъ не обращалъ вниманія на ея возраженія. Попросить у нея, бывало, ея бархатную черную мантилью, драпируется въ нее очень странно и начнетъ свое представленіе. Онъ всклокочетъ себѣ волосы и закроетъ ими себѣ весь лобъ и даже верхнюю часть лица; огромные сѣрые глаза его дико выглядываютъ изъ-подъ волосъ. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, прыгалъ на окна, садился съ ногами на нихъ, дѣлалъ видъ, что чего-то боится, потомъ представлялъ страшный гнѣвъ. Мы думали, что будетъ смѣшно, но было какъ-то очень тяжело. Тургеневъ оказался очень хорошимъ актеромъ; слабая Наталья Александровна отвернулась отъ него, и всѣ мы вздохнули свободно, когда онъ кончилъ свое представленіе, а самъ онъ ужасно усталъ. Когда насъ звали съ сестрой наверхъ, Иванъ Сергѣевичъ или уходилъ въ кабинетъ Герцена, смежную съ гостиною комнатку, или ложился на кушетку въ гостиною и говорилъ мнѣ:—Возвращайтесь поскорѣй, а я пока повѣжусь.

„Онъ очень любилъ лежать на кушеткахъ и имѣлъ талантъ свернуться даже на самой маленькой.

„Наталья Александровна или читала, или занималась съ гѣмъ-нибудь изъ дѣтей, а на Тургенева не обращала ни малѣйшаго вниманія: онъ былъ, какъ и П. В. Анненковъ, короткій зна-

комый въ ихъ домѣ. Анненковъ имѣлъ большую симпатію и глубокое уваженіе къ Натальѣ Александровнѣ; Тургеневъ же, напротивъ, не любилъ ее, мало съ ней говорилъ, какъ будто нехотя; нерѣдко случалось имъ даже говорить другъ другу болзости¹⁾...

Мы прерываемъ выписки изъ воспоминаній Огаревой-Тучковой именно на фактъ натянутыхъ отношеній между Тургеневымъ и женою Герцена, такъ какъ фактъ этотъ довольно интересенъ въ біографіи Ивана Сергѣевича. Оригинальная и богатая натура Натальи Александровны во всѣхъ лично ее знавшихъ оставляла самое прекрасное впечатлѣніе. При наружномъ спокойствіи и холодности она въ душѣ была женственной и нѣжной въ высшей степени. При недюжинномъ умѣ и сильной волѣ Н. А. Герценъ обладала всѣми лучшими поэтическими качествами героини Тургенева. Казалось бы, между послѣднимъ и ею должны были возникнуть взаимныя симпатіи и уваженіе. На дѣлѣ, однако, оказывалась лишь какая-то натянутость и неловкость. „Съ пріятелемъ твоимъ Тургеневымъ, — писала Наталья Александровна Огаревой-Тучковой вскорѣ послѣ отъѣзда послѣдней въ Россію (1848 г.), — мы все непріатели; талантливая натура, я слушаю его съ интересомъ, даже люблю его, но мнѣ никогда не бываетъ его нужно, понимаешь ты это; ну, и вѣдь это нисколько не уменьшаетъ его достоинства. Помнишь ты наше прощанье? Тебѣ онъ, можетъ, не мѣшалъ, а мнѣ былъ невыносимъ его любопытный, ироническій взглядъ и насмѣшки. Я сношу его посвѣщенія иногда три раза въ день, но не могу выносить его въ хорошія минуты. Мнѣ случалось увлекаться и говорить съ нимъ отъ души — и всякій разъ жалѣла потомъ. Но человекъ онъ очень, очень хорошій, интересный и иногда пріятный“. Въ другомъ письмѣ къ той же Тучковой она признавалась: „Странный человекъ Тургеневъ. Часто, глядя на него, мнѣ кажется, что я вхожу въ нежилую комнату — сырость на стѣнахъ, и проникаетъ эта сырость тебя сквозь, ни сѣсть, ни дотронуться ни до чего не хочется, хочется выйти поскорѣй на свѣтъ, на тепло. А человекъ онъ хорошій“²⁾. Съ своей стороны, и Тургеневъ ни въ своихъ воспоминаніяхъ, ни въ письмахъ, почти ни разу не обмолвился словомъ сочувствія и симпатіи къ этой все-же замѣчательной женщинѣ. Только въ письмѣ къ Салтыкову отъ 19 (31) января 1876 года, онъ высказалъ по поводу трагическихъ мо-

¹⁾ „Русская Старина“, 1889 г., февр., стр. 387 - 340.

²⁾ Воспоминанія Т. П. Пассекъ. III, 105, 120.

ментовъ въ жизни Натальи Александровны слѣдующее: „Всѣ эти дни я находился подъ впечатлѣніемъ той (рукописной) части „Былого и Думъ“ Герцена, въ которой онъ рассказываетъ исторію своей жены, ея смерть и т. д. Все это написано слезами, кровью: это—горить и жечь. Жаль, что напечатать это невозможно. Такъ писать умѣлъ онъ одинъ изъ русскихъ“. Но и приводимыя строки относятся болѣе къ самому Герцену, чѣмъ къ женѣ его. Какъ же понять все это? Описывая въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ развязное появленіе Ситникова въ гостиной Одинцовой, послѣ неудачнаго объясненія ея съ Базаровымъ, Тургеневъ замѣчаетъ: „Появленіе пошлости бываетъ часто полезно въ жизни: оно ослабляетъ слишкомъ высоко настроенныя струны, отрезвляетъ самоувѣренныя или самозабывчивыя чувства, напоминая имъ свое близкое родство съ ними. Съ прибытіемъ Ситникова все стало какъ-то тупѣе и проще; всѣ даже поужинали плотнѣй и разошлись спать получасомъ раньше обыкновеннаго“. Не „слишкомъ ли высоко настраивались струны“, не являлись ли „самоувѣренныя и самозабывчивыя чувства“ при иныхъ бесѣдахъ и свиданіяхъ Тургенева съ Н. А. Герценъ, особенно въ виду довольно сильной душевной экзальтированности, всегда присущей Натальѣ Александровнѣ?

Послѣ страшныхъ іюньскихъ дней 1848 г., Иванъ Сергѣевичъ покинулъ Парижъ и весь іюль, августъ и сентябрь провелъ въ Куртавенелѣ. Въ октябрѣ, Тургеневъ совершилъ довольно продолжительную поѣздку по южной Франціи, побывалъ въ Марсели, Тулонѣ, Пьерѣ. Изъ этой экскурсіи онъ посылалъ подробныя письма П. Віардо, изъ которыхъ дошло до насъ только одно, интересное лишь по описаніямъ южной природы. Къ 5-му ноября, Иванъ Сергѣевичъ возвратился въ Парижъ, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ строкъ выше упомянутаго письма къ П. Віардо: „Я обѣдаю у васъ въ воскресенье 5-го,—желаете ли вы принять это приглашеніе? Итакъ, рѣшено: 5-го, въ вашемъ маленькомъ китайскомъ салонѣ, у васъ будетъ за столомъ одинъ лишній гость. Я прошу приготовить въ этотъ день „русскій шарлотъ“. Съ ноября до начала іюня 1849 г., Тургеневъ прожилъ въ столицѣ, квартируя въ rue Tronchet № 1. Зиму съ 1848 на 1849 г. провела въ Парижѣ и семья Віардо, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ былъ почти постояннымъ гостемъ. Изъ русскихъ друзей оставался только Герценъ, котораго Тургеневъ посѣщалъ также очень часто. Съ этой именно зимы и начинаются усиленныя литературныя занятія Ивана Сергѣевича.

Приступая теперь къ характеристикѣ послѣднихъ, мы раз-

смотримъ ихъ за всѣ три года пребыванія Ивана Сергѣевича за границую, считая тутъ и мѣсяцы, проведенные въ Германіи.

VI.

Время съ 1847 по 1850 г. есть, прежде всего, эпоха созданія „Записокъ Охотника“. Значеніе этихъ разсказовъ, этихъ „эпюдовъ“, какъ ихъ называлъ самъ авторъ, было преувеличиваемо до такой степени, что критика долгое время въ сущности говорила лишь одно: Тургеневъ великъ только какъ творецъ этого сборника, чуть ли не единственнаго и сильнѣйшаго литературнаго протеста противъ крѣпостного права. Все, что не „Записки Охотника“, — даже его крупныя повѣсти — далеко ниже, какъ по общественному, такъ и по художественному своему значенію, въ сравненіи съ этими маленькими разсказами. Критикѣ какъ будто не было дѣла до того, что половина ихъ или совсѣмъ не трогаетъ вопроса крестьянской неволи („Уѣздный лѣварь“, „Мой сосѣдь Радилонъ“, „Бѣжинъ лугъ“, „Лебедянь“, „Татьяна Борисовна и ея племянникъ“, „Смерть“, „Пѣвцы“, „Свиданіе“, „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, „Чертопхановъ и Недопюскинъ“, „Лѣсъ и Степь“), или уже явились послѣ 1861 г. — („Конецъ Чертопханова“, „Живыя мощи“, „Стучить“). Между тѣмъ, на крѣпостное право съ наибольшей силой нападали разсказы не изъ „Записокъ Охотника“, какъ „Муму“, „Постоялый дворъ“, „Собственная господская контора“, напечатанные до изданія манифеста 19 февраля 1861 года. Да и вообще, слѣдовало ли измѣрять значеніе Тургенева только его службой дѣлу крестьянской свободы, какъ бы ни было велико это дѣло и какъ бы ни была велика эта служба.

Для біографа Ивана Сергѣевича важно также рѣшить прежде всего вопросъ, чѣмъ были вызваны „Записки Охотника“ и какъ отразились на нихъ условія времени и мѣста ихъ созданія. Самъ Тургеневъ указываетъ на тотъ крупный фактъ, что сороковые годы въ литературѣ всѣхъ почти европейскихъ народовъ ознаменовались появленіемъ интереса къ деревнѣ, къ крестьянской жизни. Въ своемъ предисловіи къ роману Ауэрбаха „Дача на Рейнѣ“ онъ пишетъ: „До сихъ поръ (1868 г.) не изгладилось въ Германіи впечатлѣніе, произведенное его (Ауэрбаха) знаменитыми разсказами изъ шварцвальдской деревенской жизни („Schwarzwälder Dorfgeschichten“), появившимися въ началѣ сороковыхъ годовъ. Обращеніе литературы къ народной

жизни замѣчается около того же времени во всѣхъ странахъ Европы (вспомнимъ Жоржъ-Зандъ—*la Mare au Diable, la Petite Fadette* и т. д., а также и то, что совершалось у насъ, въ Россіи), но честь почина остается за Ауэрбахомъ "... Собственно въ нашей литературѣ интересъ къ крестьянской жизни зародился въ спорахъ между западниками и славянофилами. П. В. Анненковъ, въ своей извѣстной статьѣ „Замѣчательное десятилѣтіе“, очень искусно прослѣдилъ появленіе и развитіе болѣе правильныхъ и гуманныхъ взглядовъ на „мужика“. Онъ показалъ, какъ уже въ 1845 году большая часть западниковъ, подъ вліяніемъ славянской партіи, перестала относиться свысока къ народной массѣ: „Литература и образованные умы наши давно уже разстались съ представленіемъ народа, какъ личности, опредѣленной существовать безъ всякихъ гражданскихъ правъ и служить только чужимъ интересамъ, но они не разстались съ представленіемъ народа, какъ дивной массы, не имѣющей никакой идеи и никогда ничего не думавшей про себя“. Такъ характеризовалъ Анненковъ какъ бы презрительное отношеніе къ „мужику“ въ предшествовавшіе годы ¹⁾. Переворотъ во взглядахъ западниковъ на деревню, пробужденіе особеннаго интереса къ крестьянской жизни встрѣтили у Ивана Сергѣевича самую горячую поддержку. Разбирая вышедшіе въ 1846 г. рассказы В. И. Даля, Тургеневъ ставилъ въ особую заслугу автору „сочувствіе къ народу, родственное къ нему отношеніе“. Тѣ произведенія казака Луганскаго, которыя касаются „мужицкаго быта“, несомнѣнно подготавливали почву и для „Записокъ Охотника“. Но еще болѣе крупную роль сыграла въ этомъ отношеніи повѣсть Григоровича „Деревня“, появившаяся въ послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за тотъ же 1846 годъ. Эту повѣсть Иванъ Сергѣевичъ считалъ впоследствии „первой попыткой сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первой изъ нашихъ деревенскихъ исторій—„*Dorfgeschichten*“. Конечно, къ богатому и разнообразному содержанію „Записокъ Охотника“ этотъ пѣмецкій терминъ не вполне подходитъ; тѣмъ не менѣе, Тургеневъ былъ въ правѣ примѣнить его и къ своимъ рассказамъ, такъ какъ деревня составляетъ все-же ихъ центръ, ихъ какъ бы фокусъ.

Посылая Полонскому для сборника „Складчина“ свои „Живыя мощи“, Иванъ Сергѣевичъ писалъ ему (13/25 янв. 1874 г.): „Не имѣя ничего готоваго, сталъ и рыться въ своихъ старыхъ бумагахъ и отыскалъ прилагаемый отрывокъ изъ „Записокъ Охот-

¹⁾ Воспоминанія и критическіе очерки, III, 128.

ника“, который прошу тебя препроводить по принадлежности. Всѣхъ ихъ напечатано двадцать-два, но заготовлено было около тридцати. Иныя очерки остались недоконченными изъ опасенія, что цензура ихъ не пропуститъ; другіе потому, что показались мнѣ не довольно интересными или неидущими къ дѣлу. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и набросокъ, озаглавленный „Живыя мощи“. Нѣсколько раньше (6 ноября—25 окт. 1872 г.) Тургеневъ сообщилъ Анненкову еще о четырехъ рассказахъ, не вошедшихъ въ первыя изданія: „Два были начаты — „Русскій нѣмецъ и реформаторъ“ и „Землеѣдъ“; два только набросаны — „Примѣты“ и „Незадача“. Первые два оставлены потому, что я зналъ, что никакая тогдашняя цензура ихъ бы не пропустила, вторые — потому, что были незначительны“. Въ томъ же письмѣ Иванъ Сергѣевичъ сообщаетъ и сюжетъ „Землеѣда“: „Въ этомъ рассказѣ я передаю совершившійся у насъ фактъ — какъ крестьяне уморили своего помѣщика, который ежегодно урѣзывалъ у нихъ землю, и котораго они прозвали за то „землеѣдомъ“, заставивъ его скушать фунтовъ восемь отличнѣйшаго чернозему. Сюжетъ веселенькій, какъ изволите видѣть“¹⁾. Позднѣе, Иванъ Сергѣевичъ отыскалъ у себя еще одинъ рассказъ изъ „Записокъ Охотника“ — „Стучить“. Напечатанный же послѣ смерти Тургенева (въ „Нивѣ“) „Конецъ“, продиктованный авторомъ П. Виардо по-французски и довольно неудачно переведенный Григоровичемъ, ничего уже общаго съ знаменитой серіей очерковъ не имѣетъ.

Появленіе двадцати-двухъ рассказовъ изъ „Записокъ Охотника“ не сразу, а на протяженіи трехъ лѣтъ отразилось и на самомъ характерѣ ихъ. Этюды, напечатанные до 1848 г., пронивнуты замѣтной враждой къ крѣпостному праву; написанные же съ 1848 г. носятъ отпечатокъ болѣе тоски по родинѣ, и къ этимъ послѣднимъ, очевидно, относятся слова Тургенева, а именно, что нѣкоторыя изъ „Записокъ Охотника“ были написаны „въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину, или нѣтъ“. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Современникѣ“ 1847 г. появились: „Хоръ и Калинычъ“ (кн. 1); „П. П. Каратаевъ“ (кн. 2); „Ермолай и мельничиха“; „Мой сосѣдъ Радилловъ“; „Одноворецъ Овсянниковъ“; „Льговъ“ (кн. 6); „Бурмистръ“; „Контора“ (кн. 10). Съ 1848 года напечатаны всѣ остальные. Изъ нихъ только „Малиновая вода“ и „Два помѣщика“ пронивнуты скрытымъ негодованіемъ противъ крестьянской неволи. Протестующій, такъ сказать, характеръ рассказовъ перваго періода обусловленъ былъ

¹⁾ „Русск. Обзорніе“ 1898 г., кн. 5, стр. 22.

въ сильной степени тѣмъ оживленіемъ симпатій къ приниженому народу, которое было вызвано пресловутыми „Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями“ Гоголя. Волненіе, поднятое въ кружкѣ Бѣлинскаго этой „смѣсью гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона“, какъ охарактеризовалъ Тургеневъ письма Гоголя, отражалось на всѣхъ бесѣдахъ и спорахъ кружка въ теченіе всего 1847 года. Тѣ изъ „Записокъ Охотника“, которыя появились именно въ этомъ году, и были защитой человѣческаго достоинства земледѣльческихъ слоевъ русскаго общества, по отношенію къ которымъ Гоголь, по выраженію Бѣлинскаго, являлся „поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристомъ татарскихъ нравовъ“. Мы не хотимъ утверждать, будто протестующій характеръ первой серіи „Записокъ Охотника“ явился только вслѣдствіе обнародованія переписки Гоголя, но, несомнѣнно, послѣдняя оказала на самый духъ и направленіе рассказовъ 1847 года весьма сильное вліяніе. Крѣпостное право оставалось злѣйшимъ врагомъ Тургенева и въ 1848, и въ 1849 г., но написанное въ эти годы носитъ на себѣ печать уже иного направленія: „Записки Охотника“ превращаются въ рядъ воспоминаній о далекой родинѣ; въ нихъ воспроизводится каждая мелкая черточка, всякая милая подробность деревенскаго гнѣзда Тургеневыхъ и его окрестностей. Рядъ урочищъ, угодій, овраговъ, рѣчекъ описаны Ивановъ Сергѣевичемъ съ сохраненіемъ ихъ настоящихъ именъ (Бѣжинъ дугъ, Чаплыгинскій лѣсъ, рѣчка Зуша и т. д.); во второй серіи рассказовъ поэтому и можно только отнести признаніе Тургенева, что онъ, „конечно, не написалъ бы „Записокъ Охотника“, еслибъ остался въ Россіи“.

Крупный успѣхъ, вынавший на ихъ долю съ появленія перваго очерка, долженъ былъ бы заставить Ивана Сергѣевича заняться творчествомъ именно подобнаго рода. Это тѣмъ болѣе являлось необходимымъ, что Тургеневъ „Записками Охотника“ не только приобрѣлъ славу выдающагося писателя, но ими онъ вообще вернулся въ литературной дѣятельности, покинутой-было подъ вліяніемъ чрезмѣрно строгой критики Бѣлинскаго. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что въ періодъ 1847—1850 г.г. Иванъ Сергѣевичъ занимался драматическими вещами съ не-мѣньшимъ стараніемъ, тѣмъ своей прозой,—такъ что годы пребыванія его во Франціи есть не только эпоха „Записокъ Охотника“, но и эпоха драматическихъ произведеній Тургенева.

Причины влеченія Ивана Сергѣевича къ комедіи въ этотъ именно періодъ отыскать не трудно. Со времени первой поста-

новки „Ревизора“ (1836 г.) начинается полный расцветъ русскаго сценическаго искусства, ставшаго съ этихъ поръ на равную ногу съ западно-европейскимъ. Припомнимъ, что въ сороковыхъ годахъ къ давно популярнымъ именамъ Щепкина и Мочалова прибавились не менѣе славныя имена Мартынова и Садовскаго. И психологически понятно, какимъ образомъ знакомство со сценой должно пробуждать охоту къ драматическому творчеству сильнѣе, чѣмъ знакомство, такъ сказать, съ книжной драматической литературой. И дѣйствительно, Тургеневъ пишетъ, напри- мѣръ, „Нахлѣбника“ прежде всего для Щепкина; для него же сочинены и „Холостякъ“; „Разговоръ на большой дорогѣ“ написанъ для Садовскаго.

Образцомъ, идеаломъ сценическаго искусства не для одной Россіи—для всей Европы, была въ то время Франція. Письма же Ивана Сергѣевича, сохранившіяся отъ тѣхъ годовъ, свидѣтельствуютъ о самомъ живомъ его интересѣ къ парижской сценѣ. Въ сожалѣнію только, въ нихъ слишкомъ мало находимъ отзывовъ объ игрѣ французскихъ актеровъ. Высоко ставилъ онъ Фервилья въ театрѣ Variétés, какъ артиста „прекраснаго по своей правдивости, благородству и чувству“. Въ письмѣ, отъ 8-го декабря 1847 г., Тургеневъ говоритъ П. Виардо по поводу Верне: „Въ сущности, всѣ французскіе актеры—реалисты, но никто изъ нихъ не высказываетъ своего реализма съ такою утонченностью, такъ глубоко, какъ Верне. Онъ одновременно удовлетворяетъ и инстинкту, и уму зрителя; онъ даетъ великое наслажденіе знатоку, заставляетъ смѣяться и плавать. Какъ жаль, что онъ начинаетъ старѣть! Вотъ человѣкъ, который умѣетъ создать!“ Въ письмѣ, отъ 2-го мая 1848 г., находимъ характерный отзывъ о другой парижской знаменитости. „Третьяго дня, вечеромъ, я ходилъ смотрѣть Фредерика Леметра въ „Робертъ Макэръ“. Пьеса сама по себѣ гнусная и плохо скроенная, но Фредерикъ есть наиболѣе могучій актеръ, какаго я знаю. Въ этой пьесѣ онъ страшенъ. Робертъ Макэръ—это тотъ же Прометей, но только самый чудовищный изъ всѣхъ. Какая наглость и безстыдная дерзость, какой циническій апломбъ, какой вызовъ и какое презрѣніе ко всему! Публика держитъ себя прекрасно: съ холоднымъ спокойствіемъ и съ достоинствомъ. Даю честное слово, что послѣдній уличный мальчишка артистически наслаждается талантомъ Фредерика,—а самую роль находитъ отвратительною. Но какая глубокая правда, какое вдохновеніе!“¹⁾ Вотъ и всѣ отзывы

¹⁾ И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма, стр. 17—18, 45.

Тургенева о французскомъ театрѣ въ его письмахъ. Отрицательную сторону сценическаго искусства во Франціи конца сороковыхъ годовъ Иванъ Сергѣевичъ яснѣе созналъ уже позднѣе. Подчеркнулъ онъ ее преувеличенно сильно слѣдующими словами monsieur François („Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“):

— Вы, конечно, бываете въ театрахъ?—спросилъ онъ меня. Видъ вы всё, господа русскіе, до этого большіе охотники.

— Бываю.

— И, вѣроятно, восхищаетесь нашими актерами?

— Да, иними... Особенно въ Théâtre Français...

— Всѣхъ нашихъ актеровъ, — перебилъ онъ меня, — губить хорошій вкусъ. Эти традиціи тамъ, консерваторіи—бѣда! Всѣ они какіе-то выпотрошенные да замороженные. У васъ, въ Россіи, такія рыбы бываютъ на рынкахъ, зимой. Ни одинъ изъ нашихъ актеровъ не скажетъ на сценѣ: „я люблю васъ“, не разставивъ ноги въ видѣ циркули и не закативъ томно глаза. И все ради хорошаго вкуса! Настоящихъ актеровъ можно найти только въ Италіи! Да, всякій итальянецъ—актеръ. У нихъ это въ натурѣ... а мы только толкуемъ о натуральности. У насъ даже въ Палэ-Рояльскомъ театрѣ никто не можетъ потягаться съ любымъ уличнымъ проповѣдникомъ...

— Однако... Рашель,—началь было я.

— Рашель,—повторилъ онъ.—Да; это сила. Сила и цвѣтъ того жидовства, которое теперь завладѣло всѣми карманами дѣлага міра и скоро завладѣетъ всѣмъ остальнымъ. Впрочемъ, и Рашель въ послѣднее время попортилась... а все вы, господа иностранцы, виноваты. Въ Италіи есть одна актриса... ее зовутъ Ристори. Она, говорятъ, за какаго-то маркиза вышла и сцену покинула. Хороша; только кривляется маленько“.

Но и въ позднѣйшихъ отзывахъ Тургеневъ французскую сцену ставилъ высоко, гораздо выше, напримѣръ, нѣмецкой. Въ „Вешнихъ водахъ“ онъ писалъ про послѣднюю: „Въ 1840 году театръ въ Висбаденѣ былъ и по наружности плохъ, а труппа его, по фразистой и мизерной посредственности, по старательной и пошлой рутинѣ, ни на волосъ не возвышалась надъ тѣмъ уровнемъ, который до сихъ поръ (1870 г.) можно считать нормальнымъ для всѣхъ германскихъ театровъ, и совершенство котораго въ послѣднее время представляла труппа въ Карлсруэ, подъ „знаменитымъ“ управленіемъ г-на Девріента“. Сравненіе же нѣмецкой сцены съ французской Тургеневъ заставляеть дѣлать умную и наблюдательную героиню разсказа, Марью Николаевну: „Послѣдній французскій актеръ, въ послѣднемъ провинціальномъ городишкѣ,

естественнѣе и лучше играетъ, чѣмъ первая нѣмецкая знаменитость“.

Но, можетъ быть, еще сильнѣе охоту, интересъ въ драматическому творчеству возбуждала въ Иванѣ Сергѣевичѣ сама П. Виардо, съ которой онъ былъ такъ друженъ въ то время. Какъ критическая дѣятельность Тургенева довольно неожиданно выдвигалась въ періодъ его дружбы съ Бѣлинскимъ, такъ драматическая—въ періодъ почти непрерывнаго общенія съ Виардо. Только найдя настоящую свою дорогу, Иванъ Сергѣевичъ пересталъ подчиняться вліянію отдѣльныхъ лицъ, какъ бы талантливы они ни были.

За время своего пребыванія во Франціи, Тургеневъ написалъ: „Гдѣ тонко, тамъ и рвется“ (1847 г. ¹⁾); „Нахлѣбникъ“ (1848 г.); „Холостякъ“ (1849 г. ²⁾); „Завтракъ у предводителя“ (1849 г.); „Мѣсяць въ деревнѣ“ (1850 г.). Пять наиболѣе крупныхъ комедій изъ десяти, изданныхъ имъ, составляютъ, однако, не половину всего драматическаго текста, напечатаннаго Иваномъ Сергѣевичемъ, а двѣ трети, если судить по числу страницъ. Кромѣ того, въ 1849 году онъ написалъ комедію въ одномъ дѣйствіи: „Вечеринка“, и началъ пяти-актную комедію: „Гувернантка“, которую впрочемъ довелъ только до четвертаго дѣйствія и почему-то оставилъ незаконченной.

Интересно, что прозаическія произведенія Тургенева никогда не подвергались такимъ цензурнымъ мытарствамъ, какъ его комедіи. „Мѣсяць въ деревнѣ“ (первоначальное заглавіе—„Студентъ“) появился въ печати лишь въ 1855 г. („Современникъ“, в. I), да и то въ передѣланномъ видѣ. „Я поставилъ-было себѣ въ этой комедіи довольно сложную психологическую задачу,—писалъ позднѣе Иванъ Сергѣевичъ:—но тогдашняя цензура, принудивъ меня выкинуть мужа и превратить его жену во вдову,—совершенно исказила мои намѣренія“. Въ истинномъ же своемъ видѣ комедія напечатана была лишь въ 1869 году, въ отдѣльномъ изданіи сочиненій Тургенева, т.-е. почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ появленія своего изъ-подъ пера автора. „Нахлѣбникъ“, написанный въ 1848 году, попалъ въ типографскій станокъ только черезъ девять лѣтъ. Въ письмѣ, отъ 19-го января 1849 г., Иванъ Сергѣевичъ писалъ между прочимъ Краевскому: „Предлагаю вамъ слѣдующее: 31 числа января (ст. ст.), т.-е. черезъ 24 дня, будетъ дана въ Москвѣ для бенефиса Щепкина моя

¹⁾ Напечатано въ одиннадцатой книгѣ „Современника“ за 1848 г.

²⁾ Напечатано въ девятой книгѣ „Отеч. Зап.“ за 1849 г.

комедія въ двухъ актахъ, подъ названіемъ „Нахлѣбникъ“, Хотите вы ее напечатать въ „Отечественныхъ Запискахъ“, если она не шлепнется, разумѣется? Но цензура не допустила въ постановкѣ „Нахлѣбника“ на сцену. Тѣмъ не менѣе, Краевскій взялся хлопотать о разрѣшеніи напечатать ее въ своемъ журналѣ. По поводу этого Тургеневъ писалъ ему 13-го марта 1849 г.: „Я, ей-же-ей, не понимаю, что могла найти цензура въ „Нахлѣбникѣ“, и съ нетерпѣніемъ ожидаю результата вашей попытки его напечатать. Вся комедія, какъ вы увидите, написана болѣе для одной роли (Щепкина), и вы можете себѣ представить, какъ мнѣ было непріятно неисполненіе „Нахлѣбника“ въ его бенефисъ. Ну, однако, дѣло сдѣлано, и я желаю только, чтобы въ вашемъ журналѣ ее бы не исказили“. Но комедія Тургенева не была пропущена и въ печать. Иванъ Сергѣевичъ писалъ по этому поводу Краевскому 14-го апрѣля 1849 г.: „Съ недѣлю тому назадъ получилъ я ваше письмо съ извѣстіемъ объ окончательномъ кораблекрушеніи злополучнаго „Нахлѣбника“. Миръ его праху“. Тѣмъ не менѣе, друзья Тургенева только черезъ годъ оставили хлопоты о разрѣшеніи комедіи. Щепкинъ для этого даже устроилъ чтеніе „Нахлѣбника“ въ одномъ обществѣ, гдѣ были и люди вліятельные въ то время. И несмотря на то, что пьеса всѣмъ очень понравилась, дѣло не пошло на ладъ ¹⁾. Лишь въ 1857 г. комедія Ивана Сергѣевича была пропущена цензурой и появилась въ третьей книгѣ „Современника“ подъ заглавіемъ: „Чужой хлѣбъ“. Да и столь позднее изданіе ея было результатомъ особой протекціи. Бурдинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ объ Островскомъ ²⁾, рассказываетъ объ этомъ слѣдующее: генералъ Анненковъ, братъ извѣстнаго писателя П. В. Анненкова, близкаго друга Тургенева, былъ назначенъ временно исправлять должность начальника III-го отдѣленія. Обстоятельствомъ этимъ воспользовался П. В. Анненковъ и попросилъ брата разрѣшить комедію.

„— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ тотъ,—и не только эту, а всѣ тѣ, которыя ты признаешь нужными, только присылай поскорѣе, потому что на этомъ мѣстѣ я останусь очень недолго“.

Анненковъ прислалъ ему „Нахлѣбника“ Тургенева, „Воспитанницу“ Островскаго и нѣкоторыя другія. Однако постановка пьесы на сцену произошла еще позднѣе, лишь въ 1861 г., какъ

¹⁾ См. письма Тургенева къ Краевскому въ Отчетъ Импер. Публ. Библ за 1890 годъ.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1886 г., кн. 12.

это видно изъ слѣдующихъ строкъ письма Ивана Сергѣевича къ Анненкову (отъ 11-го (23) декабря того же года): „Слышалъ я, что разрѣшили представить „Нахлѣбника“; въ такомъ случаѣ передаю вамъ всѣ свои права и прошу въ особенности обратить вниманіе на то, чтобы „Нахлѣбника“ не давали безъ прибавочной сцены во второмъ актѣ, которую я давнымъ-давно выслалъ Щепину и которую могу выслать вамъ теперь“.

Даже невиннѣйшій „Завтракъ у предводителя“ встрѣтилъ цензурныя возраженія и напечатанъ былъ черезъ семь лѣтъ послѣ появленія его въ рукописи, именно въ 8-ой кн. „Современника“ за 1856 г. По поводу этой комедіи Некрасовъ писалъ Тургеневу 9/21 янв. 1850 г. изъ Петербурга: „Вашъ „Завтракъ“ игралъ и имѣлъ успѣхъ, но онъ не напечатанъ, ибо одинъ изъ нашихъ цензоровъ заупрямился; онъ не любитъ такихъ сюжетовъ—это его личный капризъ“¹⁾. Боязнь цензурныхъ затрудненій заставила Ивана Сергѣевича упомянутую выше „Вечеринку“ оставить уже навсегда подъ спудомъ. Увѣдомляя Краевскаго объ ея окончаніи, Тургеневъ писалъ 25 дек. 1849 г.: „Я не знаю, переписывать ли мнѣ ее, потому что цензура навѣрное ее изуродуетъ“. Черезъ мѣсяцъ же онъ сообщалъ редактору „Отечественныхъ Записокъ“: „Я продолжаю работать надъ моей „Гувернанткой“, но такъ какъ я не буду въ состояніи окончить ее ранѣе шести недѣль или двухъ мѣсяцевъ, то я намѣренъ просмотрѣть „Вечеринку“ и, выкинувъ изъ нея неудобныя мѣста, тотчасъ перепису и пошлю къ вамъ, то-есть, если будетъ возможность сохранить ее послѣ операциі... Увидимъ“.

Но „Вечеринкѣ“, какъ и „Гувернантѣ“ не пришлось попасть въ печать. Содержаніе второй изъ названныхъ комедій остается для насъ неизвѣстнымъ; но именно сюжетъ „Вечеринки“ по всей вѣроятности и излагаетъ Огарева-Тучкова въ своихъ воспоминаніяхъ: „Помню до сихъ поръ канву одной драмы, — рассказывала она, — которую онъ собирался написать (въ 1848 г.), и не знаю, осуществилась ли его мысль: онъ хотѣлъ представить кружокъ студентовъ, которые, занимаясь и шутя, вздумали для забавы преслѣдовать одного товарища, смѣлясь надъ нимъ, преслѣдовали его, дурачили его—онъ выносилъ все съ покорностью, такъ что многіе, въ виду его кротости, стали считать его за дурака. Вдругъ онъ умираетъ: при этомъ извѣстіи сначала раздаются со всѣхъ сторонъ шутки, смѣхъ. Но внезапно

¹⁾ Письмо—въ автографѣхъ Румянцовскаго музея.

является одинъ студентъ, который никогда не принималъ участія въ гоненіяхъ на несчастнаго товарища. При жизни послѣдняго, по его настоянію, онъ молчалъ, но теперь онъ будетъ говорить о немъ. Онъ рассказываетъ съ жаромъ, кавовъ, дѣйствительно, былъ покойникъ. Оказывается, что гонимый студентъ былъ не только умный, но и добродѣтельный товарищъ; тогда встаютъ и другіе студенты, и каждый вспоминаетъ какой-нибудь фактъ оказанной имъ помощи, доброты и проч. Шутки умоляютъ, наступаютъ неловкое, тяжелое молчаніе. Занавѣсъ опускается. Тургеневъ самъ воодушевлялся, представляя съ большимъ жаромъ лица, о которыхъ рассказывалъ¹⁾).

Иванъ Сергѣевичъ былъ невысокаго мнѣнія о своемъ драматическомъ талантѣ и неоднократно высказывалъ мысль, что пьесы его, „неудовлетворительныя на сценѣ“, могутъ „представить нѣкоторый интересъ“ только въ чтеніи. Драматическія его вещи дѣйствительно ниже его прозы, но не слѣдуетъ забывать, что онѣ являются значительнымъ шагомъ впередъ послѣ нашихъ оригинальныхъ пьесъ предшествовавшихъ годовъ, имѣвшихъ лишь водеvilный или ходульно-драматическій характеръ. Разбирая наиболѣе видныя изъ „патріотическихъ“ драмъ, въ родѣ „Смерти Ляпунова“ Гедеонова, „Паткуля“ Кукольника, Тургеневъ справедливо высказывалъ (въ 1846 г.), что „у насъ нѣтъ еще драматической литературы и нѣтъ еще драматическихъ писателей“. Свое положеніе онъ развилъ подробно въ критической статьѣ о названной выше пьесѣ Гедеонова, гдѣ писалъ между прочимъ: „Драматическое искусство, какъ и вообще всѣ искусства и художества, занесено было въ Россію извнѣ, но, благодаря нашей благодатной почвѣ, принялось и пустило корни. Театръ у насъ уже упрочилъ за собой сочувствіе и любовь народную; потребность соверщенія собственной жизни возбуждена въ русскихъ — отъ высшихъ до низшихъ слоевъ общества; но до сихъ поръ не явилось таланта, который бы сумѣлъ дать нашей сценѣ необходимую ширину и полноту. Мы не станемъ повторять уже не разъ высказанныя на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ мнѣнія о Фонвизинѣ, Грибоѣдовѣ и Гоголѣ: читатели знаютъ, почему первые два не могли создать у насъ театра; что же касается до Гоголя, то онъ сдѣлалъ все, что возможно сдѣлать первому начинателю, одинокому гениальному дарованію: онъ продолжилъ, онъ указалъ дорогу, по которой со временемъ пойдетъ наша драматическая литература; но театръ есть самое непо-

¹⁾ „Русская Старина“ 1889 г., февр., стр. 388—339.

средственное произведеніе цѣлаго общества, цѣлаго быта, а гешіальный человѣкъ все-таки одинъ. Сѣмена, посѣянные Гоголемъ,—мы въ этомъ увѣрены—безмолвно зрѣютъ теперь во многихъ умахъ, во многихъ дарованіяхъ; придетъ время—и молодой лѣсокъ вырастетъ около одинокаго дуба... Десять лѣтъ прошло со времени появленія „Ревизора“; правда, въ теченіе этого времени мы на русской сценѣ не видѣли ни одного произведенія, которое можно было бы причислить къ Гоголевской школѣ (хотя вліяніе Гоголя уже замѣтно во многихъ), но изумительная перемѣна совершилась съ тѣхъ поръ въ нашемъ сознаніи, въ нашихъ потребностяхъ“.

Если истинная, „реальная“ драматическая литература на Руси должна была вырасти именно изъ сѣмянъ, посѣянныхъ Гоголемъ, то Тургеневъ, еще нѣсколько раньше Островскаго, открываетъ новый періодъ въ этой области. Авторъ „Грозы“, правда, заслонилъ собою драматическую дѣятельность Тургенева, но не столько своимъ несомнѣннымъ талантомъ, сколько плодovitостью. Съ другой стороны, запоздалое появленіе и въ печати, и на сценѣ чуть не половины пьесъ Ивана Сергѣевича не могло не умалить значенія ихъ въ русской литературѣ. Для читающей же публики великія произведенія Тургенева, какъ романиста, совершенно закрыли его сцены и комедіи.

Литературная дѣятельность Ивана Сергѣевича за годы 1847—1850 не ограничилась „Записками Охотника“ и драматическими произведеніями. Въ Парижѣ, вромѣ того, написаны были рассказы: „Жидъ“, набросанный, по свидѣтельству Дружинина, еще въ 1846 году, „Пѣтушковъ“, „Дневникъ лишняго чловѣка“. Въ письмѣ къ Краевскому, отъ 4 апр. 1850 г., онъ говоритъ еще о „Перепискѣ“, какъ вещи уже готовой. Изъ названныхъ повѣстей Тургеневъ особенное значеніе придавалъ „Дневнику“. „Я бы желалъ,—писалъ онъ Краевскому 25 дек. 1849 г.,—чтобы „Дневникъ“ вамъ понравился: я его писалъ соп атоге“... „Я почему-то воображаю, что „Дневникъ“ хорошая вещь, и желалъ бы видѣть его выставленнаго лицомъ, какъ говорится, — писалъ Иванъ Сергѣевичъ тому же корреспонденту 22 янв. 1850 г., высылая послѣдніе листы своей повѣсти. „Перепискѣ“ и „Пѣтушкову“ онъ не придавалъ особенной цѣны. Уже изъ этого можно заключить, что, вопреки установившемуся мнѣнію, ничего автобіографическаго нѣтъ въ описаніи душевныхъ волненій героевъ двухъ этихъ рассказовъ. Да и смѣшно сравнивать П. Вiардо съ глупенькой танцовщицей „Переписки“ и съ еще болѣе ничтожной героиней „Пѣтушкова“. Чувства,

возбуждаемыя П. Виардо, могли только возвышать, облагораживать человека и „почище“ героя „Переписки“.

VII.

Подводя итогъ литературной дѣятельности Тургенева за годы 1847—1850, мы должны отмѣтить, прежде всего, что ни раньше, ни позднѣе она не была столь плодovита, какъ тогда. Написанное Иваномъ Сергѣевичемъ за это время составляетъ пятую часть всего вышедшаго изъ-подъ пера его, тогда какъ описываемый періодъ равенъ только одной двѣнадцатой всѣхъ сорока лѣтъ его литературной дѣятельности. Другими словами, Тургеневъ въ годы 1847—1850 работалъ въ два слишкомъ раза больше, чѣмъ работалъ до и послѣ этого времени. Такая усиленная дѣятельность объясняется отчасти и матеріальной нуждой его, вызванной отношеніями къ матери—В. П. Тургеневой.

До февральской революціи Варвара Петровна еще мирилась кое-какъ съ долгимъ пребываніемъ сына за границей, вблизи „проклятой цыганки“, какъ она называла П. Виардо. Но послѣ торжественнаго манифеста императора Николая, 14 марта (старого стиля) 1848 г., призывавшаго „всякаго русскаго, всякаго вѣрноподданнаго отвѣтить радостно на призывъ своего Государя“ бороться противъ „мятежа и безначалія“, возникшихъ сперва во Франціи и „разливавшихся повсемѣстно съ наглостью, возрастающею по мѣрѣ уступчивости правительствъ“,—послѣ этого Варвара Петровна не могла оставаться спокойной и настойчиво стала звать Ивана Сергѣевича домой. Въ надеждѣ уже лѣтомъ 1848 г. увидѣться съ сыномъ, она сдѣлала нѣкоторыя приготовленія къ пріѣзду своего любимца въ Спасское, и осыпала даже милостями тѣхъ изъ дворовыхъ, въ которымъ особенно благоволилъ Иванъ Сергѣевичъ. Но просьбы Варвары Петровны не подѣйствовали, и она немедленно прекратила высылку денегъ въ Парижъ. Впрочемъ, въ январѣ 1849 г., вызовы сына въ Спасское возобновились, и ему было даже послано 600 руб. Приготовленія къ пріѣзду его, а также и къ пріѣзду изъ Петербурга другого сына, бывшаго тогда тоже подъ материнской опалой—Николая Сергѣевича, были еще обширнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Заново былъ отдѣланъ флигель, цвѣтники передъ домомъ были приведены въ лучшій порядокъ. Варвара Петровна, знала, какъ любилъ фрукты ея Ванечка, велѣла вынести изъ грунтовыхъ сараевъ испанскія вишни и сливы и поставить ихъ ближе къ

дому. В. Житова, описывая въ своихъ воспоминаніяхъ всѣ эти приготовленія, рассказываетъ между прочимъ: „Разъ какъ-то, катаясь (этой весною), Варвара Петровна вспомнила мѣсто, гдѣ былъ когда-то прудъ, на которомъ дѣти ея, тогда еще маленькія, имѣли свой ботинокъ, доставлявшій имъ немалое удовольствіе; прудъ былъ мелокъ, и имъ позволено было однимъ на немъ кататься. Мѣсто это въ 1849 г. представляло уже большой сухой оврагъ, заросшій травой и окаймленный серебристыми тополями. Немедленно велѣно было расчистить этотъ прудъ и на сторонѣ, обращенной къ большой дорогѣ, приказано было водрузить столбъ, на которомъ доморощенный живописецъ Николай Федосѣевъ, онъ же и маляръ, по приказанію барыни, изобразилъ съ одной стороны руку съ протянутымъ указательнымъ перстомъ, а на другой—надпись, конечно, французскую: „Ps reviendront“.

Но Иванъ Сергѣевичъ, рассчитывавшій, согласно прежнимъ обѣщаніямъ Варвары Петровны, получить изъ дому не менѣе 6.000 руб., писалъ матери, что готовъ пріѣхать, если ему вышлютъ еще денегъ на дорогу, потому что полученныхъ имъ отъ нея 600 руб. даже не достало на уплату его долговъ, накопившихся за время, въ теченіе котораго онъ ничего не получалъ изъ дому. Отвѣта долго никакого не было. Иванъ Сергѣевичъ обратился за справками къ брату. Тотъ написалъ ему въ октябрѣ 1849 г., что на денежную помощь изъ родительскаго дома рассчитывать нечего, ни въ ближайшемъ, ни въ отдаленномъ будущемъ. Лишь въ началѣ весны слѣдующаго, 1850 г., когда Варвара Петровна серьезно заболѣла, была выслана Ивану Сергѣевичу достаточная сумма денегъ. Въ виду такихъ отношеній къ матери, Тургеневъ за границею сидѣлъ, въ сущности, безъ копейки. Уже въ ноябрѣ 1848 г. онъ писалъ Краевскому о своемъ долгѣ ему. Черезъ годъ Иванъ Сергѣевичъ сообщаетъ тому же издателю „Отечественныхъ Записокъ“, что у него „гроша нѣтъ наличнаго“, что онъ находится „въ совершенной крайности“. Получивъ въ декабрѣ 1849 г. отъ Краевскаго 300 руб., Тургеневъ увѣдомлялъ, что „эти деньги рѣшительно спасли его отъ голодной смерти“. Помощь, какую оказывала ему семья Віардо, была недостаточна, и результатомъ стѣсненныхъ матеріальныхъ условій явилась усиленная литературная дѣятельность.

VIII.

Возвращаемся теперь снова къ внѣшнимъ событіямъ парижской жизни Тургенева. Въ столицѣ, какъ мы уже говорили, оста-

вался онъ безвыѣздно до середины іюня 1849 г., и лишь около 10 января отправился на нѣсколько дней въ Версаль, откуда писалъ П. Виардо о своемъ времяпрепровожденіи тамъ: „Н перевожу, читаю Сенъ-Симона, гуляю, хожу въ кафѣ читать газеты—и уже постоянные посѣтители, старые, дряхлые буржуа, смотрѣвшіе на меня въ первый день исподлобья и искоса, какъ обыкновенно смотрятъ на охотничьихъ картинахъ загнанные въ безвыходное положеніе дикіе кабаны,—теперь начинаютъ на встрѣчу мнѣ приподнимать свои шляпы“.

Въ апрѣлѣ мѣсяцъ въ Парижѣ появилась холера, которая въ маѣ зацѣпила и Тургенева. Объ этомъ эпизодѣ читаемъ въ воспоминаніяхъ Пассежъ: „Тургеневъ собрался ѣхать изъ Парижа, срокъ квартиры его оканчивался; онъ пришелъ переночевать у Герцена. Послѣ обѣда Тургеневъ жаловался на духоту и пошелъ выкупаться. Возвратившись, онъ почувствовалъ себя еще хуже, выпилъ содовой воды съ виномъ и сахаромъ и легъ спать. Ночью онъ разбудилъ Герцена и сказалъ:

„— Я пропащій человекъ, у меня холера.“

„У него, дѣйствительно, были тошнота и спазмы; по счастью, онъ отдѣлался десятью днями болѣзни. Когда занемогъ Тургеневъ, Александръ (Герценъ) отправилъ жену и дѣтей въ Ville d'Avray, гдѣ жила его мать съ меньшимъ внукомъ Колей и съ Марьей Каспаровной Эрнъ, впослѣдствіи Рейхель; Александръ остался съ нимъ одинъ. Стало Тургеневу лучше, Александръ также переѣхалъ въ Ville d'Avray“. Десятаго іюня, Герценъ писалъ о томъ же Н. П. Огареву: „Помнишь холеру въ Москвѣ въ 1831 г.,—сколько было благородныхъ усилій, сколько мѣръ: временныя больницы, люди, шедшіе добровольно въ смотрители, и проч. Здѣсь правительство не сдѣлало ничего, общество—ничего; болѣзнь продолжалась два мѣсяца,—вдругъ жары неслыханныя (въ тѣни 30—32°), и Парижъ покрылся трупами. Ни мѣстъ въ больницахъ, ни даже дрогъ для труповъ—трупы лежатъ въ домахъ два, три дня... У меня на квартирѣ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ занемогъ холерою, чуть не умеръ, однако отходился“¹⁾. Вотъ когда Иванъ Сергѣевичъ почувствовалъ впервые тотъ страхъ передъ холерой, который сохранялъ уже въ теченіе всей своей жизни, теряясь и падая духомъ при одномъ извѣстіи о приближеніи болѣзни. Въ 1881 г. Полонскій наблюдалъ въ Спасскомъ, какое дѣйствіе произвело на Тургенева извѣстіе о холерѣ въ

¹⁾ Воспомин. Пассежъ. III, 92, 114.

Брянскѣ. „Блѣдный, позеленѣлый пришелъ ко мнѣ Тургеневъ и говорить:

— Ну, теперь я не живу, теперь я только двигающаяся, несчастная машина.

— Странный ты человекъ, Иванъ,—говорилъ я ему,—вѣдь холера, если она и есть, въ 300-хъ верстахъ отъ насъ.

— Это все равно,—отвѣчалъ онъ, какъ бы разслабленнымъ голосомъ,—хотя бы въ Индіи... Запала въ меня эта мысль, попало это слово на языкъ и—кончено! Первое, что я начинаю чувствовать, это судороги въ икрахъ, точно тамъ кто-нибудь на клавишахъ играетъ... Начинаетъ сосать подъ ложечкой; я ночи не сплю, со мной дѣлаются обмиранія... и затѣмъ разстраивается желудокъ. Мысль, что меня вотъ-вотъ захватитъ холера, ни на минуту не перестаетъ меня сверлить, и что бы я ни думалъ, о чемъ бы ни говорилъ, какъ бы ни казался спокоенъ,—въ мозгу постоянно вертится: холера, холера, холера... Я, какъ сумасшедшій, даже олицетворяю ее: она мнѣ представляется въ видѣ какой-то гнилой, желто-зеленой, вонючей старухи. Когда въ Парижѣ была холера, я чувствовалъ ея запахъ: она пахнетъ какою-то сыростью, грибами и старымъ, давно покинутымъ дурнымъ мѣстомъ. И я боюсь, боюсь, боюсь... И не странное ли дѣло,—я боюсь не смерти, а именно холеры... Я не боюсь никакой другой болѣзни, никакой другой эпидеміи: ни оспы, ни тифа, ни даже чумы... Одолѣть же этотъ холерный страхъ—въ моей воли. Тутъ я безсиленъ. Это такъ же странно, какъ странно то, что извѣстный герой кавказскій—Слѣпцовъ—боялся паука; если въ комнатѣ его появлялся паукъ, съ нимъ дѣлалось дурно. Другіе боятся мышей, иные—лягушекъ. Бѣлинскій не могъ видѣть не только змѣи, но ничего извивающагося“.

Оправившись отъ холеры, Тургеневъ поспѣшилъ въ Куртавенель, откуда П. Віардо собиралась въ новую артистическую поѣздку, на этотъ разъ въ Лондонъ. Выѣхавъ въ столицу Англіи въ самомъ началѣ іюля, знаменитая пѣвица оставила Ивана Сергѣевича въ своемъ имѣніи совершенно одного. Съ этого момента и начинается то интересное одиночество Тургенева въ деревнѣ Віардо, о которомъ онъ часто любилъ вспоминать впоследствии, и о которомъ друзья его рассказывали почти фантастическія вещи. Такъ, Н. В. Бергъ передаетъ въ своихъ запискахъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ слѣдующее: „Въ 1850 (1849 г.) артистка уѣхала съ мужемъ въ Лондонъ—пѣть передъ самой выскательной публикой. Тургеневъ остался на это время въ

одномъ изъ ея замковъ, на границѣ Франціи и Испаніи (!), на горѣ, среди дремучаго сосноваго лѣса (!). Внизу была деревушка, откуда приходила къ Ивану Сергѣевичу, въ извѣстные часы, старушка и приносила обѣдъ и ужинъ. Тургеневъ рассказывалъ однажды, при авторѣ, что ему становилось иногда въ пустомъ замкѣ очень жутко. Куда ни поглядишь: горы и темный лѣсъ, тянувшійся на необъятное пространство,—и больше ничего (!). Онъ боялся даже нападенія разбойниковъ. „Еслибы пробрался въ замокъ одинъ недобрый человекъ, я бы, вѣроятно, не струсилъ. Я подсадилъ бы его въ одной изъ удобныхъ для этого комнатъ съ оружіемъ въ рукахъ—и принудилъ бы къ сдачѣ. Я бы ему сказалъ: „вы мнѣ ни на что не нужны: ни убивать васъ, ни преслѣдовать полиціей я не думаю. Но... расскажите мнѣ исторію своей жизни—и потомъ ступайте на всѣ четыре стороны!“ Никакой разбойникъ, однако, не доставилъ Ивану Сергѣевичу матерьяла для повѣсти и т. д. ¹⁾“.

За полтора мѣсяца своего отшельничества Тургеневъ всего два раза заглянулъ въ Парижъ—11-го и 31-го іюля, оба раза на два дня; да съ 12-го по 17-е того же мѣсяца въ Куртавенелѣ гостилъ дядя П. Віардо, братъ ея матери, г-жи Гарсія, Ситчесь и его супруга ²⁾. Чета эта не представляла собою ничего особеннаго. Онъ—добродушный баловень, она—живая и подвижная женщина. Общество этихъ людей нѣсколько развлекало Ивана Сергѣевича, особенно своими спорами, въ которыхъ довь-Пабло, какъ называлъ Ситчеса Тургеневъ, обыкновенно нападалъ на свою супругу въ гнѣвныхъ выраженіяхъ: „ну, что ты знаешь“! или: „замолчи, сумасшедшая“! Супруги Ситчесь уѣхали изъ Куртавенеля 17-го іюля, оставивъ Ивану Сергѣевичу 30 франковъ, изъ которыхъ черезъ недѣлю у него осталось только четыре. Раза три посѣтилъ Тургенева въ его одиночествѣ нѣкто Фужѣ, случайный знакомый семьи Віардо, человекъ матеріально независимый, но „весь пропитанный національными, бонапартистскими, литературными и судебными предрасудками“, по выраженію Ивана Сергѣевича. Постоянно же въ замкѣ вмѣ-

¹⁾ „Историч. Вѣстн.“ 1883 г., XIV, 375.

²⁾ Гальперинъ-Каминскій, издавая письма Тургенева за лѣтніе мѣсяцы 1849 года, вслѣдствіе отсутствія хронологическихъ пометъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, а затѣмъ и по причинѣ, вѣроятно, неразборчивости почерка Ивана Сергѣевича, размѣстивъ письма неправильно. По внутренней связи они должны слѣдовать другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ (сохраняемъ нумерацію издателя): XV, XIV, XVII, XIX, XX, XVI, XXI, XVIII, XXII и XXIII.

стѣ съ Тургеневымъ жили только три лица: Вероника, старуха-кухарка, вѣчно ворчавшая на старую охотничью собаку Л. Віардо — Султана; Жанъ — бойкій и расторопный лакей хозяина, съ которымъ Иванъ Сергѣевичъ, между прочимъ, выдергалъ весь тростникъ изъ канавъ вблизи дома, и, наконецъ, лѣнивѣйшій изъ смертныхъ — садовникъ при замкѣ. Всѣ эти лица внимательно ухаживали за молодымъ анахоретомъ. Про Веронику Тургеневъ писалъ, напримѣръ, П. Віардо. „Ужъ не жениться ли мнѣ на ней, чтобы вознаградить ее за ея услуги, принимая во вниманіе, что всякая другая монета въ настоящее время для меня только одна химера“! Много времени Иванъ Сергѣевичъ посвящалъ чтенію книгъ изъ прекрасной библіотеки Л. Віардо, которую онъ предварительно привелъ въ порядокъ. Особенно заинтересовали его письма лэди Монтэгю (1690 — 1762), извѣстной въ англійской литературѣ своими правдивыми описаніями мусульманскаго быта, главнымъ образомъ турецкихъ сералей, а позднѣе — критическимъ изображеніемъ нравовъ тогдашнихъ гостинныхъ Англии. Письма ея Тургеневъ называлъ „прелестной книжкой, исполненной граціи, ума и искренняго чувства, и заставляющей любить ту, которая ее писала, несмотря на ея происхожденіе“. На мысли и наблюденія Монтэгю онъ неоднократно ссылается въ письмахъ къ П. Віардо за это время. Собственно литературной работой Иванъ Сергѣевичъ занимался очень мало. „Я все это время провелъ въ деревнѣ, въ совершенномъ уединеніи, — писалъ онъ Герцену 31-го іюля, — а уединеніе производитъ во мнѣ всякій разъ невыразимую лѣнь, которую на поэтическомъ языкѣ называютъ тишиной, погруженіемъ въ тишину и т. д.“. Дѣйствительно, Тургеневъ въ сущности былъ „погруженъ въ тишину“. Въ письмахъ изъ Куртавенеля есть нѣсколько характерныхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи. „Я сижу передъ круглымъ столомъ въ большой гостиной... Глубокое молчаніе царствуетъ въ домѣ, — только слышится жужжаніе горящей лампы“... читаемъ въ письмѣ отъ 20-го іюля. Въ другомъ (отъ 7-го авг.) онъ пишетъ П. Віардо: „Вчера я только-что соби-рался уйти изъ гостиной, какъ вдругъ услышалъ два глубокіе, совершенно ясные вздоха, раздавшіеся, или, вѣрнѣе, пронесшіеся какъ дуновеніе въ двухъ шагахъ отъ меня. Султанъ давно спалъ, я былъ совершенно одинъ. Это вызвало во мнѣ легкую дрожь. Проходя по коридору, я вдругъ подумалъ о томъ, что бы я сдѣлалъ, еслибы почувствовалъ, что кто-нибудь схватилъ меня за руку, и я долженъ былъ сознаться, что я испустилъ бы крикъ

ужаса. Положительно ночью бываешь менѣе храбрымъ, чѣмъ днемъ. Я хотѣлъ бы знать, боятся ли слѣпые привидѣній?— Прежде чѣмъ лечь спать, я каждый вечеръ дѣлаю маленькую прогулку по двору. Вчера я остановился и началъ прислушиваться. Вотъ разные звуки, услышанные мною:

Шумъ крови въ ушахъ и дыханіи.

Шорохъ—неумолкаемый лепетъ листьевъ.

Трескъ кузнечиковъ—ихъ было четыре—въ деревьяхъ на дворѣ.

Рыбы производили на поверхности воды легкой шумъ, походившій на звуки поцѣлуя:

Отъ времени до времени падала капля съ легкимъ серебрянымъ звукомъ.

Ломалась какая-то вѣтка,—кто сломалъ ее?

Вотъ глухой звукъ... что это шаги по дорогѣ? или шопотъ человѣческаго голоса?

И вдругъ тончайшее сопрано комара, которое раздается надъ вашимъ ухомъ...

Въ сентябрѣ 1849 г., возвратилась въ Куртавенель семья Віардо, и Тургеневъ провелъ съ друзьями подъ однимъ кровомъ болѣе мѣсяца. Ко дню похоронъ Шопена (30 октября) всѣ уже были въ Парижѣ. Похороны знаменитаго музыканта, на которыхъ присутствовалъ и Тургеневъ, были своего рода артистическимъ торжествомъ, и очень жаль, что Иванъ Сергѣевичъ не оставилъ намъ никакихъ воспоминаній о нихъ. На заупокойной мессѣ былъ исполненъ „Реквиемъ“ Моцарта оркестромъ подъ управленіемъ Мейербера, органомъ и такими солистами, какъ П. Віардо, Кастеляне и Лаблашъ (знаменитый оперный пѣвецъ-басъ). Въ эту зиму 1849—1850 г. слава П. Віардо достигла наибольшей высоты. Она показала себя не только замѣчательной пѣвицей, но и высоко-даровитой драматической актрисой. Последнюю сторону ея таланта вызвалъ упомянутый уже Мейерберъ постановкой своей оперы „Пророкъ“ на сценѣ „Grand Opéra“. Давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемая опера эта произвела сильное впечатлѣніе на парижанъ, чему много способствовало именно участіе П. Віардо, по настойчивой просьбѣ композитора, въ партіи Фидесъ. Иванъ Сергѣевичъ въ видѣ письма изъ Парижа, отъ 9 января 1850 г., помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, за подписью:—е—, статью: „Нѣсколько словъ объ оперѣ Мейербера—„Пророкъ“¹⁾, которую начинаетъ

1) Т. LXVIII, Стѣсь, стр. 280—283.

словами: „Завтра дають эту оперу въ сороковой разъ, и уже сегодня всѣ мѣста разобраны“. Оцѣнивая ее ниже „Гугенотовъ“ того же Мейербера, Тургеневъ, однако, отзывается о ней съ полнымъ сочувствіемъ: „Я около десяти разъ видѣлъ „Пророка“, и всякій разъ отрывалъ въ немъ новыя красоты“, — писалъ онъ. Особенный восторгъ возбуждала въ немъ игра и пѣніе П. Віардо, и тѣ сцены, въ которыхъ выступаетъ знаменитая пѣвица, описаны Иваномъ Сергѣевичемъ съ большими подробностями и съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

IX.

Зиму съ 1849 на 1850 г. Тургеневъ жилъ въ Парижѣ уже безъ русскихъ друзей; тѣмъ ближе приходилось ему знакомиться съ кружкомъ французскихъ писателей и представителями французскаго искусства, собиравшимися въ квартирѣ Віардо. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать Проспера Мериме, образованнѣйшаго изъ писателей своего времени, который чуть ли не первымъ во Франціи оцѣнилъ достоинства нашей литературы и сталъ учиться по-русски, чтобы въ подлинникѣ читать Пушкина и Гоголя. Какъ видно изъ переписки его съ графиней Монтихо (императрицей Евгеніей), Мериме въ концѣ 40-хъ годовъ сталъ усиленно изучать русскую литературу, въ чемъ могъ оказать ему существенную помощь именно Тургеневъ. Результатомъ этихъ занятій явился рядъ переводовъ на французскій языкъ Пушкина и Гоголя (изданныхъ, однако, въ 1852 и 1853 гг.), предпринятыхъ Мериме. Изъ другихъ писателей, встрѣчавшихся съ Иваномъ Сергѣевичемъ, слѣдуетъ назвать еще Шарля Эдмона и Жоржъ-Зандъ. Последняя въ 1848 году оставила политическіе вопросы и обратилась къ рассказамъ изъ сельской жизни. Этотъ поворотъ въ дѣятельности знаменитой писательницы Тургеневъ отмѣтилъ одинъ изъ первыхъ и отмѣтилъ съ полной опредѣленностью. Въ письмѣ его къ П. Віардо отъ 17 января 1848 г. мы читаемъ: „Вашъ мужъ вѣроятно говорилъ вамъ о новомъ романѣ m-me Зандъ, который печатается въ фельетонѣ Journal des Débats: „Франсуа ле Шалепа“. Онъ написанъ въ ея лучшей манерѣ — просто, правдиво, захватывающе. Можетъ быть, она вставляетъ въ него слишкомъ много крестьянскихъ выраженій; это мѣстами придаетъ ея разсказу нѣкоторую дѣланность. Искусство — не дагерротипъ, и такая вели-

ная мастерица, какъ m-me Зандъ, могла бы обойтись и безъ этихъ капризовъ художника съ нѣсколько притупленнымъ вкусомъ. Но очень ясно, что ей выше головы надобли всякіе социалисты, коммунисты, Пьеры Леру и другіе философы, что она ими измучена—и съ наслажденіемъ погружается въ источникъ молодости искусства наивнаго и неотвлекающагося отъ земли. Между прочимъ, въ самомъ началѣ предисловія находится нѣсколько строкъ описанія осенняго дня. Это—удивительно. Эта женщина имѣетъ талантъ передавать самыя тонкія, мимолетныя впечатлѣнія твердо, ясно и понятно; она умѣетъ рисовать все, даже благоуханія и самыя мелкіе звуки "... Хотя въ 1847—1850 гг. Тургеневъ нерѣдко встрѣчался съ Жоржъ-Зандъ у Віардо, хотя энтузіазмъ къ этому кумиру кружка Бѣлинскаго не совсѣмъ еще остылъ у Ивана Сергѣевича, но онъ не сошелся съ французской писательницей, и въ ихъ тогдашнихъ отношеніяхъ ничто еще не говорило о той дружбѣ, которая связывала этихъ людей впоследствии.

Въ началѣ мая 1850 года Тургеневъ заглянулъ на нѣсколько дней въ Брюссель, откуда поѣхалъ въ Куртавенель, проститься съ дорогими ему мѣстами передъ возвращеніемъ въ Россію. П. Віардо была тогда уже въ Германіи, и Иванъ Сергѣевичъ провелъ нѣсколько дней лишь въ обществѣ ея матери, сестры ея мужа и старшей дочери (впоследствии m-me Герритъ). Вскорѣ пріѣхалъ туда и Гуно, только-что приступившій къ работамъ надъ первой своей оперой, „Сафо“. Авторъ „Фауста“ явился въ Куртавенель по приглашенію П. Віардо, чтобы отдохнуть хорошенько отъ тяжелой потери, угнетавшей его—смерти брата. Общество этого композитора было большимъ счастьемъ для Тургенева, который высоко ставилъ его музыку. „Если Гуно не великая музыкальная сила,—писалъ Иванъ Сергѣевичъ своему другу въ томъ же году,—если у него нѣтъ генія, я отказываюсь отъ всякаго сужденія о людяхъ и талантахъ“. По пріѣздѣ въ деревню Віардо, Тургеневъ писалъ ея хозяйкѣ (16 мая): „Я въ Куртавенелѣ. Скажу откровенно, я счастливъ, какъ ребенокъ, что снова нахожусь здѣсь. Я пошелъ поздороваться со всѣми мѣстами, съ которыми я прощался передъ отъѣздомъ. Россія подождетъ,—эта огромная и мрачная фигура, неподвижная и туманная, какъ сфинксъ Эдипа. Она поглотитъ меня поздиѣ. Мнѣ кажется, что я вижу ея тяжелый, неподвижный взглядъ, устремленный на меня съ холоднымъ вниманіемъ, какъ и слѣдуетъ каменнымъ глазамъ. Будь спокоенъ, сфинксъ, я вернусь къ тебѣ, и тогда ты мо-

жешь поглотить меня въ свое удовольствіе, если я не разгадаю твоей загадки“!

Двадцать-четвертаго іюня, Тургеневъ написалъ г-жѣ Віардо прощальное письмо изъ Парижа и въ тотъ же день выѣхалъ оттуда, чтобы черезъ недѣлю сѣсть въ Штеттинѣ на пароходъ, отправлявшійся въ Петербургъ... Эдипъ отправился къ своему Сфинксу, чтобы до конца разгадать трудныя его загадки въ своихъ чудныхъ произведеніяхъ.

Н. Гутьяръ.

ВЪ ГОСТЯХЪ НА ХУТОРѢ

Личныя впечатлѣнія.

I.

Въ страну далекую...

Въ 189... году, окончивъ университетскій курсъ по юридическому факультету, я собирался-было за границу, какъ говорится — для довершенія своего образованія. Говоря откровенно и даже положа руку на сердце, я себя обманывалъ этою красивою фразой, сознавая въ душѣ ея несомнѣнную фальшь. Меня влекли къ себѣ не столько заграничные университеты, музеи, галереи, наука и искусство, сколько самая жизнь европейская, казавшаяся мнѣ крайне заманчивою, — мнѣ было вѣдь только двадцать-четыре года и въ карманѣ достаточное количество денегъ. Да я и не могъ серьезно думать о довершеніи своего образованія уже и потому, что „довершать“ мнѣ, собственно говоря, было нечего, вѣрнѣе—слѣдовало бы начинать все съ начала. Изъ гимназій и университета ничего я не вынесъ, — ни серьезныхъ фактическихъ знаній, ни идей, ни убѣжденій, ни идеаловъ... Современная наша литература и публицистика, которыми нѣкоторое время я интересовался больше, нежели лекціями, очень мало или вовсе не могла благотворно воздѣйствовать на мое умственное и особенно нравственное развитіе... Положительно могу сказать, что въ душѣ моей я не сознавалъ никакого нравственнаго критеріума, въ головѣ и сердцѣ—никакихъ высшихъ и благородныхъ идей и стремленій. Я мечталъ лишь объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ

и собирался окунуться съ головою въ кипучую жизнь Вѣны, Берлина, Парижа, — особенно Парижа. Иные изъ моихъ товарищей и знакомыхъ, отправляясь за границу для „довершенія“, ни въ чемъ подобномъ не сознаются, а я вотъ — сознаюсь откровенно.

Обстоятельство неожиданное и совершенно непредвидѣнное заставило меня, однако, отказаться отъ этой завѣтной мысли, — на время, по крайней мѣрѣ. Была у меня дальняя родственница, со стороны отца, вѣкая Аглая Михайловна Свицова, о существованіи которой я почти уже забылъ. Когда-то я ее видывалъ, будучи еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ, и никогда потомъ о ней не думалъ, съ тѣхъ поръ какъ, по смерти отца, мать моя, продавъ имѣніе богатому купцу-кулаку, переселилась въ Петербургъ, откуда была родомъ. Хорошая кузина, или тетушка, какъ намъ, дѣтямъ, приказано было ее называть и какъ я уже и буду ее называть, вдругъ объявилась. Въ полученномъ мною, въ концѣ ноября, казаномъ письмѣ, написаномъ археологическимъ почеркомъ и стилемъ, говорилось, между прочимъ, что она, тетушка, просила одного петербургскаго своего знакомаго узнать мой адресъ въ адресномъ столѣ и доставить ей, что она меня помнитъ, любитъ, и желала бы меня видѣть, что живетъ она одна-одинѣшенька на принадлежащемъ ей хуторѣ Ерши (Уединеніе тожъ) и просить меня — если я тоже помню ее и люблю, — навѣстить ее передъ ея смертью, которая непременно скоро должна „воспослѣдовать“, и т. п. Въ концѣ письма сообщался подробный адресъ Аглаи Михайловны. Признаюсь, письмо мнѣ крайне не понравилось, по содержанію и по стилю. — Очень нужно! — думалъ я про себя, бросивъ письмо на столъ и шагая по комнатѣ изъ угла въ уголъ, въ крайнемъ смущеніи, переходившемъ минутами въ злобную досаду и раздраженіе. — Изъ Парижа, гдѣ я уже былъ мысленно, изволь ѣхать въ какіе-то Ерши!.. Куда, зачѣмъ? Въ далекую и безпробудную глушь какую-то... Да и названіе хутора какое-то нелѣпое и забавное, особенно въ соединеніи съ другимъ названіемъ... Ахъ, милостивая государыня, Аглая Михайловна, что общаго между „ершомъ“ и „уединеніемъ“, — помилуйте!

Однако, какъ быть? Любопытно, что бы я сталъ тамъ дѣлать, въ этихъ самыхъ „Ершахъ“?.. А все-таки ѣхать надобно, въ концѣ концовъ нельзя не ѣхать. Не ѣхать — съ моей стороны было бы неприлично и неблагодарно. Да, ѣхать нужно, ничего не подѣлаешь. Тѣмъ не менѣе, мысль о необходимости поѣздки, хотя и непродолжительной, въ какую-то отдаленную и

безпроглядную глушь, просто пугала меня и тоскливо отзывалась въ сердцѣ. Стояла къ тому же тогда, какъ нарочно, отвратительная ноябрьская погода.

Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи въ исходѣ. Тупая тоска и какая-то нравственная угнетенность овладѣли мною, думать ни о чемъ не хотѣлось, хотя разныя невеселыя мысли, вѣрнѣе — представленія, насильно лѣзли въ голову. Раздѣвшись и бросившись въ кровать, старался я заснуть, но напрасно. Въ умѣ и воображеніи, неразрывною цѣпью, одни за другими, стали возникать сперва смутныя, потомъ болѣе опредѣленные образы прошлаго, далекія воспоминанія дѣтства, картины, сцены, лица, имена. Одинъ только разъ, послѣ переселенія нашего въ столицу, будучи уже гимназистомъ, посѣтилъ я съ матерью и сестрой, вышедшей вскорѣ замужъ, эти глухія палестины со смѣшаннымъ населеніемъ, частью „кацапскимъ“ (великороссы) и частью „хотлацкимъ“ (малороссы). Не всѣ еще дѣла по продажѣ имѣнія покончены были у матушки съ кулакомъ, и личное присутствіе ея на мѣстѣ оказалось необходимымъ. О тетущѣ Аглаѣ Михайловнѣ матушка не вспомнила тогда ни однимъ словомъ; кажется, онѣ были не въ ладахъ изъ-за продажи имѣнія, противъ которой тетушка сильно протестовала. И все живѣе и живѣе являлась теперь она въ моемъ воспоминаніи. Жила она довольно далеко отъ насъ, чуть ли не въ противоположномъ концѣ уѣзда, и только изрѣдка насъ посѣщала. Меня она почему-то очень любила. Это была пышная женщина, выше средняго роста, довольно полная, съ матово-блѣднымъ лицомъ и густыми черными волосами, всегда одѣтая въ черномъ. Нужно прибавить, что она не была замужемъ, оставаясь дѣвственницею. Мнѣ нравился особенно ея носъ, красивый, тонкій и правильный, съ маленькою горбинкой, но больше всего интересовала меня мягкая линія нѣжно-темныхъ усиковъ, похожихъ на легкую тѣнь, но вполнѣ явственныхъ, какихъ у другихъ женщинъ мнѣ не случалось видѣть. Откуда, — задавался я вопросомъ, — взялись у тетушки усики? Теперь-то я понимаю очень хорошо — откуда. Тетушка была сильная брюнетка, и даже возлѣ ушей, — помню тоже хорошо, — гдѣ у мужчинъ бываютъ бакенбарды, темнѣло у нея что-то, чуть замѣтное, словно кто слегка мазнулъ по этимъ мѣстамъ кисточкой отъ туши. Вообще, принимая въ соображеніе все то, о чемъ говорило мнѣ воспоминаніе, и ретроспективно окидывая всю фигуру тетушки нынѣшними моими глазами, могу положительно утверждать, что она была... какъ бы выразиться? ну, была она довольно замѣтно помята рукою времени, и не

подлежить теперь для меня ни малѣйшему сомнѣнiю, что и способность возбуждать въ мужскихъ сердцахъ чувство нѣжное и трогательное была тогда у бѣдной тетюшки уже окончательно утрачена. Но смолоду она несомнѣнно была красавицей, о чемъ мнѣ еще придется говорить.

Среди ночной тишины, слегка лишь нарушаемой рѣдкимъ уже движенiемъ по улицѣ запоздалыхъ экипажей, я невольно увлекся воспоминанiями. Какъ живой явился въ моемъ воображенiи и мой отецъ, добрый, умный и благородный, съ его энергическою поступью и сердечнымъ голосомъ. Припомнился мнѣ и нашъ старый и обширный домъ, съ густымъ паркомъ и тѣнистыми аллеями, по которымъ мы такъ часто бѣгали съ сестренкой и не разъ гонялись за кошкою, подозрѣваемой въ истребленiи соловьевъ и другой мелкой птицы; проходили одни за другими разныя иныя лица, знакомыя и дорогiя—и ключница Явдоха, всегда такая веселая; и садовникъ Панась, съ длинными бѣлыми усами, дѣлавшими его похожимъ на моржа, лечившiй деревенскихъ бабъ и мужиковъ отъ зубной боли съ помощью кузнечныхъ клещей и сапожнаго шила; и широкоплечiй кучеръ, Хома Щуръ, который съ лошадьми, казалось, жилъ одною жизнью, не отличаясь ничуть отъ нихъ интеллигенцею, но котораго отецъ любилъ за то, что онъ берегъ лошадей, понималъ ихъ и онѣ его понимали, и никогда ихъ не наказывалъ, ограничиваясь словесными внушенiями и волею критикою ихъ „лукаваго нрава“... И всѣ эти лица, казавшiяся почти живыми, говорящими и движущимися, быстро уходили отъ меня въ даль, блѣднѣли и исчезали, и вновь являлись другiя лица, незнакомыя и никогда не виданныя... Изъ-за плетня съ любопытствомъ глядѣть на меня какая-то босоногая дѣвчонка... По аллеѣ рассказываютъ какiе-то мужланы, широко размахивая руками... Но это былъ уже сонъ.

II.

На хуторѣ.

До Москвы и Харькова мнѣ удалось доѣхать вполне счастливо, т.-е. счастливо въ томъ смыслѣ, что удалось мнѣ избѣжать всякихъ знакомствъ въ дорогѣ. Странное дѣло: человекъ по натурѣ общительный, любящiй веселые разговоры, смѣхъ, шутки, шалости, подчасъ даже глупо-жизнерадостный, я всѣми мѣрами

стараясь всегда уклоняться отъ какихъ бы то ни было знакомствъ въ дорогѣ. Это во мнѣ просто какая-то идиосинкразія.

На харьковской станціи вагоны второго класса оказались переполненными. Чувствуя себя порядочно утомленнымъ и уставшимъ, я пересѣлъ, доплативъ разницу, въ купэ первого класса, занятое какими-то двумя дамами, которыя на ближайшей затѣмъ станціи вышли изъ вагона. И чѣмъ дальше уносилъ меня поѣздъ, тѣмъ сильнѣе овладѣвала мною гнетущая тоска. Къ тому же и погода стояла невозможная, упорно моросилъ мелкій дождикъ, сырой туманъ заволакивалъ окрестности, казавшіяся спящими и безжизненными. Полное безмолвіе, нарушаемое лишь стукомъ и вздрагиваніемъ вагоновъ, всевластно царило кругомъ и еще усиливало и безъ того тяжелую тоску и уныніе. Поражало меня полное повсюду безлюдье и отсутствіе въ странѣ какихъ бы то ни было слѣдовъ культурности. Каждая деревенька, каждая изба, встрѣчавшіяся изрѣдка по мѣрѣ движенія поѣзда и казавшіяся издали какими-то навозными кучами, каждый развалившійся заборъ или плетень, каждое лишенное листьвы деревцо — говорили, кричали, казалось, о безысходной нищетѣ и общей безпомощности. Сидѣлъ я одинъ-одинѣшенекъ въ купэ, и только эта счастливая случайность поддерживала во мнѣ нѣкоторую бодрость, примиряла съ безотрадными впечатлѣніями окружающаго. Бываетъ такое психическое состояніе, когда не хотѣлось бы ни на что и ни на кого смотрѣть, когда овладѣваетъ душою единственное желаніе крикнуть: уберите всѣ въ чорту и оставьте меня одного!

По мѣрѣ приближенія поѣзда къ станціи, откуда мнѣ предстояла еще ѣзда на лошадахъ, погода стала понемногу разгуливаться, и когда поѣздъ, наконецъ, остановился передъ небольшою и уединенною станціею, косые лучи сѣлонявшагося уже къ западу солнца весело выглянули изъ-за разорвавшихся и порѣдѣвшихъ тучъ. Въ воздухѣ пахнуло свѣжестью и холодкомъ. Можно было ожидать, что вечеръ будетъ хорошій.

Еще изъ Москвы я телеграфировалъ тетусѣ о днѣ моего пріѣзда къ ней и просилъ выслать на станцію лошадей. Меня крайне удивило, что никто меня не ожидалъ и не встрѣтилъ на станціи. Первое впечатлѣніе вышло не особенно пріятнымъ, и я успокоивалъ себя мыслью, что телеграмма моя не была тетушкой получена по всей вѣроятности.

Передавъ ручной багажъ носильщику и вручивъ ему квитанцію на полученіе щегольского дорожнаго сундука, купленного

мною для заграничнаго путешествія, я тутъ же спросилъ, можно ли нанять здѣсь лошадей до хутора г-жи Свицовой.

— Вы, баринъ, значить, на хуторъ „Ерши“? А васъ тамъ ждетъ, на заднемъ дворѣ, четвёрка. Пожалуйте.

Телеграмму, значить, тетушка получила, — тѣмъ лучше. На заднемъ дворѣ стояло нѣсколько крестьянскихъ телѣгъ, и между ними замѣтно выдѣлялась не то бричка, не то тарантасъ, не то коляска, запряженная четвёркой сытыхъ и здоровыхъ лошадей. Мужики съ любопытствомъ смотрѣли на меня, какъ на рѣдкую птицу.

— Въ „Ерши“ подавай! — крикнулъ носильщикъ.

Къ крыльцу медленно подвалилъ, громыхая, этотъ оригинальный экипажъ. Лошадьми правилъ забавный малый, широко улыбаясь, въ громадной бараньей шапкѣ, насунутой почти на самые глаза, и въ такомъ же тулупѣ, но, очевидно, съ чужого плеча, съ кого-то побольше ростомъ и потолще.

— Ты изъ „Ершей“? — спросилъ я, не безъ удивленія глядя на забавную фигуру возницы.

— Та вѣжъ изъ Яршей.

— Одинъ?

— А на що бильше, буде и одного.

„Не мѣшало бы, однако, г-жѣ Свицовой, — съ досадою подумалъ я про себя, — прислать на станцію кого-либо“... Во мнѣ заговорило самолюбіе и претенциозность шаблоннаго петербургскаго „сноба“, который всюду, особенно же парадирюя по Невскому проспекту, какъ лучшее его украшеніе, силится всегда казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть, но персоною болѣе важною и болѣе знатною. Эту вотъ невско-проспектную фізіономію я дотацилъ съ собою до невѣдомаго и отдаленнаго уголка имперіи... Привычка.

— Отчего съ тобой не пріѣхалъ кто-либо умнѣе тебя? — спросилъ я возницу.

— Не прискали. Не бійтесъ, — доведу, отвѣчалъ онъ равнодушно и небрежно, какъ отвѣчаютъ обыкновенно на пустые вопросы.

Я былъ въ недоумѣніи: совсѣмъ иное я себѣ воображалъ. По всему было видно, что г-жа Свицова жила не важно. Чортъ возьми, зачѣмъ я предпринялъ это дурацкое путешествіе въ эту глухую трупщобу, гдѣ еще возможны подобные экипажи, а вмѣсто кучеровъ — какіе-то чурбаны?!

Со двора станціи мы выѣхали прямо на широкій трактъ, безжизненный и глухой; погода вполне разгулялась, начинаю

слегка морозить; яркое солнце на половину скрылось уже за горизонтомъ. Четвёрка здоровыхъ лошадей съ трудомъ тащила негнѣпный и громоздкій экипажъ, колеса котораго глубоко врѣзались въ сырую и рыхлую отъ дождей землю. Боже, какая мучительная тоска и скука!.. Полнѣйшее кругомъ безмолвіе и безлюдье; слышно только, какъ лошади тяжело дышутъ, вытаскивая экипажъ изъ глубокой грязи, и шлепаютъ копытами.

— Эй, послушай, какъ тебя зовутъ? — обратился я къ возницѣ.

— Мене?

— Да, тебя.

— А я Тарась Мазюва буду.

— Красивъ!.. Давно служишь у барыни въ кучерахъ?

— Эге, не потрафили, я не у кучерахъ.

— Кто же ты такой?

— Кучеръ у барыни другой, Ондрей Чубайка прозывается, вѣкъ хворый лежить.

— Ну, а ты?

— Пастухъ буду, ось кто я.

Какова г-жа Свищова!.. Вмѣсто кучера послать за мною... пастуха! Чортъ знаетъ что такое!

— Такъ ты пастухъ? Давно ли въ пастухахъ?

— Давно, а коли я бувъ ще малымъ хлопцѣмъ, то у барыни служивъ „за-дѣда“.

— Это еще что такое? Какъ за-дѣда? Маленькій мальчикъ и—служилъ за-дѣда?

— Кхи, кхи, кхи!—захохоталъ хохолъ и, обернувшись, съ удивленіемъ и любопытствомъ глядѣлъ на меня, молча.

— Что ты смотришь? Ну, скажи, что ты дѣлалъ, служа за-дѣда, какую должность справлялъ?

— А вы не знаете? Та-й баштанъ я караулилъ за мѣсто дѣда,—о це що. Ха, ха, ха!.. Не знаете?..

— Противъ кого же ты караулилъ? Здѣсь у васъ, чортъ васъ возьми, вѣдь и людей не видно.

— Не видно? Ой, ой, тутъ у насъ богацько всякаго народу; вонъ тамъ село, тамъ два хутора, и тамъ, и тамъ. О, богацько тутъ у насъ мужикивъ. Якъ-же не не караулить? Разнесутъ баштанъ скурвые сыны, коли не караулить...

Какъ будто въ подтвержденіе его словъ, что тутъ дѣйствительно живутъ люди и даже какіе-то еще „скурвые сыны“, на встрѣчу намъ повазалась нищенская телѣга, влеваемая медленно несчастною влячею, крайне изнуренною и тощею, едва передви-

гавшею ноги. Въ телѣгѣ, опершись спиною о какой-то плоскій ящикъ, поставленный стоймя, сидѣла жалкая фигура, лица которой невозможно было рассмотреть. Надвинутая на глаза рваная шапка повязана была сверху головы до подбородка грязною тряпкою, закрывавшею все лицо, кромѣ глазъ и носа. Тарасъ еривнулъ:

— Ты отъелева? Отъ барыни, что-ли?

Отвѣта я не слышалъ, а Тарасъ, сейчасъ же обернувшись ко мнѣ, пояснилъ, что это стекольщикъ, разбѣзжающій отъ деревни до деревни, отъ хутора до хутора съ оконными стеклами и вставляющій ихъ вмѣсто разбитыхъ.

— Жидъ винъ, Мойша, тильки ой-ягъ не любить, коли звать ёго жидомъ. И чудной же винъ.—Якій я, каже, жидъ, я—православный чоловікъ яврейской віры. Хо, хо, хо... Перекрестись, кажутъ ёму, а винъ каже—це для мене не требуется... Чудной!

Инстинктивно отвернулся я отъ этой живой эмблемы безысходной нищеты, нравственной и матеріальной, дополнявшей общую картину окружавшаго меня унынія и безмолвія.

Вскорѣ лошади повернули налѣво, въ боковую аллею, ведущую, очевидно, къ хутору. Лишенные листьевъ деревья отнюдь не придавали ей особенной картинности, но мнѣ сдѣлалось веселѣе почему-то. Притомъ, почва ли была тутъ тверже, или лошади обрадовались, почувувъ близость конюшни и отдыха, но онѣ пошли бодрѣе и живѣе. Ну, слава Богу, наконецъ-то.

— Далеко еще до хутора?

— Версты двѣ буде... Ну, вы, соволики!..

— Послушай, ты бы спѣлъ что-нибудь. Умѣешь пѣть?

Тарасъ оглянулся съ вопросительною улыбкою, но не исполнилъ моего приказанія, и только минутъ черезъ пять, вдругъ, неожиданно гарельнулъ молодымъ и здоровымъ голосомъ:

Ой, поіхавъ Опанасъ
За горілкою для насъ,
Зачепився за пень,
Та-й стоявъ цілы день...

Молодой и звучный голосъ своимъ контрастомъ съ окружавшею насъ пустотою и безлюдьемъ производилъ какое-то странное впечатлѣніе.

Вскорѣ мы замѣтили мелькавшіе вдали слабые огоньки, и вѣтерокъ сталъ доносить до насъ даже лай собакъ. Близко. Минутъ черезъ десять лай усилился, и вскорѣ громоздкій нашъ эки-

пажъ вѣзжалъ въ хуторскія ворота, открытыя для насъ какимъ-то старикомъ съ бѣгавшею въ вечернемъ сумракѣ бородою.

Многія окна были освѣщены, а на крыльцѣ толпилась кучка людей, которые низко мнѣ поклонились. Въ обширной прихожей, освѣщенной висячею лампою, меня встрѣтила сѣдая совсѣмъ, но бодрая и живая старушка. Это была тетушка, Аглая Михайловна Свицова. Она встрѣтила меня съ искреннею и сердечною радостью, крѣпко жала мою руку, обнимала за шею.

— Юрій, ты ли это? Тебя ли я вижу?..

— Ma tante, — проговорилъ я, цѣлуя ея руку: — сердечно радъ... но позвольте...

— Параска!.. Возьми, дурная, у паныча шубку.

Ко мнѣ подбѣжала молодая хохлушка, закрывая себѣ лицо и глаза ладонью, и приняла мѣховое мое пальто.

— Чего же ты, дурная, соромишься? Повѣсь шубку. Ахъ, ты, мой Жоржикъ!.. Для тебя приготовлена комната, но сейчасъ пойдемъ ко мнѣ, мой милый и дорогой Жоржикъ. Дай, я посмотрю на тебя поближе, похожъ ли ты на того Жоржива, какимъ я тебя помню...

Она ввела меня въ небольшую комнату, заставленную старинною и скромною мебелью, освѣщенную столовою лампою и пылающимъ каминомъ. „Какъ тутъ мило и уютно!“ — подумалъ я про себя.

— Ахъ, Боже, какъ ты выросъ и возмужалъ!.. Нѣтъ, не узнала бы я тебя. Сколько лѣтъ съ тѣхъ поръ?..

Она усадила меня возлѣ себя на диванѣ и внимательно въ меня вглядывалась.

— А то, пожалуй, узнала бы, особенно по глазамъ. А ты меня узналъ бы? Вѣдь ты меня помнишь?.. Да?.. Помнишь?

— Помню, хорошо помню, дорогая тетушка, вы даже очень мало перемѣнились, мнѣ кажется (я порядочно галѣ, изъ любви). Если не ошибаюсь, мнѣ было не больше восьми лѣтъ, когда васъ я видѣлъ въ послѣдній разъ. Не могу сказать, какъ я былъ удивленъ вашимъ письмомъ, и тогда-то я именно вспомнилъ про васъ, вы мнѣ живо представились во всей привлекательной вашей красотѣ. Вѣдь вы были очень красивы, не правда ли, тетушка?

— А теперь, видишь, какая старуха! — проговорила она, грустно улыбаясь.

Я старался увѣрить ее, что не такъ она стара, чтобы ужъ очень, а между тѣмъ тоже внимательно въ нее вглядывался.

Волосы совсѣмъ сѣдые, почти бѣлые, но еще густые; носъ тотъ же, съ горбинкою, но какъ будто утратившій прежнюю скульптурную правильность; глаза довольно еще живые; только вотъ зубы нѣсколько подгуляли, порѣдѣли и даже замѣтна была нѣкоторая ихъ недочетка; зато усики казались еще гуще и замѣтнѣе.

Тетушка засыпала меня вопросами, поминутно переходя отъ настоящаго къ воспоминаніямъ о далекомъ прошломъ.

— Помнишь ли, мой Жоржикъ, какъ однажды, — мнѣ было очень скучно почему-то, — я взяла тебя за руку и увела тебя въ паркъ погулять, а ты вырвался отъ меня и убѣжалъ?.. Ты и теперь такой же шалунъ?

— Нѣтъ, не помню, дорогая тетушка; но еслибы теперь взяла меня за руку и увела въ садъ или паркъ молодая и красивая дама или дѣвица, клянусь вамъ — я бы не убѣжалъ. — Мнѣ хотѣлось еще шутить въ подобномъ же родѣ, но изъ сосѣдней комнаты сталъ явственно доноситься до моего чуткаго уха звонъ стакановъ, тарелокъ и ножей, возбуждая во мнѣ замѣтное безпокойство... Тетушка почти вскочила и быстро проговорила:

— Да ты голоденъ, я вижу, что же это я!..

— Угадали вы, милая тетушка: я вѣдь двое сутокъ не спалъ и ничего почти не ѣлъ.

Схвативъ меня подъ руку, она увела меня въ столовую, говоря со смѣхомъ: Теперь ты отъ меня не убѣжишь!

На большомъ кругломъ столѣ возвышался кипящій самоваръ и разложены были разные печенья и закуски, холодныя и горячія; нѣсколько разнаго вида бутылокъ поставлены были группою на серединѣ стола. Тетушка сейчасъ же подвинула ко мнѣ стулъ, на который я усѣлся слишкомъ торопливо, быть можетъ, между тѣмъ какъ глаза мои не вполне прилично, кажется, устремлены были на аппетитныя блюда, запахъ которыхъ возбуждалъ во мнѣ почти лихорадочную дрожь нетерпѣнія. Съ замѣчательною поспѣшностью и ловкостью наставъ мнѣ на тарелку котлетъ, добрая старушка съ удовольствіемъ слѣдила за моментальнымъ ихъ уничтоженіемъ. Долженъ сознаться, что я былъ до невѣжливости невнимателенъ къ ея вопросамъ, которыми она меня не переставала засыпать, отвѣчать на нихъ лаконически и часто не впадѣть.

— Вы правы... Это вѣрно... Не помню... Да, да, ma tante... Неужели?.. Отлично помню... Тогда я еще спугнулъ птицу...

— Выпей рюмочку наливки, хорошая наливка, — приглашала она, наливая рюмку.

— Да, да... я люблю... особенно если прибавить хрѣну со сметаню.

— Что ты, Жоржъ, кто же щеть наливку съ хрѣномъ!— расхохоталась старуха.

— Ой, простите, я не то... я другое. Но я, милая тетушка, совсѣмъ не пьющій; вотъ стаканъ чаю выпью съ удовольствіемъ, только позвольте мнѣ еще попробовать вотъ этого звѣря.

— Ахъ, миленькій, кушай на здоровье, только это не звѣрь, а куропатка.

Куропатка оказалась невообразимо вкусною.

— Знаете ли, ma tante, въ Петербургѣ, у Дюссо, за такую штуку рубля три сдеруть, а то и больше, только не сумѣютъ такъ приготовить. Куда имъ!

— Ну, такъ кушай же, кушай!

Но извѣстно, и древніе писатели свидѣтельствуютъ, что кушать можно лишь до извѣстныхъ предѣловъ. Я былъ сытъ, хотя и не до послѣднихъ предѣловъ, о которыхъ упоминаютъ древніе мыслители, но вполне достаточно для порядочнаго человѣка новѣйшей эпохи. Однако, тутъ произошла новая бѣда: старуха видимо желала продолжать разговоръ до безконечности, а у меня стали слипаться глаза. Всесильная потребность сна послѣ двухъ ночей бессонницы, проведенныхъ въ вагонѣ, вдругъ, несмотря на всѣ мои усилія бороться съ нею, овладѣла всѣмъ моимъ существомъ, и это не ускользнуло отъ вниманія доброй старушки. Она поднялась, протянула мнѣ руку, которую я крѣпко поцѣловалъ, и подвела меня къ дверямъ сосѣдней комнаты.

— Ты спать хочешь, я вижу; вотъ для тебя комната, — проговорила она съ сердечною улыбкою, прибавивъ въ видѣ извиненія, что раздѣваться я долженъ буду самъ, такъ какъ мужской комнатной прислуги она не держитъ.

Поцѣловавъ еще разъ обѣ руки доброй старушки въ знакъ искренней благодарности за такое вниманіе ея ко мнѣ, я вбѣжалъ въ комнату и сейчасъ же раздѣлся. Выставивъ нечищенные двое сутокъ полусапожки за дверь (авось замѣтятъ!), я сдунулъ свѣчу, бросился въ мягкую кровать и почти мгновенно заснулъ крѣпчайшимъ сномъ. Проспавъ я, не перемѣняя позиціи, до девяти часовъ утра. Желая подняться съ кровати, я неосторожно толкнулъ стоявшій у изголовья стулъ, и въ ту же минуту дверь открылась и въ комнату вбѣжала шустрая дѣвчонка лѣтъ десяти, неся на чайномъ подносѣ... мои почищенные полусапожки! Бросивъ подносъ съ ними на стулъ, она мгновенно убѣжала, свергая пятнами...

Эта оригинальная сцена, продолжавшаяся нѣсколько секундъ, разсмѣшила меня до слезъ; но для меня было ясно, что я очутился въ совершенно отдѣльномъ мірѣ, съ особыми понятіями, привычками, нравами и обычаями, не имѣющими ничего общаго съ условіями сколько-нибудь культурной жизни. Плохо. Къ крайнему моему огорченію, я узналъ еще вчера отъ тетушки, — и теперь невольно вспомнилъ, — что она вовсе не выписываетъ никакихъ газетъ, ни журналовъ, ни книгъ. Боже мой, что же я стану тутъ дѣлать?..

— Пробовала выписывать, другъ мой, пробовала, — извинялась она, — но ничего не вышло: газету доставляли мнѣ въ невозможномъ видѣ, по нѣсколькимъ номерамъ разъ въ недѣлю или въ двѣ недѣли, — ну, я и бросила. Газету-то выписывала я маленькую, *сочиняемую* тамъ у васъ въ Петербургѣ генераломъ... генераломъ...

— Генераломъ Дитятинимъ?

— Нѣтъ, иначе какъ-то...

— Знаю. Газета хорошая и, главное, по цѣнѣ — дешевле пары калопъ.

„И въ первый разъ въ жизни моей я былъ бы душевно радъ даже и такой газетѣ“, — невольно подумалъ я про себя.

Пока я одѣвался, меня занималъ и мучилъ вопросъ: зачѣмъ эта милая старушка, за-живо похоронившая себя въ безпробудной глуши, меня къ себѣ приглашала, что ей нужно отъ меня и долго ли мнѣ придется здѣсь промучиться? Все меня окружавшее поражало своею странностью, какою-то примитивностью, чуждою и непривычною для меня. Эта, напримѣръ, Параска, истинное дитя природы, т.-е. деревенская дура, закрывающая себѣ глаза ладонью, чтобы не взглянуть на незнакомаго ей чело-вѣка, котораго она „соромится“, — быть можетъ, очень мила въ своей наивности и дикости, но жить среди такихъ примитивныхъ людей едва ли можетъ доставить большое удовольствіе. Или этотъ пастухъ въ роли вучера, въ невозможномъ костюмѣ, искренно удивляющийся тому, что „панычъ“ ничего не понимаетъ и даже того не знаетъ, что служить „за-дѣда“ значить „вараудить баштанъ“... И вѣдь вся внушительность моей столичной фязіономіи не производитъ на этого болвана вовсе никакого впечатлѣнія, и на всю мою фанаберію онъ просто, какъ говорится, наплевать хотѣлъ... Это было бы, пожалуй, даже обидно, еслибы не было такъ комично, а все вмѣстѣ — дико и скучно.

Въ столовой ждала меня тетушка къ чаю. Милая старушка, въ сѣромъ шерстяномъ платьѣ, съ черной кружевной наколкой

на бѣлой головѣ, съ отложными воротничками снѣжной бѣлизны и такими же нарукавчиками, была очень симпатична. При дневномъ свѣтѣ лицо у нея показалось мнѣ желтѣе и морщинистѣе и вся она гораздо старѣе. На вопросъ, какъ мнѣ спалось, я отвѣчалъ, что, благодаря окружавшей меня тишинѣ, спалъ я какъ убитый.

— Впрочемъ, это потому только, что сряду двое сутокъ я не спалъ, но думаю, что безъ крайней усталости я не могъ бы вовсе заснуть, благодаря именно этой невозмутимой тишинѣ, къ которой нужно привыкнуть. И скажите мнѣ, милая тетуська, отчего у васъ тутъ такое всюду безлюдье? Отъ станціи, напрямѣръ, до самаго хутора я встрѣтилъ только одного человѣка, какаго-то жалкаго еврея-стекольщика, а больше ни души?

Старуха улыбнулась.

— Но вѣдь теперь зима,—всѣ сидятъ и работаютъ по домамъ. Весною и лѣтомъ, когда народъ выходитъ на полевныя работы, картина совершенно мѣняется. Уголь нашъ глухой, но едва ли не самый населенный въ уѣздѣ и даже въ губерніи. Къ сожалѣнію, очень многіе начинаютъ бросать хозяйство и деревню, ища занятій и заработковъ по городамъ, больше всего по поводу семейныхъ раздѣловъ, ссоръ и дракъ, а то еще больше по крайней бѣдности. Жаль, что у насъ тутъ нѣтъ по близости никакихъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ наши бѣдные сельчане могли бы найти какой-нибудь заработокъ, въ которомъ они такъ нуждаются. Нынѣ всѣ, особенно молодежь, только и грезятъ о томъ, какъ бы бросить опостылѣвшее хозяйство и уйти куда бы то ни было, на вольные заработки. Даже моя Параска, ни въ чемъ не нуждающаяся и никогда не бывавшая въ городѣ—до уѣзднаго города отсюда верстъ пятьдесятъ—спитъ и думаетъ о томъ, какъ бы уйти въ городскія няньки, горничныя и т. п. Ее соблазняютъ деревенскія подружки, побывавшія въ городѣ и рассказывающія, что тамъ „вупцы, молъ, сидятъ въ лавкахъ и продаютъ ленты и леденцы“, но что всего интереснѣе—„молодые яхфицеры тамъ на лошадяхъ скачутъ, а солдаты на трубахъ трубятъ“... Весело! Впрочемъ, удивляться тутъ нечему, изъ деревни бѣгутъ всѣ, бѣгутъ и наши дворяне и хуторяне. Повѣришь ли, на сто верстъ въ округности только немногіе помѣщики и хуторяне сидятъ дома и ведутъ хозяйство, громадное же ихъ большинство побросали насиженные мѣста и родовыя имѣнія, продавъ или сдавъ ихъ въ аренду кулакамъ, и распозлились какъ тараканы въ разныя стороны.

— Но куда же?

— Да кто ихъ знаетъ? Кто въ эдакие чиновники, кто въ кондуктора или контролеры на желѣзную дорогу, кто на инныя казенныя должности, а дамы и дѣвицы—которая въ учительницы, которая въ кассирши разныя и конторщицы... Однако, больше всего разѣхалось ихъ по разнымъ окраинамъ, т.-е. больше мужчины. Прошу не шутить: изъ нашей непочатой глуши вышло не мало цивилизаторовъ, ассимиляторовъ и насадителей для водворенія на окраинахъ культуры и порядка...

— Хорошо!.. Но, разнеся по окраинамъ культуру и цивилизацію и снабдивъ ими окраинныхъ аборигеновъ, ваши господа хуторяне возвращаются вѣдь домой, къ роднымъ пенатамъ?

— Ну, нѣтъ, совсѣмъ этого не видно.

— Это ужъ нехорошо... Видите ли, милая тетушка, цивилизація, которою снабжаютъ ваши хуторяне аборигеновъ окраинъ, — дѣло хорошее и патріотическое; но вѣдь вы сами сказали сейчасъ, что вашъ благодатный уголь пустѣетъ и гложетъ отъ усиленнаго экспорта мѣстной культуры... Продать родное гнѣздо вулаку!.. Сдать въ хищническую аренду!.. Нѣтъ ничего легче, но такую внутреннюю политику самый цвѣтущій родной край въ короткое время можно превратить въ пустыню... Вотъ, на примѣръ, я рассчитывалъ провести у васъ время весело, подѣлать визиты сосѣдямъ, завязать знакомства, ухаживать за красавицами, взрослыми подъ сѣнью сирени и жасминовъ и вскормленными нефальсифицированными продуктами сельскаго производства, — обстоятельство весьма важное. Долженъ сознаться, что у лучшаго петербургскаго портного заказанъ былъ мною великолѣпнѣйшій смокингъ со всѣми другими принадлежностями щегольского костюма. А новая дюжина галстуковъ—просто ума помраченіе. И все это напрасно. Знаете ли, тетушка, я возлагалъ громадныя надежды какъ на этотъ смокингъ, такъ особенно на нѣсколько фигуръ въ „па-де-кэтръ“, вполне новыхъ и оригинальныхъ, нарочно изученныхъ мною, совершенно увѣренный въ успѣхъ и побѣдѣ, а вышло, что я собрался на войну противъ несуществующаго противника,—это хуже всякаго пораженія. Благодарю васъ покорнѣйше,—на сто верстъ въ окружности ни одного интеллигентнаго семейства! Не откальвать же мнѣ трепача съ вашею Параскою, надушившись тончайшими „Violette de Parme“ или „Triple extrait de peau d'Espagne“... Ну, не правъ ли я, добрая тетушка, утверждая, что безъ сельской интеллигенціи деревня—глухая могила?

Старуха согласилась, грустно улыбаясь, что я вполне правъ.

Медленно и скучно проходили дни за днями. Въ ясную и морозную погоду, послѣ ранняго деревенскаго обѣда, когда тетушка уходила въ свою спальню отдохнуть, я отправлялся гулять по дорогѣ—аллеѣ, ведущей къ большому проѣзжему тракту. Всякій разъ меня сопровождали двѣ веселыя дворняжки, очень скоро ко мнѣ привыкшія. Онѣ обыкновенно ждали уже меня у крыльца въ обычный часъ, радостно встрѣчали мое появленіе на крыльцѣ, и затѣмъ быстро, перегоня другъ дружку, мчались къ воротамъ, гдѣ опять меня поджидали и, убѣдившись въ моемъ намѣреніи отправиться именно въ аллею, съ лаемъ мчались дальше, а въ аллеѣ опять оглядывались и опять поджидали. Особенно любилъ я одну изъ нихъ, необыкновенно забавную лохматую, кличкой „Жгутъ“, съ острыми ушами и обрубленнымъ хвостомъ; но и другая, пестрая собачка, побольше ростомъ, кличкой „Лыска“, тоже была очень забавна и жива. Онѣ сопровождали меня всякій разъ въ моихъ прогулкахъ и—странное дѣло—очень дорожили моимъ къ нимъ вниманіемъ. Если одна бросалась ко мнѣ, обнимала лапами мои колѣни и я гладилъ ее рукою по мордѣ, другая сейчасъ же и непременно дѣлала то же самое, требуя для себя того же доказательства дружескаго расположенія къ ней съ моей стороны. Мнѣ было веселѣе, я былъ не одинъ среди окружавшей меня мертвенной тишины и безлюдья.

Однажды, хотя погода стояла ясная и тихая, я не чувствовалъ расположенія къ прогулкѣ и, по уходѣ тетушки въ спальню, гдѣ она послѣ обѣда всегда любила отдохнуть полчаса, остался одинъ. Шагая по комнатѣ, я заинтересовался нѣкоторыми портретами, развѣшанными по обѣимъ сторонамъ зеркала, въ широкомъ простѣнкѣ между двумя окнами. Между этими портретами вниманіе мое обратилъ одинъ, акварельный, изображавшій красиваго молодого человека. Это былъ молодой гусаръ,—„усъ длинный и довольно черный, словомъ—идеаль дѣвиць, одно изъ славныхъ русскихъ лицъ“,—припомнилъ я невольно стихъ Лермонтова. Дѣйствительно, усы у гусара были великолѣпны. И не подлежало сомнѣнію, что это былъ одинъ изъ самыхъ „опасныхъ сердцеѣдовъ“, о чемъ свидѣтельствовали, между прочимъ, нѣсколько прищуренные глаза и самоувѣренная улыбка, придававшіе всей фізіономіи выраженіе откровенности и отваги. Глядя на него, такъ и казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ лукаво подмигнетъ однимъ глазомъ... Въ обществѣ мужчинъ любилъ онъ, безъ сомнѣнія, здорово выпить, подчасъ метнуть направо и налево, а въ провинціальному трактирѣ или клубѣ,

при случаѣ, учинить скандалиссимумъ,—словомъ, это былъ, что называется, милый „шалунъ“... Денисъ Давыдовъ воспѣлъ предковъ этихъ исчезнувшихъ уже нынѣ „шалуновъ“ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльнички драгіе.
Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшамъ (!)
И сидящихъ вокругъ огня
Съ красносивыми носами, и т. д.

Дѣло ясное, что фраза „испивающихъ ковшамъ“ есть гипербола, втиснутая поэтотомъ-гусаромъ въ стихъ для рѣимы съ „носами“; тѣмъ не менѣе, молодой гусарь, передъ портретомъ котораго я стоялъ, былъ прямымъ потомкомъ этихъ „воренныхъ“ гусаровъ и несомнѣнно принадлежалъ къ числу товарищей и собутыльничковъ единственныхъ и незамѣнимыхъ.

Всмотрѣвшись ближе въ портретъ, я замѣтилъ внизу выпѣтшую, но еще вполне разборчивую подпись—такую: „Корнетъ М. Загривинъ 15 мая 1854 года“.

„Вотъ,—подумалъ я про себя,—тема готова, можно будетъ поговорить съ тетужкой, вызвать въ ней воспоминанія о далекомъ прошломъ, расшевелить старуху. Всѣ эти портреты говорятъ же что-нибудь ея уму и памяти, и, быть можетъ, мнѣ удастся выслушать много интереснаго и занимательнаго, какъ вчера, когда она мнѣ рассказывала о своихъ отношеніяхъ къ покойнымъ моимъ отцу и матери“...

Въ углу комнаты стояло старинное фортепіано, длинное и узкое, окрашенное въ желтую краску, но на черныхъ и тонкихъ ножкахъ,—вещь положительно археологическая, нигдѣ нынѣ не встрѣчаемая. Крышка на клавиатурѣ украшена была перламутровыми инкрустаціями, изображавшими амуровъ съ крылышками въ разныхъ позиціяхъ, а на верхней доскѣ лежали книги нотъ, до которыхъ, видно, давно-давно уже никто не дотрогивался... Одна изъ тетрадей оказалась писанною,—это были какіе-то романсы. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ разобрать подписанный выпѣтшими уже чернилами, подъ нотными знаками, текстъ нѣкоторыхъ романсовъ. Въ кипѣ тетрадей оказался также небольшой томикъ въ бархатномъ и тоже выпѣтшемъ переплетѣ. Это былъ томикъ „Греческихъ стихотвореній“ Щербины. Когда

я раскрылъ томикъ, изъ него посыпалась тонкая и бѣлая пыль. Страница раскрылась на стихотвореніи:

„О, не тронь ее, Аркасъ, молю я,
То въ распуколкахъ розовый кустъ,
Не пали же огнемъ поцѣлуя
Этой утренней свѣжести усть“...

Подъ этой строфой можно было разобрать написанную цвѣт-нымъ карандашемъ, тоже почти выпцвѣтшимъ, такую сентенцію: „Не согласнѣнъ ибо для чево же красота существуетъ“. „Что-жъ,— подумалъ я,— философія не хуже правописанія,—но почеркъ мнѣ показался какъ будто знакомымъ. Да, это вѣрно: сентенція написана тѣмъ же неровнымъ и почти полудѣтскимъ почеркомъ, что и подпись подъ портретомъ „сердцеѣда“... Вотъ оно что! Ну, милая тетушка, обширный у насъ съ вами будетъ разговоръ...

Я почти обрадовался своей находкѣ, живо привелъ тетради въ прежній порядокъ и, отдѣливъ томикъ, усѣлся съ нимъ на диванѣ, въ ожиданіи появленія тетушки.

Она не замедлила явиться.

— Хорошо отдохнули, тетушка? А я, вотъ, напелъ у васъ на фортепьянахъ, между нотами, этотъ маленькій сборникъ стихотвореній и зачитываюсь ими. Меня заинтересовала еще рукописная тетрадь съ романсами, но, къ сожалѣнію, чернила выцвѣли, и я съ трудомъ могъ разобрать только нѣсколько строфъ. А видно, хорошіе романсы...

— Гдѣ? Какіе?—спросила она, позѣвывая со сна и закрывая уста платкомъ. Взглянувъ на поданную ей мною тетрадь, она замѣтила съ улыбкою:

— Эти романсы передъ крымскою войною считались самыми модными, ихъ распѣвала тогда вся русская молодежь...

— И вы тоже, тетушка?

— Какой ты любопытный!.. Ну, конечно.

Взявъ изъ рукъ ея тетрадь, я сталъ медленно читать, собирая слоги, раздѣленные по нотамъ:

На зарѣ ты ее не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ,
Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко пышетъ на ямкахъ ланить...

— Да вѣдь же это прелесть!.. Авторъ этого романса положительно понималъ толкъ въ поэзіи,—это очевидно. Особенно

хороши эти „ямки“, пышущія на ланитахъ при яркомъ сіяніи золотого утра, и будь я живописецъ, я бы сейчасъ же изобразилъ эти ямки кистью. Какъ жаль, что невозможно разобрать дальше... Не помните ли, тетушка, какъ картина эта разрисована поэтомъ дальше? Ахъ, это любопытно...

— Не помню,—отвѣчала она полудушутливо, опершись щекою на ладонь и глядя съ улыбкою на меня.

— Неужели такъ-таки и забыли? Не помните ли, по крайней мѣрѣ, хоть напѣва, добрая тетушка?

— Не помню,—отвѣчала она, не переставая улыбаться.

— Ну, позвольте же, я самъ добьюсь какъ-нибудь по ноткамъ.—Отбивая рукою тактъ, я запѣлъ:

Тру-ля-ля-ту-ти-та-фю-ю-ю...

— А вотъ и врешь, совсѣмъ не такъ!—прервала она, смѣясь. Она была въ прекрасномъ расположеніи духа. Быть можетъ, въ эту минуту въ воспоминаніи ея промелькнули далекіе юные годы, съ ихъ поэзіей и дѣвичьими снами...

— А, вотъ что!—почти вскричалъ я:—вы, значить, вспомнили, не забыли, а только не хотите,—вотъ вы какія! Ну, прошу васъ, спойте мнѣ этотъ прелестный романсъ,—присталъ я, цѣлуя ея руку:—мнѣ такъ хочется послушать, какъ пѣли до-Крымскія барышни...

— Отстань, сумасшедшій!

— Такъ я постараюсь обойтись безъ вашей помощи и попробую на фортепіано,—клавиши не совруть.

Говоря это, я подошелъ къ клавиатурѣ и съ немалымъ трудомъ приподнялъ крышку, очевидно давно нибѣмъ не открывавшуюся, причемъ одинъ амуръ отвалился и звякнулъ на полъ, а изъ-подъ клавишей выскочила мышь и мгновенно буда-то сгрѣлась. Къ крайней моей досадѣ, ни одинъ клавишъ не дѣйствовалъ... Выходили изъ-подъ нихъ какіе-то шипящіе и глухіе звуки, напоминавшіе разбитый барабанъ, по которому колотятъ полѣномъ. Дѣло надобно было бросить.

Старуха хохотала; ее забавляла моя неудача.

Нисколько не смущаясь, я перевернулъ страницу и сталъ вчитываться въ другой, слѣдующій романсъ.

— Превосходно!—вскричалъ я, вскакывая:—отлично!..

— Что тамъ еще такое?

— А вотъ прошу послушать:

Люди добрые, внимайте
 Печали сердца моего,
 Скорбь мою вы всё поймите,
 Грустно жить мнѣ безъ него.
 Онъ меня разлюбилъ...

Дальше невозможно было разобратъ.

— Теперь я и безъ музыки легко могу вообразить, какимъ скоропалительнымъ темпомъ текла жизнь въ до-крымскую эпоху. Помните, сейчасъ было „дышущее на груди утро“ и вслѣдъ затѣмъ, тутъ же, на другой страницѣ: — „люди добрые, спасите“!.. Совсѣмъ неожиданно! Но знаете ли, милая тетушка, мнѣ нравится эта экспансивность молодой до-крымской дѣвушки, приглашающей „всѣхъ добрыхъ людей“ вникнуть въ ея положеніе, и, съ своей стороны, я охотно вникаю. Но зачѣмъ она, бѣдная, вѣрнула *ему*?.. Неужели она не знала, что нашъ братъ, мужчина, частенько оказывается порядочнымъ прохвостомъ во многихъ отношеніяхъ?

— А ты самъ развѣ лучше другихъ?

— Я?.. Я—лучше. Могу даже васъ увѣрить, что ни разу еще я не былъ и влюбленъ надлежащимъ манеромъ.

— Ну, а не надлежащимъ манеромъ?

— Что жъ, скажу вамъ правду: былъ увлеченъ... Особенно заинтересовала меня недавно одна премилая блондинка, съ чудными голубыми глазами и роскошными пепельными волосами... Ахъ, какъ мнѣ нравятся такіе типы! Я встрѣчался съ нею у общихъ знакомыхъ и близокъ къ ней не былъ, а вскорѣ потомъ потерялъ ее изъ виду. Почти въ одно время познакомился я, тоже у знакомыхъ, съ великолѣпною шатѣнкою, томною и мечтательною, на устахъ милая улыбка, глаза съ поволокою... Ахъ, тетушка, такіе типы тоже очень-очень мнѣ нравятся. Но она вышла замужъ за генерала какого-то, который увезъ ее куда-то въ крѣпость, гдѣ состоитъ комендантомъ. Затѣмъ, и тоже почти въ одно и то же время, я былъ представленъ одной брюнеткѣ, съ богатѣйшею шевелюрою, матово-блѣднымъ лицомъ и огненными глазами, которые... ну, знаете... такіе глаза на меня всегда дѣйствуютъ обаятельно...

— Ну, братъ, я вижу, что на тебя обаятельно дѣйствуютъ всѣ масти и колера, притомъ одновременно! — расхохоталась старуха.

— Позвольте, вы ловите меня на словахъ, но я могъ вѣдъ выразиться не точно, да и сказалъ я не „одновременно“, а „почти одновременно“.

— Будто это не все равно?..

— Нѣтъ, позвольте, тутъ необходимы положительныя доказательства, какія имѣются, напримѣръ, у меня относительно вашихъ вкусовъ, когда вы были юною дѣвицею. Долженъ вамъ доложить, что, по имѣющимся у меня подъ рукой документамъ, я пришелъ къ безошибочному заключенію, что на васъ, въ юные ваши годы, обяательно дѣйствовали... усы масти вороньяго крыла, не такъ ли?

— Откуда ты это взялъ?—быстро спросила старушка, нѣсколько оживившись.

— Откуда?.. А позвольте васъ спросить, кого изображаетъ этотъ вотъ портретъ и откуда вы его раздобыли?

— А, вотъ что! Ну, портретъ изображаетъ того, кто на немъ изображенъ...

— Вѣрно. Но кто *онъ* такой и какимъ образомъ портретъ этотъ очутился здѣсь, и еще на самомъ почетномъ мѣстѣ,—позвольте спросить?..

— А вотъ и не скажу!—отвѣчала она, шутливо улыбаясь.

— Прекрасно, но въ такомъ случаѣ я оставляю за собою право догадокъ и предположеній, какія мнѣ угодно...

— Послушай, Жоржъ, почему ты обратилъ вниманіе именно на этотъ портретъ, а не на иной какой-либо,—тутъ ихъ вѣдь много? Это меня очень, очень интересуетъ. Это... это вѣдь мой женихъ.

— Вотъ что!—отвѣчалъ я, удивленный неожиданнымъ открытіемъ:—женихъ? Простите, милая тетушка, откуда же я могъ это знать? А обратилъ я вниманіе на этотъ именно портретъ потому, что изображенный на немъ молодой человекъ очень красивъ, положительно можно сказать—красавецъ.

Старуха нѣсколько минутъ хранила задумчивое молчаніе.

— Да, онъ былъ красивъ, но сколько горя изъ-за него я перенесла... Безумно я его любила, хотя всѣ были противъ него, всѣ—отецъ и мать, у которыхъ я была единственною дочерью, всѣ родные и знакомые, и даже твой покойный отецъ, бывшій тогда еще молодымъ холостякомъ, всѣ нападали на бѣднаго моего Мишу,—всѣ, говорю, нападали на него, всѣ говорили, что онъ кутила и буянъ, что не быть мнѣ съ нимъ счастливой; но я никого и ничего не слушала... Какъ я его любила, какъ любила!..

— Что жъ, неудивительно,—красавецъ-мужчина; но чѣмъ же дѣло-то кончилось?—допытывался я тономъ и языкомъ судебного слѣдователя.

— Назначенъ былъ уже день свадьбы, и вдругъ приказано

было ихнему полку сію минуту выступить въ походъ, — война вѣдь тогда была. Тогда-то я и получила отъ него этотъ портретъ. Пошелъ онъ на войну, и очень скоро, въ первомъ сраженіи сложилъ буйную свою голову.

— Убить?

— Наповаль.

— Этимъ все сказано, и простите мнѣ, дорогая тетушка, если я неосторожно про него что-нибудь сказалъ или подумалъ.

— Но вѣдь ты ничего... Пойдемъ чай пить! — проговорила она, поднимаясь и утирая кончикомъ платка старческія свои слезы: — за чаемъ я расскажу тебѣ подробно всю эту печальную исторію...

III.

Гости.

Усѣвшись у знакомаго уже намъ круглаго стола, на которомъ кипѣлъ ярко вычищенный самоваръ, тетушка принялась подробно рассказывать свою „печальную исторію“. Признаюсь, исторія эта не особенно меня интересовала. Когда человекъ убитъ, то какая же тутъ еще исторія? Конечно, значить, все; но я молчаливо слушалъ длинный рассказъ... Вдругъ, неожиданно, донеслись со двора звуки бубенчиковъ: очевидно, кто-то пріѣхалъ. Видно было, что посѣщенія постороннихъ лицъ были здѣсь очень рѣдки, потому что старуха сейчасъ же прервала свой рассказъ, стала вслушиваться и — мнѣ показалось — встревожилась, даже обезпокоилась. Поднявшись изъ-за стола и предложивъ мнѣ остаться на мѣстѣ, она вышла, чтобы встрѣтить нежданнаго гостя или гостей, и вскорѣ вернулась въ сопровожденіи пожилого мужчины громаднаго роста, съ длинными хохлацкими усами и беспорядочной копною сѣдыхъ волосъ на головѣ, въ сѣромъ не то сюртукѣ, не то полу-пальто какомъ-то.

— Рекомендую моего племянника, пріѣхавшаго изъ Петербурга навѣстить меня, старуху, а тебѣ, Жоржъ, рекомендую сосѣда, но рѣдкаго гостя, господина Чуприненко.

Старикъ протянулъ мнѣ громадную и жесткую руку, дополнивъ рекомендацію тетушки тѣмъ, что назвалъ свое имя и отчество: — Иванъ Яковлевичъ.

Рѣдкій гость, г. Чуприненко, возвращался къ себѣ на хуторъ изъ города, куда онъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ, и заѣхалъ переночевать, потому что къ ночи слѣдуетъ непременно ожидать

снѣжной метели, опаснаго въ этихъ мѣстахъ „бурана“, въ чемъ онъ, какъ мѣстный старожилъ, нисколько не сомнѣвался. И дѣйствительно, на дворѣ уже начала завывать вьюга и встряхивать оконными ставнями.

Пока г. Чуприненко разговаривалъ съ тетушкой, приказавшей, между тѣмъ, Параскѣ подать къ чаю наливки и закусокъ, я внимательно всматривался въ суровую фizioномію оригинальнаго гостя. И ничего-то я не разгадалъ и никакъ не могъ опредѣлить—очень ли серьезенъ по натурѣ, сердитъ ли, или очень ужъ уменъ г. Чуприненко. Во всякомъ случаѣ, я рѣшилъ держать себя поосторожнѣе, отнюдь не симпатизируя, съ людьми, обладающими такими холодными и грубыми фizioноміями. Потому я убѣдился, что г. Чуприненко—прекрасный человекъ, неудобный иногда только развѣ тѣмъ, что любилъ онъ прямо говорить всѣмъ въ глаза „правду-матку“, не стѣняясь въ выраженіяхъ... Говорилъ онъ густымъ басомъ и могъ бы быть превосходнымъ протодіакономъ.

— Не слышно ли тамъ, въ городѣ, чего-либо про войну?—обратилась тетушка къ гостю.

Въ глухихъ деревняхъ первый вопросъ, обращенный къ свѣжему человекъ, всегда про войну.

— Какъ не слышно,—отвѣчалъ Чуприненко своимъ густымъ басомъ,—не только слышно, но ежедневно происходятъ тамъ, по трактирамъ и въ клубѣ, война и мордохлѣсть за картами, особливо ежели народъ выпившій, ну—а про настоящую войну ничего не слышно. Исправникъ бы свазалъ, коли бы что-нибудь... А притомъ есть примѣта... У насъ,—обратился онъ ко мнѣ,—у насъ, деревенскихъ жителей, на все имѣются свои примѣты, по нимъ мы привыкли угадывать ясную погоду и ненастье и разныя другія явленія природы;—такъ вотъ я говорю,—онъ опять обратился къ тетушкѣ,—есть несомнѣнная примѣта, что войны не будетъ: на дняхъ жена авцизнаго надзирателя убѣжала съ ротнымъ командиромъ... Передъ походомъ онъ не осмѣлился бы отлучиться изъ полка, на этотъ счетъ у нихъ строго... Войны очевидно не будетъ,—заклучилъ онъ вполне серьезно.

Въ душѣ я призналъ всю безошибочность подобной примѣты и чуть-чуть было вслухъ не расхохотался, глядя на тетушку, которая еще сильнѣе должна была почувствовать вѣрность этой примѣты и правильность умозаключеній Чуприненка...

Вьюга на дворѣ разгулялась и свирѣпствовала съ непонятною для меня силою. Въ первый разъ въ жизни случилось мнѣ слышать такіе вопли ея и завыванія, удары хлопьевъ снѣга въ

ставни, брошенныхъ порывами бури, глухой гулъ въ печной трубѣ... Не дай Богъ быть застигнутымъ въ дорогѣ въ такую погоду,—истинный шабашъ вѣдьмъ.

Поспѣшно и неожиданно вбѣжала Параска и подала тетускѣ—миѣ показалось—письмо или влючокъ бумажки, но это былъ визитный билетъ.

— Еще одинъ баринъ прихавъ,—торопливо доложила Параска.

— Что такое?—спросила удивленная тетуска и передала билетъ миѣ, прося прочесть, такъ какъ безъ очковъ она плохо видитъ.

На билетѣ значилось: „Халкедонъ Николаевичъ Шкура, на-дворный совѣтникъ и кавалеръ“.

— А-а, Халкедона!—прогремѣлъ Чуприненко:—откуда онъ?..

— Да кто же онъ такой?..—спросила старуха, какъ будто что-то припоминая.

— Но вы, сударыня, знать его должны, еще у него, верстахъ въ сорока отсюда, хуторъ Пидсвиньино и служилъ онъ когда-то, помните, дѣлопроизводителемъ у Василя Петровича, нашего бывшего мирового посредника, но былъ имъ прогнанъ за плутни и разныя художества.

— Ахъ, да, да, припоминаю.

Старуха тяжело поднялась и вышла на встрѣчу новому гостю, оставивъ меня одного съ Чуприненкомъ.

„Заговорить ли съ нимъ, или молчать,—раздумывалъ я про себя, глядя съ опаскою на громадную его фигуру.—Лучше не трогать, а то вѣдь чортъ его знаетъ... А впрочемъ, чего же бояться?..“

— Однако, какое странное имя—Халкедонъ! Въ первый разъ слышу... Неужели есть такое имя?—сказалъ я, отодвигая незамѣтно свой стулъ нѣсколько подальше.

— Вотъ подите же, а видно—есть, коли его такъ окрестили, нечего тутъ и спрашивать,—отвѣчалъ Чуприненко, не глядя на меня.

Въ сущности, онъ былъ правъ и возражать ему было нечего, да и неловко, чортъ возьми. За дверью, между тѣмъ, слышенъ былъ разговоръ, переплетаемый извиненіями, съ одной стороны, за беспокойство и безцеремонность, а съ другой—увѣреніями, что „очень пріятно“, „даже съ большимъ удовольствіемъ“ и т. д.

Новый гость оказался старикомъ лѣтъ шестидесяти съ хвостикомъ, средняго роста, съ самою обыкновенною фizioноміей, вичѣмъ рѣзкимъ не отличавшеюся, только маленькіе глаза выра-

жали постоянное безпокойство какое-то, но вмѣстѣ съ тѣмъ смыслѣность и лукавство. Первое впечатлѣніе: сблизиться съ нимъ было бы нежелательно, но наблюдать его со стороны—интересно. На немъ былъ порядочный черный скюртукъ, очевидно скроенный не мѣстнымъ портнымъ, застегнутый на нижнія пуговицы; но измятый галстукъ и довольно грязные воротнички рубахи свидѣтельствовали, что владѣлецъ Пидсвинкина очень мало былъ знакомъ съ привычками порядочныхъ людей, предпочитающихъ бѣлье всегда чистое даже и при самомъ скромномъ платьѣ. Если ко всему этому прибавить обнаженный черепъ, обаямленный по бокамъ и сзади коротко остриженными сѣдеными волосами, и жиденькую, довольно плюгавенькую бородку, то получится полный портретъ Халкедона Никитича.

Какъ только тетушка со Шкурой показались на порогѣ, Чуприненко загремѣлъ своимъ густымъ басомъ:

— Халкедонъ Никитичъ!.. Здорово, пріятель, откуда? давно ли пожаловалъ въ родныя палестины?

— Извините, милостивый государь мой, я не имѣю чести васъ знать, или не могу вспомнить, память у меня сдѣлалась слаба,—отвѣчала Шкура, остановившись, замѣтно смущенный.

Мнѣ показалось, однако, что онъ сразу узналъ Чуприненка...

Тетушка усадила новаго гостя возлѣ себя у стола и предложила выпить съ мороза наливки и закусить. Гость не заставилъ повторять просьбу, ловкимъ глоткомъ осушилъ большую рюмку красной жидкости и принялся закусывать.

— Ужъ вы меня простите за мою смѣлость, многоуважаемая Аглая Михайловна,—извинялся онъ,—безъ васъ пришлось бы пропадать... То-есть, зги не видно; хлопья снѣга, крутятся и свиста, залѣпляютъ глаза лошадямъ и людямъ; а еще мужикъ попался мнѣ чрезвычайно глупый, и не будь аллея, указывающей путь къ хутору, я бы пропалъ въ чистомъ полѣ...

— Видно, со страху и меня не узналъ,—проговорилъ Чуприненко.—Правда, давненько-таки мы съ вами не видѣлись, съ той самой поры, поди, когда Василій Петровичъ...

— Со мною приключилась въ такую же метель, когда я служилъ въ Семипалатинской области, преинтересная исторія...

— Постой—погоди!.. Съ той поры, я говорю, когда Василій Петро...

— Позвольте, исторія эта весьма любопытна, на меня напали тогда еще и разбойники, такъ что я вынужденъ былъ отстрѣливаться изъ револьвера...

— Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались, я говорю, когда Василій Петровичъ, помните ли, прогналъ васъ со службы за плутни и разныя художества.

— Извините, милостивый государь,—проговорилъ измѣнившійся въ лицѣ Шкура, стараясь сохранить хладнокровіе: — давненько ужъ это было, и если я не узналъ васъ, какъ вы говорите, со страху, то позвольте мнѣ вамъ сказать, что въ головѣ у васъ все перепуталось отъ давности. Со службы меня Василій Петровичъ не прогонялъ, а я самъ отказался служить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ легковѣрнымъ, дававшимъ вѣру всякимъ доносамъ и клеветамъ. А впрочемъ, какое вамъ до всего этого дѣло?..

„Коса нашла на камень,—подумалъ я про себя:—любопытное столкновеніе“.

— Ужъ будто сами отказались!—возразилъ Чуприненко спокойно и равнодушно:—будто вы не брали обманнымъ образомъ взятокъ съ мужиковъ, облыжно обнадѣживая ихъ увеличеніемъ надѣловъ? Изъ-за этого-то и пошло, а въ головѣ у меня ничего не перепуталось. Помню.

— Плохо помните,—проговорилъ Шкура:—и я прошу васъ оставить меня въ покоѣ. Чтѣ вы ко мнѣ привязались?.. Да я и разговаривать съ вами не желаю.

— Не важно. А только вы говорите вздоръ, будто въ головѣ у меня перепуталось; будьте покойны—не перепуталось.

— Знаете ли, Иванъ Яковлевичъ, чтѣ я позволю себѣ сказать вамъ? Если память вамъ измѣняетъ, то, вмѣсто того, чтобы меня зря оскорблять, подумайте сами, какіе капиталы я могъ брать съ бѣдныхъ и совершенно нищихъ мужиковъ?

— Капиталовъ у мужиковъ, точно, не водится, но вы брали не съ мужиковъ, а больше съ бабъ, и брали вы не деньгами, а больше яйцами, утатами и другими статьями продовольствія.

Шкура быстро вскочилъ съ мѣста, молча, въ возмущенномъ состояніи, сталъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Настало натянутое и томительное молчаніе. Было очевидно, что почтенный Халкедонъ Никитичъ опрометчиво вступилъ въ бой неравный, что противникъ, опирающійся на факты, былъ сильнѣе его еще и темпераментомъ. По натурѣ своей склонный принимать всегда сторону болѣе слабого, я рѣшился поддержать Халкедона Никитича въ этомъ неравномъ спорѣ.

— Позвольте мнѣ, господа, высказать мое мнѣніе,—заговорилъ я спокойно и серьезно:—вы, вотъ, говорите—утята. Но,

извините, какая же это взятка? Вѣдь ихъ, утятъ-то, надобно еще кормить, а это ужъ прямой убытокъ, по моему мнѣнію.

— Ахъ, правда, правда! — отозвалась тетушка добродушно, — съ птицею всегда такая возня!..

Повидимому, добрая старушка, какъ опытная хозяйка, искренно сожалѣла о положеніи человѣка, поставленнаго въ необходимость возиться съ утками.

Конечно, почтенный надворный совѣтникъ не настолько былъ глупъ, чтобы не понять цѣли и смысла моей непрощенной интервенціи. Онъ не могъ не смекнуть, что весь непріятный споръ его съ Чуприненкомъ, перешедшій почти въ ссору, мнѣ хотѣлось превратить въ шутку и дать всему разговору иное направленіе. Онъ чуть замѣтно улыбнулся и, махнувъ рукой, подошелъ къ столу и усѣлся на прежнее мѣсто. Наливъ себѣ въ чайный стаканъ наливки, онъ осушилъ его энергически; глаза у него засвѣтились, на лбу выступило красное пятно...

— Гдѣ это вы научились наливку ставанами пить? — спросилъ невозмутимый Чуприненко: — это по-польски или по-чухонски?

Шкура даже не взглянулъ на него и, попросивъ у тетушки извиненія, сталъ закуривать сигару, по запаху оказавшуюся довольно скверною. Вскорѣ онъ и бросилъ. Послѣ короткаго молчанія, онъ неожиданно обратился къ Чуприненку и проговорилъ полуплутя:

— Это — по-калмыцки. Научился я этому, благодаря вашему мужицкому апостолу и пророку, Василию Петровичу.

— То-есть, какимъ же это образомъ? — не понимаю.

— Вы знаете все, такъ должны знать также, что послѣ ссоры моей съ Василиемъ Петровичемъ...

— Ну, какая же это ссора!

— Послѣ этой ссоры, я очень долго оставался безъ мѣста, хотя разослалъ въ разныя стороны до десяти прошеній. Только спустя долгое время получилъ я назначеніе, отличное назначеніе!.. Мнѣ предоставлена была должность полицейскаго пристава въ одномъ калмыцкомъ улусѣ, съ жалованьемъ по триста двадцать-восемь рублей пятьдесятъ-четыре съ половиною копѣекъ въ годъ. Тогда вотъ я послалъ Василию Петровичу благодарственное письмо за его поступокъ со мною, — пускай, думаю себѣ, порадуетъ. Долженъ вамъ одно сказать, — продолжалъ Шкура, обращаясь къ тетушкѣ, — проходилъ я потомъ разныя и, могу даже сказать (тутъ онъ опять наполнилъ себѣ стаканъ наливкою), самыя разнообразныя должности, и въ какихъ только

мѣстахъ, на какихъ окраинахъ ни побывалъ, но такихъ идоловъ, какъ эта калмыцкая голь, не видывалъ. Повѣрите ли, что приходилось иногда по цѣлымъ днямъ оставаться безъ пищи или довольствоваться кускомъ кобыльей подбрюшины, поджареннымъ слегка на киваяхъ.

— Вкусно?—спросилъ Чуприненко.

— А вы бы сами попробовали...

Откинувшись на стулъ, Чуприненко сердито проговорилъ:

— И вѣдь чортъ васъ знаетъ, чего вы ищете, вы и другіе, подобные вамъ, и зачѣмъ гоняетесь по свѣту! Вѣдь ваше Подсвинкино нисколько не меньше и не хуже моей Воробьевки, въ иныхъ мѣстахъ у васъ земля даже лучше; а вотъ же я не сдаю своего хутора въ чужія руки, сижу постоянно дома, самъ работаю и, какъ видите, сытъ, одѣтъ и обутъ, и ѣздить къ калмыкамъ, чтобы питаться кобыльей подбрюшиной, ничто меня не заставляетъ. Я не нищій, не канцелярскій пролетарій, у меня имѣется собственность, но точно также она имѣется и у васъ. Сидя дома, вы бы не питались кобылятиной.

— Позвольте, я служу государству...

— Мы всѣ служимъ государству... Между нами только та разница, что я своимъ производительнымъ трудомъ на землѣ приношу государству пользу, упрочивая въ общемъ внутреннее его благосостояніе и силу, а вы эксплуатируете государство и наживаетесь на его счетъ, строча бесполезныя бумаги. И пишущая бумаги братія нужна государству, но этой братіи наплодилось столько, что хоть караулъ кричи. Да и честно ли отнимать хлѣбъ у людей, не имѣющихъ ничего и въ немъ нуждающихся, всю свою молодость готовящихся къ чиновнической службѣ?.. Мало ли этого народа?..

— Вы правы, пожалуй, этого народа много, даже безчисленное множество въ нашей матушкѣ Россіи, но для государственной службы нуженъ и земскій элементъ, вносящій смыслъ и оживленіе...

— Какой смыслъ? Развѣ служба полицейскаго пристава въ калмыцкомъ улусѣ—служба земская?..

Шкура понялъ, что сказанное имъ—вздоръ и что Чуприненка не обойдешь пустыми и облыжными фразами. Отпивъ сразу полстакана наливки, онъ замолчалъ. Красное пятно разлилось у него по всему лбу и перешло на носъ. Шустрый старикъ видимо хмелѣлъ, но не поддавался, подобно уличному мальчугану, въ одномъ изъ разсказовъ Глѣба Успенскаго, пойманному на кражѣ дровъ отставнымъ солдатомъ. Подброшенный имъ на

воздухъ и огрѣтый полѣномъ, онъ все еще кричалъ, падая на землю: „Еще неизвѣстно, кто кого!“...

Халкедонъ Никитичъ принадлежалъ, повидимому, къ категоріи тѣхъ среднихъ русскихъ людей, которые, подъ вліяніемъ выпивки, чувствуютъ особенное влеченіе къ разговору „по-душѣ“, становятся искреннѣе и откровеннѣе. Не стѣсняясь ни противорѣчійми, ни компрометирующими фактами и подробностями, онъ чувствовалъ себя расположеннымъ продолжать откровенный разговоръ о тѣхъ переплетахъ, въ какихъ побывалъ, и о тѣхъ трубахъ, огнѣ и водѣ, съвозъ которые прошелъ на своей „службѣ государству“... Хлебнувъ еще изъ ставана наливки, онъ устремилъ глаза на Чуприненка и проговорилъ:

— Нуждаются иногда и въ нашемъ братѣ, — вотъ что я вамъ скажу. Продержали меня въ улусѣ не болѣе года и послали потомъ въ другое мѣсто, на противоположную окранию имперіи... Стало быть, на что-нибудь Халкедонъ Никитичъ пригодился начальству!..

Веселая и даже радостная улыбка озарила лицо старика при этомъ воспоминаніи.

— Питаться воблытиною больше не случалось. Зайдешь-себѣ, бывало, — продолжалъ онъ, — въ „ресторацию“; веселенькая и миленькая паненка подастъ тебѣ ловео полендвицу или зразы, и еще скажетъ съ улыбкою: „бардзо прѣшу“, — ну, и поболтаешь съ ней въ шутку, если никого тутъ нѣтъ изъ знакомыхъ чиновниковъ.

— Но вѣдь въ обществѣ знакомыхъ еще веселѣе, — возразилъ я, удивляясь странному замѣчанію старика.

— Оно бы казалось, что такъ, а между тѣмъ... опасно! Донесутъ. Онъ, молъ, не ассимилируетъ, а самъ ассимилируется... Благоразумнѣе тогда казаться какъ можно болѣе серьезнымъ и громко приказывать по-русски.

Мы переглянулись молча съ Иваномъ Яковлевичемъ.

— Вотъ тоже въ Ригѣ, нельзя сказать, жизнь пріятная, — продолжалъ старикъ, на котораго воспоминанія эти дѣйствовали, повидимому, очень возбуждительно: — въ пивной или въ трактирѣ подбѣжить къ тебѣ бѣленькая и чистенькая нѣмочка, въ цвѣтномъ передничкѣ: — „Васъ вюншенъ-зи?“ — „Шнапсъ ундъ биръ, либе медхенъ“, — скажешь, а потомъ: — „битте варме вурстъ митъ воль ундъ кальбсбратенъ митъ копфсальтъ“... Чудесно!.. Даже, вотъ, по-нѣмецки выучился болтать...

— Постой, Халкедонъ Никитичъ, какъ же это такъ? Вѣдь жалованье, въ самомъ дѣлѣ, платили вамъ за то, чтобы вы за-

нимались обрусеніемъ,—возразилъ Чуприненко, улыбаясь:—а вы, вмѣсто того, сами разговаривали тамъ по-ихнему? Хорошо это?

Старикъ улыбнулся какъ-то странно и махнулъ рукой.

— Да если никто изъ нашихъ не видитъ и не слышитъ... Вѣдь каждый изъ насъ точно такъ же поступаетъ; мы боимся только другъ друга, и взаимно другъ друга ненавидимъ. Вы сами посудите: житья вѣдь намъ нѣтъ отъ насъ самихъ. Попробуйте добиться казого-либо мѣста, даже самаго пустышнаго, и вы убѣдитесь, что вездѣ все переполнено до невозможности, и на каждую вакансію, даже на такую, которая еще только предполагается въ неопредѣленномъ будущемъ, являются сотни кандидатовъ. Повсюду у насъ идетъ настоящая война изъ-за мѣсть, и получить казое-либо мѣсто нынѣ гораздо труднѣе, чѣмъ на войнѣ, напимѣръ, взять неприятельскую пушку или овладѣть укрѣпленною позиціей. Я думаю, вскорѣ никакихъ окраинъ даже не хватить, чтобы размѣстить весь контингентъ чиновничества, въ ужасающей прогрессіи изо дня въ день увеличивающійся. Я побывалъ вездѣ, переходя отъ должности на должность, переселяясь изъ одной окраины въ другую, и вездѣ встрѣчалъ одно и то же: ожесточенную борьбу и конкуренцію изъ-за мѣсть, награды, отличій и повышеній, но больше всего изъ-за куска хлѣба. Есть еще и русская пословица: „рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человекъ — гдѣ лучше“; пословица эта выдуманна, вѣроятно, чиновниками, которые вѣчно ищутъ и стремятся туда, гдѣ возможны лучшія условія службы, хотя сами же въ патриотическія газеты посылаютъ жалобы: „вдали, моль, отъ родины, отъ всего близкаго и дорогаго сердцу, среди враждебнаго населенія“... Ха, ха, ха!.. И переходить, переселяются, добровольно и невольно, съ одной должности на другую, изъ окраины на окраину, взаимно перетасовываясь и...

— „И щетиною сверкая“, — прервалъ я, но сейчасъ же чоправился:—виновать, я хотѣлъ сказать—сверкая стальными перьями...

Старикъ не разсердился, какъ этого я ожидалъ, но захохоталъ и почти вскочилъ отъ удовольствія.

— Вотъ это правда, истинная правда!—повторялъ онъ, не переставая смѣяться:—совершенно вѣрно!..

— А вотъ что, — спросилъ вдругъ Иванъ Яковлевичъ: — сколько прошеній разослали вы изъ улуса по окраинамъ, и книга съ адресами у васъ еще имѣется?

— Какая книга?.. Никакой книги у меня нѣтъ, да и зачѣмъ мнѣ такая книга?

— Толкуй!.. У него, видите ли,—продолжалъ Иванъ Яковлевичъ, обращаясь ко мнѣ, — есть толстая книга, въ которую онъ вноситъ адреса всѣхъ начальствующихъ лицъ во всей имперіи, и ведетъ имъ самую точную статистику.

— Для чего же это?—спросилъ я.

— А вотъ, когда его прогонять со службы, онъ сейчасъ же и за одинъ разъ посылаетъ по почтѣ не меньше десяти прошеній разнымъ начальствующимъ лицамъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ и готовности жертвовать жизнью для блага службы и пользы отечества. И текстъ прошенія у него всегда готовъ: „Движимый, молю, желаніемъ посвятить всѣ мои силы, какъ русскій человѣкъ и патриотъ“...

— Вотъ ужъ нѣтъ!—почти вскричалъ старикъ:—прошеній моихъ вы не читали и не можете знать, какъ они мною пишутся, это ужъ вы напрасно!..

Онъ опять поднялся со стула и сталъ, пошатываясь, шагать по комнатѣ молча. Затронута была, очевидно, самая чувствительная струна въ старомъ служакаѣ, который, по всей вѣроятности, признавалъ себя „бойкимъ перомъ“... Самолюбіе старика, очевидно, сильно было затронуту... И опять, думаю-себѣ, недо-разумѣніе.

— Воля ваша, Иванъ Яковлевичъ, — проговорилъ я небрежно и вполне равнодушно:—но должны же вы согласиться, что, судя по вашимъ же собственнымъ словамъ, прошенія свои господинъ Шкура пишетъ хорошимъ слогомъ.

Старикъ прошелся еще раза два взадъ и впередъ по комнатѣ и, остановившись предо мною, проговорилъ:

— Вы, вотъ, изволили выразить ваше мнѣніе, что прошенія мои я пишу хорошимъ слогомъ (самодовольная улыбка чуть замѣтно пробѣжала по его устамъ),—но не въ этомъ суть дѣла. Слогъ слогомъ, а дѣло-то въ томъ, что не самому же ѣздить по окраннымъ съ своими прошеніями; посылать ихъ по почтѣ проще и стодитъ дешевле и, притомъ, гораздо безопаснѣе, нежели являться съ ними лично,—вотъ оно что.

— Позвольте, я не понимаю, какая же тутъ возможна опасность?—спросилъ я, дѣйствительно не понимая, о какой опасности можетъ тутъ быть рѣчь.

— Опасность очень возможна, во всякомъ случаѣ—возможна неприятность... Извольте видѣть, посылаю я прошеніе; его должны получить, прочитать и записать въ реестръ входящихъ, а главное—прочитать. Конечно, всѣ меня ругаютъ,—но это для меня все единственно-съ, ругайся себѣ сколько хочешь, а все-таки

случается, что изъ десяти посланныхъ прошеній одно окажется счастливымъ. А явиться съ прошеніемъ лично,—это ужъ играивная. Тебя не хотятъ ни слушать, ни даже взглянуть на твое прошеніе. И, притомъ, тутъ еще не знаешь, на кого наскочишь, особенно если начальникъ, къ которому являешься съ прошеніемъ, военный генералъ. Они, военные генералы, не любятъ стѣсняться съ нашимъ братомъ, мелкимъ чиновникомъ. Со мной былъ вотъ какой случай. Было это тоже на одной изъ окраинъ. Должность у меня тогда была довольно плѣвая, и мнѣ желательно было перейти въ другое вѣдомство и получить лучшій окладъ. Приготовилъ я прошеніе, и въ пріемный часъ являюсь къ генералу. Въ первой комнатѣ, въ которую я вошелъ прямо съ лѣстницы, сидитъ молоденькій писецъ и строчить что-то.— Начался ли пріемъ? спрашиваю. Не глядя даже на меня, писецъ небрежно отвѣчаетъ, что—скоро кончится... Заглядываю въ дверь пріемнаго зала, а тамъ цѣлая толпа—мѣщане, оставшие солдаты, салопницы и всякая голь. Нѣтъ, думаю, лучше подождать. Стою, жду и смотрю на выходящихъ, которые, значить, вручили уже или заявили свои прошенія. Когда пріемъ окончился, я—въ залъ, но на порогѣ сталкиваюсь съ эlegantнымъ молодымъ чиновникомъ, у котораго въ рукахъ цѣлая кипа прошеній.— „Куда вы?—спрашиваетъ онъ:—пріемъ конченъ, и генералъ никого больше не принимаетъ“. — „Прошу васъ, говорю, доложить его п—ву“... — „Да я же вамъ говорю, что генералъ никого больше не принимаетъ сегодня“. — Вижу, что дѣло плохо, что надобно хоть солгать.— „Прошу васъ, говорю, исполнить вашу обязанность и доложить генералу, что посторонній чиновникъ желаетъ представиться по важному дѣлу“. Франтъ пожалъ плечами и отправился съ докладомъ, а черезъ минуту возвращается и говоритъ— „Пожалуйте“. Вхожу въ кабинетъ. Генералъ, еще далеко не старый мужчина, здоровый и широкоплечій, съ круглою и коротво остриженной головой, съ густыми усами, въ разстегнутомъ военномъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ, сидитъ за письменнымъ своимъ столомъ, держа въ рукахъ какую-то бумагу.

— Имѣю честь, говорю, представиться вашему п—ву, на-дворный совѣтникъ...

— Что скажете?—спрашиваетъ онъ, откинувъ голову назадъ и нахмуривъ брови.

— Хотѣлъ бы, говорю, служить подъ просвѣщеннымъ начальствомъ вашимъ, „движимый желаніемъ посвятить всѣ мои силы, какъ“... Тутъ онъ какъ вскочить, да какъ крикнетъ: „Вонъ! Я тебѣ, старая ты собака, силы задамъ такія!“—и,

отбросивъ въ сторону стулъ, выбѣжалъ изъ-за стола и прямо на меня... „Позвольте, — говорю, пятакъ ближе къ двери, — всякое насиліе отечественными узаконеніями воспрещается“, — но вижу, что дѣло плохо и время дѣрого, — въ одну секунду я былъ уже за дверь. Повѣрите ли, генераль былъ такъ раздраженъ, что до половины громаднаго зала гнался за мною. А чиновникъ-то, который докладывалъ обо мнѣ, отвернулся къ окну, зажалъ себѣ, прохвость, рукою ротъ и хохочетъ...

— Ну, а еслибы генераль васъ догналъ, — что бы тогда? — спросилъ Иванъ Яковлевичъ съ свойственною ему безцеремонностью.

Старый чиновникъ насмѣшливо улынулся, мотнувъ головой, какъ бы желая сказать: травленный, молъ, я волкъ.

— Ну, такъ что же, хотя бы и догналъ. Да развѣ я ему спину свою подставляю — лупите, молъ, ваше превосходительство? Ну, допустимъ, онъ меня догналъ, но что же онъ мнѣ можетъ сдѣлать, если на бѣгу я стану присѣдать, нагнувъ голову впередъ, собственно для огражденія затылка? — Шура показалъ даже, какъ надобно это дѣлать. Попробуй онъ схватить меня рукою, непременно потерялъ бы равновѣсіе... Да развѣ это возможно? Генералы тоже народъ опытный и осторожный; они знаютъ, вѣдь, даже изъ военной своей науки, что преслѣдованіе врага требуетъ иногда большой предусмотрительности.

Старый выжига отпилъ изъ стакана наливки, хотя былъ уже весь красный и на лицѣ его выступилъ обильный потъ. Но это былъ „артистъ“ своего рода и, видимо, увлекался собственнымъ разговоромъ и воспоминаніями.

— Я вамъ скажу, — продолжалъ онъ: — бываетъ положеніе гораздо опаснѣе, когда присутствіе духа и быстрая сообразительность оказываются еще необходимѣе. Иные генералы, извольте видѣть, имѣютъ привычку орудовать носкомъ сапога... Держи ужъ тутъ ухо вострѣ, и тактика тутъ уже другая. Тутъ ужъ присѣданіе не поможетъ, напротивъ — скорѣе повредить. Единственное спасеніе тогда состоитъ въ томъ, чтобы на бѣгу весь корпусъ держать въ полуоборотѣ и оглядываться каждую секунду, т.-е. слѣдить за намѣреніями преслѣдующаго, а въ критическую минуту необходимо уловить тотъ моментъ, когда генераль порывисто поднимаетъ ногу, и въ этотъ именно моментъ умѣть ловко уклониться въ сторону отъ прямой линіи, по которой всегда дѣйствуетъ генеральская нога, какъ въ маршировкѣ. Это, я вамъ скажу, цѣлая наука. Да... вы, вотъ, смѣтаетесь, господа, какъ будто не вѣрите, а я вѣдь не сказки рассказываю, — я могъ бы на-

звать... Да что ужь тутъ и въ чему! Я хочу доказать только ту истину, что являться съ прошеніемъ лично бываетъ не всегда... удобно и куда лучше посылать ихъ по почтѣ. А съ другой стороны, надобно по совѣсти то сказать, что и генерала пожалѣть иногда слѣдуетъ,—ему, сердечному, тоже не сладко. Извѣстное дѣло, хлопотъ у него по горло, онъ занятъ, быть можетъ, важными соображеніями и неотложными мѣропріятіями, и въ это время въ нему лѣзетъ противная рожа и просить мѣста, котораго, быть можетъ, у него даже не имѣется. Это, какъ хотите, всякаго можетъ взорвать... Надобно же войти и въ положеніе начальства.

Старикъ былъ въ ударѣ и заставлялъ насъ невольно хохотать, хотя рѣчь его была вполне серьезна и даже полна раздраженія. И трудно было понять, что больше его раздражало: чиновничья ли назойливость, или оборонительная тактика генераловъ.

— Скажите,—спросилъ я:—отчего это у насъ такъ много охотниковъ въ чиновники? И судя по вашимъ словамъ, мѣсть хватаетъ далеко не для всѣхъ, хотя государство наше почти безгранично?.. Ничего я тутъ не понимаю.

Старикъ иронически улыбнулся.

— Отчего?.. Откуда же и взяться этимъ мѣстамъ? У насъ нынѣ всѣ, рѣшительно всѣ, кто умѣетъ перо держать въ рукахъ, идутъ въ чиновники. У насъ вѣдь канцелярское сословіе само по себѣ уже составляетъ громадную армію, и примите во вниманіе, что у каждаго чиновника куча дѣтей, которыя тоже готовятся въ чиновники и идутъ въ чиновники, увеличивая эту армію до безконечности. Всѣ наши сословія готовятъ нынѣ свое потомство въ чиновники, главнымъ образомъ; и дворяне, и военные, и мѣщане, и всякіе разночинцы, всѣ бросаютъ свое дѣло и лѣзутъ на службу въ чиновники.

— Вотъ какъ и вы,—замѣтилъ Чуприненко.

— Ну, я—другое дѣло: мой дѣдъ былъ чиновникомъ, и одинъ дядя, и двѣ сестры были за чиновниками замужемъ. А вы возьмите, на примѣръ, наше духовенство. Вѣдь у каждаго батюшки меньше полудюжины дѣтей обыкновенно не бываетъ, а часто бываетъ и больше, но въ попы нынѣ идутъ неохотно. А сочтите сыновей діаконскихъ, дьяческихъ и пономарскихъ, которые тоже всѣ почти норовятъ въ чиновники, получивъ кое-какое образованіе,—да тутъ и ариеметики никакой не хватитъ. Судя по-человѣчески, куда же имъ, бѣднымъ, дѣваться, разъ родились они на свѣтъ Божій и нуждаются, какъ всякая тварь, въ пропитаніи? Войдите же и въ ихъ горькое положеніе. Ни наша торговля,

ни заводская и фабричная промышленность, столь мало развиты, въ нихъ не нуждаются. Куда же имъ дѣваться? Вотъ они и устремляются въ разные канцеляріи, и тутъ борьба за существованіе ведется у нихъ ужъ настоящая, почти въ буквальный смыслъ этого слова, прямо, открыто... Вотъ, между прочимъ, если вамъ угодно послушать,—я могу рассказать про забавную встрѣчу, какую мнѣ случилось прошлою осенью имѣть въ дорогѣ между Харьковомъ и Киевомъ, и передать любопытный разговоръ. Въ числѣ иныхъ пассажировъ, въ вагонѣ заняла мѣсто какая-то пожилая женщина, не то купчиха, не то чиновница. Въ разговорѣ со мной она назвала себя, однако, супругою благочиннаго, такъ прямо и сказала: „я, говорить, супруга благочиннаго“, и даже сказала—откуда она, но я не запомнилъ.—„Ну, что-жъ, очень пріятно, говорю, познакомиться“. Изъ дальнѣйшаго разговора узнаю я, что въ ихъ краѣ служатъ чиновниками пять ея сыновей и всѣ получаютъ хорошіе оклады. Взглянулъ я на эту бабищу и говорю: „Стало быть, матушка, вы должны денно и ночью благодарить Господа Бога, что создалъ такой полезный край“.—„Я и то, говорить, благодарю, а только они жалуются, что тамошніе, мѣстные, очень ихъ не любятъ“.—„Стало быть, говорю, для вашихъ сыновей, кромѣ хорошихъ окладовъ, еще и любовь требуется? Это ужъ зачѣмъ же, это ужъ жирно будетъ, говорю. Вѣдь любовь-то, матушка, заслужить надобно, а сдѣлать это гораздо труднѣе, чѣмъ, напримѣръ, заслужить прибавку къ жалованью“... Ничего вѣдь, кажется, особенно дурного я ей не сказалъ, но какъ окрысится она на меня!.. „Что это вы, говорить, выдумали, и какъ это удивительно, что никакого патріотизма въ словахъ вашихъ не вижу! да русскій ли вы человекъ, не измѣнникъ ли какой?“—Посмотрѣлъ я на нее, плюнулъ и отвернулся, а она меня воститъ: „Какой вы, говорить, патріотъ, и какъ это пускаютъ въ вагонъ всякаго, можетъ быть, весьма неизвѣстнаго какаго-либо, и вреднаго человекъ!“... Другіе пассажиры обратили уже на меня и на нее вниманіе, зло меня взяло, но я молчу, стиснувъ зубы. А она не унимается: „У меня, говорить, есть и еще три сына, которые тоже готовятся въ чиновники“... Тутъ я не выдержалъ и говорю: „Только еще три? Мало. Вы, матушка, вотъ что: вы ихъ пока приберегите; авось мы отроемъ или завоюемъ новую окраину какую-либо, тогда вотъ они и потребуются для насажденія въ ней ассимиляціи, культуры и цивилизаціи“. Къ счастью, поѣздъ въ это время какъ разъ подошелъ къ станціи, до которой я ѣхалъ; скорѣе схватилъ я свой чемоданчикъ и выскочилъ изъ вагона; но баба опустила оконное

стелю, высунулась вся, раскраснѣвшаяся, и съ пѣною у рта посылаетъ мнѣ въ догонку разныя ругательства...

— Достается же вамъ здорово, не только отъ генераловъ, но и отъ бабъ,—замѣтилъ Иванъ Яковлевичъ, смѣясь.

— Что-жъ, она въ своемъ правѣ. На то война. У насъ сейчасъ же поднимается внутренняя, междоусобная война, чуть только затронуть вопросъ о хорошихъ мѣстахъ и окладахъ и запахнетъ конъюренціей,—тогда ужъ мы ничѣмъ не стѣсняемся. И долженъ вамъ сказать, что баба-то дошлая, у-ухъ, знаетъ—какимъ оружіемъ воевать. Русский ли вы человѣкъ,—говорить. Ловкая!

— Да въ томъ именно,—продолжалъ старикъ,—и вся моя сила, что я русский человѣкъ. Мы тѣмъ только и дышемъ, что трубимъ въ газетахъ о своемъ патриотизмѣ и о невыносимомъ явобы положеніи въ виду враждебнаго отношенія къ намъ инородцевъ и инновѣрцевъ, и т. д. Русский ты человѣкъ и патриотъ—довольно, этимъ все сказано, и для охраны ты годишься, хотя вся цѣна тебѣ грошъ. Почему мы такъ любимъ и такъ усердно читаемъ, нѣкоторыя особенно, наши газеты? Потому что онѣ патриотичны, и не просто патриотичны, а патриотичны; специфически, съ душкомъ, съ подвохомъ, съ фальшью, съ проповѣдью неправды и насилія. Попробуй какая-либо газета усомниться въ пользѣ и даже необходимости для государства нашей обрусительной дѣятельности,—такую газету мы закричимъ, приведемъ, въ оторопь жалобами и протестами, станемъ доказывать, что она—органъ не русский и служить нѣмецкой, польской, латшской интригѣ. Примѣры бывали. Вы только вникните,—продолжалъ Швура, одушевляясь:—что такое, въ сущности, *окраинныя* газетныя *корреспонденціи*, сочиняемыя нашими же окраинными чиновниками. Это, въ сущности и въ большинствѣ случаевъ, простой доносъ и—чистую правду сказать—доносъ чаще всего лживый. Это мы всѣ знаемъ, но безъ этого намъ нельзя.

Старикъ допилъ свою наливку, задумался на минуту о чемъ-то и затѣмъ продолжалъ:

— Изъ ума у меня не можетъ выйти эта сердитая баба... Ловкая!.. Патриотизма, говорить, не вижу, не русский вы человѣкъ. То-есть, она хотѣла сказать, что ты—ничто, хуже еще тѣмъ ничто, если ты на окраинѣ не русский человѣкъ. Въдѣляя русскаго человѣка для значительнаго числа окраинныхъ чиновниковъ замѣняетъ все—и умъ, и образованіе и пригодность въ дѣлу. Не знаю, рассказать ли вамъ одинъ случай со мной, о которомъ я самъ не могу вспомнить безъ смѣха. Повѣрите ли,

меня чуть было не сдѣлали однажды—знаете ли чѣмъ?—ни болѣе, ни менѣе, какъ класною дамой въ одномъ женскомъ учебномъ заведеніи!

— Враки!—гаркнулъ Чуприяенко.

— Нѣтъ, не враки. Служилъ я тогда помощникомъ класныхъ наставниковъ въ одной мужской гимназіи...

— Какъ!—вскричалъ я:—неужели вы служили и по учебной части?..

— А вы лучше спросите, по какой части я не служилъ, и я вамъ скажу, что, вотъ, попомъ не служилъ, да еще развѣ не служилъ музыкантомъ на фэготѣ...

— Продолжайте, продолжайте,—прошу васъ!

— Позвали меня къ главному начальнику, являюсь, и мнѣ говорятъ: совсѣмъ неожиданно открылась вакансія класной дамы, которую нечѣмъ пока замѣстить,—нужна, молъ, настоящая русская дама или дѣвица, но ее-то и нѣтъ сейчасъ подъ рукою. „Поручаю вамъ временное исполненіе этой должности, только вотъ что: знаете ли вы сколько-нибудь по-французски?“ — „Два-три слова знаю, ваше п—во, напримѣръ: бонжуръ, жевупри, сильвупле“... „Этого недостаточно, — замѣтилъ присутствовавшій при этомъ директоръ Прокименскій, тоже не знавшій ни одного иностраннаго языка. — „Больше не знаю, говорю; вотъ, еслибы по-калмыцки, я бы съ удовольствіемъ, напримѣръ: арвилл-буса“... — „Этого не требуется, — говоритъ начальство, милостиво улыбаясь: — впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ, вы можете какъ-нибудь объясняться съ дѣвчонками жестами, — вѣдь только временно будете исполнять эту должность и больше смотрѣть, собственно, за порядкомъ, пока вотъ мы съ Иваномъ Антонычемъ не принцемъ подходящей русской дамы“. — Однако, я отказался на-отрѣзъ. Чортъ возьми, — подумалъ я, — прикажутъ еще, пожалуй, надѣть корсетъ и юбку...

Тетухка почти залилась хохотомъ, и раздался общій нашъ хохотъ, причемъ рѣзко выдѣлялся пронзительно-пискливый смѣхъ самого Шуры. Онъ былъ видимо доволенъ и польщенъ произведеннымъ имъ эффектомъ и успѣхомъ столь свойственной русскому человѣку насмѣшки надъ самимъ собою...

— А гдѣ теперь ваши сыновья?—спросилъ Иванъ Яковлевичъ, нѣсколько поуспокоившись:—у васъ, кажется, три сына?

— Четыре. И всѣ на службѣ. Петя, самый старшій и самый умный и ловкій, отлично служить въ Закаспійскомъ краѣ; другой, Коля, состоитъ—въ Прибалтійскомъ краѣ; третій, Ваня, —въ Привислинскомъ краѣ, а самый младшій, Сеня, —по аяцизу въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

— Это значитъ, на всѣхъ географическихъ широтахъ по помюку. Ну, а гдѣ же ваша дочь? У васъ, помнится, и дочь была?

— Соня, какъ же. У нея уже четверо дѣтей, будущихъ чиновниковъ, и живетъ она съ мужемъ въ Забайкальѣ, гдѣ онъ состоитъ на службѣ. На дняхъ, впрочемъ, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что ждетъ въ скоромъ времени повышенія, съ переводомъ на Чукотскій-Носъ.

— Помилуйте, — удивился я: — тамъ вѣдь и люди, кажется, не живутъ и ѣхать туда на собакахъ надобно?..

— Что-жъ, пойдешь и на собакахъ... Было бы жалованье. Вамъ все это кажется смѣшнымъ и невѣроятнымъ, а позвольте васъ спросить: куда же дѣваться и что дѣлать бѣдному чиновнику безъ жалованья? Чѣмъ же онъ существовать будетъ? Возьмите хоть моего зятя, — человекъ онъ хорошій и неглупый, но за него, еслибы, на примѣръ, вывести его на рынокъ и продавать, никто и тридцати копѣекъ не дастъ, потому что, кромѣ канцелярской службы, онъ ни къ чему больше не способенъ, никакому полезному дѣлу не обученъ и чуждъ всякой личной инициативы. Куда же ему дѣваться съ семьей? Всѣ окраины давно уже до преизбытка переполнены чиновничествомъ, и нигдѣ мѣста даже топоромъ не вырубить уже и теперь. Чукотскій-Носъ!.. Что жъ такое? Еслибы на лунѣ открылись мѣста, чиновничество двинулось бы и на луну, съ которой сейчасъ же посыпались бы, какъ эти вотъ хлопья снѣгу, предписанія, отношенія, рапорты, справки, доносы, корреспонденціи и т. д.

— Ну, ужъ будто сейчасъ доносы и корреспонденціи, — усомнился Чуприненко, сильно заинтересованный, повидимому, разказами Шкуры.

Старикъ поднялъ голову; лицо его дышало задоромъ и одушевленіемъ.

— Непремѣнно. Нынѣ каждый изъ насъ, окраинныхъ чиновниковъ, — не говоря уже о корреспондентахъ-специалистахъ, — безъ затрудненія, въ пять минутъ, напишетъ шаблонную политико-патріотическую корреспонденцію, которую инныя газеты охотно и съ легкимъ сердцемъ напечатаютъ. Вотъ, послушайте, если угодно, для примѣра. Я — навзусъ и безъ приготовленія:

„Луна (отъ нашего корреспондента). Мѣстное населеніе, — существованіе котораго пока не открыто, — руководимое своими политиками, враждебно относится ко всему русскому, питаетъ непріязненныя намѣренія и весьма туго поддается обрусенію. Тайная интрига, направленная противъ насъ, искусно ведется

мѣстною интеллигенціей, которая вдругъ подняла голову, благодаря слабымъ дѣйствіямъ иныхъ изъ представителей нашей администраціи. Особенно сказать это необходимо о восточно-западной окраинѣ нашей Луны,—окраинѣ, отличающейся наибольшимъ религіознымъ и національнымъ фанатизмомъ. Переходя затѣмъ въ сферу фактовъ и явленій болѣе конкретнаго характера, признаю патриотическимъ долгомъ своимъ засвидѣтельствовать объ энергической дѣятельности нѣкоторыхъ вновь назначенныхъ сюда лицъ, отъ которыхъ "...

— Довольно, довольно,—прервалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Вы думаете, эту галиматью не напечатаютъ наши газетные генералы?.. Если вы читаете газеты, то не трудно было вамъ замѣтить, что ни одна окраинная корреспонденція не говоритъ никогда о мирной и совмѣстной жизни нашей съ мѣстнымъ элементомъ, вездѣ столь возможной и даже необходимой, но наши корреспонденты возбуждаютъ лишь страсти, взаимное недоверіе и раздраженіе... А почему? Да потому, что это упрочищаетъ тамъ, на окраинахъ, наше положеніе и матеріальный бытъ. Если случится иногда прочесть что-либо о согласіи и взаимномъ примиреніи, то первое впечатлѣніе наше—страхъ и мысль о томъ, не грозятъ ли подобныя идеи прочности нашего служебнаго положенія...

— Скажите правду, Халведовъ Никитичъ,—вы вѣдь тоже пописываете въ газеты?.. Ну, сознайтесь...

Шкура улыбнулся и махнулъ рукой.

— Вы не служите,—отвѣчалъ онъ,—и потому вамъ многое неизвѣстно и, простите, непонятно. Что жъ, по неволѣ и корреспонденціи сочинять станешь. А вы подумайте, что уже и теперь многіе чиновники положительно не знаютъ, куда имъ дѣваться, а что было бы, еслибы количество „мѣсть“ еще сократилось? Для насъ необходимо, чтобы „мѣсть“ было больше, а въ крайнемъ случаѣ, чтобы все оставалось „инъ стату квоуске тандемъ“, какъ говорится по-латыни, кажется. Писали мы и будемъ писать,—этого требуютъ наши жизненные интересы и наше положеніе.

На старыхъ стѣнныхъ часахъ пробило часъ ночи.

— А скажите, кстати, сами вы служите еще, или вышли уже въ отставку?—спросилъ Чуприненко.

— Въ чистую. Пора и честь знать. Послужилъ и—довольно.

— Не вѣрю я вамъ что-то... Вы завтра отсюда куда же? Въ свое Пидсвинкино?..

— Нѣтъ, я изъ хутора.

— Куда же вы... въ такое время?

Халкедонъ Никитичъ замаялся и, очевидно, желалъ уклониться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

— Ну, не хотите сказать, такъ и не надо.

— Да развѣ съ вами возможно? Вѣдь я васъ знаю...

— Ну, не говорите, я и не спрашиваю.

— Нечего съ вами дѣлать, скажу ужъ правду: пробираюсь въ Одессу.

— Зачѣмъ?

— Къ отходу корабля въ Квантунскую область, куда я и направляюсь, если ужъ всю правду говорить.

Чуприненко только руками развелъ.

— Халкедонъ Никитичъ! Съ ума вы сошли на старости лѣтъ, жизнь вамъ не мила, что-ли?—проговорилъ онъ серьезнымъ и искреннимъ тономъ:—въ такую даль, вамъ, старику!..

— У меня, видите ли, племянничекъ тамъ, въ городѣ Мян-Чи-Фуи служить, вотъ онъ и пишетъ, что наклеивается мѣсто смотрителя провіантскаго магазина.

Чуприненко не сказалъ больше ни слова; я тоже молчалъ.

Пожелавъ намъ доброй ночи, Шкура сейчасъ же ушелъ, пошатываясь, въ отведенную на ночь для гостей комнату.

Когда мы остались одни, Чуприненко отозвался:

— И не разберешь, чего въ этомъ человѣкѣ больше—ума или плутовства! Хоть пьянъ, а весь вечеръ сумѣлъ занять прентересными разсказами о таинхъ вещахъ, о которыхъ мы здѣсь, живя въ глуши, понятія никакого не имѣемъ. Это одинъ изъ тѣхъ тертыхъ калачей, которые въ жизни частной и общественной преслѣдуютъ только личный интересъ, всякое положеніе эксплуатируютъ лишь въ личную пользу,—это человѣкъ жадный и ненасытный. Не удивительно ли, что на старости лѣтъ, не взирая на бури и непогоды, онъ пробирается въ дальній и безвѣстный край, и будьте увѣрены, онъ ѣдетъ не даромъ,—казна заплатитъ ему до гроша за это его путешествіе. Это—самый искусный счетоводъ и бухгалтеръ, особенно по части всякихъ подъемныхъ и прогонныхъ и, въ доступныхъ ему предѣлахъ, самый ловкій эксплуататоръ казеннаго сундука. Съ этой стороны онъ давно извѣстенъ.

— Мнѣ кажется,—отозвалась молчавшая все время тетушка,—что онъ рассказываетъ небылицы или, во всякомъ случаѣ, сильно преувеличиваетъ.

— Кто же его знаетъ,—замѣтилъ Чуприненко:—онъ и солгать мастеръ, но и то сказать, что дыма безъ огня не бываетъ.

— Всякія обобщенія, само собой разумѣется, были бы несправедливы, но про себя-то онъ, очевидно, разсказалъ правду и даже, быть можетъ, еще и не всю, — замѣтилъ я съ своей стороны: — но чтобы цвѣли и созрѣвали такіе фрукты, какъ господинъ Шкура, для этого необходимы соответственные условія и благопріятная почва... Замѣтили вы, что, собственно, о характерѣ и, такъ сказать, о приемахъ или методѣ своей служебной дѣятельности онъ не сказалъ ни слова...

Чуприненко, махнувъ рукой, поднялся грузно и, пожелавъ намъ доброй ночи, отправился вслѣдъ за Шкурой на покой.

На другой день, утромъ, когда я вошелъ въ столовую къ чаю, Чуприненко съ тетужвой сидѣли уже у стола. Халкедона Никитича не было. Онъ поднялся съ кровати ни свѣтъ, ни заря, и отправился на станцію, ни съ кѣмъ не попрощавшись, чтобы не опоздать къ поѣзду. Вьюга успокоилась и стояла прекрасная зимняя погода, южная — ясная и тихая.

Чуприненко разсказывалъ тетужшѣ, по-сосѣдски, о своихъ дѣлахъ и хлопотахъ, — по-сосѣдски, я сказалъ, хотя хуторъ его, Воробьевка, отстоялъ отъ Ершей верстахъ въ пятидесяти. Изъ разсказа его я могъ понять, что старшій сынъ его живетъ въ городѣ, гдѣ служитъ по земству, а младшій, по отбытіи воинской повинности, занимается хозяйствомъ на хуторѣ, помогая отцу; что вмѣстѣ съ ними живетъ старая и бездѣтная вдова, сестра Чуприненка, а дочь его находится за-мужемъ за хуторяниномъ въ другомъ уѣздѣ, и что самъ Чуприненко давно уже вдовецъ. Такъ я могъ заключить изъ его разговора.

— Алексѣй засѣялъ двѣ десятины лѣсу, къ удивленію мужиковъ, — говорилъ Чуприненко, — которые недовѣрчиво глядятъ и посмѣиваются, утверждая, что сѣять можно овесъ или пшеницу, но не дерево.

— Позвольте спросить: Алексѣй — это вашъ сынъ? — спросилъ я.

— Да, младшій, а старшаго зовутъ Николай... Такъ, воть, я говорю, мужики недовѣрчиво глядятъ на это дѣло. Рубить лѣсъ они — молодцы, но разводить лѣсъ не привыкли, да и не умѣютъ, развѣ только съ помощью посадки, и за это дѣло никто не берется, — трудно, моль, и накладно. Однако, когда на засѣянныхъ лѣсомъ десятинахъ показались всходы, мужики мои съ удивленіемъ и любопытствомъ почесали затылки. Пойдемъ, моль, къ молодому барину просить, чтобы онъ засѣялъ часть

вашего общаго выгона по песчаному берегу рѣчки, гдѣ и трава плохо растетъ. Прошлою осенью Алексѣй исполнилъ ихъ просьбу, и не знаю, будетъ ли тамъ лѣсъ. Приобрѣлъ также мой Алеша нѣкоторыя земледѣльческія машины, на которыя мужики тоже глядятъ съ „сумлѣніемъ“... „Развѣ, говорятъ, рукъ у насъ нѣтъ? Зерно, молъ, тогда только дастъ урожай, когда его, благословясь и повѣсивъ лукошко съ нимъ на шею, бросишь въ мать-землю собственною рукою. А машина—что? Развѣ въ ней есть душа?“.. Не признаютъ также никакого искусственнаго удобренія, потому что—навозъ, извѣстно, что такое навозъ и какой онъ долженъ быть, а посыпать землю какимъ-то порошкомъ,—развѣ это навозъ? Пустое это дѣло.

Попивая чай съ вкусными сливками, Чуприненко видимо былъ, какъ говорится, въ ударѣ, попавъ на любимую тему, и продолжалъ:

— Значительно расширилъ Алексѣй и нашъ садъ, отвелъ въ немъ часть подъ пасѣку, въ которой теперь у него до полтораста ульевъ. Машины для мужика, дѣйствительно, не нужны, потому что не примѣнимы на малыхъ земельныхъ участкахъ и дорого стоятъ; но вотъ пчелы имъ понравились, и теперь у нѣкоторыхъ хозяевъ вы найдете по десяти и даже по двадцати ульевъ. Былъ бы съ нихъ и доходъ, еслибы былъ сбытъ, но вотъ сбыта-то нѣтъ никакого при нашихъ разстояніяхъ и невозможныхъ дорогахъ, а скупщики, какъ вамъ извѣстно, развѣзжающіе иногда по деревнямъ, покупаютъ всякіе продукты за безцѣнокъ, обирая крестьянъ безсовѣстно. И ничего тутъ не подѣлаешь.

Помолчавъ минуту, Чуприненко перемѣнилъ тему.

— А мой Алексѣй, знаете ли, Аглая Михайловна, подумываетъ о женитьбѣ,—только невѣсты, вотъ, еще не прискалъ; по сосѣдству вѣдь у насъ нѣтъ ни одной образованной дѣвицы, а ему нужна и образованная, и работающая.

— Ну, и прекрасно, пусть молодой человѣкъ ищетъ и женится,—отвѣчала тетушка.

— Я то же самое говорю. Женись, говорю, а я себѣ уйду.— „Куда это?“—спрашиваетъ онъ.— Пойду—куда захочу... Вотъ хоть въ монастырь, въ пѣвчіе; тамъ я своимъ басомъ всѣхъ монаховъ въ трепетъ приведу и всѣхъ ихнихъ басовъ раскассирую...— „Да развѣ,—смѣется онъ,—возможно вообразить Воробьевку безъ Ивана Яковлевича? Что скажутъ всѣ окрестные мужики, для которыхъ Воробьевка и Иванъ Яковлевичъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое сколько уже времени!.. И кто

станеть меня бранить, учить и контролировать?.. Нѣтъ, никуда ты не уйдешь изъ Воробьевки,—она сама за тобой двинулась бы, куда бы ты ни ушелъ. Никогда этому не бывать "... А я, если сказать правду, никогда и ни въ чемъ его не контролирую; такъ, скажешь иногда что-нибудь... Вотъ бы вы,—обратился онъ ко мнѣ:—познакомились бы съ моимъ Алексѣемъ, навѣстили бы насъ какъ-нибудь; онъ тоже отчасти петербуржецъ, окончилъ курсъ въ лѣсномъ институтѣ подъ Петербургомъ...

Чуприненко поднялся и протянулъ мнѣ руку. Въ тоиъ его и въ самомъ пожатіи руки чувствовалась такая искренность и радушіе, какихъ я въ немъ не подозрѣвалъ.

Черезъ часъ, послѣ завтрака, онъ уѣхалъ.

IV.

Мой отъѣздъ.

На другой день я сказалъ тетуси, что пора уже и мнѣ съ нею попрощаться. Въ теченіе трехъ недѣль, проведенныхъ мною на хуторѣ, я ни разу не позволилъ себѣ даже намекомъ выразить желаніе узнать—зачѣмъ именно и съ какою цѣлью она меня къ себѣ пригласила. Не выразилъ я этого желанія и въ послѣднюю минуту, тѣмъ болѣе не могъ и прямо спросить о томъ старуху изъ простой деликатности и приличія, и, признаюсь, мнѣ жалъ было ее, взглянувшую на меня полными слезъ глазами, когда я сказалъ ей о своемъ намѣреніи.

Она, впрочемъ, нисколько этому не удивилась, понимая очень хорошо, что мнѣ скучно, невыносимо скучно, что привыкъ я въ жизни нѣсколько иной, да и цѣли никакой не было оставаться мнѣ дольше на хуторѣ, глухомъ и уединенномъ. Взявъ меня за руку, она усадила меня возлѣ себя и, подумавъ минуту, сказала:

— Послушай, Жоржъ, ты—единственный человекъ, наиболѣе мнѣ близкій и родной... Я—старуха, перешагнувшая уже за шестой десятокъ, жить мнѣ осталось уже не долго. Это имѣнье, гдѣ я провела всю мою жизнь, нужно оставить кому-нибудь... Я оставляю его тебѣ... И еще есть у меня мое дѣвичье приданое, положенное покойнымъ отцомъ въ банкъ и почти утроившееся,—ты возьмешь его...

— Довольно!—почти вскричалъ я, вскакивая:—прошу васъ, дорогая тетуска, объ этомъ не говорить...—Я сталъ увѣрять ее,

что отъ чистаго сердца желаю ей еще долгой, долгой жизни, что она проживетъ еще много и много лѣтъ.—Клянусь вамъ, я не чуждъ былъ желанія и намѣренія, узнавъ васъ ближе, еще когда-либо васъ навѣстить, но теперь этого я не сдѣлаю,—вы загородили мнѣ дорогу. Милая тетушка, отчего вы объ этомъ не подумали?..

— Извини, не сердись... Чтò же мнѣ оставалось дѣлать?— Она опять усадила меня воалѣ себя на диванѣ и продолжала:—Ахъ, Жоржъ, какой ты!.. Но если ты сказалъ правду, что не прочь опять навѣстить меня когда-либо, то прошу тебя сдержать слово. Весною и лѣтомъ у насъ здѣсь не такъ скучно, особенно весною. Сама я чувствую себя тогда и моложе, и веселѣе, и жить еще хочется... Птиць всякихъ тутъ у насъ много, растительность вся развивается съ удивительною роскошью, воздухъ живительный и какой-то радостный... Исчезаетъ безлюдье, которое тебя такъ удивляетъ, дороги и поля оживляются, раздаются пѣсни... Ты любишь уженье? Черезъ садъ у меня протекаетъ довольно глубокая рѣчка, въ ней водится много рыбы, особенно ершей. Говорятъ, что мой дѣдъ, большой любитель уженья, потому и хутору далъ названіе „Ерши“. Такъ ты навѣстишь меня еще когда-нибудь,—общай мнѣ это, другъ мой!

— Извольте, но съ условіемъ, что вышній нашъ разговоръ больше не повторится.

— Хорошо, согласна,—отвѣчала она съ грустной улыбкою и, обнявъ руками мою голову, наклонила ее къ себѣ и поцѣловала меня въ лобъ.

По просьбѣ старухи, я пробылъ у нея еще два дня и уѣхалъ только на третій. Сборы мои были коротки, но прощаніе съ тетушкой, видимо привязавшейся ко мнѣ, и одинокую жизнь которой сколько-нибудь оживляло мое пребываніе на хуторѣ—сильно ее растрогало. Она заплакала...

Когда подали лошадей, которыми правилъ теперь давно выздоровѣвшій кучеръ, Ондрей Чубайка, старуха вышла со мною въ прихожую, гдѣ собрался весь ея штатъ, чтобы попрощаться со мною. Тутъ были всѣ знакомыя уже мнѣ лица, и старикъ Павло, — „правая рука тетушки“, и стряпуха—дочь его и жена кучера—работника Чубайки, и маленькая Гапка, дочь ихъ, подававшая мнѣ сапоги на чайномъ подносѣ, и Параска, и пастухъ-работникъ Тарасъ. Всѣ они казались нѣсколько смущенными при видѣ плачущей барыни... Живо попрощался я со всѣми и выбѣжалъ на крыльцо, но тутъ встрѣтили меня Лысва и Жгутъ, выразившіе рѣшительное намѣреніе сопровождать меня, по всей

вѣроятности, до самой станціи. Павло прикрикнулъ на нихъ и загналъ на кухню. Когда экипажъ повернулъ, выѣхавъ изъ ворота, направо, вдоль забора, окружавшаго усадьбу, въ крайнемъ углу его, примыкавшемъ къ аллеѣ, я замѣтилъ группу людей,—это были тѣ же Павло, Параска, Тарасъ, Гапка...

— Прощайте, паньчъ, прощайте!—кричали они, кланаясь.

— Прощайте, добрые люди!..

Мнѣ вдругъ какъ будто стало жаль покидать этотъ мирный и уединенный уголокъ; особенно жаль было этой милой, доброй и одинокой старушки.

И думалъ я о ней всю дорогу... до самой желѣзнодорожной станціи, то-есть, до новыхъ и свѣжихъ впечатлѣній. Но и потомъ я часто возвращался въ мысли о далекой уже отъ меня старухѣ и о послѣднемъ нашемъ разговорѣ съ нею. Я молодъ, и жизнь общаетъ мнѣ еще многое впереди. Похоронить себя въ глухой и безвѣстной трущобѣ,—это больше, чѣмъ несчастіе, это—*finis vitae*... Однако, мало-по-малу, въ воображеніи моемъ начала рисоваться иная картина. Въ перестроенной усадьбѣ, въ Ершахъ, кипитъ жизнь, раздаются дѣтскій смѣхъ и крикъ, толпы ребятъ бѣгаютъ и играютъ на обширномъ дворѣ, а надъ воротами усадьбы прибита большая доска, съ надписью на ней золотыми буквами: „Земская начальная сельско-хозяйственная школа имени Аглаи Михайловны Свицовой“. Дѣвичье ея приданое пожертвовано на открытіе и содержаніе этой школы, а вся принадлежащая хутору земля превращена въ опытное поле...

Какимъ содержаніемъ и смысломъ обогатится личная моя жизнь, и какъ достойно почтена будетъ тетушкина память!

Юрій Крапивинъ.

РУССКІЙ КИТАЙ

НАША ПЕРВАЯ КОЛОНИА НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Окончаніе.

VI *).

Военный телеграфъ.—Китайскій правительственный телеграфъ.—Русско-китайскій банкъ.—Отношеніе мѣстнаго купечества къ этому банку.—Государственное казначейство.—Денежная валюта.—Временная печать.—Печать Приамурскаго края по отношенію къ Квантуну.—Иностранная печать Дальняго Востока.—Вліяніе враждебной намъ печати на Японію и Китай.—Взглядъ пекинскій миссіи.—Необходимость русскаго печатнаго органа на англійскомъ языкѣ.

Въ предѣлахъ Квантуна, до мѣстечка Пуландьянъ, на столбахъ телеграфа китайской восточной желѣзной дороги подвѣшенъ также и проводъ временнаго телеграфа, связывающаго Портъ-Артуръ съ Талиенваномъ, Бицзиво съ Портъ-Адамсомъ.

Основою телеграфныхъ сообщеній Квантуна съ Приамурскимъ краемъ и Европейскою Россією служитъ правительственный китайскій телеграфъ, линія котораго соединена съ русскіими телеграфами въ Благовѣщенскѣ. Не говоря о высокой стоимости депешъ, составляющей одинъ долларъ за слово въ Приамурскій край и 1¹/₄ доллара въ Россію,—цѣна почти недоступная для частныхъ лицъ,—зависимость управленія Квантуномъ отъ иностраннаго телеграфнаго предпріятія крайне тяжела.

Нѣтъ сомнѣнія, что содержаніе депешъ можетъ сдѣлаться во

*) См. выше: октябрь, стр. 658.

всякое время извѣстнымъ китайскому правительству, а черезъ него представителямъ иностранныхъ державъ, которые, впрочемъ, при извѣстной подкупности китайскаго чиновничества, — исключеніемъ изъ чего телеграфные чиновники, конечно, не служатъ, — могутъ имѣть копіи съ депешъ и помимо участія китайскаго правительства. Хотя депеши болѣе или менѣе секретнаго содержанія передаются шифромъ, но при огромной телеграфной корреспонденціи невозможно избѣжать передачи массы интересныхъ депешъ открыто, да и шифры могутъ быть открыты экспертами. Такъ какъ на Квантунѣ все вершится путемъ телеграфнаго сношенія, то обладаніе копіями съ депешъ даетъ полную картину всѣхъ распоряженій, касающихся Квантуна, въ удобномъ, сжатомъ видѣ. Въ первые дни пребыванія здѣсь генерала Суботича имъ была сдѣлана попытка водворить въ число служащихъ на станціи Портъ-Артуръ иностранца, австрійскаго поляка, но попытка эта не удалась. Нынѣ станція Ньючуанъ находится подъ строгимъ контролемъ японцевъ, а между тѣмъ черезъ Ньючуанъ проходятъ всѣ депеши съ Квантуна и на Квантунъ. Очевидно, иностранцы, а главное японцы, интересуются этимъ дѣломъ. Необходимо отдать справедливость китайскому телеграфу, что онъ функционируетъ образцово, передавая депеши на чужомъ языкѣ почти безъ искаженій, а длинныя шифрованные телеграммы, которыя и на російскихъ телеграфахъ искажаются весьма часто, рѣдко подавали поводъ къ недоразумѣніямъ. Весьма характерною чертою является слѣдующее обстоятельство. Когда въ Инькоу объявились заболѣванія въ русскомъ участіи, телеграфисты-русскіе, служащіе на Инькоуской станціи китайской восточной желѣзной дороги, объятые паническимъ страхомъ, бѣжали изъ Инькоу въ Портъ-Артуръ, и если дѣйствіе желѣзнодорожнаго телеграфа не прекратилось, то это лишь благодаря содѣйствію, оказанному станціею правительственнаго китайскаго телеграфа. Но, во всякомъ случаѣ, скорѣйшее освобожденіе отъ попечительства надъ нами китайскаго телеграфа крайне необходимо.

Русско-китайскій банкъ доннынъ имѣетъ исключительное право производства банковыхъ операцій на Квантунѣ. Между тѣмъ, управленіе банкомъ долгое время отказывало въ производствѣ насущнѣйшихъ и простѣйшихъ банковыхъ операцій, какъ-то: страхованіе выигрышныхъ билетовъ, приемъ на храненіе процентныхъ бумагъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, банкъ не платилъ вовсе процентовъ по текущимъ счетамъ и бралъ чрезмѣрную плату за

дѣлаемые имъ переводы, причѣмъ сдѣлать совершенно невозможными переводы по телеграфу.

Мѣстное купечество, на сходѣ 12-го іюня прошлаго года, побудило возбудить рядъ ходатайствъ, касающихся операций банка. Въ представленномъ протоколѣ значилось, что при оплатѣ наложныхъ платежей за высланные изъ Японіи товары, черезъ посредство русско-китайскаго банка, отъ грузополучателя, принесшаго іены (доллары), таковыя банкомъ не принимаются, а грузополучатель обязывается продать свои іены банку и потомъ купить таковыя (переводъ по чеку) обратно; при этой операциіи получается разница, въ убытокъ грузополучателю, въ размѣрѣ 2%, причѣмъ мотивами такой процедуры банкомъ выставлено немнѣніе у него счета для іены. Далѣе, купечество жаловалось, что при продажѣ процентныхъ бумагъ банкъ взимаетъ, сравнительно съ цѣнами Владивостокскаго отдѣленія того же банка, дороже на 3%; что курсъ на иностранную валюту банкомъ содержится въ секретѣ, размѣнъ денегъ производится произвольно, и въ одинъ и тотъ же день получается большая разница; что кредитъ въ банкѣ открытъ лишь немногимъ, и то на невыгодныхъ условіяхъ—не менѣе 8—9% годовыхъ, причѣмъ кредитъ стѣсненъ, а между тѣмъ въ немъ чувствуется крайняя необходимость; наконецъ, что банкъ не дѣлаетъ непосредственныхъ переводовъ въ тѣ города Европейской Россіи, гдѣ есть отдѣленія государственнаго банка, и что вообще администрація невнимательно слѣдитъ за переводами, такъ что бывали случаи, когда переводы, дѣлаемые банкомъ по телеграфу, получались черезъ четыре мѣсяца, — убытки же отъ этого ложатся на отправителя. Всѣ эти затрудненія сходъ купечества приписывалъ тому монопольному положенію, которое занимаетъ на Квантунѣ русско-китайскій банкъ.

Въ іюль 1898 года на отдѣленіе русско-китайскаго банка были возложены операциіи государственнаго казначейства, и съ прибытіемъ, въ началѣ января, агента департамента казначейства—операциіи эти были начаты.

Одновременное обращеніе на Квантунѣ двухъ монетныхъ единицъ—рубля и мексиканскаго доллара—не только понизило курсъ перваго, но въ практикѣ повседневной жизни уравнило ихъ совершенно. Ознакомившись съ распоряженіемъ германскаго правительства, по которому обращеніе германской монеты въ колоніи Кіачао отиѣнено, за исключеніемъ размѣнной, и установлено обращеніе исключительно мексиканскихъ долларовъ, причѣмъ мотивомъ указана необходимость упорядоченія государствен-

ныхъ расчетовъ, признано было и на Квантунѣ болѣе осторожнымъ сохранить временно уже установившееся положеніе дежневаго обращенія.

Осенью 1898 года оберъ-аудиторъ тихоокеанской эскадры, капитанъ Артемьевъ, заручившись позволеніемъ своего начальства, обратился съ просьбою издавать въ Портъ-Артурѣ газету „Новый Край“, посвященную интересамъ Квантуна и русскаго Дальняго Востока. Изданіе газеты было, въ январѣ 1899 года, разрѣшено военнымъ министромъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ издается „Закаспійское Обзорѣніе“, причемъ, согласно представленію генерала Суботича, дана была правительственная субсидія, въ размѣрѣ трехъ тысячъ рублей въ годъ, срокомъ на три года. Вслѣдствіе цѣлаго ряда затрудненій и промедленій въ полученіи заказанныхъ типографскихъ машинъ, изданіе газеты въ полномъ ея объемѣ затянулось надолго, но редакція, тѣмъ не менѣе, выпускала въ установленные сроки сокращенное изданіе подъ названіемъ „Бюллетень Новаго Края“.

Существенную часть газетныхъ свѣдѣній составляли, конечно, телеграфныя извѣстія, ибо только этимъ путемъ возможно знать о томъ, что творится въ Европѣ, откуда, несмотря на значительное улучшеніе почтовыхъ сообщений, газеты получаютъ нивакъ не ранѣе, какъ черезъ мѣсяць. Между тѣмъ полученіе телеграммъ сопряжено съ непомярными расходами, ибо какъ депеши русскаго агентства, содержащія столь близкія для насъ извѣстія изъ Европейской Россіи, такъ и депеши иностранныхъ агентствъ, тоже имѣющія серьезный интересъ для дѣлъ Дальняго Востока, могутъ здѣсь получаться лишь съ уплатою полного кабельнаго тарифа, совершенно недоступнаго для частныхъ лицъ и для редакціи нашей слабой въ матеріальномъ отношеніи газеты. Осенью прошлаго года, чувствуя настоятельную надобность, стоя на такомъ выдвинутомъ и отрѣзанномъ отъ Россіи посту, быть въ курсѣ политическихъ новостей, генералъ Суботичъ обратился съ ходатайствомъ къ приамурскому генералъ-губернатору о предоставленіи, наравнѣ со всѣми другими губернаторами, права полученія бесплатно агентскихъ телеграммъ, но въ этомъ, по сношеніи съ главнымъ управленіемъ телеграфовъ, ему было отказано, такъ какъ расходъ былъ слишкомъ значителенъ. Вслѣдъ затѣмъ на тихоокеанской эскадрѣ возникла мысль подписаться соединенными средствами сухопутнаго вѣдомства и эскадры для выписки Рейтеровскихъ телеграммъ. Дѣло это было организовано, сдѣлана разверстка подписныхъ денегъ, но въ послѣднюю минуту начальство эскадры остановилось передъ зна-

чительностью расхода, и эта мысль не получила осуществленія. Потерпѣвъ такимъ образомъ нѣсколько неудачъ, генераль Суботичъ вошелъ въ соглашеніе съ нашимъ военнымъ агентомъ въ Китаѣ о доставленіи имъ, по телеграфу изъ Тяньцзиня, въ сѣверномъ видѣ, важнѣйшихъ агентскихъ телеграммъ, касающихся Дальняго Востока, причѣмъ предполагалось покрыть этотъ расходъ остатками по вакантнымъ должностямъ. Этимъ путемъ удалось на нѣсколько мѣсяцевъ быть въ курсѣ политическихъ событій, а не довольствоваться полученіемъ ихъ черезъ мѣсяцъ и больше времени. Денежный источникъ этотъ, къ сожалѣнію, оказался невѣрнымъ, и полученіе телеграммъ этимъ путемъ пришлось прекратить. Послѣ того командированъ былъ проживающій въ Чифу врачъ, на котораго возложенъ надзоръ за прибывающими на Квантунъ рабочими, и который, владея англійскимъ языкомъ, присылалъ снятыя имъ копія съ получаемыхъ въ Чифу Рейтеровскихъ телеграммъ, что, при довольно частомъ сообщеніи съ Чифу, все-таки давало возможность получать извѣстія значительно раньше, чѣмъ изъ владивостокскихъ газетъ. Наконецъ, недавно, портъ-артурская китайская телеграфная станція, повидному изъ благодарности за выхлопотанное ей, за усиленіе трудовъ, пособіе, стала присылать бесплатно копія съ Рейтеровскихъ извѣстій, получаемыхъ ею нынѣ телеграфнымъ путемъ для собственной надобности. Изложеніе этой исторіи полученія столь необходимыхъ въ наше время интеллигентному обществу политическихъ телеграммъ показываетъ, какъ трудно устроить что-нибудь, находясь на окраинѣ и не имѣя значительныхъ денежныхъ средствъ. Всѣ получаемыя телеграммы передавались для печатанія въ „Новый Край“, чѣмъ и поддерживался этотъ важный отдѣлъ изданія, безъ котораго ни одна газета существовать не можетъ. Но все это касается лишь все-таки телеграммъ иностраннаго агентства, не дающаго ничего, или очень мало, о нашихъ русскихъ событіяхъ, что всѣми здѣсь очень чувствуется. Необходимость въ мѣстномъ органѣ печати настоятельная. Это будетъ однимъ изъ путей, которымъ возможно будетъ, до извѣстной степени, распространить въ Россіи болѣе вѣрныя свѣдѣнія о Квантунѣ и о жизни на немъ, если только, — на что можно рассчитывать, — редація будетъ стремиться къ созданію органа серьезнаго и правдиваго.

Выходящія во Владивостокъ газеты занимаютъ, отъ времени до времени, дѣлами Квантуна, или, точнѣе сказать, Портъ-Артура, и имѣютъ въ немъ читателей, такъ какъ между служащими и частными жителями Квантуна много прибывшихъ изъ Приамурья,

которые сохраняютъ связи съ нимъ. Впрочемъ, владивостокская печать отнеслась къ новому краю не вполне дружелюбно, и если писала о Квантунѣ, то лишь для обличенія слабыхъ сторонъ, причѣмъ корреспонденты, въ сожалѣнію, считали необходимымъ сгущать краски; все-же, что было хорошаго, положительнаго, оставалось читателямъ большею частью неизвѣстнымъ. Бывали, конечно, и сочувственныя извѣстія, но они терялись въ общемъ тонѣ осужденія Квантуна, съ отгѣнкомъ даже враждебнаго отношенія къ Портъ-Артуру, какъ бы къ конкуренту твердыни русскаго Дальняго Востока — Владивостоку. Городское управленіе Портъ-Артура не оставляло безъ возраженія многія изъ такихъ свѣдѣній владивостокскихъ газетъ, но этимъ мало измѣнились выше очерченныя отношенія ихъ къ Портъ-Артуру.

На Дальнемъ Востокѣ распространены иностранныя газеты, преимущественно англійскія, выходящія въ Шанхаѣ, Тяньцзинѣ и Тобогамѣ. Насколько русскія газеты отличаются пессимизмомъ, настолько же англійскія выдѣляются шовинизмомъ, восхваляя все англійское и понося все не-англійское, а въ особенности все русское. Враждебность англійской печати Дальняго Востока противъ всего русскаго превосходитъ всякое вѣроятіе; для нея нѣтъ рѣшительно ничего святаго, такъ что чтеніе этихъ газетъ для русскаго человѣка подчасъ становится невыносимымъ. Нѣтъ той лжи, клеветы, глумленія, которыя бы эти газеты считали неудобными печатать противъ Россіи.

Само по себѣ, это бы, можетъ быть, и не имѣло особенной важности, но всѣ эти выходы получаютъ огромное значеніе, если принять въ соображеніе, что англійскія газеты имѣютъ большой кругъ читателей въ Японіи, а теперь даже и въ Китаѣ, въ средѣ туземной интеллигенціи, что вся эта грязь переводится на туземные языки, печатается въ китайскихъ и, въ особенности, японскихъ газетахъ и становится такимъ путемъ доступной всей массѣ туземныхъ читателей, къ числу которыхъ можно отнести всю грамотную Японію. Такимъ образомъ, все читающее населеніе этихъ странъ систематически воспитывается на враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи и ко всему русскому, и усваиваетъ себѣ пренебрежительное отношеніе къ намъ. Въ началѣ 1899 года появился въ шанхайской газетѣ „Herald“ рядъ статей, весьма оскорбительныхъ для нашего флота и его боевой славы; статьи эти имѣли характеръ историческаго очерка и остались тоже безъ возраженія съ нашей стороны; — несомнѣнно, онѣ оказали свое вліяніе, гдѣ слѣдуетъ, что вѣроятно и было

главную ихъ цѣлю. Кромѣ того, англійскія газеты постоянно помѣщаютъ тенденціозныя выдумки о военныхъ приготовленияхъ Россіи, и этимъ не мало способствуютъ поддержанію неприязненныхъ къ намъ отношеній японцевъ. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ была помѣщена въ шанхайской газетѣ корреспонденція о томъ, что въ Посыетѣ собрано 30.000 войскъ, и что на запросъ китайскихъ пограничныхъ властей о цѣли такого сбора войскъ командующій генералъ далъ отвѣтъ: „приготовляемся къ десанту въ Японію“. Въ то же время въ юкогамской газетѣ была помѣщена телеграмма о высадкѣ на островѣ Улнеутъ десанта съ русскаго судна, который сорвалъ японскій флагъ и водрузилъ русскій. Такія извѣстія, печатаемыя въ такое напряженное время, не могутъ имѣть иного вліянія, кромѣ дурного, тѣмъ болѣе, что они никогда и нигдѣ не опровергаются.

Нашъ посланникъ въ Пекинѣ и нашъ военный агентъ, ген.-майоръ Вогакъ, близко знакомые съ Дальнимъ Востокомъ, раздѣляютъ мнѣніе генерала Суботича по этому вопросу. Въ іюнѣ появилась корреспонденція о притѣсненіяхъ, чинимыхъ русскими властями въ Артурѣ протестантской датской миссіи. Приглашенный генераломъ Суботичемъ датскій миссіонеръ опровергнулъ всѣ эти инсинуаціи, пославъ письмо за своею подписью въ подлежащую газету. Тогда же, прочитавъ въ одной изъ тьяньцзинскихъ газетъ свѣдѣніе, требовавшее непремѣннаго опроверженія, генералъ Суботичъ телеграфировалъ о томъ посланнику, съ просьбою опровергнуть эту выдумку отъ имени миссіи. Въ отвѣтъ на это, посланникъ сообщилъ слѣдующее: „Во всѣхъ издающихся въ Китаѣ англійскихъ газетахъ почти ежедневно помѣщаются статьи, направленные противъ Россіи и ея политики на Дальнемъ Востоке, полныя завѣдомо ложныхъ извѣстій и всевозможной клеветы и инсинуацій противъ насъ. Вступать въ полемику и опровергать распространяемые слухи считалось для миссіи неудобнымъ, а потому и въ данномъ случаѣ казалось бы наиболѣе цѣлесообразнымъ оставить безъ всякаго вниманія извѣстіе, которому, конечно, не будетъ придано серьезнаго значенія“.

Съ этимъ нельзя согласиться. Какъ бы то ни было, въ наше время печать стала такимъ факторомъ, съ которымъ обязательно нужно считаться. Печать—это тотъ судъ общественнаго мнѣнія, который привлекаетъ къ отвѣтственности все и вся, а это неминуемо требуетъ проявленія со стороны привлекаемаго извѣстной защиты себя, въ видѣ опроверженія, поправки, полемики и проч. Въ этомъ духѣ воспитана интеллигенція нашего времени, и измѣнить этого нельзя. Постоянныя и послѣдовательныя обвине-

нія во всевозможныхъ проискахъ и постоянное пренебрежительное отношеніе ко всему русскому, никогда не встрѣчающее отпора со стороны русскихъ, неминуемо вселяетъ въ читателей убѣжденіе въ томъ, что мы не можемъ опровергнуть взводимыя на насъ обвиненія. Система отмалчиванія наноситъ огромный вредъ нашему престижу, какъ націи и государству, въ глазахъ Японіи и Китая, а вѣроятно и Кореи, да и въ глазахъ европейскаго населенія Дальняго Востока приучаетъ ихъ смотрѣть на насъ свысока и мѣшаетъ нашимъ культурнымъ и политическимъ задачамъ. Характеризующее насъ, какъ націю, отсутствіе выдержки и твердости при сношеніяхъ съ иностранцами, составляющее послѣдствіе нашей скромности, даже робости, подъ влияніемъ постояннаго сознанія нашихъ недостатковъ, — еще увеличиваетъ въ иностранцахъ и даже японцахъ и китайцахъ сознаніе, или, лучше сказать, ощущеніе ихъ превосходства.

Передѣлать свой національный характеръ, въ частныхъ отношеніяхъ, мы не можемъ, и останемся, вѣроятно, навсегда тѣми добрыми малыми, къ которымъ относятся покровительственно всѣ европейцы, считая насъ тѣмъ-то наравнѣ съ японцами и китайцами. Но передѣлать наши отношенія къ этимъ, подрывающимъ наше положеніе, европейскимъ дѣятелямъ Дальняго Востока мы можемъ и должны, и прежде всего намъ необходимо отказаться отъ роли вѣчнаго, несмѣняемаго подсудимаго передъ самозваннымъ судомъ англійской прессы, и самимъ привлечь эту прессу и ея читателей и сторонниковъ къ отвѣтственности, для чего Англія и ея дѣйствія на Дальнемъ Востока, да и вездѣ, даютъ матеріала болѣе чѣмъ нужно. Для насъ слишкомъ важна правильная оцѣнка дѣйствій Россіи японскою и китайскою читающею частью народа, чтобы намъ возможно было въ будущемъ позволять англичанамъ руководить этими народами въ направленіи враждебномъ намъ. Лучшимъ примѣромъ, насколько важенъ отпоръ, данный во-время, служатъ наши сосѣди, нѣмцы и французы. Органы печати этихъ націй, выходящіе въ Шанхаѣ, не спускаютъ англійскимъ газетамъ ни одной выходки противъ ихъ національныхъ интересовъ, и достигли того, что англійская пресса значительно умѣрила тонъ, вознаграждая себя за то постоянными выходками противъ беззащитной Россіи. Дошло до того, что въ тѣхъ же англійскихъ газетахъ появилась, одинъ разъ, корреспонденція отъ англичанина изъ Ньючуана, заявляющаго, что совѣсть ему не позволяетъ молчать на выходки газеты противъ русскихъ, и что онъ, какъ очевидецъ дѣйствій русскихъ, удостовѣряетъ лживость

обличительныхъ корреспонденцій. Французская газета, выходящая въ Шанхаѣ, особенно энергично отстаиваетъ интересы Франціи и весьма умѣло пользуется слабыми сторонами англійской политики, чтобы обличать самихъ же англичанъ, чѣмъ и зажала, въ значительной степени, ротъ англійской прессы. Эта же газета заступаетъ по временамъ и за насъ, и особенно рѣзко клеймила англичанъ за безсовѣстныхъ и не позволенныхъ выходы ихъ газетъ. Къ сожалѣнію, французскій языкъ такъ мало распространенъ на Дальнемъ Востокаѣ, что эта симпатичная и порядочная газета не можетъ имѣть большого распространенія.

Англійскій языкъ завладѣлъ Дальнимъ Востокомъ, и англійская печать даетъ тамъ направленіе общественному мнѣнію. Потому намъ самимъ необходимо, выступая на это поле, учредить свой печатный органъ, который бы явился противовѣсомъ въ нашу пользу, и издавать его непременно на англійскомъ языкѣ, въ центрѣ англійской агитаціи, въ Шанхаѣ. Денежная расчетливость не должна имѣть мѣста въ этомъ дѣлѣ, ибо затраты на печать, какъ на оружіе, не менѣе необходимы, чѣмъ затраты на воинскую силу дипломатическаго представительства, а по моему убѣжденію, служба, которую намъ сослужить это оружіе, будетъ, пока, болѣе дѣйствительна, чѣмъ остальные два.

VII.

Проявленіе общественной жизни.—Гарнизонное военное собраніе.—Артистическій кружокъ.—Скаковое общество.—Мѣстный комитетъ „Краснаго Креста“.—Общество спасанія на водахъ.—Военно-медицинское общество.—Пушкинская читальня.—Датская миссія.—Матеріальная обстановка.

Вся общественная жизнь русскаго населенія Квантуна сосредоточивается въ Портъ-Артурѣ. Талиенванъ, съ его небольшимъ, исключительно военнымъ обществомъ, а также небольшая русская колонія въ Дальнемъ, въ этомъ отношеніи вполнѣ тяготеютъ къ Портъ-Артуру, отдѣленные отъ него лишь незначительнымъ разстояніемъ. Горсть служащихъ въ Бицзиво обречена на крайне однообразное существованіе. Въ Талиенванѣ, впрочемъ, имѣется небольшое полковое собраніе 11-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка. Центромъ общественной жизни, въ смыслѣ пріюта для ея проявленія, служатъ гарнизонное военное собраніе, морской клубъ и театръ при зданіи матросской чайной, бывший городской китайскій театръ. Отсутствіе военнаго собранія въ сезонъ 1898-99 года было весьма ощутительно для офицеровъ

и вообще для интеллигентныхъ жителей Портъ-Артура. Морской клубъ, учрежденный вслѣдъ за занятіемъ Квантуна, дѣйствуетъ на весьма замкнутыхъ началахъ. Такимъ образомъ, портъ-артурское общество было лишено мѣста, гдѣ бы оно могло собираться для развлечения, обмѣна мыслей, поученія путемъ публичныхъ лекцій, и т. п., ибо театральная зала матросской чайной являлась единственнымъ мѣстомъ, гдѣ бы возможно было собираться, но по специальному своему назначенію—служить для собранія матросовъ съ эскадры—зала эта была занята именно во всѣ праздничные и торжественные дни матросами, спускаемыми на берегъ, а потому въ эти—самые удобные для собранія публики—дни не могла быть утилизирована. Такимъ образомъ, въ зиму 1898-99 года интеллигентной публикѣ Портъ-Артура не удалось найти себѣ пріюта, который впоследствии дастъ ей военное собраніе.

Немедленно по пріѣздѣ генерала Суботича на Квантунъ, началось устройство общаго гарнизоннаго собранія. Въ ожиданіи постройки капитальнаго зданія для постоянного собранія, военнымъ министромъ были отпущены средства на приспособленіе временнаго помѣщенія. Единственнымъ зданіемъ въ городѣ, которое по своимъ размѣрамъ и своему центральному положенію отвѣчало цѣли, было зданіе матросской чайной. Въ виду отказа контръ-адмирала Дубасова, пришлось остановиться на такъ-называемомъ театрѣ „Суна“, небольшомъ ветхомъ зданіи за китайскимъ базаромъ, которое, однако, по ближайшемъ осмотрѣ, оказалось нужнымъ сломать почти цѣликомъ и выстроить заново, съ сохраненіемъ въ залѣ собранія китайскаго стиля и орнаментаций. Работа эта могла быть начата лишь въ февралѣ и была окончена къ іюлю 1899 года, а 22-го числа собраніе было торжественно открыто. Въ теченіе зимы дѣйствовало маленькое, но хорошо веденное полковое собраніе 10-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, помѣщеніе котораго нынѣ отошло къ морскому вѣдомству. Въ октябрѣ 1898 года возникъ въ Портъ-Артурѣ артистическій кружокъ, имѣющій цѣлью доставить участникамъ возможность собираться для исполненія произведеній драматическаго искусства, музыки и для литературныхъ чтеній. Возникновеніе этого кружка вызывалось окружающею обстановкою, и число его членовъ въ самое короткое время достигло 128. Изъ годичнаго отчета дѣятельности кружка видно, что осуществленіе намѣченной задачи встрѣтило на практикѣ не мало затрудненій. Въ силу необходимости пришлось устраивать собранія и вечера кружка въ помѣщеніи матросской чайной, не соответствовавшемъ характеру подобныхъ вечеровъ, которые, поэтому, посѣщались неохотно, и

ихъ пришлось прекратить. Помѣщеніе чайной отдавалось кружку за плату, хотя и не очень большую, но, при незначительныхъ ресурсахъ кружка, все-таки для него чувствительную, тѣмъ болѣе, что кружокъ отчисляетъ съ каждаго спектакля 10⁰/₀ въ пользу общества „Краснаго Креста“, специально для благотворительныхъ мѣстныхъ цѣлей, и, кромѣ того, даетъ спектакли, весь доходъ съ которыхъ имѣетъ благотворительное назначеніе. Всего дано было кружкомъ, за первый годъ существованія, въ зимній сезонъ 1898-99 года, два спектакля и три семейныхъ вечера, съ музыкально-вокальнымъ отдѣленіемъ. Нынѣ артистическій кружокъ перенесъ свою дѣятельность въ военное собраніе, зала котораго предоставлена ему въ постоянное бесплатное пользованіе, и можно надѣяться, что онъ еще болѣе разовьется. Донынѣ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, дано въ военномъ собраніи три спектакля и одинъ концертъ, и еженедѣльно собираются для домашнихъ музыкальныхъ вечеровъ.

Весною 1899 года образовано въ Портъ-Артурѣ скакзвое общество, по примѣру существующихъ во всѣхъ колоніяхъ Дальняго Востока. Число членовъ—91. Скачекъ было устроено двѣ. Нынѣ отведенъ обществу свободный участокъ въ пользованіе, для устройства постоянного гипподрома.

Весною же образованъ, въ морской средѣ, клубъ для игры въ lawn-tennis. Число членовъ его—110, а помѣщеніе для клуба отведено морскимъ вѣдомствомъ. Клубъ этотъ тоже организованъ на весьма замкнутыхъ началахъ.

Всѣ заѣзжіе артисты, посѣщавшіе Портъ-Артуръ, давали свои представленія въ матросской чайной, съ платою въ пользу чайной. Затѣмъ, постояннымъ развлеченіемъ публики всѣхъ слоевъ служить военная музыка, играющая два раза въ недѣлю на Николаевскомъ бульварѣ, и морская музыка, играющая, во время нахождения эскадры въ Портъ-Артурѣ, въ портовомъ садикѣ, куда однако входъ для частной публики закрытъ. Одинъ разъ игралъ на бульварѣ хоръ 10-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка и броненосца „Наваринъ“—съ большимъ успѣхомъ. Примвающій къ бульвару садъ „Гу“ въ послѣднее время закрытъ для публики, ибо тамъ производится постройка для морского вѣдомства, и теперь опять единственнымъ мѣстомъ гулянья и мѣстомъ, гдѣ могутъ рѣзвиться дѣти, служить небольшой Николаевскій бульваръ, лежащій на пути большого движенія обововъ, а потому, конечно, для этой цѣли мало удобный, тогда какъ садъ „Гу“ былъ нѣсколько въ сторонѣ и окруженъ высокою оградою, изолировавшею его отъ улицы. Имѣя въ виду огромное значеніе хоро-

шей музыки для лицъ, заброшенныхъ на дальнюю окраину, музыкальнымъ потребностямъ которыхъ, конечно, не можетъ удовлетворить плохонькій нештатный хоръ полковой музыки, мы полагаемъ, что для предстоящаго къ постройкѣ военного собранія, на которое ассигнована большая сумма, необходимо имѣть также хорошій балльный оркестръ.

Общественная жизнь Портъ-Артура проявилась и въ болѣе серьезной формѣ. Въ февралѣ 1899 года учрежденъ былъ квантунскій мѣстный комитетъ „Краснаго Креста“. Число членовъ въ немъ доходитъ нынѣ до 90. Дѣятельность своею управленіе комитета, состоящее исключительно изъ дамъ, проявило прежде всего сборомъ въ пользу бѣдствующихъ русскихъ переселенцевъ, приходящихъ въ Приморскую область сухопутно, черезъ Сибирь, на свой счетъ. Результатъ сбора былъ 1.802 рубля, отправленныхъ попечительному о переселенцахъ комитету въ Хабаровскъ. Затѣмъ, послѣ достиженія до насъ вѣсти о неурожаѣ въ приволжскихъ губерніяхъ, дамскій комитетъ энергически взялся за дѣло: устроилъ подписку и организовалъ народное гулянье, что вмѣстѣ дало для Портъ-Артура значительную сумму въ 8.278 рублей, которая была переведена по телеграфу въ Петербургъ, въ главное управленіе, для передачи по принадлежности. Наконецъ, комитетомъ, въ ноябрѣ 1899 года, организованъ сокращенный теоретическій и практический курсъ для женщинъ, желающихъ посвятить себя уходу за больными и ранеными, въ случаѣ необходимости, имѣя въ виду, что въ минуту нужды намъ неоткуда получать скорую помощь въ этомъ отношеніи. Занятія производятся подъ руководствомъ четырехъ врачей, а число слушательницъ—16, почти исключительно женъ офицеровъ, въ томъ числѣ даже изъ семей командировъ частей. Капиталъ комитета состоитъ изъ двухъ тысячъ рублей. Отзывчивость русскаго населенія Квантуна не ограничилась сборомъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, произведеннымъ „Краснымъ Крестомъ“, а еще ранѣе того отделились войска квантунскаго отряда. Всѣ офицеры и чиновники отряда постановили отчислить одновременно полпроцента получаемого содержанія, а нижніе чины поголовно сдѣлали свои посильныя пожертвованія. Такимъ образомъ, собрано было съ офицерскихъ чиновъ 4.001 рубль, а съ нижнихъ—1.175 рублей, которые были переведены по телеграфу въ Петербургъ. Офицеры крѣпостной артиллеріи прибавили къ этому еще 577 рублей, взаимѣнъ празднованія своего полкового правдника.

Одновременно съ обществомъ „Краснаго Креста“ возникли два

мѣстныхъ управленія общества спасанія на водахъ: одно, внѣ-окружной отдѣлъ, учрежденный генераломъ Дубасовымъ, а другое—окружное управленіе, учрежденное генераломъ Суботичемъ. Первое насчитываетъ 80, а второе—119 членовъ. Капиталь общества состоитъ — перваго изъ 3¹/₂ тысячъ рублей, а второго — изъ 2.307 рублей.

Наконецъ, въ ноябрѣ прошлаго года, возникло, по инициативѣ доктора Франціуса, первое ученое общество Квантуна—военно-медицинское, въ составъ котораго допускаются и лица не-медицинской профессіи. Число членовъ—80. Дѣятельность свою общество уже начало публичнымъ сообщеніемъ, въ залѣ военнаго собранія, о чумѣ, врача Падлевскаго, пробывшаго въ Инькоу, въ этомъ очагѣ чумы, три слишкомъ мѣсяца. Далѣе послѣдуетъ цѣлый рядъ интересныхъ рефератовъ по мѣстнымъ вопросамъ, медицинскимъ и санитарнымъ. Общество открываетъ свою бесплатную амбулаторную лечебницу, домъ для которой отведенъ изъ числа домовъ военнаго вѣдомства, а на обзаведеніе и содержаніе лечебницы городская комиссія ассигновала, по дополнительной смѣтѣ, двѣ тысячи рублей и постановила выдавать эту субсидію ежегодно. Такимъ образомъ, дѣло это вполне обеспечено.

Серьезнымъ для Портъ-Артура общественнымъ учрежденіемъ просвѣтительнаго характера является также Пушкинская читальня, учрежденная осенью 1898 года и названная въ честь поэта въ день юбилейнаго празднованія. Она возникла, главнымъ образомъ, трудами штабсъ-капитана Лединга, и была первоначально устроена на подписныя деньги. Число подписчиковъ достигло 150, а подписная сумма—15.000 рублей. Выписано было до 60 періодическихъ изданій и сдѣлана обстановка для читальнаго зала. Помѣщеніе было отведено отъ города. Впослѣдствіи, съ организаціей городской комиссія теперешняго состава, читальня была передана въ вѣдѣніе города и сдѣлана общедоступною, а генераломъ Суботичемъ дальнѣйшее ея существованіе обеспечено отнесеніемъ ея содержанія на счетъ городскихъ суммъ по смѣтѣ. Для образованія общественной бібліотеки при Пушкинской читальнѣ генераль Суботичъ обратился въ редакцію „Новаго Времени“, съ просьбой организовать сборъ пожертвованій книгами, на что редакція изъявила согласіе, а комитетъ „Добровольнаго флота“, по просьбѣ генерала Суботича, разрѣшилъ бесплатную перевозку на своихъ пароходахъ собранныхъ этимъ путемъ книгъ. Результатъ сборовъ пока еще не извѣстенъ. Чествованіе столѣтія Пушкина не было забыто и на Квантунѣ. Своевременно былъ составленъ комитетъ для органи-

заціи празднованія, состоявшій изъ представителей отъ всего общества, который и руководилъ этимъ скромнымъ, по мѣстнымъ условіямъ, торжествомъ. Отслужена была панихида по поэтѣ, прочитана публичная лекція, поставленъ спектакль, собрана сумма на школьное дѣло и составлена „Памятка“ русскому солдату о Пушкинѣ, вывѣшенная во всѣхъ казарменныхъ помѣщеніяхъ. Но главнымъ результатомъ чествованія было учрежденіе начальной школы имени поэта, зданіе которой и было заложено 26-го мая. 17-го октября зданіе школы было освящено, а на другой день начались учебныя занятія. Матеріально школа обеспечена собственнымъ зданіемъ и участкомъ, и содержаніемъ по смѣтѣ городскихъ доходовъ, а нравственною зарукою ея процвѣтанія служить принятіе ея подъ покровительство его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича, состоявшееся 17-го ноября. Въ Талиенванѣ юбилей былъ тоже отпразднованъ.

Въ отношеніи удовлетворенія религіозныхъ потребностей русскіе и прочіе европейскіе жители Квантуна были обставлены плохо. Съ самаго начала занятія Квантуна и по іюль 1899 года, т.-е. въ теченіе 16 мѣсяцевъ, вся православная паства, войска и всѣ частныя лица не-военнаго званія, находилась на рукахъ одного лишь священника, о. протоіерея І. Никольскаго, который служилъ всѣ службы, исполнялъ всѣ требы и, въ тому же, отъ времени до времени долженъ былъ ѣздить въ Талиенванъ для той же цѣли. Труды его во время великаго поста дѣйствительно были огромныя. Богослуженіе происходило въ сараѣ, отведенномъ въ порту морскимъ вѣдомствомъ, холодномъ, убогомъ. Немедленно по пріѣздѣ генерала Суботича, въ августѣ 1898 года, на Квантунъ, онъ распорядился, не ожидая назначенія кредитовъ, постройкой временной деревянной церкви, которая и была освящена, 9-го мая 1898 года, во имя св. Николая чудотворца. Церковь расположена на хорошемъ мѣстѣ, хорошо видна съ малаго рейда и изъ порта, и своею свѣтлою окраскою и двумя куполами придаетъ городу русскій видъ. Вместимость ея—на 500 человекъ. Впослѣдствіи, когда будетъ построенъ соборъ, церковь эту предполагается перенести на кладбище. Въ Талиенванѣ богослуженіе отправляется въ сараѣ. Въ іюлѣ 1899 года протоіерей Никольскій былъ откомандированъ, а вновь прибыли три священника, изъ которыхъ одинъ отправленъ въ Талиенванъ, и лишь съ этихъ поръ можно считать, что церковная служба въ обоихъ пунктахъ обеспечена. Пѣвчіе въ церкви—отъ войскъ, и при умѣломъ руководствѣ поручика Кондратьева

и г. Сахарова церковное пѣніе было очень удовлетворительное; образовался также хоръ любителей изъ среды офицеровъ и дамъ, который пѣлъ по большимъ праздникамъ. Католическая и лютеранская паствы не имѣли до 1900 г. на Квантунѣ пастырей. Католическій священникъ пріѣзжалъ два раза изъ Владивостока для совершения требъ, а лютеранскаго за полтора года слишкомъ не было вовсе.

До извѣстной степени лютеранское богослуженіе совершается здѣшнимъ датскимъ миссіонеромъ Бедло, но онъ знаетъ лишь датскій и англійскій языки. Миссія эта существовала здѣсь до занятія нами Квантуна; она состояла изъ нѣсколькихъ миссіонеровъ, которые, послѣ занятія нами города, уѣхали въ глубь Манчжуріи. Прежде бывали ежедневныя проповѣди на китайскомъ языкѣ въ особой часовнѣ, но онѣ прекратились, ибо срокъ аренды помѣщенія для часовни окончился, а прежнее управленіе не разрѣшило продлить аренду. Нынѣ миссіонеръ совершаетъ богослуженіе въ зданіи миссіи каждое воскресенье и навѣщаетъ крещенныхъ ранѣе китайцевъ по деревнямъ, не занимаясь дальнѣйшею пропагандою, впредь до выясненія юридическаго положенія иностранныхъ религіозныхъ миссій на Квантунѣ, о чемъ генераломъ Суботичемъ возбужденъ вопросъ, въ маѣ прошедшаго года, черезъ посланника въ Пекинѣ. Паства его совершенно ничтожна числомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ миссіонеръ занимается амбулаторнымъ леченіемъ китайцевъ.

Матеріальная обстановка русскихъ жителей Квантуна вообще тяжелая. Тѣснота въ Портъ-Артурѣ, отсутствіе хорошихъ помѣщеній, при очень высокихъ цѣнахъ на нихъ, и довольно высокія цѣны на предметы первой необходимости, дѣлаютъ жизнь трудною. При этомъ нельзя не упомянуть, что если дороговизна помѣщеній и оправдывается задержкою въ устройствѣ новаго города, то дороговизна жизненныхъ припасовъ установилась совершенно искусственно, благодаря тому, что первые торговые люди прибыли сюда изъ Владивостока и сразу установили здѣсь сибирскія цѣны, которыя не слыханы въ англійскихъ колоніяхъ по сосѣдству, причѣмъ повліяли на повышеніе цѣнъ и въ смежныхъ портахъ Китая.

Не вполне удовлетворительная матеріальная обстановка усиливается нравственною обстановкою: отдаленность, трудность и дороговизна сообщенія съ Европейскою Россією, дороговизна телеграфнаго и продолжительность почтоваго сообщенія, неоднократныя тревоги военнаго характера, чума по сосѣдству и пр.

Собственно офицерскій составъ войскъ, составляющій по

численности большую часть жителей Портъ-Артура, обставленный въ денежномъ отношеніи лучше чѣмъ гдѣ-либо, не можетъ жаловаться на денежную стѣсненность.

VIII.

Офицерское экономическое общество. — Топографическія работы на Квантунѣ. — Учрежденіе комитета для борьбы съ чумою. — Мѣры огражденія Квантуна по морской границѣ. — Центральный морской карантинъ на мысъ Робинзонъ. — Крейсеровство. — Особныя мѣры противъ Чифу. — Мѣры огражденія по сухопутной границѣ. — Чума въ Японіи. — Послѣднія свѣдѣнія по медицинской и санитарной части. — Качество воды въ Портъ-Артурѣ.

Учрежденіе экономическаго общества въ Портъ-Артурѣ тоже имѣло вліяніе на удешевленіе жизни офицеровъ, а косвенно составляетъ препятствіе чрезмѣрному росту цѣнъ и въ частной торговлѣ. По пріѣздѣ генерала Суботича на Квантунъ, онъ немедленно подвинулъ поднятый уже, но слабо двигавшійся вопросъ объ учрежденіи этого общества, утвердилъ временно уставъ его, отвелъ ему помѣщеніе и побудилъ приступить къ постройкѣ собственнаго дома для магазина на отведенномъ въ центрѣ города участкѣ. Домъ былъ оконченъ и освященъ въ ноябрѣ, а старое помѣщеніе обращено въ складъ. Дѣйствія общества, т.-е. открытіе продажи во временномъ помѣщеніи, начались съ января 1899 года. Общество завязало прямыя сношенія съ фабрикантами и оптовыми торговцами Европейской Россіи, Марселя, Шанхая, и такимъ образомъ получаетъ товаръ, минуя посредниковъ. Оборотъ 1899 года былъ до 90.000 рублей. Новый домъ, построенный (также какъ и зданіе собранія) строевымъ офицеромъ, штабсъ-капитаномъ Лункевичемъ, нынѣ составляетъ украшеніе города. Число членовъ общества 249 человекъ.

Квантунъ, несомнѣнно, вызываетъ извѣстный интересъ въ иностранцахъ; со времени занятія нами Квантуна по осень 1899 года, посѣтили Портъ-Артуръ нѣсколько болѣе или менѣе выдающихся лицъ. Такъ, между прочимъ, былъ членъ англійскаго парламента, изъ состава оппозиціи, Joseph Walton; англійскій ученый D-g Seaman; американскій морской агентъ въ Японіи, лейтенантъ Key; англійскій ротмистръ M-g Swiney—уроженецъ Москвы и говорящій хорошо по-русски; американскій консулъ изъ Чифу Fowler; французскій консулъ оттуда же de Rommeugas; французскій военный агентъ въ Китаѣ, маіоръ Vidal;

французскій туристъ, виконтъ de Breteuil; французскій епископъ изъ Мувдена, M-gr Guillon; германскій генеральный консулъ въ Шанхаѣ, D-г Кларре, съ вице-консуломъ изъ Чифу, D-г Lenz; два офицера сухопутныхъ войскъ изъ Кіаочао, генеральнаго штаба маіоръ v. Falkenhausen и капитанъ баронъ Buttlar, — первый съ женою, — японскій консулъ изъ Чифу, капитанъ 2-го ранга Могі и др.

Всѣ эти лица имѣли соответствующія рекомендаціи, представлялись генералу Суботичу и были у него приняты, а затѣмъ осмотрѣли, въ сопровожденіи приставленныхъ къ нимъ офицеровъ генеральнаго штаба, или адъютанта генерала Суботича — то, что генераль Суботичъ считалъ возможнымъ показать каждому изъ нихъ; нѣкоторые ѣздили въ Талиенванъ или въ Дальній. Кромѣ того, въ Портъ-Артурѣ было нѣсколько иностранныхъ военныхъ судовъ: австрійскихъ, итальянскихъ и аргентинское, командировъ которыхъ съ офицерами генераль Суботичъ также принималъ. Японскія и англійскія суда не заходили, а вѣтайскія суда приходили часто чиниться въ докѣ или за углемъ.

При занятіи нами Квантуна топографическія свѣдѣнія объ этой странѣ были крайне недостаточны. Морскія карты англійскаго изданія давали сколько-нибудь точныя данныя только о побережьи, но совершенно не касались внутренняго пространства. Топографическія свѣдѣнія о послѣднихъ ограничивались планомъ ближайшихъ окрестностей Портъ-Артура, но и этотъ планъ не годился для пользованія, такъ какъ обнималъ слишкомъ малую площадь и не былъ достаточно правленъ. Такимъ образомъ предстояли крупныя топографическія работы, осложнявшіяся тѣмъ, что надо было имѣть возможно скорѣе планы различныхъ масштабовъ и различныхъ характеровъ, тогда какъ офицеровъ-специалистовъ этого дѣла было крайне недостаточно. Недостатокъ въ офицерахъ корпуса топографовъ заставилъ генерала Суботича, для ускоренія съѣмокъ, прибѣгнуть къ привлеченію на эти работы строевыхъ офицеровъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба. Топографическія работы раздѣляются на слѣдующія категоріи: 1) съѣмки участковъ мѣстности, важныхъ въ военномъ отношеніи; 2) для статистическаго изученія края; 3) съѣмки для надобностей города Портъ-Артура по распредѣленію земель между различными вѣдомствами; 4) топографическія работы, производившіяся въ комиссіи, разграничивавшей нашу территорію отъ нейтральной зоны; 5) планы городовъ.

При топографическихъ работахъ на нашей территоріи глав-

ное вниманіе было обращено на изученіе Портъ-Артура и его окрестностей, и можно считать, что съ окончаніемъ производимой нынѣ военными топографами инструментальной съѣмки въ масштабѣ 100 с., и дополненіемъ ея до района въ десять верстъ, Портъ-Артуръ, какъ крѣпость, будетъ достаточно обезпеченъ планами. Планы остальной части нашей территоріи имѣются снятые или полуинструментально, или глазомѣрно, а потому и не вполне точные, и кромѣ того они не связаны между собою. Карты всей территоріи, составленныя въ масштабѣ—одна, двѣ и пять верстъ въ дюймѣ, могутъ считаться вполне пригодными для стратегическихъ цѣлей и соображеній. Для составленія точной карты всей нашей территоріи лѣтомъ 1899 года партія топографовъ, подъ руководствомъ начальника военно-топографическаго отдѣла, приступила къ инструментальной съѣмкѣ, въ масштабѣ одной версты, всей нашей территоріи вплоть до границы. Съѣмку эту предположено было окончить въ ноябрѣ 1901 года, причемъ въ нее войдутъ инструментальныя съѣмки 1898 года. Независимо отъ того, гидрографическою экспедицію морского вѣдомства были произведены мензуральная съѣмка и описаніе юго-восточнаго побережья Ляодунскаго полуострова, до р. Ялу, а также входъ въ р. Ялу, и произведены промѣры въ Корейскомъ заливѣ.

Въ февралѣ 1899 г. генераломъ Суботичемъ было получено письмо начальника главнаго штаба, съ предложеніемъ распорядиться провѣркою и исправленіемъ списка и таблицъ китайскихъ названій Квантуна, перечисленныхъ въ приложеніи къ этому письму. Работа эта была выполнена поручикомъ Россовымъ. При этомъ предсталъ вопросъ, поднятый практикой нашей на Квантунѣ, о правильности транскрипціи китайскихъ названій. Генераль Суботичъ выразилъ мнѣніе о желательности пересмотра, главнымъ образомъ для картографическихъ работъ главнаго штаба, транскрипціи, принятой восточнымъ факультетомъ и въ словарѣ П. С. Попова, такъ какъ мѣстный опытъ показалъ необходимость такого пересмотра для устраненія недоразумѣній и ошибокъ. Работа эта, вслѣдствіе незначительности ея объема, не можетъ представить большихъ затрудненій, имѣя въ виду, что въ словарѣ Попова значится лишь 404 различныхъ по звукамъ словъ, а по англійскому учебнику Wade, весьма распространенному на Дальнемъ Востокѣ среди русскихъ, изучающихъ китайскій языкъ, число таковыхъ доходитъ до 420. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія начальника главнаго штаба, съ приведеніемъ ряда примѣровъ, относящихся къ дѣлу.

Первое извѣстіе о появленіи чумы въ Ньючанѣ (Иньвою)

было генераломъ Суботичемъ получено отъ начальника южнаго отдѣленія китайской восточной желѣзной дороги, 31-го іюля 1899 года, которому это было сообщено изъ Иньюоу, по телеграфу, его мѣстнымъ агентомъ. Извѣстіе гласило, что въ китайскомъ городѣ уже два дня какъ начались заболѣванія, отъ которыхъ умираютъ ежедневно 30—40 человекъ. Получивъ это свѣдѣніе, генераль Суботичъ, 1-го августа, собралъ экстренное, особое совѣщаніе, изъ всѣхъ наличныхъ въ Портъ-Артуръ врачей всѣхъ вѣдомствъ и представителей военной и гражданской администраціи, желѣзной дороги, пароходствъ и проч. На совѣщаніи было постановлено командировать немедленно въ Ньючуанъ комиссію изъ трехъ врачей—военнаго, морского и желѣзнодорожнаго, съ цѣлью опредѣленія появившейся болѣзни и степени ея распространенія. Врачи выѣхали въ тотъ же день, на экстренномъ пароходѣ китайской восточной желѣзной дороги. На томъ же совѣщаніи избрана была комиссія изъ нѣсколькихъ врачей и должностныхъ лицъ, для доклада этому совѣщанію, на слѣдующій же день, схемы установленныхъ закономъ и наукой мѣропріятій, на случай еслибы потребовалось принятіе этихъ мѣръ. Но независимо отъ того, имѣя въ виду, что болѣзнь въ Ньючуанѣ, можетъ быть, началась еще значительно ранѣе обнаруженія ея желѣзнодорожнымъ агентомъ, генераломъ Суботичемъ было сдѣлано тотчасъ же распоряженіе о примѣненіи карантинныхъ правилъ ко всѣмъ судамъ, прибывающимъ въ Портъ-Артуръ изъ Ньючуана, впредь до выясненія обстоятельствъ. 2-го августа, консулъ нашъ въ Ньючуанѣ, г. Островерховъ, телеграфировалъ генералу Суботичу на его запросъ, что въ теченіе послѣднихъ десяти дней въ Ньючуанѣ появились подозрительныя заболѣванія, въ виду чего имъ прекращено сообщеніе между китайскимъ городомъ и русскимъ участкомъ (расположеннымъ отъ города въ четырехъ верстахъ, гдѣ находится станція желѣзной дороги). 3-го августа, генераломъ Суботичемъ было получено телеграммоу донесеніе комиссіи врачей о томъ, что существованіе бубонной чумы несомнѣнно.

Въ тотъ же день, въ засѣданіи особаго совѣщанія, былъ выслушанъ докладъ комиссіи, избранной 1-го августа, и, согласно полученному изъ Ньючуана удостовѣренію о существованіи чумы, генераломъ Суботичемъ былъ учрежденъ комитетъ для борьбы съ чумою, подъ его предсѣдательствомъ, изъ нѣсколькихъ врачей, ветеринара и ряда лицъ, стоящихъ во главѣ административныхъ и общественныхъ учреждений. Комитетъ этотъ былъ, по полученіи высланныхъ изъ Петербурга правилъ для комиссіи его

императорскаго высочества принца Ольденбургскаго, переименованъ генераломъ Суботичемъ, 23-го октября, въ квантунскую санитарно-исполнительную комиссію. Немедленно были выписаны по телеграфу лимфа, сыворотка, дезинфекціонные аппараты и сдѣлано сношеніе о присылкѣ временно изъ Приамурскаго края восьми врачей, которые 19-го августа и прибыли. Объ усиленіи врачебнаго персонала Квантуна двадцатью врачами, фельдшерами и сестрами милосердія генераль Суботичъ телеграфировалъ главному военно-медицинскому инспектору, и 2-го декабря врачи, въ числѣ десяти, и сестры милосердія, въ числѣ девяти, прибыли въ Портъ-Артуръ и привезли съ собою медикаменты, перевязочные и дезинфекціонные припасы для карантинныхъ и наблюдательныхъ пунктовъ. 4-го августа, въ засѣданіи этого комитета, выработана была схема мѣропріятій, подлежащихъ немедленному приведенію въ исполненіе. При обсужденіи ихъ, мнѣнія членовъ комитета раздѣлились: семь членовъ, въ томъ числѣ всѣ четыре врача комитета, высказались за принятіе самыхъ строгихъ мѣръ къ огражденію Квантуна отъ заноса чумы, а три члена—представители вѣдомствъ морского, желѣзной дороги и желѣзнодорожнаго пароходства—за принятіе облегченныхъ мѣръ.

Согласно постановленію комитета и на основаніи личнаго взгляда генерала Суботича, 5-го августа портъ Ньючуанъ (Инькоу) былъ объявленъ имъ по чумѣ неблагополучнымъ, о чемъ объявлено куда слѣдуетъ. Вскорѣ послѣ того въ Инькоу былъ командированъ врачъ Падлевскій, съ двумя фельдшерами и съ двадцатью больничными мѣстами, въ распоряженіе консула, гдѣ и оставался до прибытія изъ Европейской Россіи желѣзнодорожныхъ врачей, въ теченіе трехъ слишкомъ мѣсяцевъ.

Для охраненія Квантуна отъ заноса чумы по морской границѣ учрежденъ былъ въ Портъ-Артурѣ карантинъ, для котораго были возведены постройки на Тигровомъ-Хвостѣ и выставлено отъ морского вѣдомства брандвахтенное судно. Въ Талиенванѣ брандвахтенная служба производилась вначалѣ съ берега; затѣмъ посланъ былъ туда, по сношеніи съ морскимъ начальствомъ, паровой катеръ, и накатецъ поставлено брандвахтенное судно. Въ Талиенванѣ допускались лишь благополучныя суда, прочія же подлежали отправкѣ въ Портъ-Артуръ. Въ Бицзиво опросъ судовъ производился съ лодокъ. Гвардіоны для постановки, находящіеся въ обсерваціи, назначались отъ частей гарнизона. Служба этихъ людей заслуживаетъ упоминанія: десятидневное жительство на грязной джонкѣ, часто переполненной китайскимъ грузомъ и экипажемъ, при морской качкѣ на маломъ рейдѣ, необходимая

напряженная бдительность, при склонности китайцевъ нарушать карантинъ, опасность отъ зараженія чумою, еслибы таковая обнаружилась на суднѣ, холодъ и пр.—это было удѣломъ этихъ многочисленныхъ ребячь нашей славной арміи, можно сказать—стоявшихъ безсмѣнно по десяти дней на часахъ. Всего перебывало въ гвардіонахъ 154 нижнихъ чина. Большія неудобства для скорого и успѣшнаго дѣйствія брандвахты составляетъ неподчиненность ея судовъ начальнику края, вслѣдствіе чего всѣ распоряженія должны были дѣлаться черезъ портовое начальство. О подчиненіи брандвахты непосредственно генералу Суботичу, по дѣламъ карантиннымъ, генераль Суботичъ входилъ съ представленіемъ, такъ какъ существующая постановка дѣла отражалась вредно на торговомъ судоходствѣ вообще и на пароходствѣ китайской восточной желѣзной дороги въ особенности, и давала поводъ къ постояннымъ жалобамъ со стороны послѣдняго, но морское министерство не нашло возможнымъ согласиться на это подчиненіе.

Портъ-артурскій морской карантинъ предполагался генераломъ Суботичемъ какъ учрежденіе временное. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ назначенною имъ комиссіею изъ врачей, инженеровъ и моряковъ и представителей администраціи избрано было на мысѣ Робинзонъ, въ талиенванской бухтѣ, мѣсто для постоянного карантина, объ устройствѣ котораго генераломъ Суботичемъ было представлено главному военному медицинскому инспектору въ іюлѣ. Выше, въ отдѣлѣ медицинской части, перечислены свойства и удобства этого мѣста. Съ наступленіемъ, такъ неожиданно, необходимости въ осуществленіи карантина противъ чумы, генераль Суботичъ призналъ необходимымъ примѣнить сдѣланныя изысканія и учредить общій для Квантуна центральный карантинъ на Робинзонѣ, съ окончаніемъ постройки котораго, возведеніемъ, конечно, временныхъ, деревянныхъ зданій, предполагалъ закрыть временный портъ-артурскій карантинъ, ибо Портъ-Артуръ, по крайней тѣснотѣ, не представляетъ рѣшительно никакихъ удобствъ для карантиннаго учрежденія. Предполагалось оставить лишь брандвахту и карантинный постъ. Предположеніе генерала Суботича о карантинѣ на Робинзонѣ было одобрено, и отпущено 40.000 рублей на постройку и 10.000 на его оборудованіе.

Впослѣдствіи, въ ноябрѣ, когда постройка карантина была уже окончена, неожиданно возникло затрудненіе со стороны строителя порта Дальняго, такъ какъ онъ считалъ близость Робинзона къ Дальнему угрозю для послѣдняго. Не говоря о

томъ, что карантинныя вообще воздвигаются въ чертѣ самихъ городовъ, какъ, наприм., въ Одессѣ, да и въ Портъ-Артурѣ, и обстоятельство это не считается угрожающимъ для города, — самый переносъ готоваго уже карантина на мѣсто, указанное строителемъ, на островъ Саншанькоу, превышалъ силы и средства инженернаго вѣдомства, не располагающаго никакими плавающими средствами, да и вообще настолько обремененнаго работою, что генераль Суботичъ не считалъ возможнымъ на него возложить и это дѣло, и сдѣлалъ представленіе въ томъ смыслѣ, что если переносъ этого карантина столь нуженъ въ интересахъ постройки порта Дальняго, то и самая его постройка можетъ быть возложена на строителя порта, располагающаго для того какъ матеріальными средствами, такъ и личнымъ составомъ. Это представленіе генерала Суботича было уважено. Тѣмъ временемъ, вслѣдствіе прекращенія, по зимнему времени, навигаціи въ Ньючунѣ и всѣхъ сѣверныхъ портахъ Желтаго моря, дѣлалось необходимымъ тщательное охраненіе всей береговой линіи, такъ какъ иначе учрежденіе морского карантина не могло достигнуть цѣли. Потому отъ войскъ было выставлено охраненіе обоихъ береговъ, по Корейскому и Ляодунскому заливамъ, вплоть до линіи сухопутнаго кордона. Для выхода въ море и обратнаго прихода рыбаковъ были установлены правила, равно для наблюденія за торговыми джонками, приходящими именно въ это время, въ значительномъ числѣ, для нагрузки заготовленной населеніемъ соленой и сушеной рыбы, на вывозъ съ Квантуна. Такъ какъ для этихъ джонокъ рѣшительно было невозможно заходить сначала для отбыванія карантина въ Артуръ, ибо это сопряжено съ такимъ расходомъ и съ такою потерею времени, что купцамъ пришлось бы отказаться отъ этой операціи, вслѣдствіе чего у населенія остался бы на рукахъ, непроданнымъ, весь уловъ рыбы, генераль Суботичъ призналъ необходимымъ предоставить этимъ джонкамъ отбывать десяти-дневный карантинъ на мѣстѣ, въ тѣхъ бухтахъ, гдѣ по заведенному порядку ежегодно сосредоточивалась продажа рыбы. Наблюденіе за этимъ было возложено на выставленные отъ войскъ офицерскіе посты. Всего въ охранѣ береговъ находится 508 человекъ, при восьми офицерахъ.

Для охраны береговъ установлено было также крейсерство небольшихъ судовъ эскадры, что больше имѣло, впрочемъ, нравственное, чѣмъ фактическое значеніе, ибо это крейсерство не было постояннымъ, а суда по своимъ размѣрамъ не могли держаться близко къ берегамъ. Крейсерство это было прекращено въ началѣ октября, вслѣдствіе недостатка судовъ.

Нежеланіе китайскихъ властей и иностранныхъ консуловъ въ Чифу принять какія-либо дѣйствительныя мѣры противъ провансовъ изъ Ньючуана дѣлало этотъ пунктъ особенно опаснымъ для Квантуна. Сообщенія Чифу съ Ньючуаномъ—весьма оживленныя и зараза могла быть легко занесена этимъ путемъ.

Пароходамъ, идущимъ изъ Ньючуана, стояло зайти въ Чифу, чтобы оттуда явиться къ намъ съ чистымъ патентомъ не болѣе, какъ черезъ двое—трое сутокъ послѣ выхода изъ Ньючуана. Отказъ иностранныхъ представителей установить карантинъ въ Чифу, несмотря на требованія нашей миссии и нашего консула, объясняется нежеланіемъ ихъ нанести матеріальный ущербъ торговлѣ города; въ случаѣ же дѣйствительнаго заноса чумы въ Чифу, ее можно было скрыть, да и немногочисленные европейскіе жители города, при изолированности его отъ китайскаго города, вѣроятно рисковали не многимъ. Заносъ эпидеміи на Квантунъ черезъ Чифу напугалъ, конечно, этихъ консуловъ, но для насъ, при многочисленности войскъ, скученности городского населенія, живущаго бокъ-о-бокъ съ китайцами, и при наличности большого числа простого русскаго народа, имѣющаго близкія сообщенія съ массою китайскихъ рабочихъ, заносъ эпидеміи этимъ путемъ могъ сдѣлаться роковымъ. Съ формальной точки зрѣнія, генералъ Суботичъ, конечно, не имѣлъ права принимать никакихъ мѣръ противъ Чифу, до тѣхъ поръ, пока городъ этотъ благополученъ по чумѣ; непринятіе мѣръ было равносильно отмѣнѣ всякихъ мѣръ со стороны моря, ибо каждому пароходу да и джонгѣ выгодно было зайти изъ Ньючуана въ Чифу и оттуда къ намъ, потерявъ нѣсколько дней, чѣмъ стоять десять дней въ карантинѣ. Вслѣдствіе того генералъ Суботичъ сообщилъ посланнику и консулу въ Чифу, и сдѣлалъ распоряженіе по порту, что всѣ суда, идущія изъ Ньючуана черезъ Чифу, онъ считаетъ—въ виду отсутствія мѣръ предосторожности въ Чифу—идущими изъ порта неблагополучнаго, и что по тому къ нимъ будутъ примѣнены въ полномъ объемѣ всѣ карантинныя мѣры. Надзоръ за такими судами былъ возложенъ на находящагося въ Чифу, командированнаго генераломъ Суботичемъ, военнаго врача. Мѣра эта была встрѣчена въ Чифу крайне неблагопріятно, и тамъ были пущены въ ходъ всякія мѣры, чтобы добиться отмѣны этого распоряженія, причемъ врачъ Канель сдѣлался предметомъ происковъ, съ цѣлью хотя бы его удаленія и возложенія дѣла надзора на мѣстнаго англійскаго врача, который, конечно, сумѣлъ бы повести дѣло въ смыслѣ удобномъ для интересовъ Чифу. Тѣмъ не менѣе, это не удалось; врачъ и теперь находится тамъ,

и безъ его удостовѣренія не пропускается изъ Чифу ни одинъ пароходъ и ни одинъ китайскій рабочій.

Хотя чума объявилась лишь въ Инькоу и его ближайшихъ окрестностяхъ, но въ сентябрѣ на джонкѣ, пришедшей съ устья Ялу, обнаруженъ былъ въ портъ-артурскомъ карантинѣ одинъ больной чумою китаецъ, который и умеръ. Этотъ случай заставилъ генерала Суботича принять мѣры предосторожности и противъ этого пункта, который имѣетъ съ Портъ-Артуромъ весьма оживленныя сношенія по привозу строительнаго лѣса. Джонки, приходящія оттуда, подвергаются десятидневной обсервации, но въ случаѣ если привезенный лѣсъ разгружался съ нихъ немедленно, прямо въ воду, то ихъ выпускали обратно для ухода на Ялу. Впрочемъ, упомянутый случай былъ единственнымъ на Квантунѣ. Весьма желательно было этого умершаго, и вообще всѣхъ могущихъ впредь умереть отъ чумы, не погребать и тѣмъ еще больше заражать почву Квантуна, а принять за правило сжигать трупы. Генераль Суботичъ вошелъ въ сношеніе съ посланникомъ, камергеромъ Гирсомъ, который отвѣтилъ, что не слѣдуетъ прибѣгать къ сожженію труповъ, во избѣжаніе неудовольствія со стороны населенія. Всего, съ открытія карантина въ Портъ-Артурѣ и по 1-е декабря, перебивало въ обсервации 1 пароходъ, 2 лопманскихъ судна и 484 джонки.

Немедленно по выясненіи возникновенія эпидеміи въ Ньючунанѣ, генераломъ Суботичемъ было отдано приказаніе о занятіи нашей сѣверной границы кордономъ отъ войскъ и объ устройствѣ тамъ карантина. Войска уже выступили, когда, 15 августа, было получено изъ Петербурга распоряженіе, по которому охрана Квантуна съ сухого пути должна была стать на Цзиньчжоускомъ перешейкѣ, а сѣверная часть полуострова, оставшаяся такимъ образомъ внѣ кордона, охраняться двумя врачебно-наблюдательными пунктами. Такой отказъ отъ включенія всей сѣверной половины нашей территоріи въ районъ охраны вытекалъ изъ нужды постройки желѣзной дороги, работы по которой подходили къ смычкѣ пути съ обоихъ концовъ, со стороны Инькоу и со стороны Талиенвана. Съ своей стороны, генераль Суботичъ не считалъ возможнымъ очистить эту половину территоріи отъ войскъ, расположенныхъ тамъ, въ Бицзиво и по казачьимъ постамъ; ибо такая мѣра повела бы къ дискредитированію нашей власти, къ усиленію вліянія на населеніе цзиньчжоускихъ и мукденскихъ властей, къ возобновленію разбойничества и къ опасности всѣхъ тѣхъ жителей страны, и въ особенности состоятельнаго купечества въ Бицзиво, которые уже успѣли показать свое расположе-

ніе въ русскомъ режиму. Ходатайство генерала Суботича объ оставленіи этихъ войскъ на мѣстахъ было уважено. вмѣстѣ съ тѣмъ, для усиленія административнаго вліянія на сѣверной, отрѣзанной кордономъ, части территоріи, генераль Суботичъ раздѣлялъ сѣверный участокъ на двѣ части, назначивъ для завѣдыванія южною частью пристава южнаго участка, а южный участокъ былъ переданъ въ непосредственное вѣдѣніе помощника начальника округа.

Кордонъ по Цзиньчжоускому перешейку былъ немедленно выставленъ, причемъ въ нарядъ шла одна рота, а врачебно-наблюдательные пункты поставлены въ Иченпу и Паотайцзы. Карантинъ былъ помѣщенъ въ импанѣ (укрѣпленные казармы китайскихъ войскъ) подъ городомъ Цзиньчжоу (оставшемся внѣ кордонной линіи), гдѣ для того были приспособлены имѣющіяся зданія. На устройство сухопутнаго карантина отпущено было тоже 40.000 рублей, и 10.000 руб. на его оборудованіе. При такомъ расположеніи кордона, портъ и желѣзнодорожная станція Талиенванъ (старый) оказались внутри линіи, и такимъ образомъ движеніе поѣздовъ съ юга не могло имѣть мѣста, и постройкѣ угрожала полная остановка съ этой стороны. Имѣя руководящее указаніе военнаго министра—принять всѣ мѣры, дабы не протолкнуть продолженіе желѣзной дороги, и сознавая и съ своей стороны всю важность этого дѣла, генераль Суботичъ счелъ возможнымъ, на личную свою отвѣтственность, отступить отъ суровыхъ правилъ карантиннаго устава, и потому сдѣлалъ распоряженіе о пропускѣ матеріальныхъ поѣздовъ дороги, при возвращеніи ихъ съ сѣвера, черезъ кордонъ безъ карантина. вмѣстѣ съ тѣмъ, генераль Суботичъ разрѣшилъ постоянный пропускъ 14 лицамъ, служащимъ по движенію и ремонту, присутствіе которыхъ по обѣ стороны кордона признано было крайне необходимымъ. Всѣхъ служащихъ, пользующихся этою льготою, генераль Суботичъ обязалъ дать подписку въ томъ, что не будутъ посѣщать зараженнаго нинькоускаго района, и всѣмъ имъ были выданы именныя билеты на пропускъ. Льгота эта дѣйствуетъ и понынѣ и была генераломъ Суботичемъ приостановлена на нѣсколько дней, вслѣдствіе полученія извѣстія, оказавшагося впоследствии ложнымъ, о появленіи подозрительныхъ заболѣваній на склонѣ массива Самсона, близъ Талиенвана. Такое положеніе дѣла, которое, по мнѣнію генерала Суботича, для желѣзной дороги представляетъ лишь значительныя неудобства и едва ли можетъ отражаться на успѣхѣ постройки, не удовлетворяло дорогу, которая считала необходимымъ имѣть свою пристань и станцію въ Та-

лиенванѣ, въ районѣ, свободномъ для сообщенія съ сѣверомъ, въ какомъ направленіи и велось дѣло.

Въ виду этого генералъ Суботичъ, 30-го сентября, получилъ окончательное приказаніе о перенесеніи линіи охраны къ югу отъ Талиенвана, что было сопряжено съ выводомъ всего талиенванскаго гарнизона, который не могъ остаться открытымъ для чумы. Новую линію генералъ Суботичъ избралъ на Нангалинсовоѣ позиціи, для занятія которой потребовался нарядъ въ три роты. 12-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ былъ еще въ концѣ августа, въ ожиданіи переноса кордонной линіи, переведенъ въ Портъ-Артуръ, а для занятія кордона былъ назначенъ 11-й полкъ, въ три очереди, для чего онъ долженъ былъ перевезти все свое имущество за кордонную линію, на то мѣсто, гдѣ онъ находился въ лагерѣ. Батарея, госпиталь и провіантскій магазинъ могли быть оставлены въ Талиенванѣ, такъ какъ ихъ районъ, расположенный на отлетѣ отъ города, могъ быть оставленъ внутри кордонной линіи. Что же касается казачьяго полка, то генералъ Суботичъ ходатайствовалъ объ оставленіи его въ Талиенванѣ, внѣ кордона, не считая возможнымъ бросать этотъ пунетъ, составляющій противовѣсъ Цзиньчжоу. Ходатайство это было утверждено. Однако, переходъ на новую линію затянулся. Возникло въ Портъ-Артурѣ предположеніе дать еще больше простора желѣзной дорогѣ и осадить линію кордона еще болѣе на югъ, съ тѣмъ, чтобы и портъ Дальній оставить на свободѣ, внѣ кордона. Занятіе этой линіи, длина которой составляла уже шестнадцать верстъ, потребовало бы двухъ полковъ, на двѣ очереди наряда вмѣсто трехъ. Въ то же время, строитель порта, узнавъ о такомъ предположеніи, энергично возсталъ противъ него, заявивъ, что онъ долженъ будетъ приостановить всѣ работы, если Дальній будетъ внѣ кордона, ибо всѣ его ресурсы находятся въ полосѣ, лежащей внутри этого района. Такимъ образомъ предположеніе это не осуществилось.

Но стало поздно выводить войска на кордонъ въ палатки. Снѣжная буря 2—4 октября дала благодѣтельное предостереженіе: всѣ палатки были сорваны, и 11-й полкъ, стоявшій лагеремъ, остался подъ открытымъ небомъ. Немедленно пришлось ввести полкъ въ его казармы въ Талиенванѣ и отложить переносъ кордона до постройки зимнихъ барачковъ какъ для ротъ, занимающихъ кордонъ, такъ и для полка. Нынѣ эти бараки, равно какъ и бараки для карантина, окончены, и новая линія была вскорѣ занята.

Переносъ этой линіи отозвался очень тяжело на семействахъ

офицеровъ 11-го и 12-го полковъ, которыя должны были оставить свои только-что устроенныя квартиры и перебраться: 12-й полкъ въ Портъ-Артуръ, гдѣ временно они помѣщены въ казармахъ 10-го полка (людей коего пришлось вслѣдствіе этого очень стѣснить), а на дняхъ они перейдутъ въ выстроенные для нихъ временные бараки и частью въ оконченныя для нихъ постоянныя помѣщенія при казармахъ 12-го полка. Семейства 11-го полка перебираются скученно въ тѣ зданія, которыя остаются вблизи Талиенвана внутри кордона, а частью рѣшили остаться въ Талиенванѣ. Предположенный переводъ этихъ семей въ Портъ-Артуръ, гдѣ для нихъ тоже предполагалось строить бараки, не состоялся, за отказомъ ихъ перейти, мотивированнымъ недостаточностью средствъ, чтобы жить на два дома. О выдачѣ всѣмъ этимъ семействамъ и вообще всѣмъ офицерамъ этихъ частей пособія генераль Суботичъ представилъ ходатайство военному министру. Постройка сухопутнаго карантина обойдется значительно дешевле отпущенныхъ денегъ, такъ какъ оказалось возможнымъ купить китайскія фанзы и приспособить ихъ, а не строить всѣ зданія вновь. Всего перебивало въ сухопутномъ карантинѣ въ обсерваци, со дня открытія его и по 1-ое декабря, 358 русскихъ и европейцевъ и 102 витайца.

Одновременно съ организаціею карантиновъ для огражденія отъ проникновенія чумы извнѣ, были приняты всѣ указанныя въ законѣ мѣры оздоровленія городовъ. Въ Портъ-Артурѣ построена чумная больница, на отпущенные отъ казны 20.000 рублей, изъ которыхъ были выдѣлены средства на постройку временнаго карантина въ городѣ, на Тигровомъ-Хвостѣ, а также отчуждена площадь земли подъ чумное кладбище.

Имѣя въ виду трудность борьбы съ чумою путемъ выставленія карантиновъ, генераль Суботичъ обратился, 3-го августа 1899 года, телеграммою къ посланнику въ Пекинъ, съ просьбой возбудить вопросъ о принятіи нами, совместно съ китайскимъ правительствомъ, крайнихъ мѣръ для локализации чумы въ Ньючуанѣ. Объ этомъ же было и указаніе нашего военнаго министра, а потому генераль Суботичъ вторично телеграфировалъ въ Пекинъ. Посланникъ просилъ генерала Суботича о присылкѣ врачей, но, къ сожалѣнію, этого исполнить нельзя было, за полнымъ недостаткомъ врачей, которыхъ не хватало для ухода за больными въ госпиталяхъ. Въ виду этого, управленіе китайской восточной желѣзной дороги озаботилось приглашеніемъ врачей, и прибыли также изъ Ньючуана приглашенные, въ большемъ числѣ, японскіе врачи. Такъ какъ большая часть русскихъ семействъ при-

надлежить въ офицерскимъ, то генераль Суботичъ, въ виду возможности заноса чумы на Квантунъ, просилъ командующаго войсками Приамурскаго округа о бесплатной перевозкѣ (за исключеніемъ платы за продовольствіе) тѣхъ семействъ служащихъ, которыя бы пожелали выѣхать съ Квантуна во Владивостокъ, или Японію, на зафрахтованномъ пароходѣ „Корниловъ“, что и было разрѣшено. Правомъ этимъ нѣсколько семействъ и воспользовалось. Впослѣдствіи генераль Суботичъ ходатайствовалъ о таковой же льготѣ для семействъ, желающихъ, въ случаѣ усиленія опасности отъ чумы, переѣхать въ Европейскую Россію, и ходатайство это военнымъ министромъ было уважено, съ отпускомъ сutoчныхъ денегъ такимъ семействамъ.

Всѣхъ смертныхъ случаевъ отъ чумы въ Ньючуанѣ было понынѣ 1.380, причеиъ русскихъ умерло 3, изъ числа 6 заболѣвшихъ. Всѣ они—низшіе служащіе желѣзной дороги. Первое заболѣваніе русскихъ было 18-го сентября. Данныя о числѣ смертныхъ случаевъ въ китайскомъ городѣ—не заслуживаютъ вѣры. По довлду врача Падлевскаго, сдѣланному въ засѣданіи квантунскаго военно-медицинскаго общества 7-го декабря, цифру умершихъ отъ чумы въ Ньючуанѣ слѣдуетъ считать не ниже 4.000. Чумные случаи были также въ смежныхъ городахъ Кайджоу и Хайченъ. Заболѣваемость среди русскихъ, а также между китайцами, проживающими въ русскомъ участкѣ, прекратилась вскорѣ. Въ китайскомъ городѣ послѣднее заболѣваніе было зарегистрировано 1-го ноября, но затѣмъ, послѣ перерыва, вновь было 4 заболѣванія, изъ которыхъ послѣднее—25-го ноября.

Вопреки заключенію завѣдующаго медицинскою частью, изложенному выше, смертность отъ тифа и дизентеріи съ 1-го октября не уменьшилась, а дала по 1-е декабря: отъ тифа еще 27 человекъ и отъ дизентеріи еще 31 человекъ, и такимъ образомъ превзошла смертность 1898 года, а именно умерло отъ тифа 46 человекъ (противъ 38 того года), и отъ дизентеріи 77 человекъ (противъ 52).

Анализъ воды изъ водопровода въ Портъ-Артурѣ, сдѣланный въ Хабаровскѣ въ 1891 году, совершенно не сошелся съ ея химическимъ изслѣдованіемъ, сдѣланнымъ позже на мѣстѣ: водопроводная вода оказалась хорошею. Оставалось сдѣлать еще бактериологическое ея изслѣдованіе, чего долго нельзя было сдѣлать, за неимѣніемъ специалиста-бактеріолога, который потомъ и прибылъ.

А. Хвостовъ.

НА ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКАХЪ

ВЪ

ЮЖНОЙ АМЕРИКЪ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Окончаніе.

V *).

Оставшись одинъ, баронъ принялся перечитывать — до этого онъ едва пробѣжалъ ихъ — письма Бромлеевъ и Кортэса. Маіоръ писалъ ему о томъ, что, благодаря его стараніямъ, актъ ввода во владѣніе будетъ высланъ барону на слѣдующей недѣлѣ, такъ какъ недостававшую для полной уплаты сумму онъ, маіоръ, внесъ изъ своихъ средствъ „за своего новаго соотечественника, владѣльца Бахчаръ-Итэ и собрата по оружію“. Говорилъ, затѣмъ, что онъ надѣется сохранить съ нимъ дружбу, несмотря на то, что газеты довольно-таки лаяли на него, — „можетъ быть, и совсѣмъ не такого злого“. Заканчивалъ письмо, почтительно кланяясь, — точно расшаревываясь, — „очаровательной баронессѣ фонъ-Ванденъ — лучшему украшенію нашихъ дѣвическихъ пустынь“. Письмо было напыщенное, высокопарно-смѣшное, но при этомъ въ немъ видно было желаніе дружески услужить, помочь. Безалаберный этотъ Донъ-Жуанъ, вѣроятно, былъ не бо-

*) См. выше: октябрь, стр. 514.

гать, и однакоже, внеся за барона около двухсотъ пэзо, онъ деликатно обходилъ вопросъ о срокѣ этого долга.

— „Дуракъ!“—говорилъ про себя баронъ, но улыбался, довольный и польщенный.

Письмо Бромлеевъ касалось будущности земель, и въ то же время обращало вниманіе барона на необходимость большаго развитія работъ и „добываемости“ въ Айкъ-Итэ. Обратнo креольской болтовнѣ майора, письмо Бромлеевъ было сухо-дѣловымъ, англійскаго сжатаго, серьезнаго слога, что заставило барона вдумываться въ его содержаніе.

Прочитавъ и перечитавъ его, баронъ принялся набрасывать отвѣтное черновое письмо.

Зной не уменьшался, и барометръ по прежнему предсказывалъ „сухую погоду“. На свѣтъ лампы въ отворенное полотнище палатки летѣли бабочки, отчего по бумагѣ пробѣгали тѣни, а въ затылокъ и шею писавшаго вцѣплялись разные жуки и бакашки. Писать не было никакой возможности. Не набросавъ и половины письма, баронъ вышелъ изъ палатки и, убавивъ огонь въ лампѣ, сѣлъ опять въ кресло. Первымъ его побужденіемъ было посмотрѣть на вершины горъ, и онъ, попрежнему, не увидѣлъ тамъ никакого отраженія свѣта. Опять рой думъ и мечтаній охватилъ его, и онъ долго сидѣлъ, отдаваясь имъ, пока усталость не взяла свое и онъ не задремалъ. Пеначо, не дождавшись сигнала, поднялся къ палаткѣ и, видя своего повелителя спящимъ въ креслѣ, поставилъ часового. Баронъ проснулся около полуночи и, приказавъ часовому поднять полотнища палатки, отправился спать на складную свою кровать, не снимая ботфортовъ и долго слыша сквозъ сонъ, какъ вверху палатки летала и билась о ея полотнища большая ночная бабочка.

Проснулся онъ довольно поздно и обливался потомъ. Продолжая лежать, онъ увидалъ, въ приподнятый низъ палатки, Пеначо и Ганса, братски тнущихъ maté у стѣны, за палаткой, близь импровизированной кухни Ганса. Гансъ сидѣлъ на низенькомъ табуретѣ, а Пеначо, по обыкновенію негровъ, сидѣлъ передъ нимъ на корточкахъ, видимо чувствуя себя хорошо въ этомъ привычномъ ему положеніи. Оба были въ полуоборотъ къ барону и говорили тихо, боясь разбудить его. Пеначо разсуждалъ о немъ. Баронъ не любитъ негровъ, потому что не знаетъ еще ни ихъ, ни страны. Безъ негровъ здѣсь ничего бы и не было. Индѣецъ—не работникъ и не солдатъ. У нихъ въ батальонѣ были индѣйцы, и ихъ не могли дисциплинировать, сколько ихъ ни били и ни пороли. Баронъ безпрестанно ругаетъ негровъ „черной сво-

лочью“, „дичими скотами“ и т. п. А это несправедливо! Негры храбры. И конечно храбрѣе „гринго“въ“¹⁾, которые только кажутся сильными. Пусть, напримеръ, сеньоръ лейтенантъ или другой европеецъ проживеть одинъ въ лѣсу хоть два дня. Конечно, не проживеть! Пропадетъ съ голоду или его съѣдятъ звѣри. А ему, Пеначо, лѣсъ не страшенъ. Съ однимъ ножомъ да пригоршней табаку онъ пройдетъ пѣшкомъ до округа, да и дальше округа. Уворять негровъ за ихъ цвѣтъ—нехорошо, тѣмъ болѣе, что раньше они были такими же бѣлыми, какъ и европейцы, а почернѣли и обратились въ негровъ безъ вины!

— Отчего же они почернѣли?—спрашивалъ Гансъ, потягивая „maté“.

И Пеначо объяснилъ эту метаморфозу, съ полной вѣрой въ рассказываемое имъ событіе. Оказалось, что негры, такъ сказать, созданы апостоломъ Петромъ. Въ то время какъ онъ ходилъ по землѣ, пришелъ онъ въ городъ Римъ,—тамъ, въ Европѣ, въ холмистой сторонѣ. И захотѣлъ онъ погрѣться и потянуть „maté“, для чего и приказалъ своему ученику развести огонь. Недалеко отъ нихъ были люди уже около разведеннаго огня, и апостолъ послалъ къ нимъ своего ученика, а самъ сталъ на колѣни и началъ молиться Богу. Ученикъ пошелъ къ людямъ и сталъ просить головешку. А люди и говорятъ: „Погоди! Пусть разгорятся. Дрова сырыя. У насъ потухнетъ, да и у васъ не зажжется“. Такъ сказали. Ну, а ученикъ пошелъ да и нагаль: „Не дають!“—говорить. Апостолъ тогда и разсердился. „Пускай же,—говорить,—они сами какъ головешки сдѣлаются!“ И какъ только онъ это сказалъ, такъ у людей и сталъ тухнуть костеръ. И стали они на уголья дуть, и дули, и дули—все напрасно: огонь у нихъ потухъ. Только губы раздулись, а потомъ и сами всѣ почернѣли, сдѣлались неграми. (Отъ того-то у негровъ губы толстыя, кожа черная, а волосы въ бородѣ и на головѣ точно опаленные; а раньше они были, какъ и сеньоръ лейтенантъ и другіе—бѣлые!). И пока это они дули, апостолу Петру ангелы костеръ развели и стали ему „maté“ подавать. Какъ увидели это люди—испугались, и пошли къ апостолу Петру покоряться, и хотѣли ему все объяснить. То-есть, насчетъ дровъ. Онъ, можетъ быть, и простилъ бы ихъ, но, на ихъ несчастье, ангелы ихъ не допустили и прогнали. Отъ нихъ-то и пошли негры.

¹⁾ „Gringo“ (гринго)—презрительно-насмѣшливое названіе, которое креолы даютъ европейцамъ.

— Dummheiten!—сказалъ Гансъ не безъ важности.—Какъ же святой Петръ не узналъ бы, что его обманули?

Длинноносый и рыжій, съ лицомъ, покрытымъ веснушками, Гансъ былъ разсудительный нѣмецъ.

Это замѣчаніе показалось Пеначо и глупымъ, и вольнодумствомъ. Конечно, апостолъ этого не зналъ! Молясь Богу, онъ не могъ видѣть, что дрова были сырими. При томъ же святой—все равно что начальникъ: его дѣло—только наказывать! Виновать былъ ученикъ и... и... ангелы, конечно.

Послѣднее Пеначо добавилъ смущеннымъ тономъ, точно подавляя свою досаду негра на ангеловъ... Но Гансъ не казался убѣжденнымъ.

— Ты говоришь, что негры были бѣлыми? Хорошо. Ну, а индѣйцы откуда пошли?

Этого Пеначо не зналъ; но этнографія индѣйцевъ не казалась ему стѣпующей изслѣдованія! Индѣйцы, конечно, не черные и, конечно, потому, что не попали въ Римъ и не дули на уголья. Оттого и не почернѣли. Бѣлые ничему этому не вѣрятъ, потому что у нихъ, въ ихъ странахъ, нѣтъ хорошей вѣры. А онъ, Пеначо, это знаетъ, потому что онъ—„добрый католикъ“ (buon catolico).

И, сказавъ это, бѣднякъ набожно поцѣловалъ болтавшійся на его черной груди мѣдный крестикъ съ какой-то ладанкой въ видѣ сердца. На звѣрской фюзіоніи его, на мигъ смягчая ее, точно промелькнулъ или пронесся проблескъ человѣчности и любви.

Баронъ, вставая, прервалъ этотъ діалогъ скрипомъ своей кровати. Пеначо быстро поднялся и, идя какъ-то бокомъ, съ опущенной по-волчьи головой, направился внизъ. Баронъ приказалъ ему опять смочить землю и палатку, и Пеначо торопливо оставилъ его, видимо смущенный мыслью, что баронъ могъ слышать его разсужденія.

Смоченная земля и палатка освѣжили температуру, и остывшая за ночь стѣна горной террасы не отдавала еще зноемъ, давая тѣнь. Отказавшись отъ кофе и слѣдуя совѣту Риверо, баронъ приказалъ Гансу подать ему „maté“. Горячія струйки этого чаю подѣйствовали на него хорошо, и, чувствуя себя сильнѣе и точно спокойнѣе, баронъ принялся курить, сидя въ складномъ креслѣ. Онъ обратилъ, наконецъ, вниманіе на открывавшіеся передъ нимъ холмы и долины подъ знойнымъ, яркимъ свѣтомъ жгучаго солнца.

Недѣля знойнаго времени совсѣмъ измѣнила ихъ видъ, и

что-то мертвенно-дикое, пустынное, было теперь въ нихъ. Изъ зеленыхъ — долины стали желто-сѣрыми, и только тамъ и сямъ, по впадинамъ, зеленѣли одинокіе кустарники. Аллеи пальмъ казались сѣрыми полосами. Надъ долиной дрожала и колебался раскаленный воздухъ, и сквозь его слои чуть угадывались очертанія холмовъ. За ними, по горизонту, протянулась сѣро-фіолетовая туманная полоса, казавшаяся неподвижно остановившеюся въ воздухѣ пылью. На небѣ ни облачка, и блѣдно-голубое, точно раскаленное, оно разливало потоки зноя и свѣта. Сушь — вокругъ. Около ручья сохранялись еще зеленые тоны, но и передъ нимъ, и за нимъ трава была точно выжжена и не скрывала трещинъ желто-сѣрой, затвердѣвшей отъ жара, земли.

Гансъ приготовилъ завтракъ задолго до полудня, но баронъ завтракалъ вяло, безъ аппетита, читая какой-то старый нумеръ нѣмецкаго журнала. Онъ хотѣлъ потомъ ѣхать навѣстить Риверо, но апатія и лѣнь, овладѣвающія человѣкомъ въ жары, остановили его, и онъ принялся за письмо къ Бромлеямъ.

Письмо тоже не удавалось — мыслилось вяло, точно урывками. И отъ письма отвлекъ его шумъ возвратившейся толпы рабочихъ. Въ другомъ настроеніи онъ не замѣтилъ бы этого, но теперь посматрѣлъ на часы. Было только десять часовъ утра, а рабочіе уже вернулись съ плато. И это несмотря на спѣшность работъ... Почему они вернулись?

Выйдя изъ палатки, онъ увидѣлъ ихъ ходящими вокругъ ихъ палатокъ съ топорами и какими-то кольями. Солдаты-негры тоже ходили вокругъ палатокъ, показывая руками на холмы. Оживленный гортанный говоръ несся отъ ихъ группъ.

Баронъ, съ перомъ въ рукѣ, молча наблюдалъ ихъ, пока не увидѣлъ между ними и ходившаго Ганса, которому негры что-то объясняли, показывая на палатку барона. Махнувъ ему рукой, онъ позвалъ его къ себѣ и спросилъ о причинѣ этихъ разговоровъ.

Гансъ объяснилъ ему, что ожидается „зунда“ (zunda)¹⁾, и они хотятъ повернуть палатки къ горамъ, а не къ холмамъ, что оттуда придетъ буря...

— Значитъ, будутъ и дожди? — спросилъ съ досадою баронъ.

Этого Гансъ не зналъ. Баронъ свистнулъ два раза, и на этотъ разъ къ палаткѣ взбѣжалъ Пеначо, видимо озабоченный и точно занятой. Забывъ почтительность, онъ, говоря съ барономъ,

¹⁾ Сѣверо-западный вѣтеръ, дующій страшными порывами съ Андозъ и обыкновенно предшествующій въ тропической полосѣ Южной Америки началу дождей.

смотрѣлъ внизъ, на рабочихъ, снимавшихъ палатки. На вопросы барона онъ объяснилъ, что скоро будетъ буря, что буря придетъ отъ холмовъ,—значить, прямо противъ нихъ и противъ горъ; поэтому горы ихъ не защищать. Надо укрѣпить палатки, а главное—вернуть ихъ „ртами“ (por las bocas) къ горамъ,—иначе, наполнившись воздухомъ, онѣ сорвутся „зундой“ и улетать, а если не сорвутся, то „зунда“ порветъ ихъ въ клочья. При этомъ очень опасны колья. Вырванные изъ земли, они виѣстъ съ полотнищами хлопаются съ страшной силой по воздуху и могутъ покарать и убить неосторожного или незвающаго этого чело-вѣка.

Негръ говорилъ продуманно, какъ знающій и бывалый человекъ. Баронъ слушалъ его молча, и странное ощущеніе тоски, мрачное предчувствіе чего-то страшнаго овладѣли имъ. Ощущеніе было и внезапное, и сильное. Передъ нимъ, какъ передъ утопающимъ, промелькнулъ образъ Люси, его домъ, тѣнистая аллея сада, павильонъ... И желаніе опять быть тамъ, желаніе идти туда и оставить лагерь вдругъ сильно овладѣло имъ,—до того сильно, что, съ перомъ въ рукѣ, онъ одно время смотрѣлъ на Пеначо, не видя и не слыша его.

Но онъ скоро поборолъ въ себѣ это ощущеніе разсудочно-стью... Конечно, эти жары и жизнь съ этими дикарями раз-строятъ нервы даже и самому крѣпкому чело-вѣку. Онъ былъ уже достаточно напуганъ, и однакоже дѣло почти закончено! Эта ихъ „зунда“ тоже кончится ничѣмъ!

— Погоди, — сказалъ онъ Пеначо, и заглянулъ въ палатку, на барометръ. Блестящій столбикъ ртути по прежнему показывалъ „сухую погоду“. Баронъ посмотрѣлъ на небо: по прежнему свѣтлое, блѣдно-голубое, безъ малѣйшей тучки; только дымчато-туманная полоса на горизонтѣ сдѣлалась темнѣе и точно увеличилась или приподнялась вверху.

— Когда же, ты думаешь, начнется буря? — спросилъ онъ Пеначо.

— Къ вечеру, передъ закатомъ, сеньоръ.

— Ну, а потомъ? Начнутся дожди?

— Дожди—не сразу. Сперва—бури...

— Какъ же будутъ тогда костры?

— Костры передъ палатками, за вѣтромъ, сеньоръ. Каскара сухихъ дровъ запасеть на недѣлю.

— Хорошо. Мы больше недѣли здѣсь не останемся. Устрой же все какъ слѣдуетъ. Ступай!

Пеначо быстро сошелъ внизъ, и черезъ минуту баронъ ви-

дѣлъ его работающимъ наравнѣ съ другими. Негры и рабочіе вбивали колья наискось, натягивали канаты, протягивая ихъ черезъ верхъ палатокъ. Баронъ смотрѣлъ и начиналъ понимать ихъ работу. Палатки ставились не совсѣмъ къ горѣ отверстиями, а нѣсколько бокомъ, давая возможно меньшую площадь вѣтру. „Эти дикари, однакоже, смыслѣнный народъ!“—думалъ онъ.

Потомъ къ палаткѣ барона поднялись рабочіе съ сухими сучьями и кольями, объяснивъ ему, что для сохраненія дровъ надо устроить ихъ на возвышенномъ мѣстѣ. Руководилъ ими рабочій, назначенный Перкинсомъ какъ надсмотрщикъ, худощавый и серьезный креоль лѣтъ тридцати, съ честнымъ и важнымъ на видъ, бронзовымъ лицомъ араба. Баронъ позволилъ сложить дрова за своей палаткой, у горной террасы, не особенно довольный этимъ появленіемъ рабочихъ. Взявъ шляпу, онъ оставилъ свое жилище подъ надзоромъ Ганса и пошелъ по направленію къ плато, къ будущему „кварталу рабочихъ“.

Эта ожидаемая буря не особенно даже интересовала его, но дожди—овлаблили. Онъ нашелъ бараки почти доконченными, и дѣлныя горы приготовленныхъ бревенъ для большихъ построекъ. Обойдя и осмотрѣвъ все, онъ рѣшилъ, что разъ Риверо покончитъ съ мостомъ, можно будетъ оставить эту дѣсную идиллію: бараки докончить тотъ же Риверо съ половиной оставленныхъ ему для экономіи людей. До дождей нельзя основать „Виллы Ванденъ“, это теперь ясно, и это надо вынести стоически, т. е. не поддаваясь досадѣ... Провлѣтая страна дикихъ!

И досадуя на судьбу и страну, онъ вернулся къ лагерю, гдѣ ждало его неприятное привлеченіе. Онъ увидѣлъ дрова не сложенными за палаткой, у стѣны террасы, какъ это онъ приказывалъ, а поставленными стоймя, конусами и передъ палаткой. Около нихъ онъ засталъ одного надсмотрщика, Каскару, и на вопросъ барона, почему не сдѣлано такъ, какъ онъ это приказывалъ, Каскара, не снимая шляпы, угрюмо отвѣтилъ, что Перкинсъ, назначивъ его надсмотрщикомъ, зналъ, что онъ дѣлаетъ, и что барону не надо приказывать. Все сдѣлается безъ его приказаній. Говоря это, онъ спокойно посматривалъ на поставленные конусы. Барона это взбѣсило.

— Но ты долженъ исполнять то, что я приказываю! А потомъ—сними твою шляпу!—крикнулъ онъ.

Каскара стоялъ невозмутимо. Но въ его большихъ черныхъ глазахъ отразилось загадочное выраженіе, а на тонкихъ губахъ промелькнула презрительная улыбка.

— Я шляпы не сниму, сколько бы ты ни кричалъ, — спокойно отвѣтилъ онъ.

— А я тебѣ говорю: снять шляпу, каналья! — крикнулъ баронъ, ощупывая въ карманѣ револьверъ.

Лицо Каскары изъ бронзоваго сдѣлалось блѣдно-желтымъ. Правая рука его инстинктивно восхулась рукоятки ножа, у спины, за поясомъ.

— Ты меня канальей не ругай! Я вѣдь не индѣецъ!.. Береги свою шкуру, „гринго“!.. Не будь у меня жены съ дѣвчонкой, я бы показалъ солнцу твои кишки (tiras al sol)!

И дрожа отъ злости, но точно пренебрегая борьбой, онъ отвернулся и пошелъ внизъ.

— Остановись! — закричалъ ему баронъ уже съ револьверомъ въ рукѣ. — Я тебѣ приказываю.

Внизу, у палатокъ, рабочіе стихли, смотря на сцену, и къ Каскарѣ шелъ Пенáчо. Каскара остановился въ полуоборотъ къ барону, блѣдному и задыхающемуся.

— Приказываешь? — переспросилъ онъ. — Приказывай другому, а я тебѣ не работникъ больше.

— Я тебя... каналья!.. — началъ было баронъ и остановился послѣ сдѣланнаго шага.

Слово „каналья“ на этотъ разъ точно электричествомъ подействовало на креола. Совсѣмъ желтый, съ безкровными губами и изступленными глазами онъ на мгновеніе, стоя въ полуоборотъ, согнулся и вытянулъ впередъ голову, какъ звѣрь, приготовляясь къ прыжку. Потомъ правая рука его, судорожно дрожавшая на рукояткѣ ножа, за спиной, быстро описала полукругъ, и въ то время какъ въ воздухѣ свергнуло лезвее, лѣвая рука и нога креола подались назадъ, чтобы, произведя прыжокъ впередъ, сразить врага. Это былъ обычный фехтовальный*пріемъ креоловъ въ ихъ дуэли на ножахъ.

Но этого послѣдняго пріема и не удалось ему сдѣлать: подспѣвшій въ-время Пенáчо ударомъ ноги на-отмашъ заставилъ его потерять равновѣсіе, и Каскара, съ ножомъ въ рукѣ, ударился колѣномъ въ землю, въ то время, какъ сильныя руки негра схватили его за руки и вырванный ножъ отлетѣлъ далеко въ сторону. Пенáчо оказался сильнѣе Каскары.

Все это произошло въ нѣсколько мгновеній, и произведенная сцена отрезвила барона.

— Держи его! — приказалъ онъ негру, и потомъ крикнулъ внизъ солдатамъ: — Подать веревокъ!

Пенáчо держалъ рабочаго сзади какъ желѣзными тисками.

Лицо Каскары было страшно. Помертвѣвшія губы бѣшенствомъ искаженнаго рта судорожно подергивались; грудь тяжело дышала, а отуманенные глаза его, казалось, уже не видѣли барона.

— Отпусти, Пенáчо! Не хочу, чтобы меня вязали. Клянусь святымъ Петромъ, не теперь убью *тине*.

— Клянешься?—прорычалъ Пенáчо, продолжая держать.

— Клянусь св. Петромъ, что здѣсь, теперь, не убью его.

— И страшнымъ судомъ (*juicio final*)?..

— И страшнымъ судомъ!

Пенáчо смягчился и, прежде чѣмъ баронъ могъ понять значеніе этихъ клятвъ, отпустилъ рабочаго, который, осмотрѣвшись кругомъ и найдя свой ножъ, заткнулъ его за спиной за поясъ, въ то время какъ подошли солдаты съ веревками.

— Связать его!—холодно приказалъ баронъ, указывая солдатамъ на Каскару.

Солдаты съ недоумѣніемъ смотрѣли на барона и на Пенáчо. Пенáчо обратился смущенно къ барону.

— Онъ больше не будетъ, сеньоръ лейтенантъ... Онъ послѣ клятвы не можетъ здѣсь... сеньоръ...

Каскара между тѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спустился къ ожидавшимъ его рабочимъ. Баронъ окончательно пришелъ въ себя, соображая, какъ онъ долженъ поступить теперь.

— Кто же тебѣ позволилъ отпускать его и слушать его клятвы?—крикнулъ онъ негру.

— Виноватъ, сеньоръ... Онъ клятвы не нарушитъ... Онъ не здѣсь... Онъ здѣсь не опасенъ..

Баронъ, наконецъ, уловилъ смыслъ этого „не здѣсь“, и злоба опять овладѣвала имъ.

— Да ты, черная скотина, понимаешь ли ты, что ты говоришь? Вѣдь если я на тебя донесу,—ты изъ тюрьмы годы не выйдешь, болванъ!—грозно закричалъ онъ.

Пенáчо сталъ просить прощенія. Онъ уступилъ клятвѣ. А потомъ, все-таки, спасъ барону жизнь. Не подоспѣй онъ вовремя, баронъ теперь никому уже не былъ бы страшенъ.

Это опять смирило властителя Бахчаръ-Итэ. Въ самомъ дѣлѣ, это, пожалуй, и вѣрно: при фехтовальной ловкости креоловъ револьверъ не всегда спасаетъ,—пришло ему на умъ.

— Хорошо, ты поступилъ по своей обязанности солдата и честнаго человѣка. Тебѣ я прощаю. Ну, а этого... Каскару немедленно выбросить за два километра изъ лагеря. Понялъ?

— Понялъ, сеньоръ. А какъ же его выбросить?

— Съ двумя солдатами... за два километра. Я не хочу имѣть

въ лагерѣ разбойниковъ. У него есть какіе-нибудь пожитки? Постель?

— Постель есть, сеньоръ. Лошадь и сѣдло съ полнымъ приборомъ.

— Такъ постой... Отправь его къ сеньору Риверо съ двумя солдатами. Я дамъ записку, чтобы отправить его въ Санъ-Педро, заплативъ ему его дни. Объясни ему, чтобы онъ убирался поскорѣе, потому что одной моей строкой въ округъ я его сгною въ тюрьмѣ. Ступай!

И баронъ отправился въ палатку. Въ записной рабочей книгѣ Перкинса значилось, что Тристанъ Каскара—по національности аргентинецъ, женатъ, двадцати-восьми лѣтъ, рабочій первой категоріи уже около двухъ лѣтъ. Въ графѣ „штрафы“ не былъ отмѣченъ. Это заставило барона задуматься. „Значитъ, этотъ разбойникъ былъ на хорошемъ счету у Перкинса? Несомнѣнно!.. Иначе этотъ аккуратный и дѣловой старикъ не назначилъ бы его надсмотрщикомъ. Странная страна, странные люди!.. Но думать объ этомъ нечего—это прежде всего отчаянный нахалъ и разбойникъ“. Баронъ высчиталъ его заработанные деньги—Каскаръ причиталось двѣнадцать пезо, считая и день его отсылки. На обычные свистки барона появился и сталъ у палатки Пенáчо.

— Спроси у него, сколько... сколько по его счету причитается и дай мнѣ отвѣтъ. Ступай.

Въ ожиданіи его, баронъ сталъ писать Риверо: „...Protégé нашего Перкинса чуть не зарѣзалъ меня. Изъ гостепріимства пустынь шлю его къ вамъ. Заплатите ему двѣнадцать пезо и послѣ ночлега немедленно же гоните дальше, — во имя дисциплины нельзя оставлять такихъ рыцарей ножа“... Тутъ взгляды его упали на разставленные конусами дрова, и онъ вспомнилъ, что Каскара наблюдалъ за ихъ кладкой именно передъ палаткой. „Почему это, однако, онъ такъ ихъ разставилъ?—явилась у него мысль.—Эти креолы—гордецы... Въ нихъ много самоувѣрія и претенвій на гражданскую свободу и тому подобное, но они умѣютъ жить этой дикой жизнью... Напримѣръ, это ихъ свиное матѣ... въ сущности полезная вещь. Эти дрова онъ разставилъ не безъ цѣли, вѣроятно... Но зачѣмъ именно“? Потомъ у него явилась мысль о Перкинсѣ... Перкинсъ держалъ Каскару на хорошемъ счету и два года“...

Отъ этихъ размысленій его отвлекъ сперва шумъ голосовъ, ругательства, потомъ топотъ скачущей лошади внизъ по ручью. Вслѣдъ затѣмъ раздался другой топотъ, уже болѣе сильный.

Отъ палатокъ неслись одобрительные крики и смѣхъ. Баронъ вышелъ изъ палатки и сталъ смотрѣть. Впереди, уже далеко, скакалъ Каскара, а за нимъ, нещадно погоняя муловъ, скакали солдаты... два солдата. Потомъ одинъ изъ нихъ на минуту остановился, и за нимъ показалось небольшое бѣлое облачко дыма. Потомъ долетѣлъ сухой стукъ отдаленнаго выстрѣла. Оба солдата остановились. Каскара продолжалъ лихо скакать, превращаясь въ черную точку, за которой протянулась неподвижная полоса пыли. Солдаты медленно возвращались назадъ.

Баронъ соображалъ. Каскара ускакалъ, и преслѣдовавшіе его солдаты не могли очевидно догнать его на своихъ мулахъ. Раненъ ли онъ? И почему онъ ускакалъ, не заботясь объ уплатѣ? Вѣроятно, боясь доноса?

Увидавъ поднимавагшагося изъ палаткѣ Пеначо, баронъ махнулъ ему рукой. Негръ подошелъ и, вытянувшись, сдѣлалъ барону „подъ козырекъ“. На вопросъ о причинѣ этой скачки онъ объяснилъ, что Каскара разбойникъ отчаянный и т. д. Узнавъ, что его будутъ сопровождать солдаты, онъ разсердился и говорилъ, что онъ не арестантъ. И ускакалъ. Онъ, Пеначо, два раза грозилъ ему стрѣлять, и когда солдаты увидѣли, что на мулахъ имъ его нельзя догнать, они стрѣляли... Но разбойникъ ускакалъ!

Все это Пеначо рапортовалъ смущеннымъ и точно боязливымъ тономъ, держа какъ-то по-волчьи вытянутую впередъ голову. Его укоры „разбойнику“ звучали какъ-то фальшиво.

— А чтѣ говорилъ онъ насчетъ уплаты?—спросилъ баронъ.

— Онъ говорилъ, что найдетъ сеньора Перкинса... Не знаю, зачѣмъ?—какъ бы недоумѣвая, спросилъ негръ.

Барона это бѣсило. Каскара рѣшительно пренебрегалъ и его властью, и его личностью... И этотъ эпизодъ, разумѣется, не понравится и Перкинсу. Пожалуй, оскорбитъ его... Проклятая страна!..

И переставъ смотрѣть на негра, скрывая свою озабоченность, баронъ, случайно взглянувъ на висѣвшее надъ кроватью зеркало, увидѣлъ, что Пеначо закрываетъ рукой ротъ.

„Чему можетъ смѣяться этотъ черный скотъ?“ — подумалъ онъ, но догадался не сразу.

И солдаты, и рабочіе провели его, обманули какъ мальчишку. Каскара для нихъ свой человекъ. Уступивъ его требованію не вести его арестантомъ, они разыграли комедію преслѣдованія и даже стрѣльбы.

„Хитрый народъ,—думалъ баронъ. — Но я перехитрю ихъ, оставивъ имъ иллюзію, что я обмануть ими“.

И, гордый этой мыслью, онъ не замѣчалъ, что открылъ ихъ обманъ только благодаря случаю — отраженію въ зеркалѣ. Онъ приказалъ не допускать больше Каскару въ лагерь.—Стрѣлять въ него послѣ двухъ окликовъ... Не допускать!

— Слушаю, сеньоръ,—почтительно говорилъ негръ, съ усиленнымъ вниманіемъ смотря на свои сапоги.

— А теперъ скажи мнѣ... Эти дрова... Зачѣмъ они именно здѣсь поставлены?

Пеначо на этотъ разъ не сдержалъ улыбки. Дрова нельзя было сложить за палаткой, у стѣны, потому что отъ нея пойдетъ вода потоками. Даже и послѣ дождя. Да и вообще ихъ нельзя сложить или *класть* по землѣ, потому что тогда они будутъ между двумя водами—отъ земли и сверху—и промокнутъ насквозь. Надо ставить ихъ стоймя, почти вертикально, соединивъ ихъ въ конусъ, чтобы вода бѣжала по наружнымъ частямъ его, сохраняя внутреннія. И тогда можно сохранять огонь костровъ,—а это важно въ лѣсной жизни.

— Конечно, — согласился баронъ. — Ну, а буря не размететъ ихъ?

Это тоже оказалось предвидѣннымъ. Конусы „прошиты“ перекрещивающимися кольями, которые въ основаніе поставлены „иксами“ или открытыми ножницами. Буря размететъ, пожалуй, просто сложенные дрова, но не скрѣпленные между собою конусы.

Баронъ чувствовалъ себя неловко, и вопросъ Пеначо, когда прикажетъ онъ переставить палатку, былъ ему по душѣ. Палатку переставляли около десяти человекъ солдатъ, пока баронъ, сидя въ креслѣ, озабоченно думалъ: кѣмъ можетъ онъ замѣнить, на дни отсутствія Перкинса, ускокавшего Каскару, — рѣшивъ потомъ поговорить объ этомъ съ Пеначо.

Въ полчаса времени палатка была переставлена и укрѣплена. По верху ея протянули веревки, укрѣпивъ ихъ на вкось-вбитые колья. Выходъ изъ нея былъ теперь прямо противъ стѣны, т.-е. спиной къ лагерю. Дрова, такимъ образомъ, не напоминали ему больше его *fiasco*...

Зной, казалось, уменьшился, и баронъ, сперва объяснивъ это привычкой, посмотрѣлъ на термометръ и увидѣлъ, что температура понизилась: было около 36° въ тѣни, однакоже. Барометръ тоже упалъ и стоялъ ниже „переменной погоды“; такое быстрое паденіе, по наблюденію барона, всегда сопровождалось дождемъ.

Приказавъ Гансу подать ему *maté*, онъ принялся за чтеніе

интересовавшей его повѣсти Поля Гейзе. Но драматическій сюжетъ, никогда ему не нравившійся, скоро подѣйствовалъ на него спотворно, и, не дождавшись матѣ, онъ заснулъ, протянувшись въ креслѣ.

Спалъ онъ около двухъ часовъ времени, и, по пробужденіи, онъ увидѣлъ первые признаки приближавшей бури. Темная полоса на горизонтѣ точно надвигалась на небо и, несмотря на полную, удушливую тишь въ воздухѣ, безъ малѣйшаго вѣтерка, шла, медленно подвигаясь, къ горамъ. Она скоро заняла полнеба, и начинавшее склоняться къ западу солнце закрылось этой тучей. Цвѣтъ ея изъ сѣро-фіолетоваго получалъ все болѣе и болѣе темный, почти черно-сивій, оттѣнокъ надъ холмами. Въ томъ мѣстѣ тучи, гдѣ зашло солнце, края ея свѣтились желтоватомутными тонами отблеска. Баронъ смотрѣлъ на эти края, пока они не потухли,—потомъ взглядъ его перенесся на землю.

Странный, непріятный полусвѣтъ царилъ надъ иссохшей долиной, скрадывая очертанія холмовъ съ ихъ лѣсами пальмъ въ перспективѣ. Общій сѣрый колоритъ, казалось, отражался и на рѣдкой уцѣлѣвшей зелени. Линіи олеандровъ казались запыленными, а вмѣсто красно-розовыхъ цвѣтовъ на нихъ торчали грязно-желтые сухіе пучки.

Снизу отъ палатки, вмѣстѣ съ синеватымъ дымомъ, потянуло запахомъ жаренаго мяса. Баронъ понялъ, что предусмотрительные туземцы рѣшили ужинать, пока гроза имъ еще не мѣшаетъ. Рѣшивъ вполнѣ положиться на тактъ всегда заботливаго Ганса, онъ приказалъ подать себѣ матѣ — и, занятый „тягой“, не сразу замѣтилъ неожиданно появившагося передъ нимъ рабочаго. Со шляпой въ рукѣ, онъ заявилъ, что пришелъ что-то сказать сеньору лейтенанту.

— Я тебя не звалъ, положимъ, но... что такое?—спросилъ баронъ, съ матѣ въ рукахъ.

Рабочій объяснилъ, что онъ хотѣлъ бы замѣнить Каскару, по оладу надсмотрщика, конечно.

— А сеньоръ Перкинсъ назначалъ тебя надсмотрщикомъ?—спросилъ баронъ.

Рабочій отвѣчалъ уклончиво, точно приготовившись къ этому вопросу. Онъ знаетъ работы въ „разрѣзахъ“ и по промыслѣ. А закончить крытѣ бараковъ ему будетъ легко. При этомъ онъ — законный человѣкъ. А Каскара — разбойникъ, бѣглый аргентинскій солдатъ, изранившій и чуть не убившій своего начальника. Это всѣмъ извѣстно, и Каскара не можетъ перейти гра-

ницу Аргентинской республики. А онъ—законный человѣкъ и радъ служить барону.

Баронъ загадочно улыбался, поглаживая усы.

— Положимъ, ты лучше этого... Каскары... Но, видишь ли, жаль, что тебя не назначилъ вмѣсто него сеньоръ Перкинсъ. Теперь его уже нѣтъ, и я не знаю, какъ мнѣ съ тобой быть...

— Значить, сеньоръ Перкинсъ уже уѣхалъ для работъ въ Айкъ-Итэ, сеньоръ лейтенантъ?

— Да... Здѣсь будутъ рабочіе съ сеньоромъ Риверо.

Отѣздъ Перкинса и замѣна его Риверо, казалось, нравились рабочему; онъ оживленно и—теперь уже увѣренно—сообщалъ, что сеньоръ Перкинсъ назначалъ его наблюдать за работами и давалъ ему разныя порученія; онъ поэтому надѣется удовлетворить и Риверо.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ баронъ, сдерживая торжествующую улыбку.

— Мигуэль Лассага, сеньоръ,—отвѣчалъ рабочій.

Баронъ медленно поднялъ глаза на говорившаго, оставивъ на минуту патѣ, и скоро пересталъ улыбаться: личность Лассага не располагала къ насмѣшкѣ, при всей ея непривлекательности. Смуглое, желтовато-болѣзненнаго оттѣнка лицо было изрыто оспой, и въ усахъ, рѣдкой бородѣ и бровяхъ были точно выщипаны, мѣстами, и безъ того уже рѣдкіе черные волосы. Тонкія губы большого рта давали ему что-то животное, и это впечатлѣніе дополнялось сильно развитыми челюстями и низкимъ лбомъ. По сторонамъ довольно длиннаго, расплоснутаго носа небольшіе черные глаза производили сперва неприятно-странное впечатлѣніе, которое потомъ усиливалось. Когда Лассага смотрѣлъ въ лицо говорившаго съ нимъ, въ черныхъ глазахъ его не различался зрачокъ, и, по отсутствію рѣсницъ, они казались черными кружками умно-злыхъ, не мигающихъ глазъ ехидны. Одѣтъ онъ былъ какъ исправный рабочій, и за поясомъ, у спины, обычный ножъ имѣлъ на рукояткѣ блестящія полоски, вѣроятно, серебра.

— Хорошо, я подумаю и... и позову тебя. Потомъ... Ступай!—сухо сказалъ баронъ.

Лассага молча поклонился, точно ныряя головой въ воздухъ, и пошелъ внизъ, къ палаткамъ. Черезъ минуту Гансъ подаль барону записную книгу, и покоритель Бахчаръ-Итэ читалъ: „Мигуэль Лассага. Парагваецъ. Холостъ. 25 лѣтъ. Изъ записной артели разрѣза № 3“. Оказалось, что работалъ онъ немного, около шести—восьми мѣсяцевъ, и эти мѣсяцы имѣли перерывы

по болѣзнямъ и отлучкамъ. Въ графѣ штрафовъ отмѣченъ не былъ, но въ этой графѣ не были отмѣчены и всѣ другіе рабочіе; штрафы, очевидно, не были системой Перкинса.

Записная книга, при своемъ лаконизмѣ, все-же не рекомендовала Лассагу какъ работника. Допуская болѣзни, какъ законную причину его прогуловъ, чѣмъ можно было объяснить его частыя отлучки? Онъ, несомнѣнно, не былъ на хорошемъ счету у Перкинса, и, конечно, сознавая это, искалъ устроиться съ Риверо. Назначить, однако, надо было кого-нибудь, и баронъ рѣшилъ сдѣлать выборъ на основаніи данныхъ книги Перкинса. Это казалось ему столько же удобнымъ, сколько и тактичнымъ приемомъ. Въ первой категоріи рабочихъ по времени службы выдавался нѣкій Евсевій Мэндесъ. Подумавъ съ минуту, баронъ позвалъ Пеначо.

— Ты знаешь Евсевія Мэндеса?—спросилъ онъ негра.

— Чилійца? Кривого?—въ свою очередь спросилъ Пеначо.

Баронъ посмотрѣлъ въ книгу.

— Чилійца, да. Но кривой ли онъ—этого не знаю. Объяви ему, что съ завтрашняго дня онъ назначенъ надсмотрщикомъ. И ему, и рабочимъ.

— А какъ же Лассага, сеньоръ лейтенантъ? — спросилъ негръ, не любившій побѣдителей-чилійцевъ.

— Слушай, что я тебѣ говорю, — холодно-строго осадилъ его баронъ. — Пусть Мэндесъ идетъ кончать крытые баракы до пріѣзда Перкинса; но ни онъ, ни рабочіе не должны... утрудять меня своими вопросами или просьбами... Я ничего ни о нихъ, ни съ ними знать не хочу. Ступай!

И такимъ образомъ возстановивъ недостававшую власть, баронъ принялся за Поля Гейзе.

Глухіе раскаты грома надъ холмами скоро опять напомнили ему о дѣйствительности. Гроза приближалась, и теперь это приближеніе и росло, и чувствовалось. Туча черно-синихъ, съ грязно-желтыми краями, облаковъ дошла до горъ, перешла за ихъ вершины по ту сторону.

Непріятный сумракъ, казалось, сгущался до темноты. Въ знойномъ, удушливомъ затишьѣ чувствовалось ожиданіе уже недалекой бури, и, наконецъ, нарушая эту тишину, по небу пробѣжала зигзагомъ первая голубоватая молнія, на мигъ освѣтивъ мрачную долину, молчавшіе лѣса пальмъ, кусты и деревья лощины. И среди снова наступившаго, теперь болѣе сильнаго, полумрака, вдругъ точно бухнулъ съ трескомъ разорвавшійся ударъ и прокатился раскатами по горамъ надъ лагеремъ.

Вслѣдъ за ударомъ, пока стихали его раскаты и повторенія по горамъ, отъ холмовъ съ долины пахнулъ и понесся легкими порывами знойный, почти горячій вѣтеръ, съ каждой минутой все болѣе и болѣе ярѣчая. Странное, болѣзненное ощущение слабости и удушья производитъ эта „зунда“ даже и въ здоровомъ человѣкѣ, но экваторіальное знойное дыханіе ея можетъ быть гибельнымъ для эпилептиковъ и слабогрудыхъ.

Эти порывы зунды точно овладѣвали природой и людьми. Въ молчавшихъ по горнымъ уступамъ лѣсахъ пронесся странный глухой гулъ, и въ этомъ гулѣ, точно въ смятеніи приближавшейся опасности, раздавались ярчавшіе, прерывая одинъ другого, голоса испуганно летавшихъ птицъ. Грозный шумъ лѣса точно спускался съ вершинъ по уступамъ; казалось, что дыханіе бури, найдя преграду въ горахъ, спускалось по нимъ, угрожая природѣ, и, точно понимая это, глухо роптали лѣса и метались птицы...

Новая молнія, на этотъ разъ надъ лагеремъ, яркимъ краснымъ отблескомъ зловѣщаго свѣта на мигъ освѣтила гудѣвшіе лѣса, и вслѣдъ за ней въ теченіе минуты потрясающіе страшные удары грома, ударъ за ударомъ, гремѣли по горамъ. Голоса птицъ смолкли и только слышался шумъ ропщущаго лѣса...

Баронъ обернулся къ долинѣ. Она представляла фантастически-страшный пейзажъ.

Далеко за холмами, по сине-черному фону горизонта, протянулись столбами дымчатыя, болѣе свѣтлыя полосы:—тамъ, за холмами, уже шелъ дождь. А передъ холмами, по долинѣ неслась буря, вздымая на страшную высоту тучи темной красноватой пыли, и точно гигантскій морской валъ катился на лагерь и горы.

И въ этомъ валѣ, кружась, ныряя внизъ, поднимаясь вверхъ, въ адской пляскѣ хаоса и злобы неслись сухія травы, вырванные, безжизненно-иссохшіе, обезображенные смертью кусты, тучи листьевъ. Подъ неровными напорами бури валъ мѣстами раздавался, смыкаясь опять; но въ эти короткіе просвѣты баронъ видѣлъ, какъ за валомъ, у подножья холмовъ, уже бушевала буря; какъ гнулись и бились деревья, а вершины пальмъ безпомощно метались въ адскомъ свирѣпомъ хаосѣ. Потомъ ихъ точно задернула мгла—холмы и деревья исчезли за косыми мутными полосами хлынушаго дожда. Глухой гулъ несся по долинѣ, точно по ней неслись тысячи лошадиныхъ ногъ въ бѣшеномъ галопѣ испуганной скачки.

Валъ находилъ на лагерь. Въ его дыханіи уже не было

звойнаго пронеспагося вѣтра, а чувствовалась сырость набѣгавшей воды. А за нимъ, гудя по землѣ, несся шумъ ливня все ближе и громче. Это длилось секунды.

Потомъ баронъ увидалъ, какъ этотъ валъ пронесся надъ лощиной и въ мигъ страшнымъ напоромъ слѣпой силы налетѣлъ на лагерь, скрывъ въ тучѣ несшейся пыли палатки, и съ ревомъ и свистомъ пронесся между конусами дровъ. На него и его палатку налетѣла, ослѣпляя и оглушая его, туча мусора и сухой земли. Отъ напора бури онъ едва удержался на ногахъ, и въ темнотѣ набѣгавшаго на него облака пыли ему удалось видѣть, что его складное кресло полетѣло кверху. По раздавшемуся потомъ стуку, который онъ еще могъ уловить, онъ понималъ, что его кресло ударилось въ стѣну горной террасы, но стука возвратнаго паденія кресла онъ уже не слышалъ отъ рева бури и несшагося за ней по землѣ гула ливня. Валъ несся теперь по горамъ, гдѣ съ трескомъ валялись падающія деревья въ злобномъ, точно осмысленномъ ревѣ бури, которой вторили громовые оглушающіе удары.

Палатка была и точно тряслась, скрипя переветринами угловъ. Удерживавшіе ее ванаты дергались подъ напорами вѣтра, какъ мускулы чудовища, и баронъ съ минуты на минуту ждалъ, что они лопнутъ отъ порывовъ бури. Но хлынувшій потоками ливень косыхъ струй, бившихъ съ страшной силой, парализовалъ силу циклона, и баронъ перевелъ духъ, понявъ, что страшный *первый* напоръ миновалъ.

Дождь лилъ потоками, не уменьшая своей силы, около трехъ часовъ, не переставая. Съ горной террасы теперь несся цѣлый каскадъ воды, а по бортамъ хорошо окопанной палатки бѣжали бурные ручьи. Съ наступленіемъ ночи порывы бури стали ослабѣвать, и дождь лился монотонно-ровно, барабана по верху и подвѣтренной сторонѣ палатки. Гансъ, остававшійся внизу, появился съ кускомъ жаренаго мяса между двумя тарелками, которое и составило на этотъ разъ весь ужинъ барона. По словамъ Ганса, палатки рабочихъ и солдатъ протекали, а ручей обратился теперь въ рѣчку, которая текла чуть не у самыхъ постелей этихъ бѣдныхъ людей. Баронъ слушалъ все это разсѣянно и, главное, довольный тѣмъ, что его двойная палатка не протекала.

На разсвѣтъ дождь пересталъ и буря стихла. Съ сѣвера тянуло влажнымъ, теплымъ вѣтеркомъ и свинцовыя низкія облака облегали небо. Баронъ, отлично выпавшійся подъ шумъ дождя, сидѣлъ въ своемъ складномъ креслѣ, жуя и потягивая *maté*.

Кресло было найдено солдатами, загрязненное иломъ и со сломанной перекладной, уже около ручья. Обчистивъ его и связавъ проволокой, Пеначо привезъ его къ своему начальнику. Баронъ далъ ему за это *пэзо* и, съ наслажденіемъ вдыхая влажный, чистый воздухъ, наблюдалъ переи́бну въ пейзажѣ.

Вдали надъ холмами облака стояли низко, чуть не касаясь ихъ, а даль была задернута мглой отъ водяныхъ испареній. Долина потемнѣла и зеленые тона въ ней преобладали. Обмытые кусты и деревья, отъ освѣщенія, можетъ быть, казались темно-зелеными, почти черными. Линіи олеандровъ, окаймлявшихъ ручей, стояли теперь до половины въ водѣ, мутной и шибко бѣжавшей внизъ по лощинѣ. Ручей сдѣлался довольно широкой рѣчкой, и вода его несла по теченію кусты камышей, ломанные сучья и мусоръ, протекая прямо за палатками, почти набѣгая на задніе ихъ колья. Передъ барономъ предсталъ озабоченный Пеначо, прося его разрѣшенія для рабочихъ заняться устройствомъ загона и перестановкой палатокъ. На вопросъ барона о всемъ этомъ, Пеначо толково объяснилъ, что сдѣлать надо прежде всего поправки въ загонъ для животныхъ: буря и несшіяся воды загнали ихъ въ одну сторону, и испуганный скотъ, тѣсняясь, сломалъ загороди. Теперь, пока не прибыла сверху вода, надо немедленно же чинить загонъ, чтобы не ушелъ или не уплылъ скотъ. По той же причинѣ надо переставить выше, т.-е. дальше отъ ручья, и палатки лагеря: вода прибываетъ—это можно видѣть по быстротѣ ея теченія, по несущейся пѣнѣ и камышу—камышъ этотъ озерной. Ливень одной ночи съ его горными потоками переполнилъ озеро, и если опять пойдетъ дождь, не выдержавъ сутокъ, рѣчка разольется сильнѣе. Тогда бѣда!

Наученный опытомъ, баронъ рѣшилъ послушаться дикаря, тѣмъ болѣе, что дикарь этотъ хотя и позволялъ себѣ совѣты, но въ формѣ просьбъ и держа себя почтительно.

— А какъ ты думаешь, будетъ еще дождь?—спросилъ баронъ.

Пеначо, на это не отвѣчая, сдѣлалъ знакъ лѣвой рукой, а указательный палецъ правой руки всунулъ себѣ въ ротъ, и съ пальцемъ во рту смотрѣлъ на барона своими вытаращенными звѣрскими глазами, около двухъ-трехъ минутъ. На этотъ разъ и баронъ вытаращилъ глаза, не понимая маневра негра. Давъ надивиться своему начальнику, Пеначо вынулъ изо рта палецъ и, поднявъ его кверху, смотрѣлъ и на палецъ, и на небо. Потомъ объявилъ, что дождь будетъ, но не скоро, потому что вѣтеръ не дождевой. И онъ указалъ направленіе вѣтра, которое

по соображенію барона опредѣлялось румбомъ SSE, болѣе или менѣе. Объяснилъ Пеначо и свои „procedés“ съ пальцемъ, и барону припомнилось что-то изъ эпизодовъ, имъ читанныхъ, о моряхахъ. Согрѣтый во рту и смоченный, такъ сказать распаренный, палецъ получаетъ большую чувствительность къ току воздуха. Самый легкій вѣтерокъ производитъ ощущение „холодка“, и сторона пальца и будетъ означать румбъ воздушнаго тока... для вѣврующаго въ этотъ пріемъ, конечно. Баронъ, смѣясь, отпустилъ Пеначо, давъ ему автономію управленія, и занялся, пользуясь благодатной теперь температурой, -отвѣтомъ на письмо Бромлеевъ и поправкою плановъ.

Къ вечеру тучи разошлись, и проглянувшее на мигъ заходящее за холмы солнце оврасило ихъ ярко-розовымъ свѣтомъ. Вдоль ручья-рѣчки раздавался концертъ лягушекъ, которыхъ до этого времени не слышали еще въ Бахчаръ-Итэ; чистый, влажный воздухъ точно лился въ грудь, а зеленые лѣса по горамъ, полные жизни, были въ розовомъ сіяніи зари. Сумерки спускались быстро; внизу опять запылали востры и неся оживленный говоръ рабочей толпы.

На завтра баронъ рѣшилъ вѣхать навѣстить Риверо, а къ вечеру ожидалъ нарочнаго изъ Санъ-Педро съ грузомъ и письмомъ отъ Люси.

При мысли о ней, опять пробудилось въ немъ странное ощущение тоски и страха; опять сильное желаніе вѣхать къ ней, туда, въ домъ, охватило его душу. Ощущеніе было сильно до подавленія какой бы то ни было всякой другой мысли, являясь точно *онъ* его самого, и всякій безъискусственно-живущій человѣкъ остановился бы на безпричинности и внезапности такого ощущенія. Почему оно и откуда?

Но герой этого разсказа былъ сыномъ нашего вѣка. Искусственныя наслоенія современнаго полуобразования и виѣщней цивилизаціи мѣшали ему непосредственно относиться къ природѣ и людямъ. Полуузнавъ послѣднихъ и гордо игнорируя силы первой, онъ жилъ только для „великихъ“ задачъ достиженія силы и власти въ человѣческомъ муравейникѣ. И теперь, какъ и прежде, „наслоенія“ помѣшали ему заглянуть въ самого себя, а овладѣвшее имъ, неизвѣстно какъ явившееся ощущеніе онъ объяснилъ влияніемъ погоды на организмъ. Конечно, онъ непріятно чувствуетъ себя, потому что проблескъ хорошей погоды послѣ дурной напоминаетъ ему лучшія условія его жизни... Не больше!.. Но и это даже пронеслось у него урывками мысли, потому что, какъ дѣловой человѣкъ, онъ не столько *думалъ*, собственно

говоря, сколько *соображалъ*, въ узко-практическомъ смыслѣ этого слова. И по прежнему мня себя будущимъ великимъ муравьемъ, онъ и не подозрѣвалъ, что, какъ властитель Бахчаръ-Итэ, онъ видитъ это заходящее солнце въ послѣдній разъ.

Метеорологическія изслѣдованія Пеначо, однакоже, оказались вѣрными: ночь прошла безъ дождя, и наступившее сѣренькое утро обѣщало хорошій день. Солнца не было видно, но между расхопившимися тучами, тамъ и сямъ, какъ привѣтъ надежды, свѣтилось голубое небо.

Баронъ долго сибаритствовалъ въ постели, потомъ, лѣниво читая, все ждалъ, что небо прояснится. Но тучи не расходились, а барометръ неизмѣнно стоялъ на „непостоянной погодѣ“. Въ восьмомъ часу утра баронъ, позвавъ Пеначо, приказалъ осѣдлать лошадь и дать двухъ солдатъ. Загоны оказались исправленными и рабочіе уже крыли бараки.

— А почему не переставлены палатки? Вода не сбываетъ, кажется?—спросилъ баронъ.

— Не сбываетъ, сеньоръ. Не знаю, почему такъ долго... Должно быть, озеро очень полно и вверху дождь шель больше. Если не спадеть къ полудню, надо переставить: на ночь опять можетъ собраться гроза, и тогда въ темнотѣ будемъ прыгать хуже крысъ.

Дорогой къ Риверо баронъ чувствовалъ себя въ особенно хорошемъ настроеніи. Своимъ продуманнымъ отвѣтомъ къ Бромлеймъ,—съ котораго онъ предусмотрительно оставилъ копію,—онъ остался доволенъ, и картины будущаго опять разворачивались передъ нимъ заманчивой далью, пока онъ ѣхалъ впереди двухъ солдатъ, устремивъ глаза на холку и уши плавной иноходью бѣжавшаго коня.

По дорогѣ замѣчались слѣды дождя—растительность всюду точно воскресала, но тутъ же были и слѣды бури, съ ея разрушеніемъ и смертью: дорогу загромождали поломанныя и до половины вырванныя деревья. Обнаженные корни ихъ, съ комками уже высохшей земли, корчились точно змѣи надъ образовавшейся черной зияющей ямой. Отдаляясь отъ горъ, надо было проходить ручей, мѣстами разливавшійся довольно широко. Надъ нимъ проносились, кружась и наполняя воздухъ своими печальными криками, стаи налетѣвшихъ чаетъ, а по берегамъ задумчиво-разсудительно ходили, точно разглядывая свои шаги по топи, большія цапли. Баронъ и солдаты остановились: вода бѣжала съ ключьями пѣны, скрывая загадочную глубину. Но перейти надо было. Негры нещадно били муловъ, заставляя ихъ войти въ воду, и

ручей переходили вбродъ, навскось *противъ* теченія, шагъ за шагомъ ища мелководья и полагаясь больше на инстинктъ животныхъ. Но тутъ же случилось и непредвидѣнное. Осторожно пробираясь и будучи уже въ серединѣ потока, они увидѣли, что на нихъ несется теченіемъ большое дерево. Животныя стали храпѣть, испуганно перебирая ногами на ненадежномъ, топкомъ днѣ; остановиться и переждать нельзя было. Баронъ поблѣдѣлъ и точно холодомъ и болью сжало ему грудь. Но негры не потерялись. „Пускай коня съ боку! Вынь ноги изъ стремятъ! Съ боку! Иди за нами! Не тни! Упадетъ—уже не поднимется!“ — кричали они властителю, забывая теперь его власть, и злобно-испуганно сверкали бѣлки ихъ глазъ. И они, собственно, и спасли потерявшагося барона, энергично заворотивъ муловъ въ полуоборотъ противъ несшагося дерева и обходя его, *уже не заботясь о глубинѣ*. Оба мула точно сразу опустили крупы, на мгновеніе вода раздалась по ихъ бокамъ, потомъ баронъ увидѣлъ, что она сомкнулась надъ ними вплоть до ихъ задранный сверху головы, съ раздувающимися ноздрями и дикими глазами. Неграмъ вода доходила до груди. Съ отчаяніемъ труса онъ ударилъ шпорами коня и, бухнувъ въ глубину, поплылъ за солдатами. Холодная вода обдала ему грудь и струями бѣжала подъ бѣльемъ, въ ботфорты, сразу сдѣлавъ тяжелыми ноги. Отъ вида бѣгущей воды у него кружилась голова, и, инстинктивно понявъ это, онъ сталъ смотрѣть на приближающійся берегъ. Вздохъ облегченія вырвался у него изъ груди, когда онъ увидѣлъ передняго солдата уже до половины обрисовавшимся изъ воды. Вслѣдъ за тѣмъ съ нимъ рядомъ сталъ и остановился и другой. Еще минута, и баронъ былъ съ ними, не понимая, чего они ждуть до половины въ водѣ и въ трехъ саженьяхъ отъ берега.

— Здѣсь, у берега, опаснѣе, чѣмъ въ глубинѣ,—объяснили негры.—Вязко, топъ. Животныя увязнутъ въ илѣ, будутъ биться, увязнутъ еще больше и залякуются водой. Ты, сеньоръ, иди за нами и дай волю коню!

Потомъ одинъ изъ негровъ сошелъ или, лучше, спустился съ мула и повелъ его за поводъ, иди по грудь въ водѣ, параллельно берегу. За нимъ гуськомъ слѣдовалъ другой солдатъ съ барономъ. Пройдя такимъ образомъ около десяти саженей, шедшій впереди остановился, посмотрѣлъ на берегъ и сразу пошелъ по направленію къ нему. На вопросъ барона, почему вожатый знаетъ, что не идетъ на топъ, негръ-товарищъ усмѣхнулся.

— Это всякій знаетъ! По цвѣту берега видно, гдѣ илъ и гдѣ песокъ,—отвѣчалъ онъ.

Выйдя на берегъ, по совѣту тѣхъ же негровъ, баронъ раздѣлся, вылилъ воду изъ сапогъ, а негры выжали ему бѣлье и пальто. Минованіе опасности опять восстановило іерархію, и негры почтительно совѣтовали своему начальнику не надѣвать ничего мокраго, кромѣ шляпы и сапогъ; послѣдніе—по необходимости имѣть опору въ стременахъ.

— Ну, а какъ же вы надѣваете мокрое бѣлье и куртки?—спросилъ баронъ.

Негры объяснили, что для нихъ это ничего, но что бѣлому человѣку надо лучше ѣхать совсѣмъ Адамомъ, какъ бы холодно ни было, а надѣть только совершенно высохшую одежду. „Голое тѣло—не вредно, а покрытое мокрымъ даетъ болѣзнь, сеньоръ!“—говорили они.

Но барону казалось невѣроятнымъ, чтобы онъ, сѣверянинъ, могъ простудиться въ такой температурѣ, да еще и при ѣздѣ верхомъ. Ему припомнились его военные переходы на маневрахъ, въ Германіи, гдѣ не разъ ему приходилось часами ѣхать подъ проливнымъ дождемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ холодное время. А главное, его шокировало то, что онъ, баронъ фонъ-Ванденъ, всегда, даже и въ глуши, одѣтый по возможности корректно, будетъ ѣхать голымъ Адамомъ въ сопровожденіи двухъ негровъ, къ своему подчиненному и другимъ неграмъ. И при этомъ еще не ради „развлеченія“, а такъ—неизвѣстно зачѣмъ, потому что *они* это посовѣтовали.

Сухо приказавъ какъ можно скорѣе выжать его одежду, баронъ одѣлся, чувствуя не то чтобы ознобъ, а скорѣе что-то въ родѣ бѣгавшихъ по тѣлу мурашекъ—послѣдствіе этихъ своеобразныхъ ваннъ и компрессовъ. Черезъ минуту онъ уже скакалъ по знакомой ему дорогѣ, оставляя позади негровъ, и первое время что-то въ родѣ озноба пробѣжало по тѣлу и пальцы ногъ точно вочевѣли. Къ полудню, опередивъ солдатъ больше чѣмъ на полчаса, онъ достигъ бивуака Риверо.

Практическій креоль устроился отлично, и гамакъ Пеначо служилъ ему и кресломъ, и постелью. Баронъ всталъ его уже позавтракавшимъ и ходившимъ около бревенъ. Солдаты отдыхали. Нѣсколько ввонанныхъ уже столбовъ и пирамиды наготовленныхъ бревенъ показали барону, что время не терялось даромъ. Онъ высказалъ это своему „alter ego“, и португалецъ, довольный этимъ замѣчаніемъ, но сохраняя обычную ему американскую флегму, предложилъ завтракать. Оба, выйдя изъ палатки, расположились на бревнахъ. Осмотрѣвъ свой герметически закрывающійся портсигаръ, баронъ нашелъ сигары сухими, и

они закурили и разговорились. Риверо сообщилъ, что, по соглашенію съ Перкинсомъ, онъ долженъ быть въ бивуакъ не позже еще двухъ дней, такъ что до дождей, собственно, мостъ будетъ оковченъ. Всенаблюдающіе Мефистофелевскіе глаза португальца остановились на высохшемъ, но точно жеванномъ пальто барона, и онъ спросилъ о причинѣ. Баронъ рассказалъ про ихъ переходъ черезъ ручей и свой отказъ превратиться изъ начальника „самраменто“ въ галопирующаго прародителя человечества. Риверо нахмурился. По его мнѣнію, это было дурно сдѣлано, т.-е. лучше было бы ѣхать нагимъ.

— Да перестаньте—вы тоже! Я въ Германіи ѣздилъ часами подъ ливнями,—отвѣчалъ баронъ.

— Допускаю; но въ Германіи вы были *не то*, что теперь. Южный климатъ, конечно, сдѣлалъ васъ болѣе анемичнымъ, это во-первыхъ; а во-вторыхъ, тамъ *до этихъ монетъ* вы не выносили 42° зноя въ тѣни... Вы, какъ и большинство европейцевъ, не все берете въ расчетъ, мой дорогой патронъ... Скажите: ноги у васъ согрѣлись сразу послѣ купанья, или нѣтъ? Можеть быть, онѣ и теперь холодныя?

Барона встревожилъ и тонъ, и доводы Риверо,—доводы вѣскіе. И видимо португалець былъ опытенъ... Чувствуя себя отлично и согрѣвшись ѣдой, баронъ не могъ, однако, согрѣть ногъ, и пальцы ихъ были точно окоченѣлыми. Сообщивъ это Риверо, онъ спросилъ, въ чемъ же собственно опасность. По словамъ португальца, опасность была въ зноѣ уже перенесенномъ и сдѣлавшемъ организмъ страшно воспріимчивымъ, „деликатнымъ“, по мѣстному выраженію, такъ что послѣ зноя и безъ купаній заболѣваютъ и умираютъ люди, просто-таки отъ вліяній понизившейся температуры.

Барона это тревожило, какъ и всякая непредвидѣнная забота, **забота**—не больше. Опасность же смерти,—второй онъ боялся, не понимая ея,—ему и въ голову не приходила, или, лучше, казалась ему невѣроятной, немислимой. Онъ—столько вынесшій, столько устроившій! Ему припомнился его отвѣтъ Бромлеямъ... Онъ талантливо „обошелъ“ ихъ теперь и одолѣетъ потомъ. Онъ станетъ во главѣ громадныхъ предпріятій, и начало имъ уже есть... И вдругъ—умереть!.. И оттого, что несшееся по водѣ дурацкое дерево напугало животныхъ, и надо было плыть... Ноги, однакоже, не согрѣвались, несмотря на то, что въ воздухѣ чувствовался сырой и влажный зной.

— Хорошо. Чтò же, по вашему, надо сдѣлать? —спросилъ онъ Риверо.

— А вотъ, слушайте. Во-первыхъ, отказаться отъ завтрака, хотя я и приказалъ вамъ зажарить водяного фазана. Ничего не ѣсть. Потомъ, вмѣсто фазана, принять потогонное и, немедля больше, пропотѣть здѣсь и ѣхать только завтра. Потогонное найдутъ здѣсь въ лѣсу негры и въ чайникѣ сварятъ лучше аптекаря. Это—корень... И довольно пріятный на вкусъ.—Согласны?

— Потогонное—согласенъ. Но потѣть здѣсь... Какъ же это? Гдѣ? Между неграми?

— Да. Мы найдемъ вамъ тряпья и укроемъ. Пропотѣете, вылежитесь и поѣдете завтра.

— И добавьте, что поѣду во впахъ,—засмѣялся баронъ.— Бр-р-р!.. Гадость! Не могу. Ни за что не соглашусь, дорогой мой Риверо.

По лицу португальца точно скользнуло презрительное выраженіе.

— Не понимаю, баронъ, какъ, преслѣдуя цѣль, можно смотрѣть на пустяки. — Предупреждаю, что дѣло можетъ быть серьезно,—добавилъ онъ, загадочно-пытливо посмотрѣвъ на барона.

— Хорошо, я согласенъ на корень, и прошу васъ послать его искать. Но я думаю, что не ѣсть—едва ли полезно; такъ что вашего фазана давайте!.. Закусивъ и отдохнувъ, ѣду лечить... холодъ ногъ. И общаю вамъ потѣть всю ночь,—то-есть, наверстать время.

Риверо и тутъ упирался,—но баронъ, послѣ купанья и верховой ѣзды, ничего не ѣвшій съ утра, былъ голоднѣе волка. Отъ фазана остались только косточки, а сухари, замѣнявшіе хлѣбъ, баронъ ѣлъ съ наслажденіемъ. Потомъ онъ спросилъ португальца, есть ли у него что-нибудь въ родѣ коньяку. Риверо нахмурился, озабоченный.

— Коньякъ есть, но у васъ къ вечеру и безъ того повысится температура. Я увѣренъ! Увѣренъ потому, что случавъ въ этомъ родѣ видѣлъ много. Васъ ждетъ, по меньшей мѣрѣ, злѣйшая лихорадка, и вы, на мой взглядъ, бравируете напрасно. И мнѣ, знающему, не весело это видѣть. •

— Хорошо, оставимъ коньякъ,—согласился баронъ и невольно подумалъ, что Риверо, при своей фізіономіи Мефистофеля и заговорщика-кипжальщика, былъ далеко не бездушный человекъ.

Заговорили о лагерѣ и эпизодѣ съ Каскарой. Баронъ чувствовалъ потребность сіесты, въ которой онъ уже привыкъ, и, послѣ успокоительныхъ увѣреній Риверо, рѣшился вадремнуть въ гамакѣ Пепачо-Риверо. Оставивъ его, португалецъ пошелъ на постройку моста и рубку.

Баронъ спалъ долго и крѣпкимъ сномъ уставшаго отъ ѣды человѣка, но, проснувшись, онъ не чувствовалъ бодрости и хорошаго настроенія послѣ отдыха, и долго лежалъ, покачиваясь въ гамакѣ съ заложенными подъ голову руками и дымящейся сигарой въ зубахъ, безъ мысли и апатично слѣдя за синей спиралью ея дыма. Дѣвизшійся Риверо, пытливо посмотрѣвъ на барона, предложилъ ему „maté“. Баронъ охотно согласился, чувствуя жажду, и спросилъ о погодѣ.

— Время вамъ подумать объ отъѣздѣ, если хотите ѣхать, — отвѣчалъ Риверо. — Погода угрожающая — жарко, а небо обложено. Къ ночи, — а ужъ ночью навѣрное, — надо ждать грозы.

Оба занялись maté, которое подавалъ имъ солдатъ-негръ, и баронъ апатично-вяло выразилъ свою надежду получить къ ночи грузъ изъ Санъ-Педро. Риверо сомнѣвался. Подъ Санъ-Педро дорога идетъ низкой мѣстностью, вода еще не сбывла, и нарочный будетъ бояться за грузъ.

— А ваше обѣщанное лекарство? Нашли? — спросилъ баронъ.

— Да, оно уже сдано вашему солдату, и онъ съ Гансомъ сваритъ вамъ немедленно же по приѣздѣ. Его пьютъ горячимъ и, укрывшись, потѣютъ. Потомъ — день діеты и отдыха.

Послѣ maté баронъ приказалъ сдѣлать лошадь и черезъ полчаса уже скакалъ по дорогѣ въ лагерь. Проголодавшіеся муш не отставали на этотъ разъ отъ лошади, и путешественники, почти одновременно, очутились на берегу своей утренней переправы.

Вода прибыла за это время и прибывала еще, неся по теченію сдѣпившіеся между собою кусты, пучки камыша и мусоръ. По быстротѣ, съ которой она неслась, видно было, что теченіе сильно, и солдаты рѣшили ѣхать вверхъ по ручью, ища болѣе мелкаго брода. Они доѣхали почти до долины, противъ лагеря, но вездѣ, судя по теченію и очертаніямъ берега, было или глубоко, или вязко. Незадолго до сумерекъ они вернулись къ мѣсту утренней переправы, и на этотъ разъ, чтобы не терять времени передѣлываемъ на противоположномъ берегу, рѣшили сдѣлать свой туалетъ немедленно. Приемъ ихъ былъ настолько же простъ, насколько и практиченъ: снявъ съ себя нѣкоторую неизбѣжную часть мужского туалета, негры въ каждую часть панталонъ завязали по сапогу и обвязавъ ихъ вокругъ шеи, положили за спину, поддерживая связку подбородкомъ. При такой системѣ панталоны и сапоги сохраняются сухими даже и тогда, когда приходится переплывать потокъ. Грудь разсѣкаетъ воду.

Прежде чѣмъ войти въ воду, негры зорко смотрѣли на по-

верхность ея вверхъ по теченію, и убѣдившись, что кромѣ мелкаго мусора нѣтъ ничего для нихъ опаснаго, стали переправляться, и на этотъ разъ пустились вплавь, внизъ по теченію съ середины воды. Потомъ опять шли бродомъ навскось противъ теченія, чтобы вода не относила ступающія переднія ноги животныхъ, и вышли на берегъ въ-время, встрѣтивъ полосу болѣе твердаго грунта. Послѣ этой ванны баронъ почувствовалъ приступы озноба по всему тѣлу.

На этотъ разъ, уже не дѣлая туалета, съ бившимися по спинѣ сапогами, путники галопомъ доскавали до лагеря, и баронъ слѣзъ съ коня передъ самой палаткой, а войдя въ нее босикомъ, немедленно же легъ въ постель. Теперь онъ торопился, чувствуя, что начинавшееся головокруженіе мѣшало ему и надѣть сапоги, и сдѣлать какое-нибудь движеніе безъ боли въ поясницѣ. Начинаясь ознобъ скоро перешелъ въ дрожь, а головокруженіе—въ головную боль. Потомъ съ нимъ началась рвота, но приподняться ему было уже тяжело—голову точно сжималъ раскаленный широкій обручъ, затемняя мысль, и, севозъ прыгавшія зеленныя пятна страннаго свѣта онъ видѣлъ, какъ то исчезали, то появлялись ножки стоявшаго передъ вратью въ палаткѣ стола. Болѣзнь сразу и съ силой овладѣла организмомъ европейца.

Пришелъ старый солдатъ-негръ, слывшій между товарищами за колдуна и доктора. Одобривъ лекарство Риверо, онъ прибавилъ къ нему какіе-то сухіе цвѣты, объяснивъ, что послѣ этого приѣма больной долженъ успокоиться и заснуть. Тогда нужно будетъ вызвать потъ, и это остановитъ лихорадку.

Гансъ испуганно-тоскливо смотрѣлъ на своего патрона, минутно спрашивая негра, не опасна ли болѣзнь; никогда не видѣлъ онъ еще барона такимъ ослабѣвшимъ, точно упавшимъ и уменьшившимся. Старый негръ, съ приплюснутымъ черепомъ и выдающимися челюстями гориллы, озабоченно-умно смотрѣлъ на больного и успокоивалъ Ганса. Глаза старика тоже походили на глаза обезьяны, съ ихъ тоскливо-человѣческимъ выраженіемъ, съ бессильно-наморщеннымъ лбомъ, въ которомъ точно таятся мысль увора безшерстнымъ собратьямъ. Старикъ мягкимъ и симпатичнымъ, не совсѣмъ идущимъ къ нему голосомъ увѣрилъ юношу, что положеніе серьезно, но не опасно, „кровь еще не сразу сварится“; что онъ поднималъ и не такихъ, какъ баронъ, и что теперь барону нужно потѣть и спать. Приготовленное снадобье дастъ ему и потъ, и сонъ, а черезъ два дня онъ будетъ здоровъ.

Потомъ Гансъ слышалъ, какъ старикъ, уже выйдя изъ палатки, бранилъ провожатыхъ барона и самого Пеначо за то, что они пустили въ воду барона, зная, что это опасно въ такое время, когда испаренія и безъ того даютъ лихорадки. Это и глухо, и нехорошо съ ихъ стороны. Баронъ—*зримо*, и ничего этого не понимаетъ; но его надо было научить и поберечь, прощая ему его задорность (*pendenciero*). Провожатые оправдывались, а Пеначо ворчалъ смущеннымъ басомъ, тономъ виновнаго человѣка. И Гансъ слышалъ, что эти люди, презираемые барономъ, теперь заботятся о немъ безкорыстно и искренно. Значить, они не вполнѣ „скоты дикіе“. И пожалуй въ ихъ чернотѣ дѣйствительно былъ виноватъ только нагавшій на нихъ ученый и строгіе ангелы,—думалъ этотъ глуповато-важный слуга, по-своему любившій барона и какъ земляка, и какъ великаго для него человѣка. При слабо-пущенномъ огонькѣ лампы Гансъ заботливо укрывалъ больного, не замѣчая слезъ, катившихся по его длинному носу, не чувствуя ихъ соленаго вкуса.

Сухіе цвѣты добраго волдуна-негра были не только благодатнымъ противолихорадочнымъ, но и сильнымъ свотворнымъ средствомъ, и наркотическое вліяніе ихъ сказалось быстро, усыпивъ больного.

Гансъ помѣстился около его постели, на землѣ, на посланномъ тюфякѣ, и, облокотившись на подушку, не спускалъ съ него глазъ. Къ девяти часамъ больной, укутанный всѣми одѣялами и тюфяками, бывшими въ палаткѣ, былъ покрытъ лившимся съ него потомъ. Пеначо и негръ-волдунъ, войдя, остались довольны и повеселѣли. „Онъ спасенъ“,—говорили они.—„Опоздай онъ еще часъ, и пота вельзя было бы уже вызвать! А теперь онъ спасенъ. Къ утру у него покажется сыпь, а когда пройдетъ сыпь, онъ можетъ встать. Т.-е., черезъ два-три дня“.

Это была правда—баронъ былъ спасенъ отъ болѣзни; но только отъ болѣзни... И темныя силы мщенія проносились вокругъ, невѣмъ еще не видимыя...

Мрачная черная ночь царила надъ Бахчаръ-Итѣ. Въ удушливомъ жаркомъ воздухѣ порывами проносился вѣтеръ, отъ времени до времени колыхая бока палатки, и въ этихъ порывахъ доносились Гансу и глухой гулъ роптавшаго по высотамъ лѣса, и злобные, унылые крики летавшихъ во мракѣ совъ. И эти звуки ненастной ночи, въ порывахъ вѣтра, проносились голосами угрозъ и плача надъ палаткой больного, надъ стихнувшимъ лагеремъ, и неслись дальше въ черную тьму, въ долинамъ и холмамъ.

У костровъ не раздавались больше ни гитары, ни оживленный шумъ голосовъ. Несмотря на то, что палатки переставили выше, т.-е. ближе къ палаткѣ барона, Гансъ слышалъ, что близко за ними, бурно шумя, неслась вода росшаго ручья. Озабоченно-угрюмые отдѣльные голоса отъ времени до времени стали ругательства и провлятія. Потомъ говорили о часовомъ. Теперь незачѣмъ ставить часового къ барону... Люди устали отъ работъ и перестановки палатокъ. А главное—теперь всѣ соединены, и одинъ часовой видитъ всѣхъ. Да и вода растеть, и если не спадеть къ полуночи, съ новыми дождями надо будетъ идти на плато, въ бараки,—иначе ихъ затопитъ всѣхъ какъ крысь.

По горной стѣнѣ террасы пробѣжалъ свѣтъ молніи и съ верховьевъ ручья донеслись далекіе раскаты грома. Гансъ слушалъ, какъ говорили объ озерѣ. Оно должно быть переполнено, какъ налитое до краевъ корыто пращи. И, судя по тучамъ и грому, тамъ шелъ дождь и вчера, и сегодня, а къ полуночи гроза разразится и надъ Бахчаръ-Итэ, и придется тогда опять передвигаться. Если вѣтеръ не перемѣнится, лучше это сдѣлать теперь же.

И Гансъ, облокотясь и продолжая смотрѣть въ лицо больного, слушалъ рабочихъ, мысленно соглашаясь съ ихъ доводами. При тускломъ полусвѣтѣ онъ видѣлъ крупныя капли пота на лбу барона, на его вискахъ съ слипшимися волосами и поблѣднѣвшихъ щекахъ... Но дыханіе его было ровное и спокойное, какъ у здороваго спящаго человѣка. Отрадное чувство спокойствія овладѣло имъ, и онъ уснулъ, уткнувшись упавшей головой въ подушку.

Выспавшись днемъ, за отсутствіемъ барона, въ его постели и съ журналами въ рукахъ, Гансъ спалъ теперь прерывающемся, чуткимъ сномъ. Сквозь сонъ слышалъ онъ, какъ бились отъ усилившагося вѣтра края палатки. Голоса рабочихъ перешли въ сплошной шумъ кричавшихъ между собой людей, потомъ слышался трескъ и скрипъ ломавшагося дерева подъ ударами топора. Вбиваютъ колья, переставляютъ палатки... „Значить, ручей растеть“,—думалъ Гансъ въ полуснѣ, и въ этомъ состояніи онъ услышалъ, что что-то стукнуло ему въ ногу. Онъ быстро вскочилъ и сѣлъ на тюфякъ, смотря на чернѣвшій квадратъ открытаго полотнища палатки, и въ то же время увидѣлъ, что сверху отъ стѣны влетѣло и упало другое что-то, на этотъ разъ бѣлѣвшее. Присмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что это былъ камешекъ съ привязанной къ нему запиской, который бросили ему сверху, съ горы.

Гансъ быстро вскочилъ на ноги, схвативъ камешекъ съ запиской. Очевидно, сверху, въ открытомъ, полуосвѣщенномъ пространствѣ, видѣли и его, и спавшаго барона. Но кто это можетъ быть? Конечно, это не индѣйцы! вмѣсто камешковъ, они послали бы имъ что-нибудь другое, — сообразилъ Гансъ.

И прибавивъ огня въ лампѣ, блѣдный отъ волненія, онъ развернулъ бумажку. Держа ее дрожащими руками, онъ увидѣлъ, что это была записка на нѣмецкомъ языкѣ, и крупный почеркъ ея строкъ позволилъ свободно прочитать слѣдующее:

„Господинъ баронъ фонъ-Ванденъ, спасайтесь немедленно. Индѣйцы запрудили рѣчку, вытекавшую изъ озера, и разрушаютъ его плотину на вашей сторонѣ горъ. Затопленіе Бахчаръ-Итэ неизбежно. Не могъ — безъ опасности для своихъ — предупредить васъ или остановить ихъ месть. Но не пугайтесь, а главное — *не теряйте порядка*. По спущенному канату послѣдовательно должны подниматься по три или четыре человѣка, *не больше*. *Сохраняйте порядокъ, избегайте шума*. Проводники проведутъ васъ надежнымъ путемъ. Господь да поможетъ вамъ и вашимъ людямъ, и спасетъ всѣхъ васъ. — Патриціо“.

Гансъ нѣсколько разъ прочиталъ эти строки, держа трясущимися руками записку у самого стекла лампы. Холодный ужасъ приближавшейся смерти леденилъ ему кровь, дрожь пробѣгала по членамъ, и нѣмецкая разсудительность его исчезла. По импульсу страха, почти безъ мысли, кинулся онъ въ стѣнѣ, дрожащими руками проводя по ней, и нащупалъ толстую веревку. Его глаза теперь, хорошо видѣвшіе отъ возбужденности, видѣли, что изъ его рукъ она уходила вверхъ по стѣнѣ, туда, во мракъ страшнаго лѣса, гдѣ грозно шумѣли черныя деревья да проносились мовѣщіе крики...

Но веревка была прикрѣплена. Толстая, жесткая, съ узлами. И тамъ наверху ихъ ждали люди... Добрые люди, не индѣйцы. Добрые потому, что они пишутъ по-нѣмецки и пришли, чтобы спасти его и барона, — пронеслось въ головѣ Ганса.

И опять вбѣжавъ въ палатку, онъ понималъ теперь, что надо что-то дѣлать. Традиція подчиненности подсказала ему, что надо увѣдомить барона. Остановившись на этой мысли, онъ потомъ точно углубилъ ее въ себя, припомнивъ подчеркнутыя слова записки. Сохранять порядокъ... Не дѣлать шума.

И ужасъ опять охватилъ его. Эти дикіе безъ барона никого

не послушаютъ! Они всё захотятъ лѣзть вмѣстѣ и прежде, чѣмъ полѣзеть баронъ!

„Полѣзеть?!“ — поймалъ онъ себя на этомъ словѣ, и глаза его остановились на баронѣ.

Взглянувъ на его блѣдное лицо, неопытный, невѣжественный Гансъ понималъ, однако, что баронъ, — увы, — не полѣзеть, — у него не хватаетъ силъ... И кинувшись къ больному, онъ сталъ будить его сперва легко, потомъ сильнѣе... Потомъ онъ взялъ его за кисти рукъ, приподнялъ съ подушекъ и, забывая осторожность, и звалъ, и кричалъ.

Но баронъ не открылъ даже глазъ. Наркотическій настой дѣйствовалъ теперь всей своей силой, и онъ спалъ глубокимъ сномъ. Это былъ сонъ-обморокъ. Его горячія, потныя руки выскользнули изъ дрожащихъ рукъ Ганса, и онъ опять упалъ на подушки. Разбудить и поднять его было невозможно!

Гансъ зарыдалъ, — дико, горячо, съ давящей болью страданія, уже безъ страха и мысли, а только страдая. Онъ не видѣлъ ни выхода, ни надежды, и страдалъ и бился.

И давимый, безсильный, не думая уже, онъ теперь, по невѣдомому ему импульсу внутренняго своего существа, невольно для него самого, въ слезахъ и рыданіяхъ воззвалъ къ Тому, Кто, полный любви, и свѣта, и жизни, не даетъ смерти, но таинственно-мудро допускаетъ и тьму, и зло...

Бѣднаго мальчика, къ счастью, не убила еще мертвящая спорная „научность“ прогресса. Онъ еще *жилъ*. Фанфаронство барона, лакейскія претензіи на образованность не погасили въ Гансѣ чистаго, святаго огонька вѣры. И теперь, со всею страстностью безсильной, страдающей души своей, онъ горячо взывалъ къ Богу.

И что-то родное, теплое точно охватило душу Ганса. Онъ отнял руки отъ жесткихъ рыжихъ вихровъ головы; онъ чувствовалъ теперь соленый вкусъ слезъ, падавшихъ на губы скошеннаго отъ рыданій рта. Онъ начиналъ понимать и думать опять, сперва тоскливо и съ болью... Его рыданія стихали передъ началомъ мысли.

Но мысль росла, овладѣвала имъ, точно отстраняя боль души. Чувствуя это, онъ не понималъ причины, устранившей страданіе, и уже не молился больше. Занятый создавшимся въ его головѣ планомъ, онъ скорѣе понималъ, чѣмъ слышалъ раскаты грома находившей грозы, дробящейся стукъ по палаткѣ мелкаго дождя и крики рабочихъ, которые точно росли и приближались.

Это напомнило ему о дѣлѣ. Онъ рѣшилъ привязать барона и

тянуть его *туда*. Спасеніе его онъ обобщалъ съ своимъ спасеніемъ, а спастись самому, безъ барона, не приходило на мысль Гансу, хотя въ то же время о спасеніи другихъ онъ не думалъ, понимая а priori, что имъ-то это легко. Положеніе барона теперь могло бы отдѣлить его отъ Ганса, и, при меньшей любви послѣдняго, неизбежно явилась бы мысль о *безполезности* спасать барона, таща его полуобнаженнымъ подъ начинающеюся грозой, таща въ лѣсъ, гдѣ тоже неудобства ждали больного! Покрытаго теперь сильнѣйшей испариной едва ли вернулъ бы къ жизни и самъ отецъ Патриціо, о которомъ Гансъ, къ тому же, и не зналъ, потому что разговоръ о немъ засталъ его уже спавшимъ. Но честный и любящій Гансъ не рассуждалъ, и рѣшилъ втащить барона наверхъ, не увѣдомивъ никого изъ „двѣихъ“, — истиннѣе любви подсказалъ ему, что они не могутъ сдѣлать теперь для барона того, что онъ, Гансъ, способенъ сдѣлать.

Тутъ только замѣтилъ онъ, что лампа уже давно едва-едва теплилась розовымъ, умирающимъ огонькомъ на обгорѣвшей свѣтильнѣ. Онъ вспомнилъ теперь, что они зажигали ее эти дни только на время „раздѣванья“ барона, сохраняя керосинъ, и что теперь ихъ ждетъ темнота.

Онъ быстро выбѣжалъ изъ палаты и схватился за веревку. Упираясь ногами въ стѣну и приподнимаясь руками по узламъ, онъ достигъ плоскаго верхняго края стѣны и, вскарабавшись на нее, пошелъ на четверенькахъ по лежавшей уже на плоскости веревкѣ, не сразу понимая положеніе. Вставъ потомъ на ноги, онъ увидѣлъ, что веревка шла отъ ближняго дерева, и понялъ, что она привязана.

— Wo ist der Freund?—сказалъ онъ негромко, взглядываясь въ мракъ.

Отъ стволовъ деревьевъ отдѣлились и пошли къ нему двѣ черныя фигуры.

— Господь и миръ да будутъ съ тобою, братъ!—сказалъ испански мужской звучный голосъ. Не ожидая ничего испанскаго, Гансъ пятился назадъ, рискуя разбиться.

Подошедшіе оказались францисканскими монахами. Въ черномъ овалѣ раздувавшася непогодой капюшона Гансъ увидѣлъ смуглое, истомленное лицо молодого монаха. Другой монахъ, стоя позади, рисовался неясной черной фигурой. Гансъ съ минуту смотрѣлъ въ лицо привѣтствовавшаго его францисканца, и, не смотря на трагичность положенія, у него вырвалось его обычное: „Zum Teufel“! Юноша-монахъ обладалъ одною изъ тѣхъ благородныхъ и сильныхъ фізіономій, которыя замѣчаются даже

и Гансами. Это былъ одинъ изъ двухъ францисканцевъ, не принятыхъ барономъ, и которымъ Гансъ подалъ на блюдечкѣ два пэзо, тамъ, въ Санъ-Педро, — уже давно, казалось ему теперь. Узнавъ монаха и не скрывая этого, Гансъ таращилъ глаза. Монахъ, казалось, тоже узналъ Ганса и, точно отвѣчая ему на его недоумѣніе, сказалъ, что Провидѣніе рѣшило, что онъ увидитъ барона и радъ будетъ оказать ему гостепріимство. Потомъ добавилъ, что надо торопиться, въ виду наступающей грозы, да и опасность наводненія должна быть очень близкой, потому что они провели въ дорогѣ около десяти часовъ.

Это опять вернуло Ганса къ его горю. Объяснивъ монахамъ болѣзнь барона и свой проектъ поднятія, онъ сталъ просить монаховъ помочь ему. Къ ужасу Ганса, они отказались. Пославшій ихъ настоятель, отецъ Патриціо, запретилъ имъ спускаться внизъ, къ вострамъ. Они должны были увѣдомить барона именно такъ, какъ это они сдѣлали, но не спускаясь внизъ, къ вострамъ. Имъ это запрещено, и это надо честно исполнить. На всѣ мольбы Ганса они отвѣчали, что онъ напрасно теряетъ время, — драгоценное время для жизни столькихъ людей, — что ни одинъ изъ нихъ ни спуститься, ни звать людей иначе не можетъ; и когда Гансъ сталъ укорять ихъ въ жестокости, грозя имъ мщеніемъ Бога, монахъ объяснилъ ему, что приказанія его начальника — не капризъ, а глубоко продуманное соображеніе: кто поручится имъ, что за лагеремъ не наблюдаютъ враги барона?! Пока они во мракѣ лѣса, помощь ихъ можетъ быть или не быть открытой; но разъ ихъ увидятъ въ лагерѣ барона, дѣло измѣняется, и ихъ общинѣ грозитъ опасность мщенія. Они не могутъ изъ состраданія къ барону потерять состраданіе къ сотнямъ другихъ людей! Не могутъ также непослушаніемъ оскорбить о. Патриціо. То, что они сдѣлали, и безъ того уже опасно, страшно опасно. Но они пренебрегаютъ опасностью во имя любви къ ближнему и рады помочь — не выставляясь, однакоже, въ интересахъ общины.

Рыданіе вырвалось изъ груди Ганса, и, обхвативъ одежду монаха, онъ упалъ на колѣни. Въ черныхъ, глубокихъ глазахъ юноши отразилась борьба, и онъ молчалъ, не рѣшаясь ни поднять Ганса, ни оттолкнуть его, полуоборотясь къ своему, все время молчавшему товарищу.

— Спустись съ нимъ, — я позволю! — сказалъ тотъ по-русски, тихо и точно говоря съ самимъ собою. Потомъ онъ сдѣлалъ шагъ къ Гансу.

— Твое горе мѣшаетъ тебѣ думать, сынъ мой, — какъ-то

ласково и сильно связалъ онъ ему по-нѣмецки.—Мы сдѣлаемъ какъ ты просишь, но ты долженъ будешь послушать меня...

Этотъ голосъ и звуки родного языка оживили Ганса, и онъ радостно бросился впередъ.

Передъ нимъ былъ старикъ-францисканецъ, высокій, худощавый и нѣсколько согнувшійся. Смиренно-величественный нарядъ монаха вполне гармонировалъ съ его физиономіей. Капюшонъ, закрывая его голову, позволялъ разсмотрѣть лицо,—строгое лицо праведника, худощавое, съ впалыми щеками, съ сѣдыми бровями, задумчиво сдвинутыми, и узкой рѣдковатой бородой клиномъ, длинной полосой бѣлѣвшею на груди. Онъ походилъ на святыхъ византійскаго стиля, напоминая въ то же время и русскаго старика-пасѣчника, уже совсѣмъ глухого и только по привычѣ „слушающаго“, какъ гудятъ божьи-пчелки-работницы надъ родными липами.

Гансъ съ наклоненной головой искалъ его руки, но старикъ привлекъ его къ себѣ и поцѣловалъ его мокрую щеку. Потомъ онъ на мигъ заглянулъ ему въ лицо, и его большіе голубые глаза, съ лучистыми морщинами вокругъ, точно засвѣтились лаской.

— Ты плачешь, проси за другого,—это не по-американски! И конечно ты еще недавно въ Америкѣ,—полу-смѣясь, говорилъ старикъ, и костлявая рука его ласкала шею Ганса.

— Я боюсь, что баронъ умретъ,—говорилъ Гансъ, но отъ радно чувствовалось ему и отъ этой ласки, и отъ этого свѣтлаго, точно лучистаго взгляда стараго францисканца.

— Смерти нѣтъ, сынъ мой, вѣрь мнѣ. Насъ всѣхъ ждетъ лучшая жизнь,—отвѣчалъ онъ.

Потомъ лицо его сдѣлалось серьезнымъ, а въ глазахъ отразилось спокойно-повелительное выраженіе чловѣка власти и мысли. И отнявъ руку, онъ заговорилъ по-испански, полу-оборотясь къ своему спутнику. Моросившій, пробѣгавшій порывами дождь усиливался, и всѣ трое повернулись спиной къ лагерю. Старикъ сталъ отдавать имъ приказанія.

— Вы спуститесь вдвоемъ, стараясь по возможности не привлекать ничего вниманія въ лагерѣ. Надо увязать барона въ простыни и одѣяла и прикрѣпить къ канату... Пока оставьте его еще на землѣ... Я бы тоже спустился съ вами, но у меня нѣтъ силъ въ ногахъ... Чувствую, что не могу... Но вы справитесь вдвоемъ, и, привязавъ, поднимайтесь сюда; мы втянемъ его общими силами... и укроемъ... Одѣялъ возьмите нѣсколько... для переноски...

Онъ замолчалъ и съ минуту стоялъ молча. Потомъ обратился къ Гансу:

— А потомъ ты пойдешь со мной впередъ. Вдвоемъ. Они не должны насъ видѣть.

— Вдвоемъ? Впередъ? А какъ же баронъ? — съ тревогой спросилъ Гансъ.

— Его понесутъ за нами люди, укрытаго отъ непогоды. И сдѣлаютъ привалъ до разсвѣта, если она усилится. А ты и я — мы пойдемъ вдвоемъ, — спокойно рѣшилъ старикъ.

Гансъ согласился тоскливо-неохотно, но боясь противорѣчить. И слушая гулъ лѣса въ непроглядной черной тѣмѣ по высотамъ, онъ спросилъ, не нападутъ ли на нихъ звѣри.

— Въ твоёмъ Ганноверѣ или Берлинѣ ихъ не меньше, и тамъ они не побоятся нашихъ фонарей, — не безъ горечи отвѣчалъ ему старикъ. — Не бойся! — Но, однако, что это такое?

Снизу доносилось въ гулъ голосовъ мычанье быковъ и отдѣльные рѣзкіе крики. Быстро подойдя къ краю стѣны, они увидѣли уже начало быстро несшагося на лагерь наводненія. Въ палаткѣ барона давно погасла лампа, и черный квадратъ темноты не позволялъ видѣть ея внутренность... А за ней, тамъ, ниже, сквозь сѣтву дождя, точно слоями пробѣгавшаго по воздуху съ порывами вѣтра, они увидѣли, что отъ единственнаго оставшагося костра съ горѣвшими головешками и сучьями въ палаткѣ барона бѣжали люди, чтобы сохранить въ ней остатки огня. Другіе торопливо тянули снятыя палатки, уже не отвязывая, а рубя веревки, и метались въ хаосъ страха и озлобленія. Глухой зловѣщій шумъ прибывавшей воды то доносился до нихъ порывами вѣтра, то заглушалъ весь этотъ гулъ смятенія.

— Спускайтесь же! Возьми фонарь! — уже рѣзко и сильно крикнулъ старикъ и, отбросивъ капюшонъ молодого монаха на спину, вложилъ въ него, поставивъ стойма, длинный, круглый предметъ съ чуть краснѣвшими вверху точками свѣта. Молодой францисканецъ точно упалъ надъ веревкой и черезъ минуту исчезъ за краемъ стѣны. За нимъ послѣдовалъ и Гансъ.

Старикъ, не замѣчая дождя, смотрѣлъ внизъ, и страданіе отразилось на его лицѣ. Онъ видѣлъ, какъ черный квадратъ палатки освѣтился, и въ этомъ свѣтѣ черныя фигуры тащили что-то бѣлое, клали на землю, метались, суетясь около кровати...

Яркая молнія зигзагами прорѣзала тьму надъ самымъ лагерьемъ, и подъ оглушающимъ трескомъ и грохотомъ удара освѣтила страшное зрѣлище.

Съ верховьевъ ручья, съ стальными отблесками воды, неслись

валъ за валомъ, неслись бревна, срубленные деревья, переворачиваясь силой напора, сталкиваясь между собой, снося палатки и бившихся у нихъ людей... Всѣ они черной массой фигуръ бѣжали теперь къ палаткѣ барона, уже оставивъ работу и борьбу, и скоро ихъ черныя фигуры заслонили собой свѣтлый квадратъ палатки больного.

Съ новой молніей онъ увидѣлъ, что вода уже сносила палатки и бурно неслась подъ стѣной, между людьми. Это была масса донесшейся воды овера.

Сквозь сѣтку дождя онъ видѣлъ ошалѣвшихъ, безумно кричавшихъ людей. Видѣлъ порывы вѣтра, и раскаты грома оглушали его. Вѣтеръ рвалъ его одежду, чуть не сшибая съ ногъ. Онъ видѣлъ, что Гансъ и его спутникъ уже увязывали барона у стѣны... на землѣ.

Потомъ видѣлъ негра въ солдатской курткѣ, грозившаго наступавшему на него рабочему. Это были Пеначо и Лассага, — Лассага, теперь уже не боявшійся барона.

Изъ отдѣльныхъ криковъ, доносившихся въ порывахъ хлеставшаго дождя, среди бури, гула лившейся воды, криковъ и мычанья, старикъ понялъ начало драмы... пока единичной. Очевидно, рабочій хотѣлъ лѣзть, не ожидая спасенія больного. Негръ дѣлалъ движеніе, схватилъ его за горло. Рабочій взмахнулъ рукой... Что-то блеснуло... Они оба упали...

Старикъ, наклонившись надъ этимъ адомъ, поднялъ боковую заслонку своего фонаря, наклонивъ его внизу... Яркій снопъ оранжевыхъ лучей сильнаго свѣта пронизалъ мракъ и засверкалъ въ дождевыхъ струяхъ, брызнувъ полосой свѣта на эту черную массу ошалѣвшихъ людей-звѣрей. Вѣтеръ напиралъ ему въ бокъ; и онъ держался съ трудомъ.

Его фонарь увидѣли; увидѣли и его самого.

— Побойтесь Бога! Спасайте больного! Не падайте духомъ, и Господь спасетъ васъ! — покрывая шумъ, кричалъ онъ имъ громкимъ, звучнымъ голосомъ.

Снизу донесся нестройный ревъ голосовъ, къ нему протянулись руки; онъ видѣлъ лица, искаженные страхомъ и злобой. Его увидѣли, но едва ли услышали.

— Отецъ Патриціо! Божій человекъ! Святой! Спасай насъ! — долетало въ порывахъ бури.

Молнія еще разъ освѣтила несчастныхъ, и громовые раскаты заглушали ихъ крики.

Новые валы нещадно-стихійно неслись уже подъ стѣной, поднимаясь выше, напирая на палатку, на бившихся у каната

людей. Черныя фигуры ихъ казались клубомъ скученныхъ звѣрей...

Потомъ изъ этого клуба, отдѣляясь, падая, опять отдѣляясь, поднимались черныя фигуры. Цѣплялись за веревку... Одна... Три... Достигали половины стѣны... За ними—другія.

— Остановитесь внизу!—ревѣлъ старикъ, едва держась на краю стѣны отъ спивавшей его съ ногъ бури.—Остановитесь, несчастные!—уже съ мольбой кричалъ онъ.

Но его не слушали и не слышали: буря несла его крики въ мракъ затопленнаго лагеря подъ несущимися водами. Онъ видѣлъ искаженное ужасомъ лицо поднимавшагося перваго чловека, его безумно расширенныя глаза. За нимъ другого... Многихъ другихъ...

— Остановитесь, несчастные! Не всё сразу!—кричалъ онъ въ изступленіи, махая фонаремъ и едва не падая.—Останови...—Онъ не докончилъ. Ударъ по ногѣ концомъ лопнувшаго каната прервалъ его слова...

Потомъ онъ видѣлъ, какъ отъ стѣны отлетѣлъ, кубыркнувшись четвереньками въ полосѣ свѣта фонаря, первый изъ взбѣжавшихъ наверхъ.

Кучу бившихся внизу людей покрывала вода.

Исчезъ и свѣтъ фонаря молодого монаха...

Старикъ отвачнулся назадъ и закрылъ глаза рукою. Капюшонъ упалъ ему на спину, и дождь хлесталъ его по лицу и по обнаженной головѣ.

Дождь лилъ теперь потоками, заглушая все шумомъ ливня. Тамъ, внизу, неясными отрывками, все рѣже и рѣже долетали до него стоны и бессильные вопли борющихся съ безошадной смертью... Вода съ ревомъ неслась теперь до половины стѣны. Быки и мулы еще бились, скользя копытами по стѣнѣ, затопляемые бревнами, которыя неслись съ цѣплявшимися за нихъ безпомощно, безумно, людьми...

Страшный сонъ Люси сбылся. Если только это былъ сонъ!

А старикъ стоялъ, какъ неподвижное видѣніе, на краю стѣны, надъ смертью... Его рука, бессильно упавшая, держала фонарь у колѣна, и отъ него, прорѣзывая мракъ, протиснулась узкая полоса прямого свѣта, не освѣщая его самого. Молніи, свергая надъ нимъ, освѣщали несшіяся воды съ ихъ жертвами, которыхъ онъ теперь уже не слышалъ... Его глаза глядѣли въ мракъ, ничего не види передъ собой, и изъ нихъ, вмѣстѣ съ струями дождя, бѣжали слезы по лицу его, обоженному зноемъ пустынь, темному, какъ лики святыхъ угодниковъ божіихъ на далекой его родинѣ...

Губы шевелились... И въ экстазѣ безмолвной горячей молитвы за погибавшихъ онъ не чувствовалъ ни злобы бушевавшихъ стихій, ни ужасовъ бури этой страшной ночи смерти и мщенія.

Сильный порывъ вѣтра волыхнулъ его полный воды капюшонъ. Тяжесть его на спинѣ, сдавивъ горло, привела его въ себя, напомнила ему, что онъ еще живеть.

И всю ночь бушевала буря. Громовые удары пронесились адскими раскатами по горамъ, а въ грозномъ гулѣ лѣса, во мрагѣ злобы и смерти метались и бились деревья.

И только къ разсвѣту стала стихать буря. Пересталъ и дождь. Брезжущій свѣтъ сѣренькаго утра, безмолвіе затишья—царили надъ Бахчаръ-Итэ...

По небу мутно-сѣрому, какъ дымъ, разорванными вѣтвями неслись облака... Надъ водами несшейся рѣки, точно вглядываясь въ нихъ, съ печальными кривыми носились чайки, чуть касаясь воды концомъ островонечнаго треугольнаго крыла...

Прошло три мѣсяца.

Вѣсть о затопленіи Бахчаръ-Итэ и гибели его поселенцевъ пришла въ Санъ-Педро только недѣлю спустя послѣ катастрофы: лѣсныя дороги по разлившимся потокамъ были непроходимы, да и сообщенія по лѣсамъ, благодаря индѣйцамъ, были не безопасны.

Бивуагъ Риверо и самъ онъ спаслись чудомъ, плавая между деревьями, и достигли округа, полу-умирая отъ голода и изнуренія.

Монахи узнали, конечно, первыми о страшной мести индѣйцевъ, и послѣ перваго спада водъ въ долинѣ нашли останки погибшихъ. Это были уже не трупы, а обглоданные, смрадные, исковерканные скелеты. По илистой долинѣ, тамъ и сямъ, ихъ отыскали, благодаря коршунамъ, искавшимъ еще гниющихъ остатковъ. Нельзя было сразу узнать—да и стоило ли это узнавать!—кому принадлежали эти вонявшія кости: людямъ или животнымъ.

Отецъ Патриціо, привезшій въ Санъ-Педро эту страшную вѣсть, взялъ на себя и тяжелую обязанность подготовить къ ней Люси, по своему влеченію идти всегда туда, гдѣ есть боль и страданіе.

Но онъ встрѣтилъ нѣчто неожиданное.

Монаха удивила сила самообладанія бѣдной женщины, которая, казалось, знала о гибели мужа. Но вѣсть все-же поражала ее, и, блѣдная отъ ужаса, она прижала къ груди руки, сложивъ ихъ какъ на молитву. Въ глазахъ ея не было слезъ, и,

поднявъ ихъ къ небу, она заговорила лихорадочно-порывисто, какъ въ экстазѣ молитвы.

— Онъ погибъ, отецъ мой, онъ погибъ!—говорила она.— Ты, Господи, Отецъ и Судья всѣхъ насъ. Ты долженъ знать и его сердце!.. Велико его злодѣяніе, велика его месть... Но ты видишь и великую любовь его. Ты знаешь, что онъ рѣшилъ перенести кару праведной руки Твоей, и страдать самому, но спасти отъ неволи и страданія бѣдныхъ и угнетенныхъ. Прости же, прости его Ты, Отецъ правды и милосердія, или дай мнѣ понести за него праведный судъ Твой!

И, закрывъ лицо руками, она зарыдала, судорожно вздрагивая плечами.

Отецъ Патриціо слушалъ, опустивъ голову, и проникательный умъ его видѣлъ тайную драму.

— Кто много любить—тому многое простится,—прошепталъ онъ, и несчастье рыдающей казалось ему теперь еще болѣе тяжелымъ... Знатовъ человѣческаго сердца и зная по опыту, что не утѣшеніями райскаго блаженства утихаетъ боль души, онъ мягко, спокойно, какъ старый другъ плакавшей, сталъ говорить ей о необходимости подчиниться безъ отчаянія, — „въ которомъ всегда есть доля мятежнаго чувства и гнѣва“, — волѣ Провидѣнія; заговорилъ о томъ, что жизнь даже и здѣсь, на землѣ, безконечно разнообразна, и ей, въ ея годы, опять улыбнется и счастье, и свѣтлые, ласкающіе дни... Онъ говорилъ точно спокойно, но страдая за нее.

Эти утѣшенія подѣйствовали на Люси, хотя и не такъ, какъ думалъ старикъ. Глаза ея высохли, и горькая улыбка страданія исказила блѣдное лицо несчастной.

— Счастье!—заговорила она.—Счастье уже не для меня! Къ прошлому нѣтъ возврата, отецъ мой! Да и это прошлое... развѣ въ немъ было собственно счастье? Развѣ, подойдя ближе къ жизни, я не увидѣла любовь только... самого себя... тамъ, гдѣ ждала найти любовь... ко мнѣ... А настоящее... настоящее...

Она закрыла лицо руками, точно боясь видѣть, борясь и содрогаясь.

— Я не должна думать о немъ! Онъ убійца мужа! — прошептала бѣдная женщина.

На другой день она лежала въ безпамятствѣ, въ бреду нервной горячки. Около недѣли жизнь ея была на волоскѣ, но молодость и сильная натура взяли свое: она уцѣлѣла.

Поправлялась она медленно, презрительно-апатично относясь

ко всему окружающему. Потомъ, уже сидя въ креслѣ, въ саду, и безсилно уронивъ на колѣни руки, она, смотря передъ собой въ пространство, точно ждала кого-то, шепча непонятныя слова. Сильно исхудавшая, подурнѣвшая и съ остриженными волосами, она мало походила теперь на прежнюю „очаровательную баронессу“, прельщавшую маіора Кортеса.

Маргарита явилась для нея женщиной-другомъ. Если раньше свиданія Люси въ саду съ индѣйцемъ возбуждали ея подозрѣнія,—теперь бредъ горячки открылъ ей тайну. И она неусыпно-честно сдѣлала все, чтобы сохранить ее отъ окружного доктора, прѣхавшаго вмѣстѣ съ маіоромъ, отъ Перкинса, отъ старика Антоніо и другихъ сердобольныхъ лицъ, приходившихъ справляться о здоровьѣ вдовы. Маргарита показала тутъ всю сноровку друга, а по выздоровленіи—и деликатность своей дружбы. Она, впрочемъ, не долго могла скрывать отъ самой Люси знаніе ея тайны. Умалчиваніе и уклончивость Маргариты скоро сказали бѣдной женщинѣ, что о душевной ранѣ ея знаетъ ея служанка, что, какъ женщина, она ее понимаетъ и сочувствуетъ ей. Это сблизило ихъ обѣихъ, и Люси, послѣ долгаго и выразительнаго взгляда на Маргариту, молча обняла ее и долго и тихо плакала на ея плечѣ.

Что касается маіора, то онъ проявилъ въ отношеніи къ Люси и порядочность, и тактъ. Онъ, конечно, искренно жалѣлъ барона, и для него, мало думавшаго, баронъ являлся въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Болѣзнь Люси отъ вынесеннаго ею потрясенія тронула этого боливійскаго джентльмена, и въ душѣ его тихимъ свѣтомъ забрезжилась любовь къ страдающей женщинѣ, которая еще такъ недавно волновала его только чисто... зоологически. И Люси, остриженная и исхудавшая, уже не порождала въ немъ только пластическія соображенія въ полумракѣ будуара, а человѣчески-гуманное стремленіе опять сдѣлать ее поющею и счастливою. При этомъ онъ уважалъ ея горе, ея любовь къ исчезнувшему другу, и чувство его къ Люси выразилось въ потребности заслужить ея любовь, показать ей дѣломъ, рискуя собой, какъ тяжело ему ея горе. Но, скрывая эту зрѣвущую въ немъ мысль, онъ старался всѣми силами скрывать свои надежды, былъ почтительно вѣжливъ и угодливъ до невозможнаго. Ободряя, какъ умѣлъ, больную, онъ говорилъ,—сильно насилуя себя, бѣднякъ,—что отъѣздомъ ея изъ Санъ-Педро займется правительство страны и вся интеллигенція „вѣреннаго ему округа“, что онъ, какъ другъ ея, это устроитъ, и т. д., и

т. д., безъ малѣйшаго слова о своей любви или надеждѣ. Любовь сдѣлала его и лучше, и умнѣе.

Но обѣ женщины не обманулись и поняли, что все это говорилось, чтобы замаскировать чувство, которое угадывается женщинами даже у болѣе ловкаго, чѣмъ маіоръ, человѣка. Въ бесѣдѣ объ этомъ Маргарита осторожно воснула возможность превращенія Люси въ боливійскую маіоршу, — воснула и сразу же поняла, какъ далека была Люси отъ подобнаго превращенія.

Не задолго до ихъ отъѣзда въ Буэносъ-Айресъ, „Mensajero del Pueblo“ вышелъ въ траурной каймѣ, объявляя о смерти маіора Кортеса въ схваткѣ съ индѣйцами.

По словамъ хроникѣра, маіоръ преслѣдовалъ ихъ съ своимъ отрядомъ до Игуэ и дальше, т. е. уже на бразильской территоріи, и захватилъ въ плѣнъ около пятидесяти человѣкъ. Онъ добивался узнать виновныхъ, на этотъ разъ не боясь и главнаго виновника — Нисахъ-Керрү, котораго ему, однако, не удалось захватить. Не добившись никакого признанія, ни указанія, онъ угрожалъ имъ смертью, собственноручно былъ плѣнникомъ. Но во время этой расправы на отрядъ напала масса индѣйцевъ, — около пятисотъ человѣкъ, — которыхъ собралъ и повелъ Нисахъ-Керрү. Они напали на отрядъ, и битва длилась недолго.

Отъ отряда маіора не уцѣлѣло и десяти человѣкъ. Самъ онъ, тяжело раненный въ горло и грудь, едва могъ отступить съ горстью солдатъ. Онъ умеръ, истекая кровью, не добравъ до города. И умирая, этотъ безалаберный до жестокости человѣкъ показалъ, что не былъ безсердечнымъ, и чувство его къ Люси, пожалуй, поставило бы его потомъ на лучшую дорогу... Держа уже холодящими руками ея портретъ, съ туманомъ смерти въ глазахъ, онъ поцѣловалъ его и отдалъ негру-солдату, взявъ съ него клятву отдать ей. „Только ей самой“, — добавилъ онъ.

И негръ выполнилъ клятву. Пораженная Люси узнала, что ея портретъ, который она считала погибшимъ вмѣстѣ съ мужемъ, былъ у маіора. Когда и какъ онъ досталъ его, она не узнала, но хроникѣръ, говоря объ этомъ обстоятельстве, назвалъ ее „уважаемой дамой“ съ инициалами L. von-W.

Такъ прошло три мѣсяца. Съ прекращеніемъ дождей, сразу же наступила хорошая погода, еще не жаркая, а недавно сѣрое небо теперь, отъ водяныхъ испареній, было темно-голубымъ небомъ Венеціи. Природа послѣ бурь и грозъ опять радостно, любовно обнимала бѣдную землю, и, ласково сіяя, темно-голу-

бой сводъ неба раскинулся надъ пустынями и горами Бахчаръ-Итѣ...

Догоралъ тихій вечеръ не жаркаго, чуднаго дня обновленной природы. Заходящее солнце стояло уже низко надъ холмами, противъ горъ, освѣщая розовымъ свѣтомъ безмолвные лѣса по ихъ уступамъ... Еще минута—и огненный дискъ его, какъ раскаленное ядро, ушелъ за холмы, и отъ нихъ по долинамъ протянулись длинныя тѣни. А за холмами пылало море огня, и вершины ихъ рѣзко обозначились на ярко горѣвшемъ фонѣ заката.

По лощинѣ, у подножья горъ, съ тихимъ ропотомъ неслась рѣка, образуя полукругъ залива тамъ, гдѣ еще недавно слышался шумъ снесенной ею жизни пришельцевъ.

Вода свесла и сгладила все, и тихими всплесками подъ неровнымъ напоромъ теченія набѣгала на зеленую траву у подножья горъ. Но въ серединѣ лощины масса несшейся воды казалась неподвижной, теченіе не замѣчалось, и на зеркальной поверхности ея отражались, въ опрокинутомъ видѣ, контуры горныхъ уступовъ, зеленныя роцы въ розовомъ сіяніи заката, да глядѣлось темно-голубое небо, прекрасное, тихое и... безучастное къ борьбѣ человѣка!

Вода неслась у самыхъ корней деревьевъ.

Одно изъ нихъ, подмытое уже, склонилось надъ водой, и длинныя вѣтви его касались рѣки. Струи ея, пробѣгая между ними, тихо журча, блестя серебромъ чистой воды.

А на выдающійся суекъ его вершины прилетѣла сверху, съ горъ, птичка... сѣрая, съ черными крыльями и хохломъ на симпатично-задорной, умно глядѣвшей головкѣ...

Подергивая хвостомъ, точно собираясь улетѣть, она глядѣла на пылавшій за холмами закатъ, на долины съ набѣгавшими на нихъ тѣнями, на рѣку съ ея отраженіями и, казалось, соображала дальность полета.

Потомъ, слегка откинувъ назадъ голову, огласила безмолвіе наступавшихъ сумерекъ чистыми трелями своей пѣсни безвѣстнаго счастья, жизни и свободы...

И замолчала, точно сама прислушиваясь къ своему пѣнію...

Потомъ запѣла опять непрерывными серебрястыми трелями, любовно прощаясь съ заходящимъ солнцемъ. Счастливая и свободная, она пѣла, не зная и чуждаясь того, что несущіяся воды, надъ которыми проносятся ея трели, разрушили столько надеждъ, заглушая еще такъ недавно и крики злобы и отчаянія, и стоны умирающихъ во тьмѣ страшной ночи!

И теперь, въ сіяніи мирнаго заката, ея трели ласкали слухъ. Въ тишинѣ этихъ зеленѣющихъ пустынь былое проносилось смутнымъ сномъ, уже теряя свои очертанія.

А предъ тихимъ величіемъ природы жалкими призраками возставали, точно въ смутной дымкѣ, силуэты жизни съ ея обманчивыми миражами...

Аргентина.

Н. С. Кларкъ.

ШАТКІЯ ОСНОВЫ

ЭСКИЗЪ

— Wilhelm v. Polenz. „Wurzelocker“, Roman in zwei Bänden.

XIII *).

Генрихъ Лемфинкъ уѣхалъ къ себѣ на родину въ Швабію. Ему захотѣлось навѣстить мать и сестру, съ которыми онъ долго не видался.

Послѣ его отъѣзда, Зигфридъ Зильберъ, уже не стѣсняясь, подходилъ въ кофейной къ Фрицу Бертингу и усаживался за его столomъ. При этомъ онъ каждый разъ спрашивалъ позволенія, какъ будто желая подчеркнуть, что не забылъ когда-то полученнаго имъ отказа. Длинноволосые юноши, вмѣстѣ съ Фрицемъ сбѣжавшіе съ чтенія „Суллы“, тоже посѣщали эту же самую кофейную, и Бертингъ раскланивался, встрѣчаясь съ ними. Это обстоятельство не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ Зильбера. Онъ понялъ, что Фрицъ бываетъ у г-жи Гильшіусъ, и нѣсколько разъ принимался его разспрашивать о хозяйкѣ дома, о ея средствахъ и о томъ, кто именно у нея бываетъ. Въ концѣ концовъ, Фрицу пришлось дать прочесть Зильберу романъ г-жи Гильшіусъ.

Фрицъ понялъ очень скоро скрытую цѣль всѣхъ этихъ разговоровъ и разспросовъ. Зильберъ желалъ попасть въ салонъ г-жи Гильшіусъ.

Фрицъ подсмѣивался въ душѣ надъ Зильберомъ. Его самого

*) См. выше: октябрь, стр. 600.

несколько не тянуло къ г-жѣ Гильшіусъ; но настойчивость Зильбера всегда, въ концѣ концовъ, побуждала его, и онъ обѣщалъ отправиться туда съ нимъ въ ближайшую субботу. Но когда наступилъ назначенный день, его вдругъ охватило сомнѣніе. Онъ сталъ бояться за костюмъ и за манеры Зильбера. Вспоминая острый языкъ Анни Эшауеръ и насмѣшливую улыбку фрейлейнъ фонъ-Лаванъ, онъ почти сожалѣлъ о данномъ имъ обѣщаніи. Но его опасенія не оправдались. Зильберъ, для такого торжественнаго случая, явился въ безукоризненномъ бѣлѣ, а кромѣ того, въ эту субботу ни фрау Анни, ни Гедвиги фонъ-Лаванъ не было у г-жи Гильшіусъ.

Г-жа Гильшіусъ была въ восторгѣ, что ея салонъ обогатился еще однимъ изъ „извѣстныхъ писателей“. Вейсблейхеръ, игравшій роль патрона дома, былъ совершенно недоволенъ. Онъ презрительно вздернулъ носъ и бросалъ уничтожающіе взгляды на своего единоплеменника. По его мнѣнію, Зигфридъ Зильберъ былъ весьма нежелательнымъ элементомъ въ этомъ домѣ.

Фрицъ невольно удивлялся, видя, до какой степени Зильберъ искусно исполняетъ свою роль. Онъ не могъ изучить хорошихъ манеръ за отцовскимъ прилавкомъ, но его первый дебютъ въ свѣтѣ можно было назвать особенно удачнымъ. Онъ живо разобрался среди присутствовавшихъ и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на звѣзды второй и третьей величины, посвятилъ все свое вниманіе исключительно людямъ, пользовавшимся извѣстностью и значеніемъ. Онъ долго и очень дружески разговаривалъ съ сыномъ хозяйки дома, Теофилемъ-Алоизомъ. Фрицъ, проходя мимо, случайно услышалъ какія-то громкія фразы, что-то „о будущности нѣмецкой литературы, которая нуждается въ спасителѣ“. Фрицъ несколько не сомнѣвался въ томъ, что каждый изъ этихъ юношей смотритъ на себя какъ на этого будущаго спасителя.

Зильберъ добился своей цѣли. При прощаньѣ, хозяйка очень любезно попросила его не забывать ея средѣ.

Нѣсколько дней спустя, Фрицъ Бертингъ отправился къ Вейсблейхеру. Онъ держалъ корректуру своего романа, и ему довольно часто приходилось встрѣчаться съ издателемъ. Вейсблейхеръ передалъ ему приглашеніе г-жи Гильшіусъ. Она звала Фрица позавтракать у нея въ самомъ интимномъ кружкѣ. Кромѣ своей семьи, она ждала въ этотъ разъ только Вейсблейхера и профессора Вальборга.

Фрицу Бертингу уже приходилось не разъ слышать это имя. Вейсблейхеръ особенно значительно упоминалъ его, а дамы, собиравшіяся въ салонѣ г-жи Гильшіусъ и почему-либо, такъ или иначе, причастныя литературѣ, произносили его съ какимъ-то боязливымъ трепетомъ. Фрицъ какъ-то спросилъ у Вейсблейхера, что за человѣкъ этотъ профессоръ Вальборгъ и что въ немъ такого особеннаго.

— О, это—одинъ изъ корифеевъ нашей критики!—отвѣтилъ ему Вейсблейхеръ. — Онъ двумя строчками можетъ пустить въ ходъ каждаго молодого писателя.

Вейсблейхеръ еще прибавилъ, что хотя Вальборгъ и принадлежитъ къ старой школѣ, но это нисколько не умаляетъ его значенія, а въ современныхъ молодыхъ писателяхъ онъ цѣнитъ больше всего скромность и отсутствіе всякой заносчивости.

Г-жа Гильшіусъ встрѣтила Фрица необыкновенно любезно, когда онъ, въ назначенный день, ровно въ два часа, появился въ ея салонѣ. Анни Эшауеръ раскланялась съ нимъ, какъ уже съ старымъ знакомымъ. Она собиралась ѣхать въ Карлсбадъ, и осталась на лишній день только изъ-за этого завтрака. Во время разговора Фрица съ хозяйкой дома и ея дочерью, Теофиль-Алоизъ сидѣлъ вдали отъ всѣхъ, положивъ ногу на ногу и подпершись рукой. Видъ у него былъ сосредоточенный и мрачный, и можно было подумать, что въ его головѣ зарождается новое произведеніе, не уступающее, по своимъ достоинствамъ, знаменитому „Суллѣ“. Фрау Анни поинтересовалась узнать, приготовилъ ли онъ свой латинскій урокъ. Этотъ ядовитый вопросъ взорвалъ юношу. Онъ пробормоталъ что-то по поводу „неслышаннаго нахальства“ и выскочилъ изъ комнаты. Мать пошла утѣшать своего разбуженнаго любимца. Анни разсмѣялась и сказала:

— Вотъ вамъ и семейная сцена!

Она только-что собиралась поговорить по душѣ съ Фрицемъ, какъ къ нимъ подошелъ Вейсблейхеръ. Профессора Вальборга все еще не было. Онъ заставилъ подождать себя, а когда явился, то объявилъ, что его задержалъ одинъ извѣстный писатель,—при этомъ онъ назвалъ одну изъ аристократическихъ фамилій. Онъ хотѣлъ узнать мнѣніе профессора по поводу своего драматическаго произведенія. Вальборгъ довольно долго распространялся на эту тему, что дало ему возможность упомянуть и многихъ другихъ изъ своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ.

Наконецъ, сѣли за столъ, и профессоръ Вальборгъ принялся снова ораторствовать. Онъ говорилъ о литературѣ, и все, что онъ ни говорилъ, имѣло болѣе или менѣе ближайшее отношеніе

къ его собственной персонѣ. Онъ пересыпалъ свою рѣчь анекдотами, цитировалъ слова знаменитыхъ людей — и все это съ явной цѣлью выставить себя центромъ литературнаго движенія за послѣднее десятилѣтіе.

Г-жа Гильшюсъ не спускала восторженнаго взора съ великаго человѣка, Теофиль почтительно слушалъ его, а всегда говорливый Вейсблейхеръ окончателно умолялъ. Одна только фрау Анни отваживалась, по временамъ, возражать профессору, принимавшему ея слова какъ милую шутку.

Съ Фрицемъ Бертингомъ профессоръ Вальборгъ очень долгое время не говорилъ ни слова, но, вѣроятно, не сомнѣвался, что и онъ, какъ и всѣ, преклоняется предъ нимъ. Г-жа Гильшюсъ представила ему Фрица, какъ поэта и автора только-что печатающагося романа, и профессоръ, желая познакомиться съ направлениемъ молодого человѣка, началъ говорить о современной молодежи.

Старикъ не особенно стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ относительно натуралистическаго направленія въ литературѣ. По его мнѣнію, натурализмъ былъ самымъ грубымъ и примитивнымъ проявленіемъ творчества и возвращалъ людей къ эпохѣ варварства. Онъ смотрѣлъ на натурализмъ и на декадентство какъ на два зловредныя явленія въ современной литературѣ.

— А между тѣмъ, я все-таки очень люблю, когда мнѣ, въ видѣ разнообразія, попадается что-нибудь декадентское, — замѣтила Анни. — Воспѣваніе несокрушимой нѣмецкой вѣрности, описаніе чуднаго Рейна, восхваленіе всевозможныхъ добродѣтелей, — все это ужасно надоѣло, и я такъ рада, когда встрѣчаю что-нибудь болѣе интересное. Въ Берлинѣ у меня очень много знакомыхъ молодыхъ поэтовъ, и мнѣ очень съ ними весело!

— Истинно женскій способъ спорить. Вамъ весело, и потому вамъ нравится, — язвительно возразилъ профессоръ. — Но мнѣ, въ мои годы, приходится уже быть основательнѣе, сударыня, и глубже вникать въ сущность вещей; вотъ почему я и смотрю на модный натурализмъ какъ на болѣзнь и заразу, губительную для современной литературы. Повторяю вамъ, что это направленіе ведетъ къ нравственному одичанію и къ самому грубому нигилизму!

При этихъ словахъ, лицо и шея профессора замѣтно покраснѣли подъ желтовато-сѣдыми волосами, и сѣрые глаза заблестѣли изъ-подъ очковъ непримиримой ненавистью.

Анни Эшауеръ уже нѣсколько разъ довольно выразительно

посматривала на Фрица Бертинга. Она ждала, что онъ, наконецъ, возразитъ профессору, и онъ заговорилъ:

— Мнѣ кажется,—началь онъ,— что натурализмъ—это не болѣзнь, а напротивъ, наиболѣе здоровое проявленіе творчества. Оно не имѣетъ ничего общаго съ декадентствомъ и представляетъ собою могучій протестъ противъ неестественности и безсилія предъидущаго поколѣнія. Натурализмъ явился самъ по себѣ, но еслибы даже его не было, необходимо было бы создать его. Декадентство тоже служить однимъ изъ проявленій общественной жизни и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуютъ изломанные люди. Искусство не подчиняется требованиямъ избитой нравственности,—оно, прежде всего, свободно, а потому упреки въ безнравственности въ этой области, по меньшей мѣрѣ, безцѣльны.

Профессоръ Вальборгъ смотрѣлъ съ невыразимымъ изумленіемъ на молодого человѣка. Онъ былъ пораженъ его неслышанной смѣлостью. Вейсблейхеръ дѣлалъ Фрицу знаки, чтобы онъ замолчалъ. Теофиль сидѣлъ съ открытымъ ртомъ. Анни, довольная тѣмъ, что Фрицъ, наконецъ, поднялъ брошенную ему перчатку, кивала ему головой, въ знакъ полного пониманія. Г-жа Гильшюсъ начинала замѣтно волноваться. Она знала, что профессоръ не выносилъ никакого противорѣчія, и, стараясь перевести разговоръ на другую тему, заговорила что-то неясное и сбивчивое объ образовательной роли искусства, заимствуя свои мысли изъ передовой статьи послѣдняго нумера газеты. Но ея попытка не удалась. Перебросившись нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями, противники снова вернулись къ прежней темѣ. У профессора накопилось слишкомъ много раздраженія противъ новаго направленія, и онъ долженъ былъ высказать все, что было у него на душѣ, этому Фрицу Бертингу. Имя его онъ слышалъ въ первый разъ въ своей жизни, но сразу понялъ, къ какой школѣ онъ принадлежитъ.

И профессоръ Вальборгъ принялся пространно и очень внушительно доказывать, что натурализмъ, въ сущности, не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ. Уничтожая всякія границы между ремесломъ, наукой и настоящимъ искусствомъ, онъ не имѣетъ ничего общаго съ красотой.

Фрицъ Бертингъ возразилъ ему, что натурализмъ опирается на жизненную правду.

— Нѣтъ! — закричалъ въ какомъ-то неистовствѣ старикъ, сверкая глазами.— Нѣтъ! Мы это ужъ не разъ слышали, но это—чистѣйшая ложь. Прикрываясь стремленіемъ къ правдѣ, вы рое-

тесъ въ мусорныхъ кучахъ и выбираете оттуда всякую гадость и грязь.

— Но вѣдь и въ жизни не одна красота, — возразилъ Фрицъ Бертингъ. — Писатель, желающій быть правдивымъ, не долженъ ни на что закрывать глаза. Молодые писатели только смѣлѣе старыхъ. Они не боятся показывать жизнь такой, какая она есть на самомъ дѣлѣ, въ ея неприкрашенномъ видѣ.

— Да и въ вонцѣ концовъ все это — только недостойная спекуляція на нервы публики. Это — не литература, а просто какой-то музей восковыхъ фигуръ. Вы всѣ ретрограды, и самыя лучшія изъ васъ все-таки не художники, а только довольно искусныя ретушеры!

— Вашъ упрекъ несправедливъ, — возразилъ Фрицъ, все время сохранявшій хладнокровіе, въ противоположность своему противнику. — Мы совсѣмъ не ставимъ себѣ цѣлью механическое воспроизведеніе дѣйствительности, но мы уважаемъ природу и хотимъ служить ей изо всѣхъ силъ, не дѣлаясь въ то же время ея рабами.

— Да, и въ этомъ служеніи природѣ вы доходите до порнографіи! — гремѣлъ профессоръ. — Ваши книги — это чистѣйшая зараза. Вы разрушили старыя идеалы и не создали никакихъ новыхъ. Отъ молодежи, живущей безъ идеала, нельзя ждать ничего хорошаго!

— Вы ошибаетесь, у насъ есть идеалы, г-нъ профессоръ. Именно эти идеалы и дали намъ смѣлость спуститься въ самыя вѣдра жизни и освѣтить пропасти, никогда не видѣвшія свѣта. Наше время — это время реализма, и мы побѣдимъ. Даже такіе великіе люди, какъ Гёте, являются нашими помощниками.

— Позвольте вамъ возразить, что вы клеветаете на Гёте.

— О, въ этомъ случаѣ я говорилъ не о тайномъ совѣтникѣ Гёте; я имѣлъ въ виду молодого Вольфганга. Онъ, навѣрное, понималъ бы насъ. Кромѣ того, и самъ Гёте никогда не возмущался молодежью, никогда не называлъ ее, подобно нашимъ современнымъ ханжамъ, бездарной и безнравственной. И наконецъ, за что именно мы должны уважать старую шлоу? Что она дала намъ? Какіе образцы? Неужели мы обязаны восхищаться профессорскими романами? Въ большинствѣ случаевъ, это сказки, даже не особенно удачныя, для подарка на ёлку маленькимъ дѣтямъ. Для меня же литература...

Но въ эту минуту таинственные знаки Вейсблейхера приняли угрожающій характеръ, а фрау Анни размѣялась насмѣшливо и злорадно. Фрицъ внезапно остановился. По выра-

женію едва сдерживаемой злости въ лицѣ профессора онъ понялъ, что своими послѣдними словами невольно тяжело оскорбилъ его. Наступило тягостное молчаніе.

На этотъ разъ изъ неловкаго положенія вывелъ всѣхъ Теофиль-Алоизъ.

— Вотъ такъ штука! уже десять минутъ четвертаго!—воскликнулъ совершенно неожиданно авторъ „Суллы“, взглянувъ на часы, и, окинувъ унылымъ взглядомъ сидѣвшихъ за столомъ, онъ пошелъ изъ столовой.

Г-жа Гильшіусъ воспользовалась этимъ маленькимъ эпизодомъ, чтобы заговорить о переутомленіи современной молодежи и о томъ, какъ вредно заниматься сейчасъ же послѣ ѣды.

Кофе подали въ большую гостиную, гдѣ происходило чтеніе знаменитаго „Суллы“.

Г-жа Гильшіусъ, Вейсблейхеръ и профессоръ занялись обсужденіемъ будущности произведенія Теофила, а Анни прошла вмѣстѣ съ Фрицемъ въ маленькую гостиную.

Фрицъ Бертингъ испытывалъ непріятное ощущеніе челоуѣка, сдѣлавшаго только-что какую-то очень большую неловкость, и онъ разсѣянно поглядывалъ на Анни. Молодая женщина вытнула на качалѣ и закинула на спинку бѣлыя руки, покрытыя кольцами. Во всѣхъ ея движеніяхъ была какая-то кошачья грація, притягивавшая и раздражавшая Фрица.

— Сегодня вы понравились мнѣ еще больше, чѣмъ въ тотъ разъ,—проговорила она послѣ нѣкотораго молчанія.—Однако и досталось же профессору Вальборгу!—прибавила она съ насмѣшливой улыбкой. — Значитъ, вы знаете, что почтенный критикъ написалъ какой-то историческій романъ, что-то изъ временъ финикійцевъ или ассирійцевъ? Онъ очень гордится имъ.

— Нѣтъ, я этого не зналъ, но я понялъ по его лицу, что лавры Эберса не даютъ ему покоя. Мнѣ очень жаль, что я былъ невѣжливъ относительно одного изъ гостей вашей матушки.

— Ахъ, это пустяки! Я такъ довольна, что вы отдѣляли этого стараго бонзу. Онъ привыкъ ко всеобщему поклоненію, ему никто никогда не противорѣчить, и это ему будетъ очень полезно. Но, однако, бойтесь: вы нажили себѣ врага!

— О, я это отлично видѣлъ по его лицу, и трепещу за свой бѣдный романъ.

— Вашъ новый романъ! Вейсблейхеръ уже сказалъ мнѣ его заглавіе. Оно обѣщаетъ очень много, а я ужасно любопытна. Расскажите же мнѣ содержаніе!

— Я этого не могу сдѣлать, сударыня.

— Развѣ это неприлично уже до такой степени?

— Нѣтъ, дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Я просто боюсь и не умѣю говорить о своихъ произведеніяхъ.

— Вы—странный человѣкъ, совсѣмъ особенный и не похожій на другихъ... Однако, я, кажется, собралась вамъ говорить комплименты; но мнѣ такъ хочется поближе узнать васъ, проникнуть во всѣ ваши тайны. Я увѣрена, несмотря на вашу невинный видъ, что вы что-то скрываете. Ну, скажите мнѣ, какъ очутились вы въ этой дырѣ? Вѣдь раньше вы жили въ Берлинѣ?

Фрицъ рассказалъ вкратцѣ о провалѣ своей драмы.

— Конечно, это было не главное, что заставило меня уѣхать, но мнѣ вдругъ опротивѣла суетливая, шумная жизнь, мнѣ захотѣлось тишины, уединенія. Я оставилъ Берлинъ и пріѣхалъ сюда.

— Какъ это глупо!—воскликнула вдругъ, вся оживившись, Анни и выпрямилась на качалкѣ.—Берлинъ—это единственный городъ, гдѣ дѣйствительно живутъ! И что за бѣда, что вы провалились. Сегодня провалились, завтра имѣли бы успѣхъ. Нужно бороться, бороться, не переставая, изо всѣхъ силъ. Это—самое главное.

— Я пріѣхалъ сюда, чтобы собраться съ мыслями. Мнѣ нуженъ былъ покой и тишина для новой большой работы.

— Отлично! Теперь вы съ ней покончили и возвращаетесь въ Берлинъ. Это необходимо для успѣха вашего новаго романа. Если онъ будетъ имѣть вообще успѣхъ, то въ Берлинѣ о васъ прокричатъ, вы сразу станете самымъ интереснымъ человѣкомъ, и васъ будутъ приглашать наперерывъ во всѣ салоны.

— Да, это слава одного дня. Она проходитъ и разлетается какъ дымъ.

— Ужъ я позабочусь, чтобы этого не случилось. За это я вамъ ручаюсь!—воскликнула Анни, и глаза ея засверкали.—Пріѣзжайте въ Берлинъ—и вы увидите! У насъ бываютъ всѣ выдающіеся дѣятели театральнаго міра, всѣ журналисты и писатели. Вы познакомитесь съ нужными людьми. Вы только напишите что-нибудь для сцены, а ужъ я позабочусь о постановкѣ. Всѣ поэты крайне непрактичны и нуждаются въ одобреніи, а въ Берлинѣ съ одной скромностью недалеко уйдешь. Провинція губить людей, г-нъ Бертингъ, вы мнѣ повѣрьте. Я увѣрена, что вы послушаетесь меня, и осенью же будете въ Берлинѣ. Я очень надѣюсь на это.

Фрицъ не сказалъ ничего опредѣленнаго Анни Эшауеръ. Эта женщина, съ ея кипучей жизнерадостностью, всегда возбужденная и остроумная, была типичной представительницей шума и

суеты богатыхъ кварталовъ Берлина. Она притягивала и волновала Фрица своими движеніями, полными чувственности, яркими, блестящими глазами, своимъ голосомъ и даже молчаніемъ.

— Вѣдь вы пріѣдете. Не правда ли?

— Нѣтъ. Это мнѣ неудобно.

— Почему неудобно?

— Я не свободенъ.

— Вы не свободны? Вѣдь вы не женаты и не отецъ многочисленнаго семейства. Ахъ, да, понимаю...—на лицѣ Анни появилась уже знакомая Фрицу лукавая и насмѣшливая улыбка:— вы влюблены... Вѣдь да, я не ошиблась?

Глаза Анни въ эту минуту, когда она ждала отвѣта Фрица, смотрѣли на него съ пытливымъ выраженіемъ, но затѣмъ она разсмѣялась и продолжала шутливымъ тономъ:

— Будьте же откровенны, г-нъ Бертингъ. Я убѣждаю на дняхъ въ Карлсбадъ, и вѣроятно не увижусь съ вами цѣлое лѣто. Меня очень интересуетъ ваша судьба, и мнѣ кажется, что вамъ жижется не особенно хорошо. Скажите мнѣ откровенно, не могу ли я вамъ быть хоть сколько-нибудь полезной? Вамъ совсѣмъ нѣтъ никакой причины дѣлать обиженное лицо. Въ моемъ предложеніи нѣтъ для васъ ровно ничего обиднаго.

— Я очень благодаренъ вамъ за ваше доброе отношеніе, сударыня,—отвѣтилъ Фрицъ. Неожиданный оборотъ разговора подѣйствовалъ на него какъ ушатъ холодной воды.—Увѣряю васъ, что мнѣ ровно ничего не нужно. Мнѣ необходимъ покой для работы, и здѣсь въ этомъ отношеніи мнѣ, конечно, лучше, чѣмъ въ Берлинѣ.

— Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли съ вашимъ покоемъ! Но, во всякомъ случаѣ, я очень прошу васъ обратиться именно ко мнѣ въ тяжелую минуту. А теперь, въ знакъ своего согласія, дайте мнѣ вашу руку.

— Какая у васъ тонкая и нервная рука!

XIV.

Фрицъ Бертингъ не забылъ своего обѣщанія принести фрейлейнъ фонъ-Лаванъ сочиненія Бальзака, и понесъ ей книги.

Ему отворила дверь толстощекая горничная. Онъ назвалъ ей свое имя, и она съ сіяющимъ лицомъ пригласила его войти. Фрицъ Бертингъ, во избѣжаніе недоразумѣнія, счелъ нужнымъ объяснить ей еще разъ, что онъ желаетъ видѣть именно ба-

рышню, а не старыхъ дамъ. Горничная выслушала его съ видомъ полного пониманія и, хихикая, сказала, что барышня Гедвига уже давно приказала провести барина, когда онъ придетъ, прямо къ ней.

Фрицъ вошелъ съ книгами въ узкую комнату въ одно окно. Гедвига фонъ-Лаванъ сидѣла за письменнымъ столомъ. Увидѣвъ его, она встала и пошла къ нему на встрѣчу. Она протянула ему руку и посмотрѣла ему прямо въ глаза своими спокойными и ясными глазами. Потомъ она предложила ему сѣсть, а сама опять подошла къ письменному столу и развязала пакетъ съ книгами.

Онъ смотрѣлъ, какъ она быстро перебирала маленькія, пожелтѣвшія книги, заглядывая съ любопытствомъ въ оглавленіе. На ней было сѣрое, совершенно гладкое платье, и ея мальчишеская фигура казалась особенно худой и тонкой. Фрицъ смотрѣлъ на профиль ея блѣднаго лица, окруженнаго дымкой бѣловурыхъ вьющихся волосъ, и его поразило опредѣленное выраженіе дѣловитости, составлявшей характерную особенность всего существа молодой дѣвушки.

Фрицъ Бертингъ попробовалъ ей посовѣтовать, въ какомъ порядкѣ читать принесенныя имъ книги, чтобы лучше и полнѣе изучить автора.

— Видите ли, г-нъ Бертингъ, я не имѣю ровно никакой способности изучать авторовъ и ихъ произведенія. Я всегда читала безъ всякой системы и только то, что мнѣ нравилось. Я никогда не изучала литературу, какъ это принято дѣлать.

— Но какъ же вы могли спастись отъ этого въ школѣ?

— Я никогда не была ни въ одной школѣ. Я много путешествовала съ моимъ отцомъ, много наблюдала изъ окна вагона и слушала рассказы отца. Онъ былъ моимъ учителемъ, и я не знаю лучшаго преподавателя. Хотя у него и не было ровно никакой системы, но я многому выучилась у него шутя, безъ всякихъ усилій.

Она устала книги на полку, одинъ томъ оставила на письменномъ столѣ, и затѣмъ сѣла напротивъ Фрица. И опять его поразило спокойствіе и увѣренность, съ какою она все это дѣлала и говорила. Въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ словѣ было что-то выдержанное и породистое.

Онъ сталъ спрашивать молодую дѣвушку объ ея родителяхъ, и она въ немногихъ, но яркихъ словахъ обрисовала ему свое дѣтство и юность.

Отецъ фрейлейнъ фонъ-Лаванъ служилъ офицеромъ въ пяти-

десятихъ годахъ. Потомъ, въ силу какихъ-то несчастно сложившихся обстоятельствъ, онъ долженъ былъ выйти въ отставку и поѣхалъ въ Америку, гдѣ и принималъ участіе въ междоусобной войнѣ. Тамъ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Послѣ окончанія войны онъ открылъ книжную торговлю и женился на нѣмкѣ, но вскорѣ разорился и овдовѣлъ. Съ этого времени начинается его скитальческая жизнь. Онъ уѣхалъ изъ Америки съ маленькой Гедвигой и началъ странствовать по Европѣ, переѣзжая постоянно съ мѣста на мѣсто. Въ Ментонѣ онъ встрѣтился съ сестрами Китхенъ и обручился съ Амандой, но умеръ, не успѣвъ обвиняться. Передъ смертью онъ умолялъ свою невѣсту позаботиться объ его дочери. Гедвигъ онъ не оставилъ никакого наслѣдства, кромѣ дневника и своихъ воспоминаній.

Фрицъ Бертингъ спросилъ, не собирается ли фрейлейнъ фонъ-Лаванъ издать эти мемуары. Гедвига отвѣтила, что до сихъ поръ она еще серьезно объ этомъ не думала. Записки ея покойнаго отца были интимнаго характера.

— Вѣроятно онѣ имѣютъ отношеніе къ политикѣ?—освѣдомился Фрицъ.

— О, ни малѣйшаго. Эти воспоминанія—чисто личнаго характера, и тетя Аманда возмутилась, когда прочла нѣсколько строкъ. Очень многое написано въ формѣ писемъ къ женщинѣ-другу, и тетя никакъ не могла повѣрить, что это лицо—вымышленное. Она собиралась предать сожженію всю рукопись, и мнѣ съ трудомъ удалось спасти ее.—Гедвига завернула рукавъ и обнажила тонкую, нѣжную руку.—Вотъ посмотрите,—сказала она, указывая на багровый рубецъ:—я вытащила изъ огня записки отца, и теперь онѣ вдвойнѣ мои. Я не отдамъ ихъ никому на свѣтѣ, и когда мнѣ удастся ихъ напечатать, я думаю, что очень многіе отнесутся къ нимъ иначе, чѣмъ тетя Аманда. О, какъ я рада, что это все мое, совсѣмъ мое!—съ гордостью прибавила она, и легкій, чуть замѣтный румянецъ окрасилъ ея блѣдныя щеки.

— Вы непременно должны поближе познакомиться съ моими тетушками, г-нъ Бертингъ. Это такія милыя, славныя старушки, и я очень люблю ихъ обѣихъ. Онѣ очень обидятся, если вы не зайдете къ нимъ. Онѣ застѣнчивы и очень любопытны.

Она открыла дверь въ переднюю, и они прошли черезъ нее въ большую залу. Тамъ, благодаря спущеннымъ шторамъ, было полутемно. Мебель стояла вся въ бѣлыхъ чохлахъ. Черезъ эту комнату, имѣвшую какой-то нежилой видъ, Фрицъ и Гедвига прошли въ комнату поменьше, гдѣ сидѣла старшая тетушка, Ида.

Она сидѣла и шила въ очкахъ на носу, и очень испугалась, когда вошла Гедвига съ молодымъ человѣкомъ. Фрейлейнъ фонъ-Лаванъ еще разъ представила гостя старушкѣ, но это видимо нисколько не успокоило тетушку. Все съ тѣмъ же испуганнымъ видомъ она быстро сложила свою работу и, шепнувъ что-то дѣвухѣ на ухо, заковыляла къ дверямъ и исчезла изъ комнаты.

— Тетушка Ида пошла къ Амандѣ. Она должна непременно ей все рассказать и посоветоваться, что дѣлать. Аманда на три года моложе Иды, и потому Ида относится къ ней какъ къ ребенку. Она одѣваетъ ее по своему вкусу, считаетъ ее красавицей и не пускаетъ по вечерамъ гулять одну. Большая часть дня посвящается соображеніямъ о томъ, что должна съѣсть и выпить Аманда, когда ей слѣдуетъ кататься и когда гулять пѣшкомъ. Аманда считается слабого здоровья, и тетушка Ида устраиваетъ постоянныя консультаціи съ домашнимъ докторомъ насчетъ того, какое лекарство нужно дать сестрѣ. Вотъ въ этомъ и проходитъ наша жизнь.

— Но какъ же вы можете все это выдерживать?

— Я?— великолѣпно. Мои старушки такъ сильно заняты другъ другомъ, что для меня имъ почти не остается времени, и я дѣлаю рѣшительно все, что мнѣ угодно.

Какъ разъ въ эту минуту вошли сестры. Въ салонѣ г-жи Гильшіусъ онѣ показались Бертингу удивительно похожими другъ на друга старушками, но здѣсь ему сразу бросилось въ глаза ихъ существенное различіе. Насколько Ида относилась небрежно къ своей наружности, настолько Аманда усиленно занималась ею. Видно было, что она наскоро приварядилась для гостя. Ея голову украшала кружевная накладка съ изумительнымъ пестрымъ бантомъ. Сестры поздоровались съ Фрицемъ, и обѣ уставились на него своими большими круглыми глазами съ выраженіемъ любопытныхъ птицъ. Онѣ видѣли въ первый разъ писателя въ своемъ домѣ.

Ида заявила, что онѣ очень мало понимаютъ въ искусствѣ, но имъ приходится встрѣчать много знаменитостей въ салонѣ г-жи Гильшіусъ. Онѣ были яркими театралками и стѣны ихъ гостиной были увѣшаны фотографіями актеровъ и актрисъ въ ихъ коронныхъ роляхъ. На самомъ видномъ мѣстѣ красовались карточки несравненнаго Вольдемара. Ида поспѣшила сообщить, что г-нъ Гесловъ уже два раза оказалъ имъ честь откушать у нихъ, но Аманда сейчасъ же поправила сестру и сказала, что онъ былъ у нихъ не два, а три раза.

Фрицъ съ любопытствомъ посматривалъ на Гедвигу. Ему хо-

тѣлось понять, какъ она относится ко всему окружающему, но дѣвушка все время сидѣла съ самымъ невиннымъ дѣтскимъ лицомъ и имѣла такой видъ, точно все происходившее очень мало касалось ея.

Когда Фрицъ поднялся, чтобы распрощаться съ хозяйками, то обѣ сестры пришли въ страшное волненіе. Онѣ, очевидно, собирались что-то сказать, но ни одна не рѣшалась начать, и онѣ въ замѣшательствѣ подталкивали другъ друга. Наконецъ Ида, какъ старшая, рѣшилась. Она выступила немного впередъ и, краснѣя, какъ застѣнчивая дѣвочка, пригласила Фрица откупать у нихъ въ ближайшую субботу.

XV.

Въ городъ явилась на гастроли труппа изъ южной Германіи. Фрицу уже нѣсколько разъ приходилось читать рецензіи о талантѣ пріѣзжихъ актеровъ и о прекрасной постановкѣ нѣсье, но все это не вызывало въ немъ ни малѣйшаго желанія пойти въ театръ. Народныя пьесы, съ ихъ крестьянскимъ жаргономъ, нисколько не привлекали его. Но однажды утромъ онъ получилъ отъ Лемфинка, вернушагося изъ своей поѣздки, коротенькую записку. Лемфинкъ сообщалъ, что взялъ на сегодняшній вечеръ ложу бенуара и надѣется видѣть Фрица и Альму своими гостями. Онъ прибавлялъ, что знакомъ съ труппой, и увѣренъ, что она доставитъ удовольствіе фрейлейнъ Луксъ.

Невозможно было уклониться отъ такого любезнаго приглашенія, и Фрицъ сказалъ Альмѣ, чтобы она позаботилась о своемъ вечернемъ туалетѣ.

Въ этотъ вечеръ давали пьесу изъ народной жизни съ кушетами и хорами. Альма и Фрицъ сидѣли въ аванъ-ложѣ, Лемфинкъ же помѣстился позади. Альма была очень интересна, и много биноклей было направлено на ихъ ложу.

Лемфинкъ угадалъ вкусъ Альмы. Содержаніе пьесы было самое примитивное. Въ началѣ зло какъ будто побѣждало добро, но въ концѣ концовъ пороки были достойно наказаны, а добродѣтель торжествовала. Альма переживала все происходившее на сценѣ. Она отъ души смѣялась во всѣхъ комичныхъ мѣстахъ, плакала и страдала вмѣстѣ съ героями. Иногда, въ особенно трагическихъ моментахъ, она вдругъ крѣпко схватывала за руку Фрица, и сію же минуту вслѣдъ за этимъ, при первомъ словѣ, она быстро оборачивалась къ Лемфинку, вся улыбающаяся и съ

блестящими глазами. Во время антрактовъ она сидѣла съ лицомъ внезапно разбуженнаго ребенка, которому не дали досмотрѣть до конца чудесной приснившейся ему сказки.

Во время большого антракта Фрицъ отправился въ буфетъ, выпить стаканъ пива, а Лемфинкъ съ Альмой остались въ ложѣ. Фрицъ стоялъ съ стаканомъ пива и скользилъ разсѣяннымъ взглядомъ по толпѣ совершенно чужихъ и неинтересныхъ людей, когда въ нему неожиданно подошелъ человекъ съ темными быстрыми глазками и острой бородкой.

— Это вы, Зильберъ? Я васъ не замѣтилъ въ театрѣ.

— Конечно я! Только я не сижу такъ важно, какъ вы; у меня свое скромное рецензентское мѣсто въ партерѣ.

— Ну, а какъ вамъ нравится пьеса?

— Нѣчто совсѣмъ не литературное, но для разнообразія это довольно недурно. Хотя я долженъ вамъ признаться, что плохо слѣдилъ за происходившимъ на сценѣ. Меня развлекала близость вашей логи.

— Нашей логи?—съ недоумѣніемъ переспросилъ Фрицъ.

— Отъ всего сердца поздравляю васъ, милѣйшій Бертингъ, —воскликнулъ Зильберъ.—Вы настоящій счастливчикъ! Обладать такимъ сокровищемъ! Вѣдь это сама непосредственность, и притомъ такая свѣжесть, такая жизнерадостность! Одинъ этотъ звонкій смѣхъ—уже бальзамъ для души. Еще разъ поздравляю васъ и прошу принять мое искреннее пожеланіе вамъ всякаго благополучія.

Фрицъ былъ до такой степени возмущенъ циничной улыбкой на лицѣ Зильбера и всѣмъ его неожиданнымъ фамилярнымъ тономъ, что въ первую минуту даже растерялся и не зналъ, что сказать. Но потомъ ему стало смѣшно; въ экстазѣ маленькаго человѣчка было что-то въ высшей степени комичное. Въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ, что сердиться не стоитъ: восхищеніе Альмой, какъ всегда, было ему только лестно.

— Я сразу догадался, что женщины сходятъ по васъ съ ума, милѣйшій Бертингъ, и сегодня я видѣлъ только подтвержденіе моего предположенія. Я—поклонникъ женщинъ, и потому завидую вамъ. Вѣдь вы не сердитесь на меня за это?

Но какъ разъ въ эту минуту раздался звонокъ. Нужно было спѣшить на свои мѣста, и разговоръ оборвался.

Изъ театра они всѣ втроемъ зашли въ ресторанъ. Лемфинкъ и здѣсь былъ своимъ человекомъ, и они уютно усѣлись за отдѣльнымъ столикомъ въ концѣ комнаты. Фрицъ и Альма давно уже не бывали въ хорошихъ ресторанахъ, и теперь ѣли съ не-

скрываемиъ удовольствіемъ вкусныя кушанья, съ такимъ радушіемъ предлагаемыя имъ Лемфинкомъ. Сначала они пили вино, а потомъ перешли на шампанское. Возбужденіе Альмы все еще не улеглось. Она сидѣла вся взволнованная и голосъ ея замѣтно дрожалъ. Лемфинъ, противъ обыкновенія, въ этотъ вечеръ много говорилъ о своей семьѣ и о своемъ прошломъ. Присутствіе Альмы, казалось, развязало ему языкъ въ этомъ направленіи. Онъ съ перваго же взгляда почувствовалъ расположеніе къ дѣвушкамъ. Альмѣ онъ тоже очень нравился, но въ ихъ отношеніяхъ не было и тѣни любовнаго элемента. Вообще, въ жизни Лемфинка почти отсутствовали романическій элементъ, и всю свою нѣжность онъ сосредоточивалъ исключительно на своей сестрѣ Тони. О ней онъ всегда говорилъ съ какимъ-то благоговѣніемъ и обожаніемъ, точно о любимой невѣстѣ. Онъ называлъ ее не иначе какъ „своей маленькой сестренкой“, хотя она была на годъ старше его. И сегодня въ его разказахъ эта Тони играла главную роль. Онъ вытащилъ изъ кармана старый замшевый мѣшечекъ и, вынувъ изъ него фотографію, передалъ ее Фрицу и Альмѣ, со словами:

— Вотъ моя сестра!

На фотографіи было изображено молоджавое и энергичное женское лицо съ вздернутымъ носомъ и умными глазами. Фрицъ не нашелъ въ немъ ничего особеннаго, но Альма не могла оторваться отъ фотографіи.

— Какая она, должно быть, добрая и красивая!—прошептала дѣвушка.

— Она у меня умница и сердце у нея золотое,—сказалъ Лемфинъ, заботливо укладывая карточку обратно въ замшевый мѣшечекъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другую тему. Лемфинъ и Фрицъ заговорили о Берлинѣ.

— Тамъ появился новый талантъ,—сказалъ Лемфинъ.—Вчера было первое представленіе пьесы одного совершенно неизвѣстнаго автора, и сегодня всѣ газеты наполнены отзывами о ней.

Фрицъ еще не зналъ объ этомъ событіи. Онъ спросилъ у кельнера послѣдній нумеръ берлинской газеты и сталъ просматривать театральную хроникку.

— Я знаю автора,—произнесъ онъ.—Недавно еще онъ прозябалъ въ неизвѣстности, а теперь сразу сталъ знаменитостью. „Вчерашнее представленіе открываетъ передъ нами новую эпоху въ нѣмецкой литературѣ“... Читалъ ты это, Лемфинъ? Я немного знаю съ произведеніями этого господина. Онъ писалъ теат-

ральныя пьесы, романы и новеллы, и все это ничтожно, ничтожно до послѣдней степени. А вотъ сегодня его называютъ нѣмецкимъ Ибсеномъ, сравниваютъ съ Мольеромъ и Шекспиромъ.

— Но вѣдь такая похвала, дорогой Бертингъ, для людей понимающихъ—хуже всякой брани.

— Не въ этомъ дѣло, Лемфинкъ! Онъ достигъ своего, и это самое главное. Стать передъ лицомъ всего народа и навѣрное знать, что тебя слышать,—развѣ въ этомъ не величайшее счастье!

— Я совѣтую тебѣ, Бертингъ, обратиться къ исторіи литературы. Если ты станешь смотрѣть на нее издали, то она представится тебѣ громадной горной цѣпью, среди которой выдѣляется одинокая вершина. Когда-то все это было однимъ плоскогорьемъ и уровень его доходилъ до этой выдающейся точки; но постепенно все, что одѣвало и закрывало остовъ горы, осыпалось и превращалось въ удобреніе для долинъ или въ песокъ морской. Все рыхлое и неустойчивое исчезло въ глубинѣ земли и моря,—осталось только одно гранитное основаніе. Этотъ уцѣлѣвшій остовъ кажется еще выше, еще величественнѣе, благодаря своему одиночеству, и онъ будетъ существовать еще много вѣковъ.

— Мысль очень хорошая, Лемфинкъ, но въ ней я не нахожу утѣшенія. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что будетъ послѣ моей смерти. Я хочу, чтобы меня знали и любили при жизни. Я хочу слышать и читать о томъ, какое впечатлѣніе производятъ мои произведенія; я хочу слышать отзвуки моихъ мыслей, видѣть отраженіе моихъ чувствъ; хочу испытать высочайшее наслажденіе отъ сознанія, что мое внутреннее „я“ выражено передъ тысячами людей.

— Твое честолюбіе мнѣ понятно, Бертингъ, но я знаю наслажденіе болѣе высокое, чѣмъ то, о которомъ ты говоришь. Выше всего на свѣтѣ я ставлю тихую, но могучую любовь, которая побуждаетъ человѣка къ творчеству и заставляетъ его забывать, что существуютъ успѣхъ и слава. Вѣрь мнѣ, что только въ тишинѣ вырастаетъ дѣйствительно великое. Ни въ физической, ни въ духовной природѣ ничто не проходитъ безслѣдно. И если даже крошка, упавшая со стола, не пропадаетъ безъ пользы, то неужели проявленіе силы духовной можетъ оказаться бесплоднымъ? Рано или поздно, но настоящее всегда займетъ свое мѣсто. Слава проходитъ, одно настоящее вѣчно.

Фрицъ ничего не отвѣтилъ. Лемфинкъ не разубѣдилъ его, но нѣкоторыя слова друга задѣли его за живое и взволновали его.

— Однако, мы совсѣмъ забыли о нашей дамѣ,—вдругъ замѣтилъ Лемфинкъ, указывая глазами на Альму.—Мы не можемъ

выдержать получаса, чтобы не увлечься какимъ-нибудь литературнымъ разговоромъ.

Онъ наполнилъ стаканы виномъ и чокнулся съ Альмой.

XVI.

Была уже поздняя ночь, когда Лемфинъ разстался съ Фрицемъ и Альмой. Они всё вмѣстѣ вышли изъ ресторана, и Лемфинъ, немного проводивъ ихъ, повернулъ къ себѣ домой.

Альма шла подъ-руку съ Фрицемъ. На улицѣ не было ни души, и дѣвушка, тѣсно прижимаясь къ молодому человѣку, болтала громко и съ оживленіемъ, вспоминая пьесу и всё подробности веселаго вечера. Фрицъ слушалъ ее довольно разсѣянно. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, и ему хотѣлось спать. Оживленіе Альмы онъ приписывалъ вину.

„Завтра ее навѣрное будетъ тошнить“, — мелькнуло у него въ головѣ.

Они подходили уже къ своей улицѣ. Здѣсь освѣщеніе было плохое и тротуаръ замѣтно съюзился. Поворачивая за уголъ, они почти столкнулись съ высокимъ и худымъ человѣкомъ. Онъ выросъ точно изъ-подъ земли и какъ вкопанный остановился передъ ними.

— Людвигъ! — вскрикнула Альма. Фрицъ старался въ темнотѣ рассмотреть человѣка, загородившаго имъ дорогу. Онъ видѣлъ передъ собой худое лицо съ темными, глубоко посаженными глазами, и ему показалось, что губы Людвигъ вздрагиваютъ, точно онъ собирается заговорить съ ними.

— Прошу васъ дать намъ дорогу! — энергично сказалъ Фрицъ, и Глюкъ, бросивъ горящій взглядъ на дѣвушку, весь дрожа, отошелъ въ сторону.

Фрицъ чувствовалъ, какъ вздрагивала рука Альмы.

— Онъ идетъ за нами, онъ идетъ за нами! — шептала, спотыкаясь, дѣвушка. И Фрицъ, дѣйствительно, слышалъ за собою шаги, и сознание, что ихъ въ эту глухую ночную пору преслѣдуетъ обожатель Альмы, было для него не особенно приятно. Но они благополучно добрались до дома. Фрицъ быстро открылъ дверь и, пропустивъ въ нее Альму, оглядѣлся кругомъ. На противоположной сторонѣ узкой улицы медленно шелъ Людвигъ Глюкъ, отворачивая лицо отъ Фрица. Фрицъ слѣдилъ глазами за высокой, сторбленной фигурой, пока она не исчезла во мракѣ.

Войдя къ себѣ въ комнату, Фрицъ прежде всего зажегъ

лампу, и ему бросилась въ глаза мертвенная блѣдность Альмы. Дѣвушка дрожала всѣмъ тѣломъ и лицо ея выражало ужасъ.

— Что съ тобой, дорогая?—спросилъ Фрицъ и взялъ обѣими руками ея руку, холодную какъ ледь.

— Слава Богу!—прошептала она.—Я такъ боялась, что онъ сдѣлаетъ тебѣ что-нибудь дурное.

Фрицъ сталъ смѣяться надъ ея страхомъ. Онъ увѣрялъ, что теперь, когда онъ разглядѣлъ хорошо Людвига Глюка, онъ убѣдился, что въ немъ нѣтъ ровно ничего страшнаго.

На слѣдующій день Фрицъ Бертингъ, пообедавъ въ ресторанѣ, вернулся домой и засталъ всѣхъ въ страшномъ переполохѣ. Уже въ коридорѣ на него налетѣла г-жа Клиппель и оглушила его своими воплями. Случилось что-то неслыханное, и она положительно не знала, чего можно ждать дальше отъ фрейлейнъ и ея обожателя. Фрицъ отстранилъ крикливую особу и поспѣшилъ къ себѣ въ комнату, чтобы узнать отъ самой Альмы, что случилось въ его отсутствіе. Дѣвушка была спокойнѣе, чѣмъ ночью, но ея лицо безъ единой ервинки и неестественный блескъ широко раскрытыхъ глазъ выдавали ея волненіе.

Вотъ что она рассказала Фрицу: цѣлыхъ полъ-часа Людвигъ Глюкъ умолялъ, чтобы ему дали поговорить съ нею, но она, какъ только услышала его голосъ, тотчасъ же убѣжала къ себѣ и заперлась на ключъ. Глюкъ долго стоялъ у дверей и требовалъ, чтобы его впустили. Привлеченные шумомъ со всѣхъ сторонъ, стали сбѣгаться люди. Глюкъ настаивалъ на своемъ, ему предлагали уйти. Опасаясь чего-нибудь еще худшаго, Альма рѣшила выйти. Она стала умолять Людвига оставить ее въ покоѣ, заклинала его честью больше не мучить ее. И онъ наконецъ ушелъ.

Въ это время г-жѣ Клиппель удалось проскользнуть въ комнату своихъ жильцовъ, и она снова принялась жаловаться. Она говорила, что не привыкла къ такому шуму и безобразію въ своей квартирѣ, что это случилось съ нею въ первый разъ въ жизни. Фрицъ прекратилъ ея нытье, объявивъ, что перваго числа стѣвжаетъ съ квартиры. Хозяйка оторопѣла. Этого она не ожидала и попробовала что-то возражать, но Фрицъ еще разъ весьма внушительно повторилъ ей, что они больше не остаются у нея на квартирѣ, и она ушла къ себѣ.

Фрицъ, обдумывая все случившееся, пришелъ къ тому заключенію, что необходимо принять мѣры, чтобы обезопасить себя отъ дальнѣйшихъ вторженій Людвига Глюка.

Обращаться въ полицію ему не хотѣлось. Альма совѣтовала

сейчасъ же переѣхать на другую квартиру, въ другой конецъ города, но объ этомъ Фрицъ не хотѣлъ и слышать. Это уже походило на бѣгство, и притомъ Глюкъ довольно легко могъ узнать и ихъ новое мѣстожителство.

Бертингу казалось, что всего лучше отыскать Людвига и постараться уговорить его оставить Альму въ покоѣ. Этотъ человѣкъ по своимъ письмамъ произвелъ на него такое впечатлѣніе, что его можно убѣдить. По справкамъ оказалось, что штукатуръ не имѣетъ опредѣленнаго мѣстожителства, но Фрицу указали пивную, гдѣ онъ проводилъ свободное время, и онъ направился туда.

Штукатуръ сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ и читалъ газету. Фрицъ подошелъ къ нему и назвалъ его по имени. Людвигъ вздрогнулъ, и его блѣдное лицо вспыхнуло. Видно было, что онъ сразу узналъ Фрица.

— Вы позволите мнѣ присѣсть къ вашему столу? Мнѣ необходимо съ вами поговорить,—сказалъ Фрицъ.

Людвигъ уставился неподвижнымъ взглядомъ на говорившаго и сдѣлалъ головой какое-то неопредѣленное движеніе.

Фрицъ взялъ стулъ и сѣлъ напротивъ Глюка.

— Мнѣ сообщили, что третьяго дня вы были у меня на квартирѣ и хотѣли непременно поговорить съ фрейлейнъ Альмой Луксъ. Вѣдь это такъ, г-нъ Глюкъ?

Что-то похожее на усмѣшку скользнуло по лицу Людвига. Это вывело изъ себя Фрица.

— Прошу васъ изъавить меня отъ дальнѣйшихъ посѣщеній! — почти закричалъ онъ. — Фрейлейнъ Луксъ слышать о васъ не хочетъ, и я въ свою очередь не желаю имѣть васъ своимъ гостемъ. Запомните это хорошенько!

Губы Глюка дрогнули нѣсколько разъ, раньше чѣмъ ему удалось произнести слово.

— Мнѣ больше не о чемъ разговаривать съ Альмой,—наконецъ проговорилъ онъ.—Она напрасно запирается отъ меня,—вѣдь я не злодѣй.

Удрученный видъ Глюка успокоилъ Фрица. Дѣйствительно, этотъ человѣкъ всего меньше походилъ на злодѣя.

— Можетъ быть, вы доверите мнѣ то, что собирались сказать Альмѣ, г-нъ Глюкъ. Я передамъ ей.

Глюкъ недоувѣрчиво покосился на своего собесѣдника, и Фрицъ опять замѣтилъ неприятную усмѣшку на его лицѣ, но понялъ на этотъ разъ, что это была не усмѣшка, а просто нервное подергиванье губъ.

— Вы можете спросить Альму, — началъ Глюкъ своимъ тихимъ голосомъ, — помнить ли она еще того, кто избавилъ ее отъ преслѣдованій одного молодца, — она уже знаетъ, каковаго. Я-то прекрасно все это помню и даже по временамъ чувствую боль въ томъ мѣстѣ, куда мнѣ всадили ножъ. А вотъ помнить ли Альма объ этомъ, — вы ужъ у нея спросите.

Штукатуръ замолчалъ и опять нервная судорога искривила его губы. Онъ тяжело дышалъ и потъ крупными каплями выступилъ у него на лбу.

Фрицъ былъ удрученъ. Онъ не ожидалъ, что все это произведетъ на него такое тяжелое впечатлѣнiе. Его соперникъ ему положительно нравился. У Глюка были такіе темные, въразительные глаза, а загаенное страданіе дѣлало его лицо значительнымъ и почти прекраснымъ.

— И еще мнѣ хотѣлось кое о чемъ спросить Альму, — продолжалъ Глюкъ. — Мнѣ хотѣлось спросить ее, помнить ли она, какъ я помогалъ ихъ семьѣ послѣ смерти стараго Лувса? У меня было тогда очень мало, но я отдавалъ имъ все до послѣдняго гроша. Альма должна это помнить, — вѣдь это все было шесть или семь лѣтъ тому назадъ.

Фрицъ, не отрываясь, смотрѣлъ на говорившаго. Вся эта любовная исторія представлялась ему теперь въ другомъ освѣщеніи.

— Я зналъ Альму, когда она еще бѣгала въ короткомъ платьѣ, — продолжалъ между тѣмъ Глюкъ. — Тогда она ходила въ школу, и я часто помогалъ ей учить уроки. Особенно трудно давалась ей ариметика, — она никакъ не могла сладить со счетомъ, и тогда со всѣхъ ногъ бѣжала ко мнѣ. А я жилъ по одной лѣстницѣ съ Лувсами, только этажемъ повыше. Жили они тогда довольно бѣдно. Самъ-то старикъ былъ добрый человекъ и хорошо относился ко мнѣ. Останься онъ живъ, все было бы по другому, — ну, а вдова-то и года не ждала, съ другимъ повѣнчалась. Альма была уже тогда взрослая и все понимала. Ей-то пришлось хуже всѣхъ, и она частенько забѣгала ко мнѣ подѣлиться своимъ горемъ и выплакаться въ волю. Тогда она вѣрила, что ближе меня у нея нѣтъ никого на цѣломъ свѣтѣ, а вотъ теперь, вмѣсто всякой благодарности, она гонитъ меня, какъ перваго встрѣчнаго. Могъ ли я когда-нибудь думать, что это такъ будетъ?

Увлечшись своимъ воспоминаваніями, Глюкъ совершенно забылъ, кто сидитъ передъ нимъ, а Фрицъ боялся его прервать.

— Дуракомъ я тогда былъ, вотъ чтò! И думалъ я еще, что

она любить меня. Я разсуждалъ тогда такъ: она еще черезчуръ молода, да и нѣтъ у насъ денегъ, чтобы сейчасъ же пожениться. Я все надѣялся, что мнѣ удастся скопить кое-что, но въ маленькомъ городѣ нельзя было разсчитывать на хорошей заработокъ. Вотъ я и рѣшился уѣхать. Былъ я и въ Россіи, и въ Австріи, и вездѣ я работалъ какъ волъ, времени на ѣду не всегда хватало. Денегъ я накопилъ, правда, достаточно, но всему помѣшала болѣзнь. Меня и въ солдаты не взяли, потому что нашли, что грудь у меня черезчуръ узкая. Тогда я только радовался этому, — для моихъ плановъ это было прекрасно, но вотъ, когда я уже думалъ о возвращеніи на родину, у меня вдругъ хлынула горломъ кровь. Полгода я пролежалъ въ больницѣ въ Будапештѣ. Все накопленное пошло прахомъ, и съ той поры уже никогда не удавалось мнѣ вернуть прежняго здоровья.

Глюкъ провелъ рукой по лбу, блестявшему отъ выступившаго на немъ пота. Фрицу бросилась въ глаза его узкая, нервная рука. Это была рука не простого ремесленника, а художника, да и весь Глюкъ производилъ впечатлѣніе тонкой и богато одаренной натуры.

— Я много разъ писалъ Альмѣ, но она отвѣчала мнѣ очень рѣдко. Я умолялъ ее подождать моего возвращенія и не связывать ни съ кѣмъ другимъ своей жизни. И вотъ однажды я получилъ отъ нея письмо, — она сообщала мнѣ, что ѣдетъ въ Берлинъ. Я боялся большого города, и я оказался правъ. Очень скоро получилъ я ея послѣднее письмо: она просила меня не писать ей больше. Я прочелъ это письмо въ больницѣ. Какъ жаль, что я не умеръ тогда!

Онъ тяжело вздохнулъ, на его глазахъ выступили слезы, и губы задрожали такъ сильно, что нѣкоторое время онъ не могъ произнести ни слова.

— Она была такая дѣвушка, какой второй во всемъ свѣтѣ нѣтъ! Я говорилъ себѣ, что кромѣ нея ни одна женщина не будетъ моей женой. И нужно же было, чтобы все это такъ случилось!

Онъ закрылъ глаза рукой.

— Г-нъ Глюкъ, — началъ Фрицъ послѣ нѣкотораго молчанія, — мнѣ нечего прибавить къ тому, что вы разсказали. Напомню вамъ только одно: Альма никогда вамъ ничего не обѣщала, никогда вы не были съ ней обручены.

— Да развѣ я объ этомъ говорю! — раздраженно вскричалъ Глюкъ. — Я былъ осломъ. Я думалъ, что и безъ кольца можно сохранить вѣрность. Вѣдь я былъ лучшимъ другомъ Альмы. Та-

кого друга, какъ я, она никогда не имѣла, да никогда и не будетъ имѣть.

— Дружба не связываетъ людей на цѣлую жизнь. Въ этомъ вы ужъ навѣрное согласны со мной, г-нъ Глюкъ.

— Ну, а какъ же въ такомъ случаѣ можно назвать ваше отношеніе къ Альмѣ? — воскликнулъ штукатуръ, и вскочилъ съ своего мѣста. — Вы-то обручены съ ней? Отвѣтите мнѣ прямо на мой вопросъ, милостивый государь! Думаете вы жениться на Альмѣ, — женитесь ли вы на моей Альмѣ?

— Вы не имѣете никакого права задавать мнѣ подобныя вопросы, г-нъ Глюкъ, — отвѣтилъ, блѣднѣя, Фрицъ.

— Я такъ и зналъ, что вы не собираетесь на ней жениться! — все тѣмъ же тономъ прежняго возбужденія продолжалъ Глюкъ. — Такъ и зналъ! — повторилъ онъ, и его темные глаза блеснули торжествомъ.

Фрицъ поднялся съ своего мѣста.

— Мнѣ очень жаль, г-нъ Глюкъ, что вашъ тонъ лишаетъ меня возможности продолжать дальше нашъ разговоръ. Единственное, что я могу вамъ еще повторить, это то, что Альма сама выбрала меня, но не васъ.

— Выбрала васъ! Тѣмъ хуже. И что же вы дали ей за это? Ничего, кромѣ стыда. Вѣдь то, какъ живете вы, у насъ, простыхъ людей, принято называть незаконной связью. Такъ всегда поступаютъ съ дѣвушками господа, подобныя вамъ. Обмануть дѣвушку, а потомъ и бросить ее. И съ Альмой такъ будетъ. Я въ этомъ увѣренъ!

Фрицъ направился къ выходу, но Глюкъ пошелъ за нимъ слѣдомъ.

— Передайте отъ меня Альмѣ, что я никогда не оставлю ее. Такъ и скажите: пускай она гонитъ меня какъ собаку, но я, Людвигъ Глюкъ, буду до гроба ей вѣренъ. Такъ и скажите ей.

XVII.

Въ субботу Фрицъ Бертингъ отправился къ сестрамъ Киткенъ. Онѣ устроили ему торжественный обѣдъ, и за столомъ — хозяйки, стараясь шегольнуть передъ писателемъ своимъ образованіемъ и знаніемъ литературы, говорили исключительно о предметахъ самыхъ возвышенныхъ.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ залу. Для такого торжественнаго дня съ пунцовой шолковой мебели сняли чохлы, и она

стояла во всемъ своемъ великолѣпнн. Тетушки усѣлись рядомъ на диванѣ и не спускали глазъ съ молодыхъ людей, изрѣдка вмѣшиваясь въ ихъ разговоръ. Фрейлейнъ фонъ-Лаванъ сидѣла, какъ всегда при старушкахъ, съ дѣтски-невиннымъ лицомъ. Она ни однимъ словомъ не противорѣчила имъ ни въ чемъ, съ почитательнымъ видомъ выслушивала ихъ замѣчанія, и только едва замѣтная насмѣшливая улыбка скользила отъ времени до времени по ея губамъ.

Послѣ кофе Аманда отправилась къ себѣ отдохнуть, и Фрицъ съ Альмой остались подъ надзоромъ одной Иды. Старой дѣвушкѣ тоже очень хотѣлось спать, ея глаза становились все меньше и меньше, а пестрый бантъ ея праздничной наголки склонялся все ниже къ столу.

— Видѣли вы наши чудесныя картины? — вдругъ спросила Гедвига.

Фрицъ отвѣтилъ отрицательно, и она повела его къ столу на противоположный конецъ комнаты. Тамъ она взяла папку съ тисненными золотыми буквами и, развязавъ ее, показала Фрицу нѣсколько плохихъ олеографій.

— Какая прелесть! — воскликнулъ Фрицъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Да. Не правда ли? — раздался съ другого конца комнаты сонный голосъ Иды. — И я должна вамъ сказать, что это стоить не дешево.

— Я прочла въ газетѣ о томъ, что вышла ваша новая книга. Можете вы мнѣ ее дать? — сказала Фрицу въ полголоса Гедвига, дѣлая видъ, что перебираетъ олеографіи.

Фрицъ повосилъ на диванъ, откуда въ эту минуту доносилось мирное похрапываніе. Ида заснула, и всякія предосторожности теперь были излишними.

— Книга выйдетъ изъ типографіи только черезъ двѣ недѣли, — проговорилъ онъ, — но я долженъ васъ предупредить, что это чтеніе не для молодыхъ дѣвицъ.

Гедвига презрительно вздернула свой хорошенькій носъ, и лицо ея приняло такое обиженное выраженіе, что Фрицъ поспѣшилъ ее успокоить обѣщаніемъ прислать романъ, какъ только онъ выйдетъ изъ печати.

Гедвига милостиво улыбулась и заговорила о Бальзакѣ и о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на нее. Фрицъ разсѣянно прислушивался къ ея словамъ. Онъ думалъ о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на Гедвигу его собственная книга. Въ углу попрежнему мирно похрапывала старая дѣ-

вупка. Заходившее солнце косыми лучами освѣщало старинную пунцовую мебель и фамилные портреты почтенныхъ бюргеровъ и разряженныхъ дамъ.

Но вдругъ все сразу измѣнилось. Въ передней задрезжалъ звонокъ. Тетушка Ида вскочила, пошатываясь спросонокъ и протирая заспанные глаза. Въ залу вошла толстая горничная съ хитрымъ лицомъ.—Артистъ императорскихъ театровъ г-нъ Гесловъ!—доложила она, а за ней, одѣтый по послѣдней модѣ, съ цилиндромъ въ рукахъ, уже стоялъ великолѣпный Вальдемаръ. Онъ съ необыкновеннымъ изяществомъ раскланялся съ сидѣвшими въ залѣ, поставилъ цилиндръ на маленькій столикъ и, откинувшись слегка назадъ, сталъ съ небрежнымъ видомъ разстегивать перчатку.

Фрицъ слѣдилъ за измѣнившимся выраженіемъ лица Гедвиги. Она уже не улыбалась обычной ей насмѣшливой улыбкой, а съ видомъ какого-то напряженного любопытства слѣдила за Гесловомъ.

Въ залу явилась и Аманда. Лицо у нея было заспанное, но это не помѣшало ей восторженно улыбаться и привѣтствовать дорогого гостя.

Затѣмъ обѣ старыя дѣвушки усѣлись по своему обыкновенію рядомъ и уже не спускали восхищенныхъ глазъ съ знаменитаго актера. Вальдемаръ Гесловъ рассказывалъ имъ, что собирается проѣхать въ Швейцарію. Онъ увлекался разнаго рода спортомъ и собирался заниматься цѣлое лѣто плаваніемъ, верховой ѣздой, греблей и фехтованіемъ. Онъ становился болѣе оживленнымъ и натуральнымъ, когда попадалъ на свою любимую тему. Видно было, что то, о чемъ онъ говорилъ въ данную минуту, составляло главный интересъ въ его жизни.

— Мы тоже уѣзжаемъ! — проговорила Гедвига, воспользовавшись моментомъ, когда Гесловъ замолчалъ, чтобы взять изъ руки одной изъ тетушекъ чашку кофе.

— Уѣзжаете? Куда же это? — быстро оборачиваясь къ дѣвушкѣ, спросилъ актеръ.

— Тетушки что-то говорили объ Интерлакенѣ.

— Объ Интерлакенѣ? Вотъ отлично! Я и самъ думаю туда заѣхать. Итакъ, весьма возможно, что мы съ вами встрѣтимся.

— Вотъ было бы чудесно!—воскликнули тетушки въ одинъ голосъ.

— Въ прошломъ году мы тоже встрѣтились и притомъ совершенно неожиданно, — отчеканивая каждое слово, произнесъ

Вальдемаръ Гесловъ, — и вотъ теперь счастливый случай сводить насъ опять вмѣстѣ.

Фрицъ взглянулъ на Гедвигу. Она не произнесла больше ни слова, но онъ хорошо видѣлъ, какъ она покраснѣла.

Вальдемаръ Гесловъ и сестры Китхенъ оживленно заговорили объ Интерлакенѣ. Гедвига сидѣла и слушала съ видомъ хорошо воспитаннаго ребенка, который не смѣетъ вмѣшиваться въ разговоръ старшихъ. Фрицъ почувствовалъ себя совершенно лишнимъ и поспѣшилъ откланяться.

Домой онъ вернулся въ очень дурномъ настроеніи духа. Гедвига ему перестала нравиться, и онъ рѣшилъ не посылать ей обѣщанной книги.

XVIII.

Фрицъ Бертингъ держалъ въ рукахъ первый экземпляръ своего романа. Онъ съ трудомъ могъ себѣ представить, что эта небольшая книга, въ четыреста печатныхъ страницъ, стоила ему многихъ мучительныхъ часовъ и тяжелаго упорнаго труда. Онъ сознавалъ, что наступилъ моментъ, когда созданное имъ перестало быть тайной, сдѣлалось достояніемъ всѣхъ, и онъ чувствовалъ потребность услышать правдивый дружескій отзывъ, раньше чѣмъ о немъ заговорятъ совершенно ему чужіе и часто вполне невѣжественные люди.

Главнымъ образомъ для этого онъ поторопился дать экземпляръ своей книги доктору Лемфинку. Генрихъ Лемфинкъ взялъ книгу въ руки, взглянулъ на лестную для него надпись автора и съ видомъ знатока перелисталъ нѣсколько страницъ. „Книга издана чисто, а это всегда производитъ хорошее впечатлѣніе“, — замѣтилъ онъ.

Вскорѣ Фрицъ получилъ всѣ свои авторскіе экземпляры и разослалъ ихъ нѣкоторымъ изъ своихъ берлинскихъ друзей. Онъ послалъ книгу въ Парижъ барону Шубскому; г-жа Гильшіусъ тоже получила экземпляръ съ ничего не выражающей и довольно безцвѣтной авторской надписью. Вейсблейхеръ позаботился разослать экземпляры для отзыва во всѣ газеты и журналы.

Между тѣмъ Лемфинкъ все еще ни однимъ звукомъ не обмолвился о романѣ, и Фрицъ успокаивалъ себя тѣмъ, что его другъ еще не успѣлъ прочесть его книгу; но проходили дни, а Лемфинкъ все молчалъ, и это молчаніе начинало уже тревожить Фрица. Какъ-то случайно они встрѣтились на улицѣ, и Лем-

финкъ опять ничего не сказалъ о романѣ. Теперь молчаніе друга произвело уже тягостное впечатлѣніе на Бертинга.

Но вотъ однажды въ квартиру Фрица совершенно неожиданно явился Лемфинкъ.

— Здравствуй! Какъ поживаешь? А гдѣ же фрейлейнъ Альма? — отрывисто спросилъ онъ.

Фрицъ отвѣтилъ, что Альма дома и сидитъ за работой. Онъ собирався позвать ее, но Лемфинкъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, не зови ея. Я хочу поговорить съ тобой о романѣ, и совсѣмъ не нужно, чтобы она слушала.

Фрицъ объяснилъ, что Альма сидитъ отъ нихъ черезъ комнату, и ей не будетъ ничего слышно.

— Вотъ и отлично! — сказалъ Лемфинкъ. — Я прочелъ твой романъ, Бертингъ, два раза прочелъ.

Здѣсь Лемфинкъ замолчалъ и сталъ ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ, скрестивъ на груди руки и съ выраженіемъ серьезности и сосредоточенности на лицѣ. У Фрица замерло сердце, и ему вспомнилось первое представленіе его пьесы въ Берлинѣ.

— Да не томи же ты меня, ради всего святого! — воскликнулъ Фрицъ. — Хочешь разить, такъ рази скорѣе! Романъ тебѣ не понравился?

Генрихъ Лемфинкъ остановился передъ Фрицемъ, стоявшимъ у своего письменнаго стола, и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза своими прекрасными и выразительными глазами. Ихъ красота заслоняла безобразіе всего лица. Въ эту минуту и въ глазахъ, и въ лицѣ Лемфинка было что-то невыразимо печальное. Эта печаль, придавая благородство лицу, дѣлала его почти красивымъ.

— Въ твоей книгѣ, дорогой Бертингъ, много таланта, вкуса и воображенія. Слогъ въ ней превосходный, во всемъ видна рука настоящаго художника, но... я буду совсѣмъ отравленъ съ тобой — въ общемъ, книгѣ твоей чего-то недостаетъ.

— Я не совсѣмъ понимаю, какія еще ты предъявляешь требованія къ литературному произведенію?

— Видишь ли, Бертингъ, я принадлежу къ числу очень благодарныхъ читателей. Когда я читаю чье-нибудь произведеніе, я иду за авторомъ повсюду, куда онъ только захочетъ вести меня, но при этомъ еще я интересуюсь его личнымъ внутреннимъ міромъ. Мнѣ всегда хочется знать, насколько самъ писатель искрененъ въ своихъ произведеніяхъ и способенъ ли онъ на глубокое чувство..

— Но вѣдь, кажется, я никогда и не собирався идти въ

проповѣдники. Я понимаю, когда такіе люди, какъ профессоръ Вальборгъ, требуютъ отъ писателей, чтобы они изображали одно прекрасное; но когда ты, Лемфинкъ, начинаешь говорить въ этомъ же тонѣ, я изумляюсь и просто отказываюсь тебя понимать...

— Бери откуда тебѣ угодно матеріалъ для твоихъ произведеній, Бертингъ, не останавливайся ни передъ какою грязью, ни передъ какимъ уродствомъ, но изображай это такъ, чтобы во всемъ прежде всего чувствовалась душа, давшая жизнь всему этому!

— Я писалъ мой романъ кровью сердца, Лемфинкъ!

— Да, у тебя много искреннихъ страницъ, но въ общемъ и въ главномъ, повторяю, книга тебѣ не удалась. Въ ней слишкомъ много жизненной гари и чада, въ каждой строчкѣ чувствуется пріятный привкусъ чувственности.

— Но вѣдь именно эта чувственность и составляетъ тему моего романа. Я хотѣлъ изобразить отношенія половъ во всей ихъ необузданности и неприкрашенной дикости. Здѣсь нѣтъ мѣста вопросу о приличіи и неприличіи. Предоставь, Лемфинкъ, старымъ дѣвамъ возмущаться темой моего романа, самъ же пойми, что я долженъ былъ написать именно такъ, а не иначе.

— Я не браню тебя за твой выборъ, Бертингъ,—я только думаю, что твоя тема слишкомъ ужъ щекотливая и скользкая, и нужно было черезчуръ много условій, чтобы осилить ее. Твое произведеніе—это зеркало, отражающее картину, изображенную въ другомъ зеркалѣ. Но это второе зеркало не есть зеркало твоей души, Бертингъ. Душа въ твоёмъ произведеніи, какъ и въ твоей жизни, занимаетъ мало мѣста, а между тѣмъ только одно ея дуновеніе можетъ сдѣлать чистымъ все нечистое. Ты пишешь объ отношеніяхъ половъ, этимъ отношеніямъ ты отводишь такое мѣсто, что они заслоняютъ всѣ другія человѣческія чувства, но гдѣ же то, что называется любовью, Бертингъ? Ты не обмолвился ни единымъ словомъ объ этомъ великомъ чувствѣ. Его нѣтъ ни въ твоёмъ романѣ, ни въ твоей жизни!

Какъ разъ въ эту минуту въ коридорѣ хлопнула дверь, и вслѣдъ за этимъ въ комнату вбѣжала Альма и вся розовая и улыбающаяся остановилась въ дверяхъ.

— У насъ докторъ Лемфинкъ, а я этого и не знала. Мнѣ никто не пришелъ сказать!—воскликнула дѣвушка, и въ голосѣ ея слышались обида и радость.

XIX.

О романѣ Фрица Бертинга стали появляться отзывы въ газетахъ. О содержаніи романа пока говорили очень мало, но ведѣ очень подчеркивали интересное заглавіе. Вскорѣ одинъ изъ довольно извѣстныхъ критиковъ, покровительственно относившійся къ новому направленію въ литературѣ, помѣстивъ въ одномъ изъ литературныхъ обзоровъ краткую замѣтку, гдѣ Бертингъ былъ названъ писателемъ, подающимъ надежды. Но на ряду съ этими, болѣе или менѣе благопріятными, отзывами вдругъ появилась цѣлая критическая статья профессора Вальборга. Онъ яростно разносилъ Бертинга и предостерегалъ всѣхъ отъ чтенія этого бездарнаго порнографическаго произведенія. Фрица это задѣло за живое, и онъ бросился къ Вейсблейхеру, но издатель нисколько не былъ опечаленъ неблагопріятнымъ отзывомъ. Отлично, великолѣпно! — нѣсколько разъ повторилъ онъ. — Его ругня будетъ для насъ чудесной рекламой!

Дѣйствительно, Фрицъ вскорѣ увидѣлъ подтвержденіе этихъ словъ. И въ обществѣ, и въ газетахъ объ его романѣ заговорили, какъ объ интересной сенсационной новинкѣ. Поэтъ Кароль написалъ Бертингу восторженное письмо и въ заключеніе сообщилъ, что собирается писать возраженіе на недостойную и возмутительную статью Вальборга. Фрицъ не обратилъ на это особеннаго вниманія, но разъ, когда онъ, по обыкновенію, сидѣлъ съ Лемфинкомъ въ ресторанѣ, тотъ бросилъ передъ нимъ на столъ послѣдній номеръ одной изъ радикальныхъ газетъ, со словами:

— Вотъ изумительное происшествіе! Зильберъ ломаетъ за тебя копья.

Фрицъ просмотрѣлъ замѣтку. Она была составлена очень горячо, и авторъ ея, съ необычайной ловкостью защищая Бертинга, платилъ сторицею старому профессору за всѣ его нападки.

Лемфинкъ возмущался непрошеннымъ защитникомъ и увѣрялъ Бертинга, что рано или поздно Зильберъ представитъ ему счетъ за свою защиту; но Фрицъ на этотъ разъ не соглашался съ своимъ другомъ. Онъ увѣрялъ Лемфинка, что старому профессору будетъ очень полезно узнать, что существуютъ люди, которые его нисколько не боятся. Вообще, послѣ послѣдняго разговора съ Лемфинкомъ о романѣ и послѣ того, какъ онъ ограничился довольно краткимъ печатнымъ отзывомъ о книгѣ

Бертинга, въ душѣ Фрица остался какой-то неприятный осадокъ и что-то существенно измѣнилось въ его отношеніи къ старому другу. Бертингъ все чаще и чаще останавливался на мысли, что они—люди разныхъ поколѣній и что во взглядахъ Лемфинка, какъ и въ немъ самомъ, много устарѣлаго и отжившаго.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ выхода романа, Бертингъ получилъ письмо отъ своей сестры Констанціи. Она была возмущена и заглавіемъ, и содержаніемъ романа, и недоумѣвала, зачѣмъ это брату понадобилось напечатать подь своимъ полнымъ именемъ такую неприличную книгу. Она много и пространно говорила о чести фамилии и о бѣдномъ покойномъ отцѣ, чьи кости теперь содрогаются отъ ужаса. Фрицъ только горько улыбнулся, прочтя это посланіе, и разорвалъ его на мелкіе куски. Со всѣмъ этимъ онъ уже давно покончилъ, и все это были отзвуки прошлаго, не имѣвшаго для него теперь ни малѣйшаго смысла и значенія.

Благодаря своей новой книгѣ, Бертингъ былъ осчастливленъ неожиданнымъ посѣщеніемъ. Однажды, въ субботу днемъ къ нему явился Теофиль-Алоизъ, весь въ черномъ, и съ такой торжественной миной, точно онъ собрался на похороны. Оказалось, что творецъ „Сулы“ пришелъ засвидѣтельствовать почтеніе и пожелать всякаго успѣха своему собрату по перу. Теофиль выразился весьма одобрительно о книгѣ и сообщил, что больше всего заинтересовался фізіолого-патологической стороной. Эти вопросы уже давно преслѣдовали его, а въ Германіи до сихъ поръ никто еще не коснулся ихъ въ литературѣ. Самъ Теофиль собирался пополнить этотъ пробѣлъ и въ самомъ непродолжительномъ времени приступить къ роману изъ современной жизни въ десяти томахъ. Планъ этого „монументальнаго произведенія“ изъ области современной психологіи толпы, по выраженію самого Алоиза, былъ уже готовъ, и онъ собирался на дняхъ прочесть его Бертингу.

Посѣщеніе Теофиля имѣло еще и другую цѣль. Онъ заручился, наконецъ, аттестатомъ зрѣлости, и для такого торжественнаго случая его мать подарила ему три тысячи марокъ. Теофиль собирался на эти деньги попутешествовать. Одному ѣздить скучно, и онъ предложилъ г-ну Бертингу ѣхать съ нимъ, причемъ всѣ расходы бралъ на себя.

Фрицъ былъ удивленъ подобнымъ приглашеніемъ и спросилъ, куда же именно собирается ѣхать молодой человекъ. Теофиль объяснилъ, что, въ сущности говоря, ему это безразлично. Къ картинамъ природы онъ вполне равнодушенъ, а интересуется

исключительно чисто психологическими вопросами. Но, во всякомъ случаѣ, онъ предполагалъ бы проѣхать къ сѣверному полюсу, такъ какъ Ледовитый океанъ манитъ его своей дикостью и неприступностью.

Въ заключеніе своей довольно пространной рѣчи Теофиль объявилъ, что онъ долженъ передать г-ну Бертингу письмо отъ своей сестры Анни.

Фрау Эшауеръ писала Бертингу, что онъ сдѣлаетъ доброе дѣло, если согласится сопутствовать ея брату. Анни совѣтовала имъ проѣхать въ Норвегію. На обратномъ пути она приглашала ихъ пріѣхать на шtrandъ въ Бинцъ, гдѣ она проведетъ лѣто съ мужемъ въ обществѣ своихъ друзей. То, что она думаетъ о романѣ, она могла сказать Фрицу только лично. „Итакъ, до свиданія на шtrandѣ!“ — стояло въ концѣ письма.

Въ этомъ планѣ было очень много соблазнительнаго. Лѣтняя духота и пыль становились невыносимыми, и Фрица уже давно тянуло уѣхать куда-нибудь изъ города, но всему мѣшала вѣчный денежный вопросъ. А между тѣмъ жизнь его за послѣднее время была не изъ пріятныхъ. Хозяйка, зная, что жильцы у нея не остаются, отравляла имъ жизнь ежедневными мелочными придирками; встрѣча съ Глюкомъ тоже оставила довольно неприятное воспоминаніе, но тяжелѣе всего было переносить угнетенное и подавленное настроеніе Альмы.

Фрицъ объявилъ дѣвушкамъ, что съ осени они будутъ жить на разныхъ квартирахъ. Ему казалось, что такъ имъ будетъ и удобнѣе, и свободнѣе, потому что одинъ не будетъ мѣшать другому работать. Онъ уже подыскивалъ помѣщеніе для Альмы по близости отъ того заведенія, на которое она работала. Гдѣ будетъ онъ жить самъ, объ этомъ онъ еще серьезно не думалъ.

На всѣ убѣжденія Фрица Альма повторяла только одно: — Вижу, что я тебѣ надоѣла! — Она не спорила и не возмущалась, но лицо у нея было убитое, а глаза совсѣмъ красные отъ постоянныхъ слезъ. Больше всего на свѣтѣ хотѣлось ей ни днемъ, ни ночью не разлучаться съ любимымъ человекомъ. Поворная его малѣйшему желанію, она не имѣла понятія ни о притворствѣ, ни о кокетствѣ, разжигающемъ и поддерживающемъ страсть. Любовь была смысломъ и содержаніемъ ея жизни, и разлука казалась ей бессмысленной жестокостью.

Фрицъ рѣшилъ принять предложеніе Теофиля-Алонза. Онъ ожидалъ многого отъ предполагаемой поѣздки. Его, какъ художника, манила еще невиданная имъ дикая природа, и онъ надѣялся, что продолжительная разлука прогонитъ мрачный при-

зракъ скуки и пресыщенія, грозившій въ послѣднее время его любви. Но больше и сильнѣе всего ему хотѣлось избавиться отъ паутины сѣрой, безцвѣтной жизни и вздохнуть на свободѣ полной грудью.

XX.

Уже двѣ недѣли Фрицъ Бертингъ жилъ въ Бинцѣ, гдѣ закончилось ихъ путешествіе съ Теофілемъ. Тамъ же находилась и Анни Эшауеръ съ мужемъ. Она составляла центръ большого кружка знакомыхъ, сбѣжавшихся на купальный сезонъ. Банкиръ Эшауеръ не мѣшалъ своей женѣ веселиться. Она была на двадцать лѣтъ моложе его, но онъ не признавалъ ревности, и главнымъ правиломъ какъ частной, такъ и общественной его жизни было: „никакого бесполезнаго волненія“! Жена также не мѣшала ему развлекаться въ балетѣ, ресторанахъ и загородныхъ садахъ. Въ Бинцѣ онъ скучалъ и рѣдко появлялся въ обществѣ. Проницательные люди увѣряли, что онъ проводилъ время въ соседней рыбацкой деревушкѣ, гдѣ жила на дачѣ одна дама берлинскаго полусвѣта.

Фрицъ Бертингъ также чувствовалъ себя не очень пріятно въ обществѣ людей, окружавшихъ Анни Эшауеръ. Для нихъ на первомъ планѣ были деньги, и человекъ, занимающійся литературой и не получающій за это огромныхъ гонораровъ, казался имъ непонятнымъ и чуждымъ явленіемъ. Зато фрау Анни была съ нимъ очень мила. Она всячески старалась сдѣлать для него пріятнымъ пребываніе въ Бинцѣ и при всѣхъ оказывала ему особое вниманіе. Трое молодыхъ людей изъ берлинской jeunesse dorée, ухаживавшіе за фрау Эшауеръ, были лишены этого пріятнаго занятія съ пріѣздомъ Фрица и Теофіля. Одинъ изъ нихъ былъ женихомъ. Невѣста его, красивая черноволосая дѣвушка съ прекраснымъ цвѣтомъ лица и стройной фигурой, находилась тутъ же. Къ сожалѣнію, ея красоту портило довольно сильное косоглазіе. Всѣхъ больше обращалъ вниманіе на этотъ недостатокъ ея женихъ. Ихъ свадьба была рѣшена родителями, находившими, что присоединеніе одного милліона къ другому—дѣло очень хорошее.

Теофилъ также пришелся не ко двору въ этомъ обществѣ. Всѣ узнали, что онъ пишетъ стихи, и приставали къ нему, чтобы онъ прочелъ „что-нибудь новенькое“. Вначалѣ онъ принималъ эти просьбы за чистую монету, и былъ очень гордъ, но скоро понялъ, что надъ нимъ смѣются, и сталъ проводить время исклю-

чительно въ обществѣ востроглазой дѣвицы. Они вдвоемъ отправлялись на прогулки, и она была обречена выслушивать все произведенія музыки юнаго поэта.

Это обстоятельство очень облегчило положеніе Фрица. Въ качествѣ компаньона онъ былъ принужденъ до этихъ поръ посвящать все свое время Теофилю, а это было нелегко. Передъ ними проходили разнообразныя красивыя виды, но Теофиль былъ способенъ испортить наслажденіе самымъ красивымъ пейзажемъ. Онъ то объяснялъ, то критиковалъ, то вдохновлялся и кудачталъ, какъ курица, несущая яйцо, прежде чѣмъ выпустить на свѣтъ новое произведеніе. Каждое стихотвореніе прочитывалось Фрицу, и если онъ дѣлалъ какое-нибудь замѣчаніе, то Теофиль начиналъ говорить о „непониманіи“. Впрочемъ, у Фрица былъ еще другой спутникъ. Онъ счумѣлъ бы избавить его и отъ болѣе неприятныхъ и навойливыхъ впечатлѣній, чѣмъ банальныя стихи и глупыя рѣчи Теофила. Спутникъ этотъ былъ: „Таки говорилъ Заратустра“ Ницше. Слова Ницше сливались для него съ впервые услышаннымъ шумомъ океана, и обѣ силы виѣстѣ оглушали и воскищали его душу. Въ этомъ чтеніи среди грандіозной природы было мучительное наслажденіе. Тѣло его валетало на вершину могучаго вала, а душа—на самую высшую точку человѣческаго познанія, чтобы потомъ съ ужасомъ погружаться въ водяную бездну и въ бездну противорѣчій. Каждый день въ немъ возникалъ новый міръ и каждый день разрушался. Ничего подобнаго не испытывалъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ впервые услышалъ музыку Вагнера. Послѣ этого творить самому—казалось безуміемъ. Фрицъ чувствовалъ, что его умъ и душа связаны, ослаблены, уничтожены:

— Какой у васъ видъ несчастный, точно вы съ похмелья!— сказала, встрѣтившись съ нимъ, Анни Эшауеръ. Съ ласковой насмѣшкой освѣдомилась она о томъ, какъ онъ спалъ, и доволенъ ли своимъ желудкомъ, назвала его своимъ „поэтическимъ младенцемъ“ и сообщила, что собирается усыновить его.

Въ ея заботѣ о немъ было въ самомъ дѣлѣ что-то материнское. Въ Берлинѣ она энергично хлопотала о распространеніи его романа и лично просила извѣстныхъ критиковъ дать отзывы о книгѣ. Фрицъ считалъ ее неглупой и совершенно отдѣлялъ отъ окружающихъ ее людей, но она не казалась ему болѣе такой физически привлекательной, какъ вначалѣ. Это значительно облегчало ему пребываніе съ нею. Вообще, люди на него мало вліяли въ послѣднее время. Онъ былъ въ особенномъ, нервномъ состояніи, но это не было безплодное разстройство нервовъ отъ

утомленія и мелкихъ заботъ. Напротивъ, онъ жилъ физически очень спойно и ни о чемъ житейскомъ не думалъ, но въ глубинѣ его души и сознанія что-то зарождалось, просилось наружу, требовало жизни.

XXI.

Фрицъ Бертингъ сидѣлъ подѣ старымъ, узловатымъ дубомъ и читалъ письмо, написанное знакомымъ почеркомъ.

„Милый Фрицъ!

„Большое, большое тебѣ спасибо за хорошевыя почтовые карточки. Я, какъ только получу отъ тебя вѣсточку, такъ и бѣгу къ книжному магазину, гдѣ въ окнѣ выставлена большая географическая карта. На ней я отыскиваю то мѣсто, откуда ты мнѣ написалъ. Ради Бога, Фрицъ, будь здоровъ! Я не знаю, что со мною будетъ, если что-нибудь случится съ тобою. Мнѣ тогда и жить не надо,—что я безъ тебя? Господинъ Лемфингъ встрѣтилъ меня недавно на улицѣ и нашель, что у меня плохой видъ. Это отъ тоски по тебѣ. Очень грустную новость должна я тебѣ сообщить. Недавно Людвигъ Глюкъ написалъ мнѣ двѣ строчки карандашомъ. Онъ опять слегъ и поступилъ въ больницу. Онъ меня умолялъ придти къ нему. Я знала, что ты бы не разсердился, и пошла. Людвигъ былъ очень радъ, и мы долго говорили о томъ времени, когда онъ жилъ у насъ въ домѣ. Но онъ былъ очень плохъ, и больничный служитель сказалъ мнѣ, что онъ долго не выживетъ. Онъ опять сталъ говорить мнѣ, какъ меня любить, и я не могла удержаться и очень плакала. Тогда пришелъ докторъ и сказалъ, чтобы я уходила, потому что больной очень волнуется. На другой день, когда я пришла въ больницу, мнѣ сказали, что въ полночь Людвигъ умеръ. Мнѣ очень жаль его, онъ былъ хорошій человекъ. Я проводила его до могилы,—вѣдь кромѣ меня у него нивого нѣтъ близкихъ. Мнѣ очень хотѣлось поставить ему памятникъ, и я рѣшила сдѣлать это на заработанныя мною деньги, но мнѣ стали дѣлать разные затрудненія. Тогда я обратилась къ доктору Лемфингу, и онъ былъ такъ добръ—все мнѣ устроилъ. Ахъ, мой милый, милый Фрицъ, возвращайся скорѣе! Мнѣ кажется, что я цѣлую вѣчность тебя не видала. Цѣлую тебя тысячу разъ. Искренно любящая тебя
„Альма Луксъ“.

Когда Фрицъ прочелъ это письмо, то ему захотѣлось уйти куда-нибудь подальше и побыть наединѣ съ самимъ собою. Онъ

объщала въ этотъ день сдѣлать прогулку съ Анни Эшауръ, но самая мысль объ этой покровительствующей ему дамѣ стала для него невыносимой.

Чтобы попасть въ лѣсъ, ему необходимо было пройти мимо веранды, на которой сидѣло все общество молодежи. Его стали звать, но онъ не пошелъ. До него донеслись слова: „поэтичскій младенецъ Анни“, сопровождаемая дерзкимъ смѣхомъ. Молодые люди не подозрѣвали, до какой степени они облегчали ему его рѣшеніе уѣхать. Письмо Альмы прозвучало для него какъ призывъ. Ему вспоминалось прошлое, и образъ любимой дѣвушки, уже начинавшій блѣднѣть, всталъ передъ нимъ, какъ живой, на фонѣ заскакающаго яркаго пейзажа. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, онъ сознавалъ, что любилъ только ее одну, любилъ все ея существо, здоровое и чистое, какъ горный воздухъ.

Между деревьями вдали мелькнуло красное платье, и Фрицъ бросился бѣжать въ самую глубь лѣса, боясь встрѣчи съ Анни Эшауръ и предстоявшаго разговора объ отъѣздѣ.

Снова его мысли обратились къ Альмѣ. Ему вспомнилось прощанье съ нею. Былъ тихій августовскій вечеръ. Поѣздъ его отходилъ въ первомъ часу ночи, ложиться спать не стоило. Въ послѣдній разъ сидѣли они въ комнатѣ, гдѣ прожили вмѣстѣ цѣлый годъ. Альма горько плакала, а онъ неумѣло утѣшалъ ее, сознавая, что причиной ея слезъ былъ страхъ потерять его во время разлуки. Вдругъ она съ страстнымъ порывомъ бросилась ему на шею. Все ея вѣжное, стыдливое существо преобразилось. Вся она была олицетворенное желанье, горячее, могучее, побѣждающее. Теперь онъ покорился ей, — она стала его властительницей. Унылое прощанье превратилось въ радостный праздникъ любви. У нея не было больше ни жалобъ, ни слезъ. Ему ясно представлялось выраженіе счастливаго торжества на ея лицѣ и слышался увѣренный голосъ: „До свиданья, мой Фрицъ“!

Страстная тоска по ней охватила его. Ему безумно захотѣлось снова почувствовать прикосновеніе вѣжныхъ, но сильныхъ рукъ.

Только за обѣдомъ увидалъ Фрицъ Анни Эшауръ. Все ея общество обѣдало по семейному за однимъ столомъ въ обширной столовой. Бертингъ извинился за свое внезапное исчезновеніе, объяснивъ его тѣмъ, что получилъ письмо съ неприятымъ извѣстіемъ, и боялся нагнать на другихъ скуку своимъ обществомъ. Это извиненіе было встрѣчено насмѣшливой улыбкой.

Теофиль былъ трагиченъ необыкновенно: его симпатія къ чужой невѣстѣ давала ему возможность считать себя однимъ изъ участниковъ драмы въ современномъ вкусѣ.

Послѣ обѣда Фрицъ и Анни встрѣтились на шtrandѣ, и онъ сообщилъ ей о своемъ отъѣздѣ. Онъ сказалъ, что его лучший другъ, докторъ Лемфинкъ, боленъ и проситъ его прѣхать.

Анни насмѣшливо посмотрѣла на него сбоку.

— Когда вы объ этомъ узвали?—спросила она.

— Я сегодня утромъ получилъ письмо.

— У вашего друга удивительно дѣтскій почеркъ. Я бы сказала, судя по адресу, что это письмо писала кухарка или горничная. Итакъ, вашъ бѣдный другъ такъ боленъ и, несмотря на это, пишетъ вамъ длиннѣйшее письмо?

Фрицъ былъ болѣе рассерженъ, чѣмъ смущенъ, и спросилъ, съ какихъ поръ стали контролировать его письма.

— Письмо все утро пролежало у привратника. Чтѣ это за женщина вамъ пишетъ?

Фрицъ рѣшилъ, что поддерживать ложь было бы недостойно его и Альмы.

— Это письмо я получилъ отъ одной милой, доброй дѣвушки.

— И эта кухонная фея—или чтѣ такое она тамъ изъ себя представляетъ—приказываетъ вамъ вернуться?

Фрицъ презрительно пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

— Ради Бога, уѣзжайте!—воскликнула Анни ядовитымъ тономъ. — Вернитесь въ объятія этого благороднаго созданія! Можно было сразу догадаться, какого сорта муза васъ вдохновляетъ!

Фрицъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

Въ первый разъ насмѣшливая, холодная Анни потеряла всякое самообладаніе. Глаза ея сверкали, но губы предательски вздрагивали, такъ что каждую секунду можно было ожидать, что она расплачется. Однако она быстро овладѣла собой.

— Очень жаль!—начала она уже совсѣмъ другимъ тономъ.— Я такъ къ вамъ привыкла, Фрицъ, и надѣялась, что вы поѣдете вмѣстѣ со мною въ Берлинъ.

Онъ поблагодарилъ ее за ея доброту и сказалъ, что никогда не забудетъ всего того, чтѣ она для него сдѣлала. Она прервала его, неестественно разсмѣявшись, и въ доказательство того, что не имѣетъ ничего противъ его отъѣзда, предложила заплатить за его обратный билетъ. Фрицъ покраснѣлъ. Ему было стыдно за женщину, въ эту минуту ничѣмъ не отличавшуюся отъ окружающихъ ее людей. Онъ поблагодарилъ ее, но сказалъ, что у него есть золотые часы, и онъ продастъ ихъ въ крайнемъ случаѣ. Затѣмъ онъ быстро простился съ Анни Эшауеръ,

и невольно вспомнилъ слова Заратустры въ главѣ о цѣломудріи: „Не лучше ли попасть въ руки убійцы, чѣмъ въ мечты страстной женщины?“

XXII.

Фрицъ не предупредилъ Альму о своемъ возвращеніи и съ вокзала прямо проѣхалъ на ея новую квартиру. Онъ не воображалъ, что она будетъ до такой степени радоваться. Она, буквально, не знала, что дѣлать отъ восторга. То начинала смѣяться, то плакать. Обнимала его, хлопала въ ладоши, сбѣгала по комнатѣ и снова обнимала его. Потомъ, успокоившись немного, показала ему свое новое помѣщеніе. Оно было лучше прежняго, чище, и хозяйка помѣщалась совсѣмъ отдѣльно, въ концѣ длиннаго коридора. На столѣ стоялъ свѣжій букетъ розъ, подарокъ доктора Лемфинка, не забывшаго Альму во все время отсутствія Фрица. Денегъ у Бертинга не было, онъ отдалъ послѣдніе пфениги носильщику; у Альмы ихъ тоже было мало, но она все-таки сбѣгала въ магазинъ и принесла бутылку вина и любимыя Фрицемъ сласти, чтобы отпраздновать должнымъ образомъ его возвращеніе.

Бертингъ лежалъ на диванѣ и мечталъ. Сумерки стужались. Какъ хорошо было, что онъ вернулся, какъ очаровательна была Альма! Она думала, что онъ заснулъ, и тихо двигалась по комнатѣ, улыбаясь и напѣвая дѣтскую пѣсенку. Онъ чувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Когда она накрыла на столъ, украсивъ его букетомъ Лемфинка, Фрицъ всталъ и съ удовольствіемъ подсѣлъ къ закускѣ, такъ какъ ему очень хотѣлось ѣсть. За ѣдой Альма рассказывала ему обо всемъ, что безъ него случилось, между прочимъ всѣ подробности смерти бѣднаго Людвигъ Глюка. Альма при этомъ всплакнула, но печальное настроеніе продолжалось у нея недолго. Она весело убрала со стола, и они усѣлись рядомъ на диванѣ, не зажигая лампы.

Разговоръ зашелъ о будущемъ. Фрицъ собирался найти себѣ отдѣльную комнату. Онъ чувствовалъ въ пальцахъ писательскій зудъ и, кромѣ того, хотѣлъ зарабатывать кучу денегъ. Онъ погладилъ руки Альмы, прибавивъ, что въ будущемъ ей не придется колотъ себѣ пальцы иглой, — онъ будетъ работать за двоихъ. Альма притихла. Она положила голову на плечо Фрица и о чемъ-то глубоко задумалась. Онъ поцѣловалъ ее въ глаза и въ губы, но она улыбнулась отсутствующей улыбкой, точно во снѣ. Послѣдній слабый свѣтъ уходящаго дня проникъ въ комнату

свѣозь маленькое окно. Углы комнаты уже тонули въ темнотѣ. Весь міръ затихъ, все ушло куда-то; они были одни на свѣтѣ, они вдвоемъ.

Онъ обнялъ ее и хотѣлъ страстно прижать къ себѣ, но она ласково и нѣжно отстранила его руки. Онъ не могъ понять, почему она не отвѣчала на его ласки, послѣ такой долгой разлуки. Въ первый разъ онъ встрѣчалъ въ ней такое равнодушіе.

Она вся задрожала, обвила руками его шею и прижалась лицомъ къ его лицу, точно ища у него защиты отъ него же самого. Онъ чувствовалъ, какъ лобъ ея сталъ влажнымъ, руки похолодѣли, а горячее, прерывистое дыханіе обжигало ему щеку. Она собиралась заговорить, но не рѣшалась, и наконецъ прошептала ему что-то на ухо.

Онъ страшно испугался. Только не это, ради Бога только не это!

— У тебя... ты?..

Вмѣсто отвѣта она еще ближе прижалась къ нему и кивнула съ улыбкой, закрывъ глаза. Ему казалось, что передъ нимъ вдругъ раскрылась бездна, и оттуда насмѣшливо глядѣло на него что-то невиданное, безформенное, отвратительное, и волосы шевелились у него на головѣ. Ему хотѣлось вскочить и оттолкнуть отъ себя Альму; но она вѣрно обвила его руками, ласкала и цѣловала его. Тайна ея была открыта, и вся сдержанность ея исчезла. Она напомнила ему о томъ вечерѣ, когда они прощались передъ его отъѣздомъ. Тогда это и случилось. Въ ея словахъ онъ слышалъ блаженство и торжество женщины, самое страстное желаніе которой исполнено. Такъ вотъ что значилъ ея безумный порывъ! Теперь онъ испытывалъ отвращеніе и страхъ къ ея существу, заключавшему въ себѣ удивительную, ужасающую тайну. Онъ чувствовалъ, что его обманули, перехитрили. Исчезъ аромать любви; весенняя свѣжесть ихъ свободныхъ отношеній смѣнилась грубымъ безобразіемъ жизни: физическимъ закономъ, заботой о семьѣ, о будущемъ ребенкѣ, который скоро начнетъ предъявлять свои права къ матери и къ нему...

XXIII.

Такъ какъ у Фрица еще не было отдѣльной комнаты, то онъ по неволѣ долженъ былъ переночевать у Альмы, но на другое же утро отправился искать себѣ помѣщеніе и взялъ первое попавшееся, чтобы только не чувствовать себя вполнѣ безпріютнымъ.

Печальный это былъ день. Моросилъ дождь; все тонуло въ туманѣ, на улицѣ — грязь, и у прохожихъ — мрачныя, озабоченныя лица. Точно кто-то провелъ чудовищной кистью, обмокнутой въ сѣрую краску, по красивому городу и смазалъ и стеръ съ него все яркое, веселое и живое. Все это особенно дѣйствовало на нервы послѣ яркаго солнца и смѣющагося пейзажа, къ которымъ онъ привыкъ за послѣднія недѣли.

Визитъ къ Вейсблейхеру не улучшилъ его настроенія. Издатель сообщилъ ему, что хотя его романъ и хорошо расхотѣлся, такъ что къ Рождеству онъ предполагалъ выпустить его вторымъ изданіемъ, тѣмъ не менѣе, за покрытіемъ расходовъ, денегъ оставалось не болѣе ста марокъ. Фрицу, предполагавшему жить на двѣ квартиры, это было особенно неприятно. И что теперь дѣлать? Его преслѣдовали слова, которыя Альма вчера вечеромъ прошептала ему на ухо. Они отнимали у него всякую энергію, давили его къ землѣ. Приняться за новый романъ, какъ совѣтовалъ ему издатель, казалось невозможнымъ.

Онъ рѣшилъ повидаться съ Лемфинкомъ.

Отъ Альмы онъ узналъ, что его другъ переѣхалъ и поселился за городомъ. Фрицъ отправился къ нему по конкѣ. Домъ, гдѣ жилъ Лемфинъ, примыкалъ одной стѣной къ скалѣ, а передъ окнами его былъ расположенъ небольшой садъ. Всѣгдашней мечтой Лемфинка было поселиться въ такой обстановкѣ. Доктора не было дома, когда явился Бертингъ. Онъ, по словамъ хозяина, уѣхалъ въ редакцію и долженъ былъ скоро вернуться. Фрицъ осмотрѣлъ давно знакомые ему предметы въ комнатѣ друга: бюстъ Гёте, дорогую гравюру на мѣди съ портрета Бисмарка, Ленбаха, и два политипажа Томаса.

Скоро возвратился изъ города Лемфинъ и радостно привѣтствовалъ Фрица. Пока онъ умывался въ сосѣдней комнатѣ, Бертингъ долженъ былъ подробно рассказать ему о своемъ путешествіи. Потомъ хозяинъ самъ затопилъ печку, зажегъ лампу, приготовилъ чай и разставилъ на столѣ мясные и рыбные консервы, масло и хлѣбъ. Хозяинъ дома былъ вдовецъ, и мужчины справлялись съ хозяйствомъ сами. Послѣ закуски Лемфинъ поставилъ на столѣ коньякъ, красное вино, лимонъ, сахаръ и горячую воду. Фрицъ рѣшился наконецъ заговорить объ Альмѣ, и изъ словъ Лемфинка понялъ, что тотъ ничего не зналъ объ ея положеніи. Онъ самъ сообщилъ ему эту новость, надѣясь найти сочувствіе, но Лемфинъ принялъ извѣстіе совсѣмъ иначе. Онъ былъ радостно удивленъ и поздравилъ своего друга. Онъ

вадѣлся, что теперъ Фрицъ сдѣлаеть то, что давно долженъ былъ сдѣлать, т.-е. жениться на Альмѣ.

— Это такое счастье для васъ обоихъ! — закончилъ онъ свою рѣчь.

— Для Альмы можетъ быть, но для меня?

— О твоёмъ счастьѣ здѣсь рѣчи быть не можетъ. Вопросъ въ томъ, хочешь ли ты поступить, какъ порядочный человѣкъ.

— Ну, у тебя сейчасъ на сцену явятся понятія абсолютнаго добра и абсолютнаго зла, которыхъ, какъ тебѣ извѣстно, я не признаю.

— Нѣтъ, вѣдь самый простой рабочій, никогда не употребляющій этихъ словъ, отлично знаетъ, какъ ему нужно поступить, если онъ находится въ твоёмъ положеніи; такъ что тутъ дѣло только въ честности.

— Это ужъ слишкомъ! Ничего безчестнаго въ моемъ поведеніи нѣтъ. Альма отлично знала, что я не собирался жениться.

— Это одно изъ доказательствъ ея трогательной привязанности къ тебѣ. Я тебя знаю, и поэтому увѣренъ...

— Еслибы ты меня зналъ, то понялъ бы, что такая женитьба для меня гибель, — по крайней мѣрѣ, какъ для писателя.

— По моему, для тебя гораздо опаснѣе отказаться отъ нея, и я увѣренъ, что ты поступишь такъ, какъ тебѣ скажетъ внутренній голосъ.

Фрицъ не возражалъ больше и посидѣлъ еще у своего друга, чтобы не показаться обиженнымъ. Они простились по обыкновенію дружелюбно, но у Бертинга было такое чувство, какъ будто что-то порвалось въ ихъ отношеніяхъ.

XXIV.

Устроившись въ новомъ помѣщеніи, Фрицъ рѣшилъ писать новый романъ. Нужда заставляла его работать, и онъ не сталъ, какъ прежде, ждать вдохновенія. Темой для новой повѣсти онъ взялъ приключеніе съ штукатуромъ Людвигомъ Глюкомъ. Надъ первой своей вещью онъ работалъ совсѣмъ иначе. Она вся вылилась изъ глубокаго и сильнаго настроенія, обстановка для дѣйствія подошла сама собою. Теперъ же у него имѣлся только одинъ интересный характеръ, — все остальное надо было подогнать къ нему. Героиней повѣсти являлась безсердечная кокетка, не умѣющая оцѣнить рѣдкой любви обожающаго ее человѣка.

Вокругъ этихъ двухъ типичныхъ представителей извѣстной среды группировались остальные второстепенныя и третьестепенныя лица повѣсти.

Фрицъ работалъ съ утра до ночи, и съ каждой новой главой произведеніе заинтересовывало его самого все больше и больше. Ему казалось, что онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, перейдя отъ физиологіи къ психологіи. Усталость, охватывавшая его къ вечеру, служила благовиднымъ предлогомъ, чтобы не идти къ Альмѣ. Его работа стояла у него на первомъ планѣ, и онъ тщательно избѣгалъ всего неприятнаго, что могло нарушить его художественное настроеніе. Хозяинъ онъ сказалъ нивого не принимать, но однажды къ нему явилась нежданная гостыя. Это была толстощекая горничная Китхенъ. Она принесла ему свертокъ отъ Гедвиги фонъ-Лаванъ, сообщила, что барышня вернулась изъ лѣтняго путешествія и много разъ о немъ вспоминали, многозначительнѣе, чѣмъ когда-либо, улыбнулась и исчезла. Въ сверткѣ оказались рукопись и письмо. Гедвига писала, что просить его высказать свое сужденіе объ ея разсказѣ. Отъ тетокъ она скрывала свои литературныя занятія, во избѣжаніе лишнихъ разговоровъ и недоразумѣній. Она просила Фрица придти и лично высказать ей свое мнѣніе. Разсказъ былъ написанъ въ формѣ переписки невѣсты съ своимъ женихомъ и съ другимъ, имѣвшимъ на нее права еще раньше жениха. Видно было по нѣкоторымъ неумѣлымъ приемамъ и противорѣчіямъ, что это было первое произведеніе, но авторъ вполне овладѣлъ своимъ сюжетомъ, несмотря на его трудность, и три дѣйствующія лица вышли живыми, хотя авторъ не прибавилъ отъ себя ни строчки и разсказъ кончался письмомъ невѣсты къ своему первому другу наканунѣ свадьбы. Фрицъ собирался самъ отнести рукопись, но какъ разъ въ это время получилъ телеграмму отъ своего друга, барона Шубскаго, возвѣщавшаго, что остановится у него на два дня проѣздомъ изъ Парижа въ Краковъ. Это посѣщеніе было очень некстати, потому что Бертингъ долженъ былъ работать, но все-таки онъ былъ польщенъ вниманіемъ знаменитаго собрата. Михаилъ Шубскій былъ моднымъ писателемъ. Онъ издалъ маленькій сборникъ стиховъ, написанныхъ подъ вліяніемъ Поля Верлена, потомъ маленькую книжку эскизовъ и разсказовъ, напоминавшихъ не то Эдгара Поэ, не то Гюисманса. Наконецъ, онъ написалъ кровавую драму изъ временъ польскаго возстанія. Но всего удачнѣе были его критическія статьи. Его наблюденія вращались главнымъ образомъ въ области физиологіи современной любви. Онъ изучилъ до мельчайшихъ подробностей

всѣ пороки и извращенія, преимущественно тѣ, которые имѣють отношеніе къ религіи. Занимался также и оккультизмомъ. Имѣть сношенія съ Михаиломъ Шубскимъ значило быть знакомымъ со всѣми направленіями и школами, со всѣми художниками и учеными, дававшими тонъ современному всемірному литературному оркестру.

Шубскій пріѣхалъ съ ночнымъ скорымъ поѣздомъ, и Фрицъ встрѣтилъ его на вокзалѣ. Нѣсколько времени просидѣли они въ ресторанѣ отеля, гдѣ Шубскій остановился. Онъ потребовалъ абсента и громко выругался, услыхавъ, что ресторанъ не держитъ его любимаго напитка. Въѣшнимъ образомъ Шубскій мало измѣнился: у него было то же утомленное, блѣдное лицо, низкій лобъ и широкій черепъ, тѣ же довольно длинныя бѣлокурые волосы, маленькій ротъ, красивый аристократическій носъ и тонкія руки. Въ общемъ онъ производилъ женственное впечатлѣніе.

На другой день къ двѣнадцати часамъ Шубскій явился въ квартиру Фрица, жалуюсь на отвратительный кофе, поданный ему въ гостинницѣ, и умоляя дать ему чего-нибудь возбуждающаго. Бертингъ, всегда самъ варившій себѣ кофе, приготовилъ ему стаканъ вѣщчайшаго мокка. Остальной день они посвятили осмотру города. Шубскій объявилъ, что пѣшкомъ ходить не можетъ, и они катались изъ улицы въ улицу въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, причемъ Шубскій съ усталой, скучающей миной откинулся на подушку экипажа и только изрѣдка ронялъ какой-нибудь вопросъ. Когда они сошли съ извозчика, то баронъ Шубскій ничѣмъ не выразилъ намѣренія заплатить ему, и пришлось это сдѣлать Фрицу. Онъ предложилъ своему другу пойти въ концертъ или въ оперу, но Шубскій объявилъ, что нѣмецкая музыка дѣйствуетъ ему на нервы. Они отправились въ кафе, гдѣ, въ радости парижскаго гостя, нашелся абсентъ и гдѣ заплатить опять пришлось Фрицу. На другой день Шубскій явился уже послѣ двѣнадцати часовъ. Онъ былъ въ картинной галереѣ. Сужденіе его было коротко и ясно: старыя картины скучны, какъ вездѣ, а такъ называемыя современныя достойны смѣха. Онъ попросилъ дать ему, какъ вчера, вѣщнаго кофе, для поддержанія ослабѣвшихъ нервовъ, и что-нибудь почитать.

— А это чье такое? — спросилъ онъ, приподнявъ высоко рукопись Гедвига фонъ-Лаванъ.

Фрицъ объяснилъ ему, кому принадлежала рукопись, втайнѣ вдовольный, что она попалась его гостю. Шубскій перели-

сталъ нѣсколько страницъ и углубился въ чтеніе, улегшись на диванъ и прихлебывая кофе.

— Ваше мнѣніе? — спросилъ Фрицъ, когда онъ кончилъ читать.

— Это документъ! Рѣдкій въ Германіи документъ высшей нервной культуры. Великолѣпное презрѣніе предразсудковъ. Пари держу, что авторъ — породистая женщина. Замужемъ она?

— Она почти ребенокъ! Ей семнадцать лѣтъ!

— Новое доказательство того, что женщина инстинктомъ понимаетъ и знаетъ извѣстныя отношенія. Мнѣ хотѣлось бы съ ней познакомиться.

Фрицъ ничего не могъ возразить на это, и они отправились въ домъ фрейлейнъ Китхенъ. Къ сожалѣнію, они нашли Гедвигу въ обществѣ тети Иды. Шубскій, раскланявшись со старухой, обратилъ все свое вниманіе на племянницу, а Фрицъ пришлось занимать тетюшку.

Старушка стала жаловаться на плохое здоровье сестры. У нея не проходилъ катарръ легкихъ, и доктора опять посылали ихъ на югъ.

Бертингу очень хотѣлось спросить, былъ ли съ ними въ Интерлакенѣ Вальдемаръ Гесловъ, но онъ боялся, что Гедвига услышитъ его вопросъ. Она въ это время разговаривала съ барономъ на превосходномъ французскомъ языкѣ; причѣмъ онъ общалъ ей о новомъ христіански-мистическомъ направленіи французской литературы. Взглядывая сбоку на Гедвигу, Фрицъ нашель, что она за лѣто похорошѣла и пополнѣла, и сообщилъ объ этомъ тетѣ Идѣ. Старушка была очень довольна. Очевидно, это было дѣйствіе швейцарскаго воздуха. Гедвига дѣлала большія восхожденія на горы. Онѣ боялись ее отпускать, но, къ счастью, Вальдемаръ Гесловъ вызвался ей сопутствовать. Фрицъ узналъ, что ему было нужно, и такъ какъ разговоръ съ тетей Идой больше не интересовалъ его, то онъ, при первой же возможности, всталъ и началъ прощаться.

XXV.

Остальную часть вечера они провели въ ресторанѣ, гдѣ Шубскій самъ составилъ меню ужина, начинавшася съ устрицъ и заканчивавшася пуншемъ. Къ каждой перемѣнѣ было заказано соответствующее вино, и за все это долженъ былъ платить Фрицъ, такъ какъ Шубскій замѣтилъ ему при случаѣ, что его

финансы въ плохомъ состояніи и что онъ ѣдетъ въ Краковъ, чтобы упрочить за собою какое-то наслѣдство.

Кушая камбалу съ голландскимъ соусомъ и запивая ее шабли, Шубскій высказалъ свое мнѣніе о фрейлейнъ фонъ-Лаванъ. Гедвигу онъ причислялъ къ тѣмъ немногимъ, нервнымъ, впечатлительнымъ и породистымъ женщинамъ, которымъ принадлежало будущее. Для него она являлась типичной представительницей своего пола. Фрицъ возразилъ, что ему Гедвига представлялась болѣе интересной въ умственномъ отношеніи; женственности, какъ ему казалось, въ ней было мало.

— Ну, въ такомъ случаѣ, вы въ области психологіи мальчишка и щенокъ, извините, милѣйшій мой!—воскликнулъ Шубскій.—Съ такими-то глазами да не женственна! Все можетъ быть обманчиво въ женщинѣ, кромѣ глазъ. Глаза выдаютъ всѣ ихъ тайны, и по глазамъ фрейлейнъ Лаванъ я вижу, что она вообще слишкомъ рано созрѣла, и въ ней, пожалуй, есть даже наклонность къ порочности. У нея не только воображеніе развито, у нея и опытъ есть, для меня это ясно...

Фрицъ сталъ горячо возражать, но невольно подумалъ о Вальдемарѣ Гесловѣ.

Между тѣмъ Шубскій, подъ влияніемъ вина, замѣтно оживился; его разочарованный, усталый видъ исчезъ, и онъ сталъ болтать безъ умолку.

— Кто вы такое съ вашей Германіей?—ораторствовалъ онъ, ушлетая рябчика и запивая его шампанскимъ.—Вы—мужики! Въ этомъ—причина вашей хозяйственной силы и культурной слабости. Современное человѣчество живетъ нервами, ими оно замѣнило силу. Въ этомъ же причина и вашихъ политическихъ успѣховъ. Сильный мужикъ побѣждаетъ слабого нервнаго чело-вѣка. Бисмаркъ есть конецъ, а не начало эпохи. Герой будущаго будетъ побѣждать совсѣмъ иначе. Ницше—не нѣмецъ, онъ достояніе всего міра; даже Шопенгауеръ и тотъ среди васъ—бѣлый воронъ. Вагнеръ типиченъ для Германіи, онъ—истый нѣмецъ по работоспособности и энергіи, но въ художественномъ отношеніи Листъ и Шопенъ превосходятъ его.

— Ваме мнѣніе слишкомъ субъективно, — перебилъ его Фрицъ.—Не заговорилъ ли въ васъ патріотизмъ?

Михаилъ Шубскій вскочилъ съ своего мѣста, но тотчасъ же снова сѣлъ и подперъ голову рукою.

— Я не хотѣлъ васъ обидѣть, — сказалъ Фрицъ.

— Нѣтъ, другъ мой!—воскликнулъ Шубскій съ паѳосомъ и пожалъ ему руку.—Вы мнѣ только напомнили объ одной старой

мечтъ. И я мечталъ когда-то о независимости Польши. Но, быть можетъ, мы предназначены для чего-нибудь высшаго, чѣмъ вѣшнее могущество.

Кельнеръ подалъ кофе и спросилъ, какіе прикажутъ подать ликеры. Шубскій занялся выборомъ ихъ и выказалъ при этомъ тонкое пониманіе знатока. Кельнеръ принесъ цѣлую батарею бутылокъ и кувшинчиковъ голландскаго, французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго происхожденія. Красивыя руки барона дрожали, когда онъ бралъ бутылку, глаза блестѣли и онъ произносилъ отрывистыя, короткія фразы, какъ въ бреду.—Въ будущемъ у насъ будетъ—не искусства, а одно искусство, не наслажденія, а наслажденіе. Запахи, краски, звуки—все въ одномъ!

Онъ налилъ въ рюмки черри-бранди и произнесъ, отхлебывая маленькими глотками темно-красную жидкость:

— Горько и сладко; напоминаетъ еще не распустившуюся молодую дѣвушку.

Онъ закурилъ ароматную папиросу и продолжалъ:

— Завтра я уѣзжаю. Вы меня не провожайте,—жаль было бы испортить впечатлѣніе этихъ прекрасныхъ часовъ, и кромѣ того я и такъ отнял у васъ много дорогого времени. Но я хочу на прощанье поговорить съ вами о вашей книгѣ, которую вы были такъ добры прислать мнѣ. Это—сильная вещь, въ ней есть кости и мускулы, но недостаетъ нѣжныхъ линий и прекрасной гладкой кожи. Вы меня понимаете? Кромѣ того, вашъ романъ сдѣланъ слишкомъ по методѣ почтеннаго Зола, а мы эту методу уже отставили. Но я возлагалъ на васъ большія надежды, Бертингъ. Многіе изъ вашихъ стиховъ свидѣтельствовали о томъ, что вы—одинъ изъ ищущихъ ощущью новыхъ откровеній. Вы—одинъ изъ нашихъ; я съ сегодняшняго дня причислю васъ къ нашимъ. Не даромъ я заѣхалъ сюда: я имѣлъ счастье сразу выудить двухъ людей. Ахъ, эта дѣвушка произвела на меня неизгладимое впечатлѣніе! Точно я узналъ еще новый ароматъ въ жизни. Я готовъ плакать, что не увижу ея больше. Дарю ее вамъ. Онъ поднялъ стаканъ съ шампанскимъ, выпилъ его и бросилъ черезъ плечо.—Ну, а теперь перейдемъ къ высочайшему изъ всѣхъ ощущеній,—къ абсенту.

Пробужденіе Бертинга на другой день было самое тягостное. Во-первыхъ, у него съ похмелья страшно болѣла голова; во-вторыхъ, онъ перечелъ свою повѣсть, нашелъ ее невозможной и злобно затиснулъ въ ящикъ стола; въ-третьихъ, ему все время

мучительно вспоминалась сквозь винные пары фигура кельнера со счетомъ. Когда онъ наконецъ рѣшился заглянуть въ кошелекъ, то тамъ ничего не оказалось, и онъ съ увлеченіемъ проглялъ своего друга барона со всѣми его прекрасными словами. Не зная, что съ собою дѣлать, онъ отправился въ кофейную, чтобы просмотрѣть газеты. Тамъ онъ встрѣтилъ Зильбера, Теофиля и съ ними еще молодого человѣка, Маркуса Гизеля. Ихъ познакомили, и Зильберъ заявилъ, что они втроемъ только-что говорили о Бертингѣ и имѣютъ къ нему важное дѣло. Фрицъ съ удивленіемъ разглядывалъ этотъ триумвиратъ. Зильберъ, по обыкновенію, былъ очень бѣдно одѣтъ; костюмъ Теофиля поражалъ своимъ великолѣпіемъ, и въ этомъ отношеніи его еще превосходилъ Маркусъ. Бертингъ вспомнилъ, что г-жа Гильшіусъ говорила ему объ этомъ своемъ родственникѣ, называя его „декадентъ Маркусъ“. Трудно было себѣ представить болѣе извѣжнаго юношу съ болѣе утонченными манерами и съ болѣе выхоленными руками. Теофиль глядѣлъ на него съ восхищеніемъ и во всемъ подражалъ ему.

— Мы собираемся основать журналъ, — объявилъ Зильберъ, — такой журналъ, какого въ Германіи еще не было. Онъ будетъ основанъ исключительно на эстетическихъ принципахъ.

— Это все прекрасно, но кто же дастъ деньги для журнала? — спросилъ Фрицъ.

— Уже дали, вотъ пробный номеръ! — съ торжествомъ заявилъ Зильберъ и передалъ Бертингу нѣсколько напечатанныхъ листовъ. Тутъ было начало романа „Въ Гетто“, стихотвореніе Теофиля-Алонза и афоризмы Маркуса Гизеля.

— Обратите вниманіе на виньетки и заставки, — сказалъ Зильберъ: — все будетъ строго выдержано въ извѣстномъ стилѣ. Журналъ будетъ называться „Импрессионистъ“. Я назначенъ редакторомъ, а эти молодые люди — соредакторами.

Соредакторы встали и удалились, причемъ Теофиль усердно, но не вполне успѣшно старался кивать съ меланхолической улыбкой на прощанье и шагать такъ же неслышно, какъ Маркусъ. Послѣ ихъ ухода, Зильберъ заговорилъ совершенно другимъ тономъ. Г-жа Гильшіусъ хотѣла найти занятіе для своего сына и выдала значительную сумму на журналъ. Такую же сумму пожертвовалъ и Маркусъ. Они считали себя хозяевами журнала, но настоящимъ хозяиномъ былъ Зильберъ. Онъ искалъ подходящихъ сотрудниковъ и сталъ упрашивать Бертинга дать что-нибудь въ новый журналъ.

— У меня есть одна начатая вещь, но не знаю, подой-

детъ ли она вамъ,—нерѣшительно проговорилъ Фрицъ, и передалъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе повѣсти.

— Отлично, боевая вещь!—воскликнулъ Зильберъ.—А какой вы хотите получить гонораръ?

Фрицъ зналъ, что Зильберъ сочтетъ его за дурака, если онъ назначитъ мало, и назвалъ довольно значительную сумму. Зильберъ на мгновеніе закрылъ глаза и проговорилъ, тщетно стараясь скрыть торжествующую улыбку:

— Вы позволите мнѣ, Бертингъ, нѣсколько округлить эту сумму.

XVI.

У Фрица не было времени часто ходить къ Альмѣ. Всего охотнѣе посѣщалъ онъ ее по вечерамъ, когда слишкомъ уставалъ отъ работы. Онъ часами просиживалъ въ ея комнатѣ, отдаваясь своимъ мыслямъ, и просилъ ее не зажигать огня. Ему неприятно было видѣть, какъ быстро измѣнялись ея фигура и лицо. Альма пробовала заводить разговоръ, рассказывала о разныхъ пустякахъ. Прежде они интересовали и забавляли его, но теперь обыкновенно онъ отвѣчалъ ей вздохомъ или подавленнымъ зѣвкомъ. Тогда она пыталась въ темнотѣ поглядить его по щеки или по волосы, но онъ говорилъ, что у нея шаршавые пальцы отъ иглолки и что они зацѣпляютъ. Альма неслышно глотала слезы, боясь, чтобъ онъ ихъ не замѣтилъ. Онъ не выносилъ плача, и пожалуй не сталъ бы больше приходить. Теперь она боролась не столько за себя, какъ за своего будущаго ребенка. Ей такъ хотѣлось сохранить ему отца. Она не сердилась на Фрица за его рѣзкости и холодность къ ней. Она была ему слишкомъ благодарна за прошлое счастье. Сидя за одинокой работой, она снова переживала до мельчайшихъ подробностей всѣ сцены ихъ прошлой совмѣстной жизни. Кромѣ того, ее уже начало захватывать материнское чувство, и она инстинктивно заботилась о своемъ ребенкѣ, стараясь избѣгать неприятныхъ впечатлѣній и волненія. Совмѣстная жизнь съ Фрицемъ была бы для нея теперь ядомъ, и она втайнѣ радовалась, что онъ не требовалъ отъ нея никакихъ ласкъ. Въ ней уже зарождалось новое чувство къ нему: довѣрчивая привязанность женщины къ отцу ея ребенка. Чувства Фрица были совсѣмъ другого рода.

Онъ смотрѣлъ на то, что составляло счастье Альмы, какъ на неизбѣжное несчастье. Онъ сознавалъ, что поступаетъ не

но рыцарски, грубо отталкивая отъ себя эту бѣдную, беззащитную женщину, но не могъ поступать иначе. Терпѣніе, съ какииъ она переносила его выходы и дурное настроеніе, раздражало его больше, чѣмъ всякое возмущеніе и сопротивленіе. Бывали дни, когда онъ начиналъ жалѣть ее и чувствовалъ къ ней благодарность, вспоминая, какъ она была вѣжна и какъ помогала ему въ трудныя минуты жизни. Онъ рѣшалъ быть добрымъ къ ней и обращаться съ нею осторожно, помня, въ какомъ она положеніи. Но достаточно было одного слова, одного вздоха, одного вида ея, напоминавшаго ему о томъ, о чемъ онъ не хотѣлъ помнить, чтобы снова въ немъ закипѣлъ гнѣвъ и раздраженіе. Какъ она, такъ и онъ защищалъ своего ребенка—свое искусство. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, онъ видѣлъ, что продолженіе этихъ отношеній грозило гибелью его творчеству. Они стали новилсь похожи на дурную привычку, отъ которой не хотятъ отдѣлаться изъ лѣни и страха потерять извѣстное удобство. Бертинга это возмущало, потому что онъ чувствовалъ себя выше всего этого. Онъ хладнокровно рассуждалъ о томъ, что чувство матеріи будетъ у Альмы сильнѣе любви къ нему, и что она уже начинала смотрѣть на него, какъ на отца своего ребенка, обязаннаго содержать этого ребенка и ее.

Единственнымъ спасеніемъ для него и для нея могла бы явиться дружба, но для этой дружбы въ прошломъ было слишкомъ мало духовнаго единенія, возможнаго только у двухъ людей, стоящихъ на одномъ уровнѣ умственнаго развитія. Альма возлагала всѣ свои надежды на ребенка и наивно воображала, что онъ явится связующимъ звеномъ между нею и Фрицемъ.

Послѣ разговора объ Альмѣ, Бертингъ не видался съ Генрихомъ Лемфингомъ. Въ кафе Лемфинкъ больше не приходилъ, съ тѣхъ поръ какъ поселился за городомъ, а самому отправиться навѣстить друга, послѣ возникшаго между ними недоразумѣнія, у Фрица не было охоты. Онъ втайнѣ надѣялся, что встрѣтитъ Лемфинка случайно на улицѣ, и все обойдется само собою. Этой встрѣчи, однако, не произошло, но онъ получилъ отъ друга короткое письмо, видимо написанное очень спѣшно. Лемфинкъ писалъ, что сестра сообщила ему о серьезной болѣзни матери, и что онъ уѣзжаетъ на родину.

XVII.

Уже нѣсколько недѣль тому назадъ Фрицъ Бертингъ получилъ отъ г-жи Гильшіусъ любезную записку съ напоминаніемъ,

что по средамъ она всегда дома и рада видѣть у себя своихъ друзей. Знаменитости, собиравшіяся у очаровательной вдовы, не особенно привлекали Бертинга, но не отозваться совсѣмъ на приглашеніе было невѣжливо, и Фрицъ, въ одну изъ ближайшихъ средъ, сѣрѣя сердце, отправился къ г-жѣ Гильшіусъ.

Онъ засталъ тамъ уже довольно большое общество. При входѣ въ залу ему бросилось въ глаза много знакомыхъ лицъ. Длинноволосые поэты были на лицо, а черноволосыхъ и бѣлокурыхъ поэтессъ съ прошлой зимы, казалось, еще прибавилось.

Фрицъ прошелъ черезъ залу. Онъ искалъ хозяйку дома и на ходу раскланялся съ Теофилемъ-Алоизомъ и Маркусомъ Гизелемъ. Г-жа Гильшіусъ сидѣла въ гостиной и о чемъ-то горячо спорила съ Вейсблейхеромъ и профессоромъ Вальборгомъ. Фрицъ уже съ порога комнаты услышалъ, что говорили объ „Импрессионистѣ“. Голосъ Вейсблейхера звучалъ раздраженно, и по виду стараго профессора можно было заключить, что онъ вполне сочувствуетъ издателю.

Замѣтивъ Бертинга, всѣ трое сразу замолчали. Хозяйка поздоровалась съ гостемъ съ видимымъ смущеніемъ, Вейсблейхеръ окинулъ его негодующимъ взглядомъ, а Вальборгъ едва кивнулъ ему головой. Затѣмъ снова наступило гробовое молчаніе.

Фрицъ понялъ, что онъ здѣсь лишній, и отправился въ залу, гдѣ сразу попалъ въ руки бѣлокурой авторши „Плюща“, и Фрицъ довольно разсѣянно поблагодарилъ за присылку ея второй книги „Вѣчно-зеленое“ и проговорилъ что-то довольно туманное по поводу прелестныхъ стихотвореній. Сіяющее круглое лицо поэтессы вдругъ омрачилось.

— Но вѣдь это не стихи, а новеллы, г-нъ Бертингъ!—съ упрекомъ произнесла она.—Фрицъ смѣшался. Онъ и не заглянулъ въ присланную ему книгу, и, пробормотавъ что-то неясное, онъ поспѣшилъ покинуть разобиженную поэтессу и пошелъ отыскивать Зигфрида Зильбера. Ему хотѣлось, чтобы всезнающій Кароль объяснилъ ему, что происходитъ въ этомъ домѣ, такъ какъ въ настроеніи общества ему чувствовалось что-то непривычное для салона г-жи Гильшіусъ.

Онъ нашелъ Зильбера въ красномъ будуарѣ, любимой комнатѣ Анни Эшауръ. Зигфридъ Зильберъ наскоро просматривалъ какую-то довольно объемистую рукопись, а передъ нимъ въ позѣ ожиданія стоялъ одинъ изъ длинноволосыхъ. Замѣтивъ Фрица, онъ сложилъ листы и, сунувъ ихъ въ карманъ, покровительственно потрепалъ по плечу поэта. Затѣмъ уже онъ поздоровался съ Фрицемъ.

— Бомба лопнула! — тономъ дружескаго довѣрія обратился онъ въ Бертингу. — Вчера только я сдалъ на почту объявленіи о нашемъ „Импрессионистѣ“, а сегодня всѣ листки и газеты уже наполнены имъ. Не вѣусенъ показался утренній кофе нашему знаменитому Вальборгу. Г-жа Гильшіусъ, Теофиль-Алонизъ и наконецъ самъ Маркусъ Гизель — вѣдь все это его бывшіе вѣриподданные! Онъ надѣялся на нихъ какъ на каменную стѣну. И сколько еще ждетъ его разочарованій! Подумать страшно! Молодая дама, съ которой вы только-что говорили, уже спрашивала, когда можно меня застать въ редакціи. Вѣдь она тоже печаталась у Вейсблейхера. Приходило ли что-нибудь подобное въ голову этому Вейсблейхеру, когда онъ забраковалъ мой романъ? Теперь онъ изъ всѣхъ силъ старается снова привлечь на свою сторону г-жу Гильшіусъ. Не тутъ-то было, — вѣдь контрактъ-то у меня въ карманѣ!

— Вы и мое имя выставили на объявленіи?

— Само собой разумѣется. Вы у насъ одинъ изъ столповъ. Вотъ, посмотрите.

И онъ показалъ Фрицѣ объявленіе о новомъ журналѣ, переполненное громкими фразами. Тамъ говорилось и о „новыхъ свѣточахъ“, и о „новой занимавшейся варѣ“, и о „молодыхъ силахъ, рвущихся освободить искусство изъ оковъ и изъ-подъ гнетущей власти разныхъ устарѣвшихъ авторитетовъ“.

Только теперь понялъ Фрицъ, о чемъ такъ спорили и горячились г-жа Гильшіусъ и ея два собесѣдника. Онъ хотѣлъ поговорить съ Зильберомъ, но того рвали на части. Всѣ хотѣли его видѣть и перекинуться съ нимъ хоть нѣсколькими словами. Фрицъ, какъ всегда, удивлялся ловкости и находчивости, съ какой Зильберъ обращался съ самыми разнообразными людьми. Никому изъ видѣвшихъ его въ салонѣ г-жи Гильшіусъ не могло придти въ голову, что этотъ увѣренный въ себѣ человекъ когда-то торговалъ старымъ платьемъ.

Трогательное единомысліе, царившее обыкновенно на собраніяхъ у г-жи Гильшіусъ, было нарушено; на этотъ разъ ея гости шумѣли и волновались точно пчелы, когда въ ульѣ нарождается новая матка. Профессоръ Вальборгъ стоялъ въ сторонѣ отъ всѣхъ, одинокій и всѣми забытый. Фрицъ, взглянувъ на него, нашелъ, что старикъ даже довольно эффектенъ въ своей новой роли развѣчаннаго короля. Вейсблейхеръ, слопявшійся по заглъ съ видомъ хищника, у котораго вырвали изъ-подъ носа лакомую добычу, ввухалъ ему гораздо менѣ симпатіи.

Наконецъ, наступилъ моментъ самый знаменательный для

большинства гостей, по словамъ Анни Эшауеръ: подали ужинъ, и всѣхъ попросили въ столовую.

Фрицъ Бертингъ, запасшись стаканомъ вина и кускомъ мяса, усѣлся въ дальнемъ углу, откуда могъ сповоино наблюдать все общество.

Ему не хватало Анни Эшауеръ съ ея мѣткими, остроумными словечками. Не было здѣсь сегодня и фрейлейнъ фонъ-Лаванъ, — а онъ такъ надѣялся встрѣтиться съ нею.

На противоположномъ концѣ столовой сидѣли за отдѣльнымъ столомъ Теофиль-Алоизъ, его кузень Маркусъ и двѣ молодыя дѣвушки. Барышни не спускали восторженнаго взгляда съ блѣднаго лица и загадочныхъ глазъ многообщающаго юноши. Во время ужина явился Вальдемаръ Гесловъ. Онъ пріѣхалъ прямо изъ театра.

Онъ, какъ всегда, былъ великолѣпенъ, но все его великолѣпіе потускнѣло отъ близости таинственнаго и загадочнаго Маркуса Гизеля. Появленіе его прошло почти незамѣченнымъ, и онъ совершенно случайно очутился, съ тарелкой и стаканомъ вина, рядомъ съ Фрицемъ.

— Г-нъ Бертингъ! Вотъ пріятная неожиданность! — проговорилъ онъ, здороваясь съ Фрицемъ, и тотчасъ же съ увлеченіемъ принялся за ѣду. Фрицу захотѣлось узнать отъ него что-нибудь о Гедвигѣ Лаванъ, и онъ спросилъ:

— Вы часто посѣщаете старушекъ Китхенъ?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Гесловъ. — Этой зимой я еще ни разу не собрался къ нимъ. Меня рвутъ на части, и я просто не въ состояніи принимать всѣ приглашенія.

И онъ снова съ прежнимъ увлеченіемъ продолжалъ уплетать кушанье.

— А кто же этотъ молодой блѣдный человѣкъ въ томъ концѣ комнаты? — вдругъ спросилъ Гесловъ, и когда Фрицъ назвалъ ему Маркуса Гизеля, прибавилъ:

— Я нахожу, что съ прошлаго года общество стало здѣсь гораздо хуже.

Несмотря на все свое желаніе что-нибудь выпытать у Геслова относительно Гедвиги и ихъ лѣтней встрѣчи въ Интерлакенѣ, Фрицъ не могъ ровно ничего добиться. Гесловъ увѣрялъ, что дамы только мѣшаютъ въ путешествіяхъ, и фрейлейнъ Лаванъ далеко не такой хорошей ходокъ, какъ онъ надѣялся.

XVIII.

Фрицъ получилъ отъ Гедвиги Лаванъ письмо съ извѣщеніемъ, что тетуски отправились лечиться въ Каиръ, и съ приглашеніемъ посѣтить ее какъ можно скорѣе.

Онъ отправился къ ней и не засталъ ее дома, но толстошекая горничная сказала ему, что барышня просила непременно задержать до ее возвращенія г-на Бертинга, если онъ придетъ безъ нея. Она провела Фрица въ комнату Гедвиги и подала приготовленную для него книгу стихотвореній Поля Верлена. Фрицъ вспомнилъ, что когда-то сказалъ Гедвигѣ, что, къ сожалѣнію, мало знакомъ съ этимъ поэтомъ, и такое вниманіе съ ее стороны тронуло его. Но едва онъ принялся за книгу, какъ вернулась и сама хозяйка.

Онъ видѣлъ, что дѣвушка ему обрадовалась, и это было ему крайне пріятно. Всмотрѣвшись въ Гедвигу, онъ нашелъ въ ней перемѣну: она вся стала какъ-то проще и доступнѣе, и онъ приписалъ это отсутствію тетусекъ.

Она уговорила Фрица остаться и пообѣдать вмѣстѣ съ нею, и послѣ обѣда они опять сидѣли вдвоемъ въ ее комнатѣ и пили кофе изъ старинныхъ фарфоровыхъ чашекъ съ золочеными краями. Тетуски держали эти чашки въ шкафу подъ стекломъ, а Гедвиги пустила ихъ на каждый день. За кофе Фрицъ говорилъ съ дѣвушкой о ее новеллѣ и сказалъ, что у нея есть несомнѣнный талантъ. Онъ даже посовѣтовалъ ей напечатать ее произведеніе, и, сверхъ ожиданія, она безъ всякихъ колебаній радостно ухватилась за эту мысль. Фрицъ находилъ, что самое лучшее—это напечатать новеллу въ ихъ новомъ журналѣ, и заговорилъ съ Гедвигой объ „Импрессионистѣ“. Гедвиги слушала его съ увлеченіемъ и рѣшила отдать свою новеллу именно въ этотъ журналъ.

Съ этого дня Фрицъ Бертингъ сдѣлался почти ежедневнымъ гостемъ Гедвиги Лаванъ.

Она работала надъ своей новеллой по указаніямъ Фрица, а Фрицъ въ это время сидѣлъ обыкновенно рядомъ съ нею у ее письменнаго стола и читалъ. Иногда Гедвиги брала книгу и читала вслухъ какія-нибудь стихотворенія, преимущественно французскихъ поѣтовъ. Голосъ у нея былъ тихій и музыкальный, и Фрицъ очень любилъ ее чтеніе.

Онъ только-что покончилъ съ своей повѣстью и отдалъ ее въ „Импрессионистъ“. Теперь свободнаго времени у него было очень много, и онъ цѣликомъ отдавалъ его Гедвигѣ. Съ каждымъ днемъ дѣвушка привлекала его все больше и больше.

О Вальдемарѣ Гесловѣ Фрицъ почти забылъ. Гедвига теперь сидѣла постоянно дома и очень рѣдко бывала въ театрѣ. Въ домѣ она хозяйничала по-своему. Торжественную залу она освободила отъ всѣхъ ненужныхъ, загромождавшихъ ее вещей и обратила ее въ жилую комнату. Теперь, когда приходилъ Бертингъ, сюда переселялась съ своей работой Гедвига, и Фрицъ могъ, сколько ему было угодно, разгуливать по обширной комнатѣ.

Въ одинъ прекрасный день Фрицъ явился къ Гедвигѣ съ первымъ номеромъ „Импрессиониста“, и они вмѣстѣ долго изучали его содержаніе. Номеръ открывался обращеніемъ редактора къ публикѣ. Здѣсь Зильберъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, говорилъ о новыхъ путяхъ и сообщалъ, что журналъ будетъ преслѣдовать, главнымъ образомъ, художественные интересы. Затѣмъ слѣдовало начало повѣсти Фрица и отрывки изъ „Гетто“ Зильбера. Номеръ заканчивался афоризмами Маркуса Гизеля и стихами Теофиля-Алоиза.

Фрицъ Бертингъ былъ разочарованъ, когда увидѣлъ свою повѣсть въ печати. Его не удовлетворяла ни форма, ни содержаніе. Ему казалось, что онъ впервые ясно понялъ главный недостатокъ своихъ произведеній. Его творчество было слишкомъ поверхностно. Недостаточно было, какъ онъ сдѣлалъ въ этой повѣсти, взять эпизодъ изъ всендневной жизни и художественно обработать его. Нужно было захватывать жизнь гораздо глубже. Нужно было обладать зондомъ, проникающимъ въ еще нетронутыя, дремлющія глубины человѣческой души, въ тѣ скрытые отъ глазъ резервуары человѣческой натуры, гдѣ всѣ побужденія спятъ, какъ маленькія дѣти въ пруду, изъ котораго ихъ выносятся аисты. Безсознательное растительное и животное существо, инстинкты и страсти должны обнаружить передъ художникомъ всѣ свои тайны, а онъ долженъ воплотить ихъ и вывести, торжествуя, на свѣтъ Божій. Совершить это чудо послѣ музыки могла только лирическая поэзія, и Фрицъ Бертингъ вернулся къ своей первой любви: къ стихамъ.

Это они за послѣднія недѣли бродили въ немъ, то терзая его, то давая ему высшее счастье. Они зародились въ немъ давно. Еще путешествуя по морю съ „Заратустрой“, почувствовалъ онъ, какъ они шевельнулись въ его душѣ, точно ребенокъ во чревѣ матери. Безобразныя и тяжелыя впечатлѣнія жизни отдалили ихъ на время, но теперь они брызнули кристальнымъ потокомъ изъ его души.

П—на С—ва.

МЕЛКІЕ ПРОМЫСЛЫ

ВЪ

АНГЛІИ

Многіе экономисты-теоретики такъ-называемой „классической школы“ считаютъ кустарные и полу-кустарные промыслы лишь остаткомъ старины, обреченнымъ на исчезновеніе, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. По ихъ мнѣнію, всякая попытка изслѣдованія этихъ исчезающихъ промысловъ—не болѣе какъ безплодная трата времени. Въ первой половинѣ истекшаго столѣтія, когда хлопчатобумажныя фабрики стали строиться въ колоссальныхъ размѣрахъ, разоряя мелкіе заводы и мастерскія, въ которыхъ работали исключительно на ручныхъ станкахъ,—экономисты, подѣ впечатлѣніемъ этой „промышленной эволюціи“, не задаваясь мыслью объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ, пришли къ заключенію, что мелкія производства не въ состояніи бороться съ крупными и обречены на вымираніе.

Борьба, которая въ сущности была лишь борьбой между ручнымъ и машиннымъ ткацкимъ станкомъ, считалась въ то время борьбой между крупнымъ и мелкимъ производствомъ. Послѣдующее развитіе фабричной дѣятельности въ другихъ отрасляхъ повело къ обобщенію этого заключенія. Ученые того времени не предвидѣли развитія мелкой, полу-кустарной промышленности, изобрѣтенія маленькихъ газовыхъ и керосиновыхъ двигателей и пользованія паровой силой въ мелкихъ мастерскихъ, въ такъ-называемыхъ *tenement-factories* ¹⁾, и мало-по-малу при-

¹⁾ Ничто въ родѣ кустарныхъ фабрикъ, въ которыхъ крошечныя мастерскія сдѣланы съ проведенной паровой силой отдѣльными кустарямъ.

выкли смотрѣть на мелкіе промыслы, какъ на „жалкую борьбу противъ прогресса“.

„Централизациа промысловъ“ стала „экономическимъ закономъ“; когда указывались противорѣчащіе факты, ихъ считали лишь переходнымъ состояніемъ, которое должно было предвѣщать неминуемо гибель мелкихъ промысловъ. Еще недавно одинъ изъ французскихъ политико-экономовъ въ „Journal des Economistes“, въ серьезной статьѣ о мелкихъ промыслахъ Германіи, писалъ: „Конечно, мы не можемъ ожидать, что кустарные промыслы исчезнутъ вдругъ, какъ въ волшебной сказкѣ. Вымирание продлится нѣкоторое время, но они обречены на смерть“.

Въ разореніи ремесленниковъ и развитіи фабрикъ, въ которыхъ рабочіе, въ особенности женщины и дѣти, работали при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, французскіе социалисты 1848 года видѣли могущественный аргументъ въ пользу социализма. „Рабочіе, загнанные въ подобный адъ, не выдержатъ, — писали они; — новая система, достигнувъ широкаго развитія, сама себя погубить и вызоветъ социальную революцію“. „Централизациа капитала и промышленности“ сдѣлалась любимой темой фурьеристовъ и сенсимонистовъ. Нѣмецкіе ихъ послѣдователи, Энгельсъ и Марксъ, развивали ту же идею, выдавая ее за „всемирный законъ историческаго развитія“. Наконецъ, они объявили, что кустарные промыслы служатъ преградой промышленной техникѣ и социальному прогрессу, такъ же какъ и могуществу человѣка надъ природой, и потому „должны быть уничтожены“. Послѣ ихъ исчезновенія, большіе капиталисты естественно пожрутъ другъ друга, оставя за собой „немногихъ узурпаторовъ“, которыхъ легко будетъ лишитъ собственности. Подобныя произвольныя обобщенія, построенныя на узкомъ основаніи — не рѣдкость въ нѣмецкой ученой литературѣ. И потому именно, что Германія переживала такое же быстрое развитіе крупной промышленности, какое переживала Англія пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, эта простая формула прогресса казалась основательной и служила символомъ вѣры большинства нѣмецкихъ передовыхъ писателей и экономистовъ.

Къ сожалѣнію, до послѣдняго времени, въ странѣ съ такимъ высокимъ промышленнымъ развитіемъ, какъ Великобританія, не существовало точныхъ цифръ, которыя могли бы наглядно показать значеніе кустарныхъ промысловъ. Извѣстно, что въ Бельгіи изъ 290.300 человѣкъ рабочихъ почти половина работаетъ на заводахъ, имѣющихъ менѣе 50 человѣкъ, и почти одна треть — въ мелкихъ мастерскихъ, по три человѣка въ каждой (сред-

нимъ числомъ). Во Франціи также возникло множество старинныхъ и новыхъ кустарныхъ промысловъ, въ самое недавнее время, частью подъ влияніемъ новаго спроса и частью вслѣдствіе дешевой электро-двигательной силы. Но и Франція, и Бельгія не считались примѣромъ, заслуживающимъ вниманія. „Эти страны — въ переходномъ состояніи, — говорили намъ; — посмотрите на Англію: тамъ вы не встрѣтите ничего подобнаго; и такою же должна сдѣлаться промышленность всей Европы черезъ не многіе годы“. Между тѣмъ, въ Англіи не было статистическихъ данныхъ ни въ пользу, ни противъ этого заключенія, и аргументація была совершенно лишена основанія. Вплоть до 1896 г. (отчетъ сэра Вильяма Плуудена) не было сдѣлано ни одной попытки привести въ извѣстность число рабочихъ въ отдѣлѣ обработки волокнистыхъ веществъ, хотя они и составляютъ $\frac{3}{4}$ всего рабочаго населенія Великобританіи ¹⁾.

Фабричный актъ 1896 г. вызвалъ, наконецъ, въ 1897 году годовой отчетъ главнаго инспектора фабрикъ и мастерскихъ и дополнилъ этотъ пробѣлъ. Правда, что свѣдѣнія и таблицы фабричнаго инспектора не замѣняютъ организованной промышленной статистики. Онъ даетъ свѣдѣнія, полученные отъ хозяевъ о числѣ мужчинъ, женщинъ и дѣтей на всѣхъ фабрикахъ и въ большинствѣ мастерскихъ, но не заноситъ въ свои таблицы фабрикъ по величинѣ, такъ какъ это потребовало бы массы работы въ обязанностяхъ инспекторовъ, а такихъ списковъ фабрикъ, каковы списки каменноугольныхъ копей, — совсѣмъ не печатается. Потому приходится удовлетворяться одними общими итогами. Мы не можемъ опредѣлить, что столько-то фабрикъ имѣетъ болѣе 1.000 рабочихъ, столько-то — отъ 500 до 1.000 человекъ и т. д. Мы имѣемъ только группы фабрикъ, для которыхъ можемъ рассчитать общее среднее число рабочихъ. Впрочемъ, каждый отдѣлъ промышленности раздѣленъ въ отчетѣ на под-отдѣлы, и въ отчетѣ 1896 г. частные итоги фабрикъ и рабочихъ даны для каждаго под-отдѣла и каждаго графства. Это даетъ возможность составить нѣсколько сотъ частныхъ итоговъ для такого же числа группъ. Итоги эти весьма поучительны.

Значеніе мелкихъ промысловъ видно уже изъ слѣдующихъ итоговъ, которые заключаютъ въ себѣ большинство всего рабочаго населенія Великобританіи. Итоги послѣдняго столбца говорятъ сами за себя.

¹⁾ См. Annual Report of the Chief Inspector of Factories and Workshops for the Year 1896. P. 136. London. 1897.

1897.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Среднее число рабочихъ на фабрику.
Фабрики обработ. волокнистыхъ веществъ	10.883	1.051.564	97
Остальныя фабрики	79.059	2.755.460	35
Мастерскія	88.814	676.446	8
Итого	178.756	4.488.800	25

Къ этой таблицѣ надо добавить еще слѣдующее: цифры, касающіяся фабрикъ, т.-е. такихъ заводовъ, гдѣ употребляются паръ, газъ, керосинъ или электричество,—вполнѣ точны. Но, по вышеупомянутымъ причинамъ, число мастерскихъ безъ всякихъ механическихъ двигателей гораздо меньше дѣйствительности. Общій итогъ рабочихъ-кустарей въ мастерскихъ очевидно долженъ превышать миллионъ чел. и, такимъ образомъ, возвыситъ общій итогъ всего рабочаго населенія до 4.893.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Изъ этого видно, что отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ (20—24%) рабочихъ въ Великобританіи занято въ мастерскихъ, среднее число рабочихъ въ которыхъ менѣе восьми.

Всматриваясь въ многочисленныя итоги въ отдѣлѣ обработки волокнистыхъ веществъ, мы поражаемся значительнымъ числомъ мелкихъ заводовъ въ этой наиболѣе централизованной отрасли промышленности. Такъ, напримѣръ, въ графствѣ Ланкаширъ, въ которому относится почти половина рабочихъ этой отрасли, мы находимъ 3.132 фабрики, которыя, среднимъ числомъ, имѣютъ по 139 чел. въ каждой; въ графствѣ Йоркъ; дающемъ одну треть всѣхъ хлопчато-бумажныхъ рабочихъ,—3.210 фабрикъ, съ среднимъ числомъ рабочихъ въ въ 73 чел. Въ графствѣ Ноттингемъ—центрѣ машиннаго кружева и чулочнаго производства—средній итогъ рабочихъ для каждой фабрики всего 43 чел. (на 386 фабрикъ). Если принять во вниманіе, что въ этихъ трехъ графствахъ есть фабрики съ крупнымъ числомъ рабочихъ отъ 500 до 1.000 и даже 5.000 чел., то становится очевиднымъ, что рядомъ съ ними должно существовать множество мелкихъ, которыя и выражаются въ среднемъ выводѣ. Что касается другихъ мѣстностей, гдѣ обработка волокнистыхъ веществъ не достигла такого значительнаго развитія, то мы находимъ въ 49 графствахъ 2.000 фабрикъ, большинство которыхъ занимаетъ менѣе 100 чел., порядочное количество меньшихъ, по 50 чел., и даже такія, въ которыхъ работаютъ отъ 10 до 20 чел. Изъ этого очевидно, что и въ волобно-обрабатывающей промышленности мелкія предпріятія весьма далеки отъ поглощенія ихъ крупными.

Этотъ результатъ можно было предвидѣть и раньше. Въ каждой странѣ, на ряду съ большими, должно существовать большое количество мелкихъ мастерскихъ, успѣхъ которыхъ основанъ на разнообразіи производства и легкости, съ которой онѣ приспосаблиются къ вѣчно измѣняющейся модѣ. Для пряжи и тканья мяткалей большая фабрика, конечно, выгоднѣе, частью въ техническомъ, во, главнымъ образомъ, въ коммерческомъ отношеніи. Но для шерстяныхъ матерій, напримѣръ, на которыя мода постоянно мѣняется, полушерстяныхъ и набивныхъ, даже для шелковъ, мастерская гораздо удобнѣе фабрики, въ виду болшей возможности приспособленія. Цифры отчета подтверждаютъ это предположеніе. Онѣ показываютъ, что большія фабрики преобладаютъ въ пряжѣ и тканья хлопчатой бумаги, въ шерстяномъ, джутовомъ и льняномъ производствахъ; въ остальныхъ же отрасляхъ обработки волокнистыхъ веществъ (шерсть, шодди ¹⁾, волосъ, пенька, кружево, чулки и тканья шолка) мелкіе заводы и мастерскія преобладаютъ и, взятыя вмѣстѣ, занимаютъ 240.000 человекъ ²⁾. Извѣстно также, что во времена расцвѣта хлопчатобумажнаго производства, машиностроители, поставивъ прядильныя и ткацкія машины на большія хлопчатобумажныя фабрики, стали сбывать свои машины въ разсрочку маленькимъ ассоціаціямъ ткачей. Такимъ способомъ возникло большое число мелкихъ ткацкихъ заводовъ и существуетъ до сихъ поръ.

Всѣ эти цифры добыты, какъ сказано выше, путемъ среднихъ выводовъ, которые, однако, нельзя считать вполне достаточными и опредѣленными. Для уясненія вопроса желательны были бы болѣе точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ распредѣленіи фабрикъ по величинѣ.

Изъ отчета главнаго фабричнаго инспектора Великобританіи видно, что изъ 6.603 фабрикъ только 65 занимаютъ по 1.000 или болѣе человекъ (всего 102.600 рабочихъ). Затѣмъ идутъ 795 фабрикъ, въ которыхъ отъ 200 до 999 чел. (всего 331.500 челов.). Большинство составляютъ среднія фабрики, съ персоналомъ отъ 100 до 200 чел. (2.955 фабрикъ съ 443.120 рабочими). Наконецъ насчитываются еще 1.790 фабрикъ съ количествомъ менѣе 100 рабочихъ. Существуетъ даже большое количество еще болѣе мелкихъ предпріятій, въ которыхъ занято отъ 20 до 50 чел.; такихъ фабрикъ 1.400, дающихъ зарабо-

¹⁾ Шерсть, вырабатываемая машинкой изъ старыхъ ковровъ и шерстяного тряпья.

²⁾ Множество чулочныхъ мастерскихъ совсѣмъ не вошло въ списки фабричныхъ инспекторовъ.

товъ 42.000 чел. Число мелкихъ мастерскихъ въ дѣйствительности гораздо больше.

Если въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ централизація не пошла такъ далеко, какъ думали, то еще болѣе поражаетъ въ отчетѣ громадное количество мелкихъ заводовъ по другимъ отраслямъ промышленности. Нѣкоторые изъ нихъ—въ связи съ хлопчато-бумажными фабриками, большинство же относится къ главной промышленности страны и, несмотря на всѣ предсказанія, удержало за послѣднюю половину столѣтія характеръ мелкаго производства. Конечно, въ машинномъ, кораблестроительномъ, вагонномъ и желѣзномъ промыслахъ, а также въ литейномъ, бѣлильномъ и красильномъ—существуютъ крупные заводы и фабрики; и они хорошо извѣстны въ Англии. Но точное число фабрикъ, въ которыхъ болѣе 1.000 чел., равняется всего 128; въ нихъ работаютъ всего 355.208 чел. изъ 3.000.000 общаго числа рабочихъ. Кромѣ того, отчетъ даетъ свѣдѣнія, помимо мастерскихъ, о 34.042 заводахъ, въ которыхъ работаютъ менѣе 10 чел. въ каждомъ, и насчитываетъ 270.000 рабочихъ и 34 000 хозяевъ въ мелкихъ промыслахъ внѣ ткацкихъ и прядильныхъ. Такимъ образомъ, крупные и мелкіе промыслы почти уравновѣшиваются, и, конечно, ни Бельгія, ни Франція не могли бы дать болѣе поразительной картины мелкаго производства.

Обращаясь къ различнымъ отраслямъ внѣ обработки волокнистыхъ веществъ и слѣдуя классификаціи отчета, находимъ, что газовые заводы, по большей части,—средней величины и занимаютъ, среднимъ числомъ, по 78 рабочихъ; резиновые—по 125 человѣкъ. Въ стеклянномъ производствѣ, очевидно, имѣются громадныя фабрики, судя по среднему выводу=87 раб. въ каждомъ изъ 456 стеклянныхъ заводовъ всей Великобританіи.

Чугуно-литейные и желѣзные заводы, конечно, принадлежатъ къ крупному производству и на каждый заводъ приходится отъ 100 до 400 чел. Но и въ этомъ случаѣ крупные чугуно-литейные заводы ни въ какомъ случаѣ не составляютъ общаго правила. Напротивъ, изъ 5.318 фабрикъ, большинство занимаетъ отъ 60 до 15 рабочихъ; среднія—по 10 человѣкъ, и какъ ни странно это кажется, имѣются 508 заводовъ съ числомъ рабочихъ менѣе 10 чел. Страна покрыта такими крошечными литейными, существующими бокомъ-о-бокъ съ крупными заводами.

Никому не придетъ въ голову искать мелкихъ предпріятій среди кораблестроительнаго производства или среди фабрикъ для приготовленія металлическихъ трубъ. Одиннадцать правительственныхъ заводовъ одни занимаютъ 23.455 человѣкъ. И однако сред-

ній выводъ для этого громаднаго отдѣла промышленности, обнимающаго 5.300 отдѣльныхъ фабрикъ, равняется лишь 69 чел. для каждой; во многихъ графствахъ среднее число рабочихъ падаетъ до 10.

Большія фабрики встрѣчаются еще въ производствѣ щелочей и спичекъ. Но въ мыльномъ и свѣчномъ производствѣ, на ряду съ громадными фирмами, которыя слишвомъ хорошо всѣмъ знакомы по громкой рекламѣ,—мелкое производство держится стойко. Въ этой отрасли, а также въ изготовленіи химическаго удобрения и вообще во всѣхъ химическихъ производствахъ, насчитывается до 2.000 мелкихъ заводовъ, по 29 чел. среднимъ числомъ, и 135 заводовъ искусственнаго удобрения, въ которыхъ менѣе 10 чел. въ каждомъ.

Мебель, деревянная и желѣзная, производится въ 2.500 заводахъ, между которыми не мало крупныхъ; но мелкіе преобладаютъ. Въ настоящее время большіе мебельные склады и магазины не имѣютъ своихъ собственныхъ мастерскихъ и служатъ, по большей части, лишь выставкой образцовъ, тогда какъ мебель изготовляется тысячами мелкихъ заводовъ и мастерскихъ. Среднее число рабочихъ на такихъ заводахъ колеблется между 20 и 50, а количество заводовъ, въ которыхъ менѣе 10 чел., достигаетъ почтенной цифры 968. Кромѣ того, въ отчетѣ упоминается, въ графѣ мебельныхъ и обойныхъ—4.108 мастерскихъ, дающихъ работу 42.106 чел. Еслибъ кустари-одиночки были занесены въ отчетъ, эти цифры поднялись бы значительно.

Производство пищевыхъ веществъ представляетъ всевозможныя градации. Кромѣ большихъ фабрикъ хлѣба, бисквитовъ, сахара, шоколада, варенья и консервовъ, хорошо извѣстныхъ и въ Англіи, и по всей Европѣ,—тутъ существуетъ и множество мелкихъ, крошечныхъ заводовъ. Послѣдніе такъ многочисленны, что занимаютъ почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ рабочихъ этой отрасли. Среднимъ числомъ, въ 6.500 отдѣльныхъ заводахъ этого рода—по 18 чел. въ каждомъ. Само собой понятно, что мукомольныя и круподерныя мельницы не нуждаются въ многочисленномъ персоналѣ; однако, когда встрѣчаешь въ отчетѣ почти 6.000 мелкихъ мельницъ, невольно поражаешься тѣмъ, что такое значительное производство все еще остается при старинныхъ вѣтряныхъ и маленькихъ паровыхъ мельницахъ. Еще удивительнѣе, что пивовареніе находится въ такомъ же положеніи, и средній выводъ рабочихъ въ 2.076 пивоваренныхъ заводахъ равняется лишь 24 чел. Изъ этого числа почти половина (989)—пивоварни, солодовни, и проч.,—имѣютъ менѣе 10 рабочихъ въ каждой.

Что касается искусственныхъ минеральныхъ водъ, то производство это всецѣло принадлежитъ мелкой промышленности и занимаетъ 37.000 чел., разсѣянныхъ въ 3.365 заводахъ, изъ которыхъ 2.000 можно назвать вполне кустарными. Въ ситцепечатномъ дѣлѣ—большинство крупныхъ заводовъ. Всего ихъ 104, съ рабочимъ персоналомъ отъ 170 до 700 чел. Среди крупныхъ предпріятій находятся 14 большихъ фабрикъ для окраски бумажныхъ тканей въ красный цвѣтъ. Бѣленіе, окраска и галандреніе производятся на крупныхъ и среднихъ фабрикахъ (отъ 50 до 100 чел.). Всевозможное печатаніе по матеріямъ, помимо миткаля, относится къ категоріи мелкихъ промысловъ; бѣленьемъ, крапненьемъ, галандрой и паковой пряжи и ткачей занято 2.500 мелкихъ заводовъ, съ 100.000 чел. рабочихъ. Болѣе 500 подобныхъ заводовъ считаютъ не болѣе 10 чел. въ каждомъ. Фактъ этотъ служитъ прекраснымъ примѣромъ того, какъ мелкія производства дополняютъ крупныя.

Въ изготовленіи готоваго платья, бѣлья, обуви, шляпъ и перчатокъ машины достигли замѣчательной быстроты производства, и въ числѣ фабрикъ этой отрасли преобладаютъ среднія—съ 80 до 150 рабочими. Кромѣ того, многія фабрики даютъ работу „на сторону“ по мелкимъ мастерскимъ, которыхъ насчитываются тысячи.—12.000 рабочихъ занято изготовленіемъ пороха въ нѣсколькихъ большихъ заводахъ. Во всѣхъ же остальныхъ отрасляхъ, крупные заводы существуютъ какъ исключеніе. Мелкія мастерскія попали въ отчетъ въ число фабрикъ только потому, что пользуются кое-какими механическими двигателями. Хозяева считаются десятками тысячъ и во многихъ промыслахъ работаютъ сами наряду со своими четырьмя или пятью, а иногда и дюжиной помощниковъ. Общій видъ этихъ производствъ и ихъ техническіе приемы совершенно такіе же, какъ и въ мелкихъ промыслахъ Франціи и Германіи, съ тою только разницей, что здѣсь эти промыслы чаще всего находятся въ промышленныхъ деревняхъ, въ которыхъ они комбинируются съ полеводствомъ или садоводствомъ, какъ, на примѣръ, сады Юры и Роны,—тогда какъ въ Англіи эти производства, по большей части, гнѣздятся въ „черной странѣ“¹⁾ или въ еще болѣе мрачныхъ предмѣстьяхъ большихъ городовъ.

Ручное, полу-кустарное производство преобладаетъ даже въ

¹⁾ Black Country—называется вся фабричная мѣстность въ сосѣдствѣ Манчестера, Шеффилда, Ливерпуля и т. д., такъ какъ дымъ отъ трубъ, буквально, затемняетъ солнце и покрываетъ всю мѣстность сажей. Фрукты и овощи приходится чистить и отмывать отъ толстаго слоя угольной пыли

такихъ значительныхъ промыслахъ, какъ металлическіе: выдѣлываніе ножеваго товара и инструментовъ всевозможныхъ наименованій и безконечнаго разнообразія. Этотъ промыселъ занимаетъ болѣе милліона рабочихъ Великобританіи, и ручная выдѣлка играетъ не послѣднюю роль въ высокой репутациіи англійскихъ металлическихъ товаровъ за границей. Въ этой громадной области мелкій промыселъ пустилъ глубокіе корни. Выдѣлка пилъ, напилковъ, долотъ, топоровъ, винтовъ, такъ называемыхъ „американскихъ“ сборныхъ инструментовъ, вилокъ, ножей, садовыхъ инструментовъ и т. д. производится милліонами для внутренняго употребленія и распространена по всему свѣту. Способъ изготовленія—кустарный и точно такой, какимъ былъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Раздача паровыхъ и другихъ двигателей отдѣльнымъ кустарямъ сдѣлалась общимъ правиломъ: Маленькая литейная по срединѣ двора, четыре стороны котораго заняты сотнями мелкихъ мастерскихъ, въ которыя проведена двигательная сила отъ центральной паровой машины—вотъ обычный типъ. Мастерскія обыкновенно нанимаются кустарями, и тогда дробятся еще на „углы“. Такого рода учрежденія приобрѣли въ Англій спеціальное названіе „tenement-factories“, такъ какъ онѣ всего болѣе напоминаютъ „tenement-houses“—домъ, въ которыхъ всѣ квартиры отдаются отдѣльными комнатами. Въ Шеффилдѣ въ настоящее время 170 такихъ кустарныхъ фабрикъ. Если войдете въ такую кустарную фабрику, вы увидите ряды маленькихъ мастерскихъ, по 2¹/₃ квадратныхъ аршина въ каждой; кустарь помѣщается между огнемъ и наковальней и дѣлаетъ лезвья ножей. Дальше идутъ ряды мастерскихъ покрупнѣе, въ которыхъ работаетъ мастеръ-хозяинъ съ нѣсколькими помощниками, дѣлая самыя разнообразныя инструменты. Въ нижнемъ этажѣ—маленькія, сырыя каморки, въ которыхъ выдѣлываются пилы и напилки, а въ комнатахъ побольше полируютъ и точатъ инструменты. Около 15.000 чело-вѣкъ занято въ этихъ кустарныхъ фабрикахъ, выработывая ножи и инструменты, которыми славится Шеффилдъ по всему свѣту.

Тотъ же кустарный характеръ сохранился и во многихъ другихъ производствахъ; таково производство замковъ въ Вилленголдѣ и его окрестностяхъ, въ графствѣ Стаффордъ (500 мелкихъ заводовъ, съ 4.000 рабочихъ). Здѣсь же выдѣлывается конская сбруя, садовые инструменты, гигиеническія приспособленія для домовъ и безконечное число разнообразныхъ предметовъ изъ мѣди, луженаго и гальванизованнаго желѣза и другихъ металловъ и сплавовъ, — все это въ области кустар-

ной. Количество рабочих на заводах обыкновенно меньше двадцати, и в большинстве случаев—меньше десяти. Несмотря на существование нескольких крупных, число мелких заводов так велико, что, по среднему выводу, на каждый завод гальванизированного железа приходится 28 рабочих, земледельческих инструментов—32 человека, игольный и булавочный—43 человека и на заводы разных мелких инструментов—25 человек. Даже в производстве паровиков приходится лишь 48 рабочих на каждый завод. 104 тысячи рабочих в этих промыслах работают в 3.000 фабриках, к которым надо прибавить 60.000 человек в 7.500 мастерских (и гораздо больше, если бы кустари-одиночки были зарегистрированы). То же самое находим мы и в производстве велосипедов, которым занято 46.000 человек в 1.780 заводах и мастерских; в электрических мастерских—среднее число рабочих меньше десяти. Сюда же относятся проволочные, гвоздильные и винтовые заводы, в которых или ручным способом, или с помощью самых несложных машин или инструментов, вуются безконечно разнообразны вещи, употребляемые в строении кораблей и лодок, в постройке домов и вообще во всех отраслях человеческой деятельности, включая даже тяжелые цепи и якоря для кораблей. Короче сказать, одна треть всего рабочего населения, за исключением рабочих на ткацких и прядильных фабриках, занята ручным производством. Треть эта равняется 830.260 человек в 14.899 заводах. Несмотря на громадные фабрики Армстронга, Уитворта и казенные заводы, средний завод дает всего лишь лишь 56 человек на каждый завод.

Что касается менее важных производств, еще не упомянутых выше, они все показывают громадное развитие мелкой промышленности и почти все принадлежат к области кустарной. 54.000 человек работают в крошечных заводах, а также в различных мастерских, в которых выдѣлываются ювелирные, серебряные и никелированные изделия, часы, фотографические принадлежности, игрушки и т. п. К той же кустарной области относится и множество мелких заводов деревянных и кожевенных товаров, изделий из рога и кости, а также кирпичных, изразцовых, горшечных и фарфоровых, в которых насчитывают 260.000 рабочих и 11.200 хозяев. Если выдѣлить несколько более крупных заводов, где обычное число рабочих от 15 до 40 человек, то окажется, что списки фабричного инспектора дают тысячи мелких заводов с числом рабочих меньше десяти.

Что касается печатанія, литографіи, изготовленія переплетовъ и канцелярскихъ принадлежностей, то рабочіе этихъ специальностей распределяются или по очень крупнымъ фабрикамъ, или по тысячамъ мелкихъ. Достаточно указать, что 120.000 человекъ этой группы разсыяны въ 6.000 фабрикахъ и что однихъ печатень съ числомъ менѣе 10 рабочихъ и зарегистрированныхъ въ числѣ фабрикъ—всего 4.219.

Въ производствѣ щетокъ, канатовъ, парусовъ, корзинъ и тысячи разнообразныхъ предметовъ изъ кожи, бумаги, дерева и металловъ насчитывается 130.000 рабочихъ и 4.300 хозяевъ,— т.-е. снова передъ нами является обширная кустарная сфера. Соединивъ всѣ эти мелкія производства, получаемъ болѣе 1.200.000 человекъ. Если все вышепоименованное занесено въ отчетъ подъ рубрику фабрикъ, то это объясняется употребленіемъ механическихъ двигателей— пара, газа, керосина или электричества. Тѣмъ не менѣе, громадное число ихъ, какъ мы видѣли, принадлежитъ къ области мелкаго производства. Въ мастерскихъ дѣленіе идетъ еще гораздо дальше, такъ какъ въ нихъ около милліона рабочихъ,—среднимъ числомъ, по 8 человекъ въ каждой. Этотъ классъ заключаетъ въ себѣ пекарей, портныхъ, сапожниковъ, деревенскихъ плотниковъ, колесниковъ, кузнецовъ и тому подобныхъ мастеровыхъ, которыхъ можно считать личными слугами населенія. Но онъ содержитъ также и громадное число мастерскихъ, которыя производятъ товаръ не только для мѣстнаго употребленія, но и для большого рынка; и оказывается, что рабочіе этой категоріи составляютъ, по меньшей мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ всего населенія мастерскихъ. Въ этой области находимъ мы 1.200 мастерскихъ, вырабатывающихъ чулки, кружево и даже разныя ткани безъ помощи пара, газа или какихъ-либо иныхъ двигателей. Болѣе 20.000 человекъ изготовляютъ экипажи и повозки, и 60.000 чел.—различныя металлическія издѣлія. Какъ сказано выше, всѣ эти цифры ниже дѣйствительности. Что касается одежды всякаго рода, т.-е. мастерства шляпнаго, башмачнаго, перчаточнаго, искусственныхъ цвѣтовъ и т. д., то ими заняты 351.600 женщинъ и мужчинъ въ 48.425 мастерскихъ, отъ 5 до 50 человекъ въ каждой. Всѣ онѣ поставляютъ свои издѣлія на большіе магазины. Весьма часто магазины служатъ только для того, чтобы принимать заказы, а работа производится въ мелкихъ мастерскихъ предмѣстій и даже по дальнимъ деревнямъ. Громадные шляпные магазины играютъ роль выставокъ, а мастерскія, поставляющія имъ товаръ, разсыяны въ графствѣ Серрей, въ Шотландіи и даже въ Саксоніи.

Маленькія мастерскія, въ которыхъ работаютъ отъ 5 до 50 швеекъ и портныхъ, представляютъ обычный типъ этой громадной отрасли промышленности. То же самое замѣчается въ пронаводствѣ туфель, дешевыхъ ювелирныхъ издѣлій и многихъ другихъ. Мелкія мастерскія—настоящіе представители этой промышленности, а большіе склады и ярмо освѣщенные магазины—нихъ прилавки.

Въ вышеупомянутыхъ цифрахъ, терпѣливо собранныхъ фабричными инспекторами, открывается цѣлый новый міръ, о которомъ не подозрѣвали экономисты. Изъ-за нихъ выступаютъ не призраки и не остатки прошлаго, не безнадежные неудачники, борющіеся съ приливомъ, но сотни промысловъ, полныхъ жизни и способности безконечно приспособляться, возникшихъ изъ потребностей жизни, которыя развиваются и дифференцируются во всѣхъ направленіяхъ. Мѣстами встрѣчаются мастерскія, которыя, 20—30 лѣтъ тому назадъ, занимали какую-нибудь дюжину работницъ, а теперь, подъ управленіемъ ловкаго хозяина, выросли въ большую фабрику, въ которой 200 женщинъ работаютъ шпальсы, и машины двигаются электричествомъ. Но рядомъ съ этимъ сотни мелкихъ мастерскихъ, съ новѣйшими газовыми или электрическими двигателями, примѣняются къ новымъ и новымъ специальностямъ. Только-что начали всѣ носить воротники и рукавички—и вотъ явилось множество специальныхъ мастерскихъ, изготовляющихъ одни только воротники и рукавички. Вошли въ моду нарядныя жестяныя коробки и въ домашнее употребленіе, и въ большихъ бисквитныхъ фабрикахъ, и въ бакалейныхъ магазинахъ—и для производства этихъ предметовъ возникаютъ новыя мастерскія. Быть можетъ, какая-нибудь одна большая фабрика и поглотила нѣсколько малыхъ, но десятки новыхъ, мелкихъ мастерскихъ уже появились взамѣнъ—какъ это было въ Уэльсѣ съ велосипедами, гдѣ тысячи мелкихъ мастерскихъ распространились по всей странѣ. Всѣ отдѣльныя части велосипедовъ покупаются въ Бирмингамѣ, собираются по мелкимъ мастерскимъ, причемъ вносятся сотни различныхъ усовершенствованій. Мелкіе промыслы не убиты и не могутъ быть убиты; они, какъ Протей, вѣчно видоизмѣняются.

Изъ приведенныхъ нами цифръ видно, что лишь малая часть всего рабочаго населенія Великобританіи находитъ заработки на крупныхъ фабрикахъ, числомъ болѣе 500 чел. въ каждой,—а именно одна восьмая часть, если принять общій итогъ въ 4.800.000. Отъ $\frac{3}{8}$ до $\frac{1}{2}$ всѣхъ рабочихъ занято на среднихъ фабрикахъ съ числомъ рабочихъ отъ 100 до 200 чел., изрѣдка

съ 500 чел., и почти половина всего рабочаго населенія разсѣяна по мелкимъ фабрикамъ и мастерскимъ.

Тысячи разныхъ предметовъ, употребляемыхъ въ обыденной жизни, дѣлаются кустарнымъ способомъ; судя по тому, что мы знаемъ по другимъ странамъ, можно предположить, что итогъ стоимости всего, что выработывается мелкими производителями въ Великобританіи, немного ниже суммы производства крупнѣйшихъ предприятий. Что же касается тѣхъ „нѣсколькихъ узурпаторовъ“, о которыхъ писалъ Марксъ, то мы находимъ вмѣсто нихъ 200.000 хозяевъ.

Тѣмъ не менѣе, благодаря предвзятой идеѣ, мелкія производства были до сихъ поръ въ забросѣ; и ихъ загнали изъ деревень въ мрачныя дома и трущобы большихъ городовъ. Ученые прямо не хотѣли ничего знать о нихъ; съ ними поступали какъ съ бѣдными родственниками, которымъ разбогатѣвшій дѣлецъ „совѣтуетъ вымереть“. Въ программахъ техническаго воспитанія кустарное производство не принималось въ расчетъ, и по этой-то причинѣ въ Англіи, за послѣднее время, приходилось такъ много слышать о нѣмецкомъ товарѣ (made in Germany). Мелкія, домашнія вещи, издѣлія *fantaisie*, канцелярскія принадлежности, одежда и т. д. выработываются въ Англіи въ такихъ же мелкихъ мастерскихъ, и рабочіе получаютъ ту же нищенскую плату, какъ въ Германіи или въ Парижѣ и Вѣнѣ. Вообще, англійскіе кустари мало выиграли отъ возрожденія прикладныхъ искусствъ и продолжаютъ работать по старомоднымъ, иногда безвкуснымъ образцамъ, тогда какъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Шварцвальдѣ техническое образованіе было специально приспособлено къ кустарнымъ ремесламъ, вызывая въ кустаряхъ стремленіе къ изобрѣтенію новыхъ инструментовъ и машинъ и новыхъ техническихъ процессовъ. Достаточно взглянуть на нѣмецкія игрушки, богемское стекло или французскія *articles de fantaisie*, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ то же время въ Германіи возникла широкая организація для объединенія мелкихъ производителей. Организація эта такъ разрослась, что теперь нѣтъ ни одного городка въ Великобританіи, гдѣ бы не встрѣтился нѣмецкій *commi-voyageur*, развозящій образцы своихъ „бездѣлушекъ“ или „подарковъ изъ Брайтона“ и т. п. товаровъ, приспособленныхъ для любого курорта и города. Онъ не скупщикъ, а прямой представитель организованныхъ кустарей. Черезъ него они—въ прямыхъ, торговыхъ сношеніяхъ съ розничной торговлей Англіи.

Англійскіе мелкіе промыслы, въ своемъ безконечномъ, постоянно мѣняющемся и постоянно разрастающемся разнообразіи,

представляютъ *необходимое* дополненіе крупной промышленности. Всякій, кому сколько-нибудь знакомы эти ручные промыслы, не можетъ не видѣть въ нихъ широкаго поля, въ которомъ воспитывается и крѣпнеть техническій духъ націи. Взгляните, напримеръ, на современный велосипедъ съ его принадлежностями и сравните его съ старымъ типомъ; разберите это множество частныхъ усовершенствованій, придуманныхъ безконечнымъ числомъ мелкихъ изобрѣтателей, и вамъ станетъ ясна исторія каждой составной части, а также и вліаніе мелкихъ изобрѣтеній на великій техническій прогрессъ. Велосипедъ уже переходитъ въ моторъ, подобно тому, какъ электрическая игрушка разрослась въ электрическую желѣзную дорогу.

Что касается общепринятой идеи о необходимости исчезновенія мелкихъ промысловъ, то эта идея разбивается сама собой, какъ скоро мы обращаемся къ фактамъ дѣйствительной жизни. Одно только поверхностное знакомство съ промышленностью могло создать этотъ „законъ“ въ умахъ экономистовъ, которые проповѣдывали его, не справляясь съ дѣйствительностью, въ теченіе полувѣка. Чѣмъ больше вникаешь въ настоящее положеніе мелкой промышленности Англии, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что она постоянно и неуклонно развивалась и захватывала новыя сферы дѣятельности за эти послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Поэтому практическіе инженеры были безусловно правы, утверждая, что кустарные промыслы приобретутъ еще болѣе значенія, когда въ каждомъ поселеніи будетъ дешевая доставка электрической двигательной силы.

Б—И.

Лондонъ, 1902.

К Н И Г А

0

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАССКОМЪ

— *Материалы для біографіи князя В. А. Черкасскаго. Составила кн. О. Тру-
бецкая. Томъ первый: Князь В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи
крестьянскаго вопроса. Книга I. Москва 1901. У + 331 + 176.*

Неумѣнье и даже нежеланіе нашего общества цѣнить своихъ замѣчательныхъ людей и заботливо поддерживать память о нихъ издавна горестно поражаетъ наблюдателей русской жизни. „Мы лѣнны и нелюбопытны“,—сказалъ Пушкинъ. Къ этому можно, съ полнымъ правомъ и на основаніи ярыхъ и внушительныхъ примѣровъ, добавить: „...и неблагодарны“. И послѣднее—горше перваго... Еще можно понять отсутствіе интереса къ прошлому, ничѣмъ органически не связанному съ настоящимъ,—можно извинить нѣкоторую лѣнь, удерживающую отъ историко-археологическихъ изслѣдованій по отношенію къ людямъ, дѣла и личность которыхъ уже давно „поросли травой забвенья“ и ничѣмъ нынѣ не отражаются на общественно-бытовыхъ явленіяхъ жизни,—но чѣмъ оправдать полное равнодушіе къ памяти людей, чьихъ трудами, усиліями воли и нерѣдко нравственными страданіями и матеріальными лишеніями куплены для современныхъ поколѣній *человѣческія* условія существованія?! Когда извѣстны, хотя бы въ общихъ чертахъ, изъ источника элементарныхъ историческихъ свѣдѣній, тягостныя или постыдныя явленія нашей внутренней жизни, вонецъ которымъ положенъ дружною ра-

ботой лучшихъ сыновъ родины и великодушнымъ починомъ и твердою волею Монарха, то какъ же не пожелать узнать — *кто* и *какъ* принималъ участіе въ такомъ благотворномъ и чреватомъ послѣдствіями трудѣ?! Къ такимъ явленіямъ нашей исторической жизни относится, безъ сомнѣнія, крѣпостное право, — это своего рода не внѣшнее, а внутреннее монгольское иго, — пронизавшее и отравлявшее собою всё проявленія дѣятельности государственнаго организма, искажавшее и подавлявшее всё проявленія личной жизни народа, — въ сущности, по справедливому замѣчанію Я. И. Ростовцева, и не существовавшего, до упраздненія крѣпостнаго права, какъ вѣчто цѣлое и самостоятельное. Отмѣна крѣпостнаго права не только обусловила, но имѣла своимъ неизбѣжнымъ и прямымъ послѣдствіемъ реформу суда и отмѣну подушной подати — и дала возможность введенія общей воинской повинности. Судъ присяжныхъ, столь сильно облегчающій судебное бремя государства, былъ бы немислимъ при существованіи рабства, — а общая воинская повинность въ корнѣ подрывала бы начало вотчиннаго хозяйства, построеннаго на даровомъ и подневольномъ трудѣ. Какъ на всѣхъ сторонахъ нашего государственнаго быта до сихъ поръ отражается починъ Петра Великаго, такъ почти на всѣхъ основаніяхъ нашего современнаго общественнаго быта сказывается великая и коренная реформа Александра II-го. А между тѣмъ — много ли мы знаемъ о важнѣйшихъ дѣятеляхъ тѣхъ незабвенныхъ годовъ, когда, по мѣткому выраженію Некрасова, „ковалась“ эта реформа? Гдѣ не только ихъ серьезные біографіи, но хотя бы даже систематическое собраніе матеріаловъ для такихъ біографій? Какія изслѣдованія или *общедоступныя* воспоминанія можно указать для болѣе или менѣе близкаго знакомства съ личностью и дѣятельностью великой княгини Елены Павловны — этой „нимфы Эгеріи“ Царя-Освободителя, — и ея ближайшей сотрудницы, баронессы Эдиты Раденъ, той „geistreiche“ Раденъ, благородство духовной природы которой заставляло cadaго, по словамъ И. С. Аксакова, при встрѣчѣ или бесѣдѣ съ нею, невольно *выпрямляться душою*... Гдѣ подробное описаніе жизни и титанической работы Николая Алексѣевича Милютина? Гдѣ цѣльный очеркъ интереснѣйшей дѣятельности Юрія Федоровича Самарина? А между тѣмъ время уходитъ — и дѣйствуетъ двойною разрушительнымъ образомъ: письменные матеріалы „выцвѣтаютъ“ и утрачиваютъ интересъ своей связи съ текущей дѣятельностью, а драгоценныя устные воспоминанія современниковъ и очевидцевъ, столь важныя для восстановленія неуловимыхъ впоследствии чертъ живого

образа покойныхъ дѣятелей, исчезаютъ безслѣдно и съ прогрессивною быстротою. У насъ принято смотрѣть на личныя воспоминанія объ общественныхъ дѣятеляхъ какъ на нѣчто въ родѣ неприкосновенной собственности, которою лишь иногда можно, въ минуты хорошаго настроенія, подѣлиться съ друзьями. Но это неправильно. Не только *можно*, а *должно* дѣлиться, ибо вѣче стираются всѣ жизненныя краски съ лицъ и событій и утрачивается поучительная картина всѣхъ перипетій медленной и упорной борьбы за лучшія пріобрѣтенія духовной и политической культуры. Обыкновенно ссылаются на *несвоевременность* или *преждевременность* систематическаго обнародованія матеріаловъ и воспоминаній—и все со дня на день откладывается, до тѣхъ поръ, пока, „яко тать въ нощи“, не подойдетъ смерть—и образъ дѣятеля, который могъ бы быть запечатлѣнъ въ благодарномъ сознаніи потомства, не померкнетъ въ собственномъ сознаніи равнодушнаго или излишне робкаго хранителя воспоминаній.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленія книги, издавнкой и составленной княжною О. Трубецкою. Книга первая I-го тома предприватаго ея труда содержитъ систематическія воспоминанія о дѣятельности князя В. А. Черкасскаго съ 1824 по 1859 годъ и въ высшей степени интересную переписку его съ Ю. О. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ, И. С. Аксаковымъ и другими—за время, предшествовавшее работамъ по освобожденію крестьянъ и за первый періодъ этихъ работъ, когда отъмена крѣпостнаго права обсуждалась въ губернскихъ комитетахъ. Книга княжны Трубецкой заслуживаетъ самаго внимательнаго ознакомленія со стороны каждаго, повимающаго громадное значеніе реформы, частицу исторіи которой эта книга живописуетъ не съ официальной стороны, а давая возможность читателю присутствовать при откровенной бесѣдѣ людей разнаго темперамента и склада, но одушевленныхъ одинаково пламенною любовью къ родиѣ и тревожною заботою о ея судьбахъ. Эта книга—цѣльный и дорогой кусокъ, вырѣзанный изъ пестрой ткани *дѣйствительной*, а не *сочиненной* исторіи, въ которой разноцвѣтныя нити индивидуальныхъ свойствъ и дѣйствій сплетаются въ единый узоръ общаго движенія.

Центральною фігурою книги является, конечно, самъ князь Черкаскій. Друзья, ведущіе съ нимъ переписку, часто говорятъ о немъ лично,—онъ самъ рисуетъ себя со всѣхъ сторонъ своего характера въ своихъ письмахъ и въ дѣйствіяхъ. И онъ стоитъ предъ нами какъ живой. Это—натура сильная, страстная, при внѣшнемъ спокойствіи и самообладаніи. Она вся проявлена тѣмъ,

что французы называютъ „esprit de combativité“, и совершенно чужда *приспособляемости*. Весь преданный своему дѣлу, упорный и настойчивый въ преслѣдованіи своей цѣли, вн. Черкасскій не только не знаетъ столь обычнаго у насъ, заклеяменнаго еще княземъ Одоевскимъ, „рукавоступія“, но вѣчно борется, находя, по собственному выраженію, что „*ездя и всюду наступательная война выводитъ оборонительной*“. Оружіемъ въ этой войнѣ ему служить сильный, дѣятельный умъ, сила слова и быстрая находчивость. „Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабыя, подслѣповатые глаза,—говорить о немъ И. С. Аксаковъ,—такъ его острый умъ кололъ, рѣзалъ, особенно же глаза людей съ туманною мыслью, ублажающихся самообольщеніемъ. Онъ любилъ, къ сожалѣнію слишкомъ любилъ, издѣваться надъ добродушною глуповатостью, и уже безъ малѣйшей пощады влеймилъ высокоумную, злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣньемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста и въ груди фразъ о безкорыстіи и гуманности обличать присутствіе тайнаго, своекорыстнаго мотива“.

Воспитанникъ московскаго университета, въ наиболѣе славный періодъ его существованія, Черкасскій до конца дней сохранилъ благодарную память о Погодинѣ и Крыловѣ. Первый,—говорить онъ,—„вселялъ въ слушателяхъ уваженіе къ историческому труду, возбуждалъ самодѣтельность ихъ умовъ и радостно привѣтствовалъ и поощрялъ каждый, кого успѣвалъ посвятить въ тайны наслажденія науки. Онъ вливалъ въ молодые души живые задатки народнаго самосознанія“. О Погодинѣ князь Черкасскій всегда отзывался съ особымъ уваженіемъ. Интересно, что еще задолго до появленія монументальнаго труда Н. П. Барсукова объ этомъ замѣчательномъ и своеобразномъ человѣкѣ, И. С. Аксаковъ, въ 1854 году, въ письмѣ къ своимъ родителямъ, говорилъ: „Погодина за многое можно уважать, и когда умретъ онъ и представится намъ вся жизнь его, какъ одно цѣлое, тогда многіе, даже враги, отдадутъ ему справедливость, а прыщи и бугры, которыми усѣяно лицо каждого человѣка, даже красавицы, если разсмотрѣтъ въ микроскопъ, исчезнутъ и не обратятъ на себя вниманія, когда выдастся впередъ общій обликъ человѣка. Этотъ-то общій обликъ не всегда уважается людьми при жизни человѣка,—впрочемъ, онъ и не ясно видимъ иногда,—но вообще люди охотнѣе путешествуютъ по прыщамъ и буграмъ человѣка, чѣмъ всматриваются въ общій типъ его фізіономіи. Въ Погодинѣ много и много такого хорошаго, ради котораго можно простить ему и дурное“... Не менѣе имѣло вліянія на

князя Черкаскаго и преподаваніе профессора римскаго права Крылова, своеобразная и высоко-талантливая личность котораго оставила неизгладимый слѣдъ на складѣ ума его слушателей, для которыхъ образъ „Никиты Крылова“ составлялъ и нынѣ еще составляетъ одно изъ самыхъ дорогихъ и свѣтлыхъ воспоминаній объ университетѣ. Нравственная связь Черкаскаго съ его „alma mater“ никогда не ослабѣвала. Уже приближаясь къ концу своей дѣятельной жизни, при оставленіи должности московскаго городского головы, отвѣчая на обращенныя къ нему привѣтствія и отклоняя отъ себя слишкомъ лестные отзывы, онъ сказалъ: „единственная заслуга моя заключается, быть можетъ, лишь въ томъ, что я оставался и остался постоянно вѣренъ нѣкоторымъ завѣтнымъ убѣжденіямъ, насажденнымъ въ меня сызмала, взрожденнымъ во мнѣ московскимъ университетомъ и съ университетской скамьи внесеннымъ мною въ общественную дѣятельность, — убѣжденіямъ, которымъ я надѣюсь остаться вѣрнымъ до конца...“

Въ стѣнахъ этого университета и воспиталь впервые будущій дѣятель по освобожденію крестьянъ свои завѣтныя мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права, служенію которымъ посвятилъ всѣ свои силы. Въ написанномъ на золотую медаль, въ 1844 году, „*Очеркъ исторіи сельскаго сословія въ Россіи*“, — явившемся продолженіемъ оставшагося въ рукописи „*Разсужденія объ укрѣпленіи крестьянъ*“, — представивъ очеркъ политическаго развитія русской волости, князь Черкасскій приходитъ къ убѣжденію, что для нея есть лишь одинъ правильный, нормальный выходъ изъ крѣпостнаго состоянія — *общинный политическій бытъ, основанный на твердой поземельной собственности.*

„Но когда же настанетъ для Россіи вождѣлѣнный день?“ — спрашиваетъ себя князь Черкасскій. „Жатва быстро зрѣетъ, великая историческая драма безостановочно клонится къ неминуемой развязкѣ; исторія уже, кажется, произнесла свой судъ, фактъ ожидаетъ лишь законодательнаго освященія. Пусть казна, согласившись съ крестьянъ своихъ назвать свободными, согласится еще на послѣднюю жертву, и оброкъ ихъ назоветъ просто поземельной податью; пусть частные владѣльцы, двѣсти лѣтъ незаконно пользовавшіеся крестьянскою барщиною, наконецъ отъ нея откажутся и, въ видѣ вознагражденія, согласятся признать ихъ вѣковое, рѣшительно неотъемлемое владѣніе полною *отчинною собственностью.* Мечта о „вождѣлѣнномъ днѣ“ не оставляла затѣмъ кн. Черкаскаго, и — во всѣ его письма, разсужденія и личные сношенія она вплетается неизбѣжно и властно. Подъ влияніемъ этой мечты онъ пишетъ въ 1846 году *проектъ посте-*

пеннало освобожденія крестьянъ, въ которомъ говорить, что при изысканіи средствъ для коренного измѣненія условій крестьянскаго быта должно имѣть въ виду, что „въ настоящемъ вопросѣ принимаютъ живое участіе три лица, изъ коихъ каждое имѣетъ свои собственные интересы, часто находящіеся въ борьбѣ съ выгодами другихъ сторонъ: это—самъ крестьянинъ, помѣщикъ и государство. Примирить по возможности противорѣчащія выгоды этихъ сторонъ—вотъ главная задача!.. Выгоды крестьянина требуютъ, чтобы, получая свободу, онъ не вступилъ въ бѣдственный разрядъ бобылей, пролетаріевъ. Онъ долженъ имѣть осѣдность, принадлежать въ общинѣ, *имѣть недвижимую собственность*. Свобода будетъ ему постылымъ даромъ или, лучше, гибелью, если не соединить съ нею твердаго поземельнаго владѣнія, которое для бѣдняка, особенно лишеннаго всякаго образованія, есть лучшая нравственная опора“.

Задуманная мысль князя Черкаскаго о надѣлѣ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости земельною собственностью—не только не встрѣчала сочувствія въ помѣщичьемъ сословіи, но при малѣйшей попыткѣ облечься въ законодательное осуществленіе, хотя бы въ самомъ скромномъ видѣ, наталкивалась на суровое и категорическое отрицаніе. Проектированное *секретнымъ комитетомъ* 1826 г. „новое устройство всѣхъ состояній въ государствѣ“, воспрещавшее всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, вызвало настоячивыя возраженія великаго князя Константина Павловича, получившія особую силу подъ влияніемъ іюльской революціи и польскаго восстанія. Новый „*комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій*“, открытый въ 1835 г., приступилъ къ дѣлу съ робостью предъ „гибельными послѣдствіями слишкомъ поспѣшно провозглашеннаго слова свободы“ и установивъ, какъ руководящія начала, необходимость совершенія реформы съ „*незамѣтною постепенностью*“ и признаніе помѣщичьей земли во всемъ ея объемѣ „неотъемлемою и неприкосновенною собственностью помѣщика“,—почилъ отъ дѣлъ своихъ. Третій *секретный комитетъ* 1839 г. составилъ обнародованное въ 1842 году положеніе *объ обязанностяхъ крестьянствъ*. Основныя черты проекта этого положенія, выработанныя графомъ Киселевымъ и состоявшія въ установленіи *общей формы надѣла* и обезпеченныхъ круговою порукой повинностей, на случай согласія помѣщиковъ на увольненіе своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, подверглись такому смѣщенію и искаженію въ окончательной редакціи, что этотъ новый законъ оказался мертворожденнымъ, такъ какъ на практикѣ онъ

имѣлъ всего лишь пять случаевъ примѣненія. Вообще, въ эти годы, всякое предположеніе о надѣленіи крестьянъ землею встрѣчалось безусловно неодобрительно. Изъ названнаго выше проекта князя Черкаскаго и изъ переписки П. В. Анненкова съ Бѣлинскимъ видно, что на выборахъ 1843—44 гг. нѣсколько чело-вѣкъ тульскихъ дворянъ входили къ губернатору съ предложеніемъ отпустить каждый въ имѣніи своемъ крестьянъ на волю съ награжденіемъ ихъ землею по одной десятинѣ на ревизскую душу и съ освобожденіемъ ихъ отъ всѣхъ прежнихъ отношеній къ господамъ. За это они просили только перевода на вновь освобожденныхъ крестьянъ ихъ долга опеунскому совѣту по 45 руб. сер. На это предложеніе свое дворяне получили увѣдомленіе, что правительство принять его не можетъ, такъ какъ оно прямо противорѣчитъ основной его мысли сохранить за дворянствомъ въ неприкосновенности поземельную собственность.

При такомъ положеніи дѣла, мечта кн. Черкаскаго была далека отъ осуществленія. Между тѣмъ, сознаніе несправедливости крѣпостного права, столько разъ имъ выраженное, не могло оставлять его въ спокойномъ бездѣйствіи. По горькой ироніи судьбы, онъ былъ, однако, лишень возможности отпустить своихъ крестьянъ на волю съ землею. Его старшій братъ, чело-вѣкъ выдающихся способностей и самаго привлекательнаго характера, погибалъ подъ влияніемъ несчастной страсти къ игрѣ и совершенно разорился. Князь В. А. Черкасскій, нѣжно его любя, неоднократно приходилъ къ нему на помощь въ тяжкіи минуты, — и это отразилось на его собственномъ матеріальномъ положеніи. Онъ вынужденъ былъ заложить свое имѣніе въ опеунскій совѣтъ. Но, по дѣйствовавшимъ въ то время гражданскимъ законамъ, помѣщикъ не имѣлъ права отчуждать ни одной десятины изъ заложеннаго имѣнія до уплаты *всего дома*. Желая хоть что-либо сдѣлать для своихъ крестьянъ въ тогдашнее безпросвѣтное время, и обставить ихъ выходъ на свободу прочными условіями, исключаящими личный, въ каждомъ случаѣ, произволь, онъ предоставилъ у себя всѣмъ желающимъ право выкупаться на волю на твердо установленныхъ и льготныхъ основаніяхъ, съ разсрочкою невысокой платы на три года и съ оставленіемъ угодій въ пользованіи освобождаемыхъ, при ихъ желаніи, за половинный размѣръ оброка. „J'ai fait une grande innovation par rapport à la libération de mes paysans, — пишетъ онъ, 26-го октября 1846 г., брату своему Евгенію:— ce matin j'ai signé un „всемилоствѣнній манифестъ“ о постоянной таксѣ для желающихъ откупиться крестьянъ, et je l'ai déposé au Comptoir en le faisant proclamer.

Vogue la galère"! Дворовые, рабочіе на сахарномъ заводѣ князя и наиболѣе домовитые крестьяне немедленно стали пользоваться условіями „всемиловѣйшаго манифеста“, и Черкасскій распространилъ его дѣйствіе на имѣнія своей матери, которыми управлялъ, гдѣ откупилось болѣе половины первоначальныхъ „тяголь“. Попытка освобожденія крестьянъ, предпринятая княземъ въ ранней молодости—ему было всего 22 года,—безъ житейскаго опыта и предусмотрительной обдуманности всѣхъ практическихъ имущественныхъ ея послѣдствій какъ для него (напр., платежъ подушныхъ за освобожденныхъ), такъ и для невыкупившихся крестьянъ (напр., рекрутская повинность), причиняя ему вслѣдствіи значительные убытки и хлопоты, послужила темою для разнообразныхъ ядовитыхъ противъ него обвиненій, шедшихъ отъ его многочисленныхъ недруговъ и противниковъ по крестьянскому дѣлу. Сначала сосѣдніе помѣщики, напуганные его „противными интересамъ своего званія“ дѣйствіями, а съ ихъ голоса и дворяне другихъ губерній—съ негодованіемъ стали указывать на то, что онъ волнуешь весь край и возбуждаетъ въ крестьянахъ и дворовыхъ духъ непослушанія и строитивости, поступая такъ по тайному уговору правительства (sic!), обѣщавшаго ему за это мѣста, чины и отличія, и оказавшаго ему денежную поддержку. Но когда, уже въ новое царствованіе, вопросъ освобожденія былъ рѣшенъ и пошелъ безостановочнымъ ходомъ, противъ кн. Черкаскаго, по поводу того же предпринятаго имъ освобожденія, было выдвинуто обвиненіе въ корыстной предусмотрительности, нашедшее себѣ выраженіе, между прочимъ, и въ брошюрѣ, распространенной среди гласныхъ тульскаго земства *послѣ смерти князя* и вызвавшей горячую защиту покойнаго со стороны П. Ѳ. Самарина.

Новый толчокъ мысли объ освобожденіи крестьянъ, однако безъ всякаго намека на надѣлъ, былъ данъ самимъ Государемъ. Принимая, 18 мая 1847 г., депутацію смоленскихъ дворянъ, императоръ Николай Павловичъ, по свидѣтельству современниковъ, сказалъ: „Теперь я буду говорить съ вами не какъ Государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы приобрѣли ее нашею кровью, пролитою за государство, но я не понимаю, какимъ образомъ *человѣкъ* сдѣлался *вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною, что у насъ нѣтъ тор-

говил, промышленности..." Почти одновременно съ этимъ, по-видимому по почину тульскаго губернатора Н. Н. Муравьева (впослѣдствіи графа Амурскаго), образовался, съ Высочайшаго разрѣшенія, кружокъ тульскихъ помѣщиковъ для составленія проекта освобожденія крестьянъ въ *ихъ собственныхъ имѣніяхъ*. Свѣдѣнія объ этомъ кружкѣ, державшемъ, какъ видно изъ письма Хомякова къ Попову, мѣсто и содержаніе своихъ преній въ большомъ секретѣ, очень скудны и сбивчивы, но несомнѣнно, что кн. Черкасскій занялъ въ немъ выдающееся положеніе, велъ бурные и ожесточенные споры, составлялъ записки и разработалъ проектъ, разосланный разнымъ лицамъ, сознававшимъ важность назрѣвшаго вопроса объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. По поводу послѣдняго, князь Валеріанъ Голицынъ писалъ ему 26 августа 1847 г.:

„Je connais déjà votre projet, cher Woldemar,—nous l'avons lu et commenté... Je l'approuve en général, seulement j'y trouve quelques longueurs. Prenez garde: évitez de faire bailler l'Etat...

„J'ai rompu jusqu'à présent beaucoup de lances, cher ami, pour la libération des paysans, personne, plus que moi, ne désire voir changer cet ordre de choses. C'est une *plaine infecte* que l'esclavage, et il est difficile de nier les abus horribles qui en sont la suite. Et pourtant, on les nie!—Que faire?—Un incurable égoïsme d'un coté, une insouciance, une paresse et une nonchalance inconcevable d'un autre, font que ce status-quo plait, et puis l'on patage dans cette boue.

„Comme je suis sur le point de vendre deux terres, j'attendrai, cher ami, d'opposer ma signature, mais vous pouvez compter sur moi, je ne reculerai devant aucun sacrifice, car cet état d'abrutissement me soulève le cœur depuis bien longtemps“...

Но пока Черкасскій, въ тѣсномъ кружкѣ товарищей и немногихъ единомышленниковъ отдавался всей душою снова явившейся надеждѣ на осуществленіе своей завѣтной мечты, наступила февральская революція, сразу и рѣшительно вызвавшая крупную переизмѣну во взглядѣ правительства на умѣстность и своевременность какихъ-либо попытокъ къ освобожденію крестьянъ. Въ Тулу прискакалъ фельдъегерь, привезшій приказъ: „комиссію распустить и всякую дальнѣйшую разработку вопроса остановить“. Отъ участниковъ „кружка“ была потребована подписка, что они освободеніемъ крестьянъ больше заниматься не будутъ. И все по этому вопросу смолкло.

Наступили годы болѣзненнаго затишья, разрѣшившагося погромомъ Крымской войны, въ которой столь плачевную роль

сыгралъ горячій противникъ благородныхъ предложеній Киселева и будущій врагъ „партіи надѣла“ при окончательной разработкѣ крестьянскаго вопроса, князь Меншиковъ, которому его прославленное салонное остроуміе не помогло избѣжать своеобразныхъ лавровъ въ битвѣ при Альмѣ.

Князь Черкасскій, между тѣмъ, женился, усиленно сталъ заниматься хозяйствомъ и сошелся въ Москвѣ съ кружкомъ славянофиловъ, въ которыхъ, хотя и не раздѣляя многихъ изъ ихъ взглядовъ, онъ цѣнилъ чистоту побужденій и искреннюю любовь къ родинѣ. Въ этой средѣ, какъ отмѣчаютъ—въ своихъ письмахъ Хомяковъ—и въ дневникѣ А. И. Кошелевъ, „эманципація“ была постояннымъ и любимымъ предметомъ бесѣды въ 1849 и 1850 г.г. Въ слѣдующій затѣмъ годъ созваніе необходимости распространенія здравыхъ взглядовъ на крѣпостное право въ обществѣ породило въ кружкѣ, къ которому принадлежалъ кн. Черкасскій, мысль объ изданіи „Московского Сборника“, во второмъ томѣ котораго должна была появиться статья князя „Юрьевъ день“. Ей, однако, не удалось тогда увидѣть свѣта. Весь второй томъ „Сборника“, со всѣми статьями въ рукописи, не былъ допущенъ до печатанія—и „не потому, что въ немъ было сказано, а потому, что умолчано“, какъ объяснилъ издателю начальникъ штаба III-го отдѣленія извѣстный Л. В. Дуббельтъ. вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые участники „Сборника“, Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ и кн. Черкасскій, подверглись ограниченію въ правахъ печатанія и полицейскому надзору.

Но война приходила къ концу. Наступалъ миръ, тягостныя условія котораго были куплены цѣною внутреннихъ неурядицъ. Это обратило взоры всѣхъ на домашнія дѣла. „Въ Москвѣ и Петербургѣ менѣе говорятъ о мирѣ, чѣмъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія“,—пишетъ, въ февралѣ 1856 г., Черкасскому Кошелевъ. Послѣднему было разрѣшено изданіе „Русской Бесѣды“, и съ друзей его снято запрещеніе писать, чѣмъ тотчасъ же воспользовался кн. Черкасскій для составленія „политическихъ обозрѣній“ для „Бесѣды“, очень, впрочемъ, связанный въ своей работѣ цензурнымъ требованіемъ „представлять одинъ связанный разсказъ политическихъ событій, почерпнутыхъ исключительно изъ русскихъ источниковъ и безъ всякихъ своихъ сужденій“. Неудовлетворенный ни журнальною работою при такихъ условіяхъ, ни путешествіями по Россіи и за-границей,—вособлазняемый торнымъ путемъ казенной службы, князь Черкасскій, при первомъ пробужденіи замершей мысли объ освобожденіи, отдается ей снова и представляетъ, 1 января 1857 г., министру

внутреннихъ дѣлъ обширную записку „о лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостнаго состоянія“, въ которой, ссылаясь на неудачу всѣхъ мѣръ предшествовавшаго царствования, находитъ, что она обуславливалась въ значительной степени „личною правительственною изобрѣтательностью и притязаніемъ къ приведенію въ исполненіе новыхъ общихъ формулъ сельскихъ отношеній, взрожденныхъ и выработанныхъ въ канцелярской атмосферѣ, а не въ народной сознательной жизни“. Илагая въ 15-ти пунктахъ тѣ главные законодательныя мѣры, которыя не только казались ему вполне возможными, но и совершенно необходимыми, кн. Черкасскій говоритъ: „пора, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвратитъ въ этомъ дѣлѣ обществу слишкомъ долго заглушенный свободный голосъ его, выслушать его мнѣніе, вызвать несомнѣнно присущую ему изобрѣтательность и самостоятельность, которыя никакою лихорадочною дѣятельностью правительства замѣнены быть не могутъ. Отверженное общество, безъ сомнѣнія, найдетъ въ богатомъ запасѣ практическаго опыта своего и готовыя формулы, и тайну новыхъ искомыхъ отношеній“.

Иронія судьбы преслѣдовала не разъ князя Черкаскаго въ его трудахъ и начинаніяхъ. Эта записка его была, вслѣдствіе какаго-то недоразумѣнія, смѣшана съ запискою неизвѣстнаго автора „о способахъ новаго устройства отношеній между землевладѣльцами и земледѣльцами“, появившеюся во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ,—и онъ, теоретическій защитникъ освобожденія съ землею и неустанный практическій борецъ за осуществленіе именно такого освобожденія, былъ провозглашенъ авторомъ строкъ, характеризующихъ тѣ раздутыя или, быть можетъ, напускныя опасенія, которыми своекорыстные ревнители отжившаго крѣпостнаго строя старались повліять на правительство, къ счастью не виявшее ихъ злобѣщнымъ прорицаніямъ. Княжна О. Трубецкая, которой, въ ея интересной работѣ, помогаль профессоръ В. О. Ключевскій, категорически отрицаетъ авторство кн. Черкаскаго по отношенію къ этой запискѣ и печатаетъ въ приложенияхъ къ своей книгѣ *настоящую* записку его вмѣстѣ съ благодарственнымъ, по поводу доставленія ея, письмомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Левшина. Но и помимо этого—достаточно прочесть отрывки изъ приписанной кн. Черкасскому записки, чтобы увидѣть, что, уже какъ человекъ съ яснымъ и строгимъ слогомъ, и съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ—онъ не могъ быть составителемъ этого набора „жалкихъ“ и „страшныхъ“ словъ. Вотъ что писалось тамъ, между прочимъ, по поводу предположеній объ освобожденіи крѣпостныхъ съ землею:

„Довольно сказаннаго, кажется, чтобы убѣдиться въ опасности устроить осѣдлость поселянъ на земляхъ, имъ собственно принадлежащихъ; но если къ этому присовокупить тѣ неистовства и кровопролитія, которыя ожидаютъ всѣхъ во время перехода отъ настоящаго порядка къ освобожденію съ землей, то лезвее ножа уже чувствуется на шеѣ, воображеніе рисуетъ пальцы и другіе члены, раздробленные на наковальняхъ сельскихъ кузницъ, вдали видятся потѣшныя огни, на которыхъ мелкимъ огнемъ жарятся землевладѣльцы, судьи и правители, или торжественныя костры изъ ободранныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ... Господи милосердый! избави и сохрани Россію отъ подобнаго испытанія во имя развитія и челоувѣчества. Нѣтъ, въ Россіи освобожденіе съ крѣпостнымъ правомъ на землю невозможно. Пауперизмъ и пролетаріатъ опасны и вредны, но демократическое раздѣленіе поземельнаго владѣнія страшно и ужасно“. Какъ невольно вспоминаются при чтеніи этихъ пророчествъ слова Вирхова: „вездѣ есть своекорыстныя и боязливыя натуры—и у страха есть свои герои. Когда эти несчастные начинаютъ дрожать—имъ кажется, что весь міръ дрожитъ вмѣстѣ съ ними“.

Переписка кн. Черкаскаго съ выдающимися лицами его кружка приобрѣтаетъ, съ 1857 года, особую цѣнность. Она даетъ возможность заглянуть въ возвышенныя помыслы лучшихъ людей земли русской въ тѣ дни, когда ихъ родина начинала „совлекать съ себя ветхаго Адама“;—она проливаетъ свѣтъ на первые шаги въ этомъ отношеніи представителей разныхъ видовъ власти,—шаги колеблющіеся и неувѣренныя.

„Вы, конечно, читали, — пишетъ кн. Черкасскому Ю. Ө. Самаринъ, — очень замѣчательный циркуляръ князя Горчакова, которымъ опредѣляется тонъ нашей будущей политики. Отнынѣ политика Россіи будетъ русская—вотъ въ двухъ словахъ его содержаніе. Но въ Парижѣ и въ Лондонѣ это показалось дерзостью, и Бруновъ подвернулся съ пошлымъ извиненіемъ: „*Vous, ne prenez donc pas nos paroles au sérieux, ce que nous disons ne s'adresse pas à l'Europe, c'est pour l'usage intérieur, c'est une concession, que fait le gouvernement à l'opinion nationale, dont il subit la pression*“. Вся Нессельродовщина—въ этихъ словахъ! Но всего забавнѣе то, что эту ноту, предназначенную для домашняго употребленія, читала публика англійская, французская и нѣмецкая; не читала ее только наша публика, потому что въ русскихъ газетахъ она не была обнародована. Это со-

вершено въ духѣ старой системы: на что-де имъ знать, что дѣлается съ Россією; ихъ дѣло жертвовать, когда велеть“!

18 ноября 1857 г., Самаринъ пишетъ: „Печальнѣе всего то, что, повидимому, никто не понимаетъ, что политическій ударъ, нанесенный намъ, и подѣ которымъ мы до сихъ поръ еще находимся, вынуждаетъ насъ стать откровенно на путь прогресса въ нашей внутренней политикѣ,— что не въ томъ дѣло, чтобы исправить нѣкоторыя вопіющія несправедливости или раздать нѣкоторыя подачки; надо пробудить отъ сна всѣ производительныя силы страны, какъ нравственныя и умственныя, такъ и матеріальныя, уничтоживъ рабство (казенное и помѣщичье крѣпостное право), возвративъ слово Церкви, давъ болѣе широкое основаніе народному просвѣщенію, преобразовавъ нашу подушную податную систему и тоже рекрутскую. Однимъ словомъ, необходимъ опредѣленный планъ, надо знать, чего хотимъ, а не пробавляться изо дня въ день разными изворотами“.

Какъ извѣстно, въ началѣ 1857 года былъ, по старому обычаю, образованъ новый *секретный комитетъ* по крестьянскому дѣлу подѣ предсѣдательствомъ князя Орлова. Все могло окончиться привычною канцелярскою истомою. Но, въ счастью Россіи, въ великодушномъ сердцѣ Государя прочно и сознательно укрѣпилась мысль о коренномъ уничтоженіи рабства, „неблагородный духъ“ котораго умолялъ его истребить позѣ. Въ концѣ гѣта 1857 года, Александръ II вернулся изъ-за границы, гдѣ бесѣдовалъ съ Гакстгаузеномъ, гдѣ часто видался съ великою книжницею Еленою Павловною. 20 ноября 1857 года, послѣдовалъ знаменитый рескриптъ виленскому генераль-губернатору Назямову. Надежда обращалась въ увѣренность, и наболѣвшему чувству, столь долгое время, повидимому, безысходному, предстоило обратиться въ сознаніе плодотворнаго, энергическаго и радостнаго труда... „Jacta est alea!!!—пишетъ Кошелевъ:—Кесарь переступилъ чрезъ Рубиконъ! Честь и слава нашему Царю и Государю!“.

Черкасскій въ это время находился въ Римѣ, гдѣ сблизился съ баронессою Эдитою Радень, относившеюся къ освобожденію крестьянъ съ живѣйшимъ участіемъ своего глубокаго сердца и возвышеннаго ума. Она представила кн. Черкасскаго великой княгинѣ,—и между этою, до сихъ поръ не оцѣненной по заслугамъ замѣчательною женщиною и имъ начался оживленный обмѣнъ мыслей все по тому же, начинавшему всѣхъ волновать, назрѣвшему вопросу. „Хотѣлъ я,—пишетъ Черкасскій

Кошелеву въ январѣ 1858 г.,—дождаться положительныхъ извѣстій отъ моего брата изъ Тулы, которому я писалъ, что если меня захочетъ выбрать дворянство въ комитетъ, или если назначить губернаторъ, то я немедленно возвращусь въ Россію. Но отвѣта до сихъ поръ я отъ него не имѣю, и не знаю даже положительно, что думаетъ и чего хочетъ наше дворянство... Всѣ эти недоумѣнія и безпрестанная дума о томъ, что теперь дѣлается, или чего не дѣлается теперь въ Россіи, совершенно портитъ пребываніе мое въ Римѣ, какъ бы ни могло оно быть пріятно при другихъ обстоятельствахъ. Другая изъ причинъ опозданія моего отвѣта та, что я хотѣлъ прежде прочесть вашу статью объ общинѣ въ IV кн. „Бесѣды“; здѣсь есть только одинъ экземпляръ, принадлежащій великой княгинѣ, и хотъ она отдала его читающей русской братіи, книга эта еще не дошла до меня. Вообще, великая княгиня—единственный здѣсь источникъ всякихъ журналовъ русскихъ, и я также пользуюсь ея крохами, но все-таки всего этого мало, газеты нѣтъ ни одной, а о посольствѣ нашемъ и толковать нечего: оно считаетъ излишнимъ получать хотъ одну печатную русскую строку. Присутствіе здѣсь великой княгини полезно еще въ томъ отношеніи, что, по крайней мѣрѣ, замѣняетъ безпрестанно и скоро получаемыми ею изъ Петербурга извѣстіями политической отдѣлы русскихъ газетъ и вмѣстѣ даетъ возможность *судить* о томъ, какъ смотрятъ на *все теперь совершающееся* въ высшихъ officialныхъ кругахъ Петербурга. Ко мнѣ она до сихъ поръ любезна до крайности и во всѣхъ своихъ разговорахъ съ русскими стоитъ горою за освобожденіе крестьянъ и *притомъ съ землею*. Вообще же нельзя сказать, чтобы мысль эта нравилась здѣсь всѣмъ нашимъ соотечественникамъ. На дняхъ О..., говорятъ, написалъ большое письмо молодой императрицѣ, гдѣ указываетъ ей на мнимыя опасности начинающагося преобразования, достаточно, по его мнѣнію, раскрывающіяся изъ радости либеральной партіи! Вотъ какіе у насъ премудрые государственные люди и какъ они становятся дальновидны, какъ скоро начинаютъ бояться за свои доходы“.

Пользуясь вниманіемъ великой княгини, кн. Черкасскій составилъ для нея двѣ обширныя записки „о главныхъ и существеннѣйшихъ условіяхъ успѣха новаго положенія“. Для характеристики ихъ отношеній по крестьянскому вопросу служить, между прочимъ, слѣдующая записочка баронессы Раденъ по полученіи извѣстія о допущеніи этого вопроса къ обсужденію въ печати:

„Mon Prince, je viens de recevoir de Russie des lettres fort

intéressantes. M-me la Gr. Duchesse voudrait vous en parler et Vous engage, si le temps continue à être mauvais, à venir chez elle à 3 heures. En attendant je ne saurais me refuser le plaisir de vous annoncer, que la libre discussion des grandes questions du jour vient d'être autorisée dans les Revues. Naturellement qu'on excepte les Ordonnances Imp. du nombre des sujets discutables".

Съ возвращеніемъ кн. Черкаскаго, въ апрѣлѣ 1858 г., для него настала пора дѣятельной работы, наполнившей всю его жизнь. Установленный, по предложенію А. И. Кошелева, между нимъ, Черкасскимъ и Ю. О. Самаринимъ, постоянный, аккуратный и послѣдовательный обмѣнъ писемъ для того, чтобы держать другъ друга въ курсѣ всего хода крестьянскаго дѣла въ сферѣ дѣятельности каждаго изъ нихъ и дѣйствовать вмѣстѣ, дружно и согласно, — даетъ возможность видѣть всю настойчивую и самоотверженную службу ихъ великому дѣлу. Эти своего рода „окружныя посланія“, исполненныя величайшаго интереса, возвращались къ первоисточнику обыкновенно съ замѣчаніями и съ выраженіемъ согласія или несогласія на тѣ или другія, содержащіяся въ нихъ, мнѣнія или предположенія. Нѣкоторыя письма, исходившія отъ Ю. О. Самарина, бывали облечены частію въ юмористическую оболочку. Онъ велъ дневникъ засѣданій самарскаго комитета въ драматической формѣ и, называя нѣкоторыя свои большія письма *рапортами*, выставлялъ на нихъ №. Таки, въ *рапортѣ* № 1 (отъ 9 октября 1858 г.), адресованномъ „Александру Ивановичу Кошелеву и князю Владимиру Александровичу Черкасскому отъ сострадальца ихъ по самарскому комитету, члена отъ правительства Юрія Самарина“, послѣдній пишетъ:

„По старой, хотя и неразумной привычкѣ сознавая себя въ нѣкоторой крѣпостной зависимости отъ издателя „Сельскаго Благоустройства“¹⁾, который на длинныя мои письма и пространныя доводы изволить отвѣчать краткими резолюціями на поляхъ, въ родѣ слѣд.: „взоръ“, „совершенно неосновательно“ и т. п., имѣю честь довести о первомъ появленіи, признакахъ и дальнѣйшемъ ходѣ нынѣ повсемѣстно господствующей умственной болѣзни, поражающей дворянскій организмъ и на официальном языкѣ именуемой: *комитетскими совѣщаніями*.

„Первое предварительное собраніе, какъ я имѣлъ честь въ свое время докладывать, происходило въ іюлѣ мѣсяцѣ для разсмотрѣнія составленной мною программы вопросовъ для описа-

¹⁾ Т.-е. А. И. Кошелева.

нiя дворянскихъ имѣнiй, каковая программа была утверждена, за исключенiемъ одной статьи. Въ оной, въ скобкахъ, я включилъ опредѣленiе усадьбы, т.-е. перечисленiе составныхъ частей ея со включенiемъ и выгона; но благородное дворянство такую мою воровскую продѣлку, имѣвшую цѣлью въ послѣдствiи устранить дальнѣйшее сопротивленiе отдачи выгона, — усмотрѣть изволило и, осерчавъ не мало на смиреннаго раба вашего, постановить благоволило: что выгонъ-де крестьянину не нуженъ и болѣе относится къ живописности и украшенiю мѣстности, чѣмъ къ хозяйственнымъ потребностямъ всякаго рода, проживающихъ въ деревняхъ, скотовъ, какъ-то: коровъ, гусей, крѣпостныхъ крестьянъ, свиней и телятъ, каковые скоты удобно могутъ снискивать себѣ приличное пропитанiе и безъ выгона, отъ подаянiя добродѣтельныхъ дателей. За симъ, оставивъ раба вашего въ немаломъ конфузѣ, изволило развѣхаться по домамъ, для понужденiя себѣ подобныхъ къ составленiю описанiй, положивъ собраться вновь 25-го сентября“, и т. д.

Иногда эти письма—въ той же формѣ окружныхъ посланiй—касались и личныхъ вопросовъ участниковъ переписки. Такъ, осенью 1858 г., князю Черкасскому были сдѣланы предложенiя о поступленiи на службу. Онъ не считалъ удобнымъ дать тотъ или другой отвѣтъ, не передавъ вопросъ на обсужденiе друзей, и высказалъ лишь мнѣнiе, что служебныя условiя стѣснили бы его дѣятельность. Особенно интересенъ рѣшительный отвѣтъ, данный ему по этому вопросу Самаринымъ въ письмѣ къ Кошелеву: „... частныхъ услугъ и содѣйствiя—сколько угодно,—вступленiя же въ службу—рѣшительно ни подъ какимъ видомъ, ни съ какимъ чиномъ, ни на какую должность!“ Онъ мотивировалъ это, между прочимъ, тѣмъ, что служба, въ ея тогдашнихъ условiяхъ, не способна была принять въ себя свѣжiе элементы на новыхъ правахъ, а приемъ на старомъ положенiи неизбежно былъ бы связанъ съ подчиненiемъ всѣмъ началамъ, приемамъ и условiямъ сложившагося служебнаго безпорядка, т.-е. съ правомъ претворить по-своему всякаго честнаго и даровитаго человѣка.

Отсылая читателя къ этой перепискѣ, занимающей бѣольшую часть книги первой разбираемаго изданiя и представляющей неизмѣнное осуществленiе прекраснаго стараго правила, гласящаго: „in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas“, мы только укажемъ, что друзья, бывшiе въ перепискѣ, не скрывали отъ себя трудности предстоявшей задачи. Наиболѣе впечатлительный между ними, Юрiй Федоровичъ Самаринъ писалъ:

„Знаменія многозначительныя, хотя и ускользающія отъ общественнаго вниманія, совершаются у насъ въ глазахъ. Самое первое и важное—это небывалое никогда, безпримѣрное спокойствіе всего крѣпостнаго сословія. Ни отсюда ни жалобы, ни стоны, ни признака нетерпѣнія. Все молчитъ и выжидаетъ—что будетъ? Что же таится подъ этимъ величавымъ молчаніемъ?... Въ то время какъ мы муштровали солдатиковъ, строили и театры, и церкви, восстанавливали въ Европѣ австрійскіе порядки и не думали объ 11 милліонахъ своихъ черныхъ людей, народъ нашъ все-таки живъ, хотя въ смыслѣ чисто стихійнаго, безсознательнаго развитія. Это развитіе совершалось такъ же незамѣтно и таинственно, какъ постепенное разложеніе зерна, брошеннаго вглубь земли, какъ образованіе ростка, коры,—вообще какъ весь процессъ растительности. Нужды, потребности, боли и муки всякаго рода усиливались съ каждымъ днемъ, удовлетвореніе и уврачеваніе становились болѣе и болѣе необходимыми, а между тѣмъ мы объ нихъ и не думали; мы не только не приступали къ дѣлу, даже ничего не готовили для будущаго приступа. 15-ть томовъ Свода Законовъ и 32 къ нимъ продолженія вышли въ теченіе 20 лѣтъ, и въ этой грудѣ нельзя найти ни одной статьи, которая бы въ чемъ-нибудь улучшала положеніе крѣпостнаго сословія. Теперь мы стали втупикъ, потому что мы достигнуты врасплохъ вопросомъ, который не былъ никѣмъ *возбужденъ*, а *отерся* къ намъ самъ, какъ непрошенный гость, который долго и бесплодно стучался въ дверь и звонилъ въ колокольчикъ. Потребности настоящей минуты и ожиданія народа переросли наши *средства*: вотъ въ двухъ словахъ, какъ представляется мнѣ настоящее положеніе дѣлъ. Подъ *средствами* я разумѣю не только деньги, но и тотъ запасъ свѣдѣній, данныхъ, ума и воли, которыми располагаетъ правительство“...

Въ другомъ письмѣ, отъ 16 августа 1858 года, онъ пишетъ Черкасскому:

„Я получилъ на дняхъ извлеченіе изъ постановленій московскаго комитета. Нельзя сказать, чтобы Бѣлокаменная отличилась. *C'est maigre, incomplet, vague, diffus et ce qu'il y a de plus triste, c'est qu'à chaque ligne vous voyez percer un parti pris de ne jamais aborder de front les questions difficiles et d'éviter tout ce qui pourrait exiger un travail sérieux. La paresse et la nonchalance triomphent même de la cupidité.* Вы такъ и читаете промежъ строкъ: что хотите, то и дѣлайте, только, ради Бога, поскорѣе избавьте отъ трудовъ и хлопотъ. Коли хотите, и эта боязнь труда можетъ въ искусныхъ рукахъ сдѣ-

латься сильнымъ рычагомъ, но все это очень грустно. Вѣдь это признаки неизлѣчимой болѣзни одраглѣвшаго общества. Давайте будить, что есть силы!“

„Будить“ было трудно. Нужна была горячая любовь въ дѣлу, чтобы, подчасъ, не опустить рукъ. „Неизлѣчимая болѣзнь“ сказывалась не одною пассивностью,—она нерѣдко принимала свойства бреда и переходила въ раздраженіе, вызывавшее наступательныя дѣйствія съ неразборчивостью въ приемахъ—часто наивныхъ, а иногда прямо грубыхъ. Переписка содержитъ въ себѣ, въ этомъ отношеніи, много характерныхъ указаній. Въ Тулѣ, напримѣръ, на приемѣ у товарища министра Левшина, въ октябрѣ 1857 г., находится депутатъ, требующій установленія строжайшей цензуры на только-что начавшіе дышать и подавать признаки жизни журналы—и совершеннаго запрещенія Б. Н. Чичерину писать что-либо! Тамъ же, 2-го декабря 1858 года, большинство губернскаго дворянскаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, желая отклонить весьма серьезное, но неприятное ему засѣданіе,—послѣ ряда канцелярскихъ затрудненій,—прибѣгаетъ къ особой уловкѣ, состоящей въ заявленіи о распространившемся въ залѣ „угарномъ чадѣ“, съ просьбою не открывать засѣданія,—и покидаетъ залу, несмотря на объясненія кн. Черкаскаго и пяти членовъ меньшинства, что они не чувствуютъ на себѣ никакого вліянія угара и что закрытіе засѣданія незаконно. Въ той же Тулѣ, во время дворянскихъ выборовъ, противники князя Черкаскаго подаютъ губернскому предводителю Арсеньеву покрытую множествомъ подписей бумагу о томъ, чтобы просить *будущаго* губернскаго предводителя ходатайствовать предъ правительствомъ объ удаленіи Черкаскаго изъ крестьянскаго комитета,—и когда Арсеньевъ отказывается принять бумагу, поднимаютъ такой шумъ и гамъ, что онъ вынужденъ закрыть засѣданіе и удалиться, окруженный ими и угрожаемый... Въ мартѣ 1859 года князю Черкасскому устраивается дуэль. Нѣкто В.—впослѣдствіи мировой посредникъ перваго призыва и вполне сочувствующій кн. Черкасскому человѣкъ,—заявляетъ въ засѣданіи, что князь разнаго съ нимъ мнѣнія потому, что состоитъ въ комитетѣ членомъ отъ правительства и, вѣроятно, не сочувствуя дворянству, взялъ за правило ему вредить и т. д. Споря съ нимъ, Черкасскій замѣчаетъ, что и при самомъ искреннемъ сочувствіи дворянству ему можно оказать иногда „медвѣжью услугу“. Споръ оканчивается мирно, но недруги князя пользуются его замѣчаніемъ, чтобы поджечь В. счесть себя оскорбленнымъ, такъ какъ извѣстная басня Крылова начинается словами: „услужливый дуракъ—опаснѣе врага“,

и побудить его къ вызову, причемъ, по объясненію П. Θ. Самарина, секунданты В. имѣли наивную смѣлость утверждать, что дѣйствуютъ даже не отъ его имени, а отъ имени *большинства* комитета. Повидимому, строгія условія дуэли, поставленныя княземъ Черкасскимъ, какъ вызваннымъ, не дали ей состояться. Изъ множества примѣровъ можно еще отмѣтить слѣдующій, уязвляющій, до чего у насъ тогда было малое знакомство съ элементарными приемами веденія преній и руководства ими. Членъ *меньшинства*, баронъ В. М. Менгдешъ, въ бурномъ засѣданіи, требуетъ у исправляющаго должность предсѣдателя, уѣзднаго предводителя К. многократно и тщетно, *дать ему слово*, на что наконецъ К. отвѣчаетъ ему сердито: „Какъ вы хотите, баронъ, чтобы я далъ вамъ *честное слово*, не услыхавъ раньше, въ чемъ дѣло и о чемъ вы хотите меня просить“!?

Всѣ подобныя происшествія:—упорное непониманіе большинствомъ ни своихъ настоящихъ, ни общихъ интересовъ,—стремленіе всѣми мѣрами затянуть упраздненіе тяготившаго совѣсть лучшихъ людей порядка вещей,—глухое недоброжелательство и явно враждебныя дѣйствія противъ безкорыстныхъ защитниковъ безправнаго и темнаго крѣпостнаго сословія,—клеветы и инсинуаціи—все это, въ концѣ концовъ, въ связи съ массою работы, утомляло Самарина, Кошелева и Черкасскаго и отражалось на ихъ душевномъ настроеніи. Вотъ, напр., какая работа лежала по самарскому комитету на Самаринѣ:— „вотъ противъ чего будетъ споръ,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ *окружныхъ посланій*,—это право вступать въ монашество и въ военную службу—боятся, чтобы дворовые не разбѣжались отъ нихъ; воспрещеніе отдавать крѣпостныхъ людей, безъ ихъ согласія, въ услуженіе, работу и во временное владѣніе. Они (т.-е. большинство) хотятъ оговорить, что помѣщикъ удерживаетъ право опредѣлять дворовыхъ людей въ услуженіе къ женѣ, дѣтямъ и близкимъ домашнимъ. Я оспариваю, доказывая, что это и бесполезно, потому что порядочному человѣку дворовые не откажутъ въ согласіи, и вредно—потому что формальное право подало бы поводъ къ злоупотребленіямъ и увлекло бы въ неисчерпаемую казуистику. Затѣмъ, воспрещеніе дворовыхъ людей безъ ихъ согласія переводить въ крестьяне:—они хотятъ, чтобы можно было отслужившихъ свое время и негодныхъ для услугъ сбывать съ рукъ на шею крестьянамъ. Воспрещеніе безъ согласія крестьянъ переселять ихъ изъ одного имѣнія въ другое—тоже хотятъ удержатъ. Право подъ присягою свидѣтельствовать въ уголовныхъ дѣлахъ, въ коихъ замѣшанъ помѣщикъ,—сильно возстаютъ про-

тивъ этого. Мнѣ придется подать не менѣе четырехъ протестовъ.

„По всему этому вы можете судить, довольно ли у меня дѣла. Шестъ разъ въ недѣлю — три раза въ комитетѣ и три раза въ редакціонной комиссіи — я долженъ диспутовать 4 часа къ ряду, писать вопросы, проекты положеній, особня мнѣнія и т. д. Вся комитетская работа на моихъ плечахъ. Никто не помогаетъ. Прочіе только спорять и возражать, но никто ничего не дѣлаетъ, потому, во-первыхъ, что гораздо легче опорочивать чужую работу, и во-вторыхъ — по дворянской лѣнни. Мое положеніе очень странно: они меня не терпятъ, всѣми мѣрами и сплетнями стараются меня поссорить съ моими сторонниками, а между тѣмъ безпрестанно обращаются ко мнѣ и все возлагаютъ на меня“.

„Спросите-ка Тургенева, — пишетъ И. С. Аксакову въ октябрѣ 1858 г. Черкасскій — объ одномъ экземплярѣ нашего комитета, котораго онъ у меня видѣлъ и который далеко не самый худшій. Онъ не можетъ припоминать о немъ безъ ожесточенія. Я, говоря съ членами большинства, всегда говорю имъ, что они напоминаютъ мнѣ меня самого, когда мнѣ было лѣтъ семь; меня ставили въ уголъ, я блажилъ, плакалъ, кричалъ, топалъ ногами и все-таки не хотѣлъ учить скучнаго урока. Это сравненіе ихъ бѣситъ, но не исправляетъ. Случалось ли вамъ когда-нибудь говорить съ человѣкомъ, не совсѣмъ глупымъ, который явно васъ понимаетъ, но не хочетъ даже показать этого вида и на всѣ ваши краснорѣчивые доводы отвѣчаетъ вамъ: нѣтъ, не правда! Вотъ я теперь въ этомъ положеніи“...

„Большинство у насъ теперь неистовствуетъ, — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, — отказавшись подавать голоса вслухъ и введши тайную баллотировку шарами; за симъ, заперевъ свои двери и отказавъ даже тульскимъ дворянамъ въ правѣ присутствовать въ комитетѣ, большинство во вчерашнемъ засѣданіи не удовольствовалося еще и этимъ и пришло, наконецъ, къ великолѣпному предложенію: отнять у насъ, меньшинства, право даже записывать наши отдѣльныя мнѣнія въ журналы засѣданія. Каково! Шумъ былъ такой, какаго еще ни разу не было; признаюсь, они въ первый разъ успѣли меня вывести изъ себя; не знаю, какъ дѣло это кончится, но я ихъ страшаю, что если они рѣшатъ такое беззаконіе, то я свои отдѣльныя мнѣнія буду посылать прямо въ министерство, съ просьбою объяснить мнѣ, какъ и куда мнѣ ихъ впредь подавать. Будущее засѣданіе будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще бурнѣе, ибо я рѣшился не уступать въ этомъ вопросѣ, во что бы ни стало“!

Такимъ образомъ, прекрасно владѣвшій собою, представлявшій, по выраженію очевидца его дѣятельности, Хомякова, „великодушный образецъ парламентскаго дѣятеля и оратора“, кн. Черкасскій начиналъ терять самообладаніе, несмотря на свой „esprit de combativité“. А этотъ духъ бойца былъ въ немъ силенъ. „Я предвижу—пишетъ онъ въ ноябрѣ 1858 г. Кошелеву—въ этомъ комитетѣ для себя рядъ скучныхъ, томительныхъ и тяжелыхъ испытаній, но я заранѣе объявилъ всѣмъ, что *чѣмъ больше будутъ стараться мнѣ дѣлать неприятностей, тѣмъ тверже я буду сидѣть на своемъ мѣстѣ, и что никакая сила меня не выкуритъ*. Но что прикажете дѣлать противъ 16 или 17 компактныхъ голосовъ, съ 10-ью или 11-ью, раздѣленными еще между собою по вопросу о надѣлѣ! Знаете ли вы, что по этому вопросу я останусь при своемъ мнѣніи одинъ съ тремя или четырьмя голосами! Это еще самое большое!“

Нѣсколько иначе отражалось тяжелое положеніе члена отъ правительства въ губернскомъ комитетѣ на Ю. О. Самаринѣ. И онъ владѣлъ собою среди враждебной обстановки, но втайнѣ глубоко страдалъ. Ему приходилось постоянно „*connaitre la sottise dans l'injustice*“, какъ выразился Сорель въ своей рѣчи о Тэнѣ. Онъ пишетъ, въ концѣ 1858 года, своимъ соратникамъ: „до сихъ поръ я не измѣнилъ данному себѣ обѣту: не горячиться, не ссориться, не выходить изъ себя, но я чувствую, что это искусственное воздержаніе разстраиваетъ мое здорье. Ночью натура беретъ свое, кровь приливаетъ въ голову, сердце бьется, и ночь проходитъ безъ сна, въ лихорадочномъ раздраженіи или въ неумолкающемъ бреду, въ спорахъ и битвахъ. Желалъ бы я знать, не испытываете ли вы того же самаго?“

Положеніе Кошелева тоже было не лучше. Въ рязанскомъ губернскомъ комитетѣ его тѣснили и оскорбляли всевозможнымъ образомъ, стараясь заставить сложить съ себя званіе члена отъ правительства. Но сломить его не удалось—и переписка друзей содержитъ въ себѣ подробное описаніе всѣхъ перипетій этой борьбы, окончившейся, однако, побѣдою Кошелева и объявленіемъ Высочайшаго выговора большинству комитета. „Оборонительная“ выдержка Кошелева не уступала „наступательной“ энергіи кн. Черкасскаго, и оба они не падали духомъ и не сомнѣвались въ правотѣ и окончателномъ успѣхѣ своего дѣла, какая бы буря ни ревѣла вокругъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно *окружное* письмо Кошелева, отъ 11 февраля 1859 г. Тѣснымъ въ рязанскомъ комитетѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣлъ

и невозможность продолжать изданіе своего „Сельскаго Благоустройства“, въ которое уложилъ много силъ и матеріальныхъ средствъ. *Всѣ* статьи по крестьянскому вопросу предписано было непременно отсылать, сверхъ обычной цензуры, на *предварительную* цензуру министерства внутреннихъ дѣлъ и *всѣхъ* министерствъ и главныхъ управленій, которыхъ можетъ *что-либо* касаться въ этихъ статьяхъ. Сообщая о своемъ рѣшеніи прекратить, въ видѣ такихъ условий, свое изданіе, если не удастся добиться—путемъ поѣздки въ Петербургъ, чтобы „постучаться во всѣ двери“,—отмѣны этого распоряженія, Кошелевъ тотчасъ же обращается къ главному вопросу—о крестьянскомъ дѣлѣ—и, забывъ свои личные огорченія, подробно критикуетъ журналы и постановленія тверскаго и рязанскаго губернскихъ комитетовъ.

Среди борьбы и споровъ, представлявшихъ то, что въ механикѣ называется „безполезнымъ треніемъ“, бывали, однако, для выдающихся членовъ меньшинства и минуты торжества и душевнаго удовлетворенія. Такія минуты долженъ былъ пережить князь Черкасскій, когда, 20 декабря 1858 года, на квартирѣ у барона Менгдена, въ самый разгаръ похода противъ него на выборахъ, одна треть изъ всѣхъ собравшихся въ Тулѣ дворянъ дала ему необычный обѣдъ, движимая уваженіемъ къ личному характеру стойкаго и вѣрнаго представителя лучшаго направленія въ крестьянскомъ дѣлѣ. Этотъ обѣдъ былъ отвѣтомъ на распространяемые противниками Черкасскаго слухи о разныхъ нападеніяхъ на него въ залѣ дворянскаго собранія. Въ рядѣ рѣчей, начатыхъ привѣтствіемъ отъ товарищей по университету, была обрисована дѣятельность кн. Черкасскаго по комитету и въ собраніи дворянства, гдѣ, по словамъ Хомякова, онъ предлагалъ всевозможныя объясненія, когда могъ говорить съ полною свободою,—и постоянно отказывалъ въ нихъ, какъ скоро являлась хоть тѣнь принужденія и угрозы. Тостъ въ память „забвеннаго учителя—Т. Н. Грановскаго“ закончилъ этотъ знаменательный для кн. Черкасскаго праздникъ.

Переписка князя съ Кошелевымъ не только представляетъ богатые матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ, но рисуетъ также многосторонній и дѣятельный умъ Черкасскаго, постоянно занятый творческою работою. Изъ писемъ его видно, что, попутно съ вопросами объ устройствѣ сельскаго быта, его живо интересовали и вопросы объ устройствѣ близкаго къ народу суда. Онъ не возлагалъ большихъ надеждъ на волостной судъ, предвидя главнѣйшіе его недостатки, проявившіеся впослед-

ствѣ на практикѣ, но его очень занимало устройство мировой юстиціи—и онъ не разъ возвращался къ писанію статьи о „*миръныхъ судьяхъ*“, въ которой предлагалъ двѣ системы ихъ избранія. Затѣмъ онъ разработалъ и составилъ подробный проектъ земскаго банка подъ названіемъ „*Вольнаго тульскаго земельного кредитнаго общества*“, имѣвшаго цѣлью доставить крестьянамъ возможность, съ помощью открываемаго кредита, приобрести отъ своихъ помѣщиковъ нужное для нихъ обезпеченія количество земли и доставить возможность каждому помѣщику получить немедленное и достаточное вознагражденіе за уступаемую крестьянамъ землю. Московскій цензурный комитетъ не разрѣшилъ напечатанія этого проекта въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“. Настойчивый авторъ сдался не сразу: онъ послалъ проектъ, въ формѣ пробнаго оттиска, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая чрезъ А. А. Абазу препроводила ему свои замѣчанія, сущность которыхъ сводилась къ предпочтенію *мѣстныхъ* земельныхъ банкамъ для сдѣйствія выкупу—общей *государственной* операціи. Выбѣствъ съ тѣмъ онъ подробно писалъ министрамъ Ланскому и Ковалевскому, прося отміны запрещенія, наложеннаго цензурой, но проектъ все-таки не увидѣлъ тогда свѣта, вслѣдствіе рѣшительныхъ возраженій противъ него со стороны министра финансовъ.

14 марта 1857 г., князь Черкасскій получилъ письмо отъ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцева, похвѣщенное 9-мъ марта. Въ немъ говорилось:

„Многочисленные и почтенные труды ваши по крестьянскому вопросу, проявившіеся какъ въ литературной вашей дѣятельности, такъ и въ средѣ комитетскихъ вашихъ занятій, побуждаютъ меня, съ Высочайшаго одобренія, пригласить васъ, отъ имени Его Императорскаго Величества, если только обстоятельства ваши дозволѣтъ, принять на себя должность члена-эксперта въ комиссіяхъ для составленія положеній о крестьянахъ.

„Въ случаѣ принятія сего приглашенія имѣю честь просить васъ почтить меня о томъ увѣдомленіемъ и поспѣшнить прибытіемъ въ Петербургъ, гдѣ комиссіи наши уже открыли свои засѣданія“.

Такое же приглашеніе получилъ и Ю. О. Самаринъ. Предъ ними открывалось новое, болѣе широкое поле дѣятельности и борьбы. Въ письмахъ, которыми они обмѣнялись, звучитъ бодрое сознаніе важности предстоящей миссіи, нѣсколько однако омраченное тѣмъ, что ихъ вѣрный сотоварищъ Кошелевъ не призванъ въ Петербургъ... Въ началѣ апрѣля, по закрытіи туль-

скаго губернскаго комитета, — Черкасскій выѣхалъ въ мѣсто своего новаго служенія дѣлу освобожденія крестьянъ.

Этимъ отъѣздомъ заканчиваются напечатанные покуда княжной Трубецкою „Материалы“. Намъ думается, что даже изъ нашего бѣглаго и далеко не полного очерка должно быть видно, какой глубокой интересъ могутъ представить дальнѣйшіе выпуски, которые будутъ содержать въ себѣ отдѣлы: „Князь Черкасскій и редакціонныя комиссіи (1859—1861 г.)“, и „Князь Черкасскій—мировой посредникъ (1861—1863 г.)“. Въ архивѣ князя Черкаскаго хранятся, какъ видно изъ предисловія издательницы, собранные вдовою послѣдняго богатые матеріалы и для исторіи его дальнѣйшей дѣятельности, въ качествѣ министра внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, въ званіи московскаго городского головы и въ роли завѣдующаго гражданскою частью въ Болгаріи, во время восточной войны. Они, вѣроятно, составятъ второй томъ изданія.

Къ вышедшему первому тому приложена фототипическая группа членовъ „меньшинства“ тульскаго губернскаго комитета. Среднее мѣсто между ними занимаетъ князь В. А. Черкасскій. Вся его поза, съ крѣпко переплетенными пальцами рукъ дышетъ энергіею, знающею чего она хочетъ, и упорною настойчивостью. Физическій обликъ князя Черкаскаго, крупныя и мужественныя черты его лица, смѣлый, рѣшительный взоръ и вся его повадка очень мало измѣнялись съ теченіемъ лѣтъ. Пишущій настоящія строки встрѣтилъ князя въ 1877 году, предъ самымъ его отъѣздомъ въ Болгарію, у баронессы Раденъ, въ скромной квартирѣ которой, въ теченіе многихъ лѣтъ, сходились, со своими планами и надеждами, тревогами и сомнѣніями, Николай Милютинъ, Юрій Самаринъ, князь Черкасскій, Иванъ Авсаковъ, Дмитріевъ, Кавелинъ, Чичеринъ—и просиживалъ долгіе вечера Тургеневъ. Онъ былъ тотъ же, какъ и на группѣ „меньшинства“, полный жизни и твердой, ясно сознающей свои цѣли, воли;—это сказывалось въ тонѣ его рѣчи, въ сповойномъ жестѣ. „Вамъ предстоитъ тамъ большая борьба, —сказала ему баронесса Раденъ, — и вѣроятно вы у многихъ встрѣтите враждебное противъ себя настроеніе“. — „Что-жъ борьба, —отвѣтилъ Черкасскій, — борьба это жизнь, а враговъ имѣть я люблю“... И чувствовалось, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Это было послѣднее свиданіе князя со своею старою и вѣрною пріятельницею и союзницею. Онъ скончался въ Болгаріи, въ 1878 году, въ знаменательный для него день 19-го февраля...

Предпринявъ свой обширный трудъ, „не взирая на свою неумѣлость и неопытность“, издательница имѣла цѣлью „дать каждому читателю возможность воссозданія, по опубликованнымъ ею матеріаламъ,—доблестнаго и благороднаго облика одного изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей царствованія Александра II“. Можно смѣло сказать, что цѣль эта, несмотря на недовѣріе издательницы къ своимъ силамъ, достигнута вполне. Страницы ея книги *живутъ* и будятъ мысль читателя, вниманіе котораго невольно привлекается къ личности и упованиямъ выдающихся людей лучшихъ лѣтъ эпохи „въ скрижаляхъ царства незабвенной“.

Княжна Трубецкая обуславливаетъ доведеніе до конца принятаго изданія, между прочимъ, необходимостью возникновенія твердаго убѣжденія, что царствованіе Александра II настолько отошло въ область исторіи, что обнаруженіе относящихся къ нему документовъ не является преждевременнымъ. Намъ кажется, что, въ этомъ отношеніи, почтенная составительница книги, вложившая въ свое дѣло столько внимательнаго труда и теплой любви, можетъ быть спокойна. Собранные ею матеріалы для исторіи гражданскаго развитія родины—всегда своевременны. Изъ нихъ звучитъ не только голосъ неподраженной и истинной правды, но и слышится, подкрѣпленное поучительными примѣрами, столь нужное во всякое время, слово призыва къ настоящему и неустанному служенію родной странѣ...

А. Кони.

Н О В О Е

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНИЕ

— Вотчинное право. Проект Высочайше учрежденной редакціонной комиссіи по составленію гражданскаго уложенія. Томи I—III, съ объясненіями. Спб., 1902.

Важнѣйшій отдѣлъ имущественныхъ правъ, касающихся непосредственнаго обладанія вещами и дѣяностями, получаетъ въ настоящемъ проектѣ своеобразное освѣщеніе, благодаря усвоенному составителями арханческому термину „вотчинное право“. Подъ вотчиннымъ правомъ разумѣлось въ былое время право наслѣдственной собственности, преимущественно поземельной; теперь этимъ терминомъ, давно вышедшимъ изъ употребленія, предлагается называть болѣе обширную область правоотношеній, касающихся не только поземельныхъ, но и движимыхъ имуществъ. Неудобства этой терминологіи, на которыя мы указывали въ свое время ¹⁾, весьма чувствительно отзываются на общей системѣ и на всемъ содержаніи проекта.

Поземельныя отношенія, составляющія основу всего народнаго быта, не выдѣлены въ особую группу, а смѣшаны почему-то съ совершенно посторонними предметами. „Вотчинныя права — читаемъ мы въ первой статьѣ проекта — суть: 1) право собственности; 2) права въ чужомъ имуществѣ; 3) залогъ и закладъ. Къ вотчиннымъ правамъ относятся также авторское право и привилегіи на изобрѣтенія, а равно права на фирму и на товарные знаки“. Соединеніе столь разнородныхъ вещей подъ одной

¹⁾ См. нашу статью въ „Вѣстникѣ Европы“, 1900, январь, стр. 249 и слѣд.

общей рубрикою не оправдывается никакими логическими мотивами и вносить лишь ненужную запутанность въ существующія понятія. Если уже требовалось во что бы то ни стало ввести въ употребленіе терминъ „вотчинное право“, то необходимо было по крайней мѣрѣ держаться его точнаго смысла и ограничить его примѣненіе опредѣленнымъ кругомъ правъ, имѣющихъ какую-либо связь съ поземельною собственностью. Никто не назоветъ заклада вотчиннымъ правомъ; нельзя относить авторское право и привилегіи на изобрѣтенія къ той же категоріи правъ, какъ и права по землевладѣнію. Правда, составители проекта понимаютъ вотчинное право въ томъ широкомъ значеніи, какое придается юристами праву вещному; но послѣднее не совпадаетъ и не можетъ совпадать съ вотчиннымъ правомъ, да и не было вообще надобности ни замѣнять одинъ терминъ другимъ, ни вводить въ законодательство классификацію, противорѣчащую природѣ вещей. Поземельное право, по своей исключительной важности для народа и по своимъ специальнымъ особенностямъ, должно занимать самостоятельное мѣсто въ гражданскомъ уложеніи; во всякомъ случаѣ, оно заслуживало бы того, чтобы его не смѣшивали съ другими „правами на вещи“ и между прочимъ съ такими, какъ авторское право или права на фирму и на товарные знаки.

Слѣдуя во многомъ иностраннымъ кодексамъ, комиссія по составленію уложенія даетъ обстоятельное и отчасти теоретическое опредѣленіе права собственности, безъ различія предметовъ этого права. По 16-ой статьѣ проекта, „право собственности есть право полного и исключительнаго господства лица надъ имуществомъ, насколько это право не ограничено закономъ и правами другихъ лицъ“. Такъ какъ право собственности можетъ принадлежать не только лицамъ, но и учрежденіямъ, сословіямъ и самому государству, то правильнѣе было бы, вмѣсто „господства лица“, поставить „обладаніе“ имуществомъ. Затѣмъ, не довольствуясь признаками полноты и исключительности права собственности, проектъ перечисляетъ и опредѣляетъ существенные элементы этого права. „Собственнику принадлежить право на владѣніе имуществомъ, съ устраненіемъ всякаго посторонняго воздѣйствія и вмѣшательства“ (ст. 17),—что, впрочемъ, подразумевается уже въ правѣ полного и исключительнаго обладанія имуществомъ. „Собственнику принадлежить право пользованія имуществомъ: онъ въ правѣ извлекать изъ имущества всякаго рода доходы и вообще употреблять имущество по своему усмотрѣнію. Доходы заключаются или въ плодахъ, т.-е. въ произве-

деніяхъ имущества, или же въ наемной платѣ, въ процентахъ съ капиталовъ и въ другихъ повременныхъ платежахъ. Къ плодамъ причисляется и приплодъ животныхъ. Приплодъ принадлежитъ собственнику самки“ (ст. 18). Последняя прибавка представляется намъ излишнею: у животныхъ приплодъ естественно принадлежитъ родившей его самкѣ, и мысль о самцѣ никогда не связывается съ понятіемъ „припода“. Наконецъ, „собственнику принадлежитъ право распоряженія имуществомъ: онъ въ правѣ отчуждать имущество, устанавливать на немъ права въ пользу другихъ лицъ, производить въ имуществѣ всякаго рода измѣненія и даже *уничтожить его*“ (ст. 19).

Такимъ образомъ, главныя проявленія права собственности—владѣніе, пользованіе и распоряженіе—завершаются правомъ уничтоженія. Насколько намъ извѣстно, ни въ дѣйствующихъ нашихъ законахъ, ни въ иностранныхъ кодексахъ не упоминается о правѣ собственника уничтожать имущество, и это право нигдѣ не возводится на степень общаго принципа, въ качествѣ необходимой принадлежности права собственности. Включая это право въ составъ законныхъ признаковъ права собственности, комиссія по составленію уложенія ничѣмъ не мотивируетъ такого нововведенія. Какъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ сама комиссія, „совершенно полной, неограниченной собственности въ дѣйствительности не существуетъ“. Зачѣмъ же вносить въ законъ понятіе о такомъ абсолютномъ „господствѣ лица надъ имуществомъ“, каковаго въ дѣйствительности не существуетъ? Если въ видѣ общаго правила провозглашается право собственника уничтожать имущество, то это право будетъ сохранять свою силу во всѣхъ случаяхъ, когда оно положительно не устранено закономъ, и самыя изыатія изъ этого общаго правила должны будутъ подвергаться ограничительному толкованію. Собственникъ, конечно, можетъ фактически разрушать и истреблять принадлежащія ему вещи, безъ пользы для себя и другихъ, но это не есть право, достойное защиты и покровительства законовъ. Относительно земли, какъ предмета собственности, нѣтъ и указанной фактической возможности, и слѣдовательно право уничтоженія доступно далеко не всѣмъ формамъ собственности.

Изъ предметовъ нашего обладанія одни предназначены къ тому, чтобы быть уничтоженными, и въ этомъ именно заключается ихъ употребленіе,—напр., матеріалы для приготовления пищи, для отопленія и т. п.;—другіе служатъ для постояннаго пользованія и утрачиваютъ свою цѣнность только съ теченіемъ времени, или отъ случайной порчи; третьи, наконецъ, употреб-

ляются безъ ущерба для своей сохранности и должны быть оберегаемы отъ гибели или отъ вредныхъ вліяній въ интересахъ всего общества,—напр., поземельныя имущества, лѣса, воды, отчасти рудники и копи. Предметы первой категоріи несомнѣнно уничтожаются людьми; но безцѣльное уничтоженіе, несогласное съ назначеніемъ вещей, будетъ уже злоупотребленіемъ, которое не можетъ быть поощряемо закономъ. Хлѣбный торговецъ или крупный землевладѣлецъ пожелаетъ, на примѣръ, истребить часть своихъ запасовъ хлѣба, чтобы повысить цѣны или предупредить ихъ паденіе; промышленный спекулянтъ вздумаетъ бросить въ море значительную партію какого-нибудь общепользнаго товара, для поддержанія его дороговизны;—неужели нужно заранѣе призвать подобное право за собственниками?

Предположимъ, что богатый скряга рѣшитъ передъ смертью уничтожить накопленные богатства, чтобы они никому послѣ него не остались; или владѣлецъ унаслѣдованныхъ милліоновъ устроитъ себѣ новую забаву—будетъ опускать золотыя монеты въ воду; или собственникъ имѣнія, предвидя продажу его съ публичнаго торга, станетъ систематически разорять свою землю, вырубить лѣса, затопить рудники и копи. Всѣ эти лица будутъ имѣть полное право дѣйствовать такимъ образомъ, опираясь на то опредѣленіе права распоряженія, которое содержится въ 19-ой статьѣ разбираемаго проекта. Въ дѣйствительности мы видимъ, что люди, считающіе себя въ правѣ безцѣльно уничтожить свое имущество, берутся въ опеку, какъ расточители или сумасшедшіе; на имѣнія ихъ налагается арестъ по требованію родственниковъ или кредиторовъ,—такъ что безусловное право уничтоженія, предполагаемое комиссіею, не только не вытекаетъ изъ принципа собственности, но противорѣчитъ ему на практикѣ. Дѣло именно въ томъ, что институтъ частной собственности по существу выходитъ за предѣлы индивидуальнаго права и неизбежно захватываетъ интересы семейные и общественные: отдѣльныя распоряженія собственника могутъ имѣть важныя послѣдствія для его семьи и причинять косвенный вредъ всему обществу, и предусмотрѣть всѣ случаи этого рода въ законѣ нѣтъ возможности. Къ сожалѣнію, комиссія какъ будто не обратила вниманія на эту общественную сторону собственности и придала послѣдней узко-индивидуальный характеръ. Пользованіе правомъ собственности не должно также нарушать элементарныя предписанія человѣческой морали, и съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи о правѣ истребленія имущества, въ то время какъ существуютъ массы нуждающихся бѣдняковъ. Слова проекта:

„и даже уничтожить его“ (имущество)—желательно было бы замѣнить другими, какъ на примѣръ: „но не уничтожать его безусловно“.

Нововведеніе представляетъ и слѣдующая, 20-ая статья проекта: „Собственникъ можетъ огородить и окопать свое имѣніе“. Эта статья, по словамъ комиссіи, „имѣетъ цѣлью не только установить опредѣленность границъ недвижимыхъ имѣній и тѣмъ устранить возможные споры и пререванія между сосѣдями, но преслѣдуетъ и интересы публичнаго порядка,—именно, дозволяя собственнику окапывать и огораживать свое имѣніе, она затрудняетъ разнаго рода преступныя посягательства на имущество, всегда болѣе возможныя относительно такихъ имѣній, доступъ въ которыя представляется открытымъ“. Комиссія упустила при этомъ изъ виду, что, кромѣ наклонности къ преступнымъ посягательствамъ, окрестное населеніе можетъ имѣть право прохода и проѣзда черезъ имѣніе, и что это право, повсемѣстно признаваемое, было бы нарушено закрытіемъ доступа въ предѣлы частно-владѣльческихъ земель. Преступныя посягательства не предупреждались бы сооруженіемъ обычныхъ деревенскихъ заборовъ, а пограничные споры и неудовольствія сопутствовали бы каждой попыткѣ владѣльца устроить ограду или окопы вдоль границъ имѣнія. Общій характеръ нашего землевладѣнія не допускаетъ той замкнутости отдѣльныхъ помѣстій, которая существуетъ въ западной Европѣ; интересы крестьянъ и помѣщиковъ тѣсно связаны между собою, и взаимная экономическая зависимость ихъ не можетъ быть разграничена заборами. Притомъ нѣтъ никакого повода вводить у насъ особое правило о дозволѣніи владѣльцамъ огораживать и окапывать свои имѣнія, ибо и теперь не запрещено производить такого рода работы на своей землѣ, если найдется на это охота.

Несравненно болѣе важныя перемѣны вносятся проектомъ по отношенію къ объему права поземельной собственности. „Право собственности на имущество распространяется на все, что естественнымъ путемъ или трудомъ и искусствомъ произведено въ имуществѣ“ (ст. 22). По смыслу этой статьи, все, произведенное въ имѣніи трудомъ и искусствомъ, не только своимъ, но и чужимъ, составляетъ собственность владѣльца. Въ соответственномъ постановленіи нашего десятаго тома говорится ясно о правѣ собственника только на то, что произведено *его* трудомъ и искусствомъ: „По праву полной собственности на имущество, владѣльцу принадлежать всѣ плоды, доходы, прибыли, приращенія, выгоды и все то, что трудомъ и искусствомъ *его* произве-

дено въ томъ имуществѣ“ (ст. 425). Пропускъ одного маленькаго слова имѣеть здѣсь громадное принципиальное значеніе, и пропускъ этотъ—крайне характерный.

Вслѣдъ за признаніемъ права собственности на продукты чужого труда провозглашается новое право на воздухъ, окружающій землю. „Право собственности на землю простирается на поверхность, на *воздушное надъ нею пространство* и на нѣдра“ (ст. 23). До сихъ поръ „воздушное пространство“ не было и не могло быть предметомъ частной собственности; по нашимъ дѣйствующимъ законамъ, владѣлецъ имѣеть право на „всѣ произведенія на поверхности ея“ (ст. 424 десятаго тома), но никакъ не на прилегающую атмосферу. Французскій кодексъ ограничивается утвержденіемъ принципа, что „собственность почвы обнимаетъ собственность на то, что надъ нею и подъ нею“ (ст. 552). По германскому уложенію „право собственника земельного участка простирается на пространство надъ поверхностью и на почву подъ поверхностью; однако, владѣлецъ не можетъ воспретить постороннія воздѣйствія, предпринимаемыя на такой высотѣ или глубинѣ, что онъ не имѣеть интереса въ устраненіи ихъ“ (ст. 905). Другими словами, пространство надъ землею считается принадлежащимъ собственнику не само по себѣ, а лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно необходимо для свободнаго пользованія имѣніемъ и возведенными въ немъ постройками. Нашъ проектъ создаетъ нѣчто совершенно другое—право на „воздушное надъ нею (поверхностью земли) пространство“, безъ ограниченія его какими-либо предѣлами, и независимо отъ потребностей и условій землевладѣнія. Воздушное пространство включаетъ и облака, и тучи, и дождь, и снѣгъ, и самый воздухъ,—все это дѣлается собственностью землевладѣльца въ границахъ его имѣнія.

Коммиссія установила это новое право не случайно, а сознательно, по обсужденіи всѣхъ относящихся къ нему обстоятельствъ и доводовъ. Въ коммиссіи,—читаемъ мы въ мотивахъ къ проекту, — „возбужденъ былъ вопросъ, не слѣдуетъ ли, по примѣру германскаго уложенія, включить въ проектъ правило въ томъ смыслѣ, что собственникъ не въ правѣ препятствовать дѣйствіямъ другихъ лицъ, предпринимаемымъ на такой глубинѣ или высотѣ, гдѣ онъ ничѣмъ не стѣсняется въ пользованіи имуществомъ. По этому предмету въ коммиссіи было высказано, что, конечно, есть такая высота, гдѣ возможно предпринимать дѣйствія, не нарушающія ни въ чемъ интересовъ собственниковъ,—напр., пролетать на воздушномъ шарѣ. Точно также до-

пустима и извѣстная глубина, гдѣ дѣйствія другихъ лицъ не стѣсняють собственника въ пользованіи его имуществомъ. Въ Лондонѣ, напр., имѣются подъ землею разныя сооруженія, не стѣсняющія собственниковъ. Но, съ другой стороны, нельзя не признать, что какъ въ отношеніи высоты, такъ и глубины, нѣтъ такого предѣла, за которымъ, при существованіи вообще интереса въ пользованіи воздушнымъ пространствомъ и нѣдрами, безусловно прекращался бы интересъ собственника. Поэтому на всякой высотѣ и на всякой глубинѣ, на которыхъ только возможенъ доступъ человѣка для какихъ-либо практическихъ цѣлей въ пользованіи недвижимостью, свобода этого доступа должна быть сохранена прежде всего для собственника. Къ тому же, за непризнаніемъ дѣйствующимъ закономъ принятаго въ Германіи, а также въ губерніяхъ привислянскихъ, начала свободнаго горнаго промысла, т.-е. производимаго независимо отъ согласія собственника земли, у насъ ни на какой глубинѣ нельзя допускать дѣйствія постороннихъ лицъ безъ согласія собственника земли. Равнымъ образомъ *сомнительно, можно ли устроить проволоки и кабели въ воздушномъ пространствѣ безъ согласія собственника*, надъ землею котораго устройство это производится. Случаи же, когда на извѣстной высотѣ можно предпринимать какія-либо дѣйствія, не нарушая ни въ чемъ интересы собственника, едва-ли есть практическая необходимость предусматривать въ гражданскомъ уложеніи. Независимо отъ сего, на основаніи правила ст. 905 германскаго гражданскаго уложенія, возможны всякія злоупотребленія. Собственникъ, на примѣръ, выстроитъ часть крыши своего дома или балконъ въ воздушное пространство сосѣда и будетъ доказывать, что они не стѣсняють сосѣда. Въ силу изложеннаго, комиссія не нашла желательнымъ включить въ проектъ правило, о которомъ идетъ рѣчь, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что *если правительство найдетъ нужнымъ, въ видахъ устройства въ нѣдрахъ земли или въ воздушномъ пространствѣ общепользныхъ сооружений*, ограничивать права собственника въ какомъ-либо отношеніи, то на сей предметъ долженъ быть изданъ особый законъ, *примыслительно къ порядку, установленному для отчужденія недвижимыхъ имуществъ на государственныя или общепольныя надобности*“.

Подчеркнутыя нами мѣста въ соображеніяхъ комиссіи показываютъ, что вновь вводимое право частной собственности на „воздушное пространство“ можетъ при извѣстныхъ условіяхъ представлять весьма реальную и крупную цѣнность. Комиссія уже теперь находитъ сомнительнымъ, „можно ли устроить про-

волоки и кабели въ воздушномъ пространствѣ безъ согласія собственника, надъ землею котораго устройство это производится“; но намъ кажется, что комиссія ошибается: согласіе собственника требуется только для постановки столбовъ, на которыхъ держатся воздушные кабели и проволоки, ибо по существующимъ законамъ воздушное пространство само по себѣ не входитъ въ составъ землевладѣльческихъ правъ и является еще пока свободнымъ и общедоступнымъ. Положеніе, конечно, радикально измѣнится съ принятіемъ предлагаемаго нововведенія: тогда уже, дѣйствительно, нельзя будетъ проводить кабели и проволоки черезъ воздушныя пространства, объявленныя собственностью землевладѣльцевъ, и придется вступать съ послѣдними въ договоры объ уступкѣ ими права пользованія атмосферою для устройства телеграфныхъ и иныхъ электрическихъ сообщеній. Комиссія заранее предвидитъ, что въ будущемъ могутъ понадобиться „общепользовныя сооруженія въ воздушномъ пространствѣ“,—хотя возможность такихъ воздушныхъ сооружений остается для насъ не совсѣмъ ясною;—на этотъ случай предлагается вознаграждать владѣльцевъ воздушныхъ пространствъ, „примѣнительно къ порядку, установленному для отчужденія недвижимыхъ имуществъ на государственныя и общественныя надобности“! Не странно ли, однако,—создавать новый видъ воздушной собственности въ пользу землевладѣльцевъ, и затѣмъ выкупать у нихъ эту фантастическую собственность по правиламъ объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ?

Непонятны также указанія комиссії на неудобство оговорки германскаго уложенія относительно высоты и глубины: никто не можетъ направлять часть крыши своего дома или балконъ въ воздушное пространство сосѣда, на какой бы высотѣ это ни было, потому что этимъ стѣснено было бы право сосѣда построить такой же точно домъ въ соответственномъ мѣстѣ, на границѣ своего имѣнія, и на этотъ счетъ существуютъ спеціальныя правила о сосѣдствѣ, о правѣ на свѣтъ и видъ, о пользованіи пограничной полосой земли безъ ущерба для сосѣдей. Такія правила имѣются и въ проектѣ (ст. 49 и слѣд., и въ частности ст. 66), и установленіе ихъ не находится ни въ какой зависимости отъ мнимаго права собственности на воздушное пространство. Съ другой стороны, право на нѣдра земли въ смыслѣ разработки рудъ, при совершенномъ отсутствіи послѣднихъ, не могло бы мѣшать, напримѣръ, прокладкѣ трубъ, на известной глубинѣ, черезъ чужія владѣнія, безъ малѣйшаго нарушенія какихъ бы то ни было владѣльческихъ интересовъ.

Напрасно комиссія такъ легко и безповоротно рѣшаетъ вопросъ о нѣдрахъ земли. Если въ предѣлахъ чьего-либо поземельнаго участка случайно найдется кладъ, то не весь онъ и не всегда принадлежитъ собственнику, — часть его, по проеѣту, дается нашедшему (ст. 133); тѣмъ болѣе нѣтъ основанія всецѣло присвоивать владѣльцу или пріобрѣтателю имѣнія неожиданно открывшіяся подъ землею стихійныя богатства, нивѣмъ туда не положенныя и не имѣющія никакой связи съ трудомъ рукъ человѣческихъ: владѣлецъ можетъ претендовать лишь на извѣстную долю добычи, которая въ полномъ объемѣ должна принадлежать государству, какъ верховному собственнику національной территоріи. Пустынные земли Клондайка могли находиться въ частномъ владѣніи, когда въ нихъ оказались богатѣйшія золотоносныя жилы; но едва ли кто сталъ бы утверждать, что случайные владѣльцы этихъ земель, пасшіе на нихъ свой скотъ, имѣли бы естественное право полной и исключительной собственности на всѣ колоссальныя запасы открытаго тамъ золота. Когда неисчерпаемыя подземные источники нефти признаются собственностью отдѣльныхъ лицъ, пріобрѣвшихъ за безцѣнокъ участки земли въ извѣстномъ районѣ для обработки или застройки, то это не можетъ быть объяснено никакими разумными причинами: плохо признаваемые публичные интересы подчиняются тутъ ошибочному и одностороннему пониманію фиктивныхъ частныхъ правъ. Можно мириться съ неправильными, такъ сказать чересчуръ раздутыми формами собственности; но по крайней мѣрѣ на будущее время не слѣдовало бы отрекаться отъ законныхъ правъ государства и жертвовать ими для доставленія незаслуженныхъ выгодъ отдѣльнымъ лицамъ.

Во всѣхъ западно-европейскихъ законодательствахъ замѣчается въ новѣйшее время стремленіе ввести индивидуальную собственность въ извѣстныя границы и возстановить права государства и общества на ту область публичныхъ благъ и интересовъ, которая нѣкогда, въ силу традиціонныхъ недоразумѣній и формальныхъ толкованій юристовъ, была включена въ кругъ частнаго господства. Это стремленіе вызывается не какими-нибудь произвольными теоріями и идеями, а могучимъ культурнымъ ростомъ государственной и національной жизни, широкимъ развитіемъ мировыхъ экономическихъ отношеній и связей, и яснымъ сознаніемъ того, что сфера публичнаго, государственнаго служитъ надежнымъ хранилищемъ интересовъ націй для будущаго. Наша комиссія по составленію гражданскаго уложенія идетъ по обратному пути; она суживаетъ область публичнаго и расширяетъ

частное, индивидуальное, причѣмъ относить въ послѣднему даже то, что до сихъ поръ несомнѣнно стояло внѣ всякаго имуще- ственнаго оборота.

Землевладѣлецъ, который заявилъ бы притязаніе на „воздуш- ное пространство“, возбудилъ бы противъ себя всеобщія на- стѣшки; еще въ классическихъ „Институціяхъ“ римскаго права, при перечисленіи предметовъ, не подлежащихъ частному обла- данію, упоминается прежде всего, въ видѣ примѣра, воздухъ, — а теперь, по предположенію комиссіи, воздухъ долженъ также имѣть своихъ собственниковъ-распорядителей. Намъ могутъ воз- разить, что рѣчь идетъ о пространствѣ надъ землею, а не о воздухѣ, которымъ мы дышемъ; но въ проектѣ говорится именно о „воздушномъ пространствѣ“, и если послѣднее включается въ право собственности землевладѣльцевъ, то мы имѣемъ право ска- зать, что воздухъ дѣлается предметомъ собственности. Комиссія допускаетъ еще, что интересы землевладѣльца не затрогиваются въ томъ случаѣ, когда надъ его землею пролетитъ на большой высотѣ воздушный шаръ; — воспользуемся этимъ примѣромъ и по- смотримъ, къ чему приводитъ внесеніе словъ о надземномъ про- странствѣ въ законъ о собственности. Воздухоплаваніе рано или поздно выйдетъ изъ стадіи опытовъ и приобрететъ значеніе пра- вильнаго и постояннаго способа передвиженія, такъ какъ изобрѣ- теніе механизма, обеспечивающаго управленіе ходомъ воздушнаго шара, есть только вопросъ времени. Въ будущемъ развитіе воз-душныхъ путей сообщенія можетъ достигнуть такой степени со- вершенства, что они станутъ успѣшно конкурировать съ же- лѣзными дорогами и пароходами — по крайней мѣрѣ по пере- возкѣ пассажировъ. Образуются постоянныя линіи пролета воз-душныхъ шаровъ, съ остановками для приѣма и спуска пасса-жировъ; быть можетъ, устроятся воздушныя станціи для обнов-ленія израсходованныхъ запасовъ газа и балласта. Если про-странство надъ землею будетъ объявлено частною собственностью, то систематическое передвиженіе воздушныхъ шаровъ окажется въ зависимости отъ согласія землевладѣльцевъ и сдѣлается для нихъ предметомъ крупнаго матеріальнаго интереса, какого не представляетъ случайный пролетъ отдѣльнаго воздушнаго шара надъ чьимъ-либо имѣніемъ. Тогда наступитъ, пожалуй, моментъ для осуществленія предусмотрѣнныхъ комиссіею сдѣловъ, „при-мѣнительно къ порядку, установленному для отчужденія недви-жимыхъ имуществъ на государственныя или общественныя на-добности“. Какой же смыслъ имѣетъ созданіе такого права, ко-торое въ будущемъ должно стѣснить пользованіе общедоступною

нынѣ воздушною стихіею? Почему землевладѣльцы должны получить въ свое распоряженіе то, что теперь имъ не принадлежитъ и что по существу никому въ отдѣльности принадлежать не можетъ? Право на землю можетъ простираться на воздушное надъ нею пространство только въ смыслѣ безпрепятственной хозяйственной эксплуатаціи земли и возведенія на ней всевозможныхъ построекъ, а не въ смыслѣ какаго-то новаго, ничѣмъ не ограниченнаго права, какъ это вытекаетъ изъ редакціи 23-й статьи проекта.

Подобно воздуху, и вода становится по проекту частною собственностью въ болѣе широкомъ значеніи, чѣмъ до сихъ поръ. „Рѣки, озера и другія воды, находящіяся въ предѣлахъ одного и того же имѣнія, признаются принадлежащими собственнику этого имѣнія“ (ст. 25). По дѣйствующимъ нынѣ законамъ, „озера, судоходныя рѣки и ихъ берега“ причисляются къ составу имущества *государственнаго*, а другія воды принадлежатъ владѣльцамъ земли, въ предѣлахъ которой онѣ находятся. Большинство иностранныхъ законодательствъ признаетъ рѣки и озера публичнымъ или государственнымъ достояніемъ; на это ссылается сама коммиссія. „Такъ, по прусскому ландрехту, судоходныя по природѣ рѣки составляютъ собственность государства, а выгоды отъ нихъ принадлежатъ къ его регаліямъ. Точно также по французскому гражданскому кодексу судоходныя или сплавыя рѣки не могутъ быть объектомъ частной собственности, а составляютъ имущество публичное (*domaine public*), находящееся въ вѣдѣніи государства. По итальянскому гражданскому уложенію, всѣ, безъ исключенія, рѣки составляютъ также имущество публичное. По гражданскому уложенію Цюрихскаго кантона, озера, рѣки, а также ручьи, составляютъ общественное достояніе, развѣ кто-либо могъ бы доказать свое гражданское право на нихъ, существующее въ силу обычая. По австрійскому гражданскому уложенію, большія и малыя рѣки называются общимъ или публичнымъ достояніемъ; впрочемъ, это уложеніе знаетъ также и частныя ручьи. По сербскому уложенію, рѣки нивѣмъ не могутъ быть присвоены, но составляютъ народное или государственное имущество. По проекту баварскаго гражданскаго уложенія, рѣки, открытыя для общаго пользованія, принадлежатъ государству и изъяты изъ оборота“. Несмотря на эти многочисленныя и убѣдительныя прецеденты, коммиссія рѣшила всѣ вообще наши озера и рѣки, въ томъ числѣ и судоходныя, передать прибрежнымъ частнымъ землевладѣльцамъ.

Коммиссія исходила при этомъ не изъ какихъ-либо общихъ

соображеній о государственной пользѣ или о справедливости, а не въ простого узко-формальнаго толкованія существующихъ текстовъ, въ связи съ разъясненіями кассационнаго департамента сената. По этому толкованію выходитъ, что и теперь наши судоходныя рѣки и озера могутъ принадлежать частнымъ собственникамъ, ибо, по опредѣленію закона, государственными имуществами называются „всѣ имущества, не принадлежащія никому въ особенности“, и слѣдовательно, судоходныя рѣки и озера причислены къ государственнымъ имуществамъ только на тотъ случай, если онѣ не принадлежатъ никому въ отдѣльности. А такъ какъ, по другимъ статьямъ закона, принадлежностями имѣній считаются „состоящіе въ нихъ рѣки, озера, пруды, болота, дороги, источники и другія мѣста, симъ подобныя“, и владѣлецъ земли имѣетъ право на „воды, въ предѣлахъ ея находящіяся“,— то нельзя дѣлать исключеніе и для судоходныхъ рѣкъ, отнесенныхъ, по недоразумѣнію, къ государственнымъ имуществамъ. Это удивительное толкованіе, дѣлающее честь изобрѣтательности нашихъ юристовъ-практиковъ, вполне усвоено комиссіею по составленію уложенія и принято за основу предлагаемой статьи проекта,—какъ будто комиссія имѣла своей задачей не выработку новаго разумнаго и цѣлесообразнаго закона, а примѣненіе сенатской казуистики къ спорному гражданскому дѣлу.

„Такимъ образомъ,—разсуждаетъ комиссія,—нашъ законъ, какъ и мѣстный сводъ прибалтійскихъ губерній, признаетъ право собственника имѣнія на воды, находящіяся въ предѣлахъ оваго, или черезъ него протекающія, безразлично къ вопросу о томъ, открыты ли онѣ для общаго пользованія или нѣтъ, устанавливая лишь опредѣленные ограниченія въ отношеніи пользованія водами, какъ на пользу общую, такъ и въ пользу сосѣдей. Хотя вторая часть статьи 406 десятаго тома и причисляетъ, между прочимъ, судоходныя рѣки къ составу государственныхъ имуществъ, но *это не совсѣмъ вѣрно* (?), такъ какъ, съ одной стороны, признаніе судоходныхъ рѣкъ государственною собственностью даже въ томъ случаѣ, когда рѣки эти находятся въ предѣлахъ земель, состоящихъ въ частной собственности, противорѣчитъ вышеприведеннымъ 387 и 424 статьямъ законовъ гражданскихъ, а съ другой—несогласно и съ тѣми узаконеніями, которыя послужили основаніемъ для всѣхъ означенныхъ статей, ибо въ узаконеніяхъ этихъ никакого постановленія въ смыслъ признанія всѣхъ безъ исключенія судоходныхъ рѣкъ государственнымъ имуществомъ не содержится“...

Мы не знаемъ, въ какомъ смыслѣ названо здѣсь „не со-

всѣмъ вѣрнымъ“ прямое постановленіе закона;—бываютъ законы несправедливые, неясные, несогласные съ другими законами или съ общими началами права, но невѣрныхъ и „не совсѣмъ вѣрныхъ“ законовъ не существуетъ. Если въ дѣйствующемъ нынѣ сводѣ гражданскихъ законовъ несомнѣнно имѣется статья 406-ая, причисляющая судоходныя рѣки къ имуществамъ государственнымъ, то никто—ни даже законодательная комиссія—не можетъ сомнѣваться въ подлинности и обязательности этого постановленія, пока оно не отмѣнено установленнымъ порядкомъ. Противорѣчіе же даннаго закона съ другими и особенно съ источниками, на которыхъ онъ основанъ,—если такое противорѣчіе дѣйствительно существуетъ,—разрѣшается вовсе не простымъ отрицаніемъ или самовольнымъ уничтоженіемъ закона, а путемъ разъясненія его связи съ общимъ смысломъ и духомъ законодательства. Комиссія противопоставляетъ „не совсѣмъ вѣрному“ положительному закону нѣкоторые узаконенія XVII и XVIII вѣковъ объ отдачѣ рѣкъ и озеръ въ угодье для рыбной ловли; но, во-первыхъ, въ этихъ узаконеніяхъ ничего не говорится о правѣ частной собственности на судоходныя рѣки, и во-вторыхъ, нельзя опровергать дѣйствующій законъ ссылкой на прежнія узаконенія, давно потерявшія силу. Совершенно непозволителенъ также тотъ способъ устраненія противорѣчій между различными статьями закона, какой примѣняется въ настоящемъ случаѣ. Въ одной статьѣ идетъ рѣчь о *судоходныхъ* рѣкахъ, какъ о государственныхъ имуществвахъ, а въ другихъ постановленіяхъ упоминается о водахъ и рѣкахъ, какъ о принадлежностяхъ частныхъ имѣній; не ясно ли, что воды и рѣки второй категоріи не могутъ принадлежать къ числу судоходныхъ? Гдѣ же тутъ противорѣчіе? Почему первый законъ, устанавлиющій право государства, долженъ признаваться какъ бы несуществующимъ, въ виду несогласія его съ другими законами, устанавлиющими право для частныхъ лицъ? На чемъ основывается этотъ своеобразный принципъ, по которому право государства отступаетъ передъ правомъ частнымъ, даже при отсутствіи всякой законной и разумной къ тому причины?

Между тѣмъ комиссія, взявъ отвѣтъ отвергаемаго ею прямого постановленія закона о государственномъ характерѣ судоходныхъ рѣкъ, принимаетъ въ руководство крайне замысловатый и совершенно произвольный выводъ кассационнаго департамента, что „судоходныя рѣки принадлежать казнѣ только въ томъ случаѣ, если онѣ находятся въ предѣлахъ казенныхъ земель; всѣ же прочія судоходныя рѣки состоятъ лишь въ завѣдываніи госу-

дарства, въ качествѣ путей сообщенія“. Прибавка о казенныхъ земляхъ, неизвѣстно откуда взявшаяся, дѣлаетъ, конечно, излишнимъ и безцѣльнымъ самый законъ: разумѣется само собою, что казна пользуется въ казенныхъ имѣніяхъ не меньшими владѣльческими правами, чѣмъ частные собственники, и что рѣки, протекающія въ предѣлахъ казенныхъ земель, принадлежатъ казнѣ, независимо отъ правила о принадлежности всѣхъ вообще судоходныхъ рѣкъ государству. Последнее правило, очевидно, исчезаетъ при подобномъ толкованіи; но уничтоженіе смысла толкуемой статьи могло только по недосмотру показаться истолкованіемъ ея, и комиссія впала въ серьезную юридическую ошибку, принявъ на вѣру неудачное разсужденіе сената. Право публичное, право государства на судоходныя рѣки, признаваемое всѣми законодательствами, подмѣнивается здѣсь владѣльческимъ правомъ казны на воды, находящіяся въ казенныхъ земляхъ; публичный, государственный интересъ отстраняется при помощи искусственныхъ натяжекъ, напоминающихъ скорѣе старинныя судебныя приемы, чѣмъ здоровое и безпристрастное обсужденіе вопроса съ точки зрѣнія общаго смысла и цѣли законовъ. Такъ рѣшается рядъ важныхъ и крупныхъ проблемъ, въ которыхъ частное право соприкасается съ публичнымъ.

Въ отличіе отъ разныхъ западно-европейскихъ законодательствъ, начиная съ древне-римскаго, нашъ проектъ въ принципѣ упраздняетъ право государства даже на большія судоходныя рѣки и заботливо отдаетъ ихъ въ собственность береговымъ владѣльцамъ. „Собственникъ, которому принадлежатъ оба берега рѣки, имѣетъ, въ предѣлахъ своего имѣнія, *исключительное* право ловить въ рѣкѣ рыбу, содержать на ней перевозы, устраивать мельницы и другія вододѣйствующія заведенія, и *вообще пользоваться ею*, насколько это не ограничено закономъ на пользу общую или на пользу сосѣдей“ (стр. 26). Волга или Двѣпръ поступаетъ въ частную собственность всѣхъ тѣхъ землевладѣльцевъ, мимо имѣній которыхъ эти рѣки протекаютъ, и если какіе-нибудь крупные промышленники или синдикаты успѣютъ скупить земли вдоль ихъ береговъ съ обѣихъ сторонъ на болѣе или менѣе значительномъ пространствѣ, то они будутъ въ правѣ распорядиться этими великими артеріями Россіи въ качествѣ хозяевъ; за государствомъ останется лишь право „ограничивать“ этихъ собственниковъ, и интересы „общей пользы“ будутъ имѣть значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой они будутъ предусмотрѣны специальными ограничительными законами. Если въ былое время рѣки и озера отдавались частнымъ лицамъ въ угоде для рыбной

ловли,—на что ссылается теперь комиссія,—то при первобытныхъ условіяхъ экономической жизни и культуры эти раздачи имѣли таковой же характеръ, какъ и пожалованья городовъ и цѣлыхъ областей въ кормленіе, и дѣлать изъ этихъ старинныхъ распоряженій какіе-либо выводы для настоящаго и будущаго—было бы болѣе чѣмъ странно. Судходныя рѣки цѣнятся теперь не по одной рыбной ловлѣ, какъ прежде, и огромная важность ихъ для всего народа и государства при современномъ промышленномъ развитіи едва ли нуждается въ разъясненіи. Теченіе рѣвъ служитъ, между прочимъ, источникомъ двигательной силы, передаваемой на разстояніе, и это стихійное могущество, которое въ будущемъ представитъ цѣнность многихъ милліардовъ рублей, не можетъ быть отнято отъ государства и націи. Немыслимо провозглашать право собственности землевладѣльцевъ на сплавы и судходныя рѣки; частнымъ лицамъ должны быть предоставлены по отношенію къ послѣднимъ только тѣ права, которыя будутъ точно перечислены и опредѣлены въ законѣ,—какъ это принято большинствомъ иностранныхъ кодексовъ.

Въ томъ же духѣ предпочтенія частныхъ правъ публичнымъ подтверждается проектомъ право собственности владѣльцевъ на земли, занятыя дорогами. Въ десятомъ томѣ свода законовъ „большія дороги“ отнесены къ имуществамъ государственнымъ, наравнѣ съ судходными рѣками и озерами; комиссія, однако, не придаетъ значенія этому обстоятельству и соглашается съ казуистическимъ толкованіемъ нѣкоторыхъ нашихъ юристовъ, отрицающихъ принадлежность „большихъ дорогъ“ государству. Согласно съ этимъ, и проектируется новое правило: „Собственникъ, черезъ имѣніе коего пролегаетъ дорога общаго пользованія, хотя и сохраняетъ право собственности на землю подъ дорогою, если земля эта не была отчуждена въ порядкѣ повудительнаго отчужденія на государственныя или общественныя надобности, но не въ правѣ предпринимать ничего такого, что могло бы въ какомъ-либо отношеніи затруднить свободное пользованіе дорогою“. Такъ какъ земля подъ большими трактами не принималась, конечно, въ расчетъ при оцѣнкѣ имѣній послѣдовательными приобрѣтателями ихъ, то она и не могла считаться собственностью владѣльцевъ; номинальное право ихъ становится дѣйствительнымъ только съ упраздненіемъ дорогъ, и тогда присоединяемое къ имѣніямъ пространство земли является безпричиннымъ подаркомъ со стороны государства. Хотя это правило не имѣетъ большого практическаго значенія, но въ принципиальномъ смыслѣ было бы несомнѣнно правильнѣе послѣдовать при-

нѣру французскаго кодекса, по которому всякія вообще дороги, содержимыя на государственный или общественный счетъ, признаются публичнымъ достояніемъ.

Къ числу полезныхъ нововведеній проекта слѣдуетъ отнести нѣкоторыя ограниченія права собственности, вызываемыя хозяйственными нуждами сосѣднихъ имѣній. „Тотъ, кто имѣетъ право пользоваться водою изъ естественнаго или искусственнаго водовмѣстилища, можетъ для нуждъ своей домашней жизни, либо для надобностей сельскаго хозяйства или промышленности, провести воду посредствомъ каналовъ или трубъ черезъ чужое имѣніе, за соотвѣтственное вознагражденіе, уплачиваемое до начала работъ собственнику сего имѣнія. Размѣръ вознагражденія, за отсутствіемъ соглашенія о томъ заинтересованныхъ лицъ, определяется судомъ“. Равнымъ образомъ, „для осушенія сырыхъ или болотистыхъ мѣстностей и для спуска излишней воды, которая не можетъ быть потреблена на мѣстѣ, собственникъ въ правѣ отводить воду изъ своего имѣнія черезъ чужое въ море, рѣку, озеро или инныя водовмѣстилища, посредствомъ каналовъ или трубъ, причемъ онъ обязанъ уплатить, до начала работъ, соотвѣтственное вознагражденіе собственнику имѣнія, черезъ которое отводится вода, и возмѣстить прибрежнымъ собственникамъ убытки въ случаѣ подтопа ихъ имѣній. Отводъ воды не допускается, если можно ожидать значительнаго вреда для прибрежныхъ имѣній“. Если собственникъ, при возведеніи зданія на своей землѣ, неумышленно застроилъ часть земли сосѣда, то онъ приобретаетъ право собственности на занятую чужую землю, „съ обязанностью уплатить сосѣду стоимость, которую она имѣла при началѣ работъ по постройкѣ, и вознаградить его за причиненные постройкою убытки“. Въ этихъ случаяхъ проектъ отступаетъ уже отъ строго-формальнаго пониманія права собственности и дѣлаетъ нѣкоторую уступку реальнымъ интересамъ жизни.

Проектъ восстанавливаетъ и регулируетъ весьма важный для землевладѣнія институтъ долговѣчной аренды подъ названіемъ наследственнаго оброчнаго владѣнія. „По праву наследственнаго оброчнаго владѣнія одно лицо (оброчный владѣлецъ) имѣетъ вѣчное или срочное наследственное владѣніе въ имѣніи другого лица“, съ обязанностью уплачивать ежегодный оброкъ деньгами или произведеніями земли; право это „не можетъ быть установлено на срокъ менѣе тридцати-шести лѣтъ“. „Одно лицо“, въ „имѣніи другого лица“—выраженія едва ли подходящія для поземельныхъ отношеній, въ которыхъ главную роль призваны играть, съ одной стороны, государство или казна, а съ другой,—

сельскія общества или крестьянскія товарищества. Отдача земли въ оброкъ можетъ развиваться у насъ прочно единственно лишь въ формѣ систематическаго заселенія казенныхъ, общественныхъ и пустующихъ частныхъ земель тѣми элементами крестьянства, которые вытѣсняются изъ родныхъ сель малоземельемъ и не находятъ приложенія для своихъ рабочихъ силъ внѣ земледѣлія. Мысль объ образованіи хуторскихъ хозяйствъ на началахъ долгосрочной или вѣчной аренды не имѣетъ у насъ будущности, такъ какъ она противорѣчитъ вѣковымъ привычкамъ и характеру народа; наши крестьяне не могутъ устроиваться и работать иначе, какъ коллективно, и всякія попытки искусственнаго перевоспитанія ихъ въ духѣ индивидуализма должны быть чужды законодательству. Институтъ оброчнаго владѣнія, обставленный надлежащимъ образомъ, могъ бы принести огромную пользу не только крестьянамъ, нуждающимся въ землѣ, но и крупнымъ частнымъ владѣльцамъ, не знающимъ, что дѣлать съ своими запущенными имѣніями. Стремленіе вести хозяйство наемнымъ трудомъ удается только немногимъ опытнымъ и энергическимъ дѣятелямъ, сумѣвшимъ пріобрѣсть довѣріе и уваженіе крестьянъ; надежды на обезпеченіе исправности рабочихъ при помощи принудительныхъ или карательныхъ мѣръ не оправдались и не могутъ оправдаться на дѣлѣ. По справедливому замѣчанію комиссіи, „болѣе цѣлесообразнымъ средствомъ привлеченія рабочаго къ землѣ, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ вообще земледѣльцевъ мало, напр. въ восточныхъ губерніяхъ Россіи, является для крупныхъ собственниковъ устройство ими поселеній рабочихъ на правахъ наследственнаго оброчнаго владѣнія, подобно тому, какъ это предполагается сдѣлать въ сѣверной Германіи“. По проекту, „оброчный владѣлецъ можетъ свое право владѣнія отчуждать и завѣщать, какъ въ цѣломъ, такъ и въ части. Вѣчный оброчный владѣлецъ, сверхъ того, можетъ свое право владѣнія обременить залогомъ, а равно устанавливать въ имѣніи сервитуты“. Оброчный владѣлецъ „обязанъ вносить всякаго рода сборы и отправлять повинности по имѣнію“; если ему предоставлено по договору право, посредствомъ выкупа obroka, пріобрѣсть землю въ собственность, то выкупная сумма, при отсутствіи предварительнаго соглашенія объ ея размѣрѣ, опредѣляется черезъ помноженіе ежегоднаго obroka или его средней стоимости на двадцать-пять. Право выкупа должно было бы имѣть примѣненіе исключительно по отношенію къ частно-владѣльческимъ, а не къ казеннымъ землямъ; къ сожалѣнію, проектъ не устанавливаетъ никакого различія между двумя типами оброчнаго владѣнія—на земляхъ го-

сударственныхъ и частныхъ, а подводить обѣ группы поземельныхъ отношеній подъ однѣ и тѣ же нормы было бы большою ошибкою. Комиссія неизмѣнно имѣетъ въ виду только отдѣльныхъ „собственникововъ“ (терминъ, встаети сказать, излюбленный составителями проекта, хотя рѣдко употребляемый въ общезити и въ литературѣ,—развѣ только въ ироническомъ смыслѣ); собственникъ-государство какъ будто теряется среди безразличной толпы частныхъ собственниковъ, для которыхъ преимущественно и выработывается гражданское уложеніе. Собственникъ можетъ прекратить оброчное владѣніе, если въ нѣдрахъ земли найдутся „мѣсторожденія ископаемыхъ значительной цѣнности“; онъ обязанъ при этомъ уплатить вѣчному оброчному владѣльцу сумму, равную десятилѣтнему оброку, а срочному—сумму, равную пятилѣтнему оброку, и „вознаградить оброчнаго владѣльца за возведенныя въ имѣніи постройки и сооруженія, (за) сдѣланныя насажденія и вообще за всѣ произведенныя имъ въ имѣніи улучшения, по выбору оброчнаго владѣльца—или въ размѣрѣ понесенныхъ имъ затратъ на улучшения, или же въ размѣрѣ послѣдовавшаго отъ улучшеній повышенія стоимости имѣнія“. Собственникъ можетъ также потребовать прекращенія оброчнаго владѣнія, если за три года не уплаченъ оброкъ, или „если оброчный владѣлецъ пользуется имѣніемъ хищнически или не выполняетъ существенныхъ постановленій договора“; и въ этихъ случаяхъ соблюдается то же правило о вознагражденіи владѣльца за постройки и сдѣланныя улучшения.

Къ вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи комиссія отвѣтала вполне разумно, ограничивъ свою задачу „упорядоченіемъ существующихъ правилъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и внесеніемъ въ эти правила частичныхъ улучшеній по указаніямъ судебной практики и опыта“. Эта часть проекта разработана обстоятельно, съ надлежащимъ безпристрастіемъ, которое приходится особенно цѣнить при господствующемъ нынѣ непріязненномъ отношеніи къ поземельной общинѣ.

Громадный трудъ, исполненный комиссіею, заслуживаетъ сочувственнаго вниманія не только какъ законодательная работа, но и какъ крупный вкладъ въ нашу небогатую идеями и склонную къ безцѣльной схоластикѣ юридическую литературу. Теоретическій характеръ работы связывается во многихъ постановленіяхъ проекта и въ самой ихъ редакціи, не всегда ясной и общедоступной. Не всякій пойметъ смыслъ „пользовладѣнія правами“, или правила, что „одно и то же имущество можетъ быть

въ самостоятельномъ владѣннн одного лица и вмѣстѣ съ тѣмъ въ производномъ владѣннн другого лица "... „Сервитутъ есть такое право въ чужомъ имѣннн, которое налагаетъ на собственника этого имѣннн обязанность что-либо терпѣть (?) или чего-либо не дѣлать", — опредѣленнн, едва ли соответствующее понятнн о сервитутѣ: оно можетъ даже напугать собственниковъ, выставлнн на первый планъ ихъ обязанность „терпѣть". Эти и подобные ихъ недостатки или недосмотры будутъ вѣроятно исправлены при окончательномъ разсмотрѣннн проекта въ законодательномъ порядкѣ; позволительно надѣяться, что подвергнутся измѣненнн и тѣ принципиальныя стороны и особенности „вотчиннаго права", которыя указаны выше.

Л. Слонимскнн.

НОВЫЙ ТРУДЪ

0

ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЪ.

— Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ (1898—1902).
П. П. Мигулина. Харьковъ. 1902.

Реформа денежнаго обращенія въ Россіи долго будетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, не только какъ историческій фактъ, но и какъ живое явленіе текущей жизни,—потому что, несмотря на ея внѣшнюю законченность, металлическое обращеніе далеко еще нельзя признать прочно у насъ укоренившимся, и заботы о его поддержаніи составляютъ наиболѣе видный мотивъ экономической политики финансоваго вѣдомства. Годъ назадъ, этому предмету посвящено было интересное изслѣдованіе П. Х. Шванебаха („Денежное преобразование и народное хозяйство“); въ настоящій моментъ передъ нами трудъ профессора харьковскаго университета, П. П. Мигулина, изданный подъ двумя заголовками: какъ одинъ изъ томовъ обширнаго изслѣдованія о русскомъ государственномъ кредитѣ и какъ самостоятельная работа, посвященная денежной реформѣ.

Два указанія изслѣдованія о восстановленіи металлическаго обращенія въ Россіи рѣзко отличаются одно отъ другого. П. Х. Шванебахъ слѣдитъ за экономической политикой мин. финансовъ,—и въ видѣ въ виду обезпеченіе предполагаемой реформы,—и ея вліяніемъ на народное хозяйство; П. П. Мигулинъ задался дѣлю выясненія внѣшней, технической стороны преобразования. Главный интересъ его книги поэтому заключается въ описаніи и критической оцѣнкѣ тѣхъ приѣмовъ, какіе употреблялись министерствомъ финансовъ, для

фиксация курса кредитнаго рубля, водворенія золота въ обращеніи и официалнаго возстановленія металлическаго обращенія при девальвированномъ рублѣ. Матеріалами же для такова описанія служили не только опубликованные документы, изслѣдованія и статьи, но и неизданныя дѣла министерства финансовъ, вслѣдствіе чего трудъ г. Мигулина вноситъ много новыхъ фактическихъ данныхъ въ вопросъ о ходѣ дѣла возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи. Въ нижеслѣдующемъ мы воспользуемся его трудомъ для того, чтобы напомнить читателю главные моменты этого дѣла и дополнить ихъ новыми, сообщаемыми авторомъ, свѣдѣніями.

Долгое время предполагалось возможнымъ возстановить у насъ металлическое обращеніе не иначе, какъ послѣ доведенія кредитнаго рубля до его нарицательной стоимости; а такъ какъ упадокъ его цѣны приписывался неуравновѣшенному выпуску бумажныхъ денегъ, то погашеніемъ части обращающихся кредитокъ и открывалась обыкновенно кампанія противъ бумажнаго денежнаго обращенія. Г. Мигулинъ возражаетъ противъ такого воззрѣнія на предметъ. Разстройство у насъ денежнаго обращенія—говоритъ онъ—было обусловлено не чрезмѣрнымъ, будто бы, выпускомъ кредитокъ, а „ликвидацией старыхъ банковыхъ установленій, неудачнымъ возобновленіемъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и огромнымъ отливомъ нашихъ путешественниковъ за границу, вслѣдствіе предоставленной имъ въ 1856 г. на этотъ счетъ полной свободы. Эти причины уничтожили благоприятный для насъ расчетный балансъ, бросили на заграничный рынокъ массу нашихъ кредитныхъ билетовъ и истощили размѣнный фондъ“ (стр. 3). Борьба съ этимъ зломъ—по его мнѣнію—должна быть повсюду направлена совсѣмъ не въ ту сторону, какъ предполагалось. Нужно было заботиться о достиженіи выгоднаго баланса и разрѣшеніемъ сделокъ на металлическую валюту воспрепятствовать дальнѣйшему отливу золота, стремившагося за границу потому что—при существованіи закона о равноцѣнности кредитныхъ и металлическихъ денегъ—„никто не хотѣлъ платить болѣе дорогими деньгами, когда можно было платить дешевыми“. Эту послѣднюю мѣру финансовое вѣдомство пыталось примѣнять, однако, лишь послѣ неудачи попытокъ возстановить металлическое обращеніе путемъ извлеченія излишнихъ, по его мнѣнію, билетовъ.

Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что обстоятельства, какъ извѣстно, не давали правительству возможности извлечь изъ обращенія такое количество кредитокъ, чтобы можно было провѣрить господствовавшую теорію о причинахъ низкаго курса бумажнаго рубля и за мѣтно повысить (если теорія вѣрна) этотъ курсъ. Оставалось поэтому или примириться надолго съ чисто бумажнымъ обращеніемъ, или прѣ-

таться водворить въ странѣ золото, несмотря на низкій курсъ рубля, допустивъ совершеніе сдѣлокъ въ золотой валютѣ по курсу дня. Финансовое вѣдомство и приходило обыкновенно къ такому рѣшенію, но предположенія объ этомъ Рейтерна, Бунге и Вышнеградскаго разбивались о сопротивление государственнаго совѣта, находившаго, что обращеніе правительства къ этому средству равносильно официалъному признанію девальваціи кредитнаго рубля, чего государственный совѣтъ не считалъ возможнымъ допустить и по принципиальнымъ основаніямъ, и въ виду неблагоприятнаго впечатлѣнія, какое эта мѣра произведетъ на общество. У министерства финансовъ не оставалось послѣ того никакихъ другихъ специальныхъ средствъ для исправленія денежнаго обращенія, кромѣ подготовительной мѣры—накопленія золотого размѣннаго фонда путемъ покупки золота и внѣшнихъ займовъ.

И предполагавшееся допущеніе сдѣлокъ на золото, и образованіе размѣннаго фонда не обезпечивали, однако, доставленія того условія, которое считалось *sine qua non* для возстановленія размѣна: доведенія цѣны кредитнаго рубля до паритета. А такъ какъ въ распоряженіи правительства не находилось никакихъ средствъ болѣе или менѣе быстро достиженія этой цѣли и такъ какъ къ пониженной цѣнности кредитнаго рубля съ теченіемъ времени приспосаблились всѣ наши внутреннія отношенія, то руководители финансовъ чаще и чаще стали приходить къ заключенію, что поднятіе курса рубля до нарицательной его стоимости не составляетъ необходимаго условія возстановленія металлическаго обращенія, что доведеніе цѣны кредитнаго рубля до золотого—при существующихъ условіяхъ—будетъ даже скорѣе вредно, чѣмъ полезно, потому что опять поведетъ къ необходимости переоцѣнить всѣ наши цѣнности, не говоря уже о послѣдующемъ за нимъ ухудшеніи расчетнаго баланса, какъ слѣдствіи сокращенія вывоза, увеличенія ввоза и усиленнаго отлива за границу русскихъ путешественниковъ. При такомъ взглядѣ на предметъ, специальныя (не говоря объ экономической и финансовой политикѣ государства, насколько таковая опредѣлялась интересами возстановленія металлическаго обращенія) мѣры для возстановленія металлическаго обращенія должны были заключаться въ накопленіи размѣннаго фонда, упроченіи курса кредитнаго рубля на опредѣленномъ отношеніи къ рублю золотому и открытіи затѣмъ размѣна по этой пониженной цѣнѣ бумажныхъ денегъ. Въ этомъ направленіи, собственно говоря, и совершались подготовительныя операціи къ возстановленію металлическаго обращенія. О накопленіи золотого фонда заботились всѣ наши министры. Поддержаніе курса кредитнаго рубля составляло предметъ желаній и Рейтерна, и Бунге, но борьба съ его колебаніями была столь малоуспѣшна, что и тотъ, и другой, въ концѣ концовъ, совершенно отчаялись

даже въ возможности подобной борьбы съ надеждой на успѣхъ, и от нея отказались" (стр. 19). Вышнеградскій занятъ былъ по преимуществу накопленіемъ золотого фонда и этой цѣли жертвовалъ устойчивостью курса кредитнаго рубля, повышая или понижая его, смотря по тому, какъ это было выгодно и финансовому вѣдомству (покупавшему золото), и нашей внѣшней торговлѣ, и только при нынѣшнемъ министрѣ финансовъ,—получившемъ отъ предшественниковъ солидный запасъ золота,—приняты были систематическія мѣры къ упроченію курса кредитовъ.

Управленіе финансами Вышнеградскаго завершилось грандіознымъ и вполне достойнымъ его экономической и финансовой политики годомъ 1891—1892 гт., во-очію показавшимъ всѣмъ невѣрующимъ упадокъ благосостоянія и народнаго хозяйства въ цѣлой трети Россіи. Быть можетъ, подъ влияніемъ этого указанія преемникъ Вышнеградскаго въ первое время своего управленія какъ бы отказался отъ мысли о восстановленіи металлическаго обращенія и выказалъ намѣреніе идти по пути содѣйствія поднятію промышленности страны, приступивъ къ преобразованію государственнаго банка и сооруженію сибирской желѣзной дороги; средства же для усиленной дѣятельности банка и для выполнения указаннаго сооруженія предполагалось получить путемъ выпуска особыхъ банкнотъ и бумажныхъ денегъ, что, конечно, очень мало вязалось съ задачей восстановленія металлическаго обращенія. Эти мѣры, однако, не были приведены въ исполненіе, а черезъ два съ небольшимъ года взгляды министра измѣнились и онъ быстро и рѣшительно двинулся по пути водворенія металлическаго обращенія.

Этотъ первый періодъ исторіи настоящаго управленія финансами г. Мигулинъ объясняетъ неизбежнымъ колебаніемъ министра финансовъ, „какой ему держаться политики“, обусловленнымъ „противорѣчивыми и неустойчивыми взглядами на вопросы денежнаго обращенія, какъ въ нашей литературѣ, такъ и въ административныхъ сферахъ“ (стр. 15—16). Объясненіе это можно признать вѣроятнымъ лишь на половину. Очень можетъ быть, что успѣшные результаты принятыхъ мѣръ для упроченія — въ интересахъ промышленности и торговли — курса кредитнаго рубля навели министра финансовъ на мысль, что водвореніе металлическаго обращенія на почвѣ девальвированнаго рубля—не такая уже отдаленная задача, какъ предполагалось раньше. Но рѣшительный приступъ къ денежной реформѣ имѣеть и другую, уже постороннюю причину, на которую и указывалось въ литературѣ (Шванебахъ, Ходскій). Министерство финансовъ начало принимать дѣятельное участіе въ экономической жизни страны и не только въ качествѣ государственнаго ея регулятора, но и въ роли предпринимателя и торговца. Достаточно указать на винную моно-

лолю, на развитіе казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства и на участіе правительства въ поддержаніи цѣны хлѣба черезъ покупку его для образованія государственныхъ продовольственныхъ запасовъ—чтобы устранить всякія на этотъ счетъ сомнѣнія. Это направленіе дѣятельности министерства требовало большого оборотнаго капитала, и хотя казна владѣла крупными суммами казначейской наличности, но послѣднія заключались по преимуществу въ золотомъ запасѣ, а золото обращенія въ странѣ не имѣло. Нужно было поэтому или продать золото, съ такимъ трудомъ собранное прежними министрами, или отказаться отъ расширенія казеннаго хозяйства, или принять мѣры къ тому, чтобы золото обращалось въ странѣ на ряду съ бумажками. Министръ финансовъ остановился на послѣднемъ рѣшеніи; но хотя г. Мигулинъ и указываетъ на этотъ мотивъ денежной реформы, но представляетъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто бы онъ заключался лишь въ желаніи избѣжать необходимости прибѣгать къ временнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ (подъ обезпеченіе золотомъ рубль за рубль) для промыванія текущихъ расходовъ обыкновеннаго характера (покрываемыхъ государственными доходами), и ничего не говоритъ о широкихъ затѣяхъ промышленно-торговаго характера (стр. 52—53).

Такъ это, однако, или иначе, но въ 1895 г. принимается рядъ мѣръ по преобразованію денежнаго обращенія, исходной точкой которыхъ служило достигнутое въ теченіе предшествующихъ трехъ лѣтъ упроченіе курса кредитнаго рубля. Эта послѣдняя цѣль достигнута была путемъ двоякаго рода мѣръ: борьбою съ иностранной спекуляціей съ русскимъ кредитнымъ рублемъ и систематической покупкой и продажей казною золотыхъ траттъ (обязательствъ иностранныхъ покупателей русскихъ товаровъ уплатить условленную сумму въ металлической валютѣ), которыми производилась также расплата и за привозимые въ Россію товары. Въ зависимости отъ того, преобладало ли на рынкѣ предложеніе траттъ (ограничиваемое размѣрами вывоза), или спросъ на нихъ (обусловливаемый суммою ввоза)—курсъ кредитнаго рубля поднимался или падалъ. Но еслибы существовалъ аппаратъ, снабжающій рынокъ золотыми траттами въ размѣрѣ дѣйствительнаго на нихъ требованія—указанная причина колебанія бумажнаго рубля устранилась бы и курсъ его приобрѣлъ бы нѣкоторую устойчивость. Такой аппаратъ и былъ устроенъ вышнимъ министромъ финансовъ. Правда, покупка траттъ производилась въ широкихъ размѣрахъ при Вышнеградскомъ, но она имѣла цѣлью приобрѣтеніе золота. При нынѣшнемъ же министрѣ приобрѣтеніе государственнымъ банкомъ траттъ, когда онѣ были на рынкѣ въ излишкѣ, и продажа ихъ или аналогичныхъ имъ банковыхъ векселей на иностранныхъ своихъ корреспон-

дентовъ—при усиленномъ требованіи на нихъ со стороны импортеровъ—удерживало курсъ кредитнаго рубля на опредѣленномъ уровнѣ.

Изъ числа тѣхъ и другихъ мѣръ для устраненія колебаній курса г. Шванебахъ считаетъ дѣйствительной лишь операцію продажи и покупки траттъ; но г. Мигулинъ важное значеніе приписываетъ и обузданію спекуляціи, и ставитъ его даже „въ величайшую заслугу нынѣшняго министра“ (стр. 48).

Упроченіе опредѣленнаго курса кредитнаго рубля предпринято было въ цѣляхъ общеэкономическихъ; но когда эта задача (въ 1893—1894 гг.) была удачно выполнена—министерство финансовъ воспользовалось даннымъ положеніемъ, какъ исходной точкой для восстановленія металлическаго обращенія. „Упроченный курсъ кредитнаго рубля позволялъ надѣяться на притокъ къ намъ въ случаѣ выгодныхъ для насъ расчетныхъ балансовъ золотой монеты, еслибы сдѣлки на такую были разрѣшены. Поэтому министръ финансовъ, въ мартѣ 1895 г., внесъ въ государственный совѣтъ представленіе о разрѣшеніи сдѣлокъ на золотую валюту въ цѣляхъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ, приданія нашей денежной системѣ извѣстной эластичности и подготовки въ будущемъ развѣта бумажныхъ денегъ“. Входя съ этимъ представленіемъ, министръ финансовъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что мѣра эта никоимъ образомъ не предрѣшаетъ вопроса объ утвержденіи золотого обращенія, которое онъ находилъ преждевременнымъ и требующимъ „для успѣха своего осуществленія многихъ подготовительныхъ мѣропріятій и сочетанія благоприятныхъ условій“, въ томъ числѣ—такого прочнаго экономическаго положенія, „чтобы случайное неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ не могло его пошатнуть“. „Восстановленіе въ будущемъ металлическаго обращенія,—говорилъ министръ финансовъ,—немыслимо безъ того, чтобы золото было не только накоплено въ государственной казнѣ, но и получило распространеніе въ частныхъ оборотахъ“. Предлагаемая имъ мѣра и должна была служить этой послѣдней цѣли (стр. 49). Ознакомленіе г. Мигулина съ подлинными дѣлами по этому предмету показало, что это заявленіе министра финансовъ сдѣлано имъ, несмотря на то, что вопросъ о восстановленіи металлическаго обращенія рѣшенъ былъ безповоротно и поставленъ на ближайшую очередь. Внося, годъ спустя, въ государственный совѣтъ проектъ этого восстановленія, министръ финансовъ „отказался отъ вышеприведенныхъ словъ своего представленія, сказавъ, что ихъ писалъ не онъ, а его чиновники, и что министръ отвѣтственъ лишь за предлагаемую мѣру, но никакъ не за всѣ соображенія, помѣщаемыя въ подписываемыхъ имъ представленіяхъ (стр. 50). Проф. Мигулинъ считаетъ употребленный приемъ сокрытія передъ государственнымъ совѣтомъ настоящей цѣли предла-

гаемаго мѣропріятія „неизбѣжнымъ“ — „въ виду прежняго троескратнаго противодѣйствія государственнаго совѣта въ дѣлѣ разрѣшенія сдѣлокъ на золотую валюту“, изъ опасенія, „что предлагаемая мѣра есть переходная къ восстановленію размѣна кредитныхъ билетовъ на золото не по нарицательной ихъ цѣнѣ (какъ это и было на самомъ дѣлѣ). Что же оставалось министру финансовъ, какъ не увѣрять, что вопросъ о размѣнѣ имъ еще окончательно не рѣшенъ?“ (стр. 50).

Любопытно, что, одобряя сокрытіе отъ высшаго законодательнаго учрежденія настоящихъ мотивовъ проекта о разрѣшеніи сдѣлокъ на золотую валюту, потому что безъ такого сокрытія проектъ не получилъ бы одобренія государственнаго совѣта, г. Мигулинъ въ то же время находить, что получившая этимъ путемъ силу закона мѣра являлась въ данный моментъ излишнею, и что для восстановленія размѣна правительство имѣло достаточный запасъ золота и „не нуждалось въ предварительномъ притокаѣ золота вслѣдствіе разрѣшенія заключать сдѣлки на золотую валюту“. Но если такъ, то „изъ-за чего же хлопоталъ министръ финансовъ и для чего проводилъ этотъ законъ?“ — спрашиваетъ авторъ (стр. 52). Отвѣтъ на вопросъ г. Мигулинъ находить въ недостаткѣ у казны кредитныхъ денегъ для текущихъ расходовъ и въ невозможности для производства послѣднихъ пользоваться золотымъ запасомъ, такъ какъ золото въ странѣ не обращалось. Не желая обращаться для пріобрѣтенія бумажекъ къ займамъ или къ временному выпуску кредитовъ, министерство финансовъ рѣшило ввести золото въ обращеніе; такъ какъ государственный совѣтъ не согласился бы сдѣлать это путемъ восстановленія металлическаго обращенія съ пониженной цѣнностью рубля, то министръ остановился на мѣрѣ допущенія сдѣлокъ на золото. Мотивы эти были, конечно, также скрыты отъ государственнаго совѣта; но послѣдній точно догадывался о намѣреніи министерства и какъ будто бы нарочно принималъ мѣры къ тому, чтобы помѣшать ихъ осуществленію. „Слѣдуетъ вовсе отказаться отъ разрѣшенія казнѣ производства платежей золотой монетою — говорится въ журналѣ государственнаго совѣта по этому вопросу, — дабы устранить всякую возможность предположенія, будто правительство воспользуется этимъ правомъ для исполненія своихъ обязательствъ по назначенному имъ самимъ невыгодному для кредиторовъ курсу“ (стр. 50). Тѣмъ не менѣе, главному и шестнадцати мѣстнымъ казначействамъ министръ финансовъ разрѣшилъ „выдавать кредиторамъ казны, въ случаѣ ихъ на то согласія, часть слѣдующихъ изъ казны денегъ золотомъ монетою“; а „нѣкоторые, не въ мѣру ретивые чиновники, — говоритъ г. Мигулинъ, — видя нежеланіе публики брать золото добровольно, разными способами стали *вынуждать* это „добровольное“ согласіе“. Трудно, однако, предположить, чтобы на настоя-

чивыя дѣйствія въ этомъ смыслѣ низшая финансовая администрація рѣшилась, не имѣя одобренія высшей. Такъ ли, однако, или иначе, но нерасположеніе публики къ золоту было настолько велико, что мѣры министерства финансовъ по водворенію его въ обращеніе—безъ помощи вышеупомянутыхъ пріемовъ—грозили обратиться въ ничто, а примѣненіе названныхъ средствъ вызывало не только недовольство, но и „негодование со стороны общества“ (стр. 56). „Необходимо было сдѣлать съ реформой денежнаго обращенія“,—заключаетъ по этому поводу г. Мигулинъ,—и министерство финансовъ усиленно занялось разработкой плана реформы.

„Первый вопросъ, который предстояло рѣшать, былъ вопросъ, построить ли новую денежную систему на серебрѣ, золотѣ или на обоихъ металахъ, и если на обоихъ, то въ какомъ отношеніи. Второй вопросъ, зависящій отъ перваго: въ какомъ отношеніи и на какой металлъ восстановить размѣнъ кредитныхъ билетовъ. Третій вопросъ касается техническихъ сторонъ предпринимаемой операціи. Четвертый вопросъ: какъ въ будущемъ организовать эмиссионную операцію и какъ измѣнить, сообразно съ тѣмъ, уставъ государственнаго банка? Наконецъ, пятый вопросъ: своевременна ли затѣваемая реформа, т.-е., созданы ли уже такія условія, при которыхъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ и металлическое денежное обращеніе настолько обезпечены, что, при нормальныхъ условіяхъ экономической жизни, имъ не грозитъ никакая опасность“. Въ обществѣ, какъ извѣстно, господствовало мнѣніе, что девальвація кредитнаго рубля нарушаетъ права держателей послѣднихъ, такъ какъ бумажныя деньги есть долгъ государства, который оно обязано уплатить золотомъ. Въ виду этого, 6 октября 1895 г., Высочайше учреждена была коммиссія специалистовъ (членами которой состояли, между прочимъ, бывшій профессоръ кіевскаго университета П. П. Цитовичъ, проф. петербургскаго университета И. И. Кауфманъ, докторъ уголовного права Н. А. Неклюдовъ, извѣстный юристъ А. Л. Боровиковскій) для разъясненія вопроса—какой монетой,—золотой или серебряной (тогда обезцѣненной),—по дѣйствующимъ законоположеніямъ—правительство обязано оплачивать кредитные билеты.

На ряду съ этими подготовительными мѣрами по проведенію реформы, министерство финансовъ приняло и рядъ мѣръ дальнѣйшаго практическаго развитія послѣдней: было объявлено о пріемѣ золотой монеты во всѣ казенные платежи; курсъ кредитнаго рубля былъ внезапно фиксированъ на 67% его нарицательной цѣны (по какому курсу предположено произвести девальвацію); усиленъ размѣнный фондъ. „Планъ денежной реформы,—говоритъ по поводу всѣхъ этихъ мѣръ г. Мигулинъ,—былъ такимъ образомъ выработанъ и въ общихъ чертахъ

официально сообщенъ" (стр. 64), а 6 марта 1896 г. въ комитетъ финансовъ былъ внесенъ и весь проектъ „исправленія денежнаго обращенія“. Проектъ этотъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе и вызвалъ оживленную полемику—устную (въ вольно-экономическомъ обществѣ), письменную (въ формѣ записокъ) и печатную. Комитетъ финансовъ (въ составѣ девяти членовъ: великаго князя Константина Константиновича, Д. М. Сольскаго, М. Каханова, М. Н. Островскаго, В. М. Маркуса, Т. И. Филиппова, Ѳ. Г. Тернера, С. Ю. Витте и А. Н. Иващенко, и при участіи бывшаго предсѣдателя комиссіи 6 октября, сенатора Голубева) посвятилъ обсужденію проекта пять засѣданій и одобрилъ его, внося нѣкоторыя поправки. „Съ такого рода измѣненіями проектъ Высочайшаго указа и правила исправленія денежнаго обращенія поднесены были Государю Императору, которому благоугодно было собственноручно на подлинномъ начертать (14 апр. 1896 г.): „Внести въ Государственный Совѣтъ“ (стр. 125).

Такимъ образомъ, вопросъ о восстановленіи металлическаго обращенія съ девальвацией кредитнаго рубля поступилъ на обсужденіе законодательнаго учрежденія, всегда бывшаго противникомъ послѣдней мѣры. Отрывая первое засѣданіе государственнаго совѣта, предсѣдатель его, Д. М. Сольскій, сдѣлавъ краткій очеркъ исторіи вопроса о денежномъ обращеніи въ Россіи, высказался лично за реформу и въ заключеніе добавилъ, что „всѣ высказанныя до сего времени возраженія и сомнѣнія не поколебали его мнѣнія по этому вопросу; напротивъ того, пройдя черезъ такой искусь, оно еще болѣе укрѣпилось. Теперь, дойдя до государственнаго совѣта, дѣло будетъ разъяснено и рѣшено окончательно. Слѣдуетъ заключеніемъ—въ виду важности предположенныхъ мѣръ—не желательно; весьма полезно будетъ посвятить два-три засѣданія предварительному обмѣну мнѣній, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе лѣтняго времени зрѣло обдумать дѣло и собрать могущія потребоваться дополнительныя свѣдѣнія и справки. Такимъ образомъ, гг. члены будутъ поставлены въ возможность осенью высказать свое окончательное сужденіе—заключеніе по настоящему важному дѣлу, по тщательномъ и всестороннемъ его соображеніи“ (стр. 134).

Въ вступительной рѣчи министра финансовъ было указано на затрудненія, испытываемыя нашей развивающеюся промышленностью и торговлей вслѣдствіе неподвижнаго состоянія количества денежныхъ знаковъ, какъ слѣдствія обезцѣненія кредитнаго рубля. „Ежегодно осенью ощущается особенно сильное безденежье, отчего государственный банкъ ограждаетъ свою кассу повышеніемъ учетнаго процента, но пользы отъ этого нѣтъ, ибо къ намъ не могутъ,—какъ въ другихъ странахъ, гдѣ господствуетъ правильная валюта,—притечь деньги

извѣтъ, и торговля и промышленность наши становятся въ совершенно безвыходное положеніе. Положеніе министра финансовъ также очень трудное, ибо къ нему обращены всѣ нареканія, вызываемыя такими ненормальными порядками. Выхода изъ него два: или возстановить металлическое денежное обращеніе, или обратиться къ увеличенію кредитныхъ билетовъ; ибо оставлять дагѣ Россію въ томъ же положеніи, при коемъ ея денежное обращеніе не можетъ увеличиться, было бы равносильно заключенію ребенка въ футляръ съ цѣлью помѣшать его росту. Ни одинъ министръ финансовъ не выдержитъ долго нынѣшняго положенія и прибѣгнетъ въ концѣ концовъ къ новому выпуску бумажныхъ денегъ“. „Въ заключеніе своей рѣчи министръ финансовъ сказалъ, что для него всего важнѣе, чтобы государственный совѣтъ указалъ цѣль, къ которой въ будущемъ слѣдуетъ стремиться. Въ противномъ случаѣ министръ финансовъ будетъ въ полной неопредѣленности относительно дальнѣйшаго направленія этого вопроса. Но лично онъ будетъ скорѣе радоваться отрицательному рѣшенію по настоящему дѣлу. При утвержденіи проекта на министра финансовъ, какъ на инициатора реформы, будутъ направлены всѣ обвиненія, если нѣкоторыя ея стороны покажутся неудобными. Если же, наоборотъ, проектъ не будетъ принятъ и придется силою вещей обратиться къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, то положеніе министра финансовъ будетъ гораздо легче. Выпускъ даже 300—400 милл. руб. новыхъ бумажекъ не сразу уронитъ курсъ, а между тѣмъ учетный процентъ будетъ низокъ, избытокъ денегъ вызоветъ новыя предпріятія, всѣ сдѣлки будутъ совершаться легко. Отрезываться придется потомъ, можетъ быть лишь черезъ 10 лѣтъ, и нареканія, неизбежныя при окончательномъ обезцѣненіи бумажныхъ денегъ, будутъ обращаться уже не къ нынѣшнимъ финансовымъ дѣятелямъ, на долю коихъ достанутся однѣ похвалы за оживленіе торговли и промышленности“ (стр. 136).

„Такимъ образомъ, — замѣчаетъ проф. Мигулинъ, — министръ финансовъ ставилъ дѣло утвержденія его проекта на новую почву, грозя, въ случаѣ его непріятія, новыми выпусками бумажекъ. Конечно, такая постановка вопроса не могла не вызвать возраженій“. Возраженія же заключались въ указаніи преувеличеній министромъ финансовъ степени нужды въ денежныхъ знакахъ и на наличность въ его рукахъ удобнаго средства удовлетворенія этой нужды безъ наводненія страны новыми неразмѣнными кредитками. Средство это заключалось во временномъ выпускѣ бумажекъ подъ обезпеченіе ихъ золотомъ, съ изытіемъ ихъ изъ обращенія по минованіи въ нихъ надобности. Что же касается возраженій въ государственномъ совѣтѣ на

существо проекта министра финансовъ, мы здѣсь остановимся на немногихъ пунктахъ.

„Законодательное закрѣпленіе за кредитнымъ рублемъ существующей цѣны на золото (66²/₃ коп. золотомъ) есть мѣра насильственная, несправедливая и несоотвѣтствующая достоинству государственной валюты“,—говорили противники реформы. Членъ государственнаго совѣта Д. Г. фонъ-Дервизъ назвалъ эту мѣру даже злостнымъ банкротствомъ, „въ виду того, что министръ финансовъ указывалъ на блестящее экономическое и финансовое положеніе Россіи, при которомъ производить частичное государственное банкротство, коимъ девальвация, несомнѣнно, представляется, было бы, конечно, невозможнѣнно“ (стр. 138). Впрочемъ, съ этой мѣрой можно бы было еще примириться, „какъ съ горькой необходимостью“, еслибы была увѣренность въ тѣхъ ея результатахъ, на какіе рассчитываетъ министръ финансовъ. Но въ прочностъ разнѣна вѣрили только два высказавшихся члена государственнаго совѣта: Д. М. Сольскій и Э. Г. Тернеръ; прочіе же ораторы находили его крайне сомнительнымъ. „На первыхъ порахъ,—заявлялъ Н. В. Шидловскій,—реформа, безъ сомнѣнія, подниметъ нашъ заграничный кредитъ и облегчитъ заключеніе займовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, на промышленныя предпріятія и т. п. Поступающее этимъ путемъ золото будетъ пополнять отливъ послѣдняго по расчетному балансу, и можетъ казаться, что реформа удалась. Такъ было сначала и въ Итали. Но по мѣрѣ того, какъ станетъ обостряться угрожающій земледѣлю кризисъ, вызываемое имъ ухудшеніе расчетнаго баланса начнетъ требовать все больше золота для заграничныхъ платежей, что постепенно поколеблетъ довѣріе и совертитъ приливы къ намъ иностранныхъ капиталовъ. Начнутъ обнаруживаться затрудненія въ размѣнѣ, и, чтобы поддерживать его, придется дѣлать на обременительныхъ условіяхъ спеціальныя займы для пополненія убывающаго фонда. Проценты же по этимъ займамъ будутъ требовать установленія новыхъ налоговъ. Простекающія отсюда тягости могутъ, наконецъ, оказаться непосильными, и тогда останется одно средство предупредить совершенную потерю съ огромными усиліями собраннаго фонда—придется приостановить размѣнъ и вернуться вновь къ кредитному обращенію—быть можетъ, болѣе разстроеному, чѣмъ теперешнее“. „Проектированная мѣра не имѣетъ твердаго фундамента,—высказался Д. Г. фонъ-Дервизъ.—Нѣтъ повода для отступленія отъ прежней твердой и осторожной политики, которая спокойно и съ должной постепенностью стремилась къ подъему народнаго благосостоянія и къ восстановленію металлическаго обращенія на прочныхъ основаніяхъ. Настоящій проектъ можно сравнить съ фейерверкомъ, который быстро вспыхиваетъ и такъ же быстро гаснетъ“ (стр. 139).

Лѣтомъ 1896 г. „министерство финансовъ не останавливало своихъ работъ по проведенію реформы ни на минуту“. Составлены были возраженія на замѣчанія, высказанныя въ государственномъ совѣтѣ, произведено нѣсколько крупныхъ работъ для разъясненія различныхъ спорныхъ вопросовъ (о нашемъ торговомъ балансѣ, расчетномъ балансѣ и др.); „для подкрѣпленія себя заграничными авторитетами, было рѣшено обратиться съ запросами по поводу предпринимаемой реформы къ Ад. Вагнеру, В. Лексису, Гошену и даже къ маститому Гладстону“; составлено сообщеніе объ обращеніи кредитныхъ билетовъ и о текущемъ долгѣ для заграничной прессы; явилась оффиціальная защита проекта министра финансовъ въ книгѣ ученаго секретаря министерства, А. Н. Гурьева („Реформа денежнаго обращенія“). Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались и практическія мѣры для дальнѣйшаго осуществленія реформы: заключенъ былъ заемъ для усиленія разнѣннаго фонда, курсъ кредитнаго рубля въ 7 руб. 50 коп. за 5 рублей золотомъ закрѣпленъ былъ на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, министерство финансовъ изображало въ это время какъ бы два лица: одинъ, заботящійся о томъ, чтобы проектъ денежной реформы провести цѣликомъ чрезъ государственный совѣтъ; другой, принимающій мѣры осуществленія реформы отдѣльными Высочайшими повелѣніями. Во вторую половину 1896 г., когда отрицательное отношеніе государственнаго совѣта къ проекту выразилось съ новой силой, второй ликъ проявилъ особую дѣятельность. Въ декабрѣ министръ внесъ въ комитетъ финансовъ представленіе о необходимости чеканки золотой монеты съ надписью (7 руб. 50 коп.), соответствующею закрѣпленному курсу кредитнаго рубля, указывая при этомъ „на неподготовленность членовъ государственнаго совѣта къ обсужденію денежной реформы, вслѣдствіе отсутствія опыта относительно металлическаго денежнаго обращенія и незнакомства съ его техникой“ (стр. 170). А въ Высочайшемъ указѣ (3 января 1897 г.), относящемся къ этому предмету, принятіе данной мѣры до окончанія разсмотрѣнія проекта реформы въ государственномъ совѣтѣ мотивировалось необходимостью „устраненія поводовъ къ сомнѣніямъ, порождаемымъ въ населеніи несоответствіемъ нарицательнаго достоинства золотой монеты и ея цѣной, опредѣленной для обмѣна на кредитные билеты“. Высочайшимъ указомъ 1897 г. опредѣленъ порядокъ выпуска кредитныхъ билетовъ, а 14 ноября 1897 г. Высочайше повелѣно отчеканить и пустить въ обращеніе пятирублевую золотую монету и сдѣлать на кредитныхъ билетахъ слѣдующую надпись: „Государственный банкъ разнѣниваетъ кредитные билеты на золотую монету безъ ограниченія суммы (1 руб. = $\frac{1}{15}$ имперіала, содержитъ 17,424 доли чистаго золота)“.

Словомъ, всѣ вопросы, входившіе въ составъ проекта, внесеннаго на

разсмотрѣніе государственнаго совѣта, получили опредѣленное законодательное разрѣшеніе, и дальнѣйшее обсужденіе проекта въ государственномъ совѣтѣ становилось излишнимъ.

Такова была процедура возстановленія металлическаго обращенія вынужденнымъ министромъ финансовъ. Исслѣдованіе проф. Митулина слѣдить и за дальнѣйшими мѣрами финансоваго вѣдомства, имѣющими въ виду поддержаніе этого обращенія. При весьма высокомъ мнѣніи автора о талантахъ, способностяхъ и просвѣщенности министра финансовъ, и несмотря на пристрастную во многихъ случаяхъ окраску принимаемыхъ имъ мѣръ,—трудъ г. Митулина, тѣмъ не менѣе, заключаетъ много данныхъ и соображеній для правильной оцѣнки дѣятельности министерства, хотя бы таковая и не всегда была въ пользу послѣдняго. Въ настоящей замѣткѣ, однако, мы не имѣемъ въ виду касаться дальнѣйшихъ моментовъ денежной реформы.

В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1902.

Продолженіе занятій уѣздныхъ комитетовъ.—Роль правительства, земства и городовъ въ области охраненія народнаго здравія.—Недомыи земскихъ сборовъ.—Примѣненіе временныхъ правилъ о народномъ продовольствіи.—Земскіе члены училищныхъ совѣтовъ.—Новый газетный походъ противъ земства.—Инцидентъ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.—Участіе членовъ губернской земской управы въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ.

Появляющіяся въ печати свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ продолжаютъ представлять много замѣчательнаго и, болѣею частью, отраднаго. Чернскій комитетъ, съ своимъ извѣстнымъ предсѣдателемъ и своими удивительными постановленіями, остается пока единственнымъ въ своемъ родѣ. И въ другихъ мѣстахъ появляются, отъ времени до времени, предложенія, отмѣченныя печатью крѣпостничества—но они идутъ отъ отдѣльныхъ лицъ и отклоняются большинствомъ комитета. Такъ напр., въ тираспольскомъ комитетѣ одинъ изъ членовъ, выразивъ сочувствіе волостнымъ судамъ, назначающимъ тѣлесное наказаніе за захватъ земли и за кражу хлѣба, рекомендовалъ ходатайствовать о томъ, чтобы достаточнымъ доказательствомъ такихъ проступковъ было признаваемо заявленіе потерпѣвшаго—но вызвалъ этимъ только общій хохотъ присутствовавшихъ. На первый планъ въ заключеніяхъ комитетовъ по прежнему выступаютъ указанія на улучшеніе правового положенія крестьянъ и на распространеніе образованія, какъ на необходимыя условія сельско-хозяйственнаго прогресса. На этихъ пунктахъ сходятся между собою самыя различныя мѣстности имперіи: Вологда и Черниговъ, Борисоглѣбскъ и Елизаветградъ, Горбатовъ и Клишиневъ, Городня и Балахна, Елифанъ и Таганрогъ. За широкія мѣры на пользу народной школы высказываются даже комитеты, не выходящіе изъ сравнительно тѣснаго круга (напр. ябургскій, тираспольскій). Многіе комитеты обстоятельно мотивируютъ свои предложенія, составляютъ подробныя за-

писки, останавливаются и на отдѣльных, частных вопросахъ, важныхъ для данной мѣстности. Въ разныхъ формахъ проявляется мысль о созданіи на мѣстахъ новыхъ центровъ дѣятельности, которая сближала бы между собою всѣ классы населенія. Комитеты амбургскій, суджанскій, борисоглѣбскій, таганрогскій—стоятъ за мелкую земскую единицу; камышинскій комитетъ проектируетъ учрежденіе особыхъ сельскихъ совѣтовъ, въ которые могли бы быть приглашаемы, съ правомъ совѣщательнаго голоса, и постороннія сельскому обществу лица; въ новоторжскомъ комитетѣ заходила рѣчь объ устройствѣ періодическихъ волостныхъ совѣщаній по вопросамъ сельско-хозяйственной промышленности ¹⁾. Въ камышинскомъ комитетѣ подробно обсуждалось установленіе, рядомъ съ нынѣ существующими сельскими сходами, особыхъ „малыхъ сходовъ“, для болѣе скорого и правильнаго рѣшенія текущихъ дѣлъ. Детальная работа идетъ, сплошь и рядомъ, рука объ руку съ возбужденіемъ наиболѣе важныхъ общихъ вопросовъ. Такъ напримѣръ, суджанскій комитетъ—одинъ изъ тѣхъ, которые всего шире поняли свою задачу,—уже къ половинѣ сентября имѣлъ въ своемъ распоряженіи 23 доклада и до сорока записокъ (послѣднія—главнымъ образомъ отъ крестьянъ), а поступленіе новаго матеріала все еще не прекращалось. Доклады касались, между прочимъ, вліянія финансовой политики на сельское хозяйство, церковнаго прихода, организаціи юридической помощи населенію, реформы крестьянскаго суда, положенія крестьянскаго хозяйства въ связи съ лежащими на немъ платежами, питейной монополіи, абсентеизма, какъ неизбежнаго слѣдствія ненормальнаго положенія сельско-хозяйственной промышленности. Къ числу выдающихся трудовъ, вызванныхъ учрежденіемъ комитетовъ, принадлежитъ, повидимому, записка Н. А. Хомякова (бывшаго смоленскаго губернскаго предводителя дворянства, затѣмъ директора одного изъ департаментовъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ), внесенная въ сычевскій уѣздный комитетъ. Главная ея мысль заключается въ томъ, что до сихъ поръ нужды земледѣльческой Россіи находились въ полномъ пренебреженіи: въ разрѣзъ съ ними шли и желѣзнодорожные тарифы, и таможенная политика, и повышеніе налогового бремени, падающаго всей своей тя-

¹⁾ Особый подъемъ духа чувствуется въ предложеніи, направленномъ къ устройству подобныхъ совѣщаній. „Тотъ трепетъ народной жизни“—восклицаетъ авторъ предложенія,—„который ощущался присутствовавшими въ засѣданіи, когда крестьяне высказывали свои взгляды на формы землепользованія и другія стороны крестьянскаго быта, когда они страстно спорили между собою по этимъ вопросамъ и все же не могли высказать и меньшей части того, чѣмъ богѣетъ крестьянская душа, не указывая ли на необходимость—это временное и нѣсколько случайное совѣщаніе обратить въ урегулированное?“

жестью на сельское население, и казенная монополизация нѣкоторыхъ отраслей государственнаго хозяйства, и покровительство обрабатывающей промышленности въ ущербъ земледѣльческой, и *униженность общественной самодѣятельности*. Эта послѣдняя нота звучитъ почти всюду, звучитъ сильнѣе всѣхъ другихъ, прямо указывая на самое большое мѣсто русской государственной жизни.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ поставленъ на очередь пересмотръ правилъ, относящихся къ устройству врачебной и санитарной части. Правила эти, несомнѣнно устарѣвшія, не проводятъ точной демаркаціонной черты между задачами правительства съ одной стороны, земскихъ и городскихъ учреждений—съ другой. Участіе земства и городовъ въ охраненіи народнаго здоровья составляетъ, за немногими исключеніями, ихъ право, а не обязанность. Всегда возможно, поэтому, уклоненіе ихъ отъ заботы по улучшенію врачебнаго и санитарнаго дѣла. Противодѣйствовать такому уклоненію правительство можетъ только путемъ чрезвычайнымъ—признаемъ его нарушающимъ интересы государства или населенія. Не разграничены также сферы дѣятельности земствъ и городовъ, что съ особенною силою связывается во время распространенія эпидемическихъ болѣзней. Правильному разрѣшенію возникающихъ отсюда вопросовъ министерство придаетъ самое серьезное значеніе. Губернаторамъ поручено обсудить его, совмѣстно съ компетентными лицами, и представить министерству заключеніе свое, освѣщенное статистическими данными, къ началу 1903-го года. вмѣстѣ съ тѣмъ, губернаторамъ сообщены, не въ видѣ обязательныхъ указаній, а лишь для свѣдѣнія, нѣкоторыя соображенія, высказанныя въ особомъ образованномъ при министерствѣ совѣщаніи. Сущность этихъ соображеній заключается въ слѣдующемъ: организація врачебной помощи населенію и попеченіе о санитарномъ благоустройствѣ должны быть возложены, въ видѣ общаго правила, въ качествѣ повинности на земскія и городскія общественныя управленія. Къ обязанностямъ правительства въ этой области можетъ быть отнесенъ всецѣло лишь надзоръ за надлежащею постановкою врачебнаго и санитарнаго дѣла. Необходимо установить тотъ мѣнѣшій обязательныхъ требованій, который можетъ быть предъявляемъ къ земствамъ и городамъ, съ указаніемъ признаковъ для опредѣленія этого мѣнѣшья. Такими признаками, въ зависимости отъ численности населенія и нормальнаго для данной мѣстности процента заболѣваемости, могутъ быть а) въ отношеніи врачебной помощи: 1) количество больничныхъ коекъ; 2) число состоящихъ на общественной службѣ врачей; 3) количество и размѣры амбулаторныхъ приемныхъ

покоевъ; б) въ отношеніи санитарнаго благоустройства: 1) количество состоящихъ на общественной службѣ санитарныхъ врачей и дезинфекторовъ; 2) размѣры устройствъ, предназначенныхъ для борьбы съ заразными заболѣваніями, а именно: количество и емкость дезинфекціонныхъ камеръ и прачешныхъ, санитарнаго обоза, лабораторій для изслѣдованія пищевыхъ продуктовъ и т. п. Что касается до сравнительнаго соотношенія зажиточныхъ и бѣдныхъ классовъ населенія, то хотя оно и можетъ оказывать извѣстное вліяніе на опредѣленіе *minimum'a*, но едва ли можетъ быть признано рѣшающимъ. *Minimum* требованій долженъ быть рассчитанъ въ зависимости отъ того, будетъ ли врачебная и санитарная помощь оказываема бесплатно или нѣтъ. Общественнымъ управленіямъ не должно быть возбранено взиманіе платы за врачебную и санитарную помощь, но желательно, чтобы область такой помощи была по возможности расширена. Во избѣжаніе пререканій между земствами и городами необходимо опредѣлить обязанности земства какъ по отношенію ко всей ввѣренной его попеченію территоріи, такъ и въ частности по отношенію къ отдѣльнымъ городскимъ поселеніямъ.

Что охраненіе народнаго здоровья не должно быть предоставляемо всецѣло усмотрѣнію земскихъ и городскихъ учреждений—съ этимъ, въ принципѣ, нельзя не согласиться: преслѣдуемая цѣль слишкомъ важна, чтобы государство могло отстранить отъ себя всякую заботу о степени ея достиженія. На практикѣ, однако, невмѣшательство или слабое вмѣшательство государственной власти не привело къ тѣмъ результатамъ, какихъ, разсуждая теоретически, можно было ожидать и опасаться. Земство, никѣмъ къ тому не побуждаемое и не понуждаемое, создало и народную медицину, и народно-санитарное дѣло; гораздо позже, подъ вліяніемъ земскаго почина и по земскому образцу, была введена сельская медицина въ не-земскихъ губерніяхъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что и теперь въ огромномъ большинствѣ земскихъ уѣздовъ для народнаго здоровья дѣлается и тратится больше, чѣмъ въ не-земскихъ. Установленіе минимума, о которомъ говорится выше, едва ли, поэтому, значительно увеличитъ расходы земства на врачебную и санитарную часть, въ особенности если одновременно будетъ опредѣленъ такой же минимумъ для не-земскихъ губерній (само собою разумѣется, что для новыхъ расходовъ, которыхъ кое-гдѣ потребуетъ осуществленіе минимума, должно быть допущено изъятіе изъ общаго правила о фиксаціи земскаго обложенія). Съ нѣкоторыми оговорками сказанное о земствѣ примѣнимо и къ городамъ. И здѣсь устройство врачебной части сдѣлало большой шагъ впередъ сравнительно съ до-реформенной эпохой: стоить только припомнить, чѣмъ были городскія больницы въ Петербургѣ до пере-

дачи ихъ въ вѣдѣніе города и чѣмъ онѣ стали въ его рукахъ, несмотря на быстрый ростъ населенія ¹⁾). Въ небольшихъ городахъ, притомъ, потребностямъ населенія удовлетворяютъ, обыкновенно, земскія больницы. И въ городахъ, слѣдовательно, установленіе минимума, однороднаго для всей Россіи (т.-е. построеннаго на одинаковыхъ началахъ, независимо отъ способа завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ), не повлекло бы за собою большого напряженія бюджетныхъ средствъ. Примириться съ минимумомъ было бы легко и потому, что онъ не угрожалъ бы самостоятельности земства и городовъ, какъ угрожалъ ей, напримѣръ, изданный въ 1893 г., но, къ счастью, не введенный въ дѣйствіе уставъ лечебныхъ заведеній. Опредѣленіе и увольненіе врачебнаго персонала, выборъ той или другой организаціи врачебнаго и санитарнаго дѣла, той или другой системы больничнаго хозяйства, тѣхъ или другихъ размѣровъ вознагражденія служащихъ, тѣхъ или другихъ пунктовъ для устройства больницъ и приемныхъ покоевъ— все это зависѣло бы по прежнему отъ земствъ и городовъ и не подлежало бы административной регламентаціи, несомнѣнной съ нормальнымъ, широкимъ развитіемъ регламентируемаго дѣла. Если въ области охраны народнаго здоровья земства и города въ сравнительно короткое время сдѣлали такъ много, — это объясняется именно свободой дѣйствій, обращавшей самыя ошибки въ уроки и поддерживавшей энергію исполнителей. Только благодаря ей могъ сложиться симпатичный типъ земскаго врача, могли быть побуждены преицтвія, коренившіяся въ громадности разстояній, въ разбросанности населенія, въ недоувѣрїи его къ больницамъ, докторамъ и правильному леченію... Соображенія министерства допускаютъ установленіе платы за леченіе, признавая лишь желательнымъ возможно большее расширеніе бесплатной помощи; въ земской практикѣ послѣдняя—по крайней мѣрѣ въ формѣ врачебныхъ совѣтовъ и раздачи лекарствъ—представляетъ собою скорѣе общее правило, чѣмъ исключеніе. Съ самаго начала своей дѣятельности земство усвоило себѣ именно то руководящее начало, которое выставляють на видъ соображенія министерства внутреннѣхъ дѣлъ: оно сумѣло понять, что установленіе платы за леченіе „препятствовало бы вкорененію въ населеніи привычки обращаться своевременно къ врачебной помощи“. Если до сихъ поръ во многихъ уѣздахъ взимается плата за леченіе въ земскихъ больницахъ, то это объясняется недостаточностью земскихъ средствъ и затрудненіями, съ которыми, въ послѣднее время, сопря-

¹⁾ Мы очень хорошо знаемъ, что земскія и городскія больницы, не исключая столичныхъ, еще далеки, иногда очень далеки отъ совершенства — но зато слабыя ихъ стороны раскрываются сравнительно легко и безпрепятственно подвергаются критикѣ.

жено повышеніе земскихъ смѣтъ. Чѣмъ больше требуется отъ земства, тѣмъ очевиднѣе необходимость предоставить ему новые источники дохода.

Задачи правительства въ области врачебнаго и санитарнаго дѣла едва ли могутъ быть сведены исключительно къ надзору за правильной его постановкой. Земскіе и городскіе бюджеты, по самому своему свойству, лишены эластичности; имъ трудно, иногда невозможно выдержать внезапное бремя, налагаемое чрезвычайными обстоятельствами. При появленіи въ томъ или другомъ уѣздѣ не особенно сильной, заурядной, если можно такъ выразиться, эпидемической болѣзни, на помощь уѣзду приходитъ, обыкновенно, губернское земство, располагающее, для такихъ случаевъ, врачебнымъ персоналомъ или средствами для его приглашенія. Совершенно инымъ становится положеніе земства, если въ нѣсколькихъ уѣздахъ или въ цѣлой губерніи начинается свирѣпствовать такая эпидемія, какъ, напримѣръ, холера. Для борьбы съ нею, систематической и энергической, текущіе доходы земствъ, уѣздныхъ и губернскаго, оказываются недостаточными. Приходится прибѣгать къ займамъ изъ земскихъ капиталовъ, всегда рискованнымъ и надолго обременяющимъ земскія смѣты платежами процентовъ и погашенія. С.-петербургское губернское земство, напримѣръ, до сихъ поръ еще не вполне погасило заемъ (въ двѣсти тысячъ рублей), сдѣланный имъ въ 1892 г. для принятія мѣръ противъ холеры. Намъ кажется, что такіе экстраординарные затраты должны быть принимаемы на счетъ правительства, тѣмъ болѣе, что онѣ приносятъ пользу не только той губерніи, гдѣ онѣ производятся, но и другимъ, сосѣднимъ, локализируя эпидемію или смягчая ея характеръ. Изъ общихъ средствъ государства могли бы быть ассигнуемы суммы и для борьбы съ такимъ народнымъ бичемъ, какъ сифилисъ. Земство сдѣлало и дѣлаетъ въ этомъ направленіи очень много, но для искорененія ужаснаго зла необходимы соединенныя усилія отдѣльных мѣстностей и центра. То же самое слѣдуетъ сказать и объ устройствѣ больницы для умалишенныхъ, часто оказывающемся не подъ силу однимъ органамъ самоуправленія.

Другая сторона земской жизни, на которую, въ послѣднее время, обратило вниманіе министерство внутреннихъ дѣлъ — это накопленіе земскихъ недоимокъ, затрудняющее правильный ходъ земскаго хозяйства. Особенно велики недоимки частныхъ землевладѣльцевъ, достигшія къ началу 1902-го года двадцати милліоновъ и постоянно увеличивающіяся, между тѣмъ какъ въ цифрѣ недоимокъ сельскихъ обществъ (въ 1901 г. — семнадцать милліоновъ) замѣчается пониженіе.

Земскимъ управамъ предложено безотлагательно приступить къ обсужденію порядка, въ которомъ онѣ полагали бы, начиная съ 1903-го года, производить взысканіе недоимокъ съ частно-владѣльческихъ недвижимыхъ имуществъ, и предположенія свои по этому предмету представить на разсмотрѣніе земскихъ собраній. вмѣстѣ съ тѣмъ, министерствомъ указаны двѣ мѣры, которыя могли бы способствовать какъ уменьшенію недоимокъ, такъ и устраненію вредныхъ послѣдствій, связанныхъ съ ихъ накопленіемъ. Первая изъ этихъ мѣръ—примѣненіе къ земству той статьи городского положенія, въ силу которой недоимка въ размѣрѣ болѣе чѣмъ полугодовой окладъ лишаетъ права участвовать въ избирательномъ собраніи; вторая — невключеніе въ смѣты такъ-называемыхъ благонадежныхъ недоимокъ, на самомъ дѣлѣ часто оказывающихся вовсе неблагонадежными.

Что порядокъ взысканія недоимокъ съ личныхъ землевладѣльцевъ, существующій въ настоящее время, не соотвѣтствуетъ своей цѣли и настоятельно требуетъ перемѣны — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Полиція, обремененная другими, болѣе важными для нея дѣлами, рѣдко оказывается энергичной во взысканіи земскихъ недоимокъ; напоминанія земскихъ управъ, жалобы начальнику губерніи остаются, болѣею частью, безъ результатовъ. Эта аномалія давно уже обратила на себя вниманіе земствъ; еще въ семидесятыхъ годахъ нѣкоторыя земскія собранія (бессарабское губернское, темниковское уѣздное) ходатайствовали о томъ, чтобы взысканіе недоимокъ было возложено на особыхъ приставовъ, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи земства. И дѣйствительно, всего проще было бы поручить взысканіе недоимокъ (и текущихъ земскихъ сборовъ) земскимъ управамъ или ихъ уполномоченнымъ, съ установленіемъ такихъ правилъ, которыя обезпечивали бы успѣшность взысканія (врученіе повѣстки о платежѣ, при отсутствіи владѣльца, его фактическому замѣстителю, а при отсутствіи послѣдняго—мѣстному волостному старшинѣ или сельскому старостѣ; короткій промежутокъ времени между врученіемъ повѣстки и приступомъ къ понудительнымъ мѣрамъ; короткій срокъ для производства описи и оцѣнки; точное опредѣленіе послѣдовательности, въ которой взысканіе должно быть обращено на разныя категоріи имуществъ; короткій срокъ между окончаніемъ описи и оцѣнки и производствомъ публичной продажи). Аналогичныя правила слѣдовало бы установить и въ томъ случаѣ, еслибы не было признано возможнымъ передать производство взысканія исполнительнымъ органамъ земства; функціи полиціи, при такомъ разрѣшеніи вопроса, могли бы быть переданы судебнымъ приставамъ. Мы вполне убѣждены, что до продажи движимаго имущества недоимщика—и, тѣмъ болѣе, до продажи, хотя бы частичной, его недвижимаго имѣ-

нія—дѣло доходило бы крайне рѣдко. Накопленіе недоимокъ объясняется, въ большинствѣ случаевъ, именно расчетомъ на то, что никакихъ серьезныхъ мѣръ взысканія принято не будетъ. Внести половину годичнаго земскаго сбора (уплачиваемаго, какъ извѣстно, по полугодіямъ) ни для кого не можетъ быть особенно тяжело; серьезные затрудненія возникаютъ только тогда, когда къ первой просрочкѣ присоединяются вторая, третья, четвертая и т. д., и недоимка растетъ, добавокъ, вслѣдствіе причисленія къ ней установленной пени. Своевременныя мѣры взысканія выгодны, поэтому, для самихъ плательщиковъ, противодѣйствуя накопленію недоимокъ до такого размѣра, при которомъ онѣ становятся дѣйствительнымъ обремененіемъ имѣнія.

Мысль о понужденіи къ уплатѣ недоимокъ угрозою потери избирательнаго права встрѣтила множество возраженій въ печати—возраженій, къ которымъ мы присоединяемся всецѣло¹⁾. Совершенно справедливо было указано на то, что наиболѣе упорные недоимщики всего рѣже являются въ избирательныя собранія, т.-е. всего менѣе дорожатъ избирательнымъ правомъ. Много недоимокъ накапливается и на абсентеистахъ, которые не только систематически уклоняются отъ участія въ земской жизни, но даже не живутъ въ своихъ имѣніяхъ. Съ другой стороны, случайные недоимщики могутъ быть весьма усердными посѣтителями избирательныхъ собраній и весьма полезными гласными. Во многихъ уѣздахъ избирательныя собранія отличаются крайнею малочисленностью: закрыть къ нимъ доступъ для всѣхъ тѣхъ, кто не могъ или не успѣлъ внести срочный платежъ, значило бы рисковать, что выборы не состоятся вовсе. Нецѣлесообразнымъ кажется намъ и другой способъ упорядоченія земскихъ финансовъ — невключеніе въ смѣты такъ-называемыхъ благонадежныхъ недоимокъ. Конечно, заранѣе опредѣлить съ точностью сумму дѣйствительнаго поступленія недоимокъ не представляется возможнымъ; но, сколько намъ извѣстно, земскія собранія вовсе не стараются ее преувеличить, по той простой причинѣ, что крупная ошибка въ этомъ направленіи можетъ поставить земское хозяйство въ самое затруднительное положеніе, лишивъ его ресурсовъ для производства текущихъ расходовъ. Между тѣмъ, внезапное исключеніе недоимокъ изъ ожидаемыхъ доходовъ неминуемо должно повлечь за собою столь же внезапное повышеніе земскаго сбора, очень чувствительное для плательщиковъ и могущее привести къ новому росту недоимокъ. Существенно измѣнить къ лучшему положеніе земскихъ финансовъ можно—помимо упомянутыхъ выше мѣръ къ болѣе правильному взысканію недоимокъ и текущихъ сборовъ—

¹⁾ См., напр., № 232 „Русскихъ Вѣдомостей“ и № 34 „Права“, а также „Саратовскій Листокъ“ (цитир. въ № 249 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“).

только двумя путями: освобожденіемъ земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, имѣющихъ общегосударственный характеръ (сюда относится въ особенности подводная повинность), и предоставленіемъ земству новыхъ источниковъ дохода (что имѣлось въ виду при изданіи, въ 1898 г., новаго положенія о промысловомъ налогѣ, но до сихъ поръ остается безъ осуществленія).

Гдѣ недоимщикамъ не должно быть мѣста — это между лицами, занимающими платныя земскія должности. „Могутъ ли предсѣдатель и члены управы“ — спрашиваетъ „Саратовскій Листокъ“ — „принимать какія-нибудь мѣры по взысканію недоимокъ, если они сами — крупные недоимщики? Конечно, не могутъ и никогда не будутъ. А между тѣмъ, въ саратовской губерніи такія ненормальности есть и, конечно, онѣ очень вредно отражаются на всемъ характерѣ земской дѣятельности“. Этому долженъ быть положенъ конецъ, въ особенности если взысканіе земскихъ сборовъ и недоимокъ перейдетъ въ руки самого земства.

Для окончательной оцѣнки новыхъ порядковъ въ продовольственномъ дѣлѣ, введенныхъ правилами 1900-го года, недостаетъ еще фактическихъ данныхъ. И теперь, однако, есть поводъ предполагать, что перемены къ лучшему здѣсь не произошло. Чрезвычайно характеренъ, въ этомъ отношеніи, отзывъ крестьянина (колониста), напечатанный въ № 39 „Новаго Дѣла“ и основанный на ближайшемъ знакомствѣ съ губерніями саратовской и самарской, такъ много въ послѣднее время потерпѣвшими отъ неурожаевъ. По словамъ этого наблюдателя, „первая выдача продовольствія на практикѣ доказала, что продовольственная операція по новому закону обставлена слишкомъ многими формальностями и что эти формальности, въ большинствѣ случаевъ, обходятся сельскимъ обществамъ и правительству очень дорого. Нѣкоторые общественные дѣятели изъ крестьянъ полагаютъ, что расходы по формальностямъ и контролю земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ сѣздовъ, губернскихъ присутствій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ превышаютъ стоимость всего выдаваемого продовольствія... Въ деревнѣ между крестьянами чувствуется отсутствіе чего-то нужнаго и важнаго“. Это чувство едва-ли обманчиво. При дѣйствіи новыхъ правилъ отсутствуетъ, прежде всего, живая связь между помогающими и получающими помощь. На первый планъ выступаетъ стремленіе уменьшить общіе размѣры продовольственной ссуды. Руководящимъ принципомъ является недоувѣріе, вызванное отчасти предвзятою мыслью, отчасти недостаточнымъ знаніемъ мѣстныхъ условій и отдѣльныхъ лицъ. Дѣло, требующее горячаго участія къ нуждающимся, обращается въ одно изъ обычныхъ отправленій административнаго механизма.

Отсюда неизбежно вытекает рядъ неудачъ, одинаково тяжелыхъ и для населенія, и для государства. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 258), „какъ ни скучна газетная хроника продовольственныхъ мѣропріятій по случаю неурожая 1901-го года, все-таки въ нее вошли—притомъ по большей части на основаніи официально подтвержденныхъ данныхъ—и случаи запоздалой доставки продовольственнаго хлѣба и посѣвныхъ сѣмянъ, и неурядки въ дѣлѣ выясненія нужды и опредѣленія потребности въ помощи, и фактъ снабженія зерномъ, совершенно несоотвѣтствующимъ назначенію, и неуройства въ операциі по заготовкѣ хлѣба. Нагляднымъ подтвержденіемъ того, что новый порядокъ завѣдыванія народнымъ продовольствіемъ не выдержалъ испытанія на дѣлѣ, могутъ служить заявленія, заявленные одновременно въ нѣсколькихъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности (напр. въ костромскомъ, новомосковскомъ, борисоглѣбскомъ), чтобы продовольственное дѣло было снова передано въ вѣдѣніе земства. Эти заявленія тѣмъ болѣе знаменательны, что идутъ отъ коллегій, не совпадающихъ по своему составу съ земскими собраніями и насчитывающихъ въ своей средѣ немало представителей администраціи“.

Краснорѣчивымъ указаніемъ на неудовлетворительность системы, лежащей въ основаніи продовольственной организаціи—какъ нынѣшней, такъ и прежней,—служитъ положеніе тѣхъ мѣстностей, надъ которыми въ послѣдніе годы съ особенною силой разражалось стихійное бѣдствіе неурожая. Таковъ, на примѣръ, мензелинскій уѣздъ (уфимской губерніи), которому недавно была посвящена обстоятельная статья въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 226). Продовольственный долгъ этого уѣзда приближается къ *пяти милліонамъ рублей*, составляя на каждый крестьянскій дворъ, въ среднемъ, около 75 рублей. Не выше этой цифры стоимость всѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, получаемыхъ, при среднемъ урожаѣ, съ крестьянской земли. Между тѣмъ, на каждомъ дворѣ, при 10 руб. 88 коп. годового оклада, лежало, въ среднемъ, болѣе 41 руб. недоимокъ разныхъ сборовъ (не говоря уже о частныхъ долгахъ, которые при подобныхъ условіяхъ не могутъ не быть значительны). Нетрудно понять, сколько нужды и горя скрывается за приведенными выше цифрами, характерными, конечно, не для одного только мензелинскаго уѣзда. Если взысканіе долговъ и недоимокъ и не производится съ особенною настойчивостью, самый фактъ ихъ существованія тяжело отзывается на должникахъ, ослабляя энергію и предприимчивость, уменьшая надежду на лучшее будущее. Каково было бы положеніе погорѣльцевъ, еслибы страховыя суммы выдавались имъ не безвозвратно, а замообразно? Убытковъ, причиненныхъ огнемъ, страхованіе почти никогда не возмѣщаетъ

всёцѣло; что же было бы, еслибы къ невознагражденнымъ потерямъ присоединялось еще бремя долга, непосредственно связаннаго съ пожаромъ? А между тѣмъ, изъ двухъ бѣдствій—пожара и неурожая—болѣе тяжкимъ сплошь и рядомъ бываетъ послѣднй. Быстрое повтореніе пожара—случай исключительный; нѣсколько неурожаевъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ безъ перерыва или съ короткими промежутками—во многихъ частяхъ Россіи явленіе довольно обыкновенное. Пожаръ рѣдко наноситъ вредъ здоровью потерпѣвшаго или его семьи, неурожай—почти всегда. Во время пожара сравнительно легко спасти домашній скотъ; во время неурожая онъ часто гибнетъ или сбывается за безцѣнокъ. Пора, поэтому, перейти къ такой продовольственной системѣ, которая устраняла бы необходимость расплаты за полученную помощь. Въ основу системы могло бы быть положено страховое начало, но не въ чистомъ его видѣ: на образованіе и приращеніе капиталовъ, предназначенныхъ для выдачи безвозвратныхъ продовольственныхъ пособій, могли бы идти не только взносы самихъ земледѣльцевъ, но и сборы, платимые всѣми классами населенія. Поддержаніе голодающихъ—задача государственнаго характера и первостепенной важности; обусловливаемые ею расходы должны быть покрываемы, по крайней мѣрѣ отчасти, общегосударственными средствами. Само собою разумѣется, что рядомъ съ выдачей пособій (на продовольствіе и обмѣненіе) могла бы существовать организація общественныхъ работъ, подобная той, какая существуетъ теперь рядомъ съ продовольственными ссудами.

Противъ обращенія продовольственной помощи изъ заимобразной въ безвозвратную можетъ быть сдѣлано одно, повидимому вѣское возраженіе. Потеря, причиняемая неурожаемъ, не подлежитъ установленію съ такой точностью, какъ потеря, причиняемая пожаромъ; при извѣстныхъ условіяхъ, притомъ, она чувствуется потерпѣвшимъ не настолько, чтобы вызывать вознагражденіе со стороны государства. Если и теперь, при системѣ продовольственныхъ ссудъ, ихъ нерѣдко стараются получить лица, въ сущности вовсе не нуждающіяся, то еще сильнѣе будетъ наплывъ претендующихъ на пособіе. Намъ кажется, что *безусловное* право на помощь при неурожаѣ могло бы быть поставлено въ зависимость отъ уплаты страхового сбора, и самый размѣръ этой помощи могъ бы соответствовать, съ одной стороны, цифрѣ сбора, съ другой—интенсивности бѣдствія, т. е. степени недорода хлѣбовъ сравнительно съ среднимъ урожаемъ данной мѣстности. Дальнѣйшею помощью изъ специальныхъ продовольственныхъ капиталовъ могли бы, какъ и теперь, пользоваться только дѣйствительно нуждающіеся, въ размѣрѣ, прямо пропорціональномъ составу ихъ семействъ и обратно пропорціональномъ ихъ состоятельности и трудоспособно-

сти. Преувеличенныя или вымышленныя заявленія о нуждѣ были бы не болѣе многочисленны, чѣмъ теперь, потому что мало измѣнился бы вызывающій ихъ стимуль: вѣдь и теперь просятъ о ссудѣ, безъ достаточныхъ къ тому основаній, преимущественно тѣ, кто рассчитываетъ на возможность уклониться отъ уплаты, т.-е. на превращеніе ссуды, *de facto*, въ безвозвратное пособіе. Трудность опредѣленія нужды совершенно одинакова и при выдачѣ ссуды, и при выдачѣ пособій; устранить или уменьшить ее можно только цѣлесообразной организаціей, на мѣстахъ, продовольственнаго дѣла — организаціей, какъ можно болѣе придвинутой къ населенію и сосредоточенной въ рукахъ лицъ, близко съ нимъ знакомыхъ. Этому основному условію не отвѣчаетъ порядокъ, созданный временными правилами 1900-го года: выдвигая на первый планъ земскаго начальника и назначаемыхъ имъ продовольственныхъ попечителей, онъ имѣетъ въ виду не столько полное и справедливое удовлетвореніе нуждъ населенія, сколько охрану казеннаго интереса. Ближе подходило къ цѣли прежнее устройство, при которомъ земскія собранія и управы могли широко пользоваться содѣйствіемъ мѣстныхъ жителей; но это содѣйствіе все-таки имѣло временный, отчасти случайный характеръ, возникая и прекращаясь вмѣстѣ съ неурожайнымъ періодомъ. Вполнѣ благоприятной почвой для продовольственной организаціи могла бы стать только мелкая земская единица; только въ ея рамкахъ, прочно установленныхъ и всегда готовыхъ, могла бы успѣшно вестись борьба съ послѣдствіями неурожая, какъ и другихъ бѣдствій, постигающихъ населеніе. Не нужно было бы терять время на составленіе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, списковъ нуждающихся: они имѣлись бы на-лицо во всякое время, требуя только повѣрки и дополненія. Земству и мѣстной администраціи могъ бы принадлежать общій контроль, губернскому и центральному управленію — распоряженія по заготовкѣ и перевозкѣ хлѣба... Пересмотръ продовольственнаго устава не случайно привелъ къ издавію *временныхъ* правилъ, а не постоянного закона. Необходимымъ признанъ быть опытъ — и его результаты уже теперь свидѣтельствуютъ о необходимости вступить на новую дорогу. Нѣтъ, къ несчастію, основанія надѣяться, что серія неурожаяевъ пришла къ концу: даже въ нынѣшнемъ году, сравнительно благополучномъ, имѣются въ виду мѣстности, въ которыхъ понадобится продовольственная помощь (уѣзды хвалынской, камышинской, николаевской, свіяжской, лайшевской, белебеевской, шадринской). Мало хорошаго можно ожидать и отъ наступающаго года, въ виду неблагоприятныхъ условій, при которыхъ, во многихъ мѣстахъ, производился посѣвъ озимыхъ хлѣббовъ. Чѣмъ скорѣе будетъ возобновлена работа, прерванная, въ 1900 г., издавіемъ

временныхъ правилъ, тѣмъ спокойнѣе можно будетъ смотрѣть на будущее.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отклонено недавно ходатайство тверскаго губернскаго земства объ увеличеніи числа членовъ отъ земства въ училищныхъ совѣтахъ. Мотивированъ этотъ отказъ тѣмъ, что усиленіе выборнаго элемента въ ущербъ правительственному ослабляло бы вліяніе правительства на ходъ дѣла народнаго образованія, которое по существу своему представляетъ интересъ государственннй; земскіе представители, обремененные дѣлами, не могутъ, притомъ, способствовать улучшенію руководительнаго надзора за школами. На самомъ дѣлѣ, однако, выборные члены училищныхъ совѣтовъ посвящаютъ школьному дѣлу, сплошь и рядомъ, гораздо болѣе труда и времени, чѣмъ назначенные, за исключеніемъ лишь одного инспектора народныхъ училищъ. Члены совѣта по назначенію—это, по болѣеи части, одинъ изъ городскихъ священниковъ (представитель духовнаго вѣдомства); уѣздный исправникъ (представитель министерства внутреннихъ дѣлъ) и инспекторъ городского (или смотритель уѣзднаго) училища (второй представитель министерства народнаго просвѣщенія). Всѣ они завалены дѣломъ, неимѣющимъ ничего общаго съ задачами училищнаго совѣта и до крайности затрудняющимъ поѣздки въ уѣздъ для посѣщенія сельскихъ школъ. Только исправнику приходится сравнительно часто выѣзжать изъ города, но, въ большинствѣ случаевъ, по такимъ экстреннымъ надобностямъ, которыя всецѣло поглощаютъ его вниманіе и время. Наоборотъ, въ земскіе члены совѣта избираются обыкновенно предсѣдатель уѣздной земской управы, служебныя обязанности котораго безпрестанно требуютъ присутствія его въ разныхъ концахъ уѣзда, — и одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, постоянно или подолгу живущихъ у себя въ имѣніи и горячо принимающихъ къ сердцу школьное дѣло. Понятно, что именно ихъ-то сельскія школы всего чаще видятъ въ своихъ стѣнахъ, именно отъ нихъ получаютъ наибольшую сумму вниманія и заботы. Даже инспектору народныхъ училищъ, имѣющему въ своемъ вѣдѣніи, болѣею частью, не одинъ уѣздъ, а два или три, не всегда удается сравняться съ земскими членами совѣта въ знаніи учащихся и учащихся, въ изученіи потребностей каждой отдѣльной школы. Не можетъ онъ быть и такимъ авторитетнымъ ходатаемъ за школьныя нужды передъ земскимъ собраніемъ, какъ избранные послѣднимъ члены училищнаго совѣта. Чѣмъ быстрѣе, однако, растетъ число земскихъ школъ, тѣмъ труднѣе становятся обязанности земскихъ членовъ училищнаго совѣта, изъ которыхъ одинъ—предсѣдатель управы—не можетъ, вло-

бавою, посвятить себя всецѣло заботѣ о школахъ¹⁾. Все больше и больше, повтому, чувствуется необходимость привлеченія новыхъ силъ къ сложной и нелегкой работѣ. Именно этимъ, а вовсе не желаніемъ обезпечить за собою большинство въ совѣтѣ, объясняются земскія ходатайства, направленныя къ увеличенію числа земскихъ членовъ училищнаго совѣта. Еслибы это число и было доведено до трехъ (или, что все равно, членомъ совѣта, въ силу своего званія, былъ бы признанъ предсѣдатель земской управы),—оно все-таки не сравнялось бы съ числомъ назначенныхъ членовъ совѣта. Къ послѣднимъ примыкаетъ обыкновенно и предсѣдатель совѣта—предводитель дворянства, по самому положенію своему болѣе близкій къ администраціи, чѣмъ къ земству. Государственный интересъ, соединенный съ дѣломъ народнаго образованія, остался бы достаточно огражденнымъ и при усиленіи земскаго элемента училищнаго совѣта. Не совѣтъ, притомъ, устанавливаетъ предѣлы начального обученія, одобряетъ или не одобряетъ учебники, регулируетъ, вообще, педагогическую часть школьнаго дѣла: все это сосредоточено въ рукахъ учебнаго вѣдомства. Если совѣту предоставлено *утвержденіе* учителей, то *допущеніе* ихъ къ преподаванію зависитъ всецѣло отъ инспектора. Если совѣтъ можетъ отказать инспектору въ *увольненіи* учителя, то инспекторъ въ правѣ перенести спорный вопросъ на разсмотрѣніе высшей инстанціи. Нужно надѣяться, что пересмотръ положенія о начальныхъ училищахъ, предпринятый при П. С. Ванновскомъ и, повидимому, не снятый съ очереди новымъ министромъ народнаго просвѣщенія, устранитъ недовѣріе къ земству и подниметъ значеніе его въ той сферѣ, въ которой оно такъ много и такъ успѣшно потрудилося на пользу народа. Этому боятся, очевидно, заклятые враги общественной самодѣятельности, усиливающіеся доказать, что затаенная цѣль земства—„свести къ нулю“ вліаніе правительства въ области начального обученія, и ставящіе вопросъ: „Земство или министерство народнаго просвѣщенія“²⁾? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: „и земство, и министерство народнаго просвѣщенія“. Только соединенными силами можетъ быть положенъ конецъ невѣжеству, до сихъ поръ тяготящему надъ слишкомъ значительною частью русскаго народа.

Роль земства въ завѣдываніи начальной школой—только одинъ изъ исходныхъ пунктовъ новаго похода, затѣяннаго реакціонною печатью съ цѣлью окончателнаго сокрушенія земскихъ учрежденій. Даже въ такомъ скромномъ дѣлѣ, какъ изданіе общеземскаго органа, усма-

¹⁾ Избраніе предсѣдателя управы въ члены училищнаго совѣта, не составляя общаго правила, вошло въ обычай потому, что это—лучшая гарантія солидарности между управой и совѣтомъ, весьма важной для успѣшнаго хода школьнаго дѣла.

²⁾ См. № 266 „Московскихъ Вѣдомостей“.

тривается нѣчто вносящееся чуть не къ подготовкѣ государственнаго переворота. Опережая въ своемъ усердіи газету князя Мещерскаго, „Московскія Вѣдомости“ (№ 240) усматриваютъ опасность даже въ изданіи общеземскаго органа... министерствомъ внутреннихъ дѣлъ! „Принципіально несостоятельная и практически ненужная затѣя, имѣющая въ виду не насущные запросы трезвой дѣйствительности, а угожденіе политическимъ бреднямъ беспочвенныхъ мечтателей“— вотъ какъ характеризуется предпріятіе, „благонадежность“ котораго стоять внѣ всякихъ сомнѣній. Журналъ, предназначенный для *всѣхъ* земствъ, приобрѣтаетъ, въ силу одного этого факта, значеніе *всеземской грезы*, наводящей на мысль о *всеземствѣ*. Въ основаніи подобныхъ измышлений лежитъ не что иное, какъ закоренѣлая и непримиримая ненависть къ земскимъ учрежденіямъ. Еще яснѣе она выразилась въ статьѣ той же газеты (№№ 255 и 256), озаглавленной: „Грозный самообманъ“. Земство является здѣсь настоящимъ (хотя и безсознательнымъ) виновникомъ беспорядковъ, происшедшихъ прошлой весной, въ губерніяхъ харьковской и полтавской. „Ободранный (!) такъ называемымъ земскимъ самоуправленіемъ населеніе“— восклицаетъ московская газета— „потеряло всякое понятіе о томъ, что можно и чего не можно; среди населенія стало складываться понятіе, что все можно брать по своему собственному усмотрѣнію, какъ берутъ и такъ называемыя учрежденія самоуправленія“. Какимъ образомъ взысканіе, въ административномъ порядкѣ, земскихъ сборовъ, ничѣмъ, въ глазахъ крестьянской массы, не отличающихся отъ другихъ налоговъ, могло навести населеніе на мысль о позволительности самовольнаго посягательства на чужую собственность—это тайна тенденціозныхъ алармистовъ, пренебрегающихъ не только правдой, но даже самымъ элементарнымъ правдоподобіемъ. Цѣль, къ которой они стремятся *per fas et nefas*—замѣна земскаго самоуправленія „единеніемъ истиннаго земства, т. е. государственнаго поземельнаго населенія, съ государственною властью“. Другими словами, они хотятъ возстановить до-реформенное полновластіе администраціи, сосредоточить въ ея рукахъ всѣ отрасли мѣстнаго хозяйства, „поднять значеніе мѣстной государственной полиціи, которая должна быть первымъ звеномъ въ цѣпи государственныхъ учреждений“. Чтобы этого достигнуть, для нихъ хороши всѣ средства, не исключая явнаго извращенія истины...

Насколько тяжело положеніе земства—даже помимо палокъ, подбрасываемыхъ ему подъ колеса реакціонною печатью,—объ этомъ можно судить по инциденту, происшедшему на дняхъ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Московская уѣздная земская управа

предложила собранію просить уѣздный училищный совѣтъ о сокращеніи въ начальныхъ земскихъ школахъ курса грамматики, согласно съ детальной программой, выработанной въ 1901 г. на сѣздѣ учителей московской губерніи (сѣздъ нашелъ, что, при короткомъ срокѣ ученія въ начальной школѣ, грамматическія свѣдѣнія усваиваются учащимися съ большимъ трудомъ и удерживаются въ памяти лишь на короткое время). Предсѣдатель собранія, московскій уѣздный предводитель дворянства князь Голицынъ, заявилъ, что это предложеніе управы не подлежитъ обсужденію, такъ какъ по закону земскимъ собраніямъ предоставлено только завѣдываніе хозяйственною стороною школьнаго дѣла, безъ права входить въ постановку преподаванія. Напрасно предсѣдатель управы, Н. Ѳ. Рихтеръ, указывалъ на то, что просьба, съ которою предполагается обратиться къ училищному совѣту, не можетъ быть разсматриваема какъ вторженіе въ компетенцію совѣта; напрасно онъ напоминалъ, что, состоя много лѣтъ земскимъ дѣятелемъ, онъ никогда не навлекалъ на себя упрека въ нарушеніи закона; предсѣдатель собранія не нашелъ возможнымъ отступить отъ однажды выраженнаго мнѣнія, и предложеніе управы осталось безъ обсужденія. Между тѣмъ, оно ни въ чемъ не противорѣчило закону. Управа не предлагала собранію измѣнить, своею властью, программу преподаванія, вмѣшаться въ завѣдываніе учебною частью, взять на себя инициативу нововведеній. Ея цѣль заключалась исключительно въ томъ, чтобы, заручась согласіемъ и сочувствіемъ собранія, ускорить осуществленіе реформы, за которую высказался созванный официально сѣздъ народныхъ учителей. Если земству принадлежитъ право ходатайства передъ высшими государственными установленіями, то можно ли отказывать ему въ правѣ обращаться съ просьбами къ мѣстнымъ учрежденіямъ, идущимъ съ нимъ рука объ руку и состоящимъ, отчасти, изъ его представителей? Зная мнѣніе земскаго собранія, земскіе члены московскаго уѣзднаго училищнаго совѣта могли бы отстаивать его передъ совѣтомъ; теперь они рискуютъ разойтись съ желаніями собранія, которому не была дана возможность высказаться по вопросу, близко касающемуся интересовъ населенія. Неужели земство, ассигнующее значительныя суммы на начальную школу, должно молчать, когда заходитъ рѣчь о лучшемъ способѣ ихъ употребленія? Кому или чему можетъ повредить его свободный голосъ, разъ что окончательное рѣшеніе вопроса во всякомъ случаѣ будетъ зависѣть отъ компетентной власти? Многіе земскіе гласные—вѣроятно, даже большая ихъ часть—состоятъ попечителями начальныхъ школъ, неоднократно присутствовали на экзаменахъ и пришли къ тому или другому заключенію о цѣлесообразности или нецѣлесообразности нѣкоторыхъ требованій, предъявляемыхъ къ уча-

шимся; коллективный ихъ опытъ—вовсе не *quantité négligeable*, которую можно отбросить въ сторону безъ всякаго ущерба для дѣла... Еслибы земство не выставлялось на каждомъ шагѣ чѣмъ-то подлежащимъ ограниченію, обузданію, оборванію,—инциденты въ родѣ московскаго были бы совершенно немислимы.

Херсонская губернская земская управа предполагаетъ внести въ губернское земское собраніе проектъ ходатайства о предоставленіи предсѣдателю губернской управы, или его замѣстителю права, участвовать, съ правомъ голоса, въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. По мнѣнію управы, это могло бы установить болѣе правильныя отношенія между уѣздными земствами и губернскимъ, предупредить или устранить множество недоразумѣній и способствовать объединенію, въ предѣлахъ губерніи, дѣятельности земскихъ учрежденій. Мысль губернской управы кажется намъ вполне заслуживающей вниманія. Конечно, и теперь губернскіе гласные знакомятъ избравшее ихъ уѣздное собраніе съ намѣреніями и настроеніями губернскаго земства; но имъ далеко не всегда извѣстны всѣ подробности того или другого дѣла, въ особенности если оно находится въ подготовительной стадіи и еще не внесено управой въ губернское собраніе. Въ виду того, что уѣздныя земскія собранія созываются почти одновременно, мы предложили бы лишь одну поправку къ проекту херсонской управы: право присутствованія въ уѣздномъ собраніи слѣдовало бы, какъ намъ кажется, предоставить предсѣдателю управы или одному изъ ея членовъ, если только никто изъ гласныхъ даннаго собранія не принадлежитъ къ составу губернской управы. Максимальное число уѣздовъ въ губерніи—пятнадцать, а минимальный составъ губернской управы въ такой многоуѣздной губерніи—предсѣдатель и четыре члена. Если они избраны губернскими гласными отъ разныхъ уѣздовъ, то никому изъ нихъ не пришлось бы присутствовать болѣе чѣмъ въ двухъ уѣздныхъ собраніяхъ, что не представляло бы никакихъ особыхъ затрудненій. Мало-по-малу губернская управа ознакомилась бы, такимъ образомъ, со всѣми уѣздными собраніями своей губерніи—ознакомилась бы съ ними болѣе наглядно и близко, чѣмъ это возможно путемъ изученія отчетовъ, докладовъ и журналовъ: а въ земской дѣятельности болѣе чѣмъ въ какой-либо другой драгоценныя свѣдѣнія, почерпнутыя непосредственно изъ жизни.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1902.

Бурскіе генералы въ Европѣ.—Англійская политика и ея континентальныя обличители.—Нѣкоторыя иллюстраціи къ вопросу о политической этикѣ.—Положеніе Македоніи.—Парламентскія дѣла во Франціи.—Развязка каменноугольнаго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ.

Бурскіе генералы, Луи Бота, Деларей и Деветъ, уполномоченные собраніемъ въ Ференингинѣ для сбора пожертвованій въ Европѣ въ пользу вдовъ и сиротъ павшихъ буровъ, исполняютъ свою печальную миссію среди всеобщихъ и шумныхъ выраженій сочувствія, сопутствующихъ имъ повсюду, начиная съ самой Англии. Личныя переговоры съ британскимъ министромъ колоній, съ цѣлью добиться улучшенія участи побѣжденнаго народа, не привели, какъ извѣстно, ни къ какому результату; Чемберленъ на отрѣзъ отказался сдѣлать какія-либо уступки и твердо стоялъ на почвѣ буквальнаго смысла подписанныхъ условій мира, вопреки обѣщаніямъ, даннымъ на мѣстѣ лордомъ Китченеромъ. Назначивъ три милліона фунтовъ стерлинговъ въ видѣ пособія пострадавшимъ бурамъ, правительство не допускало уже обсужденія вопроса о денежной отвѣтственности за систематическіе захваты частнаго имущества буровъ и уничтоженіе ихъ фермъ британскими военными властями; а убытки, причиненные этими военными дѣйствіями, опредѣляются приблизительно въ пятьдесятъ милліоновъ фунтовъ. „Согласно международному праву,—говоритъ извѣстный англійскій журналистъ Стэдъ,—мы должны возмѣстить бурамъ стоимость ихъ частной собственности, которую мы присвоили или истребили. Если это не будетъ сдѣлано, то международное право есть фарсъ, и Гагская конвенція, подписанная нами всего три года тому назадъ, есть обманъ“. Британскія военныя власти забирали скотъ и хлѣбныя запасы буровъ для продовольствія армии, но не выдавали квитанцій и потому не считали себя обязанными платить; такое поведеніе, по словамъ Стэда, „достойно участниковъ воровской шайки, а не цивилизованной христіанской державы: оно покрываетъ Англію позоромъ передъ всѣмъ культурнымъ міромъ, но не уничтожаетъ права буровъ требовать вознагражденія за отобранное у нихъ имущество, въ виду общепринятыхъ и подтвержденныхъ Гагскою конференціею правилъ войны между цивилизованными народами“. Если вознагражденіе не будетъ дано,—продолжаетъ Стэдъ,—

то „первый опытъ ознакомленія нашихъ новыхъ согражданъ съ британской честностью не возбудить въ нихъ восторженной преданности по отношенію къ монарху, потребовавшему отъ нихъ присяги на вѣрность“. Стэдъ обвиняетъ Чемберлена въ недобросовѣстности и называетъ его Шейлокомъ за безсердечно-узкое толкованіе имъ мирнаго договора, навязаннаго бурямъ; но огромное большинство англичанъ находятъ, что Англія выказала „безпримѣрное великодушіе“ относительно побѣжденнаго непріятеля, и что Чемберленъ, отвергнувъ дальнѣйшія требованія буровъ, исполнилъ только свой долгъ, какъ британскій министръ и патріотъ. Право войны, дѣйствительно, не отличается такою опредѣленностью, какъ предполагаетъ Стэдъ; оно до сихъ поръ есть не что иное, какъ право грубой физической силы, и побѣдители всегда имѣютъ возможность ссылаться на требованія военнаго времени для оправданія самыхъ жестокихъ разрушительныхъ дѣйствій. Захваты частнаго имущества и сожженіе жилищъ въ непріятельской странѣ подъ предлогомъ охраны безопасности арміи или въ видѣ возмездія за враждебныя дѣйствія жителей—практикуются въ каждой войнѣ, въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ; англичане въ этомъ случаѣ поступали не хуже—а можетъ быть, и гораздо лучше—пруссаковъ во время войны 1870—71 годовъ въ предѣлахъ французской территоріи. Вознаграждать побѣжденныхъ за опустошеніе ихъ земель и за причиненные имъ войною убытки—вообще не принято; обыкновенно, напротивъ, сверхъ разоренія непріятельской страны, на нее возлагаютъ еще уплату контрибуціи для покрытія военныхъ издержекъ побѣдителей. По праву войны, Англія могла бы не только не давать никакихъ денегъ бурямъ, но сдѣлать ихъ своими вѣчными должниками, лишить ихъ всякихъ политическихъ правъ и подчинить ихъ суровому режиму, вмѣсто предоставленія имъ широкой мѣстной автономіи, свободы слова, печати и сходокъ, наравнѣ съ полноправными британскими гражданами. Бурскіе вожди вполнѣ понимали это и примирились съ неизбѣжными послѣдствіями своего новаго положенія; они не протестовали противъ отрицательнаго отвѣта Чемберлена на ихъ ходатайства и ограничились призывомъ къ общественной благотворительности для облегченія судьбы бѣдствующихъ буровъ, ихъ женъ и дѣтей. Въ печатномъ „воззваніи къ цивилизованному міру“ они краснорѣчиво изображаютъ безотрадное состояніе своего народа: „Не менѣе тридцати тысячъ домовъ нашихъ фермъ и значительное количество поселеній было сожжено или разрушено британскими войсками; наши жилища со всѣми ихъ принадлежностями уничтожены, поля и огороды опустошены, всѣ наши земледѣльческія орудія поломаны, мельницы разрушены, весь скотъ захваченъ или истребленъ. Ничего не осталось у насъ. Страна превращена въ

пустыню... Мы указываемъ на эти бѣдствія не для возбужденія умовъ, а только для того, чтобы обратить вниманіе на настоятельныя нужды оставшихся въ живыхъ буровъ, особенно вдовъ и сиротъ. Мечи теперь въ ножнахъ, и всякіе споры должны умолкнуть при видѣ этихъ великихъ бѣдствій. Сумма, назначенная британскимъ правительствомъ, даже еслибы она была увеличена въ десять разъ, покрыла бы только часть убытковъ, причиненныхъ войною; но женщины и дѣти, потерявшія своихъ отцовъ и мужей, получаютъ очень мало или ничего не получаютъ изъ этой суммы, почему и необходимо прибѣгнуть къ публичному сбору пожертвованій. Первымъ откликнулся на этотъ призывъ англичанинъ Генри Фиппсъ, участникъ „стального трѣста“, во главѣ котораго стоитъ извѣстный филантропъ Андрю Карнеги;—онъ внесъ въ шотландскій банкъ на имя генераловъ Деларея и Боты сто тысячъ долларовъ, причемъ въ письмѣ на имя Боты выразилъ надежду, что предпринятая благотворительная кампанія не будетъ имѣть никакого неприязненнаго оттѣнка по отношенію къ Англіи. Генераль Луи Бота въ своемъ отвѣтѣ заявилъ, что, „положивъ оружіе и добросовѣстно подчинившись подписаннымъ ими условіямъ, буры заключили миръ въ полномъ смыслѣ этого слова“ и не могутъ имѣть въ виду ничего недружелюбнаго относительно англичанъ. Прежде чѣмъ начать объѣздъ главныхъ европейскихъ столицъ съ указанною филантропическою цѣлью, бурскіе генералы побывали въ Голландіи и посѣтили въ Утрехтѣ бывшаго трансваальскаго президента, престарѣлаго Крюгера, который въ мѣстномъ соборѣ торжественно напутствовалъ ихъ словами: „идите же по міру, въ качествѣ нищихъ, и собирайте милостыню для бѣдныхъ вдовъ и сиротъ“!

Этихъ „нищихъ“ встрѣчали во Франціи и въ Германіи, какъ не встрѣчаютъ королей; громадныя толпы народа привѣтствовали ихъ съ энтузіазмомъ въ Парижѣ, и еще большій энтузіазмъ ожидалъ ихъ въ Берлинѣ. Императоръ Вильгельмъ II заранѣе далъ имъ знать, что приметъ ихъ только при посредничествѣ британскаго посла, какъ подданныхъ короля Эдуарда, и эта преувеличенная предупредительность по отношенію къ лондонскому кабинету крайне не понравилась нѣмецкой публикѣ, что и выражалось съ обычною ей свободою въ отзывахъ германской печати. Бурскихъ генераловъ чествовали именно какъ смѣлыхъ противниковъ Англіи, не разъ наносившихъ ей сильныя удары,—какъ героевъ славной борьбы маленькаго народа противъ могущественной міровой державы,—и нежеланіе германскаго правительства оказать имъ почетъ въ этомъ смыслѣ могло быть высказано, конечно, въ болѣе дипломатической и деликатной формѣ, чѣмъ это было сдѣлано Вильгельмомъ II. Отказъ въ официальной аудіенціи способствовалъ лишь усиленію восторженныхъ чувствъ берлин-

скаго населенія при приѣмѣ бурскихъ вождей, и общенародныя оваціи приняли такой грандіозный характеръ, что сами чествуемые герои были отчасти смущены. Генераль Деветь, съ свойственнымъ ему юморомъ, напомнилъ окружавшимъ его поклонникамъ африканскую поговорку, что „обезьяна изъ любви къ дѣтямъ душитъ ихъ до смерти въ своихъ объятіяхъ“; онъ просилъ избавить его отъ опасности погибнуть въ объятіяхъ друзей, такъ какъ даже Англія считала долгомъ оставить его въ живыхъ. Рѣчи генераловъ отличались простотою и задушевностью; ихъ искренній библейскій тонъ производилъ впечатлѣніе чего-то необычнаго, несмотря на передачу черезъ переводчиковъ. Двѣсти тысячъ марокъ было вручено имъ бурскимъ комитетомъ въ Берлинѣ; всего собрано ими въ Германіи свыше шестисотъ тысячъ марокъ,—гораздо больше, чѣмъ во Франціи. Скромные по понятіямъ и привычкамъ, чуждые какихъ бы то ни было заднихъ мыслей, бурскіе генералы прямодушно повторяли, что политическихъ намѣреній или плановъ у нихъ нѣтъ и быть не можетъ со времени подписанія ими условій мира; они сознательно покорились Англіи, подъ вліяніемъ необходимости, и будутъ строго соблюдать свои новыя обязанности британскихъ подданныхъ. Они путешествуютъ исключительно въ качествѣ собирателей милостыни и притомъ только въ пользу женщинъ и дѣтей. Южно-африканскія женщины—говорилъ Луи Бота въ берлинскомъ дамскомъ кружкѣ—„показали на дѣлѣ, что онѣ составляютъ сильнѣйшую часть народа; не будь этихъ самоотверженныхъ жёнъ и матерей, война прекратилась бы послѣ первыхъ крупныхъ неудачъ. Наши женщины шли на встрѣчу смерти, хоронили своихъ дѣтей и продолжали до конца твердо стоять въ борьбѣ за свободу. Мы похоронили двадцать тысячъ женщинъ, но оставшіяся въ живыхъ не сдавались, и самымъ тяжелымъ моментомъ для нашихъ мужчинъ было первое свиданіе съ женами въ концентраціонныхъ лагеряхъ, когда послѣ долгой разлуки они встрѣтили съ ихъ стороны осужденіе и горе вслѣдствіе потери независимости“. „Моя жена съ дѣтьми,—сказалъ въ свою очередь Деларей,—вынуждена была покинуть ферму, гдѣ она жила въ теченіе сорока лѣтъ; восемнадцать мѣсяцевъ скиталась она по разнымъ мѣстамъ, но я нашелъ ее здоровою подъ деревомъ, въ палаткѣ. Другіе не могли уже найти ни своихъ жёнъ, ни дѣтей“. Девету, наиболѣе популярному изъ троихъ товарищей-героевъ, приходилось говорить чаще другихъ; въ одной изъ своихъ рѣчей онъ шуточно замѣтилъ, что онъ не ораторъ, такъ какъ у него другая специальность—бѣгство; газеты много разъ сообщали о томъ, какъ онъ бѣжалъ и какъ его ловили; однако, теперь онъ нигде не бѣжитъ, хотя окруженъ большими собраніями людей. Безъискусственное остроуміе Девета вносило нѣкоторое оживленіе въ груст-

ную, монотонную повѣсть о страданіяхъ буровъ, передаваемую почти одними и тѣми же словами; въ сущности, эти страданія едва ли волновали публику, стремившуюся видѣть и привѣтствовать знаменитыхъ дѣятелей недавней южно-африканской войны.

Независимо отъ того обаянія, которымъ всегда окружаются имена выдающихся военныхъ героевъ, личности Боты, Девета и Деларей привлекали умы и сердца еще и по другимъ причинамъ. Эти простонародные генералы, для которыхъ религія еще совпадаетъ съ нравственностью, превозносились, прежде всего, какъ доблестные защитники права противъ силы, какъ представители маленькаго народа, отстаивавшаго свою свободу и независимость противъ притязаній одной изъ сильнѣйшихъ имперій міра. Такіе борцы за правое дѣло всегда необыкновенно популярны въ чужихъ странахъ, гдѣ благородныя чувства справедливости и великодушія имѣютъ мало примѣненія въ собственной національной политикѣ. Пріятно быть благороднымъ и великодушнымъ на чужой счетъ, особенно на счетъ такого несимпатичнаго государства, какъ Англія, и за это удовольствіе можно платить деньгами. Проявленіе возвышенныхъ чувствъ въ подобной формѣ обходится недорого, а между тѣмъ оно доставляетъ людямъ нравственное удовлетвореніе. Въ каждой странѣ имѣются свои собственные буры, относительно которыхъ не полагается обнаруживать ничего другаго, кромѣ суроваго безразличія и патріотическаго пренебреженія. Краснорѣчивые возгласы о борцахъ за правое дѣло, попираемое гдѣ-то въ южной Африкѣ, заключаютъ въ себѣ элементъ безсознательной фальши, когда они раздаются въ обществѣ, которое равнодушно проходитъ мимо многихъ загубленныхъ правыхъ дѣлъ въ своемъ собственномъ отечествѣ или даже ставитъ въ заслугу своимъ государственнымъ людямъ систематическое подавленіе права силою. Столько же фальшивы нападки континентальной печати на Англію и ея правителей во имя высшихъ принциповъ международной этики. Британскаго министра колоній, Чемберлена, принято изображать какимъ-то воплощеніемъ политической злобы и узкаго національнаго эгоизма. Для правильной оцѣнки такого рода отзывовъ достаточно предположить, что буры, послѣ упорной и продолжительной войны, побѣждены не англійскими, а какими-либо другими европейскими войсками. Бывшіе предводители побѣжденных, быть можетъ, сохранили бы свободу, но, конечно, никакъ не могли бы говорить и печатать въ своемъ новомъ отечествѣ то, что публично заявляли въ Англіи Луи Бота, Деветъ и Деларей; они, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не могли бы тогда путешествовать по Европѣ, въ роли прославляемыхъ героевъ, трогать сердца правдивыми разсказами о бѣдствіяхъ, причиненныхъ ихъ родинѣ побѣдителями, и собирать пожертвованія въ пользу своего народа,—а

еслибы они поступали такимъ образомъ, то безъ сомнѣнiя были бы лишены возможности возвратиться въ свою страну и употребить собранныя суммы по назначенiю, безъ посторонняго контроля. Чемберленъ—непрiятный типъ политическаго дѣятеля, и не сочувствующiе ему англичане не стѣсняются въ выраженiяхъ, когда говорятъ объ его политикѣ и даже объ его личности; журналистъ Стэдъ, какъ мы видѣли, примѣняетъ къ нему просто ругательные эпитеты, которые въ другомъ государствѣ были бы немислимы по отношенiю къ министру. Однако, мы видимъ, что этотъ безцеремонный и настойчивый британскiй империалистъ, заправляющiй всѣмъ ходомъ дѣлъ въ южной Африкѣ, признаетъ за побѣжденными такiя права, какихъ другiя государства не допускаютъ для собственнаго народа. Въ Капской колонiи образовалась, по окончанiи войны, влиятельная партiя „лойялистовъ“, требовавшая временной отмѣны конституцiи и установленiя болѣе сосредоточенной правительственной власти, безъ парламента, для обезпеченiя господства англiйскаго элемента надъ голландскимъ; за этотъ проектъ высказался и высшiй комиссаръ или губернаторъ колонiи, лордъ Мильнеръ. Чемберленъ, однако, рѣшительно отклонилъ ходатайство „лойялистовъ“, поддержанное мѣстнымъ представителемъ британской власти, ссылаясь на то, что оно противорѣчитъ законнымъ конституцiоннымъ правамъ голландскаго населенiя въ южной Африкѣ. Можно ли себѣ представить, чтобы гдѣ-либо, кромѣ Англiи, правительство останавливалось передъ нарушенiемъ политическихъ правъ инородцевъ, когда это требовалось бы интересами господствующей национальности? Въ Капской колонiи по прежнему преобладающая роль принадлежитъ голландцамъ, которые располагаютъ большинствомъ и въ парламентѣ; наиболѣе крупнымъ политическимъ дѣятелемъ въ области южно-африканскихъ дѣлъ является теперь голландецъ Янъ Гофмейеръ, глава могущественнаго союза „африкандеровъ“. И честолюбивый, злобный Чемберленъ не только не принимаетъ мѣръ противъ этого порядка вещей, но еще самъ охраняетъ его отъ посягательствъ мѣстныхъ патриотовъ. Каковы бы ни были личныя качества Чемберлена и какъ бы узокъ ни былъ его британскiй патриотизмъ, онъ все-таки, по своимъ основнымъ руководящимъ идеямъ, не имѣетъ ничего общаго съ заурядными представителями крѣпкой власти въ другихъ странахъ. Чемберленъ не боится гласности; онъ дѣйствуетъ и высказывается публично, и предоставляетъ такое же право другимъ, въ томъ числѣ и своимъ противникамъ и обвинителямъ. Съ англiйской точки зрѣнiя, свобода слова и критики есть прирожденное право, которое ни у кого не можетъ быть отнято; вмѣстѣ съ тѣмъ эта же атмосфера широкой, почти ничѣмъ не ограниченной публичности государственныхъ и общественныхъ дѣлъ счи-

тается въ Англіи самымъ надежнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ разныхъ внутреннихъ политическихъ опасностей и недуговъ. Британское правительство, какъ и каждый отдѣльный англичанинъ, чувствуетъ себя дѣйствительно свободнымъ и независимымъ, ибо ни министры, ни отдѣльные граждане не боятся свѣта и простора въ области политической жизни; англичане и ихъ правители не испытываютъ тревоги или страха изъ-за того, что скажутъ о нихъ Лун-Бота, Деветъ и Деларей, и слѣдятъ за ихъ рѣчами и поступками съ такимъ же любопытствомъ, какъ и остальная европейская публика. Они настолько увѣрены въ себѣ, что не нуждаются въ искусственныхъ способахъ охраны отъ чужихъ, хотя бы неприятныхъ и враждебныхъ мнѣній; они вѣроятно считали бы постыднымъ зажимать кому-либо ротъ, когда сами пользуются свободой слова.

Чествованіе бурскихъ вождей за-границею имѣетъ отчасти значеніе какого-то протеста или демонстраціи противъ британской политики; но эти протесты и демонстраціи могутъ свободно выражаться въ самой Англіи, если не встрѣтять противодѣйствія со стороны англійскаго же населенія. Англійскіе министры никому не мѣшаютъ осуждать ихъ дѣятельность, разоблачать ихъ ошибки, злоупотребленія или увлеченія, заступаться за буровъ или предпринимать въ ихъ пользу филантропическую или иную агитацію; и противники правительства не имѣютъ надобности оставлять Англію, чтобы безпрепятственно заниматься такого рода оппозиціонною пропагандою. Иностранные обличители Англіи обыкновенно упускаютъ изъ виду эту свободу критики среди самихъ англичанъ и напрасно тратятъ время на полемику противъ такихъ особенностей англійской политической системы, которыя съ наибольшою полнотою критикуются въ англійской же печати. Часто иностранная газетная критика, направленная противъ британскихъ дѣятелей, основывается на явномъ недоразумѣніи; такъ, между прочимъ, Чемберлена характеризуютъ нерѣдко въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ возвысился и держится при помощи интригъ, хотя въ дѣйствительности онъ не продержался бы и одного дня, еслибы не имѣлъ подъ собою прочной національной и общественной опоры, и еслибы не пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ значительной массы образованныхъ англичанъ. Въмѣсто того, чтобы ядовито нападать на Англію за мнимое злоупотребленіе правомъ побѣды относительно буровъ, континентальная пресса могла бы съ несравненно большею пользою удѣлять вниманіе тѣмъ злоупотребленіямъ силою, которыя постоянно практикуются ближе къ нимъ самимъ и притомъ въ такой области отношеній, гдѣ нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ.

Общественныя симпатіи къ бурямъ напрасно прикрываются сочувствіемъ къ борьбѣ за „правое дѣло“, къ защитѣ слабыхъ противъ сильныхъ и къ печальному положенію побѣжденныхъ, ставшихъ изъ зажиточныхъ обывателей „лицами“. Лучшимъ доказательствомъ того, что эти возвышенные мотивы не играютъ тутъ никакой роли, можетъ служить равнодушіе европейской публики къ такому жгучему „правому дѣлу“, которое, можно сказать, вопіетъ къ небу своей правотой. Мы говоримъ о судьбѣ христіанскихъ народностей Турціи, которымъ берлинскій трактатъ 1878 года обѣщалъ обезпеченіе безопасности отъ произвола и насилій турецкихъ пашей, и которыя тѣмъ не менѣе до сихъ поръ періодически вырѣзываются башибузуками, или подвергаются жестокимъ озекуціямъ, подѣ предлогомъ возстановленія порядка. Эти злосчастныя народности живутъ не въ Африкѣ, а гораздо ближе; о безотрадномъ положеніи ихъ почти ежедневно напоминаютъ телеграфныя извѣстія, сообщающія о кровавыхъ столкновеніяхъ и замѣшательствахъ въ различныхъ мѣстностяхъ турецкой имперіи. Дѣло ихъ давно признано не только правымъ, но и святымъ, такъ какъ оно заключается не въ сохраненіи или приобрѣтеніи независимости, а въ прекращеніи безнадежнаго мученичества, которому не разъ собиралась положить конецъ даже невозмутимая западно-европейская дипломатія. Обитатели этихъ турецкихъ провинцій не только находятся въ положеніи побѣжденныхъ, но и не перестаютъ быть побѣждаемыми понынѣ; они не пользуются никакими правами и лишены всякихъ законныхъ способовъ предъявлять кому-либо свои требованія или жалобы; и хотя они издавна превращены отчасти въ нищихъ, но никакого вознагражденія отъ своихъ разорителей они никогда не получали. Они мечтаютъ лишь о сносномъ человѣческомъ существованіи, подѣ какимъ бы то ни было правильнымъ режимомъ, и эта мечта, конечно, чрезвычайно далека отъ той дѣйствительности, которая выпала на долю буровъ.

Казалось бы, по справедливости и по здравому смыслу, судьба Македоніи заслуживала по меньшей мѣрѣ такого же филантропическаго участія и вниманія европейской публики, какъ и положеніе двухъ бывшихъ южно-африканскихъ республикъ. Могутъ сказать, что буры обратили на себя всеобщее вниманіе своимъ геройствомъ; но и въ Македоніи люди гибнутъ какъ герои, а когда въ населеніи замѣчается рѣшимость совершать смѣлые военные подвиги, то постороннія великія державы тотчасъ же вмѣшиваются и откровенно хлопочуть о скорѣйшемъ подавленіи геройской борьбы въ самомъ ея зародышѣ. Подданные турецкаго султана никого не интересуютъ въ Европѣ, какъ бы они ни страдали и что бы ни дѣлали;—только немногіе отдѣльные филантропы иногда поднимаютъ свой голосъ въ за-

щитѣ этихъ безправныхъ существъ, скорѣе для успокоенія своей собственной совѣсти, чѣмъ для достиженія какого-либо положительнаго результата. Факты, повторяющіеся изъ года въ годъ съ мучительнымъ однообразіемъ, могутъ считаться общеизвѣстными и прочно установленными. Всѣ уже отлично знаютъ, какъ дѣйствуютъ башибузуки и что у турокъ называется усмиреніемъ непокорныхъ; и однако единственною заботою дипломатіи остается сохраненіе турецкой власти въ неприкосновенномъ видѣ и поддержаніе дружественныхъ отношеній съ Портою. Съ настоящаго года издается въ Парижѣ специальный журналъ на французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: „Le Mouvement macédonien“; въ каждомъ номерѣ содержится множество фактическихъ свѣдѣній, съ точнымъ указаніемъ мѣстъ и именъ, и эти свѣдѣнія, сообщаемыя изъ разныхъ городовъ, селъ и мѣстечекъ Турціи, даютъ какую-то невѣроятную картину ужасовъ, возведенныхъ въ систему. Въ этомъ изданіи помѣщена была, между прочимъ, интересная иллюстрація, воспроизведенная по подлинной фотографіи, святой въ Монастырѣ: три агента турецкой администраціи стоятъ передъ столикомъ, на которомъ разложены ихъ трофеи — четыре отрубленныя человѣческія головы. Почти все содержаніе номеровъ этого изданія вращается около того же сюжета, какъ и иллюстрація; — когда безчинства и насилія вызываютъ попытку сопротивленія, то жертвы виновны въ бунтѣ, и съ ними расправляются уже безъ всякихъ стѣсненій. Для захвата подозрительныхъ обывателей, особенно изъ молодыхъ и грамотныхъ, ничего не требуется, кромѣ усердія; люди остаются годами въ заключеніи, а иногда пропадаютъ безслѣдно, только потому, что ничтожнѣйшій изъ полицейскихъ исполнителей вздумалъ указать на нихъ, какъ на вѣроятныхъ вольнодумцевъ или заговорщиковъ. Прибытіе начальства въ какое-нибудь мѣстечко производитъ тамъ панику; многіе жители разбѣгаются заблаговременно и, скрываясь въ окрестныхъ лѣсахъ, по неволѣ организуютъ отряды повстанцевъ или, по турецкой терминологіи, разбойниковъ. Разбойничьи шайки обыкновенно находятся въ союзѣ съ властями и пользуются ихъ покровительствомъ, подъ условіемъ дѣлежа добычи; отряды повстанцевъ большею частью возникаютъ подъ влияніемъ безвыходныхъ обстоятельствъ, когда каждый здоровый субъектъ инстинктивно хватается за топоръ или за какое-нибудь другое оружіе, — напримѣръ, послѣ разгрома жилища, изнасилованія женщинъ и избіенія дѣтей башибузуками. Въ послѣдніе годы, отчасти по совѣту западно-европейскихъ кабинетовъ, Порта содержитъ значительную массу иррегулярныхъ войскъ въ Македоніи, для предупрежденія возстанія; хозяйничанье этихъ военныхъ силъ среди беззащитнаго иновѣрнаго народа чаще всего вынуждаетъ жителей искать спасенія въ бѣгствѣ и присоеди-

няться въ существующимъ шайкамъ или устраивать новыя. Извѣтъ могутъ приходить только средства и руководители, но матеріалъ для возстанія вырабатывается самими турками и непрерывно накапливается въ избыткѣ.

Волненія не прекращались и не прекращаются въ Македоніи съ тѣхъ поръ какъ Турціи предоставлена свобода дѣйствій въ области военныхъ и предупредительныхъ мѣръ противъ недовольныхъ христіанъ. Дипломатія смотритъ сквозь пальцы на то, что совершается въ турецкихъ провинціяхъ; она какъ будто приняла на вѣру несложную теорію Порты относительно искусственныхъ внѣшнихъ причинъ происходящаго броженія. Все было бы благополучно на Балканскомъ полуостровѣ, еслибы Болгарія и Сербія не поощряли волненій въ со-сѣднихъ турецкихъ округахъ, еслибы не подсылали туда эмиссаровъ и не способствовали образованію въ Македоніи вооруженныхъ отрядовъ; поэтому прежде всего необходимо запретить болгарамъ и сербамъ принимать близко къ сердцу македонскія и старо-сербскія дѣла, и заставить правительства обоихъ государствъ, особенно Болгарію, строго слѣдить за передвиженіями и сношеніями вдоль пограничной турецкой линіи. Кабинеты великихъ державъ стали почему-то чрезвычайно дорожить расположеніемъ султана, обмѣниваясь съ нимъ дружественными демонстраціями, и полагали своей задачей упрямленіе или обходъ вопроса объ участи турецкихъ христіанъ—вопроса весьма ясно разрѣшеннаго еще на берлинскомъ конгрессѣ. Имѣя законное право и обязанность потребовать устраненія вопіющихъ безобразій турецкаго режима въ Македоніи, западно-европейская дипломатія фактически приняла сторону Турціи противъ Македоніи и способствовала еще большому усиленію тѣхъ безобразій, которыя предполагалось устранить. Такой коренной поворотъ въ дѣляхъ и стремленіяхъ не можетъ быть оправданъ ни интересами международнаго мира, ни честолюбивыми происками революціонныхъ комитетовъ, имѣющихъ свой центръ въ Болгаріи. Обречь на гибель ни въ чемъ неповинное населеніе Македоніи только потому, что изъ-за нея волнуются и ссорятся между собою болгарскіе и сербскіе патриоты,—значило бы руководствоваться слишкомъ мелкими побужденіями въ международной политикѣ; притомъ такое оставленіе бѣдствующей области на произволъ судьбы только возвысило бы роль болгарскихъ комитетовъ и укрѣпило бы связи ихъ съ Македоніею. Пока Европа не возьметъ македонскаго вопроса въ свои руки, съ твердымъ намѣреніемъ разрѣшить его безъ помощи Турціи, до тѣхъ поръ положеніе дѣлъ будетъ зависѣть отъ разныхъ случайностей и стихійныхъ вспышекъ, надъ которыми дипломаты не властны. Нѣкоторые охранители международнаго спокойствія предвидятъ опасность войны при всякомъ серьезномъ

дипломатическомъ предпріятіи, касающемся вѣдѣнныхъ отношеній; такимъ образомъ, сознательная попытка привести въ исполненіе важнѣйшія статьи берлинскаго трактата представляется, будто бы, рискованною и неудобною, потому что обнаружила бы существующія разногласія между кабинетами относительно способовъ воздѣйствія на Порту. Разумѣется, удобнѣе всего для дипломатіи—ничего не дѣлать и не предпринимать въ области ея положительныхъ задачъ, а ограничиваться обмѣномъ вѣжливостей съ падишахомъ и его визирями; но подобная дипломатическая программа по отношенію къ турецкимъ дѣламъ едва ли соответствуетъ достоинству и традиціямъ, но крайней мѣрѣ, нашей восточной политики.

Парламентская сессія во Франціи открылась 14 (1) октября внесеніемъ въ палату депутатовъ весьма эффектнаго проекта государственнаго бюджета на 1903 годъ. Въ финансовой смѣтѣ настоящаго года существовали крупныя недочеты, доводившіе общую цифру реальнаго дефицита до 207 милліоновъ франковъ. Новый министръ финансовъ, Рувье, имѣлъ предъ собою весьма трудную задачу, которую онъ однако разрѣшилъ, повидимому, съ блестящимъ успѣхомъ. Ему удалось не только устранить дефицитъ, но еще получить излишекъ доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ 11 милліоновъ, несмотря на потерю 41 милліона отъ предположеннаго пониженія налога на сахаръ. Общая цифра расходовъ на 1903 годъ, сравнительно съ настоящимъ годомъ, уменьшена съ 3.602 милліоновъ до 3.575 милліоновъ, т.-е. на 27 милліоновъ франковъ. Выгодная конверсія, произведенная два мѣсяца назадъ, сократила расходы по государственному долгу на 32 милліона франковъ; затѣмъ пріестановлено погашеніе долга сберегательнымъ и школьнымъ кассамъ, что доставило сбереженій на 25 милліоновъ; наконецъ, найдены новыя источники обложенія, не особенно тягостныя для плательщиковъ, и такимъ образомъ достигнутъ результатъ, который съ бухгалтерской точки зрѣнія можетъ быть названъ замѣчательнымъ. Рувье вполне оправдалъ свою репутацію, какъ опытный финансистъ-практикъ, и если его бюджетъ пройдетъ въ палатѣ безъ существенныхъ измѣненій, то это будетъ значительный успѣхъ не только для самого министра, но и для всего кабинета Комба.

Финансовыя вопросы, впрочемъ, мало занимали палату на первыхъ порахъ; главнымъ предметомъ преній было, по прежнему, закрытіе неразрѣшенныхъ духовныхъ школъ, въ связи съ общою антиклерикальною политикою кабинета. Такъ какъ правительственные декреты, волновавшіе оппозицію, фактически приведены уже въ исполненіе, то все это дѣло отчасти потеряло интересъ для большинства француз-

ской публики; страсти улеглись, и рѣчи наиболѣе выдающихся обвинителей министерства не производили того впечатлѣнія, на которое рассчитывали ораторы. При оправданіи и защитѣ своихъ дѣйствій Комбъ неожиданно нашелъ поддержку среди умѣренныхъ республиканцевъ, изъ которыхъ особенно выдвинулся въ этомъ случаѣ Жюнарь, оказавшійся первокласснымъ ораторомъ. Кромѣ стараго вопроса о конгрегаціяхъ, не мало говорилось и будетъ еще говориться въ палатѣ по поводу стачки каменноугольныхъ рабочихъ, принимающей огромные размѣры и затрогивающей нѣкоторые жгучіе вопросы социального законодательства. Но въ этой области передовые французскіе дѣятели едва ли пойдутъ далѣе смѣлыхъ и грозныхъ рѣчей.

Колоссальная стачка каменноугольныхъ рабочихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, продолжавшаяся пять съ половиною мѣсяцевъ (съ мая) при 160 тысячахъ участниковъ, прекратилась наконецъ въ половинѣ октября (нов. ст.), благодаря энергическому вмѣшательству президента Рузвельта. Упорная борьба между горстью „угольныхъ королей“ и организованною арміею рабочихъ вызвала общій промышленный кризисъ, почти остановила многія производства, нуждающіяся въ углѣ, и обошлась рабочимъ приблизительно въ 140 милліоновъ долларовъ. Общія убытки, причиненные этой стачкою, неисчислимы; вмѣсто нормальной добычи угля, опредѣляемой въ 1.300.000 тоннъ въ недѣлю, добывалось едва 90 тысячъ; небывалая дороговизна угля увеличила цѣны и другихъ предметовъ потребленія, что чувствительно отразилось на интересахъ бѣднѣйшей части населенія. Владѣльцы угольныхъ копей, какъ монополисты-милліардеры, не считали своихъ убытковъ; о лишеніяхъ массы рабочихъ семействъ нечего и говорить. Хозяева желали во что бы то ни стало поставить на своемъ; они рѣшительно не признавали существованія общаго союза каменноугольныхъ рабочихъ и хотѣли имѣть дѣло только съ отдѣльными рабочими, тогда какъ рабочіе, руководимые президентомъ своего союза, Митчелемъ, настойчиво требовали признанія за ними такихъ же правъ на организацію, какими пользуются и злоупотребляютъ монополисты. Устраивая свои грандіозные трѣсты и беспрепятственно вступая между собою во всевозможныя соглашенія для совмѣстныхъ дѣйствій въ ущербъ интересамъ потребителей и рабочихъ, хозяева не допускали, чтобы рабочіе въ свою очередь слѣдовали ихъ примѣру и противопоставляли имъ свои собственныя соглашенія. Обѣ стороны дѣйствовали мирными, законными средствами; но это была настоящая экономическая война, затрогивавшая всѣхъ и каждого въ Соединенныхъ Штатахъ. Справедливость была на сторонѣ рабочихъ, и общія симпатіи высказывались

въ ихъ пользу; однако, господствующія промышленныя силы безусловно стояли на почвѣ формальной свободы договоровъ и имѣли возможность одержать побѣду, опираясь на преимущества богатства и сплоченнаго единства организаціи. Заключеніе мира состоялось при дѣятельномъ участіи знаменитаго монополиста Пьерпонта Моргана, которому владычцы угольныхъ копей дали самыя широкія полномочія. Президентъ Рузвельтъ обратился къ президенту рабочаго союза, Митчелю, съ предложеніемъ предоставить рѣшеніе спорныхъ вопросовъ третейскому суду особой посреднической комиссіи, — чего требовалъ и Митчель, — безъ упоминанія о союзѣ рабочихъ, что ставилось непремѣннымъ условіемъ со стороны хозяевъ; послѣ переговоровъ съ Морганомъ устроился компромиссъ, приведшій къ прекращенію стачки.

Важнѣйшимъ послѣдствіемъ испытаннаго кризиса было возбужденіе вопроса о переходѣ угольныхъ копей въ завѣдываніе государства; это требованіе, выставленное вновь образовавшеюся „угольною лигою“ въ Массачузетсѣ, вошло теперь въ программу демократической партіи въ штатѣ Ньюйоркѣ и принято недавнимъ съѣздомъ американскихъ городскихъ представителей въ Детройтѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1902.

— Гр. Новополянъ. Въ сумеркахъ литературы и жизни. Харьковъ, 1902. (Вопросы современности. Выпускъ V).

Книжка г. Новополина заслуживаетъ вниманія тѣхъ, кто интересуется вопросомъ о современномъ положеніи нашей литературы. Въ началѣ авторъ хочетъ разобраться въ „жалобахъ на наше время“, въ толкахъ объ „упадкѣ литературы“, старается найти „причины болѣзненныхъ настроеній“; а затѣмъ останавливается на отдѣльныхъ писателяхъ, которые въ особенности отражаютъ новѣйшія настроенія: это — Гаршинъ, Надсонъ, Короленко, Потапенко, гр. Л. Н. Толстой, Чеховъ; авторъ говоритъ также о ницшеанствѣ, марксизмѣ, символизмѣ и оканчиваетъ изображеніемъ „похода“ въ новѣйшей литературѣ противъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Въ одномъ, впрочемъ здравомыслящемъ, изданіи намъ встрѣтился отзывъ о книжкѣ не весьма благосклонный. Критика г. Новополина называется „кладбищенской“: не думаемъ, чтобы было основаніе опредѣлить такимъ образомъ (полагая, что терминъ означаетъ: отжившій, устарѣлый, мертвый) точку зрѣнія, которая въ современной литературѣ находитъ явный упадокъ и рѣшительно возстаетъ противъ тѣхъ новѣйшихъ критиковъ, которые предають осужденію шестидесятые и семидесятые годы. „Упадокъ“ г. Новополинъ доказываетъ довольно убѣдительно, и не менѣе убѣдительно доказываетъ отталкивающее ничтожество изобрѣтателей новыхъ словъ и „новой мозговой линіи“... Мы видѣли недавно, какъ „талантъ“, который „умеръ“ и котораго съ такою ревностью защищаль г. Луговой, съ негодованіемъ говорилъ о тѣхъ, кто находилъ въ нашей современной литературѣ „упадокъ“;— „таланту“ теперь все равно, но его защитникъ могъ бы найти у г. Новополина не мало полезныхъ объясненій.

Авторъ находитъ, что литературныя и общественныя явленія двухъ

послѣднихъ десятилѣтій „не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ присутствіи болѣзненнаго процесса, отравившаго нашу атмосферу и сдѣлавшаго насъ неспособными противостоять интеллектуальнымъ болѣзнямъ“.

Что эти болѣзненные симптомы дѣйствительно существуютъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ тревожное настроеніе, охватившее самые разнородные лагеря нашей литературы... И это неудивительно. Дѣятели двухъ послѣднихъ десятилѣтій, утверждающіе, что они отерли новое слово, „отрицали всѣ традиціи прошлаго, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Развѣ, провозгласивши въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ лозунгъ: „наше время не время широкихъ задачъ“, — они не наносили удара тѣмъ широкимъ идеаламъ, лучи которыхъ согрѣвали небольшую кучку идеалистовъ сороковыхъ годовъ? Развѣ, отерявши походъ противъ гласнаго суда, противъ суда присяжныхъ, противъ городского и земскаго самоуправленія, они не разрушали всей колоссальной работы шестидесятыхъ годовъ? Развѣ, выдвигая покатіе, которое на всѣ проски и успѣхи реакціонеровъ и на весь мракъ своего времени отзывается теоріей „пантѣзма“, не являлись эти два десятилѣтія отрицаніемъ выпучаго и жаднаго дѣятельности поколѣнія шестидесятниковъ? Развѣ, явившись съ теоріей опрощенія, они не разрушили вѣры въ одинъ изъ могучихъ факторовъ русской жизни, съ которымъ вошли въ жизнь представители сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, — въ интеллигенцію? И развѣ экономическій матеріализмъ съ его фаталистической вѣрой въ законы экономического развитія, съ его игнорированіемъ исторической роли личности, съ его теоріей неизбежнаго обезземеленія крестьянства, паденія общиннаго и артельнаго хозяйства и торжества индивидуализма, не является отрицаніемъ всѣхъ руководящихъ идей сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ? Мудрено ли, что на закатѣ своей жизни Салтыковъ пишетъ свои „Забытыя слова“? Мудрено ли, что онъ развертываетъ такую мрачную картину, какъ — „сѣрое небо, сѣрыя тучи, сѣрыя, ниряющія въ сѣромъ туманѣ, птицы“?..

Рядомъ съ отрицаніемъ историческаго труда прежнихъ поколѣній во имя, будто бы, открытыхъ „новыхъ словъ“, новыхъ широкихъ идей, новой „мозговой линіи“ и т. п., авторъ указываетъ очень любопытную черту нашего времени.

„Еще болѣе характерная эволюція совершается въ умалъ консервативно-настроенной группы нашего общества. Ей ли теперь не торжествовать?.. Идеалы, приводившіе ее въ бѣшенство, сошли со сцены... Русская жизнь отлилась въ формы, прописанныя консервативною печатью. И тѣмъ не менѣе самая страстная жалоба на переживаемое безвременье, самые энергичные эпитеты по его адресу и проникнутее

искреннимъ чувствомъ сожалѣніе о прошедшей эпохѣ великихъ реформъ срываются съ устъ одного изъ самыхъ крайнихъ представителей консервативной части общества (князя Мещерскаго). Давно ли эта эпоха въ ея глазахъ была временемъ „разнузданнаго либерализма“? А теперь вы слышите, въ сочувственномъ тонѣ, что все тогда „кипѣло жизнью, и именно жизнью духовной, что лучшіе люди шли на общественную службу, что въ каждомъ русскомъ человѣкѣ билось сильно сердце, что либералы создали цѣлую Ніагару мыслей, стремленій въ руслѣ русской умственной жизни и этимъ самымъ вызвали къ жизни и противниковъ этого громаднаго урагана; словомъ, что тогда все, что дремало до того, проснулось, и на борьбу выступили всѣ силы добра и зла, на борьбу живую и, можно безъ преувеличенія сказать, народную, въ смыслѣ животрепещущихъ вопросовъ судьбы русскаго государства, эпохою создавшихся“.—Такова, по словамъ ультра-консервативнаго публициста, характеристика шестидесятыхъ годовъ. Современная же жизнь, въ которой данъ полный просторъ консервативнымъ и реакционнымъ вождѣніямъ, представляется ему временемъ, когда „нѣтъ мыслей и чувствъ, изъ которыхъ могла бы слагаться духовная мощь“, когда общество стало „размазною“, которая ничего не можетъ дать кромѣ прозябанія“.

Эта цитата чрезвычайно любопытна. Если даже такіе консерваторы, какъ издатель „Гражданина“, чувствуютъ, какое живое движеніе совершалось въ эпоху реформъ и отдають ему справедливость, какое отталкивающее зрѣлище представляютъ современные дѣятели „новыхъ словъ“, пантеисты, ницшеанцы, изобрѣтатели новыхъ „идеаловъ“, да и „марсисисты“, потерявшіе всякій общественный смыслъ и здоровое чувство? — Авторъ находитъ во всемъ этомъ „тревожный симптомъ, свидѣтельствующій о переживаніи нами общей болѣзни. Пусть жалуются старость, дряхлѣющая, отходящая въ могилу. Но вѣдь молодость великая сила, впереди у нея цѣлая жизнь... Все это свидѣлствуетъ о реакціи, коснувшейся своимъ ледянымъ дыханіемъ не *однихъ* идеаловъ эпохи реформъ. Оно еще рѣзче подчеркиваетъ то общее оскудѣніе и ту общую пришибленность, которыя около двухъ десятилѣтій царятъ въ нашей общественной жизни и леденятъ нашу мысль, чувство и волю“.

Въ другой главѣ своей книжки г. Новополинъ говоритъ объ „упадкѣ литературы“. Мы видѣли недавно (въ книгѣ г. Лугового), что новѣйшіе „таланты“ не только не признають этого упадка, но даже негодуютъ на подобные толки, которые должны приносить ущербъ репутаціи ихъ собственныхъ твореній; но г. Новополинъ стоитъ на своемъ и приводитъ доказательства „упадка“. Приводимъ еще нѣсколько его словъ.

„Проявилось паденіе нашей литературы прежде всего въ нѣкоторыхъ вѣдншихъ ея чертахъ. Того широкаго захвата, который мы замѣчаемъ у писателей сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, въ произведеніяхъ нашихъ молодыхъ писателей нѣтъ. У первыхъ тяготѣніе къ широкимъ картинамъ распространилось даже на такихъ писателей, какъ, напримѣръ, Боборыкинъ. Взять хотя бы его послѣдніе романы. Кого и чего здѣсь нѣтъ? Новая фракція молодежи, старые идеалисты, либералы, народники, интеллигенты изъ народа, духовенство, наша нарождающаяся буржуазія. Эти пестрые картины трепещутъ, живутъ и рвутся изъ печатныхъ рамокъ. Ничего подобнаго нѣтъ даже у наиболѣе даровитыхъ изъ молодыхъ писателей, и понадобился ужасный голодный годъ, понадобилось необычайное, бывшее по первымъ, явленіе, чтобы вырвать у одного изъ нихъ подобнаго рода картину. Наши писатели сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ не нуждались въ такихъ грубыхъ толчкахъ, чтобы обратить свое художественное вниманіе на ту или другую сторону жизни. Обстановка восьмидесятыхъ годовъ сѣздила горизонтъ даже наиболѣе даровитыхъ молодыхъ писателей: они облюбовали крошечные уголки и дальше не заглядываютъ. Какая-то боязнь и нерѣшительность проглядываютъ изъ этихъ крошечныхъ рассказовъ съ двумя-тремя персонажами, какая-то узость и индифферентизмъ къ широкой волнующейся жизни. Но если каждое произведеніе въ отдѣльности не представляетъ широкой картины,—быть можетъ, оно проглядываетъ въ цѣломъ рядѣ произведеній? Быть можетъ, и въ небольшихъ картинахъ проглядываетъ жизненное отношеніе автора къ современной имъ жизни? Но помимо узости картины бросается въ глаза случайность въ выборѣ сюжетовъ. Произведенія писателей сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ замѣчательны своею жизненностью... Но гдѣ эта отзывчивость у молодыхъ писателей? Чтѣ общаго между разными произведеніями одного и того же писателя? За многими произведеніями проглядываетъ бездушный фотографическій станокъ, пришедшій на смѣну страстной, чуткой и отзывчивой литературѣ“...

„Той печати оригинальности, которой отличаются произведенія нашихъ корифеевъ, нѣтъ ни въ одномъ изъ произведеній нашихъ молодыхъ писателей. Какъ художники, они ничего не внесли новаго въ нашу литературу, и самыя даровитыя изъ нихъ—не чтѣ иное, какъ сколовъ съ Тургенева, Достоевскаго или Толстого. Нѣтъ въ нихъ той широты міросозерцанія, той силы мысли, чувства и воли, которыми окрашивались произведенія нашихъ старыхъ литературныхъ дѣятелей и которыя вызвали такой страстный анализъ нашей дѣйствительности, что мы даже удивили старую Европу... Ничего подобнаго нѣтъ у молодыхъ писателей. За небольшими исключеніями повсюду про-

глядываетъ какая-то пришибленность мысли, чувства и воли. Отсюда отмѣченная нами узость картинъ и случайность въ выборѣ сюжетовъ. Отсюда и вялость проникающаго всѣ эти произведенія тона“...

Въ своей книжкѣ г. Новополинь останавливается на такихъ темахъ, какъ: періодъ „скорби за идеалъ“ и „слезъ о свободѣ“—въ нашей новѣйшей литературѣ; періодъ скорбнаго раздумья; періодъ культуртрегерства и апологій „средняго человѣка“; „совершенствовавіе личности“ и „непротивленіе злу“, „по ту сторону добра и зла“, равнодушіе къ добру и злу, марксизмъ, походъ противъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Эти темы онъ обыкновенно связываетъ съ какимъ-либо изъ новѣйшихъ писателей, которыхъ произведенія находятъ особенно характерными; мы упомянули, что это—Гаршинъ, Надсонъ, Короленко, Потапенко, гр. Толстой, Чеховъ.

Одну главу онъ посвящаетъ „причинамъ болѣзненныхъ настроеній“.

Мы замѣтили раньше, что нѣкоторые критики отнесли къ автору не весьма сочувственно, считая его взглядъ „кладбищенскимъ“ и находя его сужденія о названныхъ писателяхъ не совсѣмъ правильными или невѣрными (онъ ихъ „не понималъ“),—но съ этимъ отзывомъ мы никакъ не согласны. Въ книжкѣ г. Новополинина, во-первыхъ, поставленъ совершенно серьезный вопросъ, требующій вниманія, потому что различныя явленія „упадка“ въ нашей новѣйшей литературѣ не подлежатъ никакому сомнѣнію; а во-вторыхъ, многіе факты этого упадка отмѣчены вѣрно, и отношеніе автора къ нимъ вообще—правильное.

Авторъ думаетъ, что „сумеречное настроеніе“, какое онъ отмѣчаетъ, принадлежитъ не одной русской литературѣ, что оно распространено также въ западной литературѣ—какъ, напр., ницшеанство и т. п. Авторъ вспоминаетъ Макса Нордау и готовъ вѣстѣ съ нимъ видѣть здѣсь признаки „вырожденія“; извѣстныя настроенія изъ литературы западной переходятъ и къ намъ;—но авторъ справедливо указываетъ, что есть великая разница въ условіяхъ литературы западной и нашей, и при этихъ условіяхъ подобныя заимствованія представляютъ значительную нелѣпость.

„Мы не станемъ разбирать,—говоритъ онъ,—насколько правы мы, вѣрнѣе, неправы эпигоны западной Европы, объясняя обманутыми надеждами свое сумеречное настроеніе и свое отрицательное отношеніе къ старымъ идеаламъ. Можетъ быть, они и правы. Но къ лицу ли нашей интеллигенціи говорить о преснищеніи науки, о ея банкротствѣ, когда мы еще не затвердили ея азбуки?.. Исчерпали ли мы хоть твердую почву науки? И вообще мы еще такъ недавно приобщились къ европейской жизни и такъ недолго дышали чистымъ воздухомъ свободы, что намъ слишкомъ рано разочаровываться и тинуться

въ хвостѣ западно-европейскихъ пессимистовъ, выдавшихъ, по крайней мѣрѣ, всякіе виды“.

Это совершенно справедливо. Авторъ указываетъ дальше, что „новыя слова“, отъ марксизма, пессимизма и пр. до символизма и декадентства, взяты просто изъ западной литературы. Тамъ, при давнемъ богатствѣ литературной, общественной, политической жизни, возможно великое разнообразіе направленій, даже до фантастическаго каприза, какъ декадентство,—но въ нашей литературѣ, очень скромной, очень небогатой первоначальными образовательными средствами, имѣющей свои ясныя, обязательныя, просвѣтительныя задачи, такіе капризы не имѣютъ человѣческаго смысла.

Книжка г. Новополина имѣетъ одинъ недостатокъ въ томъ, что она слишкомъ эскизна. Если авторъ затронулъ вопросъ объ „упадкѣ“, то для большей убѣдительности ему слѣдовало бы обратить больше вниманія на фактическую сторону своего изложенія—дать больше цитатъ, опредѣленныхъ указавій. Между прочимъ, въ той главѣ, гдѣ авторъ хочетъ объяснить причины „упадка“, нужно было бы болѣе отчетливое объясненіе тѣхъ условій, какія приводили къ „упадку“. Онъ говоритъ, правда, о „гнетущихъ условіяхъ“, „воспитательномъ режимѣ“, которые отразились въ настроеніи выросавшихъ тогда поколѣній; но эти условія все-таки мало опредѣлены. Между прочимъ, одна изъ жалкихъ особенностей, которую даже гордится новое поколѣніе и которая есть несомнѣнно одна изъ важныхъ причинъ упадка, это—потеря нравственной связи съ преданіемъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, преданіемъ общественнаго служенія литературы, которое въ нашихъ условіяхъ есть первое требованіе ея нравственнаго смысла и достоинства.

Еслибы автору случилось возвратиться къ своей работѣ для второго изданія,—чего она очень бы заслуживала,—упомянутое расширеніе его изложенія прибавило бы книгѣ много интереса: она была бы весьма поучительна для молодыхъ читателей.

Еще небольшое замѣчаніе. Зачѣмъ авторъ допускалъ бессмысленную корректуру,—напр. „нариографія“, что пишется систематически? — Д.

— Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ вышней торговли Россіи. Подъ редакціей В. И. Дюроветско. Т. I. Изд. департамента таможенныхъ сборовъ. Спб. 1902.

Этотъ обширный томъ, до 600 страницъ большого формата (въ два столбца), является первой частью изданія, имѣющаго главной задачей свести статистическій матеріалъ о вышней торговлѣ Россіи, за-

ключающійся въ ежегодныхъ отчетахъ таможеннаго департамента, и разработать соответствующія данныя въ связи съ свѣдѣніями о таможенномъ обложеніи ввозимыхъ товаровъ и съ данными о ихъ производствѣ и потребленіи внутри страны. Вышедшій томъ изданія касается общей исторіи внѣшней нашей торговли, вывоза и привоза главнѣйшихъ товаровъ по европейской и азіатской границамъ въ отдѣльности. Слѣдующій томъ посвященъ будетъ внѣшней торговлѣ, по странамъ назначенія русскихъ и происхожденія иностранныхъ, ввозимыхъ къ намъ товаровъ,—о торговомъ мореплаваніи, о пассажирскомъ движеніи въ Россіи и изъ Россіи и о тайномъ провозѣ товаровъ.

Потребность въ такомъ сводномъ изданіи ясна сама по себѣ. Уже одно простое собраніе во-едино свѣдѣній о ввозѣ и вывозѣ нашихъ товаровъ, ежегодно публикуемыхъ въ продолженіе цѣлаго почти столѣтія, и въ полномъ объемѣ доступныхъ самому ограниченному числу изслѣдователей, а равно свѣдѣнія о таможенныхъ тарифахъ, назначавшихся въ разные моменты нашей исторіи—имѣетъ весьма важное значеніе для нашего времени, когда все большее и большее число лицъ, по практическимъ или научнымъ соображеніямъ, вынуждено обращаться къ различнымъ статистическимъ изданіямъ. Тѣмъ большее значеніе имѣетъ трудъ, подобный разсматриваемому, заключающій не одну простую сводку, а и нѣкоторую разработку соответствующаго матеріала, и на ряду съ таблицами дающій рядъ монографій по главнѣйшимъ предметамъ нашего экспорта и импорта. О необходимости такихъ сводныхъ работъ и по другимъ отдѣламъ нашего общественнаго хозяйства неоднократно заявлялось въ печати, и самыя учрежденія, вѣдающія послѣднее, выступаютъ, по временамъ, съ изданіями, нѣсколько удовлетворяющими такой потребности. Изданія эти, однако, не даютъ полной сводки, а ограничиваются краткими періодами или очень краткими свѣдѣніями и нерѣдко преслѣдуютъ цѣли, постороннія данному предмету, въ родѣ прославленія тѣхъ или другихъ мѣропріятій подлежащаго учрежденія. Въ послѣдніе годы, за весьма кропотливый трудъ сводки официальныхъ матеріаловъ берутся частныя лица (см., напримѣръ, работу г. Сабурова о финансахъ и г. Булимовича о движеніи товаровъ по рельсовой сѣти). Въ этомъ нельзя не усмотрѣть признака крайне назрѣвшей потребности, а въ составляющемъ предметъ настоящей замѣтки предпріятіи таможеннаго департамента мы желали бы видѣть знакъ того, что учрежденія, вѣдающія наше общественное хозяйство, сознали законность такой потребности и готовы идти ей на встрѣчу.

Возвращаясь, послѣ этихъ замѣчаній, къ „Сборнику свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи“. Сборникъ этотъ со-

стоитъ изъ текста и табличныхъ приложений. Послѣднія заключаютъ въ себѣ, во-первыхъ, тарифныя ставки на разные товары, начиная съ тарифа 1724 г., приче́мъ за время съ 1851 по 1900 г., рядомъ со ставками тарифа, приводятся свѣдѣнія о вывозѣ и привозѣ даннаго товара и о суммѣ взысканной съ него пошлины; во-вторыхъ, данныя о вывозѣ и ввозѣ главнѣйшихъ товаровъ (каждаго отдѣльно или по группамъ) по европейской, азиатской границамъ и по суммѣ обѣихъ за каждый годъ періода 1802—1900 гг., съ выдѣленіемъ торговли съ Финляндіей, а также съ Польшей и Бессарабіей—въ періодъ существованія для нихъ особыхъ таможенныхъ границъ. Болѣе детальное расчлененіе свѣдѣній о внѣшней торговлѣ по участкамъ границъ и таможеннымъ, по странамъ назначенія и отправленія товаровъ войдутъ въ составъ второго тома. Впрочемъ, эти свѣдѣнія, въ краткомъ видѣ, находятся въ текстовой части перваго тома „Сборника“, въ описаніи внѣшней торговли отдѣльными товарами; а для хлѣбныхъ товаровъ свѣдѣнія эти даются даже въ подробностяхъ. Текстъ сборника свѣдѣній о внѣшней торговлѣ Россіи состоитъ изъ общаго очерка исторіи внѣшней торговли Россіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ, о которыхъ сохранились какія-либо извѣстія, и монографій, посвященныхъ 76-ти группамъ предметовъ внѣшней торговли. Монографіи эти имѣютъ задачей разработать свѣдѣнія объ отпускѣ и привозѣ товаровъ съ начала истекшаго столѣтія и объ условіяхъ, „влияющихъ на уменьшеніе и увеличеніе того и другого“, приче́мъ „особенное вниманіе обращено на зависимость внѣшней торговли тѣмъ или другимъ товаромъ отъ производства его и потребленія внутри страны и отъ размѣра таможенныхъ пошлинъ“. Соответственно такой задачѣ, въ каждой монографіи излагается исторія производства даннаго товара въ Россіи съ объяснительными замѣчаніями о его естественной природѣ и главнѣйшихъ моментахъ развитія его техники на Западѣ; исторія внѣшней торговли даннымъ товаромъ и мѣръ, принимавшихся въ разное время для развитія производства и вывоза или для стѣсненія послѣдняго. Но помимо указанныхъ свѣдѣній, соответствующихъ программамъ „Сборника“, текстовая его часть, по своему содержанію, выходитъ за предѣлы поставленной изданію задачи. Въ монографіяхъ устанавливается не только зависимость внѣшней торговли отъ нѣкоторыхъ, выше перечисленныхъ условій, но и влияние таможенныхъ пошлинъ, ввоза и вывоза товаровъ и даже акцизнаго обложенія продукта на производство и потребленіе послѣдняго внутри страны. А въ тѣхъ случаяхъ, когда внѣшняя торговля даннымъ товаромъ незначительна, посвященный этому товару отдѣлъ обращается въ монографію о состояніи и исторіи соответствующей отрасли промышленности въ Россіи, въ которой свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ находятся уже въ

положеніи не главнаго, а дополнительнаго предмета рѣчи. Этимъ расширеніемъ программы изданія значительно увеличивается его интересъ и, такъ сказать, общедоступность, но мы опасаемся, что оно неблагоприятно повліяло на полноту спеціальнаго его содержанія; данному обстоятельству, быть можетъ, слѣдуетъ приписать, напр., тотъ фактъ, что въ „Сборникѣ“ недостаточно использованы неизданные во всеобщее свѣдѣніе матеріалы по пересмотру таможенныхъ тарифовъ съ данными и соображеніями о различныхъ условіяхъ, такъ или иначе вліявшихъ на таможенное обложеніе различныхъ товаровъ.

Въ краткой журнальной рецензіи мы не можемъ останавливаться на содержаніи „Сборника“ по существу и на вопросѣ о томъ, насколько удовлетворительно выполнена имъ задача уясненія взаимозависимости различныхъ нашихъ экономическихъ явленій. Полное выясненіе этихъ зависимостей было и невозможно для „Сборника“ уже потому, что онъ не производилъ всесторонняго изслѣдованія предмета, а отмежевалъ себѣ опредѣленную сферу явленій и опредѣленную, слѣдовательно, категорію матеріаловъ, за предѣлы которой онъ выходилъ очень рѣдко. Въ силу этого обстоятельства, онъ не могъ установить правильнаго заключенія о явленіи, коль скоро послѣднее находилось въ сильной зависимости отъ обстоятельствъ, не включенныхъ въ кругъ его разсмотрѣнія. Укажемъ, для примѣра, на замѣчаніе „Сборника“, что въ 1897 г. въ Россіи осталось хлѣба для внутренняго потребленія „лишь на 0,14 четверти (на душу) выше остатка бѣдственнаго 189¹/₂ года“. Заключеніе это основано на опредѣленіи разницы уродившагося въ 1897 г. и вывезеннаго хлѣба, между тѣмъ какъ изслѣдованіе условій хлѣбной торговли показало бы, что въ 1897 г. вывозилось не только зерно послѣдняго урожая, но и запасы предшествующихъ лѣтъ, и что при опредѣленіи количества хлѣба, остающагося для внутренняго потребленія, слѣдуетъ производить соответствующія вычисленія не надъ данными объ одномъ годѣ, а надъ цифрами за цѣлый рядъ лѣтъ, установленный по соображеніи всей совокупности обстоятельствъ, опредѣляющихъ границы времени расходванія урожая каждаго года.

Ограничиваясь по существу содержанія „Сборника“ этимъ замѣчаніемъ, мы закончимъ нашу замѣтку о немъ заключеніемъ, что въ „Сборникѣ“, какъ и во всякомъ многообъемлющемъ трудѣ, мы находимъ вполне обоснованные выводы, но встрѣчаемъ также произвольныя и чересчуръ оптимистическія предположенія, опровергаемыя подчасъ данными самаго же изданія. Недостатки эти, однако, не изгнѣняютъ общаго научнаго характера разсматриваемаго труда, и не подлежатъ никакому сомнѣнію, что „Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ вѣнней торговли Россіи“ сдѣлается необходимой при-

надлежностью библиотеки каждого изслѣдователя и практическаго дѣятеля въ области народнаго хозяйства Россіи.

— Обзоръ податнаго состоянія курской губерніи за 1900 годъ. Составленъ по отчетамъ податныхъ инспекторовъ. Курскъ. 1902.

Курская казенная палата держится похвальнаго обыкновенія—знакомить читающую публику съ состояніемъ податнаго дѣла въ губерніи въ связи съ хозяйственнымъ положеніемъ крестьянъ. Въ ежегодныхъ обзорахъ этого состоянія приводятся свѣдѣнія о доходахъ крестьянъ отъ земледѣлія и промысловъ, о предполагаемыхъ расходахъ его на продовольствіе и подати, свѣдѣнія о ходѣ дѣла собранія этихъ послѣднихъ и высказываются имѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя наблюденія и соображенія по различнымъ предметамъ и вопросамъ мѣстнаго быта. Сообщаемыя свѣдѣнія въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, имѣютъ только относительную цѣнность; въ изданіи не считается даже нужнымъ указывать источники многихъ свѣдѣній и приемы, примѣнявшіеся для ихъ провѣрки. Но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что казенная палата имѣетъ на мѣстахъ своихъ агентовъ въ лицѣ податныхъ инспекторовъ, обязанныхъ находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ населеніемъ и наблюдать за состояніемъ его хозяйства—легко понять, что, при подходящемъ составѣ этихъ агентовъ, казенная палата имѣетъ полную возможность составить приблизительно правильное понятіе о положеніи въ данномъ году мѣстнаго сельскаго хозяйства и состоянія промысловыхъ заработковъ населенія и облечь это свое понятіе въ рядъ цифръ, назначенныхъ не для точныхъ соображеній, а для общей характеристики вещей. Такая офиціозная характеристика экономическаго положенія населенія имѣетъ тѣмъ болѣе значеніе, что мрачныя картины положенія деревни до сихъ поръ рисовались преимущественно по наблюденіямъ заподозрѣнныхъ въ тенденціозности земскихъ статистиковъ. Очень интересно, поэтому, рассмотреть тѣ рисунки, которые выводятся въ казенныхъ канцеляріяхъ, склонныхъ, вообще говоря, придавать своимъ сообщеніямъ болѣе или менѣе розовые оттѣнки.

Изданіе курской казенной палаты представляетъ тѣмъ болѣе для насъ интересъ, что курская губернія принадлежитъ къ тому самому (центральному черноземному) району, который обратилъ на себя въ послѣднее время особенное вниманіе правительственныхъ учреждений и для изслѣдованія котораго засѣдали и засѣдаютъ епархіальныя комиссіи. 1900-ый годъ, вообще говоря, благопріятенъ для курскаго земледѣльца. Сборъ хлѣбовъ въ этомъ году былъ „вполнѣ удо-

влетворительный“ и слѣдовалъ за годомъ тоже очень благополучнымъ; цѣны сельско-хозяйственнаго труда держались поэтому выше обыкновеннаго уровня, а заработки отъ кустарныхъ промысловъ превзошли доходы какого-либо изъ предшествующихъ лѣтъ. Это благоприятное сложеніе обстоятельствъ выразилось между прочимъ въ томъ, что отходъ населенія на сторону въ 1900 году сократился въ сравненіи съ двумя предшествующими годами. Подведя же финансовыя итоги хозяйственной дѣятельности сельскаго населенія—общую сумму его доходовъ „Обзоръ“ опредѣлилъ въ 49,2 милл. р., а расходы на продовольствіе (только хлѣбомъ), обѣмененіе полей, прокормъ скота и на казенныя, земскія и мірскія платежи—въ 36,1 милл. р.; на всѣ остальные расходы—уплата аренды, ремонтъ инвентаря, одежда, соль, требы и т. п.—у крестьянъ курской губерніи остается, такимъ образомъ, 13,1 милл. р., или, въ среднемъ, 6 р. 76 к. на душу. Эта средняя губернская значительно колеблется по отдѣльнымъ уѣздамъ, и если въ тимскомъ, суджанскомъ, щигровскомъ уѣздахъ она поднимается до 9—10 руб. на душу, то въ фатежскомъ опускается до 4, а въ грайворонскомъ уѣздѣ до 2 р. 34 к. на душу. Колебанія дохода отдѣльныхъ семей въ предѣлахъ каждаго уѣзда не уступаютъ, конечно, колебаніямъ среднихъ по-уѣздныхъ цифръ, и если, напримѣръ, предположить, что $\frac{1}{6}$ часть домохозяевъ грайворонскаго уѣзда, прокормивъ себя и свой скотъ, обѣявъ поля и расплатившись съ фискомъ, сохранить въ своихъ карманахъ еще по 10 р. на каждую душу, составляющую ихъ семью, то это значитъ, что $\frac{5}{6}$ населенія уѣзда не имѣютъ никакого остатка для удовлетворенія своихъ нуждъ сверхъ хлѣба; а такъ какъ населеніе это не могло не расходовать денегъ на уплату за арендованную землю, на ремонтъ орудій, на соль, деготь, керосинъ, на нѣкоторыя духовныя требы, на расплату съ наиболѣе настойчивыми кредиторами, и такъ какъ многообразныя подати населеніемъ этого уѣзда были уплачены полностью, то мы не можемъ избѣгать заключенія, что большая часть крестьянъ грайворонскаго уѣзда не могла удовлетворить своей продовольственной нуждѣ въ нормахъ, принятыхъ казенной палатой (18 пудовъ зерна и 8 пудовъ картофеля въ годъ на душу), и должна была существовать впроголодь. Въ такомъ же положеніи находится извѣстная часть крестьянъ и въ другихъ уѣздахъ курской губерніи, и потому полуголодное существованіе въ самые благополучные годы должно быть признано нормальнымъ для значительнаго числа... не отверженцевъ общества, а настоящихъ земледѣльцевъ курской губерніи. Къ сожалѣнію, такое существованіе является обычнымъ состояніемъ многихъ земледѣльцевъ не курской только губерніи и не центрального черноземнаго района; оно больше и больше распространяется по всей территоріи земледѣльческой, по преимуществу,

полосы Россіи. „Прогрессирующее обезземеленіе крестьянства, — говорить, напримѣръ, въ послѣднемъ отчетѣ земскому собранію казанская уѣздная земская управа, — общее разстройство сельскаго хозяйства, вызванное и вызываемое многими причинами, довели населеніе до такой степени обѣднѣнія, что голодовка, буквальная въ продолженіе по крайней мѣрѣ половины зимы, сдѣлалась нормальнымъ явленіемъ для большей части крестьянъ“.

Воздержимся, однако, отъ прониженія въ мрачныя глубины народнаго хозяйства, ограничимся самымъ близкимъ къ намъ итогомъ обследованія курской казенной палаты, заключающимся въ томъ, что на всѣ расходы, требующіе затраты денежныхъ средствъ, у курскаго крестьянина въ благополучномъ году освободилось 6 р. 76 к. на душу; изъ этой суммы необходимо вычесть долю владѣльца арендуемой крестьяниномъ земли, уплачиваемую частью при заключеніи сдѣлки, частью по снятіи урожая, послѣ чего на личные расходы крестьянина останется пять рублей на душу. Столь низкій доходъ земледѣльца естественнымъ образомъ вызываетъ вопросъ о ближайшихъ причинахъ такого положенія дѣлъ, и рассматриваемое нами изданіе заключаетъ нѣкоторые данныя для отвѣта на этотъ вопросъ. Самъ „Обзоръ“ главную причину факта видитъ въ условіяхъ сельскаго хозяйства. Но это лишь одна сторона дѣла, значеніе которой будетъ еще ослабляться по мѣрѣ того, какъ, съ естественнымъ размноженіемъ населенія, крестьянину придется затрачивать меньше и меньше времени на сельскохозяйственную дѣятельность. Другую сторону вопроса о низкомъ экономическомъ уровнѣ населенія нужно поэтому искать въ томъ, какіе доходы имѣетъ это населеніе внѣ области сельскаго хозяйства. Обращаясь за разъясненіемъ этого вопроса къ „Обзору податнаго состоянія курской губерніи“ и пользуясь имѣющимъ тамъ расчисленіемъ крестьянскихъ доходовъ по ихъ категоріямъ, мы разобьемъ этотъ доходъ на двѣ части: лѣтніе и зимніе. Къ лѣтнему доходу относится 32,3 милл. р. стоимости урожая, 3,7 милл. р. заработковъ по обработкѣ полей мѣстныхъ землевладѣльцевъ и по крайней мѣрѣ половина, т.-е. 4,6 милл. р., суммы, приносимой крестьянами съ отхожихъ промысловъ, значительную часть которыхъ составляютъ промыслы сельско-хозяйственные и строительные, т.-е. лѣтнія занятія. Къ зимнимъ доходамъ мы отнесемъ остальную половину (4,6 милл. р.) суммы, вклученной въ отходѣ, и всѣ 2,2 милл. р., полученные населеніемъ отъ кустарныхъ промысловъ, хотя названнымъ промысламъ населеніе отдаетъ и часть лѣтняго времени. Итакъ, по самымъ преуменьшеннымъ расчетамъ, въ теченіе восьми лѣтнихъ мѣсяцевъ крестьяне курской губерніи добываютъ болѣе 40 милл. р. или болѣе 5-ти милл. р. въ мѣсяцъ; а по преувеличеннымъ расчетамъ относительно четырехъ зимнихъ

мѣсяцевъ—заработки ихъ въ это время не достигаютъ и 7-ми милл. р., или 2-хъ милл. р. въ мѣсяць. Можно поэтому допустить, что доходность лѣтняго мѣсяца курскаго крестьянина почти въ три раза превосходитъ доходность мѣсяца зимняго. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что въ зимнее время, вообще, существуетъ очень слабый спросъ на трудъ. Увеличеніе этого спроса, иначе говоря—открытие сельскому населенію новыхъ источниковъ заработковъ въ періодъ времени, когда оно свободно отъ полевыхъ работъ—составляетъ поэтому важное условіе обезпеченія его благосостоянія. Значеніе этого условія будетъ болѣе и болѣе расти, такъ какъ, повторяемъ, населеніе прибываетъ, а площадь, подлежащая обработкѣ, остается неизмѣнною; фабрики и заводы берутъ очень мало рабочихъ, и сыновьямъ земледѣльца приходится тѣсниться на томъ самомъ полѣ, для обработки котораго достаточно было рукъ отпа. Время, отдаваемое каждымъ изъ нихъ земледѣлію, будетъ поэтому сокращаться, но зато удлинится періодъ, который они должны заполнить работами не-земледѣльческаго характера.—В. В.

— Очеркъ всеобщей и русской исторіи, Михаила Коваленскаго. Москва. 1902.

Авторъ даетъ написанный весьма сжато, но содержательно, *поэти- рительный* курсъ исторіи для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, предпосылая каждой исторической эпохѣ отдѣльную характеристику и постепенно расширяя фактическія данныя, приводимыя въ курсѣ, по мѣрѣ приближенія ихъ къ настоящему времени. Въ число историческихъ факторовъ авторомъ введены—религія, философія и литература. Ихъ краткіе, но вѣрные очерки у разныхъ народовъ и на разныхъ ступеняхъ развитія человѣчества составляютъ главное достоинство труда г. Коваленскаго, за которымъ слѣдуетъ признавать, кромѣ того, строго выдержанную систематичность. У насъ приходится слышать, что разбору литературныхъ произведеній и философскихъ ученій—не мѣсто въ учебникахъ исторіи: для первыхъ существуетъ курсъ словесности, для послѣднихъ—университетское преподаваніе, безъ котораго они не могутъ быть правильно поняты и усвоены. Излишне доказывать ошибочность такого взгляда. Точки зрѣнія историка и словесника на литературныя произведенія совершенно различны. То, что для словесника явится, на примѣръ, въ трудахъ Руссо, образцомъ устарѣлыхъ формъ творчества, стиля и изложенія, то для историка будетъ имѣть громадное значеніе по своему вліянію на настроеніе умовъ, отразившееся на ходѣ и событіяхъ французской революціи. Не всякому, даже и поступающему въ университетъ, приходится слушать курсъ исторіи философій, и ознакомленіе съ нею, особливо въ такихъ *выпуклыхъ*

чертахъ, какъ это сдѣлано г. Коваленскимъ—ничего кромѣ пользы принести не можетъ. Поэтому нельзя не признать эту книгу вполне цѣлесообразною. Она не лишена, однако, и нѣкоторыхъ недостатковъ, легко, впрочемъ, исправимыхъ. Такъ, напримѣръ, пересмотрѣнный державами (стр. 205) Санъ-Стефанскій трактатъ до такой степени „чреватъ событіями“, что слѣдовало бы указать, *съ чѣмъ именно* заключался пересмотръ. Невѣрно, напримѣръ, указаніе, что Чернышевскій сотрудничалъ въ „Русскомъ Словѣ“... Едва ли также можно, несмотря на замѣчательные литературные труды К. Д. Кавелина по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, называть его главнымъ сотрудникомъ Александра II въ крестьянской реформѣ. Съ большимъ правомъ сюда могъ бы быть отнесенъ, напримѣръ, А. И. Кошелевъ.—К.

— Народное образованіе въ Петербургѣ, Ю. Н. Лавриновича. Слб. 902.

Настоящій очеркъ составленъ по поводу совершившагося въ іюнѣ 25-лѣтняго управленія петербургскою думою городскими начальными училищами, и уже по тому одному является вполне кстати. У насъ, не такъ давно, въ отдѣлѣ „Хроники“, по такому же поводу, былъ помѣщенъ краткій историческій обзоръ хода начальнаго народнаго образованія въ столицѣ и современнаго его положенія. Авторъ очерка весьма наглядно изображаетъ результаты дѣятельности городского общественнаго управленія на поприщѣ народнаго образованія, въ видѣ таблицы, изъ которой, напримѣръ, видно:

	въ 1877 г.	въ 1902 г.
1) Число жителей Петербурга . . .	750.000	1.400.000
2) „ начальныхъ училищъ . . .	16	471
3) „ учащихся	800	28.000
4) „ окончившихъ курсъ	88	4.000
5) 1 думская школа на	46.875 жит.	2.972
6) Отпускалось Думою на школы . . .	14.000 р.	1.234.000 р.

Различіе въ помѣщеніяхъ школъ и ихъ внѣшней обстановкѣ до 1877 г. и послѣ того, какъ то видно изъ акта приѣма училищныхъ квартиръ въ 1877 г. и настоящаго ихъ положенія, представляется несравненно большимъ, чѣмъ ихъ количественное отношеніе. Допуская нѣкоторыя удобства отъ предпринятой городомъ въ послѣдніе годы постройки школьныхъ домовъ съ соединенными классами, въ 10, 12 и болѣе классовъ, авторъ усматриваетъ тутъ и неудобство. Но такой взглядъ представляетъ собою чистое недоразумѣніе. Каждый школьный домъ служитъ не болѣе какъ на площади круга съ радиусомъ въ одинъ и не болѣе полутора километровъ, а потому ни

одному изъ учащихся не приходится, и какъ то думаетъ авторъ, ходить болѣе одного или полутора километра, или не болѣе 20—30 минутъ, а такое движеніе въ теченіе дня было бы необходимо для ребенка и безъ школы. Если за предѣлами этого круга нѣтъ другого такого же школьнаго дома, то, конечно, тамъ должны оставаться училища въ частныхъ квартирахъ, пока въ ихъ центрѣ не будетъ выстроенъ новый школьный домъ. Городъ, чтобы имѣть право сосредоточить въ многоклассные школьные дома всѣ 470 училищъ, долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, 40 домовъ съ 600 учащимися въ каждомъ; а въ такомъ случаѣ едва ли бы нашелся хотя одинъ учащійся, который жилъ бы отъ школы дальше одного километра (почти верста). Въ Берлинѣ, гдѣ въ народныхъ училищахъ обучается свыше 250.000 дѣтей (ученіе начинается съ 6—7-лѣтнихъ и оканчивается 14—15-лѣтними), тамъ имѣется около 250 домовъ съ соединенными классами; но и въ Берлинѣ, въ отдаленныхъ частяхъ города, гдѣ населеніе очень слабо, но, тѣмъ не менѣе, дѣти есть, и теперь существуютъ училища въ наемныхъ частныхъ домахъ: какъ только населеніе увеличивается и является возможность построить школьный домъ на 600—700 человѣкъ, городъ немедленно приступаетъ къ такой постройкѣ. Безъ сомнѣнія, тѣмъ же путемъ долженъ идти и Петербургъ при дальнѣйшей постройкѣ школьныхъ домовъ: школьный домъ, на примѣръ, на 600 дѣтей, долженъ обслуживать такое пространство, чтобы на немъ жило такое же ихъ число, и при этомъ всѣ они должны быть отъ школы не далѣе одного или полутора километровъ; за этимъ пространствомъ долженъ быть или построенъ новый домъ, или училища должны помѣщаться по прежнему въ наемныхъ домахъ. А автору представлялось дѣло, вѣроятно, въ такомъ видѣ: городъ отстроилъ домъ на 12 классовъ, и, вслѣдствіе того, закрылъ 12 училищъ, на какомъ бы разстояніи они ни находились, хотя бы за три или четыре километра. Всѣмъ извѣстна постройка перваго школьнаго дома на Васильевскомъ Островѣ, и что же?—туда было переведено всего 5 старыхъ училищъ и вновь открыты 7; но и это до такой степени не исчерпывало все дѣтское населеніе около этого дома, что и до сихъ поръ по сосѣдству съ нимъ имѣются 5—6 училищъ въ частныхъ домахъ,—другими словами, въ ближайшихъ окрестностяхъ съ этимъ школьнымъ домомъ, живутъ еще отъ 250 до 300 дѣтей, которыя не могли быть въ него приняты. — Z.

Въ теченіе октября, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры.

Адамовъ, П.—Руководство къ веденію сочиненій въ средн., низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и при домашнемъ обученіи Рига. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Арсеньева, С. Д.—Разказы изъ русской исторіи. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Витыицъ-Дамевскій, Н.—Обзоръ виднѣйшихъ сношеній Россіи, по 1800 г. Ч. IV: Пруссія, Фривція и Швеція. М. 902. Ц. 3 р.

Баранцевичъ, Е. С.—На волю! Разказы для дѣтей. Съ рис. въ текстѣ. М. 902. Ц. 20 к.

— „Други“. Разказы для дѣтей средняго возраста. Съ рис. въ текстѣ. М. 902. Ц. 20 к.

— Пусть живеть! Три разказа для дѣтей старш. возраста. Съ рис. въ текстѣ. М. 902. Ц. 20 к.

Бернаръ, Лазарь.—Соціальныя задачи юдаизма и еврейскій народъ. Перев. Н. Гешера, и. р. Я. Сакера. Од. 903. Ц. 30 к.

Биберстгъ, фонъ-Редингъ.—Походъ Суворова черезъ Швейцарію, 24 сент.—10 окт. 1799 г. Перев. Е. П. Мартынова. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Богословскій, Н. А.—Матеріалы для изученія нижнеѣловой аммонитовой фауны центральной и Сѣверной Россіи. Съ 18 палеонтологическими таблицами. Спб. 902.

Вадетъ-Пауль.—Въ помощь развѣдчикамъ. Спб. 902.

Боровиковскій, А. Л.—Бракъ и разводъ по проекту гражданскаго уложенія. Спб. 902.

Брандесъ, Г.—Собраніе сочиненій. Т. VI: Натурализмъ въ Англіи. Русскіе писатели. Съ датск., и. р. М. Лучицкой. Кіевъ. 902. Ц. за 12 т.—5 р.

Васильевъ, А. А.—Византия и Арабы. Политическія отношенія Византіи и Арабовъ въ время Македонской династіи. 817—950. Спб. 902.

Вересаевъ, В.—Разказы. Т. II. Спб. 902. Ц. 1 р.

Висковатовъ-Висковитый, Пав.—В. А. Жуковскій, какъ народникъ. Спб. 902 г.

Висковскій, Вячеславъ.—Разказы. Од. 902.

Головинъ, К. (К. Орловскій)—Полное собраніе сочиненій. Т. IV: Въѣзды, ром., ч. 3, 4 и 5. Въ Свѣтлый праздникъ, разск. Т. V: 1) Театральныя дѣйства, нов. 2) На высотѣ, ром. Спб. 902. Ц. по 1 р. 25 к. томъ.

Гордонъ, Г. И., д-ръ.—Сіонизмъ и Христіане. Спб. 902. Ц. 20 к.

Григорьевъ, Г.—Краткій курсъ химіи для средней общеобразовательной школы и для самообразованія. Изд. 2-е, исправленное. Одобрено Учен. Комит. Мин. народа. просвѣщенія. Спб. 902. Ц. 80 к.

Гротъ, К. Я.—Петръ Александровичъ Шетневъ. Спб. 902.

— В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 году. Спб. 902.

Грузинскій, А. Е.—Тридцать лѣтъ жизни Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. Съ 5 портр. и 65 биограф. М. 902. Ц. 1 р.

Гусевъ, С. С. (Слово-Глаголь).—Наши общественныя дѣла и бездѣлье. Спб. 902. Ц. 1 р.

Ефремиковъ, В.—Замѣтка изъ исторіи славянофильства. Воронежъ. 902.

Евмикинъ.—Мысли о языкахъ. Учителя—Ученики—Учебники—Учебныя заведенія. Признаки плохого преподаванія, плохого изученія, плохихъ учебниковъ и плохихъ школъ въ изученіи языковъ. Спб. 902. Ц. 40 к.

Ж., А.—Антокольскій и евреи. Весь доходъ съ изданія предназначается авторомъ брошюры въ пользу бѣдныхъ евреевъ гор. Вильны. Вильна. 902. Ц. 40 к.

Живаго, С. П.—Задачи университетскаго преподаванія права въ Германіи. Спб. 902.

Жидъ, П.—Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ. Съ франц., п. р. и съ предисл. проф. Ю. Гамбарова. М. 902. Ц. 2 р.

Залтскій, В. Ф.—Лекціи исторіи философіи права. Каз. 902. Ц. 3 р.

Зелинскій, В.—Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Выпускъ первый. Изданіе четвертое. М. 902. XI. 492 стр. Ц. 2 р.

Зиминъ, Н. П.—Научныя изслѣдованія американскаго способа очищенія воды и примѣры его примѣненія. М. 902.

— По вопросу о портѣ водопроводныхъ трубъ обратными токами электрическихъ трамваевъ. М. 902.

Зола, Эм.—Трудъ, ром. Съ франц. О. Н. Поповой. Спб., 901. Ц. 1 р. 50 к.

Исполотовъ, К. К.—Мысли стараго врача. По поводу „Записокъ врача“, Вересаева. Новоросск. 902. Ц. 40 к.

Иогансонъ, Ю. А.—Руководство для приготовленія простыхъ, тонкихъ и вегетарианскихъ обѣдовъ. Съ 66 рис. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 902. Ц. 4 р.

Канторовичъ, Я. А.—Сборникъ опредѣленій 1-го Департамента Правительствующаго Сената по городскимъ и земскимъ дѣламъ за 10 лѣтъ (1890—1901 г.). 2483 опредѣленія. Съ приложеніемъ алфавитнаго указателя. Спб. 902. Ц. 8 р. 50 коп.

Касторскій, Ф.—Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Т. IV, вып. VII: Можайскій уездъ. М. 902. Ц. 75 к.

Косиновичъ, Л. И.—Книга мелодій. Спб. 902. Ц. 60 к.

Крымскій, А. Е.—Пальмова Гыля. Экзотичныя поэмы. 1898—1901 г. Звенигородка. 902. Ц. 50 к.

Кузьминъ-Баравасъ, В. Д.—Пресѣченіе способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда. Спб. 902. Ц. 40 к.

Кюльцъ, д-ръ Л.—Отвѣтъ на исповѣдь врача Вересаева. М. 903. Ц. 50 к.

Ланерлефъ, Сельма.—Чудеса Антихриста, ром. Съ швед. М. Благовѣщенскаго. Спб. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Макушевъ, Влад.—1) Противъ ученія гр. Л. Н. Толстого. Спб. 901.
2) Quousque tandem!.. Спб. 902. 3) Во имя истины, на пользу родины. Спб. 902.
4) Златоструй. Моимъ маленькимъ друзьямъ. Спб. 902. Ц. 40 к.

Марко Вовчокъ.—Народни оповидання. Т. I и II. У Кънви. 902.

Мейенъ, В. Ф.—Россія въ дорожномъ отношеніи, въ 3-хъ томахъ, съ приложеніемъ 5 картогр. и картъ губерній. Изд. Хозяйствен. Деп. Мин. вн. дѣлъ. Спб. 902. Ц. 6 р. 50 к.

Мижусъ, П. Г.—Исторія колониальной Имперіи и колониальной политики Англіи. Спб. 902. Ц. 1 р.

— Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія „Новая Зеландія“. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Минаевъ, И. П.—Путешествіе Марко Поло. Перев. съ старо-франц. текста, п. р. В. В. Бартольда. Спб. 902.

Миропольскій, А. П.—Лѣствица, поэма въ семи главахъ, съ предисловіемъ Валерія Брюсова. М. 902.

- Моргулисъ, М. Г.*—Вопросы еврейской жизни. Собрание статей. 2-е изд. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.
- Моревъ, Д. Д.*—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Изд. 7-е, исправл. по нов. свѣд. Спб. 902. Ц. 2 р.
- Мутеръ, Р.*—Исторія живописи. Т. II. Съ нѣм. п. р. К. Бальмонта. Спб. 902. Ц. 2. 50 к.
- Мюръ, Морисъ.*—Еврейскій умъ. Съ франц. Е. Отоцкой. Спб. 902. Ц. 1 р.
- Некрасовъ, П. А.*—Философія и логика наукъ о массовыхъ проявленіяхъ челоуѣческой дѣятельности. Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле. М. 902. Ц. 70 к.
- Ожешико, Элиза.*—Собрание сочиненій. Т. IX: Два полюса. Кіевъ. 902. Ц. за 12 т. 4 р.
- Онуковъ, К. Е.*—О расколѣ на Низовой Печерѣ. Спб. 902.
- Остальтъ, Вильг.*—Натуръ-философія. Лекціи, читанныя въ Лейпциг. университетѣ. Перев. Г. Котляръ и М. Филиповъ. М. 902. Ц. 2 р.
- Панковъ, А.*—Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870 г.). Спб. 902. Ц. 1 р. 50.
- Необходимость обновленія православнаго церковно-общественнаго строя. Спб. 902. Ц. 40 к.
- Пискорскій, В. К.*—Исторія Испаніи и Португаліи. Спб. 902. Ц. 1 р.
- Ренаръ, Жюль.*—Рыжикъ. Съ франц. Э. Г. Харьк. 902. Ц. 40 к.
- Реманъ, Эрн.*—Собрание сочиненій, т. VII: I. Философскія драмы. II. Философскія статьи. Съ франц. п. р. П. Михайлова. Кіевъ. 902. Ц. за 12 т.—5 р.
- Рокотковъ, А.*—Мечты и Думы. Поэмы и стихи. М. 902. Ц. 50 к.
- Рукавишниковъ, Иванъ.*—Стихотворенія. Т. II. Спб. 902. Ц. 1 р. 80 к.
- Рыстенко, А. В.*—Въ исторіи повѣсти „Стефанитъ и Ихнилатъ“ въ византийской и славяно-русской литературѣ. Од. 902.
- Рышковъ, В.*—Рассказы, 2-я книжка. Спб. 903. Ц. 75 к.
- Святловскій, В. В.*—Жилищный вопросъ съ экономической точки зрѣнія. Вып. I: Жилищный вопросъ на Западѣ. Вып. IV и V: Жилищный вопросъ въ Россіи. Спб. 902. Цѣна за всѣ 5 вып. 5 рублей.
- Скрѣбицкій, А. И., докторъ.*—Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ приврѣніе на Западѣ. Съ чертежами въ текстѣ и 5-ю таблицами. Спб. 903. Стр. 1024. Ц. 6 р.
- Соколовъ, Г. А.*—О В. А. Жуковскомъ. Астрах. 902.
- Столярковъ, Н.*—Аналитическое доказательство предложенной г. Туганъ-Барановскимъ политико-экономической формулы: Предѣльная полезности свободно произведенныхъ продуктовъ пропорціональна ихъ трудовымъ стоимостямъ. Кіевъ. 902. Ц. 25 коп.
- Стеновичъ, А. I.*—Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 7-й. Кіевъ, 1902 г.
- Сумцовъ, К. Ѳ., проф.*—В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь. Харьк. 902.
- Очерки народнаго быта. Изъ этнограф. экскурсіи 1901 г. по Ахтырскому уѣзду, Харьк. губерніи. Харьк. 902.
- Темниковскій, Евг.*—Религіозная и гражданская форма заключенія брака по проекту гражданскаго Уложенія. Кн. 2. Яросл. 902.
- Тобилевичъ, Ив.*—Хазяинъ. Комедія на 4 дѣи. Кыивъ. 902. Ц. 10 к.
- Толстой, гр. А. К.*—Полное собраніе стихотвореній. Драмы, поэмы, повѣсти, былинны, баллады, притчи, пѣсни, очерки. Спб. 903. Т. I и II. Ц. 3 р.

— Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Т. IV Полнаго собранія сочиненій. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Трохимовичъ, В. Ф.—Афоризмы. Спб. 902. Ц. 40 к.

Файнштеръ, Гансъ.—Нитцше, какъ философъ, съ портр. Нитцше. Съ 2-го вѣд. изд. А. Малинина. М. 902. Ц. 50 к.

Фирсаевъ, П. П.—Матеріалы къ вопросу о кризисѣ земской статистики. Спб. 902. Ц. 3 р.

Чайковский, М.—Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. III. 1885—1893 г. Вып. XXI. М. 902.

Чичаговъ, Л. М.—Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 году. Изданіе третье (народное). Спб. 902. XVI и 426 столбц. Ц. 60 коп.

Эразмъ Роттердамскій.—Похвала глупости. Перев. съ предисл., введ. и примѣчаніемъ П. П. Ардашова, проф. Юрьев. унив. Юрьевъ. 902. Ц. 1 р.

Яковскій, И. О.—Плотность свѣтового зѣвря и оказываемое имъ сопротивленіе движенію. Брянскъ. 901. Ц. 25 к.

Ясевичъ-Бородаевская, В. И.—Сектанство въ Кіевской губерніи. Балтвисты и Малѣванцы. Спб. 902.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Удостоено Имп. Академіею наукъ въ 1901 г. полной Пушкинской преміи. Т. I—VIII. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1894—98. Каждый томъ—1 р. 25 к. Ц. за 8 том.—10 руб.

Штененко, Вл.—Пособіе для историческаго изученія русской словесности въ средних учебныхъ заведеніяхъ. Ч. I: Древній періодъ. Ч. II: Эпоха преобразованій и Ломоносовскій періодъ. Ч. III: Карамзинскій періодъ. Спб. 902. Ц. 2 р. 10 к.

Шубинъ, Ф. Г.—Мой отвѣтъ защитникамъ рутины въ школьной географіи. Спб. 902. Ц. 15 к.

Niederle, D-r Ludor.—Slovanske Starozitnosti. V Praze. 902.

— Monografie w zakresie Dziejow Nowozytnych, wydawca Szymon Askenozy. T. I: Rządy tymczasowe w Królestwie Polskiem. Mai—Grudzien 1815. Przez T. Wojasinskiego. T. II. Między Jena a Tylza. 1806—1807. Przez Macieja Loreta. Варшава. 902. Ц. 1 р. 60 к.

— „Архитектурный Музей“. Художественно-архитектурный журналъ—выходитъ 10 разъ въ годъ. Подписка: въ Спб.—10 р.; иногороднымъ—12 р.; за границу—14. Подъ редакціей Вл. Карповича. Вышло 6 выпусковъ.

— Военныя событія въ Китаѣ. 1900—1901 гг. Съ 13 планами и карт. въ текстѣ. Перев. съ франц. П. В. Будзко. Спб. 902. Ц. 1 р. 20 к.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Енисейскій золотоносный районъ. Вып. III, съ картой. Спб. 902.

— Медицинскій Отчетъ по вѣдомству учрежденій Имп. Маріи 1899—1900. Спб. 902.

— Отчетъ по вѣдомству Дѣтскихъ Приютовъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ за 1900 годъ. Спб. 902.

— „Промышленность и здоровье“. Вѣстникъ профессиональной гигиены фабричнаго и санитарнаго законодательства. Годъ I. П. р. Я. В. Пожева. Спб. 902. Подписка на 15 мѣсяцевъ, съ 1 окт. 1902 по 1 янв. 1903 г.—8 руб.—Подп. на годъ (9 мѣсяцевъ) 6 руб.; 1/2 года—3 р. 50 к.; 1/4 года—2 руб.

— Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ Университетѣ. Юрьевъ. 902. Ц. 2 р.

— Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Вып. 2: ч. 1 и 2. Правила отчетности съ объясненіями и образцами отчетныхъ книгъ и записей. Спб. 902.

— Текущая сельско-хозяйственная статистика Олонецкой губерніи. Вып. V: Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства и вѣземледѣльческихъ промысловъ населенія за зимній весенній періодъ (январь и май) 1902 г. Петрозаводъ 902.

— Тысяча-девятьсотъ-второй годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. 3. Спб. 902.

— Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. I: В. В. Поворинская, О пріученіи дѣвочекъ къ домашнему хозяйству. Спб. 902. Ц. за всѣ 50 выпусковъ—9 руб.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

G. Reval. „Les Sèviennes“; стр. 385. „Les Lycéennes“; стр. 309. Paris, 1902. (Librairie Ollendorff).

Современные французскіе романисты сосредоточились на описаніи определенной общественной среды—высшей буржуазіи и аристократическаго общества, т.-е. людей болѣе или менѣе праздныхъ и потому болѣе изощренныхъ въ своихъ чувствахъ. Мастера психологическаго романа, Флоберъ, а потомъ Зола и Мопассанъ, болѣе широко понимали свою задачу, изображали всѣ классы общества и затрогивали всѣ стороны душевной жизни. Но средняя масса ихъ послѣдователей создала моду на чисто свѣтскій романъ, сводящійся къ описанію любовныхъ интригъ въ праздномъ обществѣ. Въ настоящее время начинается нѣкоторая реакція противъ такой исключительности сюжетовъ, и въ беллетристикѣ затрогиваются живые вопросы современной жизни; углубляется также вмѣстѣ съ тѣмъ идейное содержаніе. Большое вліяніе въ этомъ смыслѣ оказалъ Анатоль Франсъ, создавшій новый родъ беллетристики своими философскими романами изъ современной жизни; въ нихъ онъ съ безпристрастіемъ историка говоритъ о живой дѣйствительности, переплетая вымыселъ съ непосредственной передачей общественныхъ событій. Примѣръ Франса создалъ цѣлый рядъ произведеній, отличающихся разнообразіемъ психологическихъ темъ, изображеніемъ иныхъ душевныхъ переживаній, чѣмъ колебанія между выборомъ въ возлюбленные того или другого изъ друзей мужа въ романахъ Бурже, Онэ и др.

Къ числу такихъ болѣе оригинальныхъ произведеній принадлежатъ двѣ книги Габриэли Реваль: „Les Sèviennes“ и „Les Lycéennes“. Въ нихъ описывается жизнь и психологія французской интеллигентной дѣвушки, готовящейся къ самостоятельной трудовой жизни. Эта тема нова во французской беллетристикѣ. Въ виду моды на адюльтерный романъ французскіе романисты пренебрегаютъ изображеніемъ молодыхъ дѣвушекъ; онѣ выходятъ у нихъ безцвѣтными существами, занятыми только нарядами и ожидающими пробужденія къ жизни въ замужествѣ; съ легкой руки Марселя Превэ, автора знаменитыхъ „Demi-Vierges“, новѣйшіе французскіе беллетристы стали удѣ-

зять вниманіе особой категоріи свѣтскихъ дѣвушекъ съ развращеннымъ воображеніемъ, соединеннымъ съ трезвой практичностью, но этотъ типъ стоитъ совершенно особнякомъ во французской жизни, и изображая его, романисты все-таки не знакомятъ съ французской дѣвушкой. На этотъ пробѣлъ во французской беллетристикѣ часто указывали нѣкоторые критики, говоря, что двѣ категоріи дѣвушекъ, встрѣчаемыхъ во французскихъ романахъ, т.-е. нарядныя куклы, или, какъ ихъ называютъ, *petites oies blanches*, и новѣйшее изобрѣтеніе романистовъ, *demi-vierges*, далеко не исчерпываютъ типовъ французскихъ дѣвушекъ. и что изученіе женщины до замужества несомнѣнно обогатило бы психологическое содержаніе французскихъ романовъ.

Обѣ книги Габріэли Реваль посвящены именно находящейся въ пренебреженіи у модныхъ беллетристовъ средней французской дѣвушкѣ въ томъ періодѣ, когда она занята развитіемъ своихъ умственныхъ силъ и приготовленіемъ къ самостоятельной дѣятельности. Въ первой книгѣ, „*Sévriennes*“, говорится о дѣвушкахъ, проходящихъ университетскій курсъ въ высшей женской школѣ въ Севрѣ, гдѣ онѣ готовятся къ государственной службѣ въ качествѣ „профессоровъ“ въ женскихъ лицеяхъ. Во второй, „*Luséennes*“, рассказъ о жизни „севриенокъ“ дополняется описаніемъ преподаванія и быта женскихъ лицеевъ, и характеристиками разныхъ типовъ ученицъ, молодыхъ дѣвушекъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 года. Обѣ книги имѣютъ документальный интересъ, въ особенности первая, написанная съ большой любовью къ женской *alma mater*, т.-е. къ Севрской школѣ, и въ особенности съ большимъ пониманіемъ и сочувствіемъ къ тяжелой во многихъ отношеніяхъ судьбѣ дѣвушекъ, живущихъ самостоятельнымъ трудомъ во Франціи.

Книги г-жи Реваль—не первая въ своемъ родѣ. Психологію подрастающей дѣвушки и разныя стороны школьнаго быта пытался изобразить извѣстный и несомнѣнно очень талантливый романистъ Вилли въ своей прошумѣвшей книгѣ „*Claudine à l'école*“, за которой послѣдовали двѣ другія, „*Claudine à Paris*“ и „*Claudine en ménage*“. Успѣхъ „*Claudine à l'école*“ и побудилъ вѣроятно г-жу Реваль написать свои книги. Въ нихъ многое напоминаетъ первую книгу Вилли, и въ описаніяхъ нѣкоторыхъ подробностей школьныхъ нравовъ, и въ манерѣ изложенія. Книгá Вилли—дневникъ разбитной дѣвочки-подростка, понимающей и судящей о томъ, что происходитъ вокругъ нея въ школѣ и въ жизни; она совершенно свободна отъ условностей обыденной морали, глядитъ безъ всякихъ иллюзій на жизнь, ничѣмъ не возмущается и относится ко всему съ большимъ юморомъ. Такіе же типы чистыхъ душой, но понимающихъ жизнь и принимающихъ

все въ ней съ непосредственнымъ юморомъ, изображены въ обихъ книжкахъ г-жи Ревадь,—и это доказываетъ правдивость обоихъ авторовъ. Они не выдумываютъ своихъ героинь, а берутъ типы, созданные долгими вѣками культуры. Во Франціи, въ особенности въ Парижѣ, въ среднемъ кругу, гдѣ дѣтей не удаляютъ искусственно отъ жизни, и молоденькая дѣвочка не можетъ оставаться наивной: она все видитъ и понимаетъ, причеиъ, конечно, можетъ сохранить неприкосновенно чистую душу. Г-жа Ревадь тоже предпочитаетъ форму дневниковъ въ своемъ изложеніи, какъ болѣе непосредственно передающую впечатлѣнія дѣйствительности. Только у нея дневникъ ведется не одной героиней, а нѣсколькими школьницами разныхъ типовъ, въ перемежку съ письмами къ роднымъ и подругамъ; лишь отчасти повѣствованіе ведется отъ лица автора. Но сходство „Sèugiennes“ и „Lucèennes“ съ „Claudine à l'école“ ограничивается только этими внѣшними чертами, сходствомъ манеры изложенія, и общностью нѣкоторыхъ типовъ. Самый духъ книгъ—иной, можно даже сказать противоположный, вызванный отчасти протестомъ противъ выводовъ Вилли о психологіи подростяущей французской дѣвушки. Вилли—юмористъ и скептикъ; онъ вкладываетъ свое философское равнодушіе въ вопросамъ нравственности въ душу молоденькой дѣвушки, превращаетъ ее въ зоркаго наблюдателя окружающей грязи, и затѣмъ, въ дальнѣйшихъ книгахъ, показываетъ, какъ, начиная съ инстинктивнаго отвращенія къ жизненному уродству, она постепенно сама утопаетъ въ немъ. Все это описано остроумно и мѣтко, но въ этомъ нѣтъ психологіи молодой дѣвушки, которая, естественно, должна быть болѣе занята своимъ собственнымъ душевнымъ міромъ, чѣмъ обличеніемъ окружающихъ. Г-жа Ревадь, напротивъ того, раскрываетъ внутреннюю жизнь молодой французской дѣвушки, доказываетъ, что эта жизнь богата серьезными мотивами, и затѣмъ рисуетъ условія, въ которыя поставлена въ жизни серьезно работающая дѣвушка въ современномъ французскомъ обществѣ. Все это наиболѣе выясняется въ первой книгѣ „Sèugiennes“, дающей совершенно иное представленіе о средней французской дѣвушкѣ, чѣмъ то, которое установилось по романамъ общаго типа.

Въ „Sèugiennes“ описывается жизнь воспитанницъ Севрской школы отъ того момента, когда онѣ приступаютъ къ конкурсному экзамену для поступленія, и до окончанія школы и начала самостоятельной педагогической дѣятельности. Отношеніе автора къ Севрской школѣ,—двойное. Самая школа, занятія, духовная среда, въ которой живутъ воспитанницы, даже внѣшнія условія жизни „сєвриенокъ“ въ уединенномъ прекрасномъ Севрѣ, среди зелени вѣкового парка—все это ей кажется идеальнымъ, и она очень краснорѣчиво описываетъ радости

севрской жизни. Но на судьбу дѣвушекъ, воспитывающихся тамъ, она смотритъ съ большимъ пессимизмомъ и приводитъ множество примѣровъ разочарованій и страданій, ожидающихъ ихъ по выходѣ изъ школы. Эта противоположность между тѣмъ, что высшее образование могло бы дать французской дѣвушкѣ, и что оно въ дѣйствительности ей даетъ, очень характерна для Франціи, и поэтому документальная сторона книги представляетъ большой интересъ, въ особенности для иностранцевъ, а въ частности для русскихъ. Получается любопытная параллель между отношеніемъ къ высшему образованию женщинъ во Франціи и въ Россіи. У насъ дѣвушка видитъ въ высшемъ образованіи—цѣль, ищетъ въ ней удовлетворенія своимъ умственнымъ запросамъ,—а для французки университетское образование только необходимость, вызванная экономическими условіями. По даннымъ г-жи Реваль, въ Севрѣ стремятся поступить лишь тѣ дѣвушки, которымъ необходимо въ будущемъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Севрская школа—великолѣпное обезпеченіе. Стоитъ только выдержать, — правда, очень трудный, требующій огромной подготовки,—конкурсный экзаменъ для вступленія, и жизнь покатится какъ по рельсамъ: три года вполне обезпеченной, спокойной жизни въ школѣ—на государственнѣй счетъ, среди интересныхъ занятій, и прекрасной, почти роскошной обстановки; а по окончаніи сразу получается мѣсто учительницы, для лучшихъ (и, конечно, имѣющихъ протекцію) ученицъ въ какомъ-нибудь изъ парижскихъ лицеевъ, для другихъ—въ провинціи, съ приличнымъ окладомъ и возможностью повышенія. Но, вступая на этотъ путь, французская дѣвушка знаетъ, что она какъ бы отрѣзала себя отъ общества,—она становится своего рода монахиней. Женщина-профессоръ почти не можетъ рассчитывать на замужество, такъ какъ у нея нѣтъ приданого, и кромѣ того слишкомъ высокій уровень образованія отпугиваетъ французскихъ мужчинъ средняго круга, дѣлаетъ въ ихъ глазахъ ученую севриенку какимъ-то существомъ средняго пола. Ей предстоитъ безрадостное существованіе учительницы, особенно тягостное, если она попадаетъ въ провинцію, гдѣ предрасудки въ обществѣ еще сильнѣе. Пробужденные въ ней умственные интересы не находятъ удовлетворенія въ дальнѣйшей ея жизни, потому что преподаваніе въ Севрѣ имѣетъ слишкомъ специальный характеръ. При своей широтѣ и серьезности программы, цѣль преподаванія сосредоточена исключительно на подготовленіи къ педагогической дѣятельности; воспитанницы становятся хорошими профессорами, очень знающими, но совершенно не пригодными ни къ литературной, ни къ научной дѣятельности. Соответствующая Севрской школѣ Ecole Normale для мужчинъ имѣетъ другой характеръ; изъ нея вышло множество ученыхъ и писателей. Высшее же образованіе женщины, по-

скольку о немъ заботится государство, имѣть только одну практическую цѣль. Въ хорошо образованныхъ и умственно развитыхъ женщинахъ французское общество не нуждается—онѣ нужны только государству въ качествѣ чиновниковъ-учительницъ для средней школы, и только о подготовкѣ таковыхъ заботится Севрская школа. Дѣвушки, попадая цѣной тяжелыхъ усилій въ этотъ женскій университетъ, роковымъ образомъ подчиняются этой исключительной цѣли. Если занятія наукой и возбуждаютъ въ нихъ жажду самостоятельной дѣятельности, то онѣ отъ этого только болѣе несчастны. Отказаться отъ матеріальнаго обезпеченія, которое даетъ имъ государство, слишкомъ рискованно, такъ какъ только необходимость жить собственнымъ трудомъ побуждаетъ ихъ вступить на путь университетской науки; а исполняя свое назначеніе, т.-е. вступая въ должность оплачиваемыхъ государствомъ учительницъ, онѣ неминуемо теряютъ всякую индивидуальность въ своей работѣ. Вотъ каковы результаты преподаванія въ женскомъ университетѣ во Франціи, и рисуя ихъ такими, г-жа Реваль даетъ вѣрное освѣщеніе „женскому вопросу“ во Франціи. Когда говорится о томъ, что французская женщина стоитъ на низшемъ уровнѣ развитія, чѣмъ женщины другихъ странъ и въ частности русская женщина, то это вовсе не значитъ, что у нихъ меньше научныхъ знаній. Напротивъ того, программа Севрской школы не уступаетъ любому университетскому курсу, и по своей научной подготовкѣ любая севриенка не только выдержитъ сравненіе, но вѣроятно и превзойдетъ учащихся женщинъ и въ Россіи, и въ другихъ странахъ. Но отношеніе къ наукѣ—иное; занятіе ею вызвано не свободной жаждой знанія и умственной работы, а экономической необходимостью, и составляетъ для французской дѣвушки своего рода несчастіе, заставляетъ трудящуюся севриенку завидовать обезпеченнымъ дѣвушкамъ, которымъ не нужно учиться. Во время ученія онѣ увлекаются своими занятіями, ихъ внутренняя жизнь несомнѣнно болѣе богата, чѣмъ жизнь обезпеченной дѣвушки, по все-же онѣ чувствуютъ себя заранѣе изгнанницами въ обществѣ. Въ этомъ, конечно, виноваты общественныя условія, предубѣжденіе противъ умственныхъ занятій для женщинъ, но виновато также и само преподаваніе въ Севрѣ, слишкомъ сосредоточенное на профессиональныхъ цѣляхъ.

Сознавая эту печальную сторону высшаго образованія женщинъ во Франціи, г-жа Реваль указываетъ въ своей книгѣ и на положительныя стороны женскаго университета въ Севрѣ. Чтò бы жизнь ни готовила этимъ будущимъ учительницамъ, годы, проведенныя въ школѣ, полны свѣтлыхъ впечатлѣній, высокихъ умственныхъ интересовъ. Подъ влияніемъ умственнаго труда углубляется и личная жизнь севриенокъ; ихъ чувства, ихъ отношенія къ жизни и людямъ стано-

вятся болѣе сознательными, болѣе содержательными, чѣмъ переживанія ихъ праздныхъ сестеръ, живущихъ въ оранжерейной обстановкѣ. Кромѣ того, есть большое интимное очарованіе въ полу-монастырской уединенной жизни этой общины молодыхъ дѣвушекъ (число воспитанницъ, живущихъ въ Севрѣ, — шестьдесятъ), передъ которыми раскрывается обаяніе литературы и искусства, которыя углубляются въ серьезное изученіе философіи и науки, и при этомъ молоды и любятъ жизнь, заняты въ свободное время всякаго рода развлеченіями и живутъ личной жизнью, любятъ, полны надеждъ на будущее, веселятся въ интимномъ кругу, не думая о томъ, что жизнь можетъ ихъ обмануть. Школу свою онѣ всѣ любятъ, такъ какъ она не стѣсняетъ свободы и обогащаетъ ихъ внутренней міръ. Пока онѣ въ школѣ, судьба ихъ можетъ измѣниться. Такъ какъ среди севріенокъ есть много красивыхъ и интересныхъ дѣвушекъ, то онѣ надѣются избѣгнуть чиновничества въ будущемъ. Всѣ онѣ мечтаютъ о замужествѣ, такъ какъ инымъ путемъ, путемъ свободной умственной работы, онѣ не могутъ избавиться отъ предстоящей имъ учительской дѣятельности—а она можетъ только обезпечить ихъ, но не удовлетворить. Но во всякомъ случаѣ, пока онѣ въ школѣ, жизнь ихъ интересна и полна впечатлѣній, и это очень краснорѣчиво изложено въ книгѣ г-жи Реваль. Она изображаетъ группу воспитанницъ, очень различныхъ—по характеру—одна отъ другой и сохраняющихъ свою индивидуальность среди общей жизни и общихъ интересовъ.

Книга „Sèviennes“ начинается съ описанія приѣмнаго экзамена въ Сорбоннѣ. Толпа кандидатокъ собирается на дворѣ Сорбонны и идутъ оживленные толки о шансахъ разныхъ кандидатокъ. Воспитанницы лучшихъ лицеевъ держатся очень самоувѣренно, заранѣе убѣжденные въ своемъ успѣхѣ. Сопровождающія ихъ учительницы даютъ послѣднія наставленія, напоминаютъ методы, которыхъ слѣдуетъ держаться при разработкѣ письменныхъ темъ. Въ группахъ кандидатокъ, подготовлявшихся къ экзамену не въ лицеехъ, а дома, болѣе подавленное настроеніе. Послѣ письменнаго экзамена происходитъ устный, и въ описаніи, напримѣръ, экзамена по философіи, видно, какъ много знаній, и въ особенности развитія, требуется отъ кандидатокъ для вступленія. Наконецъ, испытанія кончены, принятые кандидатки торжествуютъ, отвергнутыя съ грустью возвращаются къ работѣ, чтобы попытаться счастья черезъ годъ. Описаніе жизни и происшествій въ школѣ ведется, главнымъ образомъ, отъ лица героини, Маргариты Триэль, которая записываетъ всѣ свои впечатлѣнія въ дневникѣ. Маргарита—восторженная и вдумчивая дѣвушка, которая живетъ болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ, и потому въ ея запискахъ отражается эмоциональная сторона севрской жизни. Ей нравится обстановка школы, паркъ, ея соб-

ственная уютная комнатка; она любитъ красоту во всемъ, радуется своей собственной красотѣ и полна юношеской восторженности. Она судитъ о профессорахъ и учительницахъ по ихъ отношеніямъ къ ученицамъ, и ее огорчаетъ холодность начальницы школы, ея слишкомъ официальное отношеніе къ воспитанницамъ. Совсѣмъ въ другомъ родѣ свѣдѣнія, которыя даетъ о школѣ задорная, веселая парижанка Берта Пасси, которая пишетъ частыя письма своему отцу, поэту, живущему на Монмартрѣ, причѣмъ называетъ его „mon vieux Jules“, и пишетъ на пересыпанномъ жаргонными выраженіями языкѣ. Среди дѣвушекъ, поступившихъ вмѣстѣ съ нею, есть другіе типы,—есть практическая педантка, занятая исключительно приобрѣтеніемъ знаній, съ цѣлью лучше устроиться въ жизни; она ни съ кѣмъ не входитъ въ близкія отношенія, боясь терять время, употребляя даже свободные часы для изученія нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Занятія не интересуютъ ее по существу; она хочетъ отличиться, чтобы потомъ получить лучшее мѣсто и хорошо устроиться. Это—будущій идеальный чиновникъ, и въ школѣ ее не любятъ. Красавица Андриена учится очень усердно, но ея цѣль—не наука. Она больше разсчитываетъ на свою прекрасную наружность и кокетничаетъ съ профессорами. Есть еще нѣсколько другихъ типовъ,—болѣзненная, истеричная Анжель, которая пылаетъ пламенной дружбой то къ одной, то къ другой воспитанницѣ. Въ книгѣ подробно описаны самыя занятія въ школѣ, лекціи профессоровъ по философіи и исторіи, работы воспитанницъ на разныя отвлеченныя темы. По описаніямъ видно, какая серьезная подготовка дается учительницамъ. Въ спорахъ съ профессоромъ философіи онѣ засыпаютъ его цитатами изъ нѣмецкихъ и англійскихъ философовъ и своими собственными сужденіями. Общимъ любимцемъ ученицъ является изящный профессоръ литературы, который увлекаетъ всѣхъ лекціями о поэзіи.

По дневникамъ и письмамъ ученицъ, по ихъ бесѣдамъ между собой, съ воспитательницей и профессорами, выясняется двойственный характеръ школы. Съ одной стороны, профессора читаютъ совершенно свободно, посвящаютъ ученицъ во всѣ тонкости искусства и мысли, волнуютъ ихъ молодыя души обсужденіемъ страстей и чувствъ, воспитываютъ лучшими поэтами, и воспитываютъ ихъ умъ изложеніемъ философскихъ теорій; съ другой стороны, имъ постоянно твердятъ воспитательницы и ренетиторши о педагогической цѣли преподаванія, о томъ, что не нужно слишкомъ высоко заноситься въ своихъ цѣляхъ, а помнить, что имъ предстоитъ обучать дѣвочекъ. Программа, которую проходятъ въ школѣ, поражаетъ своей широтой, и работы ученицъ, о которыхъ говорится въ книгѣ, показываютъ, что въ самомъ дѣлѣ онѣ научаются мыслить и самостоятельно работать. Нс

это развитие и становится губительнымъ при данныхъ условіяхъ. Болѣе посредственныя ученицы менѣе страдаютъ. Онѣ усердно учатся, рады, что работа имъ дастъ обезпеченіе, и не терзаются тѣмъ, что всякая самобытная работа кончится для нихъ съ окончаніемъ школы. Но у болѣе выдающихся начинается разладъ въ душѣ, и это развивается въ нихъ преобладаніе эмоциональной жизни надъ умственной. Это сказывается въ судьбѣ Маргариты Триэль. Она переживаетъ, во время пребыванія въ Севрѣ, тяжелую личную драму. Умираетъ ея горячо любимая подруга, Шарлотта, невѣста молодого художника, въ которому Маргарита привязана какъ въ другу. Послѣ смерти Шарлотты дружба къ художнику превращается въ любовь. Художникъ тоже полюбилъ Маргариту, но жениться на ней не можетъ, потому что далъ невѣстѣ слово передъ смертью никогда не жениться. Тогда Маргарита рѣшается свободно послѣдовать за любимымъ человѣкомъ, считая себя его женой передъ Богомъ, если не передъ людьми. Она кончила Севръ, но отказывается отъ мѣста, чтобы слѣдовать за своимъ возлюбленнымъ. Умственное развитіе, которое ей дала школа, сказывается такимъ образомъ въ нравственномъ освобожденіи. Большинство другихъ идутъ по намѣченному пути и становятся учительницами. Въ книгѣ разсказывается печальная участь нѣкоторыхъ ученицъ по окончаніи школы. Одна изъ севріенокъ, попавшая въ глухую провинцію, кончаетъ самоубійствомъ; она не можетъ примириться съ компромиссами, на которые ей приходится идти, съ общественными предрасудками, противъ которыхъ возмущается ея пробужденное сознание. Процвѣтають въ дальнѣйшей жизни лишь среднія натуры, которымъ школа дала знаніе, но не развитіе.

Такимъ образомъ, въ книгѣ г-жи Реваль раскрывается трагизмъ положенія образованной дѣвушки въ обществѣ, которое кореннымъ образомъ протестуетъ противъ поднятія умственнаго уровня женщинъ. У французской дѣвушки есть возможность работать и стать самостоятельнымъ человѣкомъ, но если она не исключительно сильная натура, то ей предстоитъ печальная участь. Такова идея книги, очень интересная для характеристики французскаго общества. Помимо этой основной идеи, книга интересна своей документальной стороной, описаніями севрской жизни и указаніями на то, какъ серьезно ведется тамъ преподаваніе, вопреки общераспространенному мнѣнію о необразованности и неразвитости французской дѣвушки. Очевидно, что французская дѣвушка имѣетъ полную возможность—даже больше, тѣмъ въ другихъ странахъ—получить весьма основательное научное образованіе и развитіе. Если же она уклоняется отъ этого пути, то вина падаетъ на французское общество, относящееся съ предубѣжденіемъ къ образованію женщины.

Вторая книга г-жи Реваль, „Lucéennes“ — менѣе серьезна; въ ней слишкомъ чувствуется вліяніе „Claudine à l'école“ Вилли. Въ ней разсказывается исторія молодой воспитанницы лицея. Ученье ее не особенно привлекаетъ; она наблюдаетъ за школьными нравами, и нѣкоторыя сцены описаны довольно остроумно въ письмахъ героини къ ея старшей сестрѣ. Но она сама мало интересуется учеьемъ; ее влечетъ въ сторону искусства, и въ силу своихъ художественныхъ стремленій она почему-то рѣшаетъ стать танцовщицей, имѣя высокое представленіе о хореографическомъ искусствѣ. Эта книга съ документальной стороны менѣе интересна, чѣмъ предыдущая, но все-таки и въ ней обрисовывается психологія французскихъ дѣвушекъ менѣе условнаго типа, чѣмъ тѣ, которыя описываются въ большинствѣ французскихъ романовъ.

II.

Hans Ostwald. Verworfenene. Стр. 219. Berlin. 1902 (Julius Bard, Verlag).

Гансъ Оствальдъ — недавно выступившій молодой нѣмецкій писатель, авторъ сборника разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Verworfenene“ („Заброшенные“). Онъ сразу обратилъ на себя общее вниманіе, чему способствовали нѣкоторыя особыя обстоятельства. Въ Германіи, какъ извѣстно, имѣетъ удивительный успѣхъ Максимъ Горькій; онъ привлекаетъ нѣмецкихъ читателей ухарствомъ своихъ стихійныхъ героевъ и своимъ протестомъ противъ нивелирующей власти культуры. Горькій нравится въ Германіи также экзотичностью своихъ разсказовъ, новизной описываемой имъ среды, оригинальностью типовъ и положеній. Увлечение Горькимъ возбудило интересъ и къ молодому нѣмецкому писателю, Оствальду, нѣсколько напоминающему Горькаго. Въ сборникъ „Verworfenene“ описываются бродяги, любящіе свободу своей грустной жизни, и разные люди, выброшенные изъ упорядоченныхъ условій общественной жизни. Нѣкоторые критики прямо называли автора „Verworfenene“ подражателемъ Горькаго, что вызвало протесты со стороны Оствальда. Оказывается, что Оствальдъ самъ принадлежитъ отчасти къ описываемой имъ средѣ, что онъ провелъ долгіе годы среди лишений, былъ настоящимъ бродягой. Книга его была написана прежде, чѣмъ Горькій сталъ извѣстенъ въ Германіи, но онъ не могъ найти издателя для нея до послѣднихъ поръ. Только теперь, когда успѣхъ Горькаго создалъ моду на босяковъ въ Германіи, Оствальдъ проникъ въ литературу, и книга его сразу была замѣчена. Онъ, поэтому, не подражатель Горькаго, но, какъ оказывается, успѣхомъ своимъ онъ обязанъ вліянію русскаго писателя.

„Нѣмецкимъ Горькимъ“ Оствальда нельзя назвать, хотя это и дѣлаютъ нѣкоторые нѣмецкіе критики. Между нѣмецкимъ и русскимъ писателемъ есть нѣкоторое сходство. Оба они вышли изъ рабочей среды, и оба описываютъ не интеллигентное общество, и не деревню, а городской пролетаріатъ и даже низшіе его слои, бродягъ и людей, военнымъ образомъ неспособныхъ къ упорядоченному труду. Оба они думаютъ находить поэзію и силу въ людяхъ, отказывающихся отъ матеріальныхъ благъ ради свободы; но на этомъ сходство между ними и кончается,—не говоря о томъ, что Оствальдъ, судя по крайней мѣрѣ по его первой книгѣ, кажется ниже Горькаго по таланту, и отношеніе его къ своимъ героямъ совершенно иное. Горькій видитъ грядущую силу въ неспорченныхъ культурой свободныхъ людяхъ; Оствальдъ же—совершенно напротивъ того: онъ, какъ и всякій образованный человѣкъ, видитъ спасеніе въ культурѣ и въ подчиненіи законамъ общества, и потому жалѣеть „отверженныхъ“ за ихъ неспособность къ правильному труду, изображаетъ ихъ очень несчастными, погибающими отъ своей роковой неприспособленности къ общественнымъ условіямъ, отъ преобладанія необузданныхъ инстинктовъ надъ разумомъ.

Самый крупный и интересный разсказъ въ книгѣ Оствальда носитъ названіе „Menschen vom Wege“. Герои этого разсказа наиболѣе близки къ боснякамъ Горькаго, по силѣ говорящаго въ нихъ инстинкта свободы, но, въ противоположность большинству героевъ Горькаго, они безсильны и возбуждаютъ жалость. Это—погибшіе люди, хотя и не лишены интереса въ своемъ добровольномъ уклоненіи отъ законовъ общества. Въ разсказѣ говорится о двухъ друзьяхъ, старикѣ Рихардѣ и молодомъ Рольфрицѣ. Оба они—бродяги, живутъ подаяніемъ, проводятъ ночи въ ночлежныхъ домахъ, питаются отбросами и по цѣлымъ днямъ бродятъ вдвоемъ и философствуютъ. Подъ вечеръ жаркаго, утомительнаго дня они усѣлись у рѣки, свѣсивъ ноги въ воду, чтобы освѣжиться, и задумчиво глядятъ вдаль. По рѣкѣ проѣзжаетъ лодка; въ ней сидятъ веселья, одѣтыя по-праздничному женщины въ сопровожденіи молодыхъ людей; ихъ костюмы, выраженіе лицъ, нарядный видъ лодки—все свидѣтельствуетъ о довольствѣ покойной, правильной жизни. Рольфрицъ слѣдитъ за удаляющейся лодкой и неожиданно говоритъ своему спутнику, что ему тоже бы хотѣлось быть „человѣкомъ, такимъ, какъ всѣ“, узнать, что такое довольство, не питаться отбросами, не искать пріюта въ ночлежныхъ домахъ. Старикъ Рихардъ съ грустью и презрѣніемъ выслушиваетъ его слова. Онъ—бродяга по убѣжденію, и думалъ, что его молодой пріятель вполне съ нимъ сходится; вырвавшись у Рольфрица слова возбуждаютъ въ немъ горькое чувство. Старикъ Рихардъ знаетъ, что значить „быть человѣкомъ“, такъ какъ въ теченіе своей долгой жизни все испыталъ, работалъ въ молодости,

имѣлъ деньги, любилъ женщинъ, а потому ему измѣнила жена, обмануль другъ, за котораго онъ поручился; онъ все потерялъ и быстро опустился до бродяжничества. Теперь онъ доволенъ. Отсутствие потребностей дало ему свободу; онъ полюбилъ ее и хотѣлъ бы привить своему молодому другу то же полное презрѣнiе къ сытости, связанной со страданiями, хотѣлъ бы заставить его полюбить свободу выше всего. Онъ со злобой и душевной мукой говоритъ: „Ну, что-жь, иди, стань человѣкомъ, иди работать на другихъ“. Но прежде чѣмъ послать его на работу, Рихардъ налагаетъ Рольфрицу свой личный анти-общественный идеалъ свободы, сложившiйся у него на основанiи горькаго опыта. „Увѣряю тебя,—говоритъ онъ,—лучше всего не привязываться ни къ кому и ни къ чему... Презирать всякую собственность, всякое чувство, быть равнодушнымъ, совсѣмъ равнодушнымъ,—вотъ что въ жизни лучше всего. Тогда ничто не причиняетъ боли. И въ сущности все принадлежитъ каждому. Когда я вижу красивый садъ, развѣ я наслаждаюсь менѣе, чѣмъ его собственникъ? И тотъ тоже можетъ только глядѣть на свой садъ. И когда я вижу красивые дома, они принадлежатъ мнѣ также, какъ и хозяину. Они отпечатлѣваются въ моемъ мозгу—значить, они мои. И точно также все, лѣса и поля, статуи и картины, даже женщины,—все, что я вижу, остается въ моемъ сознанiи, а это—самое главное. Немосредственное же наслажденiе всѣмъ этимъ въ дѣйствительности—не имѣетъ значенiя; все дѣло—въ томъ, что происходитъ во мнѣ, въ моемъ сознанiи“. Рольфрицъ склоняется на доводы старика, но онъ хочетъ самъ испытать все, отъ чего отказался старикъ, хочетъ пожить „какъ человѣкъ“. Старикъ отвѣчаетъ на его рѣшенiе рѣзкимъ насмѣшливымъ смѣхомъ и ничего не говоритъ. Рольфрицъ увлеченъ своей мечтой, видитъ себя въ воображенiи одѣтымъ какъ всѣ, довольнымъ и сытымъ человѣкомъ, и рѣшаетъ найти себѣ работу. Онъ униженно проситъ хозяина дома рекомендовать его катальщикомъ бѣлья въ прачешную и, хорошо зная жадность хозяина, обѣщаетъ ему пятнадцать процентовъ изъ своего жалованья. Хозяинъ хотя и заявляетъ ему пренебрежительно, что не нуждается въ его грошахъ, но все-же не равнодушенъ къ предложенiю бродяги и доставляетъ ему мѣсто. Рольфрицъ ложится спать съ рѣшимостью подняться до зари и пойти на работу; но у него поднимается странное чувство въ душѣ; ему кажется, что онъ совершаетъ какое-то преступленiе противъ Рихарда, что онъ оскорбляетъ какую-то святыню. Рихардъ злобно смѣется надъ нимъ, скрывая свое огорченiе подъ напускной гордостью; онъ спрашиваетъ Рольфрица, какъ долго ему придется конить деньги и голодать, чтобы стать человѣкомъ, и даже намекаетъ на то, что ужъ лучше добыть богатство другимъ, болѣе быстрымъ путемъ. Рольфрицу страшно, но онъ понимаетъ, что

огорчили старика, что за его цинизмом скрывается дружеское чувство. Утренняя кутерьма поднимающихся до разсвѣта рабочихъ будит старика, и онъ ворчитъ, что ему не даютъ спать. Разсерженныя его ворчаньемъ рабочіе обзываютъ его тунеядцемъ за то, что онъ спитъ по утрамъ и „крадетъ у Бога день“. На это старикъ отвѣчаетъ изложеніемъ своихъ теорій о свободѣ; онъ доказываетъ, что если кто воруетъ у Господа Бога день, то это именно они, рабочіе. „Вы,—говоритъ онъ имъ,—крадете у Бога дни. Вотъ вы бѣжите еще прежде чѣмъ солнце встало, запрагаетесь въ ярмо и тинете лямку до поздней ночи. Не для того создалъ Господь Богъ красоту дня. Даромъ Господа нужно наслаждаться, а не злоупотреблять. А вы это дѣлаете—значитъ, вы воруете у Бога дни“. Въ этихъ словахъ выражается пессимистическая философія автора. Его „бродяга по принципу“ оправдываетъ вранство, какъ протестъ противъ уродства жизни, всё блага которой призрачны, и въ которой трудъ является не свободнымъ проявленіемъ силъ, а насильственной обузой, лишавшей пользовавія естественными радостями бытія.

Рольфрицъ чувствуетъ внутреннюю правду въ злобныхъ парадоксахъ старика, и съ тяжелымъ чувствомъ идетъ на работу, которая должна осуществить его мечту, превратить его въ такого человѣка, какъ всѣ. Въ первый день работа у него спорится — въ прачешной имъ довольны. До начала работы у него происходитъ маленькое столкновение съ городовымъ, принявшимъ его за бродягу, но, увлеченный мыслями о новой трудовой жизни, онъ не чувствуетъ нанесенной ему обиды. Онъ справляется съ работой раньше другихъ и спѣшитъ къ своему другу Рихарду. Онъ идетъ по улицѣ съ гордымъ чувствомъ человѣка, исполнившаго свой долгъ, но его выводитъ изъ его свѣтлаго настроенія человѣкъ, котораго онъ нечаянно толкнулъ локтемъ. Этотъ человѣкъ оказывается чваннымъ сердитымъ купцомъ. Онъ возмущенъ дерзостью оборвыша, задѣвающаго „приличныхъ“ господъ, и обрушивается градомъ ругательства на Рольфрица. Тотъ старается выяснитъ недоразумѣніе, извиняется въ своей нечаянной оплошности, объясняетъ, что онъ не тунеядецъ, а рабочій, трудившійся весь день. Но купецъ продолжаетъ ругать „зазнающихся“ бродягъ и грозитъ полиціей. Собравшаяся вокругъ нихъ толпа совѣтуетъ Рольфрицу пустить въ дѣло кулаки, такъ какъ утѣшеніями на самодовольнаго филистера подѣйствовать нельзя. Но Рольфрицъ сдерживаетъ накаплиющій въ немъ гнѣвъ—онъ чувствуетъ себя слишкомъ правымъ, чтобы прибѣгнуть къ силѣ, и хочетъ убѣдить своего обидчика въ его заблужденіи. Только тогда, когда толпа раскоится и купецъ тоже собирается уйти, Рольфрицъ нагоняетъ его и въ рѣзкихъ выраженіяхъ объясняетъ ему несправедливость и грубость его выходки. Но послѣ этого столкновенія

онъ продолжаетъ путь уже болѣе подавленный и съ меньшей вѣрой въ спасительность и благость трудовой жизни. Вотъ онъ провелъ день за тяжелой работой въ мрачномъ, сыромъ подвалѣ, гдѣ помѣщается прачешная, а въ результатѣ—его же оскорбилъ и назвалъ тунеядцемъ человекъ, не имѣющій никакого права считать себя выше его. Рихардъ встрѣчаетъ своего пріятеля съ грустнымъ видомъ, тщетно скрываемымъ подъ маской равнодушія и насмѣшекъ. Онъ не хочетъ раздѣлится съ Рольфрицемъ ужина, купленного на заработанныя деньги, и угощаетъ его припасенной имъ самимъ колбасой. Въ бесѣдѣ со старикомъ Рольфрицъ все болѣе проникается разочарованіемъ къ начатой имъ трудовой жизни, и съ жаромъ рассказываетъ объ ужасѣ дня, проведеннаго въ подвалѣ, объ обидѣ, нанесенной ему на улицѣ, говорить о радости, испытываемой имъ теперь въ разумной бесѣдѣ съ другомъ. Лицо старика проясняется по мѣрѣ того, какъ говоритъ Рольфрицъ. Вечеромъ, когда оба они укладываются спать, Рольфрицъ откровенно говоритъ, что работа его не радуетъ и что ему ничего не стоитъ отказаться отъ мѣста въ прачешной. На слѣдующій день онъ поздно приходитъ на работу, плохо исполняетъ свое дѣло и равнодушно выслушиваетъ упреки хозяевъ. Выйдя на дворъ за бѣльемъ по порученію хозяйки, Рольфрицъ видитъ тамъ старика Рихарда, который очутился тутъ, очевидно, съ цѣлью слѣдить за своимъ другомъ. Рольфрицу пріятно убѣдиться въ привязанности къ нему старика, и когда онъ возвращается катать бѣлье въ подвалѣ, мысли его далеки отъ работы. Ему кажется страннымъ, что онъ здѣсь работаетъ, въ то время какъ старикъ бродитъ въ одиночествѣ, прося подавня. „А вѣдь пріятно, — думается ему, — бродить по улицамъ, ходить изъ дома въ домъ съ вѣчнымъ опасеніемъ, что, быть можетъ, и въ слѣдующемъ домѣ тебѣ ничего не дадутъ. Здѣсь же, въ подвалѣ, смертельно скучно“. И думая объ этомъ, онъ внутренне улыбается, радуясь, что старикъ его такъ любитъ. Работа совсѣмъ не удается ему, и онъ уходитъ, отказавшись отъ мѣста. Ему сразу становится легче на душѣ, и онъ спѣшитъ обрадовать старика своимъ рѣшеніемъ. Онъ быстро выходитъ изъ прачешной, нагоняетъ Рихарда, идетъ съ нимъ подъ дождемъ; они поднимаются на холмъ, откуда открывается видъ на городъ, и тамъ садятся отдохнуть. „Ну, что-жъ, — говоритъ колко старикъ, — ты теперь станешь человекомъ, будешь зарабатывать много денегъ, будешь богатъ—перестанешь знаться со всѣми нами“. „Я вовсе не говорилъ, что не буду знаться съ вами“, — отвѣчаетъ Рольфрицъ, весь вспыхнувъ. „Да какъ же, когда на тебѣ будетъ хорошее платье, ты отъ насъ уйдешь“. Говоря это, старикъ уже понимаетъ, что Рольфрицъ навсегда вернулся къ нему, и самъ объясняетъ ему, что иначе оно быть не могло. „Ты не можешь стать

человѣкомъ какъ всѣ, — говорить онъ ему. — Какъ только тебѣ что-нибудь станетъ поперекъ дороги, ты все бросишь. Ты не сможешь жить спокойно; тебѣ пришлось бы постоянно бороться за хлѣбъ, за свободу. Слишкомъ много тревоги въ твоей душѣ... Такъ что же ты намѣришь теперь дѣлать? Пойдешь со мной? — „Если позволишь“, — хочетъ сказать Рольфрицъ, но не можетъ произнести ни слова отъ волненія и молча идетъ за старикомъ подъ дождемъ.

Стихийный инстинктъ свободы одержалъ верхъ надъ разсудкомъ въ душѣ Рольфрица, и онъ добровольно отказался отъ благъ обезпеченной жизни. Исторія человѣка, стоящаго на перепутьи между культурой и свободой, и разрѣшающаяся побѣдой идеала свободной личности, рассказана съ большимъ подъемомъ и имѣетъ символическій характеръ на фонѣ ярко обрисованной реальной дѣйствительности. Босакъ представленъ не какъ типъ, не какъ грядущая, будто бы, общественная сила, какъ у Горькаго, а какъ воплощеніе свободной личности, презирающей блага культуры, поскольку они достаются цѣной рабства и труда изъ-подъ палки.

Въ остальныхъ повѣстяхъ и маленькихъ разсказахъ Оствальдъ тоже изображаетъ людей, или органически неспособныхъ къ правильной жизни, или выбитыхъ изъ колеи тяжелыми обстоятельствами. Такъ, въ разсказѣ: „Въ четвертомъ классѣ“, описывается очень сжато и драматично сцена на вокзалѣ передъ вагономъ четвертаго класса. Уѣзжаетъ молодой человѣкъ, очень истомленный съ виду, съ сѣрымъ, вздутымъ лицомъ, съ широкими шрамами на лицѣ, въ поношенной одеждѣ и съ маленькимъ узелкомъ въ рукахъ. Его провожаетъ мать, блѣдная старая женщина, въ опрятномъ темномъ платьѣ, и старшій братъ. Мать и братъ возбужденно говорятъ, въ чемъ-то усиленно убѣждаютъ отъѣзжающаго; онъ же молча ихъ слушаетъ, куря короткую трубку, и только передъ отходомъ поѣзда произноситъ отрывисто нѣсколько словъ: „Ничего, теперь все пойдетъ на ладъ. Вотъ увидишь, мама. Я стану другимъ человѣкомъ“. Въ этихъ словахъ — вся судьба „отверженнаго“, который тѣшитъ надеждой, что завтрашній день все измѣнитъ, хотя онъ самъ знаетъ, что ему спасенія нѣтъ. Въ вагонѣ выясняется личность юноши. Онъ мечтаетъ о томъ, какъ начнетъ работать, какъ будетъ поддерживать старуху-мать, но, глядя на свои руки, думаетъ о томъ, какъ тяжела и непривычна ему работа. Въ вагонѣ очень шумно, путешественники знакомятся между собой, появляется среди путешественниковъ слѣпой скрипачъ, потомъ итальянецъ-музыкантъ, ведутся разговоры, всѣ шутятъ и смѣются — юноша забываетъ о настроеніи, съ которымъ уѣхалъ. Когда одинъ изъ путешественниковъ выходитъ на одной изъ ближайшихъ станцій, онъ видитъ, глядя въ вагонъ съ платформы, какъ интересовавшій его

юноша, съ шрамами на лицѣ, подноситъ ко рту принесенную имъ бутылку водки. Вся несложная, но тяжелая драма безнадежно-погибшей жизни намѣчена въ этихъ двухъ моментахъ—прощанія съ матерью и возврата къ отравившей уже жизнь юности страсти. Въ рассказѣ „Entwurzelt“ изображена судьба молодой женщины, роковымъ образомъ гибнущей вслѣдствіе измены любимаго ею человѣка; въ „Kaltor“ представленъ старикъ, униженный судьбой и спасающій отъ такого же униженія молодого человѣка. Онъ учитъ его отнестись къ тому, что можетъ казаться униженіемъ, какъ къ подвигу самоотреченія. Во всѣхъ рассказахъ изображены люди, выбившіеся или выбитые изъ колеи, любящіе по-своему свободу, но не сильные, какъ у Горькаго, а жалкіе; всѣ они изображены художественно и ярко, и въ этомъ—главное достоинство книги.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1902.

Университетская реформа и рѣчь г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Своеобразная децентрализація, проповѣдуемая въ „Гражданинѣ“.—Пересмотръ Городового Положенія 1892 г. въ примѣненіи къ одному городу Петербургу.—Вопросы: о способѣ замѣщенія должности городского головы; о распространеніи избирательнаго права; о порядкѣ производства выборовъ; объ исполнительныхъ коммиссіяхъ.

Первое засѣданіе комиссіи, на которую возложено было разсмотрѣніе вопроса о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній, состоялось 30-го сентября. Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія открылъ его рѣчью, въ которой, какъ и слѣдовало ожидать, указалъ не содержаніе предстоящей работы, а только ея предѣлы и задачи. Программа, намѣченная въ извѣстномъ циркулярѣ П. С. Ванновскаго, остается въ силѣ; измѣненію подвергнется, быть можетъ, лишь *формулировка* поставленныхъ ею вопросовъ. „Мы призваны“ — сказалъ г. управляющій министерствомъ — „продолжать дѣло П. С. Ванновскаго“... Это можетъ быть понято не только какъ признаніе заслугъ бывшаго министра, но и какъ ручательство въ томъ, что широко задуманное преобразование не будетъ сведено къ частичнымъ поправкамъ и полу-мѣрамъ. Еще большую гарантію успѣха мы видимъ въ слѣдующихъ словахъ Г. Э. Зенгера: „всякія новыя законодательныя предположенія должны *считаться* со взглядами и настроеніемъ тѣхъ общественныхъ дѣателей, на которыхъ государство возлагаетъ непосредственное выполненіе закона. Опытъ послѣднихъ восемнадцати лѣтъ показалъ, что университетскій уставъ 1884-го года во многомъ существенномъ не согласуется съ убѣжденіями тѣхъ самыхъ академическихъ органовъ, которымъ поручено практическое проведеніе устава. Послѣдствія такого разлада повели, съ одной стороны, къ пѣлому ряду фактическихъ отступленій отъ закона, допущенныхъ отчасти даже весьма скоро послѣ изданія устава, съ другой—къ тому, что, подчиняясь указаніямъ устава, которымъ они не могли сочувствовать, съѣзды, факультетскія собранія и вообще члены профессорскихъ корпорацій не сознавали себя отвѣтственными за всѣ тѣ неудовлетворительные результаты или тяжкія явленія академической практики, въ которыхъ усматривали связь съ особенностями устава. Неудивительно, поэтому, что со стороны университетскихъ совѣтовъ получились на

запросъ министерства во многомъ сходные между собою отвѣты относительно нежелательности сохраненія въ силѣ нѣкоторыхъ изъ положеній устава 1884-го года“. Признавая важность „взглядовъ и настроеній“, распространенныхъ среди общественныхъ дѣятелей, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія идетъ прямо въ разрѣзъ съ воззрѣнiемъ, часто берущимъ верхъ въ официальныхъ сферахъ—воззрѣнiемъ, въ силу котораго намѣренія властей должны и могутъ быть проведены въ жизнь, какой бы они ни встрѣтили въ ней отголосокъ, какую бы ни вызвали оцѣнку со стороны лицъ, ближайшимъ образомъ къ нимъ прикосновенныхъ. Въмѣсто того, чтобы объяснить неудачу въ примѣненіи закона злою волей или неумѣlostью исполнителемъ, Г. Э. Зенгеръ ищетъ и находитъ ея причину въ отсутствіи гармоніи между обязанностью и убѣжденіемъ, между внѣшнимъ и внутреннимъ долгомъ. Именно потому онъ и придаетъ значеніе единодушiю отзывомъ, направленныхъ противъ устава 1884-го года—единодушiю, въ которомъ съ рутинной точки зрѣнiя нетрудно было бы усмотрѣть результатъ тенденціозной стачки недовольныхъ элементовъ. Совершенно вѣрно опредѣленъ въ рѣчи Г. Э. Зенгера и смыслъ отступленій отъ устава 1884-го года, начавшихся чуть не вслѣдъ за его изданіемъ. Законъ, согласованный съ потребностями и мнѣнiями среды, не могъ бы сразу стать, въ нѣкоторыхъ частяхъ, мертвой буквой, не могъ бы вступить въ силу только для того, чтобы тотчасъ же потерять ее.

Чѣмъ крупнѣе преобразование, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ его судьба. Возлагать слишкомъ большія надежды на отдѣльную мѣру, какъ бы она ни была важна сама по себѣ, значило бы идти на встрѣчу неизбѣжному разочарованію. Отсюда оговорка, сдѣланная въ рѣчи Г. Э. Зенгера. Незатронутыми, по его словамъ, останутся, и при возможно правильномъ разрѣшеніи организационныхъ вопросовъ, „серьезные факторы, влияющіе на успѣшность дѣятельности и на благополучіе расадниковъ научнаго образованія въ Россіи. Многія важныя причины, осложняющія нормальное теченіе академической жизни, коренятся въ явленіяхъ, не поддающихся воздѣйствію высшей школы. Эта послѣдняя, соприкасаясь съ обществомъ, имѣетъ дѣло со слушателями, переживающими разнообразныя внѣшкольныя влиянія... Безошибочныхъ и чудодѣйственныхъ способовъ устраненія всѣхъ печальныхъ сторонъ нашей академической жизни нѣтъ изъ насъ, конечно, не знаетъ“. Чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что законодательство, регулирующее собою ходъ высшаго образованія, не можетъ быть разсматриваемо какъ нѣчто самодовлѣющее, въ себѣ самомъ заключающее всѣ условія успѣха или неудачи, стоитъ только припомнить положеніе, занимаемое въ нашей

исторіи обоими послѣдними университетскими уставами. Уставъ 1863-го года былъ первымъ изъ тѣхъ законодательныхъ актовъ, которые являлись естественнымъ результатомъ освобожденія крестьянъ: за ними послѣдовали, менѣе чѣмъ въ два года, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, судебные уставы, законъ о печати. Уставъ 1884-го года, наоборотъ, послужилъ началомъ перемѣнъ, совокупность которыхъ составляетъ столь яркій контрастъ съ эпохою великихъ реформъ. Понятно, что и судьба новаго университетскаго устава во многомъ будетъ зависѣть отъ того мѣста, которое будетъ ему дано въ общемъ теченіи нашей государственной жизни.

Задача, которую предстоитъ разрѣшить комиссіи, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу труднѣйшихъ, тѣмъ болѣе, что одновременно съ университетами преобразованы должны быть и другія высшія учебныя заведенія. Относиться къ этой реформѣ „съ легкимъ сердцемъ“ могутъ только тѣ, для кого, въ сущности, совершенно безразличенъ ея результатъ. Кто „свободенъ отъ науки“, кто видитъ въ учености и въ ученѣй чуму, заражающую государство, тому, конечно, все равно, къ чему приведутъ занятія комиссіи — если только онъ въ душѣ не желаетъ имъ полнѣйшей неудачи. Ничѣмъ другимъ, кромѣ непониманія или злорадства, нельзя объяснить, напримѣръ, совѣты, которые даетъ комиссіи редакторъ „Гражданина“. Новый уставъ долженъ, по его мнѣнію, имѣть „для студентовъ“ три-четыре пункта, обязывающіе ихъ посѣщать лекціи и вести себя „съ уваженіемъ къ наукѣ, къ начальству, къ самому себѣ“ и, затѣмъ, перечисляющіе права, соединенныя съ окончаніемъ университетскаго курса. „Все остальное“ — продолжаетъ кн. Мещерскій — „совсѣмъ не дѣло устава. Это дѣло каждаго университета установить свои обычаи. Хотятъ сходки — пускай ихъ дѣлаютъ по курсамъ, хотятъ судъ, хотятъ кассу — пускай устраиваютъ, лишь бы все это происходило въ стѣнахъ университета, въ учебнаго времени и подъ отвѣтственностью самихъ студентовъ. Одно изъ двухъ: или студенты настолько взрослые и развиты, что на нихъ можно положиться — тогда дайте имъ устраивать свои внутреннія дѣла, какъ хотятъ; или они дѣти — тогда нечего толковать о судѣ, о сходкахъ и т. п.“. Либеральный повидимому, такой упрощенный способъ разрѣшенія спорныхъ вопросовъ таилъ бы въ себѣ, на самомъ дѣлѣ, величайшую опасность. Чего не досказываетъ законъ, то опредѣляется у насъ, какъ извѣстно, наказами, инструкціями, административными распоряженіями. Молчаніе университетскаго устава относительно сходокъ, кассъ и т. п. было бы безотлагательно истолковано въ смыслѣ совершеннаго ихъ запрещенія — или восполнено подробнѣйшими указаніями и приказаніями начальства. Нужно жить въ времени и пространства, чтобы вѣрить въ возможность регламен-

таціи студенческой жизни, созданной самими студентами и безпрепятственно приводимой въ исполненіе. Безусловно немислимъ, притомъ, устроенный этимъ путемъ университетскій судъ — немислимъ потому, что судъ долженъ быть облеченъ властью, а власть можетъ быть дана только закономъ. Или, быть можетъ, автономія, проектируемая кн. Менцерскимъ, должна принадлежать не студентамъ, а университетамъ, т.-е. профессорскимъ коллегіямъ? И въ такомъ случаѣ все сказанное нами сохраняетъ свою силу. Руководящія начала, отсутствующія въ уставѣ, были бы октроированы министерствомъ народнаго просвѣщенія; университетскимъ совѣтамъ было бы предоставлено только ихъ примѣненіе, безъ права измѣнять или дополнять ихъ сообразно съ мѣстными условіями. Мы очень хорошо знаемъ, что и законъ, въ русской жизни, не всегда оказывается твердымъ и непоколебимымъ, что рядомъ съ нимъ или вопреки ему совершается многое, имъ непредусмотрѣнное или прямо запрещенное; тѣмъ не менѣе только на его почвѣ возможна хотя нѣкоторая устойчивость, только имъ признанное и санкціонированное имѣетъ хоть нѣкоторую жизнеспособность. Уставъ 1884-го года до крайности ограничилъ внутреннюю свободу университетской жизни;—поднять уровень этой свободы и внести ее въ тѣ сферы, гдѣ ея не было даже при дѣйствіи устава 1863-го года, можетъ только ясное и опредѣленное слово новаго закона.

Что скрывается за просторомъ, обманчиво рисующимся въ проектѣ кн. Менцерскаго—это показываетъ, впрочемъ, одинъ изъ пунктовъ самаго проекта, по которому студентъ, въ теченіе *недѣли* не посѣщавшій лекцій и не представившій свидѣтельства о болѣзни, считается выбывшимъ изъ университета!.. Повторяя одно изъ самыхъ неудачныхъ и неудобноисполнимыхъ нововведеній 1884-го года, этотъ пунктъ свидѣтельствуеетъ о томъ, что редакторъ „Гражданина“ рассматриваетъ студентовъ именно какъ дѣтей, требующихъ постоянного надзора и, слѣдовательно, неспособныхъ къ корпоративной жизни. Еще яснѣе настоящее настроеніе кн. Менцерскаго проглядываетъ въ указаніи на пропускъ, будто бы допущенный въ программѣ комиссіи: невключеніе въ нее вопроса о числѣ студентовъ, „вмѣщаемых“ каждымъ университетомъ. Рассмотрѣнію комиссіи этотъ вопросъ не подлежитъ какъ потому, что онъ можетъ быть разрѣшенъ лишь отдѣльно для каждаго университета, такъ и потому, что противъ чрезмѣрнаго увеличенія числа студентовъ, насколько оно дѣйствительно затрудняетъ правильный ходъ занятій, уже давно принимаются мѣры. Стремленіе возвести частный вопросъ на степень общаго равносмыслно, въ данномъ случаѣ, замаскированному желанію просто ограничить пространство высшаго образованія, установивъ для каждаго факультета

тета максимальныя, по возможности невысокія нормы слушателей. Идеаломъ современныхъ газетныхъ обскурантовъ до сихъ поръ, въ этомъ отношеніи, остаются порядки, существовавшіе у насъ въ самомъ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ, когда число студентовъ въ здѣшнемъ университетѣ было доведено до 300!

Своеобразная децентрализація, предлагаемая „Гражданиномъ“ для университетовъ, составляетъ, съ нѣкоторыхъ поръ, его *idée fixe*, рекомендуемую имъ съ особою настойчивостію. Возставая противъ опроса уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ, предпринятаго сообщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, кн. Мещерскій выражаетъ убѣжденіе, что „если каждой мѣстности предоставить полную свободу рѣшать свои сельско-хозяйственные вопросы, сообразно своимъ мѣстнымъ нуждамъ и условіямъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ вышель бы толкъ, и сельско-хозяйственные вопросы, послѣ ряда ошибокъ, были бы рѣшаемы удовлетворительно. Гарантию въ томъ служили бы истинныя самосохраненія и собственныхъ интересовъ. Вотъ вамъ свобода, вотъ вамъ средства, выпутывайтесь какъ знаете, сказало бы правительство каждому уѣзду—и уѣзды стали бы выпутываться“. — „Зачѣмъ возбуждать умы“—читаемъ мы въ слѣдующемъ „Дневникѣ“—„непроизводительною и неосуществимою консультаціонною работою, когда такъ легко каждой губерніи и каждому уѣзду предоставить рѣшеніе своихъ сельско-хозяйственныхъ задачъ, какъ они могутъ и хотятъ, *подъ ѳяснимъ ѳдпнїемъ губернатора?* Зачѣмъ нужно создавать въ провинціи, *подъ предлогомъ консультаціи, очаги оппозиціонной болтовни?* Въ подчеркнутыхъ нами словахъ—разгадка системы, рекомендуемой кн. Мещерскимъ. Общая свобода, она оставляетъ въ неограниченной силѣ связанность по рукамъ и ногамъ и полную подчиненность. И теперь сельско-хозяйственные вопросы, насколько они приурочены къ данной мѣстности, рѣшаются на мѣстѣ, мѣстными учрежденіями, но учрежденіями ограниченными въ средствахъ, ограниченными въ своемъ личномъ составѣ, ограниченными въ своей самостоятельности. Пока существуютъ всѣ эти ограниченія, нѣтъ основанія ожидать, чтобы уѣзды и губерніи „выпутались“ изъ своихъ затрудненій. Какое же изъ ограниченій предлагаетъ отмѣнить или смягчить кн. Мещерскій? Ограниченіе въ средствахъ, т.-е. фиксацію земскихъ смѣтъ? Нѣтъ, потому что право земства устанавливать земскіе сборы кн. Мещерскій называетъ правомъ „грабить и разорять землевладѣльцевъ“. Ограниченіе въ личномъ составѣ, т.-е. цѣнзовыя условія, стѣсняющія участіе въ земской дѣятельности? Объ этомъ „Гражданинъ“ не говорить ни слова, да нельзя

и ожидать отъ него сочувствія расширенію избирательнаго права. Ограниченіе самостоятельности? Что оно остается въ силѣ, на это прямо указываетъ „высшее вѣдѣніе“ губернатора ¹⁾. И при большей, впрочемъ, независимости земства, при большемъ обилии личныхъ и матеріальныхъ силъ, оно не могло бы обойтись, во многихъ случаяхъ, безъ государственной поддержки. Указать формы и виды этой поддержки—одна изъ задачъ, предстоящихъ уѣзднымъ и губернскимъ комитетамъ. Ларчикъ открывается, слѣдовательно, не такъ просто, какъ увѣряетъ кн. Мещерскій. Если его огорчаетъ и беспокоитъ опросъ, предпринятый совѣщаніемъ, то причина этому—совсѣмъ другая. Въ „привлеченіи мѣстныхъ умовъ къ государственной работѣ“ редакторъ „Гражданина“ видитъ „повтореніе того, что было въ концѣ пятидесятихъ годовъ по отношенію къ крестьянскому вопросу“. Губернскіе комитеты напоминаютъ ему агонію крѣпостнаго права—и въ его сердцѣ воскресаетъ скорбь по дорогомъ ему покойникѣ. Онъ, очевидно, боится, какъ бы дѣятельность комитетовъ не стала опять для правительства исходной точкой крупныхъ преобразованій, глубоко антипатичныхъ хвалителямъ „добраго стараго времени“. Съ напускнымъ равнодушіемъ, сквозь которое ясно просвѣчиваетъ тревога, онъ говоритъ объ обращеніи комитетовъ въ „либеральныя говорильни, искусственно насаждающія оппозицію“. Провинція, по его мнѣнію, „все-таки получить не то, что ей нужно, а то, что выработается въ центрѣ централизаціи“. Что получить провинція—это покажетъ будущее; пока хорошо уже и то, что она имѣетъ возможность высказаться и пользуется ею сравнительно широко и свободно. Соединеннымъ усиліямъ „Гражданина“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ не удастся извратить значеніе факта, совершающагося передъ нашими глазами. Къ чему бы ни привели комитетскія работы, послѣ нихъ трудно будетъ закрывать себѣ глаза насчетъ настоящихъ нуждъ и желаній русскаго общества.

Что постановленія уѣздныхъ комитетовъ, свидѣтельствующія о необходимости перемѣнъ съ цѣлью улучшенія въ юридическомъ положеніи крестьянъ, вызываются не „фрондерствомъ“, не стремленіемъ къ „либеральной болтовнѣ“, какъ полагаетъ „Гражданинъ“, а суровой дѣятельностью—доказательствомъ этому можетъ служить между прочимъ, сообщеніе, полученное нами на дняхъ изъ Богородицкаго уѣзда (тульской губерніи). Нѣсколько крестьянъ подали жалобу въ губернское присутствіе по слѣдующему случаю. Въ минув-

¹⁾ Что понимаетъ кн. Мещерскій подъ этимъ „высшимъ вѣдѣніемъ“—видно изъ сѣтованій его о томъ, что „губернаторскую власть растрепали и расщепали на всевозможнымъ коллегіальнымъ учрежденіямъ, съ правомъ *хозяина* губерніи изъ одинъ голосъ между двадцатью членами“.

шесть августъ мѣсяцѣ домохозяева одной деревни были вызваны въ камеру земскаго начальника. Отъ нихъ потребовали тамъ составленія общественнаго приговора о передѣлѣ ихъ надѣльной земли. Четырнадцать изъ нихъ отказались исполнить такое требованіе и были оштрафованы—каждый отказавшійся пятью рублями, съ заявленіемъ, что штрафъ будетъ сложенъ съ тѣхъ, которые измѣнятъ свое мнѣніе и согласятся на передѣлъ. Два дня спустя, въ эту деревню прибыли волостной старшина и волостной писарь и настояли на составленіи приговора о передѣлѣ, а у несогласныхъ, которыхъ къ тому времени осталось десять, тотчасъ же отобрали по двѣ овцы, для продажи на покрытіе штрафа. Еще нѣсколько дней спустя, приговоръ о передѣлѣ былъ приведенъ въ исполненіе, безъ требуемой закономъ повѣрки на мѣстѣ, при чемъ обработанная и приготовленная къ посѣву ржи земля отобраана у однихъ домохозяевъ и передана другимъ—нельзя, при этомъ, кстати не замѣтить—безъ установленнаго для подобныхъ случаевъ вознагражденія. Какой результатъ имѣла поданная десятью крестьянами въ губернское присутствіе жалоба—еще не извѣстно; но въ этомъ случаѣ важна самая возможность вышеприведенныхъ фактовъ, которые, конечно, теперь будутъ провѣрены компетентною властью. Распоряженіе надѣльною землею должно исходить, по закону, изъ *свободнаго согласія* владѣльцевъ или того большинства, которое, при данныхъ условіяхъ, требуется закономъ. Никѣмъ, ни въ какомъ случаѣ, это согласіе не должно быть *вынуждаемо*; злоупотребленіемъ является даже слишкомъ усердный *уговоръ*, если онъ идетъ отъ лица облеченнаго властью. Никакая хозяйственная дѣятельность не можетъ быть успѣшна, когда хозяинъ не обезпеченъ отъ посторонняго вмѣшательства, отъ давленія на его волю. Не можетъ спокойно смотрѣть на будущее, не можетъ, слѣдовательно, быть и предпримчивымъ тотъ, кто постоянно рискуетъ арестомъ или штрафомъ за простое пользованіе своимъ правомъ, за желаніе дѣйствовать по собственному убѣжденію, а не по чужимъ приказамъ. Происшествіе въ этой деревнѣ обнаруживаетъ съ особенною ясностью значеніе взыскацій, налагаемыхъ на основаніи ст. 61-й положенія 12-го іюля 1889-го года; оно даетъ возможность оцѣнить по достоинству крокодиловы слезы „Гражданина“, оплакивающаго „кастрированіе“ дискреціонной власти земскаго начальника (т.-е. признаніе за сенатомъ права повѣрять законность примѣненія ст. 61). Право, принадлежащее земскимъ начальникамъ, за силою ст. 61-й, дѣйствительно можетъ быть названо „несчастливымъ“—но не въ томъ смыслѣ, какой даетъ этому слову „Гражданинъ“, выражающій имъ мнимую незначительность, безобидность права, а въ самомъ прямомъ, буквальномъ значеніи слова.

Число крестьянъ, сознающихъ всю тяжесть своего положенія, уве-

личивается, при томъ, съ каждымъ годомъ. Съ особенною ясностью это сознаніе выразилось въ запискѣ крестьянина Носкова, представленной имъ въ ковровскій (владимірской губерніи) уѣздный комитетъ. „Мѣщанинъ, купецъ, дворяникъ“ — читаемъ мы въ этой запискѣ ¹⁾, — „все имѣютъ свои права, только не имѣютъ ихъ крестьянинъ. Я, вотъ, крестьянинъ: меня пригласили въ засѣданіе, и я говорю; а если кому-нибудь мои слова не понравятся, завтра же меня посадятъ подъ арестъ, и нѣкому мнѣ жаловаться... Въ продолженіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ крестьянское населеніе несравненно обдѣгло, стало бѣдныхъ много больше... Бѣдности земледѣльца есть главная причина: стѣсненіе и неравенство крестьянина съ другими гражданами. Нужно просить и ходатайствовать передъ правительствомъ, не найдетъ ли оно возможнымъ дать свободу и равенство управленія крестьянину съ другими сословіями, т.-е. купцомъ, мѣщаниномъ и проч., и освободить ихъ отъ нерѣшенныхъ судомъ арестовъ и проч. Если только правительство найдетъ со своей стороны это возможнымъ, тогда черезъ пять или шесть лѣтъ у крестьянъ явятся умъ, опоспособность, деньги, свѣтъ, машины и земледѣльческія орудія; однимъ словомъ, все, что нужно для земледѣлія, расчистки земли и проч. Въ то время состоятельный крестьянинъ не будетъ стремиться отъѣздомъ на чужую сторону по паспорту или переходомъ въ другое сословіе, а будетъ дорожить родиною. А если не будетъ благоугодно правительству уравнять крестьянина съ другими сословіями и оставить крестьянское населеніе въ текущемъ настоящемъ положеніи его правленія, тогда не могутъ никакія другія условія и старанія правительства уничтожить бѣдность и поднять благосостояніе крестьянина и его земледѣліе, потому что крестьянинъ при настоящихъ обстоятельствахъ его положенія не старается разводиться земледѣліемъ, скотоводствомъ и проч., а стремится выѣхать по паспорту на чужую сторону, или же перечислиться совсѣмъ въ другое сословіе, чтобы этимъ избавиться отъ нерѣшенныхъ судомъ неприятностей“. Неужели послѣ прочтенія этихъ простыхъ, но, очевидно, вылившихся изъ наболѣвшаго сердца словъ, кто-нибудь, вромѣ „Гражданина“, рѣшится утверждать, что юридическое положеніе крестьянъ не имѣетъ ничего общаго съ ихъ хозяйственными нуждами?...

Приближается, какъ надобно думать и желать, къ концу пересмотръ Городового Положенія въ примѣненіи его къ одному Петербургу, принятый еще при прежнемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Съ осо-

¹⁾ Приводимъ ее въ извлеченіи, а подробное изложеніе ея см. въ № 259 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

беною подробностью обсуждались въ двухъ совѣщаніяхъ, созванныхъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, В. К. Плеве, вопросы о способѣ замѣщенія должности городского головы, о порядкѣ производства выборовъ, о расширеніи избирательнаго права и объ исполнительныхъ комиссіяхъ. Всѣ представители городского общественнаго управленія, участвовавшіе въ совѣщаніи (въ томъ числѣ трое бывшихъ городскихъ головъ), высказались, судя по газетнымъ сообщеніямъ, за избраніе городского головы и его товарищей (которыхъ, на основаніи проекта, предполагается почему-то два). И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ основаніе думать, что недостатки столичнаго городского управленія зависѣли, въ какой бы то ни было мѣрѣ, отъ выборнаго характера должности городского головы, утверждавшагося, притомъ, Высочайшею властью? Поддавались ли городскіе головы вліянію избравшаго ихъ большинства, старались ли они удерживать за собою его расположеніе, въ особенности когда приближались новые выборы? Наоборотъ, бывали ли случаи столкновеній между большинствомъ и городскимъ головой. Упало ли избраніе на людей мало способныхъ, мало подготовленныхъ въ трудныхъ обязанностяхъ городского головы? И на этотъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно, если припомнить всѣ обстоятельства единственнаго избранія, могущаго, съ перваго взгляда, служить источникомъ нареканій противъ городской думы¹⁾. Если этотъ городской голова, скорѣе назначенный, нежели избранный, и потому какъ будто соединявшій въ себѣ всѣ условія для блестящаго исполненія обязанностей этого званія, не всегда оставался на высотѣ положенія, не всегда игралъ выдающуюся роль въ городской думѣ, не всегда достаточно трудился въ городской управѣ, то это объясняется, помимо несовершенствъ избирательной системы и разныхъ побочныхъ обстоятельствъ, соединеніемъ въ рукахъ головы такихъ совершенно несовмѣстимыхъ функций, какъ предсѣдательство въ управѣ, т. е. въ исполнительномъ органѣ городского управленія, и предсѣдательство въ думѣ, призванной руководить управою и контролировать ея дѣятельность. Здѣсь, а не въ способѣ замѣщенія должности, главный узелъ вопроса. Если земское самоуправленіе удалось, вообще говоря, лучше городского, то оно обязано этимъ, между прочимъ, именно отдѣленію предсѣдательства въ земскомъ собраніи отъ предсѣдательства въ земской управѣ.

Не говорить въ пользу назначенія городского головы и опытѣ тѣхъ губерній, гдѣ нѣтъ выборнаго городского управленія. Въ виду известной книги гг. Спасовича и Пильца, въ виду статьи г. Сулигов-

¹⁾ Городскимъ головою сдѣлался въ послѣдній разъ не первый, а второй кандидатъ, котораго, значитъ, городская дума вовсе не предназначала на постъ головы.

скаго, помѣщенной у насъ (см. июнь, 675 стр.), едва ли можно утверждать, что городское управленіе въ губерніяхъ царства польскаго поставлено лучше и ведется успѣшнѣе, чѣмъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Въ Варшавѣ сравнительно высокое состояніе нѣкоторыхъ сторонъ городского хозяйства достигнуто благодаря исключительнымъ заслугамъ одного лица (покойнаго генерала Старынкевича), являющагося, между тамошними нашими администраторами, единственнымъ въ своемъ родѣ; но даже и тамъ многое остается далеко позади Москвы и Петербурга. Еще меньше образцовъ для подражанія можно найти въ другихъ городахъ привисланскаго края. Въ общемъ выводѣ управленіе, во всѣхъ своихъ видахъ, едва ли можетъ быть поставлено выше самоуправленія; ошибки при назначеніи отнюдь не менѣе вѣроатны, чѣмъ ошибки при выборахъ. Забавное доказательство этому можно найти въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Гражданина“. Только-что посвятивъ нѣсколько столбцовъ разгрому петербургской думы, князь Мещерскій раздражается обвинительнымъ актомъ противъ желѣзнодорожнаго вѣдомства. Недавнія крушенія поѣздовъ на сиб.-варшавской (казенной) желѣзной дорогѣ, случайно предупрежденная катастрофа на дорогѣ московско-архангельской (также казенной), хлѣбныя залежи на желѣзнодорожныхъ станціяхъ въ разныхъ концахъ Россіи—все это заставляетъ его воскликнуть: „вотъ чего мы добились, какъ результата отъ такой выгодной для казны финансовой мѣры, какъ выкупъ *остатъ* (всѣхъ?) желѣзныхъ дорогъ изъ частныхъ рукъ въ казну, что нѣтъ уже отвѣтственности ни за жизнь, ни за имущество 125 милліоновъ россіянъ на желѣзнымъ дорогахъ!“ Увѣренъ ли кн. Мещерскій въ томъ, что нѣчто подобное ему не пришлось бы повторить черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перехода городского хозяйства въ руки администраціи?.. Главный аргументъ, выдвигаемый извѣстными органами печати противъ самоуправления, земскаго и городского—это *безотвѣтственность* его представителей (конечно—мнимая). И вотъ, оказывается, что безотвѣтственность возможна и для чиновъ административныхъ! „Теперь“—читаемъ мы дальше въ „Гражданинѣ“,—„съ передачею всѣхъ нашихъ дорогъ въ казну, каждый управляющій дорогою, и каждый начальникъ отдѣленія, и каждый начальникъ участка—всѣ знаютъ, что они сами—правительство и отвѣтственны только передъ своимъ министромъ только на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ столоначальникъ отвѣтственъ передъ своимъ начальствомъ за то или другое упущеніе по дѣлопроизводству, *то есть на дѣль совсѣмъ не отвѣтственна*“. Если даже и допустить, что въ этихъ словахъ есть нѣкоторая доля преувеличенія, то они во всякомъ случаѣ остаются характерными, какъ признаніе, идущее прямо въ разрѣзъ съ обычной пѣсней реакціонной печати. Необходимо прибавить,

что желѣзнодорожное вѣдомство—одно изъ самыхъ доступныхъ для критики, какъ вслѣдствіе огласки, неизбежно получаемой крупными событиями въ желѣзнодорожномъ мѣрѣ, такъ и вслѣдствіе второстепеннаго значенія, которое принадлежитъ ему въ ряду другихъ государственныхъ учреждений. Гораздо труднѣе было бы обсужденіе въ печати городского хозяйства, еслибы оно перешло, всецѣло или отчасти, въ вѣдѣніе администраціи.

Сторонники назначенія городского головы, ссылающіеся на порядки привіслянскаго края, упускаютъ изъ виду еще одно обстоятельство. Тамъ, гдѣ, какъ въ Варшавѣ, городского представительства нѣтъ вовсе, назначеніе лица, стоящаго во главѣ городского управленія, не составляетъ чего-то въ родѣ диссонанса. Во-первыхъ, такое лицо въ Варшавѣ, какъ назначенное, называется уже не городскимъ головой, а президентомъ города Варшавы; во-вторыхъ, въ Варшавѣ ему не приходится имѣть дѣла съ выборнымъ элементомъ, не приходится убѣждать, соглашать, заручаться содѣйствіемъ и сочувствіемъ людей отъ него не зависящихъ. Оно знаетъ только начальство—съ одной стороны, подчиненныхъ—съ другой, ничѣмъ не отличаясь, въ этомъ отношеніи, отъ любого заведующаго отдѣльною частью. Совершенно инымъ было бы положеніе назначеннаго городского головы или президента въ Петербургѣ, въ городѣ, вообще обладающемъ выборными учреждениями, гдѣ выборное начало не предназначено къ отмигнѣ: все-же его предполагается сохранить не только для городской думы, но и для членовъ городской управы. Противъ него ополчаются одни лишь наѣздники реакціонной прессы, прямолинейно и безпардонно отрицающіе все несовмѣстное съ излюбленнымъ ими принципомъ административнаго усмотрѣнія. Единственнымъ пристанищемъ ихъ служить, на этотъ разъ, „Московскія Вѣдомости“; даже пожеланія „Гражданина“ не идутъ дальше назначенія всего состава городской управы. Поставленный лицомъ къ лицу съ избранной думой, назначенный городской голова долженъ будетъ считаться съ самыми разнообразными затрудненіями, не существующими при однородности всѣхъ составныхъ частей городского управленія. Фактически независимымъ отъ думы онъ все-таки не будетъ, потому что достиженіе намѣчаемыхъ имъ цѣлей будетъ требовать средствъ, ассигнуемыхъ думой. Не безъ вліянія на дѣятельность головы останется и управа, сохраняющая, по цѣлому ряду дѣлъ, самостоятельное значеніе. Прибавимъ къ этому всегда возможные предписанія или внушенія свыше—и мы поймемъ всю сложность отношеній, въ которыя былъ бы поставленъ назначенный городской голова. Въ исторіи земскихъ учреждений за послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ найдется немало фактовъ, ярко иллюстрирующихъ недостатки смѣшанной системы; припомнимъ, наприимѣръ, къ чему она приводила

въ тверской губерніи. Неудобная даже тогда, когда она примѣняется въ видѣ исключенія, она еще меньше окажется цѣлесообразной, если будетъ возведена на степень общаго правила.

Сохраняя выборное начало, какъ основу, на которой повоится городское управленіе, проектъ преобразованія с.-петербургской городской думы вводитъ въ нее особую категорію лицъ, пользующихся правомъ голоса или въ силу своего званія (почетные граждане гор. С.-Петербурга и бывшіе с.-петербургскіе городскіе головы), или по назначенію начальства (представители отдѣльныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, по одному отъ каждаго). Не возражая, въ принципѣ, противъ этого нововведенія ¹⁾, находя далеко не бесполезнымъ присутствіе въ думѣ почетныхъ гражданъ города, возведенныхъ въ это званіе за оказанныя городу услуги ²⁾, мы думаемъ, что право назначенія уполномоченныхъ слѣдовало бы признать только за тѣми правительственными вѣдомствами, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ задачамъ городского управленія, если, притомъ, они не представлены въ думѣ какъ собственники находящихся въ городѣ имущества. Первому условію удовлетворяютъ безспорно вѣдомство православнаго исповѣданія, министерство народнаго просвѣщенія, министерство путей сообщенія, министерство финансовъ, министерство юстиціи (пока городской думою избираются мировые судьи)—и удовлетворяло бы министерство внутреннихъ дѣлъ, еслибы ему не принадлежало назначеніе должностныхъ лицъ городского управленія, тѣмъ самымъ вводимыхъ въ число членовъ думы. Опытъ земскихъ собраній говоритъ въ пользу участія представителей только отъ тѣхъ административныхъ учреждений, которыя заинтересованы въ дѣлѣ или прямо, какъ плательщики сбора, или косвенно, какъ служащія аналогичнымъ цѣлямъ.

Самую слабую сторону нашего городского самоуправленія всегда составляла и составляетъ до сихъ поръ избирательная система. Городовое Положеніе 1870-го года давало несоразмѣрно большія преимущества крупнымъ плательщикамъ городскихъ сборовъ и благоприятствовало пріобрѣтенію фиктивнаго избирательнаго ценса; Городовое Положеніе 1892-го года до крайности ограничило число избирателей и сосредоточило избирательное право въ рукахъ купцовъ и домовла-

¹⁾ Въ силу своего званія и теперь уже за сѣдаетъ въ думѣ предсѣдатель сиб. уѣздной земской управы, оставляемый въ ней и проектомъ. Весьма полезно было бы, на основаніи соображеній, изложенныхъ выше, въ Внутреннемъ Обзорѣніи, включить въ составъ думы и предсѣдателя сиб. *губернской* земской управы.

²⁾ Инициатива возведенія въ почетные граждане принадлежитъ самой думѣ, отъ которой и зависѣло бы пользоваться своимъ правомъ съ особою осторожностью.

дѣльцевъ. Въ настоящее время предполагается распространить это право на квартирнанимателей, платящихъ городской квартирнѣй налогъ въ размѣрѣ не менѣе 30 рублей (что соответствуетъ квартирной платѣ не ниже 1.080 рублей). Будетъ ли городской квартирнѣй налогъ установленъ въ замѣнѣ нынѣ существующаго государственнаго или въ дополненіе къ нему—это, повидимому, еще не рѣшено. Справедливость не была бы нарушена и въ томъ случаѣ, еслибы избирательное право квартирнанимателей не было поставлено въ зависимость отъ уплаты ими особаго сбора въ пользу города; кому же неизвестно, что городской сборъ, взимаемый съ домовладѣльцевъ, уплачивается, въ сущности, квартирнанимателями, какъ составная часть квартирной платы? И теперь, слѣдовательно, каждый квартирнаниматель можетъ и долженъ считаться плательщикомъ въ пользу города, не только косвенно, но и прямо заинтересованнымъ въ городскихъ дѣлахъ (косвенный интересъ, обусловливаемый значеніемъ городского благоустройства для каждаго городского жителя, имѣетъ, впрочемъ, несомнѣнно большую важность, чѣмъ прямой, выражающійся въ платежѣ опредѣленной суммы). Допустимъ, однако, что городской квартирнѣй налогъ явится новымъ сборомъ, не отмѣняющимъ ни одного изъ существующихъ, и что имъ будутъ обложены (какъ это намѣчено въ проектѣ) всѣ квартирнаниматели, платящіе за квартиру не менѣе трехсотъ рублей. Не говоря уже о новой тягости, которая упадетъ, такимъ образомъ, на людей, располагающихъ болѣе чѣмъ скромными средствами (известно, что такое въ Петербургѣ квартира, стоющая 300—500 рублей), справедливо ли будетъ отказать имъ въ соответствующемъ эквивалентѣ — въ правѣ голоса на выборахъ? Развѣ для нихъ менѣе, чѣмъ для людей достаточныхъ, важны различныя отрасли городского хозяйства? Развѣ не бѣднѣйшая часть населенія пользуется всего больше начальными школами, больницами, амбулаторіями, пріютами, богадѣльнями, дешевыми средствами сообщенія, дешевыми или даровыми развлечениями? Развѣ, съ другой стороны, наниматели квартиръ, оплачиваемыхъ менѣе чѣмъ 1.080 рублями, лишены способности здраво судить о потребностяхъ города, о способахъ ихъ удовлетворенія, о лицахъ, могущихъ съ пользою потрудиться на этомъ поприщѣ? Мы едва ли ошиблись бы, еслибы сказали, что такою способностью обладаютъ и многіе изъ тѣхъ, кому, за дешевизной занимаемыхъ помѣщеній, вовсе не придется платить квартирнаго налога; но весьма важнымъ шагомъ впередъ было бы и распространеніе избирательнаго права по меньшей мѣрѣ на всѣхъ плательщиковъ этого налога. Только тогда судьба городского управленія перестала бы зависѣть отъ ничтожнаго меньшинства, численность котораго обитатели сравнительно дорогихъ квартиръ увеличили бы весьма мало (съ восьми тысячъ—

приблизительно до пятнадцати); только тогда можно было бы говорить съ нѣкоторымъ правомъ объ участіи *населенія* въ завѣдываніи собственнымъ своимъ хозяйствомъ. Плательщики высшихъ разрядовъ квартирнаго налога безспорно повысятъ умственный уровень избирателей, внесутъ въ ихъ среду предприимчивость, подвижность, усиленный интересъ къ общественному дѣлу; но по своему положенію, по своимъ матеріальнымъ средствамъ они будутъ имѣть много общаго съ большинствомъ купцовъ и домовладѣльцевъ, и не представленною въ избирательныхъ собраніяхъ по прежнему останется *масса*, всего болѣе нуждающаяся въ понеченіи городского управленія. Никакихъ серьезныхъ неудобствъ многочисленность избирателей, при вновь проектируемыхъ избирательныхъ порядкахъ, не представляла бы. Городъ будетъ раздѣленъ на участки, и самый выборъ гласныхъ будетъ совершаться не посредствомъ баллотировки шарами, продолжительность и утомительность которой прямо пропорціональны числу избирателей, а посредствомъ подачи записокъ, которую легко устроить такъ, чтобы не было ни напрасной потери времени, ни толкотни и давки. Выборная процедура можетъ, на примѣръ, обнимать собою нѣсколько дней, съ приглашеніемъ на каждый изъ нихъ извѣстнаго числа избирателей, въ алфавитномъ порядкѣ.

Въ гласные, на основаніи проекта, могутъ быть избираемы только лица, имѣющія непосредственное право голоса на выборахъ въ томъ именно участкѣ, гдѣ выборы производятся. Для этого требованія нѣтъ, какъ намъ кажется, достаточныхъ основаній. Въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ, избирательные участки—все равно, что бы ни было положено въ основу дѣленія,—всегда будутъ единицами искусственными, не представляющими собою органическаго цѣлага. Въ столицѣ, какъ и вообще во всякомъ большомъ городѣ, нѣтъ ничего общаго не только между жителями одного и того же квартала, одной и той же улицы, но даже между жителями одного и того же дома; сплошь и рядомъ они не знаютъ другъ друга даже по имени. Дѣятельность горожанина очень часто приурочивается вовсе не къ тому участку, гдѣ онъ живетъ, а къ совершенно другимъ частямъ города. Врачъ, на примѣръ, можетъ жить гдѣ-нибудь на окраинѣ, потому что это нужно для здоровья его семейства, а практиковать преимущественно въ центральной части города. Другой врачъ, живущій въ центрѣ города, можетъ быть особенно извѣстенъ на окраинѣ, по мѣсту нахождения больницы, гдѣ онъ служитъ. Такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество. Успѣшность выборовъ зависитъ, между прочимъ, отъ ихъ сознательности, т. е. отъ степени знакомства избирателей съ тѣми, за или противъ кого они подаютъ свой голосъ—знакомства, понимаемаго, конечно, не въ смыслѣ личныхъ отношеній, а въ смыслѣ

яснаго представлѣнія о дѣятельности и взглядахъ избираемаго. Такое знакомство не обусловливается сосѣдствомъ: я могу не знать ни одного изъ кандидатовъ въ гласные, живущихъ въ томъ же участкѣ, и очень хорошо знать многихъ, приписанныхъ къ другимъ участкамъ. Топографическое, если можно такъ выразиться, ограниченіе свободы выбора вносить въ избраніе элементъ случайности, уменьшаетъ интересъ къ выборамъ, увеличиваетъ число уклоняющихся отъ пользованія избирательнымъ правомъ. Ошибочно было бы думать, что эта система способствуетъ огражденію *мѣстныхъ* интересовъ, предупреждаетъ слишкомъ неравнобѣрное распредѣленіе городскихъ средствъ между различными частями города. Мѣстныхъ интересовъ не такъ уже много; не всегда желательна и чересчуръ усердная ихъ защита, въ ущербъ интересамъ цѣлаго—а для тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ серьезное значеніе, достаточной охраной служить самое производство выборовъ по участкамъ. Для того, напримѣръ, чтобы не была забыта думой нарвская часть, имѣть надобности, чтобы избранные ею гласные жили (или числились избирателями) въ ея предѣлахъ; позаботиться о ней могутъ точно такъ же жители другихъ участковъ, разъ что имъ извѣстны и близки ея нужды. Предварительныя собранія, созываемыя по участкамъ—вотъ лучшее средство установить общеніе между избирателями и кандидатами въ гласные, выяснить желанія первыхъ и взгляды послѣднихъ. Необходимо только, чтобы эти собранія не встрѣчали никакихъ внѣшнихъ препятствій и могли происходить совершенно открыто; иначе они легко могутъ стать ареной интригъ, средствомъ достиженія личныхъ или кружковыхъ цѣлей.

Въ каждомъ изъ участковъ, на которые будетъ раздѣленъ городъ, предполагалось избирать такое число гласныхъ, которое соотвѣтствовало бы числу приписанныхъ къ участку избирателей. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что чѣмъ бѣднѣе часть города, тѣмъ меньше въ ней живетъ крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ, а также квартирнанимателей, платящихъ высокій квартирный налогъ—тѣмъ меньше въ ней, другими словами, лицъ, обладающихъ избирательнымъ правомъ. При дѣйствіи системы, намѣченной проектомъ, отдаленныя части города будутъ, слѣдовательно, представлены въ думѣ несравненно слабѣе, чѣмъ центральныя—и это не можетъ не отозваться на степени вниманія, оказываемаго окраинамъ. Дума существуетъ не для тѣхъ или другихъ избирателей, а для всего города; число гласныхъ отъ каждаго участка должно соотвѣтствовать, поэтому, числу *жителей* участка, а не числу приписанныхъ къ нему избирателей. Равнобѣрнымъ распредѣленіемъ гласныхъ особыя интересы каждой части города были бы ограждены въ гораздо болѣе мѣрѣ, чѣмъ

обязательнымъ выборомъ гласныхъ изъ числа избирателей даннаго участка.

Многолѣтній опытъ доказаль, что нѣкоторыя отрасли городского хозяйства, въ столицахъ и большихъ городахъ, развиваются всего лучше въ рукахъ исполнительныхъ комиссій, сосредоточивающихся всецѣло на вѣренномъ имъ дѣлѣ и привлекающихъ къ нему большую сумму дарового труда. Отъ городской управы, поглощенной текущими дѣлами и управленіемъ городскими дѣлами на мѣстѣ, нельзя ожидать систематической работы надъ одной задачей, въ установившемся опредѣленномъ направленіи, съ заранѣе опредѣленною цѣлю. Такая работа требуетъ особаго интереса, особыхъ навыковъ и знаній, различныхъ смотря по характеру задачи. Существованіе исполнительныхъ комиссій благоприятствуетъ специализации, столь важной для успѣшнаго хода дѣла; благодаря имъ, каждый желающій можетъ найти для себя занятіе по силамъ и по сердцу. Комиссіи школьная, больничная, санитарная и др. достигаютъ, вмѣстѣ взятыя, результатовъ, которыхъ никогда не могла бы достигнуть городская управа, даже съ помощью экспертовъ. Съ другой стороны, никакихъ неудобствъ устройство исполнительныхъ комиссій не представляетъ; какъ и управа, онѣ дѣйствуютъ подъ контролемъ думы и администраціи, а соглашеніе между ними обезпечивается включеніемъ ихъ предсѣдателей въ составъ управы, и кромѣ того, комиссіи входятъ въ думу съ докладомъ не иначе, какъ черезъ управу. Нелегко, поэтому, объяснить себѣ недовѣріе, съ какимъ отнесся къ исполнительнымъ комиссіямъ проектъ положенія объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга. Учрежденіе ихъ поставлено въ зависимость отъ согласія особаго по дѣламъ города С.-Петербурга присутствія ¹⁾, и, что еще важнѣе, городскому головѣ предоставлено приглашать особыхъ лицъ для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями городского хозяйства и управленія, требующими специальныхъ познаній и подготовки. Что такія лица должны являться не заурядными служащими, а именно конкурентами исполнительныхъ комиссій—это видно изъ того, что они включаются проектомъ, наравнѣ съ предсѣдателями исполнительныхъ комиссій, въ составъ общаго присутствія городской управы, гдѣ такимъ образомъ и большинство голосовъ будетъ обезпечено за городскимъ головой навсегда. Представимъ себѣ, что городской голова пригласитъ особое лицо для завѣдыванія городскими больницами,

¹⁾ По первоначальному тексту проекта, комиссіи должны были дѣйствовать „подъ руководствомъ“ городского головы, но, вслѣдствіе возраженій нѣкоторыхъ изъ числа присутствовавшихъ, слова: *подъ руководствомъ* замѣнены словами: „подъ наблюдениемъ“.

а городская дума въ то же самое время найдетъ нужнымъ возложить завѣдываніе больницами на исполнительную комиссію. Одно изъ двухъ: или особое присутствіе не согласится на учрежденіе комиссіи, только потому, что не захочетъ рисковать конфликтомъ между думой и головой—или образуется двоевластіе, несомѣстное съ правильнымъ ходомъ дѣла. Намъ кажется, что учрежденіе исполнительныхъ комиссій должно зависѣть исключительно отъ думы, а лица, приглашаемыя на городскую службу, ни въ какомъ случаѣ не должны пользоваться правами, принадлежащими выборнымъ представителямъ городского управленія (т.-е. членамъ управы, предсѣдателямъ исполнительныхъ комиссій и лицамъ, избраннымъ думою для единоличнаго завѣдыванія какою-нибудь отраслью городского хозяйства).

Вообще говоря, если что придаетъ городскому общественному управленію настоящей его характеръ, то это именно исполнительныя комиссіи: идя въ гласные, обыватель идетъ не только для того, чтобы засѣдать въ думѣ, принимать участіе въ преніяхъ и рѣшеніи дѣлъ открытой или закрытой баллотировкой, но еще болѣе для того, чтобы внести въ городское дѣло свой личный трудъ на пользу города—и исполнительныя комиссіи открываютъ ему для того широкое поприще; по крайней мѣрѣ, половина общаго числа гласныхъ идутъ въ комиссіи, гдѣ ихъ трудъ является почти даровымъ. Въ прусскомъ городскомъ положеніи (ст. 74) безвозмездная служба гласныхъ въ исполнительныхъ комиссіяхъ составляетъ даже обязанность, за уклоненіе отъ которой не только налагается денежный штрафъ, но и лишеніе избирательнаго права отъ трехъ до шести лѣтъ; а у насъ наоборотъ: предполагали отказаться отъ безвозмездной службы гласныхъ въ исполнительныхъ комиссіяхъ, или думали обставить эту службу условіями, при которыхъ не всякій согласился бы пойти на городскую службу. Это—служба почетная, и ею непремѣнно нужно воспользоваться наилучшимъ образомъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Попечительства о глухонѣмыхъ.

Съ разрѣшенія Комитета Попечительства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны о глухонѣмыхъ, съ наступившаго октября мѣсяца членами Совѣта сего Попечительства, докторами медицины М. В. Богдановымъ-Березовскимъ и Е. С. Боришпольскимъ, открываεται въ С.-Петербургѣ (Крюковъ кан., д. 7) „Дѣтскій Садъ“ для глухонѣмыхъ дѣтей дошкольнаго возраста и при немъ *спеціальныя классы* для больныхъ съ *разстройствами рѣчи* (заикъ, косноязычныхъ, нѣмыхъ (афатиковъ) и психически-глухихъ) и для больныхъ съ *разстройствами слуха* (глухихъ, тугоухихъ и глухонѣмыхъ съ остатками слуха).

Дѣтскій Садъ будетъ находиться въ вѣдѣніи и непосредственномъ покровительствѣ Попечительства Г. И. М. Ѳ. о глухонѣмыхъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Воспитание и образование слѣпыхъ и ихъ приращеніе на Западѣ, г-ра А. П. Сербицкаго. Съ чертежами въ текстѣ и пятью таблицами. Спб. 1902. Стр. 1020. Ц. 6 руб.

Нынѣ окончившій обширный трудъ былъ задуманъ авторомъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, когда широко захватили въ Россіи заботы объ участи слѣпыхъ. Авторъ въ предисловіи указываетъ кратко исторію возникновенія, въ началѣ 80-хъ годовъ, нашего Повелительства о слѣпыхъ, въ которомъ онъ съ самаго его основанія, въ теченіе періода пяти-шести лѣтъ, игралъ весьма активную роль, и зачѣмъ объясняетъ главную цѣль своего труда; авторъ бѣжитъ въ виду, главнымъ образомъ, раскрыть существующій предрассудокъ въ обществѣ насчетъ неспособности слѣпыхъ къ развитію и труду; указать при этомъ на значительные результаты, достигнутые на Западѣ въ этомъ отношеніи, при помощи воспитанія и образованія слѣпыхъ и ихъ приращенія, и ознакомить знающаго, готовящагося къ исполненію обязанностей въ школахъ слѣпыхъ съ предметомъ ихъ дѣятельности. Къ шестороннему и подробно изложенію того, что уже сдѣлано для воспитанія, образованія и приращенія слѣпыхъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ, и притомъ на основаніи личнаго наблюденія на мѣстѣ, авторъ присоединяетъ цѣлуу, особенно интересную главу (XVIII), посвященную задачамъ статистика и предупрежденія слѣпоты въ Россіи, гдѣ болѣе близка къ сдѣланому достигнута независимая оценка сравнительно съ другими странами; но переломъ слѣпыхъ, предпринятой антропопатикомъ Повелительствомъ, оказывается, что у насъ число слѣпыхъ достигаетъ 210 000! Въ приложеніяхъ докладываютъ обзоръ результатовъ дѣятельности нашего Повелительства о слѣпыхъ (1881—1894 гг.), переломъ автора съ К. К. Гротомъ, основателемъ Повелительства, и таблицу результатовъ алфавитныхъ, двоящихся и точечныхъ. И иностранная литература этого предмета не представляють ничего подобнаго настоящему труду.

Россія въ дорожныхъ отношеніяхъ. Состав. П. Ф. Мейбоу. Изд. Хайльста. Демар. Мюн. Ви. Дит. Въ 3-хъ томахъ, съ приложеніемъ 5 картogramмъ и карты губерній. Спб. 1902. Ц. 5 р.

Глава два томъ посвященъ г. Мейбоу изданію книги: „Обзоръ Россіи въ дорожномъ отношеніи“, гдѣ были собраны впервые свѣдѣнія объ обихъ европейскихъ путяхъ и о ядрахъ земель по ступенчатому порядку на сумми дорожнаго капитала, около 8 мил. рублей, до 1899 года. Настоящее изданіе служитъ замечательнымъ пополненіемъ той книгѣ, такъ какъ оно сообщаетъ свѣдѣнія и о путяхъ сообщенія водныхъ и желѣзнодорожныхъ, что и составляетъ содержание первой части первого тома; во второй части того же тома вообще описаніе 12 земскихъ губерній; во второй томѣ—описаніе остальныхъ 22 земскихъ губерній, и въ третьемъ—описаніе 17 губерній, безъ земскихъ учрежденій, — привилегированныхъ губерній. Къ обзору каждой губерніи прилагается карта съ изображеніемъ на ней всѣхъ ее путей сообщенія; въ каждой частяхъ вышнему нагъ картogramмъ, наглядно изображающихъ сравнительно составъ путей сообщенія въ губерніяхъ.

Шекспиръ—въ переводѣ, и объясненія А. Д. Соколовскаго. Въ 6-ти томахъ. Спб. 1894—98 г. Изданіе А. Ф. Мараса. Цѣна 10 руб.

Въ прошедшемъ году переводъ Шекспира, сдѣланный А. Д. Соколовскимъ, былъ удостоенъ Академіей науки высокой Пушкинской преміи. Къ достоинствамъ самого текста перевода въ настоящемъ изданіи присоединяется и право: читатель его обстановки: вступительная статья, гдѣ переводчикъ старается высказать и сосредѣлать значеніе Шекспира, закъ писателя, свѣдѣнія о чертахъ его жизни, и каждой шестереди предшествуетъ предисловіе, съ подробнымъ ее главнаго идеи, а въ концѣ текста помещаются объяснительныя приложенія; „не удалось,—говоритъ переводчикъ,— въ простотѣ изслѣдованія о каждой буковкѣ текста, а объяснилъ преимущественно темныя его мѣста, а также указалъ причины, почему употребилъ то или другое русское выраженіе для перевода мѣста, неприводимаго буквально“.

Практическая анатомія по зоологии и ботаникѣ. Т. Геккель и Г. Мартинъ. Перев. П. А. Петропавловскаго, Н. Сушнина и Н. Кольцова. М. 1901.

Переводъ знаменитаго труда Геккеля и Мартинъ входитъ въ число весьма полезныхъ изданій „Библиотеки для самообразованія“ и сдѣланы по послѣдней пересмотрѣнному авторомъ оригиналу. Существенная черта состоитъ въ томъ, что авторъ долгое время держалъ вѣтъ, ведущую отъ простого къ сложному, но затѣмъ, на основаніи опыта, провѣдены убѣжденіемъ, что для учащихся легче другой путь—отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и потому онъ сталъ держаться обратнаго порядка—начинать съ тѣхъ животныхъ, какъ заглуша или пролику, а въ которыхъ каждый что-нибудь да знаетъ, и постепенно переходить, равно какъ и филологическія, можно сказать при помощи биологическихъ аналогій съ нашими собственными тѣлами. Исходя изъ такой точки отсчета, авторъ въ своемъ руководствѣ подвигается дальше и дальше въ мѣне знакомую область безъмозговитыхъ животныхъ, пока не дойдетъ до погрѣшительной области между животными и растениями, откуда уже легко и просто поднимается къ самымъ сложнымъ растительнымъ организмамъ. Изданіе снабжено 342 рисунками къ текстѣ.

Синтаксисъ греческаго языка. — Д. Д. Осенина и О. Кузнецова. Спб. 1902. Ц. 1 р. 75 к.

Цѣль автора—изложить синтаксисъ отечественнаго языка наученъ, но въ общедоступной формѣ. При этомъ „система Потебнина“ послужила автору основой самаго изложенія, и потому въ его трудѣ послѣдовательно проведено правило, а именно, что „синтаксическую фигуру современнаго языка слѣдуетъ понимать и определять по ее современному синтаксическому значенію, а не на основаніи ее прежняго значенія или морфологическаго ее происхожденія“. Авторъ, подавая свой трудъ, имѣлъ въ виду почитаться, некая дѣ, наконецъ, продолжить дорогу научнаго-образнаго синтаксиса родному языку въ школу, т. е. въ старшей классы гимназій. Для достиженія этой цѣли авторъ пользуется свѣдѣніями всѣхъ европейскихъ языковъ и историческаго языка и притомъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

Ежемесячный журналъ истории, политики, литературы,

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ,
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Внѣ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	45 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	36 „ —	8 „ —	8 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ —	9 „ —	8 „ —	5 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союзѣ	19 „ —	10 „ —	9 „ —	5 „ —	5 „ —	5 „ —	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по выбору дѣлать въ январѣ и іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюль и октябрѣ, принимается — безъ повышения годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычаемъ уплаты.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Гизлера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циверлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книги. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ П. П. Купасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, изъ Петербурга, слухъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книги. магаз. „Образованіе“, Гинзельскал, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книги. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасевича.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ означать въ себѣ имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ точностью обозначеніемъ имени почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ указанія мѣстожитія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Переменная адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ приносимы перемѣны переходя къ иному мѣстожителю, доказывать 1 руб., и иному мѣстожителю, переходя къ другому, 40 коп. — 3) Жалобы на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ именномъ или личномъ мѣстѣ, и, согласно объявленію въ Почтоваго Департамента, не могутъ быть по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) Жалобы на получение журнала высылаются Конторѣ только тѣмъ изъ инопородныхъ или инопочтовыхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовой марки.

Подать и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 2 л.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЪ

ЖУРНАЛЪ

1902

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ИЗДАЮЩІЙ

ТРИЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 12-я.

ДЕКАБРЬ, 1902.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1902.

69

- I.—ВЫСШИИ НАРОДНЫИ ШКОЛЫ ВЪ ШВЕЦИИ.—Очеркъ.—К. Гренгагена. 457
- II.—ВЪ ВУДАЕВСКОЙ УСАДЬБѢ.—Романъ.—I-XXVI.—Валер. Сибтлова. 491
- III.—ФЕДЕРАЦІА ЖЕНСКИХЪ КЛУБОВЪ ВЪ АМЕРИКѢ.—И. А. Тверского. 513
- IV.—ВЪРОВАНИИ И СУЕВѢРІИ У КИТАЙЦЕВЪ.—По личнымъ наблюденіямъ.—В. В. Корсакова. 555
- V.—ФИНАНСОВЫЕ УСПѢХИ ИТАЛІИ.—Изъ личныхъ замѣтокъ.—Ки. Дмитрія Друцкого-Соколинскаго. 574
- VI.—ШАТКИ ОСНОВЫ.—Воскъ.—W. von Reibanz, „Wurzelstocker“.—XXIX-XII.—Окончаніе.—Съ вѣд.—II—ны С—ной. 687
- VII.—ЕЩЕ О НАШЕЙ ШКОЛѢ.—Смид. Г. Петрову, Школа и жизнь.—Евг. Л. 738
- VIII.—СТАРЫИ ДОМЪ.—Стат. П. С. Соловьева. 752
- IX.—ЗАВѢТНЫИ САТИРИЧЕСКІИ РОМАНЪ.—„Одинъ изъ нашихъ Пискарювъ“ и его вродожіе: „Графъ Обезьянновъ на повожъ мѣстѣ“, изъ В. Мерсерава.—Л. З. Славянского. 758
- X.—АЛЕКСАНДРЪ ОНУФРИЕВИЧЪ КОВАЛЕВСКІИ.—Очеркъ изъ исторіи науки въ Россіи.—Илья Мечникова. 772
- XI.—ХРОНИКА.—Возвѣстіе, какъ зачатоеъ медной земской организаціи.—Кл. Л. Воробьева. 800
- XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новое Главное Управленіе.—Всеобщаго дѣла докладъ министра изъ дѣла о жероприятіяхъ во урожаю 1901 г.—Общю результаты вродовольственной кампаніи.—Телеловонна газетина мандаліи на земство.—Частная благотворительность.—Дѣлѣннее паразитовѣ вродовольственаго дѣла.—Положеніе вопроса о медной земской едннцѣ.—Новыя свѣдѣнія о дѣятельности уѣднннхъ комитетовъ.—Пересмотръ земсваго избирательнаго цнма.—Post-scriptum. 811
- XIII.—НА ПЕРВЫХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РАЙОНАХЪ.—По личнымъ наблюденіямъ.—М—сваго. 822
- XIV.—ВНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Печальныя событія въ Македоніи.—Роль европейской дипломатіи въ устройствѣ турецкихъ дѣлъ.—Мысль о сознаніи европейской конференціи.—Политика Вильгельма II и внутренніе вопросы въ Германіи. 846
- XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ въ царств. вѣд. Александра I и Николая I.—А. С. Воронкій, Миллеръ, разскалъ.—Н. В. Пономаревъ, Обзоръ старинныхъ промысловъ въ Россіи.—П. Милловскіи, Изъ исторіи русской питевательности.—А. П.—По Москвѣ и ея окрестностямъ, путешевдатель-сравновннхъ.—К.—Илья внннхъ и брошюра. 862
- XVI.—НОВОСТИ ВНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Nekrasow, Gedichte, ohne v. von F. Fiedler.—II. L. Mühlfeld, L'Alcoolisme, roman.—З. В. 871
- XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОИ ХРОНИКИ.—Интересное сообщеніе о возмѣннхъ къ нему памятнику.—Инцидентъ въ казанскомъ вродическомъ едннствѣ.—Прокскуруемое едннство московскихъ журналистовъ.—Предложеніи хвнтей русской періодической печати.—Одесская вѣдѣнія и реформа городского самоуправленія.—„Внгал вѣстѣ“.—Корреспонденціи изъ турецкой губерніи.—Пискъ П. А. Тверского въ Редакцію. 881
- XVIII.—ВЪВѢЩЕНІА.—Отъ Императорскаго Женскаго Патриотическаго Общества. 886
- XIX.—МАТЕРІАЛЫ ДЛІИ ЖУРНАЛЬНОИ СТАТИСТИКИ: „Вѣстникъ Европы“ за 1902 году. 891
- XX.—АЛФАВИТНЫИ УКАЗАТЕЛЬ изворовъ и статей, ввннннннхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1902 году. 894
- XXI.—ВНЦІОГРАФИЧЕСКІИ ЛИСТОКЪ.—Собраніе сочиненій Вл. О. Соловьева, т. IV и V.—Женщины-убійцы, вр. П. Н. Тарновской.—Салзаннхъ (Батурска) В. М. Дорошенкова.—Оборннхъ Русскаго Историческаго Общества, т. III.—Пискъ и редакція, Я. Кривошеина (И. Я. Гуренннхъ). 898
- XXII.—ОБЪЯВЛЕНІА.—I-IV; I-XVI стр.

ВЫСШІЯ НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ ШВЕЦІИ

О ЧЕРКЪ.

Многолѣтнее энергичное стремленіе Швеціи къ повсемѣстному насажденію въ странѣ народнаго просвѣщенія увѣнчалось, въ настоящее время, выдающимся успѣхомъ. Дѣйствительно, эта необширная страна, съ суровымъ климатомъ и сравнительно незначительными природными богатствами, сумѣла поставить народное просвѣщеніе на столь высокую ступень развитія, что въ этомъ отношеніи она занимаетъ нынѣ, можно сказать, первое мѣсто въ ряду прочихъ странъ Европы ¹⁾. Казалось бы, что именно Швеція, не особенно богатая страна, должна была бы съ большою осмотрительностью приступать ко всякаго рода нововведеніямъ, сопряженнымъ съ значительными расходами. Отъ нея, поэтому, менѣе, чѣмъ отъ другихъ странъ, можно было ожидать введенія всеобщаго обязательнаго обученія. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, экономическое положеніе Швеціи было даже весьма незавидно. Между тѣмъ, уже и тогда въ этой странѣ замѣчалось е стремленіе къ народному просвѣщенію, а тамъ общее мнѣніе уже давно имѣло значеніе руководящей силы,

мѣющихъ читать и писать въ Швеціи 98%, Германіи—97%, Швейцаріи—
ликобританіи—91%, Франціи—85%, Нидерландахъ—84%, Бельгіи—77%,
—51%, Италіи—45%, Испаніи—25%.

да и само общество было глубоко проникнуто сознаниемъ—что не экономическое благосостояніе страны предшествуетъ развитію народнаго просвѣщенія, напротивъ,—возможно широкое распространеніе въ народѣ просвѣщенія создаетъ прочное экономическое положеніе всѣхъ классовъ населенія.

Въ 1898 году, относительно небогатая Швеція израсходовала на нужды народнаго образованія 29.250.000 кронъ, что составляетъ для каждаго жителя расходъ въ 5,81 кр., или почти 3 р. 50 в. Въ Россіи, при одинаковой напряженности, эта цифра должна была бы возрасти до колоссальной суммы, увеличиться почти въ восемнадцать разъ противъ суммы, ассигнуемой у насъ въ послѣднее время на народное образованіе.

Впрочемъ, такая „расточительность“ шведскаго народа въ дѣлѣ удовлетворенія нуждъ народнаго образованія стала проявляться лишь съ момента присвоенія страной права на самообложеніе, а этотъ моментъ совпадаетъ съ началомъ широкаго пользованія самоуправленіемъ. Въ Швеціи крестьянинъ никогда не былъ крѣпостнымъ, хотя и переживалъ иногда весьма тяжелыя времена. Въ настоящее время едва ли можно насчитать много другихъ странъ, имѣющихъ въ своихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ столько представителей изъ мелкаго крестьянства ¹⁾, сколько ихъ приходится на долю шведскаго риксдага. Такое широкое представительство мелкаго крестьянства въ высшемъ государственномъ учрежденіи и потребовало значительнаго повышенія народнаго образованія. Многолѣтній, интенсивный трудъ на этомъ поприщѣ, въ связи съ активнымъ участіемъ крестьянъ въ законодательномъ учрежденіи, весьма много содѣйствовалъ быстрому перерожденію шведскаго народа. Его политическая зрѣлость признана давно, и ею онъ довольно рѣзко отличается отъ многихъ даже высоко образованныхъ народовъ западной Европы. Но съ особенною яркостью она стала проявляться лишь въ позднѣйшее время, какъ непосредственный результатъ широкаго распространенія въ народѣ просвѣщенія, начавшагося въ концѣ первой половины минувшаго столѣтія, а именно съ 1842 года, когда въ Швеціи была реформирована вся школьная система. Затѣмъ, съ преобразованіемъ различныхъ государственныхъ учреждений, а также по мѣрѣ усложненія жизненныхъ условий, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сталъ увеличиваться спросъ на образованіе. Новые коммунальные законы и улучшеніе устарѣвшихъ формъ правленія,

¹⁾ Въ настоящее время во второй камерѣ изъ 230 членовъ засѣдаютъ только 80 горожанъ и 150 сельскихъ представителей.

также какъ и новый законъ 1866 года, опредѣлившій порядокъ выборовъ въ риксдагъ,—все это въ значительной степени содѣйствовало повышенію общественныхъ силъ. Одновременно стало замѣтно улучшаться также и экономическое положеніе Швеціи. На всемъ протяженіи, за исключеніемъ далекаго сѣвера, она покрылась густою сѣтью желѣзныхъ и иныхъ путей сообщенія, ея промышленность окрѣпла, у нея выросъ огромный торговый флотъ, явились свободные капиталы и значительно улучшилось сельское ховяйство. Жажда знаній, помимо требованій, предъявляемыхъ развитіемъ промышленности, стала проявляться всюду и съ особою настойчивостью. Низшая народная школа скоро перестала удовлетворять многихъ, и, такимъ образомъ, самъ собою былъ выдвинутъ вопросъ о необходимости учрежденія для народа высшихъ школъ съ теоретическими и практическими курсами. Около этого времени, идея капеллана Грундвига о высшихъ народныхъ школахъ получила практическое осуществленіе въ Даніи. Въ примѣрахъ, слѣдовательно, недостатка не было.

I.

Мысль объ учрежденіи высшихъ народныхъ школъ возникла въ Швеціи въ 1867 году и, притомъ, одновременно въ трехъ пунктахъ. Двое представителей крестьянскаго сословія въ риксдагѣ—Ола Андерсонъ и Свенъ Нильсонъ, жившіе въ области Сконе, пришли къ убѣжденію о необходимости учредить для взрослыхъ крестьянскихъ сыновей особыя школы, въ которыхъ, наряду съ прохожденіемъ теоретическихъ курсовъ, они приобрѣтали бы также извѣстную практическую подготовку, необходимую въ крестьянскомъ быту. При содѣйствіи молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ такой высшей народной школѣ, предполагалось внести больше свѣта въ крестьянскую среду и такимъ образомъ распространить въ ней свѣдѣнія, полезныя для земледѣльцевъ. По мнѣнію Андерсона и Нильсона, учрежденіе подобныхъ школъ вызывается также необходимостью дать крестьянамъ возможность постоянно преуспѣвать, дабы они, составляя гражданское общество, могли въ интересахъ всего народа и государства имѣть въ коммунахъ и риксдагѣ вполнѣ свѣдущихъ представителей. Настаивая на необходимости повышенія общаго уровня народнаго образованія и въ особенности сельскаго класса населенія, депутаты утверждали, что высшая народная школа, не отрывая крестьянъ отъ земли, должна стремиться еще больше

къ тому, чтобы привязать къ ней и научить ихъ возможно лучшему воздѣлыванію ея. Они находили возможнымъ учреждать подобныя школы исключительно лишь въ деревняхъ, оберегая, такимъ образомъ, сельскую молодежь отъ городскихъ привычекъ. Однако, какъ осуществить такія мысли и какимъ образомъ организовать школу въ педагогическомъ отношеніи—депутаты провинціи Сконе сами не могли разрѣшить.

Между тѣмъ, мысль объ учрежденіи высшихъ народныхъ школъ въ Швеціи возникла одновременно также и у доктора Сольмана, дѣятельнаго члена стокгольмскаго „сѣвернаго національнаго общества“ и бывшаго въ то же время однимъ изъ самыхъ талантливыхъ редакторовъ свободомыслящей газеты „Afton-bladet“. На страницахъ этой газеты онъ помѣстилъ о томъ цѣлый рядъ статей, и такимъ образомъ по настоящему вопросу образовался довольно значительный литературный матеріалъ. Не ограничиваясь только статьями теоретическаго характера, Сольманъ отправилъ въ Данію своего сотрудника, доктора Олунда, для практическаго ознакомленія съ постановкой преподаванія и организаціей высшихъ народныхъ школъ. Его корреспонденціи, напечатанныя въ той же газетѣ, читались съ большимъ интересомъ и обсуждались не только всею печатью, но также и въ специальныхъ обществахъ, частныхъ кружкахъ и семьяхъ. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за печатью депутаты области Сконе — Андерсонъ и Нильсонъ. Ознакомившись съ положеніемъ и организаціей высшихъ народныхъ школъ въ Даніи, они увидѣли себя во всеоружіи и немедленно приступили къ осуществленію своихъ первоначальныхъ проектовъ. Общество, подготовленное печатью, отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ ихъ благимъ начинаніямъ. Такое движеніе въ пользу высшихъ народныхъ школъ обнаружилось не только въ образованныхъ слояхъ общества, но оно быстро распространилось также и въ крестьянской средѣ. Совмѣстная дѣятельность представителей интеллигентнаго класса и крестьянскаго сословія ознаменовалась одновременнымъ открытіемъ въ 1868 году трехъ высшихъ народныхъ школъ въ Гвילанѣ, Эннестадѣ и Геррестадѣ. Въ послѣдующіе годы докторъ Олундъ и Андерсонъ основали еще нѣсколько подобныхъ же школъ, но затѣмъ, когда мѣсто директора высшей народной школы въ Гвиланѣ было предоставлено доценту лундскаго университета доктору Гольмстрему, эти школы стали учреждаться во всѣхъ ленахъ ¹⁾ Швеціи.

¹⁾ Въ административномъ отношеніи Швеція раздѣлена на 25 областей, назв-

Причиной, побудившей доктора Гольмстрема заинтересоваться высшими народными школами и затѣмъ направить свои усилія вообще къ поднятію народнаго образованія, послужили встрѣча его и обмѣнъ мыслей съ Флоромъ, выдающимся въ Даніи общественнымъ дѣятелемъ. Объѣздивъ почти всю Швецію, Флоръ вынесъ заключеніе, что общій уровень образованія шведскаго народа и его гражданственность далеко не соотвѣтствовали первоначальному о нихъ представленію, сложившемуся у него до поѣздки въ Швецію. Основываясь на многолѣтней политической свободѣ шведскаго народа, Флоръ надѣялся встрѣтить здѣсь не только большую просвѣщенность, но также несравненно большее развитіе и проявленіе гражданскаго духа, нежели въ другихъ сѣверныхъ странахъ. Болѣе тѣсное сопоставленіе съ дѣйствительностью, однако, привело его къ полнѣйшему разочарованію. Доводы датчанина показались доктору Гольмстрему настолько убѣдительными, что, не теряя напрасно времени, онъ тотчасъ же и весьма горячо занялся народнымъ образованіемъ.

Съ 1868 г., вплоть до 1901 г., въ Швецію было учреждено 30 высшихъ народныхъ школъ для мужчинъ и 25 для женщинъ, причемъ въ каждой области, за исключеніемъ Сконе, ихъ приходилось по одной или по двѣ. Въ самой сѣверной области—Норрботтенѣ и именно въ Баденѣ, высшая народная школа существуетъ лишь съ 1896 года. Съ ея осуществленіемъ, отчасти сбылась заветная мечта Грундвига—распространить подобныя школы вплоть до полярнаго круга.

II.

Въ противоположность Даніи, всѣ шведскія высшія народныя школы учреждены только въ деревняхъ или посадахъ. Въ настоящее время значительная часть этихъ школъ обзавелась собственными домами, причемъ обширныя ихъ помѣщенія, кромѣ аудиторій и квартиръ для педагогическаго персонала, вмѣщаютъ также большое число комнатъ, отдаваемыхъ ученикамъ въ наемъ за весьма умѣренную плату. Отсутствие достаточнаго числа ученическихъ квартиръ вынуждаетъ учащуюся молодежь искать пріюта у сосѣдей-крестьянъ или же въ другихъ деревняхъ, отстоящихъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ мѣсторасположенія школы.

всѣмъ ихъ лежанки, въ число которыхъ, какъ самостоятельная единица, входитъ Стоп-гольмъ съ пригородами.

Всѣ высшія народныя школы въ Швеціи имѣютъ совершенно одинаковую организацію, причемъ прототипомъ этихъ школъ вполне справедливо считается старѣйшая изъ нихъ—въ Гвילהѣ. Всѣ онѣ возникали по инициативѣ только частныхъ лицъ, и правительственному ихъ осуществленію всегда предшествовали многочисленныя доклады и „моціи“¹⁾ въ риксдагѣ, также какъ и обстоятельныя обсужденія въ частныхъ кружкахъ, въ народныхъ и другихъ собраніяхъ. Разсужденія въ пользу этихъ школъ велись всегда энергично въ различныхъ слояхъ населенія и всегда имѣли цѣлью убѣдить въ необходимости повсемѣстнаго ихъ распространенія. Отдѣльныя лица, общины и нерѣдко даже представители государственной власти принимали самое дѣятельное участіе въ распространеніи этихъ полезныхъ школъ, и съ этою же цѣлью во многихъ областяхъ были собраны весьма значительныя денежные средства. Такъ, на примѣръ, въ одной только области Вѣстманландъ въ теченіе трехъ лѣтъ удалось собрать болѣе 40.000 кронъ. Въ другихъ областяхъ частныя пожертвованія были не менѣе обильны. Благопріятное стеченіе обстоятельствъ и сочувственное отношеніе всего населенія къ идеѣ повсемѣстнаго распространенія высшихъ народныхъ школъ дали возможность, въ послѣднее время, обзавестись наконецъ собственными строеніями и значительными земельными участками. Но первоначально высшая народная школа долго располагала весьма ограниченнымъ числомъ друзей, и только съ 1899 года она стала предметомъ всеобщаго вниманія, насчитывая многочисленныхъ друзей также среди ученыхъ, чиновниковъ и даже офицеровъ.

Въ теченіе тридцати-двулѣтней дѣятельности высшихъ народныхъ школъ—съ 1868 по 1900 г.—общее число юношей, окончившихъ въ нихъ полный курсъ, не превышало 17.000, а для дѣвушекъ, въ теченіе періода 1873—1900 г., это число доходило до 6.800. За все истекшее время общее число всѣхъ, окончившихъ полный курсъ въ 55 существующихъ высшихъ народныхъ школахъ, достигаетъ лишь 24.000. Въ 1900 году во

¹⁾ Моція (motion)—или предложеніе—можетъ быть вносіма каждымъ депутатомъ палаты въ теченіе десяти дней послѣ открытія риксдага. Она подается письменно и, въ случаѣ согласія короля, должна сводиться въ немедленному измѣненію или уничтоженію одного изъ общихъ, дѣйствующихъ законовъ. Петиціонное право не ограничено въ выборѣ предмета и можетъ касаться всякаго государственнаго дѣла. Петиція, въ сущности говоря, имѣетъ значеніе ходатайства передъ правительствомъ о принятіи предлагаемыхъ мѣропріятій и, въ случаѣ согласія короля, передается въ видѣ законопроекта на разсмотрѣніе и утвержденіе слѣдующаго очереднаго риксдага.

всѣхъ школахъ было 774 учениковъ и 614 ученицъ, что, въ общей сложности, составляло лишь 1.400 учащихся. Между тѣмъ, въ Даніи, въ 1901 году, обучалось 5.000 человекъ въ имѣющихся тамъ 70-ти высшихъ народныхъ школахъ, при численности всего населенія вдвое меньшемъ, чѣмъ въ Швеціи. При этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать, что Швеція населена менѣе плотно, и просвѣтительные центры въ ней значительно удалены отъ районовъ сельской осѣдлости. Будучи менѣе доступными, они оказываютъ на большинство населенія не столь осязательное вліяніе, какъ просвѣтительные центры въ Даніи. Наконецъ, болѣе существенной причиной—почему высшія народныя школы менѣе распространены въ Швеціи—служатъ ея миролюбивая политика и спокойствіе, надолго воцарившееся въ ней послѣ разорительныхъ войнъ 1808—1809 годовъ и 1813—1814 годовъ. Въ теченіе восьмидесяти слишкомъ лѣтъ въ Швеціи не происходило событій, подобныхъ тѣмъ, какія въ 1864 году выпали на долю слабой Даніи. Желая создать хотя какой-нибудь оплотъ, въ случаѣ новыхъ столкновеній, и боясь пагубныхъ для себя послѣдствій отъ начавшейся германизациі, Данія была вынуждена обратиться къ поспѣшному насажденію у себя высшихъ народныхъ школъ и тѣмъ самымъ, въ сравнительно короткое время, добилась болѣе рѣшительнаго воздѣйствія на духовное развитіе своего народа. Будучи заинтересовано распространеніемъ по всей странѣ высшихъ народныхъ школъ, правительство въ Даніи само содѣйствовало свободному ихъ развитію и оказывало имъ всяческую поддержку. Отличаясь отъ шведскаго правительства болѣе демократичностью, оно, помимо преслѣдованія политическихъ цѣлей, глубже сознавало нужды своего народа, а потому само спѣшило къ нему на помощь, не дожидаясь особыхъ побужденій. Болѣе медленному распространенію этихъ школъ въ Швеціи содѣйствовало, отчасти, всегда консервативное духовенство. Въ многочисленныхъ случаяхъ, когда поднимался вопросъ о необходимости поднятія народнаго образованія, многіе почтенные пасторы считали болѣе удобнымъ для себя притворяться глухими или же проявлять полнѣйшее къ нему равнодушіе. Въ иныхъ случаяхъ, хотя всегда осторожно, нѣкоторые изъ нихъ приступали даже къ организаціи весьма сильной оппозиціи. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что были и такіе пасторы, которые неоднократно выдѣлялись изъ своей среды искреннихъ друзей народа, окрыленныхъ надеждой оказывать посильное содѣйствіе его духовному развитію. „Можно надѣяться,—говорится въ одномъ шведскомъ изданіи,—что со вре-

менемъ снова возобновится совмѣстная работа церкви и школы на пользу всей страны и ея народа“.

III.

Жизненность и цѣлесообразность высшихъ народныхъ школъ выяснились съ достаточною опредѣленностью лишь въ концѣ восьмидесятихъ годовъ. Нравственное удовлетвореніе, доставляемое ими всему населенію, возбудило къ нимъ всеобщее сочувствіе и довѣріе, несмотря на упорныя попытки ничтожнаго меньшинства отрицать благотворное ихъ значеніе. Шведская высшая народная школа, въ противоположность датской, хотя развивалась чрезвычайно медленно, но ея корни, также какъ и у послѣдней, проникли глубоко въ самые низшіе слои населенія. Дальнѣйшее ея процвѣтаніе вполне обезпечено сознательнымъ стремленіемъ народа къ воспитанію въ себѣ гражданскаго духа и къ приобрѣтенію полезныхъ знаній. Такое предположеніе подтверждается уже тѣмъ, что высшая народная школа въ Швеціи была призвана къ жизни благодаря только частной инициативѣ и самостоятельности низшихъ слоевъ населенія. Она не создавалась обычнымъ порядкомъ, подъ давленіемъ только теоретическаго признанія ея необходимости. Напротивъ,—она родилась въ сердцѣ и мысляхъ самого народа и только въ ихъ глубинахъ получила необходимую для нея теплоту“. Въ Даніи эти школы зависятъ отъ одного лица, а именно директора, и потому во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ собою совершенно самостоятельныя учрежденія, не имѣющія ничего общаго съ другими школами. Между тѣмъ, всѣ онѣ пользуются весьма значительными субсидіями отъ правительства. Въ Швеціи высшія народныя школы также учреждались по инициативѣ частныхъ лицъ, однако онѣ всегда находились подъ непосредственнымъ надзоромъ многочисленныхъ корпорацій, или же частной опеки. Во многихъ отношеніяхъ онѣ все-же представляютъ собою сколокъ съ высшихъ народныхъ школъ въ Даніи, хотя и преслѣдуютъ совершенно иныя цѣли. Не пользуясь въ первые годы своей дѣятельности вспоможеніями отъ государства, онѣ, тѣмъ самымъ, находились внѣ всякой зависимости отъ него. Неподчиненность правительственному контролю содѣйствовала болѣе тѣсному взаимному сплоченію всѣхъ высшихъ народныхъ школъ, что было особенно необходимо первоначально, пока само дѣло еще не налажилось и не успѣло достаточно окрѣпнуть. Свободныя отъ внѣш-

няго вліявія и всякихъ принужденій, а также чуждыя односторонности, шведскія высшія народныя школы „развивались въ здоровой атмосферѣ, при обиліи свѣта и въ духѣ свободного развитія“.

Открытію высшей народной школы въ Швеціи всегда предшествуетъ учрежденіе особаго союза, состоящаго изъ значительнаго числа лицъ, обязавшихся въ теченіе опредѣленнаго времени гарантировать средства, необходимыя для существованія школы. Каждый членъ подобнаго союза вноситъ одновременно или же ежегодно заранѣе опредѣленную сумму, поступающую въ общій ея фондъ. По взаимному соглашенію всѣхъ членовъ союза, изъ ихъ среды выбирается правленіе, состоящее обыкновенно изъ 5—7 лицъ. Въ кругъ его обязанностей входитъ веденіе отчетности по хозяйству, наблюденіе за порядкомъ и нравственностью учащихся, присканіе помѣщенія, приглашеніе преподавателей и опредѣленіе размѣра платы за право слушанія лекцій. Въ концѣ отчетнаго года, на общемъ собраніи учредителей ревизуются всѣ денежныя дѣла, разсматривается отчетность по всѣмъ отдѣламъ хозяйства и составляется смѣта на слѣдующій учебный годъ. Участіе коммуны или сельско-хозяйственнаго общества въ гарантірованіи школѣ денежныхъ средствъ влечетъ за собою назначеніе въ правленіе, сверхъ опредѣленнаго штата членовъ, еще по одному отъ каждаго изъ нихъ. Директоръ школы, выбираемый въ большинствѣ случаевъ членами ея правленія, пользуется одинаково съ ними правомъ голоса на всѣхъ засѣданіяхъ и исполняетъ на нихъ обязанности секретаря. Предсѣдатель, вице-предсѣдатель и казначей выбираются исключительно изъ членовъ правленія. Въ концѣ года директоръ школы представляетъ отъ имени правленія подробную отчетность, препровождая ее всѣмъ членамъ школьнаго союза, всѣмъ высшимъ народнымъ школамъ въ Швеціи, въ церковный департаментъ, въ редакціи газетъ, нѣкоторымъ депутатамъ въ риксдагъ, нѣкоторымъ правительственнымъ лицамъ, всѣмъ ученикамъ школы и, наконецъ, королю Оскару II, проявляющему самое живое участіе въ поднятій народнаго образованія. Членами правленія могутъ быть только лица, принадлежащія къ школьному союзу, причемъ ихъ общественное положеніе не имѣетъ значенія при выборахъ. Крестьянинъ пользуется здѣсь полнѣйшею равноправностью и засѣдаетъ рядомъ съ богатымъ фабрикантомъ, дворяниномъ-помѣщикомъ, судьей, пасторомъ или офицеромъ.

Во всѣхъ почти школахъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же уставъ съ незначительными видоизмѣненіями въ частностяхъ.

Утвержденіе устава всецѣло зависитъ только отъ лицъ, принадлежащихъ къ школьному союзу. Уставомъ опредѣляются—цѣль школы, предметы обученія, кругъ обязанностей членовъ правленія, права преподавателей и нѣкоторыя правила для учащихся. О цѣляхъ высшей народной школы въ Тэрна ея уставъ говоритъ приблизительно слѣдующее. Цѣлью высшей народной школы должно служить стремленіе къ укорененію истинной вѣры въ Бога и пробужденію среди молодежи любви къ отечеству, основанной, прежде всего, на изученіи природы и исторіи Швеціи. Высшая народная школа должна научить каждаго своего ученика правильному пониманію правъ и обязанностей шведскаго народа. Она должна также всячески содѣйствовать расширенію умственнаго кругозора учащихся и стремиться укрѣпить ихъ нравственныя силы. Преподаваніе должно быть совершенно свободное и его система упрощенная, дабы облегчить ученикамъ возможность усвоенія лекцій. Высшая народная школа обязана прежде всего содѣйствовать облагораживанію души и сердца, чтобы дать странѣ возможно больше честныхъ тружениковъ и добрыхъ гражданъ.

Изъ такихъ цѣлей видно, что высшія народныя школы всѣхъ скандинавскихъ странъ придаютъ весьма серьезное значеніе воспитательному элементу. Это подтверждается нижеприводимыми выдержками изъ различныхъ школьныхъ уставовъ:

„Мы, — говорится въ уставѣ одной норвежской высшей народной школы, — хотимъ пробудить въ молодежи желаніе жить лучшею жизнью и находить въ ней высокіе идеалы. Мы хотимъ пролить возможно больше свѣта, чтобы цѣли жизни были отчетливо видны каждому юношѣ. Мы хотимъ научить каждаго любить и цѣнить свободу, которая одна только содѣйствуетъ расширенію умственнаго кругозора, укореняетъ въ насъ законность, побуждаетъ любить миръ и трудъ, и научаетъ высоко цѣнить свою и чужую жизнь“...

„Мы нуждаемся въ новой школѣ, — говорилъ Грундвигъ, — которую я и называю высшей потому, что она, будучи свободной и предназначаемой только для взрослыхъ, должна перевоспитать народъ и содѣйствовать усвоенію имъ возвышенныхъ взглядовъ на жизнь“...

„Высшая народная школа, — говорится въ уставѣ другой школы, — должна имѣть строго гражданскій характеръ. Она должна отерывать глаза народу и помогать ему разбираться въ жизненной дѣятельности; укрѣпляя нравственную связь между мужчиной и женщиной, она возвышаетъ значеніе семьи и на-

участь каждаго ея члена сознавать: „чѣмъ онъ обязанъ Богу, самому себѣ, семьѣ и обществу“...

Выборъ членовъ педагогическаго персонала зависитъ всецѣло только отъ директора, помимо котораго правленіе не можетъ приглашать неизвѣстныхъ ему лицъ. Во всѣхъ высшихъ народныхъ школахъ это правило соблюдается весьма строго, главнымъ образомъ потому, что именно въ этихъ школахъ успѣшность обученія зависитъ исключительно отъ личныхъ качествъ преподавателя. Директоръ обязанъ лично знать его и быть хорошо освѣдомленнымъ насчетъ его предшествующей дѣятельности, и только въ такомъ случаѣ, признавая его вполне подходящимъ, входитъ съ представленіемъ объ утвержденіи своего выбора. Представляемые дипломы или иные документы, для соисканія мѣста преподавателя, не имѣютъ значенія, также какъ и протекція или иныя искательства. Преданность дѣлу, настойчивость въ трудѣ и успѣшные результаты предшествующей дѣятельности—вотъ тѣ немногочисленные условія, которыя даютъ право на полученіе мѣста преподавателя въ высшихъ народныхъ школахъ. Директоръ выбирается на опредѣленный срокъ, не превышающій, однако, пяти лѣтъ, т.-е. на тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго, обыкновенно, гарантируются школѣ матеріальныя средства. Если школа, по прошествіи пятилѣтія, оправдала довѣріе къ себѣ, то организуется новый союзъ для пріисканія необходимыхъ средствъ на слѣдующее пятилѣтіе. Съ образованіемъ новаго союза весь штатъ преподавателей выбирается снова, причемъ изъ прежняго состава остаются всѣ, снискавшіе довѣріе школьнаго союза и привязанность учениковъ. Эта система дала хорошіе результаты во всѣхъ высшихъ народныхъ школахъ, приучивъ учителей относиться серьезно къ своимъ обязанностямъ и полагаться только на собственныя свои силы. Прочность положенія преподавателя обеспечивается контрактомъ, заключеннымъ съ правленіемъ на пятилѣтній срокъ.

Директоръ получаетъ ежегодное жалованіе въ размѣрѣ 3.000 кронъ и, кромѣ того, даровую квартиру въ 5 — 6 комнатъ съ отопленіемъ. Въ нѣкоторыхъ высшихъ народныхъ школахъ лѣтомъ открываются курсы для дѣвицъ, за что директоръ получаетъ добавочное вознагражденіе въ размѣрѣ 500 кронъ. Онъ не получаетъ пенсіи за выслугу лѣтъ, и, въ случаѣ его смерти, вдовѣ не полагается выдачи пособій. Преподаватель пользуется ежегоднымъ вознагражденіемъ въ размѣрѣ 1.200 — 1.500 кронъ и, кромѣ того, даровымъ помѣщеніемъ въ 2 — 3 комнаты съ отоп-

леніемъ. Въ лѣтнее время за лекціи онъ получаетъ, сверхъ своего жалованья, еще добавочное вознагражденіе по усмотрѣнію правленія. Съ 1872 года шведскія высшія народныя школы начали пользоваться субсидіей отъ государства. Школы съ одногодичнымъ курсомъ, въ 1901 году получали не свыше 3.000 кронъ, съ двухгодичнымъ—не болѣе 5.000 кронъ. Высшія женскія народныя школы субсидировались суммою не свыше 1.800 кронъ въ годъ, причеиъ особымъ женскимъ курсамъ, при мужскихъ высшихъ народныхъ школахъ, государство отпускало не болѣе 1.000 кронъ. Въ общей сложности государственная субсидія, выдаваемая высшимъ народнымъ школамъ, была значительно увеличена въ 1900 году и доведена до 120.000 кронъ въ годъ. Въ мужскихъ высшихъ народныхъ школахъ плата за право слушанія лекцій колеблется въ предѣлахъ 30—80 кронъ, смотря по программѣ, принятой въ школѣ. Въ женскихъ высшихъ народныхъ школахъ плата понижается почти на половину противъ мужскихъ. Неимущіе ученики въ большинствѣ случаевъ совершенно освобождаются отъ взноса установленной платы или же съ нихъ взимается только половина ея. Насколько дешево обходятся нѣкоторыя высшія народныя школы, можно судить изъ приводимой отчетности, изданной школою съ одногодичнымъ курсомъ. *Приходъ*: государственная субсидія—2.000 кронъ; отъ общины—2.000 кронъ; отъ сельскохозяйственнаго общества—1.000 кронъ; взносъ учениковъ за слушаніе лекцій—1.000 кронъ; плата, вносимая учениками за наемъ ученическихъ квартиръ при школѣ—700 кронъ; итого 6.700 кронъ. *Расходъ*: жалованье всему педагогическому персоналу—5.000 кронъ; отопленіе и освѣщеніе—700 кронъ; уборка помѣщенія и веденіе книгъ—200 кронъ; объявленія и типографскіе расходы—150 кронъ; пополненіе инвентаря и школьныя пособія—300 кронъ; почта, фрахты и податныя повинности—350 кронъ; итого 6.700 кронъ. Приходъ и расходъ въ женскихъ высшихъ народныхъ курсахъ, продолжительность которыхъ обыкновенно колеблется въ предѣлахъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, не превышаютъ 1.500 кронъ. Сравнивая женскія высшія народныя школы въ Швеціи съ таковыми же въ другихъ скандинавскихъ странахъ, нельзя не замѣтить, что въ первой относятся къ нимъ безъ надлежащаго вниманія. Дѣйствительно, на нужды этихъ школъ отпускаются весьма ограниченныя средства, принятая въ нихъ программа отличается неполнотою, срокъ прохожденія курса сокращенъ въ четыре раза противъ мужскихъ школъ и, къ довершенію всего, совмѣстное

обученіе дѣвицъ и юношей стало допускаться лишь недавно ¹⁾. Все это не освобождаетъ шведскую націю отъ вполне заслуженнаго ею упрека въ нѣкоторой косности.

Пользуясь государственной субсидіей, шведская высшая народная школа, тѣмъ не менѣе, освобождена отъ правительственнаго контроля. Въ Даніи, напротивъ, надъ нею поставленъ особый чиновникъ въ качествѣ инспектора, который, впрочемъ, совершенно не касается внутренней жизни и не уполномоченъ стѣснять въ ней свободу преподаванія. Его дѣятельность сводится, главнымъ образомъ, къ наблюденію за правильнымъ расходованіемъ денежныхъ суммъ, отпускаемыхъ государствомъ. Избѣгая вредной централизаціи и сознавая необходимость предоставленія высшимъ народнымъ школамъ полнѣйшей независимости, шведское правительство предусмотрительно ограничилося лишь опредѣленіемъ размѣровъ субсидій.

IV.

По своей организаціи высшія народныя школы въ Швеціи представляютъ собою совершенно свободныя учрежденія и рѣзко отличаются отъ правительственныхъ учебныхъ заведеній. Вся дѣятельность послѣднихъ не выходитъ за предѣлы ихъ наружныхъ стѣнъ, и внутри которыхъ, встать замѣтить, не особенно охотно пускають посторонняго посѣтителя. Высшія народныя школы, напротивъ, вовсе не отличаются такою замкнутостью, и ея педагогическій персоналъ не боится ни контроля, ни критики. Самый строгій репортеръ—здѣсь желанный гость. Придется ему написать что-нибудь дѣльное о школѣ, указавъ на подмѣченные имъ недостатки—ему будутъ только благодарны. Пожелаетъ онъ написать вздоръ—его высмѣютъ въ печати самымъ безпощаднымъ образомъ. Главнѣйшимъ принципомъ этихъ школъ служитъ возможно тѣсное сближеніе педагогическаго персонала не только съ учащимися, но также и съ окружающею народной средой. Это полезное сближеніе придаетъ высшей народной школѣ большую жизненность и содѣйствуетъ болѣе быстрому распространенію ея благотворнаго вліянія на десятки тысячъ людей изъ низшихъ слоевъ населенія. Будучи доступною всѣмъ и каждому, высшая народная школа сама создаетъ себѣ контроль въ лицѣ всего

¹⁾ Въ Швеціи, въ области Норрландъ только въ послѣднее время открыты двѣ высшія народныя школы съ совмѣстнымъ обученіемъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ.

окружающаго населенія, причѣмъ этотъ контроль во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ всякимъ инымъ, какова бы вида онъ ни былъ. Господствующій въ этихъ школахъ духъ свободы проявляется также въ ихъ уставахъ и, въ особенности, въ тѣхъ параграфахъ, коими опредѣляются права и обязанности служащихъ. Объ отношеніяхъ педагогическаго персонала къ директору или къ учащимся, какъ и вообще о „подчиненности“, не говорится ни одного слова. Ихъ взаимныя отношенія подсказываются самою жизнью и устанавливаются по обоюдному молчаливому соглашенію помимо всякой регламентаціи. Преподаватель пользуется полнѣйшей свободой, влекущей за собою необыкновенную плодотворность его дѣятельности. Судя по сущности школьной организаціи, онъ обязанъ выработать свою собственную систему, имѣть свой собственный методъ преподаванія, основанный на практическихъ данныхъ и выработанный многолѣтнимъ опытомъ на поприщѣ педагогической дѣятельности. Онъ не долженъ придерживаться метода кабинетныхъ труженниковъ, стоящихъ вдали отъ живого дѣла и замыкающихъ школьное дѣло въ возможно тѣсныя рамки. Школа должна быть прежде всего жизненной, и всякія мѣропріятія ограничительнаго свойства дѣлаютъ ее только мертвой, отражаясь неблагоприятно на общемъ развитіи учащихся. Многолѣтняя педагогическая практика давно уже указала на необходимость примѣненія особаго метода во всѣхъ шведскихъ высшихъ народныхъ школахъ и весьма опредѣленно выяснила всѣ слабыя стороны строгой подчиненности преподавателя чинамъ школьной администраціи. На совѣсти преподавателя лежитъ тяжелая отвѣтственность за направленіе умовъ молодежи и ея нравственные идеалы, а потому вполне естественно, что его дѣятельность должна быть ограждена отъ вмѣшательства административныхъ лицъ школы. Приглашая его занять преподавательское мѣсто, администрація школы, тѣмъ самымъ, выражаетъ ему свое полное довѣріе. Не вѣрить ему послѣ этого—было бы верхомъ непослѣдовательности.

Въ высшія народныя школы принимаютъ слушателей не моложе 18-ти лѣтъ. Эта норма обусловлена серьезностью задачъ, преслѣдуемыхъ высшими народными школами. Ихъ учениками могутъ быть лишь взрослые люди, а именно, молодежь, стремящаяся къ самообразованію по собственному своему побужденію, такъ какъ лишь при содѣйствіи убѣжденной молодежи возможно быстрое распространеніе полезныхъ знаній въ окружающей ее деревенской средѣ. Нерѣдко въ эти школы поступаютъ молодые люди 25-ти лѣтъ отъ роду и только въ исключительныхъ случаяхъ

моложе 18-ти лѣтъ. Въ теченіе всего времени существованія въ Швеціи высшихъ народныхъ школъ средней возрастъ учащихся колебался въ предѣлахъ 20—22 лѣтъ для мужчинъ и 18—20 лѣтъ для женщинъ. Помимо опредѣленнаго возраста, другимъ условіемъ для приѣма въ эти школы служитъ предъявленіе свидѣтельства объ окончаніи народной или иной школы съ одинаковой программой.

„Методъ—это единственная форма, признаваемая высшей народной школой,—говоритъ Гольбергъ, директоръ школы въ Тэрна. —Имъ опредѣляется ежедневная ея дѣятельность или жизнь. Все живущее создаетъ себѣ положеніе и тѣмъ сильнѣе бьется жизненный пульсъ, чѣмъ правильнѣе и отчетливѣе отчеканивается оно въ характеристическихъ формахъ“. Высшая народная школа стоитъ потому особнякомъ. Основанная на принципахъ свободнаго саморазвитія, она должна во всѣхъ отношеніяхъ отличаться отъ прочихъ учебныхъ заведеній, и чѣмъ существеннѣе и рѣзче будетъ это различіе, тѣмъ плодотворнѣе становится ея дѣятельность. Дѣйствительно, она не признаетъ ни вступительныхъ, ни выпускныхъ экзаменовъ, она не выдаетъ своимъ ученикамъ аттестатовъ или иныхъ свидѣтельствъ, и, наконецъ, она не придерживается какой-либо опредѣленной системы въ преподаваніи и чтеніи лекцій. Въ Швеціи высшая народная школа старается по мѣрѣ возможности дать полное удовлетвореніе всѣмъ стучащимся въ ея двери, но въ то же время она отказывается прививать знаніе путемъ принужденія. Отказываясь отъ всякихъ вступительныхъ экзаменовъ и удовлетворяясь лишь представленіемъ свидѣтельствъ объ окончаніи народной школы, она имѣетъ въ виду этимъ самымъ соблюсти интересы представителей бѣднѣйшаго класса населенія, вынужденныхъ зачастую послѣ школьной скамьи, въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, предаваться усиленному физическому труду въ цѣляхъ поддержанія семьи или же для собственнаго своего пропитанія и, такимъ образомъ, не имѣющихъ свободнаго времени для усвоенія всего объема вступительной программы. Между тѣмъ, сыновья и дочери богатыхъ крестьянъ, при избыткѣ свободнаго времени, въ случаѣ надобности, всегда имѣютъ возможность обратиться къ содѣйствію дьячка или народнаго учителя, которые за небольшое вознагражденіе подготовятъ ихъ къ высшей народной школѣ. Высшая народная школа, такимъ образомъ, служила бы интересамъ преимущественно состоятельныхъ классовъ населенія, что являлось бы вопіющею несправедливостью и противорѣчило бы главной ея цѣли. Она также не признаетъ возможнымъ подвергать своихъ учениковъ различнымъ

испытаніямъ и въ томъ числѣ выпускнымъ экзаменамъ. Въ противномъ случаѣ, она грѣшила бы противъ принятаго ею основнаго принципа — предоставлять учащимся полнѣйшую свободу.

Высшая народная школа далека также отъ мысли готовить специалистовъ. Ея назначеніе — содѣйствовать только общему развитію молодежи и облагораживанію ея душевныхъ силъ. Въ Швеціи уже существуетъ не мало всякихъ другихъ учебныхъ заведеній, выдающихъ дипломы и свидѣтельства. „Кто ищетъ специальныхъ знаній, — говоритъ Гольмбергъ, — тому надлежитъ обращаться къ ремесленнымъ и техническимъ, но не къ высшимъ народнымъ школамъ. Высшая народная школа имѣетъ цѣлью внести больше свѣта въ замкнутую крестьянскую среду, привязанную къ землѣ силою обстоятельствъ. Только въ этой средѣ, удаленной отъ просвѣтительныхъ центровъ и предоставленной самой себѣ, она стремится возбудить интересъ къ жизни, привязать каждаго къ землѣ и преподавать полезныя знанія, необходимыя въ обыденной сельской жизни. Производить повѣрку знаній, приобрѣтенныхъ учениками, она признаетъ совершенно бесполезнымъ уже потому, что сама жизнь сдѣлаетъ это гораздо лучше и навѣрно не ошибется въ оцѣнкѣ“. Въмѣсто выпускныхъ экзаменовъ, высшія народныя школы устрояютъ празднества, имѣющія семейный характеръ. Къ этому торжественному дню собираются въ школьномъ помѣщеніи родители учениковъ, окончившихъ курсъ, сами ученики, весь педагогическій персоналъ, члены правленія, члены школьнаго союза и много другихъ постороннихъ лицъ. Зданіе школы украшается зеленью и флагами — шведскими, норвежскими и датскими. Задушевная прощальная рѣчь директора къ своимъ ученикамъ завершается прекраснымъ исполненіемъ патріотическихъ пѣсень, послѣ чего слѣдуетъ скромный обѣдъ, за которымъ произносятся многочисленные рѣчи учениками и прочими присутствующими. Этотъ радостный день на всю жизнь сохраняется въ памяти бывшихъ учениковъ и содѣйствуетъ еще большей привязанности ихъ къ школѣ и педагогическому персоналу, съ которымъ они впоследствии не прерываютъ сношеній.

Высшія народныя школы не выдаютъ дипломовъ и свидѣтельствъ объ окончаніи курса также на томъ основаніи, что вообще всякаго рода аттестаты вызываютъ среди учениковъ нежелательное соревнованіе. Первенство, какъ и погоня за первенствомъ въ молодыхъ годахъ, при неустановившемся характерѣ, содѣйствуетъ, въ большинствѣ случаевъ, пробужденію дурныхъ инстинктовъ. Юный лицемеръ, обладающій большими спо-

собностями и энергіей, можетъ легко обмануть своихъ наставниковъ и добиться первенства въ классѣ. Такимъ образомъ, малонавѣренный юноша, въ роли первенствующаго, считался бы достойнымъ подражанія. Окончивъ курсъ съ блестящимъ дипломомъ, онъ вступить въ жизнь съ затаенною мыслью и здѣсь прокладывать себѣ путь къ первенству. Но жизнь — болѣе суровая и трудная школа, а путь къ славѣ и почестямъ — полонъ всякихъ соблазновъ и препятствій. На этомъ тернистомъ пути нравственно погибають честолюбивые юноши и, падая все ниже и ниже, становятся затѣмъ отъявленными негодяями, для которыхъ преступленія считаются единственнымъ средствомъ достиженія жизненныхъ цѣлей. „Rigius“, нѣкогда достойный подражанія и составлявшій гордость школы, становится въ жизни отъявленнымъ негодиемъ! Какая безжалостная насмѣшка самой жизни надъ школой и бѣдными педагогами!.. Для шведской высшей народной школы болѣе желателенъ нравственный юноша, съ благороднымъ сердцемъ и возвышенною душою, нежели молодой человекъ, черезъ край насыщенный всякими знаніями, но, въ то же время, нравственно неустойчивый. Кто гонится за свидѣтельствомъ, того не удержать дома скромная деревенская обстановка. Онъ будетъ всѣми силами добиваться „теплага мѣстечка“ и такъ или иначе стремиться къ тому, чтобы и его тоже „титуловали“ какъ-нибудь „поприличнѣ“. Его будетъ тянуть въ городъ — иногда разсадникъ всякихъ золъ — между тѣмъ, высшая народная школа стремится каждаго своего ученика привязать къ землѣ.

V.

Подробный, отчетъ, составленный директоромъ высшей народной школы въ Тэрна, весьма обстоятельно знакомить насъ съ порядкомъ обученія, принятымъ во всѣхъ подобныхъ школахъ, вслѣдствіе чего мы и обратимся главнымъ образомъ къ разсмотрѣнію этого источника.

Содѣйствуя повышенію народнаго образованія и пробуждая въ своихъ ученикахъ гражданскій духъ, высшая народная школа, кромѣ того, стремится дать и необходимую въ жизни практическую подготовку. Съ этою цѣлью она придаетъ большое значеніе практическимъ занятіямъ и рекомендуетъ своимъ ученикамъ принимать въ нихъ возможно больше активнаго участія. Въ ея программу входятъ слѣдующіе предметы обученія: шведскій языкъ, исторія, географія, общинное устройство и коммунальные законы, госу-

дарственное устройство Швеціи, естествовѣдѣніе, математика, межеваніе и нивелировка, черченіе и рисованіе, бухгалтерія, каллиграфія и пѣніе. Преподаваніе ведется путемъ чтенія популярныхъ лекцій, во время которыхъ преподаватель задаетъ своимъ слушателямъ многочисленныя вопросы и нерѣдко, уклоняясь отъ главной темы, приводитъ попутно примѣры изъ исторіи или современной жизни шведскаго народа. Въ случаѣ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ, онъ старается наводить учениковъ или же самолично разрѣшаетъ болѣе сложныя вопросы. Этимъ простымъ способомъ опытный преподаватель, обыкновенно, достигаетъ лучшихъ результатовъ, нежели присяжный лекторъ, хотя бы обремененный большимъ запасомъ знаній, но не умѣющій внести въ свою лекцію полезное оживленіе. Многолѣтніе опыты въ Швеціи показали, что вполне благопріятныя результаты обнаруживаются лишь въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ наблюдается больше жизненности, свободы и активнаго участія со стороны учащихся. Во всѣхъ высшихъ народныхъ школахъ въ опредѣленные дни устрояются, такъ называемыя, „свободныя обсужденія“, имѣющія нравственно-воспитательное значеніе. Здѣсь на обсужденіе всей аудиторіи предлагаются многочисленныя примѣры, взятые непосредственно изъ жизни, или же нѣкоторые случаи, приводимые въ сочиненіяхъ лучшихъ шведскихъ писателей. Путемъ всесторонняго освѣщенія обсуждаемыхъ вопросовъ преподаватель старается обратить должное вниманіе слушателей на причины происхожденія многихъ явленій въ общественной жизни. Отдавая предпочтеніе психологическому элементу и разсматривая каждое явленіе съ этически-религіозной точки зрѣнія, онъ наводитъ слушателей на мысли, могущія возбудить въ каждомъ слушателѣ чувство состраданія къ слабымъ, бѣднымъ и угнетеннымъ, также какъ и чувство любви и симпатіи ко всему благородному и возвышенному. Указывая на общественныя недостатки или слабыя стороны отдѣльныхъ лицъ, преподаватель объясняетъ причины, вызывающія ихъ, и тутъ же приводитъ нѣсколько примѣровъ удачной борьбы съ ними. Его объясненія, несомнѣнно, въ иныхъ случаяхъ могутъ быть нѣсколько тенденціозными, но, тѣмъ не менѣе, этимъ онъ нисколько не вредитъ общему ходу дѣла. Предполагая, что большинство преподавателей вполне опытные люди и стараются принести пользу, руководясь лишь самыми добрыми намѣреніями, можно съ достовѣрностью утверждать, что „свободныя обсужденія“ служатъ самымъ сильнымъ и безопаснымъ средствомъ въ рукахъ школы, съ помощью котораго она въ кратчайшій срокъ оказываетъ рѣшительное воздѣйствіе на ду-

ховное развитіе учащихся. Благодаря этимъ „обсужденіямъ“, своевременно открываются глаза у слушателей и спадаетъ тяжелая завѣса, скрывающая отъ народа истину, въ познаніи которой онъ прежде и болѣе всего нуждается. Вполнѣ естественно, что, затрогивая самые жгучіе вопросы дня, „свободныя обсужденія“ представляютъ огромный интересъ для учениковъ, а потому и посѣщаются ими весьма охотно.

Главнѣйшими предметами обученія во всѣхъ шведскихъ высшихъ народныхъ школахъ считаются исторія, географія, общинное и государственное устройство Швеціи. „Исторія, — говоритъ директоръ школы въ Тэрна, — должна служить основаніемъ общественному пониманію и мышленію. Она должна отерывать глаза молодежи и содѣйствовать усвоенію правильного взгляда на жизнь трудящагося и борющагося народа, чтобы этимъ самымъ наши юноши могли проникнуться духомъ строгаго гражданства. Пусть наша молодежь трудящагося класса поближе познакомятся со всѣми основами, на коихъ покоятся религія, общество, семья, трудъ, обычаи и родной очагъ. Мы рождаемся безъ всякаго представленія о нихъ и должны изучить ихъ въ дни нашего юношества. Какимъ же образомъ намъ удастся своевременно получить всѣ необходимыя знанія, если въ число предметовъ обученія нашей школы не войдутъ природа нашей родины, памятники нашей старины и историческое развитіе нашего народа, его поэты, пѣсни, церкви, общинное и государственное устройство? Наши консерваторы, — продолжаетъ онъ же, — упорно твердятъ о бесполезности и непрактичности идейнаго образованія, и въ особенности когда оно предлагается трудящемуся сословію. Однако, они не подозреваютъ, что ихъ собственная духовная слѣпота содѣйствуетъ положенію широкаго пути для космополитизма, общественной распущенности и даже радикализма. Если даже для взрослой молодежи трудящагося сословія мы станемъ усердно закупоривать всѣ самые лучшіе источники гуманитарнаго образованія, то будемъ ли мы вправѣ потомъ жаловаться на весь народъ за преступность и недостаточность у насъ общественнаго духа? Ужъ не думаютъ ли господа консерваторы, что все само собою устроится къ лучшему? Именно на трудящемся классѣ должна повойтись вся будущность нашей страны. Только правдивая исторія и свободное преподаваніе могутъ въ значительной степени подогрѣть любовь къ родинѣ и содѣйствовать желанію быть полезнымъ ей. Только осмысленное и справедливое отношеніе ко всему совершающемуся и достойная, сознательная привязанность къ родинѣ способны, въ трудныя минуты, возбудить въ народѣ доброволь-

ное желаніе пойти на крупныя жертвы. Но прежде всего надо просвѣтить его, надо показать въ правдивомъ свѣтѣ все его прошлое и настоящее, надо подарить ему высокіе идеалы, достойные просвѣщеннаго народа... Высшая народная школа должна пробуждать въ народѣ чувство человѣчности и возбуждать въ немъ глубочайшее отвращеніе къ идеѣ насилія. Въ этомъ отношеніи изученіе исторіи имѣетъ также огромное значеніе. Дѣйствительно, только изъ исторіи молодежь трудащагося класса узнаетъ, что свободное развитіе народовъ во всѣ времена служило величайшей побуждающей силой въ духовной ихъ жизни, и что только ею обусловливается достиженіе значительныхъ культурныхъ успѣховъ. Она также узнаетъ, что во всѣ времена человѣческаго бытія немногочисленные, но культурные народы упорно отстаивали свою политическую независимость, свою свободу, свои обычаи, законы, все, что было дорого ихъ сердцу и съ чѣмъ было тѣсно связано ихъ прошлое. Предъ ея глазами разворачивается чудовищная картина подавленія мелкихъ народностей, ихъ тщетной борьбы и гибели. Съ другой стороны, она узнаетъ, что нѣкоторымъ малочисленнымъ народамъ удавалось отстоять свою самобытность даже въ тѣ времена полнаго произвола грубой силы, когда всякое право опиралось только на мечъ, когда вѣра въ чудодѣйственную силу темницъ, пытокъ и висѣлицъ была еще слишкомъ глубока, и когда не только простые смертные, но и государственные мужи были проникнуты убѣжденіемъ въ возможности по любому шаблону перекраивать цѣлыя страны и пересоздавать ихъ народы“...

Во всѣхъ скандинавскихъ странахъ—въ Даніи, Норвегіи, Швеціи,—высшія народныя школы придають огромное значеніе изученію исторіи; однако только въ Даніи и Норвегіи оно вызывается сколько-нибудь серьезными политическими соображеніями. „Наша норвежская высшая школа,—говоритъ Хр. Бруниъ,—окрылена надеждой оказать значительное содѣйствіе возрожденію въ Норвегіи духа предковъ. Необходимость этого возрожденія, какъ и всего, ведущаго къ нему, признается у насъ даже крестьянами. Многие, имѣющее чисто-норвежское происхожденіе, успѣло уже исчезнуть въ городахъ, благодаря неудержимому стремленію горожанъ къ иноземному образованію. Между тѣмъ, въ тихой, замкнутой сельской жизни оно сохранилось еще и по настоящее время. Наша высшая народная школа должна поэтому всѣми мѣрами стараться уберечь все свое, оставшееся еще нетронутымъ западно-европейской цивилизаціей. Мы должны поспѣшить на помощь крестьянамъ и своевременно укрѣпить ихъ нравственныя силы на слу-

чай встрѣчи съ чужеземцемъ, могущей произойти во всякое время. Естественно, что въ этихъ цѣляхъ школа должна давать своимъ ученикамъ надлежащее образование, хотя и не узко національнаго характера, но все-же содѣйствующее развитію осмысленнаго патріотизма "... Преподаваніе отечественной и всеобщей исторіи въ шведскихъ высшихъ народныхъ школахъ, впрочемъ, вовсе не сводится къ проповѣдыванію нетерпимости и исключительности и служить, главнымъ образомъ, средствомъ къ пробужденію гражданскаго духа.

Ознакомленіе учениковъ съ общиннымъ устройствомъ и общинными законами перенесено исключительно на практическую почву. Въ аудиторіи ученики образуютъ, примѣрно, общинное правленіе, распредѣляя между собою соотвѣтствующія должности. Одинъ, напримѣръ, завѣдываетъ денежными средствами общины, другой—приврѣніемъ бѣдныхъ, третій—путями сообщенія и т. д. Выборы въ общинное правленіе, также какъ и его засѣданія—все это продѣлывается въ аудиторіи съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей и въ присутствіи учащихъ. Въ имѣющіяся особыя книги, кромѣ того, заносятся всѣ протоколы примѣрнаго засѣданія и предполагаемыя смѣты. Благодаря этому методу, ученики въ самое непродолжительное время успѣваютъ весьма основательно изучить всѣ особенности общиннаго строя и общинные законы въ полномъ ихъ объемѣ. Критическое отношеніе присутствующихъ, выражающееся въ детальномъ разборѣ всѣхъ послѣдовавшихъ распоряженій, вносить въ эти занятія особую оживленность и возбуждаетъ къ нимъ большой интересъ. Въ числѣ присутствующихъ почти всегда можно видѣть крестьянъ изъ ближайшихъ деревень, слѣдящихъ съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣмъ происходящимъ и нерѣдко принимающихъ дѣятельное участіе въ жаркихъ спорахъ. Такимъ образомъ, дѣятельность высшей народной школы переносится далеко за предѣлы ея мѣсторасположенія и усугубляется польза, приносимая этими практическими занятіями.

Отечественная географія также проходитъ весьма основательно. Кромѣ подробнаго изученія природы и достопримѣчательностей Швеціи, ученикамъ читаются лекціи объ условіяхъ жизни въ разныхъ частяхъ ея, о заводской промышленной дѣятельности страны, о путяхъ сообщенія, и пр., и пр., причемъ обращается весьма серьезное вниманіе на подробное изученіе географической карты Швеціи.

По математикѣ каждый ученикъ проходитъ столько, сколько онъ вообще успѣетъ усвоить, хотя, напримѣръ, по алгебрѣ курсъ

ограниченъ до уравненій первой и второй степени. По геометріи, обыкновенно, успѣваютъ пройти всю планиметрію. Юноши занимаются математикой весьма охотно, — но большинство дѣвухъ обнаруживаетъ въ этомъ предмету не только полнѣйшее равнодушіе, но даже непреодолимое отвращеніе.

Межеваніе и нивелировка сперва проходятся теоретически, по учебнику. Весной ученикамъ выдаютъ инструменты, и они нѣсколько дней на свѣжемъ воздухѣ занимаются измѣреніями и съѣмкой мѣстности. Зачерчиваніе плановъ сопровождается иллюминированіемъ всѣхъ деталей соответствующими красками. Къ этимъ занятіямъ ученики проявляютъ большой интересъ, и всѣ работы исполняются ими весьма тщательно.

По черченію, кромѣ вышеупомянутыхъ работъ, обращается вниманіе на вычерчиваніе географическихъ картъ, геометрическихъ фигуръ, простѣйшихъ рисунковъ мебели, полевыхъ орудій, плановъ и разрѣзовъ несложнаго типа жилыхъ строеній, конюшенъ, сараевъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ. Кромѣ того, на бумагѣ исполняются планы и разбивка цвѣтниковъ, огородовъ и небольшихъ садовъ, съ иллюминированіемъ всѣхъ деталей. Всѣ чертежи и рисунки исполняются въ различныхъ масштабахъ.

Счетоводство и книговодство проходятся лишь настолько, насколько они необходимы въ несложномъ крестьянскомъ обиходѣ, причемъ только незначительная часть учениковъ практически изучаетъ также торговое счетоводство. Ученицы ограничиваются усвоеніемъ несложнаго счетоводства по домашнему хозяйству.

Шведскимъ языкомъ ученики занимаются довольно много. Въ программу занятій входитъ: прохожденіе грамматики, упражненіе въ письмѣ, громкое, выразительное чтеніе, переводы съ датскаго и норвежскаго языковъ на шведскій, составленіе довѣренностей, удостовѣреній и дѣловыхъ писемъ и писаніе небольшихъ сочиненій преимущественно на темы описательнаго характера. Научаясь правописанію и правильному изложенію своихъ мыслей, ученики, кромѣ того, знакомятся съ письмоводствомъ, необходимымъ для каждаго крестьянина въ его обыденной деревенской жизни. Стремясь, помимо научныхъ истинъ, дать своимъ ученикамъ также практическую подготовку, высшая народная школа тѣмъ самымъ располагаетъ въ свою пользу ихъ родителей, отдающихъ всегда предпочтеніе практическимъ занятіямъ. Шведскій крестьянинъ, прежде всего, самъ человекъ весьма практичный, и желаетъ, поэтому, въ лицѣ своего сына имѣть серьезнаго помощника, а не болтуна и верхогляда. Онъ мирится съ идеями

нымъ образованіемъ сына только потому, что въ школѣ онъ прибрѣтаетъ, кромѣ того, много полезныхъ свѣдѣній, облегчающихъ веденіе широкаго хозяйства. Сверхъ всего перечисленнаго, ученики высшей народной школы знакомятся съ лучшими образцами шведской изящной литературы, народными сагами и біографіями выдающихся шведскихъ поэтовъ и писателей.

Естественнѣе проходитъ особенно подробно уже потому только, что большинство учениковъ принадлежитъ къ земледѣльческому классу и современныя условія жизни требуютъ основательнаго изученія этого предмета. Лекціи по химіи, физикѣ, геологіи и почвовѣднію сопровождаются показываніемъ таблицъ, рисунковъ, чертежей, инструментовъ и несложныхъ опытовъ. Ученицы, кромѣ того, изучаютъ кухонную химію, физиологію и домашнюю гигиену. Въ Швеціи давно уже стараются обратить вниманіе будущихъ матерей на серьезное ознакомленіе съ главнѣйшими основами правильнаго ухода за ребенкомъ и борьбы съ многочисленными болѣзнями, похищающими ежегодно десятки тысячъ дѣтей. Высшая народная школа, желая идти на встрѣчу обществу, стремящемуся къ пониженію смертности въ Швеціи ¹⁾, обращаетъ особое вниманіе ученицъ на правила соблюденія чистоты помѣщенія, воздуха, питьевой воды, постели, бѣлья, собственнаго тѣла и пр. Лекціи по вышеуказаннымъ предметамъ читаетъ ученицамъ непременно женщина.

Слово Божіе не входитъ отдѣльнымъ предметомъ преподаванія въ общую программу занятій, хотя высшія народныя школы весьма заинтересованы тѣмъ, чтобы ученики были проинструктированы христіанскимъ духомъ. Въ нѣкоторыхъ высшихъ школахъ сами преподаватели устрояютъ христіанскія бесѣды, причемъ выборъ темы зависитъ исключительно только отъ нихъ же самихъ. Начало и конецъ ежедневныхъ занятій сопровождаются пѣніемъ молитвъ и псалмовъ.

Пѣніе имѣло всегда большое значеніе въ жизни скандинавскихъ народовъ, а потому вполне естественно, что на него обращается много вниманія во всѣхъ мѣстныхъ школахъ. Высшая народная школа озабочена проведеніемъ въ жизнь только лучшихъ народныхъ пѣсенъ и совершенно вытѣсняетъ неприличныя,

¹⁾ Въ западной Европѣ за 1861—1870 гг. и 1886—1895 гг. смертность достигала 26,1 и 23,3 на тысячу человекъ; между тѣмъ, въ Швеціи, за тѣ же періоды, она достигала лишь 18,3 и 16,3 человекъ на тысячу. За періодъ 1886—1895 гг. смертность въ европейскихъ странахъ достигала: въ Швеціи—16,3, въ Норвегіи—16,9, въ Даніи—18,7, въ Англіи—18,3, въ Шотландіи—19, въ Нидерландахъ—20, въ Бельгіи—20,2, въ Швейцаріи—20,2, въ Финляндіи—20,2, во Франціи—22,3, въ Германіи—24, въ Италіи—27, въ Венгріи—32 и въ Россіи—34.

сложенныя въ различныхъ притонахъ. Она не задается цѣлью организовывать у себя стройныя хоры и обучать учениковъ трехголосному пѣнію. Въ лучшемъ случаѣ она довольствуется исполненіемъ пѣсенъ въ два голоса. Пѣніе также не входитъ въ число отдѣльныхъ предметовъ обученія, но имъ, обыкновенно, начинаются и заканчиваются всѣ лекціи по исторіи и географіи, а также такъ называемыя „свободныя обсужденія“.

Высшая народная школа въ Тэрна притерживалась въ 1897 г. слѣдующаго распisanія занятій. Ежедневно между 7,30—7,45 часами утра исполнялось пѣніе молитвъ и псалмовъ, послѣ чего слѣдовали лекціи между 7,45—8,45, 9—10, 10—11, 11,15—12,15, 2—3, 3—4, 5—6 и 6—7 часами. Шведскому языку, включая сюда литературу, въ недѣлю удѣлялось 7 часовъ, исторіи—4 ч., географіи—3 ч., естествовѣдѣнію—4 ч., счетоводству и математикѣ—6 ч., черченію и рисованію—4 ч., каллиграфіи—3 ч., книговодству—2 ч., общиннымъ законамъ и государственному устройству—2 ч., теоретическому курсу межеванія и нивелировки—1 ч., свободнымъ обсужденіямъ—1 ч., бесѣдамъ—2 ч., практическимъ занятіямъ по дѣламъ общиннаго правленія—1 1/2 ч., диспутамъ—1 1/2 ч., пѣнію—2 ч., прочимъ практическимъ занятіямъ—2 часа; итого—46 часовъ въ недѣлю. Въ субботу занятія оканчивались немного раньше обыкновенныхъ дней.

Во всѣхъ высшихъ народныхъ школахъ ежегодно устраиваются 2—4 празднества для учениковъ, на которыя приглашаются также крестьяне, давно окончившіе въ нихъ курсъ. Въ эти дни всѣ помѣщенія украшаются зеленью, флагами и транспарантами, приглашаются мѣстные музыканты, устраиваются литературныя чтенія, причемъ декламируются лучшія произведенія шведскихъ поэтовъ, произносятся рѣчи и всѣ присутствующіе соединеннымъ хоромъ исполняютъ народныя и нѣкоторыя патріотическія пѣсни. Во многихъ мѣстностяхъ существуютъ союзы, членами которыхъ состоятъ исключительно мужчины и женщины, окончившіе курсъ въ высшихъ народныхъ школахъ. Они поддерживаютъ тѣсныя сношенія со школой и перѣдко собираются въ ея помѣщеніи послушать особыя лекціи и чтенія, устраиваемыя для нихъ педагогическимъ персоналомъ.

Высшія народныя школы имѣютъ свой собственный печатный органъ и могутъ похвалиться выпускомъ значительнаго числа издавій, вышедшихъ изъ-подъ пера не только лицъ педагогическаго персонала, но также и бывшихъ учениковъ.

К. Грэнгагенъ.

ВЪ БУДАЕВСКОЙ УСАДЬБѢ

РОМАНЪ.

I.

Тихій вечеръ ранней весны давно уже надвигался на землю — и незамѣтно наступилъ въ роскошномъ паркѣ Будаевской усадьбы.

Краски темнѣли на небѣ, точно жухли на недавно подмалеванномъ холстѣ; темнѣли и просвѣты длинныхъ аллей, безконечно тянувшихся въ разныхъ направленіяхъ парка; подъ развѣсистыми вѣтвями вѣковыхъ деревьевъ складывались шатры вечерней тьмы, а подъ вустами — свивались клубами темносинія тѣни.

Казалось, природа укладывалась спать и окутывалась покрываломъ, боясь ночного холода.

За темными рощами, въ которыя постепенно переходилъ будаевскій паркъ, луна еще не вставала, да и небо затянуто было плотной завѣсой густыхъ, почти черныхъ облаковъ.

Въ обширномъ цвѣтницѣ передъ домою старинной архитектуры пахло свѣже взрыхленной землей, липкими почвами деревьевъ, молодой травой и нѣжнымъ, неопредѣленнымъ запахомъ раннихъ весеннихъ цвѣтовъ. И вообще воздухъ вокругъ старой усадьбы напоенъ былъ ароматомъ, тѣмъ еле уловимымъ благоуханіемъ, которое составляетъ прелесть только-что родившейся весны.

Въ садъ выходила широкая и длинная терраса; ея стеклянную крышу поддерживали высокія, круглыя колонны, сдѣланныя изъ кирпича и облицованныя известкой. Терраса шла вдоль всего задняго фасада дома и была такъ велика, что почти невозможно было разсмотрѣть отчетливо лица людей, которые находились бы на разныхъ ея концахъ.

Высокое и широкое окно, выходившее на лѣвое крыло террасы, открылось подъ напоромъ чьей-то сильной руки. Въ темномъ отверстіи окна показался силуэтъ дѣвушки.

Она сѣла на подоконникъ, выглянула въ окно и стала жадно вдыхать прохладный воздухъ душистаго весенняго вечера.

Легкій вѣтерокъ, точно играя и шутя, пронесся по террасѣ и освѣжалъ пылавшія щеки дѣвушки.

И она почувствовала, какъ „скверное“ настроеніе уходитъ отъ нея съ каждымъ прохладнымъ лобзаніемъ весенняго вѣтерека.

Скверное настроеніе овладѣло ею недавно, передъ вечеромъ—она сама не могла бы въ точности опредѣлить, —почему и когда именно. Ей вспомнилось, что еще утромъ, когда ярко засвѣтило солнце, а въ паркѣ запѣли птицы, она чувствовала себя прекрасно, бодро и весело.

Но по мѣрѣ того, какъ проходилъ этотъ чудный, свѣтлый день,—странная тревога прокладывала себѣ путь въ ея ровно бившееся сердце. И сердце стало биться чаще и беспокойнѣе.

Къ вечеру въ комнатѣ стало душно, и щеки ея запылали. Ей захотѣлось свѣжей волны воздуха, который, вмѣстѣ съ весенними ароматами, могъ бы ей принести и успокоеніе.

Теперь она зорко вглядывалась изъ открытаго окна въ накупившійся паркъ и въ тѣни, перебѣгавшія въ немъ подъ деревьями и кустами.

Ей казалось, что старый паркъ живетъ своей особой жизнью, своимъ самостоятельнымъ дыханіемъ. Ему до нея нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, и онъ тихо подсмѣивается надъ ея тревоженіями.

А еще такъ недавно, еще сегодня, у нея было что-то общее съ этимъ паркомъ, гдѣ она часто проводила время часами, въ безмолвной бесѣдѣ съ его деревьями, кустарниками, лужайками и куртинами, скамейками и бесѣдками.

Въ немъ были укромные уголки, островки зелени, оазисы цвѣтовъ, гроты и павильоны, которые она любила съ дѣтства, съ которыми сжилась съ самаго ранняго возраста.

За куртинами цвѣтника, прямо передъ окномъ ея комнаты открывалась широкая и безконечно-длинная аллея, обсаженная

могучими платанами. Въ самомъ концѣ аллеи, упиравшейся въ высокую каменную ограду, находилась калитка, за которой непосредственно начиналась роща.

Въ этомъ мѣстѣ, надъ оградой возвышалась небольшая каменная терраса съ коринтскими колоннами, по которымъ взбѣгали изъ рощи тонкія и цѣпкія вѣтви плюща; колонны казались затѣянными этими лабирированными листьями, среди которыхъ попадались иногда голубовато-лиловые цвѣты павилики.

Отецъ дѣвушки называлъ плющъ паразитомъ и довольно презрительно называлъ его тонкія и цѣпкія вѣтви „ползучимъ гадомъ“, живущимъ на счетъ соковъ деревьевъ, къ которымъ онъ цѣпко привязывался.

Но ей плющъ казался вѣрнымъ другомъ, тѣмъ другомъ, который, разъ привязавшись къ дереву, остается ему вѣрнымъ и неизмѣннымъ до конца жизни.

Въ ея поэтическихъ грезахъ плющъ былъ эмблемой вѣрности и дружбы; въ одну изъ своихъ мечтательныхъ минутъ, на каменной скамейкѣ коринтскаго павильона, она выгравировала сталью слѣдующія слова: „Je meurs où je m'attache“.

Такова, въ ея образѣ мыслей, эмблема плюща и ея собственная эмблема, потому что она давно привязалась къ Будаевкѣ, къ ея барскому дому, къ ея парку, рощѣ, полямъ и лугамъ. Она сжилась, сроднилась съ ними, родилась среди нихъ и съ радостью готова была бы умереть вотъ на этой самой высотѣ коринтскаго павильона, въ который изъ парка вели каменные ступени, искрошенные временемъ и покрытыя въ углахъ зеленымъ мохомъ.

Сколько разъ забиралась она въ этотъ павильонъ съ книгой въ рукахъ! Сколько разъ книга выскальзывала изъ ея рукъ, а дѣвушка прислушивалась къ своимъ мечтамъ или къ голосамъ природы—къ этому странному шороху рощи, къ этому ворчанію скрипучихъ платановъ, къ стрекотанію кузнечиковъ, къ цѣнію птицъ, къ аромату лѣсныхъ цвѣтовъ, къ безмолвію неба, къ расцвѣтѣ кустовъ и деревьевъ!

Именно прислушивалась,—потому что шорохи, звуки, краски и ароматы были для нея голосами природы, которые много говорили ея душѣ, взрослой и воспитанной въ одиночествѣ, среди парковъ и рощъ этой забытой, покинутой владѣльцами усадьбы. Это были ноты той великой и сложной симфоніи, которую она называла „Жизнью Природы“ и въ которой было для нея все такъ гармонично и прекрасно...

Она стояла у окна и съ тревогой всматривалась въ этот паркъ, молчавшій теперь какимъ-то трагическимъ молчаніемъ, точно въ предчувствіи бѣды.

Небо все больше и больше заволакивалось тучами, и тьма въ паркѣ становилась все гуще и гуще.

И на душу дѣвушки набѣгали облака.

Почему этотъ паркъ кажется ей уже чужимъ, уже далекимъ, начавшимъ свое отступленіе? Никогда еще она не видѣла его такимъ насупившимся и мрачнымъ.

Она знала его ранней весной, вотъ какъ теперь, съ его свѣтло-свѣтло-зелеными почками, съ его нѣжной бархатистой травкой и блѣдно-голубымъ небомъ. Въ это время года онъ точно одѣвался въ легкія, прозрачныя ткани самыхъ неопредѣленныхъ цвѣтовъ, и тогда въ немъ была какая-то странная гармонія полутоновъ, сладко и томно дѣйствовавшая на ея молодую душу.

Въ разгарѣ лѣта паркъ проявлялъ особую силу жизни: платаны, дубы, каштаны одѣвались въ темно-зеленую густую листву, точно въ тяжелыя, дорогія ткани; густѣла трава на полянкахъ, которыя казались покрытыми плюшемъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ зеленой гаммы. Въ куртлинахъ и цвѣтникахъ ярко пестрѣли всевозможныя цвѣты, наполняя сладкимъ и тяжелымъ благоуханіемъ воздухъ. Солнце привѣтливо заглядывало сквозь чащу причудливо вырѣзной листвы, кое-гдѣ накладывая позолоту на края стволовъ; среди этой темно-зеленой симфоніи, залитыя солнцемъ лужайки казались отдѣльными золотыми нотами, придававшими особую выразительность, особую силу общему радостному мотиву жизни. Прорываясь черезъ вѣтви и промежутки листьевъ, солнце рассыпало на аллеи тысячи золотыхъ кружковъ, нарушавшихъ монотонность широкихъ голубовато-зеленыхъ тѣней, и тогда казалось, что по этимъ аллеямъ рассыпаны расточительнымъ богачомъ червонцы. И всюду чувствовался мощный избытокъ жизни.

Осенью линяли краски, богатая зеленая ткань изнашивалась, и красавица-природа какъ будто всюду спѣшила замѣнить до смерти ей надобнѣйшій зеленый цвѣтъ всѣми оттѣнками желтаго. Симфонія перестроивалась въ другую тональность; желтѣла трава, отцвѣтали цвѣты на клумбахъ, а листья на деревьяхъ становились мѣдно-красными, темно-коричневыми, лимонно-желтыми; точно не желая нарушать общей гармоніи, небо тоже блѣднѣло, чтобы не звучать диссонансомъ въ этой новой мольной симфоніи. Иногда по рощѣ и парку проносилась струя холодноватаго и рѣзкаго осенняго вѣтра и срывала сухіе, отжившіе сучья. И

платаны, медленно роняя широкіе, сухіе листья, съ шумомъ падашіе на аллею, казалось, плакали тяжелыми слезами. Среди этой замиравшей природы, среди этихъ поблекшихъ тоновъ, на куртинахъ доцвѣтали яркіе осенніе цвѣты и въ ихъ рѣзкой окраскѣ было какое-то наглое ликование, смѣлая похвальба.

И вотъ пошелъ снѣгъ, покрывая куртины, вѣтви и полянки своимъ серебрянымъ покровомъ; онъ какъ будто устраивалъ природѣ дорогой металлическій футляръ, чтобы лучше сохранить всѣ ея цѣнности на будущее время. Странные эффекты давала тогда широкая аллея, тянувшаяся передъ окномъ комнаты дѣвушки. Темно-коричневый листопадъ на аллеѣ, присыпанный серебристой снѣговой пудрой, давалъ глазу красивыя пятна. Такой печальной красотой прошлаго бываетъ красива голова бывшей красавицы, въ темныхъ волосахъ которой неумолимое время прокладываетъ сначала серебряныя нити, а потомъ цѣлыя пряди сѣдины. Ночью, при свѣтѣ луны, широкая платановая аллея казалась таинственнымъ античнымъ путемъ священной рощи, въ мрачной чашѣ которой должны были происходить какія-нибудь мистеріи.

Зимній вѣтеръ кружился иногда по аллеѣ, точно плясалъ при лунѣ дикую пляску, вздымая снѣгъ и крутя его въ воздухѣ; снѣгъ внезапно, въ разныхъ мѣстахъ аллеи, вздымался партиями, которыя вытягивались въ длинныя, тонкіе вихри, походившіе на привидѣнія въ саванахъ. И они такъ же быстро исчезали въ воздухѣ, теряясь среди оголенныхъ сучьевъ, какъ быстро возникали на землѣ изъ снѣжныхъ сугробовъ.

Вѣтеръ завывалъ въ печной трубѣ; казалось, цѣлый оркестръ игралъ въ паркѣ зимнюю симфонію, съ ея унылыми мотивами, съ ея заунывными пѣснями, въ которыхъ было столько рыдающихъ, точно срывавшихся съ голоса звуковъ. Дѣвушка стояла тогда прислонившись къ оконному стеклу, узорчато изукрашенному снаружи морозомъ, и часами вглядывалась въ аллею, на которой шелъ зимній балъ серебристыхъ снѣжинокъ, крутившихся въ вихрѣ медленнаго бѣлаго вальса...

Да, этотъ паркъ былъ истиннымъ другомъ дѣвушки. Она жила съ нимъ, чувствовала его, понимала его, любила его. Онъ умѣлъ таинственно говорить съ ней на ей одной понятномъ языкѣ. Онъ умѣлъ огорчать ее и тотчасъ же находить утѣшеніе. Онъ печалилъ, веселилъ и развлекалъ ее. Онъ давалъ ей высокія радости наслажденія звуками, красками и движеніемъ. Онъ давалъ ей въ этой забытой усадьбѣ ощущеніе жизни, приучалъ и привязалъ ее къ себѣ невидимыми, но прочными нитями...

И ей теперь разстаться съ нимъ?

О, никогда! Скорѣ умереть, легче умереть!

Она отошла отъ открытаго окна въ глубь комнаты и задумалась.

II.

Тихій вечеръ становился молчаливѣе и мрачнѣе; все затихло въ паркѣ словно передъ грозой, хотя грозы не могло быть такою ранней весною:

На небѣ скапливались почти черныя тучи; вечернюю тишину нарушали отдаленныя трели не то лягушекъ, не то какой-то неизвѣстной птицы, и когда эти трели умолкали, становилось еще безмолвнѣе, еще мрачнѣе вокругъ.

Извѣдка раздавались съ другого конца террасы отдѣльные выкрики карточныхъ игроковъ, и странно и больно нарушали настроеніе весенняго вечера.

Дѣвушка недолго мечтала, сидя въ высокомъ и покойномъ креслѣ; ее потянуло на воздухъ, на террасу, въ глубь таинственнаго и мрачнаго теперь парка, къ той коринтской бесѣдкѣ, гдѣ она такъ часто повѣряла роцѣ свои самыя сокровенныя мысли.

Она вышла на террасу.

Два желтыхъ огня, заключенныхъ въ матовые стеклянные шары, освѣщали отдаленный уголъ ея блѣднымъ опаловымъ пламенемъ.

За ломбернымъ столомъ сидѣло четверо мужчинъ, и одинъ изъ нихъ, слышавъ шага на террасѣ, крикнулъ:

— Вѣра, ты?

— Я, папа... — откликнулась дѣвушка.

— Ты—что?

— Ничего, пойду прогуляться по парку.

— Будетъ дождь.

— Такъ что же? Я буду сидѣть въ коринтскомъ павильонѣ.

— Ты распорядилась, чтобы намъ приготовили чай?

— Какъ же. Все будетъ готово въ десяти часамъ.

— Удостоили бы подойти къ намъ! — крикнулъ хриплымъ голосомъ одинъ изъ партнёровъ, прерывая бесѣду.

— Здравствуйте, Иванъ Михайловичъ! — отвѣтила ему Вѣра. — Нѣтъ, спасибо, я не подойду къ вамъ. Я не люблю винта. Мнѣ жаль время, которое вы тратите на него во всѣ времена года.

— „И въ ненастные дни занимались они—дѣломъ“, — про-

говорилъ Иванъ Михайловичъ,—а вотъ ужъ дальше, убей меня Богъ,—не помню. Что-то такое „мѣломъ“, а какъ, ей Богу, не знаю. Ну, все равно, зажмите глаза и подойдите. Вы зажмите глаза, а я вамъ ручку поцѣлую.

Но Вѣра не хотѣлось нарушать своего настроенія и, проговоривъ:—„обойдетесь и такъ“,—она быстро сбѣжала со ступенекъ террасы и исчезла во тьмѣ, подъ вѣтвями платановъ.

Ее преслѣдовали нѣкоторое время голоса:

— Добрый вечеръ, Вѣра Дмитриевна!

— Вы на Вавакина злы, а за что же насъ обижаете?.. Вы говорите—три пики? Я—пассъ.

— Но ежели я говорю сразу: три пики—должны вы меня поддерживать?

Раздраженнымъ голосомъ партнѣръ отвѣтилъ:

— А ежели у меня карты самыя эіопскія?

— Все равно, скажите что-нибудь...

Больше Вѣра ничего не слыхала. Ее охватило безмолвіе весенней ночи. Все быстрѣе и быстрѣе шла она по аллеѣ къ любимому павильону.

На террасѣ продолжали играть.

Вавакину, который игралъ съ отцомъ Вѣры, ужасно не везло. Что ни игра—ремизъ. Это происходило и отъ его неумѣнья играть, и отъ его художественной натуры: при видѣ пяти незначительныхъ картъ одной масти, воображеніе его разыгрывалось, и онъ старался, во что бы то ни стало, вытянуть игру, которая неизбежно лопалась по всѣмъ швамъ при розыгрышѣ. Система широкой игры ему не удавалась, и онъ вздумалъ подсиживать, но это выходило еще хуже. Онъ утанвалъ ввязки и „прозѣвывалъ“ сносныя игры.

— Плохи вы сегодня, Иванъ Михайловичъ,—сказалъ ему его партнѣръ.

— И вовсе даже нѣтъ, Дмитрій Александровичъ. Нужно удивляться, напротивъ, тѣмъ чудесамъ, которыя я дѣлаю съ такими эіопскими картами. Ей Богу! Вотъ, даже побожился.

Но его прервалъ одинъ изъ играющихъ.

— Божитесь, не божитесь, а вы играете какъ истый сапожникъ. И еще вамъ, можно сказать, везетъ, хотя вы и влюблены.

Онъ сказалъ это отрывисто, рѣзко, сухимъ голосомъ, не допуская возраженія.

— Ну, теперь будетъ баталія!—сказалъ четвертый партнѣръ, складывая карты на столъ, въ ожиданіи чего-то интереснаго.

Вавакинъ взглянулъ на него.

— Вы ошибаетесь, Аеоній Петровичъ. У меня съ Сазановымъ никакой баталіи быть не можетъ, — проговорилъ онъ. — Я—врачъ, и мнѣ, какъ врачу, отлично извѣстно, что Діомидъ Степановичъ страдаетъ особымъ родомъ психическаго расстройства—говоритъ всѣмъ въ лицо „правду“, или то, что онъ считаетъ правдой. Ей Богу, вы больны, Діомидъ Степановичъ. Посмотрите, какой вы худой и желтый,—сказалъ онъ Сазанову.

— Я здоровъ, какъ можетъ быть здоровъ человѣкъ на пятомъ десяткѣ жизни. Но еслибы я былъ тяжело боленъ, то, конечно, предпочелъ бы умереть безъ вашей помощи. Потому что вы такой же плохой врачъ, какъ и винтѣръ. И даже хуже.

Вавакинъ передернулъ своими широкими плечами, провелъ рукой по сѣдьющимъ волосамъ и оглядѣлъ присутствующихъ, какъ бы приглашая ихъ подивиться вмѣстѣ съ нимъ на этого рѣдкаго чудака.

— Благодарю васъ и за эту правду. Но скажите: неужели вы не могли бы говорить вашу правду только тѣмъ, кто о ней спрашиваетъ? Я, на примѣръ, вовсе не спрашивалъ вашего мнѣнія ни о моей игрѣ, ни о моей любви, ни о моихъ врачебныхъ способностяхъ. Допускаю охотно, что я плохой винтѣръ и еще худшій врачъ. Но при чемъ тутъ любовь? Ей Богу, не понимаю.

— Вы не влюблены въ Вѣру Дмитриевну?

Вавакинъ спокойно улыбнулся.

— Допустимъ и это. Но развѣ кто-нибудь у васъ объ этомъ спрашивалъ? Крыжовъ у васъ спрашивалъ? Тормиловъ спрашивалъ? Я—спрашивалъ?

— Никто, — раздражительно отвѣтилъ Сазановъ. — Но я не вижу причины не говорить о томъ, что всѣ знаютъ. И наконецъ это пришлось къ слову, и вы просто придрались къ этому слову. У васъ пренепрятный характеръ.

— Это называется съ большой головы на здоровую, — возразилъ Вавакинъ. — Намъ всѣмъ казалось, что это у васъ неприятный характеръ. У васъ настоящая манія говорить „правду“ въ глаза. Повторяю, это психозъ. Еслибы этого не было, вы до сихъ поръ служили бы непремѣннымъ членомъ присутствія. Но васъ уволили, потому что вы невыносимы съ своей правдой. Ей Богу же вы невыносимы, Діомидъ Степановичъ.

Крыжовъ и Тормиловъ поспѣшили прекратить этотъ разговоръ.

— Однако, господа, не вернемся ли мы къ винту? Я—безъ козыря,—сказалъ Крыжовъ,—а вы что, Дмитрій Александровичъ?

— Я—пассъ,—отвѣтилъ Тормиловъ.

Но Сазановъ не унимался.

— Да, я невыносимъ, потому что говорю правду. Я знаю это — таково наше время. Но мнѣ невыносимо наше время и наше общество, которыя изолгались до послѣдней возможности. Лгать—нынѣшняя система. Чѣмъ она лучше системы говорить правду? Я не вижу. Нужно имѣть нѣкоторое мужество, чтобы говорить правду... Три трефы... Все это условности. Некрасивой женщиной вы льстите изъ любезности. Глупо! Я говорю ей прямо, что она некрасива. Она и другіе сами это знаютъ... Я говорю: три бубны... Обыкновенно Вавакину говорятъ, что онъ играетъ мило, спокойно, пріятно, чтобы не сказать, что онъ играетъ какъ сапожникъ. Онъ и всѣ это знаютъ. Почему не сказать того, что всѣ знаютъ, а непременно навыворотъ? Глупо!.. Я—пассъ, больше ничего.

— Можно взять?

— Берите... Я не вижу, почему ложь лучше правды? Вотъ вы всѣ молчите, потому что всѣ изолгались и вамъ трудно сознаться, что я говорю правду. Губернаторъ сдѣлалъ нелѣпое заключеніе на моемъ докладѣ о видахъ на урожай. Я ему сказалъ, что это чрезвычайная нелѣпость. Онъ и всѣ это сознавали. Почему не сказать того, что сознается всѣми?.. Вотъ, напримеръ, Вавакинъ пропускаетъ, и благодаря этому его единственный козырь пропадетъ. Я и говорю: глупо!

— Хочу пропустить и пропускаю, — огрызнулся Вавакинъ.

— И опять условная ложь. Вы это говорите, чтобы не сказать правды:—„да, я сдѣлалъ нелѣпѣйшую ошибку по неумѣнью играть“. Но у васъ не хватаетъ гражданскаго мужества.

— Отстаньте! — сказалъ Вавакинъ.

Тормиловъ улыбнулся.

— Да, лучше было бы бить,—проговорилъ онъ, а Крыжовъ съ видимымъ удовольствіемъ забралъ взятку.

Сазановъ сдѣлалъ новый ходъ и продолжалъ:

— Губернаторъ предписалъ мнѣ въ недѣлю представить подробный отчетъ о ходѣ эпизоотіи въ моемъ районѣ. Въ моемъ районѣ двадцать-два волости и ни одной порядочной дороги. Чтобы только объѣздить ихъ, нужно четыре-пять дней при хорошей погодѣ. Кромѣ того, нужно вездѣ побывать, всѣхъ опросить, все обдумать, вернуться домой и еще дня три составлять отчетъ. Я и сказалъ губернатору:—„ваше требованіе свидѣтельствуемъ о полномъ вашемъ незнакомствѣ съ дѣломъ“... Мы кон-

чили партію: три туза, четыре онѣра. Простая корона... Вотъ почему я вышелъ въ отставку, Вавакинъ.

— Отстаньте.

Они начали новую партію, и Крыжовъ спросилъ Тормилова:

— А что, Дмитрій Александровичъ, „англичанинъ“ вашъ дѣйствительно затра прѣзжаетъ?

Тормиловъ съ наружнымъ спокойствіемъ придвинулъ къ себѣ прикупку и отвѣтилъ:

— Да, завтра. Все приготовлено уже для его приѣма. Вѣра, по крайней мѣрѣ, говорила мнѣ, что сама осматривала комнаты и приводила все въ порядокъ. Мнѣ самому некогда было. Разныя дѣла и отчетъ...

— Вотъ вы говорите это такъ спокойно, — ввязался Сазановъ:—а между тѣмъ я ясно вижу, что вы волнуетесь.

— Я? Съ чего вы взяли? У меня все въ порядкѣ.

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь и даже совершенно увѣренъ. Но вы волнуетесь. И это очень естественно, когда въ свое родовое имѣнье прѣзжаетъ хозяинъ, никогда въ немъ не бывавшій, и въ особенности такой, какъ вашъ „англичанинъ“, какъ вы его называете. Ему наша жизнь чужда, наши порядки дики. До тридцати-двухъ лѣтъ онъ прожилъ въ Англии, имѣетъ слабое представленіе о родинѣ и слабѣйшее—о нашемъ хозяйствѣ. И вотъ вы волнуетесь: какъ ему показать то, какъ объяснить это. И какъ ему покажется то, и какъ это...

— Онъ говорить, по крайней мѣрѣ, по-русски?—спросилъ Вавакинъ.

— Какъ мы съ вами,—отвѣтилъ Тормиловъ.—И даже писать отлично.

— Но почему же такъ?

— Это совершенно просто. Онъ родился въ Лондонѣ, но съ дѣтства имѣлъ русскаго гувернера и воспитателя. Будаевъ, его отецъ, а мой покойный товарищъ по московскому университету, служилъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ и женился на англичанкѣ. Онъ прѣзжалъ сюда съ женой, когда она была беременна. Здѣсь, осенью, онъ простудился и умеръ, а заглячанку наша деревня такъ напугала, что она поспѣшила убраться въ Лондонъ. Тамъ и родился Владиміръ Сергѣевичъ. Онъ оставался тамъ съ матерью и два раза только прѣзжалъ въ Москву сдавать экзамены. Теперь онъ служить, какъ и братъ его, въ посольствѣ, младшимъ секретаремъ, что-ли. Мать его умерла два года тому назадъ.

Онъ замолчалъ, сдалъ карты, разобралъ ихъ и, объявивъ игру, снова заговорилъ, обращаясь къ Сазанову.

— Чего же мнѣ волноваться, Діомидъ Степановичъ? Я вѣдь не простой, наемный управляющій, а старый другъ его покойнаго отца, его товарищъ по университету. И отецъ его мнѣ вполне довѣрялъ, да и онъ тоже. Доказательство, что ни разу не пріѣзжалъ PROVĚRЯТЬ мои дѣйствія.

— А зачѣмъ теперь ѣдетъ?—спросилъ Сазановъ.

— Онъ хочетъ окончательно раздѣлаться съ имѣньемъ, продать его. Я не взялъ на себя этой отвѣтственности и настоялъ, чтобы онъ самъ пріѣхалъ. Онъ хочетъ навсегда поселиться въ Лондонѣ.

— Ну, вотъ и причина вашего волненія. Куда вы дѣнетесь? Вы провели въ этомъ гнѣздѣ всю жизнь, съ тридцати лѣтъ, бросивъ для этого дѣла, по просьбѣ Будаева, даже службу. Вы сжились съ имѣньемъ, съ деревней, съ домомъ, потеряли здѣсь жену, приобрѣли дочку. И вдругъ все это бросить? Передать имѣнье, которое не ваше, но какъ бы ваше, какому-нибудь купцу Обиралову и сдѣлаться его приказчикомъ?

— Ни у какого купца Обиралова ни приказчикомъ, ни управляющимъ я не останусь,—рѣзко отвѣтилъ Тормиловъ.

— На службу поступите? — участливо спросилъ Крыжовъ.

— На службу въ моемъ возрастѣ поступать поздно. Я уже отвыкъ отъ чиновничьей службы. Но о чемъ вы, господа, волнуетесь? Будаевъ зоветъ меня въ Лондонъ, управлять его тамошними дѣлами и имѣньемъ.

— И вы поѣдете?—спросилъ Сазановъ.

— Нѣтъ,—рѣшительно отвѣтилъ Тормиловъ.

— Ну, вотъ и причина волненія вашего, да, пожалуй, и нашего,—сказалъ Сазановъ. — Нельзя же на старости остаться безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни...

Тормиловъ насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Вы стоите на своемъ. Я волнуюсь. Пусть такъ! Но безъ дѣла и безъ средствъ я, во всякомъ случаѣ, не останусь. Меня зовутъ къ себѣ наши сосѣди Скуридины. Ихъ имѣнье—въ трехъ верстахъ отсюда и не хуже Будаевки.

— Знаемъ!—сказали Сазановъ и Крыжовъ.

— Условія отличныя. И Клавдія Егоровна, и Евгенія Львовна, тоже постоянно живутъ за границей—эти въ Парижѣ, на водахъ и въ Ниццѣ—и имъ нуженъ вѣрный человекъ. Имѣнье стало меньше давать дохода, и онѣ рѣшили это лѣто провести здѣсь, чтобы изслѣдовать причины и посоветоваться со мной. Можетъ быть, я приму ихъ условія. Вы видите, особенно волноваться нечего... Мы безъ одной, но робберъ нашъ.

— Кончили?—спросилъ Вавакинъ. — Ну, если кончили, недурно напитокъ чаю.

— Съ коньякомъ? — обратился къ нему Сазановъ. — Зачѣмъ говорить:— „напитъся чаю“, когда слѣдуетъ сказать:— „напитъся коньяку“?

— Ей Богу, вы мнѣ надоѣли, Сазановъ.

— Вотъ въ первый разъ вы сказали именно то, что думаете.

Крышовъ и Тормиловъ подсчитывали результаты игры, а Вавакинъ, вынувъ изъ портсигара толстую папиросу, закурилъ ее и сошелъ съ террасы въ паркъ.

III.

Вѣра сидѣла въ своей любимой бесѣдѣ и всматривалась въ рощу, тѣни въ которой быстро сгущались.

Она продолжала мечтать.

Вотъ, среди ночной тьмы мелькаютъ по безконечнымъ, безлюднымъ въ эту пору полямъ свѣтлыя точки. Какъ будто таинственное пресмыкающееся извивается, съ шипѣніемъ и свистомъ, по черной землѣ, спѣша изъ далекихъ, невѣдомыхъ ей странъ, сюда, къ этой родной рощѣ, въ этому милому парку.

Но это не чудовище, а поѣздъ, обыкновенный поѣздъ, и свѣтлыя точки—окна вагоновъ. Въ одномъ изъ нихъ, сидя на мягкой скамьѣ, дремлетъ тотъ, кого всѣ будаевцы называютъ „англичаниномъ“. Завтра онъ будетъ уже въ этомъ домѣ.

Какая тоска, какая печаль! Онъ нарушитъ ея уединеніе, ворвется въ качествѣ хозяина въ ихъ мирную жизнь, начнетъ заводить новыя порядки и, можетъ быть, уволитъ отца ея отъ службы или продастъ имѣнье этому Щеклѣву, который давно уже подбирается къ Будаевкѣ.

Отецъ говоритъ въ послѣдніе дни о Скуридиныхъ. Какъ будто это одно и то же! Въ Будаевкѣ родилась Вѣра, въ Будаевкѣ ей хотѣлось бы и умереть. Здѣсь дорогъ ей каждый вустъ, здѣсь мило ей каждое дерево, а у Скуридиныхъ ей все, все чужое.

Какъ странно, какъ несправедливо, что земля—собственность. Развѣ воздухъ можетъ принадлежать опредѣленному хозяину? Никто не можетъ лишить ее права дышать воздухомъ родины, но, вотъ, можетъ пріѣхать этотъ чужеземецъ и лишить ее права на родную землю.

По вѣрѣ и по рожденію этотъ хозяинъ Будаевки—русскій. Здѣсь, въ этомъ домѣ складывалась жизнь его предковъ съ старода-

нихъ времянь. Они вили себѣ уютное, надежное гнѣздо, прочно устраиваясь на этой землѣ, среди этого парка. Поколѣніе работало на поколѣніе и тѣнь прошлаго служила матеріаломъ для будущаго. А онъ, потомокъ этой древней семьи—чужой теперь для родины. Чтò представляетъ онъ собою: русскаго помѣщика съ душою лорда? Всѣ связи его—тамъ, гдѣ-то, на далекомъ-далекомъ, туманномъ островѣ, небо котораго покрыто копотью фабричныхъ трубъ.

Вѣра вздрогнула.

Яркая зарница вспыхнула и погасла на темномъ небѣ, среди деревьевъ рощи.

Ночью роща казалась мрачной, таинственной, печальной. Она точно спала, скорчившись подъ темнымъ пологомъ неба, которое походило на темносинее одѣяло съ пестрыми цвѣтами мелькавшихъ весеннихъ зарницъ. Вѣрѣ чудилось, что и роща, какъ она сама, встревожена неизбежной будущностью и грезить о томъ страшномъ времени, когда будущій владѣлецъ Щеклѣевъ нагонитъ сюда мужиковъ съ топорами, которые начнутъ рубить деревья, а потомъ корчевать пни.

Низко, надъ головою Вѣры свѣсилась вѣтка дерева съ липкимъ и душистымъ весеннимъ листочкомъ. Онъ точно наклонился къ ней, чтобы поцѣловать ее въ лобъ. Ее тронула эта ласка рощи; но листокъ былъ холоденъ, сыръ отъ ночной росы, и по тѣлу ея пробѣжала дрожь. Ей показалось, что роща дрожить отъ страха подъ своимъ одѣяломъ и покрылась холодной испариной.

Никогда еще роща не казалась ей такой встревоженной, такой безпокойной, съ ея могучимъ дыханіемъ, съ ея глубокими, таинственными тѣнями.

Безпрестанно вспыхивавшія зарницы нарушали теченіе ея мыслей. Когда послѣ вспышки становилось еще темнѣе вокругъ, Вѣра вновь возвращалась къ своимъ мечтамъ, все къ тѣмъ же мечтамъ о родинѣ.

Родина имѣетъ власть надъ человѣкомъ. Человѣкъ—растеніе, корни его—въ землѣ. Онъ не вѣтеръ, свободно носящійся по полямъ...

По длинной аллеѣ послышался скрипъ шаговъ.

Вѣра быстро повернула голову по направленію въ массивному темному силуэту стараго барскаго дома, который глядѣлъ на нее двумя-тремя освѣщенными окнами.

По аллеѣ, среди густой тьмы, она, послѣ долгаго напряженія, разглядѣла темную фигуру.

— Кто это?—спросила она.

— Утѣшится жена, и лучший другъ забудетъ друга, но я не забуду тебя! „Тебя“ — это для поэзіи. И не могу утѣшиться, когда васъ нѣтъ около меня,—хриплымъ голосомъ проговорила темная фигура.

— Ахъ, это вы, Иванъ Михайловичъ!.. Вы меня испугали. Что вамъ?

— Пугается тотъ, у кого на душѣ неопратно. У васъ, красавица, душа опрятная, и бояться вамъ некого и нечего. Все равно какъ мнѣ. А нужно мнѣ, чтобы вы шли съ нами чай пить.

— Винтъ кончили?—спросила она, съ сожалѣніемъ разставаясь съ своимъ излюбленнымъ мѣстомъ и спускаясь по ступенькамъ на аллею парка.

— О, yes!—какъ, вѣроятно, будетъ говорить владѣлецъ этого имѣнья, когда пріѣдетъ сюда. Винтъ кончили. Все было какъ по программѣ: Сазановъ говорилъ, по обыкновенію, намъ всѣмъ свою „правду“ въ лицо, хотя его нѣкто объ этомъ не спрашивалъ. Ей Богу, онъ мнѣ шибко надоѣлъ въ послѣднее время, и я его, кажется, побью. Ей Богу, кончится тѣмъ, что побью.

— Ну, полно, что вы! Неужели вы не привыкли къ нему?

— Не привыкъ и не хочу привыкнуть!—упрямо отвѣтилъ докторъ.—И что его правда? Кому она нужна? И какъ будто онъ одинъ ваялъ подрядъ говорить правду? Всѣ мы говоримъ правду, когда не лжемъ.

— Онъ доказалъ, что онъ *всегда* говоритъ правду, и даже пострадалъ за это по службѣ.

— Ну, потомъ, что же еще? Всѣ нападали на меня, что я плохо играю. Какъ будто я говорилъ когда-нибудь, что хорошо играю? Папѣ вашъ рассказывалъ объ „англичанинѣ“... Что ни говорите, а онъ разстроенъ, то-есть папѣ, а не англичанинѣ. Крыжовъ подсиживалъ и алчно хваталъ взятки, пропущенныя, конечно, мною...

Вѣра молча слушала болтовню доктора, безшумно, мягко, словно тѣнь двигаясь, вмѣстѣ съ нимъ, по направленію къ дому.

Ночь была тихая, теплая, и всѣ пили чай на широкой террасѣ.

Вѣра и Вавакинъ точно выплыли изъ океана тьмы, когда появились на террасѣ.

Тормиловъ крутилъ папирску, отпивъ чай. Крыжовъ пилъ чай съ блюдечка и уничтожалъ одну за другою круглыя домашнія булочки, какъ-то пугливо поглядывая на Сазанова, точно боялся, что и Сазановъ начнетъ ѣсть булки.

Говорили о какомъ-то Трофимѣ Сулѣ, который будто бы, несмотря на свою старость, такой негодяй, равнаго которому нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ.

— Не вывернется онъ у меня, клянусь честью,—говорилъ между двумя глотками Крыжовъ.—Давно слѣжу. Да ловокъ каналья, какъ вьюнъ. Скользить между пальцами... Это вы печете булочки, Вѣра Дмитриевна? Ну да, не сами, но подъ нашимъ наблюдениемъ. Превосходныя булочки. Я еще возьму.

— Пожалуйста...

— Такъ я и говорю: мошеникъ-мужикъ. Воръ-мужикъ—этотъ Трофимъ Сула. Ну, да и я малый не промахъ.

— Вы?—поднявъ лѣвую бровь, что у него служило признакомъ ироніи, спросилъ Сазановъ.

— Да, я,—равнодушно отвѣтилъ Крыжовъ.

— Да какой же вы „малый“ и какой же вы „не промахъ“? И какой вы исправникъ, Крыжовъ, когда вы просто хорохорящийся индюкъ, не больше! И я даже удивляюсь, что васъ держать исправникомъ.

Крыжовъ подумаль-было, не обидѣтся ли ему, и даже чуть не поперхнулся булкой, которую только-что препроводилъ въ ротъ. Но потомъ, очевидно, раздумалъ, потому что привыкъ уже, также какъ и другіе, къ рѣзкимъ выходкамъ Сазанова.

— А я удивляюсь, какъ васъ земля терпитъ и носитъ на себѣ, Діомидъ Степанычъ. Языкъ вашъ—врагъ вашъ,—отвѣтилъ, наконецъ, онъ и сповойно сталъ допивать чай.

Тормилова, очевидно, угнетала мысль о пріѣздѣ Будаева, потому что онъ больше молчалъ, кура свою „самоврутку“, а когда говорилъ, то больше о вещахъ, имѣвшихъ отношеніе къ пріѣзду помѣщика.

— Вѣра, я на тебя полагаюсь,—говорилъ онъ,—во всемъ, что касается комфорта. Принесла ли прачка постельное бѣлье?

— Принесла, папá, не безпокойся, пожалуйста.

— И умывальникъ въ ея комнатѣ починили?

— И умывальникъ починили.

— Мнѣ нашъ сегодняшній вечеръ напоминаетъ пиръ во время чумы, или послѣдній день Помпей...—сказалъ Вавакинъ, наливая коньяку въ чай.

— Глупо!—проворчалъ Сазановъ.—Что вы—существовали, что-ли, въ тѣ времена, что вамъ что-то ихъ напоминать можетъ?

— Маньякъ!—въ полголоса проговорилъ Вавакинъ, но прямо ничего ему не возразилъ.

— И потомъ, что общаго между этими событіями и нашимъ вечеромъ?

Вавакинъ молчалъ.

— Я васъ спрашиваю, Вавакинъ,—не унимался Сазановъ.

— Отстаньте, злобный маньякъ!—огрызнулся наконецъ докторъ.

— И Помпея, и чума тутъ ни при чемъ, а только развѣ коньякъ, которымъ вы, какъ я вижу, злоупотребляете.

— Я васъ не звалъ къ себѣ въ менторы. Вамъ жаль коньяка?

— Ничуть, онъ не мой.

— Ну, такъ и замолчите, ей Богу!

— Господа, да будетъ вамъ!—сказала Вѣра.—Это скучно. Ваши мелочныя ссоры въ этотъ тихій весенній вечеръ особенно неприятны... Учитесь у природы: какой миръ, какая тишина! А вы только ругаетесь. Это, право, досадно.

— Вздоръ!—возразилъ Сазановъ, и Вѣра съ удивленіемъ на него взглянула.—Поэтический вздоръ и фактическая ложь! Борьба за существованіе—правда. Какой миръ въ природѣ, когда повсюду борьба!.. Грубая сила; одно растеніе живетъ на счетъ другого, какъ и люди. Одинъ звѣрь вырываетъ добычу у другого, точь-въ-точь какъ у людей. Давно пора бросить этотъ лживый вздоръ и не питаться вредными обманами.

— Ого!—возразила Вѣра.—Вы все больше и больше уходите въ свою философію, въ своемъ уединеніи? Вонъ ужъ вы какъ заговорили! Безъ поэтическаго обмана, Діомидъ Степанячъ, трудно прожить. Иллюзія нужна человѣку, въ особенности тамъ, гдѣ дѣйствительность скучна и однообразна. Безъ обмана, безъ лжи, не было бы поэзіи.

— Ну, да... „тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“... Старо это...

— Да, старо, но очень вѣрно... Пойдите... Вы слышите шумъ за калиткой?

Разговоры смолели.

Дѣйствительно, среди безмолвія ночи раздавалось за оградой парка шипѣніе, стукъ, точно отъ какой-то машины, потомъ слышались голоса, хохотъ, взвизгиванье.

IV.

Вскорѣ на аллеѣ показались три тѣни, направлявшіяся къ террасѣ въ полномъ безмолвіи: одна тѣнь шла впередъ, другія двѣ сзади.

Вѣра встала изъ-за стола, подошла къ ступенькамъ, спускавшимся въ садъ, и остановилась.

— Евгенія Львовна, — вы? — спросила она.

Въ отвѣтъ раздался шопотъ и смѣхъ, сначала сдержанный, потомъ все громче и громче.

— Конечно, это вы, — сказала Вѣра.

— Мы васъ хотѣли испугать, подкрывшись незамѣтно.

— Это довольно мудрено. Вашъ автомобиль шипитъ и вряхтеть, какъ чудовище.

— Неужели слышно сюда?

— Я думаю! Но такъ какъ мы васъ открыли, то идите сюда, чай пить.

— У васъ гости?

— Обычное общество. Папины винтѣры.

— Я тоже не одна.

— Тѣмъ лучше, — безъ особеннаго одушевленія отвѣтила Вѣра.

Гости вошли на террасу.

Вѣра занялась чаемъ.

Евгенія Львовна, которая держала въ рукахъ гитару, начала ее настраивать. Всѣ какъ-то сразу смолели.

Сазановъ разсматривалъ новоприбывшихъ, послѣ того какъ его представили Евгенинъ Львовнѣ. Онъ это дѣлалъ довольно безцеремненно и смотрѣлъ на нее пристально, какъ на какую-нибудь иллюстрацію журнала съ картинками. Потомъ, точно перевернувъ страницу, онъ перевелъ взоръ на ея спутниковъ, молодого офицера и студента въ щегольской тужуркѣ. Окончивъ осмотръ, онъ равнодушно отвернулся и зѣвнулъ.

Евгенія Львовна однимъ глазомъ косо взглянула на него и, взявъ нѣсколько вступительныхъ аккордовъ, запѣла:

Скажи, зачѣмъ тебя я встрѣтилъ,
 Зачѣмъ тебя я полюбилъ?
 Зачѣмъ твой взоръ улыбкой мнѣ отвѣтилъ
 И счастье въ жизни подарилъ?
 Тебя отнять отъ меня,
 Ты не моя, ты не моя...

Всѣ, кромѣ Сазанова, зааплодировали.

— Чудно, — съ авторитетомъ сказалъ Вавакинъ.

— Великолѣпно, — подтвердилъ Крыжовъ.

Тормиловъ и Вѣра одобрительно и сочувственно кивали головами, а молодые люди, прибывшіе съ Евгенией Львовной, ничего не говорили членораздѣльнаго, а какъ-то тихо вздыхали отъ избытка чувствъ, пробужденныхъ словами этого романса.

Евгенія Львовна кончила романсъ, отложила гитару и принялась за чай.

Отхлебнувъ изъ чашки, она вдругъ обернулась къ Сазанову:

— Вамъ не нравится?—спросила она его.

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ онъ, — если вы спрашиваете про пѣніе.

— Именно про пѣніе. Вамъ не нравится самый романсъ, его исполненіе или голосъ исполнительницы?—съ чуть насмѣшливой ноткой спросила она.

— Мнѣ не нравится романсъ, исполненіе и голосъ.

Евгенія Львовна отодвинула чашку, совсѣмъ уже повернулась лицомъ къ Сазанову и съ удивленіемъ его оглядѣла.

— Я здѣсь недавно, и очень жалѣю, что до сихъ поръ не имѣла удовольствія васъ знать,—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ проговорила она.

Вавакинъ подтапывалъ въ боѣ Крыжова, а ногой подъ столомъ Тормилова; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подмигивалъ Вѣрѣ, заранѣе предвѣщая интересную сцену.

— Во всемъ, что вы сказали, одно только правда: что вы здѣсь недавно,—сказалъ Сазановъ Евгеніи Львовнѣ.

— Остальное?—вызывающе спросила она.

— Остальное—ложь.

Евгенія Львовна вскочила съ своего мѣста. Молодые люди издали восклицанія, которыя можно было принять за „о, о!“.

Тормиловъ съ сердцемъ отшвырнулъ подъ столомъ ногу Вавакина, который все больше и больше толкалъ его, и, обратившись къ своей гостьѣ, сказалъ:

— Евгенія Львовна, вы не обращайтесь, пожалуйста, вниманія на слова Діомиды Степаныча. Онъ взялъ себѣ странную привилегію говорить всѣмъ въ глаза правду. Почему онъ думаетъ, что одинъ только онъ знаетъ правду—не знаю.

Евгенія Львовна съ любопытствомъ посмотрѣла на Сазанова.

— Я нисколько не обижаюсь, и у каждого своя манера веселиться. Я очень люблю все, что оригинально. Но я хотѣла бы знать, въ чемъ ложь?

— Ложь въ томъ,—нисколько не смущаясь, отвѣтилъ Сазановъ, какъ будто не о немъ вовсе шла рѣчь,—будто вы жалѣете, что не знали меня раньше. А правда—въ томъ, что вы жалѣете, что узнали меня.

— Почему жалѣю?

— Потому что вы привыкли къ лести и поклоненію, а не къ правдѣ и критикѣ.

— Такъ. Можетъ быть, вы столь же категорично отвѣтите мнѣ и относительно моего пѣнія.

— Непремѣнно. Оно не нравится мнѣ потому, что въ голосѣ вашемъ нѣтъ души, въ исполненіи нѣтъ искренности, а

только передразниванье цыганъ; а въ самомъ романсѣ—пустой наборъ словъ для рѣзвы.

Евгенія Львовна съ любопытствомъ на него поглядѣла.

— Quel type!..—проворчалъ офицеръ.

— Обратный декадентъ!—шепнулъ студентъ.

Евгенія Львовна примолкла, какъ бы разбираясь въ впечатлѣніи, которое произвели на нее слова Сазанова, потомъ проговорила:

— Не знаю, повѣрите ли вы мнѣ на этотъ разъ, но вы мнѣ нравитесь. Я обожаю все оригинальное.

Смущеніе, которое овладѣло Тормиловымъ и Вѣрой послѣ словъ Сазанова, теперь прошло.

— А я терпѣть не могу ничего грубаго,—сказалъ Вавакинъ.

— Неправда,—отвѣтилъ ему Сазановъ.—Вы любите именно водку и табакъ.

Офицеръ и студентъ фыркнули, остальные улыбнулись.

Сазановъ не унимался.

— Вы находите оригинальнымъ, что я не восхищаюсь вашимъ пѣніемъ?—спросилъ онъ у Евгеніи Львовны.

— Нѣтъ, не то. Я нахожу оригинальнымъ, что вы говорите всѣмъ правду, или по крайней мѣрѣ то, что считаете правдой.

Но Евгенія Львовнѣ Сазановъ съ его грубыми выходками уже видимо надоѣлъ. Она сама привыкла относиться довольно свободно къ людямъ, и эта привычка образовалась въ ея характерѣ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, благодаря ея независимому положенію, красотѣ и богатству, а также баловству, которое окружало ее въ домѣ старухи-тетки, гдѣ она росла послѣ смерти матери, скончавшейся года три послѣ ея рожденія.

Она привыкла къ лести, подобострастію, къ своеволю. Встрѣча съ такимъ независимымъ въ своихъ сужденіяхъ человекомъ, какимъ съ первыхъ же словъ обрисовался передъ ней Сазановъ, не могла быть ей пріятна.

— Курнаковъ, — обратилась она къ офицеру, — ступайте, нарвите мнѣ въ саду цвѣтовъ, которые такъ вкусно пахнутъ. Можно, Дмитрій Александровичъ?—обратилась она къ Тормилову.

— Пожалуйста.

— А вы,—сказала она студенту,—ступайте къ автомобилю и ждите меня тамъ. Мы сейчасъ ѣдемъ.

— Но, Евгенія Львовна...

Она топнула ногой.

— Безъ разговоровъ! Ступайте и посмотрите, нѣтъ ли меня тамъ?

• Студентъ нѣхотя всталъ, но повиновался.

Она засмѣялась.

— Это мои рабы,— сказала она, ни къ кому не обращаясь. — Бѣлые негры. Оба влюблены. Одинъ уклоняется отъ лагерей и взялъ отпускъ, чтобы провести часть лѣта у насъ въ имѣнныя и вздыхать, глядя на меня; другой уклоняется отъ экзаменовъ съ той же цѣлью...

— Для чего же вы смущаете молодежь?— спросилъ Сазановъ.

Она даже не взглянула на него.

— Жизнь коротка, — заговорила она, обводя всѣхъ взглядомъ и какимъ-то нарочито небрежнымъ тономъ. — Молодость еще короче. Надо пользоваться и тѣмъ, и другимъ. Оба мои раба глупы и иногда съ ними тошно; но безъ нихъ въ этой глуши было бы еще тошно; не надъ кѣмъ было бы показывать свою силу. А человекъ счастливъ только тогда, когда можетъ показывать другимъ свою силу. Я думаю, что мы стали такими нудными вслѣдствіе уничтоженія крѣпостного права.

— Богъ знаетъ, что вы говорите!— вскрикнула Вѣра.

— Вамъ это не нравится? Я знаю. Вы—дѣвушка стараго типа. Это имѣетъ свою прелесть, какъ старинное, наивное письмо въ картинѣ какого-нибудь мастера прошлаго вѣка. Держу пари, что вы обожаете деревню, мужичковъ, паркъ, весеннія ночи и вообще буколицу и шатобриановщину. Вы можете понравиться человекѣу съ утонченнымъ и искалѣченнымъ воображеніемъ...

— А вы?— смѣясь, спросилъ Вавакинъ.

— А я—нетронутому юношѣ.

— Почему?

— Потому что каждый человекъ ищетъ то, что для него ново, дополненія къ тому, чего у него не хватаетъ. Знаете что? Бракъ есть нелѣпость; нѣчто изжитое, изношенное, какъ старая юбка, которая разлѣзается отъ малѣйшаго неосторожнаго обращенія. И напрасно стараются такъ охранять эту сношенную юбку. Но если выходить замужъ... я бы вышла за человекѣа, котораго бы ненавидѣла. Такой союзъ былъ бы проченъ. Онъ бы любилъ, я бы ненавидѣла. Свѣтъ и тѣнь, звукъ и пауза, въ общемъ—гармонія.

Сазановъ сдѣлалъ презрительное лицо, какъ бы желая сказать: „болтай, болтай, все это для рисовки,—все равно, я ни одному слову не вѣрю“. Вавакинъ нелѣпо радовался жестокости этихъ словъ и пилъ коньякъ. Крыжова всегда утомляли „умные“ разговоры, и онъ прилично дремалъ. Тормиловъ въ душѣ не соглашался съ „чудодѣйкой-дѣвицей“, но старался не показывать вида; Вѣра конфузилась. Она всегда конфузилась при богатой и знатной сосѣдкѣ, которая ѣздила на автомобилѣ и велосипедѣ

въ деревнѣ, одѣвалась какъ въ городѣ, играла въ лаунъ-теннисъ и крокетъ, душилась необыкновенными духами и говорила такіа слова, отъ которыхъ ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

— Дисгармонія, вы хотите сказать?—поправилъ ее Вавакинъ.

— Ничуть. Я всегда говорю то, что хочу сказать. Представьте, я „его“ безумно люблю. „Онъ“ меня любить еще безумнѣе. Сложите объ любви—выйдетъ патока, сладость, какъ тотъ медъ, который намъ подаютъ въ усадьбѣ. Развѣ можно ѣсть много меду и питаться только имъ? И нельзя питаться однимъ сыромъ, который остеръ какъ человѣческая ненависть. Но когда послѣ тепленькаго супу идетъ здоровый кусокъ мяса, потомъ какой-нибудь пикантный соусъ, потомъ рыба, зелень, наконецъ сладкое блюдо, кофе, сыръ и такъ далѣе, то обѣдъ разнообразенъ и вкусенъ, и все взаимно дополняетъ другъ друга, и одно вкусовое ощущеніе смѣняется другимъ. Получается полное удовлетвореніе. Не такъ ли, докторъ?

— Такъ иногда лечать катарры желудка,—отвѣтилъ Вавакинъ:—разнообразіемъ нищи. Но вѣдь катарръ—патологія. Впрочемъ, и здоровому человѣку весьма полезно разнообразіе пищи.

— Вотъ видите. Любовь и ненависть—два необходимыхъ элемента счастья, какъ добро и зло—необходимые элементы жизни. Наша религія проповѣдуетъ одно добро. Это—прѣсно, и вотъ почему люди становятся все менѣе религіозными. Въ нее надо бы подложить перцу.

— Вы большой знатокъ кулинарнаго искусства.

— А вы—коньяку.

Вавакинъ засмѣялся и перелилъ рюмку.

— Евгенія Львовна, вотъ вамъ цвѣты,—сказалъ вошедшій на террасу офицеръ и протянулъ ей букетикъ пахучихъ желтыхъ цвѣтовъ.

Она взяла ихъ и закрыла ими лицо, вдыхая весенній ароматъ. Его она даже не поблагодарила.

— Какъ они хорошо пахнутъ!—сказала она.—Мнѣ всегда дѣлается радостно, когда я ощущаю пріятный запахъ. Такъ весело на душѣ. Правда—хорошо?

И она протянула букетикъ доктору.

Вавакинъ сунулъ въ него свой красный носъ и сѣдые усы, шумно втянулъ въ себя воздухъ и сповойно проговорилъ:

— Какъ будто дорогимъ коньякомъ.

Евгенія Львовна усмѣхнулась, отобрала букетъ, встала и начала прощаться.

— Ахъ,—сказала она,—я и забыла поговорить о главномъ. Я вѣдь захнала узнать, когда пріѣдетъ Будаевъ? Я слышала—завтра?

— Завтра,—отвѣтили въ одинъ голосъ Тормиловъ и Вѣра.

— Я хотѣла васъ просить, чтобы вы передали ему наше приглашеніе. Тѣтя и я встрѣчались съ нимъ одинъ сезонъ въ Лондонѣ и очень рады были бы съ нимъ повидаться. Тѣтя очень хорошо знала его отца. Такъ, пожалуйста, скажите, какъ только онъ станетъ свободнѣе, чтобы посѣтилъ насъ. Скажете?

— Непремѣнно,—отвѣтилъ Тормиловъ.

Евгенія Львовна кивнула всѣмъ головой и сбѣжала съ террасы въ цвѣтникъ. Офицеръ—за нею.

И вскорѣ съ отдаленнаго конца аллеи раздался ея голосъ:

Тебя отнимутъ отъ меня,
Ты не моя, ты не моя!...

Вавакинъ, копируя ее, хриплымъ голосомъ запѣлъ:

Ты не моя, ты не моя,
И я—не твой, и я—не твой!

V.

Будаевъ ѣхалъ въ свое родовое имѣнье, сидя въ элегантномъ экипажѣ, который былъ ему поданъ на станцію, отстоявшую отъ деревни въ нѣсколькихъ верстахъ.

День былъ радостный, свѣтлый, весенній. Нѣжно-зеленаго цвѣта зелень прекрасно рисовалась на молочно-голубомъ небѣ, давая симфонію полутоновъ въ мягкомъ золотистомъ освѣщеніи солнца. Теплые свѣтло-коричневые тона вспаханныхъ полей подходили на коричневые фоны картинъ Веласкеза.

Все трепетало въ сіяніи этого радостнаго весенняго дня. На душѣ Будаева лежало, однако, какое-то уныніе.

Онъ чувствовалъ себя далекимъ путникомъ, игрою судьбы и обстоятельствъ заброшеннымъ въ невѣдомую страну съ новымъ для него пейзажемъ, въ которомъ было что-то декадентское, въ томъ смыслѣ этого слова, какъ его понимаетъ „большая публика“, предполагающая, что смыслъ декадентства заключается въ томъ, чтобы все было наоборотъ, какъ въ какомъ-нибудь фантастически-астрономическомъ романѣ, гдѣ люди похожи на полу-птицъ, полу-лягушекъ, висящихъ въ воздухѣ; гдѣ всѣ законы тяжести и равновѣсія нарушены; гдѣ долины имѣютъ странный пустынный видъ, а горы похожи на сахарныя головы.

Такъ и Будаеву, во время его длиннаго путешествія отъ границы Россіи до маленькой станціи, на которой ему надлежало выйти, все казалось чрезвычайно удивительнымъ и совершенно наоборотъ. Экспрессъ мчалъ его съ изумительной быстро-

той. Но съ границы это уже былъ не экспрессъ, а курьерскій поѣздъ, который спѣшилъ удивительно медленно, выжидалъ трехъ звонковъ, четырехъ свистковъ и еще чего-то на самыхъ, казалось бы, незначительныхъ станціяхъ; послѣ всѣхъ этихъ звуковъ онъ пускался очень неохотно въ путь, пытая, сопя и раскачиваясь, какъ бы дѣлая уступку нелѣпой прихоти пассажировъ; въ недостатокъ времени у нихъ онъ самымъ рѣшительнымъ и убѣжденнымъ образомъ не вѣрилъ.

Вспоминались Будаеву колоссальныя станціи-дворцы англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, вокзалы Франкфурта, Кельна и другихъ городовъ, черезъ которые ему доводилось проѣзжать, и онъ сравнивалъ ихъ теперь съ русскими станціями, походившими на небольшія и невысокія казармы или на дешевыя загородныя дачи, неизбѣжнаго „бревенчатого“ стила, окрашенныя въ темно-кирпичный цвѣтъ.

И публика была въ вагонахъ особенная: каждый пассажиръ, точно тщедушный муравей, съ огромной ношей на спиной, тащилъ самъ, или при помощи носильщика, уйму чемодановъ, свертковъ, подушекъ и одеялъ, загромождая чужія мѣста и заводя скандалы съ сосѣдями.

Будаевъ ѣхалъ въ отдѣльномъ купѣ, но могъ все это видѣть своимъ наблюдательнымъ взглядомъ. Его англезированная душа возмущалась этой малой культурностью, этой невыработанной традиціей путешественника, этимъ отсутствіемъ туристскаго кагона.

А поѣздъ шелъ черепашимъ ходомъ; иногда останавливался тамъ, гдѣ не полагалось, потому что загоралась ось, — „это-жъ ее знаетъ, анашему, почему“!

Будаевъ скучалъ; эти нелѣпыя звонки, свистки и остановки раздражали его, и тогда скука нѣсколько проходила.

„Къ чему эта беспощадная трата времени? — думалъ онъ, иронически улыбаясь: — такъ расточать время можетъ только страшный богачъ, но Россія—вовсе не такой богачъ. Очевидно, здѣсь незнакомы съ поговоркой „время—деньги“, и никто нигда не спѣшитъ. Воображаю, что думаетъ обо всемъ этомъ мой Джонъ, въ сосѣднемъ вагонѣ“...

На одной станціи курьерскій поѣздъ былъ задержанъ на полтора часа.

Долго не могли добиться причины.

Желчный начальникъ станціи раздраженно отмалчивался; оберъ-кондукторъ, на вопросъ о томъ, скоро ли двинется поѣздъ, весьма серьезно отвѣтилъ:

— Должно, что сегодня.

Одинъ пассажиръ принялъ это за шутку дурного тона и сталъ весьма нелитературно ругаться.

Оберъ-кондукторъ взглянулъ на него съ изумленіемъ.

— Я не шучу, а говорю серьезно, — заявилъ онъ. — На четвертой верстѣ товарный сошелъ съ рельсовъ. Вытребовали поѣздъ. Ежели поспѣютъ, то въ вечеру управятся. А пока путь несвободенъ. Не дають пути...

Все это онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто то, что случилось, было такъ же естественно, какъ смѣна дня и ночи въ природѣ.

Да и публика находила все это естественнымъ, а если и волновалась, такъ больше отъ скуки и потому что вообще въ такихъ случаяхъ принято волноваться.

Будаевъ дивился и этому происшествію, и этому добродушію и спокойствію пассажировъ.

У нихъ, въ Англіи, это такая рѣдкость—неисправности въ желѣзнодорожномъ движеніи,—настоящее событіе, о которомъ пишутъ, говорятъ, волнуются. Здѣсь, очевидно, это—стихийное явленіе.

Онъ ходилъ вдоль вагона, по платформѣ и объяснилъ вышедшему изъ вагона Джону причину остановки.

Роли ихъ помѣнялись.

По переѣздѣ границы, Будаевъ долженъ былъ указывать за своимъ камердинеромъ, который, конечно, ни звука не зналъ по-русски, хотя и мало терялся во время этого длиннаго пути.

Какъ истый сынъ своей родины, Джонъ никогда нигдѣ не стѣснялся, ни отъ чего не приходилъ въ смущеніе и повидимому чувствовалъ себя прекрасно среди чужой ему публики и среди чужой страны.

Въ буфетахъ онъ указывалъ перстомъ на то, что ему нужно; а если того, что онъ хотѣлъ, не было, онъ пускалъ въ дѣло мимику. Его достаточно понимали.

Только однажды произошло недоразумѣніе.

Джону захотѣлось рыбы; а такъ какъ на столѣ ея не было среди блюдъ, то Джонъ сложилъ свои руки въ длину и оттопырилъ крайніе пальцы, что должно было обозначать плавника, тѣмъ болѣе, что онъ дѣлалъ руками плавательныя и нырательныя движенія.

Буфетчикъ былъ очень занятъ спѣшнымъ удовлетвореніемъ со всѣхъ сторонъ выражаемыхъ ему официантами желаній публики, и внигнувъ, мимоходомъ, въ мимику Джона, очевидно принялъ ее за оскорбительный символическій знакъ.

— Я тебѣ самъ такую штуку покажу, что ты отъ меня бу-

баремъ отлетишь!—сказалъ онъ и къ самому лицу Джона поднесъ свой кулакъ.—Я, братъ, тебѣ за твою фигу такую дулю поднесу, обезьянья ты морда!..

Джонъ ровно ничего не понялъ, но обидѣлся и отошелъ, не получивъ на этотъ разъ рыбы и удовлетворившись какой-то свѣдью, которая на станціонномъ языкѣ называлась „бифшексомъ“, а на пассажирскомъ—„подшвой“.

Джонъ очень изумился причинѣ остановки поѣзда и, расположившись на платформѣ въ почтительномъ отдаленіи отъ Будаева, сталъ молча наблюдать мѣстные нравы.

Онъ очень былъ удивленъ, когда по многочисленнымъ разговорамъ пассажировъ съ бабами понялъ, что бабы продаютъ молоко, но безъ „крынъ“.

— Молоко возьми, а крыню отдай!—говорили бабы.

— Чудачки вы бабы!—отвѣчали пассажиры.—Вѣдь въ твоей „крынѣ“ бутылки двѣ молока, куда же я его дѣну? Въ карманъ налить, что-ли?

— Молоко бери, а крыню отдай, — уныло повторяла продавщица.

— Да я тебѣ за нее лучше деньги заплачу.

— Ни... крыню отдай!

Тогда пассажиръ отдавалъ крыню вмѣстѣ съ молокомъ и сердито махалъ руками, отходя прочь.

— Какъ же можно продавать жидкость безъ посуды? — не удержался Джонъ и спросилъ весьма почтительно у Будаева, который самъ заинтересовался этимъ обстоятельствомъ.

Но Будаевъ рѣшительно не могъ придти ни къ какому естественному объясненію и недоумѣвалъ.

— Смотрите, Джонъ,—вдругъ сказалъ онъ:—вотъ такъ, вѣроятно, можно купить молоко безъ посуды.

Какой-то толстый купецъ въ длинномъ скротуѣ полошелъ въ это время къ бабѣ, которая нерѣшительно выпустила, наконецъ, крыню изъ своихъ рукъ и повторила:

— Молоко возьми, а крыню отдай.

— Ладно ужъ, слыхалъ,—отвѣтилъ купецъ, и, не долго думая, приложился къ кувшину губами.

Онъ не оторвался отъ кувшина, пока все содержимое не перешло въ его чрево.

Тогда онъ началъ отдуваться, отдалъ крыню и деньги бабѣ, а самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ прочь.

Джонъ пришелъ въ настоящій восторгъ.

— А-о!—воскликнулъ онъ.—О, yes! Теперь я понимаю. Но не всѣ могутъ сдѣлать это.

Остальныя бабы, поглядывая на счастливицу съ завистью, ушли съ полными врынями и съ разобитеннымъ видомъ.

Станція была маленькая.

Въ буфетѣ на стойкѣ лежало нѣсколько яицъ, черствый хлѣбъ, селедка и какія-то сласти.

Больше ничего съѣдобнаго не было; зато водки было сколько угодно.

Наконецъ, къ вечеру пустились въ путь.

Будаевъ съ Джономъ ѣхали потомъ по широкой проселочной дорогѣ, весьма плохо содержимой или, вѣрнѣе, вовсе не содержимой, чему Джонъ тоже не мало удивлялся.

Будаевъ совершенно не зналъ этихъ мѣстъ, какъ не зналъ ничего въ Россіи, кромѣ Москвы, да и ту весьма плохо.

Вокругъ пестрѣли полевые цвѣты, все больше желтенькіе и бѣленькіе. Кое-гдѣ блестяла узкой лентой рѣчка; по дорогѣ попадались имъ истощенныя женщины, хилые мужики, истомленные зимней проголодью или отхожими промыслами, съ которыхъ они къ лѣту вернулись на землю, какъ настоящіе ея рабы, прикованные къ ней невидимыми цѣпями, какъ прикованы къ ней борнями кое-гдѣ попадавшіяся деревья.

И мужики, и деревья, не хотѣли умирать, потому что чувствовали, что не совершили еще всего, что отъ нихъ требовала жизнь. Одни страдали отъ голода и неурожаевъ, другія—отъ бездождія и засухъ. Но и тѣ и другіе жили прикованные невѣдомой властью къ этой почвѣ.

VI.

Въ усадьбѣ всѣ были встревожены несвоевременнымъ прибытіемъ Будаева.

Онъ долженъ былъ, по расчету, пріѣхать днемъ, но солнце уже начало заходить, а его еще не было.

Никто не зналъ объ опозданіи поѣзда, и Тормиловъ послалъ на станцію нарочнаго, который и вернулся съ извѣстіемъ, что „машина стоитъ въ Лыковѣ, а когда будетъ—про то неизвѣстно“.

Поѣздъ, дѣйствительно, простоялъ въ Лыковѣ до вечера, какъ предсказывалъ вондурторъ, а потомъ пошелъ дальше съ той же черепашьей скоростью, какъ шелъ раньше, вовсе, повидимому, не желая нагонять запозданіе и ради этого, можетъ быть, тоже сойти съ рельсовъ.

Поэтому на станцію Будаеву прибыли около семи часовъ вечера, вмѣсто того, чтобы прибыть къ двѣнадцати.

Вѣра Дмитріевна чрезвычайно волновалась, удивлялась порой сама этому волненію, но уже считала невозможнымъ скрывать его.

И самъ Тормиловъ, какъ ни старался самъ отъ себя и отъ дочери скрыть свое волненіе, не могъ сдѣлать этого.

Въ послѣднюю минуту все оказалось не такъ, какъ желательно, а главное, за хлопотами, Вѣра не успѣла перебраться изъ своей комнаты въ главное зданіи усадебнаго дома во флигель.

А это было необходимо, потому что никто не зналъ, какую комнату выберетъ для себя хозяйинъ; а комната Вѣры была очень хороша уже тѣмъ, что выходила прямо на террасу и въ садъ.

— Гдѣ же теперь?—растерянно спрашивала Вѣра у отца. —Теперь, все равно, не успѣть перенести все... Какъ же быть-то? Тормиловъ пожурилъ ее.

— Надо было раньше подумать, Вѣра. Ну, да не бѣда, рѣшимъ по его пріѣздѣ. Къ ночи, во всякомъ случаѣ, успѣемъ. Ты только не волнуйся. Обѣдъ-то готовъ?

— Все сдѣлано. Хорошо, что послали нарочнаго, а то весь обѣдъ былъ бы испорченъ.

Какъ только выяснилось, что Будаевъ рѣшилъ пріѣхать въ деревню, Тормиловъ тотчасъ же послалъ Вѣру въ городъ, нанять лучшую кухарку; сами они обходились обыкновенно деревенской стряпухой, которую Вѣра по книжкамъ обучила готовить простой столъ.

И Вѣра, и Тормиловъ, уже дня три какъ ѣли пищу, приготовляемую городской кухаркой, которой оба остались очень довольны.

Экипажъ подъѣзжалъ къ усадьбѣ, и все въ старомъ барскомъ домѣ заволновалось.

Тормиловъ, дѣлавшій видъ, что читалъ книгу, хотя его мысли были далеко отъ печатныхъ строкъ, тяжело вздохнулъ и, закрывъ книгу, бросился на встрѣчу прибывшему.

Вѣра послѣдовала за нимъ, думая съ какимъ-то несвойственнымъ ей и неожиданнымъ раздраженіемъ:

„Вотъ онъ, новый хозяйинъ... зачѣмъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ“?

Будаевъ поздоровался съ управляющимъ и его дочерью очень сердечно, и такъ какъ Вѣра ожидала отъ него еще мѣншаго, то онъ ей понравился.

Своими свѣтлыми, нѣсколько холодноватыми глазами онъ скользнулъ по ней взоромъ, который на мгновеніе, какъ бы заинтересовавшись ея лицомъ, остановился на ней съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Будаевъ тотчасъ же попросилъ указать приготовленные ему и Джону комнаты, сказалъ нѣсколько словъ по-англійски Джону и скрылся.

Тормиловъ вернулся къ дочери на террасу.

Они не знали, что предпринять, за что взяться и въ нерѣшительности ходили взадъ и впередъ.

— Онъ, кажется, очень милый! — неопредѣленно проговорила Вѣра, немного понизивъ голосъ, хотя никто ее услышать не могъ.

Тормиловъ сомнительно покачалъ головой.

— Тебѣ онъ не нравится, папа?

Тотъ пожалъ плечами.

— Право не знаю, милая. Я не привыкъ такъ, сразу, по лицу узнавать людей, — тоже почти шопотомъ отвѣтилъ онъ. — Въ немъ что-то не-русское... И мнѣ кажется, онъ начнетъ здѣсь мудрить на англійскій ладъ.

— Можетъ быть, — задумчиво проговорила она: — онъ получилъ англійское воспитаніе; онъ родился тамъ, въ Лондонѣ, и лишень былъ родины съ перваго дня жизни. По-моему, это большое несчастье, но развѣ это его вина? Да и мать его нельзя ни въ чемъ обвинять. Ей чужда была наша жизнь, ее нельзя же было заставить жить въ нашей деревнѣ. Одно меня смущаетъ...

— Что именно? — съ любопытствомъ спросилъ Тормиловъ, который считалъ дочь очень умною дѣвушкой и давно уже взялъ привычку прислушиваться къ ея мнѣніямъ.

— Да то, что онъ ни разу за эти долгіе годы не вспомнилъ о родной деревнѣ, не заглянулъ сюда, хотя бы изъ приличія или любопытства. Вѣдь здѣсь, на деревенскомъ кладбищѣ похороненъ его отецъ. Это — старое родовое имѣніе, а онъ ни разу не поинтересовался своей вотчиной.

— Я думаю, онъ недолго пробудетъ здѣсь и даже не останется на лѣто. Какъ только уладитъ дѣла, онъ навѣрное уватитъ къ себѣ.

— Развѣ дѣла можно такъ скоро устроить?

— И да, и нѣтъ. Можно все рѣшить въ общихъ чертахъ, а потомъ я могу дѣйствовать по довѣренности... Однако, что же мы ходимъ здѣсь? Я пойду къ себѣ, надо кое-что приготовить...

Они разошлись.

Часъ спустя, состоялся обѣдъ, въ которому Будаевъ пригласилъ управляющаго съ дочерью.

Будаевъ успѣлъ умыться, переодѣться въ свѣжее бѣлье и изящный англійскій лѣтній костюмъ.

Джонъ приготовилъ-было ему смокингъ, такъ какъ Будаевъ, по давно усвоеннымъ англійскимъ традиціямъ, всю свою жизнь обѣдалъ или во фракѣ, или въ смокингѣ, но здѣсь онъ рѣшилъ допустить эту вольность, несмотря даже на то, что ему предстояло обѣдать въ обществѣ дѣвушки.

Очутившись, послѣ долгаго и утомительнаго пути, въ своемъ родовомъ гнѣздѣ, онъ почувствовалъ, какъ странная атмосфера родныхъ полей, по которымъ онъ ѣхалъ сюда, родного воздуха, стараго барскаго дома постепенно охватываетъ его.

Никогда она не испытывалъ прежде такой истомы, которая овладѣла имъ теперь.

Разница между громаднымъ городомъ, съ его шумомъ и суетливою жизнью, и этой деревенской тишиной была ощутительна. Было бы просто диво, совершенно нелѣпо облачиться въ торжественный костюмъ five o'clock'овъ и парадныхъ обѣдовъ съ электрическимъ освѣщеніемъ, цвѣтами и декольтированными дамами.

Поэтому онъ съ улыбкой отрицательно покачалъ головой, увидя смокингъ, и потребовалъ отъ Джона лѣтній костюмъ.

Джонъ позволилъ себѣ осторожное замѣчаніе, которое можно было принять за напоминаніе.

— Кажется, съ сѣромъ будетъ обѣдать молодая миссъ?

— О, yes!—отвѣтилъ Будаевъ,—но вы не смущайтесь, Джонъ. Здѣсь, кажется, все очень просто.

Онъ, однакоже, зналъ, что Джонъ, въ душѣ, не одобритъ такого нарушенія традицій своей чопорной родины и даже мысленно произнесетъ: „shoking“!

Но тѣмъ не менѣе настоялъ на своемъ.

Обѣдъ шель вяло; разговоръ не клеился, несмотря на то, что Будаевъ, какъ свѣтскій человѣкъ, старался его поддерживать.

Но Торжиловъ и его дочь были молчаливы, чувствовали себя связанными.

— Я очень радъ,—сказалъ Будаевъ,—что, наконецъ, приѣхалъ на родину. Странно это представить: имѣть родовое имѣнье и ни разу не быть въ немъ.

— Да, конечно...—произнесъ Торжиловъ.

— А вы долго рассчитываете пробыть здѣсь?—спросила Вѣра.

Этотъ вопросъ показался Торжилову не совсѣмъ деликатнымъ, и онъ взглядомъ заявилъ ей объ этомъ.

Вѣра сконфузилась.

— Ахъ, простите, можетъ быть мнѣ не слѣдовало объ этомъ спрашивать,—сказала она, покраснѣвъ.

— О, нѣтъ, отчего же?—поспѣшилъ ее выручить Будаевъ.— Нѣтъ, миссъ... простите,—улыбнулся онъ,—я забылъ освѣδο- миться о вашемъ имени...

Ему сказали.

— Въ Россіи,—продолжалъ онъ,—ужасно неудобная ма- nera называть всѣхъ по имени и отчеству. Мнѣ кажется, нужно имѣть для этого громадную память, когда возвращаешься въ боль-

помъ обществѣ. Между тѣмъ эта память могла бы быть упражняема на чемъ-нибудь болѣе полезномъ. Вы не находите? За границей все это гораздо проще.

— Нѣтъ, не нахожу, — отвѣтила Вѣра, и отецъ опять тревожно взглянулъ на нее.

— Нѣтъ? Почему же?

— Всѣ эти сэръ и миссъ, monsieur и madame — такъ безличны, такъ общи... Они не обязываютъ къ внимательному отношенію къ человѣку, съ которымъ говоришь. Имена индивидуальны... Мнѣ кажется, вдумчивѣе относиться къ человѣку, котораго нужно называть по имени, онъ является единицей, а не общей категоріей, которую называютъ monsieur или madame.

Будаевъ на минутку задумался, внимательно взглянулъ на нее и сказалъ:

— Въ вашихъ словахъ есть что-то для меня новое. Это интересно... Вы меня спрашивали, долго ли я здѣсь пробуду? Не думаю... Какъ только состоится эта продажа...

Вѣра невольно нахмурила брови, и онъ это замѣтилъ и замолчалъ.

Разговоръ опять упалъ, и нѣкоторое время всѣ ѣли молча.

Чувствуя неловкость, Будаевъ заговорилъ, обращаясь къ Тормилову, имя котораго онъ зналъ, потому что состоялъ съ нимъ въ перепискѣ.

— Дмитрій Александровичъ, — сказалъ онъ, — я передъ вами большой должникъ: вы управляли моимъ имѣньемъ, несли труды, въ то время какъ я о немъ не заботился.

— Да, я управлялъ имъ при вашемъ покойномъ батюшкѣ, Владиміръ Сергѣевичъ, — не зналъ, что отвѣтить, сказалъ Тормиловъ. — Но вы нисколько мнѣ не обязаны...

— Вы были товарищемъ и другомъ моего отца...

— О, да! Мы очень любили другъ друга, но я занимался имѣньемъ столько же изъ дружбы, какъ и изъ необходимости имѣть средства къ существованію... И вотъ я всю жизнь прожилъ здѣсь, въ вашемъ родномъ гнѣздѣ; здѣсь родилась моя дочь, здѣсь схоронена моя жена. Я имѣлъ теплый уголь и воспиталъ дочь. Кто же изъ насъ у кого въ долгу? Я оканчиваю уже жизнь. И вотъ это мое первое горе — простите, Владиміръ Сергѣевичъ, что я для перваго же знакомства позволяю себѣ говорить съ вами такъ откровенно...

— Ради Бога... пожалуйста... Но въ чемъ же ваше горе?

— Что мнѣ на старости лѣтъ придется разстаться съ этимъ гнѣздомъ.

Вѣра была въ восторгѣ, что отецъ ея задѣлъ эту животрепещущую тему, которая ее жгуче интересовала.

Жадно приготовилась она выслушать отвѣтъ Будаева.

Будаевъ поднялъ голову.

— Ахъ, это...—сказалъ онъ.—Да, дѣйствительно... вамъ это не должно быть пріятно. Но вамъ не о чемъ беспокоиться. Я, конечно, приму въ соображеніе ваши личные интересы, и вы не останетесь безъ... безъ дѣла.

— Я не о томъ,—смущенно отвѣтилъ Тормиловъ.—Дѣло у меня всегда найдется,—не безъ тайной гордости прибавилъ онъ.—Мнѣ просто жаль этой родовой усадьбы. Здѣсь жили ваши дѣды и отцы... Сколько поволажничавъ выростилъ этотъ старый домъ и этотъ еще болѣе старый садъ...

Теперь Тормиловъ побѣдилъ свое смущеніе.

Обыкновенно молчаливый и несловоохотливый отъ природы, онъ становился многорѣчивымъ, когда рѣчь заходила о Будаевѣ, съ которой онъ сжился и сросся точно въ органическое цѣлое и смотрѣлъ на нее точно на свое родовое помѣстье.

— И вотъ,—продолжалъ онъ,—придетъ какой-нибудь Щеклѣевъ, домъ превратитъ въ огромный амбаръ для ссыпки зерна, садъ вырубить...

— Для чего?—удивленно спросилъ Будаевъ.

— А Богъ его знаетъ, для чего. Такая ужъ у нихъ у всѣхъ страсть все рубить! Можетъ быть, для того, чтобы устроить здѣсь какія-нибудь хозяйственные постройки, я не знаю... Нѣтъ, конецъ Будаевѣ!..

— Я васъ понимаю,—прервалъ его Будаевъ.—Люди привыкаютъ къ своимъ мѣстамъ. Я это чувствую по себѣ. Мнѣ, напримѣръ, все здѣсь чуждо и странно. Все, что я успѣлъ видѣть по дорогѣ...

Вѣра укоризненно на него посмотрѣла.

— Я ничѣмъ не связанъ съ этимъ мѣстомъ,—продолжалъ онъ,—и меня тянетъ обратно. Я даже такъ думаю, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало пріѣзжать сюда, а сдѣлать все за-глаза. Но это вы вѣдь настояли, чтобы я непременно пріѣхалъ.

— Безъ васъ невозможно было бы рѣшить многихъ вопросовъ.

— Я думаю, вы преувеличиваете. Я, все равно, мало понимаю во всемъ этомъ и не знаю ни мѣстныхъ порядковъ, ни здѣшнихъ обычаевъ. Я вамъ буду плохимъ помощникомъ.

Вѣра вслушивалась въ его рѣчь.

Онъ говорилъ отлично по-русски, и это какъ будто удивляло ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, примиряло съ нимъ.

Иногда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, ей казалось, что онъ

запинался и какъ бы обдумывалъ оборотъ рѣчи, или переводилъ его съ мелькнувшей у него англійской мысли.

Но это случилось всего раза два въ теченіе вечера.

Незамѣтно она всматривалась въ его наружность.

Онъ былъ очень изящень и строень, настоящій баринъ. И въ его манерахъ и низковатомъ, хорошо звучащемъ голосѣ было что-то барское.

Лицо его не отличалось мужественностью—черты его были мягки,—но въ особенности ее поразили его руки, нѣжныя, бѣлыя, какъ у женщины, съ длинными, тонкими пальцами и выхоленными ногтями.

Онъ носилъ англійскій проборъ до самаго затылка и его свѣтло-каштановые волосы слегка завивались широкими, волнистыми прядками.

Глаза его имѣли нѣсколько холодное, жестковатое выраженіе, а губы часто складывались въ улыбку, въ которой была какая-то скрытая иронія.

Въ его лицѣ было много привлекательности, какой-то привѣтливости и простоты, несмотря на вазущуюся съ перваго взгляда холодность обращенія.

— Итакъ,—проговорилъ Тормиловъ,—вы окончательно рѣшили продать Будаевку.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Отчего вы на меня смотрите съ такимъ удивленіемъ и укоромъ?—улыбнувшись, обратился онъ къ Вѣрѣ.

Вѣра смѣшалась.

Но, взглянувъ ему прямо въ глаза, она сразу почувствовала, что можетъ ему сказать правду.

Несмотря на тревожный взглядъ отца, она, все-таки, сказала:

— Да, Владиміръ Сергѣевичъ, я нѣсколько удивлена, это правда.

— У васъ очень выразительные глаза, и видите, я сразу угадалъ. Что же васъ такъ удивляетъ?

Вѣра не старалась выбирать выраженій.

— Если позволите, я скажу вамъ откровенно. Меня удивляетъ та легкость, съ которой вы рѣшаетесь разстаться съ родовымъ имѣньемъ или съ роднымъ гнѣздомъ, какъ по старинному выражается папѣ.

Будаевъ улыбнулся.

— Вѣра Дмитріевна, я имѣю удовольствіе васъ знать только нѣсколько часовъ; вашего батюшку я знаю только по письмамъ; отца моего я вовсе не зналъ; никого здѣсь кругомъ не знаю. Будаевка—для меня совершенная неизвѣстность. Вся моя жизнь

протекла въ Англии. Тамъ у меня собственность и служба. Я воспитанъ тамъ, я привыкъ къ тому строю и людямъ. Скажите сами: что меня можетъ привязывать здѣсь?

Она сначала не нашлась, что отвѣтить.

Но потомъ нерѣшительно проговорила:

— Но вѣдь вы русскій; русскій если не по воспитанію, то по крови...

— Моя мать была англичанкой.

— Да, я знаю. Но вы носите русское имя, вы служите Россіи, вы исповѣдуете нашу вѣру. Неужели человѣкъ можетъ такъ далеко уйти отъ родины, что онъ становится глухъ къ ея голосу?

Онъ опять улыбнулся своей загадочной, полу-насмѣшливой улыбкой.

— Мы когда-нибудь подробно поговоримъ объ этомъ, если позволите, — привѣтливо сказалъ онъ. — Позвольте также надѣяться, что ни вы, ни вашъ батюшка не лишите меня вашего общества, и мы будемъ завтракать и обѣдать вмѣстѣ.

— Благодарю васъ, — отвѣтила она, покраснѣвъ.

А Тормиловъ прибавилъ:

— Я только-что хотѣлъ сказать вамъ, Владиміръ Сергѣевичъ, по этому поводу, что мы васъ, можетъ быть, стѣсняемъ...

— О, нисколько, увѣряю васъ. Мнѣ было бы очень невесело, еслибы мнѣ пришлось здѣсь жить одному, безъ общества.

Вѣра вспомнила теперь порученіе.

— Ахъ, — сказала она, — я чуть не забыла: Скуридины просили меня передать вамъ, что очень рады были бы, еслибы вы ихъ посѣтили.

Лицо Будаева замѣтно оживилось.

— Скуридины? — переспросилъ онъ.

— Да, ихъ имѣнье въ семи верстахъ отсюда, онѣ наши сосѣди... ваши сосѣди, — поправила Вѣра.

— Да, я знаю. Но развѣ онѣ здѣсь?

— Какъ же!

— Онѣ постоянно вѣдь живутъ за границей.

— Ихъ имѣнье стало давать меньше дохода, и онѣ рѣшили провести здѣсь это лѣто, чтобы узнать причину. Онѣ даже обращались въ папѣ, чтобы помочь имъ разобраться въ этомъ...

— Такъ онѣ здѣсь... — задумчиво проговорилъ онъ. — Обѣ?

— Да. Евгенія Львовна и Клавдія Егоровна.

— А Евгенія Львовна не скучаетъ здѣсь безъ автомобиля и бицикла?

— У нея здѣсь и то, и другое.

Будаевъ разсмѣялся.

— Ну! Это—другое дѣло. У нея всегда большія затѣи,—сказалъ онъ.—Не потому ли и имѣнье стало давать меньше доходности?—обратился онъ къ Тормилову.

— Я еще не занимался ихъ дѣломъ и достовѣрно ничего сказать не могу. Но я и самъ такъ подозреваю.

— Я непремѣнно у нихъ буду,—сказалъ Будаевъ.—И даже при первой возможности. Онѣ—милые люди. И Евгения Львовна пріятнѣе интересная дѣвушка.

— Вы находите?—вырвалось у Вѣры, и она почувствовала разочарованіе къ Будаеву.

— О, да... мы съ ней провели одинъ очень веселый сезонъ въ Лондонѣ. А вы... развѣ не находите?

— Кто? Я?.. Она очаровательна!—проговорила Вѣра и натыннута улыбулась.

Обѣдъ кончился, какъ и начался, очень вяло.

Будаевъ извинился усталостью въ дорогѣ и, простившись съ своими собесѣдниками, удалился къ себѣ.

VII.

Утромъ Будаевъ пригласилъ къ себѣ Тормилова, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о продажѣ и придти къ какому-нибудь соглашеніямъ съ покупателемъ.

Но Тормиловъ не сразу приступилъ къ дѣлу.

— Чтобы рѣшить вопросъ о продажѣ,—сказалъ онъ,—нужно имѣть яркое представленіе о томъ, что продаешь. Вы же, Владиміръ Сергѣевичъ, совершенно незнакомы съ вашимъ имѣньемъ. Кромѣ того, слѣдовало бы убѣдиться, въ какомъ состояніи оно находится, а для этого необходимо ознакомиться съ отчетомъ по управленію.

Будаевъ отрицательно покачалъ головой.

— Съ имѣньемъ я знакомъ по вашимъ длиннымъ и обстоятельнымъ отчетамъ, которые вы мнѣ присылали ежегодно; я его знаю, какъ свой домъ въ Лондонѣ и вѣздѣхъ въ его окрестностяхъ. И мнѣ совершенно не нужно провѣрять ваши отчеты и дѣйствія по управленію. Вы—не простой, наемный управляющій, а товарищъ моего отца, человѣкъ, которому онъ безусловно довѣрялъ. Зачѣмъ вы хотите сдѣлать меня недовѣрчивѣе отца, котораго я не зналъ, но о которомъ слышалъ, что онъ былъ очень дѣловымъ человѣкомъ.

— Это вѣрно. Онъ зналъ толкъ въ этихъ дѣлахъ.

— Вотъ видите.

— Благодарю васъ за довѣріе, Владиміръ Сергѣевичъ. Но позволите мнѣ еще разъ, въ качествѣ ли управляющаго, или въ качествѣ друга вашего покойнаго батюшки, заявить вамъ, что продавать Будаевку было бы большой ошибкой. Можетъ быть, вы назовете это вмѣшательствомъ не въ свое дѣло, но я чувствую, что обязанъ это сдѣлать. Простите, я не знаю въ точности состоянія всего вашего имущества, но, насколько я знаю, вы не нуждаетесь въ деньгахъ, а въ особенности не нуждаетесь экстренно.

— Вы совершенно правы.

— Но въ такомъ случаѣ...

— Я вамъ объясню. Вотъ въ чемъ дѣло. Я не думаю возвращаться когда-нибудь въ Россію, чтобы здѣсь поселиться. Я прожилъ всю жизнь въ Англии, частью въ Лондонѣ, частью въ шотландскомъ имѣніи моей матери. Нужно вамъ сказать, что на имѣніи этомъ лежатъ теперь большіе долги; я хочу очистить его отъ этихъ долговъ, все привести въ порядокъ, чтобы на старости лѣтъ имѣть убѣжище. Это—чудное, прекрасное, благоустроенное имѣніе въ горахъ, въ прекрасной мѣстности. Имѣніе это досталось матери уже обремененное долгами, да еще покойная матушка кое-что прибавила. Вотъ я и хочу Будаевку продать, а то имѣніе очистить.

— Такъ, — задумчиво проговорилъ Тормиловъ.—Я ничего не могу возразить вамъ по поводу самаго вашего рѣшенія. Это, конечно, дѣло хозяина. Но какъ управляющій и какъ... русскій,— съ особымъ удареніемъ подчеркнул онъ это слово,— я долженъ возразить съ вашего разрѣшенія.

— Пожалуйста!—улыбнувшись, сказалъ Будаевъ.

— Мнѣ жаль, что такое прекрасное имѣніе, родовое, барское, перейдетъ къ Щеклѣву. Это разъ. Второе—то, что Щеклѣвъ откуда-то пронюхалъ, что вы, во что бы то ни стало, хотите отдѣлаться отъ имѣнія, и сильно сжался. Онъ не дастъ хорошей цѣны и хочетъ приобрести его за безцѣнокъ.

— Развѣ нельзя поискать другого покупателя?

— Нѣтъ. И искать нечего. Щеклѣвъ у насъ единственный, который можетъ все-таки дать крупную сумму. Онъ вообще скупаетъ все, что возможно въ уѣздѣ, да и въ губерніи. Остальное—мелочь. Изъ дворянъ—Колодищевъ, Вадимъ Степановичъ, да Скуридинны—болѣе крупные землевладѣльцы; но Колодищевъ, хотя и очень богатый,—всецѣло поглощенъ своимъ имѣніемъ, въ которомъ заводитъ всевозможныя новшества и образцовое веденіе хозяйства, и не хочетъ разбрасываться и расширяться; а Скури-

дины сильно пошатнули свои дѣла и даже нуждаются теперь въ ссудѣ. У нихъ Богъ знаетъ что дѣлалось въ имѣнїи! Сами онѣ жили постоянно за границей, сюда никогда не показывались, а здѣсь шелъ настоящій грабежъ. Легко подорвать имѣнье и хозяйство, но очень трудно все вновь наладить, особливо не имѣя запаснаго капитала. Остальные помѣщики—мелочь, и имѣнья ихъ заложены и перезаложены. Многія даже будутъ продаваться за долги банку. Есть еще и третья причина, по которой не слѣдовало бы продавать Будаевку, по крайней мѣрѣ сейчасъ.

— А именно?

— Прошли слухи,—и весьма достовѣрные,—что въ двухъ верстахъ отсюда назначено мѣсто для станціи новой вѣтви желѣзной дороги. Тогда Будаевка возрастетъ въ цѣнѣ сильно. За что же, въ самомъ дѣлѣ, терять?

Онъ помолчалъ, тяжело перевелъ духъ, потому что не привыкъ такъ долго и такъ много говорить.

Но привязанность къ Будаевкѣ, которую онъ любилъ какъ свое дѣтище, а также слово, данное имъ дочери, отговорить „англичанина“ отъ его безумной затѣи, придали ему энергіи.

— Ради Бога, Владиміръ Сергѣевичъ,—вновь началъ онъ,—не подумайте, что я, говоря такъ, блюду свои интересы.

Будаевъ сдѣлалъ протестующій жестъ.

— Конечно, я очень привязанъ къ вашему имѣнью и мнѣ съ дочерью будетъ очень больно расстаться съ этими мѣстами и съ этимъ домомъ, но даю вамъ слово, что въ данную минуту я думаю только о вашихъ интересахъ и менѣе всего о своихъ.

Будаевъ сказалъ:

— Вамъ не къ чему говорить это. Я вамъ вполне вѣрю.

— Мои интересы,—продолжалъ Тормиловъ,—мало пострададутъ отъ того, что Будаевка будетъ продана. Меня зовутъ Скуридины. Я говорю, конечно, о матеріальныхъ интересахъ. Имѣнье Скуридиныхъ можно еще спасти и дѣла ихъ поправить,—вонечно, если взыться за это немедленно. И онѣ предлагаютъ мнѣ хорошія условія. Такъ что мой личный интересъ былъ бы, напротивъ, въ немедленной продажѣ Будаевки. Потому, черезъ годъ, черезъ два, будетъ поздно—и у Скуридиныхъ мнѣ нечего будетъ дѣлать. Все это я говорю для доказательства...

Но Будаевъ давно уже порывался прервать его.

— Позвольте, Дмитрій Александровичъ,—сказалъ онъ.—Почему Скуридины? Я вовсе не думалъ, продавая Будаевку, лишаться вашихъ дружескихъ услугъ. Развѣ я не писалъ вамъ, что прошу принять въ свое завѣдываніе всѣ мои дѣла въ Англїи. У меня есть контора по управленію домомъ, коттэджемъ и шот-

ландскимъ имѣньемъ—и вы могли бы занять мѣсто главнаго управляющаго. Конечно, окладъ вознагражденія былъ бы мною значительно увеличенъ—и въ матеріальномъ смыслѣ вы только бы выиграли.

Тормиловъ рѣшительнымъ отрицательнымъ жестомъ отклонилъ это предложеніе.

— Сердечно благодарю васъ,—сказалъ онъ,—но это невозможно.

— Почему?

— Владиміръ Сергѣевичъ! Я уже немолодь, чтобы начинать жизнь сизюва. Я не знаю ни языка, ни порядковъ, ни мѣстныхъ условій вашей родины—Англии. Что я тамъ буду дѣлать и какую могу принести пользу?

— Ахъ, да! Я забылъ, это чисто русскій взглядъ,—сказалъ Будаевъ, и какая-то нотка чуть замѣтнаго презрѣнія проскользнула въ его голосъ. — У насъ надъ такими вопросами рѣшительно никто никогда не задумается. Да вы и сами знаете: на югѣ Россіи есть много англичанъ, не только управляющихъ дѣлами, но и организовавшихъ ихъ. Они ѣдутъ въ Россію, устраиваютъ заводы, ставятъ ихъ на широкую ногу, рѣшительно ничѣмъ не смущаются. Для нихъ главное—дѣло и его выгода. Все остальное—пустяки. Съ мѣстными условіями они знакомятся въ годъ—два, и могу васъ увѣрить—основательно; а языкъ изучаютъ и въ еще болѣе короткій срокъ. Такъ же поступаютъ бельгійцы и французы, когда ѣдутъ въ чужія страны. А вамъ даже организовывать ничего не пришлось бы, а только принять все готовое и устроенное въ свое завѣдываніе.

Тормиловъ молча выслушалъ эту длинную рѣчь.

— Все это такъ,—возразилъ онъ, наконецъ,—но я уже старъ для этого... и слишкомъ люблю Россію, чтобы разстаться съ нею. И потомъ—я не одинъ. У меня дочь, Владиміръ Сергѣевичъ. Оторвать ее отъ родной почвы... она никогда не согласится на это.

Будаевъ иронически улыбнулся.

— Да, да,—проговорилъ онъ,—я успѣлъ уже замѣтить, что Вѣра... Дмитріевна—большая патріотка и, кажется, страстная и увѣренная. Но вѣдь это, можетъ быть, потому, что она ничего не видала, кромѣ Будаевки? Очень можетъ быть, что Лондонъ ей понравился бы больше Будаевки... Жалѣю, жалѣю отъ души, что эта комбинація не удастся. Мнѣ, все-таки, очень бы хотѣлось имѣть около себя вѣрнаго и уважаемаго человѣка, друга моего отца.

Онъ подумалъ съ минуту и потомъ продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, вамъ не придется брать мѣста у чужихъ людей. Я не хочу и не могу допустить этого. Вы все ссылаетесь на вашу старость—тоже излюбленная манера русскихъ; у насъ стариками называются люди, приближающіеся къ восьмидесяти, а вамъ, я думаю, нѣтъ и шестидесяти лѣтъ. У насъ въ этомъ возрастѣ люди интенсивно работаютъ, у васъ—уже думаютъ объ отдыхѣ. Но вы, дѣйствительно, много работали и долго управляли нашимъ имѣньемъ, оказавъ большія услуги нашей семьѣ. Я думаю, что вы не лишите меня права быть вамъ признательнымъ и назначить вамъ пенсію, если мы продадимъ Будаевку.

— Я не хотѣлъ бы обидѣть васъ отказомъ, Владиміръ Сергѣевичъ,—но я предпочелъ бы работать. Я, дѣйствительно, не такъ еще старъ, какъ вы справедливо замѣтили. Но я вамъ очень признателенъ за ваше великодушіе.

— Это—не великодушіе, а долгъ, и притомъ долгъ приятный. И вы даже не имѣете права отказываться. Но мы еще поговоримъ объ этомъ. Вотъ вы меня смутили этой желѣзной дорогой. Хотя я привыкъ не измѣнять своимъ рѣшеніямъ, но, съ другой стороны, было бы просто непрактично не выждать—и продать имѣнье за безцѣнокъ.

Лицо Тормилова стало расцвѣтать.

— Нельзя ли поговорить съ Щеклѣвымъ и поставить ему на видъ эту постройку станціи? Можетъ быть, онъ согласится прибавить?

Тормиловъ размѣялся.

— Вы, вѣроятно, судите по вашимъ покупателямъ? Ваши берутъ карандашъ, рассчитываютъ точно, и если дѣло выгодно и деньги позволяютъ, то покупаютъ или же, въ противномъ случаѣ, отказываются.

— Ну, да...

— У насъ не такъ. Наши покупатели, особливо такой, какъ Щеклѣвъ и ему подобные, никакихъ точныхъ расчетовъ не признаютъ. Они играютъ на стороннихъ соображеніяхъ: на нуждѣ продавца, на всевозможныхъ побочныхъ обстоятельствахъ. Онъ отлично знаетъ, что стоитъ Будаевка, но ежели ее можно купить за грошъ—отчего не купить. И Щеклѣвъ почему-то убѣжденъ, что вамъ деньги нужны чуть не въ два дня и что вамъ, во что бы то ни стало, нужно отдѣлаться отъ имѣнья. И купить-то онъ хочетъ потому, что отлично знаетъ о предполагаемой станціи. А потомъ, когда это осуществится, онъ продастъ имѣнье въ пять разъ дороже. Такъ всѣ они дѣлаются миллионерами, а наше дворянство—нищими. Кто же виноватъ?..

Будаевъ задумался, ничего не отвѣтивъ.

Тормиловъ, пользуясь этимъ молчаніемъ, началъ читать ему отчетъ по управленію, который Будаевъ слушалъ разсѣянно, а можетъ быть и вовсе не слушалъ.

Тормиловъ, изрѣдка взглядывая на него, внутренне удивился и старался рѣшить задачу: что за человѣкъ этотъ странный помѣщикъ; съ одной стороны—чисто англійскій умъ, здраво, просто, трезво и практически смотрящій на вещи и даже гордящійся этимъ дѣловымъ взглядомъ; съ другой—типичный русскій баричъ, легкомысленно относящійся къ своему добру, совершенно не интересующійся тѣмъ, что безъ него дѣлалось въ имѣнни.

Отчетъ онъ читалъ долго, пока не явился Джонъ и не пригласилъ ихъ къ завтраку.

Джонъ былъ чисто одѣтъ и выбритъ. Онъ былъ небольшого роста и очень худъ, такъ что скорѣе походилъ на камердинера, и дѣйствительно, онъ состоялъ исключительно при баринѣ, а за столомъ служилъ Петръ, давнишній лакей Тормилова.

Джонъ ѣлъ въ буфетной, вмѣстѣ съ Петромъ и остальной прислугой. Онъ былъ очень неразговорчивъ и молчаливъ, и его раздражало, что эти русскіе обглядываютъ его, какъ какого-нибудь рѣдкаго звѣря въ зоологическомъ саду.

Но уже Будаевъ успѣлъ сообщить ему, со словъ Тормилова, что у Скуридиныхъ есть горничная англчанка, и Джонъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда ему удастся повидаться съ землячкой и подѣлиться съ ней впечатлѣніями.

Тормиловъ и Будаевъ встали.

Управляющій сказалъ:

— Владиміръ Сергѣевичъ, я забылъ доложить вамъ: вчера не успѣли освободить комнату, которую занимала Вѣра. Комната очень удобна и хорошо расположена; она выходитъ прямо на террасу и въ садъ.

— Да... такъ что же?

— Сегодня мы ее освободимъ. Вѣра перейдетъ во флигель.

— Зачѣмъ?—спросилъ Будаевъ.

— Можетъ быть, вы возьмете ее комнату? Она вамъ, навѣрное, понравится.

— Нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте этого. Прошу васъ. Вообще, я не хотѣлъ бы вносить никакого нарушенія порядка въ вашъ режимъ. Ничего не перемѣняйте и не стѣсняйтесь въ вашихъ привычкахъ. Что бы то ни было, я не останусь здѣсь долго. Да у меня и отпускъ всего на два мѣсяца, а я еще хочу побывать въ Парижѣ передъ возвращеніемъ въ Лондонъ. И моя комната мнѣ очень нравится. И спальня, и вообще весь тотъ уголокъ дома.

VIII.

Послѣ завтрака, Будаевъ, уступая настояніямъ Тормилова, рѣшилъ отправиться осмотрѣть имѣнье, по крайней мѣрѣ въ его главныхъ чертахъ.

Былъ поданъ экипажъ—очень удобный и помѣстительный гарантасъ.

Будаевъ сказалъ Вѣрѣ:

— Вы не откажетесь сопутствовать намъ? Мнѣ было бы очень пріятно, еслибы вы мнѣ показали мою Будаевку вмѣстѣ съ вашимъ батюшкой. Вы вѣдь такъ любите это имѣнье, и оно, къ тому же, ваша родина.

— Съ удовольствіемъ, — просто отвѣтила она. — Это такое наслажденіе ѣздить по этимъ чуднымъ мѣстамъ.

— Есть развѣ красивыя мѣста?—спросилъ онъ.

— Дивныя!—восторженно подтвердила она.

Будаевъ и Вѣра сѣли рядомъ, Тормиловъ—напротивъ, и экипажъ двинулся въ путь.

Вѣра на этотъ разъ не чувствовала никакого стѣсненія, и ей даже казалось, что она давно знакома съ Будаевымъ.

И въ его тонѣ было какъ будто больше простоты и искренности, чѣмъ наканунѣ.

Поэтому разговоръ завязался быстро и не прекращался во все время ѣзды.

По обѣимъ сторонамъ дороги шли безконечныя поля, свѣтлоизумруднаго цвѣта, точно покрытыя дорогимъ плюшевымъ ковромъ.

На горизонтѣ синѣли лѣса, и нѣжно-голубое небо опрокинулось надъ этой безпредѣльной далью.

День обѣщалъ быть жаркій, а свѣтлыя облака, скапливавшіяся на нѣкоторыхъ участкахъ неба, обѣщали дождь или легкую грозу, по замѣчанію Вѣры.

— Настоящей грозы, конечно, не будетъ, еще рано, хотя въ нашихъ краяхъ онѣ случаются и въ это время года. Но дождь къ вечеру, пожалуй, будетъ.

Встрѣчались мужики, привѣтливо и учтиво кланявшіеся Вѣрѣ и Тормилову и съ любопытствомъ оглядывавшіе Будаева.

Нѣкоторые даже останавливались или, пройдя мимо, оборачивались, какъ будто видѣли нѣчто необыкновенное.

Они шли изъ села, бѣлая церковь котораго виднѣлась вдали, между двумя покатосями, образовывавшими ложбину.

— Это и есть село Будаевка, — сказалъ Тормиловъ.

У одной межи, отдѣлявшей крестьянскую землю отъ помѣщичьей, экипажъ остановился, и всѣ изъ него вышли.

Проходившіе два мужика стали и съ наивнымъ добродушіемъ слушали барскія рѣчи.

Вѣра ласково съ ними поздоровалась и спросила у одного, какъ здоровье его жены.

— Животомъ мается,—сказалъ онъ:—и не разберешь—тяжела стала, что-ли, или надорвавшись.

— А ты бы къ доктору ее сводилъ,—сказала Вѣра.

— Это—къ Вавакѣ-то?

— Ну, да, къ нему.

— Не...—сказалъ мужикъ.—Не поведу. У насъ и безъ его выпользуютъ.

— Отчего же не хочешь къ нему?—спросила она.

— А для ча? Три дня ходи—николи не поймать. Все одно, что вѣтеръ по пашнѣ ловить.

— Ну, хочешь, я ему сважу, когда будетъ на селѣ, чтобы побывалъ.

— А скажи, пожалуй,—равнодушно отвѣтилъ онъ.

Другой мужиченко, ледащій и худой, съ жалкой, встрепанной бороденкой, безучастно слушалъ этотъ разговоръ и какъ-то безпомощно-слезливо мигалъ глазами.

— Вотъ у Терентья жена болѣетъ,—сказала Вѣра,—а у тебя какъ, все благополучно?

— У меня-то?—торопливо произнесъ онъ.—А ничего, слава те, Христочъ, у меня-то. Кормы плохи,—неожиданно прибавилъ онъ, суетливо завозившись на мѣстѣ,—плохи кормы. Подобралась пищя-то, значить, пищя подобралась. А то—ничего, слава-те, Христочъ. Почитай-что жевать нечего. Скотинадохнетъ, али чтд... Опять же червь.

— Какой червь?

— А червь. Божій червь, стало быть. Такъ полагаю, всѣ кормы пожреть, червь-то. Голодовка будетъ отъ червя-то. Всѣ скажемъ, наши поля—въ червѣ. Оно точно, что Божій онъ, червь-то, а истинно—пожреть все до чиста. Въ ѣмъ, стало быть, башка да брюхо. А окромѣ этого ничего и нѣту, въ червѣ-то. А то—ничего, слава-те, Христочъ, все благополучно.

— Вы бы извели червя-то,—растерянно посовѣтовала она, сама сознавая, что совѣтуетъ нѣчто неисполнимое.

— Кого это? Червя-то? Не извести червя. Какъ это можно, чтобы червя извести. Онъ—отъ Бога. Коли Господь послалъ его намъ и наказалъ ему: „жри“—ѣнъ и жреть. А мы чтд? Мы ничего—на все Его воля.

— А у насъ, въ экономіи, нѣту. Вы сами виноваты,—дѣловитымъ, хозяйскимъ тономъ говорила Вѣра.—Запускаете, не слѣдите. Отчего его у насъ нѣтъ? Кажется, земли наши близко.

— Червя-то нѣтъ? Извѣстно отчего,—самоувѣренно проговорилъ мужиченко и заёрзалъ на мѣстѣ.

— Вотъ какъ! Отчего же?

— Стало быть, Господь не указалъ. Не указалъ Господь. Ступай, г-гритъ, жри на мужицкой земли, а экономію обойди. Онъ и обходитъ. А еще другая, поди, причина есть.

— Какая?

— Про то Господу извѣстно. А мы не извѣстны. Какъ это можно, чтобы мы Господню волю знали? Намъ не открыто. Не открыто, сказываю, намъ. Вотъ что!

— Пустое мелешь, дядя Митрій, — остановилъ его Терентій:—какъ это можно, чтобы Богъ послалъ червя мужикамъ, а помѣщика обошелъ? Для Бога всѣ, чай, одинаковы. Тутъ другая причина, въ земной утробѣ.

— Э?—удивленно проговорилъ дядя Митрій.—А какая жъ такая причина?

— Не иначе, что наша земля истощилась, а господская отдыхаетъ. Подъ паромъ отдыхаетъ. Сначала родить, а потомъ ей отдыхъ. А наша—безъ отдыха, вотъ на ней всякая нечисть и водится. Тля, ежели правильно связать. Все одно какъ на человѣкѣ, который ежели изможденъ.

— Эге,—проговорилъ Митрій, которому это объясненіе, по видимому, понравилось.—Може оно и такъ, а только намъ неизвѣстно. Неизвѣстны мы, вотъ что! Може оно и такъ. А только коли весенній червь—пропадемъ съ голоду. Нѣчисто, всѣ какъ есть.

— А вы бы земству о червѣ-то заявили,—опять посоветовала Вѣра.

— Земству-то? А нѣшто земство противъ Господа можетъ? Супротивъ мужика оно, точно, большую силу имѣеть,—заявилъ Митрій.—А супротивъ Господа гдѣ жъ ему управиться, земству-то? Никакъ это невозможно.

Вѣра пожала плечами.

Къ нимъ подошелъ третій мужикъ, въ лицѣ котораго явно было видно озлобленіе. Онъ ни съ кѣмъ не поздоровался, никому не поклонился, угрюмо взглянувъ на Вѣру и на своихъ односельчанъ.

Когда же онъ увидѣлъ стоявшаго недалеко Будаева и Тормилова, лицо его приняло суровое и презрительное выраженіе.

— Здравствуй, Трофимъ Сула!—привѣтливо сказала ему Вѣра.

Но онъ не отвѣтилъ ей на привѣтствіе.

Будаевъ, давно прислушивавшійся къ разговору Вѣры съ мужиками, съ удивленіемъ глядѣлъ теперь на Трофима Сулу и придумывалъ подходящее объясненіе его странному поведенію.

И по его вопросительному взгляду видно было, что онъ рѣшительно ничего не понималъ.

Сула угрюмо, уныло, тупо уставился въ землю и сказалъ своимъ сельчанамъ:

— Чего зря-то языки распустили? Пустое трезвоните. Земля рождаетъ, червь отъ Господа,—передразнилъ онъ ихъ обоихъ по очереди.—И ничего не отъ рожденія и не отъ Господа. А какъ мы есть мужики, такъ намъ—червь. А какъ они помѣщики—имъ хлѣбъ. Отъ несправедливости это, болѣе ни отъ чего.

Никому не поклонившись, онъ съ тѣмъ же злобнымъ, независимымъ видомъ, съ какимъ пришелъ, и ушелъ.

Будаевъ проводилъ его долгимъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилось недоброе чувство.

Вѣра подмѣтила этотъ недобрый огонекъ и еще подмѣтила, что онъ вообще смотритъ на мужиковъ съ какимъ-то брезгливымъ чувствомъ.

Сердце ея сжалось, ей сдѣлалось за него больно.

Она захотѣла разъяснить Будаеву этого загадочнаго чело-вѣка и сказала ему:

— Вы смѣтрите на него съ такимъ недоумѣніемъ...

— Миѣ не встрѣчались до сихъ поръ такіе странные люди,—пожавъ плечами, отвѣтилъ онъ.

— Да, если хотите, онъ страненъ. Но онъ—сынъ своего народа, а народъ этотъ загадоченъ и страненъ, въ особенности...

Она замаялась, потому что почувствовала, что готовится сказать неловкость.

— Въ особенности,—повторилъ Будаевъ.

И она рѣшилась:

— Въ особенности для иностранца, то-есть, я хотѣла сказать—для чужого, для непосвященнаго.

Онъ усмѣхнулся.

— Ахъ, я читалъ много объ этомъ,—насмѣшливо проговорилъ онъ:—святая Русь, мужиковъ—не мужикъ, а мужиковъ, непременно,—народъ—сфинксъ, великій молчальникъ и прочее. Весь арсеналъ загадочныхъ и слащавыхъ словъ... Неужели это до сихъ поръ продолжается?—съ тѣмъ же брезгливымъ отгнѣвомъ докончилъ онъ.

Она смотрѣла на него испуганно, жалостливо.

„Такъ вотъ онъ какой!“—мелькало у нея въ умѣ.

— Отчего не говорятъ про себя англичане: святая Великобританія? фермерчикъ—вмѣсто фермеръ и тому подобное? Потому что это было бы смѣшно и... глупо. Притворная слащавость идетъ всегда рядомъ съ безсиліемъ, безволіемъ. Почему государство, народъ могутъ быть святыми, когда оба могутъ совершать много преступленій и мерзостей? Почему мужичокъ, а не мужикъ? Почему именно сфинксъ? Это скучно, и я всегда зѣвалъ, когда мнѣ доводилось читать эти народническія фальшивыя книжки. Но я, кажется, васъ обидѣлъ? У васъ такой обиженный и печальный видъ...

Она не сразу отвѣтила, собираясь съ духомъ.

— Если хотите, да,—наконецъ, сказала она, почувствовать свободу, потому что отецъ ея ушелъ далеко отъ нихъ въ поле.

Они медленно пошли за нимъ.

Онъ видимо скучалъ и шелъ медленно, сбивая палкой попадавшіяся ему травы.

— Да, — продолжала она, — мнѣ обидно это слышать. Я люблю Россію, люблю этотъ народъ. Больно, когда обижаютъ любимое. Надо сердцемъ понять этотъ народъ...

— Почему именно сердцемъ? — перебилъ онъ ее. — Почему всѣ другіе народы постигаются умомъ, а нашъ—сердцемъ?

— Я не знаю...—не наплась она.—Вѣроятно, потому, что другіе народы не такъ обездолены. Да и вообще, я думаю, любить можно сердцемъ, а не умомъ. Вотъ Трофимъ Сула... онъ грубъ, мраченъ, суровъ, это правда. Онъ производитъ несимпатичное впечатлѣніе, но сила его душевная велика. На него обрушилось величайшее горе, но онъ не упалъ, не спился, онъ стоитъ по прежнему крѣпокъ и могучъ, какъ дубъ.

— Какое несчастье?

— Его сына убила въ экономіи Колодищева паровая машина. Жена его умерла отъ тифа, который ходилъ здѣсь годъ тому назадъ. Онъ остался бобылемъ. Онъ былъ крѣпкій мужикъ —и несчастье это не подкосило его. „На все Божья воля“ — вотъ девизъ ихъ всѣхъ. Нынче, за недоимки, продали его избу. Повятно, онъ ненавидитъ и паровыя машины, и помѣщиковъ, которые ихъ заводятъ, и становыхъ...

— Скучность ума!—сказалъ Будаевъ.—Неумѣнье разобраться въ явленіяхъ жизни. При чемъ же тутъ машины и помѣщики? Несчастный случай—не больше, и притомъ самый обыкновенный.

— Чтобы такъ рассуждать, надо быть развитымъ человекомъ. Откуда же имъ взять это развитие?

— Вотъ народники лучше бы и развивали ихъ, чѣмъ бить передъ ними земные поклоны.

— Никакое ученье не пойдетъ на голодное брюхо,—рѣзко и грубовато сказала она.—Сначала надо накормить человѣка, а потомъ учить его.

Они замолчали.

— Этотъ Сула, кажется, вамъ очень по душѣ? — спросилъ Будаевъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Очень. Я люблю его и уважаю за твердость его духа.

— Этого мужика?—проговорилъ Будаевъ.—Вы возводите его въ герои?

Въ его вопросѣ былъ презрительный тонъ.

Глаза ея сверкнули, и она твердо отвѣтила:

— Да, этого мужика. У него могли бы поучиться многие наши интеллигенты. Когда я была маленькой и упала въ воду подъ мельничное колесо, онъ спасъ меня съ опасностью жизни. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ, и я этого никогда не забуду. То-есть, того самозабвенія, той святой простоты, съ которою онъ это сдѣлалъ. Отецъ рассказывалъ, какъ онъ диво на него посмотрѣлъ, когда онъ ему предложилъ вознагражденіе за подвигъ. „Свѣчу поставь въ храмъ, а мнѣ ничего не надо за ея душу“,—сказалъ онъ, и въ этихъ словахъ—все его величіе.

Они подошли къ Тормилову.

Управляющій сталъ объяснять Будаеву систему хозяйства, которую онъ завелъ на этихъ поляхъ, но Будаевъ слушалъ молча, разсѣянно, скучая и видимо ничего не понимая. Онъ имѣлъ видъ настоящаго городского жителя, никогда не выѣзжавшаго изъ каменныхъ улицъ и не умѣвшаго отличить колоса ржи отъ тимоеевоы травы.

Въ концѣ концовъ, Тормиловъ сконфуженно умолкъ, и всѣ отправились къ экипажу, чтобы продолжать путь.

Митрій и Терентій все еще стояли у межи и теперь разсматривали съ видимымъ наслажденіемъ экипажъ.

Они щупали колеса, постукивали пальцами по бузову и вздыхали.

— Знатная штука!—воскликали они по очереди.

— Хату продай, поди и тѣмъ не укупишь. Нѣтъ, не укупишь!—вздыхалъ Митрій.

— Гдѣ ужъ?—подтвердилъ Терентій.

Увидя господъ, оба, ни слова не прибавивъ, повернули къ селу и пошли.

Теперь экипажъ везъ ихъ къ лѣсу.

Всѣ молчали, чувствуя какую-то неловкость, несвободу.

Тормиловъ ясно видѣлъ, что ничѣмъ не заинтересуетъ по-

мѣщика, который, очевидно, твердо рѣшилъ рано или поздно разстаться съ Будаевкой, несмотря ни на какіе доводы.

Все равно, если это не случится сейчасъ, то случится позже, черезъ годъ.

Это его искренно огорчало. Онъ никакъ не могъ себѣ представить, что ему придется навсегда покинуть это излюбленное старое гнѣздо.

Вѣра чувствовала разочарованіе и неловкость. Судя по вчерашнему, Будаевъ рисовался ей прекраснымъ, простымъ, даже душевнымъ человѣкомъ — такъ говорилъ онъ съ ней искренно просто, любезно. Сегодня онъ казался уже ей черствымъ эгоистомъ, напускающимъ на себя простоту, какъ манеру свѣтскаго человѣка.

Будаевъ приглядывался къ обоемъ, и ихъ то угрюмый, то блаженный, при видѣ полей и рощъ, видъ нѣсколько раздражалъ его.

Но такъ какъ молчать всю дорогу было неловко, то онъ заговорилъ:

— Не сердитесь на меня, Вѣра Дмитриевна...

Тормиловъ съ испугомъ взглянулъ на дочь.

„Опять что-нибудь наговорила! — подумалъ онъ: — вѣдь этакая у нея горячая голова“.

— За что? — удивилась она.

Будаевъ шутливо обратился къ ея отцу:

— Я непочтительно отнесся къ любимцу Вѣры Дмитриевны.

— Къ Трофиму Сулѣ, — пояснила она отцу, улыбувшись и готовая уже все простить Будаеву.

— Грубый мужикъ! — проговорилъ Тормиловъ, не зная, чью сторону взять.

Она вспыхнула.

— Зачѣмъ ты говоришь такъ? — рѣзко сказала она. — Зачѣмъ ты неискренень? Вѣдь ты самъ его очень любишь?

Тормиловъ смутился.

— Ну, да... положимъ. Но это не мѣшаетъ ему быть грубымъ и дерзкимъ.

— Вѣра Дмитриевна, — съ своей обычной усмѣшкой началъ Будаевъ, и невозможно было понять говорить онъ искренно или съ ироніей: — вы отличаетесь, какъ я вижу, нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ. Можно любить человѣка и сознавать его недостатки. Не правда ли? И можно не любить того, что вы любите, и быть все-таки „хорошимъ“ человѣкомъ? Или нельзя?

— Конечно можно, — сказала она. — Но нельзя не любить родины и свой народъ. Нельзя! — съ убѣжденіемъ подтвердила она.

Тормиловъ незамѣтно тронулъ ногой ея ногу.

„Да угомонись ты, ради Бога!“ — досадливо подумаль онъ.

— Свою родину! свой народъ! — повторилъ Будаевъ. — Полноте, пожалуйста. Все это — слова. И слова, которыя меньше всего относятся ко мнѣ.

— Но вѣдь вы же русскій, русскій! — съ возмущеніемъ вскрикнула она.

— Право, не знаю, — тихо отвѣтилъ Будаевъ, и Вѣрѣ чудилось, что въ его голосѣ проскользнула, крадучись, грустная нотка. — Отецъ мой русскій, я — православный, это вѣрно. Но я человѣкъ безъ отечества. Я такъ же говорю по-англійски, какъ по-русски; ни въ православную, ни въ англиканскую церковь я не хожу, къ этому я поворно равнодушенъ. Но воскресенья соблюдаю по-англійски, свято. И вообще у меня привычки англійскія, которыя перешли ко мнѣ отъ матери-англичанки. Вы знаете, въ Лондонѣ, въ Сити, есть церковь Bow-Bells Church... Кто родится въ домѣ, въ которомъ слышится звонъ колокола этой церкви, только тотъ считается у англичанъ истымъ, настоящимъ, прирожденнымъ лондонцемъ. Я родился именно подъ звуки этого колокола, въ Сити, гдѣ у матери моей былъ домъ. Такъ какой же я русскій? Но иногда... признаніе это, мнѣ кажется, понравится вамъ... — шутливо произнесъ онъ, — мнѣ вдругъ дѣлается невыносимо тоскливо въ Лондонѣ, и мнѣ противны дѣлаются эти Picadilly, Regent-Street'ы и народъ, который по нимъ ходитъ. Какая-то тоска овладѣваетъ мною и меня куда-то тянетъ.

— Это голосъ отчизны просыпается въ вашей душѣ, — серьезно сказала она.

— Вы имѣете склонность къ поэзіи, — неопредѣленно проговорилъ Будаевъ и продолжалъ, тоже въ серьезномъ тонѣ: — Можетъ быть. И мнѣ кажется, что это было однимъ изъ стимуловъ, который побудилъ меня, наконецъ, сдаться на увѣщанія Дмитрія Александровича и пріѣхать сюда. Ну и что же? Я здѣсь чувствую тоску по Лондону, по Европѣ. Мнѣ все здѣсь чуждо и странно, и мало симпатично, по крайней мѣрѣ за эти два дня, что я здѣсь и за эту почти недѣлю, что я въ Россіи.

Онъ почувствовалъ неловкость и сейчасъ же поправился.

— Еслибы я не встрѣтилъ такихъ милыхъ людей, какъ вы и вашъ батюшка, я, кажется, завтра уѣхалъ бы отсюда.

Вѣра благодарно ему улыбнулась, Тормиловъ смущенно про-
бормоталъ что-то.

— Такъ вотъ, — продолжалъ Будаевъ, — не требуйте отъ меня какой-то пылкой любви къ Россіи, которая мнѣ чужда, непонятна, далека отъ меня. Да еще такъ, вдругъ, сразу!.. Дайте привыкнуть.

Я—международный человѣкъ, признаю—типъ самый несимпатичный для нашего времени, но типъ будущаго. Я человѣкъ безъ родины. Я думаю, впрочѣмъ, что въ будущемъ всѣ будутъ международны,—о, въ далекомъ будущемъ, конечно, и самыя понятія о патриотизмѣ исчезнутъ съ лица земли.

— Когда это будетъ?—съ недоумѣніемъ спросила Вѣра, которая до сихъ поръ никогда не слыхала такихъ рѣчей и которой показалось въ нихъ что-то новое и интересное.

— Я не знаю,—отвѣтилъ онъ.—По всей вѣроятности, когда не будетъ „ни элинъ, ни іудей“, ни язычникъ, а можетъ быть тогда, когда всѣ люди будутъ братья, какъ училъ Христосъ и желалъ этого.

— Не знаю,—вдумчиво взглянувъ на Будаева, сказала Вѣра, и ему въ эту минуту очень понравились ея глаза. — Можетъ быть, вы и правы, а я не права, но когда еще это будетъ! А пока... человѣкъ безъ родины мнѣ кажется страннымъ явленіемъ... страннымъ и страшнымъ... какъ человѣкъ безъ тѣни! Знаете вы эту сказку?

Онъ засмѣялся, и въ его смѣхѣ было что-то холодное, жестовое.

— Знаю,—сказалъ онъ.—Я говорю, что вы поэтъ. У васъ все такія поэтическія сравненія. Позвольте и мнѣ вступить на этотъ путь. Я „человѣкъ безъ тѣни“,—пусть. А вы знаете, кого вы мнѣ напоминаете?

— Кого?

— У насъ, въ Лондонѣ, на „Empire-театрѣ“ давали балетъ „Коппелія, или дѣвушка съ эмалевыми глазами“. Вотъ вы напоминаете мнѣ дѣвушку съ эмалевыми глазами. У васъ такіе загадочные глаза. Въ нихъ свѣтилась жизнь только когда старикъ Коппеліусъ гипнотизировалъ ихъ. Въ вашихъ глазахъ вспыхиваетъ жизнь, когда вы говорите о Россіи и „мужичкахъ“. Россія—вашъ Коппеліусъ. Въ остальное время глаза ваши точно покрыты непроницаемой эмалью. Я готовъ найти въ вашихъ глазахъ загадочность, но не заставляйте меня находить эту загадочность въ вашихъ „мужичкахъ“. Вы видите,—во мнѣ говорить славянская кровь...

— Почему?

— Какъ только я попалъ въ загадочную страну, я заговорилъ о загадочности и готовъ ее видѣть тамъ, гдѣ, можетъ быть, ея и нѣтъ на самомъ дѣлѣ...

Вѣра насупилась.

Ей вдругъ не понравился этотъ игривый тонъ Будаева, который, по ея мнѣнію, не шелъ къ нему и котораго она отъ него не ожидала.

— Здѣсь есть нѣкто гораздо болѣе похожій на дѣвушку съ эмалевыми глазами, — сухо вато сказала она.

— Да? — удивляясь переменѣ ея настроенія, спросилъ Будаевъ. — Кто же это?

— Евгенія Львовна Скуридина.

— Ахъ, Женя Скуридина...

„Почему Женя?“ — подумала Вѣра, но ничего не сказала.

— Почему же она похожа на дѣвушку съ эмалевыми глазами?

— Потому что Коппелія была вѣдь, кажется, куклой?

Наступило неловкое молчаніе.

Тормиловъ возмущился и злобно уставился на дочь.

Будаевъ замолчалъ и не оправдывался въ своемъ неудачномъ сравненіи. Вѣра сама нашла свою выходку рѣзкой и неумѣстной.

Удивительно, какъ она не умѣла говорить съ этимъ человекомъ! Они знакомы всего два дня, а уже нѣсколько разъ у нихъ выходили неловкія столкновенія.

Смутно сознавала она свою беспомощность, свое неумѣнье держать себя съ свѣтскими людьми.

Вѣдь въ его сравненіи ея съ куклой, конечно, не было и не могло быть ничего оскорбительнаго. Напротивъ, онъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что она — красавица.

Но она привыкла къ ординарнымъ разговорамъ Вавакина, Крыжова и другихъ, въ рѣзкихъ выходкахъ Сазанова, въ рѣчамъ крестьянъ.

Откуда ей взять этотъ легкій тонъ безцѣльной и свѣтской болтовни, въ которой полагается говорить вовсе не то, что думаешь, а все, что подвернется на языкъ, лишь бы это было красиво и не тяжеловѣсно?..

Экипажъ остановился у опушки лѣса, и всѣ вышли изъ тарантаса.

Тормиловъ сталъ опять объяснять Будаеву свои хозяйственныя соображенія: сколько десятинъ занимаетъ лѣсъ, какихъ породъ деревья, сколько можно опредѣлить на срубъ, сколько въ годъ продается бурелома и отжившаго лѣса.

Будаевъ слушалъ опять молча, сосредоточенно, на этотъ разъ стараясь понять. Неловкость еще не совсѣмъ прошла въ немъ.

Иногда онъ задавалъ наивные, въ хозяйственномъ смыслѣ, вопросы, чѣмъ приводилъ въ смущеніе Тормилова и въ досадливое настроеніе Вѣру, которая кое-что понимала въ хозяйствѣ, въ особенности въ лѣсномъ, потому что обожала лѣсъ.

Они пошли по лѣсной тропѣ.

Будаевъ счелъ нужнымъ возстановить прежнія отношенія.

— Скажите, — спросилъ онъ у Вѣры: — вы не скучаете здѣсь зимою? У васъ есть общество? Есть близкіе люди?

— Общество есть, но для меня мало интересное. Это папины винтѣры. Врачъ Вавакинъ, который боится микробовъ, питаетъ нѣжную страсть ко мнѣ и къ коньяку и вслѣдствіи уклоняется отъ леченія; тѣмъ не менѣе, любитъ поговорить при случаѣ о честности. Потомъ исправникъ Крыжовъ — совершенно безцвѣтная личность, nepозволительно обращающійся съ мужиками, и Сазановъ, конекъ котораго — „правда“, всѣмъ намъ ужасно надоѣвшая. Вотъ и все. Есть сосѣди: вотъ теперь Скуридины, но ихъ никогда не бываетъ въ имѣнныя — это рѣдкій случай. Колодищевъ еще. Его очень рѣдко вижу. Онъ очень занятъ хозяйствомъ и дѣлами. Чудный, исключительный человекъ. Но это все гости папы. Я же провожу время одна. Тѣмъ, сплю, много хожу, еще больше читаю. Хожу въ село, гдѣ у меня много знакомыхъ мужичковъ, простите... мужиковъ.

— И между ними — вашъ другъ Сула?

— И между ними мой другъ Сула.

— Вы ведете созерцательную жизнь, — сказалъ Будаевъ, — и теперь мнѣ многое выясняется. Но неужели же вамъ никогда не хотѣлось вырваться отсюда, освѣжиться, повидать свѣтъ и людей?

— Нѣтъ, никогда. Зачѣмъ? Люди вездѣ, я думаю, болѣе или менѣе одинаковы, а освѣжаться, какъ вы говорите, я не чувствую потребности.

— Почему?

— Я не чувствую духоты, затхлости, чтобы явилось желаніе освѣжаться. Я считаю, что здѣсь-то и есть свѣжій воздухъ. Зачѣмъ и куда я поѣду искать его?

Будаевъ ничего не отвѣтилъ, но она продолжала:

— Запросы отъ жизни у меня самые ограниченныя... Что же дѣлать! Я здѣсь родилась, здѣсь умру. Если даже тамъ, за этой синей далью, лучше, — зачѣмъ я буду узнавать это лучшее? Чтобы отравить себѣ существованіе, вернувшись сюда? Я вовсе не хочу этого. И потомъ, возьмите растение, привыкшее къ извѣстной почвѣ и климату, и пересадите его на новую почву и подъ другое небо — оно зачахнетъ.

Будаевъ задумчиво проговорилъ:

— Да, власть родины, должно быть, ужасная власть. Человекъ, какъ дерево, пускаетъ въ землю корни. Всякіе корни — рабство. Это цѣпи, приковывающія человеческую душу. Въ концѣ концовъ, эти цѣпи дѣлаются сладкими, какъ и тѣ рабскіе инстинкты, которые они рождаютъ.

Вѣра быстро возразила:

— Боже мой! Чтò не рабство? Все рабство. Свѣтская жизнь тоже налагаетъ цѣпи. И какія! Вѣдь и любовь—рабство, и привязанность къ дѣтямъ, землѣ, дому, обстановкѣ—все это сковываетъ, все „привязываетъ“, все дѣлаетъ рабомъ. Но не дай Богъ быть свободнымъ какъ вѣтеръ и не носить на себѣ ни одной изъ этихъ цѣпей! Тогда человекъ теряетъ все человѣческое и превращается въ ничто... въ... я не знаю, какъ сказать!

— Въ формулу?

— Да, именно, въ отвлеченную формулу. Въ тѣнь... или, лучше, въ существо безъ тѣни.

— Вотъ мы и опять пришли къ этому...

— Да, опять, — грустно согласилась она и посмотрѣла на него своими эмалевыми глазами, въ которыхъ засвѣтился и погасъ огонекъ глубокой жалости.

Солнце быстро садилось за лѣсной прогалиной и окрашивало густымъ вишневымъ цвѣтомъ и тропу, и стволы деревьевъ.

Пора было возвращаться домой.

Прогулка оказалась очень долгой и никто не рассчиталъ времени.

Сильно запоздали къ обѣду.

Когда экипажъ подъѣзжалъ къ усадьбѣ, надвигался уже на Будаевку вечеръ. Тучи скопились на небѣ и заняли большую его часть.

Зарницы вспыхивали и потухали вдали, за чернымъ силуэтомъ рощи. На мгновение становилось свѣтло на небѣ, гдѣ неожиданно отрывались тучи, какъ будто съ жгучимъ любопытствомъ столпившіяся у открывшейся двери, чтобы заглянуть, чтò дѣлается на землѣ.

Потомъ и земля, и тучи, и рощи—все исчезало, точно въ океанѣ черниль.

Уже не было душно, какъ днемъ.

Въ воздухѣ запахло землею, какъ пахнетъ иногда сыростью отъ кучи земли, вырытой изъ свѣжей могилы на кладбищѣ. И еще пахло отъ рощи молодой зеленью, и въ этомъ запахѣ было что-то сложное: медь, смола, странный ароматъ земли. Въ общемъ все это давало то тонкое благоуханіе весны, которое не поддается точному опредѣленію, но несомнѣнно чувствуется.

Вѣра полной грудью вдыхала въ себя этотъ воздухъ.

— Какой вечеръ, какая весна! — проговорила она въ полголоса. — Я думаю, нигдѣ не бываетъ такого запаха весною, какъ у насъ. И нигдѣ не можетъ быть такой очаровательной природы. Она ни къ кому не обращалась съ этимъ замѣчаніемъ,

какъ бы проговоривъ его для себя, для проверки своихъ собственныхъ чувствъ, и ея спутники промолчали.

Только Будаевъ улыбнулся своей полу-иронической улыбкой. Но было уже почти темно, и она не видала этой улыбки.

IX.

Будаевъ сидѣлъ на террасѣ и читалъ англійскій романъ.

Прошло уже нѣсколько дней со дня его приѣзда.

По усвоенной имъ издавна привычкѣ и воспитанію, онъ велъ здѣсь тотъ же режимъ, какимъ всегда жилъ за границей.

Утромъ онъ обливался холодной водой, дѣлалъ гимнастику, занимался дѣлами до завтрака; потомъ часъ или два читалъ, послѣ чего отправлялся на прогулку и бродилъ по окрестностямъ до полной усталости.

Онъ во дѣтства привыкъ ко всевозможнымъ физическимъ упражненіямъ, но здѣсь у него не было велосипеда и не доставало гребного спорта; поэтому онъ замѣнилъ все это утомительными прогулками.

Около семи часовъ подавался обѣдъ.

Послѣ обѣда и до чая онъ оставался на террасѣ и приглашалъ посидѣть съ нимъ Тормилова съ дочерью.

Большую же частью, въ теченіе цѣлаго дня, онъ оставался одинъ или же перекидывался нѣсколькими словами съ Джономъ.

Джонъ, повидимому, не скучалъ.

Онъ во всему приглядывался съ любопытствомъ, какъ будто попалъ въ какую-то фантастическую страну, гдѣ все его очень забавляло и удивляло. Больше же всего его удивляла одежда русскихъ мужиковъ и ихъ обувь. Лапти онъ разсматривалъ какъ величайшую рѣдкость, выграденную изъ какого-нибудь зала Британскаго музея. Удивляли его и штаны, и рубаха, одѣваемые на голое тѣло, и онъ никакъ не могъ себѣ усвоить, что это не нижнее бѣлье, а верхнее платье.

Такая „манера“ одѣваться казалась ему „shocking“, и онъ относился къ ней неодобрительно.

Онъ купилъ даже пару лаптей и попробовалъ ихъ одѣть, но тотчасъ же снялъ и спряталъ, какъ рѣдкость, въ сундукъ.

Съ будаевской прислугой онъ быстро сошелся, и они отлично стали понимать другъ друга; онъ даже удивлялся смѣтливости русскаго народа, и уже не опасался за изобрѣтенную имъ мимику.

Лавей Петръ, кухарка Агаѣя и горничная Даша прекрасно понимали, когда онъ просилъ „виски“, и твердо выучили это

слово; въ свою очередь онъ выучился правильно произносить слово „водка“.

Сидя за столомъ въ буфетной, онъ говорилъ по-англійски, мѣшая слова съ жестами и все болѣе и болѣе вырабатывая выразительную мимику лица; они говорили по-русски, и удивительно, что всѣ отлично понимали другъ друга и весело смѣялись.

Только людей въ „нижнемъ бѣльѣ“ почему-то не любилъ Джонъ и считалъ ихъ всѣхъ поголовно „бродягами“. Онъ даже, кажется, слегка боялся, когда деревенскіе мужики приходили въ усадьбу по какимъ-нибудь дѣламъ, и косо, недружелюбно смотрѣлъ на нихъ.

Особенное уваженіе у прислуги онъ заслужилъ своимъ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ воскресенью.

Въ этотъ день онъ отказывался отъ водки, ѣлъ сдержанно, почти ничего не говорилъ и читалъ, почти не отрываясь, Библію.

— Ишь вѣдь, басурманинъ, а тоже вѣдь христіанинъ! — искренно удивлялся Петръ.

— Извѣстно, поди, тоже въ Бога вѣруеть! — соглашалась Даша.

— И даже водки не глотаетъ въ божій день, — одобрительно поддерживала кухарка, — не то что наши мужики: какъ воскресенье, такъ безпремѣнно чтобы нализаться.

И уваженіе въ Джону росло и укрѣплялось.

Для Будаева дни проходили чрезвычайно однообразно и подходили одинъ на другой, какъ близнецы.

Сначала онъ испытывалъ скуку, какой-то страхъ передъ тѣмъ количествомъ времени, котораго всегда удивительно много оставалось впереди.

Но потомъ время пошло нѣсколько быстрѣе, въ особенности когда вечеромъ собирались вокругъ него Тормиловъ и Вѣра.

Его все больше и больше занимали разговоры Вѣры, ея сужденія и выводы.

Иногда онъ имъ удивлялся и задавалъ себѣ вопросъ, откуда могли выработаться такіе сложные взгляды у дѣвушки, прожившей до двадцати почти лѣтъ безвыѣздно въ усадьбѣ.

Но потомъ онъ узналъ, что это было не такъ, и что она блестяще кончила курсъ въ губернской женской гимназiи и много читала.

Одно время у нея даже было стремленіе отправиться въ Петербургъ, для довершенія образованія и поступленія на высшіе курсы.

Однако, эта мечта быстро прошла у нея, какъ-то сама собою. Ей жалко было оставить отца одного, да и кромѣ того

она рѣшила навсегда поселиться въ деревнѣ, которая вполне удовлетворяла ее во всѣхъ отношеніяхъ.

Это, какъ понялъ изъ ея разсказовъ Будаевъ, произошло вовсе не изъ ограниченности ея натуры; напротивъ, ея умъ былъ бодръ и дѣятеленъ, и она интересовалась всѣми вопросами жизни и многими изъ вопросовъ искусства. Обо всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся явленіяхъ текущаго времени она имѣла достаточно точныя и достаточно полныя свѣдѣнія и понятія.

Но натура ея была такъ же проста, какъ просты были ея потребности. Жизнь въ городѣ казалась ей чрезвычайно сложной, обремененной совершенно лишними, ни къ чему ненужными условностями, только стѣсняющими человѣка, который, по ея мнѣнію, прежде всего долженъ быть простъ, чтобъ сохранить свободу своего духа.

И когда отецъ съ дочерью уходили, Будаевъ чувствовалъ такое состояніе, какъ будто его убаюкали, загипнотизировали мощными, тихими, простыми рѣчами, какъ гипнотизируетъ въ дѣтствѣ несложная, однотонная пѣсенка няньки.

Тихіе голоса, спокойныя рѣчи, простыя слова, ничего лишняго, ничего прянаго, ничего волнующаго. Все въ какихъ-то полутонахъ, полунастроеніяхъ. Таковы здѣсь люди.

Но такова и природа.

Вокругъ тишина; только роца, волнуемая иногда тихимъ вечернимъ вѣтеркомъ, шелеститъ и нашептываетъ какія-то непонятныя рѣчи; и шопотъ ея такой же однотонный, таковой же баюкающій, какъ и людскія рѣчи.

Въ особенности поражала Будаева сельская природа, когда онъ выходилъ вечеромъ въ поля.

Безконечныя поля подъ безконечнымъ звѣзднымъ пологомъ неба; темно-синія безмолвныя дали. Ни голоса, ни звука, ни пѣсни. Какая-то мягкая симфонія тишины.

Иногда отъ нея жутко дѣлается, но иногда въ душу льется мягкій покой, вызывающій усыпленіе.

Развѣ здѣсь можно страдать бессонницей, когда все клонить, зоветь ко сну? Когда надынешься этимъ воздухомъ, — кажется, будто наглотался опиума, или что въ воздухѣ разлито какое-то снотворное средство.

И онъ чувствовалъ, какъ эта тишина, это безмолвное небо, эти недвижимые въ вѣчномъ покоѣ поля окутываютъ, обволакиваютъ, засасываютъ его, и какъ силы его убываютъ, и какъ онъ привыкаетъ къ этой непривычной ему жизни.

Это новое настроеніе казалось ему забавнымъ, и онъ съ

любопытствомъ и изумленіемъ, точно исподтишка, приглядывался и прислушивался къ нему.

Съ удивленіемъ чувствовалъ онъ, что мало-по-малу охлаждаетъ къ физическимъ упражненіямъ, къ гимнастическимъ и ходьбѣ.

Бывали минуты, когда, казалось бы, никакая сила не въ состояніи его поднять съ кресла. Ему было лѣнь двигаться, лѣнь думать, лѣнь желать.

Случись это съ нимъ въ Лондонѣ, онъ бы просто испугался и пошелъ къ доктору, потому что это показалось бы неестественнымъ; здѣсь это казалось ему въ порядкѣ вещей, и онъ этого не боялся, потому что, во всякомъ случаѣ, былъ твердо увѣренъ, что скоро настанетъ день, когда онъ энергичнымъ движеніемъ стряхнетъ съ себя все это навожденіе и покинетъ эту мягкую пуховую постель, которая называется Будаевкой и годится, какъ ему казалось, для расслабленныхъ натуръ или для выздоравливающихъ больныхъ, но не для людей, полныхъ энергіи и жажды жизни.

Таеъ думалъ онъ, сидя на террасѣ.

Горничная Даша доложила ему, что пріѣхалъ Колодищевъ съ визитомъ.

Колодищевъ вошелъ на террасу.

Это былъ мужчина высокаго роста, прекраснаго сложенія. Одѣтъ онъ былъ въ чечунчовый костюмъ, англійскаго покроя, отлично сшитый, прекрасно на немъ сидѣвшій. Но сорочка на Колодищевѣ была не крахмальная, а мягкая, шелковая, что, впрочемъ, страннымъ образомъ нисколько не нарушало его внѣшней элегантности.

Казалось, это происходило отъ того, что онъ умѣлъ какъ-то носить костюмъ и къ его фигурѣ рѣшительно все бы шло, что бы онъ ни надѣлъ.

На ногахъ у него были высокіе сапоги, а въ рукахъ онъ держалъ соломенную шляпу.

Жесты его были широки, пластичны, благородны, и въ нихъ сказывалось его происхожденіе. Голосъ звучалъ низкими „барскими“ нотами; лицѣ его было красиво, и суровое выраженіе сѣрыхъ глазъ подъ густыми черными бровями очень шло къ этому лицу, дышавшему силой и мужествомъ, какъ и вся его фигура. Небольшая борода съ начавшейся просѣдью и расчесанные довольно длинныя усы, слегка приподнятыя по краямъ кверху, придавали ему Мефистофелевское выраженіе.

— Я недавно узналъ, что вы пріѣхали, — представившись и поздоровавшись, сказалъ онъ, — и рѣшилъ навѣстить васъ.

— Я очень радъ этому, — искренно отвѣтилъ Будаевъ, крѣпко

пожавъ ему руку.—Я чувствую себя точно въ монастырѣ и все никакъ не могу собраться навѣстить сосѣдей.

— Скучаете?—спросилъ Колодищевъ.—Городскому жителю здѣсь не ужиться долго, если онъ не имѣетъ твердаго намѣренія разъ навсегда поселиться здѣсь.

— А вы постоянно здѣсь живете?

— У меня имѣнье.

— Какъ же, я знаю. Чуть ли не самое большое въ губерніи.

— Да. И я живу здѣсь почти безвыѣздно. Впрочемъ, осенью, разъ въ два-три года на нѣсколько мѣсяцевъ уѣзжаю за границу, куда-нибудь на воды полечиться. Я не скучаю, я привыкъ.

— И давно вы поселились здѣсь?

— Давно. Пріѣхалъ я какъ-то весной, передъ поѣздой за границу; откладывалъ поѣзду со дня на день, да такъ и не поѣхалъ. Незамѣтно подошла осень, и мнѣ нигуда не хотѣлось двинуться съ мѣста. Такъ и остался. Къ слѣдующей веснѣ приказалъ все распродать въ Петербургѣ, кое-какую мебель и цѣнные вещи перевезти сюда, да такъ вотъ и зажилъ.

— Вы говорите страшныя вещи!—сказалъ Будаевъ.

Колодищевъ засмѣялся.

— Почему страшныя?

И оба вдругъ почувствовали необъяснимую симпатію другъ къ другу.

— А вдругъ этакая метаморфоза со мною можетъ случиться?—сказалъ Будаевъ.—Но я вовсе не хочу этого.

— Съ вами это никогда не случится.

— Почему?

— Потому что вы, какъ я знаю, родились въ городѣ, да еще за границей. У васъ нѣтъ связей съ родиной; нѣтъ тѣхъ незамѣтныхъ нитей, которыя съ лѣтами крѣпчаютъ и привязываютъ васъ въ мѣсту рожденія, гдѣ протекло все ваше дѣтство. Я—какъ разъ наоборотъ. Я родился здѣсь, здѣсь получилъ всѣ первыя впечатлѣнія отроческаго возраста. Я только воспитывался и служилъ въ Петербургѣ. Здѣсь—все мнѣ близко и дорого. И вотъ я вернулся сюда. Мнѣ сорокъ-пять лѣтъ. Это таковъ возрастъ, когда блага городской жизни кажутся дешевымъ обманомъ и когда начинается у человѣка соверпательное настроеніе *par excellence*. У одного, конечно, позже, у другого раньше. Но это неизбѣжно. Жизнь природы—отличный врачъ, куда лучше нашего Вавалина. Вы не знаете его?

— Нѣтъ, еще не познакомился.

— Типъ. Влюбленъ въ дочь вашего управляющаго и, кажется, твердо рѣшилъ на ней жениться.

— Вотъ какъ! А она? Кстати, что это за дѣвушка? Я недавно съ ней познакомился и не успѣлъ разгадать ее.

Колодищевъ засмѣялся.

— Ее и разгадывать нечего. Прекрасная, здоровая, простая натура. Очень несложная, но это не значитъ, что ограниченная. Вполнѣ русская дѣвушка, не городская конечно, а именно такая, какая можетъ только вырасти на здоровой деревенской почвѣ. Однимъ словомъ, у нея очень много общаго со мною, и на этомъ единственномъ основаніи Вавакинъ въ свои частыя нетрезвыя минуты ревнуетъ ее ко мнѣ.

Будаевъ внимательно посмотрѣлъ на Колодищева.

Колодищевъ говорилъ съ нимъ ясно, просто, не стѣсняясь, какъ будто зналъ его не эти десять минутъ, а давнымъ-давно, цѣлые годы.

— Безъ всякихъ основаній, конечно!—разрѣшилъ себѣ этотъ вопросъ Будаевъ.

— Ну, конечно!—смѣясь, отвѣтилъ Колодищевъ.—Какія же основанія? Я ее очень люблю, это вѣрно, но какъ братъ можетъ любить сестру, потому что души у насъ родственныя и вкусы одинаковы. Мы оба любимъ деревню и мужичковъ и болѣемъ ихъ нуждами.

„Мужичковъ,—подумалъ Будаевъ:—совсѣмъ какъ она“.

— Но любить что-нибудь сообща,—продолжалъ Колодищевъ,—совсѣмъ не значитъ любить другъ друга. Я уже пережилъ тотъ возрастъ, когда легко влюбляются въ молоденькихъ дѣвушекъ. А она несомнѣнно въ томъ возрастѣ, когда влюбляются, чего и желаю ей отъ души, только положительно не знаю, какъ это осуществится... Здѣсь все такіе неинтересные мужчины. А женихъ, кажется, одинъ Вавакинъ, да и тотъ нигуда не годится.

— Вы очень заняты въ имѣньи?—спросилъ Будаевъ.

— Очень—и мнѣ некогда скучать.

— Но что вы дѣлаете?

— Какъ что? Все. Встаю рано, слѣжу за работами. У меня паровыя молотилки и всякія другія машины. Потомъ, обойдя службы, объѣздивъ полевые работы, лечу мужиковъ, отъ воторыхъ нѣтъ отбою.

— Вы развѣ врачъ по профессіи?

— Ничуть. Врачъ по профессіи Вавакинъ, но онъ не лечитъ, отсталъ. А я не врачъ—и лечу. Что же дѣлать? Пришлось выписать книжки и знакомиться съ элементарной медициной. У меня аптека, воторою я самъ завѣдую. Практикой и опытомъ достигаю, большею частью, хорошихъ результатовъ, и, право,

такъ навострился, что могу лечить даже довольно сложныя болѣзни. Вавакинъ состоитъ врачомъ моей экономіи, и я ему плачу деньги. Неловко смѣнить его, разъ онъ считается земскимъ врачомъ. Но мужички ему не вѣрятъ и обходятъ его.

— Я видалъ кое-кого изъ здѣшнихъ мужиковъ.

— И какое они произвели на васъ впечатлѣніе? — съ живостью спросилъ Колодищевъ.

— Самое неблагоприятное, — откровенно сознался Будаевъ.

— Почему? — серьезно взглянувъ ему въ глаза, спросилъ гость.

— Это какіе-то дивари, — отвѣтилъ Будаевъ, — по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть. Они разсуждали о какомъ-то червѣ. Богъ знаетъ, что они только говорили. А еще одинъ какой-то Сула, — котораго, повидимому, особенно уважаетъ м-ше Тормилова, — такъ это прямо какой-то разбойникъ.

При имени Сулы лицо Колодищева нахмурилось, потому взоръ его сдѣлался грустнымъ.

— Да, — медленно произнесъ онъ: — темный народъ нашъ мужикъ! И всѣ его обвиняютъ въ невѣжествѣ, въ звѣрствѣ, во тьмѣ. Но гораздо темнѣе его тѣ, кто держитъ его въ этой тьмѣ. Я знаю, — съ живостью сказалъ онъ, — Вѣра Дмитріевна очень любитъ этого Сулу, про котораго вы говорите. Въ ея глазахъ это герой, способный на безкорыстный подвигъ. Это, можетъ быть, такъ и есть. Это мужикъ-философъ; кромѣ того, онъ озлобленъ...

— Она говорила мнѣ о несчастіи, которое случилось съ его близкими у васъ.

— Да... — тяжело вздохнувъ, сказалъ Колодищевъ. — Что же дѣлать! Сами они всегда въ этомъ виноваты, потому что рѣшительно не берегутся и не щадятъ своей жизни. Но главная вина — на насъ, не сдѣлавшихъ просвѣтить ихъ. Развѣ виновать ребеновъ, котораго близко подпустили къ паровой машинѣ, если она искрошитъ его? Но мы не можемъ обойтись безъ этихъ „дѣтей“, въ несчастью, и намъ не хватаетъ силъ и средствъ превратить этихъ дѣтей во взрослыхъ. Это — большая ошибка! Какъ будто мы боимся, что когда они выростутъ, то поймутъ наше безсиліе, и намъ тогда уже съ ними не справиться. Не въ этомъ ли секретъ пребыванія ихъ въ темнотѣ, противъ разсвѣнія которой никѣмъ ровно ничего не предпринимается? У меня есть школа и учительница. Но это дѣло плохо идетъ. Какъ учить, когда люди не доѣдаютъ?

„Опять слова Тормиловой“, — подумалъ Будаевъ.

— То же мнѣ говорила Вѣра Дмитріевна, — не утерпѣлъ онъ.

— Непремѣнно. Это вамъ скажетъ всякій, кто знакомъ съ нашей деревней и условіями ея существованія. И кромѣ того, мы съ Вѣрой Дмитриевной однихъ „политическихъ убѣжденій“, — засмѣялся онъ. — Я уже вамъ сказалъ это. А что мужики дики — такъ это вѣрно. На первый взглядъ — удивительный народъ: тѣмъ больше дѣлаешь имъ добра, тѣмъ они становятся подозрительнѣе. Уже больно у нихъ подорвана вѣра въ добро. Вездѣ они видятъ подвохъ и каверзу. Я ли для нихъ не стараюсь, искренно и безкорыстно, а они все мечутся, все волками смотрятъ. Сдѣлаешь какую-нибудь льготу, послабленіе, простишь долгъ, ссуду, анъ, гляди, ужъ онъ тебѣ на шею сѣдъ и никакъ не можетъ объяснить себѣ этой снисходительности добротой или сердечнымъ порывомъ, а только, молъ, тѣмъ, что колодищевскій баринъ „больно ужъ простъ“, что значить — просто шутъ. Ну, а какъ же съ дурака, не понимающаго своей пользы, не сорвать? И стараются сорвать. Вотъ тутъ-то и нужно отбросить всякую сентиментальность и показать свою силу и умъ. Ничего они такъ не уважаютъ, какъ силу и умъ. Слабость и простоту они рѣшительно не уважаютъ, хотя и стараются воспользоваться ими. Кто жъ себѣ врагъ!

Будаевъ слушалъ внимательно.

Колодищевъ, видя, что онъ заинтересовался, продолжалъ говорить. Это былъ его конекъ, на которомъ онъ могъ ѣздить сколько угодно, разъ засѣлъ на немъ.

Всѣ эти вопросы близко касались его, и онъ говорилъ о нихъ всегда съ увлеченіемъ.

— Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ запахалъ большой кусокъ моего поля. Я промолчалъ. Три года онъ продолжалъ имъ пользоваться. Наконецъ, я запротестовалъ. Но онъ уже вообразилъ, что это поле его, и ничего нельзя было подѣлать. Пришлось обратиться къ суду и силой отнять этотъ кусокъ. Въмѣсто благодарности за трехлѣтнее безвозмездное пользованіе — что же вы думаете? — онъ пригрозилъ меня „сжечь“.

— Какъ сжечь?

— Да такъ: подобраться ночью, да зажечь какую-нибудь постройку.

— Но вѣдь это ужасно!

— Ну, не такъ ужъ ужасно! Будемъ слѣдить. Впрочемъ, на первый взглядъ ужасно; нужно только понять, а когда поймешь — простишь. У нихъ нѣтъ представленія о чужихъ правахъ; они въ родѣ дикарей: — „у меня отнимутъ — зло, я отниму — добро“. Вотъ, напримѣръ, Сула считаетъ меня истиннымъ виновникомъ своего несчастья. И у него какъ-то инстинктивно выработался свой

особый философскій взглядъ: земля, какъ вода, какъ воздухъ, не можетъ принадлежать опредѣленному человѣку, личности, а есть общественное достояніе всего человѣчества... Понятно, онъ не такъ выражается, это только изложеніе. У него все это по-своему...

Будаевъ слушалъ Колодищева внимательно. Онъ любовался его мужественнымъ, красивымъ лицомъ, разгорѣвшимся взоромъ. Онъ чувствовалъ, что этотъ человѣкъ говорить съ увлеченіемъ и убѣжденіемъ.

Но въ своей душѣ онъ не находилъ настоящаго отклика на эти рѣчи.

Онъ оставался холоденъ и равнодушенъ, и въ первый разъ, можетъ быть, самъ удивился этому.

Неужели Тормилова права, что это происходитъ потому, что онъ— „человѣкъ безъ тѣни“?

И онъ прислушался къ тому, о чемъ говорилъ теперь его сосѣдь.

Очевидно, тотъ сдѣлалъ какой-то переходъ, потому что Будаевъ не могъ уловить связи.

Колодищевъ, между тѣмъ, говорилъ:

— То-и-дѣло слышишь теперь въ окрестностяхъ: такого-то помѣщика сожгли. Темный народъ, что и говорить! Но мы всѣ въ этомъ въ большей части виноваты. Они привыкли смотрѣть на насъ какъ на людей, которыхъ можно эксплуатировать. Какъ-то принесла ко мнѣ въ усадьбу баба своего ребенка, тщелушную дѣвочку. Кормить, говорить, нечѣмъ. Приказалъ—ежедневно отпускать ей молоко въ потребномъ количествѣ. Черезъ полгода приходитъ опять, и уже не просить униженно, какъ прежде, а требуетъ: „давалъ молоко, такъ ужъ и одѣнь дѣвчонку“. Одѣлъ. И даже приказалъ закупить и нашить всего въ прокъ. Опять приходитъ: „одѣлъ, такъ возьми ее совсѣмъ къ себѣ, пусть у тебя живетъ; выростетъ—служить будетъ, а ты за то, что я тебѣ ее отдала, выдавай мнѣ ежемѣсячно деньги“. Ну, конечно, я ее прогналъ.

X.

Къ завтраку собрались неожиданно гости.

Проѣзжалъ мимо усадьбы Крыжовъ и „счелъ долгомъ представиться нашему желанному гостю“.

Будаевъ принялъ его любезно и оставилъ завтракать.

Потомъ, вскорѣ послѣ Крыжова, явился Вавакинъ и тоже представился.

И онъ остался завтракать.

Будаевъ чувствовалъ себя нѣсколько растеряннымъ среди этихъ незнакомыхъ и чуждыхъ ему людей и интересовъ.

Колодищевъ, въ концѣ концовъ, нагналъ на него порядочную скуку своими длинными разсужденіями, но все-таки онъ былъ воспитаннымъ и свѣтскимъ человѣкомъ.

Остальные же показались Будаеву совсѣмъ странными.

Крыжовъ походилъ на цивилизованнаго военнаго писаря, очень гордящагося своимъ положеніемъ въ уѣздѣ.

Онъ былъ худъ, раздражителенъ отъ безконечной ѣзды на перекладной по деревнямъ и отъ вѣчныхъ ссоръ съ мужиками при „выколачиваньи“ недоимокъ.

Вавакинъ вошелъ въ угнетенномъ состояніи духа, что всегда бывало съ нимъ до завтрака.

Послѣ первой же рюмки водки, онъ неприлично крикнулъ отъ удовольствія, а потомъ, послѣ второй, совершенно повеселѣлъ и сталъ разговорчивъ.

Будаева поразилъ внѣшній его видъ и небрежность, съ которою онъ былъ одѣтъ.

Ради торжественнаго визита, онъ облачился въ какой-то черный куцый сюртукъ, который, очевидно, давно уже сталъ ему узокъ, а можетъ быть и былъ узокъ съ самаго начала.

При малѣйшемъ рѣзкомъ движеніи, сюртукъ этотъ трещалъ по всѣмъ швамъ и какъ-то удивительно хрустѣлъ, точно издавалъ стоны отъ боли.

Пристязной воротничокъ крахмальной сорочки постоянно вытѣзалъ у Вавакина изъ-подъ воротника сюртука, плохо прилаженный, неудобно сидѣвшій; Вавакинъ его поправлялъ безпрестанно, что дѣйствовало на нервы другихъ. Наконецъ, онъ его просто-на-просто отцѣпилъ и спряталъ въ карманъ, оставивъ свою толстую, какъ у вола, шею безъ всякаго украшенія.

Онъ былъ плотный, потный и коренастый, красный, потому что ему всегда было жарко. Узенькіе черные глаза его, точно коринки, обложенные тѣстомъ, выглядывали съ этого лица съ туповатымъ выраженіемъ, и онъ, освободившись отъ обязанности поправлять воротничокъ, безпрестанно теперь приводилъ въ порядокъ свои густые, сѣдоватые, непослушные волоса. Усы у него были въ беспорядкѣ, лѣзли ему въ ротъ, а жидкая бородавка его была некультурно-растрепана.

Крыжовъ, очевидно, обладалъ гастрическимъ расстройствомъ, потому что ѣлъ съ разборомъ, осторожно, счищая соусъ и вынимая мякишъ изъ хлѣба, довольствуясь одной коркой. Но кромѣ гастрическаго расстройства у него былъ еще хроническій на-

сморъ, потому что онъ тяжело дышалъ, а во время ѣды довольно неприлично сопѣлъ.

Колодищева оба они встрѣтили довольно странно. Крыжовъ— съ явно-выраженнымъ недоброежелательствомъ, которое онъ старался въ первыя минуты скрыть преувеличенной вѣжливостью.

Вавакинъ относился къ помѣщику съ какою-то дѣланной добродушной шутливостью.

Познакомившись съ Будаевымъ, оба сразу взяли развязный тонъ, въ которомъ чувствовалось провинціальное: „насъ-моль ничѣмъ не удивишь“, и „мы-моль сами не лыкомъ шиты“.

Вѣру все это ужасно коробило, а Тормиловъ сталъ вдвое безгласнѣе, чѣмъ бывалъ обыкновенно.

Будаевъ же былъ со всѣми очень любезенъ и корректно выдерживалъ роль хозяина, хотя все это свалилось на него довольно неожиданно, и онъ никакъ не рассчитывалъ на столь раннее открытіе сезона визитовъ.

— Ну, какъ вы нашли наши палестины? — спросилъ его Крыжовъ, и самъ же отвѣтилъ на свой вопросъ:— мѣста здѣсь хорошия, воздухъ легкій и климатъ ровный. Природа тоже хороша. Народишко плохъ. Въ этомъ съ грустью надобно сознаться.

И онъ тотчасъ же вызывающе посмотрѣлъ на Колодищева.

Такъ какъ Колодищевъ пропустилъ мимо ушей его слова, то онъ пожелалъ его вызвать на словесное состязаніе.

— Плохъ, говорю, народишко. Очень плохъ. Мнѣ, какъ администратору, это даже очень хорошо извѣстно. Нашъ уважаемый помѣщикъ Вадимъ Степановичъ, конечно, съ этимъ не согласенъ. Вѣдь вы не согласны, Вадимъ Степановичъ?

— Не согласенъ.

Крыжовъ усиленно засопѣлъ.

— Ну, конечно. Развѣ же я не знаю. И само собой— наговорили уже нашему любезному хозяину кучу чудесъ про нашего мужичка?

Будаевъ въ душѣ улыбнулся.

— А мужичокъ нашъ, — продолжалъ Крыжовъ, — просто дрянъ. Тупъ, неразвитъ, лѣвтъй, пьяница, просто можно сказать— шулеръ. А вы не находите, что онъ плохъ. Странно это, и даже обидно-съ.

Колодищевъ все молчалъ.

— Нѣтъ-съ, извините, — не отставалъ Крыжовъ, которому страстно хотѣлось завести разговоръ на эту тему, чтобы показать Будаеву, что онъ можетъ заинтересовать общество, — молчаніе ничего не доказываетъ. А вы докажете-съ обратное.

— Зачѣмъ?

— Для выясненія истины. Извините, я не даромъ завелъ этотъ разговоръ. Вопросъ, можно прямо сказать, животрепещущій по нашимъ мѣстамъ. И поводъ къ тому есть.

— Какой?

— Я не зря началъ этотъ разговоръ, Вадимъ Степановичъ. Не зря-съ. Вотъ вы на дняхъ опять внесли недѣлку за этого Трофима Сулу. Мужикъ лѣвтяй, и притомъ грубый лѣвтяй, не признающій никакихъ обязанностей съ своей стороны, просто, можно сказать—соціалистъ.

— Экъ, куда хватилъ! — прыснулъ Вавакинъ, только что опрокинувшій въ свой широкій ротъ рюмку коньяку и томно взглянувшій на Вѣру, потому что зналъ, что, защищая Сулу, сдѣлаетъ ей пріятное.

— Непремѣнно-съ соціалистъ. Такъ сказать, безсознательный, допускаю. Но это у него отъ испорченной природы. Вы не имѣете удовольствія знать этого субъекта?—спросилъ онъ Будаева.

— Имѣю.

— Какъ, уже познакомились?

— Нѣтъ, видѣлъ, мелькомъ.

— Нѣтъ-съ, а вы извольте познакомиться. Увѣренъ, будете моего мнѣнія. А вотъ Вадимъ Степановичъ не находятъ въ немъ ничего предосудительнаго и платятъ за него который разъ недѣлку. Это развратъ-съ. Мужикъ самъ долженъ работать. Это и я захочу ничего не дѣлать, а чтобы мнѣ шло жалованье. Всякій этого захочетъ. А вы говорите—не плохъ народъ.

Колодищевъ не выдержалъ.

— Не народъ плохъ, а вы все плохи.

— Ёто—мы?

— Администраторы. — И онъ пожелалъ подчеркнуть свою мысль.—Я не говорю о всѣхъ, а вотъ о такихъ, какъ вы, Аео-ній Петровичъ. А такихъ много.

— Такъ-съ. Чѣмъ же это мы такъ плохи? Про себя скажу, я стараюсь, и не чувствую себя плохимъ. Не имѣю повода-съ. И начальство меня отличаетъ.

— Ну, хватили!—пробормоталъ Вавакинъ. — Вы говорите: исправникъ, а помните, Сазановъ васъ назвалъ не исправникомъ, а хорохорящимся индюкомъ? Ей Богу, вы—индюкъ.

— Иванъ Михайлычъ!—остановила его Вѣра въ полголоса, и онъ покорно умогъ.

Но Крыжовъ не обидѣлся.

— Сазановъ—оригиналъ,—сказалъ онъ какъ бы въ поясненіе Будаеву:—и, можетъ быть, даже больше, чѣмъ оригиналъ. Отъ такого человѣка ничего не обидно. А вотъ отъ Вадима Степа-

новича обидно. Мы плохи! Всѣ мы плохи, а мужички—золото. Мы для нихъ стараемся, трудимся, съ перекладной не слѣзаемъ, все для нихъ дѣлается, а имъ все—мало!

— Что же для нихъ дѣлается?—спросилъ съ любопытствомъ Будаевъ.

— Все-съ!

— Нѣтъ, ужъ начали, такъ говорите,—сказалъ Колодищевъ.
— Все—это очень много, но что же именно?

— Извольте, я скажу, ежели вы сами не изволите припоминать, достоуважаемый Вадимъ Степановичъ. Начать хотя бы съ просвѣщенія. Общества трезвости работаютъ-съ. Губернская администрація работаетъ-съ. Земство работаетъ-съ. Всѣ заняты только мужичкомъ.

— А проку мало,—сказалъ Колодищевъ.

— Я же говорю: мужикъ плохъ. Вонъ, сколько денегъ идетъ для его развлечения и образованія. Какой народный театръ выкатили въ нашемъ губернскомъ городѣ, а плата за входъ—пятачокъ-съ; а тутъ у нихъ и драма, и пѣнье, и аудитория для лекцій, и фонографъ, и волшебный фонарь, и все-съ. Даже жалко такихъ денегъ. Университетъ-съ, одно слово!

Колодищевъ остановилъ его.

— Вотъ, кажется, въ первый разъ, что мы съ вами согласимся, Аеоній Петровичъ. Именно университетъ, и именно жалко бросаемыхъ на все это денегъ, которыя могли бы быть употреблены съ большей пользой. Но говорить объ этомъ не стѣбитъ. Всѣ увлечены народными театрами, и даже меня сочили бы за мрачнаго ретрограда, если бы я заговорилъ противъ нихъ. Никто не хочетъ понять этого: народный театръ—это университетъ, высшій курсъ, высшая школа. Кто же посылаетъ ребенка въ университетъ и кто начинаетъ ребенка учить высшимъ наукамъ, когда онъ не знаетъ еще азбуки? Нашему народу даютъ сразу университетъ, то-есть театръ, аудиторию, лекціи. Это нелѣпость и насмѣшка! Ему нужна простая начальная школа. Воспитайте, образуйте, научите его...

— И накормите,—вставила Вѣра.

— Да, и накормите его, а потомъ посылайте въ театръ и аудиторию. У насъ же начали съ другого конца.

— Вотъ, вотъ! Такъ всегда... одно недовольство...

— Трудно быть довольнымъ, когда постановленіе земства о десяти новыхъ начальныхъ школахъ опротестовано за неимѣніемъ денегъ, а народный театръ выстроили и истратили около пятидесяти тысячъ.

— Ну, вотъ, ну, вотъ... — какъ бы обращаясь за помощью

къ Будаеву, проговорилъ Крыжовъ, не находя, что отвѣтить по существу дѣла.

Но въ Будаевѣ онъ поддержки не встрѣтилъ.

— Если все это такъ, — сказалъ Будаевъ, — то я вполне согласенъ съ мнѣніемъ Вадима Степановича.

— Что, братъ, Аэонъ! — вскрикнулъ Вавакинъ. — Вотъ тебѣ и влетѣло! Ей Богу, влетѣло! Не хорохорься.

Его опять остановила Вѣра.

— У насъ въ Англіи, — продолжалъ Будаевъ, — все это иначе. Все систематично, послѣдовательно и логично. Одно идетъ за другимъ, одно вытекаетъ изъ другого; а вѣдь создавать высшія учрежденія, не имѣя низшихъ, это все равно что начать строить домъ съ крыши, а не съ фундамента. Это, правда, нелѣпость, и меня это очень удивляетъ, что это такъ.

Но онъ вдругъ замолчалъ, сконфузившись, что поставилъ въ примѣръ Англію.

И вообще ему вдругъ стало какъ-то тошно.

Люди странные сидѣли передъ нимъ, нѣчто въ родѣ карриатуръ, которая онъ часто видалъ въ иллюстрированныхъ романахъ Диккенса; рѣчи вели они дикія, бессистемныя и совершенно безцѣльныя, очевидно — произносимыя лишь для того, чтобы убить время.

Одинъ Колодищевъ былъ ему по душѣ, но и то казался далеко не дѣловымъ человѣкомъ той англійской складки, къ которой онъ такъ привыкъ, а какимъ-то сентиментальнымъ благотворителемъ-лэндлордомъ, которыхъ ему что-то не доводилось наблюдать въ Англіи.

Правда, онъ мало вращался среди англійской земельной аристократіи, а имѣлъ больше сношенія съ лондонскими городскими жителями.

ХІ.

Будаевъ былъ очень радъ, что кончился завтракъ, и, воспользовавшись тѣмъ, что Колодищевъ уѣзжалъ, вышелъ его провожать.

Тормилова вызвала изъ-за стола Даша, сказавъ, что къ нему пришли мужики.

Будаевъ пообѣщалъ себѣ вернуться, чтобы еще разъ поблизи посмотреть на этого „таинственнаго русскаго мужичка“, которымъ всѣ были такъ вокругъ заняты, и о которомъ всѣ такъ трогательно заботились, и которому, оказывается, все-таки ужасно плохо живется.

Но не успѣлъ Тормиловъ положить салфетку, какъ три му-

жива въ лаптяхъ, съ влокоченными головами и бородами точно сшитыми и свернутыми на сторону, ввалились прямо на террасу.

Къ этому приучила ихъ Вѣра, и противъ этого всегда протестовала Тормиловъ, который требовалъ, чтобы они являлись по своимъ нуждамъ въ контору или, въ лѣтнее время, во дворъ передъ флигелемъ, гдѣ помѣщалась контора.

Будаевъ какъ разъ огибалъ въ это время съ Колодищевымъ и Крыжовымъ террасу, и Тормиловъ сконфузился чрезвычайно.

— Чтѣ за порядки, братцы! — укоризненно сказалъ онъ. — Сколько разъ говорено, чтобы ходили въ контору?

Будаевъ услышалъ это и проговорилъ:

— Примите ихъ здѣсь, Дмитрій Александровичъ. Я сейчасъ вернусь.

— Все ты! — сердито сказалъ Тормиловъ въ полголоса Вѣрѣ. Она смущенно пожала плечами.

— Налейте-ка мнѣ коньячку — пососовъ! — попросилъ Ваванинъ.

— Не довольно ли, Иванъ Михайловичъ?

— Ей Богу, мало! И притомъ нѣсть вреда въ куреніи табака и въ потребленіи коньяка, какъ говоритъ мнѣ въ утѣшеніе нашъ сельскій попикъ, о. Павелъ. Да вѣдь и я самъ это знаю, какъ врачъ: что есть табакъ и коньякъ? Наркотическія. *Medicamenta herōica!* Повышаютъ они тѣмпъ жизни, ей Богу! А коньякъ, кромѣ того, сушитъ, что для моей комплекціи полезно зѣло. А липая меня онаго, вы, стало быть, желаете моей смерти. *Dixi.*

Вѣра улыбнулась.

— Пейте, — сказала она, — чтѣ съ вами сдѣлаешь!

— Вотъ за это ручку! А мы выпьемъ и послушаемъ сихъ Гостомысловъ.

Гостомыслы стояли съ рваными шапчонками въ заскоружилыхъ рукахъ и переминались съ ноги на ногу въ нерѣшительныхъ позахъ.

— Чтѣ тебѣ, Ефимъ? — спросилъ Тормиловъ, обратившись къ ближайшему.

Въ это время Будаевъ, незамѣченный, вернулся на другой конецъ террасы, гдѣ онъ оставилъ свой кофе. Будаевъ сѣлъ въ качалку, не желая мѣшать разговорамъ, и слушалъ издали.

— Хлѣбushка! — однотонно отвѣтилъ мужикъ и уставился въ управляющаго немигающими, узкими глазами. Борода его заростила всѣ его щеки и чуть-что не подошла къ самымъ глазамъ.

— Хлѣбushка намъ! — такъ же однотонно, какъ эхо, откликнулся другой.

Третій мужикъ молчалъ, хмуро уставясь въ землю.

— Да съ какой стати? — вскрикнулъ Тормиловъ. — Гдѣ я вамъ возьму хлѣба? — всплеснулъ онъ руками и сконфуженно поглядѣлъ на Вѣру и на столъ, уставленный всевозможными яствами, еще неубранными.

Повидимому, эти два обстоятельства подѣйствовали на него раздражительно, и онъ рѣзко сказалъ мужикамъ:

— Весь роздавъ, нѣтъ у меня хлѣба.

— А что же, скажемъ, мнѣ теперь дѣлать? — равнодушно, какъ бы для проформы, проговорилъ Ефимъ. — Дѣлать-то, скажемъ, что?

И онъ не могъ уже отвести глазъ отъ Даши, которая проходила по палисаднику, мимо террасы, съ двумя тарелками, наполненными мясомъ и хлѣбомъ. За ней, повизгивая, прыгали двѣ дворовныя собаки, предвкусывая вкусный завтракъ.

Оба мужика смотрѣли теперь на эти тарелки, не будучи въ силахъ оторвать отъ нихъ свои взоры.

— Мнѣ-то какое дѣло? — вдругъ насупившись и напустивъ на себя суровость, отвѣтилъ Тормиловъ. Ему было очень неприятно, что какъ разъ во время этого разговора Даша вздумала кормить собакъ, и еще ему было неприятно, что Вѣра не сумѣла все это организовать какъ слѣдуетъ: мужики вваливаются прямо на террасу, а Даша ходитъ черезъ садъ изъ лѣни, чтобы не сдѣлать нѣсколько шаговъ лишнихъ.

Неужели Вѣра не могла подумать обо всѣхъ этихъ мелочахъ, право?!

Мужики оторвались отъ соблазнительнаго зрѣлища и молча переминались съ ноги на ногу.

— Мнѣ-то какое дѣло? — опять сказалъ онъ имъ. — Ступай въ земство.

— Тамотка уже роздано, — отвѣтилъ мужикъ и, увидѣвъ какъ Вавакинъ прилебывалъ коньякъ, вкусно облизнулся. — Какъ же таперича быть-ти?

— Это меня не касается.

Вѣра съ удивленіемъ взглянула на отца.

Она, впрочемъ, знала, что онъ нерѣдко раздражается, когда говоритъ съ мужиками, но теперь въ его рѣшительномъ тонѣ она слышала что-то особенное.

— Выдай, ваша милость! — вдругъ взвизгнулъ мужикъ, видимо набравшись, наконецъ, храбрости отъ голоду.

— Фу ты, Господи! Да откуда же я возьму? Говорю, весь хлѣбъ роздалъ, нѣту хлѣба.

— Заработаемъ! — занылъ другой мужикъ.

— Да какъ же ты зарабатываешь? Вотъ баба-то твоя тяжела,
— ну, какая она ужъ работница?

— Опростается поди, усё отработаемъ.

А его товарищъ затынулъ на одной ногѣ:

— Овсеца вовсе нѣтути; вонопля, сважемъ, и та подошѣдши.

— Ну, да, у васъ все такъ, все ползеть по швамъ. Ступайте въ контору,—тамъ все разберемъ. Приду ужъ. А ты что? — обратился Тормиловъ къ третьему, который не двинулся съ мѣста.

— А мы, стало быть, къ ихней милости!—и онъ кивнулъ головой на Вавакина.

— А! Ну, это не мое дѣло,—облегченно проговорилъ Тормиловъ.—Ну? Чтѣ же вы не идете?

Мужики затопали ногами и какъ-то мелкой, боковой рысью скатились съ террасы.

Они уже знали, что приказаніе идти въ контору равносильно исполненію ихъ просьбы.

Вавакинъ высоко поднялъ брови.

— Ко мнѣ?—переспросилъ онъ, удивившись, какъ будто онъ былъ не врачомъ, а адвокатомъ, къ которому обратились за врачебной помощью.

Мужикъ заскрипѣлъ какъ ржавое колесо:

— Баба моя больна, замаялась сердешная, вѣд какъ замаялась,—молодица, ей поди бы работать, а она лежитъ сколько дѣнь, дюже неможется.

Вавакинъ тупо уставился на мужика.

— Мается, говоришь?—спросилъ онъ.

— Вѣд какъ.

— А чтѣ же у нея такое?

— Чего это?

— Мается-то чѣмъ, безтолочь ты этакая?!... На чтѣ жалуется-то?

— Ни на что, батюшка. Всѣмъ довольна. Чтѣ-жъ жаловаться? Лежитъ въ избѣ, питаемъ чѣмъ можемъ. Всѣмъ довольна.

— Фу ты!—разсердился Вавакинъ и неистово закричалъ:—болить-то чтѣ? Чтѣ болить-то?

— У ей-то?

— Ну, да, конечно, не у тебя.

— Животомъ мается, сердешная.

— Ну, ладно, ступай. Банки поставишь. Ужо пришло фельдшера. Авось не помретъ.

— Гдѣ помереть!—согласился мужикъ.

Но Вѣра возмутилась.

Ничего не сказавъ, она укоризненно взглянула на Вавакина и, отведя мужика въ сторону, стала его подробно спрашивать.

Потомъ ушла въ свою комнату и вынесла какіе-то порошки.

Во время ея отсутствія, Вавакинъ сталъ разносить мужика.

— Порядку не знаете!—ворчалъ онъ.—Прямо сюда прѣте! Чтò здѣсь—санитарный пунктъ, что-ли? Эко дѣло, поди,—мается! Не помреть, чай! Нѣжности какія, скажи, пожалуйста!

И пользуясь отсутствіемъ Вѣры, онъ налилъ рюмку вонючку и разомъ выпилъ ее.

Мужикъ кланялся Вѣрѣ и благодарилъ ее.

— Дай Богъ здоровья, матушка. Гдѣ жъ фелшара ждуть? Это только слово, что фелшаръ...

— Скажи бабѣ-то своей, что сама навѣдаюсь черезъ часъ.

Мужикъ ушелъ.

Будаевъ сидѣлъ въ глубинѣ террасы и издали, никѣмъ не замѣченный, полускрытый японскими ширмами, слушалъ и наблюдалъ всѣ эти сцены.

Ему сдѣлалось какъ-то не по себѣ.

Ничего подобнаго онъ до сихъ поръ не представлялъ себѣ. Ему показалась страшной негѣпостью эта подлинная русская жизнь, которой онъ до сихъ поръ не видѣлъ вблизи, и которую представлялъ себѣ иначе.

Среди полей, пожираемыхъ какимъ-то червемъ, стоитъ его Будаевскій дворецъ, полный дорогихъ предметовъ, изящныхъ бездѣлушекъ, вкусныхъ яствъ и дорогихъ винъ. Оазисъ полного довольства среди голодающаго, нищенскаго населенія.

Мужики умоляютъ о кускѣ хлѣба, въ то время какъ собакъ кормятъ этимъ хлѣбомъ и мясомъ. Люди мрутъ отъ болѣзней, въ то время какъ существуетъ здѣсь врачъ и фельдшеръ и даже земская аптека. И вмѣсто врача, который пьетъ дорогой вонючекъ и масляными глазами смотритъ на красивую дѣвушку, леченіемъ больныхъ занимаются по необходимости профаны, въ родѣ Володищева и Вѣры.

Народъ гибнетъ отъ самаго элементарнаго невѣжества, и мужики мало чѣмъ отличаются отъ какихъ-нибудь африканскихъ дикарей, а имъ строятъ какіе-то театры и аудиторіи, вмѣсто начальныхъ школъ.

Помѣщики вносятъ за неисправныхъ плательщиковъ недоимки, а мужики „жгутъ“ помѣщиковъ, и этимъ выражается ихъ благодарность.

Но вѣдь это какая-то дичь, сказка? Вѣдь это же—негѣпость, невозможная въ цивилизованной странѣ!

Онъ не привыкъ къ такой жизни. Какъ можно ѣсть, когда кругомъ стонуть отъ голода? Какъ можно благотворить, когда тебя за это „сожгутъ“? Конечно, и въ Лондонѣ существуетъ пролетаріатъ; но жизнь въ огромной столицѣ—не то, что жизнь въ деревнѣ. Тамъ нѣтъ такого непосредственнаго общенія между богатымъ и бѣднымъ классомъ; нужда не лѣзетъ такъ дерзко, такъ назойливо на глаза достаточному человѣку... И во всякомъ случаѣ, тамъ, по крайней мѣрѣ, можно обѣдать спойвно.

Бѣжать отсюда и какъ можно скорѣе! А еще его убѣждаютъ не продавать Будаевки! А что ему здѣсь дѣлать? Заняться леченіемъ мужиковъ, какъ Колодищевъ и Вѣра, или начать читать въ народной аудиторіи объ открытіи Америки Колумбомъ, когда мужики не знаютъ не только Америки, но даже простой азбуки.

„Нелѣпность, нелѣпность, нелѣпность!“—мысленно твердилъ онъ, и долго не могъ придти въ себя отъ изумленія.

XII.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней, Вѣра бродила утромъ въ рощѣ.

Въ легкомъ свѣтломъ фуляровомъ платьѣ, въ широкой соломенной шляпкѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ, она шла по лѣсной тропинкѣ въ глубокой задумчивости.

Въ зеленовато-золотистыхъ сумеркахъ лѣса, стройная и изящная, она казалась лѣсной феей съ ея задумчиво красивымъ лицомъ, свѣтло-каштановыми волосами и загадочными эмалевыми глазами.

Лицо ея было въ тѣни, такъ какъ широкія поля соломенной шляпки защищали его отъ этихъ зеленоватыхъ сумерекъ. Она чувствовала въ этотъ день какую-то странную грусть и вообще была неважно настроена.

Совсѣмъ, совсѣмъ другого ожидала она отъ пріѣзда Будаева. Но вотъ ужъ онъ живетъ здѣсь около двухъ недѣль и только думаетъ о томъ, какъ бы ему окончательно переговорить съ Щеклѣвымъ.

А Щеклѣвъ „выдерживаетъ“, не ѣдетъ, несмотря на посланное ему извѣстіе о пріѣздѣ помѣщика, выдерживаетъ вѣроятно для того, чтобы показать, что онъ вовсе не торопится этой покупкой, а въ случаѣ чего—можетъ легко и отказаться отъ нея. Она его хорошо вѣдь знаетъ.

Будаевъ сердится на эту проволочку.

Еще бы! Онъ привыкъ дѣлать дѣла на европейскій ладъ: быстро, точно, осмысленно, безъ лишняго пустословія, безъ взаимнаго подсиживанья, принимая во вниманіе лишь одну дѣйствительную выгоду оцѣнки.

Въ послѣднее время Будаевъ мраченъ.

Очевидно, все ему здѣсь уже надоѣло, и онъ никакъ не считывалъ на затыжку. Положимъ, времени еще немного прошло, но дѣло-то вѣдь еще и не начиналось.

Вѣра нагнулась, заинтересовавшись какимъ-то голубымъ цвѣточкомъ.

Потомъ она пошла дальше.

Она такъ любила этотъ славный, родной лѣсъ, съ его таинственной тишиной, съ его странной безмятежной жизнью, съ его живительнымъ воздухомъ, наполненнымъ запахомъ цвѣтовъ, съ его шелестомъ листьевъ, журчаньемъ ручейка на днѣ крутого оврага и пѣньемъ лѣсныхъ птицъ.

Она думала, что Будаевъ привыкнетъ мало-по-малу къ этой мирной, родной природѣ, что онъ полюбитъ эти свѣтло-зеленныя поля, изумрудный лѣсъ, молочно-голубое небо, темныя фіолетовыя дали, эти червонныя закаты и пурпурные восходы солнца, этотъ поэтичный свѣтъ серебряной луны и спокойное мерцанье звѣздъ въ глубинѣ безпредѣльнаго небеснаго шатра.

Она думала, что онъ полюбитъ этихъ обездоленныхъ людей, живущихъ тамъ, вдали отъ усадьбы, въ грязныхъ избахъ, среди физическихъ страданій, среди болѣзней и голодовокъ, среди тяжелой работы. Она думала, что онъ пойметъ, почему эти люди иногда не выдерживаютъ и начинаютъ мучительно жаловаться, а начавъ жаловаться, приходятъ въ озлобленіе, несмотря на всю глубокую вѣру ихъ въ то, что Богъ опредѣлилъ человѣку трудиться въ „потѣ лица“, чтобы имѣть право на жизнь.

Страдая, работая и временами озлобляясь, они рѣдко разсуждаютъ и еще рѣже задаются вопросомъ: зачѣмъ, для чего нужна имъ эта нелѣпая, мучительная жизнь?

Такіе вопросы и Вѣрѣ рѣдко приходили на умъ, и она ни разу еще не сумѣла себѣ отвѣтить на нихъ удовлетворительно.

Но Будаевъ не полюбилъ ни этой природы, ни этихъ людей.

Да и какъ могъ бы онъ полюбить ихъ?

Кромѣ той поѣздки, на которую его вынудилъ ее отецъ, онъ ни разу не двинулся съ мѣста.

Онъ сталъ даже неразговорчивъ, молчаливъ, какъ-то угрюмъ. Не хуже Трофима Сулы!—улыбнулась она.—Конечно, свѣтски-угрюмъ; онъ остался все тѣмъ же вѣжливымъ, корректнымъ баринномъ.

Но ихъ завтраки и обѣды стали проходить вяло, скучно, несмотря на то, что проходили въ разговорахъ.

Будаевъ говорилъ обо всемъ, но больше всего о Лондонѣ, о заграничной жизни. Русской жизнью онъ совершенно не инте-

ресовался. Остальное время онъ проводилъ въ своемъ кабинетѣ, читая англійскія книжки или разговаривая подолгу съ Дженомъ.

Оба сердились, что газеты приходится читать два раза въ недѣлю, когда посылали на слишкомъ отдаленную станцію нарочнаго.

Такимъ образомъ „Times“ прибывалъ въ Будаевку съ опозданиемъ на двѣ, а иногда и на три недѣли, и это ужасно раздражало его.

Сухой трескъ раздавался подъ ногами Вѣры.

Она вздрогнула и вышла изъ задумчивости. Это была вѣтка, на которую она наступила.

Выйдя изъ задумчивости, Вѣра вдругъ поймала себя на неожиданномъ открытiи: а вѣдь все время она только и думаетъ о Будаевѣ.

Около часу гуляетъ она по лѣсу, но уже не ощущаетъ въ себѣ ни прежняго наслажденiя прогулкой, ни прежняго отраднаго покоя.

Мысль ея все чаще и чаще возвращается къ нему, къ этому новому и странному для нея явленiю жизни.

Мысль эта, какъ привязавшiйся напѣвъ, держитъ ее въ плѣну. Зачѣмъ?

Она досадливо пожала плечами и пошла дальше.

На поворотѣ тропы она встрѣтила вдругъ Вавакина.

Его привезимстая фигура стала передъ нею, загородивъ ей путь.

Онъ растопырилъ руки.

— Не пуцу дальше. Стопъ!

— Здравствуйте!—сказала она.

Вавакинъ былъ особенно непрiятенъ ей въ послѣднее время.

Онъ сталъ какъ-то особенно усиленно пить. И тонъ его сдѣлался совершенно невозможнымъ. Онъ позволялъ себѣ какiе-то намеки, двусмысленности, шуточки по отношенiю къ ней и Будаеву, а она рѣшительно не выносила его въ этомъ состоянiи.

— Вы какъ сюда попали?—спросила она его, чтобы что-нибудь сказать.

— Собственными ногами, красавица. Позвольте ручку.

Она неохотно протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ продолжительнымъ поцѣлуемъ.

— Я потому спросила, что, знаю, вы не особенный любитель лѣса и вообще прогулокъ.

— Вѣрно! Не люблю лѣса, когда въ немъ никого нѣтъ или когда въ немъ мужики, занимающiеся порубкой. Но когда въ немъ лѣсная фея—люблю лѣсъ!

Она холодно взглянула на него.

— Вы развѣ знали, что я здѣсь?—спросила она.

— Не зналъ, но чувствовалъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ.

— Вотъ какъ! И давно ваше сердце стало такимъ чувствительнымъ аппаратомъ? Да и не знаю, какъ оно могло почувствовать вѣсть, когда я вовсе о васъ не думала.

— Кха!—крякнулъ онъ.—Вы думали, конечно, о немъ?

Вѣра строго посмотрѣла на него.

— О комъ это о немъ?—холодно сказала она.—Говорите яснѣе. Я не люблю загадокъ.

— О немъ! О комъ же еще? Конечно, объ „англичанинѣ“.

— Я еще менѣе загадокъ люблю эти шутки,—рѣзко сказала она.—Поэтому, если хотите идти со мною, то совѣтую отъ нихъ воздержаться.

— Ого! Какъ вы это говорите!.. Но я вовсе не шучу. Вся округа говорить и думаетъ только о немъ. Всѣ заинтересованы имъ. Воздухъ наполненъ имъ. Куда ни толкнись—все только Будаевъ, да Будаевъ. Ей Богу! Такъ что же удивительнаго, что и вы о немъ можете думать? Ей Богу, ничего удивительнаго нѣту. Но ежели вы не думаете о немъ, то это мнѣ доставляетъ радость.

— Вамъ?!—воскликнула она и даже остановилась.

— Мнѣ. А что?

— Удивляюсь.

— Почему?

— Да что же вамъ-то? Не все равно развѣ, о комъ я думаю?

— А я думаю, что не все равно. Сначала мечтали о Колодищевѣ, а теперь мечты тянутся къ Будаеву.

Вѣра вспыхнула.

Она зонтикомъ стала сбивать головки травъ.

— Съ вами невозможно говорить, потому что вы отвѣчаете не на вопросы. О Колодищевѣ я никогда не думала. Я его очень уважаю и люблю, но тѣхъ намековъ, которые вы дѣлаете, я не допущу.

— Колодищевъ не влюбленъ въ васъ?

— Вздоръ, конечно. Но если даже и такъ, это не значитъ, что и я въ него влюблена. А относительно Владимира Сергѣевича такъ ни того, ни другого нѣтъ. И это вы отлично знаете... Но все это не относится къ дѣлу. Положимъ, я влюблена въ... Будаева. Вамъ-то что, спрашиваю я васъ?

Она это сказала беззаботнымъ, шутливымъ тономъ, чтобы не дать ему ни малѣйшаго повода подумать противное. Еслибы она разсердилась, онъ бы счелъ себя правымъ.

— Мнѣ—много, Вѣра Дмитріевна. Потому что я самъ давно влюбленъ въ васъ.

Она звонко разсмѣялась.

— Вы?—проговорила она.

— Да, я. Что же тутъ удивительнаго? Я не могу влюбиться? Или нѣтъ, вѣрнѣе: полюбить.

— Отчего же? Всякій человѣкъ способенъ полюбить что-нибудь кромѣ...

— Коньяка, вы хотите сказать? Зло и немилосердно. Зло и несправедливо. Во-первыхъ, не всякій способенъ любить, а только тотъ, у кого есть сердце...

— А развѣ есть люди безъ сердца?—все въ томъ же шутиломъ тонѣ спросила она. — Вы плохой врачъ, это я давно знаю. Но у васъ нужно отнять дипломъ, если вы способны предположить, что можетъ существовать человѣкъ, лишенный такого важнаго органа...

— Вы все шутите. Но я повторяю, любить можетъ человѣкъ съ сердцемъ. Будаевъ, напримѣръ, любить не можетъ, потому что у него вмѣсто сердца нумеръ „Таймса“.

Вѣра опять вспыхнула и на этотъ разъ разсердилась.

— Я васъ очень прошу,—дрогнувшимъ голосомъ сказала она,—оставить въ покоѣ Владиміра Сергѣевича.

— Это васъ такъ трогаетъ?—хихикнулъ докторъ.

— Да, это меня трогаетъ.

Они пошли молча.

Вѣра шла насупившись, смотря въ землю, какъ будто внимательно и сосредоточенно присматривалась къ цвѣтамъ.

Вавакинъ посвящивалъ, что дѣлалъ всегда, когда находился въ растерянномъ состояніи духа.

Онъ молча смотрѣлъ искоса на Вѣру, на ея опущенные глаза въ голубой тѣни отъ широкихъ полей шляпки, на ея тяжелые свѣтло-каштановые волосы, на ея плотно сжатые прекраснаго рисунка губы, и наконецъ проговорилъ въ полголоса:

— Вы на меня еще сердитесь?

Она съ досадою взглянула на него.

— Зачѣмъ вы идете со мною?—рѣзко сказала она.—Другой, на вашемъ мѣстѣ, давно ушелъ бы въ другую сторону.

— Но ежели мнѣ пріятно гулять съ вами?

— Не вижу,—что можетъ быть пріятнаго. Я не въ духѣ, вы это должны чувствовать.

— Вотъ я и хочу развеселить васъ.

Она улыбнулась.

— Вашими-то пріемами? Странная идея!

— А вотъ, однако, вы улыбнулись.

И вдругъ онъ заговорилъ въ серьезномъ тонѣ, въ такомъ тонѣ, котораго она никогда не слыхала отъ него прежде.

Она насторожилась и вдумчиво посмотрѣла на него, до того это ее поразило.

— Вѣра Дмитриевна, — началъ онъ, — прошу васъ, отнеситесь ко мнѣ внимательно на этотъ разъ. По всей вѣроятности, мы говоримъ съ вами сегодня въ послѣдній разъ.

Она не поняла его.

— Почему въ послѣдній разъ? — удивленно спросила она.

— Я рѣшилъ перевестись отсюда.

— Вы? Вы рѣшились перевестись отсюда? Куда? Когда? Зачѣмъ?

— Извольте, я отвѣчу на всѣ ваши вопросы. Куда — не знаю. Туда, гдѣ дадутъ мнѣ мѣсто, если дадутъ еще... — грустно добавилъ онъ. — А то, можетъ быть, погонять въ отставку. Какой же я врачъ, я вѣдь знаю...

Ее тронуло это признаніе.

— Вы могли бы быть хорошимъ врачомъ, еслибы взяли себя въ руки.

— Ну, оставимъ это... Когда? — Я не знаю. Какъ можно скорѣй, какъ только удастся, и чѣмъ скорѣе удастся — тѣмъ лучше. Чтѣ вы на меня такъ смотрите? Вы думаете, я говорю неправду? Клянусь, я говорю правду, не хуже, чѣмъ говорить ее Сазановъ. И еще клянусь: я сегодня ничего еще не пилъ. Потому я и не въ духѣ, но зато могу говорить ясно и здраво. Ну, а третій вопросъ посложнѣе. Зачѣмъ? Вотъ именно, зачѣмъ? А впрочемъ, чтѣ же тутъ сложнаго? Очень даже просто, — съ напускной храбростью сказалъ онъ, и тотчасъ же тихо, тихо прибавилъ: — все дѣло въ томъ, что я люблю васъ.

Это признаніе, такъ неожиданно свалившееся на Вѣру, такъ не шло къ этому коренастому, большею частью нетрезвому человѣку, съ некрасивымъ лицомъ, маленькими глазками и растопыренными короткими пальцами, что ей стоило большого труда, чтобы не разсмѣяться.

Будь это въ другое время, она бы сочла это одной изъ многочисленныхъ его грубоватыхъ шутокъ, которыя онъ говоритъ въ состояніи легкаго опьяненія.

Но теперь, увидя его убитую горемъ фигуру, всмотрѣвшись въ его безпокойно бѣгавшіе глаза, ей стало его до слезъ жалко.

— Иванъ Михайловичъ, милый, — также тихо сказала она: — зачѣмъ это? Зачѣмъ? Ну, зачѣмъ? Мы были съ вами друзьями, хорошими друзьями. Я часто бранила васъ за ваше поведеніе, но я любила васъ, какъ хорошаго человѣка. И вы относились ко мнѣ по-дружески. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ это?

Она остановилась и скорбно глядѣла на него, потому что чувствовала, что онъ дѣйствительно, не въ шутку страдаетъ.

Онъ стоялъ передъ ней, какъ уличенный въ непопозволительной шалости школьникъ, какъ человѣкъ, на котораго внезапно свалилась штукатурка, самъ изумлявшійся своей смѣлости и той легкости, съ которою у него вырвалось это признаніе, давно уже шевелившееся въ его отуманенномъ мозгу и начавшемъ застыть сердцѣ.

Но говорить надо было, онъ это чувствовалъ.

Нельзя же такъ стоять безъ конца и не оправдываться.

Онъ чувствовалъ, что его признаніе требовало оправданія.

— Видите ли,—началъ онъ робко:—можетъ быть, я сказалъ вамъ рѣзко, очень рѣзко... нужно было подготовить... но это въ первый разъ со мной, ей Богу, въ первый разъ. И я не умѣю. Вотъ такъ вырвалось... Право, не знаю какъ. Можетъ быть, такъ и не дѣлается. Но какъ дѣлается—я не знаю... Я привыкъ все валить на чистоту, напрямикъ. Вотъ я и говорю: я люблю васъ. И самъ знаю, что коротко это, рѣзко...

Она поспѣшила ему помочь.

— Иванъ Михайловичъ, но что же дальше? Это—большое несчастье для васъ, но... на что вы надѣетесь, чего вы хотите?

— Натурально, вашей руки. То-есть, брака, чего же больше?

Она почувствовала точно оскорбленіе въ этихъ словахъ.

Вдругъ все сочувствіе, вся жалость къ нему у нея пропала.

— Этого никогда не будетъ,—холодно и сухо отвѣтила она, и сейчасъ же раскаялась въ этой холодности и сухости. И вообще она сама не знала, что въ ней творится.

Но Вавакинъ уже сталъ приходить въ себя.

— Никогда не будетъ,—проговорилъ онъ твердымъ голосомъ, въ которомъ какъ будто зазвучала обида.—Но почему? Почему вы не хотите выйти за меня? Я вѣдь не такъ же старъ, мнѣ нѣтъ пятидесяти. Я служу, получаю порядочное жалованье; наконецъ, на что вы рассчитываете въ этой глуши?

Мало-по-малу онъ приходилъ въ обычное возбужденіе.

— И почему вамъ, ей Богу, не выйти за меня? Такъ вѣдь легко и вовсе засидѣться, въ особенности въ нашихъ краяхъ. Вѣдь не на Колодищева же и не на Будаева вы, въ самомъ дѣлѣ, рассчитываете?

Теперь онъ чувствовалъ неодолимую жажду отмстить ей за то униженіе, которое только-что перенесъ.

Она закусила губы и съ ненавистью упорно посмотрѣла на него, но ничего ему не отвѣтила.

— Почему вы не хотите выйти за меня? — уже совсѣмъ рѣзко спросилъ онъ ее и остановился.

— Могу я не хотѣть выйти за васъ или не могу?—отвѣтила она ему въ томъ же тонѣ.

— Можете, конечно, но почему? Почему?

Она разсердилась.

— Вы хотите знать причину?

— Обязательно.

— Потому что я васъ не люблю. Не люблю такъ, какъ надо любить, чтобы выйти замужъ за человѣка.

Вавакинъ насмѣшливо и протяжно свистнулъ.

— Э-ва!—съ обычной грубостью протянулъ онъ.—Нашли причину, ей Богу! Зачѣмъ же непременно любить? Довольно, ежели одинъ кто-нибудь любить. А къ другому это придетъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Обязательно. Не можетъ не придти. Я знаю одного человѣка, который слышать не могъ запаха спаржи. А потомъ полюбилъ и даже пристрастился. Ей Богу! Всякая идиосинкразія можетъ пройти.

— Моя — неизлечима,—сказала она опять въ шутовскомъ тонѣ, такъ какъ ея раздраженіе уже прошло. Очень забавно показалось ей упоминаніе о спаржѣ.—Это у меня должно быть органическое,—продолжала она.—И притомъ, право же, у васъ очень мало общаго со спаржей.

Вѣра засмѣялась, но Вавакинъ былъ все еще золъ и хмуръ.

— Какъ хотите, — сказалъ онъ мрачно-рѣшительнымъ тономъ, — я не отступлюсь отъ этой идеи. Я хочу на васъ жениться, и думаю, что, рано или поздно, вамъ необходимо будетъ сдѣлать этотъ шагъ.

Она нахмурила брови.

— Необходимо?—задумчиво проговорила она, какъ бы отыскивая тайный смыслъ, который могъ бы скрываться въ этомъ словѣ.—Почему необходимо? Что вы хотите сказать?

— Всею бываетъ. И не такое бываетъ... „Есть многое на свѣтѣ, другъ Горацио, что и не снилось нашимъ мудрецамъ“... Вотъ вамъ кажется невозможнымъ это, а я увѣренъ,—я, ей Богу, увѣренъ, что это случится.

— Оставайтесь при этой увѣренности,—опять раздраженно сказала она, потому что ощутила нѣкоторый суевѣрный страхъ при такой категоричности.—Никто, конечно, не можетъ отнять у человѣка увѣренности, разъ онъ увѣренъ.

— Это точно. Ничего вы со мной не подѣлаете. Такъ я

буду ждать!—самымъ естественнымъ и дѣловымъ тономъ сказалъ онъ, точно дѣло шло объ уплатѣ по векселю.

Она пожала плечами.

— Послушайте, Ваваяинъ, — сказала она: — еслибы не было такъ рано, то я подумала бы, что въ васъ говоритъ коньякъ, а вы сами ни при чемъ.

— Ахъ, оставьте вы мой коньякъ въ покоѣ! Никому онъ не приноситъ вреда, ей Богу!

— Кромѣ какъ вамъ самимъ.

— Можетъ быть-съ. Но это опять-таки никого не касается. Я же не пристаю къ вамъ, что вы пьете кофе?

Они опять двинулись въ путь молча.

У калитки сада, къ которому они незамѣтно подошли, пройдя рошу, Ваваяинъ опять остановился, растопырилъ руки и упрямо проговорилъ:

— Подумайте хорошенько, Вѣрочка...

— Пожалуйста, не называйте меня такъ... Хотя вы и знали меня дѣвочкой, но я не желаю, чтобы меня такъ называли, въ особенности послѣ нашего разговора.

— Когда-нибудь да буду васъ звать такъ, упрямая дѣвица. Такъ не все ли равно—раньше или позже? И что значитъ раньше, что позже? Ей Богу, это условно.

Не отвѣчая ему, она прошла въ калитку.

Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, не зная, слѣдовать ли за нею, или удалиться.

— Прощайте, Иванъ Михайловичъ!—шутливо сказала она ему.—Будьте здоровы.

— И вамъ того же!

Онъ побрелъ назадъ и, по издавна усвоенной имъ привычкѣ, началъ вслухъ разсуждать самъ съ собой, разводя руками и качая головой.

— И какъ это я раньше не сообразилъ всего этого? Какъ не догадаться было, что я влюбленъ?—Онъ постукалъ себя пальцемъ по лбу.—Проклятая башка! Что бы догадаться до приѣзда Будаева? Чего добраго, этотъ англичанинъ нагадить. Старъ, братъ, становишься, Михайлычъ: сообразительность въ ущербъ. А диагнозъ и не такой дуракъ, какъ я, сумѣлъ бы поставить. Неужто же я ее прозѣваю? Вотъ вздоръ! Ужъ чего я захочу, то непременно будетъ.

И успокоившись на этой мысли, онъ углубился въ рошу.

XIII.

Въ послѣднее время Вѣра чувствовала, что съ ней творится что-то неладное.

Ея всегдашнее ровное, спокойное расположеніе духа все чаще и чаще стало покидать ее. Она ощущала какую-то странную, необъяснимую тревогу, душевное смятеніе, тоску, которой никогда не испытывала прежде.

Ее тянуло куда-то въ даль, и она совершала длинныя прогулки по полямъ и лѣсамъ, шла быстро, какъ будто желая уйти отъ тѣхъ темныхъ мыслей, которыя зарождались въ ея головѣ, отъ тѣхъ ощущеній, которыя тревожили ея сердце. Ни этихъ мыслей, ни этихъ ощущеній она не могла себѣ выяснить, и это все походило на неопредѣленную боль, глухо ощущуемую организмомъ при зарожденіи въ немъ какой-нибудь серьезной болѣзни.

Часто она не приходила домой обѣдать и объясняла свое отсутствіе затянувшейся прогулкой.

Очень неохотно встрѣчалась она теперь съ Будаевымъ. Его скучающій, угнетенный видъ, вѣжливыя и вялыя разговоры болѣзненно дѣйствовали на нее.

Она чувствовала, что не можетъ уважать этого человѣка, такого равнодушнаго къ тому, что она любитъ, и такого чужого имъ всѣмъ.

И при встрѣчѣ съ нимъ ей дѣлалось какъ-то не по себѣ. Она пробовала анализировать это необыкновенное чувство, впервые посѣтившее ее, но такъ какъ она не привыкла анализировать и разбираться въ сложныхъ вопросахъ духа, то у нея совершенно ничего не выходило въ результатъ.

Въ концѣ мая наступилъ день годовщины смерти ея матери.

Въ этотъ день она издавна привыкла ходить на сельское кладбище, гдѣ о. Павелъ служилъ по ея просьбѣ панихиду.

Въ сопровожденіи отца она отправилась на кладбище, но послѣ панихиды не захотѣла вернуться съ нимъ домой, а осталась у могилы матери.

Сельское кладбище, окруженное съ трехъ сторонъ крестьянскими нивами, а четвертой прилегавшее къ опушкѣ лѣса, содержалось довольно исправно и имѣло уныло-красивый видъ съ его поэзіей смерти.

Оно было бѣдно, и только два памятника рѣзко выдѣлялись на фонѣ покосившихся крестовъ крестьянскихъ могилъ. Одинъ принадлежалъ ея матери, другой—монументальный—представлялъ изъ себя фамилійный слѣпъ Будаевыхъ. Здѣсь были похоронены

прадѣдъ, дѣдъ и отецъ Владиміра Сергѣевича съ ихъ женами. Только мать послѣдняго владѣльца Будаевки нашла успокоеніе въ Англии. Подъ небольшою красивой часовней, воздвигнутою надъ склепомъ, было еще много мѣста, рассчитаннаго для будущихъ поколѣній этой старой дворянской семьи.

Когда она рѣшила наконецъ уйти съ могилы матери и проходила мимо часовни, она увидѣла, какъ низенькая чугунная рѣпотва отворилась, и изъ часовеньки вышелъ Будаевъ.

Она никакъ не ожидала этой встрѣчи и вздрогнула.

Ей хотѣлось уйти незамѣченной, и она сдѣлала движеніе въ сторону, но было уже поздно, потому что Будаевъ огибнулъ ее.

— Здравствуйте, Вѣра Дмитріевна!—сказалъ онъ ей просто и по привычкѣ крѣпко пожалъ ей руку.—Васъ въ послѣднее время рѣдко видно... Какъ поживаете?

Онъ говорилъ это съ своей обычной холодной вѣжливостью, и она отлично чувствовала, что онъ говоритъ эти слова—какъ сказалъ бы всякія другія, соотвѣтствующія случаю.

Она холодно отвѣтила ему:

— Благодарю васъ...

— Я собрался посѣтить могилу покойнаго батюшки,—сказалъ онъ.

— Только теперь?—вырвалось у нея, и она покраснѣла, тотчасъ же сообразивъ неловкость вопроса: точно она упрекала его въ отсутствіи сыновняго чувства къ памяти отца.

Его всегдашняя полу-насмѣшливая улыбка легла на его лицо.

— Только теперь,—отвѣтилъ онъ.—Это нехорошо? Но что вы хотите: отца я совершенно не зналъ, и откуда же мнѣ взять сыновнее чувство? Я и не спѣшилъ. Тѣмъ болѣе, что я врагъ всякаго сентиментализма, да еще по самому существу своему не могущаго быть искреннимъ. И потому, въ этой растительной жизни, которую я веду здѣсь, въ этой атмосферѣ русской деревни, гдѣ все такъ тихо, точно въ могилѣ, есть, право, что-то расслабляющее, и я начинаю опасаться за свое будущее. Если мнѣ еще придется прожить здѣсь съ мѣсяць, я, кажется, окончательно лишусь способности желать, способности проявлять свою волю. Русская деревня навѣваетъ какой-то гипнотическій, тяжелый сонъ.

Его слова были ей непріятны и холодомъ прошли по ея душѣ.

— Вы все нападаете на нашу деревню,—неохотно сказала она,—на нашу милую, родную деревню, гдѣ природа такъ же проста, какъ люди, и гдѣ вѣетъ таковой тишиной!

— Тишиной могилы,—улыбнулся онъ.—Я смотрѣлъ нашъ фамильный склепъ,—прибавилъ онъ.—Онъ очень хорошо содержится, и, видимо, кто-то наблюдаетъ за нимъ. Много свѣжихъ цвѣтовъ... Надо будетъ поблагодарить вашего батюшку. У него образцовый порядокъ во всемъ.

— Вы можете на этотъ разъ поблагодарить меня,—сказала она.—Это я забочусь о цвѣтахъ...

— Да? — протянулъ онъ. — Я очень тронуть, благодарю васъ. Но почему вы взяли эту заботу на себя?

Она укоризненно взглянула на него.

— Здѣсь похоронена моя мать. Такъ какъ я, вѣроятно, сентиментальна по природѣ,—что, конечно, является большимъ недостаткомъ въ вашихъ глазахъ,—то я часто бываю здѣсь. Мнѣ, поэтому, ничего не стоитъ слѣдить за могилой покойнаго товарища моего отца. Я и дѣлаю это.

Онъ продолжительно посмотрѣлъ на нее, и она, замѣтивъ этотъ взглядъ, смутилась.

— Что вы такъ задумались?—невольно спросила она.

— Я удивляюсь вамъ,—долженъ онъ былъ отвѣтить.—Удивляюсь вашей любви къ деревнѣ, къ усадьбѣ, къ кладбищу. Все это вамъ бесконечно близко... Я не испытываю ничего подобного, и меня нѣсколько удивляетъ эта привязанность къ одному мѣсту, только потому что человѣкъ случайно родился на немъ.

Она раздраженно сказала ему:

— Но вѣдь вы же привязаны къ Лондону?

— Я? Нисколько. Еслибы меня перевели въ нашу парижскую миссію, или даже въ Римъ, Вѣну, я ничего не имѣлъ бы противъ этого. Я, вообще люблю крупные центры и жизнь въ нихъ.

— Какой вы... чужой!—вырвалось у нея.

Онъ опять улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ.

— Да, чужой, чужой намъ по духу,—продолжала она, мало-помалу одушевляясь.—Вы презираете все, что мы любимъ...

— О, „презираете“! Это сильно сказано.

Но она почувствовала какой-то внутренній порывъ и, перебивая его, продолжала:

— Вы ненавидите все, что намъ дорого и близко. Какой же вы русский? Только по имени и по вѣрѣ? Но духъ у васъ чужой. Вы не любите Россіи, вы какъ тотъ чужеземецъ, который, по словамъ Лермонтова, былъ,—помните?—

Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой законъ и нравы,

Не могъ падить онъ вашей славы,
 Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
 На что онъ руку подымалъ!

Будаевъ громко засмѣялся, что случилось съ нимъ чрезвычайно рѣдко.

— Позвольте, позвольте, я никого еще не убилъ, и никакого кроваваго мига еще не было!—сказалъ онъ.

— Изъ пѣсни слова не выкинешь, — уже смущенно отвѣтила она.

— И право же я никого и ничего не презираю.

— Но вы не любите, не любите Россію,—настойчиво говорила она.—Вы смертельно скучаете среди насъ, васъ тянутъ къ себѣ „иные берега, иныя волны“...

— Вы въ поэтическомъ настроеніи сегодня...

Но она не обратила вниманія на эти слегка насмѣшливыя слова.

— Да, вы мечтаете уѣхать отсюда, чтобы никогда больше не прѣзжать. Сами вы здѣсь, но духъ вашъ далеко, далеко...

Она остановилась у часовни и показала рукой на склепъ.

Онъ съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, поглядѣлъ на нее. Вѣра, съ ея глубокими эмалевыми глазами, съ ея прекрасной тонкой и изящной фигуркой, прекрасно выдѣлявшейся на темной зелени кустовъ, была очень красива. Въ ея загадочныхъ глазахъ горѣлъ теперь огонекъ сильнаго душевнаго волненія.

Протянутой рукой она указала на склепъ и проговорила какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ:

— Настанетъ день, когда привезутъ сюда ваши останки и положить ихъ рядомъ съ вашими предками. Я не знаю, гдѣ тогда будетъ вашъ духъ и гдѣ онъ найдетъ успокоеніе. Но тѣломъ вы будете отдыхать въ родной землѣ. Золотыя нивы, зеленныя поросли, темныя лѣсныя дали будутъ окружать вашу могилу...

Она вдругъ остановилась. Ей сдѣлалось стыдно. Густая краска залила ея лицо.

Онъ съ искреннимъ недоумѣвающимъ любопытствомъ взглянулъ на это лицо.

— Ухъ, какая могильная поэзія!—мягко улыбнулся онъ, и на этотъ разъ въ улыбкѣ его не было ничего ироническаго.— Вы точно духъ могильный предвѣщаете мнѣ скорую смерть.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — горячо сказала она.— Живите, живите долго! Отъ всей души желаю вамъ этого. И простите меня за мои неумѣстныя, ненужныя слова. Я сама не знаю, что со мною сегодня.

— Сегодня?—переспросилъ онъ ее съ удареніемъ

— Да, сегодня. А что?

— Я думалъ,—вообще въ послѣдніе дни.

Она промолчала, какъ бы задумавшись надъ его словами.

— Да, правда,—сказала она, наконецъ:—я сама не знаю, что со мною. Простите меня.

— О, за что же? Вы ничего обиднаго не сказали. Вы сказали правду. Когда я умру, меня, конечно, привезутъ сюда, гдѣ похоронены мои предки, даже если Будаевка будетъ уже собственностью вупца Щеклѣва.

— Это преступленіе,—твердо сказала она.

— Что—преступленіе? Продавать землю Щеклѣву? Конечно, я охотно продаю бы ее Колодищеву, напримѣръ, но, сколько мнѣ извѣстно, онъ не имѣетъ желанія покупать ее.

Они пошли къ владбищенскому выходу.

— Послушайте, Вѣра Дмитриевна,—послѣ нѣкотораго молчанія, серьезнымъ тономъ сказалъ онъ.—Повѣдайте, какъ вы смотрите на жизнь? Какой вашъ идеалъ жизни? Тотъ ли, который красной нитью проходитъ черезъ всю нашу литературу?

— А какой именно?

— Я не знаю... идеалъ какаго-то самоотреченія, аскетизма, жажды духовнаго подвига, страданій, вообще—что-то мрачное, тяжелое, буддійское. Одинъ англійскій ученый читалъ въ лондонскомъ литературномъ обществѣ объ этомъ идеалѣ славянской души, и я удивлялся ему,—до того этотъ идеалъ суровъ и теменъ. И вы исповѣдуете его, несмотря на вашу цвѣтущую молодость и... красоту?

Она не обратила вниманія на послѣднее слово и крайне серьезно, съ внутреннимъ убѣжденіемъ отвѣтила ему:

— Нужно другимъ отдавать то, что имѣешь.

Онъ приподнял брови, крайне удивленный тономъ этого отвѣта столько же, сколько и словами.

— Даже самое дорогое?

— Даже самое дорогое.

— А если ничего не имѣешь?—пошутилъ онъ.

Но она еще серьезнѣе, какъ бы не допуская шутокъ въ такихъ вопросахъ, отвѣтила:

— Тогда надо отдать самого себя. Я это и стараюсь дѣлать,—просто продолжала она.—Польза отъ меня небольшая, но я живу въ деревнѣ, никуда не хочу и отдаю всю себя на служеніе крестьянамъ. Для себя я ничего не ищу, ничего не желаю. Я страдаю ихъ страданіемъ и радуюсь ихъ радостью. Та польза, какую я вношу въ ихъ жизнь, ничтожна. Но вѣдь

и я сама по себѣ—ничто. Ахъ, еслибы у меня было имѣнье,— конечно, я сдумѣла бы принести имъ большую пользу. Но я думала, что еслибы каждый человѣкъ, даже маленькій, даже ничтожный, умѣлъ и желалъ бы принести на общее благо все то, что принести въ силахъ, въ суммѣ это вышло бы значительно, и счастья прибавилось бы на землѣ. Мы съ отцомъ—служащіе, несамостоятельные люди, но мы дѣлаемъ все, что можемъ и что должны дѣлать, чтобы облегчить участь этихъ обиженныхъ судьбою людей.

— Крестьянъ?—спросилъ онъ.

— Да, крестьянъ. И повѣрьте, Дмитрій Сергѣевичъ, самый тяжелый день нашей жизни будетъ тотъ, когда Будаевка станетъ Щеклѣвкой и когда этотъ кулакъ начнетъ опутывать своими сѣтями этотъ бѣдный, темный народъ.

Онъ хотѣлъ что-то отвѣтить ей, какъ вдругъ около нихъ, за оградой кладбища, послышались звонкіе и веселые голоса.

Они вышли въ поле, на дорогу.

Офицеръ и студентъ, увидя Вѣру, шумно привѣтствовали ее.

Оба стали у своихъ велосипедовъ. Одинъ привинчивалъ гайку свернувшася на сторону сѣдла; другой дорожнымъ насосомъ надувалъ воздухомъ ослабѣвшую шину.

— Позвольте васъ познакомить,—сказала Вѣра остановившемуся въ недоумѣніи Будаеву.—Это... гости Евгенія Львовны и Клавдіи Егоровны: monsieur Курнаковъ... monsieur Берилловъ, а это—Владиміръ Сергѣевичъ Будаевъ.

— Ахъ, Владиміръ Сергѣевичъ... очень пріятно,—сказалъ Курнаковъ.— Вотъ неожиданная встрѣча. А мы отъ васъ, изъ Будаевки...

— Очень жалѣю, что вы меня не застали.

— Да мы *никого* не застали,—проговорилъ Берилловъ,— ни васъ, ни Вѣры... Дмитриевны.

— Но мы можемъ вернуться всѣ вмѣстѣ,—предложилъ Будаевъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—сказалъ испуганно Курнаковъ:— Евгенія Львовна будетъ сердиться. Мы общали къ завтраку.

— Да, мы общали къ завтраку,—какъ эхо подтвердилъ Берилловъ, не отрываясь отъ своей шины и накачивая ее.

Фуражка его была сдвинута на затылокъ, и потъ градомъ струился по его молодому, вишневаго цвѣта лицу. Быстрая вѣтра возбуждала ихъ, и оба говорили какими-то особенно громкими голосами.

— Дѣло въ томъ, что Евгенія Львовна просила насъ захватить къ вамъ, чтобы передать вамъ ея приглашеніе.. 22 мая—

день рожденія Клавдіи Егоровны, и обѣ желали бы васъ видѣть въ Садкѣхъ.

— Садкѣ—это имѣніе Скуридиныхъ,—пояснила Вѣра.

— Ахъ, да! я и не зналъ, что вы этого не знаете... Вѣдь вы недавно здѣсь...—сказалъ студентъ.—Нѣтъ, но каковы проглятыя дороги!—съ негодованіемъ продолжалъ онъ, обращаясь за сочувствіемъ къ Вѣрѣ.—Чуть не погубилъ машину! Положимъ, у меня лучшая американская машина—видите это клеймо. Если будете покупать, то только Кливлэндъ. И тормазъ на заднее колесо. Видите? Съ ватящимися роликами—это не портитъ резины. Ахъ, что же это я, заболтался! Ёдемъ, Benjamin?

— Ёдемъ, Jean. Я думаю, мое сѣдло не свернется.

— Мы и такъ опоздали, благодаря ваторжнымъ дорогамъ. Мое почтеніе! Очень пріятно познакомиться. У васъ нѣтъ съ собой машины? Нѣтъ? Я съ удовольствіемъ, когда хотите... Вѣра Дмитріевна, мы васъ будемъ учить,—хотите? Не хотите?—напрасно...

Они вскочили на свои велосипеды и съ большимъ трудомъ запедалировали.

Потомъ оба сдѣлали вольтъ и повернули къ Будаеву и Вѣрѣ.

— Ахъ, да!—крикнулъ, не сходя съ велосипеда, Берилловъ:—вѣдь мы и забыли спросить: что отвѣтить Евгеніи Львовнѣ?

— Вѣрнѣе сказать, мы не дали возможности отвѣтить,—поправилъ Курнаковъ.

— Смотрите! Смотрите! Я почти стою на мѣстѣ. Этого очень трудно достигнуть. Но я работаю на чѣмпіонатъ.

— Поблагодарите за приглашеніе. Я непременно буду.

— Оль-райтъ!

Велосипедисты скоро исчезли изъ виду.

Будаевъ разсмѣялся.

— Ну, эти, по крайней мѣрѣ, врядъ ли исповѣдуютъ вашъ идеалъ самоотреченія!—сказалъ онъ Вѣрѣ.

Она съ нескрываемымъ презрѣніемъ отвѣтила:

— О, конечно, нѣтъ!—горячо сказала она.—Одинъ „работаетъ“ на чѣмпіонатъ, вы слышали; другой даже надъ этимъ, кажется, не работаетъ. И оба состоятъ на посылахъ у очаровательной Евгеніи Львовны. Она держитъ ихъ какъ комнатныхъ собачекъ, кормитъ ихъ и выпускаетъ гулять, но не иначе какъ съ какимъ-нибудь порученіемъ.

— Ого! Вотъ новое качество, о которомъ я не подозрѣвалъ: у васъ презлой языкъ.

Она пожала плечами.

Это неожиданное появленіе этихъ „шутовъ гороховыхъ“, какъ

она ихъ въ душѣ называла, сильно раздражило ее. Во-первыхъ, они помѣшали ей интимному разговору съ Будаевымъ; во-вторыхъ, она знала, что, увидя ее вмѣстѣ съ нимъ, да еще на кладбищѣ, они сочинятъ какую-нибудь „гнусную сплетню“.

— А вамъ они нравятся? — спросила она. — Должно быть, да—вѣдь у нихъ нѣтъ аскетическаго идеала...

— Что-жь,—отвѣтилъ Будаевъ,—по моему, это вполнѣ естественно. Молодость имѣетъ свои права и законы.

— Значить, я старуха,—улыбнулась она, и, отказавшись отъ его экипажа, подъ предлогомъ желанія сдѣлать прогулку, она отошла отъ него и углубилась въ луга, гдѣ высокая трава скоро скрыла ее отъ его взоровъ.

XIV.

Чѣмъ больше подвигалось впередъ лѣто, тѣмъ все болѣе и болѣе выяснялось, что деревнѣ угрожаетъ голодовка. Годъ тому назадъ, будаевскіе крестьяне пережили то, что на официальномъ языкѣ называлось недородомъ. Всѣ подобрались хлѣбомъ и уже бѣдствовали. Въ воздухѣ чувствовался зной, готовый перейти въ засуху, а на поляхъ появился въ изобиліи какой-то червь и безпощадно съѣдалъ молодые всходы.

Все впало въ уныніе.

Только Будаева была какой-то житницей, потому что въ ней былъ порядочный запасъ зерна, сваленный въ амбары въ урожайный годъ и до сихъ поръ еще не окончательно израсходованный.

Щеклѣву посылались письма, ѣздили къ нему нарочные, но письма и нарочные, очевидно, не находили его, потому что онъ уѣзжалъ то въ „губернію“ то ѣздилъ по „округъ“ и дѣлалъ видъ, что не особенно интересовался предстоящей поупкой.

Будаевъ спалъ и видѣлъ, какъ бы поскорѣе уѣхать, а Тормиловъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы задержать его здѣсь.

Отношенія съ Вѣрой у него остались какія-то невыясненныя, странныя, послѣ этого случайнаго свиданія на кладбищѣ.

При другихъ онъ почти не говорилъ съ нею, а иногда даже чуть-чуть иронизировалъ надъ ея горячностью и пылкостью. Оставаясь наединѣ съ нею, что случалось крайне рѣдко, онъ охотно вдавался въ длиныя разсужденія съ нею все по поводу тѣхъ же вопросовъ, такъ волновавшихъ ее.

Но самъ онъ болѣе молчалъ и слушалъ, оставаясь холод-

нимъ и безучастнымъ къ страданіямъ деревни, которыя были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ея страданіями.

Вокругъ было неспокойно; начиналось какое-то глухое броженіе.

Крыжовъ все чаще и чаще сновалъ по окрестностямъ на своей перекладной и сталъ еще болѣе худъ, желченъ и золъ.

Однажды онъ пріѣхалъ въ Будаевку совершенно растерянный.

Лицо его было блѣдно, губы дрожали отъ злости.

Онъ вошелъ на террасу, гдѣ сидѣли Будаевъ и Тормиловъ, обсуждая условія продажи имѣнья во всѣхъ деталяхъ.

— Здравствуйте!—сказалъ Крыжовъ отрывисто.—Я вамъ не мѣшаю?

— Нисколько,—отвѣтилъ Будаевъ.

— Я ѣхалъ мимо, изъ Колодищевки. Заѣхалъ передохнуть.

— Пожалуйста. У васъ такой усталый видъ.

Тормиловъ взглянулъ на Крыжова и понялъ, что въ его дѣятельности произошло что-то важное.

Онъ только-что хотѣлъ задать ему вопросъ, какъ самъ Крыжовъ сказалъ:

— Будетъ усталый видъ! Вы развѣ ничего не слышали?

Будаевъ и Тормиловъ переглянулись.

— Нѣтъ, ничего...

— Вчера вечеромъ сожгли Колодищева.

Будаевъ не совсѣмъ понялъ это выраженіе.

— Какъ сожгли?!—вскрикнулъ онъ.

— Ну, да. У него обширныя службы во дворѣ. Ихъ подожгли съ трехъ сторонъ. Къ счастью, вучерь его не спалъ и поднялъ тревогу. Начали тушить загорѣвшееся зданіе и потушили, какъ пожаръ начался въ другомъ углу, потомъ — въ третьемъ. Нашли связки соломы и пустую коробку спичекъ. А, каково? Убытокъ небольшой, все удалось залить. Еще хорошо, что у него прудъ близко и легко таскать воду.

— Никого не поймали?—съ тревогой спросилъ Тормиловъ.

— Кха!—отващлялся съ желчнымъ видомъ Крыжовъ.—Поймаешь этихъ мерзавцевъ! Я и безъ поимки знаю, что тутъ не безъ Сулы. Озлобленный, дерзкій мужикъ. Какой-то фанатикъ. Нѣтъ, вы поймите, господа,—воодушевился Крыжовъ,—вѣдь это ужасъ что такое! Сула мститъ Колодищеву за случившееся съ нимъ когда-то несчастье. Сула на меня смотритъ звѣрежь, потому что я только исполнилъ то, что я долженъ былъ исполнить, и продалъ его „худобу“. Да вѣдь какъ же не продать-то, коли онъ упорно не платитъ недоимки?..

— Ну, вамъ всюду мерещится Сула... — неохотно сказалъ Тормиловъ.

— А вы готовы за этого негодяя въ огонь и въ воду! — озлобленно крикнулъ Крыжовъ. — Его обязанность платить подати. Обязанность гражданина. Пойдите, втемящите этому фанатику, что это—его обязанность! Положимъ, у мужиковъ—червь; урожая не будетъ, все будетъ выѣдено червемъ. Но что же дѣлать? Мнѣ-то что дѣлать? Мужики становятся дерзки. Вчера староста, при встрѣчѣ со мной, не снялъ шапки и говорилъ дерзко. Надо же было показать примѣръ. Я его послалъ въ городъ на высидку.

Тормиловъ всплеснулъ руками.

— Что вы дѣлаете, Аеоній Петровичъ! Во время косовицы, въ самый разгаръ работъ, вы его сажаете... Вѣдь вы бьете его по карману, вы разоряете его хозяйство. И потому вы удивляетесь, что крестьяне васъ ненавидятъ!

— А что же мнѣ дѣлать? Нуженъ примѣръ. Строгий примѣръ. Сегодня не сниметъ шапки. Прошло благополучно. Завтра наговорить дерзостей, а послѣ-завтра—гдѣ-нибудь ночью укокошить дубиной.

— Какое несчастье, что вы смотрите на подчиненныхъ вамъ крестьянъ какъ на какихъ-то разбойниковъ! Вотъ въ чемъ ваша бѣда.

— Вы—либераль, Дмитрій Александровичъ, я это давно знаю. Вы и ваша дочь. Вы ведете хозяйство, но вы все-таки довольно далеки отъ крестьянъ. Это они на насъ смотрятъ чуть не какъ на разбойниковъ.

— Если и такъ, то имъ это простительнѣе, чѣмъ вамъ. Они неразвиты, первобытны. Развѣ, напримѣръ, близко зная крестьянскій бытъ, какъ вы говорите, вы бы не могли отложить эту высидку до окончанія всѣхъ полевыхъ работъ, если ужъ высидка такъ необходима?

— Совершенно необходима. Повторяю: для примѣра. И откладывать нельзя—пройдетъ впечатлѣннѣе. Дайте только поймать мнѣ на чемъ-нибудь Сулу. Ого-го, что я съ нимъ сдѣлаю, съ мерзавцемъ! Будетъ онъ у меня мутить народъ. Вѣдь это ужасно, что дѣлается!—возмутился Крыжовъ.—Вчера же урядникъ донесъ мнѣ, а становой подтвердилъ, что какой-то Анисимъ-пьяница бродитъ по деревнѣ и подговариваетъ крестьянъ не звать попа на требы, подъ тѣмъ, молъ, предлогомъ, что попь спрашиваетъ дорого, а имъ и такъ туго. На меня, говорить, сойдетъ благодать Господня, потому жизнь моя правильнѣе поповой, и я буду васъ окрещать и погребать задаромъ. Нѣтъ, что вы на это скажете? Но вѣдь отцу Павлу надобно же жить чѣмъ-нибудь, коли у него четверо ребятъ? Надо, я васъ спрашиваю?

— Все это ужасно ненормально, — вставилъ наконецъ свое слово Будаевъ. — Я вижу, что нашъ общественный крестьянскій строй развѣдаютъ глубокія язвы. Конечно, священнику надо жить. Но онъ долженъ бы получать жалованье, разъ требы являются обязательными и священникъ является въ роли служащаго, официального лица, безъ функцій котораго нельзя обойтись.

Крыжовъ поморщился и потеръ себѣ лобъ.

— Да, конечно, — вяло отвѣтилъ онъ, — но что же дѣлать? Не намъ перестраивать эти порядки. Курьезная жизнь. Мало ли что здѣсь бываетъ! Вамъ, Владиміръ Сергѣевичъ, и во снѣ не снилось того, что здѣсь бываетъ. Дикіе вѣдь люди. А вы говорите — Англія! — обратился онъ къ Будаеву, хотя тотъ ровно ничего не говорилъ. — Далеко-съ намъ до Англіи!

— Да... — протянулъ Будаевъ. — Очень, очень далеко.

И все бѣльшее и бѣльшее изумленіе охватывало его отъ всѣхъ этихъ встрѣчъ и разговоровъ.

Періодическіе неврожаи, хлѣбные паразиты, эпидемическіи болѣзни, падежи скота, невѣжество и мракъ, мелкая, безпощадная война двухъ земельныхъ классовъ — вотъ та Россія, какою онъ видѣлъ ее въ дѣйствительности, и которая казалась ему далекою отъ той Россіи, какою онъ зналъ по книжкамъ.

„Что тутъ можетъ подѣлать одинъ человѣкъ, еслибы даже онъ возлюбилъ свое отечество, какъ о томъ неустанно твердитъ Вѣра Дмитріевна? — думалъ онъ. — Нужно быть гигантомъ, чтобы всколыхнуть этотъ застоявшійся океанъ“.

„Ахъ, да скоро ли, наконецъ, пріѣдетъ Щеклѣвъ?“ — съ тоскою сказалъ онъ себѣ.

XV.

Въ имѣнии Скуридиныхъ, Большихъ-Садкахъ, ждали гостей, по случаю дня рожденія бабушки, Клавдіи Егоровны.

Старухѣ было шестьдесятъ-пять лѣтъ, но она была еще очень подвижной, очень бодрой, благодаря дѣятельной жизни, которую она издавна вела.

Она жила постоянно за границей, съ давнихъ, очень давнихъ временъ. Родившаяся въ богатой семьѣ стараго дворянскаго рода, она получила французское воспитаніе и говорила по-русски только въ случаѣ необходимости, затрудняясь въ нѣкоторыхъ оборотахъ и вставляя чуждыя для русскаго слуха фразы.

Въ деревнѣ она, конечно, очень скучала и согласилась пріѣхать сюда ради внучки, Евгеніи Львовны, отъ которой отчасти зависѣла въ денежномъ отношеніи, потому что ея личныя сред-

ства, благодаря ея постоянному абсентеизму изъ Россіи и дорогому „train“ жизни, который она вела за границей, сильно пошатнулись въ послѣднее время, въ чемъ она, впрочемъ, обвиняла не столько себя, сколько правительство и въ особенности одинъ органъ его—министерство финансовъ, „благодаря неудачнымъ операціямъ котораго сдѣлался кризисъ, а мы всё оттого пострадали“.

Клавдія Егоровна, овдовѣвшая въ молодости, жила всегда самостоятельно и только недавно стала жить съ внучкой, послѣ того какъ у Евгеніи Львовны умерла мать, и молодая дѣвушка осталась безъ всякаго руководства и надзора.

Эта совмѣстная жизнь нѣсколько стѣснила Клавдію Егоровну, и она стала усиленно мечтать о скорѣйшей выдачѣ своей внучки замужъ.

Приѣхавъ въ Садки на это лѣто, она тотчасъ же, съ своей обычной энергіей, „обшарила“ всё помѣщичьи углы и не нашла ничего путнаго для Евгеніи Львовны.

Колодищевъ, который былъ у нея съ визитомъ, ей „не показался“. Медвѣдь какой-то, вѣчно сидящій въ своей деревенской берлогѣ и обожающій, къ тому же, эту берлогу.

Будаевъ жилъ въ Англии, и, слѣдовательно, его нечего было и считать.

Сазановъ, о которомъ она кое-что слышала, какъ о маньякѣ, тоже не шелъ въ счетъ. Она даже съ нимъ не познакомилась.

Было еще нѣсколько незначительныхъ, мелкихъ помѣщиковъ, о которыхъ не стоило даже думать и говорить, да былъ еще Щеглѣевъ, богатѣйшій „мужланъ“, который, само собою, ни подъ какимъ видомъ не годился для ея внучки въ женихи.

Поэтому, когда она узнала о приѣздѣ Будаева, то сразу оживилась и обрадовалась.

„Un gentilhomme pur sang,—подумала она:—il pourrait très convenablement faire l'affaire de la petite“.

Но Будаевъ, съ которымъ они провели очень пріятный сезонъ въ Лондонѣ, почему-то до сихъ поръ не показывался у нихъ въ усадьбѣ.

Это обстоятельство очень интриговало старуху.

„Надо это аппрофондировать“,—рѣшила она и послала „les satellites de la petite“—Берилова и Курнакова—въ Будаевку, чтобы пригласить ея владѣльца къ нимъ.

Когда оба сателлита вернулись, она ихъ допросила.

— Ну, что?—спросила она, сидя въ столовой за кофе.— Видѣли вы ce grand nicaud de Boudaëff?

— О, yes!—смѣясь, сказалъ студентъ.

— Довольно мрачный типъ, бабушка, — досказалъ офицеръ.

— Вы меня старите, мой молодой другъ, какая же я вамъ бабушка? — замѣтила она ему.

— Позвольте, я на пять лѣтъ старше вашей внучки. Развѣ у васъ не могъ бы быть такой внучекъ?

— Mettons, но не въ этомъ суть. Онъ будетъ?

— О, yes! — сказалъ Берилловъ.

— Прекрасно. Какъ вы его нашли?

Молодые люди переглянулись.

— Мы спросили въ усадьбѣ — гдѣ онъ, и побѣжали въ поле.

— Vous n'y êtes pas... Я васъ спрашиваю, какъ вы его нашли?

— Но мы вамъ отвѣчаемъ... А, да! Эврика! Понялъ! — крикнулъ Берилловъ. — Benjamin, бабушка хочетъ знать наше впечатлѣніе.

— Именно, — подтвердила она.

— Il est très bien, — сказалъ Курнаковъ. — Англійскій стиль, строгій и скучноватый, какъ хорошая англійская мебель.

— Выдержанный воньякъ. Extra dry, — подтвердилъ Берилловъ.

— Sans blague! — строго остановила ихъ старуха. — Какъ онъ вамъ показался?

— Бабушка! — взмолился Курнаковъ. — Nous ne tenons pas absolument à lui faire des éloges. Вы отъ насъ требуете невозможнаго. S'ras, Jean?

— О, yes.

— Почему невозможнаго?

— Но, позвольте, я читаю въ вашихъ тайныхъ мысляхъ: вы хотите сдѣлать его женихомъ Евгеніи Львовны?

— Еслибы и такъ, Курнаковъ?

— Но мы протестуемъ! — заявилъ Берилловъ. — Pas vrai, Benjamin, — мы протестуемъ?

— Mais sans doute.

— Вамъ-то какое дѣло? — возмутилась бабушка.

— Но мы влюблены, бабуся. Мы сами влюблены.

— По уши, — сказалъ Берилловъ.

— И даже выше.

Клавдія Егоровна насмѣшливо оглядѣла ихъ своими еще живыми, выразительными глазами.

— Вы? Allons donc! Вы — два Аякса, и говорите-то вы одинаково, какъ мальчишки, вырвавшіеся на свободу. Какіе вы женихи, когда васъ за уши надо драть!..

— За уши, бабуся.

— Это все равно. Но, пожалуйста, бросьте вашъ балаганъ, говорите серьезно, если способны на это.

— А какъ же нѣтъ? Извольте... Курнаковъ, ты будешь дѣлать докладъ?

— Ну, я, все равно. Вотъ, бабушка,—началъ онъ дѣловымъ тономъ:—мы выѣхали, согласно полученнаго нами секретнаго предписанія, въ девять часовъ тридцать минутъ. Сначала все шло прекрасно.

— Пре и красно...—сбалаганилъ Берилловъ.

— Не перебивай!—остановилъ его Курнаковъ.—Но потомъ у меня свернулось сѣдло на сторону, а у него шины начали выпускать духъ... Или наоборотъ, я, можетъ быть, спуталъ... Какъ это было, Берилловъ?

Клавдія Егоровна хлопала глазами.

— Ah, ça!—сказала она наконецъ.—En voilà des farceurs! *Voilà, mes amis*, будете вы говорить толкомъ, а не то я васъ прогоню.

— И оставите безъ сладкаго?

— Нѣтъ, просто прикажу запречь экипажъ и отвезти на станцію.

— Угроза подѣйствовала, — сказалъ Курнаковъ. — *Voilà*. Я продолжаю. Дѣло въ томъ, что я не усмотрѣлъ въ Будаевѣ элементовъ жениха—для Евгении Львовны, по крайней мѣрѣ.

Клавдія Егоровна не хотѣлось выдавать своихъ тайныхъ проектовъ, но, заинтересовавшись этимъ мнѣніемъ своего посланнаго, она не удержалась, чтобы не спросить:

— Почему это, скажите пожалуйста?

— Пунетъ первый и единственный...

Для бѣльшаго эффекта онъ сдѣлалъ продолжительную паузу.

— *Voilà* се пунетъ?

— Онъ влюбленъ.

— Кто влюбленъ?

— *Mais... le monsieur en question*. О комъ же мы говоримъ?

Будаевъ.

— Будаевъ влюбленъ?

— Да, Будаевъ влюбленъ.

— *Que me chantez-vous là?* Въ кого можетъ быть влюбленъ такой человѣкъ, какъ Будаевъ, въ этой волчьей ямѣ?

— Но... въ женщину, конечно! *s'ras, Jean?*

— О, *yes!* Впрочемъ, нѣтъ, не въ женщину...

— Какъ не въ женщину?—удивился Курнаковъ.

— Нѣтъ. Въ дѣвушку.

— Ну... это почти одно и то же. И такъ, онъ влюбленъ въ дѣвушку.

— Въ кого же, Боже мой! И какъ вы можете это знать? Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, онъ не дѣлалъ вамъ признаній?

— Кто умѣетъ смотрѣть, тому не надо признаній.

— Такъ говорите же, наконецъ, толкомъ!

— Вотъ, вотъ! Фонъ картины: сельское кладбище, poétique ça, hein? И такъ—сельское кладбище. Описывать декорацию?

— Passons. Я это знаю: плиты, кресты, церковь—et ainsi de suite.

— Ну, такъ вотъ. На кладбищѣ—натурально, могилы. Среди могилъ—мавзоль, въ родѣ усыпальницы древнихъ фараоновъ Будаевской династии. Фигуры, картины, для оживленія фона: молодой фараонъ Voldemar... ну, пусть будетъ четвертый, хотя я не знаю, исторически ли это вѣрно. И молодая египетская дѣвушка—Вѣра.

— Вѣра? Почему же она египетская?

— У нея разрывъ глазъ египетскій. Египетскіе глаза у нея. Ты замѣтилъ, Jean?

— О, yes!

— И такіе же загадочные, какъ у муміи. Вѣра—это дочь управляющаго.

— Тормилова?

— Вы угадали. Развѣ это не буквоческая идилія? Молодой помѣщикъ, сельское кладбище и дочь управляющаго? Развѣ мы не вправѣ были заключить, что тутъ любовь?

— Tiens, tiens!—задумчиво проговорила Клавдія Егоровна. Берилловъ, которому приходилось долго молчать, опять сбалаганилъ.

Онъ бросился поддерживать старуху подъ руки.

— Чтѣ съ вами?—удивленно сказала она.

— Вы говорите: tiens, tiens! Вотъ я и держу.

Она досадливо пожала плечами.

— Если вы не врете,—обратилась она къ Курнакову,—то въ вашемъ рассказѣ есть интересное.

— Да лихусь я лицедрѣнія Евгениі Львовны, ежели я совралъ хотя на пятачокъ!

— Кто произноситъ мое имя?—спросила, входя въ столовую, Евгениі Львовна.—А, это вы?!—разочарованно протянула она.

Молодые люди кинулись цѣловать ей руки.

Она лѣниво отбивалась отъ нихъ и говорила своей протяжной манерой:

— Надоѣли... надоѣли. Вы ужасно скучные. Еслибы я знала, что вы такіе скучные, я бы не взяла васъ въ деревню.

Берилловъ замахаля руками и залаялъ по-собачьи.

— Что съ вами?—спросила она.

— Вы говорите о насъ какъ о собачкахъ. „Скучный Боби, я не возьму тебя больше гулять“. Амъ, амъ!

— Отстаньте!—сказала Евгенія Львовна.—Пойдите куда-нибудь посмотрѣть, нѣтъ ли меня тамъ?

Курнаковъ трагически взглянулъ на Берилова.

— Пойдемъ, Боби, на кухню?

— Пойдемъ, Нѣро; можетъ быть, намъ добрая кухарка дастъ хорошую говяжью кость.

— За что, Боби?

— За то, что мы благовоспитанные шпицы.

И оба, залаявъ по-собачьи, вышли изъ комнаты.

Дѣвушка даже не улыбнулась.

Она подѣла къ столу.

— Что за конференція была у васъ съ этими клоунами?

— Нѣтъ, такъ...—уклончиво отвѣтила бабушка.

— Сто противъ одного: vous avez encore raglé о Будаевѣ.

— Ну такъ что-жь?

— Дался онъ вамъ, право. Будаевъ—сі, Будаевъ—là. Епфи, если онъ не хочетъ ѣхать, зачѣмъ тянуть его насильно? Я, мѣсяцъ тому назадъ, сама была въ усадьбѣ и просила передать ему наше приглашеніе. Мѣсяцъ тому назадъ! И онъ не пріѣхалъ ни разу, хотя мы близкіе сосѣди. Это даже не корректно, не по-джентльменски.

— Я сейчасъ узнала новость,—прервала ее бабушка.

— Ужь не отъ этихъ ли ищевъ?—она кивнула головой по направленію къ дверямъ.

— Отъ нихъ. Будаевъ влюбленъ.

— Въ кого?—небрежно спросила она.

— Въ Вѣру Тормилову.

— Въ Вѣру!—засмѣялась Евгенія Львовна.—C'est le comble! Но это чистый вздоръ. И ваши ищевки, bonne maman, все вѣдь врутъ. Вѣра—эта народница, эта мѣщаночка въ Шиллеровскомъ вкусѣ—и Будаевъ! Что можетъ быть между ними общаго? Это клевета на него, и ее выдумали эти глупые мальчишки, которымъ вы имѣли... неосторожность повѣрить. Хотя... въ концѣ концовъ, какое намъ до всего этого дѣло? И что намъ Будаевъ? Интересный знакомый, съ которымъ мы случайно встрѣчались въ Лондонѣ, какъ со многими изъ русской колоніи.

Клавдія Егоровна покачала головой.

— Будаевъ молодъ, красивъ, холостъ и богатъ, — значительно сказала она.

— И?.. — протинула Евгения Львовна, прищурившись. — И значить, годится мнѣ въ женихи? Удивительно, бабуся, какая у васъ страсть искать мнѣ жениховъ. Это остатки русской за-кваски, національнаго качества. Рядомъ съ европейкой въ васъ сидитъ сваха, коренная московская сваха.

Клавдія Егоровна укоризненно покачала головой.

— Женя, — сказала она, — твоя покойная мать, когда умира- рала...

Евгения Львовна засмѣялась и продолжала, какъ затвержен- ный урокъ:

— То сказала: „вотъ дочь моя; смотри, сестра, за нею“... или что-то въ этомъ родѣ. Пожалуйста, не заботься такъ о моей судьбѣ. Я о ней сама позабочусь, когда настанетъ время. И вообще, — нахмуривъ брови, продолжала она: — я не люблю опеки. Я признаю самостоятельность...

Евгения Львовна вышла изъ комнаты и подумала:

„Воппе шаман, хотѣла сказать, что Будаевъ — партія. Онъ молодъ, холостъ и богатъ, а мы — наванунѣ разоренія... Пожалуй, объ этомъ стѣитъ подумать“...

Потомъ она тряхнула головой, какъ бы желая отогнать отъ себя эти мысли, но мысли не желали отходить отъ нея, и она сказала себѣ:

„П у а de l'étoffe dans tout ça... Онъ — партія, ergo... Отчего, въ самомъ дѣлѣ, не попробовать его завлечь? Наконецъ, отчего не завести, просто-на-просто, легкій деревенскій романъ, даже и безъ всякихъ брачныхъ поползновеній, такъ, отъ скуки. Petit goûpan de château? Вотъ только эта простушка тутъ замѣшалась... Какъ бы не испортила всего дѣла“...

Вообще, мысль о Будаевѣ видимо заняла ее. Она влигнула своихъ сателлитовъ, вскочила на велосипедъ и умчалась.

Сателлиты, какъ рѣзвые щенки, издавали радостныя, молодыя восклицанія, говорили на перебой глупости, которыя ей вначалѣ казались смѣшными, а теперь надоѣли смертельно, и она велѣла имъ ѣхать молча.

Это молчаніе и быстрая ѣзда помогали зрѣть мыслямъ и разыгрываться воображенію...

XVI.

Будаевъ пріѣхалъ между тѣмъ къ Скуридинымъ, съ Торми- ловымъ и Вѣрой; Вавакинъ, Колодищевъ и Крыжовъ давно уже сидѣли у Клавдіи Егоровны.

Когда онъ остался съ нею вдвоемъ, старуха сказала ему:

— Mon cher Владиміръ Сергѣевичъ, мы очень рады васъ видѣть; Евгенія скоро должна вернуться, и я говорю также за нее. Mais à vrai dire, вы заставили себя долго желать...

Будаевъ извинялся какъ могъ.

— Клавдія Егоровна, — сказалъ онъ, — простите великодушно. Я попалъ въ первый разъ въ деревню... надо было осмотрѣться — столько новыхъ впечатлѣній. Мнѣ какъ-то трудно было рѣшиться покинуть усадьбу.

— И хорошія — новыя впечатлѣнія?

Онъ серьезно отвѣтилъ:

— Неурожаи, засухи, жучки, горятъ лѣса и деревни, поджигаютъ помѣщичьи усадьбы, мрутъ люди отъ эпидемій, падаетъ скотъ отъ эпизоотій... Крестьяне озлоблены, исправникъ суровъ, преслѣдуетъ крестьянъ за недоимки, которыхъ, какъ говорятъ, имъ платить нечѣмъ; во время работъ сажаетъ ихъ „на выsidку“. Вотъ мои новыя впечатлѣнія. Все темно и жалко въ этой русской жизни. Говорятъ, нужно жалѣть крестьянъ, нужно чувствовать къ нимъ любовь. Я не знаю, почему... но я не чувствую къ нимъ ни того, ни другого. Мнѣ здѣсь душно и тянетъ вонъ отсюда. Отчего я не чувствую къ нимъ любви и жалости? Я не знаю. Я уже имѣлъ случай слышать, что я — педантъ и законникъ на англійскій ладъ. Можетъ быть...

Старуха слушала его не прерывая и старалась вникнуть въ его слова, чтобы понять, съ какой стороны вѣтеръ дуетъ.

Онъ чувствовалъ себя здѣсь свободнѣе, вольнѣе, и ему хотѣлось говорить. Тамъ, въ Будаевкѣ, Вѣра съ своей любовью къ деревнѣ неприятно дѣйствовала на него. Онъ стѣснялся говорить при ней такъ, какъ думалъ.

— Я не знаю, — продолжалъ онъ, — и не понимаю внутренней логики вещей. Тамъ, гдѣ люди образуютъ общество, по-моему, все должно быть основано на законности. Иначе невозможно управлять людьми. Гдѣ отношенія урегулированы, тамъ очень мало мѣста жалости и поблажкамъ. Здѣсь — все наоборотъ. Вѣдь налоги должны быть, повидимому, сообразованы съ платежными силами населенія; слѣдовательно, недоимки должны быть рѣдимы исключеніемъ изъ правила или же результатомъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Здѣсь — хроническія недоимки, и что же, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать исправнику, какъ не требовать съ крестьянъ того, что законъ требуетъ отъ исправника? По-моему, онъ поступаетъ логично, законно и правильно, и если бы поступалъ иначе, то былъ бы плохимъ исправникомъ. А здѣсь всѣ обвиняютъ его въ безсердечіи и суровости. При чемъ тутъ

сердце? Я не знаю, есть ли законъ, чтобы мужики снимали передъ нимъ шапки. Если есть, онъ опять правъ, сажая ихъ въ какую угодно рабочую пору. И я беру его сторону. Если народъ болѣеть, то нужно, чтобы была врачебная помощь. У насъ на огромное пространство—Вавакинъ, qui se grise и играетъ въ карты, но не лечитъ. Тогда зачѣмъ же держать его, а не смѣнить? Но мнѣ говорятъ: жалко лишить человѣка послѣдняго куска хлѣба. Жалко болящаго мужика и жалко человѣка, который приноситъ этому мужику явный вредъ.

Онъ пожалъ досадливо плечами.

— И вотъ разберитесь въ этой сентиментальности, которая, кажется, происходитъ не отъ сердца, а отъ какой-то логической распущенности. И я ничего не понимаю; не понимаю логики вещей, не могу уловить смысла этой странной жизни. Тогда мнѣ говорятъ, что я иностранецъ, „англичанинъ“. Но я хочу быть просто-на-просто человѣкомъ, разсуждающимъ логично. И я не могу этого.

Владимъ Егоровичъ сдѣлалось вдругъ невыносимо скучно.

Она ожидала отъ него легкаго разговора, въ которомъ она могла бы почерпнуть интересовавшія ее свѣдѣнія о его отношеніяхъ къ Тормиловой, а вмѣсто того онъ осудилъ ее на слушаніе какой-то безконечно длинной лекціи.

— Вотъ мои впечатлѣнія,—продолжалъ онъ все тѣмъ же ровнымъ и спокойнымъ тономъ;—я не знаю, хороши они или дурны. Мнѣ приходилось очень часто говорить объ этомъ съ m-lle Тормиловой, которая заражена страстной любовью къ мужику и родинѣ...

„Eupin!“—подумала старуха, и очень обрадовалась случаю вставить нужное ей слово.

— Vous êtes toujours un bon causeur, какимъ я знавала васъ въ Лондонѣ,—любезно сказала она ему.—Mais à propos. Вы упомянули о m-lle Тормиловой. Вы знаете, что мы переманиваемъ ея отца къ себѣ?

— Знаю. И, кажется, онъ склоняется на это, несмотря на предложеніе съ моей стороны.

Заговоривъ о Тормиловыхъ, Клавдія Егоровна почувствовала почву подъ ногами.

Она хитровато улыбнулась, похлопала Будаева по рукамъ и сказала:

— Mon cher, Владиміръ Сергѣевичъ, бѣгаютъ слухи, что вы влюблены.

— Я? Grand Dieu!—искренно удивился онъ.—Въ кого же?

— Вы не догадываетесь?

— Нисколько.

— Но... въ m-lle Тормилову.

Будаевъ вдругъ ощутилъ какую-то неловкость. Ему стало не по себѣ, какъ это иногда бываетъ, когда другіе подмѣчаютъ въ человѣкѣ черту, которой онъ рѣшительно не допускалъ въ себѣ.

— *Quelle idée!*— смущенно проговорилъ онъ.— Она милая дѣвушка, очень симпатичная, правда, немножко скучная съ своей любовью къ родинѣ и народническими идеалами, которые далеки отъ меня и чужды мнѣ... пока, по крайней мѣрѣ. Вотъ почему я хочу скорѣе раздѣлаться съ имѣньемъ и уѣхать.

— Бѣгство?.. Значить, есть кусочекъ правды?

— Ни крошки. Просто, я чувствую, какъ будто меня жизнь закутываетъ здѣсь въ какую-то душную вату, которая оболваниваетъ меня со всѣхъ сторонъ. И я боюсь ослабѣть... Я обожаю силу и мощь, какъ физическую, такъ и нравственную. *Un point, c'est tout.*

— Ахъ, вы говорите совсѣмъ какъ Женья. Она такъ любить силу и самостоятельность, спортъ. Она совсѣмъ дѣвушка *puuveau siècle*'я... бициклетка, шофѣзка, смѣла на языкъ до дерзости...

— Я, къ сожалѣнію, очень мало знаю Евгению Львовну, — суховато сказалъ онъ.

Къ обѣду вернулась Евгения Львовна съ молодежью.

Обѣдъ прошелъ вяло.

Всѣ шли въ разбродъ. Евгения Львовна пикировалась съ Колодицевымъ, который съ увлеченіемъ рассказывалъ Вѣрѣ Дмитриевнѣ о поджогѣ и отвѣчалъ отрывисто Скуридиной, когда она вторгалась въ разговоръ.

Вѣра Дмитриевна слушала его съ мѣньшимъ интересомъ, чѣмъ обыкновенно, и наблюдала за Будаевымъ, съ которымъ Евгения Львовна кокетничала напраую, какъ она кокетничала только что съ Колодицевымъ; Вѣра знала, что она кокетничала потому, что Колодицевъ богатъ, а Евгения Львовна почти разорена.

Теперь она ведетъ ту же игру съ Будаевымъ, вѣроятно чтобы возбудить непріятное чувство въ Колодицевѣ и чтобы заявить на всякій случай свои права на Будаева передъ Вѣрой.

Вѣрѣ сдѣлалось тоскливо наблюдать за этой игрой, и ей хотѣлось скорѣе встать изъ-за стола и уйти въ садъ, который былъ очень хорошъ въ Скуридинѣ.

Бабушка больше молчала, принявъ наблюдательную позицію.

Курнаковъ и Берилловъ много ѣли, еще больше пили, сначала разболтались, но Евгения Львовна не удостоивала ихъ вниманіемъ, и имъ сдѣлалось скучно.

Крыжовъ одинъ говорилъ за всѣхъ, стараясь поддерживать общій разговоръ; но такъ какъ онъ все говорилъ объ одномъ и томъ же, что уже достаточно всѣмъ надоѣло, то ему предоставляли говорить, видимо не слушая его и не вникая въ его рѣчи.

Вавакинъ молча, сосредоточенно, мрачно пилъ и поглядывалъ на Вѣру.

Въ концѣ обѣда онъ вдругъ, слегка стукнувъ кулакомъ по столу и выразительно уставившись на Вѣру, ни съ того, ни съ сего, среди случайнаго молчанія, громогласно произнесъ:

— А все-таки... „она вертится“: „э пуръ ся муове“...

Всѣ разсмѣялись—до того это было неожиданно, и это обстоятельство развеселило общество.

Курнаковъ приснулъ со смѣху. Бериловъ расшашлялся.

— *Tiens, quel type!*—сказалъ онъ въ полголоса.

Вѣра сурово взглянула на доктора.

— Кто вертится? Ваша голова?—спросила она.

— Я—Галилей, ежели онъ сказалъ это,—не отвѣчая на ея вопросъ, проговорилъ Вавакинъ: — упрямства и во мнѣ много. Посадите меня въ тюрьму, какъ его посадили, ежели только его посадили, а я все-таки скажу:—она будетъ моею.

— Кто?—спросилъ Курнаковъ.

— А вамъ-то что?—огрызнулся докторъ.

— Готовъ, спѣйся, — толкнувъ ногой Курнакова, тихо сказалъ Бериловъ.—*Lâche-le...*

— Она будетъ моею!—еще разъ протянулъ Вавакинъ речитативомъ.

Всѣ какъ-то сразу замолчали.

Однимъ стало неловко за этого врача, постепенно утратившаго человѣческой обликъ, другіе ничего не поняли. Вѣра нахмурила брови, Будаевъ силился разгадать таинственное значеніе этихъ словъ, а Евгенія Львовна какъ-то двусмысленно подхихивала.

Евгенія Львовна произвела на Будаева какое-то странное, двойственное впечатлѣніе; она ему нравилась въ Лондонѣ, нравилась и теперь, потому что была красива.

Красива была и Вѣра, но совсѣмъ не такой красотой. Въ симпатичномъ, открытомъ, привѣтливомъ лицѣ Вѣры все было ясно, просто, отчетливо. Грустные, задумчивые глаза ея, эти эмалевые глаза, которые нравились Будаеву, свидѣтельствовали о той работѣ духа, которая происходила въ ней. Иногда они были такъ же просты, какъ ея улыбка, какъ яркій цвѣтъ ея щекъ, какъ вся она—воплощеніе типичной русской дѣвушки съ ея естественными и простыми идеалами добра и общаго блага,

идеалами, почерпнутыми изъ самой простой книги, которая только существуетъ въ мірѣ—изъ евангелія.

Въ лицѣ Скуридиной было много неправильностей и не было строгой чистоты линий. Задорный носикъ, слегка вздернутый, съ нервными, тонкими ноздрями, плутоватые глаза, прелестныя брови, нѣсколько тяжеловатая нижняя часть лица, съ чуть-чуть опущенными углами губъ.

Но въ общемъ это лицо было и миловидно, и красиво. Только никакъ нельзя было догадаться—искренно ли она смѣется, отъ души ли шутить. Никогда нельзя было узнать, что скрывается за этимъ взоромъ и за этимъ красивымъ бѣлымъ лбомъ, окруженнымъ мелкими завитками свѣтлыхъ шелковистыхъ волосъ.

Въ рамѣ большого города, какъ Лондонъ, она была какъ-то болѣе у-мѣста, чѣмъ въ этой простенькой деревенской рамѣ.

Она не могла относиться серьезно ни къ Крыжову, занимавшему ее разсказами о злодѣйствахъ мужиковъ, ни къ Вавакину, напивавшемуся при каждомъ удобномъ случаѣ, ни къ Колодищеву, съ его искреннимъ культомъ мужа и деревни, тяготившему къ этому простенькому полевому цвѣточку—Вѣрѣ. Пренебрежительно и обидно-насмѣшливо относилась она и къ своимъ „адъютантамъ“, отъ которыхъ не знала теперь, какъ отдѣлаться.

Одного Будаева она считала человѣкомъ своего круга, но сообщеніе бабушки, сдѣланное ей со словъ „ищеекъ“, заставило ее внимательнѣе приглядѣться къ нему, въ результатъ чего получилось разочарованіе.

Къ остальнымъ гостямъ она относилась очень внимательно и любезно, потому что это были гости, и потому что другихъ людей не было въ этой скучной деревнѣ.

Послѣ обѣда всѣ отправились въ садъ, и всѣмъ какъ-то сразу сдѣлалось легче.

— Скажите, — начала Евгенія Львовна, обращаясь къ Будаеву:—вы долго еще пробудете у насъ?

— Право, не знаю. Все зависитъ отъ дѣла.

— *Только* отъ дѣла?

Онъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Отъ чего же еще?

— Я не знаю. Иныхъ держать дѣла, другихъ—магниты.

— Какіе магниты?

— Разные бываютъ магниты. Вотъ насъ, напри-мѣръ, держитъ имѣнье. Теперь въ Парижѣ скоро grand prix, а мы должны сидѣть здѣсь... хотя и въ очень пріятномъ обществѣ,—улыбнулась она,—но, къ сожалѣнію, оно собирается не часто. Вы, на-

примѣръ, рѣшительно не захотѣли вспомнить вашихъ лондонскихъ друзей. Вы, конечно, скажете то, что говорятъ обыкновенно...

— Что же говорятъ обыкновенно?

— „Я былъ очень занятъ, столько дѣлъ, ни минутки свободной“...

Будаевъ улыбнулся.

— Я занятъ?! Никто бы этому не повѣрилъ. Я—идеаль бездѣльнаго человѣка.

— А! Тогда причина серьезнѣе: вы просто не хотѣли насъ видѣть.

— И это нѣтъ! Это ни въ какомъ случаѣ.

— Mais alors? Есть же какое-нибудь объясненіе?

— Всему есть на свѣтѣ объясненіе. Я велъ соверцательную жизнь; нѣтъ, невѣрно: растительную. Мнѣ лѣнь было двигаться.

Она съ вызовомъ посмотрѣла на него.

— Это страшное чудовище,—въ упоръ, смѣло глядя ему въ глаза, спросила она:—не дочь управляющаго?

Этому вопросу онъ удивился больше всего.

— Вѣра Дмитриевна? Вотъ странный вопросъ! Мнѣ уже нѣсколько человѣкъ намекали на это.

— А вы—что?

— Удивляюсь и только.

— А я удивляюсь вашему удивленію.

— Но почему, ради Бога?

— Во-первыхъ, гласъ народа — гласъ Божій. Во-вторыхъ, Луиза Миллеръ, madon, Вѣра Тормилова—очень миленькая дѣвушка, хотя и немножко—какъ бы это сказать?—немножко hausgebäcker—домашнее печенье, очень нѣжное, съдобное и приторное. Но есть многіе, которые это любятъ.

— Вѣра Дмитриевна очень хорошая дѣвушка, — серьезно сказалъ онъ, — и я ее очень уважаю, но... до любви это такъ далеко, какъ...

— Il ne faut juger de rien. И потомъ, вовсе не такъ далеко, какъ вамъ кажется. „Уваженіе“—c'est déjà quelque chose. Или прелюдія, или вырожденіе любви. Я бы не могла перенести, чтобы меня уважали. Я настолько молода, и могу пока обойтись безъ этого почтеннаго чувства. Уваженіе и любовь—ça ne se marie pas. Можно любить, не уважая, и уважать, не любя.

— Остановитесь на послѣднемъ по отношенію къ Вѣрѣ Дмитриевнѣ и меня.

— Такъ что вы увѣрены, что это не прелюдія?

— Увѣренъ.

Она засмѣялась, и въ этомъ смѣхѣ было что-то натянутое, непріятное.

— Держитесь на этой точкѣ!—продолжала она, точно бра-
вируя такой скользкой темой.—*C'est pas prudent.*

— Отчего такой осторожный совѣтъ?

— Это просто. Развѣ вы не видите, что Колодищевъ влюб-
ленъ въ этотъ полевой цвѣтокъ нѣжнаго колера и безъ аромата?

— Колодищевъ?

— Ну, да.

— А она?—живо спросилъ Будаевъ.

Евгенія Львовна восо взглянула на него.

„*Tiens, tiens!*“—съ досадой подумала она.— „*Rautez vous
papa* съ ея вѣчной фразой: „твоя покойная мать, умирая,
поручила мнѣ“ *et ainsi de suite!*“

— А она? — повторила Евгенія Львовна. — Но согла-
ситесь, что я дѣлаюсь провинціальной кумушкой-сплетницей.
Enfin, — пожала она плечами, — *je vous demande un peu*, что
можно здѣсь еще дѣлать? Но вернемся къ героинѣ. Она не
влюблена въ Колодищева. Она бы любила его, еслибы у нея не
началась недавно опасная дѣвичья эпизоотія, *ragdon*, эпидемія—
лихорадка влюбленности.

— Она влюблена?

— Непремѣнно.

— Это не секретъ?..

— Въ кого именно? Ничуть. Въ васъ.

Онъ отступилъ на шагъ.

Что-то непріятное прошло у него по душѣ.

Съ какой стати всѣ намекаютъ на это и вмѣшиваются,
безъ всякаго основанія, въ интимнѣйшія стороны чужой жизни?
Какая убійственная, чисто-русская манера—залѣзть въ чужую
душу и обшаривать ее!

— На этотъ разъ,—суховато проговорилъ онъ и вѣжливо
улыбнулся:—вы сдѣлали крупную ошибку, и я не могу поздравить
васъ съ наблюдательностью.

— Фраза, которая покрываетъ ремарку: „онъ смущенъ“,—
вызывающимъ тономъ сказала она. — Смотрите, Колодищевъ ей
напѣваетъ свои неизмѣнныя буколички: мужичокъ, коровушка, „ну
тащися сивба“, „сяду я за столъ и подумаю, какъ на свѣтѣ
мнѣ одинокому“. Или рассказываетъ ей о томъ, какъ помогъ
ребеночку одной бабы, — хорошо еще, если не „бабочка“, — отъ же-
лудочка. Эти захватывающія темы когда-то интересовали ее—ну,
по крайней мѣрѣ, какъ меня интересовало одно дивное бирюзовое
колье въ витринѣ одного магазина на *rue de la Paix*. Теперь она

слушаетъ однимъ ухомъ. Ухо ея тамъ, но глаза ея здѣсь. Колодищевъ производитъ на нее своими рѣчами впечатлѣніе осенняго дождя, отъ котораго она не можетъ отдѣлаться. И она вся въ трепетномъ ожиданіи солнца, затѣннаго досадной тучей.

— Сколько символовъ!—воскликнулъ онъ.

— О, yes! Солнце—это вы, досадная туча—это я, потому что я заслоняю васъ. Ей недостаетъ зонтика, чтобы укрыться отъ дождя. Я не дамъ ей зонтика. И en fin de compte, если вы ничего этого не видите, то вы или неискренни, или... ненаблюдательны: возвращаю вамъ это назадъ.

Онъ слегка поклонился.

Она говорила насмѣшливымъ тономъ, выпучивая Вѣру, отлично сознавая, что ничто не дѣйствуетъ такъ на чувство, какъ насмѣшка.

— Я не знаю, — войдя во вкусъ, продолжала она:—дѣлалъ ли ей предложеніе се cher Ваваинъ. Но онъ тоже влюбленъ въ нее. Чтѣ они находятъ всѣ въ ней? Вы видите, я говорю какъ старая, завистливая дѣва. Вы не возражаете?

— Только-что собирался. Еслибы не ваше молодое лицо и не вашъ свѣжій, молодой голосъ, можно было бы дѣйствительно подумать, что слышишь рѣчи старой дѣвы.

Она не обратила вниманія на эти слова.

— Я знаю, впрочемъ, почему они всѣ влюблены въ Луизу Миллеръ. А провоз, dans ses moments perdus, m-г Тормиловъ играетъ на скрипкѣ—и сходство тогда становится полнѣе. Да, такъ это оттого, что по букету—цвѣтокъ. А ужъ у насъ такой букетъ мужчинъ... Ну, не буду, не буду, милый дипломатъ; вижу, на васъ это дѣйствуетъ болѣзненно. И я, дѣйствительно, превращаюсь въ провинціалку. Чтѣ дѣлать: если еще поживу дольше въ этой берлогѣ—и совѣмъ такую сдѣлаюсь.

Онъ радъ былъ, что представился случай перемѣнить тему разговора.

— А вы долго еще думаете прожить здѣсь?—спросилъ онъ.

— Н...не знаю, —нерѣшительно отвѣтила Евгенія Львовна. —Боюсь, что долго. Надо знать, чтѣ скажетъ Тормиловъ, разсмотрѣвши наши дѣла. Они запущены. Мы просимъ о дополнительной ссудѣ дворянскаго банка, чтобы уѣхать. Положеніе пиковое, какъ выражается иногда Крыжовъ. Бабушка глубоко увѣрена, что мнѣ ничего другого не остается, какъ выйти хорошо замужъ. Хорошо—это Колодищевъ, у котораго большое, очень большое имѣніе и—нигдѣ незаложенное. Но Колодищевъ и я—это „въ одну телѣгу не можно впречъ боя и лань“ — такъ, важется? А вотъ что, развѣ отбить его отъ Тормиловой?—шут-

ливо спросила она. — Но вѣдь выйти за Колодищева, значить сдѣлаться помѣщицей и зарыться въ деревнѣ съ голодными мужиками и бабами съ больными животами. Нѣтъ, этого я не могу. Если наши дѣла не поправятся, я буду писать книгу: „Journal d'une désavée“ и зарабатывать деньги личнымъ трудомъ.

Ему опять сдѣлалось непріятно, какъ будто онъ почувствовалъ, что ему необходимо предложить ей свои услуги въ той или иной формѣ.

И онъ очень обрадовался, когда бабушка повзала ее къ себѣ по какому-то дѣлу.

XVII.

Колодищевъ разговаривалъ съ Вѣрой, но, получая отъ нея односложные, вялые отвѣты, былъ очень удивленъ.

Она уже не походила на ту Вѣру, которую онъ зналъ всегда — энергичную, бодрую, ясную и веселую.

Онъ чувствовалъ, что какая-то тайная грусть поселилась въ ней и мѣшаетъ ей жить по прежнему.

Онъ всячески старался подойти къ этому вопросу, чтобы его выяснить, но она видимо уклонялась отвѣтить ему прямо.

Тогда онъ просто спросилъ ее:

— Что съ вами въ послѣднее время, Вѣра Дмитриевна?

Она вздрогнула.

— Со мной? Что вы хотите, чтобы со мной было?

— Вы расбѣяны, васъ что-то гложетъ. Вы уже далеко не прежняя Вѣра.

Она засмѣялась.

— Съ чего вы это взяли? Я все та же.

Колодищевъ печально покачалъ головой.

— Хотѣлось бы, чтобы это было такъ. Но это не такъ. Вы знаете, я привыкъ на все смотрѣть прямо и просто. Позвольте поговорить съ вами о томъ, что давно уже занимаетъ меня.

Вѣра испуганно взглянула на него.

— Развѣ это необходимо? — спросила она.

— Да, для меня это необходимо. Но я не краснорѣчивъ и не умѣю говорить такъ, какъ, можетъ быть, это принято. Суть вотъ въ чемъ. Будаевъ продаетъ имѣнье. Вы, конечно, съ вашимъ батюшкой не можете остаться на службѣ у Щеклѣва.

— О, нѣтъ! — сказала она, на этотъ разъ горячо.

— Точно также Дмитрію Александровичу не къ чему брать мѣсто у Скуридиныхъ. Не къ чему, потому что ихъ пѣсенка,

кажется, спѣта. Вѣроятно, въ концѣ концовъ, рано или поздно это имѣнье останется за банкомъ, или же его купить тотъ же Щеклѣвъ.

— И?—спросила она.

— Вамъ тяжело будетъ разстаться съ этими мѣстами. И я вамъ предлагаю: переѣзжайте ко мнѣ. Вашъ батюшка будетъ помогать мнѣ по хозяйству, мы съ нимъ ужъ, конечно, условимся. Ну, а потомъ...

Онъ вопросительно взглянулъ на нее, какъ бы ожидая отъ нея помощи, поддержки.

Но взглядъ ея былъ испуганный и холодный.

Онъ не сказалъ ей того, что готовилось сорваться съ его языка.

— Ну, а потомъ видно будетъ,—печально договорилъ онъ.

— Хорошо, поговорите съ папой,—тѣмъ же тономъ сказала она.

И вдругъ оба вздрогнули.

Тебя отнять отъ меня
Ты не моя, ты не моя!

— пропѣлъ чей-то голосъ.

Это была Евгенія Львовна, которая съ своей гитарой подвралась близко къ нимъ.

Она звонко захохотала.

— Испугала? Ну, простите... Захотѣлось подурачиться. Или, можетъ быть, вамъ не понравились слова? Таеъ грустно, когда приходится говорить: ты не моя, иль: ты не мой!

Вѣра надулась.

Ей не понравилась эта выходка. Колодищевъ ничего не отвѣтилъ.

Курнаковъ и Берилловъ, услыжавъ пѣніе, прибѣжали на голосъ Евгеніи Львовны и стали упрашивать ее пѣть.

— Отстаньте!—сказала она:—захочу—буду пѣть, не захочу—не буду; а если буду, то не для васъ, во всякомъ случаѣ.

— А для какого же счастливецъ?

— Вотъ, чтобы разбудить его,—и она указала на спавшаго глубокимъ сномъ на скамьѣ подъ деревомъ Вавакина.

Всѣ разсмѣялись.

Вавакинъ внезапно проснулся отъ этого смѣха и протеръ глаза.

— Это вы надо мной?—ни къ кому не обращаясь, спросилъ онъ.

— Въ родѣ этого,—отвѣтилъ Курнаковъ.

Вавакинъ уже протрезвѣлъ и искалъ глазами Вѣру, которая уходила въ глубь сада.

Онъ понялъ, что ее инстинктивно тянуло туда, гдѣ былъ Будаевъ.

Евгенія Львовна взяла подѣ руку Колодищева и пошла съ нимъ въ противоположную сторону.

Курнаковъ и Берилловъ усѣлись рядомъ съ докторомъ, съ которымъ у нихъ за послѣднее время установились короткія отношенія амикошоннаго свойства.

Они выпучивали Вавакина при всякомъ удобномъ случаѣ, а онъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, говорилъ имъ дерзости. Никто изъ этого тройственнаго союза не обижался одинъ на другого, и въ сущности, всѣ очень мирно и не безъ удовольствія проводили время и коротали деревенскую скуку.

— Ну, что вы оставились на меня, словно никогда не видали?—спросилъ ихъ Вавакинъ.

— Мы изучаемъ въ послѣднее время миеологию,—отвѣтилъ Берилловъ.

— Вотъ нѣ! Я васъ объ этомъ не спрашиваю.

— Мы хотимъ знать, какой видъ имѣлъ Бахусъ.

— Ну и что же?

— Ну, вотъ вы и похожи на него. Вамъ бы еще вѣнокъ надѣть на голову изъ виноградной лозы—сходство было бы полное.

— А вы знаете, на кого вы похожи?

— На кого?

— На двухъ дрессированныхъ пуделей.

Молодые люди разсмѣялись, нисколько не обидѣвшись.

Вавакинъ досадливо махнулъ рукой.

— И смѣтется-то вы пощенячи, ей-Богу!—пробормоталъ онъ.—Создастъ же Господь такіе типы!

— Ну ужъ, на чемъ природа ошиблась, такъ это на васъ, Эскулапъ. Вы—Эскулапъ, который ничего не понимаетъ въ медицинѣ. Вы—Бахусъ, который ничего не понимаетъ въ винѣ. А туда же еще выдумали ухаживать за женщинами, въ которыхъ столько же понимаете, какъ въ медицинѣ и винѣ,—сказалъ Курнаковъ.

— А вы въ чемъ понимаете?

— Въ женщинахъ.

— Скажите, пожалуйста! А откуда вы взяли, что я ухаживаю за женщинами?

— Не за женщинами, а за женщиной.

— За кѣмъ?

— За Тормиловой, конечно.

Вавакинъ врянулъ.

— А откуда это видно?—недовольно спросилъ онъ.

Курнаковъ ему объяснилъ:

— Оттуда. У васъ въ глазахъ — масло.

— Такъ.

И вдругъ Вавакину пришла идея спросить у молодого человека его мнѣніе о Вѣрѣ.

— А вы какъ о ней разсуждаете?

— Да ничего. Экстерьеръ хорошъ. Постановка корпуса правильная, портретъ недуренъ. Но чтобы судить о женщинѣ, нужно видѣть ее на велосипедѣ. Во всякомъ случаѣ, экземпляръ недурной, балловъ на десять. Ну, а нутро—неважное. Сельскій типъ. И притомъ, влюблена.

Вавакинъ оживился.

— Ну? А въ кого?

— Конечно, не въ васъ, старый сатиръ.

— Не въ васъ ли, молодой пудель?

— Нѣтъ. Въ Будаева, очевидно, если моя наблюдательность меня не обманываетъ.

— Такъ. А отчего вашъ пріятель молчить все время?—спросилъ Вавакинъ, которому вдругъ стало непріятно вести разговоръ на эту тему.

Берилловъ поднялъ голову.

— Мнѣ здѣсь стало скучно. Дамъ мало,—отвѣтилъ онъ;— а тѣ, которыя на лицо, скучны какъ осенній день. Ничего не можетъ быть тоскливѣе влюбленной женщины... если она влюблена не въ васъ. И потомъ...—онъ внимательно взглянулъ на Вавакина,—я соскучился по Петербургу и хотѣлъ бы уѣхать. Надоѣло.—Онъ еще пристальнѣе посмотрѣлъ на врача.—Знаете что?

— Не знаю. Глупость какая-нибудь.

— Съ какой точки зрѣнія. Вотъ что: нѣтъ ли у васъ ста рублей безъ опредѣленнаго назначенія? Вы—врачъ, у васъ должна быть свободная наличность. Дайте мнѣ сто рублей, и я дамъ слово, что уѣду отсюда завтра же.

— Да мнѣ-то что? Живите хоть до осени, или вовсе поселитесь здѣсь.

— Но я васъ буду изводить.

— А сколько угодно. Меня всѣ изводятъ. Я привыкъ. Даже нашъ праведникъ Сазановъ—и тотъ изводитъ.

— Ахъ, Сазановъ!—сказалъ Курнаковъ.—Кстати, что съ нимъ, гдѣ онъ? Я его совершенно не вижу въ послѣднее время.

— Мнѣ, конечно, все равно,—проговорилъ Берилловъ,—покажи Сазановъ—идіотъ.

— Мнѣ не все равно, но я того же мнѣнія,—подтвердилъ Вавакинъ.

— А насчетъ ста рублей?

— Разнаго... Съ Сазановымъ что-то творится плохое. Меня на дняхъ призывала ключница его. Но я ничего не понялъ.

— По обыкновенію,—замѣтилъ Берилловъ.

Вавакинъ злобно взглянулъ на него.

— Ну, вы...—сказалъ онъ. И обращаясь къ Курнакову, продолжалъ:—Онъ сталъ худъ, какъ скелетъ. И все толкуетъ о правдѣ. „Все надо сжечь, чтобы уничтожить ложь“. А хуже всего то, что къ нему повадился Сула, и они о чемъ-то совѣщаются. Какъ бы худа не вышло. Забылъ сказать Крыжову. Сазановъ просто помѣшанный и кончить худо. Запирается отъ людей, ничего не ѣстъ, не пьетъ. Недоброе съ нимъ творится, недоброе.

Берилловъ засмѣялся.

— Ну, у васъ вѣдь кто не пьетъ—помѣшанный. Можно подумать—вы гений. Дадите сто рублей?

— Отстаньте.

Всѣхъ позвали въ домъ пить чай, а послѣ того всѣ разошлись.

XVIII.

Было уже темно, когда Ефимъ Авимычъ Щеклѣевъ пріѣхалъ съ поѣздомъ на вокзалъ изъ губерніи.

Окончивъ всѣ свои многочисленныя дѣла, онъ рѣшилъ, наконецъ, что пора взяться за Будаевское дѣло, такъ какъ „дальнѣйше тянуть опасно, какъ бы не вышелъ какой оборотъ, а между прочимъ доподлинно узвано о желѣзной дорогѣ, и какъ бы Будаевва не прошла мимо носу“.

Бдучи въ тарантасѣ въ Будаевку, онъ долго раздумывалъ о предстоящей покупкѣ.

— Какъ бы того, „канкарентъ“ какой не наклонулса?—говорилъ онъ въ полголоса, какъ имѣлъ обыкновеніе обсуждать дѣла.— Да кто же бы? Кажись, вокругъ никого. Господинъ Колодищевъ не канкарентъ, потому не хочетъ расширяться, а господа Скуридины и вовсе даже безсильны. Нѣтъ, съ этой стороны опаски нѣтъ. А вотъ Тормиловъ, чай, провиюхалъ про дорогу да и настроить этого самого „англичана“. И задорожатся, чего добраго...

Раскинувъ такимъ образомъ умомъ, Щеклѣевъ сталъ клевать носомъ, потому что на вокзалѣ много ѣлъ и еще больше „переложилъ за галстукъ“; вообще, это былъ человѣкъ весьма

трезвый и строгій въ потребностяхъ, потому что любилъ обладать всѣми своими силами и всей ясностью ума, которыя были совершенно необходимы для веденія его обширныхъ дѣлъ.

И въ такомъ нормальномъ состояніи это былъ человѣкъ съ елейной рѣчью на устахъ, съ елейной наружностью. Все дѣлалось именемъ Господа Бога и по Его соизволенію.

Но когда онъ допускалъ себя до выпивки и кутежа, то его елейная натура какъ-то сразу ступенькалась и пропускала сквозь себя всю затаенную необузданность исконнаго самодурнаго духа.

И теперь, послѣ угощенія на вокзалѣ, голова у него кружилась и на душѣ мучило. Въ особенности въ тѣ моменты, когда тарантасъ подскакивалъ на глубокихъ колеяхъ и „вытряхивалъ ему душу“.

— Нивита, стой! — сказалъ онъ вучеру. — Не въ моготу мнѣ. Словно на кораблѣ качаетъ. Дай-во-сь, я выйду да промвусь малость. И до усадьбы, поди, недалечко.

— Далечко, Яфимъ Акимычъ. И ночь теплая.

— А ты не разсуждай. Это дѣло хозяйское. Разсуждаешь, а возжи распустилъ. Держи коней, говорю.

Онъ съ трудомъ вылѣзъ изъ тарантаса, и его вдругъ качнуло.

— Ишь, винище проклятое! — проворчалъ Щеклѣвъ. — И что за вино на вокзалѣ — ровно отравя. Мошеникъ этотъ буфетчикъ, право, мошеникъ!

Онъ шелъ, качаясь изъ стороны въ сторону.

— Эй, кто тамъ? — крикнулъ онъ, обернувшись и разслышавъ шаги. — А! Мужикъ съ бабой! А куда идете?

— Въ село, — отвѣтилъ мужикъ.

— А по какой такой надобности? — присталъ Щеклѣвъ, которому хотѣлось болтать.

— Безо всякой надобности. Сельскіе мы.

— Такъ. Ну что-жь, какъ урожай ожидается?

— Плохо. Голодовка будетъ.

— Чтò такъ?

— А такъ. Сначала это мочило, потомъ сушило, а еще червь ѣлъ. А таперя жукъ откуда ни возьмись.

— Такъ. А еще чтò?

— А болѣе ничего. Народъ болѣетъ, скотъ болѣетъ.

— А вы лечите.

Мужикъ махнулъ рукой.

— Пошто? Противъ Господа нешто пойдешь? На все Его святая воля. Ему лучше знать. Да и какіе лекаря-то? Прислали „ветерана“, чтобы, значить, скотину лечилъ, а онъ замѣсто того,

чтобы лечить, говорить, убивать ее надо. Немто можно скотину убивать? А коли, говорить, не убьете, солдатъ вызову. Немто это лекаръ? Прямо, разбойникъ.

— Такъ,—задумчиво проговорилъ Щеклѣвъ, но его насколько не интересовали эти подробности: ему хотѣлось узнать что-нибудь о Будаевѣ—Слышь ты,—сказалъ онъ, убѣдившись, что мужикъ самъ не заговорить объ этомъ:—а что болтають про будаевского помѣщика?

— А что болтають? Всякое болтають. Будто не нашей онъ вѣры, что-ли, и не нашего племени. Будто землю его,—потому онъ неправильно ею владѣеть,—отберуть ее отъ него и крестьянамъ дадутъ...

— Ну-ну!—заволновался Щеклѣвъ, понемногу трезвѣя и соображая:—сейчасъ ужъ и отдадутъ! Смотри, скажи своимъ тамъ, чтобы и думать не могли! Потому какъ эта земля моя будетъ—я ее покупаю у Будаева-то...

— Ты покупаешь?—протянулъ мужикъ,

— А я-жъ. Кто-жъ больше.

— Экая, скажемъ, напасть...

— Что-о?—зарычалъ, совершенно отрезвѣвъ, Щеклѣвъ.—Что ты сказалъ?

— Напасть, говорю...

— Какъ такъ напасть? Почему напасть?

— Прижимаешь ты больно, Яфимъ Авимычъ. Тяжко мужику подъ тобой... А еще другое: мужики хотѣли сами купить черезъ банку. Сказываютъ, въ губерніи банка такая есть, что мужикамъ деньги даетъ, чтобы, значить, ловчѣе земли отбирать.

Это было ново для Щеклѣва; объ этой комбинаціи съ имѣньемъ Будаева онъ еще не слышалъ.

— Дурачье!—обозлился онъ.—Туда же лѣзете! Какая такая банка вамъ деньги дастъ? Свою землю зря червя жрать даете, такъ, вишь, мало вамъ для червя корму. Сидѣли бы, знай, да помалкивали. А ты мужикъ умный, ты разговори, вотъ что. Это вѣдь, я знаю, вашъ путаникъ, Сула Трофимъ, все подстраиваетъ, мерзавецъ. Охъ, и побываетъ же онъ въ Сибири, какъ пить дать, побываетъ!

— А коли продается, такъ что-жъ не купить? За что тутъ, скажемъ, Сибирь?—возразилъ мужикъ

— А ты у меня поговори!—зарычалъ Щеклѣвъ.—Вотъ я исправнику нажалуюсь. Всѣмъ вамъ попадетъ по пятое число. Бунтовщики!

Мужикъ испуганно толкнулъ бабу, и оба свернули въ сторону. Щеклѣвъ почувствовалъ себя трезвымъ и вдругъ заторопился.

— Давай-ка сюда!—вскрикнулъ онъ кучеру.— Да погоняй, авось доберемся, пока еще не легли спать.

Щеклѣевъ ощущалъ тревогу.

Ужъ и вправду не переигралъ ли онъ съ будаевскимъ имѣньемъ? Можетъ, ждали, ждали его, да и сообразилъ этотъ Тормиловъ и о дорогѣ, и о крестьянскомъ банкѣ. Ну, это еще посмотримъ! Хоть и жохъ этотъ Тормиловъ, и туго свое дѣло знаетъ, а только вѣдь и онъ, Щеклѣевъ—не промахъ... Еще разрѣшить ли земство эту покупку такимъ разореннымъ крестьянамъ? А и дуракъ онъ самъ, что-ли? Развѣ у него въ земствѣ нѣтъ руки?

Тѣмъ не менѣе, онъ усиленно гналъ лошадь, а кучеру давалъ легкіе тумачи въ спину.

Въ усадьбѣ пили чай, когда по дорогѣ раздался стукъ колесъ Щеклѣевского тарантаса.

— А вѣдь это нашъ покупатель, — заявилъ Тормиловъ.

Сердце Вѣры вдругъ перестало биться.

Вотъ, наконецъ, та развязка, которой она такъ боялась. Въ послѣднее время Щеклѣевъ съ его проектомъ покупки Будаевки сталъ ей казаться миеомъ и во всякомъ случаѣ чѣмъ-то такимъ далекимъ, такимъ не скоро осуществимымъ, что она уже перестала тревожиться за участь усадьбы и ея милой, дорогой рощи.

Но, вотъ, это далекое сдѣлалось вдругъ близкимъ, какъ внезапно нагрянувшая туча, отъ которой нѣтъ болѣе никакого спасенія.

— Какъ, вы думаете, это—Щеклѣевъ?—радостнымъ голосомъ спросилъ Будаевъ, и эти радостныя ноты больно отозвались на душѣ Вѣры.

— Онъ, конечно, онъ. Ну, да, вотъ этотъ Соловей-разбойникъ самолично жалуетъ сюда.

— Чай да сахаръ!—елейнымъ голосомъ сказалъ Щеклѣевъ, входя на террасу и посмотрѣвъ по колоннамъ, отыскивая гдѣ-нибудь образъ; но, не найдя его, перекрестился на воздухъ.— Здравствуйте, Дмитрій Александровичъ, какъ Господь Богъ носить?—Здравствуйте, Вѣра Дмитриевна.—А это будутъ сами владельцы?

Онъ подошелъ къ Будаеву.

— Приятно ознакомиться. Прощенья прошу, что поздно ватился. На станціи позадержали малость, да и то сказать—дорога... Колеи, дождей давно не было...

Несмотря на развязный тонъ, онъ, видимо, былъ смущенъ и старался по лицамъ, освѣщеннымъ желтыми огоньками садовыхъ подсвѣчниковъ, угадать, какъ стоятъ его фонды, и не случилось ли что-нибудь особенное за столь долгое время его отсутствія.

Но угадать ничего не могъ.

— Мы васъ давно ждали, — сказалъ холоднымъ тономъ Будаевъ, незамѣтно разсматривая гостя. — Я изъ-за васъ три недѣли лишнихъ здѣсь пробылъ. Да еще, вѣрно, придется прожить столько же, если вы будете попрежнему нерѣшительны.

— Вотъ сейчасъ начнетъ ломаться и говорить, что имѣнье ему ненужно и прочее, — сказалъ Вѣрѣ Тормиловъ въ полголоса.

Но Щеклѣевъ отвѣтилъ:

— Рѣшительности въ насъ много, очень даже много. Съ Господней помощью переговоримъ нынче же, ежели пожелаете, потому мнѣ завтра утречкомъ ѣхать надо.

— Эге! — сказалъ Вѣрѣ Тормиловъ. — Это что-то новое. Никогда онъ такъ не говоритъ. Вѣрно, пронюхалъ про дорогу.

— Сегодня поговоримъ, сегодня и рѣшимъ. Можно и условнице сдѣлать такое домашнее, промежду себя. И нотариуса не тревожить покамѣстъ.

Ему налили чаю.

Щеклѣевъ удобно усѣлся, сталъ дуть на чай и пить въ прикуску.

— Ужъ вы меня извините, ваша милость, — обратился онъ къ Будаеву, — что, можетъ быть, не во благовременье. Человѣкъ я занятой; какъ выбралась минутка, такъ, стало быть, я и пріѣхалъ.

— Пожалуйста. Куда же вы, Вѣра Дмитриевна? — спросилъ Будаевъ, замѣтивъ, что она хочетъ уйти.

— Вы будете говорить о дѣлахъ; я не хочу мѣшать вамъ.

— Чѣмъ вы можете помѣшать? Намъ, кажется, и говорить не о чемъ съ господиномъ Щеклѣевымъ? Наши условія ему давно извѣстны. Нѣтъ, пожалуйста, оставайтесь, — вы такъ вѣдь любите сидѣть въ это время на террасѣ...

Вѣра осталась, хотя ей мучительно больно было слушать разговоръ о продажѣ ея любимаго гнѣзда.

XIX.

Щеклѣевъ молча пилъ чай, видимо „обмозговывая“ положеніе.

— Ну, что же, — сказалъ Дмитрій Александровичъ, обращаясь къ Щеклѣеву, потому что замѣтилъ недоумѣвающій взглядъ Будаева.

— А что же? — спросилъ Щеклѣевъ. — Это вы пасчетъ покупки?

— Конечно.

— Такъ вѣдь такого дѣла зря нельзя дѣлать, сидя за чаемъ. Дѣло большое, огромное дѣло. Вотъ, стало быть, отойдемъ отъ стола, присядемъ въ кабинетъ и потолкуемъ, благословясь.

Ему, видимо, не нравилось, что здѣсь сидѣла Вѣра, взгляды которой на эту продажу ему были извѣстны изъ неоднократныхъ разговоровъ съ нею.

Онъ боялся ея вліянія и противодѣйствія, потому что никакъ не могъ уловить сущности ея отношеній къ помѣщику и къ самому дѣлу въ его послѣднемъ фазисѣ.

Будаевъ усмѣхнулся.

— Простите меня... Ефимъ Авимычъ, кажется? Но я недавно въ Россіи и не совсѣмъ еще усвоилъ здѣшніе обычаи. У насъ это дѣлается проще.

— Какъ же?— съ любопытствомъ спросилъ Щеклѣевъ.

— Позвольте. Не будемъ даже говорить, какъ это дѣлается гдѣ бы то ни было. А просто станемъ разсуждать логично. — Мнѣ хочется продать имѣнье, вамъ—купить. Вотъ пунктъ первый и достаточно ясный.

— Это точно.

— Пунктъ второй. Условія мои вы знаете. Съ вами ведется переписка уже около полугода. Вы не можете не знать условій. Третье. Имѣнье вамъ извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ. Вы здѣсь живете, извѣдвали его вдоль и поперекъ, осматривали не разъ и не два. Планы, бумаги, описи—все у васъ имѣется. Такъ въ чемъ же дѣло? Написать предварительное условіе и внести задатокъ.

— Дорогонько просите, Владиміръ Сергѣевичъ.

— Но вы, кажется, въ принципѣ согласились на эту цѣну?

— Сгоряча. Ей Богу, съ горяча. Дорогонько. Не будетъ ли какой уступочки?

Тормиловъ вступился.

— Ой, Ефимъ Авимычъ, прогадаете! Я вамъ прямо заявляю: уступки не будетъ. Мы даже хотимъ увеличить цѣну...

Щеклѣевъ безпокойно заёрзалъ на стулѣ.

— Это по какому же случаю, смѣю васъ обезпокоить?

— А по случаю проведенія дороги. Мы имѣнье придержимъ, а черезъ годъ, полтора—возьмемъ за него втрое.

„Такъ и есть!—подумалъ Щеклѣевъ:—о дорогѣ уже сообразили“.

— А болѣе ничего не скажете?

— Ничего,—съ недоумѣніемъ отвѣтилъ Тормиловъ.

„О мужикахъ, стало быть, ничего неизвѣстно“.

— Такъ,—отвѣтилъ Щеклѣевъ. — Оно, дѣйствительно, до-

рѣга... только вѣдь это-жъ ее знаетъ, будетъ она или не будетъ. А ежели будетъ,—такъ ли пройдетъ, или какъ?

— Не безпокойтесь, все это очень хорошо извѣстно.

— Такъ... — поглаживая бороду, проговорилъ Щеклѣевъ.— Опять же цѣну вы увеличить можете, а только покупщика не найдете.

— А почему такъ?

— Потому капиталистовъ въ округѣ нѣту.

Будаевъ пожалъ плечами.

Его раздражалъ этотъ ни въ чему не нужный разговоръ, въ которомъ онъ, какъ европеецъ, не видѣлъ ничего дѣлового, а только что-то шантажное, какое-то прижиманіе, недобросовѣстное пользованіе обстоятельствами.

— Позвольте же,—сказалъ онъ,—имѣнне это вы хотите купить или не хотите?

— Отчего же? — отвѣтилъ Щеклѣевъ. — Купить всегда можно.

— Хорошо, значить—хотите, хотя и высказываетесь какъ-то неопредѣленно. Стоитъ оно этой цѣны или не стоитъ?

— Отчего же?—Всякой цѣны стоитъ.

— Тогда въ чемъ же дѣло?

— Да отчего же не поторговаться?—раздражился Щеклѣевъ, припертый вопросами Будаева къ стѣнѣ.—Гдѣ же видано, чтобы такое дѣло безъ торгу было? Это не порядокъ. И бублика у торговли не купишь, не поторговавшись. А это не бубликъ. Безъ благословенія Божія на такое дѣло не пойдешь и безъ торгу рубля не выложишь. Даже будто неприлично такъ вдругъ, взявъ да и выложилъ все на столъ. Гдѣ же это видано-съ?

— Ахъ, ну если дѣло все въ томъ, чтобы поговорить лишній часъ, такъ сдѣлайте одолженіе. Я не звалъ, что это необходимо и что безъ этого неприлично.

— Совсѣмъ даже напротивъ! Дѣло не въ разговорѣ, а въ уступкѣ.

Тормиловъ серьезно прервалъ его:

— Вотъ чтѣ, Ефимъ Акимычъ. Время позднее, а завтра вы говорите, вамъ ѣхать нужно. Поэтому мы рѣшили съ Владиміромъ Сергѣевичемъ кончить сегодня. Если вы не хотите, сдѣла съ вами не состоится, вотъ и все. Мы найдемъ другого покупателя.

— Кого же бы это?

„Непремѣнно съ мужиками снюхался“,—подумалъ онъ испуганно.

— А ужъ это наше дѣло. Найдемъ.

— Капиталистовъ нѣту, вотъ что, — съ спокойной увѣренностью проговорилъ Щеклѣевъ.

— Гдѣ это? Въ Россіи нѣту?

— Зачѣмъ? Здѣсь нѣту.

— Тамъ мы, въ Петербургѣ, въ Москвѣ поищемъ. Словомъ, вотъ послѣднія условія: купчая, пошлина и всякіе расходы, какіе могутъ быть—на вашъ счетъ. Вы прибавите къ нашей прежней цѣнѣ семьдесятъ-три тысячи рублей. Задатокъ внесете при подписаніи предварительнаго условія и не позже пятнадцатаго іюня, а всѣ деньги—по вводѣ васъ во владѣніе.

Щеклѣевъ отъ ужаса замахалъ руками и затрясъ головой.

— Это не по-божески... это не по-божески, какъ хотите-съ. Господь Богъ васъ накажетъ... — растерянно говорилъ онъ. Но потомъ растерянность прошла и елейность исчезла.

Онъ рассердился.

— Это капканъ-съ. Капканъ-съ. Но я не лисица и не волкъ. Это все одно, что на медвѣдя съ топоромъ идти.

— Да позвольте, какой же капканъ? Кто же васъ въ немъ держитъ? Не вправятъ наши условія—переночуйте, а завтра увѣжайте. Никто васъ не держитъ насильно, это вы напрасно. Полюбовная сдѣлка—не капканъ. Наше дѣло—предложить, ваше—согласиться, а насилія здѣсь никакого нѣтъ, это вы напрасно.

Щеклѣевъ замолчалъ, видимо борясь съ собою.

Будаевъ тоже молча наблюдалъ эту сцену.

Вѣра почти не слышала, что говорили. Сердце ея билось мучительно, какъ тогда, наканунѣ пріѣзда владѣльца, когда она съ грустью думала о разлукѣ съ роднымъ гнѣздомъ.

Вотъ въ этомъ внезапномъ молчаніи, наступившемъ послѣ оживленныхъ разговоровъ, есть что-то страшное, рѣшающее. Сейчас оно кончится и кончится ея мирная жизнь въ Будаевкѣ.

Сквозь широкіе просвѣты террасы, Вѣра всматривалась въ милую рощу, сняввшую передъ нею въ голубоватомъ свѣтѣ луны. Набѣгали тучи, изъ которыхъ срывались крупныя капли перваго лѣтняго дожда. Вдали, какъ и тогда, въ вечеръ ея перваго серьезнаго горя, вспыхивали зигзаги далекой молніи надвигавшейся грозы.

Роща точно примолгла. И Вѣрѣ опять показалось, что изъ таинственныхъ нѣдръ рощи ползутъ на нее какія-то безформенныя тѣни. И ей слышался уже стукъ топоровъ Щеклѣевскихъ дровосѣбовъ, и сердце ея мучительно, больно сжалось.

Неужели гроза надвигается на нее такъ рѣшительно и неуловимо?

И она чувствовала, что съ продажей гнѣзда для нея наступитъ великое горе и ее окружить безпредѣльная пустыня.

Гдѣ бы они ни очутились съ отцомъ, она будетъ одна безъ этой роши и... безъ Будаева, который уѣдетъ навсегда въ Лондонъ.

При послѣдней мысли ей стало жутко.

Какъ будто въ грозную ночь разверзлись небеса, и при яркомъ, ослѣпительномъ блескѣ молніи она впервые заглянула въ таинственную глубину своей души. И на этой глубинѣ, куда она въ послѣднее время боялась опускаться даже съ завязанными глазами, чтобы не испугаться того, что тамъ шевелилось и назрѣвало, она увидала нѣчто страшное, чего она боялась пуще смерти.

Но оно было, несомнѣнно было тамъ, свило себѣ гнѣздо и прочно-прочное усьлось.

Она до боли сжала свои похолодѣвшія руки и опустила глаза, отвернувшись отъ роши и не желая встрѣчаться со взоромъ того, кто такъ незамѣтно сдѣлался ей дороже роши, дороже этого стараго дома.

Со стороны двора слышался шумъ.

Оралъ Джонъ, орала городская кухарка, и Петръ, и Даша — всѣ съ кѣмъ-то горячо спорили.

И чей-то грубый голосъ покрывалъ ихъ всѣхъ и говорилъ:

— Мнѣ, значить, до барина. Ишь, развозились, ровно цѣбныя собаки. Сволочь! Мнѣ до барина по самонужному дѣлу!..

Тормиловъ вышелъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и вернулся на террасу съ Трофимомъ Сулой.

Вѣра удивленно взглянула на нихъ. Будаевъ посмотрѣлъ мрачно на мужа: онъ очень не любилъ его, послѣ того, что слышался о немъ, а послѣ пожара у Колодищева приказалъ слѣдить за нимъ Джону и ни подъ какимъ видомъ не пускать въ усадьбу.

Глаза Щеклѣева безпокойно забѣгали, когда онъ увидѣлъ на лицѣ управляющаго торжество.

— Что тебѣ? — спросилъ Будаевъ, обращаясь къ Сулѣ, суровымъ тономъ. — Тебя не пускали, зачѣмъ ты ворвался?

— Рвется песь, — грубо отвѣтилъ Сула, мрачно, точно пойманный волкъ, оглядывая присутствовавшихъ. Но при видѣ Вѣры взглядъ его смягчился. — Я не песь. Я по дѣлу, отъ общества. По дѣлу я. Твой нѣхристь этотъ ровно собака цѣбная.

— Говори, что нужно?

Тормиловъ поспѣшилъ объяснить дѣло.

— Владиміръ Сергѣевичъ, — сказалъ онъ въ примирительномъ тонѣ: — Трофимъ отъ общества крестьянъ, чтобы узнать не захотите ли вы продать Будаевку имъ.

— Такъ, такъ!—закивалъ Сула головой, а Тормиловъ подмигнулъ Щеклѣеву, позеленѣвшему отъ злости.

— Вотъ вамъ и капиталисты!—сказалъ онъ ему.

Щеклѣевъ отъ неожиданности потерялъ способность рѣчи.

Онъ нивагъ этого не ожидалъ и былъ внѣ себя отъ злости.

— Такъ что, значить, общество промежду себя рѣшило,— продолжалъ Сула. — Извѣстно, какъ продаете дѣдовщину, а у васъ земли, извѣстно, мало... Рѣшили позычить въ банкѣ. Слышавши, что Яфима Акимыча тарантасъ въ усадьбѣ ватитъ, опасались, извѣстно, какъ бы промежду пальцевъ не ушло. И наказали, стало быть, заявку сдѣлать. Проси, молъ, намъ продать и въ банку отъ себя, молъ, обратиться, потому мы люди, извѣстно, темные, а только о той банкѣ, извѣстно, тоже слышаны.

Щеклѣевъ приобрѣлъ способность рѣчи.

— Куда вамъ, голъ этакая, будаевскія земли? И съ своимъ то не управляетесь, червей кормите...—злобно сказалъ онъ.

— Наша земля истощенная... устала родить, вотъ ее то червь, то жукъ и точитъ. Господская земля—молодая, здоровая...

— Ишь, ишь, что задумали, черти! Сколько тыщъ тутъ надо! Сколько тыщъ! Всѣхъ грамотѣевъ сберите, да съ старшиной—не сосчитаете.

Сула косо взглянулъ на Щеклѣева и, презрительно плюнувъ на сторону, не удостоилъ его на этотъ разъ отвѣта.

— Такъ какъ же, стало быть? Обнадежить?—обратился онъ къ Будаеву и Тормилову, по очереди глядя на обоихъ.

— Дурья ты голова, право дурья! — опять вскипѣлъ Щеклѣевъ. — Вѣдь землю-то я покупаю, — чего-жъ ты лѣзешь съ своимъ косматымъ рыломъ?

— Рыло какъ рыло, — обидѣлся Сула. — А ты, чай, изъ господъ будешь? И не суйся ты, ради Господа, промежъ насъ!

Вѣра съ трепетомъ и упованіемъ смотрѣла на Будаева.

Эта комбинація не приходила ей въ голову. Теперь она сіяла отъ радости. По крайней мѣрѣ, если ужъ надо, чтобы земля была продана, пусть она принадлежитъ „мужичкамъ“, ей любимымъ, роднымъ мужичкамъ, а не этому кровопійцѣ Щеклѣеву.

Но Будаевъ молчалъ, и она сильно тревожилась за исходъ дѣла.

„Ахъ, отчего папѣ ему ничего не скажетъ?“ — мучительно думала она.

— Вотъ какой ты мужикъ! — упрекалъ, между тѣмъ, Сулу Щеклѣевъ. — Какъ же это ты такъ при господахъ позволяешь себѣ грубости? Бога вы забыли, вотъ что! И выдумали же по-

слать кого мужики! Да тебѣ давно въ Сибири пора гнить, каторжникъ ты этакій, за всѣ твои дѣла.

Сула вдругъ грозно надвинулся на него, и Щеклѣвъ, испуганно отступивъ, спрятался за спину Тормилова, который стоялъ около него.

— За какія такія дѣла? — грубо сказалъ Сула. — Ну-ко-съ? За какія? Я мужиковъ не грабилъ, какъ ты! Видѣлъ ты мои дѣла, сказывай? Самого въ Сибирь бы давно посадить, коли бы все справедливо у насъ было на свѣтѣ. А то что! Укрываете только одинъ другого. Я-те покажу: „каторжникъ“!

— Успокойся, Сула, — сказалъ наконецъ Будаевъ, и Вѣра стала жадно его слушать, — успокойся! Я тебѣ отвѣчу на твой вопросъ. Видишь ли, у меня уже раньше были переговоры съ Ефимомъ Акимычемъ...

Щеклѣвъ высунулся изъ-за спины Тормилова и радостно закачалъ головой.

— И если онъ теперь, — продолжалъ Будаевъ, — согласится на поставленные ему условія, окончательныя, то я не вижу возможности прервать съ нимъ переговоры. Самъ, я думаю, поймешь, это было бы несправедливо, не по-божески, — добавилъ онъ, улыбувшись.

Вѣра понизила головой, и слезы затуманили ея глаза.

Щеклѣвъ совсѣмъ выбрался изъ-за своей засады.

— Я согласенъ, — твердо проговорилъ онъ. — Дорогоновъ, это нечего сказать, а только согласенъ. Ишь что выдумали: общество! Банка! Черти! — вдругъ расхрабрился онъ. — Я вамъ покажу супротивъ меня идти! Дозвольте, сударь, — обратился онъ къ Будаеву, — написать этакую предварительную замѣточку-съ я, можетъ, заодно и задаточекъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ, — возразилъ Будаевъ, — я вашему слову вѣрю. Уговоритесь съ Дмитріемъ Александровичемъ и въ городѣ все сдѣлаете. У Дмитрія Александровича довѣренность на все.

— Такъ... Все одно это. Вы отъ своего барскаго, дворянскаго слова не отступитесь, такъ надо полагать. Ну, вотъ, съ Господней помощью и порѣшили! — приходитъ опять въ елейное настроеніе, сказалъ Щеклѣвъ. — Благодареніе Господу, а безъ Его святой воли ни одинъ волосъ... не только-что дѣло такое огромное.

И вдругъ онъ радостно, мелко, злорадно захихикалъ, взглянувъ на Сулу.

— Что, братъ? Ау, братъ! Будаевка-то? Ась? Мы-ста, общество! Ахъ, забодай ты жукъ навозный, шуты вы ряженые! Получилъ финибодъ подъ носъ?

— Ефимъ Акимычъ!—съ негодованіемъ вскрикнула Вѣра, и взоръ ея загорѣлся. Какъ вамъ не стыдно!

Сула мрачно насупился, и взглядъ его метнулъ молнію.

— Отказъ, значить, — сказалъ онъ, стиснувъ зубы. — Пропадай всѣ пропадомъ, мужики?

Будаевъ собрался уйти съ террасы.

— Мнѣ очень жаль, — сказалъ онъ Сулѣ, — но о чемъ же вы раньше думали?

— Извѣстно, оплошали, опоздали. Ну, ладно! — и въ тонѣ его послышалась угроза, когда онъ повернулся, чтобы выйти. — Пропадать, такъ пропадать всѣмъ!

Это онъ проговорилъ тихо, но Вѣра услышала его слова.

Она вздрогнула отъ какого-то темнаго смысла его словъ и предчувствія чего-то недобраго.

Быстро направилась она за Сулой и, нагнавъ его въ палисадникѣ, остановила за рукавъ.

— Стой, Трофимъ! — сказала она ему дрожащимъ голосомъ. — Ты задумалъ что-то недоброе...

Сула опустил свой взглядъ въ землю, избѣгая смотрѣть на дѣвушку.

Губы его были плотно сжаты и всклокоченная борода и усы его скрывали его злую усмѣшку.

— Говори, говори что-нибудь! — теребила она его за рукавъ. — Говори, задумалъ что или какъ?

— Все одно пропадать! — глухимъ голосомъ, неопредѣленно отвѣтилъ онъ.

И вдругъ, воодушевившись, тѣмъ же „внутреннимъ“ голосомъ, который, казалось, помимо его воли вырывался изъ его губъ, онъ продолжалъ:

— Люди мрутъ, скотина, извѣстно,дохнетъ, жрать неча. Щеклѣй помѣщикомъ станетъ — всѣ подохнемъ. Такъ ужъ, извѣстно, лучше одинъ конецъ.

Онъ повернулся, чтобы идти, высвободивъ свой рукавъ изъ рукъ Вѣры.

Она бросилась за нимъ.

— Трофимъ, Трофимъ! — въ полголоса говорила она, чтобы ее не услышали на террасѣ. — Опомнись!

Онъ приостановился, тряхнулъ головой.

— Ты, барышня, ничего не бойся съ батюшкой своимъ. Тебѣ бѣды не будетъ, — проговорилъ онъ съ чувствомъ, и, поднявъ свою заскорузлую руку, погладилъ ея шелковистые волосы.

Затѣмъ твердымъ, рѣшительнымъ шагомъ, уже больше не

оборачиваясь и не слушая ее, вышелъ изъ сада и скрылся въ ночной тѣмѣ.

XX.

Нѣсколько дней послѣ этого событія Вѣра избѣгала свиданій съ Будаевымъ.

Ей было тяжело видѣть его, говорить съ нимъ.

И онъ чувствовалъ по отношенію къ ней что-то стѣснительное, какое-то душевное неудобство, хотя въ душѣ считалъ, что поступилъ вполне дѣловымъ образомъ и иначе поступить не могъ.

Иначе поступить—значило бы пойти на эту слащавую сентиментальность, на эту чувствительность, которая ему была такъ противна во всѣхъ русскихъ дѣловыхъ сношеніяхъ.

Онъ считалъ, что поступилъ и разумно, и честно, не обойдя перваго покупателя, съ которымъ сговаривался около полугода.

Какія же основанія были обойти его? Гражданскій долгъ, любовь къ „мужичку“? Но любви этой онъ не чувствовалъ и не признавалъ, потому что сословіе крестьянъ, по его мнѣнію, должно быть равноправнымъ сословіемъ въ государствѣ, наравнѣ съ прочими. У всѣхъ свои обязанности и права. При чемъ же тутъ какая-то ненормальная, болѣзненная любовь непременно къ одному сословію?

У нихъ, въ Англіи, любой фермеръ былъ бы обиженъ, еслибы на него стали смотрѣть съ этой сентиментальностью и ставить его въ положеніе опекаемаго ребенка.

Тамъ всѣ сознаютъ свои права, не поступятся ими, и никому не нужно, сверхъ законныхъ правъ, еще какой-то сверхсмѣтной любви лэндлорда...

Щеклѣвъ уѣхалъ на другой день, обѣщавъ вернуться къ концу недѣли и „однимъ духомъ“ оборудовать все дѣло.

Вѣра упрекала отца, что онъ не взялъ сторону крестьянъ. Горько упрекала.

Но онъ сказалъ ей въ оправданіе:

— Вѣруня! Я вѣдь только управляющій, ты забываешь это. Интересы помѣщика, и только его интересы, должны руководить моими дѣйствіями.

— Развѣ, съ точки зрѣнія его интересовъ, не все равно, кому продать землю?

— Конечно, нѣтъ. Продать ее мужикамъ—это ужасно долгая канитель: нужно возиться съ обществомъ, съ земствомъ, съ крестьянскимъ банкомъ, между тѣмъ какъ, ты знаешь, Владиміръ Сергѣевичъ очень торопится этой продажей. Потому я и

молчалъ. Само собой, будь я помѣщикомъ, я бы продалъ нашимъ мужичкамъ и, конечно, на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Ты мнѣ можешь повѣрить.

Послѣ этого разговора Вѣрѣ сдѣлалось очень грустно, и она съ трепетомъ стала ждать окончательной развязки.

Съ Будаевымъ она почти не встрѣчалась, кромѣ обѣденныхъ часовъ.

Да и Будаевъ ждалъ, повидимому, съ нетерпѣніемъ возможности уѣхать.

Джонъ тоже горѣлъ нетерпѣніемъ. Ему было очень скучно. Англичанка Скуридинныхъ, вскорѣ послѣ знакомства съ нимъ, должна была покинуть своихъ господъ, которые все болѣе и болѣе стѣснялись деньгами и стали экономить на всякихъ мелочахъ.

Она уѣхала въ Англию, а Джонъ остался въ обществѣ Петра, Даши и кухарки, и немилосердно скучалъ, а по мѣрѣ того, какъ его забирала скука, онъ озлоблялся и свирѣпѣлъ. Его бодрой, энергичной натурѣ нуженъ былъ выходъ. Поэтому онъ часто придирался къ своимъ временнымъ товарищамъ по буфетной и заводилъ съ ними ссоры.

Будаевъ проводилъ большую часть времени въ рощѣ и въ лѣсу.

Его тянуло въ даль, къ обычной жизни, къ обычнымъ служебнымъ дѣламъ, къ обычному укладу и порядкамъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ продажа была, наконецъ, въ принципѣ рѣшена, онъ рвался изъ имѣнья и мечталъ о томъ времени, когда поѣздъ умчитъ его въ „цивилизованныя страны“.

Но удивительное дѣло! Чѣмъ яснѣе представлялъ онъ себѣ день отъѣзда, тѣмъ страннѣе чувствовалъ онъ себя.

И когда онъ прислушивался къ этому образовавшемуся въ его душѣ чувству, онъ съ удивленіемъ видѣлъ, что это чувство похоже на жалость.

Ему было грустно разстаться съ этими мѣстами, съ Тормиловымъ, съ Вѣрой! Въ особенности съ Вѣрой!

И это было до того для него неожиданно и ново, что онъ испугался. Это было весьма плохимъ признакомъ, и ужъ этого привходящаго въ его поѣзду обстоятельства онъ никакъ не ожидалъ.

При видѣ Вѣры, какъ-то вдругъ осунувшейся, поблѣднѣвшей и замолкшей, бродившей по дому и саду какъ привидѣніе, ему сдѣлалось больно и неприятно. Онъ чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ, и много разъ старался разяснить себѣ это чувство.

Что это? Угрызеніе совѣсти или что-нибудь другое, посерьезнѣе, что незамѣтно подералось къ нему и овладѣло его душой?

Такъ раздумываль Будаевъ, гуляя по лѣсу въ одинъ изъ жаркихъ лѣтнихъ дней.

Онъ услышалъ за собой шаги и обернулся нахмурившись. Онъ очень не любилъ, когда прерывали его задумчивую прогулку.

Это былъ Вавакинъ, и Будаевъ постарался сдѣлать на своемъ лицѣ любезную улыбку.

Какъ могъ онъ встрѣтить иначе посторонняго человѣка и гостя?

Онъ поздоровался съ врачомъ.

Вавакинъ былъ нервно возбужденъ и разстроены. Лицо его было хмуро и сердито.

— Гуляете?—отрывисто спросилъ онъ у Будаева.

— Да, какъ видите. А вы... по дѣлу?

— Н-нѣтъ,—нерѣшительно отвѣтилъ врачъ.—Я такъ... и отчасти по дѣлу. Ну что,—продолжалъ онъ, уже болѣе свободнымъ тономъ:—слыхалъ я, что продажа Будаевья окончательно рѣшена?

— Она давно была рѣшена.

— Но теперь это вопросъ недалекаго будущаго?

— Надѣюсь.

— И вамъ не жаль покинуть наши мѣста?

Будаевъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

— Конечно, жаль,—любезно проговорилъ онъ,—и въ особенности тѣхъ милыхъ людей, которыхъ я встрѣтилъ здѣсь. Но...

Вавакинъ врянулъ.

— Милыхъ людей!—Да... оно дѣйствительно. Я знаю одного милаго человѣка, который будетъ въ отчаяніи... Ей Богу, знаю.

Будаевъ вздрогнулъ и сурово взглянулъ на Вавакина.

— Да?—медленно сказалъ онъ.—На что вы хотите наметнуть?

— Какъ на что? На то, что всѣмъ намъ ясно. Намъ всѣмъ, да и вамъ, полагаю.

— Я васъ не понимаю.

— Будто? А между тѣмъ весьма понятно. Ясно какъ хинный порошокъ.

Будаевъ поднялъ брови. Въ тонѣ врача слышалось раздраженіе.

„Что онъ пьянъ, что-ли?“—подумалъ Будаевъ.

Но Вавакинъ повидимому не былъ пьянъ; однако какое-то душевное раздраженіе видимо присутствовало въ немъ.

— Можетъ быть, вы будете менѣ загадочны и объясните мнѣ ваши слова яснѣе? Я не знатокъ въ хинныхъ порошкахъ и вообще въ медицинѣ,—сухо проговорилъ Будаевъ.

— И я въ ней не большой знатокъ. Но ежели вы непремѣнно хотите... я...

— Прошу васъ.

— Вотъ. Есть одна дѣвушка... э! да что говорить аллегоріями! Однимъ словомъ—Вѣра Дмитриевна...

— Да... и что же?

— Ну, такъ она влюблена же въ васъ. Ей Богу! По горло. Лицо Будаева сдѣлалось еще строже и холоднѣе.

— Она вамъ признавалась въ этомъ?

— Ничуть.

— Но тогда по какому же праву...

— Э! Какія тамъ права! Это, можетъ быть, въ Англіи все права и права, — грубовато сказалъ Вавакинъ. — А здѣсь какія же права? Я вижу—что вижу. А что вижу, о томъ и говорю. Она влюблена, діагнозъ вѣрный. Она такая была ясная, спокойная. Теперь покой ея смущенъ. А она не изъ такихъ, которыя мѣняютъ свои увлеченія. И увлеченіе ея—тяжелый недугъ. Ужъ вѣрьте. Я ее знаю давно.

Будаевъ смутился. Онъ долго искалъ, что отвѣтить, и наконецъ спросилъ своего гостя:

— Зачѣмъ вы это сообщаете мнѣ? У васъ есть опредѣленная цѣль?

— Непремѣнно. А какъ же безъ цѣли? Жила себѣ дѣвушка, жила тихо, мирно, сповойно. Любила свою деревню, старый усадебный домъ и мужичковъ. Можетъ быть, даже нашла бы партію, не блестящую, конечно, потому что гдѣ же тутъ настоящіе люди? Но все-таки. Допустимъ, что какой-нибудь серьезный... ну... хотя бы и не особенно молодой человекъ сдѣлалъ ей предложеніе...

Будаевъ внимательно вслушался въ его слова.

— Вы намекаете на Колодищева?—наивно спросилъ онъ.

Вавакинъ покраснѣлъ и разсердился.

— Совсѣмъ нѣтъ! Почему—Колодищевъ? Я говорю вообще, теоретически. Мало ли кто? Не одинъ же здѣсь Колодищевъ—достойный женихъ. Ну, и вдругъ пріѣзжаетъ такой блестящій мужчина, какъ вы...

Будаевъ криво усмѣхнулся.

— Благодарю васъ,—насмѣшливо проговорилъ онъ.

— Да-съ! Пріѣзжаетъ и смущаетъ. Дѣвушка не видѣла такихъ мужчинъ въ нашей ямѣ. Ну, натурально, того... застрадала. И что же? Этотъ самый господинъ вдругъ уѣзжаетъ. Ну, вотъ и несчастье ея на всю жизнь. Ужъ потомъ никто другой и не подступись. Ей Богу! Вотъ и все.

— Все?

У Будаева мелькнула въ головѣ северная мысль.

— Это вы говорите по ея порученію?—спросилъ онъ.

Вавакинъ замахалъ руками.

— Да что вы это, ей Богу! Да какъ это вамъ могло придти въ голову?

— Такъ сами отъ себя?

— Ну, конечно.

— Съ какою же цѣлью вы мнѣ это говорите?

Вавакинъ подумалъ, подумалъ, потомъ съ недоумѣніемъ развелъ руками.

— Вотъ это, дѣйствительно, съ какой цѣлью?—проговорилъ онъ.—Ей Богу, не знаю! Просто такъ. Это меня мучаетъ, вотъ и все. Или нѣтъ! Цѣль существуетъ. Отчего бы вамъ не поговорить съ ней въ такомъ духѣ? Отрезвить, что-ли? Богъ ее знаетъ,—можетъ быть, она забрала себѣ что-нибудь въ голову и воображаетъ, что это того... осуществимо. Знаете, такую сдѣлать рѣшительную операцію? Отсѣчь разомъ, примѣнить дезинфекцію. Часто человѣкъ выздоравливаетъ. Ей Богу? А? Что-жъ ее такъ-то мучить зря? А?

Будаевъ неожиданно для себя согласился вдругъ съ доводами Вавакина.

— Я могу стать въ нелѣпое положеніе,—смущенно проговорилъ онъ:—вдругъ ничего подобнаго нѣтъ и это одна ваша фантазія?

— Ну, ужъ это будьте увѣрены! Я зря тоже вѣдь болтать не стану. А когда все это пройдетъ,—кто знаетъ, можетъ быть она сдѣлается благоразумнѣе и... и... ну, да мало ли что можетъ быть наконецъ и какъ можетъ устроиться ея судьба?

— Если все это такъ, вы правы. Надо принять мѣры и положить этому заблужденію конецъ. Благодарю васъ.

— Одно слово еще. Я вамъ открылъ тайну Вѣры. Впрочемъ, все-таки думаю, что вы и сами знали эту тайну или догадывались о ней. Во всякомъ случаѣ, я не хотѣлъ бы, чтобы она знала, откуда это идетъ.

— Будьте увѣрены. Я васъ не выдамъ.

И на этихъ словахъ они разстались.

Будаевъ круто повернулъ и пошелъ къ усадьбѣ. На душѣ его было смутно.

Какое-то странное, небывалое еще чувство зарождалось на глубинѣ его души и росло въ ней, выростая во что-то большое, тяжелое и тревожное.

Вѣра вдругъ стала ему бесконечно мила и близка.

XXI.

Вѣра сидѣла на террасѣ и читала книгу.

Тормиловъ былъ въ конторѣ и на террасѣ нивого не было.

Будаевъ прямо подошелъ къ ней.

Въ ея темныхъ глазахъ вспыхнулъ огонекъ испуга, и она какъ-то инстинктивно закрыла книгу и сдѣлала движеніе удалиться.

Лицо Будаева было строго и холодно. Около губъ его блуждала прежняя ироническая улыбка, которую такъ не любила Вѣра.

Ему хотѣлось сказать ей что-нибудь теплое, привѣтливое, ласковое, но онъ взялъ себя въ руки и сдержанно поздоровался съ нею.

„Надо быть холоднѣе, — подумалъ онъ, — не слѣдуетъ распускаться. Недостаетъ еще этого увлеченія, которое можетъ сдѣлаться несчастіемъ на всю жизнь“.

— Вы развѣ не хотите посидѣть со мной? — спросилъ онъ, замѣтивъ ея движеніе — Я помѣшалъ вамъ читать, простите.

— Нисколько, — просто проговорила она: — я всегда рада поговорить съ вами.

Онъ улыбнулся.

— Отчего вы улыбаетесь? — спросила она его удивленно.

— Да вотъ, вы говорите, что рады поговорить со мной, а между тѣмъ явно избѣгаете меня.

Она покраснѣла.

— Вы ошибаетесь. Я васъ вовсе не избѣгаю.

— Я скоро уѣзжаю, — твердо сказалъ онъ, и замѣтилъ, какъ при этихъ словахъ глаза ея потухли и губы плотно сжались. — Да, я скоро уѣзжаю, — повторилъ онъ. — Лишь бы только Щелѣвъ опять не затянулъ дѣла.

— Вы такъ торопитесь? — грустно пожавъ плечами, сказала она. — Вамъ скучно здѣсь?

— Нѣтъ, не то. Но мой отпускъ скоро кончится, и я не хочу просить новаго. Да наконецъ, я пріѣхалъ сюда по дѣлу, съ опредѣленной цѣлью, и хотѣлъ бы, чтобы это уже кончилось. Но я здѣсь не скучалъ, — любезно добавилъ онъ, — не скучалъ, потому что встрѣтилъ милыхъ и симпатичныхъ людей.

Она не обратила вниманія на эту любезность.

— Владиміръ Сергѣевичъ! — вдругъ рѣшившись, начала она: — позвольте мнѣ еще разъ поговорить о вашемъ дѣлѣ?

Онъ поморщился.

— Пожалуйста, — вяло сказалъ онъ.

— Я хотѣла просить васъ за нашихъ мужичковъ.

— Ахъ, это...

— Да. Если ужъ вы рѣшили продать Будаевку, продайте имъ. Они бѣдны и у нихъ мало земли. Она нужна имъ, до зарѣзу нужна. Вѣдь деньги вы, все равно, получите, и не все ли равно, получите вы ихъ изъ банка или отъ Щеклѣева? И наконецъ, — набравшись храбрости, сказала она, — неужели ваше сердце молчить и нечувствительно къ нуждамъ крестьянъ?

— Мое сердце молчить въ данномъ случаѣ, — жество отвѣтилъ онъ, потому что этотъ разговоръ ему былъ неприятенъ и онъ рассчитывалъ на другой. — Въ дѣловыхъ сношеніяхъ я не признаю голоса сердца, а только голосъ выгоды. И корректность дѣловыхъ отношеній мѣшаетъ мнѣ измѣнить слову, данному первому покупателю. Нигдѣ такъ не дѣлается. И увѣрю васъ, — нигдѣ въ Европѣ въ дѣлахъ никакой роли не играетъ чувство.

— Очень жаль, но и намъ, право, мало дѣла до Европы.

— Это уже политика, — улыбнулся онъ.

— Въ которой я ничего не понимаю? Отчего же, — докончите вашу фразу...

— Нѣтъ, я не говорю этого. Охотно вѣрю, что вы понимаете, но я не понимаю, въ чему, дѣлая такое простое дѣло, какъ передача имѣнья на выгодныхъ для себя условіяхъ, задаваться широкими вопросами, говорить о любви къ человѣчеству, объ обязанностяхъ патріота, о самобытности Россіи, и прочее, и прочее.

Ее оскорблялъ его насмѣшливый тонъ.

Она горячо заговорила:

— Итакъ, ничто не привязываетъ васъ къ родинѣ, для которой вы чужой, какъ и она для васъ! Всю жизнь жить въ чужой странѣ, всю жизнь слушать чужую рѣчь, всю жизнь жить точно въ гостяхъ у людей, которые не могутъ на васъ смотрѣть какъ на своего, хотя вы и родились подъ звуки благовѣста какой-то лондонской церкви! Какая должна быть тоска, порой, въ вашей груди; и вы только не сознаетесь въ этомъ или не сознаете этого, пока вы еще молоды. Но настанетъ старость, захочется отдохнуть въ своемъ углу, дома!.. Еслибы вы продали землю крестьянамъ, они бы вернули вамъ вашу усадьбу, потому что привыкли смотрѣть на васъ какъ на своего, а не на чужого. Вы бы могли имъ даже не продавать усадьбы. Щеклѣевъ васъ никогда не пуститъ сюда! Никогда. Потому что вы баринъ, вы дворянинъ, а онъ — кулакъ и міроѣдъ; потому что онъ презираетъ нашихъ ослабѣвшихъ, сознательно разоряющихся дворянъ, бѣгущихъ изъ своихъ помѣстій, покидающихъ родину ради

своихъ вкусовъ, прихотей и капризовъ. Въ Щеклѣвыхъ теперь сила. И наши помѣщики уступаютъ имъ свое первенствующее значеніе, отдають Щеклѣвымъ народъ въ рабство, во вторую крѣпостную зависимость. Такъ думаетъ мой отецъ, и я объ этомъ много думала, и вѣрю ему, и согласна съ нимъ.

Онъ съ возрастающимъ вниманіемъ слѣдилъ за ея возбужденной рѣчью.

Глаза ея теперь горѣли вдохновеннымъ пламенемъ, грудь высоко вздымалась; потому что она говорила торопливо, задыхаясь, какъ бы боясь, чтобы не остановили ее, не помѣшали высказать до конца все то, что накопилось у нея на душѣ. Румянецъ игралъ на ея обыкновенно блѣдныхъ за послѣднее время щекахъ.

Ему казалось, что какой-то внутренней голосъ, можетъ быть голосъ родины, духъ этой странной Россіи, которой онъ не понималъ и не любилъ, говорилъ въ ней.

— Но когда-нибудь, — продолжала она, — родина призоветъ васъ. Голосъ ея властно зазвучитъ по струнамъ вашего сердца. Смотрите, какъ бы не было поздно! Вамъ не откликнуться тогда на ея призывъ, и родина можетъ отмстить вамъ, оставивъ въ вашемъ сердцѣ незамѣнимую пустоту, незаполнимую пропасть.

Будаевъ, улыбаясь, задумчиво проговорилъ:

— Никто, конечно, не знаетъ души человѣка—это тайна запертой двери. Но вы желаете вѣрить въ сказки, въ волшебныя сказки, какъ всѣ эти призывы, отщепенія и голоса „родины“. Но вѣдь это романтизмъ какой-то, который давно пора сдать въ архивъ.

— Развѣ въ Англии не любятъ ничего родного? Развѣ тамъ не существуетъ патриотизма?

— О, конечно, существуетъ! Но совсѣмъ другого оттѣнка. Въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего сентиментальнаго, романтическаго. Тамъ любятъ родину, какъ нѣчто конкретное, но не какъ идею. Между родиной и людьми, населяющими ее, тамъ существуетъ какъ бы родъ нотаріальнаго договора, для полученія взаимныхъ выгодъ. Если и требуются жертвы, то только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ сказать, въ боевое, военное время. И тогда, конечно, всякій охотно идетъ на эти жертвы. У насъ же этихъ жертвъ требуютъ во всякое, самое обыкновенное время, похода, ради какой-то жажды въ жертвамъ, въ покаянію, въ самобичеванію. Я только здѣсь это понялъ. Колодещевъ схоронилъ себя въ деревнѣ, чтобы припосить жертву помощи „мужичкамъ“; имъ, ради идеи, онъ принесъ въ жертву свою личную жизнь. Вавакинъ никакихъ жертвъ не приноситъ,

а только пить. Но и онъ не можетъ пить просто, „безъ идеи“, безъ слезы. Онъ сначала напьется, а потомъ кается, да можетъ быть, и пить-то ради того, чтобы получить возможность испытать сладость покаянія. Крыжовъ не просто разыскиваетъ недомки, потому что такъ нужно, а разыскиваетъ идейно, возводить это въ какой-то культъ, въ одну изъ функций своего существованія, дѣлаетъ это съ наслажденіемъ, съ подъемомъ, съ захватомъ. И вы требуете отъ меня жертвы—и непременно идейной. Всѣ мои привычки, всѣ вкусы, влекутъ меня отсюда, а вы говорите: все это выбросьте за бортъ, принесите жертву родитѣмъ, похороните себя здѣсь, гдѣ вамъ не по нутру. Это будетъ подвигъ. Зачѣмъ? Выгода говорить мнѣ; что мнѣ надо продать имѣнье, въ которомъ я не живу, чтобы устроить то, въ которомъ я живу. Вы опять говорите: если нужно продать, то не просто продайте, а съ идеей; продайте „мужичкамъ“, хотя бы это было и невыгодно. Вотъ эта жажда подвига, идеи, меня поражаетъ...

Вѣра выслушала молча его длинную рѣчь.

— Чтò удивительнаго? — сказала она. — Мы молоды, насъ увлекаетъ „идея“, какъ вы говорите. Западъ вашъ старъ, онъ охладѣлъ къ идейной сторонѣ жизни, къ порыву. Онъ заботится о комфортѣ, объ удобствахъ жизни, какъ всѣ старики. А вы похожи на младенца, на юношу, который воспитывался у стариковъ и перенялъ отъ нихъ всѣ ихъ повадки и взгляды, отвыкъ отъ воздуха полей и лѣсовъ, привыкъ сидѣть въ комнатѣ со старшими и наслушался ихъ старыхъ рѣчей. Ничего не можетъ быть печальнѣе такого юноши, который презираетъ своихъ юныхъ сверстниковъ, ненавидитъ игры и бѣготню, чуждъ высокихъ порывовъ, неспособенъ на подвигъ и жертву, а только твердить то, что говорятъ старики. Нѣтъ ничего хуже преждевременной старости...

— Какъ нѣтъ ничего хуже и молодящихся стариковъ. Мнѣ кажется, Россіи пора бы уже перестать считать себя младенцемъ и всѣ свои невгоды, неустройство и неурядицы взваливать на свою молодость. Однако, — прибавилъ онъ съ улыбкой, — мы далеко ушли отъ начала нашего разговора и наговорили другъ другу не мало неприятныхъ вещей.

— Да, — согласилась она, — вернемся къ дѣлу. Я должна вамъ сказать, что если вы откажете мужичкамъ, — можетъ выйти очень нехорошая исторія.

— Вотъ какъ! — удивился онъ. — Какая же?

Она нѣсколько колебалась, прежде чѣмъ сказать то, что ее беспокоило эти дни.

Наконецъ, она рѣшилась.

— Здѣшніе крестьяне въ послѣднее время очень озлоблены. Они болѣютъ, голодаютъ, скотъ у нихъ падаетъ, Крыжовъ со-всѣмъ озвѣрѣлъ и душитъ ихъ безпощадно... они могутъ поджечь экономію. Я очень боюсь, чтобы Сула...

При этомъ имени Будаевъ почувствовалъ вдругъ озлобленіе.

— Трофимъ Сула! — вскрикнулъ онъ. — Не говорите мнѣ о немъ! Я его не боюсь. Это вы сдѣлали изъ него здѣсь какого-то Фра-Дявола на русской ладъ, доморощенного рыцаря-разбойника... Удивительное дѣло — всѣ его боятся и всѣ благоговѣютъ передъ нимъ, какъ передъ какой-то грядущей силой! Это — безобразіе. Прошу васъ вѣрить, — жестко сказалъ онъ, — что, при первой его попыткѣ повліять на мужиковъ въ этомъ смыслѣ, я сообщу все Крыжову и попрошу исправника удалить отсюда этого интереснаго разбойника. Давно, наконецъ, пора водворить законность и устранить произволъ.

Онъ говорилъ горячо, волнуясь и негодуя, и это очень не походило на него, всегда спокойнаго и уравновѣшеннаго.

Вѣра смотрѣла на него съ грустью и недоумѣніемъ.

Они долго молчали послѣ этого, но Будаевъ чувствовалъ, какъ раздраженіе не улеглось въ немъ, а все росло и росло, превращаясь въ какое-то странное озлобленіе, которому надо было дать выходъ.

За эти дни нервы его совершенно распались, и онъ, никогда не испытывавшій этого раньше, приписывалъ это состояніе продолжительному пребыванію своему въ деревнѣ, въ совершенно неподходящихъ для него условіяхъ.

Она грустно смотрѣла на него, и горькое, обидное, больное чувство ложилось на ея сердце.

Будаеву вспомнились слова Вавакина, и ему захотѣлось окончательно разсѣять „недоразумѣніе“, если оно дѣйствительно существовало на лицо.

— Скорѣе бы все это кончить, — мрачно проговорилъ онъ, — и уѣхать отсюда. *Ничто* не привязываетъ меня здѣсь. Ни страна, ни порядки, ни люди.

Вѣра низко понизила головой.

Онъ видѣлъ, что слова его оскорбляютъ ее, и видѣлъ, какъ голова ея все ниже и ниже склонялась.

Но ему хотѣлось довести до конца необходимое объясненіе.

— Природа здѣсь плохая, скучная, монотонная, — продолжалъ онъ „оскорблять“ ея любовь къ родинѣ: — все поля и лѣса, на протяженіи сотенъ верстъ. Уныло такъ кругомъ... Неужели вы не находите этого?

Она отрицательно и печально покачала головой.

— Я никогда, никогда не могъ бы поселиться здѣсь навсегда; мнѣ казалось бы, что я погребенъ заживо въ какомъ-нибудь склепѣ. Съ меня довольно будетъ, если меня похоронятъ на здѣшнемъ кладбищѣ, когда я умру. Но добровольно лечь въ эту могилу—нѣтъ, слуга покорный! Я родился въ городѣ, привыкъ къ городу и никогда не промѣняю его на Будаевку съ ея скучными Колодищевыми и Крыжовыми и съ такими героями, какъ вашъ Сула...

Въ его тонѣ звучало такое пренебреженіе къ этой дѣйствительности, которою она жила, что она почувствовала наконецъ въ его словахъ оскорбленіе, и вопросительно взглянула на него.

Онъ пожалъ плечами.

— Мнѣ очень жаль,—проговорилъ онъ,—что я повидимому оскорбилъ ваше чувство...

— Да, мнѣ больно слышать это отъ васъ.

— Повторяю, мнѣ очень, очень жаль, но я говорю искренно, то, что думаю, и то, что чувствую. Знаете что? Я скажу больше. Предположимъ, что я здѣсь полюбилъ какую-нибудь дѣвушку... вѣдь, въ концѣ концовъ, ничего необыкновеннаго нѣтъ въ такомъ предположеніи.

Она отвернулась отъ него, и на глазахъ ея задрожали слезы. Она сдѣлала надъ собой героическое усиліе и постаралась овладѣть собою.

— Да... — проговорила она страннымъ голосомъ.—Предположимъ невозможное. Что же дальше?

— Какъ бы страстно я ни любилъ и какою бы взаимностью мнѣ ни отвѣчали, при одной мысли о томъ, что мнѣ пришлось бы жениться и свить себѣ здѣсь постоянное гнѣздо, я—тотчасъ бы уѣхалъ отсюда, уѣхалъ бы самымъ постыднымъ образомъ, просто-на-просто бѣжалъ бы потихоньку и отъ этой любимой дѣвушки, и отъ своей любви, и отъ самого себя.

Вѣра вдругъ встала, взяла со стола книгу и, высоко поднявъ голову, проговорила спокойнымъ, но нѣсколько высокомернымъ тономъ:

— Сердечно радуюсь за васъ, Владиміръ Сергѣевичъ, что съ вами не случилось и не можетъ случиться такой печальной исторіи. Мнѣ жаль было бы и этой дѣвушки, и васъ. Но,—она улыбнулась,—вамъ нечего бояться, вы застрахованы. Влюбиться или полюбить можетъ тотъ, у кого есть сердце. Люди, не признающіе отечества, люди, презирающіе родную страну, не могутъ любить. У нихъ вмѣсто сердца—твердый камень. И... увѣряю васъ, вамъ никогда не придется „бѣжать“ отсюда. Вы можете просто уѣхать, какъ уѣзжаютъ всѣ, кому то нужно. Русская дѣ-

вѣшка не можетъ полюбить человѣка безъ родины, человѣка, презирающаго то, что она любитъ. Прощайте, Владиміръ Сергѣевичъ.

Она гордо наклонила голову и спустилась съ террасы.

Будаевъ остался одинъ.

Ему было неловко, не по себѣ. Онъ находилъ себя смѣшнымъ; онъ думалъ, что разрушаетъ стѣны темницы, которыхъ въ дѣйствительности вовсе не было. Дуракъ Вавакинъ,—но онъ еще глупѣ Вавакина, потому что повѣрилъ ему.

И накопившееся въ его душѣ озлобленіе быстро растаяло. Ему было больно, что онъ, повидимому, оскорбилъ эту дѣвушку своими не очень тонкими, грубоватыми намеками.

И странное, смутное чувство становилось теперь въ его душѣ на мѣсто озлобленія, уходившаго оттуда. Еслибы Вѣра заплакала, ему было бы легче. Но она ушла съ гордо поднятой головой, съ презрѣніемъ въ красивыхъ глазахъ. Это его оскорбляло. Такъ, значить, все это вздоръ, что наговорилъ ему Вавакинъ? Все вздоръ?!

И это сознаніе, что Вѣра не любитъ его, не увлеклась имъ, не страдаетъ при мысли о скорой разлукѣ, что она страстно любитъ только своихъ мужичковъ“ и Трофима Сулу и занята только заботами о ихъ благополучіи и счастьѣ, произвела въ его душѣ какую-то странную реакцію, въ которой онъ со страхомъ сталъ прислушиваться. Равнодушіе Вѣры обидѣло его до боли.

Почему, если онъ къ ней такъ же равнодушенъ, какъ къ какой-нибудь другой? Вѣдь не можетъ же быть ему больно, если онъ узнаетъ, что кто-нибудь въ нему равнодушенъ?

XXII.

На другой день послѣ этого объясненія, Вѣра Дмитріевна, подъ какимъ-то предлогомъ, будто въ ея комнатѣ много солнца и черезчуръ жарко въ эту лѣтнюю пору, переговоривъ съ отцомъ, переѣхала въ самый дальній флигель изъ главнаго зданія усадьбы.

— Зачѣмъ это?—спросилъ ее Тормиловъ, пытливо глядя ей въ глаза.—Ужъ не поссорились ли вы съ Владиміромъ Сергѣевичемъ? Не наговорила ли ты чего-нибудь лишняго?

— Ну... что за фантазіи, папа... Ты въ самомъ дѣлѣ воображаешь, что мои слова что-нибудь для него значатъ.

И она засмѣялась.

Тормиловъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Какъ знаешь, какъ знаешь... Но Владиміръ Сергѣевичъ будетъ очень удивленъ. Онъ меня спроситъ. Что сказать ему?

— Ахъ, Боже мой! Да то и скажи. Не безпокойся, онъ такъ мало интересуется всѣми нами, что даже не замѣтитъ этого переселенія.

Но Будаевъ замѣтилъ.

Трудно было не замѣтить, когда Вѣра Дмитріевна не только переѣхала, но сказала больно, перестала появляться за общимъ столомъ и попросила отца, чтобы ей приносили обѣдать во флигель.

И Будаевъ сталъ замѣчать, какъ безконечно долго тянулись дни и какъ медленно-медленно протекали обѣденные часы его tête-à-tête съ Тормиловымъ.

Отсутствіе Вѣры давало себя чувствовать.

Помѣщику и управляющему почти не о чемъ было теперь говорить другъ съ другомъ. Все было переговорено и рѣшено. Будаева рѣшительно не интересовали мелкіе вопросы хозяйства и управленія. Не интересовали никогда, а теперь менѣе, тѣмъ когда-либо, потому что онъ самъ уже считалъ себя лишь временнымъ гостемъ Будаевки.

Щеклѣвъ опять не подавалъ признаковъ жизни и не вызывалъ письмомъ Тормилова въ городъ.

И каждый разъ, сходясь за обѣдомъ, Будаевъ спрашивалъ у Тормилова:

— Ну, что, отъ Щеклѣва ничего нѣтъ?

— Нѣтъ ничего.

— Однако, что же это значитъ?

— Можетъ быть, болень или его задержали какія-нибудь дѣла въ Харьковѣ. Мы можемъ не безпокоиться. Я хорошо знаю Щеклѣва. Это дѣло окончательно рѣшенное.

— Да?.. тѣмъ лучше,—задумчиво говорилъ Будаевъ.

И этимъ оканчивались всѣ ихъ разговоры. Остальное время они обѣдали молча.

Только одинъ разъ Будаевъ спросилъ:

— А какъ же здоровье Вѣры Дмитріевны?

Тормиловъ смутился.

— Ничего, благодарю васъ.

— Она выходитъ?

— О, да. Она почти все время проводитъ въ роцѣ.

Будаевъ не зналъ этого.

Онъ рѣшилъ тотчасъ же послѣ обѣда отправиться туда, какъ вдругъ привезли письмо отъ Щеклѣва.

Онъ писалъ, что его задержали дѣла, и онъ никакъ не могъ

сдѣлать раньше то, что обѣщаль. Но теперь онъ побываль въ городѣ, передалъ нотаріусу всѣ бумаги и просиль составить условіе продажи, купчую и все, что нужно. Нотаріусъ заваленъ дѣлами и раньше недѣли не обѣщаетъ подготовить все это. Такъ что черезъ недѣлю, а для вѣрности черезъ десять дней, онъ, Щеклѣвъ, ждетъ Тормилова въ городѣ.

„И тогда однимъ духомъ все покончимъ“,—вспомнилъ Будаевъ слова Щеклѣва.

Странно, что это извѣстіе не доставило радости Будаеву, по крайней мѣрѣ той радости, на которую онъ рассчитываль. Напротивъ, ему сдѣлалось грустно.

— Дмитрій Александровичъ, — сказалъ онъ: — теперь, мнѣ важется, самое время поговорить о вашей судьбѣ.

Тормиловъ хотѣлъ отклонить отъ себя этотъ разговоръ.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, Владиміръ Сергѣевичъ, — искренно сказалъ онъ.—Я найду себѣ мѣсто. Я даже сдѣлалъ кое-какіе шаги. Я непременно устроюсь.

Но Будаевъ о дѣловыхъ предметахъ любилъ говорить дѣловымъ тономъ и прерваль своего управляющаго.

— Вы не можете помѣшать мнѣ исполнить то, что я считаю своимъ долгомъ, — сказалъ онъ своимъ отрывистымъ тономъ.— Вы не хотите больше служить у меня, это рѣшено. Не станете вы служить и у Щеклѣва, даже если бы онъ хотѣлъ этого. Я не могу допустить, чтобы старый другъ моего отца служиль у Щеклѣва.

Тормиловъ улынулся.

— Да Щеклѣвъ и не держить управляющихъ. Онъ все дѣлаеть самъ.

— Ну, вотъ видите. Мѣсто у Скуридиныхъ—вздоръ. Я не знаю, что будетъ со Скуридиными, — онѣ, важется, разорены. Хорошо, если она выйдеть замужъ, а иначе я не знаю, что ихъ ожидаетъ. Я слышалъ еще что-то о Колодищевѣ?

— Да, онъ говорилъ со мной и предлагаль мнѣ переселиться къ нему и помогать въ его хозяйствѣ.

— Это ваше дѣло, — нахмурившись, сказалъ Будаевъ:—я не могу помѣшать вамъ отклонить или принять это предложеніе. Я же, съ своей стороны, дѣлаю вамъ предложеніе: при продажѣ имѣнья Щеклѣву удержать Косой-Уголь. Тамъ есть очень хорошая ферма въ старомъ англійскомъ стилѣ—мнѣ указаль на нее Джонъ, и я побываль на фермѣ. Верхній этажъ—очень хорошее помѣщеніе изъ четырехъ комнатъ, и какъ все у васъ, содержится этотъ коттеджъ-ферма образцово. Я уквѣплю этотъ Косой-Уголь за вами, то-есть просто передамъ вамъ въ полную

собственность, и назначу вамъ пенсію. Вы будете вполне обезпечены. Этотъ клочокъ земли будетъ вашъ, а тамъ уже ваше дѣло—взять или не взять мѣсто у Колодищева...

— Владимиръ Сергѣевичъ...—началь смущенно Тормиловъ, но въ это время послышались неистовые звонки и крики. На террасу вскорѣ взбѣжала Евгенія Львовна.

Она была возбуждена, красная и потная отъ быстрой ѣзды на велосипедѣ, который она оставила на кленовой аллеѣ у дерева.

— Bonjour!—сказала она весело, подавая свою прелестную ручку съ длинными тонкими пальцами, затянутую въ перчатку, Будаеву.—Comment va? Здравствуйте!—кинула она головой Тормилову.—Помѣшала? Нѣтъ? Тѣмъ лучше. А у васъ обонхъ такіе виды, какъ будто вы рѣшали вопросы о существованіи республики Андоры.

— Мы говорили о дѣлахъ, но вы намъ нисколько не помѣшали. Мы уже кончили. Вѣдь, правда, мы *окончательно* кончили съ этимъ вопросомъ?—съ удареніемъ спросилъ Будаевъ у Тормилова, какъ бы желая получить его согласіе.

Въ его вопросѣ и взорѣ было столько настойчивости и воли, что Тормиловъ склонилъ голову.

— Да,—сказалъ онъ.

— Благодарю васъ. Вы очень успокоили меня.

Тормиловъ вышелъ.

— Ну, вотъ и все,—сказалъ Будаевъ, обращаясь къ Евгеніи Львовнѣ.—Je suis à vous. Какъ мило съ вашей стороны, что вы пріѣхали!

— Ah, voilà! Кому-нибудь нужно быть милымъ. Вы не ѣдете,—пріѣхала я. Но представьте себѣ, какой ужасъ! Вы слышали звонки?

— Какъ же.

— Я чуть не задавила теленка. Il se fait tard, и ничего не видно. Все-таки я его замѣтила. Звоню, звоню, потому что свернуть некуда, а онъ вообразилъ, что я играю съ нимъ, и прямо прыгаетъ на бисиклетъ. Чуть-чуть не упала.

Будаевъ засмѣялся.

— Развѣ теленокъ можетъ понимать велосипедные звонки?

— Ну да, ну да, такой глупый! Я и говорю... Бабуся вамъ кланяется. Адъютанты—тоже.

— А гдѣ же они?—удивился Будаевъ.

Евгенія Львовна протяжно свистнула.

— Reprouvés! Прогнала. Надоѣли смертельно. Я сама скачу въ этой Скуридинской трущобѣ, и они вдругъ вздумали скачать, изъ подражанія или ужъ не знаю какъ... Я и говорю:—ну,

миленькіе, если ужъ вы будете на мою тоску еще нагонять вашу, то шегсі... вотъ вамъ Богъ и пирогъ.

— Какъ—пирогъ?!

— Это такая русская пословица, когда хотятъ кого-нибудь выгнать, то говорятъ: вотъ вамъ Богъ и пирогъ! Значить, надо уходить. Ну, да это все равно. Я говорю офицеру:—возвращайтесь въ лагери, палатки соскучились безъ васъ. А другому тоже говорю:—*fichez-moi le camp*, хотя у васъ и нѣтъ палатки, но дѣвайтесь куда хотите. И представьте, эти юноши... Ахъ, нѣтъ, вы никогда себѣ этого не представите!..

— Чтò такое?

— Они придрались къ моей поговоркѣ и говорятъ, то-есть, говорить одинъ, но, все равно, за обоихъ.—„Хорошо, говорить, мы уѣдемъ, давайте намъ пирогъ“.—Завтра получите. Я приказала спечь пирогъ имъ на дорогу, но *figurez-vous*, что они под-разумѣвали иносказательно—деньги. Имъ не съ чѣмъ было вы-ѣхать. Нѣтъ, скажите, куда они дѣвають деньги? У нихъ было по сту рублей, когда они сюда пріѣхали. И здѣсь ихъ истратить! Куда, я васъ спрашиваю?

— Не знаю,—улыбнулся Будаевъ.

Но она была искренно раздражена.

— *Ils étaient logés, pourris et blanchis, alors quoi...* Не могли же они истратить на женщинъ? Я не думаю, чтобы здѣсь женщины стояли такъ дорого? *Hein, qu'en dites vous?*

Будаевъ пожалъ плечами.

— Ничего не могу вамъ сказать,—я этимъ вопросомъ не занимался.

Она увидѣла, что увлеклась, и сконфузилась.

— *Eh! bien*, я имъ достала по пятидесяти рублей, хотя Курнаковъ находилъ, что мало, и все говорилъ о какихъ-то прогонахъ, суточныхъ и поверстномъ срокѣ. Но такъ или иначе, *je les ai expédiés*.

Она весело засмѣялась.

— Вы сегодня очень оживлены, какъ будто произошло съ вами что-нибудь пріятное,—сказалъ ей Будаевъ.—Но другой разъ не шутите съ русскими пословицами. Какъ все русское, онѣ требуютъ глубокаго изученія и осторожнаго обращенія.

— Можетъ быть, *ça ne m'intéresse guère*. А что я весела—это вѣрно! Я думаю, будешь веселой, когда мы на будущей недѣлѣ уѣзжаемъ за границу.

— А!—удивился Будаевъ.—Это рѣшено? Такъ, значить...

— Нѣтъ, ничего не значить. Имѣнье не удастся ни продать, ни заложить. Вѣроятно, его продадутъ, въ концѣ концовъ,

за долги банку. Но намъ съ бабусей удалось, какъ говоритъ Курнаковъ, „перехватить малую толику у человѣка съ свободной наличностью, у котораго оказалась сумма безъ опредѣленнаго назначенія“. Вотъ мы и ѣдемъ.

— Ну... а потомъ?—осторожнымъ голосомъ спросилъ Будаевъ.

— А потомъ продадутъ имѣнье; можетъ быть, что-нибудь очистится отъ банковскаго долга.

— А потомъ?—уже смѣлѣе спросилъ Будаевъ.

— *Après nous le déluge!*—засмѣялась она.—Ну, что это, право, вы все съ своими „а потомъ?“! Развѣ я знаю? Теперь я полна счастьемъ, что мы выбираемся отсюда. При нѣкоторой экономіи, намъ хватитъ года на полтора. Ой, только не говорите: „а потомъ?“! Здѣсь жить невозможно. Въ деревнѣ тифъ и какакто желтуха или краснуха—*que sais-je?* Всѣ бѣгутъ. И мы бѣжимъ. Я говорю бабушкѣ:—бабуся, я вовсе не хочу умирать ни отъ тифа, ни отъ краснухи и ни отъ какого другого чѣвта. *Filons!* Ну, вотъ я и заѣхала къ вамъ по двумъ дѣламъ.

— Даже по дѣламъ?

— О, *yes*.

— *Voilà ses dѣла*.

— Во-первыхъ, купите у насъ автомобиль. Мнѣ онъ стоилъ кучу денегъ, и онъ почти новый. Я вамъ уступлю его за тысячу. *Cela vous va-t-il?*

Будаевъ улыбнулся.

— Я его куплю, чтобы васъ избавить отъ него. Но я не вижу, что я буду съ нимъ дѣлать, здѣсь, въ деревнѣ?..

— Бабушка говоритъ, что его можно приспособить къ какой-нибудь молотилкѣ или мотовилкѣ, я не знаю,—однимъ словомъ, къ какой-то машинѣ, которыя на поляхъ что-то дѣлаютъ, не то сѣютъ, не то жнутъ.

— Но я самъ продаю имѣнье и сельско-хозяйственными работами не занимаюсь. И я думаю даже, что это невозможно, что вы говорите...

— Ну, такъ я нашла! Подарите его вашей лѣсной феѣ. Декадентская картинка: лѣсная фея на автомобилѣ, среди лѣсной лужайки.

— *Pardon*, кто это—лѣсная фея?

— Ну, фея этого замка, *Burghexe*—Вѣтра.

Будаевъ сильно нахмурился.

Она замѣтила это и примолкла, побоявшись, что можетъ испортить дѣло, и, пожалуй, онъ не купитъ автомобиля.

— А второе дѣло?—холодно спросилъ онъ.

— А второе—гораздо важнѣе. Мы хотимъ просить васъ ѣхать вмѣстѣ съ нами. Подумайте, это будетъ такъ весело, такъ весело! Мы остановимся въ Парижѣ... Потомъ покупаемся гдѣ-нибудь—въ Трувиллѣ, Остенде или Бланкенберге,—enfin, гдѣ захотите, а на saison—въ Лондонѣ. Ахъ, какъ это было бы хорошо! Однѣмъ ѣхать—такъ скучно! Двѣ женщины... Вы согласитесь, раз вгаі?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— При всемъ желаніи, не могу, Евгенія Львовна.

— Вы думаете, будетъ невесело?—уныло спросила она, видя, какъ этотъ долго комбинированный и серьезный планъ,—такъ или иначе „овладѣть“ Будаевымъ—встрѣчаетъ такой рѣшительный отпоръ.

— Я не думаю этого,—напротивъ. Но я не могу ѣхать такъ скоро.

— Мы подождемъ,—быстро сказала она.

— Но я, право, даже не могу опредѣлить времени. И я не собираюсь въ Парижъ. Мнѣ надо заѣхать...

Евгенія Львовна прервала его.

— Тутъ, очевидно, дѣло не во времени, — сказала она, улыбаясь.

— А въ чемъ?—удивленно спросилъ онъ.

— Въ магнитѣ,—опять не удержалась она отъ намека.

— Въ какомъ магнитѣ?—холодно спросилъ Будаевъ.

Но она не смутилась его холодностью.

— Allons, jouons cartes sur table,—сказала она, воспувшись его руки.—Дѣло, конечно, въ Вѣрѣ. Скажите, она вамъ очень, очень нравится? А vгаі dіге,—продолжала она, не давая ему времени отвѣтить,—она мнѣ тоже очень нравится, какъ художественное произведеніе, для котораго содержаніе безразлично, важна форма! Ну... и форма у нея прекрасна. Картина въ старомъ вкусѣ немного, гдѣ и формы, и колоритъ, и рисунокъ un peu trop rпопосѣ, нѣсколько натуралистическаго направленія... Мало неопредѣленнаго, недоконченнаго, что даетъ просторъ фантазіи, мечтамъ и догадкамъ, какъ тѣ современные произведенія искусства, въ которыхъ есть что-то недоговоренное, тревожное. Но она вполне отвѣчаетъ англійскому вкусу. Знаете, какъ есть марки шампанскаго специально англійскаго вкуса—extra dry. Однако, любовь...

Будаевъ рѣзко прервалъ ее:

— Прошу васъ, не будемъ говорить ни о Вѣрѣ, ни о Любви, ни даже о Надеждѣ,—сказалъ онъ, все еще вѣжливо, но холодно улыбаясь.—Мы говорили о поѣздѣ за границу. Эта поѣздка въ

дапное время для меня невозможно. Причиняю, которыя я привелъ, вы не вѣрите. Soit. Но не все ли равно, какія причины? Позвольте мнѣ вручить вамъ за купленный мясю автомобиль... Вы мнѣ его пришлете при первой оказіи...

Евгенія Львовна была сконфужена и собиралась уѣзжать.

По дорожке, мимо террасы раздались шаги, и въ наступившей темнотѣ вечера обрисовалась фигура дѣвушки.

Евгенія Львовна насторожила слухъ и вглядѣлась въ тьму.

— Вѣра Дмитриевна,—вы?—окликнула она проходившую.

Вѣра вздрогнула отъ неожиданности.

Она избѣгала въ послѣднее время показываться около усадьбы, и выбрала теперь эту дорогу, какъ ближайшую, потому что знала, что въ эту пору на террасѣ обыкновенно никто не сидѣлъ.

Сердце ея забилося отъ ревниваго чувства, когда она узнала голосъ Евгеніи Львовны.

— Это я.

— Идите сюда, на террасу!

— Я спѣшу домой,—сухо отвѣтила Вѣра.

Но такъ какъ Евгенія Львовна и подошедшій въ это время къ периламъ Будаевъ настаивали, то она нѣхотя вошла.

— Вотъ,—начала Евгенія Львовна,—я уговариваю Владимира Сергѣевича ѣхать съ нами. Что вы на это скажете?

Вѣра удивленно взглянула на него.

— Я? Что я могу сказать? Владиміръ Сергѣевичъ, вѣроятно, самъ знаетъ, что ему дѣлать.

— О, да, конечно; но не въ этомъ дѣло. Мы съ бабушкой ѣдемъ отсюда. Всѣ растерялись, всѣ напуганы. Въ деревнѣ тифъ, который принимаетъ настоящіе размѣры эпидеміи. И никто не принимаетъ никакихъ мѣръ. Врачъ—одинъ, да и тотъ не врачъ, а Богъ знаетъ что. Я говорю о Вавакинѣ; онъ безсиленъ помочь чему-нибудь. Аптекъ нѣтъ, лечебницъ нѣтъ, ухода нѣтъ. Какая некультурная страна!

Сердце Вѣры тревожно забилося.

Ей показалось, что въ эту минуту что-то рѣшается важное, серьезное, большое въ ея жизни. И это важное, серьезное и большое, будто бы, зависитъ отъ отвѣта Будаева.

Она незамѣтно взглянула на него, ожидая его отвѣта.

— Я уже сказалъ вамъ, милая Евгенія Львовна,—проговорилъ Будаевъ,—что я не поѣду съ вами. И вообще не поѣду, пока не уладится тутъ все съ дѣлами. И вы напрасно тратите ваше краснорѣчіе.

Вѣра почувствовала глубокую благодарность къ нему за этотъ отвѣтъ.

— Какъ знаете. A bon entendeur—salut. Но я бѣгу. Merci, я вовсе не хочу заразиться отъ мужиковъ тифомъ и умереть въ этой дырѣ. А вы?—обратилась она къ Вѣрѣ.—Вы, конечно, останетесь?

— Я, конечно, останусь. Бѣжать я не собираюсь, и вообще считаю, что бѣжать съ поля сраженія могутъ...

Она почувствовала, что зашла нѣсколько далеко.

— Трусъ?—завончила за нее Евгенія Львовна.—Ну что жъ! Пушай!—какъ выражаются здѣсь не только мужики, но и интеллигенты.—И она взяла насмѣшливый, издѣвательскій тонъ:—А вы, конечно, будете стоять на своемъ „честномъ“ посту, ухаживать за больными, растирать бабамъ животы и обладывать мужиковъ компрессами,—однимъ словомъ, совершать тысячи такого рода великихъ подвиговъ?

Въ ея тонѣ звучало явное недоброжелательство къ Вѣрѣ, даже нескрываемое раздраженіе и обидная насмѣшка.

И вдругъ всегда спокойная, всегда уравновѣшенная Вѣра всплыла. Точно этотъ наглый тонъ Скуридиной былъ тѣмъ бичомъ, который ей нанесъ ударъ по лицу.

— Да, да, да!—твердо, рѣзко и громко проговорила она:— я останусь, я буду ухаживать за больными, я буду совершать эти тысячи подвиговъ, какъ вы выражаетесь, подвиговъ мелкихъ, незначительныхъ, словомъ—по моей мелкой и незначительной натурѣ. И я думаю, что каждый изъ этихъ подвиговъ, къ которымъ вы относитесь съ такимъ явнымъ презрѣніемъ, выше подвига бѣгства, трусливаго бѣгства ради спасенія своей жизни. И что вамъ за дѣло до меня? Вы хотите бѣжать—бѣгите. Мнѣ некуда бѣжать, а если бы и было куда—я осталась бы. Эти грязные мужики и бабы, которыхъ вы ненавидите и презираете, когда-то кормили и поили васъ своимъ даровымъ, крѣпостнымъ трудомъ. Вы были господами, они—рабами, и если бы не было ихъ и ихъ каторжнаго труда, можетъ быть не было бы и васъ, не было бы и меня. Эта земля, эти мужики вскормили насъ. У меня есть долгъ передъ ними, какъ и у васъ. Я хочу уплачивать этотъ крупный долгъ мелкими суммами, потому что я не богата ни умомъ, ни силами, ни средствами. Вы находите, что можно все взять у довѣрчиваго кредитора и бѣжать за границу, даже не заплативъ процентовъ. Ваше дѣло! Дѣло вашей совѣсти и добросовѣстности. Но зачѣмъ же увлекать по этому пути другихъ...

Евгенія Львовна насмѣшливо улыбалась.

Въ концѣ рѣчи Вѣры, которая задыхалась отъ овладѣвшаго ею волненія, она поморщилась и проговорила:

— Ой, какъ старо! Я недавно читала какой-то журналъ конца шестидесятихъ годовъ, попавшійся мнѣ случайно. Тамъ точь-въ-точь то же. Можетъ быть, и вы его читали?..

— Я не читала никакихъ журналовъ, я говорю, то, что чувствую. Вы не чувствуете такъ—я васъ не упрекаю, но жалѣю тѣхъ, кто не чувствуетъ своего долга передъ родиной, чье сердце не бьется за-одно съ ней, кто не понимаетъ прелести этихъ полей, лѣсовъ и деревень. За этими синими лѣсами и зелеными полями лежатъ безконечныя степи и луга, убогія деревни, въ которыхъ живутъ темные люди въ темныхъ хатахъ. Голодъ, болѣзни, нищета царствуютъ въ этихъ темныхъ хатахъ. Вы, люди, живущіе въ розовыхъ лучахъ, въ барскихъ усадьбахъ, сытые, обутые, одѣтые и праздные, бѣжите отъ этой гьмы, спасая свое благополучіе, не хотите приподнять край темной завѣсы и заглянуть за нее. Ваше дѣло! Но я... не люблю и не уважаю такихъ людей...

— Мѣщанство!—проговорила въ полголоса Евгенія Львовна, такъ чтобы ее слышалъ Будаевъ и не слышала Вѣра.—А вы,—обратилась она къ Будаеву, не удостоивъ прямымъ отвѣтомъ Вѣру,—все-таки остаетесь? Остаетесь платить долги, по счетамъ, которые предъявляетъ всѣмъ намъ m-lle Торнилова?

Она хихикнула и встала. Встали и Вѣра, и Будаевъ, который стоялъ теперь рядомъ съ Евгеніей Львовной.

Сердце Вѣры тревожно забилося и въ надвигающихся сумеркахъ она, заставъ дыханіе, старалась разглядѣть выраженіе лица Будаева, предугадать его отвѣтъ.

Это была мучительная, тягостная для нея минута.

Вдругъ онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ Вѣрѣ и какимъ-то особеннымъ, дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Да, я уже говорилъ вамъ,—я остаюсь.

Вѣра вздрогнула и схватилась за сердце, которое ужасно забилося.

Правда ли? Не ослышалась ли она?

— И... надолго?—спросила Евгенія Львовна.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ:—можетъ быть... надолго.

Онъ чувствовалъ, какъ какая-то теплая, теплая волна прилила къ его сердцу, и какъ на его душѣ дѣлалось такъ хорошо, какъ никогда на ней не бывало.

Странное, небывалое чувство овладѣло имъ; то чувство, которое давно незамѣтно подкрадывалось къ нему, стучалось въ его сердце, какъ бы прося разрѣшенія войти туда.

Какъ и когда именно оно вошло—онъ не зналъ. Какъ онъ неосторожно впустилъ его туда—онъ не помнилъ. Но оно вошло,

оно жило теперь тамъ, оно просилось наружу и стуки его онъ явственно слышалъ.

Вотъ передъ нимъ та Вѣра, которую онъ такъ недавно еще оскорбилъ, и которую не видѣлъ нѣсколько дней. Это та же Вѣра и не та. Она вдругъ стала къ нему близкой, и черты лица ея, и ея голосъ, и ея рѣчи,—все получило вдругъ иной оттѣнокъ, иное освѣщеніе...

„Господи!—взмолился онъ со страхомъ,—да что же это такое“?!

Евгенія Львовна захохотала и, быстро сбѣжавъ съ террасы, исчезла съ своимъ велосипедомъ въ ночной тьмѣ.

XXIII.

Вѣра стояла и дрожала какъ въ лихорадкѣ.

Какъ бы по взаимному уговору, оба молча сошли съ террасы и направились по аллеѣ къ рошѣ.

Все такъ же молча, точно прислушиваясь къ голосамъ, которые звучали въ ихъ душахъ, точно боясь нарушить это торжественное безмолвіе ночи, они вошли въ коринескую бесѣдку.

Давно, давно не посѣщала этой бесѣдки Вѣра. Когда-то здѣсь повѣрляла она своему дорогому лѣсу тайны своей дремавшей души.

И вотъ она опять на этой вершинѣ, опять окружена своей любимой зеленой природой, въ которой столько ей понятной поэзій.

Тихо шепчутся деревья, точно рассказывая другъ другу волшебныя сказки; ярко свѣтять съ чернаго неба свѣтлыя звѣзды. И такъ любовно журчатъ гдѣ-то неподалеку ручей. И душа Вѣры теперь на высотѣ. Неожиданно быстро поднялась она туда, и ей теперь страшно, удержится ли она тамъ?

Не сонъ ли это? Не мечта ли, не греза?

Вѣдь что же произошло, какія слова были произнесены? Ничего не произошло и ничего не было сказано. Откуда же взялось это томительно-сладкое чувство, которое вдругъ, разомъ наполнило ихъ сердца?

Долго домъ стоялъ запертый наглухо плотными ставнями. Тьма царила въ немъ, порохи раздавались въ углахъ, а стѣны затягивались паутиной. Скрипѣли половицы, пищали мыши и все отдавало запустѣніемъ и выморочностью.

Но вотъ пришелъ кто-то и властной рукой распахнулъ ставни. Одного мгновеннаго движенія этого было достаточно, и картина рѣзко измѣнилась.

Въ темныя комнаты ворвался лучъ яркаго лѣтнаго солнца и освѣтилъ тайну запертой двери. Все повеселѣло, все заискрилось въ этихъ яркихъ золотыхъ лучахъ. И такъ стало весело, такъ уютно, такъ отраднo въ темной, затхлои комнатѣ.

Но кто же этотъ волшебникъ?

И какъ будто изъ роици принесъ ей отвѣтъ ночной вѣтерокъ: этотъ волшебникъ—любовь.

И вотъ она слышитъ надъ собой нѣжный знакомый, но словно перерожденный голосъ.

— Я обидѣлъ васъ недавно, Вѣра Дмитриевна. Вы должны простить меня. Но и вы относились ко мнѣ враждебно. Вы не допускали близости между нами, вы смотрѣли на меня какъ на чужого вамъ, пришлаго человѣка, ворвавшася въ вашу мирную обитель, въ вашу тихую деревенскую жизнь. Вначалѣ еще какъ будто была надежда на наше сближеніе. Но потомъ вы какъ-то сразу отдалились отъ меня... Отчего вы относились ко мнѣ такъ враждебно?

Она стиснула свои руки, и когда заговорила, то не узнала своего голоса.

— Я считала васъ гордымъ, замнутымъ, холоднымъ ко всему, что я люблю,—тихо отвѣтила она.—Развѣ это было не такъ? Наши характеры, наши взгляды, наши чувства такъ не походили другъ на друга. Вы презирали то, что я любила, вы такъ безучастно относились къ нашимъ полямъ и лѣсамъ, какъ будто мое отечество—не ваше. Что изъ того, что вы родились на чужбинѣ? Но здѣсь жили ваши предки, вашъ отецъ, здѣсь онъ и похороненъ. Здѣсь живетъ *вашъ* народъ, съ духомъ котораго вы связаны неразрывными, хотя и невидимыми нитями; здѣсь складывался поколѣніями духъ русскаго человѣка, гдѣ бы онъ ни родился. Вы—сынъ этой родины, хотя бы вы никогда не видали ея, хотя бы вы забыли о ней. Пусть эта природа и эти люди никогда ничего не говорили вашей душѣ. Но это временно. Повторяю вамъ, настанетъ время, когда этотъ призывъ раздастся въ вашемъ сердцѣ. И я относилась къ вамъ холодно, враждебно, какъ вы говорите, потому что я не могла... любить человѣка, который пришелъ сюда какъ чужеземецъ, какъ гость, который только и думаетъ, какъ бы уйти отсюда.

Она замолчала.

Ей хотѣлось сказать ему много, очень много, но она не знала, съ чего начать, чѣмъ кончить. Одна мысль набѣгала на другую. Ей хотѣлось сказать ему что-нибудь краткое, въ чемъ заключалась бы вся ея мысль, что-нибудь горячее, какъ слезы,

которыя капали теперь изъ ея глазъ, и въ чемъ заключалось бы все ея чувство.

Но слова оставались словами, такими блѣдными для выраженія чувства, такими холодными, несовершенными и далекими отъ дѣйствительности!

И она говорила ему все то же, что говорила уже много разъ: о патриотизмѣ, о родинѣ, о любви къ своему народу, когда хотѣла сказать только одно—о своей любви къ нему!

Но, можетъ быть, одно вытекаетъ естественнымъ образомъ изъ другого, и именно эти слова высказываютъ ея современную мысль?

Она не знала и замолчала въ безпомощной позѣ.

Будаевъ взялъ ее за руку.

— Да, все это было во мнѣ и, кажется, прошло... Я благодарю васъ за то, что вы заставили меня полюбить эту грустную природу, что вы заставили меня стать близкимъ всему тому, что вы такъ горячо и беззаветно любите. Вы заставили меня познать и приобрѣсти отечество. Да, можетъ быть вы правы, Вѣра...

Она радостно вздрогнула: онъ въ первый разъ назвалъ ее такъ.

— Человѣку нужна родина; быть можетъ, настанетъ время, когда просвѣтитъ даль и проглянетъ сквозь туманъ солнце для всѣхъ. Тогда люди сравняются, и понятіе объ отечествѣ поблекнетъ. А пока мы еще люди земли. Мы не настолько сильны и мощны, чтобы порвать цѣпи, приковывающія насъ къ землѣ.

Ей почудился протестъ, невольный, стихійный протестъ сильного человѣка противъ этихъ цѣпей. Очевидно, онъ хотѣлъ сказать что-нибудь другое, но по пути мысль, какъ волна, захлестнула его и отнесла въ сторону.

Ей было больно.

Она съ тоской оглядѣлась вокругъ.

Луна не свѣтила и не пѣлъ соловей, какъ пѣлъ здѣсь, — такъ, казалось, еще недавно, весной. Не пахло тяжелымъ, сладкимъ запахомъ розъ и лилій, потому что онѣ уже отцвѣли. Садъ высохъ, пожелтѣлъ, опустѣлъ подъ жаркими лучами лѣтняго солнца; но когда онъ заговорилъ снова, въ душѣ ея расцвѣтала весна.

— Можно жить, — говорилъ онъ: — можно жить и наслаждаться жизнью даже связаннымъ всѣми этими обязательными идеями о благѣ народа, о любви къ родинѣ. Можно такъ жить, когда къ этимъ обязательнымъ цѣпямъ прибавить другія — цѣпи любви... Тогда все покажется въ иномъ свѣтѣ.

Она грустно покачала головой.

— Нѣтъ, — тихо проговорила она, — чувство должно быть свободно. Гдѣ цѣпи — тамъ его нѣтъ. Нужно любить свободно, открыто, въ силу потребности, а не въ силу долга и обязан-

ностей. Что бы ни любить! Хотя бы и родину. Человекъ безъ родины—перекати-поле, которое носится изъ одного края въ другой, гонимое вѣтромъ, нигдѣ не находя себѣ убѣжища. Развѣ это свобода? Она подчиняется вѣтру, и вѣтеръ гонитъ его по своему произволу...

— Вѣра!—съ чувствомъ произнесъ онъ, и она вся замерла отъ испуга: вотъ насталъ тотъ великій моментъ, который она смутно предчувствовала, трепетно ожидала. Сейчасъ онъ скажетъ роковыя слова, которыя могутъ измѣнить всю ея жизнь.

И вдругъ чей-то хриплый, фальшивый голосъ прогѣлъ у самой бесѣды внизу:

— Ты не моя, и я не твой!

Ахъ, я не твой! ахъ, я не твой!.

И затѣмъ—гадкій, пьяный смѣхъ.

Иллюзія ночи была смята, растоптана.

Будаевъ быстро отошелъ отъ Вѣры.

Вавакинъ смѣялся.

— Вы здѣсь?—кричалъ онъ имъ.—А я васъ всюду ищу...

Вѣра нагнулась черезъ перила.

— Что вамъ нужно?—гнѣвно сказала она ему.

— Ежели я пришелъ, значить нужно,—грубо отвѣтилъ Вавакинъ.—Что же, вы такъ увлеклись, что ничего не видите и не слышите? Спускайтесь скорѣе! Взгляните на небо...

XXIV.

И Будаевъ, и Вѣра разомъ подняли головы.

— Боже мой, что это?—съ замершимъ сердцемъ вскрикнула она.

Все небо было окрашено яркимъ пурпуромъ.

Внизу раздавался хохотъ пьянаго Вавакина.

— Вы думаете, что это заря? Запѣли соловушки до зари, ахъ это зарево.

— Пожаръ!—проговорилъ Будаевъ, быстро скользя внизъ и какъ бы освобождаясь вдругъ отъ кошмара, такъ внезапно и неожиданно завладѣвшаго имъ.

— Да, пожаръ,—прошептала Вѣра, слѣдуя за нимъ.

Со стороны усадьбы слышались крики, тотъ неопредѣленный гамъ и шумъ, который всегда бываетъ при пожарахъ и который похожъ издали на шумъ грознаго, все нарастающаго прибоя.

За высокимъ домомъ небо было красно. Сквозь узкій проулокъ, образуемый домомъ и флигелемъ, видѣлись огненные языки, ярко вспыхивавшіе и вдругъ потухавшіе, то высоко вздымавшіеся

въ какой-то яростной злобѣ, то вдругъ падавшіе, точно въ изнеможеніи. Клубами поднимался дымъ съ тучами искръ, блиставшихъ на его сѣроватомъ фонѣ.

Похоже было на то, что горѣла солома.

— Господи, горитъ усадьба!—шептала Вѣра, и вдругъ въ ея памяти возсталъ темный образъ Трофима Сулы, когда онъ уходилъ по дорожкѣ сада, нѣсколько дней тому назадъ, съ угрозами на устахъ и съ горящимъ ненавистью взоромъ.

„Трофимъ исполнилъ свою угрозу,—мелькомъ пронеслось у нея въ головѣ:—что будетъ, что будетъ теперь“!..

Меньше всего она думала теперь о своихъ личныхъ дѣлахъ, но на самомъ днѣ ея испуганной души она ощутила инстинктивное сознание, что этотъ пожаръ уничтожаетъ не только усадьбу, но и ея только-что зародившееся счастье.

Усадьба была цѣла.

Горѣлъ флигель и притомъ съ разныхъ концовъ. Въ одномъ мѣстѣ пламя утихало, въ другомъ неожиданно разгоралось.

Мужики и даже бабы собрались вокругъ горящаго зданія.

Появились топоры, багры, ведра съ водой. Тормиловъ былъ здѣсь же и спокойно, дѣловито распорядился всѣмъ.

Больше всѣхъ волновался и путалъ урядникъ.

Онъ бѣгалъ по всѣмъ направленіямъ, суетился, кричалъ и ругался.

— Тащи воду! Воду тащи, анаеема! А ты чего стоишь разиня ротъ? А? Вотъ я тебя ужь въ холодную! Народъ тоже! Рвань, а не народъ.

На нѣкоторыхъ онъ насканивалъ съ кулаками.

Мужики и бабы дѣлали, однако, свое дѣло и отмахивались отъ урядника какъ отъ назойливой и надобливой мухи.

Они его знали давно и знали, что онъ дѣлается истинно свирѣпымъ въ присутствіи Крыжова и по его специальному требованію; въ же этихъ обстоятельствъ это у него было только служебной манерой, не больше.

Флигель горѣлъ исправно, когда Будаевъ съ Вѣрой подошли къ нему. Вавалинъ, помотавшись безъ нужды около пожара, куда-то исчезъ и больше уже не показывался.

Вѣра увидѣла въ отдаленіи группу мужиковъ, стоявшихъ, повидимому, безъ дѣла, что ее удивило.

Она подошла къ нимъ, и сердце ея сжалось отъ боли.

Среди нихъ стоялъ связанный по рукамъ Трофимъ Сула. Видъ у него былъ дивій, озлобленный; онъ походилъ на пойманнаго звѣря. Волосы на головѣ и бородѣ были всклокочены и въ нихъ виднѣлись кусочки запутавшейся соломы; глаза его были

воспалены и налиты кровью; онъ злобно вращалъ ими и съ ненавистью смотрѣлъ на окружавшихъ его мужиковъ. Рядомъ съ нимъ лежалъ пучокъ соломы и огарокъ свѣчки — должно быть, вещественныя доказательства предполагаемаго преступленія.

— Хамы, сволочь!—ругалъ онъ изрѣдка окружавшихъ его мужиковъ.—Свово въ полонъ взяли, ровно врага...

Онъ пробовалъ рвать веревки, которыми связаны были его руки, но только усиливалъ боль, и тогда, въ видѣ компенсаціи, принимался за ругательства.

— Нишени, Сула!—говорили мужики, среди которыхъ Вѣра узнала Терентія и Митрія. — Мы што? Намъ, скажемъ, приказано: сторожи, мы и сторожимъ.

— Хамы! Сволочь!—огрызался Сула, который, видимо, находилъ облегченіе въ этихъ словахъ.

Около мужиковъ стоялъ Джонъ, къ удивленію Вѣры тоже расвиірѣпѣвшій и наскакивавшій на Сулу съ англійскими ругательствами.

Онъ именно, какъ оказалось, поймалъ его въ сѣняхъ съ пучкомъ зажженной соломы и тутъ же, схвативъ его за шиворотъ выволокъ въ переулочекъ и побилъ.

За это продолжительное время бездѣйствія, англійская энергія накопилась въ его организмѣ и искала примѣненія и выхода.

Она и нашла ихъ въ Трофимѣ Сулѣ, котораго онъ билъ съ жесточайшимъ сладострастіемъ.

И теперь, при взглядѣ на подсказывавшаго къ нему Джона, Трофимъ Сула дрожалъ какой-то мелкой дрожью отъ бессильной ярости, точно затравленный охотниками волкъ, и, сжимая кулаки, связанные повыше кисти, говорилъ:

— Подойди, подойди, басурманская рожа! Вотъ я тебѣ плюну въ твою харю! Нѣтъ, братъ, врешь! Не уйти тебѣ отъ меня, дай срокъ!

Джонъ, произнеся какое-то англійское ругательство, при видѣ подходившей Вѣры замѣшался въ толпѣ и исчезъ.

Вѣра подошла и съ горестью во взорѣ взглянула на Трофима Сулу.

Въ его лицѣ что-то дрогнуло, когда онъ встрѣтился съ ней глазами, и оно какъ будто просвѣтлѣло на мгновеніе.

— Трофимъ!—вскрикнула она.—Ты? Ты связанъ...

— А я-жь, барышня.

— Чтѣ ты сдѣлалъ, чтѣ сдѣлалъ!—кривомъ вырвалось у нея. Трофимъ угрюмо молчалъ.

Митрій отвѣтилъ Вѣрѣ:

— А кто же его знаетъ, чтѣ онъ сдѣлалъ. Англичангъ

сказывалъ, будто поджогъ, что-ли. Поджогъ, сказывалъ. Ну, извѣстно, говорятъ: вяжи. Вяжи, говорятъ. А только сумлѣваемся мы съ Терехой. Такъ скажемъ, зачѣмъ ему поджигать, какая корысть? Корысть-то какая, скажемъ?

— Врешь ты все, сволочь! — вдругъ прервалъ его Трофимъ, поднявъ голову. — Выгораживаешь, анаема! Врешь! Буде запираешься! Я — поджогъ. Извѣстно, я. Кто-жъ больше? Все вѣдь я. Гдѣ что горить — все я. Запираться не стану. Зачѣмъ запираешься? Извѣстно, терпѣли, доколѣ невтерпѣжъ стало. Исправникъ дупитъ, сажаетъ, продаетъ мужика, — кому вступиться, какъ не помѣщику, скажемъ? А помѣщикъ продаетъ насъ Щеклѣю-Ироду! А Щеклѣй, извѣстно, задушить, со всѣмъ съ потрохомъ сожреть, все одно, что червь. По злобѣ я это, по злобѣ. А вы — сволочь, хамы! — обратился онъ къ мужикамъ. — Я за васъ, а вы мнѣ — руки къ лопаткамъ...

— Наше дѣло подневольное, Трофимъ, — заегозилъ Митрій, — подневольное наше дѣло! Мы что? Сказано: — вяжи! — ну, мы и того, значить, вяжемъ. Вяжемъ, значить, потому...

— А я-жъ и говорю: хамы! Вяжемъ! — передразнилъ онъ мужика. — А ты развяжи, такъ я опять спалю, вотъ те слово, — спалю.

— Да замолчи ты, Трофимъ, ради Христа! — проговорила Вѣра, ломая руки. — Погубишь ты себя!

Трофимъ опустилъ голову и замолкъ. Все, что накопилось у него на душѣ, повидимому уже вылилось, и теперь въ ней ничего не осталось.

Онъ окинулъ присутствующихъ равнодушнымъ взглядомъ и трахнулъ головой.

Въ это время появился около этой группы Вавакинъ. Пожаръ потухалъ. По землѣ стлался черный, ѣдкій дымъ, перемѣшанный съ искрами. Стало вдругъ темнѣе.

Будаевъ отыскивалъ Вѣру, и увидя ее около мужиковъ, подошелъ.

Взоръ Сулы, который онъ поднялъ на помѣщика, загорѣлся гнѣвомъ, но губы его были плотно сжаты, и онъ ничего не сказалъ. Будаевъ уже зналъ отъ урядника, въ чемъ дѣло.

Вавакинъ, пьяный, подошелъ къ Сулѣ.

— Что, братъ... попался? А? Попался, голубчикъ! Такъ тебѣ, мошенникъ, и надо. Всыпять, вотъ, ей-ей, всыпять, а потомъ прогуляешься по Владиміркѣ...

Вѣра остановила его съ негодованіемъ.

— Какъ вамъ не стыно, Иванъ Михайловичъ! — сказала она.

— Чего стыдно, печальница горя народнаго? Чего стыдно-то?

Ты жги, ежели хочешь, да не попадайся; а попался, голубчикъ, пожалуй-ка на цугундеръ! Такъ-то-съ. Стыдно ему, а не мнѣ. Я бы его, распротоканалью, носомъ въ пламя, носомъ-съ, опалилъ бы его, какъ свинью...

— Молчите! — крикнула Вѣра. — Вы пьяны!

— Пьянъ, да уменъ, два угодья въ немъ! — сказалъ Вавакинъ, но тѣмъ не менѣе какъ-то сконфуженно сжался и скрылся за спинами мужиковъ, которые засмѣялись при его послѣднихъ словахъ.

Подошелъ и Тормиловъ, которому нечего было больше дѣлать на пожарѣ.

Вѣра бросилась къ нему.

Нервы ея не выдержали, и она заплакала.

— Папа, — сквозь слезы говорила она, — спаси Трофима! Его связали, но онъ не виноватъ. Его затравили, какъ волка, его озлобили, онъ наговариваетъ на себя съ отчаянья. Вѣдь погубить его, окончательно погубить.

Тормиловъ упорно молчалъ и смотрѣлъ на Будаева.

Въ старомъ управляющемъ боролись два противоположныхъ чувства: чувство жалости и старой привязанности къ Сулѣ, котораго онъ такъ давно зналъ, и который когда-то спасъ его дочь отъ гибели, и чувство законности, которое не позволяло ему ходатайствовать за явнаго поджигателя.

Вѣра тоже смотрѣла выжидательно на Будаева.

Вавакинъ высунулся изъ-за спины мужиковъ и съ любопытствомъ ожидалъ, что скажетъ Будаевъ.

Подошелъ къ этой группѣ и урядникъ.

— Интересно, — въ полголоса проговорилъ Вавакинъ, — какъ-то поступить нашъ влюбленный лордъ?

И даже крякнулъ отъ удовольствія.

Будаевъ чувствовалъ, что отъ него всё ждуть чего-то. Но чего? При чемъ онъ тутъ? Есть на лицо законная власть, которой и надлежитъ поступить такъ или иначе.

Но Вѣра смотрѣла на него такъ просительно, съ такой мольбой во взорѣ плачущихъ глазъ, что онъ почувствовалъ физическую необходимость сказать что-нибудь, выразить какъ-нибудь свое участіе въ дѣлѣ.

Онъ подошелъ къ Сулѣ.

— Ты поджогъ? — спросилъ онъ его съ суровымъ отгѣвнымъ въ голосъ.

Но возбужденіе дня прошло въ Трофимѣ Сулѣ, и онъ отвѣтилъ уставшимъ, ослабѣвшимъ голосомъ:

— А хоша-бы и я.

Вѣра вдругъ подошла къ Будаеву близко-близко и пропивно-веннымъ, дрожащимъ голосомъ сказала ему:

— Отпустите его, Владиміръ Сергѣевичъ... онъ несчастный, бѣдный, озлобленный....

Дальше она не могла говорить.

Она чувствовала, какъ Будаевъ колебался. Врожденное съ дѣтства чувство законности связывало его. Въ первое время, въ мысляхъ Будаева не возникло даже ни-малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, какъ должно поступить съ поджигателемъ. Сула совершилъ преступленіе; улики ясны; поджигатель долженъ быть наказанъ. Тамъ, въ Англии, не нашлось бы, конечно, ни одного такого смѣльчака, которому пришло бы на умъ просить о пощадѣ преступника. Тамъ слишкомъ глубоко вибрилось въ умы и въ весь укладъ общественной жизни чувство законности. И, конечно, ни одинъ полицменъ или констебль, ни одно лицо, облеченное властью, даже и не вняло бы голосу такого непрошеннаго защитника. Но здѣсь, въ этой странѣ, которую онъ только-что началъ понимать—не умомъ, а сердцемъ—все вѣдь не такъ, какъ тамъ... въ этой странѣ, гдѣ преступниковъ иначе не называютъ, какъ „несчастливыми“, и Сула является не только достойнымъ кары, но еще и „жалости“. И Будаевъ почувствовалъ, какъ въ его душѣ, обыкновенно холодной и замкнутой, затеплилось новое чувство, чисто русское, и ему вдругъ стало „жаль этого несчастнаго“. Мысленно онъ тотчасъ же упрекнулъ себя за это и обозвалъ это новое чувство „нежелательнымъ атавизмомъ“.

Вѣра поняла, что опять наступилъ для нея рѣшительный моментъ. И въ словѣ Будаева будетъ для нея рѣшеніе судьбы. Если онъ изъ чувства къ ней уступить, значить—это чувство очень серьезно. Сула будетъ свободенъ, она—счастлива. Ея судьба и судьба Сулы зависать теперь отъ него одного.

Будаевъ взглянулъ на нее и прочелъ въ ея глазахъ ту душевную муку, которая терзала ее жестоко въ эту минуту.

Но онъ все еще сдерживалъ себя и колебался.

Но вдругъ точно что-то изнутри толкнуло его, и онъ быстро, какъ бы не давая себѣ возможности отступленія, внятно проговорилъ:

— Развяжите его и отпустите.

Но тутъ вступился урядникъ.

— Никакъ невозможно, Владиміръ Сергѣевичъ, — сказали онъ. — Никакъ невозможно. Потому какъ мужикъ совершилъ преступленіе и подлежитъ карѣ отвѣтственности. Чтò жъ мы будемъ поджигателей распуцать по округѣ? Ежели бы онъ еще заперся,

а то начисто сознался. Да и пойманъ съ поличнымъ. Никакъ невозможно.

Вѣра радостно вскрикнула, услыхавъ слова Будаева, и, схвативъ его руку, крѣпко прижалась къ нему.

— Я васъ прошу это сдѣлать для меня, — сказалъ Будаевъ, чувствуя и сознавая, что урядникъ правъ; но, разъ уже вступивъ на неправый путь, онъ рѣшилъ дойти до конца. — Сула дастъ слово, что это не повторится, и это будетъ хорошимъ урокомъ для него. Наконецъ, я его беру на поруки. Однимъ словомъ, я отвѣчаю за него.

— Уйду я! — заговорилъ Сула тѣмъ же голосомъ. — Уйду вовсе отсюда. Далеко уйду. Слуху отъ меня не будетъ. Последнее продамъ, видъ выгравлю и уйду.

— Я не знаю, — нерѣшительно проговорилъ урядникъ: — право, не знаю, это противъ кари ответственности. И потомъ, Аѳоній Петровичъ... Какъ рѣшить Аѳоній Петровичъ. Я могу мѣста лишиться. А за чтѣ я буду мѣста, лишаться? Изъ-за негодяя Сулы?

— Не безпокойтесь. Я самъ скажу Аѳонію Петровичу. Я все это устрою и возьму *всю* — понимаете ли? — всю отвѣтственность на себя. Вѣрите моему слову.

— Аѳоній Петровичъ давно на него точить зубы. Жаль ему будетъ, что упустили.

— Нѣтъ, нѣтъ, я это устрою, — вы, пожалуйста, не безпокойтесь.

Урядникъ еще разъ нерѣшительно взглянулъ на Будаева, на Вѣру, на Тормилова, и на Тормиловѣ остановился его вопросительный взоръ.

Очевидно, онъ больше довѣрялъ ему, чѣмъ помѣщику, потому что зналъ его дольше и больше.

— Вамъ нечего опасаться, — сказалъ Тормиловъ, и тогда урядникъ крикнулъ мужикамъ:

— Развяжите его!

Все-таки урядникъ счелъ долгомъ прочитать нотацію Сулы, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Слушай ты! Вотъ, по просьбѣ господина помѣщика, тебя, негодяя, отпустили. Долженъ ты чувствовать благодарность аль нѣтъ?

Но Сула, повидимому, не чувствовалъ благодарности, потому что угрюмо молчалъ, уставясь взоромъ въ землю.

Урядникъ продолжалъ:

— Но ежели ты, скотина, еще попадешься... ну, смотри!.. Прямо сказать — сгною тебя!..

И не будучи достаточно краснорѣчивымъ, урядникъ помогъ своему краснорѣчію жестомъ: поднесъ къ самому носу Сулы свой увѣсистый кулакъ.

Сула расправлялъ руки, отекишія отъ вшивавшихся въ нихъ веревокъ.

— Уйду я,—тупо и угрюмо повторилъ онъ. — Вовсе даже уйду. Точно мнѣ видѣть всѣ эти рожи. Боже мой, какъ тошно! Прощенія просимъ!..

И онъ, покачиваясь, исчезъ въ ночной тьмѣ.

Всѣ облегченно вздохнули и разошлись.

На мѣстѣ пожара тлѣли кое-гдѣ угли и поднимался къ небу тонкій сизый дымокъ.

На востокѣ блѣднѣло небо, пробуждаясь передъ грядущей зарей.

XXV.

Джонъ ходилъ въ радостномъ настроеніи по комнатамъ и террасамъ: Будаевъ бралъ его съ собою въ городъ, куда онъ собрался совершенно неожиданно, съ странной внезапностью и стремительностью.

Будаевъ рассчитывалъ пробыть тамъ недѣлю, и потому Джонъ укладывалъ всѣ необходимыя вещи, какъ будто они собирались въ очень долгій путь.

Тормиловъ пришелъ къ Будаеву, сидѣвшему на террасѣ, и спросилъ, въ которомъ часу запрягать лошадей.

Проходившая мимо Вѣра услышала этотъ вопросъ и вздрогнула.

„Онъ уѣзжаетъ?—подумала она.—Куда? Зачѣмъ? Надолго ли?“

Не находя отвѣта на эти вопросы, она не могла удержаться отъ жгучаго любопытства.

Поведеніе Будаева послѣ пожара ее удивляло и разстроивало. Владиміръ Сергѣевичъ сдѣлался замкнутымъ, неразговорчивымъ, сумрачнымъ. Два дня прошло послѣ этого событія, и они встрѣчались, какъ въ первый день прибытія его въ имѣнье, совершенно чужими людьми. Они обмѣнивались общими фразами, ничего незначащими любезностями, какъ будто ничего между ними не произошло.

Вѣра чувствовала душевную растерянность.

Да что же произошло?—задавала она себѣ вопросъ по нѣскольку разъ въ день. Ничего существеннаго, важнаго между ними не было. Однако, тамъ, въ коринеской бесѣдкѣ, совершилось нѣчто такое, что перевернуло всю ея душу.

Послѣдняго, рѣшающаго слова между ними сказано не было. Но зачѣмъ непременно слова? Какъ будто не бываетъ определенныхъ отношеній безъ формальныхъ словъ? Развѣ взгляды его недостаточно краснорѣчиво говорили ей о любви? Развѣ звукъ его голоса не проникалъ въ ея сердце? Развѣ она не поняла, что онъ ее любитъ?

Ахъ, любовь, любовь! любовь, безъ которой она прожила столько лѣтъ, которой недоставало въ ея существованіи. Вотъ, она блеснула ей среди ея унылаго, безпѣтнаго дня яркимъ весеннимъ лучомъ. И одного этого луча было достаточно, чтобы освѣтить всю ея жизнь. И жизнь показалась ей такой прекрасной, такой радостной, такой свѣтлой. Это не тѣ радости, которыя даетъ сознаніе свято исполняемаго долга, это — радость особенная, личная, близкая и дорогая ей.

Она проходила теперь мимо Будаева и трепетно ждала, что онъ окликнетъ ее.

Но отчего лицо его такъ блѣдно, отчего глаза его такъ вопросительно и грустно смотрятъ на нее?

И она не находила отвѣта на эти мучительные вопросы, и сердце ея мучительно, болѣзненно сжималось.

Быть можетъ, она тогда ошиблась, принявъ за любовь то, что вовсе не было любовью? Но она почувствовала его любовь сердцемъ, а развѣ сердце дѣвушки, которая никогда не любила, можетъ такъ грубо ошибаться?

— Вѣра Дмитріевна! — окликнулъ ее Будаевъ, подходя къ периламъ террасы. — На одну минутку.

Радостно, какъ встрепенувшаяся послѣ ненастья птичка, она взбѣжала на террасу.

Тормиловъ ушелъ сдѣлать распоряженіе о лошадяхъ.

Она готова была броситься на шею къ Будаеву, но онъ сдержанно поклонился ей и сказалъ:

— Вѣра Дмитріевна, я уѣзжаю сегодня въ городъ... на недѣлю... Не думаю, чтобы меня задержали тамъ дольше.

Она ждала другого обращенія, и ее неприятно поразило то, что онъ назвалъ ее по имени и отчеству, а не просто Вѣра, какъ тогда въ бесѣдѣ.

Она грустно опустила голову, избѣгая его взгляда.

— Я это знаю... — тихо сказала она: — я еще вчера слышала распоряженія папы вчеру.

— Я ѣду по дѣламъ, — продолжалъ онъ, впадая въ прежній дѣловитый тонъ. — Тамъ будетъ ждать меня Щеклѣвъ, отъ котораго я получилъ письмо.

— Вы продаете Будаевку, — еле слышно сказала она, и голосъ у нея прервался.

„Все кончено. Я повѣрила въ волшебную сказку“, — промелькнуло у нея.

— Нѣтъ, я не продаю Будаевки, — твердо проговорилъ онъ. — Я рѣшилъ разойтись съ Щеклѣвымъ. Въ концѣ-концовъ, онъ вѣдь не давалъ никакого задатка и тянулъ безсовѣстно долго это дѣло. Я думаю, что не поступлю некорректно, отказавшись отъ этой сдѣлки. Я рѣшилъ продать имѣнье крестьянамъ, кромѣ усадьбы съ прилегающей къ ней землею подъ рощей и лѣсомъ. Усадьба останется моею, моимъ pied-à-terre въ Россіи. Это мнѣ не очень удобно, потому что продажа затянется надолго... но надо иногда поступаться своими интересами въ пользу своихъ соотечественниковъ, — не правда ли?

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, душа ея расцвѣтала и сердце начинало биться учащеннѣе.

„Онъ любитъ, онъ любитъ!“ — радостно что-то пѣло у нея на душѣ. Она подняла на него восторженный взоръ.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо вы это рѣшили! — воскликнула она, не обративъ даже вниманія на то, что въ его послѣднихъ словахъ звучалъ отгѣножь прежней ироніи.

— Ну, вотъ видите! Вы такъ этого хотѣли. Я радъ, что могъ доставить вамъ это удовольствіе. Очень радъ. Вашъ батюшка останется здѣсь управляющимъ усадьбой. Въ случаѣ, если крестьянамъ почему-либо не удастся купить землю — о, не по моей винѣ, повѣрьте! — я буду отдавать имъ ее въ аренду, Дмитрій Александровичъ будетъ распоряжаться всѣмъ этимъ, и онъ уже далъ мнѣ согласіе остаться здѣсь на прежнихъ условіяхъ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, какъ благодарить!..

— Это мнѣ нужно благодарить васъ... Ваша горячая любовь къ родинѣ, къ „мужичкамъ“ — заразила меня. Я ихъ не такъ люблю, какъ вы... но современемъ, быть можетъ... Вы видите, воздухъ отчизны остался не безъ вліянія на „черстватаго англичанина“.

И затѣмъ онъ протянулъ ей руку и отрывисто сказалъ ей:

— Прощайте. Мнѣ пора ѣхать.

Ей вдругъ сдѣлалось страшно.

— Развѣ мы не увидимся? — дрожа, спросила она.

— Я сейчасъ уѣзжаю, — уклончиво отвѣтилъ Будаевъ, и тотчасъ же, какъ бы боясь дальнѣйшаго продолженія разговора, позвалъ Джона.

Вѣра Дмитриевна, несмотря на радостное извѣстіе, чувство-

вала какое-то внутреннее неудовлетвореніе. Того слова, котораго она такъ жадно ждала, она не услышала, и самъ Будаевъ казался ей страннымъ. Что-то недоговоренное было въ его словахъ, которыми онъ какъ будто хотѣлъ скрыть грядущія событія.

Но это чувство неудовлетворенности прошло у Вѣры Дмитриевны къ вечеру.

Сознаніе, что Будаева будетъ принадлежать крестьянамъ, что усадьба, роца и лѣсъ останутся навсегда во владѣніи Владиміра Сергѣевича, и что она съ отцомъ не должна будетъ покинуть этотъ любимый старый домъ, наполнило ее радостью.

И въ концѣ-концовъ, навѣрное, по своемъ возвращеніи, онъ, наконецъ, ясно и безповоротно скажетъ то слово, котораго она ждетъ отъ него вотъ уже нѣсколько дней.

При встрѣчѣ съ отцомъ, она бросилась ему на шею, обняла его своими молодыми, сильными руками и заплакала.

Чувству ея необходимъ былъ выходъ. Оно долго накоплялось въ ея душѣ и властно, шумно, требовательно просилось наружу.

Тормиловъ былъ несказанно удивленъ этимъ порывомъ. Онъ не ждалъ его отъ своей сдержанной, всегда замкнутой, мало экспансивной дочери.

Еле-еле слышная, вся дрожа отъ счастья и замирая отъ овладѣвшаго ею чувства, она прошептала:

— Ахъ, папа, какъ я счастлива! Папа, папа, я счастлива!

Онъ хотѣлъ спросить объясненія, но она такъ поспѣшно отняла свои руки и такъ горячо плакала, что онъ растерялся.

Потомъ она быстро исчезла.

XXVI.

Роскошный паркъ Будаевской усадьбы стоялъ подъ покровомъ дружно надвигавшейся осени.

Быстро блекли краски, и зеленый цвѣтъ деревьевъ слѣпно замѣнялся богатѣйшей гаммой желтаго. Всюду виднѣлись свѣтло-желтые, лимоннаго цвѣта листья, мѣшавшіеся съ темно-оранжевыми, мѣдно-красными и темно-коричневыми. Какъ будто призванный кѣмъ-то, невидимый для глаза, обойщикъ торопливой рукой снималъ старыя зеленыя драпировки и всюду замѣнял надобвшій уборъ—желтыми. Пожелтѣла трава на полянахъ, облетѣли цвѣты на куртинахъ, и клумбы стояли сумрачныя съ оголившимися стволами когда-то роскошныхъ и дорогихъ цвѣтотворѣдской культуры.

Блѣдное небо, заволоченное тучами, печально и уныло гля-

дѣло сверху на эту умирающую природу. Струи рѣзковатаго и холоднаго вѣтра проносились по лѣсу, срывая отжившіе листья и сламывая сухіе мелкіе сучья. Аллея платановъ имѣла грустный видъ. Медленно, одинъ за другимъ срывались съ нихъ широкіе, тяжелые листья и, вило кружась въ сыромъ воздухѣ, падали на промокшую землю, точно плакали о слишкомъ скоро минувшемъ лѣтѣ.

Сиротливо взбирался по колоннамъ коринтской бесѣды плоть, цѣпляясь за нихъ своими тонкими вѣтвями, точно боясь разстаться съ тѣмъ мѣстомъ, къ которому онъ такъ привыкъ съ молодю.

Въ павильонѣ сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ Вѣра.

Давно-давно она уже не всходила сюда съ книгой въ рукахъ, давно-давно не прислушивалась она къ своимъ мечтамъ, къ шопоту рощи, къ ворчанію скрипучихъ платановъ, къ шуму ихъ тяжелыхъ желтыхъ слезъ. Давно-давно голоса природы — эти пѣсни родины — не волновали уже ея заходившей души.

Все было такъ холодно, такъ жутко вокругъ и такъ ей теперь чуждо!

А давно ли она такъ чутко прислушивалась къ этой чудной и сложной симфоніи, которую она называла „Жизнью Природы“ и въ которой находила столько гармоніи и поэзіи!

Милый лѣсъ, родная роща, такіе близкіе, такіе дорогіе ей съ дѣтства! Зачѣмъ они плотно замкнули свои уста, такъ много говорившія ей сердцу? Зачѣмъ такъ мрачно и сурово смотрятъ они на нее теперь подъ этимъ желто-коричневымъ одѣяніемъ осени? Разлюбили ли они ее, или перестали понимать ея дѣвичьи грѣзы? Или она разучилась вникать въ ихъ любовный шопотъ?

Они стали чужими ей, какъ и она имъ. Они далеко разошлись другъ отъ друга. Она измѣнила имъ. Когда-то она ничего не любила, кромѣ нихъ; имъ повѣряла свои мечты и тайны. У нихъ спрашивала совѣта, къ нимъ обращалась за утѣшеніемъ. И вотъ они мстятъ ей теперь за измѣну и холодно, угрюмо смотрятъ на ея горе своими слезливыми осенними глазами.

Вглядываясь въ коричневые тона рощи, Вѣрѣ казалось, что деревья никогда уже больше не будутъ нашептывать ей волшебныхъ сказокъ природы и никогда въ душѣ ея не раздастся радостныхъ пѣсенъ жизни; никогда и никуда она не уйдетъ отъ этой угрюмой тьмы, и никогда хоръ зеленаго лѣса не прозвучитъ свѣтлымъ гимномъ среди красныхъ азалій и желтыхъ чайныхъ розъ, наполнявшихъ куртины.

Страшныя сумерки жизни будутъ дружными усиліями надвигать на нее холодъ осенняго вечера, стужу безконечной зимней

ночи. И дрожащій лучъ луннаго свѣта никогда не освѣтитъ тьмъ ея жизни.

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ все это случилось! Зачѣмъ и кому нужно было оторвать отъ блѣдныхъ мечтаній бѣдную дѣвушку, влюбленную въ природу, приподнять уголь завѣсы, скрывавшей отъ нея настоящую жизнь, гдѣ любовь поетъ свои опьяняющія пѣсни, и потомъ наглухо закрѣпить этотъ приподнятый уголь и навсегда скрыть отъ нея эту торжественную картину счастья?!

Есть два несчастія въ жизни,—припоминались ей слышанныя когда-то слова мечтателя Сазанова:—желать, чего не имѣешь, и обладать всѣмъ, чего пожелаешь. Только одно и осталось это утѣшеніе, утѣшеніе сознавать, что счастья нѣтъ на землѣ и не можетъ его быть, потому что желанія прекращаются съ жизнью, а удовлетвореніе ихъ рождаетъ новыя.

Да и что такое жизнь?

Для мужиковъ—отбываніе обязательной, тяжелой повинности, которая прекращается смертью. Весь ихъ жизненный путь проходитъ въ минимумѣ, и смерть является желанной избавительницей, вѣчнымъ отдыхомъ послѣ вѣчнаго, каторжнаго труда.

А для нея жизнь оказалась плохо разыграннымъ фарсомъ на сценѣ плохого провинціального театра. Все такъ нелѣпо, такъ плохо поставлено. Слишкомъ рано опустилась завѣсъ, слишкомъ поздно поднявшись. Актеры не знали ролей; говорили—когда слѣдовало молчать; молчали—когда нужно было говорить. Цѣлые монологи остались невысказанными, сцены—перепутанными, діалоги—смятыми.

Зачѣмъ было идти на такое нелѣпое представленіе и такъ дорого платить за свое мѣсто?

И вдругъ ей вспомнилась яркая зарница, мелькавшая здѣсь весною, за рощей, внезапно вспыхивавшая и сразу потухавшая. Теперь—осень, ночь, и никогда больше не станетъ вспыхивать для нея яркая зарница.

Вѣра заглянула въ книгу. Строки, точно колья поваленнаго забора, зарыбли въ ея глазахъ. Она уже прочла это мѣсто о жизни, похожей на плохое представленіе, не поняла его, а теперь, оказалось, оно встало въ ея душѣ и сдѣлалось ея мыслью. Что новаго скажетъ ей книга? Ничего болѣе вѣрнаго не прочтетъ она въ ней.

И она закрыла ее равнодушной рукой.

И вдругъ, съ ясной отчетливостью, предстала въ ея воображеніи картина ея послѣдняго свиданія съ Будаевымъ. Она всѣ гдѣ дни искала съ нимъ встрѣчи. И вотъ они встрѣтились въ лѣсу.

Она много и трепетно ждала отъ этого свиданія. Но при

первомъ же взглядѣ на него она поняла, что для нея все вдругъ кончено. Онъ стоялъ передъ нею блѣдный, чуть смущенный, но въ глазахъ его она прочла свой приговоръ. Взоръ ихъ былъ холоденъ, какъ въ тотъ первый день, когда она съ нимъ познакомилась. И голосъ его звучалъ рѣшительно и твердо; Будаевъ, очевидно, дѣлалъ видимыя усилія, чтобы не проявить овладѣвшаго имъ волненія.

Онъ прямо подошелъ къ ней. Привыкнувъ твердо идти къ цѣли, не смущаясь никакими препятствіями, не колеблясь при видѣ ея растерянности и удивленія, онъ безъ всякихъ предисловіи сказалъ ей:

— Дорогая Вѣра Дмитріевна... Я уѣзжаю изъ Будаевки навсегда. Изъ города, гдѣ я увижусь съ Щеклѣвыми и гдѣ я исполню все, что вамъ обѣщаль, я проѣду прямо на поѣздъ, который умчитъ меня въ помѣстье моей покойной матери, въ окрестностяхъ Cliveden'a. Вы хотите знать—почему? Потому что я не хочу этой зарождающейся любви къ родинѣ и... къ вамъ. Я не хочу этой любви. Помните, какъ-то я говорилъ вамъ, что власть родины превращаетъ человѣка въ растеніе, имѣющее корни въ землѣ? Эти корни—рабство. Человѣкъ привыкаетъ къ рабству и начинаетъ находить въ немъ сладость скованной воли. Вотъ, такое же рабство и любовь, связывающая человѣка по рукамъ и ногамъ и привязывающая его къ землѣ, къ дому, къ дѣтямъ, къ обстановкѣ. Выслушайте меня до конца. Я всегда, больше смерти, боялся этого рабства. Союзы нужны слабымъ, сильные—не нуждаются въ нихъ. Я хочу одиноко нести бремя жизни. Вы говорили, что человѣкъ безъ родины—человѣкъ безъ тѣни, пустоцвѣтъ, безвременникъ, перевати-поле, которое вѣтеръ переноситъ изъ края въ край. Пусть такъ! Я и хочу быть этимъ перевати-полемъ. Пусть вѣтеръ носитъ меня по жизненной степи. Вѣтеръ—сила, которая играетъ моею силой. Это во всякомъ случаѣ—не цѣпи, которыми человѣкъ прикованъ къ землѣ. Я хочу взять отъ жизни наибольшее, что она можетъ дать. Простите меня, но сидѣть въ деревнѣ и думать о благѣ народа, устраивать чайныя, школы, народные дома—для меня такая перспектива невозможна. Я не знаю еще самъ, чего хочу отъ жизни, но я хочу отъ нея взять все, что только она можетъ мнѣ дать. Въ какой формѣ, когда и какъ это сдѣлается—не знаю. И сдѣлается ли это—тоже не знаю. Но попробую. Простите, если я смутилъ вашъ покой. Я смутилъ и свой собственный. Прощайте...

Она вспомнила всю эту длинную рѣчь, которую онъ произнесъ быстро, какъ бы не давая себѣ времени одуматься, какъ бы боясь, чтобы она его не прервала.

И потомъ онъ взялъ ея холодную руку, поцѣловаль ея и такими же торопливыми шагами, какъ торопливы были слова его, онъ отошелъ отъ нея, ни разу не обернулся и наконецъ скрылся за деревьями.

Что сдѣлалось съ нею послѣ этой неожиданной сцены съ Будаевымъ? Что пережила она, оставшись одна? Лучше никогда, никогда и не вспоминать объ этомъ!..

Горькая, мучительная усмѣшка легла на ея блѣдныя губы.

„Одни хотятъ минимума отъ жизни: это мужики,—прошептала она;—другой хочетъ взять отъ нея все, то-есть максимумъ. Кто изъ нихъ правъ“?..

Она прижала руки къ глазамъ, глубоко, тяжело вздохнула и, тряхнувъ головой, спустилась по ступенькамъ павильона, чтобы пойти въ рошу, но голосъ отца, раздавшійся съ террасы, остановилъ ее.

— Вѣра! Иди домой, становится холодно! Мы уже кончили играть, дай намъ чаю.

Она вздрогнула и пошла къ дому.

Не все ли равно, куда идти?

Вавакинъ, Крыжовъ, Тормиловъ и Колодищевъ, который теперь замѣнялъ изрѣдка Сазанова, кончили играть въ винтъ.

Вавакинъ, по обыкновенію, окончательнo усвоенному имъ въ послѣднее время, былъ нетрезвъ и при видѣ Вѣры подмигнулъ ей глазомъ.

Онъ какъ-то по-дурацки расшаркался передъ нею и вопель въ домъ.

Колодищевъ холодно ей поклонился и презрительно посмотрѣлъ на врача.

Крыжовъ былъ запятъ какимъ-то важнымъ дѣломъ, о которомъ говорилъ съ Тормиловымъ.

Тормиловъ мелькомъ взглянулъ на дочь, къ которой относился теперь бережно, какъ къ больному ребенку. Онъ зналъ, что она больна душою, и догадывался, почему,—но никогда ни однимъ словомъ не проговорился ей, ожидая, когда ея наболѣвшее чувство потребуетъ отълика его души и его отцовскаго участія въ ея тяжеломъ горѣ...

Холодныя дождевыя капли начали, между тѣмъ, перепадать съ угрюмаго неба; казалось, оно плакало рѣдкими, безсильными слезами, и глухая осенняя ночь воцарилась надъ Будаевской усадьбой...

ВАЛЕР. СВѢТЛОВЪ.

ФЕДЕРАЦІЯ ЖЕНСКИХЪ КЛУБОВЪ

ВЪ АМЕРИКЪ.

Въ маѣ текущаго года происходила въ городѣ Лосъ-Анжелесъ, въ Калифорніи, шестая двухгодичная „конвенція“ генеральной федераціи американскихъ женскихъ клубовъ—General Federation of women's clubs—конвенція, состоявшая изъ 1.200 делегатовъ и такого же числа альтернативовъ, — въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ посѣтительницъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Союза. Конвенція эта была такъ велика по составу и по числу желавшихъ присутствовать, что въ городѣ не было зданія, которое могло бы вмѣстить ее цѣликомъ, и потому засѣданія происходили одновременно въ двухъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ—концертномъ театрѣ и синагогѣ, стоящихъ рядомъ на одной улицѣ и вмѣщающихъ слишкомъ три тысячи человекъ. Концертный театръ нашего города—огромное специальное зданіе, обыкновенной американской театральной конструкціи, состоящей въ томъ, что ложь не полагается, и два верхніе яруса спускаются довольно близко къ сценѣ и даютъ нѣсколько десятковъ рядовъ стульевъ для зрителей, одинъ выше другого; при этомъ сцена выдвинута впередъ задней стѣны, занятой огромнымъ органомъ, такъ что она открыта зрителямъ и съ боковъ того полу-эллипса, который составляетъ залу, хотя и видятъ они ее въ профиль, а не en face. Благодаря такой конструкціи, помѣстительность нашихъ концертныхъ театровъ, вѣроятно, вдвое превышаетъ помѣстительность зданій той же площади европейской конструкціи, по которой верхніе ярусы дѣлаются только въ глубину одной ложи, и съ боковъ театра углубленная въ заднюю стѣну сцена со-

всѣмъ не видна. Въ данномъ случаѣ на сценѣ, впереди, стояли столы для бюро конвенціи, а сзади—стулья для почетныхъ посѣтительницъ, предсѣдательницъ штатныхъ федерацій и значительныхъ отдѣльныхъ клубовъ; кругомъ платформы, внизу, были столы для представителей прессы—до двухсотъ изданій со всѣхъ концовъ Союза прислали на конвенцію специальныхъ корреспондентовъ—и затѣмъ всѣ ярусы зрительной залы были биткомъ набиты делегатами. Каждый штатъ имѣлъ свое определенное мѣсто, обозначенное полковымъ знаменемъ съ его именемъ; указывали мѣста молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, называемыя здѣсь ushers; демократичность страны не допускаетъ въ такихъ случаяхъ наемныхъ лицъ, и, какъ и на парадныхъ свадьбахъ, лекціяхъ, засѣданіяхъ многочисленныхъ обществъ, въ церквахъ и т. д., usher'ы эти выбираются изъ молодежи семействъ членовъ собранія,—въ данномъ случаѣ изъ дочерей членовъ мѣстныхъ женскихъ клубовъ, особый комитетъ которыхъ завѣдывалъ всѣмъ устройствомъ дѣла. Комитетъ этотъ былъ организованъ еще года полтора тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ предшествовавшая конвенція федераціи, происходившая въ маѣ 1900 г. въ г. Мильвоки, въ штатѣ Висконсинъ, избрала мѣстомъ слѣдующей—именно нашъ городъ; состоялъ этотъ комитетъ изъ слишкомъ ста членовъ, выбранныхъ отъ мѣстныхъ женскихъ клубовъ, и подраздѣлялся на нѣсколько десятковъ подкомитетовъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ извѣстной деталью; были подкомитеты креденціаловъ делегатовъ, программы конвенціи, прессы, помѣщеній, украшенія ихъ, встрѣчи делегатовъ на поѣздахъ, помѣщенія ихъ въ отеляхъ и частныхъ домахъ, снабженія ихъ каретами во время пребыванія въ городѣ, экскурсій въ окрестности, и т. д. Благодаря такой организаціи, всякая деталь оказалась вполне разработанной, и публикѣ пришлось не мало удивляться той предусмотрительности и ловкости, съ которыми мѣстныя наши дамы справились съ этимъ чрезвычайно сложнымъ и дѣйствительно большимъ дѣломъ. Наши трансконтинентальныя желѣзныя дороги привезли слишкомъ 50 специальныхъ поѣздовъ посѣтительницъ конвенціи; высчитываютъ, что ихъ было свыше восьми тысячъ; всѣ были встрѣчены на станціи, размѣщены по квартирамъ, перезнакомлены между собою, словомъ, приняты въ чужомъ отдаленномъ городѣ какъ бы дома; на всякій ихъ вопросъ, на всякую нужду было кому отвѣтить и помочь устроить то или другое. Благодаря активному участию женскихъ членовъ моей семьи, въ работѣ какъ вышеупомянутаго комитета, такъ и самой конвенціи, я имѣлъ возможность слѣдить по первоисточ-

никамъ, такъ сказать, за ходомъ всего этого очень новаго, даже для Америки, дѣла, и не могъ не вывести того заключенія, что и женская половина американскаго народа обладаетъ удивительными организаторскими способностями, замѣчательнымъ умѣнемъ выработать всѣ детали и довести успѣшно всякое дѣло, какъ бы ново и велико оно ни было, до благополучнаго конца. Завидна эта способность, особенно для русскаго человѣка, за полнымъ отсутствіемъ опыта и выдержки во всемъ, что касается какой-либо самодѣятельности, обыкновенно крайне беспомощнаго въ этомъ отношеніи.

Въ обоихъ помѣщеніяхъ засѣданія происходили по три раза въ день — утромъ, послѣ завтрака, и вечеромъ, такъ что конвенція работала 8—10 часовъ въ день, ежедневно. Въ первое, торжественное засѣданіе, конвенцію привѣтствовали губернаторъ штата, мэръ города, предсѣдательница штатной федераціи калифорнскихъ женскихъ клубовъ, предсѣдательница мѣстнаго комитета по организациіи и т. д.; отвѣчали имъ предсѣдательница генеральной федераціи и конвенціи и другіе ея чины. Затѣмъ слушались привѣтствія и отчеты иностранныхъ женскихъ клубовъ — Англии, Австраліи, Британской Индіи, Африки и т. д., уже присоединившихся къ американской генеральной федераціи. Изъ послѣдующихъ засѣданій только три—четыре были посвящены дѣловымъ вопросамъ, касавшимся измѣненій въ организациіи какъ генеральной, такъ и штатныхъ федерацій, условіямъ приема отдѣльныхъ клубовъ, финансовому отчету, отчетамъ постоянныхъ комитетовъ, выборамъ чиновъ на слѣдующее двухлѣтіе и т. д.; всѣ остальные были отданы рефератамъ членовъ на всевозможныя темы и преніямъ по ихъ поводу. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ разрослась дѣятельность американскихъ женскихъ клубовъ, и какъ ихъ вліяніе успѣло проникнуть во всѣ отрасли человѣческаго прогресса вообще, необходимо дать понятіе объ общей программѣ конвенціи. Нѣсколько засѣданій было посвящено образованію вообще и женскому въ особенности; рассматривались такіе вопросы, какъ совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, значеніе преподаванія искусствъ въ народныхъ школахъ и ихъ вліяніе на дѣтскую психологію, необходимость преподаванія въ нихъ же домашней экономіи, опасность примѣненія недостаточно испытанныхъ новыхъ системъ, новыхъ приемовъ въ образованіи, значеніе вѣвклассныхъ занятій и экскурсій, необходимость учрежденія специально организованныхъ мѣстъ для дѣтскихъ игръ и занятій для дѣтей въ вакантное время и т. д. Всѣ эти вопросы обсуждались не съ точки зрѣнія специалиста-

педагога, а съ чисто жизненной, практической, съ точки зрѣнія матери и семьи; это была не сухая отвлеченная теорія, а выводы и разсужденія опыта и обычныхъ повседневныхъ требованій и наблюденій. Нѣсколько засѣданій было отдано рефератамъ относительно промышленной работы женщинъ и дѣтей и разбору законодательствъ различныхъ штатовъ и желательныхъ реформъ въ этомъ отношеніи; особый комитетъ, назначенный предшествовавшей конвенціей для изслѣдованія положенія женщины и дѣтей въ промышленности страны, представилъ обширный докладъ, занявшійся особенно огражденіемъ женскаго и дѣтскаго труда законодательствомъ, съ выясненіемъ его несовершенства и отсталости во многихъ штатахъ. Особенно интересны были засѣданія, посвященные обсужденію рефератовъ, касавшихся реформъ государственнаго и муниципальнаго устройства. Возможность и необходимость женскаго вліянія были особенно подчеркнуты въ такихъ вопросахъ, какъ законодательство и организація учреждений для исправленія порочныхъ дѣтей, преступныхъ женщинъ, для обезпеченія народнаго здравія, извѣстныхъ сторонъ городского хозяйства. Эти рефераты и вызванныя ими пренія были, на мой взглядъ, особенно цѣнны именно потому, что не относились ко всему существующему съ огульнымъ осужденіемъ, съ плеча, такъ сказать, а напротивъ, указывая на хорошія стороны, требовали ихъ поддержки и поощренія, и относились къ худымъ съ чисто практической точки зрѣнія, съ указаніемъ не только путей и методовъ къ ихъ исправленію, но и результатовъ, достигнутыхъ уже въ разныхъ мѣстахъ исключительно женскимъ вліяніемъ. Одно засѣданіе было посвящено путешествующимъ бібліотекамъ и коллекціямъ произведеній искусства. Вопросъ этотъ все больше и больше занимаетъ общественное мнѣніе Америки, и его практическая организація и необходимыя условія для достиженія наилучшихъ результатовъ составили предметъ нѣсколькихъ превосходныхъ рефератовъ и дали пищу весьма интереснымъ преніямъ. Оказывается, что дѣло это идетъ всего успѣшнѣе именно тамъ, гдѣ имъ заняты женщины, такъ какъ его сухость и монотонность, несмотря на несомнѣнность и обширность приносимой пользы, неспособны заинтересовать собою мужчинъ въ достаточной степени. Отдѣльное засѣданіе было посвящено прессѣ и тому положенію, какое должны занимать въ ней женщины-репортёры, число которыхъ быстро растетъ съ каждымъ годомъ и неизбѣжно вліяетъ все болѣе и болѣе на характеръ ежедневныхъ газетъ.

Я крайне сожалѣю, что размѣры журнальной статьи не по

звѣляютъ мнѣ привести всю эту программу цѣликомъ—такъ много было въ ней интереснаго и такъ она была разнообразна. Впрочемъ, и вышеизложеннаго достаточно, чтобы указать на ея выдающіяся стороны; остается только добавить, что съ поддужины засѣданій было отдано цѣликомъ искусству; между американскими женскими клубами имѣется значительный процентъ,—можетъ быть, одна седьмая или даже шестая цѣлаго,—занимающійся исключительно искусствомъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Они не ограничиваются живописью, музыкой и скульптурой, но занимаются и архитектурой, и фотографіей, и выжиганіемъ по дереву и кожѣ, и даже керамикой, переплетнымъ и мозаичнымъ дѣломъ.

Что женскіе клубы занимаютъ чрезвычайно прочное и вліятельное мѣсто въ общественной жизни современной Америки, было доказано, между прочимъ, и тѣмъ, что весьма многія другія исключительно женскія ассоціаціи,—нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ гораздо дольше самаго старшаго изъ женскихъ клубовъ и занимаются дѣлами общечеловѣческаго характера, преимущественно благотворительными, — нашли нужнымъ прислать на конвенцію своихъ представительницъ и представить какъ бы отчеты о своей спеціальной дѣятельности. Современное феминистское движеніе нашло въ Америкѣ прочную точку опоры въ женскихъ клубахъ, концентрировавшихся въ формѣ генеральной федераціи, которая быстро и принимаетъ характеръ средоточія всѣхъ чисто женскихъ общественныхъ предпріятій. Въ Америкѣ имѣется съ десятокъ національных женскихъ организацій, преслѣдующихъ извѣстныя спеціальныя цѣли; до сихъ поръ онѣ дѣйствовали отдѣльно, каждая въ своей сферѣ—теперь, благодаря федераціи женскихъ клубовъ, онѣ сближаются и соединяются въ одно цѣлое, болѣе или менѣе компактное, и вліяніе женщины вообще, конечно, весьма существенно выиграетъ, благодаря этому единенію. Одной изъ такихъ организацій является женская лига потребителей, — *Consumer's league*, — поставившая своей задачей улучшеніе положенія работающихъ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ, въ магазинахъ и лавкахъ. Домашніе расходы семьи, покупка платья и жизненныхъ припасовъ въ Америкѣ почти всецѣло находятся въ рукахъ женщинъ—мужчинамъ некогда этимъ заниматься, они заняты своимъ дѣломъ, дѣлаютъ деньги, которыя и расходуются женщинами; сплочиваясь въ одно цѣлое въ извѣстномъ городѣ или мѣстечкѣ, онѣ представляютъ изъ себя такую силу, которую мѣстнымъ фабрикантамъ и купцамъ нельзя игнорировать безнаказанно, безъ

опасенія за свои доходы; они должны выслушивать ихъ представленія и требованія, вынуждены пытаться идти съ ними рука объ руку. Женскія лиги потребителей обсуждаютъ часы работы, удобства служащихъ, ихъ вакаціи съ сохраненіемъ содержанія, оздоровленіе ихъ помѣщеній; продавщицы въ магазинѣ, въ сущности, беззащитны, находятся вполнѣ въ рукахъ своего нанимателя; организація въ ремесленные союзы имъ крайне затруднительна, такъ какъ предложеніе труда этого рода огромно, всегда превышаетъ спросъ, и онъ не требуетъ особыхъ познаній,—а между тѣмъ ихъ число очень велико, достигая въ большихъ городахъ цѣлыхъ десятковъ тысячъ. Женскія лиги потребителей и занимаются преимущественно улучшеніемъ ихъ положенія, и ихъ требованія въ этомъ отношеніи уже успѣли оформиться, и обыкновенно получаютъ удовлетвореніе, какъ бы ни прижались былъ купецъ и чего бы они ему ни стоили. Необходимо, конечно, имѣть въ виду, что всякія подобныя реформы идутъ въ Америкѣ весьма медленно, начинаются всегда компромиссами, и не должны ни въ какомъ случаѣ имѣть въ виду насилія въ какой-либо формѣ и съ чьей-либо стороны; тактъ и практичность американской женщины всего лучше иллюстрируются именно ея упѣхами на этой почвѣ, такой шаткой, трудной и неблагодарной. Необходимы масса работы, послѣдовательность, терпѣніе, благоразуміе; приходится дѣйствовать исключительно убѣжденіемъ противъ прямыхъ карманныхъ интересовъ своихъ же мужей, отцовъ и братьевъ. Тѣмъ не менѣе, женскія лиги потребителей уже достигли самыхъ осязательныхъ результатовъ: вездѣ, гдѣ онѣ работаютъ, продавщицы имѣютъ право на удобныя сидѣнья, снабжаются хозяевами здоровыми завтраками, пользуются однимъ послѣ-обѣда въ недѣлю для отдыха, не подлежатъ диктаторскимъ штрафамъ за опозданіе, ограждены болѣе или менѣе отъ фаворитизма и явныхъ несправедливостей; между ними и произволомъ нанимателя стоитъ извѣстная сила, способная, въ случаѣ крайности, разорить его своимъ вмѣшательствомъ. Для каждаго непредубѣжденного читателя должно быть ясно, что такое положеніе вещей можетъ быть достигнуто только прочной организаціей, упорнымъ трудомъ, неусыпнымъ наблюденіемъ—вѣдь женскія лиги потребителей не имѣютъ за собой ровно ничего, кромѣ своего нравственнаго авторитета. Будучи хорошо ознакомленъ съ фактами, съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, я не могу—въ связи со всѣмъ вышеизложеннымъ—не указать тутъ же на абсолютную несостоятельность того крѣпко укоренившагося въ Европѣ объ Америкѣ убѣжденія, что

эта послѣдняя — исключительно страна всемогущества доллара. Еслибы это было такъ, — такія явленія, какъ дѣятельность женскихъ лигъ потребителей, были бы невозможны. Онѣ не шумятъ и не кричатъ объ этой дѣятельности, не задаются, широко-вѣщательными, неисполнимыми бумажными программами, имѣющими перевернуть человѣчество, а упорно, энергично работаютъ въ своихъ собственныхъ ворахъ, улучшая шагъ за шагомъ положеніе своихъ беззащитныхъ сестеръ и урывая у доллара одно за другимъ человѣческія права его экономическихъ рабынь, въ прямой, несомнѣнный ущербъ своимъ собственнымъ личнымъ интересамъ. И такихъ явленій, такихъ скромныхъ, но серьезнѣйшихъ проявленій высшихъ человѣческихъ стремленій, преслѣдуемыхъ стойко и умѣло, всечасно и повсемѣстно работающихъ по всему пространству Союза, въ Америкѣ, конечно, гораздо больше, чѣмъ, напр., въ Россіи, хотя они и ускользаютъ отъ поверхностнаго, случайнаго наблюдателя нашихъ нравовъ только потому, что не кричатъ на всѣхъ перекресткахъ во всеуслышаніе о томъ, что они намѣрены сдѣлать — а дѣйствительно работаютъ и дѣлаютъ свое тихое, но огромное дѣло. Да простить мнѣ читатель это невольное отступленіе отъ предмета — оно вырвалось у меня только благодаря случайно представившейся возможности пристально взглянуть въ дѣятельность городской нашей женской лиги потребителей, вице-президентомъ которой состоитъ моя жена; у нея уходитъ на эту работу не мало времени, противъ чего я было вздумалъ бунтовать — и былъ, въ концѣ концовъ, посрамленъ. Наша общественная жизнь такъ обширна и многообразна, и въ то же время такъ некриклива, что, несмотря на то, что я живу въ Америкѣ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, постоянно приходится наткнуться на новыя, весьма крупныя явленія, отрывая, такъ сказать, въ Америкѣ новыя Америки, одну за другою.

Къ сожалѣнію, мнѣ лично пришлось присутствовать только на одномъ засѣданіи конвенціи: во-первыхъ, доступъ мужчинамъ въ это женское святилище былъ сравнительно труденъ; во-вторыхъ, я былъ очень занятъ другими дѣлами. Мое личное впечатлѣніе было нѣсколько своеобразно. Я былъ крайне удивленъ, что въ средѣ делегатовъ абсолютно преобладали пожилыя и даже старыя женщины; молодыхъ и даже сравнительно молодыхъ между ними было очень мало — десятки въ тысячахъ. Въ тѣхъ засѣданіяхъ мѣстныхъ женскихъ клубовъ, въ которыхъ мнѣ приходилось бывать прежде, молодыя женщины, вѣроятно, преобладали по численности — въ конвенціи же ихъ почти совсѣмъ не было.

Объясняли это тѣмъ, что молодымъ женщинамъ, у которыхъ въ большинствѣ случаевъ есть маленькія дѣти, уѣхать за три-девять земель, въ стоящій на краю свѣта Лосъ-Анжелесъ, больше чѣмъ на недѣлю, очень трудно, часто невозможно; поэтому въ делегаты попали болѣе или менѣе свободныя отъ семейныхъ обязанностей женщины, которыхъ могли временно замѣнить дома взрослые дѣти. Да и расходы на такую поѣздку, какъ ни экономничай, неизбѣжно очень значительны. Ничто лучше не выразило дѣйствительно серьезнаго интереса женщинъ Америки вообще къ конвенціи ихъ федераціи, какъ та пунктуальность, съ которой онѣ на нее явились, несмотря на разстояніе и расходы,—всего 2—3% делегатовъ уступили свои мѣста альтернативамъ; мнѣ говорили, что и это имѣло вліяніе на возрастъ присутствующихъ, такъ какъ молодыя женщины и въ финансовомъ отношеніи обыкновенно еще не достигаютъ возможности дѣлать такіе крупныя расходы, гораздо болѣе легкіе для женщинъ уже пожилыхъ и болѣе состоятельныхъ.

Огромный театръ наполненъ сверху до низу исключительно женщинами; въ морѣ ихъ свѣтлыхъ цвѣтныхъ костюмовъ двѣтри мужскія фигуры въ черномъ кажутся совершенной несообразностью, какимъ-то темнымъ, неумѣстнымъ пятномъ; все это представляетъ собою совсѣмъ необычную картину уже по одному тому своеобразному шелесту, который издаетъ тяжелый шолькъ при каждомъ движеніи. Этотъ шелестъ настолько силенъ, что затрудняетъ слухъ; женскіе голоса, громадное большинство которыхъ и относительно слабо вообще, и не выработано предварительнымъ опытомъ для такихъ большихъ аудиторій, являются совершенно недостаточными и слышны только на весьма небольшомъ пространствѣ. Только очень немногіе изъ ораторовъ конвенціи были слышны всему театру—рѣчи большинства пропадали настолько, что утрачивали свое непосредственное вліяніе, и восстанавливались въ своей полнотѣ для самихъ слушателей только стенографическими отчетами газетъ слѣдующаго дня. Пройдетъ, вѣроятно, много времени, прежде чѣмъ женщины будутъ въ состояніи быть слышимыми въ такихъ же большихъ конвенціяхъ при подобныхъ условіяхъ, и для достиженія этого имъ придется прежде всего устранить шолькъ и довольствоваться для своихъ костюмовъ при такихъ оказіяхъ болѣе скромными, болѣе молчаливыми матеріями и серьезно поработать надъ своими голосами. Представители прессы сидѣли такъ близко, что имъ каждое слово было слышно вполне отчетливо,—и мнѣ пришлось обратиться къ ихъ помощи, дабы передать то общее впечатлѣ-

віе, которое вынесла о конвенціи прессы, а съ нею и нашъ городъ. Пресса удивлялась почти единогласно тому знанію парламентарнаго права, которое проявили какъ бюро засѣданій, такъ и дебатировавшіе члены; за все время было сдѣлано только очень немного ошибокъ, и то незначительныхъ, по такимъ спорнымъ вопросамъ, по которымъ нерѣдко ошибаются и опытные во всѣхъ отношеніяхъ мужскія собранія. Необходимо замѣтить, что почти въ каждомъ засѣданіи предсѣдательствовали различныя женщины; работа предсѣдателя въ такомъ большомъ собраніи очень тяжела, требуетъ усиленнаго нервнаго напряженія, неусыпнаго вниманія, находчивости и быстроты—и женщины конвенціи съ большимъ успѣхомъ справлялись съ нею; одна за другой онѣ доказывали на опытѣ, что многія изъ нихъ вполне способны и къ такой работѣ, какъ она несомнѣнно ни была нова для нихъ. О предсѣдательницѣ федераціи, предсѣдательствовавшей безсмѣнно на всѣхъ дѣловыхъ засѣданіяхъ, я не слышалъ и не читалъ ничего, кромѣ самыхъ восторженныхъ похвалъ; это была замѣчательно умная, остроумная и тактичная госпожа, удивительно ловко справлявшаяся со многими весьма тернистыми вопросами; едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе, что женщина вообще значительно впечатлительнѣе и обидчивѣе мужчины, и требуетъ для управленія своими собраніями гораздо большей ловкости и тонкости пониманія, а въ такомъ большомъ собраніи, передъ лицомъ, такъ сказать, всего сѣвероамериканскаго Союза, никому, конечно, не желательно было попасть въ просакъ и ударить лицомъ въ грязь. Хотя, конечно, безъ промаховъ не обошлось, но я не слышалъ ни объ одномъ инцидентѣ, который поставилъ бы кого-либо въ неловкое положеніе—такъ быстро и остроумно исправляли предсѣдательницы такіе промахи. Особенно ловко и умѣло, безъ всякой, откровенно ожидавшейся самими женщинами, шероховатости, былъ обсуженъ и рѣшенъ самый щекотливый и животрепещущій дѣловой вопросъ, занимавшій не только женскіе кружки, но и всю страну—это вопросъ о допущеніи въ генеральную федерацію негритянскихъ женскихъ клубовъ. Такихъ клубовъ въ Америкѣ пока очень немного, но штатная федерація женскихъ клубовъ штата Массачусетса приняла одинъ изъ нихъ въ свою среду, противъ чего возсталъ поголовно весь югъ, и настоящей конвенціи пришлось высказаться рѣшительно по этому вопросу. Новая-Англія стояла безусловно за допущеніе, Западъ и Центръ были за компромиссъ, а Югъ былъ готовъ удалиться, еслибъ негры были признаны большинствомъ равноправными. Было, конечно, не мало жесто-

чайшихъ радикаловъ и рго, и сонга, и искреннее разрѣшеніе казалось абсолютно недостижимымъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло было разрѣшено и удовлетворительно, и безповоротно, и безъ возбужденія вредной, опасной партійной ненависти: конвенція рѣшила, и въ сущности единогласно, что штатныя федераціи вольны сами устанавливать правила приѣма въ свою среду новыхъ клубовъ, какъ бѣлыхъ, такъ и цвѣтныхъ, а для приѣма въ генеральную федерацію необходимо единогласное согласіе всѣхъ членовъ ея исполнительнаго совѣта; а такъ какъ въ немъ всегда есть члены и отъ женскихъ клубовъ юга, то такой приѣмъ и останется вполне зависящимъ отъ ихъ усмотрѣнія въ будущемъ. Конвенція разсудила—и, по моему крайнему убѣжденію, вполне основательно,—что такъ какъ громадное большинство женскихъ клубовъ имѣетъ, прежде всего, частный, обыкновенно даже прямо интимный характеръ, причемъ политическія или политико-экономическія возрѣнія новаго члена имѣютъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ его личныя умственные и, главное, нравственныя свойства,—то и приѣмъ его въ клубъ, какъ и отдѣльнаго клуба въ федерацію, долженъ быть основанъ не на требованіяхъ, ставимыхъ въ такихъ случаяхъ политическими, научными или благотворительными обществами, а на требованіяхъ такихъ учреждений, какъ масонскія ложи или социальныя мужскіе клубы, т.-е. не по большинству голосовъ, а при условіи единогласности выбора. Такимъ образомъ, и волеи—Новая-Англія—оказались сыты, и овцы—Югъ—остались цѣлы. Рѣшеніе вопроса предоставлено времени и обстоятельствамъ, безъ вреднаго раскола и революціи; современные женскіе клубы оказались практичнѣе рабовладѣльцевъ Юга и аболиціонистовъ Сѣвера 1860 года.

Само собой разумѣется, что современное женское движеніе и рельефнѣйшіе его выразители—женскіе клубы—имѣютъ и по сейчасъ въ средѣ сильнаго пола Америки ядовитѣйшихъ противниковъ и хулителей, относящихся къ нимъ не только недоброжелательно, но и съ глумленіемъ. Что „журица не птица, женщина—не человѣкъ“—извѣстный сортъ людей будетъ утверждать, или по крайней мѣрѣ думать про себя, еще долгое время. Рабство женщины—и матеріальное, и, преимущественно, умственное и нравственное, продержится на нашей прекрасной планетѣ, по моему мнѣнію, дольше всѣхъ другихъ рабствъ—и крѣпостного, въ разныхъ формахъ, по имени-ли, по значенію-ли, и политическаго, и даже политико-экономическаго. Для своего окончательнаго освобожденія ей придется воевать долго, упорно, усиленно—и съ неравнымъ оружіемъ въ рукахъ, такъ какъ ноше-

ніе, рожденіе и кормленіе дѣтей навсегда останутся тяжелымъ и, такъ сказать, сверхштатнымъ пассивомъ на ея сторонѣ, пассивомъ, который будетъ требовать отъ нея и лишнихъ усилій, и лишняго времени, и лишнихъ страданій—сравнительно съ мужчиной. Міръ такъ полонъ борьбы—и за существованіе, и за гегемонію, и за престижи разнаго рода, сорта и наименованія,—что борьба женщины съ своими отцами, братьями и, въ особенности, мужьями—кажется этимъ послѣднимъ и лишней, и ненужной, способной сдѣлать жизнь, и безъ того несладкую, совершенно невыносимымъ бременемъ. Словами женщина ничего не подѣлаетъ, ничего не докажетъ своему властелину—ей необходимо работать, дѣйствовать и быть крайне осторожной въ выборѣ путей и методовъ для этой работы. Ей необходимо осязательно доказывать мужчинамъ основательность своихъ требованій, свои способности, свое умѣнье. Она не должна ожидать, чтобы ей повѣрили на слово—противъ нея вѣковыя традиціи, тысячелѣтнія предубѣжденія, которыя можно побѣдить только фактами. Мужчина требуетъ и будетъ требовать доказательствъ—разсужденій для него недостаточно, и къ нимъ однимъ онъ останется глухъ и нѣмъ. Вся Америка, на примѣръ, съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдитъ за послѣдствіями дарованія полнаго права голоса во всѣхъ дѣлахъ своимъ женщинамъ штатами Вайомингомъ, Колорадо, Айдахо и Монтаной. Замѣчательно, что примѣру перваго послѣдовали именно сосѣдственные съ нимъ непосредственно штаты, имѣющіе лучшую возможность оцѣнить послѣдствія дарованія такого права; теперь онъ уже окруженъ ими со всѣхъ сторонъ, и очередь—за ближайшими къ этимъ послѣдователямъ. Я бесѣдовалъ съ нѣсколькими делегатами въ конвенціи отъ этихъ штатовъ, уже нѣсколько лѣтъ пользующимися правомъ голоса, желая узнать, въ чемъ заключаются прямыя его результаты, и можно ли ихъ осязательно оформить? Вотъ что отвѣтила мнѣ одна изъ нихъ, очень серьезная и вдумчивая дама: „Это правда, что обыкновенно мы подаемъ свои голоса съ нашими мужьями и отцами. Мы еще ни разу не пытались назначать свои тикеты, хотя бы частичные, ни разу не предъявляли какихъ-либо особыхъ требованій. Зато ни одинъ завѣдомый негодяй, ни одинъ изъ тѣхъ кабатчиковъ, которые, до дарованія намъ права голоса, почти всецѣло управляли по своему усмотрѣнію хотя бы нашимъ, на примѣръ, городомъ, не могутъ теперь и надѣяться на избраніе. Противъ такихъ людей мы вооружаемся поголовно, что бы тамъ ни пѣли наши благовѣрные, какъ бы они ни были сами ими опутаны и какъ бы они ни пытались вліять на насъ.

Мы забаллотировываемъ ихъ своими голосами, какъ бы сильны ни были ихъ мужскія партіи. Неизбѣжность такого исхода такъ хорошо установлена въ нашихъ штатахъ напередъ, что въ послѣдніе года нашъ правительственный персоналъ, въ особенности городской, перемѣнился почти цѣлькомъ. Мы еще недостаточно образованы политически, чтобы составлять программы и вести самостоятельную борьбу; да мы и не хотимъ этого, и сами не вѣримъ въ цѣлесообразность „женскихъ“ политическихъ партій,— и потому вліяніе нашихъ голосовъ въ національныхъ дѣлахъ едва ли замѣтно; зато у себя дома мы—несомнѣнная сила, такъ какъ мы безошибочно умѣемъ сами по себѣ отличать негодяевъ политикановъ отъ честныхъ людей, и положительно не допускаемъ ихъ до участія въ нашемъ управленіи; а это, само собою разумѣется, быстро очищаетъ политическіе нравы и обычаи, поднимаетъ персоналъ, уничтожаетъ подкупы, взяточничество, грязный фаворитизмъ, преступную бездѣтельность власти и всѣ тѣ язвы, которыми такъ полна была политическая жизнь нашихъ штатовъ, когда ея завѣдывали одни мужчины. Однимъ словомъ, наше вторженіе въ эту жизнь послужило могучимъ очистительнымъ для нея фильтромъ—заслуга, если хотите, чисто пассивная покуда, но очень высоко оцѣненная лучшими нашими общественными дѣятелями между самими мужчинами“. Если моя собесѣдница и была, вѣроятно, нѣсколько оптимистична въ своихъ заключеніяхъ, тѣмъ не менѣе, я думаю, что, въ общемъ, она была права, и что вліяніе дарованія женщинамъ права голоса всего рѣзче и быстрѣе проявляется именно въ очерченномъ ею направленіи. Если женщина и не можетъ еще создать чего-либо новаго и самостоятельнаго въ политической жизни страны, ея голосъ все-таки въ громадномъ большинствѣ случаевъ будетъ по-данъ инстинктивно противъ грязи, подлости и обмана, особенно въ дѣлѣ общественномъ, не касающемся прямо ея семьи и близкихъ. Я лично довѣряю ей въ этомъ случаѣ неизмѣримо больше, чѣмъ любому нашему политикану-мужчинѣ.

Возможность такой женской конвенціи, возможность такого очевиднаго проявленія дѣловитости, умѣлости и знаній, дѣлается еще болѣе поразительной, если принять въ соображеніе крайнюю, сравнительно, кратковременность существованія женскихъ клубовъ въ Америкѣ вообще. Я закончу настоящую статью краткой ихъ у насъ исторіей.

Зимой 1868 года клубъ печати города Нью-Йорка давалъ парадный обѣдъ путешествовавшему по Америкѣ и читавшему публично въ ея большихъ городахъ выдержки изъ своихъ рома-

новъ Чарльзу Диккенсу. Нѣсколькимъ сдѣлавшимъ прессу своей профессіей женщинамъ, желавшимъ присутствовать на этомъ обѣдѣ и лично почтить знаменитаго романиста, было довольно грубо отказано въ билетахъ—предполагалось одно чисто мужское общество, въ которомъ женщинамъ не было мѣста, не потому, чтобъ онѣ не имѣли на это права, какъ писательницы, а потому что онѣ—женщины. Госпожа Кроли—*ms J. C. Croly*—одна изъ получившихъ такой отказъ дамъ, глубоко имъ оскорбленная, задумала открыть женщинамъ въ будущемъ возможность дѣйствовать въ такихъ случаяхъ самостоятельно, независимо отъ мужчинъ; она собрала нѣсколькихъ друзей, и онѣ рѣшили основать исключительно женскій клубъ. Идея была, однако, такъ нова, что изъ пяти присутствовавшихъ на первомъ собраніи женщинъ три, посоветовавшись съ мужьями, нашли ее непрактичною и отказались отъ участія уже черезъ два-три дня; тѣмъ не менѣе госпожа Кроли продолжала свою пропаганду, и черезъ нѣсколько времени ей удалось собрать 14 женщинъ, и первый женскій клубъ Америки былъ организованъ въ городѣ Нью-Йоркѣ въ апрѣлѣ 1868 года подъ именемъ „Сорозиса“, отъ греческаго слова: *σώρις*, въ сущности—куча, скопленіе. Первая рѣчь перваго президента этого клуба, госпожи Кэри—*ms Alice Cary*, настолько хорошо обрисовываетъ положеніе дѣла въ то время, 34 года тому назадъ, что я не могу не привести слѣдующую изъ нея выдержку: „Женскій клубъ! Да это нѣчто неслыханное! Чтò вы будете съ нимъ дѣлать? Какія у васъ могутъ быть цѣли или стремленія? Таковы тѣ вопросы, которые ежедневно задаются мнѣ съ того момента, какъ мы заговорили о нашемъ предпріятіи,—конечно, мужчинами. И я отвѣчала, что мы только желаемъ скромно подражать ихъ собственному примѣру.—У васъ есть свои клубы,—почему же и намъ не имѣть своихъ?—говорила я.

„Мы, конечно, такъ сказать, „высочили изъ оглобель“, и намъ приходится сознаваться, со стыдомъ и униженіемъ, въ нашихъ дивныхъ и преступныхъ фантазіяхъ. Начиная *ab ovo*, мы оказываемся виновны въ томъ, что желаемъ усвоенія женщинами болѣе широкихъ и глубокихъ идей; стремимся къ тому, чтобы онѣ думали самостоятельно, сами составляли бы свои убѣжденія и взгляды на вещи, не столько потому, что это ихъ право, какъ потому, что это ихъ долгъ. Мы также предлагаемъ открыть женщинамъ новые пути къ заработку; сдѣлать ихъ менѣе зависящими и менѣе обременительными для другихъ лицъ; освободить ихъ отъ такъ имъ присущаго недовѣрія къ собственнымъ силамъ, отъ связывающей ихъ дѣятельность застѣнчивости; научить ихъ, что

всякая работа, какова бы она ни была, разъ она дѣлается ею свободно и соотвѣтствуетъ ея способностямъ и симпатіямъ, можетъ исполняться ею безъ опасенія спуститься ниже на общественной лѣстницѣ, а напротивъ, съ убѣжденіемъ, что и самая работа будетъ ею возвышена. Мы предлагаемъ заявить свой горячій протестъ противъ пустыхъ сплетенъ, противъ безцѣльной траты времени, противъ злоупотребленія имъ; требуемъ права дѣлать то, на что мы способны, и говорить объ этомъ безъ испрашиванія позволеній и безъ унизительныхъ препятствій, не для исключительнаго блага нашего пола, а для общей пользы—то, что вредно моему брату, вредно мнѣ, и что вредно мнѣ, вредно и ему,—еслибъ онъ только взялъ на себя трудъ обдумать это и понять; оно вредно ему, сознаетъ онъ это или нѣтъ. Таковы,—отвѣчала я,—нѣкоторыя изъ нашихъ стремленій и цѣлей. Мы не утверждаемъ, что успѣли уже оформить наши планы и опредѣлить наши пути. Мы подобны дѣтямъ, ищущимъ дороги во мракѣ, потому что не слѣдуетъ забывать, что не прошло еще и полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ наши народныя школы были открыты дѣвочкамъ даже въ самыхъ культурныхъ мѣстностяхъ нашей страны. Какимъ же образомъ можете вы ожидать отъ насъ той же мудрости, которой вы сами запасались въ теченіе многихъ столѣтій изъ школъ и университетовъ и изъ опыта исключительнаго управленія дѣлами человечества?

„Мы сознаемъ наши недостатки, наше несовершенство, но мы чувствуемъ, милостивые государи, что, несмотря на нихъ, честная, серьезная и скромная попытка къ лучшей жизни и болѣе широкой культурѣ заслуживаетъ болѣе сердечнаго и болѣе симпатичнаго къ ней отношенія, чѣмъ то, которое мы до сихъ поръ отъ васъ встрѣчали гдѣ-либо. Даже высшіе представители нашей интеллигенціи, вожаки нью-іорьской прессы, проявили такое отсутствіе великодушія относительно насъ, въ какомъ мы ихъ никогда и не подозревали.

„Еслибы мы могли предусмотрѣть тѣ сарказмы и насмѣшки, съ которыми мы были встрѣчены, они одни, сами по себѣ, были бы совершенно достаточнымъ поводомъ къ организациі этого клуба; теперь, когда онъ представляетъ собою совершившійся фактъ, они послужатъ самымъ сильнымъ импульсомъ къ его укрѣпленію и расширенію. Но, друзья мои, эти насмѣшки и сарказмы, въ концѣ-концовъ, представляютъ собою не что иное, какъ признаніе нашей силы, и должны, и будутъ поощрять насъ къ болѣе смѣлымъ и широкимъ заявленіямъ, къ болѣе энергичнымъ усиліямъ для основанія дружной и компактной органи-

заціи, и все, что нужно для того, чтобы создать изъ нея могучую силу для общаго блага въ будущемъ, это—согласная и дружная работа съ нашей стороны. Нѣкоторые изъ насъ не могутъ рассчитывать, что онѣ доживутъ до этого прекраснаго будущаго, но мы должны помнить и должны быть довольны и тѣмъ, что наши попытки расчистить дорогу тѣмъ, кто будетъ слѣдовать за нами, когда мы уже будемъ покоиться въ нашихъ могилахъ“¹⁾.

Кто бы вы ни были, читатель, и какъ бы вы ни относились къ нашей прекрасной половинѣ, —развѣ вы можете найти, положе руку на сердце, хоть какое-нибудь серьезное возраженіе противъ этихъ скромныхъ, трогательныхъ по своей искренности и глубокой правдѣ желаній? Развѣ же женщины дѣйствительно не были лишены всего этого только потому, что онѣ—женщины?

„Сорозисъ“ города Нью-Йорка считается рассадникомъ женскихъ клубовъ въ Америкѣ, и онъ же съ теченіемъ времени мастерски выработалъ весьма многія стороны ихъ дѣятельности; онъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ своей организаціи и методовъ, служилъ и служить моделью для множества другихъ клубовъ. Тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ большимъ составомъ, подраздѣляются на секціи, и члены присоединяются къ одной, двумъ, даже тремъ изъ нихъ, смотря по тому, что именно интересуется ихъ болѣе. Такихъ секцій бываетъ до тридцати въ одномъ клубѣ, и специализація занятій и работы все увеличивается. Состоятельные клубы нанимаютъ лектрисъ-спеціалистокъ, учительницъ иностранныхъ языковъ, и т. д.

„Сорозисъ“ же положилъ начало и настоящей генеральной федераціи женскихъ клубовъ Америки. Уже въ 1889 г. онъ, празднуя свое совершеннолѣтіе, 21 годъ своего существованія, пригласилъ къ участію въ этомъ торжествѣ делегатовъ отъ всѣхъ имѣвшихся въ то время въ союзѣ женскихъ клубовъ, числомъ 97. На этомъ собраніи и было рѣшено организовать постоянную федерацію—и первая ея конвенція засѣдала въ 1890 г., въ г. Нью-Йоркѣ, и къ ней присоединились 63 женскихъ клуба изъ 17 штатовъ. Тогда же было положено начало организаціи клубовъ одного штата въ штатныя федераціи. Въ 1892 г. число принадлежавшихъ къ генеральной федераціи клубовъ возросло до 189. Лѣтомъ 1893 г., во время Колумбовой выставки въ

¹⁾ Пророчество это, конечно, воочію исполнилось уже, и вѣроятно гораздо скорѣе, чѣмъ это предполагала сама госпожа Кэри; и она, и госпожа Кролц, обѣ умерли, но ихъ имена, конечно, будутъ вѣчно жить въ сердцахъ настоящаго и будущихъ женскихъ поколѣній Америки.

Чикаго, федерація устроила спеціальный женскій конгрессъ, на которомъ присутствовали делегаты отъ 258 клубовъ. Въ конвенціи 1894 г. приняли участіе 350 клубовъ; въ 1896—478 отдѣльныхъ клубовъ и 20 штатныхъ федерацій, считавшихъ въ своей средѣ 947 клубовъ. За 1898 г. у меня нѣтъ официальныхъ цифръ, но въ конвенціи 1900 г. приняли участіе 2.675 клубовъ съ 166.903 членами; кромѣ того, было извѣстно, что въ союзѣ было 126 клубовъ съ 9.424 членами, не присоединившимися еще формально къ федераціи. Къ сожалѣнію, официальные цифры вышеописанной, послѣдней конвенціи 1902 года еще недоступны,—но я слышалъ, что число женскихъ клубовъ въ союзѣ въ настоящій моментъ значительно превышаетъ 4.000, а число членовъ въ нихъ—300.000.

Сотни клубовъ въ разныхъ городахъ уже успѣли обзавестись собственными зданіями, стоящими десятки тысячъ долларовъ каждый, и число клубовъ, и число членовъ въ нихъ быстро растетъ съ каждымъ днемъ; дѣятельность ихъ все расширяется, захватывая все большее число отраслей, и чувствуется и государствомъ, и штатами, и, въ особенности, городами. Время явныхъ насмѣшекъ и сарказмовъ надъ ними, конечно, прошло безвозвратно, ихъ конвенціи пріивѣтствуются губернаторами и мэрами, и, можно думать, недалекъ тотъ день, когда женщина будетъ выслушиваться съ почтеніемъ и въ конгрессѣ Союза.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ВѢРОВАНІЯ И СУЕВѢРІЯ

У

КИТАЙЦЕВЪ

По личнымъ наблюденіямъ.

Китайскій народъ, который мнѣ главнымъ образомъ пришлось наблюдать въ теченіе пяти лѣтъ пребыванія моего въ Пекинѣ и его окрестностяхъ, имѣетъ свою наружную жизнь и—сокровенную, мало доступную для наблюденія чужеземца. Китайское населеніе представлялось мнѣ съ самаго перваго знакомства, при въѣздѣ въ Пекинъ, и въ послѣднюю минуту, черезъ пять лѣтъ, при выѣздѣ изъ него, все такимъ же, волнующимся, шумливымъ народнымъ моремъ, которое имѣетъ свои постоянные приливы и отливы, но оно еще не обнаружило всей своей силы, не разыгралось грозной бурей, не расходилось еще громадными волнами.

Меня интересовала прежде всего видимая, наружная жизнь китайскаго населенія, какъ бывшая мнѣ доступной и понятной. Съ поверхности этой жизни я надѣялся мало-по-малу проникнуть въ ея глубину, собирая всѣ проявленія народной жизни, поскольку выражались они въ народныхъ вѣрованіяхъ, преданіяхъ и религиозныхъ сказаніяхъ.

Знакомство мое съ народною китайскою жизнью я началъ съ предмета наиболѣе близкаго для каждаго человѣка—съ его здоровья. Китайцы не только охотно, но и довѣрчиво относились къ моимъ разпросамъ, понимая отлично, что мною руко-

водитъ лишь одинъ интересъ знанія ихъ быта, ихъ жизни, и сами; въ свою очередь, интересовались всѣмъ, что касалось до непонятныхъ имъ проявленій въ жизни иноземцевъ. Проживъ пять лѣтъ среди китайцевъ, я пришелъ къ одному заключенію: на почвѣ справедливости и взаимности общеніе возможно между этимъ трудолюбивымъ народомъ и каждымъ чужеземцемъ. Культура китайскаго народа самобытна, равно какъ самобытно и его мышленіе. Проявленія жизни и быта китайцевъ во многихъ отношеніяхъ настолько первобытны, что для насъ, европейцевъ, они непонятны и непріятны, зато во многихъ другихъ отношеніяхъ условія жизни и быта китайцевъ стоятъ неизмѣримо выше условій жизни и быта цивилизованныхъ западныхъ народовъ. Въ отношеніи охраненія своего здоровья отъ разнообразныхъ вредныхъ вліяній китайцы отстали далеко отъ европейцевъ. Китайцы и до сего времени живутъ въ суевѣрныхъ преданіяхъ сѣдой старины, населяя всю видимую природу добрыми и злыми духами, демонами. Видя на себѣ вредное вліяніе климатическихъ условій и не зная, какъ объяснить ихъ, китаецъ прибѣгаетъ къ помощи суевѣрія. Такъ, по климатическимъ условіямъ, май мѣсяць, т.-е. пятый мѣсяць года (китайцы не имѣютъ названій мѣсяцевъ, а обозначаютъ ихъ по порядку цифрами), въ Китаѣ особенно проявляетъ вредное вліяніе на здоровье населенія. Во время мая мѣсяца часты заболѣванія, часты случаи солнечнаго удара и общая болѣзненность въ населеніи повышается. Чтобы объяснить себѣ эту повышенную заболѣваемость, китайцы создали существованіе довольно многочисленныхъ злыхъ духовъ, демоновъ, которыхъ назвали именемъ „Ся“. Подъ этимъ именемъ „Ся“ собраны всѣ злые духи, которые тѣми или иными способами вредятъ человѣку и отнимаютъ у него счастье на землѣ. Чтобы защититъ себя отъ этихъ вредныхъ силъ, китайскій народъ знаетъ только единственное средство, которое выражается въ ношеніи на шеѣ амулетовъ и въ заклинаціяхъ, которыя такъ искусно умѣютъ дѣлать жрецы, даосы. Всякое климатическое явленіе, сколько-нибудь отступающее отъ обычнаго, а особенно появленіе эпидеміи, вызывающей среди населенія повышенную заболѣваемость, народъ объясняетъ вліяніемъ злыхъ демоновъ, которымъ или приносятъ жертвы, чтобы задобрить, или думаетъ устрашить ихъ и отогнать отъ земли, устраивая процессіи, весьма многолюдныя, съ грохотомъ, шумомъ и трескомъ пускаемыхъ въ воздухъ ракетъ, фейерверковъ, криками и ударами палокъ въ мѣдные гонги. Болѣзни усиливаются во время наступленія лѣтнихъ жаровъ, особенно когда задуваютъ знойные юго-восточные вѣтры, приносящіе изъ Монголіи тучи пыли

и песку. Ежегодно такіе вѣтры проносятся надъ Пекиномъ, но дуютъ лишь въ продолженіе трехъ-четырехъ дней, затѣмъ вѣтеръ мѣняетъ свое направленіе. Бываютъ, однако, нерѣдки годъ, когда юго-восточный вѣтеръ дуетъ продолжительное время, и, какъ говорили мнѣ старики-китайцы, этотъ періодъ времени достигаетъ иногда сорока дней. Тогда наступаетъ жизнь, полная ужаса и мученій. Температура держится постоянно въ 40° R, зной невыносимъ днемъ, а ночь не приноситъ прохлады. Дышать тяжело, не хватаетъ воздуха. Люди и животныя страдаютъ одинаково. Листва на деревьяхъ засыхаетъ, свертывается въ трубочки и опадаетъ. Деревья остаются голыми, растительность на поляхъ вся погибаетъ отъ засухи. На всей природѣ ложится одна общая печать унынія. Вокругъ безжалостно палящаго своими лучами солнца появляются блѣдные круги. Надъ землей повисаетъ какъ бы завѣса, удручающая и безъ того угнетенную душу человѣка; во всей силѣ выказывается тогда его безсиліе передъ могуществомъ природы. Ужасъ свовываетъ всѣ его помыслы; страхъ, что божество неба, благодѣтельное для человѣческаго рода, отказалось отъ него, доводитъ до отчаянія, взывающаго къ Небу о милосердіи. Въ храмахъ совершаются заклинанія, а книга церемоній великаго учителя народа—Конфуція—предписываетъ строгій постъ, состоящій не только въ воздержаніи въ пищѣ, питіи, развлеченіяхъ, но требуетъ и уединенія.

По счастью, такіе продолжительные знойные вѣтры рѣдко бываютъ, но и въ обычное время, когда по календарю назначенъ первый лѣтній день, простой народъ на дверяхъ своихъ жилищъ наклеиваетъ заклинанія, отгоняющія злыхъ духовъ. День начала лѣта знаменуется выполненіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ, обязательныхъ для каждаго китайца. Въ каждомъ домѣ совершается слѣдующее: берется бокаль, наполненный водой, и въ него всыпается превращенный въ мелкій порошокъ краснаго цвѣта какой-то минераль, который китайцы называютъ „чин-кунъ“ и которому приписывается ими чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ, принятый внутрь, онъ очищаетъ весь организмъ, разрушаетъ внутри всѣ яды и уничтожаетъ всѣ вредныя вліянія, а примѣняемый снаружи, какъ обмываніе и растираніе, онъ излечиваетъ всякіе кожные нарывы и язвы. Въ цѣломъ своемъ видѣ минераль носится на шеѣ, какъ амулетъ, такъ какъ обладаетъ могуществомъ не допускать приближаться къ человѣку привидѣніямъ и злымъ демонамъ. Тигры и гіены отъ страха убѣгаютъ въ лѣса и горы. Кускомъ этого минерала у дѣтей проводятъ по всему тѣлу, прикасаются ко лбу и шеѣ, чтобы пре-

дохранить дѣтей отъ вередовъ и сыпей, которые такъ обильно покрываютъ во время лѣта кожу дѣтей. Примѣняя всѣ предохранительныя средства, указанные предками, каждый вноситъ въ ихъ исполненіе свои личные вкусы. Нѣкоторые китайцы сдѣланнымъ воднымъ растворомъ вытираютъ себѣ лицо, а остатокъ разливаютъ по полу дома, чтобы изгнать злого духа, если онъ запрятался гдѣ-нибудь въ помѣщеніи, а также чтобы удалить и всѣхъ зловредныхъ пауковъ и другихъ ядовитыхъ насекомыхъ.

Кромѣ средствъ борьбы, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, среди народа есть не мало и своихъ собственнхъ, созданныхъ вѣковыми наблюденіями и обычаями. Въ каждой семьѣ мать-китайка собираетъ сама, по веснѣ, на поляхъ или покупаетъ лекарственныя пахучія вещества, которыя зашиваетъ въ ладанку, и вѣшаетъ эту ладанку на шею своему ребенку. Ладанкиъ придается самая разнообразная форма, то въ видѣ подушечки, то въ видѣ тигра, птицы, насекомага, вѣра или въ видѣ какихъ-нибудь другихъ животныхъ. Ладанки украшаются вышивками или золотыми нитями—у богатыхъ цвѣтъ матеріи предпочитается красный. Ладанки эти имѣютъ двойное благодѣтельное значеніе. Китайцы вѣрятъ, во-первыхъ, что запахъ пахучихъ лекарственныхъ веществъ разрушаетъ тѣ зловредныя испаренія, которыя проникаютъ въ тѣло человѣка, а во-вторыхъ, они убѣждены, что пахучія вещества обезвреживаютъ всѣ болѣзненные выдѣленія и заразныя начала, находящіяся въ самомъ организмѣ человѣка. Глубокая вѣра въ это цѣлебное дѣйствіе пахучихъ веществъ основана на томъ обстоятельстве, что въ буддистскихъ книгахъ, пользующихся большимъ авторитетомъ у китайцевъ, говорится, что разъ Будда излечился отъ своей болѣзни вдыханіемъ запаха цвѣтка лотоса. Исторія медицины говоритъ, впрочемъ, что запахамъ въ древности придавалось большое значеніе, какъ лечебнымъ средствамъ, у грековъ, римлянъ и, въ средніе вѣка, у европейцевъ. Убѣждены были многіе, что вдыханіе пахучихъ средствъ можетъ предохранить отъ заболѣваній. Красный цвѣтъ пользуется преимуществомъ передъ всѣми остальными цвѣтами потому, что онъ напоминаетъ собою цвѣтъ персика, а персикъ китайцы приписываютъ преимущественную добродѣтель и могущество въ уничтоженіи силы злыхъ духовъ и вреднаго ихъ вліянія на человѣка. Талисманы и ладанки пользуются самымъ обширнымъ распространеніемъ во всѣхъ слояхъ китайскаго народа. Но однихъ талисмановъ все-же недостаточно; въ помощь къ нимъ, какъ предохранители, въ домахъ вѣшаютъ по стѣнамъ

изображенія различныхъ божествъ, сдѣланныя на подобіе куколъ. Каждая такая кукла вышита на матеріи шелками. Куколь вѣшается въ домѣ по числу живущихъ въ немъ, такъ какъ каждая такая кукла является замѣстительницей каждаго члена семьи, и каждой куклѣ, поэтому, достается имя того лица, которое она замѣщаетъ. Часто это имя бываетъ даже написано на груди куклы. Въ первый день лѣта всѣ эти куклы, провисѣвшія цѣлый годъ, снимаются и сносятся въ одно мѣсто, гдѣ и располагаются въ рядъ. Передъ ними ставятся различные яства, какъ бы въ благодарность за сдѣланное благодареніе членамъ семьи за истекшій годъ, а благодареніе это, по мнѣнію китайцевъ, состояло въ томъ, что куклы эти принимали въ себя всѣ вредныя начала, бывшія въ домѣ, и охраняли этимъ членовъ семьи отъ дѣйствія этихъ началъ, которыя предназначались для людей злыми духами. По окончаніи приношеній, куклы эти всѣ выносятся во дворъ и сжигаются. вмѣстѣ съ ними сжигается и заключавшееся въ нихъ зло, а члены семьи остаются защищенными. На мѣсто сожженныхъ куколъ выставляются новыя. Сколько дѣтской наивности, сколько беспомощности кроется въ этихъ вѣрованіяхъ китайскаго народа!

Май, т.-е. пятый мѣсяцъ луны, празднуется, какъ первый мѣсяцъ лѣта, повсюду въ Китаѣ. Съ ранняго утра въ первый день мѣсяца украшаются зеленью ворота и двери домовъ. Изъ зелени вьются букеты съ непремѣннымъ присутствіемъ вѣточки аира, полыни и головки чеснока вмѣстѣ съ корнемъ и листьями. Этотъ букетъ прикрѣпляется или надъ выходными воротами на улицу, или надъ окнами; многіе изъ китайцевъ бросаютъ его даже на крышу домовъ цѣлой большой связкой. Значеніе этихъ растений, какъ цѣлебныхъ, обуславливается несомнѣнно ихъ сильнымъ запахомъ, который, по мнѣнію китайцевъ, обезвреживаетъ зловредныя начала болѣзней. Букеты зелени вѣшаютъ надъ дверями и окнами для того, чтобы болѣзни не проникли въ домъ! Чеснокъ считается самымъ дѣйствительнымъ предохранительнымъ средствомъ, дѣйствующимъ на 99 болѣзней. Китайцы, поэтому, безъ чеснока жить не могутъ, и ежедневно употребляютъ его въ пищу. Для европейца, не привыкшаго къ запаху чеснока, случайное пребываніе среди китайцевъ бываетъ весьма тяжело, но китаецъ отъ чеснока ни за что не откажется: чеснокъ въ пищу удлиняетъ жизнь! Китайцамъ извѣстно также и лечебное дѣйствіе чеснока, какъ хорошаго глистогоннаго.

Послѣ чеснока китайцы придаютъ большое цѣлебное значеніе полыни, о благодареніяхъ которой написаны цѣлыя книги;

въ книгахъ указано время, когда надо рвать полынь, именно 5-го мая и до пѣнія пѣтуховъ; указанъ способъ, какъ надо вязать полынь въ связки, чтобы она имѣла силу предохранять отъ губельныхъ повѣтрій. Листья полыни имѣють обширное примѣненіе: отваромъ изъ нихъ моютъ лицо и все тѣло, вѣтку полыни женщины вилетають въ свою прическу, а также и въ волоса дѣтей, все съ одной и той же цѣлью—предохранить отъ злыхъ вліяній.

Китайки иногда въ свою прическу втыкають вмѣстѣ съ вѣтвой полыни изображеніе тигра, сдѣланное изъ шолка, имѣющее тоже значеніе амулета, такъ какъ тигръ служитъ защитой противъ злыхъ демоновъ. Послѣ полыни въ большомъ употребленіи являются вѣтви ивы и смоквицы, такъ какъ эти деревья служатъ символами долготѣія и жизненности. Насколько большое значеніе придается китайцами силѣ этихъ деревьевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго изреченія: „Втыкая въ дверь дома вѣтви ивы или смоквицы, становишься живучѣ дракона“. Многія изъ китайкокъ убѣждены также, что, втыкая вѣтви полыни въ свою прическу, онѣ тѣмъ самымъ дѣлаются болѣе ловкими и сильными. На многихъ домахъ подъ пучками выставленной полыни и чесноку дѣлается надпись на красной бумагѣ: „Да служатъ листья полыни знаменами, призывающими тысячи благодѣяній, а головки чесноку—да отгонять милліоны привидѣній“.

Вѣра въ чудесныя и цѣлебныя силы растений не есть, однако, принадлежность только странъ Востока. Если мы обратимся къ Европѣ, то увидимъ, что растенія въ жизни ея народовъ также играли весьма видную роль и продолжаютъ имѣть немаловажное значеніе и до сего дня.

Значеніе растений было и есть для народа не только цѣлебное, но и чудодѣйственное по силѣ, которая могла отвращать отъ человѣка злыя козни нечистыхъ духовъ и вредныхъ повѣтрій. Не говоря уже про средніе вѣка, которые оставили намъ обычай украшать церкви и дома растениями, укажу на такія пахучія травы, какъ укропъ, чебрець, замѣняющія чеснокъ, и на вѣтви березы, замѣняющія иву. Въ научной европейской литературѣ мы имѣемъ весьма интересное изслѣдованіе о культѣ растений у разныхъ народовъ, принадлежащее перу D-г'a Maunhardt, подъ названіемъ: „Baumkultur der Germanen und ihrer Nachbarstämme“. Изъ этой книги мы узнаемъ, что въ Швеціи и Норвегіи на Ивана-Купалу воздвигаютъ повсюду лѣтнюю мачту съ пѣтухомъ наверху, и въ то же время украшаютъ дома и комнаты зеленью. Этотъ обычай распространенъ одина-

ково и въ городахъ, и въ деревняхъ. То же самое дѣлають на 1-е мая, на Ивана-Купалу и на Троицынъ день. Украшенное дерево-мачту носятъ по деревнямъ у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ. Такое же дерево укрѣпляютъ надъ воротами и надъ хлѣвами, такъ какъ у населенія держится повѣрье, что коровы больше тогда даютъ молока и что воддуны не будутъ въ состояніи дѣлать вреда. Такимъ образомъ, вѣрованія китайцевъ отвѣчаютъ когда-то распространенному вѣрованію въ майское дерево у европейцевъ, обратившееся нынѣ лишь въ веселое празднество мая. Полынь такъ же пользуется и до сего дня большимъ уваженіемъ среди европейскихъ народовъ. У французовъ въ Пизардіи существуетъ и понынѣ вѣрованіе, что злые духи боатся полыни. Во многихъ странахъ держится повѣрье, что въ ночь на Ивана-Купалу подъ корнемъ полыни можно найти уголь, который будетъ покровительствовать его владѣльцу, предохраняя его отъ заболѣванія язвами, лихорадкой и пр. Миеологія растений имѣетъ много общаго у всѣхъ народовъ. Извѣстно такъ же, что римляне вѣшали на дверяхъ своихъ домовъ гирлянды изъ боярышника, дабы отгонять вредныя вліянія и болѣзнь отъ обитателей дома и отъ животныхъ. Въ Греціи эту же роль играло лавровое дерево, а въ Египтѣ—аиръ.

У китайцевъ, какъ народа исключительно земледѣльческаго, самые выдающіеся праздники пріурочены въ честь неба, бога солнца, богини земли. Празднество въ честь богини земли торжественно совершается по всему Китаю три раза въ годъ: весной, послѣ посѣва и появленія на поляхъ первой зелени; лѣтомъ, когда жатва готова, и осенью, послѣ уборки жатвы. Осенній праздникъ жатвы—самый торжественный и самый чтимый народомъ. Земля, составляющая культъ почитанія у всѣхъ народовъ, только у китайцевъ сохранила этотъ культъ въ полной чистотѣ и неприкосновенности. Китаецъ ставитъ богиню земли во главѣ остальныхъ божествъ. Оно и понятно: земля питаетъ человѣка и все живущее на ней, земля производитъ для человѣка все необходимое ему въ жизни; земля является самой любящей матерью человѣчества, создавшей человѣка и берущей его снова къ себѣ. „Мать сыра-земля“—и до сего дня еще говоритъ русскій человѣкъ; „земля-кормилица“—говоритъ русскій нахарь, имѣющій много общаго въ своихъ понятіяхъ съ земледѣльцемъ-китайцемъ. Осенній праздникъ жатвы, справляемый 15-го августа (15-й день 8-й луны), начинается торжественными служеніями въ китайскихъ храмахъ; народъ за благодаренія, ему оказанныя богиней, приноситъ на ея алтарь жертвы отъ урожая,

а также предъ изображеніемъ богини ставятся мясныя блюда, пироги, сласти и вино, приготовленное изъ проса. На домашнихъ алтаряхъ ставятся передъ богиней специально въ этотъ день приготовленные пирожки изъ риса пополамъ съ мукой. Пирожки дѣлаются круглыя по формѣ и готовятся на парѣ. Эти пирожки имѣютъ свое названіе— „дзи“. Въ этотъ день къ старшему въ родѣ собираются всѣ родные и разсаживаются за общимъ столомъ вокругъ пирожковъ. Въстѣ съ пирожками ставятъ на столъ блюдо съ жженымъ сахаромъ и другими сладостями. Обиліе яствъ и сластей имѣеть, конечно, значеніе: мать-земля даетъ своимъ дѣтямъ изобильную жатву, составляющую для народа и богатство, и благодѣяніе. Земля, являясь матерью живущаго, имѣеть супругомъ своимъ лучезарное солнце, которое тепломъ своимъ поддерживаетъ жизнь, даваемую землей, животворить все ею рождаемое. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія земледѣлія создавались все новыя и расширялись старыя вѣрованія народа-земледѣльца. Хотя земля повсюду одина и неизмѣнна, но произведенія ея слишкомъ разнообразны. Не зная, какъ объяснить это богатство и разнообразіе даровъ земли, народъ создалъ рядъ божествъ для каждой страны, покровительствующихъ земледѣльцу и тѣсно примыкающихъ къ общей ихъ матери, богинѣ земли. Въ каждой странѣ эти божества, покровители земледѣлія, называются властелинами земли, о каждомъ изъ нихъ народъ создалъ свою особую легенду. Объ одномъ изъ нихъ, властелинѣ полей, преданіе говоритъ, что онъ былъ первоначально сыномъ министра работъ во времена династіи Яо. Будучи юношей, онъ поражалъ всѣхъ особымъ даромъ водворять равновѣсіе между водою и землею, т.-е. онъ могъ повелѣвать водою и защищать землю отъ наводненій, чѣмъ оказывалъ народу-земледѣльцу истинное благодѣяніе, за которое и былъ обращенъ въ божество. Но все-таки земля давала народу много непонятнаго; производя растенія столь рѣдкія по своему виду и окраскѣ. Отсюда народныя вѣрованія создали еще пять божествъ, изъ которыхъ каждое имѣло свое личное свойство. Одно изъ божествъ производило изъ земли все, что имѣло синій цвѣтъ, другое—все, что имѣло красный, третье производило огнецвѣтные предметы, четвертое—желтые, а пятое—черные. Но народная мысль не остановилась на своихъ первоначальныхъ созданіяхъ, а, развиваясь дальше, обобщила всѣ видимыя созданія природы въ одно божество, которое и было властелиномъ всѣхъ божествъ. Это божество является уже сыномъ земли и солнца, располагаетъ властью надъ всей природой: онъ посылаетъ на землю

дождь, снѣгъ, росу, иней, вѣтеръ, посредствомъ которыхъ существуетъ постоянное общеніе Неба и Земли. Въ честь этого бога и подвластныхъ ему боговъ, покровителей земли, народъ создалъ уже свой земледѣльческій гимпъ, въ которомъ, восхваляя благодѣянія, оказываемыя божествомъ народу-земледѣльцу, говоритъ, что должно приносить богу жертву отъ воѣхъ плодовъ земли: и отъ проса, и отъ овецъ.

Китайскій народъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни и земледѣлія, отдѣлилъ все непонятное для него въ явленіяхъ природы отъ понятнаго ему труда земледѣльца и этотъ трудъ облекъ живою человѣческою плотью, создавъ своего патриарха земледѣлія, подобно русскому Микулѣ Селянниковичу. Своему патриарху земледѣлія китайскій народъ сообщилъ легендарное происхожденіе, сдѣлавъ его сыномъ горы Ли. Жилъ этотъ мирный витязь труда, какъ говорятъ китайскія лѣтописи-былины, въ періодъ за 2205—1766 г. до Р. Хр.; онъ первый сталъ правильно воздѣлывать всѣ сорта злаковъ и растений, научивъ правильному труду и народъ. Память этого патриарха земледѣлія чествуется и до сихъ поръ въ народѣ. Въ честь своего героя-земледѣльца народъ устраиваетъ и моленія въ храмахъ, и развлеченія. Въ храмахъ возсылаются моленія о ниспосланіи теплыхъ дождей, о томъ, чтобы просо все умножалось, и чтобы мужчины и женщины благословлены были изобиліемъ. По окончаніи моленій, населеніе идетъ въ театръ, который въ дни народныхъ праздниковъ устраивается группою бродячихъ артистовъ на площади селенія подъ открытымъ небомъ. Театральное представленіе сопровождается громкой музыкой, крайне неприятной для уха европейца. Музыка состоитъ въ ударахъ въ гонги и барабаны, сопровождаемыхъ звуками флейты и визгливыми голосами актеровъ. Китайскій народъ до сего дня настолько еще вѣруеть въ свое общеніе со всей природой, что зрители и слушатели театральныя представленія глубоко убѣждены въ томъ, что и боги пользуются этими зрѣлищами, невидимо присутствуя на представленіяхъ. Иногда такія театральныя представленія устраиваются прямо въ честь боговъ.

Празднество, совершаемое въ честь богини земли лѣтомъ, происходитъ 6-го числа 6-й луны, т.-е., въ половинѣ іюня—началѣ іюля, когда наливаются всѣ колосья злаковъ, зерна тяжелѣютъ, поспѣваютъ всѣ фрукты. Трудъ земледѣльца даетъ видимый плодъ, радуеть его душу. „Открыты врата Неба“, говорятъ китайцы, когда земля даетъ хорошій урожай. Празднество начинается обычными моленіями и жертвоприношеніями богинѣ земли

передъ ея изображеніемъ и отличается отъ празднества весною и осенью лишь тѣмъ, что молодежь исполняетъ рядъ суевѣрныхъ обычаевъ. Многіе еще и теперь вѣрятъ, что если въ этотъ день поставить во дворъ новую деревянную лоханку, наполнить ее водой, надъ которой надо держать зеркало и внимательно смотрѣть въ него, то можно увидать дѣйствительно разверстыя небеса, что и обѣщаетъ великое счастье. По поводу такого зрѣлища, удостоившіеся его счастливыя рассказыываютъ обычно, сообразно вкусамъ китайскаго человѣка, слѣдующую исторію. Они говорятъ, что видѣли длинный столъ, накрытый красной скатертью, а за столомъ сидѣлъ старецъ съ длинной бѣлой бородой. На головѣ у этого старца была корона. По мнѣнію рассказчиковъ, старецъ этотъ можетъ быть не иной кто, какъ приратникъ неба, или даже самъ его властелинъ. Не всякій, конечно, удостоивается видѣть небо разверстымъ, но что небо въ этотъ день разверзается,—этому вѣрятъ всѣ китайцы и объясняютъ это явленіе различно. Одни говорятъ, что небо разверзается для того, чтобы боги могли видѣть поступки и жизни всѣхъ людей. Другіе же стараются объяснить это тѣмъ, что богиня земли, все оплодотворяющая, воспринимаетъ въ свою грудь живительные солнечные лучи. Посылаемый съ неба дождь одѣваетъ ее зеленой одеждой, и небо заботится о ростѣ травъ и злаковъ для жизни человѣка на землѣ. Разверзается небо, говорятъ третьи, въ благодарность человѣку за его трудъ и заботы о землѣ. Небо видитъ эти труды и говоритъ объ этомъ человѣку. Какъ бы народъ ни старался объяснить прирожденную ему жизнь чувства и мысли, онъ вездѣ доказываетъ, что въ душѣ его горитъ та искра чудснаго, которая вложена каждому Творцомъ Неба и Земли!

Китайцы, будучи народомъ исключительно земледѣльческимъ, не отдѣляютъ понятія богатства отъ плодородія земли. Они до мозга костей убѣждены въ томъ, что только тотъ народъ богатъ, у котораго земля плодородна. Этимъ только и объясняется то глубокое уваженіе, которое всеобще у всего китайскаго народа къ труду земледѣльца. Трудъ земледѣльца послѣ занятій науками считается самымъ благороднымъ. Въ земледѣліи только китайскій народъ видитъ главные и основныя устои общественнаго счастья и благополучія. Всѣ китайскіе мыслители, говоря о частныхъ, отдѣльныхъ видахъ богатствъ, единогласно утверждаютъ, что такія частныя богатства возможны и позволительны только тогда, когда каждый человѣкъ изъ народа имѣетъ достаточно для своего пропитанія. „Для чего будетъ служить каменный уголь,—гово-

рять старики-китайцы, приверженцы народной старины, — машины, металлы, если у народа не будет достаточно пропитанія и одежды, доставляемыхъ всѣмъ земледѣльцемъ“. Только земледѣліе составляетъ источникъ народнаго благополучія. Понятно поэтому, что такъ глубоко живеть въ китайскомъ народѣ уваженіе къ труду земледѣльца и что самъ императоръ въ день праздника въ честь Неба проводитъ въ почвѣ ограды храма плугомъ земледѣльческую полосу.

Богиня земледѣлія Ту-ди-гунъ чтится всѣмъ китайскимъ народомъ. Къ празднеству въ честь богини земли примыкаетъ, какъ второстепенное, празднество въ честь бога богатства, занимающаго также весьма почетное мѣсто среди всего человѣчества. Богатство любятъ всѣ, и всѣ стремятся его достигнуть. Въ каждой китайской семьѣ, будетъ ли это земледѣлецъ, ученый, купецъ, чиновникъ, военный, нищій и воръ — одинаково богъ богатства окружается почетомъ, и среди домашнихъ боговъ помѣщается и статуэтка изъ фарфора, глины или бронзы и этого божка — Да-дунца, что въ переводѣ значитъ: „Великое брюхо“. Мечты разбогатѣть такъ доступны и понятны каждому человѣку! Богъ богатства представляется благообразнымъ старикомъ, съ большимъ отвислымъ животомъ, сидящимъ въ креслѣ; въ рукѣ онъ держитъ большой кошель съ деньгами. Въ семействахъ купцовъ богъ богатства пользуется особымъ почетомъ, и въ честь его ежемѣсячно каждое 2-ое и 16-ое число совершаются жертвоприношенія съ возліаніемъ вина, куреньями и сжиганіемъ золотой бумаги. Богатые купцы въ этотъ день приглашаютъ въ себѣ на обѣдъ главныхъ своихъ сотрудниковъ и служащихъ. Воздавая почетъ богу богатства, земледѣлецъ и купецъ одинаково призываютъ благословеніе на свои труды. Въ приморскихъ и прирѣчныхъ мѣстностяхъ Китая въ дни этого праздника готовится даже особое блюдо: вареный рисъ съ устрицами. Блюдо это какъ бы служить выраженіемъ желанія, чтобы богиня земли дала одинаково людямъ и богатства моря, и богатства земли.

Китайскій народъ, чрезвычайно наблюдательный, но не могущій уяснить себѣ социальныхъ явленій общественной жизни, старается объяснять ихъ вмѣшательствомъ божествъ въ дѣла человѣка. Наблюдая крайне неравномѣрное распредѣленіе богатства и благъ земныхъ среди людей, китайскій народъ объясняетъ эту несправедливость такъ. Властелинъ неба послалъ бога богатства на землю и приказалъ распредѣлить между людьми всѣ блага земли поровну, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Исполненію этого повелѣнія воспротивилась жена бога богатства и

убѣдила своего супруга послушаться и не исполнять повелѣннй властелина неба. Если всѣ люди будутъ равно богаты, говорила она, то на землѣ станетъ царство эгоизма, каждый будетъ жить только для себя, и общественная жизнь будетъ невозможна. Богъ богатства убѣдился доводами своей жены и распредѣлилъ богатства неравномѣрно. Отсюда и существуютъ на землѣ богатые и бѣдные. Китайцы, однако, не одобрили поступка жены бога и, почитая ея супруга, почитая другихъ богинь, ее совершенно исключили изъ общаго сонма божествъ, и тѣмъ, быть можетъ, выразили ей порицаніе!

Съ развитіемъ жизни шло развитіе и народнаго мировоззрѣнія и народнаго мышленія. Все болѣе и болѣе охватывалъ умъ народа и его сердце разнообразный, то грозный, то добрый, но непонятный для него по прежнему міръ явленій природы, подавлявшій все существо человѣка своимъ величіемъ. Не имѣя знаній, чтобы объяснить себѣ явленія жизни, и въ то же время съ жадной пытливостью стараясь проникнуть въ окружавшій его таинственный міръ, китайскій народъ создалъ себѣ героевъ-людей, надѣливъ ихъ безсмертіемъ. Такихъ безсмертныхъ благодѣтелей считаетъ для себя китайскій народъ восемь, и всѣ они принадлежатъ къ даосамъ, т.-е. послѣдователямъ ученія объ истинномъ пути, ведущемъ къ безсмертію.

Главный изъ восьми даосовъ—па-сянь—называется *Чжун-ли-цюань*; онъ изображается въ востокѣ ученаго, съ вѣромъ или персикомъ въ рукѣ, но покрытый женскимъ головнымъ уборомъ. Преданія говорятъ, что при рожденіи его совершались чудеса: отъ тѣла его исходилъ необычайный свѣтъ, и онъ началъ говорить на седьмой день. Въ дальнѣйшемъ повѣствуется, что онъ былъ генераломъ и участвовалъ въ войнѣ противъ Тибета, но потерпѣлъ поражение и былъ казненъ. Даосская легенда, однако, не признаетъ этого, а утверждаетъ, что, потерпѣвъ поражение, онъ скрылся въ горы совершенно одинъ. Въ горахъ его встрѣтилъ монахъ-отшельникъ и указалъ путь къ спасенію—дао. Принявъ ученіе монаха, Чжун-ли-цюань достигъ такого совершенства, что взять живой на небо. У даосовъ существуетъ убѣжденіе, что безсмертный спускается иногда съ неба на покинутаю имъ землю и, помахивая своимъ чудеснымъ вѣромъ, возвращаетъ жизнь умершимъ. Существуетъ нѣсколько изображеній этого безсмертнаго съ различными варіаціями. Изображается онъ или ѣдущимъ на ци-линѣ (мифической единорогъ), или стоящимъ на черепахѣ; иногда аистъ несетъ ему палку.

Второй безсмертный, *Хань-сянь-цзы*, покровитель садовни-

ковъ, изображается съ вѣромъ и корзиною персиковъ. Изображается также ѣдущимъ на львѣ или стоящимъ на баснословной рыбѣ ао.

Третій безсмертный, *Цао-го-цзю*, покровитель актеровъ, изображается съ кастаньетами въ рукахъ. Изображается или ѣдущимъ на ци-линѣ, или стоящимъ на рабѣ.

Четвертый безсмертный, *Ли-те-гуай*, покровитель маговъ и чародѣевъ, при жизни былъ великимъ ученымъ и философомъ. Знанія и могущество его были такъ велики, что онъ могъ отдѣлять душу отъ тѣла, и, оставивъ тѣло на землѣ, отправиться въ путешествія. Ли-те-гуай изображается безобразнымъ, хромымъ старикомъ, опирающимся на костыль, а на спинѣ у него прикрѣплена тьевенная горлявка. Изображается онъ ѣдущимъ или на оленѣ, или стоящимъ на крабѣ. Ли-те-гуай при жизни своей былъ здоровымъ, красивымъ и молодымъ; сдѣлался же безобразнымъ старикомъ, благодаря слѣдующему обстоятельству. Однажды онъ отправился къ учителю своему Лао-цзы на небо, оставивъ тѣло свое на землѣ и поручивъ охранять его своему ученику въ теченіе семи сутокъ. Ученикъ его не могъ, однако, выполнить возложенное на него порученіе, такъ какъ былъ отозванъ къ умиравшей матери. Тѣло осталось одно и въ это время по одной версіи было истреблено пожаромъ, а по другой версіи — было съѣдено тигромъ. Когда душа Ли-те-гуай вернулась на землю, то не могла найти своего тѣла. Чтобы имѣть какое-нибудь пребываніе на землѣ, душа вошла въ лежавшій на дорогѣ трупъ умершаго отъ голода калѣки. Вотъ причина, по которой онъ изображается хромымъ и старымъ.

Пятый безсмертный, *Лань-цай-хэ*, покровитель музыкантовъ, изображается съ флейтой въ рукѣ. Народное сказаніе сохранило о немъ много интереснаго, касающагося личныхъ его качествъ. Легенда передаетъ, что Лань-цай-хэ ходилъ въ изорванной рубашкѣ, одну ногу имѣлъ въ сапогѣ, а другую босую. Зимой онъ ложился въ снѣгъ и не простужался, — отъ него шель только паръ. Всѣ, кто зналъ его съ дѣтства, видѣли, что онъ совершенно не старѣетъ и не измѣняется. Жизнь онъ велъ самую безпутную: ходилъ какъ сумасшедшій по рынкамъ, бормоталъ пѣсни, смыслъ которыхъ былъ непонятенъ для большинства. Былъ въ полномъ смыслѣ слова безсребренникъ. Если давали ему денегъ, то онъ носилъ ихъ на веревкѣ. Если веревка обрывалась и деньги падали, то онъ ихъ не поднималъ и даже не смотрѣлъ на нихъ. Если же онъ оставались цѣлы, то онъ раздавалъ ихъ бѣднымъ и пропивалъ. Однажды, когда онъ пировалъ на бал-

конѣ трактира, послышался звукъ флейтъ и кларнетовъ. Лань-пай-хэ сошелъ внизъ, сѣлъ на анста и поднялся съ нимъ на воздухъ, бросивъ съ себя на землю башмакъ, поясъ и рубашку. Изображается онъ вѣдущимъ на ци-линѣ или стоящимъ на рыбѣ. Есть преданіа, что Лань-пай-хэ была женщина, а не мужчина.

Шестой бессмертный, *Люй-дунь-бинь*—покровитель врачей и цирюльниковъ. При жизни своей онъ отличался своею ученостію. Жилъ онъ удалившись въ пещеру, въ которой занимался самоуглубленіемъ и созерцаніемъ. Здѣсь написалъ онъ нѣсколько книгъ. Въ пещерѣ посѣтилъ Люй-дунь-биня глава духовъ, Чжунъ-ли, и вручилъ мыслителю саблю, которой ничто человѣческое не могло сопротивляться. Тогда Люй-дунь-бинь вышелъ изъ своей пещеры и, владѣя чудесною саблей, освободилъ Китай отъ демоновъ и свирѣпыхъ чудовищъ, опустошавшихъ страну. Изображается этотъ бессмертный вѣдущимъ на ци-линѣ или стоящимъ на улиткѣ.

Седьмой бессмертный, *Чжанъ-го-лао*, покровитель стилистики и красиваго письма, изображается имѣющимъ вазу для кистей. Онъ вѣдетъ на ослѣ или стоитъ на драконѣ. Оселъ Чжан-го-лао отличался, по сказаніямъ, необычайной быстротой бѣга и способностью превращаться въ такого крохотнаго, что бессмертный свободно помѣщалъ осла въ свою маленькую вазу. Когда же наступало время отправляться въ путешествіе, то Чжан-го-лао бралъ нѣсколько капель воды и брызгалъ ими на ослива, который принималъ тогда свой настоящій видъ.

Восьмая бессмертная, *женщина Хэ-сянь-гунь* (*янь*), считается покровительницей женщинъ, женскаго труда и домашнихъ женскихъ работъ. О ней китайскія легенды рассказываютъ слѣдующее: когда ей было 15 лѣтъ отъ роду, то ей во снѣ явилось божественное существо, которое и предсказало ей бессмертіе. Подъ влияніемъ этого сна Хэ-сянь-гунь посвятила себя религиозной жизни и созерцанію. Она имѣла способность никогда не ѣсть и обладала быстротою движенія, равною быстротѣ движенія свѣта. Свой даръ она примѣняла на то, чтобы доставать самые необыкновенные плоды для своей больной матери. Наконецъ она оставила землю, поднявшись среди дня на бѣломъ облакѣ на небо. Бессмертная все-же часто посѣщаетъ землю, спускаясь на облакахъ.

Принадлежности этихъ восьми бессмертныхъ часто изображаются китайцами-художниками на картинахъ, на лаковыхъ вещахъ, на вышивкахъ, на фарфоровыхъ чашкахъ и проч. Жизнь предъавляла китайскому народу все новыя и новыя требованія,

на которыя онъ отвѣчалъ, создавая новыхъ безсмертныхъ. Такими явились въ послѣдствіи Ма-ванъ, покровитель лошадей, и особенно Гуан-ди, славимый во всемъ Китаѣ. Гуан-ди—личность историческая и жилъ въ эпоху троецарствія въ Китаѣ, т.-е: 220—263 г. по Р. Х. Китайскія лѣтописи рассказываютъ о немъ слѣдующее. Когда весь Китай раздирали междоусобія и войны и власть китайскаго императора становилась шаткой, явился нѣкій Чангъ, который поднялъ самое опасное возстаніе противъ императора, разглашая, что ему только свыше дана власть возстановить въ странѣ миръ и благополучіе. Измученный и разоренный народъ призналъ въ немъ своего спасителя и слѣпо за нимъ послѣдовалъ. Движеніе охватило всю страну; послѣдователи Чанга стали носить вокругъ головы желтыя повязки и въ отрядахъ своихъ употреблять желтыя знамена. Во всей странѣ китайскому императору осталась вѣрной только одна провинція Чили. Губернаторъ этой провинціи обратился къ народу съ воззваніемъ, приглашая идти всѣхъ на защиту императора. Воззваніе это подняло весь народъ, и къ губернатору явился Гуанъ-Юй, громаднаго роста, до девяти футъ, съ длинной черной бородой, бронзовымъ цвѣтомъ лица; глаза его блестяли какъ у краснаго феникса, а брови были вытянуты какъ два шелковичныхъ червя. Такъ описываютъ лѣтописи наружность будущаго бога войны. Лѣтописи говорятъ, что до воззванія онъ занимался продажей вареныхъ бобовъ. Принятый губернаторомъ Гуанъ-Юй образовалъ союзъ съ двумя своими братьями, которые поклялись передъ Небомъ и Землей организовать борьбу для защиты имперіи. Къ братьямъ шелъ со всѣхъ сторонъ народъ, и скоро составилось громадное народное ополченіе. Гуанъ-юй выступилъ противъ Чанга, и послѣдній былъ первый разъ въ битвѣ разбитъ. Военное счастье окончательно перешло на сторону Гуан-Юй. Войско его все увеличивалось въ числѣ, мятежники терпѣли пораженія и одинъ городъ за другимъ переходили въ его руки. Но Чангъ еще не сдавался и далъ рѣшительную битву. Гуан-Юй, подкрѣпленный императорскими войсками, подъ начальствомъ знаменитаго генерала въ китайской исторіи, Цзао-Цзао, разбилъ Чанга въ этой битвѣ, и самъ онъ палъ. Страна стала умиротворяться; Гуанъ-Юй быстро возвышался, но возбудилъ въ себѣ зависть въ генералѣ Цзао-Цзао, который задумалъ отложиться отъ императора и захватилъ въ плѣнъ хитростью Гуан-Юй. Начались снова по всей странѣ мятежи и возстанія. Но Гуан-Юй, оставаясь по прежнему вѣрнымъ и преданнымъ императору, успѣлъ бѣжать изъ плѣна и снова началъ энергичную борьбу съ

мятежниками. Счастье ему, однако, на этотъ разъ измѣнилось. Онъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Гуан-Юй было въ это время 58 лѣтъ, и послѣднія десять лѣтъ его жизни прошли въ непрерывной войнѣ за императора, которому онъ оставался неизмѣнно вѣренъ. За свою вѣрность память его пользовалась у всѣхъ китайскихъ императоровъ громаднымъ почетомъ, а среди народа онъ сталъ славиться какъ защитникъ правды, другъ ученыхъ и покровитель торговли. Впослѣдствіи въ лицѣ Гуан-Юй олицетворяли довѣріе и честь. Онъ признанъ безсмертнымъ покровителемъ войска, какъ богъ войны, въ 1594 г. по Р. Х., по слѣдующему поводу. Нурхациханъ, основатель нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи, еще до завоеванія Китая отправилъ въ Пекинъ посольство къ китайскому императору—просить, чтобы императоръ прислалъ ему изображеніе какого-нибудь бога. Китайскій императоръ послалъ Нурхацихану изображеніе Гуан-Юй. Въ лицѣ присланнаго изображенія Нурхаци усмотрѣлъ сходство съ лицомъ своего отца и призналъ божествомъ, присоединивъ вмѣсто имени „Юй“ слово „ди“, что значитъ: божество, властелинъ. Съ завоеваніемъ Китая манчжурами, Гуан-ди сталъ считаться покровителемъ всего сѣвернаго Китая и патрономъ царствующей династіи. День рожденія Гуан-ди торжественно празднуется 24-го дня шестой луны, т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ. Уваженіе къ личности Гуан-ди такъ велико, что ни одинъ китаецъ не осмѣливается громко произнести его имя, равно какъ имя Конфуція, чтобы не оскорбить ихъ память звукомъ своего голоса. Когда нужно назвать имя Конфуція, то китайцы говорятъ или „Великій учитель“, или просто „Онъ“, а когда нужно назвать Гуан-ди, то говорятъ „лао-е“, т. е. господинъ, властелинъ.—Съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни явилось необходимымъ отмѣтить счастье, чины и долготѣіе. Явилось поэтому новое божество—Фу-лу-шоу. Фу представляется молодымъ человѣкомъ съ ребенкомъ; Лу представляетъ собою мандарина, а Шоу—старика съ большой головой и продолговатымъ черепомъ. Принадлежностями Шоу являются персикъ, вѣеръ, книга, трость, тыквенная горлянка, а иногда присоединяются еще аясть, черепаха и вмѣя. Все это служитъ у китайцевъ символомъ долготѣіи. Очень часто старца Шоу изображаютъ вмѣстѣ съ оленемъ и летучей мышью.

Всѣ народныя празднества китайцевъ соединены всегда съ какимъ-либо преданіемъ, мѣомъ или воспоминаніемъ о какой-либо легендарной личности. Въ числѣ наиболѣе распространенныхъ празднествъ находится праздникъ Дравоновой лодки—

Дуань-у, совершаемый 5-го числа пятой луны (въ маѣ мѣсяцѣ). Этотъ праздникъ особенно распространенъ въ южныхъ провинціяхъ Китая, и объясняютъ его происхожденіе ученые китайцы слѣдующимъ образомъ. Въ 299 году до Р. Хр. знаменитый поэтъ Цзюэ-пинъ бросился въ рѣку И-ло-цзянь съ камнемъ на шеѣ и утонулъ. Населеніе области, въ которой онъ жилъ, сильно горевало о потерѣ любимаго поэта и, свято храня его память, стало приносить жертвы своему погибшему любимцу, бросая въ рѣку трубочки бамбука, наполненные варенымъ рисомъ и обвитыя разноцвѣтными шелками, чтобы предохранить рисъ отъ похищенія его рыбами. Мало-по-малу это мѣстное чествованіе памяти поэта распространилось по сосѣднимъ областямъ и сдѣлалось народнымъ праздникомъ, во время котораго совершаются гонки на разукрашенныхъ лодкахъ. Въ Пекинѣ пѣтъ этого праздника, но время съ 1-го и по 5-ое число мая посвящено празднованію пяти ядовитыхъ пресмыкающихся „у-ду-жи“. По народному вѣрованію, въ эти дни бродятъ по землѣ ядовитыя пресмыкающіяся, злые духи и вообще всякая нечисть. Ядовитыя пресмыкающіяся—змѣя, ящерица, жаба, скорпионъ и стоножка. О змѣяхъ и ящерицахъ существуетъ у разныхъ народовъ и до сего дня много повѣрій. Камчадалы считаютъ ящерицъ за развѣдчиковъ, которыхъ посылаютъ подземный владыка на землю, чтобы они извѣстили его, какому человѣку настало время умереть. На основаніи этого повѣрья камчадалъ убиваетъ ящерицу, какъ только увидитъ ее. Латыши въ лифляндской губерніи глубоко убѣждены, что ящерица оживляетъ убитыхъ змѣй. Китайцы вѣрятъ, что жаба обладаетъ способностью дыханіемъ своимъ высасывать силу человѣка. Стоножки китайцы страшно боятся, такъ какъ убѣждены, что она можетъ сонному человѣку влѣзть въ ухо, пройти въ мозгъ и, поселясь въ немъ, будетъ питаться мозгомъ человѣка. Змѣя также, по ихъ убѣжденію, можетъ вползти въ ротъ человѣка и животныхъ и жить въ желудкѣ. Чтобы предохранить себя отъ всего этого зла, въ каждомъ китайскомъ домѣ вѣшаются тѣ благодѣтельныя для здоровья человѣка растенія, о которыхъ уже было говорено, а затѣмъ на дверяхъ написываютъ заклинанія и изображенія Чжун-Гуя и Тянь-ши (небесный учитель). Чжун-Гуй изображается въ видѣ старика съ краснымъ отъ гнѣва лицомъ и приподнятой ногой. Принадлежностью его служатъ мечъ и летучая мышь, которую онъ гонитъ въ домъ. Летучая мышь—символь счастья, причемъ здѣсь подтверждается еще разъ любовь китайцевъ—отвлеченныя понятія запечатлѣвать на видимыхъ предметахъ. Фу—летучая мышь, и фу—счастье. О личности Чжун-Гуя

китайскія преданія говорятъ, что жилъ онъ во времена Танской династїи, между 618—907 г.; наружность имѣлъ крайне безобразную, былъ ученымъ и добивался получить ученую степень, но не былъ удостоенъ ея полученія и умеръ, разгнѣванный этимъ. Китайцы глубоко вѣрятъ, что Чжун-Гуй поѣдаетъ злыхъ духовъ.

Тянь-ши назывался первоначально Чжанъ-дао-линь и, по китайскимъ преданіямъ, родился въ 34 году по Р. Хр. Онъ славился огромною ученостью и познаніями силъ природы. Когда ему было болѣе 60 лѣтъ отъ роду, онъ изобрѣлъ большую „драконово-тигровую пилюлю“, принявъ которую—помолодѣлъ сразу на 30 лѣтъ. Изображается Тянь-ши всегда съ слѣдующими принадлежностями: мечъ съ семью звѣздами; коробочка, испаренія изъ которой уничтожаютъ злыхъ духовъ; книги, печать, бѣлый левъ и лазоревый драконъ. Всѣ эти вещи имѣютъ значеніе для объясненія дѣятельности Тянь-ши, который совершилъ на землѣ рядъ подвиговъ на пользу человѣчества. Такъ, въ одномъ мѣстѣ бѣлый тигръ любилъ пить человѣческую кровь, и населеніе вынуждено было разъ въ году убивать для тигра человѣка изъ своей среды. Тянь-ши наложилъ запрещеніе на тигра и освободилъ населеніе. Въ другой мѣстности жилъ громадный драконъ, который своимъ дыханіемъ отравлялъ всѣхъ проходящихъ мимо. Тянь-ши наложилъ запрещеніе и на дракона. Тянь-ши является главнымъ учителемъ даосовъ. Въ описаніи жизни Тянь-ши они рассказываютъ, что основатель даосіама, Лао-цзы, прислалъ въ 142 году Тянь-ши книги, два меча и печать. Изъ книгъ и при помощи мечей онъ и научился укрощать злыхъ духовъ. Подъ конецъ своей жизни Тянь-ши избралъ для постоянного своего мѣстопробыванія горы Лун-ху-шань (горы дракона и тигра). Здѣсь, на 123 году своей жизни, выпивъ изобрѣтенный имъ эликсиръ безсмертія, онъ вознесся на небо. Даосскія легенды прибавляютъ, что титулъ Тянь-ши, вмѣсто своего человѣческаго имени, Чжонъ-дао-линь получилъ отъ самого властелина неба. Знанія свои, всѣ свои изобрѣтенія и секреты, тайны приготовленія чудесныхъ пилюль и эликсировъ безсмертія Тянь-ши передалъ своему сыну. Сыну же передалъ мечъ и печать, столь страшные для нечистой силы, и приказалъ ему сохранять эти вещи въ своемъ потомствѣ.

Потомки Тянь-ши поселились на горахъ Лунъ-ху-шань и стали верховными главами даосской іерархіи; за ея жрецами китайскій народъ признаетъ и до сего дня особое знаніе всякаго волшебства и цѣлебныхъ средствъ, а также особое умѣнье входить въ сношенія съ духами. Вотъ почему даосскіе жрецы поль-

зуются большимъ почетомъ и значеніемъ среди китайцевъ буддистовъ и конфуціанъ. Права потомковъ Тянь-ши на гору Лунь-ху-шань были впоследствии подтверждены императорскимъ декретомъ въ 749 г. по Р. Хр. Званіе Тянь-ши осталось въ потомствѣ и стало переходить преемственно въ одному изъ членовъ фамиліи Чжан-дао-линь. Получившій званіе „Тянь-ши“ изъ членовъ рода воплощаетъ въ себѣ, какъ убѣждены всѣ даосы, и душу своего предка. Можно встрѣтить на дверяхъ китайскихъ жилищъ изображеніе только атрибутовъ Тянь-ши, но его самого нѣтъ.

По возрѣніямъ китайцевъ тигръ является царемъ животныхъ, такъ какъ льва китайцы мало знаютъ. Тигръ считается животнымъ благороднымъ: онъ не нападаетъ первымъ на человѣка, если только человѣкъ не намѣревается убить тигра. Тигръ, будучи голоднымъ, не ѣстъ пьянаго человѣка, а ожидаетъ его вытрезвленія. Тигръ—страшно долголѣтнее животное: черезъ пятьсотъ лѣтъ вся его шерсть становится бѣлой, а черезъ тысячу лѣтъ у тигра вырастаютъ рога. Самое названіе по-китайски льва словомъ „ши“ многіе считаютъ заимствованнымъ съ персидскаго имени этого животнаго—„ширъ“. Во время этихъ праздничныхъ дней родственники и друзья посѣщаютъ другъ друга съ поздравленіями, а также посылаютъ другъ другу подарки, состоящіе изъ вина, плодовъ, различныхъ съѣстныхъ блюдъ, посвященныхъ празднику, изъ которыхъ главное мѣсто занимаютъ небольшіе треугольники изъ густо свареннаго риса съ сахарнымъ тростникомъ. Это, быть можетъ, составляетъ остатокъ драконоваго праздника.

В. В. КОРСАКОВЪ.

Пекинъ.

ФИНАНСОВЫЕ УСЦѢХИ ИТАЛІИ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

По пути изъ Франціи въ Италію, въ концѣ августа настоящаго года, мнѣ хотѣлось на границѣ, въ „Ventimiglia“, размѣнять французское золото на итальянскія бумажныя лиры. Лира и франкъ номинально равноцѣнны. Мнѣ предложили у мѣстныхъ желѣзно-дорожнаго вокзала за сто франковъ золотомъ всего сто лиръ и тридцать сантимовъ. Я отказался, увѣренный, что далѣе найду болѣе выгодныя условія. На другой день, въ Генуѣ, гдѣ ночевалъ, вынужденный застаться мѣстными деньгами, я получилъ всего сто лиръ и пятнадцать сантимовъ за сто франковъ золотомъ. Привыкшій, въ чуть не ежегодныя мои посѣщенія Италіи, получать гораздо болѣе, какъ, напримѣръ, въ сентябрѣ прошлаго года, почти шесть процентовъ приплаты при промѣнѣ золота на бумажныя итальянскія деньги, я очень заинтересовался такимъ высокимъ ихъ курсомъ. Съ помощью многихъ старыхъ знакомыхъ, встрѣченныхъ въ „Viareggio“, гдѣ я поселился, мнѣ удалось собрать необходимыя свѣдѣнія и кое-какіе документы. Надѣюсь, результатъ моего, пожалуй, поверхностнаго изслѣдованія будетъ интересенъ для русскаго читателя ¹⁾.

Въ истекшее десятилѣтіе итальянскія рента и другія бумаж-

¹⁾ Объ этомъ же предметѣ была помѣщена недавно въ „Вѣстникѣ Европы“ (августъ, 1902) статья Г. Э. Франкенштейна: „Экономическое пробужденіе Италіи“.

ныя цѣнности покупались на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ все въ болѣе увеличивающемся размѣрѣ самой Италіей, то-есть итальянскими сбереженіями. Въ биржевыхъ сферахъ говорятъ, что за десять лѣтъ такихъ бумагъ было переведено въ Италію на сумму около *четырехъ миллиардовъ франковъ*. Точное опредѣленіе такой цифры, разумѣется, было бы интересно; но врядъ ли оно имѣетъ существенное значеніе въ данномъ случаѣ, при разсмотрѣніи факта повышенія курса бумажныхъ итальянскихъ денегъ. Важно положеніе итальянской ренты на заграничномъ денежномъ рынкѣ и сколько-нибудь значительная ея покупка Италіей, такъ какъ послѣдняя находится въ тѣсной связи съ курсомъ итальянскихъ денегъ. Очевидно, что итальянецъ—лицо или учрежденіе—для покупки за границей билета ренты или какой-либо вещи можетъ употребить только тѣ деньги, какими пользуется, т.-е. бумажныя, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онѣ цѣнятся за границей, т.-е. по курсу ихъ. Какъ курсъ всякихъ денегъ, даже металлическихъ, такъ и цѣнность самыхъ вѣрныхъ бумагъ, подвергаются на денежномъ рынкѣ мелкимъ колебаніямъ, вслѣдствіе отношенія между спросомъ и предложеніемъ, измѣняющагося чуть не ежедневно въ ничтожныхъ размѣрахъ. Важны не дробныя измѣненія въ ту или другую сторону, а коренная, такъ сказать, цифра оцѣнки. Перечислять всѣ итальянскія бумаги, обращающіяся на иностранныхъ биржахъ, значило бы скорѣе затемнять общій вопросъ кредита страны, такъ какъ не всѣ бумаги имѣютъ одинаковыя основанія доходности; притомъ, пришлось бы имѣть дѣло съ порядочнымъ количествомъ разнородныхъ цѣнностей;—потому ограничусь итальянской пятипроцентной рентой и только на одной парижской биржѣ, очень заинтересованной въ иностранныхъ, не-французскихъ бумажныхъ цѣностяхъ. Кстати, недавно въ итальянскихъ специальныхъ газетахъ было опубликовано, что во Франціи нынѣ помѣщено такихъ цѣнностей всего на тридцать миллиардовъ франковъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: русскихъ—на 9.966 милліоновъ, испанскихъ—на 2.974 милл., австрійскихъ—на 2.850 милл., итальянскихъ—на 1.430 милл., и остальное падаетъ чуть не на всѣ государства въ мірѣ, въ гораздо меньшемъ размѣрѣ на каждое. Чтобы доказать связь итальянской ренты съ курсомъ итальянскихъ же бумажныхъ денегъ, возьмемъ цѣну этой ренты въ такой-то день въ Парижѣ и въ Италіи; а также и курсъ того дня. Беру 6 (19) сентября, на которомъ я остановился, дѣлая подсчеты. Въ этотъ день на парижской биржѣ рента котировалась 102—80; а на внутреннихъ итальянскихъ—

103—20. Курсъ же значился 35—40 саянт. Разница въ цѣнѣ ренты почти математически-очевидно зависитъ отъ цѣны денегъ, посредствомъ которыхъ эта рента покупается. Мѣнялы, производящіе свои операціи съ мелкими суммами, руководствуются биржевымъ бюллетенемъ, но измѣняютъ его въ ту или другую сторону согласно тому, что выгоднѣе для нихъ: увеличить или уменьшить существующій курсъ. Вполнѣ понятно, что и мелкій размѣнъ—услуга, имѣющая право на вознагражденіе, которое при существующей конкуренціи преувеличеннымъ быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ, колеблющійся около $\frac{1}{3}\%$, можно признать достигшимъ равноцѣнности металлической валюты.

Итальянская рента номинально пяти-процентная; въ дѣйствительности же она даетъ только четыре процента дохода владѣльцу ея. Уже давно итальянское правительство обложило свою ренту двадцати-процентнымъ налогомъ; а 20% съ пяти оставляетъ владѣльцу ренты только четыре. При этомъ надо еще считаться съ курсомъ. Первоначально итальянское правительство, помѣстивъ свою ренту, преимущественно, на парижскомъ денежномъ рынкѣ, обязалось уплачивать проценты по ней, внѣ Италіи, франками, т.-е. золотомъ, а внутри ея—существующими въ государствѣ деньгами. Корреспонденты итальянскаго правительства за границей уплачивали и уплачиваютъ проценты золотомъ только по представленіи самихъ билетовъ и удостовѣренія (affidavit), что эти билеты принадлежатъ лицу, живущему за границей. Въ самой Италіи процентные купоны ренты уплачиваются мѣстными бумажными деньгами безъ всякихъ затрудненій. Казалось бы, что одинъ только способъ уплаты процентовъ въ дѣйствительности четырехъ-процентной итальянской ренты не долженъ былъ способствовать ея возврату въ отечество. Во всякомъ же случаѣ такой возвратъ не долженъ былъ содѣйствовать повышенію курса итальянскихъ бумажныхъ денегъ. Однако, мы видимъ параллельно идущими оба явленія. Къ слову сказать, наша русская четырехъ-процентная рента котируется на биржахъ гораздо ниже итальянской и врядъ-ли можно желать повышенія ея цѣнности. Теперь ея сравнительно высокая доходность привлекаетъ покупателя; съ уменьшеніемъ же таковой, при малѣйшихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, можетъ послѣдовать массовое ея предложеніе на денежномъ рынкѣ, что неминуемо поведетъ къ неприятнымъ финансовымъ осложненіямъ.

Еще прошлой зимой итальянскіе сенатъ и палата депутатовъ разрѣшили министерству произвести конверсію желѣзно-

дорожныхъ облигацій на сто-шестьдесятъ миллионѣвъ лиръ. Министерство оффициально еще не приступило къ этой конверсіи, и условія выпуска новыхъ трехъ-съ половиной-процентныхъ облигацій оффициально также еще неизвѣстны; однако биржевая спекуляція занялась этой несуществующей бумагой и сдѣлки съ нею все увеличивались и увеличиваются. Теперь цѣна ихъ колеблется около 97. Хотя всюду принято говорить и писать противъ биржевой спекуляціи, а также требовать ея обузданія всякими мѣрами, но такое обобщеніе врядъ ли вѣрно и справедливо. Несомнѣнно, биржевая игра, основанная на фальшивыхъ свѣдѣніяхъ, которыми привлекается и увлекается легковѣрная публика, — вредна, но это — обманъ, такъ или иначе всюду предусмотрѣнный, преслѣдуемый и наказуемый уголовнымъ порядкомъ ¹⁾. Спекуляція же, основанная на правильномъ расчетѣ выгоды того или другого задуманнаго предпріятія, или выпуска бумажныхъ цѣнностей, — скорѣе полезна. Это своего рода авангардъ, разъясняющій и расчищающій путь для арміи лицъ, ищущихъ помѣщенія для своихъ сбереженій. Чѣмъ многочисленнѣе эта армія, тѣмъ важнѣе роль ея авангарда. Въ биржевыхъ кругахъ Парижа и Италіи много высказываютъ положительнаго, а то и предположеннаго о томъ содѣйствіи, которое оказываетъ итальянское правительство выгоды предположенной конверсіи. Очень можетъ быть и даже весьма вѣроятно, что итальянское правительство сдѣлало и дѣлаетъ все ему доступное для улучшенія условій предпринимаемой имъ финансовой операціи; но оно бессильно создать основаніе этихъ условій. Несомнѣнно, для всякой финансовой операціи, какъ правительственной, такъ и частной, требуются спеціальныя знанія и умѣнье ими пользоваться, но въ тѣсныхъ предѣлахъ той почвы, на которой эти знанія и это умѣнье должны примѣняться. Нивакой, самый искусный финансистъ не создаетъ такой почвы, а только болѣе или менѣе успѣшно пользуется той, на которой проявляетъ свою дѣятельность. Не министерство Занарделли уничтожило курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ и повысило ренту; курсъ понемногу таялъ, а рента постепенно повышалась давно. Вмѣшательство правительства въ искусственное направленіе обоихъ явленій должно быть крайне

¹⁾ Статья 413 итальянскаго уголовного кодекса гласитъ: „Кто невѣрными или искусственными способами, могущими обмануть или ввести въ заблужденіе чужое убѣжденіе (buona fede), и тѣмъ вводя кого-либо въ невѣрное понятіе, доставляетъ себѣ или другимъ несправедливый барышъ, причиняющій другому убытокъ, наказуется тюремнымъ заключеніемъ до трехъ лѣтъ и пеней выше ста лиръ“. При дальѣ помѣнованныхъ обстоятельствахъ заключеніе можетъ быть увеличено до пяти лѣтъ.

осторожное; иначе оно можетъ нарушить естественное дальнѣйшее развитіе естественнаго ихъ положенія. Всякая искусственность, вносимая въ экономически-финансовыя отношенія, рѣдко бываетъ прочна. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ предположенная конверсія настолько выгодна для правительственныхъ финансовъ, что успѣхъ ея долженъ благотворно подѣйствовать и на общія финансовыя сношенія Италіи, и тѣмъ—на дальнѣйшее ея экономическое развитіе.

Всѣ первоклассныя европейскія государства нынѣ болѣе или менѣе изнываютъ подъ тяжестью непосильнаго обложенія для удовлетворенія ихъ политическихъ потребностей—Италія, пожалуй, болѣе другихъ. Переставъ быть только географическимъ выраженіемъ, ей пришлось потратиться, чтобы быть утвержденной въ чинѣ первоклассной державы,—а затѣмъ и продолжать значительные расходы, чтобы сохранить достигнутое положеніе. Въ общемъ, экономическая жизнь населенія въ главныхъ европейскихъ государствахъ стала трудною. Безспорно настоящій, небывалый прогрессъ техники всякаго рода облегчаетъ, или, скорѣе, можетъ облегчать тягость этой жизни, но подъ условіемъ, чтобы этотъ прогрессъ былъ легко и свободно доступенъ для всякаго. Только одинъ частный и общественный починъ, не встрѣчающій ни малѣйшаго затрудненія или препятствія къ полному проявленію своей дѣятельности, можетъ улучшить частную и общественную жизнь, а при такомъ улучшеніи тягость правительственнаго обложенія становится, разумѣется, легче. Несомнѣнно, всякое сокращеніе правительственныхъ расходовъ, уменьшая стягиваніе средствъ страны въ правительственныя кассы и оставляя ихъ больше для свободнаго ея пользованія, облегчаетъ ходъ ея экономическаго развитія; но не всегда это возможно. Во всякомъ случаѣ, увеличеніе такого стягиванія также невозможно въ Италіи, гдѣ общественное мнѣніе имѣетъ, такъ сказать, оффиціальныи авторитетъ. Итальянское правительство не можетъ постоянно искусственно поддерживать какъ курсъ своихъ бумажныхъ денегъ, такъ и высокую стоимость своей ренты, такъ какъ обѣ эти операціи потребовали бы значительныхъ средствъ, а слѣдовательно и расходовъ, скрыть которые—немыслимо. Въ Италіи есть парламентъ, а въ немъ оппозиція, которая зорко слѣдитъ за дѣятельностью находящагося во власти министерства. Я упоминалъ о вѣроятности расходовъ при предположенной конверсіи, но всякая такая операція всегда связывается расходами въ томъ или другомъ видѣ. Другое дѣло—постоянное, весьма рискованное вмѣшательство въ частныя сдѣлки съ

рентой, или деньгами, хотя бы съ благонамѣренной цѣлью. Та-кую операцію скрыть невозможно; да ея и не было въ продолже-ніе времени, предшествовавшаго упомянутой конверсіи. Слѣдо-вательно, надо признать, что повышение стоимости итальянской ренты, а также постепенное улучшение курса итальянскихъ бу-мажныхъ денегъ, шло естественнымъ путемъ. Въ такомъ случаѣ эти явленія представляютъ собою весьма убѣдительно доказательство, что Италія, какъ страна, приобрѣла самостоятельную кредитоспособность помимо своего правительства, бюджетъ кото-раго блестящимъ уже никакъ названъ быть не можетъ. Поста-раемся выяснить, насколько возможно, есть ли у Италіи прочное основаніе для такой кредитоспособности:

Обыкновенно принято выводить заключеніе объ экономиче-скомъ положеніи данной страны на основаніи торговаго ея ба-ланса. Мнѣ кажется, что денежные знаки—только способъ обмѣна всякихъ произведеній, имѣющій незначительное вліяніе на самый обмѣнъ, и потому не отъ ихъ количества преимущественно за-виситъ благосостояніе большинства населенія всякой страны. Если мнѣ невозможно получить за мой трудъ или за мои произведенія достаточно для моей жизни,—какое мнѣ утѣшеніе, что у сосѣда въ столѣ заперты мѣшки съ золотомъ, имѣющимъ всюду одина-ковую цѣнность? Впрочемъ, мои экономическія воззрѣнія ни для кого не интересны; притомъ, въ данномъ случаѣ, торговый ба-лансъ имѣетъ бесспорно значеніе. Мы говоримъ о покупкахъ Италіи за границей своей ренты въ связи съ ея же бумажнымъ денежнымъ обращеніемъ. Дома, у себя, Италія за все получаетъ бумажныя деньги; покупая же что-либо за границей—будь это рента или что другое, она для этого должна сначала обратить свои деньги въ такія, которыя имѣютъ всюду одинаковую цѣн-ность, т.-е. золото. Донскиваясь, откуда Италія черпаетъ свои средства для заграничныхъ покупокъ своей ренты, мы видимъ, что торговый балансъ приобрѣтаетъ серьезное значеніе именно потому, что, несмотря на такія покупки, итальянскія бумажныя деньги не только не понижаются въ своей цѣнѣ, но повышаются. Вотъ торговый балансъ Италіи за послѣдніе три года, т.-е. 1899, 1900 и 1901, въ итальянскихъ лирахъ. Къ слову ска-зать, — для бѣдшей достовѣрности, я его добылъ изъ итальянскаго министерства финансовъ.

	Ввозъ.	Вывозъ.	Превышеніе ввоза надъ вывозомъ.
1899 г. . . .	1.512.090.888	1.447.262.298	64.828.590
1900 г. . . .	1.707.480.065	1.354.799.753	352.680.312
1901 г. . . .	1.729.364.408	1.390.844.096	338.470.312

Торговый балансъ состоитъ изъ семнадцати категорій (такъ онѣ названы), и было бы очень интересно разобрать каждую изъ нихъ, но это вышло бы за предѣлы настоящей статьи; а потому остановлюсь только на послѣдней, семнадцатой — драгоценные металлы (*metalli preziosi*); эта категорія обыкновенно не помещается въ правительственныхъ публикаціяхъ торговаго баланса, а приводится отдѣльной статьей, и потому заслуживаетъ вниманія. Вотъ она:

	Ввозъ.	Вывозъ.	Превышеніе ввоза надъ вывозомъ.
1899 г.	5.529.700	15.845.900	10.316.200 лиръ ит.
1900 г.	7.244.400	16 553.500	9.309.100
1901 г.	11.758.700	16.369.200	4.616.500

Значительное повышеніе ввоза и уменьшеніе вывоза въ 1900 г., сравнительно съ предъидущимъ 1899 г., увеличило превышеніе перваго надъ вторымъ болѣе чѣмъ въ пять разъ. Эта цифра поражаетъ своей величиной, и она должна была имѣть подавляющее вліяніе на курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ, какъ въ 1900 г., такъ и въ слѣдующемъ 1901 г., въ которомъ торговый балансъ весьма незначительно поправился въ пользу Италіи. Курсъ, однако, въ это время ничего особеннаго собою не представлялъ, и, какъ я уже говорилъ, въ сентябрѣ прошлаго 1901 года онъ не превышалъ шести процентовъ, что крайне тяжкимъ уже никакъ назвать нельзя. Въ то же время покупка Италіей своей ренты за границей нисколько не останавливалась, а цѣна ренты росла постепенно. Не принимая въ расчетъ тѣхъ денегъ, которыя Италія посылала за границу для покупки своей ренты, остановимся только на торговомъ балансѣ. Несомнѣнно, что если Италія не могла покрыть покупаемыя ею за границей необходимыя ей произведенія своими, за границу продаваемыми, то разницу она должна уплатить деньгами, имѣющими тамъ безпрепятственный ходъ и опредѣленную, постоянную стоимость, а такъ какъ у нея такихъ не имѣлось въ общемъ обращеніи, то—своими бумажными деньгами по ихъ курсу за границей. Болѣе трехсотъ милліоновъ въ годъ—сумма далеко не маловажная. Откуда же Италія брала или могла брать средства для такой расплаты? Вопросъ очень интересный. Постараемся его разяснить, насколько это возможно въ бѣгломъ очеркѣ.

Принято указывать, что масса иностранцевъ, посѣщающихъ Италію, тратятъ въ ней привозимыя ими деньги, что, въ общей сложности, составляя изрядную сумму, даетъ странѣ значи-

тельную выгоду въ ея международномъ денежномъ обращеніи. Дѣйствительно, благодаря удешевленнымъ, такъ называемымъ циркулярнымъ, желѣзнодорожнымъ билетамъ (*billet circulaire*), а также удешевленію жизни въ гостиницахъ, благодаря конкуренціи между ними, количество путешественниковъ по Италіи изъ года въ годъ увеличивается. Несомнѣнно, расходы туристовъ представляютъ собою своего рода внутренней сбытъ мѣстныхъ произведеній иностраннымъ государствамъ въ лицѣ ихъ пріѣзжихъ представителей. Несомнѣнно также, что нѣкоторая часть населенія итальянскихъ городовъ, преимущественно привлекающихъ путешественниковъ, живетъ и, пожалуй, благоденствуетъ отъ ихъ расходовъ, но такіе, какъ, напримѣръ, Генуя, Миланъ, Туринъ, да и многіе другіе—въ своемъ значительномъ наглядномъ ростѣ обязаны уже никакъ не туристамъ, а преимущественно, и даже исключительно, развитію въ нихъ промышленности и торговли. Во Франціи и въ самомъ Марселѣ, гдѣ и былъ прежде Италіи, я только слышала жалобы, что конкуренція Генуи постепенно и все болѣе убиваетъ торговую дѣятельность главнаго порта на югѣ Франціи, т.-е. Марселя. Наконецъ, посѣщеніе туристами Италіи существовало издавна. Нашъ великій Гоголь провелъ не одну зиму въ Римѣ, и не онъ одинъ. Отчасти Италія, т.-е. нѣкоторые излюбленные въ ней города, давно жили на счетъ иностранцевъ (*forestieri*); но прежде иностранцы жили подолгу въ Италіи, теперь же значительное ихъ большинство только проѣзжаетъ по ней. Несомнѣнно, путешествіе по Италіи демократизировалось, и количество путешественниковъ по ней значительно возросло и растетъ, но количество денегъ, оставляемыхъ ими въ странѣ, врядъ-ли значительно превышаетъ то, что проживали въ ней прежніе осѣдлые посѣтители. Безспорно, деньги туристовъ играютъ видную роль въ международномъ денежномъ обращеніи Италіи, но самое поверхностное знакомство съ экономическимъ развитіемъ сѣверной Италіи и нѣкоторой части средней ясно указываетъ, — что также безспорно не туристы создали увеличившуюся и окрѣпшую кредитоспособность самой страны. Опредѣлить точный размѣръ общей суммы, оставляемой ежегодно иностранцами въ Италіи, невозможно. Приходится предположительно опредѣлять ежедневный, средний расходъ туриста и помножить его на число дней, проведенныхъ имъ, въ среднемъ, въ путешествіи, и затѣмъ помножить полученное на число путешественниковъ, взявшихъ упомянутые мною спеціальныя желѣзнодорожныя билеты. Цифра, полученная отъ

такого вычисления, будетъ, однако, безусловно невѣрна. Много иностранцевъ не пользуется такими билетами; а вмѣстѣ съ тѣмъ много итальянцевъ, въ разбѣздахъ по дѣламъ, берутъ круговые билеты, которые въ высшей степени разнообразны. Самое основаніе расчета, т.-е. точное количество путешественниковъ по Италіи, невозможно опредѣлить, а затѣмъ и самый расчетъ дѣлается въ высшей степени гадательнымъ и невѣрнымъ. Говорятъ, что ежегодно иностранцы оставляютъ въ Италіи не менѣе ста милліоновъ франковъ. Такая цифра является довольно правдоподобной, но ею покрывается менѣе трети переплаты Италіи по ея торговому балансу.

По свѣдѣніямъ, встрѣчаемымъ въ печати, а также по рассказамъ, итальянскіе эмигранты—почти исключительно рабочій народъ. Получая рабочую плату за границей менѣе, чѣмъ мѣстные жители, итальянцы живутъ крайне экономно и умудряются присылать или привозить домой порядочныя деньги, которыя, въ общей сложности, составляютъ значительную сумму. По характеру эмиграціи трудно опредѣлить общее количество переселенцевъ, вслѣдствіе коренного ея различія. Изъ сѣверной Италіи переселеніе рабочихъ направляется небольшими партіями въ Швейцарію и особенно во Францію, и совершается по желѣзнымъ дорогамъ, внѣ правительственнаго контроля. Изъ южной Италіи переселеніе, напротивъ, гуртовое идетъ все на пароходахъ болѣею частью въ Сѣверную и Южную Америку, а также, очень немного, въ Тунисъ. Тутъ подсчетъ переселенцевъ, уѣзжающихъ на пароходахъ, вполне возможенъ, такъ какъ правительство за этимъ переселеніемъ строго наблюдаетъ, вслѣдствіе громадной смертности, бывшей между переселившимися въ Бразилію. Эмиграція въ эту страну почти совершенно прекратилась не отъ правительственнаго вмѣшательства, а вслѣдствіе удешевленія кофе на европейскихъ рынкахъ. Примаки, при прежнихъ цѣнахъ на кофе, составилъ себѣ въ два, три года состояніе—уже не было, а безъ нея рисковать жизнью на трудной работѣ въ бразильскихъ кофейныхъ плантаціяхъ не было никакого основанія. Нынѣ два главныхъ пути итальянской эмиграціи на пароходахъ—Нью-Йоркъ и Аргентинская республика. Характеръ переселенцевъ различенъ, сообразно съ мѣстомъ назначенія. Въ Сѣверной Америкѣ итальянцы очень рѣдко акклиматизируются и остаются тамъ. Не болѣе семи—десяти процентовъ дѣлается американцами; большая же часть ѣдетъ, въ концѣ зимы, на желѣзнодорожныя и полевныя работы, и, по окончаніи ихъ, возвра-

щается, въ началу зимы, домой. Изъ отправляющихся же въ Аргентину болѣе половины—или на долго, или совсѣмъ остаются тамъ. Итальянская колонія въ Аргентинѣ уже давно значительна, и все болѣе увеличивается не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ. Нынѣ тамъ видную часть мѣстнаго населенія составляютъ такъ называемые *Icos de Italianos* (*ico*—сынъ; *icos*—множественное, сыновья), происходящіе отъ браковъ итальянцевъ съ мѣстными женщинами. Собственно въ Тунисть, по правительственнымъ сообщеніямъ, выѣхало переселенцевъ въ первые шесть мѣсяцевъ настоящаго года нѣсколько менѣе десяти тысячъ душъ. Тамъ также издавна существовала итальянская колонія, и она увеличивается, но менѣе, чѣмъ въ Аргентинѣ.

Прежде всего постараемся выяснитъ, сколько можетъ выработать эмигрантъ-рабочій во время пребыванія своего внѣ своего отечества, а слѣдовательно, сколько, приблизительно, онъ могъ бы выслать или привезти домой. Изъ собранныхъ мною свѣдѣній наиболѣе типичными и вѣрными мнѣ показались тѣ, которыя я получилъ отъ стараго моего знакомаго, Е. С., лейтенанта итальянскаго флота, командированнаго правительствомъ сопровождать партію въ 2.400 переселенцевъ изъ Неаполя въ Нью-Йоркъ, на пароходѣ „Сѣверо-германскаго Ллойда“, „Некверъ“, въ прошлую зиму. Постараюсь передать какъ можно короче сдѣланныя нами вычисленія.

Какъ я уже упоминалъ, итальянскіе эмигранты ѣдутъ въ Сѣверную Америку преимущественно на полевныя и желѣзнодорожныя работы, которыя продолжаются и могутъ продолжаться около шести мѣсяцевъ. Возьмемъ за основаніе сто-восемьдесятъ рабочихъ дней, за которые въ Америкѣ, въ среднемъ, платятъ по доллару въ день. Долларъ—это пять итальянскихъ лиръ. Предположимъ, что средній рабочій будетъ достаточно питаться и жить сколько-нибудь сносно. Такое содержаніе, при нелегкой работѣ, является необходимою, и оно въ Америкѣ стоитъ не менѣе двухъ лиръ въ день. Слѣдовательно, у рабочаго ежедневно остается въ экономіи три лиры, что, за 180 дней, составитъ 540 лиръ. По существующему соглашенію итальянскаго правительства съ правительствомъ сѣверо-американскихъ штатовъ, въ Италиі къ переселенію въ Сѣверную Америку допускаются лишь такія лица, которыя, помимо уплаты стоимости пароходнаго билета, имѣютъ при себѣ достаточно средствъ, чтобы прожить на мѣстѣ назначенія нѣкоторое время, до полученія работы. На „Некверѣ“, пароходѣ въ десять тысячъ тоннъ вмѣстимости, по-

мѣщеніе и содержаніе переселенцевъ было безуворизненное, но билетъ третьяго класса изъ Неаполя въ Нью-Йоркъ стоилъ 185 лиръ. На другихъ пароходахъ, приспособленныхъ для эмигрантовъ итальянскихъ, англійскихъ, французскихъ и австрійскихъ, стоимость такого билета дешевле, и потому въ дальнѣйшемъ вычисленіи мы ограничимся только стоимостью билета третьяго класса на „Неккеръ“, не принимая въ расчетъ той скудной суммы, которую требуется имѣть въ карманѣ на мѣстѣ назначенія. Разъ эмигрантъ можетъ предпочитать „Сѣверо-германскій Ллойдъ“ другимъ компаніямъ, это уже обозначаетъ нѣкоторое довольство. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что итальянскіе эмигранты, какъ по личному опыту, такъ и по опыту родныхъ и знакомыхъ, прекрасно поняли, что, экономничая на пароходномъ билетѣ, рискуешь здоровьемъ во время продолжительнаго морского путешествія, а слѣдовательно и работоспособностью. Изъ 2.400 человекъ, отправившихся на „Неккеръ“, почти всѣ заявили о своемъ намѣреніи вернуться въ отечество по окончаніи работъ. Это совпадаетъ съ общимъ характеромъ эмиграціи въ Сѣверную Америку, и потому, обобщая вопросъ о частной выручкѣ рабочаго-эмигранта, мы смѣло можемъ вычесть изъ суммы 540 лиръ, сбереженной имъ, стоимость пароходнаго билета въ Америку и обратно, т.-е. 370 лиръ ($185 \times 2 = 370$);—останется 170 лиръ. Вотъ все, что могъ бы такой рабочей привезти домой при благоприятныхъ условіяхъ.

Въ Аргентину, а также въ Тунисъ итальянцы эмигрируютъ скорѣе для поселенія, если не навсегда, то надолго, и болѣею частью или прямо съ семьями, или съ выписываніемъ ихъ впоследствии. При такихъ условіяхъ трудно предположить, чтобы эти переселенцы, особенно въ первое время и затѣмъ ежегодно, присылали въ свое отечество какія-либо опредѣленные деньги. Эмигрирующие временно рабочіе по желѣзнымъ дорогамъ во Францію и Швейцарію—какъ количественно, такъ и по части заработка не поддаются учету, — въ послѣднемъ вслѣдствіе самаго характера работы, очень разнообразной. Вообще, итальянецъ очень привязанъ къ своей родинѣ и всегда старается сохранить связь съ ней. Исключенія очень рѣдки. Приблизительно, количество эмигрирующихъ рабочаго класса ежегодно изъ Италіи опредѣляется въ полмилліона душъ, и скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе. По мнѣнію свѣдущихъ лицъ, можно смѣло предположить, что, въ общемъ, сто лиръ съ cadaго изъ нихъ возвращается или присылается на родину. Это составитъ ежегодный приливъ

денегъ въ Италію изъ-за границы въ пятьдесятъ милліоновъ металлическихъ лиръ.

Если приложить полученную сумму въ пятьдесятъ милліоновъ ко сту милл., оставляемымъ туристами въ Италіи, то получится всего сто-пятьдесятъ милліоновъ, составляющихъ менѣ половины приплаты этой страны по ея торговому балансу. Сумма эта, однако, можетъ быть еще нѣсколько увеличена. Количество рабочихъ, эмигрирующихъ ежегодно изъ Италіи, опредѣлено въ полмилліона душъ, на основаніи точныхъ свѣдѣній только относительно отправляющихся на пароходахъ, а именно, въ круглыхъ цифрахъ, вообще въ Америку — 230 тысячъ, а въ Тунисъ — 20 тысячъ. Что же касается до сухопутныхъ эмигрантовъ, то — цифра предположительная. Ихъ, однако, навѣрное болѣе, и они, имѣя менѣ путевыхъ издержекъ, могутъ гораздо болѣе присылать или перевозить денегъ въ свое отечество. Затѣмъ, въ Италіи, въ послѣдніе годы, мелкія бумажныя деньги, въ двѣ и одну лиру, совершенно изъяты изъ обращенія и замѣнены серебромъ, — что, несомнѣнно, должно было имѣть вліяніе на повышеніе курса ея денегъ. Вслѣдствіе того, полагаю, можно смѣло прибавить еще пятьдесятъ милліоновъ къ предъидущимъ полторастамъ. Но и тогда останется болѣе ста милліоновъ, которые Италія должна уплатить по своему торговому балансу деньгами, имѣющими опредѣленную постоянную цѣнность на международномъ денежномъ рынкѣ, т.-е. золотомъ. Откуда же она беретъ это золото, когда добываніе его не имѣется у нея, а денежное ея обращеніе — фидуціарное, бумажное? Какимъ образомъ, при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, курсъ итальянскихъ бумажныхъ денегъ никогда не былъ чрезмѣрно низкимъ, а въ настоящее время достигъ почти паритета, т.-е. равноцѣнности бумажныхъ денегъ съ металлическими? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ требуетъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія, — пожалуй, мало интереснаго и доступнаго общей читающей публикѣ. Во всякомъ случаѣ, фактъ безспорный, что Италія, какъ страна, развила и укрѣпила свою кредитоспособность, вслѣдствіе увеличенія своего благосостоянія. Правда, только сѣверная Италія представляетъ собою видимое развитіе; южная же, наоборотъ, очень отстала отъ сѣверной; но при возможности широкой личной дѣятельности, несомнѣнно, эта разница исчезнетъ мало-по-малу. Только возможностью широкой частной и общественной дѣятельности можно объяснить пріобрѣтенное нынѣ Италіей весьма успѣшное положеніе на мировомъ денежномъ рынкѣ, несмотря на очень

серьезныя, существенныя препятствія. Такая дѣятельность, крупная и мелкая, не поддается учету; да, наконецъ, не одни эмигранты-работчіе привозятъ или присылаютъ на родину деньги въ Италію. Если въ ней общее настоящее финансовое положеніе достигнуто вслѣдствіе производительности одной только части страны,—несомнѣнно, при малѣйшемъ улучшеніи другой, это положеніе еще болѣе упрочится и разовьется.

Кн. Дм. Друцкой-Сokolьнинскій.

Сентябрь, 1902 г.
Viareggio.

ШАТКІЯ ОСНОВЫ

ЭСКИЗЪ

— Wilhelm v. Polenz. „Wurzellocker“, Roman in zwei Bänden.

Окончаніе.

XXIX *).

Фрицъ Бертингъ получилъ отъ Лемфинка извѣстіе, что мать его умерла, и послалъ въ отвѣтъ письмо съ выраженіемъ самага теплаго участія. Онъ зналъ, какъ его другъ любилъ свою мать, и искренно жалѣлъ его, но скоро это чувство отступило на второй планъ, а на первомъ планѣ остались по прежнему его стихи и Гедвига фонъ-Лаванъ. Онъ шелъ къ ней, выглядывая въ окнахъ цвѣточныхъ магазиновъ наиболѣе причудливую орхидею, чтобы привести въ восторгъ Гедвигу, большую любительницу этихъ цвѣтовъ, какъ вдругъ ему на встрѣчу попалась Альма. Она шла медленно, опутивъ голову, и не видѣла его. Въ первую минуту онъ хотѣлъ юркнуть въ дверь сосѣдняго магазина, чтобы остаться незамѣченнымъ, но ему стало совѣстно, и онъ окликнулъ молодую женщину. Альма вскрикнула отъ неожиданности и, краснѣя все больше и больше, сжимала крѣпко его руку. Еслибы онъ въ-время не отступилъ, то она, вѣроятно, бросилась бы ему на шею среди улицы. Ему было непріятно такое проявленіе влюбленности, точно въ первые дни ихъ знакомства. Онъ пошелъ рядомъ съ нею и спросилъ, куда она шла. Она смутилась и послѣ нѣкотораго колебанія отвѣчала:

*) См. выше: ноябрь, 251.

— Я думала о Людвигѣ Глюкѣ. Такъ грустно быть всегда одной съ своими мыслями. Ты вѣдь больше никогда не приходишь. Мнѣ хотѣлось пойти на его могилу. Ему тоже не легко жилось.

При этихъ словахъ, Бертинга охватило острое чувство жалости, но онъ ничего не сказалъ. Они молча шли рядомъ, и онъ, взглядывая сбоку на Альму, увидалъ, какъ она страшно измѣнилась за послѣднее время. Зимняя кофточка, плотно обхватывавшая ея талию, особенно рѣзко подчеркивала все безобразіе ея фигуры. И снова Фрицъ испыталъ невольное чувство физическаго отвращенія, вызываемаго въ немъ ея положеніемъ. Ему казалось, что всѣ прохожіе смотрѣли на нихъ многозначительно и насмѣшливо. Онъ предложилъ ей взять извозчика.

— Но вѣдь и ты со мной поѣдешь, Фрицъ, не правда ли? — спросила Альма такимъ голосомъ, что у Бертинга не хватило духу отказать ей. Взять имъ пришлось долго. Въ экипажѣ Альма тѣсно прижалась къ Фрицу и хотѣла его поцѣловать, но онъ отстранился и, чтобы это движеніе не показалось слишкомъ рѣзкимъ, прибавилъ:

— Ну, ужъ это противъ договора.

Тогда она взяла его руку и прижала къ своей груди. Онъ почувствовалъ, какъ сильно и часто билось ея сердце. Она быстро нагнулась и прижала его руку къ своимъ губамъ. Фрицъ разсердился и сказалъ, что онъ сойдетъ, если она будетъ такъ продолжать. Альма вся съежилась и робко попросила его открыть окно кареты. Она задыхалась и лицо у нея горѣло. Бертингъ опустилъ обѣ рамы. Былъ печальный зимній день, безснѣжный, но и безсолнечный. Фрицу было тяжело, что онъ сдѣлалъ Альмѣ больно. Онъ избѣгалъ ея взгляда и смотрѣлъ въ окно. Карета медленно подвигалась изъ одной узкой улицы въ другую. Вдругъ дома, окна и вывѣски показались Фрицу особенно знакомыми. Они вѣхали по улицѣ, гдѣ когда-то онъ жилъ съ Альмой. Онъ взглянулъ на нее, чтобы узнать, вспомнила ли она. Альма сидѣла, широко раскрывъ полные слезъ глаза.

— Фрицъ, тамъ... наверху, — произнесла она задыхающимся голосомъ, когда они поровнялись съ домомъ, гдѣ ей столько пришлось пережить.

Она уронила голову ему на плечо и разрыдалась, и онъ не отталкивалъ ее больше.

Приѣхавъ на кладбище, онъ купилъ вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и передалъ его Альмѣ. Кладбище было ей повидимому хорошо знакомо, и она очень скоро провела Фрица по

лабиринту расходившихся въ разные стороны дорожекъ къ могильной насыпи съ небольшимъ каменнымъ памятникомъ. На плитѣ стояло имя Людвига Глюка и слова: „До свиданья!“ Она вся была обсажена цвѣтами, и видно было, что за могилой съ любовью ухаживали.

Фрицъ невольно подумалъ объ ироніи судьбы, посылавшей несуществующему Людвигу то, что сдѣлало бы его счастливейшимъ человекомъ при жизни. Альма стала на колѣни и начала молиться, а Бертингъ отошелъ и медленно направился къ выходу. Вскорѣ Альма догнала его. Видъ у нея былъ совсѣмъ другой: успокоившійся, ясный, почти веселый. Она попросила идти назадъ пѣшкомъ, взяла Фрица подъ руку и стала болтать, сообщая ему всѣ подробности своей невзатѣйливой жизни. Они проходили мимо „Города Парижа“, гдѣ въ былое время проводили столько вечеровъ, и Альма уговорила Бертинга зайти въ ресторанъ. Все было тамъ по прежнему, и кельнеръ привѣтствовалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Они усѣлись за тотъ самый столикъ, за который садились всегда прежде, и Альма вся предалась воспоминаніямъ, начиная каждую фразу словами:

— А помнишь, Фрицъ...

Но Фрицъ слушалъ ее разсѣянно. Напѣвы, сопровождавшіе его за послѣднее время всюду, какъ далекій шумъ моря, опять зазвучали у него въ душѣ и стали манить за собою.

Альма хорошо знала это особенное выраженіе въ его глазахъ, когда имъ овладѣвало его искусство. Въ такія минуты онъ только тѣломъ былъ возлѣ нея, а душа его странствовала гдѣ-то очень далеко, и у Альмы не было умѣнья и силъ вернуть его къ себѣ. Выйдя изъ ресторана, они очутились въ полумракѣ плохо освѣщенной улицы. Альма робко попросила Фрица зайти къ ней. Онъ не могъ себѣ представить, какъ безконечно долго и безотрадно тянулись для нея зимніе вечера и какъ она погибала отъ тоски по немъ. При каждомъ звукѣ шаговъ на лѣстницѣ, при каждомъ звонкѣ въ прихожей она начинала думать, что это онъ пришелъ. И каждый разъ ея надежда не оправдывалась. Голосъ измѣнилъ ей, и она замолчала.

— И чтѣ будетъ со мною!—продолжала она, снова овладѣвъ собою.—У меня нивого нѣтъ, кто бы позаботился обо мнѣ. А ребенокъ уже началъ шевелиться. До сихъ поръ все правильно идетъ, но иногда мнѣ дѣлается такъ страшно, что я не знаю, чтѣ мнѣ дѣлать съ собою. И если ты еще меня совсѣмъ бросишь!..

Фрицъ молчалъ. Онъ не былъ равнодушенъ къ тому, что она говорила, но въ немъ все возростало чувство неловкости и желаніе какъ можно скорѣе уйти отъ нея. Конечно, она была достойна сожалѣнія,—онъ и не думалъ этого отрицать. Но кто былъ виноватъ въ этомъ? Она сама вызвала къ жизни невѣдомое существо, и этимъ совершенно измѣнила ихъ отношенія. Что посяешь, то и пожнешь. Она хотѣла сдѣлаться матерью, и нельзя требовать себѣ двойного счастья: и материнства, и страстной любви.

— Ты зайдешь ко мнѣ, Фрицъ, не правда ли?—снова повторила Альма и крѣпко ухватила обѣими руками за его руку, когда они подошли къ дому, гдѣ она жила.

Онъ сталъ ей доказывать, что это было невозможно. У него была работа, и ему сегодня еще предстояло много писать. Съ силой оторвалъ онъ ея руки отъ своей руки и быстро ушелъ, чтобы избѣжать слезъ и просьбъ. Иначе поступить онъ не могъ. Ради своего творчества онъ долженъ былъ дѣйствовать жестоко и относительно ея, и относительно самого себя.

Вскорѣ мысли его приняли другое направленіе, и передъ нимъ всталъ другой женскій профиль, тонкій и изящный, а въ головѣ стали всплывать рѣзны и сложилась строфа, надъ которой онъ прежде долго бился. И Гедвига, и этотъ новый напѣвъ сливались для него въ одно. Стихами онъ былъ обязанъ ей, и стихи возвѣщали ему ее. Его охватило страстное, томительное желаніе увидать сегодня же своего очаровательнаго друга, и онъ сталъ обдумывать, можно ли еще пойти къ ней. Навѣрное еще не запырили на почъ крыльцо,—не было и девяти часовъ. И вмѣсто того, чтобы отправиться домой и засѣсть за работу, какъ онъ говорилъ Альмѣ, онъ пошелъ, почти побѣжалъ по направленію къ дому Гедвиги фонъ-Лаванъ.

XXX.

Настала весна, и Фрица потянуло отъ письменнаго стола за городъ, гдѣ можно было отдохнуть отъ городского шума и подышать чистымъ весеннимъ воздухомъ. Ему такъ хотѣлось, чтобы въ этихъ прогулкахъ его сопровождала Гедвига фонъ-Лаванъ, и онъ нарочно описывалъ ей подробно, какъ хорошо за городомъ и куда именно онъ собирается еще отправиться. Онъ надѣялся, что эти рассказы соблазнятъ и ее, но она ни разу не выразила желанія ему сопутствовать. А вмѣстѣ съ тѣмъ она не

могла не скучать. Кромѣ Бертинга и доктора, которому тетушки поручили надсмотрѣть за нею, она почти ни съ кѣмъ не видалась. Если Фрицъ пропускалъ одинъ день и не шелъ къ ней, то могъ быть увѣренъ, что на слѣдующее утро ему принесутъ отъ нея коротенькую записку съ просьбой позавтракать у нея или провести съ нею вечеръ. Кромѣ цвѣтовъ, онъ часто приносилъ ей книги. Гедвига получила очень неправильное и несистематическое образованіе, такъ что совсѣмъ не была знакома съ нѣкоторыми изъ современныхъ большихъ писателей. Фрицъ съ наслажденіемъ наблюдалъ, какъ подѣйствуетъ на нее Ибсенъ, и даже рѣшился познакомить ее съ Ницше. Но его ожидало полное разочарованіе. Гедвига съ интересомъ прочла новыя для нея произведенія и повидимому поняла ихъ, но они не вызвали въ ней никакого восторга. Трагическіе призраки не лишили ее спокойствія и привычной ей холодности, а „Пѣсня Заратустры“ не потрясла и не подавила ее своимъ величіемъ. Она наслаждалась только умомъ, душа ея оставалась безучастной. Способности безавѣтно восхищаться у нея не было. А вмѣстѣ съ тѣмъ она очень тонко понимала красоту, сильно и быстро реагировала на каждое впечатлѣніе и была въ высшей степени нервной эстетической натурой. Чего же ей недоставало и что мѣшало ей проникать въ сокровенную глубину души всякаго произведенія?

Чѣмъ больше онъ узнавалъ ее, тѣмъ болѣе она представлялась ему неразрѣшимой загадкой. Болѣе внимательной и легко все схватывавшей ученицы трудно было бы найти, но Фрицъ предпочелъ бы сдѣлаться ея ученикомъ, а не учителемъ. Онъ чувствовалъ, что могъ бы узнать отъ нея много новаго. Зачѣмъ же искать въ книгахъ то, чему люди могутъ научиться одинъ отъ другого? Но Гедвига умѣла окружать себя какою-то непроницаемой стѣною и придавать отношеніямъ дѣловитость, не допускавшую слишкомъ большого сближенія. Это очень тяготило Фрица. Ея безстрастность и всегда ровное дружелюбное чувство къ нему становились для него невыносимы. Какое было ему дѣло до того, что она восхищалась его умомъ, его познаніями и начитанностью! Онъ все только давалъ и давалъ, совершалъ въ ея честь самыя головоломныя умственные скачки, а въ награду не получалъ отъ нея ничего. Отъ этого вѣчнаго совмѣстнаго паренія въ высшихъ сферахъ у него захватывало дыханіе и кружилась голова. Онъ томился желаніемъ заставить Гедвигу смущенно опустить глаза или покраснѣть. Вѣдь въ концѣ концовъ она все-таки была женщина. Неужели у нея не

было свойственныхъ всякой женщинѣ слабостей или она только искусно скрывала ихъ? Неужели она не догадывалась объ его чувствѣхъ? Во всякомъ случаѣ она вела себя такъ, что онъ не могъ позволить себѣ ни одного лишняго слова или даже взгляда. Только одинъ разъ онъ не сдержался и выдалъ себя. Онъ принесъ ей въ подарокъ понравившійся ей офортъ, и Гедвига захотѣла сама повѣсить его на стѣну. Она встала на стулъ и, приложивъ офортъ къ стѣнѣ, попросила Фрица посмотрѣть, хорошо ли такъ будетъ. Вдругъ стулъ повачнулся, и молодая дѣвушка упала бы, еслибы Фриць не подхватилъ ее. Одно мгновеніе она лежала безпомощно въ его объятіяхъ, и аромать ея волосъ и ея близость опьянили его. Ему казалось, что онъ теряетъ сознаніе, и онъ пробормоталъ какія-то безсвязныя, безумныя слова. Она высвободилась изъ его рукъ, отступила назадъ и засмѣялась. Онъ съ трудомъ старался овладѣть собою, а въ ея лицѣ появилось выраженіе нескрывяемаго презрѣнія, какъ будто бы говорившее:— „Однако ты все-таки не смѣешь“!

Съ этого мгновенья его положеніе сдѣлалось еще невыносимѣе. Онъ все время задавалъ себѣ вопросъ: не играетъ ли она съ нимъ? Можетъ быть, она смотрѣла на него только какъ на полезнаго человѣка, помогавшаго ей въ ея литературныхъ занятіяхъ?

Въ ея повѣсти героиня играла съ однимъ человѣкомъ, какъ кошка съ мышью, безсердечно, почти цинично. Фриць не былъ склоненъ видѣть въ каждомъ литературномъ произведеніи автобіографію, но тѣмъ не менѣе писатель долженъ хотя отчасти пережить то, что описываетъ. Въ повѣсти Гедвиги былъ представленъ типъ утонченной безсердечной женщины, обнаруживавшій большую близость къ нему автора и его несомнѣнную симпатію. Не выдалъ ли ее этотъ торжествующій смѣхъ въ минуту его слабости? Но вскорѣ онъ забылъ о всѣхъ своихъ подвѣрствѣхъ подъ вліяніемъ ея ласковой любезности. Въ ея внутреннемъ мірѣ были какія-то тайны, и онъ хотѣлъ разгадать ихъ во что бы то ни стало. Поэтому онъ сталъ усленно уговаривать ее совершить съ нимъ прогулку за городъ, надѣясь, что весенняя природа вызоветъ ее на большую откровенность и заставитъ позабыть обычную сдержанность. Онъ зналъ, что она была хорошей ходокъ, такъ какъ совершала трудныя восхожденія на швейцарскія горы въ обществѣ Вальдемара Геслова, и онъ совсѣмъ не вѣрилъ, когда она, въ объясненіе своего отказа, приводила слова доктора, яко бы запрещавшаго ей дѣлать далекія прогулки.

XXXI.

Благодаря содѣйствию Фрица Бертинга, рукопись Гедвига фонъ-Лаванъ была принята редакціей „Импрессиониста“. Чтобы не смущать своихъ тетюшекъ, Гедвига выбрала, по совѣту Фрица, безразличный мужской псевдонимъ. У „Импрессиониста“ теперь было собственное редакціонное помѣщеніе, состоявшее изъ конторы и приѣмной. Писатель Кароль сдѣлался важной особой. Фрицъ убѣдился въ этомъ, посѣтивъ его въ его новой редакціи. Кароль былъ главнымъ редакторомъ, принималъ сотрудниковъ въ конторѣ, а приѣмную оставлялъ „для дамъ“, о чемъ и сообщилъ Бертингу съ многозначительной улыбкой. Во внѣшности Зильбера тоже произошла большая перемена. Онъ замѣнилъ свой вѣчный засаленный скрутокъ новымъ, на ногахъ у него блестяли лакированные ботинки, а яркій пестрый галстукъ былъ приколотъ булавкой съ фальшивымъ камнемъ.

На вопросъ Бертинга, какъ идетъ журналъ, Зильберъ отвѣчалъ съ улыбкой, что хотя подписка и не велика, но много расходуется нумеровъ въ отдѣльной продажѣ, а главное—журналъ страшно бранять.

При выходѣ изъ редакціи, Фрицъ столкнулся съ дамой, и хотя она прошла мимо него очень быстро и на лицѣ у нея былъ вуаль, тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ же узналъ автора „Плюща“.

Черезъ нѣсколько дней Бертингъ встрѣтился съ Зильберомъ въ кофейной. Маленькій человѣчекъ подошелъ къ нему съ торжественной миной, раскланялся и произнесъ:

— Поздравляю, Бертингъ, васъ и всѣхъ насъ, ибо сегодня день вашего рожденія.

Фрица это очень позабавило. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ своей семьей, никто не помнилъ о днѣ его рожденія. Исключеніе, конечно, составляла Альма. И въ этотъ день утромъ она принесла и оставила его хозяйкѣ, для передачи ему, букетикъ альпійскихъ фіалокъ и еще свертокъ. Въ немъ оказалось нѣсколько галстуконъ, собственноручно спитыхъ Альмой, и стихотвореніе, списанное ею очевидно изъ какого-то сборника.

Черезъ нѣсколько времени явился ливрейный лакей и передалъ Фрицу корзину съ рѣдкими фруктами и письмо отъ Анни Эшауеръ.

Она сообщала ему, что пріѣхала посоветоваться съ извѣстнымъ врачомъ по нервнымъ болѣзнямъ, остановилась у матери

и просила его навѣстить ее, такъ какъ докторъ велѣлъ ей лежать и она очень скучаетъ.

Фрицъ нашелъ, что она довольно легко отнеслась къ ихъ размовію въ Бинцѣ, и кромѣ того не могъ понять, откуда она узнала о днѣ его рожденія. Когда Зильберъ поздравилъ его въ кофейной, то Фрицу пришло въ голову, что это онъ разболталъ, такъ какъ ежедневно бывалъ у фрау Гильшіусъ въ качествѣ редактора издаваемого ею журнала.

— Почему вы знаете, что сегодня мое рожденье, Зильберъ?— спросилъ онъ.

— Надѣюсь, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ для всякаго образованнаго человѣка будетъ стыдно не знать этого числа,— отвѣчалъ Зильберъ.

— Ну, а пока единственнымъ образованнымъ человѣкомъ въ этомъ смыслѣ является фрау Эшауеръ, не правда ли?

Зильберъ на минуту смутился, но тотчасъ же громко расхохотался.

— Это было нескромно съ моей стороны, но вы не сердитесь, Бертингъ? Еслибы вы знали, какъ эта дама объ васъ говоритъ! Вообще, всѣмъ извѣстно, что вы пользуетесь успѣхомъ у женщинъ. Я никогда не забуду очаровательнаго лица молодой особы, сидѣвшей съ вами тогда въ ложѣ. Но все-таки я себя позволю дать вамъ скромный совѣтъ: не заставляйте такого друга, какъ фрау Анни, слишкомъ долго томиться, ожидая васъ.

Была ли это дерзость со стороны Зильбера, или только безтактное любопытство? По его подвижному лицу трудно было угадать его внутреннія побужденія, и Фрицъ счелъ за лучшее переимѣнить тему разговора.

Черезъ нѣсколько дней Фрицъ получилъ приглашеніе къ обѣду отъ фрау Гильшіусъ. Ему не хотѣлось идти, потому что онъ былъ увѣренъ, что обязанъ этимъ приглашеніемъ Анни Эшауеръ, желавшей во что бы то ни стало его увидать, но отказать было неловко. Къ большому удивленію Фрица, онъ не нашелъ фрау Эшауеръ въ гостиной ея матери. Последняя извинилась за дочь, объясняя ея отсутствіе вновь повторившимся нездоровьемъ.

Въ числѣ гостей находились Маркусъ Гизель, Зигфридъ Зильберъ, одинъ изъ длинноволосыхъ поэтовъ и бѣлокурая поэтесса въ сопровожденіи своей матери. Это была упитанная особа въ жесткомъ и шуршавшемъ при малѣйшемъ движеніи атласномъ платьѣ. Ея видъ совсѣмъ не наводилъ на мысль о поэтическомъ дарованіи ея дочери. Зильберъ, въ неудовольствію Фрица, обра-

щался съ нимъ какъ съ лучшимъ своимъ другомъ и вообще чувствовалъ себя какъ дома. За обѣдомъ онъ произнесъ рѣчь и предложилъ тостъ за основателей и сотрудниковъ „Импресіониста“.

Маркусъ Гизель почти ничего не ѣлъ, пилъ маленькими глотками вино и всячески показывалъ, какъ онъ страдаетъ отъ неэстетичности Зильбера. Теофиль-Алоизъ во всемъ подражалъ своему кузену, и добродушная фрау Гильшіусъ печально поглядывала на сына, слабымъ движеніемъ руки отсылавшаго отъ себя блюда съ кушаньями. Мать бѣлокурой повѣтессы слушала, вытаращивъ глаза, разговоръ о литературѣ, завязавшійся у ея дочери съ Зильберомъ, и по ея виду было ясно, что она гораздо больше привыкла къ разговорамъ о прислугѣ и о рыночныхъ цѣнахъ.

Фрау Гильшіусъ, сидѣвшая рядомъ съ Фрицемъ, стала жаловаться на болѣзненное состояніе Анни, внушавшее серьезныя опасенія. Она не называла болѣзни, но говорила, что боли были невыносимы и докторъ находилъ положеніе небезопаснымъ. Тѣмъ болѣе былъ удивленъ Фрицъ, когда послѣ обѣда его попросили пройти въ комнату больной. Фрау Эшауеръ лежала на диванѣ въ полутемной комнатѣ. Фрица поразилъ сильный запахъ крѣпкихъ духовъ. Анни немного приподнялась съ подушекъ, чтобы протянуть руку вошедшему.

Она слабымъ голосомъ сказала Фрицу, что очень рада его видѣть, и попросила его взять стулъ и сѣсть поближе. Освоившись съ полумракомъ, Фрицъ былъ пораженъ переменной, происшедшей за это время въ наружности Анни. Она постарѣла на нѣсколько лѣтъ, глаза были окружены темными кругами, кожа поблекла. Неприязненное чувство къ ней Фрица сразу исчезло, и онъ участливо началъ спрашивать ее о ея болѣзни: но эти вопросы были ей видимо неприятны. Она поспѣшно отвѣчала, что все пройдетъ, что ее утомила зима въ Берлинѣ, но что здѣсь она надѣется скоро поправиться.

Присутствіе Бертинга видимо оживило ее.

Голосъ сдѣлался сильнѣе и лицо казалось менѣе болѣзненнымъ.

Анни стала рассказывать объ общихъ знакомыхъ въ Бинцѣ, и въ этихъ рассказахъ было мало веселаго. Женихъ молодой богатой дѣвушки, страдавшей заиканіемъ, былъ уличенъ въ шулерствѣ; другой молодой человѣкъ изъ того же кружка оказался замѣшаннымъ въ процессъ по какому-то дѣлу, о подробностяхъ котораго громко неудобно было говорить. И такъ далѣе въ томъ

же родѣ. Анни передавала эти исторіи съ большимъ легкомыслиемъ, точно рассказывала смѣшныя анекдоты. О мужѣ своемъ она не упомянула, и Фрицъ не счелъ удобнымъ освѣдомляться о немъ. Анни нѣсколько разъ повторила, какъ она рада, что Фрицъ наконецъ явился. Она такъ скучала и мучилась. По ночамъ она могла спать только послѣ впрыскиванія морфія, и днемъ было не лучше. Читать она не могла въ полутьмѣ, но его повѣсть все-таки прочла. Возлѣ дивана на столикѣ лежалъ послѣдній номеръ „Импрессиониста“. Потому она стала говорить о своемъ братѣ и Маркусѣ, и Фрицъ узналъ прежнюю Анни. Особенно остроумно издѣвалась она надъ статьей Теофила подъ заглавіемъ: „Долой женщинъ!“. Въ этой статьѣ юный авторъ проповѣдывалъ, что съ слабымъ поломъ надо быть „суровымъ до жестокости“, и взялъ эпиграфомъ для своей статьи слова Ницше: „Ты идешь къ женщинамъ? Не забудь захватить хлысть“!

— Я бы много простила милымъ мальчишкамъ,—заключила фрау Эшауеръ,—еслибы они не были такъ безнадежно скучны. Я ужъ предпочитаю маленькаго Зильбера. Тотъ, по крайней мѣрѣ, добивается своего. Послѣдній разъ я ему сказала, чтобы онъ носилъ чистыя рубашки и не кусалъ бы себѣ ногти, если хочетъ имѣть успѣхъ у женщинъ. Вы видѣли, какъ это подѣйствовало? Вообще, мы съ нимъ друзья, и я собираюсь его женить.

— На блондинѣхъ?—полюбопытствовала Фрицъ.

— Ну, конечно.

— И на любимицѣхъ мужъ?

— Отгадали, но, однако, довольно о нихъ. Расскажите мнѣ о себѣ, Фрицъ,—попросила Анни и повернулась на диванѣ такъ, чтобы лучше его видѣть.

Бертингъ не могъ рассказывать ей о томъ, что составляло главный интересъ его жизни, т.-е. объ отношеніяхъ съ Гедвигой фонъ-Лаванъ, и поэтому ограничился перечнемъ разныхъ внѣшнихъ событій.

— Замолчите!—перебила его наконецъ Анни.—Вы меня, кажется, за дурочку считаете? Неужели я повѣрю, что ваша жизнь вся посвящена ѣдѣ, питью и прогулкамъ!

— Однако это такъ,—возразилъ Фрицъ по возможности непринужденно.—Я ѣмъ, сплю и гуляю. Прибавьте къ этому много работы и немного чтенія—и вотъ передъ вами вся моя жизнь.

— Это неправда!—воскликнула Анни съ необыкновенной страстностью.—Я по вашимъ глазамъ вижу, что вы лжете. Кромѣ того, васъ выдають ваши произведенія. Кто такъ описы-

ваетъ женщину, тотъ ихъ хорошо и близко знаетъ. Я хочу знать все, что вы пережили, Фрицъ!

Бертингъ былъ смущенъ и не зналъ, что сказать.

Изъ затрудненія его вывела сама Анни. Съ нею сдѣлался болѣзненный припадокъ, и все лицо искажилось отъ боли. Фрицъ въ ужасѣ вскочилъ и хотѣлъ позвать кого-нибудь, но фрау Эшауеръ простонала сквозь стиснутые зубы, чтобы онъ не уходилъ, и что это скоро пройдетъ. Она съ усиленіемъ поднялась, намочила платокъ одеколономъ и стала нюхать его. Это немного оживило ее. Она подвинулась совсѣмъ близко къ Бертингу и съ горящими глазами проговорила умоляющимъ тономъ:

— Будьте откровенны со мною, Фрицъ, скажите мнѣ все! У васъ есть возлюбленная, вѣдь я знаю. Что же изъ этого! Вы молоды. Но расскажите мнѣ про нее. Красива она? Живете вы вмѣстѣ? Что вы дѣлаете цѣлый день? Часто ссоритесь? Нельзя же вѣчно только любить другъ друга. Рассказывайте, рассказывайте, Фрицъ! Вы же видите, я просто погибаю отъ жажды какой-нибудь... какой-нибудь переменны. Такъ ужасно все здѣсь лежать. Вы не можете себѣ представить, что со мной дѣлается!

Голосъ ея сталъ звучать хрипло, она схватила со стола флаконъ и стала нюхать. Фрицъ молчалъ и, какъ зачарованный, смотрѣлъ на возбужденное, измученное лицо Анни. Видно было, что она боролась съ чѣмъ-то болѣе сильнымъ, чѣмъ физическое страданье.

Вдругъ она страдальчески улыбнулась и произнесла измѣнившимся тономъ:

— Ахъ, я вижу, что и отъ васъ ничего не добьюсь! Вы не хотите помочь бѣдной больной. А я такъ хорошо къ вамъ отношусь... такъ хорошо! Я бы не стала васъ упрекать, что бы вы мнѣ ни сказали. Я вѣдь знаю, что такое жизнь, и сама дѣлала тавія вещи, послѣ которыхъ ничему не могу удивляться. Но лежать здѣсь день и ночь и переворачивать въ умѣ всежитое—это, повѣрьте мнѣ, Фрицъ, можетъ свести съ ума. Я часто думала о васъ. Мнѣ слѣдовало милѣе поступить съ вами въ Бинцѣ, но когда измученъ ревностью, то и самъ не понимаешь, что говоришь и что дѣлаешь.

Она стиснула зубы.

— Опять начинаются боли. На этотъ разъ вы не должны при этомъ присутствовать. Общайтесь мнѣ... Фрицъ... общайтесь мнѣ, что придете опять! Не оставляйте меня одну. Приходите скорѣе и тогда расскажите мнѣ...—Она отвернулась и зарыла голову въ подушку, дѣлая знакъ рукою, чтобы онъ уходилъ.

XXXII.

Возвратясь домой, Бертингъ нашелъ записку Лемфинка, извѣщавшаго его о своемъ возвращеніи. Фрицу показалось, что онъ слышитъ зовъ человѣка изъ другого міра—до такой степени онъ былъ далеко послѣднее время отъ своего друга. Но все-таки у него явилось сильное желаніе увидать честное лицо Лемфинка, услышать его голосъ и пожать ему руку. Хотя, въ сравненіи съ такими людьми, какъ Михайль Шубскій или Маркусъ Гизель, онъ и казался безнадежно отсталымъ и во всѣхъ его взглядахъ было что-то старомодное, тѣмъ не менѣе онъ былъ настоящей и оригинальный человѣкъ.

Было еще не поздно, и Фрицъ въ тотъ же вечеръ отправился къ Лемфинку. Его не было дома, и Фрица встрѣтила стройная женщина въ глубокомъ траурѣ. Это была Тони, сестра Лемфинка. Она привѣтствовала Бертинга просто и сердечно, и онъ съ большимъ интересомъ разглядывалъ высокую дѣвушку съ некрасивымъ, но оригинальнымъ и симпатичнымъ лицомъ, не узнавая въ ней „маленькую сестренку“ Лемфинка, знавшему ему по фотографіи, какъ всегда—безжизненной и обезличивающей.

Разговоръ ихъ не прерывался, и вскорѣ оба почувствовали себя какъ старые знакомые.

Говорили больше всего о Лемфинкѣ, при чемъ въ тонѣ его сестры Бертингъ подмѣтилъ что-то материнское. При всей своей безграничной любви къ брату, она очевидно не смотрѣла на него какъ на непогрѣшимый авторитетъ. Возрастъ Тони было трудно опредѣлить. У нея было одно изъ тѣхъ некрасивыхъ, но привлекательныхъ лицъ, для которыхъ годы не очень страшны.

По всему ея существу можно было судить, что жизнь она прожила не легкую. Въ домѣ ея отца единственной роскошью было образованіе, даваемое дѣтямъ, и эти дѣти были хорошо знакомы и съ науками, и съ голодомъ.

Тони очень рано сдала экзаменъ на учительницу и прожила нѣсколько лѣтъ въ окрестностяхъ Лондона, въ качествѣ учительницы нѣмецкаго языка. Вѣроятно благодаря этому въ ея манерахъ не было ничего провинціального, а швабскій акцентъ ея рѣчи придавалъ ей своеобразную прелесть. Тони сообщила Бертингу, что теперь собиралась постоянно жить съ братомъ, занимаясь его хозяйствомъ и помогая ему въ его работахъ, для чего уже выучилась писать на пишущей машинѣ. Фрицъ, за послѣд-

вее время ничего не знавшій о занятіях своего друга, освѣдомился о его послѣдней научной работѣ.

— Ахъ, вы еще ничего не знаете!—воскликнула Тони.— Развѣ онъ вамъ не разсказывалъ? Во всякомъ случаѣ, теперь это ужъ не тайна.

Она подошла въ письменному столу, вынула изъ ящика и передала Фрицу толстый томикъ. Онъ прочелъ заглавіе: „Сущность и развитіе личности въ Германіи“.

— Книга только-что вышла,—поняла Тони;—онъ вамъ послалъ переплетенный экземпляръ, только вы еще не успѣли получить,—и вида, что Бертингъ заглядываетъ въ неразрѣзанныя страницы, она прибавила:—Я вамъ дамъ экземпляръ, который онъ мнѣ подарилъ, тоже въ переплетѣ; вы посидите и подождите брата,—теперь онъ ужъ скоро вернется,—а мнѣ надо лойти распорядиться по хозяйству.

Фрицъ усѣлся въ покойное кожаное кресло Лемфинка и сталъ просматривать его книгу. Прежде всему ему хотѣлось узнать планъ и цѣли перваго серьезнаго произведенія своего друга. Онъ зналъ, что если Лемфинкъ рѣшился выступить съ такой большой книгой, то, значитъ, его въ этому побудили внутренняя необходимость и глубокое убѣжденіе въ правотѣ своихъ выводовъ. Книга представляла собою въ нѣкоторомъ родѣ авторскую исповѣдь и заключала въ себѣ все его мировоззрѣніе; но въ этой исповѣди не было мистически-восторженныхъ пророчествъ или докторальнымъ тономъ изложенной системы; все было сказано ясно и въ пластической формѣ, обнаруживавшей настоящаго художника. Черезъ все произведеніе красной нитью проходила мысль, выраженная въ началѣ первой главы:

Нѣмецкія природы суть наиболѣе одаренныя, и намъ принадлежитъ первое мѣсто въ будущей исторіи народовъ, когда мы научимся самовоспитанію, какъ въ общемъ, такъ и въ частности. Для достиженія этой цѣли авторъ не прописывалъ никакихъ рецептовъ, а только старался отыскать среди родного народа часто скрытые источники силы, чистоты и красоты, и въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ людей, отравлявшихъ эти источники. Въ современномъ обществѣ онъ осуждалъ болѣзненную утонченность и выискиваніе небывалыхъ ощущеній, доказывавшихъ только, что люди умираютъ отъ усталости и пресыщенія. Искусство, выросшее на такой почвѣ, не могло быть здоровымъ, а люди, воспитанные при такихъ условіяхъ, при всемъ ихъ образованіи, были лишены настоящей умственной глубины и отличались бездушнѣй

производительностью и виртуозностью. Чтобы спастись отъ всего этого, надо было выработать въ себѣ сильную твердую волю.

Мы нуждаемся въ культурѣ, но не виѣшней, которой у насъ даже слишкомъ много, а во внутренней. Только самоуглубленіе и самосознаніе отдѣльныхъ личностей даетъ возможность всѣмъ стремленіямъ культуры соединиться въ одно живое цѣлое.

Многое въ книгѣ Лемфинка поразило и задѣло за живое Фрица. Многія слова были какъ будто лично къ нему обращены. Во всякомъ случаѣ, это была живая книга, пронизанная сильной ненавистью и сильною любовью.

За чтеніемъ Фрицъ не замѣтилъ, какъ стемнѣло, и уже собрался уходить, когда раздались голоса Лемфинка и Тони, вышедшей къ нему на встрѣчу. Лемфинкъ быстро вошелъ въ комнату, шумно выражая свою радость при видѣ Фрица, и они крѣпко пожали другъ другу руки. Лемфинкъ, увидѣвъ раскрытую книгу, засмѣялся и проговорилъ:

— Какъ ты скоро съ нами обѣими познакомился—и съ моей старой сестрой, и съ моей юной книгой!

Фрицъ, воспользовавшись темнотой, всегда способствующей искреннимъ изліяніямъ, поспѣшилъ сообщить Лемфинку о впечатлѣніи, произведенномъ на него его книгой, что доставило видимое удовольствіе автору.

Тони позвала ихъ обѣдать. За столомъ, глядя на брата и сестру, связанныхъ общностью интересовъ и всего вмѣстѣ пережитого, Фрицъ невольно позавидовалъ своему другу и съ горечью подумалъ о Констанціи, превратившей ихъ родственныя отношенія въ жалкую карикатуру. Однако, отъ его наблюдательности не ускользнула комичная сторона въ отношеніяхъ Лемфинка и Тони. Братъ иногда начиналъ объяснять авторитетнымъ тономъ сестрѣ нѣкоторыя вещи, повидимому знакомыя ей не меньше, чѣмъ ему самому. Тони это было немножко смѣшно и досадно, но она такъ любила своего брата, что, въ присутствіи посторонняго, ни за что не рѣшилась бы обнаружить его заблужденіе, и терпѣливо выслушивала всѣ объясненія и совѣты.

XXXIII.

Послѣ поѣздки на кладбище, Фрицъ не встрѣчался больше съ Альмой. Онъ собирался самъ отнести ей деньги, чтобы уплатить за ея квартиру, но все откладывалъ это посѣщеніе. Въ одно прекрасное утро къ нему явилась его хозяйка и сообщила,

что его желаетъ видѣть та самая барышня, которая приносила ему альпійскія фіалки. Хозяйка прибавила сочувственнымъ тономъ, что лицо у барышни очень печальное.

Фрицъ быстро одѣлся и связалъ хозяйкѣ, чтобы она попросила фрейлейнъ войти. Видъ у Альмы былъ, дѣйствительно, самый удрученный, и Фрицъ опять испыталъ чувство мучительной неловкости, какаго-то страха и упрековъ совѣсти. Онъ усадилъ Альму, принесъ ей фруктовъ, присланныхъ Анни Эшауеръ, и спросилъ, не случилось ли чего-нибудь. Альма рассказала, сначала робко и запинаясь, но потомъ все рѣшительнѣе, что съ нею случилась странная вещь, о которой она сочла нужнымъ сообщить Фрицу.

Къ ней явился господинъ, подъ видомъ довѣреннаго отъ одного моднаго магазина, нуждавшагося въ опытной швеѣ. Въ этомъ собственно не было ничего удивительнаго, но этотъ господинъ, повидимому еврей, не былъ похожъ на купца, и началъ задавать ей совсѣмъ не относившіеся къ дѣлу вопросы, какъ напримѣръ: кто платитъ за ея квартиру, не имѣетъ ли она близкаго друга и не воспротивится ли онъ, если она захочетъ уѣхать изъ этого города. Чтобы отдѣлаться отъ надоедливаго посѣтителя, Альма объявила, что она нигуда не думаетъ уѣзжать, но ея гость послѣ этого не ушелъ, а сообщилъ, что пришелъ къ ней по порученію одной знатной особы, имени которой не могъ назвать и которая принимала живѣйшее участіе въ печальной судьбѣ Альмы. Онъ показалъ деньги, присланныя этой благодѣтельницей съ условіемъ, чтобы фрейлейнъ Луксъ тотчасъ же покинула городъ и соблюдала о случившемся глубочайшую тайну. Отъ денегъ Альма, конечно, отказалась, и неизвѣстный господинъ удалился, прося ее, по крайней мѣрѣ, молчать, чтобы ему еще не досталось за его доброту.

Бѣдная женщина ничего не понимала, но это посѣщеніе было ей крайне непріятно и даже вызывало въ ней неопредѣленный страхъ. Бертингъ попросилъ ее подробно описать наружность таинственнаго незнакомца, и Альма словами создала очень живой портретъ Зигфрида Зильбера. Сомнѣнія не могло быть, что это былъ именно онъ, но для чего ему понадобилось удалять Альму изъ города?

Бертингъ одобрилъ поведеніе Альмы, попросилъ ее никому не рассказывать о случившемся и обѣщалъ непремѣнно къ ней зайти, такъ что она ушла отъ него совершенно счастливая и ободренная.

Въ тотъ же день Бертингъ отправился къ Зильберу и сталъ

требовать, чтобы онъ объяснилъ ему свое поведеніе. Зильберъ принялъ оскорбленный видъ и сначала отказался давать какія бы то ни было объясненія; но когда Фрицъ объявилъ, что не выйдетъ изъ редакціи, не выяснивъ этого дѣла, то Зильберъ проивнестъ:

— Я согласенъ, что мое посѣщеніе фрейлейнъ Луксъ можетъ показаться страннымъ...

— Не страннымъ,—перебилъ его Бертингъ,—а просто нахальнымъ!

Темные глаза Зильбера злобно свергнули, но онъ сдержалъ себя и съ усмѣшкой пожалъ плечами.

— Если вамъ угодно меня оскорблять, Бертингъ,—проговорилъ онъ,—то я, конечно, не могу вамъ этого запретить; только это меня нисколько не задѣваетъ. Еслибы вы знали мои внутреннія побужденія,—продолжалъ онъ, сдѣлавъ огорченную мину и опуская глаза,—то вы взяли бы назадъ ваши слова. Вы сказали бы только, что я былъ неостороженъ, взявъ на себя такое порученіе. Еслибы оно удалось, то мнѣ были бы благодарны; а такъ какъ оно не удалось, то я рискую потерять друга... такъ я имѣлъ смѣлость называть васъ до сихъ поръ.

Отъ всѣхъ этихъ фразъ Бертингъ пришелъ въ отчаяніе.

— Объясните мнѣ, какая у васъ была цѣль?—воскликнулъ онъ.—Я вѣдь знаю васъ, и потому увѣренъ, что вы не станете дѣйствовать, не разсчитывая на выгоду.

— Этими словами вы доказываете, что не знаете меня. Я дѣйствовалъ, какъ идеалистъ.

— Идеалистъ?!

— Изъ чувства идеальной и идеализирующей дружбы. Я давно замѣтилъ происшедшую въ васъ перемѣну, Бертингъ: вы стали совсѣмъ не тотъ, и я угадалъ, что именно васъ угнетаетъ. Фрейлейнъ Луксъ, безспорно, красива, но развѣ можетъ такой человекъ, какъ вы, удовольствоваться одной физической красотой! Эта дѣвушка стала вамъ въ тягость, но вы, по свойственной вамъ деликатности, не могли сами освободиться отъ нея, и я, какъ безкорыстный другъ, рѣшился помочь вамъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ.

— Знаете, Зильберъ,—едва сдерживаясь, проговорилъ Фрицъ,—что я не вѣрю ни единому вашему слову. Мнѣ только хотѣлось бы знать, какой благодарности вы ждете за вашъ поступокъ отъ фрау Эшауеръ?

При этихъ словахъ Зильберъ вздрогнулъ и видимо расте-

рѣлся. Голова его ушла въ плечи, и можно было даже подумать, что ему стало стыдно.

— Ну, если вы знаете, то глупо было бы сѣрывать,—говорилъ онъ едва слышно, и прибавилъ, возвышая голосъ:—объ одномъ прошу васъ, Бертингъ, не приписывайте мнѣ какихъ-нибудь низменныхъ мотивовъ. Это было безразсудно, если хотите, я вмѣшался не въ свое дѣло, я съ этимъ согласенъ, но я не думалъ ни о какой выгодѣ. Вѣдь тутъ замѣшана женщина, большая женщина... и я сдѣлалъ это просто изъ жалости. Еслибы вы слышали, какъ фрау Анни меня умоляла! Увѣрю васъ, она просто сама не своя отъ ревности, и если я сразу не сказалъ вамъ правды, то именно потому, что не хотѣлъ выдавать чужую тайну. Я надѣюсь, Бертингъ, что теперь вы мнѣ вѣрите.

Послѣднія слова были произнесены съ обычною самоувѣренностью и даже съ паѳосомъ.

Бертингъ отвернулся, и взглядъ его упалъ на фотографію, стоявшую на письменномъ столѣ. Это былъ портретъ бѣловурой поэтессы.

— Васъ удивляетъ, что у меня этотъ портретъ?—спросилъ Зильберъ, слѣдившій за его взглядомъ.

— Нисколько! Фрейлейнъ Бейерлейнъ—ваша сотрудница, о чемъ я узналъ изъ послѣдняго нумера.

— Ну, да, Богъ мой, чего не сдѣлаешь изъ вѣжливости! Стихи не очень-то литературны, но и не совсѣмъ плохи, и когда такая очаровательная авторша... Вы меня осуждаете?

— Нисколько. Я не мѣшаюсь въ чужія личныя дѣла, и совѣтую и вамъ впередъ придерживаться этого правила.

XXXIV.

За послѣдніе дни Фрицу ни разу не удалось побывать у Гедвиги фонъ-Лаванъ. Когда онъ, наконецъ, отправился въ ней, то не засталъ ея дома. Толстощекая горничная объявила ему, что барышня ушла къ доктору. Она повторяла это всегда, когда Гедвиги не бывало дома. Бертингъ раскрылъ какую-то книгу и, въ ожиданіи хозяйки, читалъ цѣлый часъ; но Гедвиги все не возвращалась, и онъ ушелъ. На слѣдующее утро онъ получилъ отъ нея письмо съ выраженіемъ сожалѣнія, что онъ не засталъ ея, и съ просьбой придти позавтракать. За столомъ Гедвига сообщила Фрицу, что ея тетушки возвращаются и что ей придется скоро водворять на прежнія мѣста всѣ отвратительныя

вещи, удаленныя ею изъ комнатъ. При этомъ она довольно ядовито подсмѣивалась надъ отсутствующими старушками, и ея шутки произвели непріятное впечатлѣніе на Фрица. Холоднѣе, чѣмъ когда-либо, глядѣли на него ея сѣрые глаза, и у него явилось такое чувство, какъ будто онъ былъ натурой, позирующей передъ опытнымъ художникомъ. Гедвигъ только-что припесли корректуру ея повѣсти, и она попросила Фрица ее поправить, такъ какъ сама еще не умѣла этого дѣлать. Бертингъ продержалъ корректуру и ушелъ домой съ большими, чѣмъ когда-либо, чувствомъ неудовлетворенности и недовольства. Чтобы разсѣять это чувство, онъ отправился къ Лемфинку. Братъ и сестра были ему очень рады и предложили сдѣлать прогулку за городъ. Лемфинкъ, воспользовавшись отсутствіемъ Тони, отправившейся одѣваться, спросилъ Бертинга о здоровьѣ Альмы и выразилъ удивленіе, что Фрицъ до сихъ поръ не заботился о томъ, чтобы удобно устроить Альму на время родовъ. По его мнѣнію, всего лучше было помѣстить ее въ женскую клинику. Приходъ Тони прекратилъ этотъ мучительный для Фрица разговоръ.

Они заняли столики въ загородномъ саду. Народа было очень много. Часть публики приходила пѣшкомъ, но большинство прїѣзжало на лошадяхъ или по желѣзной дорогѣ. Здѣсь попадались и парадныя дамы, и учащаяся молодежь, и туристы. Фрицъ разсѣянно смотрѣлъ на проходившихъ, какъ вдругъ его вниманіе было привлечено одной парой. Мужчина и дама шли подъ-руку, отдѣлившись отъ остальной толпы. Бертингъ чуть не вскрикнулъ, узнавъ въ тонкой женщинѣ, въ изящномъ сѣромъ платьѣ, Гедвигу фонъ-Лаванъ, а въ высомомъ, безбородомъ мужчинѣ рядомъ съ нею—Вальдемара Геслова. Когда онъ немного пришелъ въ себя и хотѣлъ за ними броситься, то они уже исчезли въ толпѣ.

Лемфинкъ замѣтилъ его волненіе и участливо освѣдомился, что съ нимъ. Фрицъ пробормоталъ, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо, что, вѣроятно, это простуда, и ему лучше вернуться домой. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе быть одному, и онъ въ душѣ проклиналъ участливую заботливость своихъ друзей, объявившихъ, что они непременно проводятъ его до станціи. Онъ не помнилъ, какъ взялъ билетъ и очутился одинъ въ купѣ. Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Ему почти дѣлалось дурно отъ остраго чувства ревности и отвращенія къ Гедвигѣ фонъ-Лаванъ. Конечно, она была вполнѣ свободна и никогда не давала ему права ревновать ее, но мысль, что она пред-

почла ему этого Геслова, все достоинство котораго состояло въ сильныхъ мускулахъ, и что она все время обманывала его, отправляясь на свиданія съ актеромъ,—была ему невыносима. Думать, что она предавалась самой грубой чувственности,—она, эта Гедвига, которой онъ столько времени приписывалъ самыя утонченныя чувства и самыя воспримчивыя нервы художественной натуры! Онъ былъ съ нею деликатенъ, а стояло ему быть грубымъ и циничнымъ, какъ Гесловъ, и она принадлежала бы ему. Это сознание было для него всего мучительнѣе.

Вернувшись въ городъ, онъ пошелъ въ кафѣ и попробовалъ читать газеты, но ничего не понималъ изъ прочитаннаго, и отправился домой. Тамъ, на столѣ, лежало утреннее письмо Гедвиги—и ему живо представилась вся она, съ перомъ въ рукахъ и съ неумолимой насмѣшливой улыбкой на тонкихъ губахъ. Можетъ быть, интрига съ Гесловомъ доставляла ей особое наслаждение, потому что была связана съ обманомъ и опасностью. Какъ она стала ему ненавистна! И эта-то женщина вдохновляла его, для нея онъ писалъ свои стихи! Но вдругъ на него нашло сомнѣнiе: а можетъ быть, все это произошло случайно? Послѣ его ухода, могъ явиться актеръ и предложить ей загородную прогулку. Но почему она ему всегда отказывала въ этихъ прогулкахъ? Во всякомъ случаѣ, все это надо было выяснить—и онъ рѣшилъ пойти къ Гедвигѣ, чтобы посмотрѣть, какъ она объяснитъ свое отсутствiе.

Горничная объявила ему, что фрейлейнъ уѣхала по дѣламъ не болѣе какъ съ часъ тому назадъ, а весь день была дома. Одно ея желанiе сообщить болѣе того, чѣмъ ее спрашивали, уже доказывало, что она лгала. Слѣдовательно, и она была въ разговорѣ вмѣстѣ съ своей госпожею.

Бертингъ медленно сошелъ съ крыльца. Ему все-таки очень хотѣлось знать, когда вернется Гедвига и будетъ ли она одна. Опять въ немъ зашевелилась ревность, но онъ не скрежеталъ больше зубами и не презиралъ, а испытывалъ только глубокую тоску и готовъ былъ заплакать отъ чувства собственнаго безсилiя. Онъ не могъ уйти, не повидавъ Гедвигу. Пробѣжали экипажи, но все мимо. Зажглись уличные фонари,—а онъ все ходилъ взадъ и впередъ. Наконецъ подъѣхалъ извозчикъ и остановился.

Бертингъ спрятался за уголъ сосѣдняго дома и смотрѣлъ, затавъ дыханiе.

Изъ экипажа вышла Гедвига, закутанная въ темный плащъ, и стала, при свѣтѣ фонаря, искать деньги въ портмоу.

Бертингъ вышелъ изъ своей засады и подошелъ къ ней.

— Не нужно ли вамъ мелочи?

Она быстро подняла голову.

— Ахъ, это вы? Какими судьбами такъ поздно?

— А вы какими?

— Я была у доктора. Меня тамъ такъ задержали...

— Но вѣдь докторъ живетъ въ двухъ шагахъ отсюда, — перебилъ ее Бертингъ и, обращаясь къ кучеру, спросилъ:

— Вы откуда взяты?

Кучеръ, боясь, чтобы ему не уменьшили платы, сталъ увѣрять, что дешевле взять не можетъ, и при этомъ назвалъ довольно отдаленный кварталъ.

— Тамъ живетъ Вальдемаръ Гесловъ? — спросилъ Фрицъ въ полголоса, чтобы Гедвига одна могла его слышать. Она ничего не отвѣчала, отдала кучеру деньги, подошла къ садовой калиткѣ и отворила ее, но Бертингъ загородилъ ей путь.

— Два слова только! — сказалъ онъ.

— Чтò съ вами сегодня и чего вы отъ меня хотите? — проговорила Гедвига, и голосъ ея едва замѣтно дрогнулъ.

— Вы провели день съ Вальдемаромъ Гесловомъ? Вы станете это отрицать?

— Отрицать — зачѣмъ? Но чтò же вы спрашиваете, если знаете?

— И были у него въ квартирѣ?

— Почему бы мнѣ и не быть?

— Чтò это за плащъ? Днемъ его на васъ не было.

— Это плащъ Геслова. Я совсѣмъ не желаю простудиться, а ночь свѣжая. Завтра я его отошлю ему, или, можетъ быть, онъ самъ за нимъ зайдетъ. Довольно съ васъ?

При этомъ она направилась къ крыльцу, но Бертингъ схватилъ ее за руку.

— Гедвига, дойти до такого униженія! Это отвратительно, это пошло... я не могу найти настоящаго слова!

— Еслибъ вы знали, мой милый, какъ къ вамъ не идетъ это благородное негодованіе! Однако пустите меня, я устала и хочу спать.

Фрицъ топнулъ ногой, не выпуская Гедвигу. Ему безумно хотѣлось обидѣть ее, сдѣлать ей больно.

— Вы воображаете, что Гесловъ будетъ вамъ вѣренъ? Онъ и теперь навѣрное измѣняетъ вамъ.

— Боже мой, до чего вы безвкусны и глупы! Кто вамъ сказалъ, что я дорожу какой-то вѣрностью? — и она засмѣялась

и сбѣялась до тѣхъ поръ, пока онъ не выпустилъ ея руки. Тогда она бѣгомъ бросилась къ крыльцу и, уже взявшись за ручку двери, окликнула его.

— Чего вамъ еще нужно?—спросилъ онъ.

— Давайте помиримся. Хотите придти завтра ко мнѣ позавтракать?

— Вы съ ума сошли?

— Приходите! Черезъ недѣлю прїѣдутъ тети, и тогда для меня, бѣдной, начнется постъ. Такъ придете?

Фрицъ повернулся къ ней спиной и, уходя, еще слышалъ ея презрительный смѣхъ.

XXXV.

Съ Гедвигой фонъ-Лаванъ у него все было кончено, но боль, причиненная ею, мучила его еще долго. Онъ не могъ простить себѣ, что его, знатова женщинъ, обманули и провели, какъ мальчишку, и обманули бы еще больше, если бы случай не открылъ ему глаза. Онъ бросилъ Альму, потому что она не подходила къ нему въ умственномъ отношеніи, потому что въ ней не было развитія, чуткости, вкуса. Все это нашель онъ въ Гедвигѣ, но это не только не возвысило его, а совершенно придавило къ землѣ. Ему было жаль, что онъ оттолкнулъ отъ себя единственное беззаветно любящее его существо, и онъ испытывалъ приливъ горячей нѣжности въ Альмѣ. Альма не стала его спрашивать, почему онъ вернулся къ ней и что значила происшедшая въ немъ перемѣна. Она каждый день молилась Богу, чтобы Онъ вернулъ ей Фрица, и молитва ея была услышана. Въ психологію она никогда не вдавалась, а просто радовалась тому, что Фрицъ съ нею, и, значить, все теперь будетъ хорошо.

Лемфингъ познакомилъ Бертинга съ молодымъ докторомъ Мошемъ, служившимъ въ городской женской клиникѣ, и Фрицъ нанялъ помещеніе для Альмы, на что потребовалась довольно большая сумма денегъ. Надо было думать о заработкѣ. Конецъ его повѣсти былъ напечатанъ въ „Импрессионистъ“, но редакция выговорила, чтобы онъ не печаталъ ее отдѣльнымъ изданіемъ раньше года, а написать что-нибудь новое—нечего было и думать. Исторія съ Гедвигой такъ на него подѣйствовала, что онъ не былъ въ состояніи написать ни строчки. Пришлось обратиться къ Вейсблейхеру и просить переводной работы. Издатель предложилъ ему перевести одинъ французскій романъ, отъ котораго

дама переводчица отказалась, объявивъ, что для нея онъ слишкомъ неприличенъ. Фрицъ съ радостью взялся за работу и удивлялъ Вейсблейхера своимъ прилежаніемъ. Образъ жизни онъ велъ теперь приблизительно такой же, какъ въ то время, когда они жили у фрау Клиппель. Весь день Фрицъ работалъ за письменнымъ столомъ, а вечера проводилъ у Альмы. Но тогда онъ работалъ надъ собственнымъ произведеніемъ, а теперь это была переводная работа изъ-за гонорара. Переводимый имъ романъ представлялъ собою одну изъ послѣднихъ раковинъ, выброшенныхъ на берегъ огромной натуралистической волной, прошедшей по французской литературѣ, но въ немъ не сохранилось того особеннаго запаха пота, крови, угольнаго дыма и пороха, которымъ проникнуть гигантскій цыкъ „Rougou-Masquart'овъ“. У этого утонченнаго эпитгона преобладалъ одурманивающий ароматъ теплицы. У него было больше вкуса, и подробности были больше выработаны, чѣмъ у великаго живописца *al-fresco* Зола съ его темной палитрой. Переводя какого-нибудь автора, начинаешь относиться къ нему совсѣмъ иначе, чѣмъ при обыкновенномъ чтеніи. Вдвойнѣ продумываешь всѣ его мысли, и на его, и на своемъ языкѣ, и невольно подсматриваешь за его скрытой внутренней работой. Фрицъ былъ пораженъ отсутствіемъ оригинальности и своеобразности и необыкновенной ловкостью, съ какою было написано это произведеніе. Онъ невольно задумался надъ вопросомъ: не сдѣлалось ли слишкомъ легко въ наши дни писать годныя для чтенія книги? Нужно имѣть только немного фантазіи, ума, вкуса и способности комбинировать и затѣмъ беззащитно пользоваться произведеніями другихъ авторовъ. Сокровищница мыслей, знаній и наблюденій, завѣщанная намъ прошлымъ, — неисчерпаема. И поэтому именно какъ страшно трудно создать что-нибудь свое, въ чемъ бы ярко выразилась индивидуальность и что могло бы проеуществовать хоть десятокъ лѣтъ!

Обо всемъ этомъ онъ часто бесѣдовалъ съ Лемфинкою. Кромѣ этого поводомъ для споровъ являлась и книга Лемфинки. Другой на его мѣстѣ пришелъ бы въ отчаяніе отъ приѣма, оказаннаго ей въ прессѣ. Ежедневныя политическія газеты замалчивали ее. Имъ были неприятны горькія истины, преподносимыя въ книгѣ всѣмъ партіямъ. Научныя органы сожалѣли о недостаткѣ метода въ этомъ трудѣ, а остальная пресса пользовалась книгой Лемфинки для своихъ якобы остроумныхъ выходовъ. Но этотъ приѣмъ именно доказывалъ автору, что онъ долженъ былъ написать свое сочиненіе, и онъ былъ доволенъ и спокоенъ.

Бертингъ пробовалъ оспаривать мнѣнія своего друга, стараясь защитить современную культуру, но Лемфинкъ возражалъ ему:

— Возьмемъ, напримѣръ, натурализмъ. Я не обвиняю его, конечно, въ неприличіи, какъ дѣлаютъ многіе, но для меня ясны его духовные недостатки. Онъ проникъ во многія важныя явленія, какъ, напримѣръ, въ фізіологію, но отказался отъ метафизики. Въ его произведеніяхъ есть ширина, но нѣтъ горизонтовъ. Это точно обширная зала съ низкимъ потолкомъ. Драмы его не затрогиваютъ огромныхъ и самыхъ важныхъ жизненныхъ проблемъ, и поэтому не увлекаютъ, не восхищаютъ, а только смущаютъ и подавляютъ.

— А Ибсенъ?—возражалъ Бертингъ.

— Что же, ты думаешь, что Ибсенъ даетъ намъ новую нравственность? Онъ только указываетъ намъ, гдѣ началось самое сильное гніеніе и разложеніе. Онъ дѣлаетъ намъ ясной нашу болѣзнь, но онъ не врачъ и не исцѣляетъ насъ. Не таковы были Данте, Шекспиръ и Гёте, и я жалѣю, что этотъ сѣверный богатырь съ его огромнымъ эгоизмомъ имѣетъ такое вліяніе на нѣмецкую литературу. Совсѣмъ другихъ учителей желалъ бы я для молодого поколѣнія!

— Я не думаю,—замѣтилъ Фрицъ,—чтобы революція въ нашей умственной жизни была вызвана внѣшнимъ вліяніемъ. Переворотъ произошелъ бы и безъ Зола, Ибсена и Толстого.

— Конечно, натурализмъ и социализмъ—два родные брата, и они до нѣкоторой степени очистили атмосферу, отяжелѣвшую отъ затхлаго филистерства и вредныхъ испареній разныхъ умственныхъ болотъ; но имъ можно было симпатизировать только пока они были молоды, а теперь они старѣютъ и сами превращаются въ сытыхъ буржуа. Научный социализмъ—это то же, что и натуралистическая литература. Онъ держится слишкомъ на поверхности. Говорятъ о свободѣ, а сами потворствуютъ инстинктамъ массы. Въ концѣ-концовъ все это приводитъ не къ освобожденію личности, а къ ея умерщвленію.

— Въ такомъ случаѣ, я удивляюсь, Лемфинкъ, почему ты въ своей главѣ „Руководящіе умы“ не поставилъ Ницше?

— Ницше не хотѣлъ самъ быть руководителемъ, и никогда имъ не будетъ. Его слова—острый ножъ безъ рукоятки. Его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ разрушилъ аскетическую сторону христіанства.

— Но, милый Лемфинкъ, неужели ты ждешь чего-нибудь отъ христіанства? Мнѣ оно кажется давно умершимъ.

— А я, Бертингъ, скажу тебѣ, что втайнѣ мечтаю и надѣюсь, что христіанство, освободившись отъ вѣкового непониманія и ложныхъ толкованій, опутывавшихъ его и мѣшавшихъ его движенію, какъ ненужныя тяжелыя и темныя одежды, сдѣлается основаніемъ и свѣтомъ будущаго человѣчества.

За такими разговорами время проходило незамѣтно. Тони не вмѣшивалась въ споры двухъ друзей, но ея присутствіе было пріятно для обоихъ. Фрицъ съ большимъ интересомъ изучалъ этотъ новый типъ женщины.

Ея простая, многосторонняя, но не слишкомъ сложная натура дѣйствовала на него успокоительно. Мать свою онъ потерялъ рано, съ сестрою не былъ друженъ и на всѣхъ женщинъ привыкъ смотрѣть исключительно какъ на женщинъ; поэтому его особенно радовали завязавшіяся у него товарищескія отношенія съ Тони. Онъ охотно разсказалъ бы ей объ Альмѣ, но его удерживалъ страхъ, что Лемфинку это можетъ не понравиться.

Между тѣмъ Альма переселилась въ клинику, и докторъ Мошъ аккуратно сообщалъ Фрицу о состояніи ея здоровья.

XXXVI.

У Альмы родилась дѣвочка. Бертингъ узналъ объ этомъ отъ доктора Моша. Тотъ запиской увѣдомилъ его, что все обошлось благополучно и идетъ своимъ нормальнымъ путемъ.

Извѣстіе о томъ, что онъ сдѣлался отцомъ, произвело довольно странное и неожиданное впечатлѣніе на Бертинга. Оно не вызвало въ немъ ни малѣйшей радости; онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ, окончательно связаннымъ. Ему казалось, что на него навалилась какая-то тяжесть, и его охватывалъ ужасъ, когда онъ думалъ о будущемъ.

Онъ не чувствовалъ особенной потребности увидѣть Альму съ дочерью. Одно сознаніе, что у него родился ребенокъ, вызвало въ немъ ощущеніе неловкости.

Онъ получилъ рано утромъ записку отъ доктора Моша и днемъ отправился къ нему.

Докторъ поздравилъ отца. Онъ увѣрялъ его, что дѣвочка прелестна и голосъ у нея необыкновенно звонкій. Затѣмъ онъ вдавался еще въ нѣкоторыя подробности относительно новорожденной. Фрицу пришло въ голову, ужъ нѣ смѣется ли онъ надъ нимъ.

Домой онъ вернулся въ самомъ отвратительномъ настроеніи.

Работать онъ былъ не въ состояніи, и рѣшилъ отправиться къ Лемфинку. Онъ хотѣлъ сообщить о случившемся своему другу, смутно надѣясь найти у него утѣшеніе.

Братъ и сестра были дома. Бертингъ воспользовался минутой, когда Тони вышла изъ комнаты, и разсказалъ Лемфинку объ Альмѣ.

Лемфинкъ поздравилъ Фрица, хотя и въ нѣсколько другомъ тонѣ, чѣмъ докторъ Мошъ. Онъ сказалъ, что ему довольно трудно войти въ душевное настроеніе друга, но онъ представляетъ себѣ, что передъ тайной появленія на свѣтъ новаго существа, вызваннаго къ жизни взаимной любовью, смолкають всѣ мелочныя тревоги и заботы. Онъ полагалъ, что сознаніе себя виновникомъ жизни будущаго человѣка вызываетъ въ душѣ страхъ и радость. Онъ считалъ рожденіе ребенка самымъ важнымъ и знаменательнымъ событіемъ въ жизни людей.

Генрихъ Лемфинкъ казался очень взволнованнымъ, говоря все это. Фрицъ даже не ожидалъ, что новость до такой степени задѣвнетъ за живое его друга.

Вошла Тони съ кофейнымъ приборомъ, и разговоръ оборвался.

Бертингъ чувствовалъ, что въ своемъ настроеніи онъ всѣмъ въ тягость, и собрался уходить. Тони долго и безуспѣшно уговаривала его остаться. На прощанье она не выдержала и спросила, что съ нимъ случилось. Онъ уклончиво отвѣтилъ, что у него дѣловыя непріятности.

Лемфинкъ пошелъ его проводить, и они опять вернулись къ прерванному разговору. Лемфинкъ сказалъ Фрицу, что понимаетъ всю трудность его положенія, но просить не забывать въ тяжелыя минуты, что у него есть другъ, всегда готовый помочь ему.

Фрицъ поблагодарилъ Лемфинка. Онъ надѣялся, что все уладится, и ему не придется затруднять Генриха.

На другой день утромъ Фрицъ получилъ отъ Альмы записку, написанную карандашомъ на измятомъ клочкѣ бумаги. Онъ съ трудомъ разобралъ ея царапанье.

Альма писала, что все идетъ хорошо, и она очень счастлива. Дѣвочка взяла грудь. У нея вся голова въ завиткахъ и она очень похожа на Фрица. Въ заключеніе Альма благодарила Фрица за все и выражала надежду скоро, очень скоро увидѣться съ нимъ и показать ему ихъ дочку.

Фрицъ отвѣтилъ Альмѣ. Онъ просилъ ее беречься, спрашивалъ, не хочется ли ей чего-нибудь, и увѣрялъ, что готовъ сдѣлать для нея рѣшительно все. Только придти къ ней онъ никакъ не могъ. Докторъ былъ противъ его посѣщенія.

Въ этотъ день онъ опять не могъ работать. Онъ чувствовалъ себя разстроеннымъ, и ему было грустно, грустно до слезъ. Ему представлялась Альма съ ребенкомъ на рукахъ, и ему стало больно жалеть ее. Онъ сердился на себя, смѣялся надъ собственной сентиментальностью, но никакъ не могъ отогнать этихъ мыслей, и онѣ продолжали терзать его.

Онъ рѣшилъ опять пойти къ Лемфинку. Погода была чудесная; времени у него было много, такъ какъ работа положительно не клеилась, и онъ пошелъ пѣшкомъ.

Лемфинка не было дома, но, уходя, онъ распорядился, чтобы Фрица задержали, если онъ придетъ въ его отсутствіе. Онъ просилъ передать, что долженъ сообщить ему что-то очень важное.

Тони не могла объяснить, въ чемъ дѣло. Утромъ братъ ея получилъ какое-то письмо, но она не знала его содержанія. Во всякомъ случаѣ, ей казалось, что вѣсти были хорошия.

— Не пойдешь ли мы прогуляться?—предложила она.— Пойдемъ куда-нибудь по близости, чтобы не заставить ждать Генриха.

Фрицъ согласился. Они вышли изъ дому и пошли по каменистой дорожкѣ къ возвышенности, съ которой открывался видъ на рѣку и весь городъ, а въ отдаленіи синѣли горы. Отсюда они повернули назадъ и направились домой.

Разговоръ какъ-то не клеился. Тони, противъ обыкновенія, была очень молчалива, и ея неразговорчивость показала Фрицу подозрительной. У Тони былъ такой видъ, точно она все время собиралась его спросить о чемъ-то и не рѣшалась. Онъ искоса поглядывалъ на нее, и въ эту минуту ихъ взгляды встрѣтились. Тони вся вспыхнула.

Фрицъ подумалъ, что Лемфинкъ выдалъ его тайну сестрѣ, и ему захотѣлось узнать, что думаетъ обо всемъ этомъ Тони. Онъ не могъ себя представить, какое впечатлѣніе произвело на нее неожиданное открытіе. И вдругъ Тони заговорила первая.

— Генрихъ разсказалъ мнѣ все, г-нъ Бертингъ. Какъ здоровье малютки?—прибавила она уже болѣе тихимъ голосомъ.

Фрицъ отвѣтилъ, что мать и ребенокъ, насколько онъ слышалъ, чувствуютъ себя отлично.

— Развѣ вы еще не видѣли вашей дѣвочки? — съ изумленіемъ воскликнула Тони.

Онъ возразилъ, что до сихъ поръ еще не имѣлъ возможности побывать въ больницѣ, да, откровенно говоря, и не особенно стремился къ этому.

— Я васъ не понимаю!—сказала Тони.

Фрицъ пробовалъ объяснить, что онъ положительно не знаетъ, какъ обращаться съ такимъ крошечнымъ существомъ.

— Но это просто неестественно!—съ негодованіемъ вырвалось у дѣвушки.

— Мы, мужчины, чувствуемъ себя крайне безпомощными относительно такихъ маленькихъ дѣтей. Никогда такъ ясно не сознаемъ мы нашу слабость и нашу односторонность. Можетъ быть, это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда мужчина и женщина должны взаимно пополнять другъ друга. Вы не согласны со мной?

Но Тони даже ничего не отвѣтила на этотъ вопросъ, и они молча дошли до дома. У самого входа дѣвушка вдругъ остановилась.

— У меня къ вамъ большая просьба, г-нъ Бертингъ,—сказала она.—Позвольте мнѣ посмотреть вашу дочку. Мнѣ очень хотѣлось бы познакомиться съ Альмой. Генрихъ такъ много мнѣ рассказывалъ о ней.

Говоря это, она взяла его за руку. Фрицъ колебался всего одно мгновеніе и затѣмъ отвѣтилъ, что будетъ очень радъ, если Тони познакомится съ Альмой.

Лемфинкъ былъ уже дома. Онъ обнялъ сестру и какъ-то многозначительно пожалъ руку Фрицу.

— Неужели вы не видите во мнѣ ничего особеннаго?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— У тебя такой видъ, точно ты выигралъ двѣсти тысячъ,—отвѣтилъ Фрицъ.

— И ты не ошибся. Я дѣйствительно выигралъ, хотя и не на выигрышный билетъ.

— Генрихъ! — воскликнула, задыхаясь отъ волненія, Тони.—Что съ тобой?

— А вотъ что: Фрицъ всегда увѣрялъ меня, что во мнѣ есть что-то профессорское, а теперь, кажется, этотъ взглядъ раздѣляютъ и другіе. Мнѣ предлагаютъ кафедру исторіи современной литературы...

— Гдѣ?—воскликнула Тони.

Генрихъ Лемфинкъ взглянулъ на портретъ Фишера, стоявшій на его письменномъ столѣ.

— На родинѣ!—отвѣтилъ онъ.

— Генрихъ! — И Тони бросилась обнимать брата. — Жаль только, что отецъ съ матерью не дожили до этого!

И она разрыдалась, прижимаясь къ груди брата.

Бертингъ отошелъ къ окну. Ему не хотѣлось смущать ихъ своимъ присутствіемъ.

Когда улеглось первое волненіе, Лемфингъ долженъ былъ разсказать подробно, какъ все случилось. Онъ самъ былъ пораженъ неожиданнымъ предложеніемъ, и думалъ, что до нѣкоторой степени обязанъ имъ одному знакомому изъ кружка Фишера. Насколько онъ слышалъ, этотъ человѣкъ пользуется теперь большимъ вліяніемъ. Но, во всякомъ случаѣ, Лемфингъ не прибѣгалъ ни къ какой протекціи и утѣшался мыслью, что его новая книга повліяла на его избраніе гораздо болѣе всякихъ ходатайствъ и рекомендацій.

— Ты великодушнень, какъ всегда!—воскликнулъ Фрицъ.— Удивляюсь, какъ это ты еще не отказался отъ мѣста! Вѣдь ты способенъ отвѣтить...

— Еслибы я былъ увѣренъ, что получилъ его благодаря протекціи, я не задумался бы ни на одну минуту,—отвѣтилъ Лемфингъ.

Тони бросилась опять обнимать брата.

— Какъ проведемъ мы вечеръ, Генрихъ?—спросила она.— У меня такое чувство, что я могла бы пройтись по канату.

— Пускай рѣшаетъ Бертингъ,—отвѣтилъ Лемфингъ.

Но Фрицъ молчалъ, и Тони сразу поняла, что означаетъ его молчаніе.

— Вотъ что: мы останемся дома,—рѣшила она.

— Это будетъ самое лучшее. Я позабочусь объ ужинѣ.

И Тони вышла изъ комнаты.

— Что съ тобой, Бертингъ?—спросилъ Лемфингъ, когда они остались одни.—Ты какъ будто недоволенъ?

— Видишь ли, человѣкъ прежде всего—эгоистъ. Твое счастье должно было заставить меня позабыть рѣшительно все, а между тѣмъ...

— Прости пожалуйста! Я не понимаю, что со мной сдѣлалось! Вѣдь я не спросилъ тебя ни объ Альмѣ, ни о дѣвочкѣ. Я—ужасный эгоистъ. Прости меня!

— Полно, Лемфингъ,—остановилъ его Фрицъ.—Мнѣ тяжело подумать, что придется разстаться съ тобой. Вотъ что удручаетъ меня.

XXXVII.

Совершенно неожиданно Бертингъ получилъ письмо изъ Берлина. Его сестра Констанція написала ему, что они рѣшили сдѣлать небольшое путешествіе и проѣздомъ остановиться дня на два въ городѣ, чтобы повидаться съ Фрицемъ.

Бертинга очень мало радовало предстоящее свиданіе, но избѣгать его было нельзя, и онъ покорился необходимости.

Констанція измѣнилась очень мало. Какъ только Фрицъ увидѣлъ ея тонкое лицо и бѣлокурые волосы, на него пахнуло тѣмъ-то далекимъ, полузабытымъ и все-таки роднымъ. Мужа ея не было дома, и Фрицъ былъ этимъ очень доволенъ. Присутствіе г-на Веднера всегда производило на него удручающее впечатлѣніе.

Разговоръ шелъ о самыхъ незначительныхъ вещахъ, но Констанція болтала безъ остановки и все время смѣялась. Фрицу она показалась даже какой-то неестественной въ этомъ непривычномъ для нея оживленіи.

Фрицъ освѣдомился о своемъ племянникѣ Артурѣ, единственномъ сынѣ чети Веднеръ, и Констанція объяснила ему, что мальчикъ остался еще въ Берлинѣ и они съѣдутся съ нимъ въ Гмунденѣ. Она много распространялась объ его успѣхахъ въ наукахъ и восхищалась его благонавіемъ. Фрицъ разсѣянно слушалъ сестру и немного удивлялся, почему она такъ волнуется и такъ сильно краснѣетъ, рассказывая о мальчикѣ. Этотъ многообщающій юноша мало интересовалъ его, и онъ не особенно желалъ его видѣть. Отсутствіе Веднера Бертингъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что его зять не хотѣлъ мѣшать свиданію брата съ сестрою.

Прощаясь съ Констанціей, Фрицъ обѣщалъ ей придти на другой день въ гостинницу въ опредѣленномъ часу. Въ общемъ, Констанція произвела довольно хорошее впечатлѣніе на Фрица. Ласковая, безобидная и веселая, она невольно располагала въ свою пользу; все непріятное въ ней онъ приписывалъ влиянію мужа.

На другой день рано утромъ Фрицъ купилъ букетъ розъ и самъ отнесъ его въ гостинницу. Ему хотѣлось, чтобы цвѣты передали сестрѣ, какъ только она проснется. Въ подъѣздѣ отеля онъ столкнулся съ своимъ зятемъ, въ сопровожденіи мальчика лѣтъ шестнадцати.

Веднеръ былъ въ высшей степени пораженъ этой неожиданной встрѣчей и довольно нелюбезно замѣтилъ Фрицу, что, насколько онъ понималъ, Констанція ждетъ его значительно поздне. Бертингъ вмѣсто отвѣта указалъ на розы. Блѣдный юноша молча и съ нескрываемымъ любопытствомъ разсматривалъ Бертинга. Сходство его съ Веднеромъ было поразительное, и Фрицъ не сомнѣвался, что это—его племянникъ Артуръ.

Веднеръ между тѣмъ объяснилъ Бертингу, что ѣдетъ про-

водить сына на вокзалъ, такъ какъ тотъ уѣзжаетъ съ нихъ хорошими знакомыми. Экипажъ стоялъ уже у подъѣзда, и Веднеръ ужасно торопился, хотя швейцаръ и увѣрялъ его, что времени болѣе чѣмъ достаточно.

И отецъ съ сыномъ уѣхали такъ поспѣшно, что дядя и племянникъ успѣли обмѣняться всего нѣсколькими ничего незначащими фразами.

Теперь только понялъ Бертингъ, что означало смущеніе Констанціи и ея сбивчивые и уклончивые отвѣты на разспросы брата объ Артурѣ. Его считали настолько опаснымъ, что всѣми способами старались оградить отъ него своего единственного сына. Констанція гнала, когда говорила, что мальчуганъ нѣтъ съ ними; но, вспоминая ея жалкій, растерянный видъ, Фрицъ понималъ, до какой степени ей трудно было обманывать брата. По всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ жизни, она повиновалась своему мужу.

Въ назначенный наканунѣ часъ Фрицъ пошелъ къ сестрѣ. Констанція казалась удрученной, и въ первую минуту всѣмъ было какъ-то не по себѣ, но потомъ постепенно все обошлось. Фрицъ ни словомъ не обмолвился объ утренней встрѣчѣ, а Веднеръ старался быть любезнымъ, хотя въ душѣ страшно злился на шурина. Они позавтракали втроемъ здѣсь же въ гостинницѣ, и послѣ завтрака Веднеръ отправился къ какимъ-то знакомымъ, а Фрицъ предложилъ Констанціи осмотрѣть городъ.

Безъ мужа Констанція стала опять другимъ человекомъ. Къ ней вернулось ея хорошее настроеніе, и въ обращеніи съ братомъ снова появились такъ подкупившія его наканунѣ искренность и ласка. Они долго бродили по городу и наконецъ зашли на выставку картинъ современныхъ художниковъ.

Оказалось, что Констанція не видѣла еще никогда ничего подобнаго. Мужъ не водилъ ее на выставки, и все, что она теперь видѣла, произвело на нее сильное впечатлѣніе. Прислушиваясь къ ея наивнымъ, но иногда довольно мѣткимъ замѣчаніямъ, Фрицъ невольно удивлялся ея непосредственной чуткости, перемѣшанной съ мелочностью и пошлостью. Она видимо старалась выпытать у брата что-нибудь объ его личной жизни, но Фрицъ былъ на-сторожѣ. Онъ зналъ, что Констанція расскажетъ все мужу, и ему не хотѣлось имѣть своимъ повѣреннымъ г-на Веднера.

Констанція нашла, что у брата довольно плохой видъ. Онъ сильно похудѣлъ, и она сомнѣвалась, достаточно ли хорошо онъ питается. Она осторожно спросила его насчетъ его денежныхъ средствъ, но Фрицъ оборвалъ ея разспросы. Ему не хотѣлось

посвящать сестру въ свои дѣла, и онъ перевелъ разговоръ на другую тему.

Домой они вернулись къ обѣду. Веднеръ уже ждалъ ихъ. Онъ былъ оживленъ и видимо чѣмъ-то очень доволенъ. Онъ упомянулъ вскользь, что провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ въ кругу людей одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Фрицъ изъ рассказовъ сестры уже зналъ, что Веднеръ считаетъ своими всѣхъ тѣхъ, кто возмущается новыми вѣяніями, и онъ не могъ удержаться, чтобы довольно ядовито не упомянуть о выставкѣ картинъ, на которой онъ былъ утромъ съ Констанціей. Веднеръ насторожился.

— Какія же картины вы тамъ смотрѣли?—недовольнымъ тономъ спросилъ онъ.

— Бѣклина, Клинтера, Либермана, Штука!

— Вотъ тоже вздоръ!—презрительно вырвалось у Веднера. —И охота тебѣ, Констанція, терять время на подобныя глупости!

Констанція покраснѣла и опустила глаза. Спорить и отстаивать свое мнѣніе она, конечно, не смѣла.

На слѣдующій день Бертингъ засталъ уже сестру одну. Онъ провелъ съ нею нѣсколько часовъ, и ему показалось, что она все время собиралась поговорить съ нимъ о себѣ и о своей далеко не радостной семейной жизни. Но Фрицъ сознавалъ, что не можетъ ничѣмъ помочь ей, и уклонился отъ ея откровенности на эту тему. При прощаньи она видимо не удержалась и заговорила о томъ, что всегда ее тревожило и возмущало въ братѣ. Она спросила его, неужели онъ совсѣмъ не умѣетъ писать иначе, чѣмъ онъ писалъ до сихъ поръ. Сама она не прочла ни одной строчки изъ его сочиненій, но отъ мужа знала, до какой степени все это ужасно. Она прибавила, что ей грустно и больно сознавать, что ея единственный братъ принадлежитъ къ сомнительному кружку людей, не признающихъ никакой нравственности и сѣющихъ смуту въ обществѣ.

Фрицъ ничего не отвѣтилъ Констанціи. Они говорили на разныхъ языкахъ, и никогда не могли понять другъ друга.

Въ день отъѣзда Веднеровъ Фрицъ получилъ письмо отъ Альмы. Она писала, что чувствуетъ себя здоровой, и что ей скучно лежать въ постели. Ей очень хотѣлось какъ можно поскорѣе выписаться изъ больницы, повидать Фрица, а главное, показать ему дочку.

Бертингъ отправился къ доктору Мошу и сообщилъ ему, что Альма желаетъ вернуться домой.

Докторъ отвѣтилъ, что не видитъ никакихъ причинъ задер-

живать свою пациентку въ больницѣ. Альма могла ѣхать домой, но еще долгое время ее слѣдовало очень и очень беречь, для полного, восстановления силъ и здоровья.

Альма успѣшила перебраться къ себѣ. Вечеромъ въ день переѣзда къ ней пришелъ Фрицъ. Ему было очень грустно, что онъ не могъ принести ей никакого, хотя бы самаго маленькаго подарка. Денегъ у него совсѣмъ не было, и онъ даже остался долженъ въ больницѣ.

Конечно, Фрицъ не могъ вполне раздѣлить восторга Альмы относительно ребенка. Молча и неподвижно стоялъ онъ передъ бѣльевою корзиной, замѣнявшей колыбель его дочери. Крошечное существо съ недовольнымъ старческимъ личикомъ вызывало въ немъ какое-то брезгливое чувство. Въ жарко натопленной, тѣсной комнатѣ стоялъ специфическій спертый и кислый запахъ, и Фрицъ, имѣвшій тонкое обоняніе, съ трудомъ сдерживалъ свое отвращеніе.

Альма съ какимъ-то чисто материнскимъ упоеніемъ возилась съ пеленками и свивальниками. Взявъ ребенка на руки, она, нисколько не стѣсняясь Фрица, приложила его къ груди.

Радость ея въ первую минуту свиданія съ любимымъ чело-вѣкомъ была безмѣрна, но теперь, когда ребенокъ лежалъ у ея груди, Фрицъ отступалъ уже на задній планъ.

Фрицъ понялъ это. Вглядываясь въ Альму, онъ былъ пораженъ происшедшей въ ней переменой. Она вся сдѣлалась точно другимъ существомъ. Она достигла своей цѣли, выполнила свое назначеніе, и любовница уступила мѣсто матери.

Ребенокъ сосалъ грудь, а Альма тихимъ голосомъ говорила Фрицу, что у нея нѣтъ самыхъ необходимыхъ вещей для ея дѣвочки. У квартирной хозяйки тоже былъ маленькій ребенокъ и она удѣлила ей немного дѣтсваго бѣлья, но его не хватало. Кромѣ того, необходимо было купить люльку и ванночку.

Слушая все это, Фрицъ недоумѣвалъ, откуда ему взять денегъ на всѣ эти покупки, а по мѣрѣ того какъ ребенокъ будетъ расти, ему предстояли еще новыя издержки и еще большіе расходы.

Альма замѣтила его удрученный видъ и стала горячо увѣрять, что вполне понимаетъ, до какой степени ему трудно и тяжело. Она говорила, что будетъ жить какъ можно экономнѣе, и примется за работу, какъ только станетъ чувствовать себя немного покрѣпче. Для своей дѣвочки она готова была работать изо всѣхъ силъ. Ребенокъ долженъ имѣть все, что ему нужно.

XXXVIII.

Однажды съ утренней почтой Бертингъ получилъ извѣщеніе о помолвкѣ г-на редактора Зигфрида Зильбера съ единственной дочерью вдовы г-жи Бейерлейнъ—Милли Бейерлейнъ. Это было отпечатано золотыми буквами на великолѣпной толстой бумагѣ. Фрицъ взялъ двѣ визитныя карточки, написалъ на обѣихъ „сердечное поздравленіе“ и отправилъ по назначенію. Зигфрида Зильбера онъ давно не видалъ, но послѣднее, что онъ о немъ слышалъ, это было то, что Кароль крестился.

Въ одинъ прекрасный день Зигфридъ Зильберъ самъ явился въ Бертингу. Прежде всего онъ поблагодарилъ Фрица за „сердечное поздравленіе“, а затѣмъ сообщилъ, что ему нужно поговорить о дѣлахъ.

Онъ разсказалъ, что составъ редакціи „Импрессиониста“ приходится существенно измѣнить, въ виду печальныхъ событій въ семьѣ Гильшіусъ-Эшауеръ. Зильберъ не сомнѣвался, что Бертингъ уже знаетъ о всемъ этомъ, и очень удивился, когда Фрицъ объяснилъ ему, что за послѣднее время онъ не имѣлъ ровно никакихъ свѣдѣній объ этомъ кружкѣ.

— Въ такомъ случаѣ вы, значить, ничего не знаете о банкротствѣ Эшауера и о тяжелой болѣзни его жены? Ее положили въ клинику, и она почти безнадежна,—сказалъ Зильберъ.

Извѣстіе о болѣзни Анни поразило Фрица гораздо болѣе, чѣмъ разореніе ея мужа. Онъ съ трудомъ могъ представить себѣ эту полную жизни женщину тяжело больною, почти безнадежною. По словамъ Зильбера, она умерла отъ какой-то мучительной женской болѣзни. Все раздраженіе противъ Анни сразу улеглось въ душѣ Фрица, уступивъ мѣсто мучительной жалости.

Г-жа Гильшіусъ слишкомъ довѣряла своему зятю, и его банкротство разорило и ее. Она не могла больше поддерживать „Импрессиониста“. Маркусъ Гизель собирался уѣзжать въ Вѣну, куда стремился послѣдовать за своимъ идоломъ и Теофиль-Алоизъ Гильшіусъ. Такимъ образомъ, редакціи въ прежнемъ составѣ уже не существовало. Зильберъ увѣрялъ, что въ литературномъ отношеніи журналъ отъ этого только выиграетъ; что же касается денежныхъ средствъ, то на этотъ счетъ у редактора „Импрессиониста“ открывались новые горизонты.

— Скажу вамъ по секрету, что Вейсблейхеръ очень интересуется нашимъ журналомъ, — съ таинственнымъ видомъ сообщилъ Фрицу его гость.

— Неужели это правда?— изумился Бертингъ.

— Да, это почти рѣшенное дѣло, — отвѣтила Зильберъ.— Вейсблейхеръ понялъ, наконецъ, что дружба съ нами представляетъ извѣстныя выгоды.

— А что же вы будете дѣлать?

— Я? Я остаюсь редакторомъ журнала. Вейсблейхеръ дастъ деньги—и все пойдетъ чудесно. Надѣюсь, что и вы, дорогой Бертингъ, не оставите насъ вашимъ сотрудничествомъ?

Фрицъ поблагодарилъ за честь, но уклонился отъ предложенія.

— Но развѣ вы можете пожаловаться на гонораръ? Кажется, мы всегда хорошо оплачивали вашъ трудъ? Неужели вы недовольны?

Фрицъ сказалъ, что считаетъ дѣло рѣшеннымъ, и не желаетъ вдаваться ни въ какія объясненія.

— Но что съ вами, Бертингъ? — воскликнулъ Зильберъ.— Значить, вы имѣете что-то противъ меня лично?

Фрицъ только пожалъ плечами. Ему не хотѣлось прямо сказать Зильберу, что онъ все на свѣтѣ предпочитаетъ зависимости отъ него и Вейсблейхера.

— Положительно ничего не понимаю!—горячился Зильберъ.— Вейсблейхеръ говорилъ мнѣ, что вы въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а между тѣмъ...

Бертингъ просилъ Зильбера не продолжать, такъ какъ всѣ дальнѣйшіе разговоры бесполезны и рѣшенія своего онъ не перемѣнить.

— Вы слишкомъ горды, Бертингъ, слишкомъ горды!—весь поблѣднѣвъ отъ волненія, проговорилъ Зильберъ.— Когда-то, когда меня еще никто не зналъ и не поддерживалъ, вы приняли во мнѣ участіе, и я, въ свою очередь, искренно хотѣлъ быть вамъ полезнымъ. Но я вижу, что вы не въ мѣру горды! Берегитесь, чтобы съ вами не случилось того же, что и съ вашимъ другомъ, докторомъ Лемфинкомъ. Благодаря самоувѣнью, человѣкъ этотъ ничего не достигъ, да и не достигнетъ въ жизни.

Въ отвѣтъ на эти слова, Бертингъ громко разсмѣялся и съ удовольствіемъ сообщилъ гостю объ успѣхѣ своего друга.

Маленькій человѣчекъ весь насторожился, и лицо его выразило смѣсь удивленія, зависти и стремленіе побороть охватившую его злобу.

— Такое назначеніе—это просто находка для г-на Лемфинка, и всѣ знавшіе его печальное положеніе, конечно, отъ души порадуются за него,—проговорилъ онъ съ довольно кислой миной.

Фрицу стало просто невыносимо присутствіе Зильбера, и онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда его гость вдругъ заторопился уходить, ссылаясь на неотложныя редакціонныя дѣла. На прощанье, Зильберъ такъ крѣпко и такъ по дружески жаль руку Бертингу, точно между ними не произошло ровно ничего неприятнаго и они расстаются въ самыхъ прекрасныхъ отношеніяхъ; а черезъ нѣсколько дней Фрицъ получилъ отъ него письмо съ приложеніемъ рукописи. Это была новая повѣсть Гедвиги фонъ-Лаванъ, присланная ею для напечатанія въ „Импрессионистъ“. Зильберъ считалъ своимъ долгомъ познакомить Бертинга съ новымъ произведеніемъ талантливой писательницы, честь открытія которой принадлежала исключительно ему, Бертингу. Заглянувъ въ рукопись, Фрицъ сразу понялъ, что всё дѣйствующія лица повѣсти списаны цѣликомъ съ хорошо знакомыхъ ему людей. Вальдемаръ Гесловъ фигурировалъ въ образѣ опернаго гѣвца, а сама Гедвига изобразила себя подъ видомъ актрисы. Героиня занималась тѣмъ, что дурачила своихъ двухъ поклонниковъ. Въ лицѣ одного изъ одураченныхъ Бертингъ узналъ самого себя. Гедвига не только списала до малѣйшихъ подробностей наружность Фрица, но не постѣснилась привести почти цѣликомъ всё ихъ самые интимные разговоры.

Въ душѣ Фрица вдругъ проснулась прежняя боль, и ему стало обидно за себя, обидно за то серьезное чувство, съ какимъ онъ относился къ этой дѣвушкѣ.

Какъ разъ въ это время Бертингъ покоячилъ съ переводомъ французскаго романа. Теперь, наконецъ, онъ былъ свободенъ и могъ осуществить свое давнишнее желаніе—написать критическій разборъ книги Лемфинка.

Этой книгѣ Бертингъ приписывалъ не только литературное, но и громадное воспитательное значеніе. Во многомъ Фрицъ расходился съ авторомъ, но раздѣлялъ вполне основной взглядъ Лемфинка на развитіе личности, какъ на залогъ прогресса, и ему хотѣлось помочь распространенію и вѣрному пониманію идей своего друга.

Статья вышла довольно объемистая, и Бертингъ отправилъ ее въ Берлинъ, одному своему знакомому писателю, Максимилиану Наведе, съ предложеніемъ напечатать ее въ только-что имъ основанномъ журналѣ. Статья была принята. Ее обѣщали напечатать въ самомъ непродолжительномъ времени.

XXXIX.

Бертингу пришлось занять денегъ у Лемфинка. Теперь Альма имѣла все нужное для ребенка, а Фрицъ, пересиливая свое отвращеніе ко всемъ специфическимъ запахамъ, ежедневно, хотя и на очень короткое время, заходилъ навѣщать ее. Онъ былъ не особенно доволенъ видомъ Альмы. Ожиданіе ребенка истощило ее, а теперь она задалась мыслью спать собственными руками все приданое для своей дочки.

— Не хочу я бросать на вѣтеръ деньги, — съ упрямствомъ заявила она, и принялась съ увлеченіемъ кроить и шить крошечныя вещи для ребенка.

Съ той поры, какъ она сдѣлалась матерью, съ ней стало трудно спорить относительно всего, что имѣло хоть какое-нибудь отношеніе къ ея материнству. Во всемъ, что касалось ребенка, у Альмы были свои опредѣленные взгляды, и она ихъ отстаивала съ несвойственной ей стойкостью.

Особенно категорически высказалась она относительно крестинъ. Она сама выбрала имя для маленькой. Ее, какъ и мать, должны были назвать Альмой; у нея должны были быть настоящіе крестные, а крестить ее долженъ былъ пасторъ въ церкви.

Фрицъ рѣшилъ, что въ этомъ случаѣ онъ покорится женской волѣ, и отправился къ Лемфинку просить брата и сестру быть воспріемниками его дочери.

Лемфинкъ уѣзжалъ въ Швабію, и не могъ быть на крестинахъ, но Тони съ радостью приняла приглашеніе и захотѣла непременно повидать Альму и ея дѣвочку.

Въ день отъѣзда Лемфинка Фрицъ прямо съ вокзала проводилъ Тони до дверей Альмы, но самъ не вошелъ съ нею, изъ боязни, что его присутствіе стѣснить женщины.

Вечеромъ онъ заѣхалъ къ Тони. Ему хотѣлось знать, какое впечатлѣніе произвели на дѣвушку мать и дочь.

Какъ только онъ вошелъ, Тони сказала, что собиралась ему писать. Фрица поразилъ удрученный видъ дѣвушки, — и онъ довольно нерѣшительно спросилъ, какъ нашла она Альму и дѣвочку. Тони разомъ оживилась и стала хвалить его дочь въ такихъ выраженіяхъ и съ такой восторженностью, что Фрицъ почувствовалъ что-то похожее на отцовскую гордость.

— Однако я собиралась писать вамъ не только объ этомъ, — сказала Тони. — Мнѣ хотѣлось поговорить съ вами о матери. Мнѣ кажется, что Альма мало бережетъ себя.

— Я вполне съ вами согласенъ и не разъ уже говорилъ съ ней по этому поводу, но она меня не слушаетъ, — отвѣтилъ Фрицъ.

— Но въ этомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ быть настойчивымъ. Меня серьезно беспокоитъ здоровье Альмы.

— Вы считаете ее больной?—спросилъ Фрицъ.—Мнѣ же кажется, что она только еще не совсѣмъ оправилась и немного слаба. Докторъ Мошъ увѣрялъ меня, что, въ смыслѣ здоровья, Альма не внушаетъ никакихъ опасеній.

— Докторъ Мошъ—еще слишкомъ молодой и неопытный докторъ. Онъ можетъ ошибаться. Мнѣ въ жизни приходилось имѣть много дѣла съ больными, и въ этомъ отношеніи у меня вѣрный глазъ. Альма не должна кормить дѣвочку. Вотъ объ этомъ я и собиралась писать вамъ.

Фрицъ поблагодарилъ Тони за ея участіе. Онъ и самъ подозрѣвалъ, что съ Альмой что-то неладно, а теперь, послѣ разговора съ дѣвухой, рѣшилъ серьезно заняться вопросомъ о ея здоровьѣ.

Онъ пошелъ къ Альмѣ и посовѣтовалъ ей бросить кормить.

Альма пришла въ негодованіе, а когда Фрицъ сказалъ, что Тони Лемфингъ навела его на эту мысль, то она окончательно вышла изъ себя.

— Вотъ какъ! Фрейлейнъ Лемфингъ совѣтуетъ это! Чтò же, а этого ожидала отъ нея!

И при этомъ у нея былъ таковой оскорбленный видъ, что Фрицъ раскаявался, что назвалъ имя Тони Лемфингъ. Чтобы убѣдить Альму, Бертингъ обратился къ доктору Мошу. Мошъ осмотрѣлъ Альму и категорически объявилъ, что нужно перейти на искусственное кормленіе. Къ большому удивленію Фрица, ожидавшаго бурной сцены и слезъ, Альма довольно спокойно подчинилась приговору доктора. Она сказала, что перестанетъ кормить ребенка, и Фрицъ написалъ Тони, что все устроилось, какъ она совѣтовала. Послѣ этого онъ пересталъ беспокоиться о здоровьѣ Альмы, нисколько не сомнѣваясь, что теперь она начнетъ быстро поправляться.

Но черезъ недѣлю его спокойное настроеніе было нарушено новымъ письмомъ отъ Тони Лемфингъ. Она писала, что Альмѣ нисколько не лучше, и что она попрежнему отказывается исполнять предписанія доктора: кормить сама ребенка и много шить на машинкѣ. Тони просила Бертинга немедленно придти къ больной, и онъ бросился къ Альмѣ, внезапно охваченный предчувствіемъ надвигавшейся бѣды.

Тони ждала его въ комнатѣ Альмы. Онъ засталъ дѣвушку въ передникѣ, съ бутылочкой въ рукахъ. Она сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ не шумѣлъ, и молча указала на постель. Альма спала, закрытая одѣяломъ до самой шеи. Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ отъ спущенныхъ сторъ, но теплый лѣтній воздухъ проникалъ черезъ раскрытое окно.

Задыхаясь отъ быстрой ходьбы, Фрицъ прерывающимся голосомъ спросилъ у Тони, что случилось. Дѣвушка постаралась успокоить его. Никакой непосредственной опасности, по ея словамъ, пока не было.

Она шопотомъ рассказала ему, что провела у больной цѣлую ночь, хотя Альма относилась къ ней съ нескрываемымъ раздраженіемъ и совсѣмъ не хотѣла ее слушаться.

Фрицъ сдѣлалъ видъ, что не придаетъ этому особеннаго значенія. Онъ нисколько не сомнѣвался, что Альма ревнуетъ его, но ему не хотѣлось объяснять этого Тони.

Между тѣмъ, дѣвушка занялась ребенкомъ. Она стала поить его изъ бутылочки молокомъ и обратила вниманіе отца на то, съ какою жадностью дѣвочка ухватилась за бутылочку. Въ эту минуту сама Тони стала неузнаваемою. Въ худощавой, рослой дѣвушкѣ, съ энергичными чертами лица, вдругъ пробудилось что-то мягкое и женственное. Она стала невыразимо привлекательной, почти красивой.

Напоивъ ребенка, Тони вытерла ему тряпочкой ротъ и накинула платокъ на люльку. Потомъ она принялась мыть бутылочку, но съ постели послышался стонъ, и она поспѣшила туда. Альма все еще спала. Она простонала во снѣ. Поправивъ немного подушки, Тони вернулась къ ребенку.

Черезъ нѣсколько дней Альма стала чувствовать себя какъ будто немного лучше, порывалась встать съ постели и непременно хотѣла быть въ церкви, когда будутъ крестить ея дочку.

Но однажды Тони Лемфинкъ пришлось отлучиться отъ больной на короткое время по очень важному дѣлу. Вернувшись, она застала Альму въ обморокѣ на полу; у люльки.

Съ этого дня Альму охватило полнѣйшее равнодушіе ко всему окружающему. О крестинахъ она точно забыла, и только слабо улыбнулась, когда Фрицъ, въ назначенный день, привнесъ ей букетъ цвѣтовъ.

Тони встревожилась и умоляла Бертинга пригласить какъ можно скорѣе опытнаго доктора.

Крестины совершились при довольно удручающей обстановкѣ. Пасторъ страшно торопился, потому что его ожидали многіе,

тоже съ младенцами на рукахъ. Акушерка была въ отвратительномъ настроеніи духа. Приглашенныхъ не было, и она не ждала никакой прибыли. Въ громадной, пустой церкви было холодно и темно.

Только присутствіе Тони дало возможность Фрицу кое-какъ вытерпѣть всю эту церемонію. Дѣвушка была необыкновенно мила, вся проникнутая сознаниемъ своихъ новыхъ серьезныхъ обязанностей, и одинъ видъ ея дѣйствовалъ успокоительно на Бертинга.

Послѣ возвращенія изъ церкви, Тони опять напомнила Фрицу о докторѣ. Рѣшено было устроить на другой день, утромъ, консультацию. Докторъ Мошъ пригласилъ къ больной одного изъ своихъ коллегъ.

Утромъ, когда Бертингъ уже собирался идти къ Альмѣ, чтобы узнать о результатахъ консультаций, къ нему совершенно неожиданно явилась Тони Лемфингъ.

Докторъ, приглашенный Мошемъ, осмотрѣвъ больную, потребовалъ, чтобы ее немедленно отправили въ больницу для операціи. Тони перевезла Альму и пришла къ Фрицу.

Разсказавъ все это, дѣвушка не выдержала и разрыдалась. Всѣ послѣдніе дни нервы ея были страшно напряжены, и она была больше не въ силахъ владѣть собою. Бертингъ далъ ей выплакаться, а затѣмъ сказалъ, что рѣшительно не знаетъ, что ему дѣлать съ ребенкомъ.

При этихъ словахъ Тони сразу перестала плавать и вся какъ-то насторожилась. Потомъ робко и умоляющимъ тономъ она попросила Фрица позволить ей взять ребенка къ себѣ. Когда же онъ охотно согласился на это, она принялась восторженно благодарить его.

Фрицъ отправился въ больницу. Здѣсь его посылали то туда, то сюда, раньше чѣмъ ему удалось добиться чего-нибудь опредѣленнаго относительно больной. Наконецъ, ему дали справку, что фрейлейнъ Луксъ помѣщена въ общей палатѣ, куда мужчины не допускаются.

Тогда Фрицъ отыскалъ больничнаго доктора, того самаго, который консультировалъ съ Мошемъ и велѣлъ отправить Альму въ больницу. Отъ него онъ узналъ, что больной уже сдѣлали необходимую операцію, что все обошлось благополучно, но оперированная слаба отъ сильной потери крови. На дальнѣйшіе разспросы Фрица относительно положенія больной докторъ далъ довольно уклончивые отвѣты. Онъ, во всякомъ случаѣ, былъ того мнѣнія, что болѣзнь тяжелая, но не безнадежная. Фрицу ничего

не оставалось больше, какъ уйти, и онъ отправился къ доктору Мошу.

Отъ него онъ тоже не услышалъ ничего утѣшительнаго. Докторъ Мошъ, почти не отвѣчая на разспросы Бертинга, говорилъ ему о томъ, что въ данную минуту казалось наиболѣе важнымъ для него самого. Онъ всячески старался облить себя и доказать, что онъ ничѣмъ не виноватъ относительно своей пациентки. Она была неосторожна и не хотѣла исполнять докторскихъ предписаній—вотъ что, по его словамъ, было главной причиной ея болѣзни. Для большей убѣдительности, докторъ Мошъ нарисовалъ полную картину этой болѣзни и забросалъ и безъ того ошеломленного Фрица цѣлымъ залпомъ техническихъ и совершенно ему непонятныхъ выраженій и словъ.

Цѣлый день Фрицъ не находилъ себѣ мѣста. Сидѣть дольше дома онъ былъ не въ состояніи и пошелъ въ кофейную, гдѣ обыкновенно прочитывалъ газеты. Здѣсь онъ тоже оставался не долго и направился опять въ больницу.

Онъ не узналъ ничего новаго. Въ положеніи больной за это время не произошло никакой перемены. Видѣть ее было по-прежнему нельзя. Мужчинъ пускали въ общую палату только въ исключительныхъ случаяхъ, и притомъ только самыхъ близкихъ родственниковъ. Бертингъ пожалѣлъ, что на вопросъ о томъ, какъ онъ приходится больной, назвалъ женихомъ Альмы. Было бы, пожалуй, удобнѣе сказать, что онъ ея братъ. Тогда, быть можетъ, его скорѣе пропустили бы къ ней.

Надзирательница надъ общей палатой обошлась съ нимъ очень сухо и довольно рѣзко отвѣтила ему на его просьбу пропустить въ больной.

Фрицъ едва не вышелъ изъ себя, но сдержался и сталъ упрашивать надзирательницу сдѣлать для него исключеніе и позволить ему повидать больную. Наконецъ, та, видимо, сжалилась надъ его страдальческимъ видомъ и сказала ему, что нужно спросить разрѣшенія у дежурнаго доктора.

Фрицу пришлось безконечно долго прождать въ приемной. Уже темнѣло, когда явился наконецъ дежурный врачъ. Выслушавъ Бертинга, онъ далъ распоряженіе провести его въ палату.

Въ приемную пришла молоденькая сестра милосердія. Она сказала Бертингу, что состоитъ сидѣлкой у номера двадцать-перваго и предложила ему слѣдовать за нею.

Онъ пошелъ за сестрой, и шли они очень долго. Наконецъ они остановились у дверей общей палаты. Фрицъ слышалъ, какъ стучало его сердце. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ спросилъ

сестру, что думаетъ она о положеніи больной. Что-то похожее на состраданіе отразилось на кроткомъ и миловидномъ лицѣ дѣвушки.

— Сегодня утромъ старшій врачъ сказалъ, что надежда еще есть,—тихо проговорила она,—но, несмотря на дигиталисъ и ледъ, температура очень высокая. Приготовьтесь къ тому, что фрейлейнъ васъ не узидеть.

Съ этими словами она первая прошла въ дверь. Фрицъ вошелъ за дѣвушкой въ просторную залу, вдоль которой рядами стояли кровати, отдѣленные другъ отъ друга узкими проходами. Больные уже спали, и въ просторной, почти пустой комнатѣ было томительно тихо. Фрицъ шелъ за сестрой, безшумно двигавшейся въ узкомъ проходѣ. Двадцать-первый номеръ помѣщался въ самомъ углу. Кровать Альмы была заставлена высокими ширмами, отдѣлявшими ее отъ остальныхъ больныхъ.

Фрицъ подошелъ къ кровати и пытливо заглянулъ Альмѣ въ лицо. Голова больной глубоко ушла въ подушки, но его поразили ея пылавшія отъ жара щеки и возбужденные блестящіе глаза. Дышала она часто и тяжело.

Сестра наклонилась къ Альмѣ, отстранила съ плеча одну изъ тяжелыхъ, туго заплетенныхъ косъ больной и, застегнувъ кофточку, вынула поставленный термометръ. Записавъ температуру, она показала листъ Фрицу. Последняя запись показывала 41°.

— Кажется, эта температура считается очень высокой?—спросилъ Фрицъ.

— Старшій врачъ приказалъ сдѣлать больной ледяную ванну въ случаѣ, если температура пойдетъ выше 41°,—не отвѣчая Фрицу на вопросъ, проговорила сестра и снова поставила больной термометръ.

— Теперь мнѣ нужно пройти еще къ одной больной,—почти шопотомъ прибавила она.—Я попрошу васъ дать черезъ десять минутъ фрейлейнъ ложку ледяной воды. У нея страшная жажда. Если что-нибудь понадобится, позовите меня!

И она безшумно исчезла, предварительно повернувъ ширмы такъ, что за ними совершенно не было видно ни Альмы, ни Фрица.

Фрицъ опустился на стулъ около кровати и схватилъ горячія руки Альмы.

— Альма!—стономъ вырвалось у него.—Альма!

Она ничего не отвѣчала. Ея глаза были неподвижно устремлены въ одну точку и грудь поднималась судорожно отъ затрудненнаго дыханія.

Онъ приблизилъ къ ней свое лицо. Ему хотѣлось, чтобы она его узнала, но черты ея не дрогнули. Она по прежнему смотрѣла куда-то вдаль своими расширенными глазами. Ея мысли блуждали гдѣ-то далеко, въ таинственной области, недоступной здоровымъ. А кругомъ стояла зловѣщая тишина, прерываемая только стонами и тяжелыми вздохами больныхъ, и Фрицу чудилось, что гдѣ-то совсѣмъ близко крадется смерть.

Вдругъ гдѣ-то хлопнула дверь, послышались чьи-то осторожные тяжелые шаги, какія-то тѣни заколыхались по бѣлымъ стѣнамъ и чисто натертому, блестящему полу. Шаги все приближались и затихли недалеко отъ двадцать-перваго номера. Затѣмъ послышалась какая-то возня, точно поднимали что-то тяжелое. Потомъ опять раздались шаги, опять заметались тѣни на стѣнахъ и на полу. Потомъ все стихло. Фрицъ почти обрадовался, когда наконецъ вернулась сестра. Взглянувъ на термометръ, она передала его Бертингу.

— Нужно сдѣлать ванну,—проговорила она.

Фрицъ понималъ, что ему пора уходить, и спросилъ сестру, когда можно придти, чтобы справиться о здоровьѣ больной. Та отвѣтила ему, что онъ можетъ зайти утромъ. Тогда, быть можетъ, лихорадка спадетъ и больная придетъ въ сознание.

Было около полуночи, когда Фрицъ вышелъ изъ больницы. Онъ положительно не зналъ, куда ему дѣваться, и былъ увѣренъ, что не соменетъ глазъ до самаго утра.

Онъ долго бродилъ по улицамъ безъ всякой цѣли, желая какъ-нибудь убить время, и ему захотѣлось уйти подальше отъ людей и домовъ. Онъ направился черезъ городъ и вышелъ на набережную къ рѣкѣ. И внезапно вспомнилась ему звѣздная августовская ночь два года тому назадъ. Рѣка попрежнему бурно несла свои воды къ далекимъ лѣсамъ и полямъ; все такъ же спокойно сіялъ надъ ней мѣсяцъ. Здѣсь все осталось по прежнему, только однѣ волны смѣнились другими. Такъ было и съ Фрицемъ. Здѣсь зародилась у него мысль о книгѣ, здѣсь почувствовалъ онъ въ себѣ творческую силу и пережилъ радость и муки творчества; а теперь все это уже стало прошлымъ, все исчезло, точно волны, и, какъ новыя волны на смѣну старымъ, явились новыя мысли, новое настроеніе. И Фрицу казалось, что въ эту ночь что-то неизвѣданное зарождается въ его душѣ. Онъ близко подошелъ къ смерти, и эта близость пробудила въ немъ предчувствіе новаго, болѣе глубокаго пониманія жизни. Ему ясно стало, что до сихъ поръ онъ шелъ съ закрытыми глазами и не слышалъ того, что слышать было необходимо. Онъ увлеклся

реализмомъ, не осиливъ смысла жизни, ея неисчерпаемой глубины и красоты.

Тамъ, на больничной койкѣ, умирала близкая ему женщина, и догоравшее пламя ея жизни новымъ свѣтомъ озаряло существованіе Фрица Бертинга.

XL.

Свѣтало. Надъ рѣкой поднялся туманъ, и Фрицъ, весь продрогшій, повернулъ къ городу. Идти въ больницу было еще рано, и онъ зашелъ на вокзалъ.

Въ этотъ часъ поѣздовъ не было, и въ залѣ онъ увидѣлъ только задремавшаго въ неловкой позѣ лакея. Бертингъ не сталъ будить его. Въ окна неопрятной комнаты, наполненной смѣшаннымъ запахомъ табака, кушаній и всевозможныхъ напитковъ, уже заглядывалъ блѣдный разсвѣтъ, борющийся съ еще непотушеннымъ газомъ. Фрицъ обинулъ глазами комнату, и у него пропала всякая охота оставаться здѣсь.

Но вдругъ онъ почувствовалъ сильную слабость; ему повзало, что онъ не можетъ сдѣлать ни шагу дальше, и онъ опустился на ближайшій стулъ. Возбужденіе сразу упало; онъ былъ разбитъ и душою, и тѣломъ. И опять онъ сталъ провѣрять себя, стараясь выяснить все темное и непонятное, что копошилось въ самой глубинѣ его души. Онъ не хотѣлъ имѣть тайнъ отъ самого себя,—ему хотѣлось одной правды.

Онъ съ ужасающей ясностью понялъ, что душа его не хочетъ, чтобы Альма жила. Онъ зналъ, что относительно ея онъ не измѣнится. Она хотѣла счастья, но онъ не могъ ей ничего дать кромѣ страданья. Ея смерть была для него освобожденіемъ!

Ужасъ охватилъ его при этой мысли, и ему представилось, что онъ—настоящій убійца женщины, отдавшей ему все, что она имѣла.

Между тѣмъ зала пачала наполняться людьми. Кругомъ Фрица поднялись суета и движеніе. Кто-то громко выкрикнулъ, что поѣздъ отходить, и всѣ бросились на платформу. Заспанный лакей подошелъ къ Бертингу и освѣдомился, не прикажетъ ли онъ чего-нибудь. Фрицъ велѣлъ подать себѣ кофе.

Наскоро проглотивъ чашку кофе, Бертингъ поспѣшилъ выйти на улицу. Было теплое солнечное лѣтнее утро, и въ городѣ уже начиналась привычная шумная и суетливая жизнь.

Часы у вокзала показывали шесть. Фрицъ подумалъ, что уже время идти въ больницу, и направился туда. На этотъ разъ

ему не дѣлали никакихъ затрудненій и сразу пропустили его къ больной. Альма лежала уже не въ общей палатѣ, а въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ кромѣ нея не было другихъ больныхъ.

Сестра сказала вѣрно: Альма въ утру пришла въ себя. Она сразу узнала Фрица, улыбнулась и сдѣлала пріветственное движеніе рукой. Фрицъ спросилъ сидѣлку, какъ прошла ночь. Та сказала ему, что послѣ третьей ванны температура упала и теперь все зависитъ отъ дѣятельности сердца.

Сестра ушла, и только теперь, всмотрѣвшись при дневномъ свѣтѣ въ лицо больной, Фрицъ увидѣлъ, до какой степени она пожелтѣла и какъ заострились черты ея лица.

Съ помощью Фрица ей удалось немного приподняться на постели. Ей, видимо, хотѣлось что-то сказать ему, и Фрицъ былъ увѣренъ, что она заговоритъ о ребенкѣ и будетъ просить, чтобы ей принесли дѣвочку.

Но онъ ошибся. Она какъ-то вскользь упомянула о маленькой Альмѣ, слегка улыбнулась и, точно желая остановить самое себя, произнесла:—Она въ хорошихъ рукахъ!

Фрицъ удивился и понялъ, что она больше не ревнуетъ ни его, ни дѣвочку къ Тони Лемфингъ.—Какъ ты себя чувствуешь, Альма?—спросилъ онъ.

— Я устала, страшно устала,—прошептала она.—Ахъ, эта ночь! Ты не можешь себѣ представить, Фрицъ, чего я только не перевидала за эту ночь!

При этихъ словахъ точно тѣнь набѣжала на ея лицо, глаза остановились и съ выраженіемъ застывшаго изумленія устремились куда-то вдаль.

Такъ пролежала она молча и неподвижно нѣсколько минутъ, потомъ точно пришла въ себя и проговорила:

— Сегодня ночью кто-то былъ около моей постели. Онъ сидѣлъ здѣсь и говорилъ со мной.

— Да вѣдь это былъ я, Альма,—остановилъ ее Фрицъ.—Сегодня ночью я долго сидѣлъ у тебя.

Она недовѣрчиво улыбнулась.—Нѣтъ, это былъ не ты. Тотъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ другой. Мнѣ кажется, что это былъ Людвигъ Глюкъ. Я узнала его по голосу. Ахъ, еслибы мнѣ только удалось припомнить, что именно онъ говорилъ мнѣ!—съ тоской вырвалось у нея, и она вдругъ застонала.

— Теперь ты начнешь поправляться,—сказалъ Фрицъ, желая навести ее на другія мысли.—Я надѣюсь, что скоро ты будешь совсѣмъ здоровой.

Большіе, блестящіе глаза Альмы медленно повернулись въ

сторону Фрица и остановились на немъ. Ему казалось, что они заглядываютъ ему въ душу.

— Нѣтъ, этого никогда не будетъ, мой дорогой Фрицъ,— проговорила она.— Со мной уже все кончено. Я такъ устала, такъ сильно устала! А сегодня ночью мнѣ было совсѣмъ хорошо. Я не чувствовала никакой боли, и я видѣла моего покойнаго отца; потомъ пришелъ Людвигъ. Потомъ еще видѣла я у моей постели ангела, всего въ бѣломъ, съ сіяніемъ вокругъ головы. И всѣ они были такіе добрые, такъ ласково говорили со мной. И мнѣ было такъ хорошо, такъ хорошо!

Фрицъ былъ больше не въ силахъ слушать и въ изнеможениі закрылъ глаза.

Больная подвинулась къ нему ближе на край постели.

— Ты вѣдь хоть самую чуточку все-таки любишь меня, милый Фрицъ?— сказала она и провела рукой по его опущеннымъ вѣкамъ.

Онъ крѣпко стиснулъ зубы и утвердительно кивнулъ головой.

— Знаешь ли что, Фрицъ,— вдругъ медленно и какъ-то торжественно начала она:— вѣдь это хорошо, очень хорошо, что я умираю. И мнѣ, и тебѣ, да и ребенку такъ будетъ гораздо лучше. Я не гожусь для тебя. Тебѣ нужна совсѣмъ другая жена. Прежде я очень хотѣла, чтобы ты женился на мнѣ. Я не говорила этого, но мнѣ такъ хотѣлось, чтобы ты повѣнчался со мной. А вотъ теперь я думаю совсѣмъ по другому. Я увѣрена, что все случилось къ лучшему. Вѣдь въ концѣ концовъ ты все-таки ушелъ бы отъ меня, и этого я бы не вынесла. А вотъ теперь я ухожу отъ тебя, и такъ гораздо лучше.

Онъ сталъ на колѣни у ея постели, цѣловалъ ей руки и обливалъ ихъ слезами. Сказать ей онъ ничего не могъ.

— А все-таки мы были очень счастливы, мой ненаглядный! Помнишь ли ты ночь передъ тѣмъ, какъ ты уѣхалъ куда-то очень далеко? Помнишь ли ты, какъ мы прощались съ тобой?

Онъ только крѣпко пожалъ ей руку и она продолжала, склонившись надъ нимъ, точно мать надъ любимымъ ребенкомъ:

— Иногда вспоминай обо мнѣ, Фрицъ! Только не упрекай себя ни въ чемъ. Оба мы были молоды и неопытны, но я ни на что не жалею, и ты не сдѣлалъ мнѣ ровно ничего дурного. Минутами я была счастлива, очень счастлива! И послѣднее время ты былъ такимъ добрымъ! И ребенокъ у меня отъ тебя! Мнѣ все хотѣлось мальчика, хотѣлось, чтобы онъ былъ похожъ на тебя, а вотъ теперь я рада, что это—дѣвочка. Когда я уйду, у тебя все-таки останется маленькая Альма. Только воспитай

ее какъ слѣдуетъ, мой дорогой! Нужно, чтобы она больше подходила къ тебѣ, чѣмъ твоя большая Альма. И какъ хорошо, что ты позволилъ ее назвать Альмой! Когда она подростетъ, расскажи ей про ея мать!

Фрицъ слушалъ Альму—и въ первый разъ представилась она ему во всемъ величии своей любви. Только теперь видѣлъ онъ ея душу во всей ея красотѣ. Онъ зналъ ее какъ любовницу, но въ этотъ предсмертный часъ она стала его невѣстой.

Вошла сестра. Фрицъ все еще стоялъ на колыбяхъ и не сразу замѣтилъ ее. Альма обратила его вниманіе на вошедшую. Необходимо было опрavitъ постель, и Фрицъ долженъ былъ выйти изъ комнаты.

Онъ общалъ Альмѣ, что черезъ часъ опять придетъ къ ней. Когда онъ былъ уже у дверей, она поманила его къ себѣ.

Онъ поспѣшилъ къ кровати. Альма протянула къ нему руки, обняла его и прошептала:

— Не забывай меня!

Поцѣловавъ его, она, обезсиленная, упала назадъ, на подушки.

Фрицъ, какъ безумный, бросился изъ комнаты, и самъ не помнилъ, какъ очутился на улицѣ.

Дома у себя онъ засталъ цѣлый ворохъ писемъ. Одно изъ нихъ было отъ Генриха Лемфинка. Въ письмѣ говорилось о литературной работѣ и о какомъ-то предложеніи Наведе работать въ его журналѣ.

Фрицъ бросилъ письмо въ сторону. Самый близкій изъ его друзей былъ въ данную минуту такъ далеко отъ него. Никто не зналъ, какую муку онъ переживаетъ!

Совершенно обезсиленный, онъ повалился на постель. Ему хотѣлось забыться, заснуть хоть на нѣсколько минутъ. И вдругъ, неожиданно для самого себя, онъ сразу заснулъ тяжелымъ, точно свинцовымъ сномъ.

Когда онъ проснулся, уже смеркалось. Онъ взглянулъ на часы. Они стояли.

Онъ побѣжалъ въ больницу. Тамъ ему сказали, что фрейлейнъ Луксъ сейчасъ понесутъ въ ванну, и видѣть ее никакъ нельзя. Ему предложили зайти черезъ часъ.

Онъ опять очутился на улицѣ, и вдругъ, къ своему удивленію и стыду, почувствовалъ, что страшно голоденъ. Цѣлый день онъ ничего не ѣлъ. Зайдя въ ближайшій ресторанъ, онъ спрoсилъ себѣ первое попавшееся кушанье.

Посѣтители съ удивленіемъ и безпокойствомъ оглядывали

Фрица, перешептываясь между собою. Видь у него былъ странный, почти сумасшедшій.

Проглотивъ наскоро то, что ему подали, онъ почти бѣгомъ отправился въ больницу. Его заставили долго ждать въ приемной. Съ каждой минутой ожиданіе становилось все мучительнѣе. Наконецъ онъ не въ силахъ былъ выносить дольше это томительное состояніе. Никто не приходилъ за нимъ, онъ былъ увѣренъ, что всѣ забыли о его существованіи. Выйдя изъ приемной, онъ самъ пошелъ отыскивать комнату Альмы, и довольно скоро нашелъ ее. Войти онъ не рѣшился и, приложившись ухомъ къ скважинѣ, сталъ прислушиваться.

Онъ услыхалъ за дверью чьи-то заглушенные голоса и постучался. Дверь отворилась. Передъ нимъ стояла сестра.

Онъ понялъ все по ея лицу.

— Полчаса тому назадъ она скончалась тихо и безъ страданій, — сказала сестра. — Вы можете взглянуть на нее.

Все, что было дальше, онъ припоминалъ потомъ какъ смутный и тяжелый сонъ.

Онъ увидѣлъ Альму, всю застывшую и неподвижную на больничной постели. Строго и торжественно было выраженіе ея воскового лица. — „Я не знаю тебя!“ — точно говорило оно ему. И Фрицу казалось, что передъ нимъ лежитъ уже не та женщина, которую онъ любилъ и зналъ до малѣйшихъ подробностей. Съ той онъ попрощался утромъ, а въ этой — чужой, безучастной и холодной — онъ не рѣшился прикоснуться, не нашелъ въ себѣ смѣлости поцѣловать ее.

XLI.

Альму похоронили. За ея гробомъ шли Фрицъ, Тони и Генрихъ Лемфингъ, вызванный телеграммой сестры.

Послѣ похоронъ Бертингъ проводилъ большую часть дня у Лемфинковъ, разговаривая съ своимъ другомъ и невольно приглядываясь и прислушиваясь къ постоянной вознѣ Тони съ ребенкомъ. Маленькая Альма наполняла жизнь дѣвочки, и Тони, со времени водворенія ребенка въ ихъ тихомъ домѣ, стала неузнаваемой. Она вся была поглощена заботами о дѣвочкѣ и зорко слѣдила за ея физическимъ и духовнымъ развитіемъ, радостно прислушиваясь къ пробужденію въ ней будущаго человѣка.

Генрихъ Лемфингъ мужественно переносилъ всѣ неудобства, связанные съ пребываніемъ въ домѣ такого маленькаго ребенка,

какъ Альма. Онъ сознавалъ, какъ много эта дѣвочка внесла въ жизнь его Тони.

— Меня всегда мучила мысль, что Тони, при ея потребности любви и материнства, не вышла замужъ, — какъ-то сказалъ Лемфинкъ Бертингу, — а теперь, благодаря Альмѣ, она вполне удовлетворена и счастлива.

И въ душѣ Бертинга постепенно зарождалось какое-то новое чувство къ ребенку. Это была не любовь, — но видъ смѣшной круглой головки съ торчащимъ пушкомъ на затылкѣ трогалъ его до глубины души, и ему казалось, что широко открытые дѣтскіе глаза съ недоумѣніемъ спрашиваютъ его: — „Зачѣмъ ты дальнѣе жизнь“?

Между тѣмъ, Лемфинки усиленно собирались къ отъѣзду въ Швабію, и Бертингъ все чаще и чаще останавливался на мысли, что скоро онъ будетъ совсѣмъ одинъ среди своихъ тяжелыхъ воспоминаній.

Но однажды, почти передъ самымъ отъѣздомъ Лемфинковъ, Генрихъ встрѣтилъ Бертинга извѣстіемъ, что Максимилианъ Наведе зоветъ его пріѣхать въ Берлинъ и предлагаетъ ему взять на себя фельетонный отдѣлъ въ его новомъ журналѣ. Въ смыслѣ гонорара, условія были пока очень скромныя, но увеличеніе платы вполне зависѣло отъ успѣха журнала.

Фрицъ, ни минуты не колеблясь, согласился на это предложеніе. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Берлинъ, можно было совершенно исчезнуть, жить уединенно вдалькѣ отъ всѣхъ и работать. Правда, съ Берлиномъ у Фрица были связаны тяжелыя воспоминанія, но вѣдь и въ городѣ, гдѣ онъ скоронилъ Альму, ему жилось не легче. Кромѣ того, самъ Наведе, умный и практичный, былъ человѣкомъ вполне свѣдущимъ въ своемъ дѣлѣ, и совмѣстная съ нимъ работа представлялась пріятной Бертингу. Въ порученномъ ему отдѣлѣ онъ сохранялъ полную самостоятельность, и у него должно было оставаться достаточно времени для его другихъ литературныхъ занятій.

Почти одновременно съ отъѣздомъ Лемфинковъ въ Швабію, Бертингъ тоже оставилъ городъ и переехалъ въ Берлинъ.

О томъ, какъ устроить маленькую Альму, никто и не разговаривалъ. Всѣмъ троимъ представлялось настолько естественнымъ, что она навсегда остается у Тони, что всякіе разговоры по этому поводу казались излишними.

Наканувъ отъѣзда Бертингъ и Генрихъ Лемфинкъ пошли на могилу Альмы. Тони собиралась идти съ ними, но въ послед-

нюю минуту вдругъ побоялась оставить безъ себя дѣвочку, и они отправились вдвоемъ.

— Это удивительно! Моя сестра уже неспокойна, когда дѣвочки вѣтъ у нея передъ глазами. Никогда я все-таки не думалъ, что материнство имѣетъ такую власть надъ женщинами, — сказалъ Лемфинкъ.

— И какъ это хорошо для меня лично! — воскликнулъ Фрицъ. — Ты только представь себѣ, что я дѣлалъ бы съ моей дѣвочкой безъ твоей сестры.

Удрученные шли они съ кладбища и долго ни слова не говорили другъ съ другомъ, какъ вдругъ, почти уже у самаго дома, Генрихъ Лемфинкъ прервалъ молчаніе:

— Я часто думаю объ Альмѣ, — сказалъ онъ. — Есть люди, которые становятся болѣе ясными и понятными послѣ смерти. Она — одна изъ нихъ. Я только теперь вижу, какое это было своеобразное существо и съ какой ярко выраженной индивидуальностью! Вотъ кто обладалъ рѣдкимъ и драгоценнымъ даромъ любви! Она умерла, но то, что было въ ней сильнаго и прекраснаго, переживетъ ее. И знаешь, какъ это ни дико звучитъ, но намъ, остающимся, нужны такія могилы. Онѣ — путеводные столбы на нашемъ жизненномъ пути, и только тотъ человѣкъ можетъ постичь всю глубину и смыслъ существованія, кто, благодаря этимъ могиламъ, повѣритъ въ безсмертіе.

Фрицъ ничего не отвѣтилъ на слова Лемфинка. Въ его душѣ происходила тяжелая внутренняя работа. Смерть Альмы была для него откровеніемъ, началомъ новой жизни, но какъ сложится эта жизнь — онъ самъ еще пока не зналъ.

Въ такомъ настроеніи онъ пріѣхалъ въ Берлинъ и принялся за свою обязательную журнальную работу. Временно ему хотѣлось ограничиться критическимъ разборомъ чужихъ произведеній; творить онъ былъ еще не въ силахъ. Ему необходимо было успокоиться и отдохнуть отъ только-что пережитыхъ мучительныхъ впечатлѣній.

Однажды, просматривая журналы, онъ натолкнулся на критическую статью Зигфрида Зильбера о Гедвигѣ фонъ-Лаванъ.

Зильберъ, разбирая ея новое произведеніе, „Непорочность“, называлъ Гедвигу „многообъщающей современной нѣмецкой писательницей“ и говорилъ, что она въ высочайшей степени обладаетъ рѣдкимъ у женщины мужествомъ обнажать свою душу, прикрывая ее только легкимъ цѣломудреннымъ покровомъ своего искусства.

Бертингъ просмотрѣлъ статью, и ему захотѣлось познакомиться съ романомъ.

Въ своемъ новомъ произведеніи Гедвига затрогивала вопросъ о положеніи женщины главнымъ образомъ въ сферѣ любви. Основной ея мыслью было то, что чувственность освящаетъ всякія любовныя отношенія, тогда какъ бракъ безъ чувственности является не болѣе какъ проституціей. Это было иллюстрировано изображеніемъ жизни двухъ паръ. Была изображена дѣвушка, родившая своему возлюбленному нѣсколько дѣтей, и все-таки сохранившая свою непорочность; тогда какъ ея сестра, вышедшая замужъ по разуму и безъ всякой любви, унизилась до роли публичной женщины.

Бертингъ бросилъ книгу, не дочитавъ ее до конца. Она поразила его грубой циничностью, и кромѣ того, слишкомъ хорошо зналъ онъ Гедвигу фонъ-Лаванъ, чтобы вѣрить ея серьезности и искренности, когда она касалась такихъ вопросовъ, какъ любовь и материнство. Вообще, за послѣднее время, Бертингъ все болѣе и болѣе интересовался внутреннимъ міромъ каждаго писателя, съ произведеніями котораго ему приходилось знакомиться. Теперь ему было недостаточно болѣе или менѣе искуснаго изображенія жизни. Онъ хотѣлъ знать душу автора и понять его міросозерцаніе.

Занятый своей работой, Бертингъ не особенно торопился отыскать Веднеровъ, жившихъ въ Берлинѣ, но Констанція узнала его адресъ и первая пришла къ брату. Уходя отъ Фрица, она не пригласила его къ себѣ, и онъ понялъ, что Веднеръ попрежнему трепещетъ за сына и оберегаетъ его отъ глетворнаго вліянія дяди.

Констанція стала довольно часто заходить къ брату, и тѣмъ болѣе Фрицъ присматривался къ ней, тѣмъ болѣе несчастной и забытой казалась ему эта женщина. Правда, словами она не жаловалась, но уже то, что она никогда не упоминала о мужѣ и сынѣ, говорило краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Увидѣвъ случайно на письменномъ столѣ брата портретъ маленькой Альмы, присланный ему Тони, она въ первую минуту была какъ будто сильно возмущена этимъ обстоятельствомъ, но потомъ успокоилась и принялась разспрашивать о ребенкѣ.

Фрицъ не предъявлялъ къ сестрѣ больше никакихъ требованій. Онъ просто жалѣлъ ее, и эта жалость создала между ними близость людей, чуждыхъ по духу, но соединенныхъ между собой узами крови и воспоминаніями далекаго дѣтства. Онъ разсказалъ ей про Альму, и она даже плакала при описаніи ея

смерти. Все чаще и чаще, во время своих посѣщеній, разспрашивала она брата про маленькую Альму.

Иногда, вспоминая все случившееся и пережитое за послѣдніе два года, Фрицъ ясно сознавалъ, что цѣлая пропасть отдѣлила его отъ прошлаго. Между нимъ и обществомъ, въ которому онъ привыкъ за время своего отсутствія изъ Берлина, послѣ смерти Анни Эшауеръ не оставалось ни малѣйшей связи. Объ ея смерти онъ узналъ случайно изъ газетъ. Это тоже была новая могила на пройденномъ имъ жизненномъ пути, и хотя эта могила не вызвала въ его душѣ ничего, кромѣ жалости въ безвременно погибшей жизни, но ему невольно вспомнились слова Генриха Лемфинка о мертвыхъ.

Альма послѣ смерти стала для него болѣе живой, чѣмъ при жизни. То, что составляло ея силу, не могло исчезнуть. Ей, ея великой любви, былъ обязанъ Фрицъ своимъ нравственнымъ обновленіемъ; благодаря ей, онъ заглянулъ въ глубину жизни, и понялъ смыслъ существованія. Онъ, какъ и многіе ему подобные, искалъ и въ жизни, и въ женщинѣ одного наслажденія. Имъ не хватало смѣлости заглянуть въ глубину жизни, и они, въ силу этого, не могли понять ея величія. Превращая женщину въ куртизанку, они не видѣли ея нравственной красоты.

Бертингъ чувствовалъ, какъ, подъ вліяніемъ новыхъ мыслей, чувствъ и настроенія, вѣрнеть зыбкая почва подъ его ногами. Онъ сознавалъ въ себѣ силу создать жизнь на иныхъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ, при совершенно измѣнившемся отношеніи и къ жизни, и къ искусству.

Искусство и жизнь вызывали въ немъ чувство трепета и благоговѣнія. Онъ понялъ, что жизнь и литература тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ, и чтобы сдѣлаться настоящимъ писателемъ, нужно прежде всего и больше всего стремиться стать настоящимъ человѣкомъ. Только вполне серьезное отношеніе къ жизни и тяжелая, упорная работа надъ самимъ собою дѣлаютъ человѣка достойнымъ названія истиннаго художника.

Съ взм. П—на С—ва.

ЕЩЕ
О
НАШЕЙ ШКОЛѢ

— Священникъ Г. Петровъ. Школа и жизнь. Спб. 1902.

I.

Книга о. Г. Петрова во многихъ отношеніяхъ способна остановить на себѣ общественное вниманіе. Будучи написана легко и общедоступно, она касается самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности и обнаруживаетъ въ авторѣ широкій кругозоръ идейныхъ и жизненныхъ интересовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе предвзятыхъ точекъ зрѣнія при сужденіи о самыхъ, если можно такъ выразиться, „боевыхъ“ явленіяхъ текущей жизни. Она проникнута стройнымъ міросозерцаніемъ мыслителя-идеалиста, и вмѣстѣ, съ другой стороны, вноситъ свѣтъ и ясность пониманія, доступную даже шевольнику, въ наиболее сложныя сѣти личныхъ и общественныхъ стремленій; не претендуя на специально-философскую глубину рѣшенія, авторъ обосновываетъ свои выводы на вѣчныхъ началахъ разума, справедливости и евангельской любви къ людямъ. Именно теперь, въ періодъ какого-то разброда мысли и спутанности понятій о самыхъ элементарныхъ предметахъ, выходящихъ за предѣлы житейской обыденности, пріятно отмѣтить появленіе такой книги, которая будитъ здоровую и плодотворную работу головы и сердца во взросломъ и является въ высшей степени воспитательной для вѣрнущаго міросозерцанія юноши.

Словомъ, это—прекрасная книга, и если, при всемъ томъ, она порождаетъ, быть можетъ, цѣлый рядъ недоумѣній, то это происходитъ отъ того, какъ намъ кажется, что она слишкомъ идеалистична, и многія указанія ея, при ихъ видимой простотѣ и логической послѣдовательности, сдѣланы, можно думать, безъ точной справки съ положеніемъ вещей въ современной дѣйствительности. Въ подобныхъ случаяхъ, страдательную роль играютъ не сами идеи, блестяще проведенныя и доказанныя, но техника ихъ приложенія къ жизни, ихъ жизнѣдѣтельность не вообще, но въ данное время, въ данныхъ обстоятельствахъ; допуская же, что книга свящ. Петрова не есть только отвлеченный философскій трактатъ, что она преслѣдуетъ и практическія жизненные цѣли, —нельзя не признать этой излишней идеалистичности, которую ниже опредѣлимъ точнѣе, значительнымъ, можетъ быть, единственнымъ ея недостаткомъ.

Содержаніе книги не блещетъ новизною идей, но поражаетъ ихъ постановкой и взаимной связью, въ какой онѣ представляются автору при обзорѣни современной жизни. „Духа не угашайте“, —беретъ авторъ девизомъ къ первой главѣ, посвященной „думамъ о школѣ“. Думы эти въ высшей степени безотрадны; онѣ обнаруживаютъ страшную пропасть между дѣйствительностью и идеаломъ. Школа наша, безъ различія направленій, безжизненна и механична. Происходитъ это отъ того, какъ кажется автору, что школа даетъ своимъ питомцамъ слишкомъ много сухихъ, неинтересныхъ знаній. „Мертвечина школы глушитъ, убиваетъ всякое живое чувство въ ученикѣ, притупляетъ всякій интересъ къ живому знанію, къ живому дѣлу, къ творчеству жизни... Уроки школы, какъ улыбка чудной красавицы, должны плѣнять и чаровать юное сердце. Школа этого не дѣлаетъ. На лицѣ ея нѣтъ игры жизни. Она спитъ, спитъ мертвымъ сномъ, и первое, что надо сдѣлать, это разбудить нашу царевну, снять съ нея покровъ мертвечины, вдунуть въ нее душу живу. Это—первая и главная насущная реформа школы“. Осудивъ современную школу и сойдясь въ этомъ осужденіи, такимъ образомъ, со всѣми, кто писалъ и серьезно думалъ о ней, свящ. Петровъ указываетъ на особенную важность реформы средней школы, какъ фундамента, на которомъ возводится самое зданіе образованія, приравниваемое авторомъ къ университетскимъ курсамъ. Существеннымъ зломъ средней школы является, по мнѣнію автора, **цеховой**, ремесленный характеръ преподаванія, исключаяющій всякую возможность живого, художественно-педагогическаго воздѣйствія на душу учащагося. Между тѣмъ, истинное учительство—

не ремесло, но искусство,—притомъ, искусство не менѣе высокое и трудное, чѣмъ то, которое передали вѣкамъ имена Шекспира, Рафаэля, Торвальдсена. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ приводитъ знаменитый діалогъ между Гамлетомъ и Гильденштерномъ, который отказывался играть на флейтѣ, потому что для этого требовалось искусство, но готовъ былъ, не задумываясь, по приказанію короля, играть на душѣ Гамлета. „Неужели ты серьезно вообразилъ, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? —говорить ему Гамлетъ.—Ты можешь, пожалуй, разбить меня, но играть на мнѣ тебѣ не удастся!“ Естественно, что такого рода искусство, имѣющее конечной цѣлью привести внутренній міръ ребенка въ стройную гармонию и извлечь изъ него, по выраженію автора, „дивную мелодію любви, добра и правды“, требуетъ и соотвѣтствующаго дарованія, и серьезнѣйшей подготовки. И люди для этого искусства несомнѣнно найдутся,—надо только на школу смотрѣть не какъ на ремесленную мастерскую, а какъ на художественную студию. „При этомъ понятно, что и отношеніе общества къ учительскому труду должно быть не какъ въ ремеслу, а какъ въ искусству. Нельзя учителя держать въ положеніи почтовой клячи, которой много гоню и мало корму. Какъ бы человѣкъ идеально настроенъ ни былъ,—пить, ѣсть, содержать семью надо. Вѣдь если и говорятъ справедливо, что не хлѣбомъ однимъ живъ бываетъ человѣкъ, то не менѣе справедливо и то, что и безъ хлѣба не проживешь“...

Современная школа представляется о. Петрову заваленной огромнымъ количествомъ чисто механическихъ знаній, усвоеніе котораго требуетъ отъ учащихся огромнаго напряженія памяти, труда и связанной съ этимъ чрезмѣрной затраты силъ. Необходимо, по его мнѣнію, уменьшить учебный грузъ, образовать свободное время у учителя и ученика, чтобы дать имъ возможность вмѣстѣ и почитать, и подумать, и поговорить. Слѣдуетъ всѣми силами толкнуть юношу на самостоятельную работу мысли, и при этомъ не бояться возможныхъ увлеченій, сомнѣній и временныхъ уклоненій. Она неизбежна, какъ корь, эта критическая переоцѣнка дѣтскихъ сужденій и взглядовъ, передъ тѣмъ какъ юноша начинаетъ вырабатывать собственное міросозерцаніе. „И тутъ страшны не сомнѣнія, а отношеніе юноши къ нимъ: будетъ ли онъ предоставлять самому себѣ, своимъ собственнымъ слабымъ силамъ, личному неопытному, незрѣлому уму, или же онъ будетъ производить перестройку подъ руководствомъ опытнаго, духовно-зрѣлаго и близкаго человѣка, который по праву зовется *учителемъ*“. Авторъ вспоминаетъ далѣе, что покойный

Влад. С. Соловьевъ былъ въ гимназическіе годы крайнимъ отрицателемъ и матеріалистомъ и доходилъ въ этомъ увлеченіи чуть не до иконоборчества, и онъ же первый въ Россіи подалъ голосъ противъ матеріализма и позитивизма и всю жизнь работалъ, какъ мыслитель, въ области христіанской философіи. „Этотъ примѣръ, — говоритъ авторъ, — лучшее доказательство, что не надо бояться молодого сова; нуженъ только при молодомъ винѣ опытный выводѣль“.

Заваливая лишнимъ обременительнымъ балластомъ молодыя головы и не давая истиннаго образованія, современная школа, какъ свидѣтельствуемъ свящ. Петровъ, самъ педагогъ-законоучитель, — „совершенно не воспитываетъ въ своихъ питомцахъ честности и нравственной порядочности“. Выпускные экзамены на аттестатъ зрѣлости — характерный образецъ того недоверія, съ которымъ относится учебное начальство къ своимъ питомцамъ, воспитывавшимся подъ его же руководствомъ, въ теченіе семи, восьми и десяти лѣтъ. Свѣщ. Петровъ справедливо видитъ въ этомъ доказательство полнаго банкротства школы.

Какова школа, таковы и воспитанники ея. Неудовлетворительная, съ давнихъ поръ, постановка учебнаго дѣла успѣла связаться въ общественной жизни горькими плодами, характеристивъ которыхъ посвящена вторая глава интересующей насъ книги. Дѣятели, выходившіе изъ школы съ среднимъ и высшимъ — одинаково неудовлетворительными — курсами, далеки въ огромной массѣ, отъ сознанія лежащей на нихъ культурной задачи передъ родиной. Они — въ большинствѣ, конечно, — черствые эгоисты, хищники, сухіе формалисты, нерадивцы во всемъ, что касается общественнаго служенія и долга. Они — сердцемъ холодные скопцы. Автору подобнаго рода общественные дѣятели напоминаютъ дикарей-дагомейцевъ, у которыхъ на разрисованное красками голое тѣло натянутъ ограбленный у европейца фракъ, черезъ плечо — лента и въ рукахъ — модный цилиндръ. Въ такомъ видѣ дагомейскіе князьки думаютъ поразить завѣжныхъ сыновей культуры. Понятіе о дикаряхъ-дагомейцахъ, соединяющихъ европейскій фракъ съ звѣриною дикостью въ сердцѣ, авторъ распространяетъ на понятіе культурнаго чловека, такъ сказать европейца съ ногъ до головы, вообще. Извѣстное изреченіе Наполеона: „поскобли русскаго — и найдешь татарина“, авторъ находитъ возможнымъ примѣнить къ самому Наполеону и къ любому европейскому культуртрегеру, съ такимъ измѣненіемъ: „поскобли европейца, возьми его за живое — и найдешь дикаря“. Цѣлый рядъ фактовъ изъ хроники послѣднихъ событій приводитъ

автора къ этому выводу. Вспоминаетъ онъ свое посѣщеніе Берлина въ началѣ китайской смуты. Толпа только-что узнала объ убійствѣ нѣмецкаго посланника на улицахъ Пекина, вспыхнула ненавистью и злобой и стала кричать: „Бить ихъ, восоглазыхъ!.. сжечь Пекинъ!.. Повѣсить императрицу!.. выпустить вишни Туану!..“ И хорошо, что китайскій посланникъ не случился подлѣ—его разорвали бы въ куски не хуже самихъ китайцевъ. Останавливается авторъ и на знаменитомъ Вильгельмовскомъ приказѣ: „Пощады не давать! Плѣнныхъ не брать! Всѣхъ колоть! Домѣ жечь! Дѣйствуйте такъ, чтобы ни одинъ китаецъ даже черезъ тысячу лѣтъ не посмѣлъ восо взглянуть на нѣмца!“—Слышать подобныя рѣчи, говоритъ авторъ, — среди христіанской столицы, у подножія памятниковъ Лессинга, Шиллера и Гёте, не значить ли это—видѣть культурный фразъ на тѣлѣ дикаря? И это не исключеніе: это—всегда и вездѣ“. И цѣлый рядъ другихъ фактовъ приводитъ священникъ Петрова къ убѣжденію, что школа, и русская, и даже европейская, дѣлаетъ не настоящее дѣло. „Какимъ образомъ изъ университетовъ и академій могутъ выходить Чемберлены и Родсы,—просвѣщенные отравители Китая опиумомъ, — образованные Аттилы, дѣйствующіе огнемъ и мечомъ,—наши доморощенные Шатуновскіе,—всѣ эти коршуны-стервятники и за ними тысячи мелкихъ хищниковъ, вощиковъ и ястребовъ съ учеными значками?“

II.

Гр. Д. А. Толстой говорилъ отерыто, что гимназія должна только учить: „гимназія даетъ четыре стѣны подъ крышей, кусокъ скамьи и стола, человѣка, который, какъ заведенный фонографъ, передаетъ требуемыя программой знанія, а остальное—дѣло семьи“. Священникъ Петровъ по всей справедливости усматриваетъ печальное недоразумѣніе въ томъ отношеніи, что семья, съ другой стороны, отдавая дѣтей въ школу, полагаетъ, что ея дѣло теперь—только кормить, одѣвать и платить за ученіе, а все остальное лежитъ на обязанности школы. „И выходитъ, что дѣти со стороны воспитанія остаются между двухъ стульевъ. Съ ними никто не говоритъ по душѣ; никто не слѣдитъ, какія думы шевелятся въ дѣтскомъ умѣ, какія чувства зарождаются въ сердцахъ“.

Вліяніе семьи сказывается особенно сильно въ первый, дошкольный періодъ жизни ребенка. Ребенокъ въ первые четыре года дѣтства, какъ замѣтилъ психологъ Перре, узнаетъ гораздо

больше, чѣмъ въ послѣдствіи въ гимназіи и въ университетѣ: онъ узнаетъ огромное количество предметовъ, словъ, приобретаетъ много понятій, вырабатываетъ свои—дѣтскія. Въ эти годы определяются и основныя черты характера. Но ни семья, ни позже школа, не считаются съ этими всѣмъ понятными и простыми соображеніями, и семья въ большинствѣ случаевъ такъ же, какъ и школа, стремится выработать изъ ребенка прежде всего будущаго инженера, чиновника, доктора, судью и позже всего—человѣка. Это происходитъ оттого, что и въ семьѣ, и въ руководителяхъ школы, затемнился коренной смыслъ жизни, стоящій въ непосредственной связи съ необходимостью переоцѣнки основныя понятія современной культуры.

Переходя—въ главѣ о современной культурѣ—къ характеристикѣ и критикѣ послѣдней, авторъ ставитъ вопросъ: современная намъ культура, если не есть расцвѣтъ, то не заря ли она заключительной *отъчной* культуры, или же она представляетъ собою одну изъ разновидностей уже бывшихъ, существующихъ теперь и впредь имѣющихъ быть культуръ?

Этотъ вопросъ рѣшить тѣмъ важнѣе, что, по словамъ священника Петрова, „мы свымылись, сжились, сроднились со многими нравственными предразсудками и извращеніями, такъ сказать приняхались къ нравственнымъ безобразіямъ наличной дѣйствительности, и не замѣчаемъ ихъ неказистости, считаемъ грубыя проявленія животной природы неизбѣжными спутниками цивилизаціи, горделиво называемъ себя, свою культуру солью земли, свѣтомъ человѣчества“. Если можно признать сравнительно высокой культуру европейской техники, культуру окружающей человѣка обстановки, то никакъ нельзя признать высокой культуру его самого, культуру человѣческой личности. Въ этомъ отношеніи человѣчество представляется автору еще не совсѣмъ остывшей планетой, въ которой изнутри пылаетъ адскій огонь и клочечъ лава. „Время отъ времени, нѣтъ-нѣтъ да и прорветъ пламя наружу, произойдетъ то землетрясеніе, то изверженіе, то вспышка національной, то религіозной, то соціальной вражды. Возьмите,—продолжаетъ онъ,—внутреннюю жизнь самыхъ культурныхъ европейскихъ народовъ: всѣ они, какъ громадные ежи (удачное сравненіе!), вооружены съ ногъ до головы милліонами стальныхъ штыковъ; повсюду не прекращается травля слабыхъ національностей; нѣтъ мира и единенія между представителями даже христіанскихъ церквей; высшіе классы, какъ, на примѣръ, члены парламента—панамисты, проѣдены политиканствомъ и продажностью, низшіе озлоблены до анархизма“. Распростра-

неніе европейской культуры среди другихъ народовъ и племенъ обходится имъ очень ужъ дорого и солоно и можетъ утѣшать, по выраженію автора, развѣ наивныхъ простаковъ: она покупается цѣною свободы и полной экономической разоренности; отъ нея отверпеваются, гдѣ только могутъ.

Современная культура — не безусловно высшая культура. Авторъ доказываетъ это положеніе еще и тѣмъ также соображеніемъ, что основнымъ идеальнымъ началомъ ея, высшимъ принципомъ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, признается гуманизмъ, а онъ— „никоимъ образомъ не высшій безусловно, не вѣчный принципъ“. Гуманизмъ—человѣчность,—какъ противобѣсъ бестіализма, торжества грубой физической силы среднихъ вѣковъ, отжилъ свой вѣкъ, и для нашего времени онъ недостаточенъ: „наше время удовлетворяться этимъ не можетъ. Мы на мѣсто гуманизма, торжества челоѣчности, должны нести въ жизни начала божественности“. И Ницше смутно чувствовалъ необходимость сверхчеловѣческаго начала въ жизни, но онъ не сумѣлъ понять, въ чемъ она должна проявиться: не въ освобожденіи отъ евангельскихъ началъ любви, а наоборотъ, въ полномъ подчиненіи имъ. „И это подчиненіе—дѣло будущаго, главная основа единой вѣчной, безусловно высшей культуры“. Это начало внесетъ не разрушительный, но созидательный принципъ въ жизнь, придастъ внутреннюю устойчивость и красоту смыслу жизни и скажется пышнымъ расцвѣтомъ творческихъ силъ, положенныхъ для созидательныхъ цѣлей въ природу челоѣка.

Вотъ взглядъ автора и на вопросъ о женскомъ образованіи въ Россіи, особенно образованіи медицинскомъ: „Дѣло высшаго женскаго образованія у насъ—дѣло великое, общенародное,—говорить онъ.—Позволю себѣ высказать,—продолжаетъ онъ,—можетъ быть, смѣлую на первый взглядъ мысль,—что въ зависимости отъ хода этого образованія въ значительной степени зависить характеръ дальнѣйшаго внутренняго развитія нашей страны“. Благотворное вліяніе образованной русской женщины скажется вездѣ—и въ семьѣ, гдѣ она „заставила бы серьезно подтянуться интеллигентнаго мужа“, и въ обществѣ, гдѣ столько, по выраженію автора, „собакевичевщины“, и въ школьномъ дѣлѣ, и въ особенности—въ деревнѣ, въ народной средѣ. Женщина-учительница и женщина-врачъ—лучшіе работники среди народа, который—„душой боленъ не менѣе, чѣмъ тѣломъ, и онъ ищетъ облегченія и въ той, и въ другой болѣзни. „Женщина-врачъ вмѣстѣ съ искусствомъ медицины дастъ народу и массу сестеръ милосердія, поправитъ больное тѣло и отогрѣетъ измученную непогодой жизни народ-

ную душу". И авторъ кончаетъ эту главу призывомъ къ русскому обществу—поддерживать всячески, и нравственно и материально, высшее женское образование, и—обращеніемъ къ русскимъ студентамъ и курсисткамъ, которыя ответственны за судьбу высшего женскаго образованія и передъ народомъ, и передъ десятками дальнѣйшихъ поколѣній русскихъ женщинъ.

Въ предпоследней главѣ священникъ Петровъ дѣлаетъ попытку опредѣлить, въ чемъ должно состоять теперь „русское дѣло“. Оно подсказывается нашей большой культурной отсталостью, замалчивать которую, закрывать глаза себѣ и другимъ— „и преступно, и вмѣстѣ съ тѣмъ неумно“. „Неумно,—говоритъ авторъ,—потому, что наша отсталость—фактъ историческій, неоспоримый. Въ западной Европѣ существуетъ университетъ, которому насчитывается почти столько же лѣтъ, сколько русскому государству. Въ то время какъ въ Новгородѣ еще Гостомыслъ печаловался, что земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, на Западѣ этотъ порядокъ получилъ философское обоснованіе, тамъ право изучается какъ наука“. Съ другой же стороны, наша отсталость не совсѣмъ оскорбительна для національнаго самолюбія, если мы представимъ себѣ сыгранную нами историческую роль отстоять, на рубежѣ Азіи и Европы, мирное развитіе европейской культуры отъ нашествія варваровъ.

Ломоносовъ указывалъ когда-то на естественныя богатства Россіи, ждущія прикладныхъ рукъ прилежныхъ и образованныхъ юношей. Свящ. Петровъ выдвигаетъ другую область ея—духовныя богатства народа,—и они ждуть еще широкой разработки, — „и для русскихъ культурныхъ работниковъ по всѣмъ концамъ Россіи трудно найти другое, болѣе великое „русское“ дѣло, какъ разработку уже извѣстныхъ, давно открытыхъ россыпей и залежей народной гениальности“. Авторъ ждетъ огромной пользы отъ образованія кружковъ, обществъ и собраний, которыя заботились бы о разработкѣ идей и образовъ, созданныхъ производительностью народнаго гениа, и широко распространяли ихъ въ толпѣ. И время для такого дѣла, по мнѣнію автора, вполне назрѣло. Переживаемый нами періодъ ознаменованъ не только экономической, но и духовной скудостью: искусство и литература, театръ и музыка падаютъ отъ недостатка внутренняго содержанія. Одной изъ главныхъ причинъ этого явленія авторъ считаетъ все усиливающееся прекращеніе духовной связи съ роднымъ, самобытнымъ гениемъ. Подобно древнему Автѣю, обновлявшемуся отъ прикосновенія къ матери-землѣ, и современной русской мысли и чувству необходимо, по мнѣнію свящ. Петрова,

прикоснуться къ сокровищницамъ русскаго духа, „стать въ тѣсную связь со всѣмъ культурнымъ достояніемъ, добытымъ русскимъ народнымъ гениемъ въ прошломъ. Это наслѣдство—не изъ малоцѣнныхъ. Намъ даже древняя Русь оставила многое, чѣмъ мы вправѣ гордиться передъ Европой“.

Авторъ призываетъ всѣхъ къ единенію, къ совмѣстной работѣ на общественное и народное благо. „Необходимъ,—говоритъ онъ,—трудъ цѣлыхъ кружковъ, обществъ и собравій“, и приводитъ извѣстный отрывокъ стихотворенія А. М. Жемчужникова, какъ иллюстрацію отсутствія сознанія въ насъ обязанности принять участіе въ общемъ дѣлѣ:

Уподобляемся мы, баловни судьбы,
Надъ грязью дольнею стоящимъ на помостѣ;
Но снизу бережно насъ держать не столбы,
А мышцы рукъ людскихъ и спивъ согбенныхъ кости.
До нашей высоты порой доходить вздохъ,
Какъ будто кто-то тамъ, въ подпольѣ, тѣшко дышитъ,
Но современникъ нашъ умышленно оглохъ,
Иль грезится ему, что гулъ веселья слышитъ...

Авторъ признаётъ истинными героями—героевъ долга и любви къ родинѣ и ближнимъ: одинъ изъ нихъ—земскій врачъ, другая—сельская учительница. Ихъ жизнь—сплошной трудъ, лишенія, самоотверженія. Побольше бы такихъ людей, больше идеализма и въ стремленіяхъ, и въ жизни,—и легче, свѣтлѣе и теплѣе станетъ жить всѣмъ, кому теперь непосильна жизненная ноша,—таковъ конечный выводъ, къ которому приводитъ автора анализъ современной русской жизни, и таковы общее содержаніе и характеръ книги.

III.

Отъ Петрову данъ высокій даръ плѣнять и подвигать читателя изяществомъ изложенія, оригинальностью сравненій и мѣткостью языка. Повидимому, богатый его личный жизненный опытъ и обширный кругъ чтенія возводятъ читателя на высокую степень интеллектуальнаго отношенія къ предмету. Читатель не перестаетъ чувствовать, что съ нимъ говоритъ не человѣкъ словія, касты или профессіи, но человѣкъ убѣжденія, основаннаго на общечеловѣческихъ началахъ, чуждыхъ односторонняго истолкованія и предразсудка. И это еще болѣе усиливаетъ и интересъ, и обаяніе книги свящ. Петрова. Но только очень внимательное чтеніе можетъ обезпечить читателю необходимое критическое отношеніе къ читаемому и дать ему возможность остано-

виться на тѣхъ пунктахъ, съ которыми онъ, можетъ быть, несогласенъ по существу.

Въ началѣ нашего изложенія мы замѣтили, по поводу книги свящ. Петрова, что она слишкомъ *идеалистична*. Объяснимъ точнѣе, что мы понимаемъ въ данномъ случаѣ, и попытаемся сдѣлать это на основаніи примѣровъ, взятыхъ изъ той же книги. Такъ, прежде всего, авторъ, какъ намъ кажется, слишкомъ поднимаетъ положеніе школьнаго вопроса отъ бѣдной и убогой земли на идеальную высоту. Само по себѣ это превосходно, но чтобы приложить свои руки въ школьному дѣлу у насъ и теперь, отъ земли отрѣшаться нельзя. Краснорѣчиво рисуя печальное положеніе преподаванія Закона Божія, географіи, исторіи, литературы („Мы просиживаемъ на школьной скамьѣ долгіе скучные часы за сочиненіями Луви Жудаты, заточника Данила, Сильвестра, Ломоносова и Кантемира, и, стыдно сказать, не знаемъ Достоевскаго, Тургенева, никого изъ новѣйшихъ писателей“),— авторъ по наиболѣе существенному вопросу—вопросу практической, необходимой, давно назрѣвшей реформы школы—бросаетъ какъ бы мимоходомъ двѣ-три фразы о томъ, что, молъ, много *толкуютъ* о необходимости коренной перемѣны школьной программы, настойчиво добиваются отмены мертвыхъ языковъ, а между тѣмъ — „корень зла не здѣсь; страшны не сами мертвые языки, страшна мертвечина учобы; страшно то, что какой предметъ ни возьми, все это—мертвый языкъ,—языкъ, который ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу ученика“. Встрѣтить такое разсужденіе и въ такой книгѣ какъ-то и странно, и неудобно,— не знаешь, какъ къ нему отнестись, даже и возражать не совсѣмъ удобно. Но и безъ возраженія оставить нельзя. Судя по нѣкоторымъ словамъ, от. Петрову хорошо извѣстенъ смыслъ и характеръ толстовско-катковской учебной системы, плоды которой въ нашемъ времени могутъ считаться опредѣлившимися вполне: мертвые языки сыграли въ этой системѣ предназначенную имъ вполне отчетливую роль, уже взвѣшенную судьбою, — отвлекъ юную мысль отъ вопросовъ жизни и преуспѣянія родины и воспитать ее на отвлеченныхъ для нея правилахъ греческой и римской грамматики. Плоды этой системы вполне подходятъ къ той главѣ разбираемой нами книги, которая характеризуетъ результаты современной школы: благодаря именно ей, наступило въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ полное духовное оскудѣніе, померкли свѣтлые идеалы и, взаменъ ихъ, развились низменные инстинкты человѣка-звѣря. Если корень зла не здѣсь (вѣрнѣе — одинъ изъ главныхъ корней), то къ кому же обра-

щаетъ отъ Петровъ свое крылатое „Духа не угашайте“: къ несчастной школѣ, ея ближайшимъ руководителямъ и учителямъ? Опять-таки, судя по книгѣ, отъ Петровъ—самъ педагогъ, и ему прекрасно извѣстно, въ какихъ условіяхъ проходить учительство въ школѣ; извѣстно, несомнѣнно, и то, что доброй воли учащихся все-таки мало, чтобы поставить школьное дѣло на правильный путь. А остроумная игра словъ въ выраженіи: „страшны не мертвые языки, а страшна мертвечина учобы“, безъ болѣе точнаго опредѣленія, къ кому она относится,—падаетъ и бьетъ все ту же учительскую спину, которая давнымъ-давно принадлежитъ лежащему человѣку.

Дальнѣйшія слова того же злополучнаго аббата заключаютъ въ себѣ и нѣкоторую, по правдѣ сказать, несообразность. „При такой постановкѣ дѣла („мертвечина учобы“), какъ предметы въ программѣ ни мѣняйте, — суть останется та же. Забудьте мертвые языки желаемыми большинствомъ естественными науками, — школа ничего не выиграетъ. Мы зубрили тысячи латинскихъ и греческихъ исключеній, наши дѣти будутъ зубрить тысячи названій видовъ, подвидовъ, мускуловъ, хрящей и позвонковъ“. Другими словами: пока дѣтей дурно учатъ, до тѣхъ поръ безразлично, чему бы ихъ ни учили. Намъ же думается, что если ужъ и учатъ дѣтей въ современной школѣ дѣйствительно дурно, то все-же лучше учить ихъ тому предмету, который имъ необходимъ и самъ по себѣ исполненъ живого интереса; пусть дѣти узнаютъ названія видовъ и подвидовъ, если безъ этого нельзя, благо эти названія познакомятъ ихъ хоть нѣсколько съ окружающимъ міромъ и мѣстомъ человѣка въ природѣ. Несомнѣнно, многое зависитъ отъ учителя и при современной постановкѣ учебнаго дѣла, но все-же можно скорѣе ждать талантливыхъ преподавателей изъ среды спеціалистовъ природовѣдѣнія, чѣмъ отъ такихъ „ученыхъ“ филологовъ, вся ученость которыхъ иногда въ томъ и состоитъ, какъ свидѣтельствуется авторъ въ другомъ мѣстѣ, что они подсчитали предлоги у Платона или частицы у Аристофана.

Пройдутъ года и десятки лѣтъ, прежде чѣмъ въ жизнь школы войдутъ тѣ идеальныя начала, выясненію которыхъ посвящена книга. Но было бы обидно допустить, что пока эти начала будутъ осуществляться въ жизни и въ школѣ, преподаваніе древнихъ языковъ будетъ отнимать все время у нашего юношества, притомъ въ ущербъ ихъ умственному и нравственному развитію, въ ущербъ ихъ знакомству съ родной природой, исторіей, литературой...

О роли древнихъ языковъ въ нашей школѣ, ничего общаго,

конечно, не имѣющей съ изученіемъ античной культуры, какъ предмета исторіи, нельзя разсуждать такъ же спокойно, какъ объ окраскѣ крыльевъ у бабочекъ или четвертомъ измѣреніи. Это—самый большой вопросъ современной школы, и его слѣдуетъ касаться весьма осторожно, весьма внимательно и серьезно, или — не касаться вовсе. И пройди его свящ. Петровъ молчаніемъ, не подай своего вѣскаго голоса въ ту или другую сторону, мы объяснили бы это молчаніе стремленіемъ соблюсти извѣстнаго рода тактъ, опасеніемъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ, равнообразно волнующихъ общество и являющихся предметомъ насущной правительственной заботы. Однако вся книга свящ. Петрова написана съ цѣлью разобраться именно въ тѣхъ вопросахъ, а среди нихъ вопросъ о школѣ—едва ли не самый важный въ настоящее время, и съ него надо начинать и имъ надо кончать всякій серьезный разговоръ о школьной реформѣ.

Повторимъ употребленное свящ. Петровымъ выраженіе— „надо смотрѣть въ корень“. Это совершенно справедливо,—надо смотрѣть въ корень, надо постигать причину явленія, и только тогда сужденіе о немъ можетъ претендовать на высшую степень достовѣрности. Если серьезно говорить о томъ, что наша школа мертва, и что необходимо ее оживить,—въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія,—то придется признать, что мертвить ее, дѣйствительно, не мертвые языки, не тѣ или другіе предметы, въ ихъ сущности, но мертвые люди, устроившіе школу во имя не созидательныхъ началъ самой жизни, но предвзятыхъ принциповъ ложно понятой государственной мудрости. Впрочемъ, рѣчь не о мертвыхъ людяхъ прошедшаго и настоящаго нашей школы. Рѣчь—о школѣ, которую необходимо оживить, чего бы это ни стоило государству и обществу; необходима сдѣлать ее жизненнымъ органомъ народной жизни, обеспечивающимъ ея культурное развитіе въ направленіи, уже указанномъ исторіей. Оживить же школу могутъ только живые люди, при томъ люди педагогическаго званія и опыта, воспитатели юношества по призванію и по долготѣней дѣятельности въ школѣ. И такихъ людей не мало среди учащихся и воспитателей, какъ ни бѣденъ, повидимому, въ ихъ массѣ запасъ необходимой жизненности духа и идеальныхъ стремленій. Только ихъ имена не блещутъ на страницахъ газетъ, толпа не рукоплещетъ ихъ блестящимъ защитамъ диссертаций на схоластическія темы; ихъ знаютъ обыкновенно небольшіе кружки родителей да учениковъ,—да еще бывшіе питомцы, разбѣянные по всей Россіи, хранятъ трогательно-благодарное воспоминаніе о сѣменахъ добра и правды, посѣянныхъ

въ ихъ душѣ старымъ учителемъ. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ иногда становились широко-популярными; не говоря объ Ушинскомъ, Пироговѣ, другихъ славныхъ дѣятеляхъ прежней педагогической семьи,—кто не знаетъ именъ недавно скончавшагося Виктора Острогорскаго, покойнаго В. П. Шереметевскаго и многихъ другихъ, бодрствующихъ, для счастья школы, понынѣ. Они-то ужъ не „угасили бы духа“, еслибы кругъ ихъ дѣятельности не былъ такъ обидно ограниченъ вышними рамками, и еслибы мѣстномъ ихъ руководствовались по существу, а не привлекали ихъ только въ качествѣ членовъ педагогическаго совѣта для формальнаго опроса. Педагоги вообще, кажется, не устраивали нашего просвѣщенія. Его устраивали болѣе всего чиновники (а извѣстно, что хорошій чиновникъ—плохой педагогъ, и это не обидно ни для того, ни для другого), у которыхъ содержаніе зачастую пасовало передъ формой; мудрили люди разныхъ профессій, и среди нихъ, этихъ постороннихъ школѣ вначалѣ людей, неожиданно открывались иногда прирожденные педагоги, замѣнявшіе здравымъ практическимъ смысломъ и сочувствіемъ къ нуждамъ просвѣщенія то, чего не дали личный опытъ и учебная подготовка. Но едва ли такое положеніе вещей можно признать, какъ правило. Педагогическая корпорація—не все мертвые люди, и многіе изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы спастись отъ школьной голодовки въ акцизныхъ и контрольных канцеляріяхъ, были бы достойны занять мѣсто рядомъ съ мужами совѣта и разума, чтобы дохнуть своимъ живымъ и врожденно-педагогическимъ духомъ на помертвѣвшую школу.

Прекрасенъ призывъ свящ. Петрова къ единенію, къ дружной работѣ на благо родины и народа. Что можетъ быть лучше и для молодежи, и для взрослыхъ, какъ сойтись въ кружокъ для совмѣстнаго чтенія и бесѣды на идейную тему, для изученія писателя или поэта? Такіе кружки самообразования, или, лучше сказать, самооблагороженія, сослужили бы великую службу особенно въ провинціи, въ глухихъ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ царитъ невообразимая жестокость и дикость нравовъ. Но знаетъ ли почтенный авторъ, насколько осуществимъ его призывъ и въ столицѣ, и въ провинціи, насколько каждая такая попытка встрѣчаетъ самыя невѣроятныя, непредвидимыя и непреодолимыя препятствія? Еще недавно усматривали благо въ отдаленіи профессоровъ и педагоговъ отъ студентовъ и учащихся; что же касается провинціи, авторъ могъ бы много поучительнаго въ этомъ отношеніи вынести изъ путешествія по глухимъ городишкамъ, деревнямъ и селамъ. Кстати сказать, въ книгѣ свящ. Петрова чрезвычайно

мало ссылокъ на наши родныя мѣста; гораздо чаще въ его наглядныхъ описаніяхъ мелькаютъ Берлинъ, Прага и тому подобное, — и только Крымъ нравится ему своей очаровательной красотой. Но по Крыму, Кавказу, Финляндіи — судить о россійской провинціи невозможно; для сужденій о ней недостаточно однихъ столичныхъ впечатлѣній и газетныхъ извѣстій. Русскій человѣкъ — существо въ высшей степени общительное, и если эта общительность не выходитъ въ большинствѣ случаевъ за предѣлы картъ, обѣденныхъ и иныхъ торжествъ и крайне рѣдко становится на идейную почву, то этому издавна служилъ препятствіемъ цѣлый строй вѣками укоренившихся внѣшнихъ препятствій. И получается невозможное положеніе, отрицательное авторомъ: „вся провинція только и стонетъ, что дѣлать нечего, что люди задыхаются отъ бездѣлья. Выходить, — продолжаетъ онъ — какое-то роковое недоразумѣніе: на каждомъ шагу горы неотложной работы, нѣтъ работниковъ; а люди, живущіе среди этого непочатаго дѣла, томятся бездѣйствіемъ, изнываютъ отъ скуки, отъ пустоты и безцѣльности провинціальной жизни!“ Одинъ изъ ключей этого рокового недоразумѣнія обнаруживается довольно легко: это — взаимное недоверіе и подозрительность. Церковная школа не вѣритъ земской, земская не вездѣ ладитъ со священникомъ, ближайшая власть подозрѣваетъ учителя и попечителя школы, мужикъ недоверчиво относится къ тѣмъ и другимъ и иногда не безъ основанія видитъ одни только мудрованія на его счетъ тамъ, гдѣ дѣло представляется простымъ и яснымъ. И выходитъ, по баснѣ Крылова, что пока „лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду“, — крестьянскій возъ ни на пядь не сдвинется съ мѣста...

Желательно было бы, чтобы поднимаемые свящ. Петровымъ вопросы трактовались съ болѣею, въ предѣлахъ возможнаго, опредѣленностью и не оставляли мѣста недоумѣніямъ и неправильнымъ истолкованіямъ. Отъ недомолвокъ и вынужденныхъ умолчаній у насъ разлился невообразимый туманъ въ общественныхъ понятіяхъ, и, кажется, сами предметы начали мѣнять имена. Вотъ потому всѣхъ, кому дано горячее убѣжденіе и съ нимъ вмѣстѣ даръ высказывать его хорошими, ясными и простыми словами, — лежитъ великій долгъ разгонять этотъ туманъ и облегчать лучамъ истины доступъ въ помутившееся сознаніе и взволнованную душу русскаго человѣка.

Евг. Л.

СТАРЫЙ ДОМЪ

Лѣнвивый вѣтерокъ въ травѣ чуть слышно бродить...
До полдня здѣсь пріютъ и влагѣ, и тѣнямъ,
А тамъ, на лѣстницѣ, гляди, какъ солнце всходитъ
Все выше, все теплѣй по ветхимъ ступенямъ.

Надъ лѣстницею—домъ, заросшій весь кустами.
Никто въ немъ не живетъ, покинуть онъ давно,
И, какъ недобрый глазъ подъ хмурыми бровями,
Чернѣетъ и блеститъ подъ крышею окно.

Я такъ люблю идти заросшею тропкою
Средь листьевъ и цвѣтовъ заброшенныхъ куртнѣ!..
Вотъ ирисы встаютъ лиловою семьею
И одуванчики въ дыму своихъ сѣдинъ.

Я вечеромъ сюда усталый возвращаюсь;
Здѣсь ждетъ меня въ травѣ чуть видная скамья.
Съ воспоминаньями я ласково встрѣчаюсь,
И долго думаю—и жду чего-то я.

Мнѣ кажется тогда безвластнымъ время злое,
И, все одѣтое туманной тишиной,
По ветхимъ ступенямъ ко мнѣ идетъ бывшее,
Чтобъ о грядущихъ дняхъ бесѣдовать со мной.

П. С. СОЛОВЬЕВА.

ЗАБЫТЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

- Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ. Фантастическій рассказъ въ трехъ частяхъ. Князя В. Мещерскаго. Сиб., 1873.—Третье изданіе, 1894 г.
- Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣстѣ. Фантастическій этюдъ въ пяти частяхъ. Продолженіе сочиненія: „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“. Соч. князя В. Мещерскаго. Сиб., 1879.
-

Князь В. Мещерскій очень хорошо извѣстенъ, какъ охранительный публицистъ и издатель „Гражданина“; публика знаетъ его также какъ автора повѣстей и рассказовъ изъ великосвѣтскаго быта; но никто, кажется, не подозрѣваетъ въ немъ сатирика, ядовито осмѣивающаго тѣ мнимо-консервативные принципы и шаблоны, которые съ такимъ упорнымъ усердіемъ защищаются имъ въ публицистикѣ. Между тѣмъ, перу князя В. Мещерскаго принадлежитъ одна изъ самыхъ рѣзкихъ и откровенныхъ сатиръ на поверхностныя реакціонныя теченія, овладѣвшія вліятельною частью нашего общества съ начала семидесятыхъ годовъ и нашедшія себѣ постоянный органъ въ „Гражданинѣ“.

Быть можетъ, нельзя считать совсѣмъ забытымъ романъ, напечатанный третьимъ изданіемъ еще сравнительно недавно (въ 1894 году); однако, содержаніе его, по всей вѣроятности, основательно забыто даже читавшими его въ свое время, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно не упускалось бы изъ виду при оцѣнѣ консервативныхъ идей и проектовъ князя В. Мещерскаго. Дѣйствующими лицами этого „фантастическаго рассказа“ являются наиболѣе яркіе выразители общественныхъ стремленій, близко зна-

комыхъ автору. „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“ не блещетъ художественными достоинствами; но исторія его героя, графа Обезьянинова, даетъ интересный матеріалъ для характеристики эпохи, не особенно далекой отъ насъ. Само собою разумѣется, что „начальническая“ дѣятельность графа Обезьянинова остается всецѣло продуктомъ творческой фантазіи;— очевидно, въ его лицѣ авторъ хотѣлъ представить наглядный примѣръ несообразностей, къ которымъ привело бы на практикѣ послѣдовательное примѣненіе политическихъ рецептовъ, неуклонно излагаемыхъ въ „Гражданинѣ“. Романъ князя В. Мещерскаго не нуждается даже въ особомъ критическомъ разборѣ: достаточно напомнить его сущность и привести изъ него нѣсколько назидательныхъ сценъ, чтобы отдать справедливость сатирическому замыслу автора.

Графъ Иванъ Обезьяниновъ считалъ себя призваннымъ къ роли правительственнаго дѣятеля, „потому, что былъ очень недурень собою, воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ военно-учебныхъ заведеній, имѣлъ отъ роду 34 года, подъ судомъ и слѣдствіемъ никогда не находился, за исключеніемъ тѣхъ двухъ разъ, когда онъ попалъ подъ полуслѣдствіе за разбитыя, въ веселомъ видѣ, стекла на улицѣ въ домѣ такомъ-то и такомъ-то“; въ области политики онъ любилъ разсуждать о разныхъ вещахъ, мало ему знакомыхъ; „всякаго, кто слишкомъ много говорил о земствѣ, онъ называлъ, самъ не зная почему, либераломъ“. Получивъ назначеніе въ провинцію,—на постъ камаринскаго начальника, онъ отправился къ правителю канцеляріи и имѣлъ съ нимъ слѣдующій діалогъ:

...Скажите, пожалуйста, вы должны это знать: что это, вообще, большая страна—Камарино?

— Да вотъ, взгляните на карту...

Графъ подошелъ очень ловко къ картѣ и началъ искать Камарино то наверху, то внизу, то на западѣ, пока Любакинъ, подойдя, не указалъ ему пальцемъ на Камарино, сказавъ: „вотъ“.

— А, вотъ оно, что же, оно не очень большое!—замѣтилъ графъ.

— Да, не очень большое, но дѣла много.

— Тамъ, говорятъ, того... земство вообще довольно... много себя позволяетъ. У меня тамъ есть большое имѣніе,—вѣдь я собственно потому и принялъ; я тамъ никогда не былъ, но управляющій мнѣ мой пишеть, что они чортъ знаетъ какіе выдумали разные налоги... подати...

— То-есть, вы хотите сказать, земскія повинности?

— Ну, да, повинности,—по моему, это все равно, налоги, повинности, l'improt en gènéral; я вообще удивляюсь, какъ это можно, чтобы

какое-нибудь земство назначало повинности... Скажите, пожалуйста, вотъ вы должны это знать,—мнѣ кажется, что слѣдовало бы на этотъ счетъ принять какія-нибудь мѣры...

— То-есть какъ?

— То-есть, напримѣръ, я полагалъ бы, что мнѣ слѣдовало бы въ особенности этимъ заняться поэнергичнѣе.

— Ну, я бы вамъ не совѣтовалъ, графъ, тѣмъ болѣе что...

— Нѣтъ, извольте видѣть, я долженъ вамъ сказать, что прежде чѣмъ того... принять это мѣсто, я немного занимался политикою, и признаться долженъ, что я сдѣлалъ себѣ во всемъ рѣшительно идеаломъ—Бисмарка! Вотъ человекъ, какой намъ нуженъ! Желѣзная воля, гениальный умъ...

Уходя отъ правителя канцеляріи, графъ вдругъ вспомнилъ что-то и вновь заговорилъ:

— А, да, вотъ еще, извините, я позабылъ еще очень важный вопросъ: скажите, пожалуйста, вѣдь у насъ есть особыя законы о земствѣ, не правда ли,—гдѣ бы ихъ достать? И потомъ, мнѣ бы хотѣлось, знаете, достать какія-нибудь книги и вообще о Россіи, объ администраціи...

— Насчетъ земства есть, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, особое положеніе...

— А, да, знаю, знаю! Это я читалъ, но я... того... хотѣлъ бы знать насчетъ повинностей... есть что-нибудь?..

— Да, во-первыхъ, въ самомъ положеніи вы найдете...

— А, да, правда,... я позабылъ; я, знаете, читалъ очень скоро...

Графъ вышелъ, думая про себя: *au fond c'est un rouge que se monopie!* А когда надѣвалъ шинель, онъ сказалъ мысленно: однако же, чортъ возьми, есть какія-то положенія, а я совсѣмъ и не подозрѣвалъ, надо узнать...

Не имѣя еще понятія о дѣлахъ и задачахъ управленія, новый камаринскій начальникъ, однако, заранѣе установилъ точную программу своей дѣятельности; онъ рѣшилъ „устроить хорошую пожарную команду, истребить нищенство, заваяться тюрьмою,—если можно, завести газъ по всему городу, и вообще прижимать всякія земства и тому подобные элементы“; затѣмъ „въ мелочи, детали и дразги администраціи не входитъ, все это предоставить вице-начальнику и правителю канцеляріи, а самому только всѣмъ дирижировать, заниматься главнѣйшими только дѣлами и вообще руководить духомъ Камарина“... „Мое главное назначеніе,—говорилъ онъ,—поднять и усилить власть администраціи, которая очень распушена...“—„Да помиуйте, графъ,—возражалъ правитель его канцеляріи,—шутка сказать, за что вы беретесь, да какъ же вы подымете власть администраціи вообще, если вы не будете входить именно въ подробности и изучать?“— „Какъ?! Очень просто, я устрою отличную систему полиціи, у

меня будутъ все честные и порядочные люди, черезъ нихъ я буду все изучать, вотъ вамъ и все“.—„Да, ну, если такъ, такъ по вашему, чтò администрація, чтò полиція—все равно?“—„Все равно!“—„Ну, а съ земствомъ какъ же вы будете ладить, тутъ вѣдь ваша полиція ни при чемъ?“—„Ну, съ земствомъ, батюшка, не трудно ладить, буду его держать въ ежовыхъ рукавицахъ, вотъ вамъ и все...“—„Да вѣдь, чтобы держать его въ ежовыхъ рукавицахъ, надо знать и отлично знать дѣло, помилуйте, графъ...“—„Ну, нѣтъ: учиться—это прекрасная вещь въ теоріи, а на дѣлѣ, гдѣ тутъ приважете еще учиться, когда не хватаетъ даже времени на то, чтобы заниматься главными вопросами. Россія, батюшка мой, такое государство, гдѣ надо намъ не ученыхъ, а умныхъ людей...“

Въ дѣйствительности графу Обезьянинову не нужно было быть ни знающимъ, ни умнымъ человѣкомъ, чтобы оказаться на высотѣ положенія. Въ Камаринѣ ему былъ подготовленъ торжественный приемъ; полиціймейстеръ Перепентьевъ „возвѣстилъ ему, что городское общество не знаетъ, можетъ ли оно дерзнуть поднести графу, въ ознаменованіе его пріѣзда, три тысячи рублей на устройство стипендіи имени графа въ гимназіи, и что вообще восторгъ въ городѣ такой, что просятъ позволенія устроить иллюминацію“. На улицѣ, куда графъ вышелъ погулять, все было необыкновенно чисто; „у подъѣзда присыпано песочкомъ, полицейскіе почти напоминали петербургскихъ по структурѣ и наружности, а въ довершеніе пріятной картины, всѣ дома въ окрестностяхъ дома графа и многіе изъ домовъ Большой улицы украшены были флагами...“ Графъ былъ очень доволенъ усердіемъ полиціймейстера и возмѣнилъ высокое мнѣніе объ его заслугахъ; „а загляни онъ въ арестантскую парфентьевской части, именно въ это прекрасное утро, онъ увидѣлъ бы тамъ, что въ теченіе этой ночи забраны были шесть человѣкъ челобитчиковъ, намѣревавшихся подать графу жалобу на того же Перепентьева, и трое изъ мирныхъ гражданъ, по дѣлу о сопротивленіи и буйствѣ при предложеніи изъявить всеобщую радость, по случаю благополучнаго пріѣзда и вступленія въ должность его сіятельства. Но графъ не заглянулъ, и акціи Перепентьева въ одно это утро значительно поднялись“.

Начальникъ вполне вошелъ въ свою роль; мелочи и дразги административной праектики для него не существовали,—онъ ихъ не видѣлъ и не зналъ, такъ какъ интересовался только высшими соображеніями. При представленіи ему мѣстныхъ чиновъ и сословій, онъ сказалъ эффектную рѣчь, въ которой выразилъ рѣ-

шимость быть твердымъ и непоколебимымъ въ борьбѣ съ тайными недоброжелателями „администраціи, то-есть правительства вообще“. „Я, господа,—заявилъ онъ, между прочимъ,—первый уважаю свободу, но я не могу позволить, чтобы эта свобода была неблагонадежная или неблагонамѣренная. На мнѣ лежитъ, господа, обязанность объяснять, какую свободу я могу одобрять, а потому прошу васъ обращаться всегда ко мнѣ, а не слушать тѣхъ, которые среди васъ (здѣсь графъ невольно устремилъ взглядъ на земскую группу) думаютъ о свободѣ разныя небылицы и сбиваютъ съ толку общество“. Особенно онъ подчеркнул необходимость смотрѣть на него, какъ на „главнаго хозяина и блюстителя порядка, благоустройства и благочинія“. „А вы, господа члены земства,—продолжалъ онъ,—я надѣюсь, тоже поймете, что я здѣсь одинъ хозяинъ, и что никому, кромѣ меня, я не позволю у себя въ Камаринѣ хозяйничать; впрочемъ, я увѣренъ, что мнѣ не нужно вамъ это напоминать, такъ какъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я имѣю до сихъ поръ, вы вели себя благо-разумно; повторяю только мою просьбу—не слушать тѣхъ, которые хотятъ среди васъ играть роль и сорить васъ со мною...“

Почему же и во имя чего онъ въ такомъ рѣзкомъ наставительномъ тонѣ обращался къ людямъ, съ которыми не имѣлъ еще никакихъ столкновеній? Чтò онъ разумѣлъ вообще подъ управленіемъ? Какія мысли связывалъ онъ съ своимъ положеніемъ хозяина края? „Съ нимъ происходило много,—говоритъ авторъ,—но самъ онъ не производилъ ничего, потому что въ немъ ничего не было; а если въ немъ ничего не было, то вопросъ: чтò значитъ управлять, чтò значитъ начинать управленіе,—какъ вопросъ съ содержаніемъ, съ глубокимъ внутреннимъ смысломъ, и притомъ жизненнымъ,—не могъ даже родиться въ умѣ графа“. Камарино вообще являлось ему въ какомъ-то неопредѣленномъ видѣ — „смѣсю полей, домовъ и людей, низко кланяющихся“; земство олицетворялось для него въ предсѣдатель управы, „а такъ какъ фигура предсѣдателя земской управы ему не нравилась, потому что этотъ предсѣдатель ему, графу, не воздавалъ поклоненія, то и все земство графу было антипатично; а такъ какъ, напротивъ, дворянство и чиновничество согласились ему дать обѣдъ, то графъ считалъ и это дворянство и это чиновничество весьма важными частями государства“.

На первыхъ порахъ графъ Обезьяниновъ имѣлъ около себя дѣльнаго и честнаго человѣка, который, въ качествѣ правителя канцеляріи, удерживалъ его отъ ложныхъ шаговъ и не стѣснялся откровенно высказывать ему свои мнѣнія; но разумные совѣты

Ивана Ѳомича были крайне неприятны для графа и возбудили энергическое противодѣйствіе со стороны другихъ его приближенныхъ. Чиновникъ особыхъ порученій Маклаковъ воплощалъ собою „ложь, обольщеніе, обманъ“; онъ успѣвши доложить графу „о какихъ-то тайныхъ сборищахъ у предсѣдателя земской управы, гдѣ будто бы поносили его, графа, и правительство вообще, самыми ужасными словами“; на другой день онъ „любезно далъ графу понять, что Иванъ Ѳомичъ съ однимъ только предсѣдателемъ управы и познакомился; на третій день онъ сообщилъ графу, что въ городѣ много толкуютъ о вліяніи на графа Ивана Ѳомича и о томъ, что-де опасаются, что черезъ Ивана Ѳомича приобретутъ вліяніе и земскіе либеральные люди“. Этого было достаточно. „Душонка графа оскорбилась смертельно: — какъ, я буду подъ вліяніемъ, и еще кого же, земскихъ людей, — твердилъ себѣ графъ внутренно со злостью, — я имъ покажу..., и съ этой минуты вопросъ о борьбѣ добра со зломъ былъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго. Бѣдный Иванъ Ѳомичъ былъ, какъ говорятъ, coulé, а бѣдный графъ, освобождая себя такъ храбро изъ-подъ добраго вліянія Ивана Ѳомича, и не подозрѣвалъ даже, что онъ становился гораздо менѣе самостоятельнымъ, подпадая подъ вліяніе такого человѣка, какъ Маклаковъ, и такого начала, какъ его сплетни и рассказы. Но таковъ міръ, и таковы люди“. Маклаковъ близко сошелся съ полиціймейстеромъ Перепентьевымъ, и оба они великолѣпно устроили свои дѣла. „Перепентьевъ былъ олицетвореніемъ пошлой стороны житейской мудрости, въ ея мельчайшихъ оттѣнкахъ... Увидѣвъ, что графу пріятно, когда гладятъ его собаку, Перепентьевъ пришелъ въ заключенію, что колыми паче должно быть пріятно графу все то, что гладитъ и ласкаетъ его сіятельство самихъ, и наоборотъ, все, что идетъ и будетъ идти противъ графской шерсти, графу должно быть неприятно. Отсюда выводъ былъ очень простой: лести и подлизыванье должны дѣйствовать на его сіятельство благотворно, а для Перепентьева выгодно...“ Цѣлымъ рядомъ искусныхъ комбинацій обезпечено было свободное хозяйничанье нѣсколькихъ „пройдохъ“ подъ прикрытіемъ авторитета новаго начальника, считавшаго себя единственнымъ хозяиномъ края. „Трудно себѣ представить — замѣчаетъ авторъ — что-нибудь пошлѣе всѣхъ этихъ удававшихся Перепентьеву коварствъ. А между тѣмъ, они случаются ежедневно и суть тѣ невидимыя сцѣпленія причинъ и событій, которыя производятъ порядокъ вещей, вдали для насъ, людей непривычныхъ, непонятный и заставляющій насъ дѣлать Богъ знаетъ какія глубокомысленныя соображенія“.

Что касается общественнаго элемента, а именно дворянства, то графъ „раздѣлилъ его на двѣ неравныя половины: одну онъ назвалъ дворянствомъ или обществомъ, а другую—земствомъ. Первые были овцы, а вторые—козлища“. Такъ какъ вторые не участвовали въ угодничествѣ мѣстныхъ чиновъ, „держались вообще самостоятельно, занимались дѣлами, а не пустяками, то графъ отнесся къ нимъ недобвѣрчиво и неблагоклонно, и назвалъ ихъ земствомъ, какъ бы именемъ, означающимъ не то учрежденіе, которое существуетъ въ силу закона о земскихъ учрежденіяхъ, а что-то вообще антипатичное, антиправительственное и неблагонадежно-политическое“. Однимъ изъ результатовъ „людовской пошлости“ было то, что графъ, „осмотрѣвъ тюрьму и полицію, нашелъ ихъ недурными, несмотря на то, что онъ были очень скверны, а затѣмъ, осмотрѣвъ земскую больницу, нашелъ ее скверною, несмотря на то, что она была хороша“. О земскихъ собраніяхъ онъ получалъ черезъ своего чиновника весьма неточныя свѣдѣнія. „Вечеромъ же, работающіе члены земства, тѣ же дворяне, собирались на квартиру предсѣдателя управы и до двухъ, трехъ часовъ ночи, въ потѣ лица, работали надъ каждымъ вопросомъ. Вотъ эти-то собранія, гдѣ рѣчь шла только о дѣлѣ и гдѣ никогда о графѣ не говорили, потому между прочимъ, что и говорить было нечего,—были представлены графу какъ тайныя, грозящія опасностью государству, политическія сходы. Графъ нивакъ не могъ себѣ представить, какъ это можно цѣлыя часы посвящать одному вопросу или вообще одному дѣлу, и вотъ причина, почему онъ охотно вѣрилъ въ политическій характеръ земскихъ совѣщаній“...

Свои служебныя обязанности графъ Обезьяниновъ понималъ довольно смутно, и на дѣлѣ онъ съ самаго пачала избавилъ себя отъ всякой работы. Въ первомъ своемъ донесеніи высшему начальству онъ писалъ: „вступивши въ должность, я призналъ прежде всего необходимымъ ввести тѣ реформы, которыя могутъ, по моему, содѣйствовать къ усиленію моего авторитета, какъ представителя власти“. Реформы были очень простыя: онъ раздѣлилъ свои „многочисленныя и многотрудныя обязанности между подлежащими лицами, съ оставленіемъ за собою только главнаго надзора и руководства“, усилилъ штатъ своей канцеляріи и полиціи, учредилъ нѣсколько новыхъ комиссій и разослалъ грозныя циркуляры ко всѣмъ подчиненнымъ мѣстнымъ властямъ; затѣмъ онъ могъ свободно заняться „женскимъ вопросомъ“ при содѣйствіи услужливыхъ чиновниковъ. Общее благополучіе послѣ этого предполагалось само собою. Сообщая въ Петербургъ объ

этомъ благополучіи, нарушаемомъ только скрытой оппозиціей земскихъ и судебныхъ учреждений, графъ прибавлялъ, еще, что „крестьяне вообще пользуются большимъ благосостояніемъ, но, къ сожалѣнію, благодаря полному бездѣйствію посредниковъ и распущенной уѣздной полиціи, недостаточно исправно платятъ подати и повинности“. Въ циркулярѣ къ исправникамъ онъ предписывалъ „всѣмъ и каждому, подъ страхомъ немедленнаго взысканія и увольненія, въ теченіе двухъ недѣль собрать всѣ числящіеся по уѣзду недоимки“, и сверхъ того, „вообще имѣть строгое наблюденіе за духомъ и общимъ состояніемъ вѣреннаго населенія и о всякой перемѣнѣ въ оныхъ доносить“. Когда этотъ циркуляръ былъ полученъ въ городѣ Сараховѣ, то исправникъ Иванъ Артемьевичъ рѣшилъ немедленно выѣхать въ уѣздъ для сбора недоимокъ, поручивъ письмоводителю разослать предписаніе становымъ насчетъ еженедѣльнаго донесенія о духѣ населенія. „И выѣхалъ Иванъ Артемьевичъ въ уѣздъ, и прибылъ въ первое село, какъ ураганъ, какъ вихрь, нечаянно, негаданно, къ общему смятенію и ужасу всего населенія, услышавшаго рововой колокольчикъ исправнической тройки. И началась обычная сцена экстраординарнаго взысканія недоимокъ. Появленіе старшины, объявленіе о суммѣ, подлежащей взысканію, собраніе схода, говоръ, крики, угрозы, домашняя расправа въ правленіи, увѣреніе, что нечего платить, въ отвѣтъ вѣчное „врешъ“, потомъ опись, смотръ курамъ, индѣйкамъ, гусямъ, коровамъ, лошадекамъ, назначеніе въ продажу на слѣдующій базарный день, — вотъ что начало происходить въ первомъ селѣ, и вотъ что ожидало всѣ села, гдѣ были недоимки. Иванъ Артемьевичъ былъ добрый человѣкъ; онъ зналъ, что крестьяне не могутъ заплатить, онъ вѣрилъ въ ихъ плачь и вопль, у самого болѣла душа при видѣ горя мужичковъ, но „дѣлать нечего“, — говорилъ онъ себѣ, — „надо, надо, надо“...

Между тѣмъ, графъ невольно поддавался обычнымъ соблазнамъ властнаго положенія; ему досталась интересная молодая дама, мужъ которой нуждался въ его протекціи; въ то же время явился купецъ Митридатовъ съ предложеніемъ провести желѣзную дорогу мимо имѣнія его сіятельства и взять это имѣніе въ аренду на необыкновенно выгодныхъ условіяхъ. Графъ охотно повѣрилъ, что для государственной пользы необходимо предоставить сооруженіе желѣзной дороги Митридатову, а не земству, хлопотавшему о концессіи на ту же почти линію, — тѣмъ болѣе, что по земскому проекту дорога проходила бы въ болѣе далекомъ разстояніи отъ графскаго имѣнія. Какъ арендаторъ имѣнія,

Митридатовъ выговорилъ себѣ право для производства нѣкоторыхъ работъ созывать крестьянъ при участіи полиціи, на что также послѣдовало согласіе графа. Незавонная сдѣлка съ Митридатовымъ относительно желѣзной дороги возбудила волненіе въ земскихъ кругахъ; предсѣдатель управы и три депутата отъ земства отправились въ графу и просили его оказать поддержку земскому ходатайству о концессіи, причемъ пытались объяснить важность этого проекта для цѣлыхъ трехъ уѣздовъ. Графъ очень сурово принялъ земскихъ дѣятелей и ясно далъ имъ понять, что интересы земства не имѣютъ для него никакого значенія:

— Мнѣ все равно, о комъ вы хлопчете—о себѣ или о земствѣ вашемъ,—я хозяинъ въ Камаринѣ, а не вы, и мнѣ, слѣдовательно, и принадлежитъ право распоряжаться, но никакъ не вамъ; вотъ все, что я могу вамъ сказать.

— Но во всякомъ случаѣ позвольте васъ предупредить, графъ, насчетъ нашего конкурента и его проекта: во-первыхъ, онъ у насъ на очень дурномъ счету, какъ человѣкъ; денегъ у него нѣтъ ни гроша; а во-вторыхъ, линія, которую онъ хочетъ строить,—не угодно ли вамъ спросить, вотъ господа помѣщики вамъ скажутъ,—при этомъ предсѣдатель управы указалъ на трехъ гласныхъ,—рѣшительно не имѣетъ ни малѣйшаго для насъ экономическаго значенія.

— Совершенно справедливо,—замѣтилъ одинъ изъ гласныхъ,—напротивъ...

— Господа, еще разъ имѣю честь вамъ напомнить, что хозяинъ губерніи—это я...

— Знаемъ, ваше сіятельство,—сказалъ на это одинъ изъ гласныхъ,—но позвольте и намъ немного считать себя хозяевами губерніи, на точномъ основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ; вѣдь мы не съ вѣтра же говоримъ вамъ, мы вѣдь гласные, уполномоченные.

— Да хоть и распроуполномоченные,—какое мнѣ дѣло! Я вамъ не мѣшаю поѣхать въ Петербургъ, хлопотать о вашей концессіи, сколько вамъ угодно, но я вамъ не позволю требовать отъ меня, чтобы я былъ вашего мнѣнія,—никогда; я обдумаю, обсужу, и буду на той сторонѣ, на которой захочу самъ,—понимаете? Для меня въ Камаринѣ нѣтъ ни законовъ, ни приказовъ ни отъ кого; затѣмъ, очень жаль, но я ваше ходатайство уважу только тогда, когда признаю его достойнымъ правительственнаго вниманія.

При этихъ словахъ графъ всталъ, всѣ встали, и затѣмъ общій обмѣнъ холодно вѣжливыхъ поклоновъ, и одинъ за другимъ вышли господа гласные изъ кабинета его сіятельства. Когда графъ остался одинъ, онъ закурилъ папирску и, случайно взглянувъ въ зеркало, улыбнулся: ему показалось, что въ эту минуту онъ былъ никто иной, какъ Бисмаркъ,—твердый, умный и неумолимый; а потомъ промелькнула мысль:—если я съ земствомъ умѣю справиться, то неужели устоить противъ меня женщина?

Какъ и слѣдовало ожидать, хлопоты графа о концессіи въ пользу купца Митридатова увѣнчались успѣхомъ, и земству было

отказано въ его ходатайствѣ. Подоспѣли дворянскіе выборы, и кандидатомъ на постъ предводителя выдвинуть былъ льстивый угодникъ Зубенко, „обратившійся въ домашнюю прислугу графа“; но старанія послѣдняго на этотъ разъ не привели къ желанной цѣли. За то сборъ недоимокъ завершился блестящимъ образомъ; отъ всѣхъ исправниковъ поступили вполнѣ утѣшительныя донесенія, и одинъ изъ нихъ, „чтобы еще ярче засвидѣтельствовать свою благопреданность и усердную дѣятельность, прибавлялъ, что деньги имъ собраны, не смотря даже на то, что населеніе этихъ деревень было въ самыхъ, повидимому, неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ, вслѣдствіе прошлогодняго неурожая, цѣны на хлѣбъ значительно вздорожали и крестьяне лишены возможности кормить свой скотъ и приобрѣтать хлѣбъ выгодно“. Графъ былъ очень доволенъ результатами своего управленія; онъ подписывалъ массу бумагъ и въ теченіе одного мѣсяца „предсѣдательствовалъ въ 56 засѣданіяхъ коммиссій, причѣмъ убиравшій послѣ засѣданій комнату сторожъ забралъ въ свою коллекцію 56 собственноручныхъ рисунковъ графа, изъ которыхъ 14 были разныя избушки и строенія, 34 женскія головы, и восемь—генеральскія фигуры въ лентахъ черезъ плечо“. Закулиснымъ руководителемъ всѣхъ дѣлъ былъ уже не Иванъ Ѳомичъ, а Макаковъ.

Очень подробно описанъ въ романѣ торжественный объѣздъ Камаринскаго края графомъ Обезьяниновымъ. Предварительно составлена была, по секретнымъ свѣдѣніямъ, характеристика всѣхъ служащихъ въ уѣздахъ лицъ. Объ одномъ исправникѣ сообщалось, что онъ много способствуетъ поддержанію въ народѣ духа „благочестія и благонравія вообще, но страдаетъ одною лишь слабостью—падкостью на женскій полъ, несмотря на то, что женатъ и имѣетъ семерыхъ дѣтей“; другой „занимается слишкомъ много метеорологическими и астрономическими наблюденіями, чѣмъ отвлекаетъ полицію вообще отъ присущихъ ей на землѣ обязанностей“, и сверхъ того, „страдаетъ излишествомъ въ употребленіи вѣршвыхъ напитковъ, преимущественно спиртуозныхъ“; третій, будучи „страстно привязанъ къ азартнымъ играмъ“, отличается вмѣстѣ съ тѣмъ „излишнею набожностью и подъ предлогомъ религиозныхъ бесѣдъ вводитъ въ игру и въ соблазнъ городское духовенство“. Изъ посредниковъ нѣкоторые „лѣнливы, но надежны“; другіе „весьма кутильнаго направленія, заподозрѣны въ учиненіи поборовъ съ крестьянъ, законами не дозволенныхъ“, но „въ политическомъ отношеніи благонадежны“; третьи „неоднократно замѣчены въ тайномъ под-

стрекательствѣ населенія въ составленію тайныхъ обществъ подъ благовидными предлогами, а именно обществъ трезвости, обществъ грамотности и другихъ“. Учитель исторіи „уличается въ неблагонамѣренномъ толкованіи дѣтямъ духа и смысла исторіи, преимущественно по поводу Семирамиды и Сарданапала“; другой чрезмѣрно увлекается естественными науками и проводитъ дѣльные дни въ лѣсахъ, „чѣмъ способствуетъ распространенію въ населеніи... матеріальнаго направленія, неизбѣжно отражающагося и на всемъ управленіи“. Многія изъ этихъ свѣдѣній оказались совершенно фантастическими, и, руководствуясь ими, графъ впадаетъ въ рядъ забавныхъ недоразумѣній.

Графъ отправился въ путешествіе преимущественно для отдыха и развлечения; служебныя обязанности были для него утомительны, какъ говоритъ авторъ, „главнымъ образомъ потому, что въ сущности онъ не исполнялъ изъ нихъ ни единой, а не исполнялъ потому, что ни въ одной изъ нихъ не понималъ смысла“. Романъ съ интересною дамою затянулся; мужу ея доставлено хорошее мѣсто, а сама она получила отъ Митридатова сто тысячъ рублей, въ видѣ вознагражденія за устройство дѣла съ концессією. Графъ думалъ уврѣпить ея привязанность временной разлукою. Во всѣ концы камаринской земли полетѣли оповѣщенія и циркуляры о предстоящемъ объѣздѣ; „единовременно по всѣмъ уѣздамъ крестьяне сотнями были согнаны на большія дороги, чистить оныя, мосты и гати, а пора была самая лучшая, самая горячая для работы въ полѣ“. Исправники писали становымъ: съ крестьянъ такой-то волости „содрали мы въ уплату недоимокъ, пожалуй, и черезчуръ много;—смотреть, чтобы никто жаловаться не посмѣлъ“; а съ такой-то волости „содрать до послѣдней шкуры; обязались внести,—надули прохвосты,—такъ чтобы впредь не надували, взыскать безмилосердно и представить всю сумму въ наличности ко дню графскаго пріѣзда; да настоять, чтобы хлѣбъ-соль поднесли съ безпрекословнымъ и безпрепятственнымъ радушіемъ“. Въ уѣздѣ, гдѣ было имѣніе графа, сдѣлано было такое распоряженіе: „Если крестьяне графскаго имѣнія захотятъ жаловаться на г. Митридатова за принужденіе ихъ будто бы къ даровой работѣ по устройству мельничной плотины, то вразумить ихъ мѣрами кротости и увѣщаніемъ; а если не подѣйствуетъ, то черезъ волостного старшину и волостное правленіе, не свыше, впрочемъ, мѣры, опредѣленной закономъ. Чтобы непремѣнно былъ написанъ адресъ отъ сихъ крестьянъ благодарственный, и хлѣбъ-соль, если можно, была поднесена на серебряномъ блюдѣ“. Ознакомленіе съ краемъ

производилось при искусственной парадной обстановкѣ и закончилось грандіознымъ пиршествомъ въ имѣніи графа. Выводы изъ сдѣланныхъ наблюденій были приготовлены заранѣе. Въ своемъ официальномъ отчетѣ о поѣздкѣ графъ писалъ, что „крестьянское сословіе вообще вполне обеспечено въ матеріальномъ отношеніи и пользуется дарованными ему правами и благодѣяніями въ полномъ, такъ сказать, размѣрѣ“, а потому необходимо „упраздненіе общиннаго начала и крестьянскаго самоуправления“; затѣмъ настоятельно требуется „значительное усиленіе губернаторской власти какъ относительно всѣхъ вѣдомствъ въ губерніи, такъ въ особенности относительно земства“; одна только полиція превосходно исполняетъ свое назначеніе и „является самымъ лучшимъ учрежденіемъ“ въ краѣ; изъ мѣстныхъ же полезныхъ дѣятелей можно указать на „весьма отрадную личность — купца Митридатова“.

Два года пробылъ графъ въ Камаринѣ; большую часть своего времени онъ проводилъ въ будуарѣ своей фаворитки, куда являлись къ нему иногда и чиновники по текущимъ дѣламъ управленія. Всякіе вопросы разрѣшались имъ необыкновенно просто, по усвоенной разъ системѣ. Приходить, напримѣръ, правитель канцеляріи съ вопросомъ: какъ отвѣчать на министерскую бумагу насчетъ ходатайства земства?

— А, знаю, помню: отвѣчать, какъ мы отвѣчали прежде, что по мѣстнымъ политическимъ соображеніямъ я признаю неудобнымъ согласиться съ ходатайствомъ земства,—вотъ и все...

— Не будетъ ли это немного строго,—такъ какъ въ сущности ходатайство земства по этому предмету не противорѣчитъ никакому закону...

— Будетъ или не будетъ—мнѣ все равно,—отвѣчалъ графъ,—вы знаете очень хорошо мой коренной принципъ: на всякое ходатайство земства, пока предсѣдателемъ будетъ Калугинъ, протестъ съ моей стороны,—коротко и ясно.

„Какъ жаль“,—говорилъ потомъ графъ своей фавориткѣ,—„что у этого земства такъ мало правъ, а то бы я имъ показывалъ, что значить борьба со мною, какъ съ администраторомъ, *sargisti*,—а такъ скучно: побѣда слишкомъ легко достается“. „Я захотѣлъ быть администраторомъ, и сдѣлался,—продолжалъ графъ,—а теперь, черезъ какихъ-нибудь два года, да я не знаю, къ какой должности я не способенъ! Я все вижу насквозь, и ужъ знаю людей, да эту глупую матушку Россію, побольше всякаго министра,—ручаюсь“.

Къ Пасхѣ графъ ждалъ награды, но ничего не получилъ и въ крайнемъ недоумѣніи уѣхалъ въ Петербургъ. Сидя инкогнито

въ вагонѣ, онъ слышалъ бесѣду какихъ-то пассажировъ о невозможныхъ порядкахъ его администраціи; онъ, конечно, рѣшилъ, что эти люди—враги правительства, и „еще болѣе убѣдился въ томъ, что общественное мнѣніе—это дрянъ“, и что „вся его задача, какъ администратора, въ томъ и заключается, чтобы приводить умы къ одному знаменателю—къ восхваленію администраціи въ его лицѣ“. Люди, какъ сей графъ,—поясняетъ авторъ,—„такъ уже психически сложены: „я“, а кромѣ „я“—ничего и нѣтъ. Во имя этой бессмыслицы, или, вѣрнѣе, этого помѣшательства на одномъ пунктѣ, многое должно быть имъ если не прощено, то все же вмѣнено въ меньшую вину“. Въ Петербургѣ его ждало полное разочарованіе. Высшій начальникъ, князь Павелъ, сообщилъ ему, что на него поступаютъ жалобы самыя разнообразныя и повидимому не лишеныя основанія, и что нѣкоторыя изъ нихъ компрометируютъ правительство; графъ пытался свалить вину на либераловъ, которые будто бы составили противъ него цѣлую „шайку оппозиціи“, но это увѣреніе не встрѣтило сочувствія, какъ несогласное съ фактическимъ содержаніемъ жалобъ. Графъ заключилъ, что у насъ не умѣютъ еще цѣнить людей, и что ему поэтому не стоитъ служить; однако, по совѣту своего великосвѣтскаго дяди, онъ отправился къ разнымъ крупнымъ сановникамъ, постарался произвести на нихъ впечатлѣніе своими смѣлыми и рѣшительными взглядами, сдѣлалъ визитъ прелестной и могущественной графинѣ Равинской, которой всецѣло подчиненъ одинъ сановный князь,—и очутился такимъ образомъ въ положеніи директора департамента.

„Графъ Обезьяниновъ—разсуждаетъ князь Мещерскій—не понравился своему Камарину, и было за чѣмъ Камарину находить своего начальника не по праву... Графъ Обезьяниновъ не понравился своему министру, и было за чѣмъ... Но за то графъ Обезьяниновъ понравился князю Семену Ивановичу, понравился графинѣ Равинской, понравился тому князю,—почему и чѣмъ—неизвѣстно,—и дѣло сдѣлалось само собою, просто и скоро. Судьба такъ захотѣла—и конецъ“. Графу едва не помѣшала непріятная исторія, дошедшая въ это время до сената: по одному спорному дѣлу онъ остановилъ исполненіе сенатскаго указа и откровенно заявилъ, что никакого сената онъ не признаетъ, что сенатъ—ему не законъ, а онѣ, камаринскій хозяинъ,—„самъ себѣ законъ“; но и это недоразумѣніе уладилось благодаря покровительству того же князя. Графъ былъ опять „на высотѣ“ и небрежно излагалъ пріятелямъ свои будущія на-

мѣренія и предназначенія, причѣмъ иногда долженъ былъ выслушивать горькія истины:

— Да въ сущности, что за департаментъ? Какія тамъ дѣла у тебя будутъ?—спросилъ его одинъ изъ клубныхъ пріятелей.

— Какія?—Обыкновенно какія бывають въ департаментѣ дѣла.— Здѣсь графъ Обезьяниновъ призадумался. Этотъ вопросъ: „какія тамъ будутъ дѣла?“—не приходилъ еще ему въ голову ни разу, а князь ему ничего объ этомъ не говорилъ, и онъ самъ не догадался о томъ спросить князя.

— Однако, братъ, ты того—швахъ: принимаешь мѣсто, и не знаешь, что будешь на немъ дѣлать; да этакъ тебѣ, пожалуй, предложить азіатскія дѣла, или посольство!

— Намъ нужны, братъ, не мѣста, а люди,—отвѣтилъ графъ.

— Такіе, какъ ты?

— Пожалуйста, безъ личностей; человѣкъ, который себѣ не знаетъ цѣны,—дрянь и никогда не будетъ вичѣмъ.

— Ну, а человѣкъ, который слишкомъ дорого себя цѣнить, годенъ на что-нибудь? Признайся, вѣдь ужъ, *entre nous soit dit*, ты вѣдь ровно ничего не знаешь и ничего не дѣлалъ,—ужъ признавайся! А также въ политику суется!

— Желая тебѣ сдѣлать, сколько я сдѣлалъ: два года пробывать въ провинціи—попробуй!

— Да хоть десять лѣтъ, коль ты знаешь, что кромѣ глупостей ты ничего не сдѣлаешь.

— Да говори про себя, сдѣлай милость!

— Я, батюшка мой, про себя не говорю, потому что я нигде не суюсь и никому не навязываю свою башку. Но знаешь что, Ваня, я вотъ хоть и кутишь не прочь... и ничего не дѣлаю, а все-таки, знаешь, я увѣренъ, что я полезнѣе чѣмъ ты.

— Ты?—И графъ презрительно на него взглянулъ.

— Да, я! И знаешь почему? По очень простой причинѣ: я по крайней мѣрѣ освобождаю отъ своего присутствія мое отечество, а ты—ты былъ вѣдь такой же кутила и неучъ, какъ я—ты суешься на такія мѣста, гдѣ ты вреденъ, потому что ничего не знаешь, да еще отнимаешь эти мѣста у порядочныхъ людей,—развѣ не такъ?

— Вадоръ!—Графъ нахмурился и страхнулъ пепель съ сигары на правую сторону коляски.

Настало минутное молчаніе.

— Въ сущности, знаешь, что я тебѣ скажу,—сказалъ графъ твердымъ и серьезнымъ вдохновеннымъ голосомъ:—въ Россіи нечего требовать отъ людей знанія, и то слава Богу, когда они, какъ я, преданы правительству.

— Полно вздоръ говорить: всякій мужикъ, всякій солдатъ преданъ правительству.

— Да, бессознательно, а сознательно преданныхъ мало.

— Такъ по твоему достаточно быть преданнымъ правительству, чтобы соваться на всякія мѣста: такъ послѣ этого, отчего я не министръ?

— Да, всякій, когда у него въ головѣ не солома, какъ у тебя...

— А кто тебѣ сказать, что у тебя не солома?
Графъ замолчалъ опять.

Въ должности директора департамента графъ Обезьяниновъ продержался не болѣе трехъ дней. Онъ началъ съ того, что вызвалъ къ себѣ Маклакова и предложилъ ему мѣсто вице-директора. „Когда Маклаковъ принялъ, графъ вспомнилъ, что есть вѣдь вице-директоръ, котораго прежде вѣдь надо спихнуть, а чтобы спихнуть—надо прежде съ нимъ увидѣться“. Графъ уже „былъ предрасположенъ противъ своего вице-директора. Читатели спросятъ: „Почему,—когда онъ его даже не зналъ?“ На это отвѣтъ простой. Великимъ людямъ à la графъ Обезьяниновъ нужны малѣйшіе поводы, чтобы жаловать людей въ благонадежные и разжаловывать ихъ въ неблагонадежные. Графу Обезьянинову кто-то сказалъ гдѣ-то, что онъ слышалъ что-то о какомъ-то вице-директорѣ въ какомъ-то департаментѣ его министерства“... Объ немъ говорили, „какъ о какомъ-то феноменѣ ума и способностей, а на самомъ дѣлѣ онъ не что иное, какъ нигилистъ“. Въ умѣ графа послѣ этихъ словъ „сложилось почти цѣльное представленіе о своемъ департаментѣ, какъ о сборищѣ нигилистовъ, которое нужно пообчистить, и порядкомъ пообчистить. Ни что такъ не улыбалось графу, какъ мысль о предстоящемъ ему процессѣ пообчищенія du personnel своего департамента“. При вступленіи въ должность онъ высказалъ подчиненнымъ свои общіе принципы, заключающіеся прежде всего въ требованіи безусловнаго повиновенія: „У васъ, на примѣръ, принято курить въ департаментѣ,—я прошу, чтобы этого не было; у васъ принято носить бороды и какое угодно платье,—я прошу, чтобы этого не было; у васъ принято, какъ я слышалъ, чтобы начальники отдѣленій имѣли свои мнѣнія и высказывали ихъ свободно,—я прошу, чтобы этого не было. А тотъ, кто хочетъ имѣть свои мнѣнія, можетъ служить, гдѣ ему угодно, только не у меня“. Вице-директора онъ призывалъ къ себѣ на домъ, но безуспѣшно, и затѣмъ при первомъ свиданіи въ департаментѣ объяснилъ ему, что смотреть на него какъ на вѣрнаго исполнителя тѣхъ высшихъ соображеній, которыя онъ, графъ, имѣетъ въ виду осуществлять на этомъ мѣстѣ. Онъ сразу принялъ такой рѣзкій и высокой тонъ, что вице-директору оставалось только предложить свою отставку. „Я вице-директоръ не вашъ, а департамента,—отвѣтилъ графу обиженный „исполнитель“,—я исполняю не ваши распоряженія, какъ бы высоки они ни были, а ту часть дѣлъ, которая на меня будетъ вами возложена по департаменту, и исполняю ихъ подъ своею, а не вашею отвѣт-

ственностью. Что же касается наших чиновниковъ, то полагаю, что вы имѣете право отъ нихъ требовать только одного — исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей; мнѣній же своихъ въ департаментѣ, какъ учрежденіи бюрократическомъ, они по дѣламъ имѣть не могутъ". Въ результатѣ вышло нѣчто въ родѣ департаментскаго кризиса: всѣ высшіе чиновники, начиная съ вице-директора, просили уволить ихъ отъ службы при новомъ директорѣ, и кризисъ разрѣшился удаленіемъ самого графа Обезьянинова. Графъ уѣхалъ за границу, въ ожиданіи лучшихъ временъ; въ Висбаденѣ онъ съ дядей критикуетъ ходъ дѣлъ въ Петербургѣ, и дядя въ утѣшеніе говоритъ племяннику: „я предчувствую, что твое время близко"... Этими словами кончается романъ.

Продолженіе „Одного изъ нашихъ Бисмарковъ“, подъ заглавіемъ: „Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣстѣ“, переноситъ насъ въ высшія петербургскія сферы, гдѣ вырабатывается текущая политика страны. Проведя нѣсколько лѣтъ въ бездѣйствіи, въ заграничныхъ курортахъ и въ отечественныхъ салонахъ, графъ Обезьяниновъ не переставалъ разыгрывать изъ себя государственнаго человѣка, призваннаго водворить порядокъ въ русскихъ умахъ и дѣлахъ; онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ момента, когда къ нему вновь обратятся и предоставятъ ему подобающее мѣсто. Возникшее тогда славянское движеніе утвердило въ немъ вѣру въ свое призваніе; ему казалось, что онъ одинъ способенъ потушить разгорѣвшійся въ русскомъ обществѣ опасный политическій пожаръ, угрожавшій, по его мнѣнію, не только миру Европы, но и прежде всего авторитету правительства. Графъ искренно возмущается тѣмъ, что какія-то частныя лица самовольно волнуются по поводу турецкихъ звѣрствъ и вмѣшиваются въ иностранную политику, подлежащую исключительному завѣдыванію дипломатіи; онъ находитъ нѣчто ненормальное въ самомъ фактѣ публичнаго проявленія какихъ-то народныхъ чувствъ, которыя только повидимому направлены противъ Турціи, и въ сущности подкапываются подъ основы всего существующаго порядка. Онъ настойчиво повторяетъ всѣмъ и каждому, что необходимо принять крутыя мѣры для скорѣйшаго прекращенія славянской и всякой иной пропаганды; его взгляды встрѣчаютъ сочувствіе и поддержку среди вліятельныхъ салонныхъ дѣятелей, озадаченныхъ ростомъ добровольческаго движенія, и графу Обезьянинову удается получить полномочіе для изслѣдованія „народнаго духа“ на мѣстѣ, въ Москвѣ и въ провинціи,

съ цѣлью выработки соотвѣтственныхъ способовъ обузданія. Графъ проектируетъ организацію особаго высшаго наблюдательнаго учрежденія, подъ главнымъ его начальствомъ, съ обширными штатами чиновниковъ; штаты и оклады вызываютъ финансовыя возраженія со стороны руководителя компетентнаго вѣдомства, за что этотъ сановникъ зачисленъ въ красные авторомъ проекта. Благодаря родственнымъ связямъ и при содѣйствіи очаровательной княжны, невѣсты графа, дѣло улаживается, и планъ осуществляется въ болѣе скромныхъ размѣрахъ; Обезьяниновъ становится фактическимъ „президентомъ“ новой комиссіи, устраивается въ роскошномъ офиціальномъ помѣщеніи и собирается дѣйствовать въ духѣ своей программы. Предварительная краткая поѣздка въ Камарно даетъ ему матеріалъ для соображеній о главнѣйшихъ реформахъ, требуемыхъ для спасенія Россіи; во главѣ этихъ реформъ должно стоять превращеніе провинціальныхъ начальниковъ (или, по терминологіи автора, градоначальниковъ) въ полновластныхъ „пашей“. Графъ предлагаетъ „объединить и сдѣлать всемогущею власть градоначальника, подчинить ему всѣ вѣтви мѣстной администраціи безъ исключенія“; „изъ каждаго градоначальника вездѣ сдѣлать диктатора относительно борьбы со всѣми проявленіями русскаго народнаго духа“, и „создать вокругъ этого градоначальника провинціи дворъ со всѣми его престижами“. Попутно являются у графа и другія болѣе общія мысли; такъ, подъ вліяніемъ разговора съ одною французскою кокеткою, онъ намѣчаетъ рядъ предположеній и мѣропріятій, которыя предстоитъ еще обдумать: „вернуться къ старой мысли объ общей неблагонадежности тайныхъ совѣтниковъ, изслѣдовать вопросъ объ усиленіи увеселительныхъ элементовъ для молодежи; два-три театра Буффъ, уличные кафѣ, кафе-шантаны...“ „Не выписать ли побольше французенокъ? Не облегчить ли условія кредита специально для молодежи? Впрочемъ, это все мѣры отрицательныя; нужны положительныя. Газетамъ пережѣвнать тонъ... Вообще быть энергичнымъ и зоркимъ“. Но, устроившись на новомъ мѣстѣ, графъ не торопился приступать къ реальной дѣятельности; онъ „уже сидѣлъ передъ столомъ, похожимъ на министерскій, на креслѣ, похожемъ на министерское, имѣлъ уже свои постоянныя *petites entrées* къ министрамъ, — слѣдовательно уже часть его похоти была какъ будто насыщена и успокоена“. „Графъ Обезьяниновъ — замѣчаетъ авторъ — настоящимъ Бисмаркомъ не былъ. Но за то какіе были у него директоры отдѣловъ, — чудо просто! Все изъ клуба, все его пріатели, промѣнявшіе балетъ на тушеніе русскаго народнаго духа“.

Пока графъ готовился искоренить народный духъ своими циркулярами, въ политикѣ произошли событія, приведшія къ войнѣ, и спасительная комиссія закрылась прежде чѣмъ успѣла преобразоваться въ особое министерство по проекту Обезьянинова. Графъ опять очутился на мели, и сановный дядя уговариваетъ его заняться финансами: только въ области финансовъ можно возвыситься и достигнуть прочнаго руководительнаго поста, такъ какъ въ финансахъ никто ничего не понимаетъ. „Riga bien qui riga le dernier“, отвѣчаетъ графъ Обезьяниновъ.

Дальнѣйшая судьба графа Обезьянинова неизвѣстна; но, судя по многимъ признакамъ, онъ принимаетъ близкое участіе въ „Гражданинѣ“, гдѣ нашли себѣ надежный пріютъ его любимыя идеи о „всемогуществѣ“ провинціальныхъ начальниковъ, о земствѣ и общественномъ мнѣніи, о ненужности и вредѣ образованія, о государственномъ призваніи клубныхъ бонвивановъ, и даже о неблагонадежности тайныхъ совѣтниковъ. Несомнѣнно, что авторъ романа „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“ относится отрицательно къ типу графа Обезьянинова; онъ постоянно подчеркиваетъ его надменную пустоту, его круглое невѣжество, соединенное съ непоколебимымъ самоувѣреніемъ, его сухой эгоизмъ и тщеславіе. Тѣмъ не менѣе графъ Обезьяниновъ выступаетъ какимъ-то орломъ среди массы ничтожныхъ свѣтскихъ и чиновныхъ личностей, бѣгло обрисованныхъ авторомъ; онъ все-таки значительно выше тѣхъ разслабленныхъ, болтливыхъ манекеновъ съ „государственными фізіономіями“, которые выводятся въ романѣ въ качествѣ будто бы вершителей судебъ оффиціального міра. Женщины, въ изображеніи князи В. Мещерскаго, вообще умнѣе и лучше мужчинъ и часто высказываютъ имъ въ глаза убійственныя замѣчанія: „вы, то-есть всѣ ваши,—говоритъ княжна, невѣста героя,—вы служите никому другому, какъ самому себѣ; вы защитники того, что вамъ выгодно; и еслибы завтра безпорядокъ обратился въ порядокъ вещей, я пари держу, что большая часть изъ вашихъ принялась бы быть шампіонами этого новаго порядка. Я васъ знаю... Съ дѣтства я насматриваюсь на вашъ мірокъ; мой отецъ былъ изъ вашихъ, и мой дядя тоже. Другія дѣти играли въ куклы, а мои куклы (т.-е. мои куклами) были тѣ люди, которые вокругъ моего отца разыгрывали комедію государственныхъ людей. Вообразите, я, дитя, понимала, до какой степени они были нули, эти переполненные и надутыя собою личности“... „Если что-нибудь у насъ,—говоритъ другая дама, графиня,—еще сохранило хоть сколько-нибудь здраваго смысла, ума, нравственности

и честности, такъ это женщины. Вы, господа мужчины, простите мнѣ мою откровенность, вы прогнали до мозга костей, и чѣмъ больше вы гнѣете, чѣмъ вы неспособнѣе, чѣмъ вы бездарнѣе и пошлѣе, тѣмъ вы заносчивѣе, тщеславнѣе, самоувѣреннѣе и надменнѣе". Въ романѣ князя В. Мещерскаго ясно проводится и подтверждается рядомъ живыхъ картинъ та основная мысль, что обычныя мнимо-охранительныя формулы, принимаемыя въ чистовѣшнемъ смыслѣ, служатъ удобнѣйшимъ, общедоступнымъ орудіемъ личнаго возвышенія и даютъ просторъ всевозможнымъ корыстнымъ, мелочнымъ и низменнымъ побужденіямъ; этими формулами чаще всего завладѣвають пустѣйшіе люди и примѣняютъ ихъ во вредъ государству и народу, такъ какъ, по справедливому мнѣнію автора, для усвоенія и примѣненія голыхъ принциповъ благонадежности въ духѣ графа Обезьянинова—не требуется ни знанія, ни способности, ни честности. Вражда къ серьезнымъ представителямъ земства и общественнаго мнѣнія объясняется въ романѣ не только потребностью „всемогущества“ Махлаковыхъ и Перепентьевыхъ, но и органическимъ непониманіемъ того, что люди могутъ отдаваться работѣ на общую пользу, не имѣя въ виду матеріальныхъ выгодъ и не преслѣдуя какихъ-нибудь скрытыхъ цѣлей. Здравые взгляды, прямо или косвенно развиваемые въ забытомъ сатирическомъ романѣ князя В. Мещерскаго, бросаютъ своеобразный свѣтъ на многолѣтнюю публицистическую дѣятельность редактора „Гражданина“ и должны были бы, пожалуй, способствовать измѣненію его общей литературной репутаціи...

Л. Слонимскій.

АЛЕКСАНДРЪ ОНУФРІЕВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ

ОЧЕРЕЖЪ ИЗЪ ИСТОРИИ НАУКИ ВЪ РОССІИ.

I.

Хотя въ настоящее время наука въ Россіи переживаетъ несомнѣнный кризисъ, и общее вниманіе отвлечено отъ нея въ сторону, тѣмъ не менѣе легко предвидѣть, что уже въ недалекомъ будущемъ она завоеуетъ себѣ мѣсто, которое ей подобаешь въ развитіи русской мысли и культуры. Вотъ почему мы считаемъ умѣстнымъ рассказать читателю исторію не такъ давно скончавшагося знаменитаго русскаго ученаго, труды и необыкновенно возвышенная личность котораго заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено вниманіе и не однихъ специалистовъ.

А. О. Ковалевскій занимался естественной исторіей низшихъ животныхъ, изученію которой онъ посвятилъ сорокъ лѣтъ своей жизни. Расцвѣтъ его научной дѣятельности падаетъ какъ разъ на тотъ періодъ русской жизни, когда интересъ къ положительнымъ наукамъ занялъ самое выдающееся мѣсто. Вотъ почему будетъ нелишнимъ представить читателю краткій очеркъ той эпохи, во время которой выдался талантъ Ковалевскаго. Эта эпоха совпадаетъ съ началомъ царствованія Александра II-го. Мысль зашевелилась повсюду, и, наряду съ проектами практическихъ реформъ въ Россіи, народилось и стремленіе къ научному развитію.

Въ средней школѣ въ то время не чувствовалось гнета ни со стороны классицизма, ни со стороны излишняго формализма. Греческій языкъ находился въ полномъ заговнѣ и латынь снисходила на очень второстепенную роль.

Въ университетахъ преподаваніе шло во многомъ еще по старинному, но среди „адъюнктовъ“ и нѣкоторыхъ молодыхъ профессоровъ уже обнаруживался новый духъ. Естественныя науки преподавались большею частью очень сухо, по учебникамъ и монографіямъ, чаще всего безъ практическихъ занятій и безъ сколько-нибудь правильнаго руководства.

Отбываніе уроковъ и экзаменовъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко не отнимало всего времени, оставляя много досуга для чтенія и саморазвитія. Въ этомъ отношеніи большую роль играли не только популярныя статьи въ русскихъ толстыхъ журналахъ, но также и общедоступныя книги и брошюры изъ иностранной литературы. Тутъ были на первомъ планѣ сочиненія по естествознанію, дававшія общій очеркъ тогдашнихъ возрѣній на природу и жизнь. Между ними главное мѣсто занимала книжка Бюхнера: „Kraft und Stoff“, распространившаяся не только среди студентовъ пятидесятыхъ годовъ, но принявшая также и въ старшіе классы гимназій. Многіе начали изучать нѣмецкій языкъ для того, чтобы читать произведенія Бюхнера, Фохта и Молешотта въ подлинникѣ. Въ Россіи эти сочиненія были, правда, запрещены цензурой, но это еще болѣе увеличивало ихъ цѣнность во мнѣніи молодежи. Вскорѣ, впрочемъ, появились и гектографированные русскіе переводы нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ, еще болѣе содѣйствовавшіе распространенію позитивнаго и матеріалистическаго міросозерцанія, которое, казалось, было способно отвѣтить на всѣ вопросы, задаваемые юными умами.

Но, помимо этой „подпольной“ литературы, многочисленные переводы иностранныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ вліяли съ своей стороны на укрѣпленіе вкуса къ положительному знанію и на утвержденіе въ основахъ матеріалистическаго міровоззрѣнія.

Въ виду всего этого среди молодежи распространилось убѣжденіе, что только положительное знаніе способно вести къ истинному прогрессу, что искусства и другія проявленія духовной жизни могутъ, наоборотъ, лишь тормазить движеніе впередъ.

Чуткій ко всѣмъ стремленіямъ молодого поколѣнія, Тургеневъ изобразилъ въ Базаровѣ типъ молодого человѣка, вѣршаго исключительно въ науку и относящагося презрительно къ иску-

ству и религіи. Для того, чтобы получить отвѣтъ на возникавшіе въ его душѣ общіе и основныя вопросы, онъ углубляется въ міръ животныхъ и старается освѣтить такимъ образомъ все касающееся и человѣка. Отъ споровъ объ общественныхъ задачахъ онъ приглашаетъ своего друга уйти, чтобы...

„— Надо-всѣмъ глумиться, — подхватилъ Павелъ Петровичъ.

„— Нѣтъ, лягушекъ рѣзать“. („Отцы и Дѣти“, гл. X).

Замѣтивъ, что отецъ Аркадія читаетъ Пушкина, Базаровъ обращается къ своему другу со словами:

„— Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Вѣдь онъ не мальчишья: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтикомъ въ нынѣшнее время! Дай ему что нибудь дѣльное почитать.

„— Что бы ему дать?—спросилъ Аркадій.

„— Да я думаю, Бюхнерова „Stoff und Kraft“ на первый случай“. (Тамъ же).

Появленіе въ концѣ пятидесятихъ годовъ сочиненія Дарвина „О происхожденіи видовъ“ дало новый и очень значительный толчокъ въ томъ же направленіи. Объединяя человѣка съ животнымъ міромъ общностью происхожденія, Дарвинъ тѣмъ самымъ усилилъ надежду рѣшить проблему человѣческаго бытія при помощи изученія законовъ, управляющихъ живыми существами.

Ученіе Дарвина, при содѣйствіи многочисленныхъ популяризацій и комментаторовъ, быстро проникло въ умы учащейся молодежи и завоевало всѣ ея симпатіи еще въ то время, когда многіе изъ профессоровъ относились къ нему скептически или равнодушно.

Неудивительно, что новое направленіе захватило собою все, что было наиболѣе отзывчиваго и чуткаго среди молодого поколѣнія. Оно проникло не только въ гимназіи и университеты, гдѣ естествознаніе преподавалось систематически и болѣе или менѣе въ полномъ видѣ, но и въ такія учебныя заведенія, гдѣ мѣсто его было гораздо болѣе скромно. Въ Александровскомъ лицей, куда поступали большей частью молодые люди изъ привилегированнаго слоя, въ надеждѣ сдѣлать блестящую служебную карьеру, гдѣ занятіе изящной литературой вошло въ плоть и кровь, и гдѣ на первомъ планѣ преподавались юридическія и историческія науки — и тамъ образовался кружокъ молодежи, увлекшейся стремленіемъ къ положительному знанію. Нѣкоторые члены этого вѣрушка бросили даже лицей, чтобы немедленно же перейти къ занятію естествознаніемъ. Такъ какъ большая часть лицейстовъ были люди съ матеріальными средствами, то многіе изъ нихъ, по выходѣ изъ лицей, уѣзжали прямо въ иностран-

вне, главнымъ образомъ, нѣмецкіе университеты. Этому переселенію за границу во многомъ содѣйствовали студенческіе безпорядки 1861 года. Петербургскій университетъ былъ закрытъ, и тѣмъ юношамъ, которые жадно стремились къ приобрѣтенію знаній, предстояло переселиться или въ провинцію, или за границу. Провинціальныя университеты въ это время не блистали выдающимися талантами. Въ московскомъ университетѣ было, правда, не мало профессоровъ съ очень хорошимъ образованіемъ, но, среди естественниковъ, это были болѣею частью начитанные и опытные ораторы, неспособные самостоятельно двигать науку. Въ заботахъ о выборѣ мѣста для серьезнаго изученія положительныхъ наукъ должно было безъ колебанія предпочесть иностранныя университеты русскимъ.

Въ это время—мы говоримъ о началѣ шестидесятыхъ годовъ—особенной славой пользовался гейдельбергскій университетъ. Расположенный въ живописной и уютной долинѣ Неккара, Гейдельбергъ привлекалъ молодежь всѣхъ странъ цѣлой плеядой первоклассныхъ естествоиспытателей, между которыми достаточно назвать химика Бунзена, физика Кирхгофа, физиолога Гельмгольца, зоолога Бронна. Рядомъ съ ними было не мало второстепенныхъ; но, тѣмъ не менѣе, очень выдающихся ученыхъ. Неудивительно, что туда потянуло и жаждавшаго положительнаго знанія А. О. Ковалевскаго.

II.

Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій происходилъ изъ польскихъ дворянъ. Отецъ его, помѣщикъ, владѣлъ небольшимъ имѣніемъ въ динабургскомъ уѣздѣ, витебской губерніи. Онъ былъ католикъ, но женился на православной. Поэтому и два сына Ковалевскихъ, старшій, Александръ (родившійся 7-го ноября 1840 года) и младшій, Владиміръ (впоследствии профессоръ геологіи), были крещены въ православную вѣру.

А. О. провелъ все дѣтство въ деревнѣ, на родинѣ, гдѣ и сталъ приготовляться къ поступленію въ учебное заведеніе. Объ этомъ періодѣ его жизни мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній.

Дѣтскіе годы и обученіе въ родительскомъ домѣ шли какъ и въ другихъ помѣщичьихъ домахъ. Дѣтей нужно было помѣстить въ учебныя заведенія, при чемъ выборъ отца остановился на такихъ, которыя должны были обезпечить правильную хорошую карьеру. Старшаго, Александра, онъ приготовилъ къ корпусу путей сообщенія, который считался способнымъ въ короткое

время доставить значительное матеріальное благосостояніе. Железно-дорожное дѣло представляло огромную будущность, и въ тѣ времена уже было не мало молодыхъ инженеровъ, получавшихъ сравнительно очень большое содержаніе.

Младшій сынъ, Владиміръ, готовился къ поступленію въ училище правовѣдѣнія, открывавшаго путь къ блестящей служебной карьерѣ.

Но ни одинъ изъ Ковалевскихъ не остался на пути, избранномъ для нихъ ихъ отцомъ. Они оба посвятили себя естественнымъ наукамъ. Поступивъ въ 1856 году въ третій классъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, Ковалевскій подчиняется общему теченію и, спустя три года, выходитъ изъ корпуса съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться студентомъ естественно-историческаго отдѣленія физико-математическаго факультета петербургскаго университета. Очевидно, его тянуло не къ практической дѣятельности инженера, а въ храмъ чистой положительной науки.

Въ петербургскомъ университетѣ того времени были талантливые профессора, способные живо передавать главные результаты современной имъ науки, но не участвовавшіе лично въ научномъ движеніи. Исключеніемъ являлся Л. С. Ценковский. Тогда еще молодой ученый, онъ былъ извѣстенъ своими самостоятельными изслѣдованіями въ области простѣйшихъ животныхъ и растений. Такъ какъ онъ, кромѣ того, отличался необыкновеннымъ даромъ преподаванія, то неудивительно, что онъ болѣе другихъ повліялъ на А. О. Ковалевскаго. Въ послѣднемъ онъ возбудилъ жажду разработки научныхъ вопросовъ, примѣромъ искренняго и серьезнаго отношенія къ наукѣ.

Но Ковалевскій недолго пробылъ въ петербургскомъ университетѣ. Студенческіе беспорядки и общее неустройство университетскихъ дѣлъ въ Россіи, крайне затруднявшіе правильное занятіе въ лабораторіяхъ, побудили А. О. оставить петербургскій университетъ и со второго курса его перейти въ гейдельбергскій университетъ. Въ то время Ковалевскій особенно сошелся съ нѣкоторыми представителями лицейскаго кружка, о которомъ я уже упоминалъ выше. Въ числѣ ихъ я могу назвать давно умершаго Ножина и нынѣ живущаго барона А. Ф. Стурта. Всѣ вмѣстѣ они проживали и учились въ Германіи. Ковалевскаго сначала привлекла лабораторія Бунзена, который въ то время былъ занятъ, вмѣстѣ съ Кирхгофомъ, разработкой открытія спектральнаго анализа. А. О. даже думалъ одно время сдѣлаться специалистомъ по химіи и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ напечаталъ двѣ небольшія работы, вышедшія изъ школы

Бунзена. Но вскорѣ онъ повинулъ химию и отдался изученію живого міра.

Профессоромъ зоологій въ Гейдельбергѣ въ то время былъ Броннъ. Переводчикъ „Происхожденія видовъ“ Дарвина и подготовленный своими предъидущими палеонтологическими изслѣдованіями къ принятію теоріи великаго аяглійскаго естествоиспытателя, Броннъ имѣлъ особенное вліяніе на Ковалевскаго въ смыслѣ привлеченія его въ число адептовъ новаго ученія. Бросивъ химию, Ковалевскій сдѣлался зоологомъ и сразу сталъ ревностнымъ поборникомъ дарвинизма.

Не удовлетворяясь, однакоже, общими мѣстами, Ковалевскій, съ свойственнымъ ему складомъ ума и характера, считалъ необходимымъ провести въ жизнь, облечь, такъ сказать, въ плоть и кровь, начала новой теоріи происхожденія видовъ. Въ этомъ отношеніи сильное вліяніе оказала на него небольшая брошюрка нѣмецкаго ученаго, давно переселившагося въ Бразилію, — Фрица Мюллера, брошюра, вышедшая въ 1864 году и озаглавленная „Für Darwin“. Сочиненіе это было, вскорѣ послѣ его появленія, переведено на русскій языкъ ближайшимъ другомъ и сожителемъ Ковалевскаго, Ножинымъ. Въ ней основы ученія Дарвина прилагаются въ первый разъ къ исторіи развитія. На примѣръ ракообразныхъ, которыми Фрицъ Мюллеръ занимался долгое время, этотъ ученый показываетъ всю пользу, какую можно извлечь изъ примѣненія къ изученію ихъ принципа общаго происхожденія видовъ. При помощи личиночной стадіи развитія, найденной Мюллеромъ у нѣкоторыхъ высшихъ ракообразныхъ — креветокъ (*Penaeus*), этотъ ученый устанавливаетъ генеалогическую связь между ними и самыми низшими представителями класса (циклопами и проч.).

Небольшая книжка Фрица Мюллера послужила исходной точкой множества работъ по исторіи развитія низшихъ животныхъ, между которыми изслѣдованія Ковалевскаго занимаютъ первое мѣсто.

Но, прежде чѣмъ погрузиться въ глубь самостоятельной работы, необходимо было выполнить нѣкоторыя формальныя требованія и приобрести нужныя познанія по части спеціальной техники. Съ первой цѣлью Ковалевскій возвращается въ Петербургъ, гдѣ въ 1862 г. выдерживаетъ экзаменъ на кандидата естественныхъ наукъ. Въ качествѣ кандидатской диссертациі онъ представляетъ свое первое изслѣдованіе объ анатоміи *Idothea*, одного изъ наиболѣе распространенныхъ представителей береговой фауны Финскаго залива. Работа эта была нѣсколько позже (въ 1864 г.) напечатана въ сборникѣ, изданномъ студентами с.-петербург-

скаго университета. Въ ней Ковалевскій является уже точнымъ, осторожнымъ и добросовѣстнымъ наблюдателемъ, но не даетъ еще никакихъ общихъ выводовъ.

Для самоусовершенствованія въ техниѣ микроскопическихъ изслѣдованій, Ковалевскій направляется въ Тюбингенъ, гдѣ пользуется руководствомъ еще нынѣ живущаго профессора Лейзига. Имя послѣдняго было очень извѣстно въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ. Лейзигъ отличался необыкновенной тщательностью и прилежаніемъ. Въ теченіе короткаго времени онъ успѣлъ произвести огромное количество специальныхъ работъ, направленныхъ къ выясненію микроскопическаго строенія множества самыхъ разнообразныхъ представителей животнаго царства. Уже въ 1857 онъ напечаталъ цѣлый томъ гистологіи, преизобилующій массою фактовъ, но отличающійся столь же полнымъ отсутствіемъ общихъ идей. Не подлежитъ сомнѣнію, что Лейзигъ могъ преподавать Ковалевскому правила научной, осмотрительной и точной работы, но не могъ сколько-нибудь повліять на него въ смыслѣ общаго теоретическаго образованія.

Въ этомъ отношеніи А. О. скорѣе могъ почерпнуть что-либо среди окружавшей его молодежи, усердно впитавшей основы новой теоріи видовъ и съ нетерпѣніемъ жаждавшей примѣнить ихъ къ міру низшихъ животныхъ.

Подготовленный такимъ образомъ, всего болѣе во время своего пребыванія въ Тюбингенѣ, Ковалевскій составляетъ себѣ обширный планъ самостоятельныхъ работъ, для выполненія которыхъ онъ стремится въ обѣтованную землю зоологовъ—въ Неаполь.

III.

Прежде чѣмъ приступить къ выполненію своей задачи, Ковалевскому необходимо было вернуться въ Россію, для приведенія въ порядокъ своего матеріальнаго положенія. Средства его были очень ограничены, и ему съ большимъ трудомъ и съ немовѣрными лишеніями приходилось бороться за свою страсть къ наукѣ. Въ 1864 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ братъ его занимался изданіемъ переводныхъ сочиненій, главнымъ образомъ по естествознанію.

Вскорѣ послѣ того, лѣтомъ 1864 года, и мнѣ пришлось побывать въ Петербургѣ. Вращаясь среди профессоровъ тамошняго университета, я впервые услышалъ о Ковалевскомъ, какъ о молодомъ зоологѣ необыкновенно выдающемся и очень много объ-

щающемъ. Я тотчасъ же отправился на его квартиру. Открывшій мнѣ дверь мальчикъ-слуга спросилъ, какого изъ Ковалевскихъ мнѣ надо: того ли, который издаетъ книги, или же того, „который наследуетъ“. Последняго уже не оказалось въ Петербургѣ: незадолго передъ моимъ прїѣздомъ, онъ отправился въ Неаполь.

Осенью того же 1864 года, на съѣздъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Гиссенѣ прибыло нѣсколько молодыхъ русскихъ ученыхъ изъ недалекаго оттуда Гейдельберга. Въ числѣ ихъ былъ баронъ Стурартъ, сообщившій о томъ, что его друзья, Ковалевскій и Ножинъ, дѣятельно занимаются въ Италіи исторіей низшихъ животныхъ и что ими уже сдѣлано нѣсколько капитальныхъ открытій въ этой области, способныхъ пролить свѣтъ на генеалогію животнаго міра. Самый этотъ съѣздъ, происходившій подъ предсѣдательствомъ Лейкарта, самаго выдающагося изъ зоологовъ того времени, можетъ дать нѣкоторое представление о настроеніи умовъ по вопросу о сравнительной исторіи развитія организмовъ. Событіемъ на этомъ съѣздѣ было появленіе молодого ученаго Вейсмана (сдѣлавшагося впоследствии столь извѣстнымъ, благодаря своимъ изслѣдованіямъ о происхожденіи видовъ и особенно благодаря своей теоріи наследственности), обратившаго на себя всеобщее вниманіе своей талантливостью. Онъ сдѣлалъ сообщеніе о своихъ изслѣдованіяхъ надъ исторіей развитія комаровъ и мухъ; по отзыву всѣхъ авторитетовъ, присутствовавшихъ на съѣздѣ, изслѣдованія эти должны были быть признаны за классическую работу, долженствующую лечь въ основаніе современныхъ представленій объ эмбриологіи животныхъ.

Работа Вейсмана была выполнена необыкновенно тщательно и изложена очень подробно. Главный ея выводъ сводился къ тому, что насѣкомыя развиваются по совершенно своеобразному типу и что немисливо проводить какую бы то ни было параллель между эмбриологіей этихъ суставчатоногихъ и развитіемъ позвоночныхъ. Вейсманъ особенно налегъ на то, что образованія, которыя были ранѣе признаны у зародышей насѣкомыхъ соотвѣтствующими зародышевымъ пластамъ высшихъ животныхъ, не имѣютъ ничего общаго съ ними. Онъ описалъ ихъ какъ складки зачатка, исключительно свойственныя насѣкомымъ и не представляющія никакой параллели ни съ зародышевыми пластинами, ни съ какими-либо другими принадлежностями позвоночныхъ.

Выводы Вейсмана являлись такимъ образомъ новой опорой

мнѣнію, которое въ тѣ времена было общепринято, что каждый типъ животныхъ — позвоночныхъ, мягкотѣлыхъ, суставчатоногія и проч. — представляетъ особое, строго замкнутое цѣлое, и что поэтому нѣтъ никакой возможности проводить параллель между анатомическимъ устройствомъ и исторіей развитія представителей этихъ различныхъ типовъ.

Мнѣніе это было особенно развито Гегенбауромъ въ его учебникѣ сравнительной анатоміи, а основаніемъ ему послужили соображенія и работы Кювье начала девятнадцатаго столѣтія.

Въ лабораторіи Лейкарта, куда очень часто пріѣзжали нѣмецкіе и иностранные ученые, обсуждалось много научныхъ вопросовъ, между которыми на первомъ планѣ была теорія Дарвина, но о сравнительной эмбриологіи сколько-нибудь серьезно не упоминалось. Если и затрогивались вопросы по исторіи развитія животныхъ, то не иначе какъ ради какихъ-либо специальныхъ сторонъ. Въ то время, напр., особенно интересовалъ фактъ размноженія личинокъ нѣкоторыхъ двукрылыхъ, открытый профессоромъ Н. Вагнеромъ въ Казани. Разработка этого замѣчательнаго явленія производилась очень дѣлательно и была направлена къ тому, чтобы объяснить происхожденіе зародышей, находящихся въ тѣлѣ личинокъ.

И вотъ, среди такого положенія вещей, въ лабораторіи Лейкарта было получено мною, весною 1865 года, длинное письмо отъ А. О. Ковалевскаго, въ которомъ онъ въ сжатой формѣ перечисляетъ цѣлый рядъ открытій, сдѣланныхъ имъ въ Неаполѣ. Большинство ихъ относилось къ исторіи развитія низшихъ животныхъ, и на первомъ планѣ стоялъ фактъ, что у ланцетника, *Amphioxus*, изъ яицъ вылупляются личинки, покрытыя рѣсничками и съ виду болѣе всего похожія на личинокъ столь низшихъ животныхъ, какъ медузы, морскія звѣзды и проч. Я тотчасъ же сообщилъ это изумительное и неожиданное открытіе Лейкарту, который сразу оцѣнилъ все его значеніе. Обстоятельное содержаніе письма и точность изложенія не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинности всего, что сообщалъ Ковалевскій.

Въ то время я еще лично не былъ знакомъ съ А. О., но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, лѣтомъ 1865 года, баронъ Стурартъ и я, мы отправились въ Неаполь. На одной изъ пригородныхъ станцій этого города насъ встрѣтилъ Ковалевскій. Небольшого роста, но съ большой красивой головой, казавшейся еще болѣе вслѣдствіе огромной русой окладистой бороды, Ковалевскій всего болѣе поражалъ своими свѣтлыми, привѣтливыми и замѣ-

чательно добрыми глазами. Мы, тотчас послѣ перваго знакомства, разговорились о нашихъ работахъ и всѣ вмѣстѣ втроемъ поѣхали, на Санта-Лючія, гдѣ жилъ А. О., и гдѣ мы съ барономъ Стурартомъ поселились рядомъ съ нимъ.

Въ Неаполѣ я могъ не только воочию убѣдиться въ истинности и важности открытія личинокъ ланцетника, но въ то же время оцѣнилъ возвышенный характеръ и научный складъ Ковалевскаго. Болѣе всего поражали его энергія и настойчивость. Съ ранняго утра онъ отправлялся на экскурсію въ море, въ сопровожденіи рыбака Джіованни, получившаго большую извѣстность среди зоологовъ, посѣщавшихъ Неаполь. Послѣ тщательной переборки собраннаго матеріала, А. О. принимался за изслѣдованіе его, прерывавшееся только кратковременнымъ отдыхомъ во время обѣда въ маленькомъ грязномъ ресторанѣ „Del' Harmonia“.

Для того, чтобы закончить рядъ столь блестяще начатыхъ работъ, А. О. необходимо было прожить еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Неаполѣ; но такъ какъ матеріальныя средства его были крайне ограниченны, то ему приходилось дѣлать всевозможныя уловки и натяжки. Онъ долженъ былъ въ это время продать даже нѣсколько рубахъ, чтобы достать ничтожную сумму денегъ, безъ которой онъ не могъ обойтись.

Онъ не щадилъ ни средствъ, ни времени, ни здоровья. Ланцетники въ Неаполѣ находились въ тѣ времена съ большимъ трудомъ. Онъ переплачивалъ Джіованни, для того чтобы добыть ихъ въ достаточномъ количествѣ, и сосредоточивалъ всѣ свои усилія, чтобы заставить ихъ положить икру. Долгое время это ему не удавалось. Ланцетники, переполненные яйцами и сѣменными тѣлами, по нѣскольку дней жила въ его банкахъ. Обезпокоенные, они быстрыми движеніями всплывали, чтобы затѣмъ какъ можно скорѣе снова зарыться въ песокъ, выставляя оттуда лишь свою головную часть тѣла. Но изъ всего этого ничего не выходило, и ланцетники, выведенные изъ нормальной обстановки, отказывались метать икру. Наконецъ, однажды уже ночью, Ковалевскому удалось найти нѣсколько оплодотворенныхъ яичекъ въ одной изъ банокъ. Онъ не засыпалъ всю ночь, и тутъ-то ему представилась изумительная картина. Яйцо, раздѣлившись на цѣлый рядъ сегментовъ, превратилось въ пузырькъ, одна половина котораго углубилась въ другую. Вскорѣ поверхность зародыша стала покрываться мерцательными волосками. Овальный зародышъ закружился внутри яйцевой оболочки и, прорвавъ послѣднюю, выплылъ въ видѣ личинки.

Ланцетникъ въ прежнія времена считался рыбой и прирав-

нивался скорѣе всего къ миногамъ, съ личинками которыхъ онъ имѣеть нѣкоторое наружное сходство. Но по своей организаціи ланцетникъ еще гораздо ниже миноги, хотя это ему не мѣшаетъ обладать всѣми основными признаками позвоночнаго животнаго.

Теорія типовъ Кювье, о господствѣ которой въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія было уже сказано выше, не допускала и мысли о связи позвоночныхъ съ какою-либо изъ нынѣ существующихъ группъ животнаго царства. И вотъ, Ковалевскій отщипываетъ личинку ланцетника, которая представляетъ несравненно большее сходство съ личинками низшихъ безпозвоночныхъ, чѣмъ съ зародышами миноги или какого бы то ни было позвоночнаго вообще.

Ковалевскій, разумѣется, не остановился на открытіи личинки ланцетника. Несмотря на всѣ препятствія, онъ раздобылъ достаточное количество матеріала и разработалъ исторію развитія этого животнаго съ тщательностью и полнотою, лучше которой ничего нельзя было и желать. Не торопясь возвѣщать ученому міру о сдѣланномъ имъ важномъ открытіи, онъ сталъ шагъ за шагомъ расширять его. Тутъ онъ увидѣлъ, что кишечный каналъ ланцетника развивается посредствомъ углубленія зачатка, и что такимъ образомъ зародышъ распадается на два пласта: наружный—кожный, и внутренний—кишечный. Онъ прослѣдилъ образованіе нервной системы изъ кожного пласта и сдѣлалъ еще рядъ другихъ цѣнныхъ наблюдений.

Не удовольствовавшись исторіей развитія ланцетника, Ковалевскій, въ томъ же 1865 году, собралъ еще множество интереснѣйшихъ фактовъ, относящихся какъ къ анатоміи низшихъ животныхъ (анатомія загадочнаго животнаго—*Valanoglossus*), такъ и къ ихъ исторіи развитія (эмбриологія гребневиковъ, голотурій). Собравъ весь этотъ матеріалъ, Ковалевскій въ концѣ лѣта покинулъ Неаполь и направился въ Петербургъ, гдѣ ему нужно было подумать о своей служебной карьерѣ. Тамъ онъ выдержалъ экзаменъ на магистра зоологій и защитилъ свою знаменитую диссертацию „объ исторіи развитія *Amphioxus*“.

Получивъ степень магистра, А. О. уже могъ искать мѣста штатнаго доцента при какомъ-либо университетѣ, но его неващная жажда научныхъ изслѣдованій отвлекла его отъ этого. Собравъ кое-какія средства, онъ въ 1866 году снова ѣдетъ въ Неаполь. Ему было недостаточно открытія, что позвоночныя и безпозвоночныя связаны неразрывнымъ звеномъ въ видѣ блуждающей посредствомъ рѣсничекъ личинки ланцетника. Ему хотѣлось ближе опредѣлить, съ какою именно группой безпозво-

ночныхъ находится въ ближайшемъ родствѣ эта поразительная личинка.

Съ свойственной ему энергіей и настойчивостью Ковалевскій разрабатываетъ исторію развитія цѣлаго ряда низшихъ животныхъ, причѣмъ ему удается открыть кое-какія родственныя черты съ ланцетникомъ. Но это его не удовлетворяетъ. Подмѣтивъ, что прозрачныя зародыши асцидій (оригинальныхъ морскихъ животныхъ, прикрѣпленныхъ къ подводнымъ предметамъ и съ виду ничуть не похожихъ ни на какое позвоночное) представляютъ стадіи, напоминающія зародышей ланцетника, Ковалевскій дѣлаетъ усилія для того, чтобы изслѣдовать подробно эту тему. Но подходящій для этого видъ асцидій (*Phallusia stimpilata*) довольно рѣдкъ въ Неаполѣ. Тогда онъ переѣзжаетъ на островъ Искію, гдѣ вступаетъ въ сношенія съ мѣстными рыбаками и добываетъ нужное ему животное въ большомъ количествѣ и въ достаточно свѣжемъ видѣ. Тотчасъ же онъ устраиваетъ свою маленькую подвижную лабораторію (онъ и въ Неаполѣ работалъ въ своей—единственной—комнатѣ) и засаживается за эмбриологію асцидій. Работа эта даетъ ему тотъ необыкновенно важный результатъ, что нервная система асцидій развивается въ видѣ трубки кожного пласта по способу, очень сходному съ тѣмъ, который былъ открытъ имъ у ланцетника. Шагъ за шагомъ Ковалевскій сравниваетъ развитіе послѣдняго съ асцидіями и уподобляетъ ихъ плавающую личинку позвоночному животному съ примитивной спинной струной, нервной трубкой и жабернымъ мѣшкомъ.

Изучая развитіе нѣкоторыхъ представителей изъ группы асцидій, имѣ сначала казалось, что наблюденныя мною факты не вяжутся съ выводами Ковалевскаго. Но потомъ я самъ и многіе другіе естествоиспытатели вполне подтвердили точность данныхъ, добытыхъ А. О.

Въ концѣ 1866 года Ковалевскій возвращается въ Петербургъ съ новой научной добычей, въ которой на первый планъ должна быть поставлена его работа о развитіи асцидій. Ему нужно было получить степень доктора зоологіи, для чего не требовалось экзамена, а слѣдовало лишь представить диссертацию. Темой для послѣдней А. О. избралъ „Анатомію и исторію развитія *Phoronis*“, низшаго животнаго изъ отдѣла червей, о которомъ ранѣе имѣлись лишь очень неопредѣленные данныя. Ковалевскому удалось прослѣдить развитіе изъ яицъ *Phoronis* маленькихъ, свободно плавающихъ личинокъ, совершенно похожихъ на раннія стадіи существа, открытаго знаменитымъ Іоган-

номъ Мюллеромъ еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтїя и обозначеннаго имъ подъ названїемъ Actinostrocha. Мѣсто послѣдняго въ системѣ животнаго царства вполне опредѣлялось лишь благодаря изслѣдованїямъ Ковалевскаго.

Въ этой докторской диссертаци, которую онъ защитилъ зимою 1867 года, Ковалевскій затронулъ еще нѣсколько вопросовъ общей эмбриологїи, не рѣшаясь, однакоже, еще подводить сколько-нибудь опредѣленные общїе итоги.

Въ теченїе какихъ-нибудь двухъ, трехъ лѣтъ Ковалевскій обогатилъ науку множествомъ цѣнныхъ вкладовъ. Пора было ему послѣ этого осмотрѣться и позаботиться о своей участи. Получивъ степень магистра, А. О. сдѣлался приватъ-доцентомъ зоологїи петербургскаго университета и началъ читать лекціи по нѣкоторымъ спеціальнымъ отдѣламъ. Но преподавательская дѣятельность не удовлетворяла его. Къ ней онъ чувствовалъ гораздо менѣе призванїя, чѣмъ къ самостоятельной разработкѣ чисто-научныхъ вопросовъ. Пользуясь тѣмъ, что обязанности приватъ-доцента оставляли ему много свободнаго времени, онъ старался сколь возможно болѣе уѣзжать изъ Петербурга и работать на берегу моря. Но, сдѣлавшись докторомъ, А. О. получилъ право на мѣсто профессора. Въ петербургскомъ университетѣ въ то время кафедра зоологїи была замѣщена уже двумя ординарными профессорами: К. Ф. Кесслеромъ, преподававшимъ зоологїю и сравнительную анатомїю, и Ф. В. Овсянниковымъ, преподававшимъ физиологїю. Свободнаго штатнаго мѣста не было; о созданїи новой профессуры нельзя было и помышлять при тогдашнихъ условїяхъ. Вотъ почему А. О. согласился на предложенїе, сдѣланное ему со стороны казанскаго университета, и принялъ должность экстраординарнаго профессора въ 1867 г. Комбинація эта пришлась тѣмъ болѣе по сердцу А. О., что, передъ прибытїемъ въ мѣсту своего новаго служенїя, онъ получилъ возможность снова на нѣсколько мѣсяцевъ отправиться за границу, для работъ на берегу моря. Въ концѣ 1867 года онъ уѣхалъ въ Неаполь, но не одинъ, какъ прежде, а въ сообществѣ молодой жены, Татьяны Кирилловны, урожденной Семеновой. Съ этихъ поръ жизнь его, ранѣе того посвященная исключительно наукѣ, раздѣляется между научной работой и привязанностью къ семьѣ. Последняя, однако, никогда не мѣшала его занятїямъ: Татьяна Кирилловна поняла значенїе научныхъ интересовъ для мужа и съ полной преданностью и самоабвенїемъ всю свою жизнь сообразовалась съ ними. Въ этомъ же направленїи воспитала она и дѣтей своихъ.

Въ Неаполѣ на этотъ разъ А. О. оставался недолго. Работа прежнихъ лѣтъ уже собрала, такъ сказать, сливки съ неаполитанскаго зоологическаго матеріала, и Ковалевскій съ женою и новорожденной дочерью переѣзжаетъ въ Мессину. Здѣсь А. О. принимается за изученіе плавающихъ на поверхности моря животныхъ, столь многочисленныхъ въ Мессинскомъ проливѣ. Между ними онъ останавливается особенно долго на своеобразномъ низшемъ животномъ, извѣстномъ подъ названіемъ сагитты. Когда-то была сдѣлана попытка (Мейснеромъ) причислить сагитту къ низшимъ позвоночнымъ, и потому со стороны А. О. было совершенно естественно спросить себя, нельзя ли и въ ней найти звено, объединяющее двѣ основныя группы животнаго царства? Подробное изслѣдованіе исторіи развитія сагитты дало ему отрывчателный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но въ то же время позволило Ковалевскому установить нѣсколько интересныхъ новыхъ фактовъ.

Любящій мужъ и отецъ, А. О. старался однакоже сколько возможно болѣе отдавать свое время научной работѣ. Но тѣмъ не менѣе семейныя обязанности иногда по необходимости отвлекали его. Новорожденную дочь, Ольгу, нужно было крестить. Для этого былъ приглашенъ священникъ греческой церкви въ Мессинѣ. Я держалъ дитя въ качествѣ крестнаго отца. Ковалевскій же былъ особенно озабоченъ тѣмъ, какъ бы остатки восковыхъ свѣчей, употребленныхъ во время церемоніи, не были потеряны, а послужили бы матеріаломъ для заливанія препаратовъ, которые въ тѣ времена заключались въ смѣсь воска съ оливковымъ масломъ. Этотъ техническій пріемъ А. О. заимствовалъ у Штриккера въ Вѣнѣ, къ которому онъ ѣздилъ нарочно для того, чтобы изучить наилучшую методу техники разрѣзовъ, съ цѣлью примѣнить ее къ эмбриологическимъ изслѣдованіямъ.

Изъ Мессины Ковалевскій уѣхалъ на нѣкоторое время въ Неаполь, а оттуда онъ направился къ мѣсту своего служенія— въ Казань. Тутъ онъ тотчасъ же принимается за работу. За невмѣніемъ морскихъ животныхъ, онъ изучаетъ фауну большого озера Кабанъ и находитъ въ немъ нѣсколько кольчатыхъ червей, надъ которыми предпринимаетъ рядъ интереснѣйшихъ эмбриологическихъ изслѣдованій. Въ то же время онъ принимается за разработку исторіи развитія водолюба, и, при помощи техники разрѣзовъ, которою онъ такъ хорошо владѣлъ, онъ отерываетъ подробности первыхъ стадій образованія органовъ. Въ мемуарахъ с.-петербургской академіи 1870 года А. О. печатаетъ

большую работу подъ заглавіемъ: „Embryologische Studien an Würmern und Arthropoden“, въ которой онъ соединилъ результаты своихъ мессинскихъ и казанскихъ изслѣдованій. Въ этомъ сочиненіи Ковалевскій подробно описываетъ зародышевые пласты у множества безпозвоночныхъ животныхъ и устанавливаетъ рядъ новыхъ фактовъ относительно первыхъ стадій развитія червей и суставчатоногихъ. Уже нѣсколько ранѣе, ученіе Вейсмана объ отсутствіи этихъ пластовъ у безпозвоночныхъ было окончательно опровергнуто, но тѣмъ не менѣе новыя и точныя данныя, добытыя А. О., содѣйствуютъ во многомъ укрѣпленію новыхъ взглядовъ въ науку. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что и эта монографія Ковалевскаго внесла основательный и прочный вкладъ въ сравнительную эмбриологію.

Всѣ свои мемуары Ковалевскій излагалъ строго научнымъ образомъ, но придавалъ имъ часто довольно сухую вѣшную форму. Онъ долго останавливался на описаніи фактовъ; часто съ большими подробностями описывалъ рисунки, приложенные къ тексту; но общіе выводы излагалъ очень, иногда даже черезчуръ кратко. Вслѣдствіе этого сочиненія его не всегда легко усваивались, и нѣкоторые изъ нихъ не обращали на себя достаточнаго вниманія. Всѣмъ, конечно, были извѣстны самыя главные результаты, но этого было мало, такъ какъ въ нихъ заключалась масса самаго цѣннаго матеріала.

Изъ нѣмецкихъ ученыхъ Клейненбергъ первый оцѣнилъ по достоинству работы Ковалевскаго, что онъ и высказалъ въ своей замѣчательной монографіи гидры. Клейненбергъ былъ въ то время (въ началѣ семидесятихъ годовъ) ассистентомъ у профессора Геккеля въ Іенѣ. Вниманіе послѣдняго было такимъ образомъ обращено на мемуары Ковалевскаго. Геккель принялся усердно ихъ штудировать и долго бесѣдовалъ по поводу ихъ съ своими ассистентами. Видя это, Клейненбергъ сейчасъ же сообразилъ, что такое усердіе его принципала должно повлечь за собою какія-нибудь особенныя послѣдствія. „Вы увидите,—говорилъ онъ своимъ товарищамъ,—что Геккель, который теперь только начинаетъ понимать Ковалевскаго, не преминетъ воспользоваться имъ для какого-нибудь громаднаго подвига“. Клейненбергъ не ошибся. Вскорѣ послѣ того, въ 1872 году, Геккель высказалъ свою „теорію гастрэа“, которая долгое время занимала умы зоологовъ и несомнѣнно служила возбудителемъ множества новыхъ спеціальныхъ изслѣдованій.

Такъ какъ я въ правѣ предположить, что не всѣ мои чита-

тели достаточно знакомы съ этой теоріей, то считаю излишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ.

По теоріи Геккеля, всѣ многоклеточныя животныя (Metazoa) произошли отъ общаго прародителя, который представлялся въ видѣ плавающего посредствомъ рѣсничекъ двойного мѣшка. Наружный слой послѣдняго служилъ для защиты и для воспріятія выѣшнихъ впечатлѣній, а внутренній слой исполнялъ роль органа пищеваренія. Этотъ первобытный кишечный каналъ имѣлъ форму большого слѣпого мѣшка съ единственнымъ отверстіемъ, которое служило какъ для принятія пищи, такъ и для прохожденія непереваренныхъ остатковъ ея. Это гипотетическое первобытное существо было названо Геккелемъ: „гастрэа“. Оно было мысленно воссоздано имъ на основаніи фактовъ, добытыхъ главнымъ образомъ Ковалевскимъ, и состоящихъ преимущественно въ томъ, что какъ у ланцетника, такъ равно и у множества беспозвоночныхъ, въ теченіе зародышеваго развитія, наблюдается переходная стадія, когда зародышь представляется именно въ видѣ двойного мѣшка съ однимъ наружнымъ отверстіемъ. Эту стадію развитія Геккель назвалъ „гаструла“ и призналъ ее за сохранившуюся донынѣ страницу изъ генеалогіи многоклеточныхъ животныхъ, за остатокъ когда-то жившей гастрэа. Впослѣдствіи Геккель описалъ нынѣ существующихъ животныхъ, по организаціи вполне соответствующихъ гастрэа. Но отъ этихъ такъ называемыхъ гастрэадъ въ наукѣ ничего не осталось. Принятіе ихъ Геккелемъ было основано на ошибкѣ. Теорія же гастрэа имѣла послѣдствіемъ то, что многочисленныя молодые ученые принялись усердно за разработку исторіи развитія всевозможныхъ животныхъ, причемъ имъ во множествѣ случаевъ удалось найти переходную зародышевую стадію—гаструла. Вслѣдствіе этого казалось, что теорія Геккеля дѣйствительно оправдывается всей суммой наличныхъ фактовъ.

Многіе ученые даже спрашивали, почему же Ковалевскій самъ,—такъ какъ именно онъ доставилъ главный фактический матеріалъ для теоріи Геккеля,—не додумался до этого обобщенія? Этотъ вопросъ былъ, между прочимъ, выдвинутъ проф. Заленскимъ въ его прекрасной рѣчи о Ковалевскомъ, произнесенной на прошлогоднемъ сѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ.

Мнѣ кажется, что я въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ. Съ самаго начала научной дѣятельности Ковалевскаго, съ 1865 года вплоть до его преждевременной кончины, я находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ. Мы часто и подолгу живали другъ у друга и посвящали много времени на обсужде-

ніе научныхъ вопросовъ. Къ тому же Ковалевскій въ этомъ отношеніи не былъ скрытенъ: онъ охотно дѣлился своими мыслями съ товарищами по наукѣ и любилъ подвергать ихъ строгой критикѣ. Въ немъ не было и слѣда нетерпимости, столь нерѣдкой у нашей братіи.

Совершенно естественно, что, открывъ у ланцетника стадіи развитія, которыя почти буквально повторяли то, что ранѣе было замѣчено Агасси у зародышей морскихъ звѣздъ, Ковалевскому пришла мысль о всеобщемъ значеніи такихъ фазъ. Онъ самъ тотчасъ же убѣдился въ справедливости наблюденій американскаго зоолога и сталъ искать соответствующихъ стадій у множества другихъ животныхъ. Ковалевскій, столь сильно и страстно увлекавшійся наукой, вообще былъ очень остороженъ въ своихъ выводахъ и подвергалъ ихъ самой строгой критикѣ, отличаясь и въ этомъ отношеніи отъ большинства своихъ сотоварищей по наукѣ вообще, а отъ Геккеля въ особенности.

Несмотря на свои несравненные качества какъ точнаго наблюдателя, Ковалевскому, однакоже, такъ сильно хотѣлось подвести главныя фазы развитія подъ общій законъ, что и онъ одно время не уберегся отъ увлеченія. Изслѣдуя исторію развитія низшихъ безпозвоночныхъ, ему казалось, что образованіе кишечнаго канала посредствомъ углубленія зародышеваго пузыря (бластодермы) составляетъ дѣйствительно всеобщій фактъ. Онъ думалъ найти его и у сифонофоръ. Равнымъ образомъ обстоятельство, что единственное отверстіе зародышеваго пищеварительнаго канала у ланцетника и у морскихъ звѣздъ не есть ротъ, показалось ему также признакомъ, общимъ всѣмъ многокѣлочнымъ животнымъ. Вотъ почему, въ своей докторской диссертациі, онъ высказался за то, что первоначальное отверстіе кишечнаго мѣшка у личинки *Phoronis* соответствуетъ тому, чрезъ которое выбрасываются негодные остатки пищи.

Но такой ученый, какъ Ковалевскій, не могъ долго оставаться въ заблужденіи. Вскорѣ онъ убѣдился какъ въ томъ, что у нѣкоторыхъ низшихъ безпозвоночныхъ (гидрополиповъ и др.) кишечный каналъ появляется не вслѣдствіе углубленія бластодермы, такъ равно и въ томъ, что первоначальное отверстіе у личинки *Phoronis* соответствуетъ ротовому. Этого было достаточно для того, чтобы удержать Ковалевскаго отъ излишнихъ обобщеній и чтобы помѣшать ему высказать теорію, подобную Геккелевской теоріи гастрѳа.

Геккель, наоборотъ, не работая самостоятельно надъ исторіей развитія животныхъ, не углублялся въ истинную сущность

фактовъ, а, порхая по вершкамъ, легко могъ обходить и даже игнорировать препятствія, которыя останавливали Ковалевскаго. Вотъ почему А. О. относился всегда очень сдержанно къ теоріи гастрѣа. Масса новыхъ фактовъ, накопившихся въ естественной исторіи низшихъ организмовъ, убѣждала все болѣе и болѣе въ томъ, что первобытныя животныя не могли быть построены по типу двойного мѣшка съ однимъ отверстіемъ и большой пищеварительной полостью. Наоборотъ, они должны были являться въ видѣ существъ, наполненныхъ сплошь пищеварительными клѣтками. Полость, въ которой совершалось вѣклеточное пищевареніе, должна была развиваться лишь болѣе поздно, какъ специальное приспособленіе. Съ этимъ представленіемъ легко мирился какъ фактъ, что многія низшія безпозвоночныя вовсе не проходятъ стадіи гастрѣа, такъ равно и несоотвѣтствіе между гастрѣою различныхъ животныхъ, какъ, напр., ланцетника и *Phoronis*.

То обстоятельство, что Ковалевскій не формулировалъ самолично теоріи, подобной теоріи гастрѣа, доказываетъ только, что онъ, какъ ученый, былъ неизмѣримо выше Геккеля. Объ этомъ еще легче будетъ судить будущимъ поколѣніямъ ученыхъ, которые увидятъ, какъ много осталось отъ Ковалевскаго, и какъ мало, напротивъ, прочныхъ слѣдовъ оставилъ Геккель.

IV.

Въ предыдущей главѣ мы обозрѣли первый и несомнѣнно самый блестящій періодъ дѣятельности Ковалевскаго. Онъ сводится къ отысканію массы первостепенной важности фактовъ по сравнительной эмбриологіи и къ укрѣпленію въ томъ, что животныя типы не составляютъ строго обособленныхъ группъ, а могутъ быть связываемы при помощи общихъ чертъ развитія.

Этотъ періодъ заканчивается изслѣдованіями, произведенными А. О. во время его пребыванія въ Казани. Но на этомъ отдаленномъ русскомъ востокѣ онъ оставался недолго. Уже въ 1869 году онъ переходитъ въ кіевскій университетъ, которому было лестно имѣть въ своей средѣ такого первокласснаго и знаменитаго ученаго. Переходомъ этимъ Ковалевскій пользуется опять для того, чтобы снова поработать на морскомъ берегу. Онъ открываетъ крайне поразительный фактъ. У оригинальнаго червя *Bonellia* до него не были извѣстны самцы, и Ковалевскій находитъ ихъ въ видѣ маленькихъ существъ, живущихъ въ ка-

чествѣ паразитовъ въ тѣлѣ самокъ. Ковалевскій обставляетъ это парадоксальное открытіе такими доводами, что сомнѣваться въ немъ не оказывается никакой возможности, и оно сразу становится общимъ достояніемъ науки.

Не удовлетворяясь ресурсами Адриатическаго и Средиземнаго морей, фауну которыхъ Ковалевскій уже узналъ въ совершенствѣ, онъ предпринимаетъ длинное и трудное путешествіе къ берегамъ Краснаго моря. вмѣстѣ съ женой, никогда не покидавшей его въ его многочисленныхъ странствованіяхъ за научной добычей, и крошечной, незадолго передъ тѣмъ родившейся — второй дочерью, А. О. пробирается на верблюдахъ въ арабское мѣстечко Эль-Торъ.

Ковалевскій для работы не нуждался въ великолѣпной обстановкѣ зоологическихъ станцій, изъ которыхъ самая лучшая — неаполитанская — возникла въ значительной степени именно благодаря блестящимъ работамъ Ковалевскаго, произведеннымъ въ Неаполитанскомъ заливѣ. Приѣхавъ въ какое-нибудь мѣсто, А. О. тотчасъ же раскладывалъ микроскопъ и все необходимое для работы, вступалъ въ сношеніе съ рыбаками и моряками и, спустя очень короткое время, вполне ориентировался при новыхъ условіяхъ.

Надежды Ковалевскаго найти въ Красномъ морѣ особенно богатый новый матеріалъ оправдались лишь отчасти. Ему удалось открыть оригинальное новое животное, относящееся къ гребневикамъ (*Stenophora*), и въ то же время родственное съ морскими планаріями, животное, названное имъ *Coeloplana*. Кроме того, онъ сталъ собирать матеріалъ по исторіи развитія и анатоміи цѣлаго ряда интересныхъ безпозвоночныхъ.

Благодаря главнымъ образомъ его же трудамъ, эмбриологія безпозвоночныхъ стала приходить все въ болѣе и болѣе стройный порядокъ. Оставалось лишь очень немного группъ, относительно которыхъ наука не имѣла сколько-нибудь опредѣленныхъ данныхъ. Къ ихъ числу относились такъ называемыя плеченогіи (*Brachiopoda*), оригинальныя, покрытыя двустворчатой раковиной животныя, принимавшіяся за ближайшихъ родичей настоящихъ мягкотѣлыхъ. Пробѣлъ этотъ зависѣлъ отъ того, что плеченогіи живутъ въ морѣ на значительной глубинѣ и могутъ быть добываемы съ большимъ трудомъ. Ихъ доставляютъ ловцы коралловъ, которые съ своихъ продолжительныхъ странствованій привозятъ лишь одиночныя, мало живущіе экземпляры.

Съ твердымъ намѣреніемъ освѣтить исторію развитія плеченогихъ, Ковалевскій въ 1873 году отправляется къ берегамъ

Алжиріи и, не удовлетворяясь плохимъ матеріаломъ, который ему доставляли коральеры, онъ отправляется съ ними на ихъ баржахъ, проводить по нѣскольку дней на морѣ, часто при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и, въ концѣ концовъ, добивается желаннаго результата. Онъ открываетъ интереснѣйшіе факты изъ эмбриологіи плеченогихъ и показываетъ, что личинки ихъ стоятъ гораздо ближе къ вольчатымъ червямъ, нежели къ моллюскамъ. Ислѣдованіе это и до сихъ поръ остается наилучшимъ въ этой области. Несмотря на всѣ удобства, которыми въ настоящее время обставлены научныя ислѣдованія, еще никому не удалосьйти впередъ послѣ работы Ковалевскаго.

Пребываніе А. О. въ Кіевѣ не было лишь продолженіемъ триумфальнаго вѣзда въ университетъ св. Владиміра. На богатую коллекцію, привезенную имъ изъ Краснаго моря, пожелаии наложить руку лица, въ которыхъ А. О. не питалъ достаточнаго довѣрія. Это послужило поводомъ къ несприятностямъ, которыя сильно возросли еще оттого, что Ковалевскій открыто порицалъ систему выбора профессоромъ по уставу 1863 года. Онъ находилъ гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы каеэдры замѣщались не факультетскими и совѣтскими собраніями, а комиссіей изъ соответствующихъ профессоромъ другихъ университетомъ. Напримѣръ, если гдѣ-нибудь освобождалась каеэдра зоологіи, то кандидатъ на нее долженъ быть избранъ не остальными профессорами того же университета, не имѣющими должной компетенціи, а профессорами зоологіи другихъ университетомъ, какъ единственными компетентными судьями. Такая ересь доставила Ковалевскому не мало враговъ въ кіевскомъ университетѣ. Крайне впечатлительный, застѣнчивый и вовсе несклонный къ университетскимъ распрямъ и интригамъ, А. О. сталъ чувствовать себя въ Кіевѣ очень не по себѣ, что и подало поводъ къ его переходу въ одесскій университетъ.

Благодаря содѣйствію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, въ одесскомъ университетѣ оказалась возможность учредить въ 1874 г. новую ординатуру при каеэдрѣ зоологіи. Несмотря на оппозицію со стороны нѣкоторыхъ коллегъ, которые боялись, чтобы переходъ Ковалевскаго въ Одессу не повелъ къ тому, „что каждый годъ то Ковалевскій, то Мечниковъ, будутъ проситься за границу“, намъ удалось извлечь А. О. изъ Кіева и устроить его въ Одессѣ. Вскорѣ онъ освоился съ новой жизнью, и послѣ кіевскихъ передрагъ жизнь въ Одессѣ, среди преданныхъ ему друзей, показалась ему настолько пріятной, что онъ купилъ себѣ домъ съ

садомъ на Молдаванкѣ и поселился въ немъ со всей семьей, состоящей изъ двухъ дочерей и сына. Въ Одессѣ А. О. прожилъ 16 лѣтъ и покинулъ ее только потому, что въ 1890 г. онъ былъ избранъ на болѣе подходящее для такого ученаго, какъ онъ, мѣсто члена академіи наукъ въ Петербургѣ.

На Одессу выпалъ, такимъ образомъ, самый длинный періодъ научной дѣятельности Ковалевскаго. Основныя данныя сравнительной эмбриологіи были добыты еще до его перехода на югъ. Теперь подлежало разобратъ въ этой новой отрасли знанія и подвести по возможности общіе итоги. Теоріей Геккеля, какъ мы уже видѣли, Ковалевскій увлечься не могъ: слишкомъ было ясно, что явленія развитія гораздо болѣе запутаны и сложны, чѣмъ это предполагалъ іенскій зоологъ. Необходимо было найти какую-нибудь точку опоры, для того, чтобы въ явленіяхъ эмбриональнаго развитія отдѣлить первобытныя черты отъ вторичныхъ наслоеній и отмѣтить все то, что можетъ разъяснить истинную генеалогію животныхъ. Ковалевскій и раньше имѣлъ случаи сравнивать у одного и того же животнаго процессы, происходящіе при развитіи зародыша изъ яйца, съ тѣми, которые совершаются при почкованіи.

Вначалѣ своего одесскаго періода Ковалевскій особенно усердно принялся за изученіе процессовъ почкованія. Съ этой цѣлью онъ остановился съ особенной тщательностью на Ругозома, ради чего и отправился къ Средиземному морю, во французскую Виллафранка. Онъ, разумѣется, открылъ при этомъ много новыхъ и интересныхъ фактовъ, но, съ общей точки зрѣнія, результаты были скорѣе неутѣшительны, на томъ основаніи, что сравненіе развитія изъ яйца и изъ почки не давало возможности разобратъ въ сложной смѣси первичныхъ явленій съ вторичными. Оказалось, что даже пониманіе зародышевыхъ пластовъ затемнялось обиліемъ второстепенныхъ наслоеній. Одинъ и тотъ же органъ одного и того же животнаго могъ обнаруживать различное происхожденіе, смотря по тому, развивался ли онъ изъ яйца, или изъ почки.

Въ сравнительной эмбриологіи, послѣ столь блестящаго періода ея возникновенія, наступилъ несомнѣнный кризисъ. Молодое поколѣніе ученыхъ старалось выйти изъ него, направивъ все вниманіе на явленія оплодотворенія, изученіе котораго удалось значительно подвинуть впередъ, благодаря усовершенствованной техникѣ, а также введенію опытнаго метода. Можно было не только прослѣдить проникновеніе сѣмяннаго тѣла въ яйцевую клѣтку, но и изучить въ подробностяхъ процессы, совершаю-

щеся при созрѣваніи яйца и слѣдующіе за вхожденіемъ сѣменныхъ тѣлъ. Эти изслѣдованія дали поводъ въ новымъ теоріямъ наследственности, но Ковалевскій, несмотря на весь интересъ къ новымъ приобрѣтеніямъ науки, самъ не пошелъ по этому пути.

Свою неутомимую жажду самостоятельной разработки научныхъ вопросовъ онъ пытался утолить на другомъ полѣ. Посвятивъ столько лѣтъ на изученіе исторіи развитія зародыша изъ яйца и изъ почки, онъ перешелъ въ Одессѣ къ изслѣдованію процессовъ, происходящихъ во время превращенія насѣкомыхъ. Онъ избралъ одну изъ обыкновенныхъ мухъ и разработалъ исторію ея метаморфозы съ свойственнымъ ему мастерствомъ. Онъ шагъ за шагомъ прослѣдилъ исчезновеніе личиночныхъ органовъ, причемъ онъ показалъ, что главнѣйшіе изъ нихъ, какъ, напр., мускулы и слюнные железы, исчезаютъ, потому что поѣдаются и перевариваются блуждающими клѣтками личинки. Эти клѣтки, столь прозорливыя по отношенію къ нѣкоторымъ тканямъ, становятся, однакоже, безсильными, чтобы поѣсть молодыя нарождающіяся ткани, которыя успѣваютъ развиться въ новые органы взрослой мухи.

Эти результаты изслѣдованій Ковалевскаго были нѣсколько разъ оспариваемы нѣкоторыми молодыми наблюдателями, но безъ малѣйшаго успѣха. Данныя, добытыя Ковалевскимъ и по этому вопросу, остались прочнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ науку.

Неожиданные и быстрые успѣхи морфологическаго изученія животныхъ привели, однакоже, въ концѣ концовъ, къ такому выводу, что для сужденія о значеніи явленій развитія и организациі необходимо имѣть ясное представленіе о физиологическомъ отправленіи органовъ и тканей. Въ одномъ и томъ же зародышѣ могутъ быть соединены уже не функционирующіе остатки первобытныхъ органовъ съ еще не совершающими никакого отправленія зачатками, и, притомъ, рядомъ съ органами и тканями, исполняющими опредѣленную физиологическую роль. Не ограничиваясь однимъ лишь наблюденіемъ, необходимо было еще ввести въ сравнительную зоологію экспериментальную методу. Другими словами, нужно было приняться за сравнительную физиологію низшихъ организмовъ. Ковалевскій быстро освоился съ этой необходимостью, и съ меньшей, чѣмъ прежде, энергіей принялся за изученіе дѣятельности нѣкоторыхъ мало изученныхъ органовъ.

Изученіе превращенія мухъ дало Ковалевскому случай лично убѣдиться въ важномъ значеніи явленія, названнаго *фагоцитозомъ* и состоящаго въ поглощеніи нѣкоторыми клѣтками орга-

низма различныхъ твердыхъ веществъ. Во время исчезновения личиночныхъ органовъ у мухъ, многія ткани становятся жертвою фагоцитоза. При помощи того же явленія различныя постороннія тѣла, не исключая и вредоносныхъ паразитовъ, могутъ быть истребляемы подвижными клѣтками. Съ цѣлью выяснитъ это явленіе, Ковалевскій занялся изученіемъ фагоцитоза у различныхъ беспозвоночныхъ, и вскорѣ открылъ цѣлый рядъ такихъ фагоцитарныхъ органовъ, которые можно поставить въ параллель съ селезенкою и лимфатическими железами человѣка и высшихъ животныхъ. Здѣсь нѣтъ надобности входить въ подробности, и достаточно упомянуть, что онъ опытнымъ путемъ доказалъ присутствіе такихъ органовъ у улитокъ, раковъ, сверчковъ, вольчатыхъ червей и проч.

Рядомъ съ этими изслѣдованіями нужно поставить большое число опытовъ и наблюденій Ковалевскаго о мочеотдѣлительныхъ органахъ беспозвоночныхъ животныхъ. Выпуская въ ихъ тѣла разнообразныя красящія вещества, Ковалевскому удалось опредѣлить отдѣлы мочеотдѣлительныхъ органовъ, которые поглощаютъ эти краски съ цѣлью удаленія ихъ изъ организма. Эти изслѣдованія, систематически продолжавшіяся болѣе десяти лѣтъ, превратили главу о мочеотдѣлительныхъ органахъ беспозвоночныхъ въ одинъ изъ наиболѣе обработанныхъ отдѣловъ сравнительной физиологіи.

Изученіе фагоцитарныхъ и выдѣлительныхъ органовъ натолкнуло Ковалевскаго на систематическое изслѣдованіе пѣвковъ.

Сначала эти животныя заинтересовали А. О. съ точки зрѣнія лишь тѣхъ органовъ, физиологіей которыхъ онъ занимался. Но, мало-по-малу, онъ втянулся въ подробное ихъ изученіе. Разыскивая, во время своихъ постоянныхъ путешествій, наиболѣе оригинальныхъ представителей этого отряда, Ковалевскій остановился особенно на *Archaeobdella*, *Acanthobdella*, *Naementaria* и *Helobdella*. Послѣдніе его мемуары, изъ которыхъ нѣкоторыя появились въ свѣтъ лишь послѣ смерти, въ значительной степени посвящены детальному изученію пѣвковъ и нѣкоторыхъ очень своеобразныхъ моллюсковъ (*Hedyle*, *Chaetoderma*, *Pseudovermis*).

V.

Въ 1890 году А. О. Ковалевскій былъ приглашенъ ординарнымъ академикомъ въ Петербургъ. Это мѣсто вполне соответствовало всему его складу. Болѣе всего на свѣтѣ цѣнившій

спокойную работу въ лабораторіи и, по своей застѣнчивости, неохотно выступавшій на кафедрѣ, А. О. была очень пріятна перспектива отдаться всецѣло любимой наукѣ. Но произошло нѣкоторое осложненіе. Оказалось, что у Ковалевскаго не доставало нѣсколькихъ лѣтъ службы въ университетѣ для выслуги пенсіи; и это обстоятельство обнаружилось лишь послѣ его переѣзда въ Петербургъ. Тогда была придумана слѣдующая комбинація. Оставаясь академикомъ, А. О. долженъ былъ поступить профессоромъ петербургскаго университета и читать курсъ гистологіи. Ему это было тѣмъ болѣе непріятно, что приходилось преподавать новую для него вѣтвь науки. Разумѣется, занимаясь всю жизнь микроскопическими изслѣдованіями, онъ очень хорошо зналъ и гистологію. Но все-же, для чтенія съ кафедры, ему нужно было заготовить множествомъ новаго, подчасъ мало интересовавшаго его матеріала. Вотъ почему А. О. особенно тиготился этимъ послѣднимъ актомъ своей профессуры, и почувствовалъ себя особенно счастливымъ, когда, въ 1894 году, онъ могъ выйти въ отставку изъ университета и сосредоточить всю свою дѣятельность въ академіи наукъ.

Эта должность академика не была для него синекурой. Съ юношескимъ рвеніемъ принялся онъ за разработку вопросовъ, о которыхъ было упомянуто въ концѣ предъидущей главы. Физически очень бодрый и крѣпкій, онъ часто уѣзжалъ изъ Петербурга и ѣздилъ для добыванія нужнаго ему матеріала то въ Петрозаводскъ—на сѣверѣ, то въ Крымъ и Аккерманъ—на югѣ Россіи. Нерѣдко онъ ѣздилъ и за границу, какъ для изслѣдованій, такъ и для различныхъ научныхъ справокъ у сотоварищей и въ коллекціяхъ.

Особенно энергично принялся Ковалевскій за организацію севастопольской біологической станціи. Учрежденіе это существовало уже давно, но оно вело незамѣтную и вялую жизнь, и въ него нужно было вдохнуть душу. Никто не былъ болѣе для этого способенъ, какъ Ковалевскій. Сдѣлавшись вполнѣ безвозмездно главнымъ директоромъ станціи, онъ сталъ усиленно хлопотать какъ о матеріальномъ ея благополучіи, такъ и о томъ, чтобы пріискать подходящій персоналъ. Подолгу Ковалевскій жила въ Севастополѣ, уѣзжая оттуда въ сосѣднія мѣста, для пріисканія морскихъ животныхъ. Такимъ образомъ онъ посѣщалъ часто Константинополь и работалъ на берегахъ Мраморнаго моря, гдѣ добылъ цѣнный матеріалъ для своихъ послѣднихъ работъ, а также животныхъ для ледяннаго имъ акваріума біологической станціи. Заботы объ этомъ учрежденіи наполняли послѣднее

время его жизни, и даже смертельное кровоизліаніе въ мозгу случилось съ нимъ во время визита у г. товарища министра народнаго просвѣщенія Мѣщанинова, — визита, имѣвшаго цѣлью ходатайствовать субсидію для станціи.

Несмотря на то, что А. О. всего болѣе отдавалъ себя на служеніе чистой наукѣ, онъ не мало увлекался и нѣкоторыми сторонами практической дѣятельности. Заботы о севастопольской станціи еще можно было, пожалуй, отнести отчасти на счетъ желанія обставить и себя наилучшими условіями для специальныхъ изслѣдованій. Но этого нельзя никакъ сказать о трудахъ Ковалевскаго по вопросу о филлоксерѣ.

Когда этотъ бичъ винодѣлія былъ открытъ въ Бессарабіи, Ковалевскій тотчасъ же принялся, съ свойственными ему энергіей, добросовѣстностью и безкорыстнымъ увлеченіемъ, за изученіе филлоксернаго вопроса. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ во Францію, гдѣ воспользовался указаніями своего давнишняго друга, марсельскаго профессора Маріона, имѣвшаго уже значительную опытность въ дѣлѣ истребленія филлоксеры. Ковалевскій предложилъ примѣнить въ Бессарабіи методу радикальнаго истребленія, посредствомъ сѣрнистаго углерода, — методу, зарекомендовавшую себя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Европы. По этому поводу А. О. пришлось выступить на новую для него арену практической дѣятельности и вытерпѣть множество непріятностей.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ни въ наукѣ, ни въ практической жизни никогда не слѣдуетъ останавливаться предъ авторитетами, каковы бы они ни были. Критика есть необходимое орудіе преуспѣянія. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы, не раздѣляя мнѣнія людей, безупречныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и снискавшихъ себѣ глубокое уваженіе всѣхъ компетентныхъ судей, критики набрасывались съ злобной яростью на лицъ, осмѣливающихся не раздѣлять ихъ мнѣнія. Долгое время Ковалевскому пришлось выносить настоящую травлю со стороны многочисленныхъ, призванныхъ и непризванныхъ журналистовъ. Тѣмъ не менѣе, до конца своего пребыванія въ Одессѣ, А. О. оставался завѣдующимъ борьбой противъ филлоксеры. Вопросъ этотъ очень сложенъ, и я недостаточно знакомъ съ нимъ, чтобы высказывать окончательное сужденіе. Но я слишкомъ хорошо зналъ Ковалевскаго, чтобы быть несомнѣнно убѣжденнымъ въ томъ, что въ дѣлѣ огражденія виноградниковъ онъ всегда руководился лишь желаніемъ принести посильную пользу дѣлу и былъ безусловно глухъ къ голосу самолюбія, не говоря уже о какихъ-либо иныхъ побужденіяхъ личнаго характера.

Точно такъ же, какъ и въ этомъ прикладномъ вопросѣ, велъ себя Ковалевскій и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда ему приходилось соприкасаться съ жизнью. Во время своей продолжительной профессорской дѣятельности, онъ очень не любилъ вѣчныхъ интригъ, которыми наполняется закулисная жизнь нашихъ университетовъ. Изъ „лекторіи“, гдѣ обыкновенно усиленно обсуждались „дѣла“, онъ убѣгалъ въ лабораторію, гдѣ онъ дѣлалъ свое настоящее дѣло. Избѣгая, елико возможно, вмѣшиваться въ профессорскія распри, ему приходилось, однакоже, время отъ времени принимать въ нихъ участіе. Когда онъ былъ избранъ проректоромъ одесскаго университета, первымъ его движеніемъ было отказаться отъ этого званія. Другимъ стоило большого труда уговорить его принять должность, на что онъ согласился, надѣясь быть полезнымъ студентамъ. Послѣдніе его вообще очень любили и уважали, но это не мѣшало имъ, однакоже, ставить его нерѣдко въ очень тяжелое положеніе и требовать отъ него невозможнаго. Ковалевскій былъ, поэтому, очень радъ, когда ему удалось избавиться отъ этой проректорской службы и болѣе, чѣмъ когда-либо, зарыться въ своей лабораторіи. Тутъ онъ чувствовалъ себя въ соответствующей средѣ и дѣлался охотно своими открытіями съ лицами, которыя его посѣщали. Тутъ же онъ принималъ учениковъ, изъ которыхъ вышло не мало профессоровъ зоологіи. Назовемъ, въ числѣ ихъ, Бобрецкаго, Насонова, Остроумова.

Ковалевскій не только давалъ совѣты по своей спеціальности, но содѣйствовалъ рѣшительно всѣмъ, чѣмъ могъ, преуспѣванію молодежи. Вѣчно онъ отправлялся съ разнаго рода ходатайствами, просьбами о приѣмѣ въ университеты, о снисхожденіи и проч. Часто ему приходилось возвращаться съ пустыми руками, но когда попытка его увѣнчивалась успѣхомъ, тогда онъ истинно сіялъ.

Вообще, въ свою дѣятельность Ковалевскій вносилъ всю душу.

Будучи почетнымъ попечителемъ городскихъ школъ въ Одессѣ, онъ принималъ въ нихъ самое живое участіе, какъ относительно преподаванія, такъ и улучшенія положенія учителей и учительницъ. Зная его теплое отношеніе, послѣдніе всегда обращались къ нему съ полнымъ довѣріемъ.

Многіе годы А. О. былъ предсѣдателемъ „Общества естествоиспытателей“ въ Одессѣ, а затѣмъ—въ Петербургѣ. Всегда онъ старался внести живой интересъ въ эти общества. Онъ постоянно дѣлалъ въ нихъ самъ сообщенія и поощрялъ къ тому же другихъ.

Уже изъ всего предъидущаго видно, что Ковалевскій былъ безконечно преданный дѣлу, благородный служитель науки. Въ то же время онъ не былъ узкимъ, сухимъ ученымъ. Онъ страшно чутко относился ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, сильно волновался ими, постоянно слѣдилъ за всѣми отраслями науки, радовался новымъ открытiямъ въ нихъ; онъ живо интересовался литературой и искусствомъ.

Всѣ вопросы культуры страны его занимали, и послѣднее время онъ даже усиленно мечталъ о разведенiи образцоваго сада на кавказскомъ побережьи.

Характерными чертами А. О. были доброта, необыкновенная кротость, безграничная скромность и деликатность. Въ обращенiи съ людьми онъ не только никогда не imponировалъ и не стремился къ этому, но, напротивъ, былъ очень простъ, терпимъ и часто даже застѣнчивъ. Онъ не любилъ дѣлать визитовъ безъ дѣла. Вѣчно поглощенный изслѣдованiемъ какого-нибудь вопроса, если ему приходилось идти къ кому-нибудь за справою или разъясненiемъ, то онъ начиналъ съ извиненiй въ томъ, что обезпокоилъ и отнимаетъ время. Спустя нѣсколько минутъ онъ брался за часы, и движенiе это сдѣлалось у него привычнымъ. Съ одной стороны, онъ оберегалъ время своихъ собесѣдниковъ, а съ другой—боялся оторвать минуту отъ излюбленныхъ занятiй.

Неудивительно, что, при своихъ душевныхъ качествахъ, Ковалевскій былъ любимъ и уважаемъ всѣми. Въ наукѣ его имя сдѣлалось знаменитымъ послѣ первыхъ же самостоятельныхъ работъ. Многiя иностранныя академiи (въ ихъ числѣ: англiйское „Королевское Общество“, парижская, римская, вѣнская, брюссельская, туринская и др. академiи) и общества избрали его своимъ членомъ. Въ Россiи онъ былъ почетнымъ членомъ, кажется, всѣхъ университетовъ, медицинской академiи и всѣхъ обществъ естествоиспытателей. Въ послѣднiе годы своей жизни онъ былъ избранъ почетнымъ докторомъ наукъ кэмбриджскаго университета и кавалеромъ прусскаго ордена „*pour le mérite*“, даваемого за научныя заслуги.

Но не формулярный списокъ Ковалевскаго я хочу представить читателю. Цѣлью моею было охарактеризовать, по мѣрѣ силъ, высокую личность почившаго ученаго, для котораго служенiе наукѣ и безусловная вѣра въ нее, составляли все содержанiе и весь смыслъ жизни. Такихъ людей у насъ очень немного, и потому весьма желательно, чтобы память и свѣдѣнiя о нихъ сохранялись и распространялись какъ можно болѣе.

Было время, когда, какъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго

бѣка, молодые люди охотно отдавались наукѣ и вѣровали въ то, что она поможетъ имъ обрѣсти душевное равновѣсіе и получить отвѣтъ на главнѣйшіе вопросы, мучащіе человѣчество. Но потомъ, болѣе нетерпѣливое поколѣніе отшатнулось отъ науки и стало искать истины въ иныхъ областяхъ. Это ложное направленіе затянулось надолго и плоды его не замедлили обнаружиться. Я уже не говорю о томъ, что не нашлось людей для того, чтобы заполнить пробѣлъ, оставленный такою исключительной личностью, какъ Ковалевскій. Но каждый разъ, когда приходится думать о выборѣ лицъ для выполненія серьезныхъ культурныхъ цѣлей въ Россіи, поражаешься прискорбнымъ фактомъ общаго безлюдья.

Можно надѣяться, что такое положеніе продлится недолго, что роль науки въ жизни будетъ снова признана въ должной мѣрѣ, и что среди чуткой и стремящейся къ добру молодежи найдутся многіе, которые пойдутъ по стопамъ А. О. Ковалевскаго.

Илья Мечниковъ.

Парижъ.

ВОЛОСТЬ

КАКЪ

ЗАЧАТОКЪ МЕЛКОЙ ЗЕМСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Въ послѣднее время въ обществѣ и печати съ особеннымъ оживленіемъ обсуждался вопросъ о мелкой земской единицѣ. При всей широтѣ и серьезности постановки этого вопроса обсужденіе его, намъ думается, отличалось извѣстной отвлеченностью: споры сторонниковъ мелкой земской единицы и ея противниковъ носили скорѣе теоретическій характеръ, въ нихъ до нѣкоторой степени чувствовалось отсутствіе той практической подкладки, которая обыкновенно придаетъ аргументамъ спорящихъ сторонъ особенную жизненность и убѣдительность.

Такой жизненной опорой въ обсужденіи поднятаго вопроса, мы полагаемъ, могло бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ служить сопоставленіе проектируемыхъ мелкихъ земскихъ организацій съ дѣятельностью существующихъ уже четыре десятилѣтія органовъ крестьянскаго самоуправления.

Правда, мы чрезвычайно бѣдны фактическимъ матеріаломъ, освѣщающимъ внутреннюю жизнь этого мѣстнаго общественнаго самоуправления.

Предоставленное исключительно силамъ народной массы и находящееся подъ близкимъ контролемъ властной опеки, крестьянское самоуправленіе мало доступно для объективнаго изученія и рѣдко, поэтому, является предметомъ широкаго общественнаго вниманія и обсужденія. Между тѣмъ, внимательное изученіе сельской общественной жизни и той эволюціи, которая несомнѣнно совершается въ этой жизни, дало бы весьма поучительный матеріалъ, который, между про-

чимъ, помочь бы лучше разобраться и въ вопросѣ о мелкой земской единицѣ.

Возьмемъ основной вопросъ всякаго самоуправленія—право самообложения, и посмотримъ, какъ пользуется этимъ правомъ наше крестьянское самоуправленіе.

Оговариваемся при этомъ, что районъ нашихъ наблюдений не обширенъ—одна ярославская губернія; что свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ, доставлены корреспондентами статистическаго бюро ярославскаго губернскаго земства въ маѣ мѣсяцѣ текущаго 1902 года.

Крестьянское самоуправленіе, какъ извѣстно, выражается въ формѣ двухъ самоуправляющихся союзовъ, тѣсно между собою связанныхъ: сельскаго и волостного общества.

Изъ этихъ самоуправляющихся единицъ волость ближе всего подходитъ къ мелкой всесословной земской единицѣ.

На территоріи волости живетъ не одно только крестьянское населеніе, но очень часто бываютъ расположены поселки и усадьбы населенія иныхъ сословій. Хотя юридически волость и является организацией чисто крестьянской, но фактически она составляетъ продолженіе системы органовъ общаго управленія и постепенно приобретаетъ характеръ всесословный.

Волостная администрація несетъ свою службу въ интересахъ не только крестьянъ, но и другихъ сословій, населяющихъ волость (полицейская служба, свидѣтельствованіе сдѣлокъ и договоровъ, доставленіе всякаго рода свѣдѣній и вообще сношенія съ правительственными и общественными учрежденіями); къ волостному суду можетъ обращаться все населеніе волости, безъ различія сословій.

Несмотря, однако, на очевидный общесословный характеръ дѣятельности волостныхъ учреждений, содержаніе ихъ всецѣло лежитъ на одномъ только крестьянскомъ сословіи и почти исключительно на надѣльной землѣ.

Понятно, такое положеніе дѣла не могло не вызвать въ самомъ сельскомъ населеніи сознанія его неудовлетворительности и несправедливости обложения на волостныя нужды только лицъ одного сословія. Правда, пока не-крестьянское населеніе волости незначительно и не обременяетъ замѣтнымъ образомъ своими нуждами и требованіями волостныхъ учреждений,—въ такихъ волостяхъ и не возникаетъ вопросовъ о болѣе справедливомъ распредѣленіи между различными группами мѣстнаго населенія волостныхъ сборовъ. Но съ развитіемъ въ волостяхъ крестьянскаго населенія, а въ особенности—посторонняго и пришлаго, самой жизнью выдвигаются на очередь вопросы о болѣе справедливомъ и равномерномъ участіи въ волостныхъ

расходахъ лицъ всѣхъ сословій, живущихъ въ предѣлахъ волости. Наиболѣе развитымъ въ этомъ отношеніи самосознаніемъ плательщиковъ волостныхъ сборовъ отличаются волости, въ которыхъ есть крестьянскіе и мѣщанскіе поселки пришлаго населенія, живущаго на купленной или арендованной землѣ и не приписаннаго къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ. Это населеніе, и по своему культурному уровню, и по укладу своей общественной и обыденной жизни, очень мало отличается отъ коренного крестьянскаго населенія. Селится оно такими поселками, которые очень близко напоминаютъ собою крестьянскія деревни, и ведетъ свое полевое хозяйство въ большинствѣ случаевъ на тѣхъ же самыхъ основахъ, какъ и окружающіе ихъ крестьяне (трехполье, череполосица).

Изъ многообразныхъ повседневныхъ столкновеній населенія такихъ поселковъ съ коренными жителями волости возникаетъ цѣлая сѣть общественныхъ отношеній, регулированіе которыхъ возможно только при дѣятельномъ участіи волостного правленія и суда.

А между тѣмъ, населеніе такихъ поселковъ либо совершенно не участвуетъ въ содержаніи волостныхъ учреждений, либо несетъ свою долю въ волостныхъ расходахъ,—когда поселки приписаны къ волости,—наравнѣ съ безземельными крестьянами волости.

Ненормальность такого положенія вещей уже обращала на себя вниманіе нѣкоторыхъ земствъ. Такъ, въ ямбургскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, с.-петербургской губерніи, въ сессію 1892 г., гласные отъ крестьянъ заявили, что увеличивающаяся изъ года въ годъ численность пришлаго населенія въ уѣздѣ вынуждаетъ мѣстныя волостныя общества увеличивать мірскіе расходы, такъ какъ половина дѣль и переписки въ волостныхъ правленіяхъ и судахъ производится по дѣламъ пришлаго населенія. По обсужденіи этого заявленія, уѣздное собраніе постановило ходатайствовать, чтобы пришлое населеніе, имѣющее осѣдность въ уѣздѣ, было привлечено къ участію въ мірскихъ расходахъ сельскихъ и волостныхъ обществъ. Затѣмъ вопросъ этотъ обсуждался и въ прочихъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ с.-петербургской губерніи и нѣсколько разъ доходилъ до губернскаго земскаго собранія, въ послѣдній разъ—въ 1897 году, когда собранію губернской управы былъ представленъ обстоятельный докладъ „о привлеченіи пришлаго населенія къ отбыванію мірскихъ повинностей и о пересмотрѣ, въ связи съ этимъ, законоположеній сельскаго и волостного устройства и самоуправления“.

Правда, по различнымъ причинамъ, отъ земства не зависѣвшимъ, вопросъ этотъ дальше губернскаго собранія въ с.-петербургской губерніи не пошелъ. Но изъ собранныхъ въ упомянутомъ докладѣ матеріаловъ видно, какое жизненное значеніе для коренного населенія

нѣкоторыхъ уѣздовъ этой губерніи имѣеть удовлетворительное разрѣшеніе назрѣвшаго вопроса о равномерномъ распредѣленіи волостныхъ сборовъ между всѣми категоріями мѣстнаго осѣдлага населенія.

Въ самое послѣднее время аналогичную земскую попытку къ разрѣшенію этого вопроса мы видимъ въ одной изъ южныхъ губерній.

Херсонская уѣздная земская управа уже два года останавливаетъ вниманіе своего собранія на обременительности волостныхъ сборовъ для надѣльнаго населенія, которое одно только и отбываетъ ихъ, несмотря на общегосударственную и общесословную службу волостныхъ учреждений. Совмѣстно съ управой, надъ этимъ вопросомъ за послѣдній годъ работала особая коммиссія. Результаты этой работы, судя по газетнымъ сообщеніямъ, могутъ быть выражены въ нижеслѣдующихъ предположеніяхъ земства.

Пока нѣтъ болѣе мелкихъ, чѣмъ уѣздное земство, самоуправляющихся безсословныхъ единицъ, которыя могли бы сами удовлетворять мѣстныя нужды своего района,—на земствѣ лежитъ обязанность принять участіе въ расходахъ волостныхъ правленій, чтобы тѣмъ самымъ оплатить ту работу, которую они несутъ по порученію уѣздной и губернской земской управъ. На ряду съ этимъ, херсонское уѣздное земство считаетъ необходимымъ возбудить ходатайство, съ одной стороны, объ отнесеніи части волостныхъ расходовъ, имѣющихъ общегосударственный характеръ, на счетъ государственнаго казначейства, а съ другой—„о привлеченіи къ обложенію на волостныя надобности недвижимыхъ имуществъ въ районѣ волости, принадлежащихъ на правѣ собственности непричисленнымъ къ данной волости крестьянамъ и поселянамъ, съ предоставленіемъ этимъ лицамъ права выборовъ на волостные сходы“¹⁾.

Оказывается, что и сѣверное, и южное, земства въ вопросѣ о болѣе правильномъ распредѣленіи волостныхъ сборовъ пришли къ однороднымъ заключеніямъ, свидѣтельствующимъ о неудовлетворительности существующаго порядка содержанія волостныхъ учреждений.

Въ ярославской губерніи ни одно изъ уѣздныхъ, ни губернское земство, еще не касалось этого вопроса. Между тѣмъ, пришлое населеніе составляетъ и здѣсь довольно значительный процентъ среди постоянно живущаго: крестьянскіе и мѣщанскіе поселки встрѣчаются во всѣхъ уѣздахъ ярославской губерніи и въ большей части волостей.

По приблизительному подсчету, въ 100 волостяхъ ярославской губерніи (изъ 166-ти) насчитывается не менѣе 400 поселковъ, не входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ. Первые мѣста въ ряду уѣздовъ

¹⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1902 г., № 152.

по числу поселковъ занимаютъ: романово-борисоглѣбскій (105 поселковъ), рыбинскій (85) и пошехонскій (80) уѣзды, а послѣднія принадлежатъ даниловскому (11) и ростовскому (11) уѣздамъ.

Большинство поселковъ, особенно въ уѣздахъ: романово-борисоглѣбскомъ, рыбинскомъ, пошехонскомъ и любимскомъ, образованы переселенцами изъ сосѣднихъ губерній, преимущественно изъ тверской. Поселки первыхъ двухъ уѣздовъ населены почти исключительно тверяками, извѣстными здѣсь подъ общимъ названіемъ „кореляковъ“¹⁾.

Въ пошехонскомъ и любимскомъ уѣздахъ преобладаютъ вологжане, встрѣчаются новгородцы и эсты.

Происхожденіе остальной части поселковъ чисто мѣстное. Они образовались изъ жителей мѣстнаго края, выселившихся на купленные участки земли. Нерѣдко ихъ происхожденіе объясняется просто переходомъ крестьянъ въ мѣщане. Въ волостяхъ съ развитымъ отходомъ извѣстная часть населенія, тяготясь общественными повинностями, выписывалась въ мѣщане, и такимъ образомъ выходила изъ состава крестьянскихъ сельскихъ обществъ.

Вообще, не входящіе въ составъ сельскихъ обществъ крестьянскіе и мѣщанскіе поселки получили довольно широкое распространеніе въ ярославской губерніи. И здѣсь, несомнѣнно, мысль населенія давно уже работаетъ въ направленіи наиболѣе справедливаго распредѣленія волостныхъ расходовъ между плательщиками, какъ о томъ свидѣлствуютъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи и упоминавшіеся выше матеріалы, доставленные въ статистическое бюро мѣстными жителями.

Мысль о привлеченіи поселковъ къ обложенію на волостныя нужды чаще всего возникала и получала практическое осуществленіе въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ они чаще всего встрѣчаются: романовскомъ, пошехонскомъ, любимскомъ и рыбинскомъ, а также молодежскомъ и угличскомъ. А вообще въ губерніи въ настоящее время насчитывается 17 волостей, въ которыхъ населеніе не входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ поселковъ облагается въ той или другой формѣ волостными сборами.

Оказывается, что въ большинствѣ случаевъ облагаются поселки посторонняго населенія, приписаннаго къ волости. Дѣло въ томъ, что обложеніе этой категоріи населенія волости не встрѣчаетъ препятствій въ нынѣ дѣйствующихъ законоположеніяхъ о крестьянахъ. Другое дѣло—населеніе, не приписанное къ волостямъ. Обложеніе его въ настоящее время возможно только въ томъ случаѣ, когда оно само не протестуетъ противъ этого обложенія. Но стѣбитъ только такимъ поселкамъ не согласиться съ приговоромъ волости и „дойти до земсваго“, какъ приговоръ сейчасъ же отмѣняется.

¹⁾ Большинство переселенцевъ—крестьяне бѣжецкаго уѣзда, корельскаго его края.

Въ ярославской губерніи попытки къ обложенію поселковъ мѣщанъ и крестьянъ, не приписанныхъ къ волости, дѣлались неоднократно, но далеко не всегда успѣшно. Кромѣ тѣхъ 17 волостей, гдѣ обложеніе поселковъ уже совершившійся фактъ, въ 29 волостяхъ губерніи попытки къ обложенію поселковъ окончились неудачей. Особенно оживленная борьба между волостями и поселками ведется въ уѣздахъ: романовскомъ, рыбинскомъ, пошехонскомъ и любимскомъ, т.-е. какъ разъ въ тѣхъ уѣздахъ, которые отличаются наибольшимъ количествомъ поселковъ.

Въ шаготской волости, романовскаго уѣзда, неоднократно дѣлались попытки къ обложенію переселенцевъ-тверяковъ на волостныя нужды, „но каждый разъ поселки уклонялись, доходя до земскаго начальника со своими прошениями“,—какъ сообщаетъ корреспондентъ.

Въ томъ же уѣздѣ понгилловская волость съ 1901 года постановила „облагать, наравнѣ съ надѣльными землями, купленныя при посредствѣ крестьянскаго банка земли поселковъ, но собственники этихъ земель (тверяки) запротестовали. Хотя уѣздный сѣздъ приговоръ волости утвердилъ, но тверяки подали жалобу въ губернское присутствіе“.

Въ романовскомъ уѣздѣ дѣлались попытки привлечь къ обложенію землю поселковъ еще въ четырехъ волостяхъ и тоже окончились неудачей—были опротестованы властями“. Нужно замѣтить при этомъ, что одна изъ этихъ волостей думаетъ возобновить свою попытку примѣнительно ко 2-му примѣчанію 42-й ст. общаго положенія о крестьянахъ ¹⁾.

Особенно интересная попытка была сдѣлана въ рыбинскомъ уѣздѣ: ивановскій волостной сходъ здѣсь „составилъ приговоръ, чтобы обложить всѣхъ проживающихъ въ волости частныхъ землевладѣльцевъ“. „Но уѣздный сѣздъ,—прибавляетъ нашъ мѣстный корреспондентъ,—въ этомъ отказалъ“.

Въ пошехонскомъ уѣздѣ, въ двухъ волостяхъ, „поселки одно время (года три) облагались волостными и сельскими сборами, но по жалобѣ нѣкоторыхъ—сборы отменены“. „Коренное населеніе недовольно“,—по словамъ корреспондента. Въ волостяхъ пошехонской и соколовской, того же уѣзда, были тоже попытки къ привлеченію поселковъ къ сборамъ на нужды волости, но „начальство считаетъ это незаконнымъ“, и обложеніе ихъ не осуществилось.

¹⁾ Въ этомъ примѣчаніи говорится слѣдующее: „Въ составъ мѣстныхъ волостей включаются устроенныя крестьянскими поземельными товариществами, приобрѣвшими земли съ содѣйствіемъ крестьянскаго поземельнаго банка, новыя селенія до образованія изъ членовъ переселенческихъ товариществъ новыхъ сельскихъ обществъ или приписки ихъ къ существующимъ сельскимъ обществамъ“.

Въ любимскомъ уѣздѣ въ четырехъ волостяхъ поднимался вопросъ объ обложеніи поселковъ. „Неоднократно дѣлались попытки привлечь переселенцевъ, а равно и мѣщанъ, живущихъ на собственной землѣ, къ отбыванію волостныхъ и сельскихъ сборовъ, но удовлетворенія не было, по неизмѣннѣю на то закона“, — пишетъ одинъ изъ волостныхъ старшинъ.

Мысль о распространеніи волостныхъ сборовъ на населеніе поселковъ, несмотря на вышнія препятствія къ ея осуществленію, не замираетъ среди крестьянскаго населенія губерніи, а наоборотъ, все больше и больше распространяется. Кромѣ перечисленныхъ уже волостей, въ нашихъ матеріалахъ имѣются указанія, что подобная мысль возникала и еще въ 13 волостяхъ губерніи, но очевидно еще недостаточно назрѣла, и до официального обсужденія на складахъ въ этихъ волостяхъ дѣло не доходило.

Насколько вообще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наболѣлъ вопросъ о привлеченіи посторонняго населенія къ участію въ волостныхъ расходахъ, можно судить по нѣкоторымъ замѣткамъ нашихъ корреспондентовъ.

„Намъ хотѣлось бы знать, — пишутъ изъ спасской волости, мышкинскаго уѣзда, гдѣ попытка привлечь поселки къ волостнымъ расходамъ окончилась неудачей, — почему они живутъ безданно-безплатно въ районѣ нашей волости, пользуясь нашими услугами. Иногда даже возникаютъ жалобы на волостной судъ, и мы не знаемъ, куда обратиться“.

Крестьяне якимовской волости, угличскаго уѣзда, „сколько разъ хотѣли обложить тверяковъ, но мѣстное начальство не допускало, за неизмѣннѣю закона. Но очень жаль: волостной старшина и волостной судъ обременены ихъ дѣлами; ими возбуждается больше дѣлъ, чѣмъ кореннымъ населеніемъ; они же тянутъ коренное населеніе къ суду за потравы, самовольный проѣздъ и пр.; они смотрятъ на насъ свысока, какъ на своихъ работниковъ“.

„Мысль возникала не разъ, — пишетъ корреспондентъ изъ панфиловской волости, рыбинскаго уѣзда: — населеніе поселковъ пользуется различными услугами волостного и сельскаго управленія по различнымъ случаямъ, а потому мѣстному населенію весьма было бы желательно привлечь населеніе поселковъ къ отбыванію сборовъ по содержанию сельскаго и волостного управленія“.

Поселки „живутъ на счетъ кореннаго населенія, пользуясь безвозмездно волостнымъ и сельскимъ управленіемъ, волостнымъ судомъ, полицейскими, десятскими, сотскими и пр. Напримѣръ, они часто требуютъ волостной судъ; за каждый выѣздъ суда волость платитъ пять рублей; за все расплачивается одна надѣльная земля“ (черностанская

волость, любимскаго уѣзда). Населеніе поселковъ „судится въ волостномъ судѣ очень часто, и всѣ бумаги, какъ-то: паспорта и всякая переписка, которой по ихъ дѣламъ очень много, идутъ черезъ волостное правленіе“ (максимовская волость, романово-борисоглѣбскаго уѣзда).

Коренные жители, дѣйствительно, недовольны тѣмъ, что жители поселковъ не несутъ ни натуральныхъ, ни денежныхъ повинностей. Въ послѣднее время мѣщанъ обязали имѣть хлѣбозапасные магазины или продовольственные капиталы,—вся отчетность опять возложена на волостное правленіе (софроновская волость, пошехонскаго уѣзда).

Коль скоро въ населеніи созрѣла мысль о привлеченіи къ обложенію на волостныя нужды поселковъ, дальнѣйшей стадіей ея развитія является распространеніе волостныхъ сборовъ на купчія земли вообще, а въ частности и на земли, приобретенныя въ личную собственность кореннымъ населеніемъ.

Это и понятно. Самый фактъ владѣнія виѣнадѣльными землями ставитъ собственника ихъ въ необходимость прибѣгать къ услугамъ волостныхъ учреждений: совершается ли договоръ о сдачѣ купчей земли въ аренду,—его нужно свидѣтельствовать въ волостномъ правленіи; случится ли погрова посѣвовъ и луговъ или порубка въ лѣсу купчаго участка,—дѣло доходить до волостного суда; даже полученіе окладнаго листа на купчую землю тоже не обходится безъ посредства волостного правленія. При такихъ условіяхъ совершенно естественнымъ является привлеченіе къ платежу волостныхъ сборовъ наряду съ землями пришлаго населенія и купчихъ земель кореннаго населенія.

Въ настоящее время въ ярославской губерніи обложеніе купчихъ крестьянскихъ земель на волостныя нужды практикуется въ семнадцати волостяхъ семи уѣздовъ.

Въ пречистинской (любимскаго уѣзда) и ериловской (пошехонскаго уѣзда) волостяхъ купчія земли обложены только у безнадѣльныхъ крестьянъ. Въ послѣдней волости такой порядокъ вызываетъ недовольство среди населенія поселковъ, расположенныхъ на купчей землѣ, такъ какъ этимъ поселкамъ приходится платить за всю землю, находящуюся въ ихъ владѣніи, а коренному надѣльному населенію—только за землю надѣльную.

Въ андреевской волости (романовскаго уѣзда) купчія земли кореннаго населенія, облагаемыя волостнымъ сборомъ съ 1899 г., раздѣлены, въ цѣляхъ болѣе равномернаго обложенія, на два разряда: къ первому отнесены болѣе удобныя, а ко второму—такъ-называемыя

„приболотистыя земли“; обложение земель перваго разряда вдвое выше втораго (10 и 5 коп. съ десятины). Къ сожалѣнiю, мы не знаемъ—кѣмъ, когда и какъ произведенъ этотъ своеобразный мѣстный поземельный кадастръ. Но уже самый фактъ этотъ свидѣтельствуеетъ, что мысль о поземельномъ кадастрѣ проникаетъ въ область мiрскаго волостнаго обложения, и что кадастру, повидимому, предстоитъ серьезная роль въ дѣлѣ упорядоченiя этого обложения.

Обложение купчихъ земель на волостныя нужды—дѣло вообще въ ярославской губернiи сравнительно новое, только-что начинающееся. Въ романовскомъ, рыбинскомъ и пошехонскомъ уѣздахъ обложение это практикуется лѣтъ 8—10; въ молоджскомъ оно возникло годъ тому назадъ, а въ двухъ волостяхъ ростовскаго (гарской и карашской) установлено только съ текущаго года.

Правда, нужно отмѣтить при этомъ, что попытки привлечь къ волостному обложению купчiя земли дѣлались еще въ рядѣ волостей (четырнадцать), но окончились, по разнымъ причинамъ, неудачей. Напр., въ черностанской волости (любимскаго уѣзда), „по приговору волостнаго схода 1901 года,—какъ сообщаетъ мѣстный волостной старшина,—были обложены купчiя земли крестьянъ и мѣщанъ (по 1 р. 20 коп. съ каждаго двора); но сбора этого не платять“.

Въ муравьевской волости (мышкинскаго уѣзда), „годъ тому назадъ, купчiя земли были обложены, на волостныя нужды, по 12 коп. съ десятины, но потомъ этотъ сборъ отмѣнили“. Очевидно, на волостномъ сходѣ взяли перевѣсъ интересы „своеземцевъ“. То же случилось и въ курьявинской волости (романовскаго уѣзда), гдѣ купчiя земли облагались волостными сборами въ теченiе четырехъ лѣтъ, вплоть до 1900 года, когда вопросъ обсуждался снова и былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Въ спасской волости (мышкинскаго уѣзда) хотя купчiя земли и облагаются уже два года, но сборы (волостныя) поступаютъ съ нихъ неаккуратно; причиною тому служить трудность установить территориальныя границы волости: „многие собственники по плану не принадлежать къ нашей волости, а потому сборовъ не платять“,—пишетъ корреспондентъ статистическаго бюро.

Въ трехъ волостяхъ пошехонскаго уѣзда (пошехонской, соколовской и щетинской) вопросъ о мiрскомъ обложении купчихъ земель обсуждался на волостныхъ сходахъ, но „собственники переселили“—и вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно.

Такая же точно участь постигла подобную попытку въ двухъ волостяхъ ростовскаго уѣзда (воржской и щениковской) и двухъ—рыбинскаго уѣзда (ивановской и троицкой).

Неудачи съ привлеченiемъ къ мiрскому обложению купчихъ земель

имѣютъ все-таки временный характеръ. Въ существующихъ законоположеніяхъ нѣтъ препятствій къ такому обложенію; и если, тѣмъ не менѣе, во многихъ волостяхъ дѣло оканчивалось неудачей, такъ это зависѣло отъ случайнаго состава волостныхъ сходовъ и отъ энергичнаго протеста „своеземцевъ“, людей наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ въ волости. Съ ослабленіемъ этого вліянія и вообще съ развитіемъ болѣе сознательнаго и внимательнаго отношенія сельскаго населенія къ своему самоуправленію возникшее въ населеніи стремленіе къ болѣе уравнительности волостныхъ сборовъ получить и болѣе широкое практическое примѣненіе.

Привлеченіе къ мірскому обложенію купчихъ земель вызываетъ въ практикѣ этого обложенія еще новый вопросъ, — вопросъ объ основаніяхъ раскладки мірскихъ сборовъ между плательщиками.

Въ началѣ своей дѣятельности и сельское, и волостное общества знали одну раскладочную единицу — мужскую ревизскую душу или — что почти одно и то же — душевой земельный надѣлъ. Но затѣмъ, какъ мы выше видѣли, съ развитіемъ и усложненіемъ мѣстной общественной жизни это основаніе раскладки мірскихъ сборовъ постепенно теряло свое жизненное значеніе и не могло удовлетворять требованіямъ элементарной справедливости и равномерности обложенія: явилась необходимость привлечь къ обложенію пришлое крестьянское населеніе и вообще крестьянъ и мѣщанъ, поселившихся на купчихъ земляхъ. Далѣе, отъ обложенія купчихъ земель постороннихъ крестьянъ и мѣщанъ къ обложенію купчихъ земель кореннаго населенія оставался только одинъ шагъ. Но тутъ сейчасъ же возникалъ практический вопросъ: на какихъ же основаніяхъ ввести обложеніе купчихъ земель вообще, какую же ввести для нихъ раскладочную единицу? Практика земскаго и государственнаго обложенія подсказывала, что такимъ основаніемъ должно быть подесятинное обложеніе.

Вводя подесятинное обложеніе на волостныя нужды купчихъ земель, волость неизбежно должна была поставить на очередь вопросъ и о переходѣ отъ душевой раскладки сборовъ съ надѣльной земли къ подесятинной.

Кромѣ названныхъ соображеній, вопросъ о переходѣ съ подушнаго обложенія на мірскія нужды надѣльныхъ земель къ подесятинному нерѣдко вызывается также большимъ неравенствомъ земельныхъ надѣловъ: въ предѣлахъ одной и той же волости очень часто встрѣчаются общины, получившія въ надѣлъ, съ одной стороны, менѣе двухъ десятинъ на душу, а съ другой — болѣе пяти или шести десятинъ. Несправедливость одинаковаго обложенія столь различныхъ по вели-

чинѣ земельныхъ надѣловъ, понятно, не ускользаетъ отъ вниманія мѣстнаго населенія. Въ ярославской губерніи въ настоящее время насчитывается уже 16 волостей, въ которыхъ подушная раскладка волостныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель замѣнена подесятинной раскладкой.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей новая система раскладки волостныхъ сборовъ, не вызывая никакихъ недоразумѣній и затрудненій, дѣйствуетъ уже сравнительно давно, лѣтъ около 10—15, въ другихъ—лѣтъ 7—8. Въ самое послѣднее время новый окладной порядокъ волостнаго обложенія введенъ въ двухъ волостяхъ—марьинской (съ 1901 г.) и гарской (съ 1902 г.).

Кромѣ 16 волостей, вопросъ о переходѣ съ подушнаго къ подесятинному обложенію надѣльныхъ земель поднимался еще въ 12 волостяхъ десяти уѣздовъ ярославской губерніи, но, очевидно, онъ здѣсь еще недостаточно назрѣлъ и разрѣшенъ пока отрицательно.

„Кому не выгодно,—сообщаютъ, напр., изъ воржской волости, ростовскаго уѣзда,—тѣ отклонили, а большинство—не поняли“.

Приведенныя выше фактическія данныя изъ податной практики крестьянскаго самоуправленія даютъ намъ основаніе заключить, что, несмотря на современныя неблагопріятныя для него условія, крестьянское самоуправленіе далеко не можетъ считаться мертвой организаціей, неспособной къ дальнѣйшему развитію; наоборотъ, въ области самообложенія оно показало себя настолько жизнѣдѣтельнымъ общественнымъ союзомъ, что сумѣло отрѣшиться отъ архаической подушной раскладки мирскихъ сборовъ съ надѣльной земли, перейти къ раскладкѣ подесятинной, и, на ряду съ этимъ, привлекло въ обложенію на мѣстныя общественныя нужды купчія земли какъ кореннаго, такъ и пришлаго (посторонняго) крестьянскаго и мѣщанскаго населенія.

Правда, всѣ эти прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ самоуправленіи замѣчаются еще пока въ немногихъ мѣстностяхъ и не всегда оканчиваются успѣхомъ. Но въ данномъ случаѣ практическій успѣхъ или неуспѣхъ новыхъ теченій имѣетъ второстепенное значеніе; гораздо важнѣе—основныя тенденціи совершающейся въ крестьянскомъ самоуправленіи эволюціи.

Тенденціи же эти совершенно опредѣленно складываются въ направленіи къ расширенію и преобразованію крестьянской волости въ общественный союзъ *всесловный*.

Характерно въ этомъ отношеніи постановленіе ивановскаго волостнаго схода (рыбинскаго уѣзда), рѣшившаго распространить волостное обложеніе на всѣ частновладѣльческія земли волости.

Конечно, приговоръ этотъ не былъ практически осуществленъ. Мы не знаемъ также, во сколькихъ волостяхъ тотъ же вопросъ поднимался, но не доходилъ до официальнаго обсуждения на сходахъ, въ виду полной безнадежности положительнаго его разрѣшенія. Тѣмъ не менѣе, уже самое возникновеніе и постановка вопроса о всеобщемъ волостномъ обложеніи въ сельскомъ населеніи очень знаменательны.

При такихъ условіяхъ созданіе болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, земской единицы встрѣтило бы въ современныхъ крестьянскихъ волостяхъ уже до нѣкоторой степени подготовленную почву и явилось бы естественнымъ развитіемъ и завершеніемъ начавшагоса движенія по упорядоченію мѣстнаго обложенія, придавъ этому движенію болѣе правильныя и нормальныя формы.

Не нужно, при этомъ, забывать еще и того обстоятельства, что упорядоченіе мѣстнаго обложенія, съ созданіемъ мелкихъ земскихъ органовъ, шло бы въ двухъ направленіяхъ: развиваясь вширь, т.-е. распространяясь на владѣльцевъ всѣхъ сословій, мѣстное обложеніе стало бы развиваться, такъ сказать, еще и вглубь, захватывая на ряду съ земельными и различныя виды не-земельныхъ недвижимыхъ имуществъ.

Между прочимъ, изъ практики андреевской волости (романово-борисоглѣбскаго уѣзда) мы видимъ, что переходъ отъ подушнаго къ подесятинному обложенію привелъ общественную мысль къ сознанию необходимости поземельнаго кадастра, который бы далъ возможность сообразовать обложеніе земель съ ихъ доходностью.

Дальнѣйшимъ послѣдовательнымъ развитіемъ этой мысли нужно считать распространеніе мѣстнаго обложенія на не-земельныя недвижимыя имущества, приносящія ихъ владѣльцамъ доходъ, какъ-то: фабрики, заводы, мелкія промышленныя и торговыя заведенія.

Но крестьянскому самоуправленію, если оно будетъ находиться въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ сейчасъ находится, едва ли подъ силу справиться съ этой задачей, хотя она, безъ сомнѣнія, рано или поздно и будетъ поставлена во всей своей широтѣ на очередь самой жизни. И только созданіе мелкой земской единицы наиболѣе цѣлесообразно разрѣшило бы этотъ серьезный вопросъ мѣстной общественной жизни.

В. Л. Воровьевъ.

Ярославъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1902.

Новое Главное Управление.—Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 года.—Общіе результаты продовольственной кампаніи.—Тенденціозныя газетныя нападенія на земство.—Частная благотворительность.—Дальнѣйшее направленіе продовольственнаго дѣла.—Положеніе вопроса о мелкой земской единицѣ.—Новыя свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ.—Пересмотръ земскаго избирательнаго ценза.—Postscriptum.

7-го ноября состоялся слѣдующій Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

„Въ постоянномъ попеченіи объ упорядоченіи правительственнаго завѣдыванія торговымъ мореплаваніемъ и портами, Нами учреждены были при Министерствѣ Финансовъ совѣтъ по дѣламъ торговаго мореплаванія, отдѣлъ торговаго мореплаванія и комитетъ по торговымъ дѣламъ.

„Признавая нынѣ за благо дѣла торговаго мореплаванія и портовъ сосредоточить въ самостоятельномъ учрежденіи въ ряду государственныхъ установленій, повелѣваемъ:

„1) Совѣтъ по дѣламъ торговаго мореплаванія, комитетъ по торговымъ дѣламъ и отдѣлъ торговаго мореплаванія, со всѣми подвѣдомственными имъ учрежденіями, а равно управленіе строительныхъ и ремонтныхъ, для торговыхъ судовъ, заведеній выдѣлить изъ состава Министерства Финансовъ и предоставить вѣдѣнію особаго Главнаго Управленія торговаго мореплаванія и портовъ, подчинивъ оное главноуправляющему, облеченному правами, въ статьѣ 159 уchr. Мин. (Св. Зак. т. I, изд. 1892 г.) указанными.

„2) Присвоить главноуправляющему права и обязанности, принадлежащія нынѣ: по части торговаго мореплаванія и портовъ—министру Финансовъ, а по части технической въ портахъ—министру Путей Сообщенія.

„и 3) Главноуправляющему озаботиться внесеніемъ въ установлен-

номъ порядкѣ на Наше утверждение проекта учрежденія и штата подвѣдомственнаго ему Главнаго Управленія, а также предположеній. о тѣхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ законахъ о торговомъ мореплаваніи и портахъ, которыя вызываются новымъ порядкомъ управленія оными“.

Того же 7 ноября председателю совѣта по дѣламъ торговаго мореплаванія, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михайловичу, Всемилостивѣйше повелѣно быть Главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами.

Когда, въ предъидущемъ нашемъ обзорѣ, мы коснулись вопроса о временныхъ правилахъ, регулирующихъ народное продовольствіе, намъ не былъ еще извѣстенъ всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 года. Въ этомъ докладѣ одинаково важны и фактическія свѣдѣнія о продовольственной кампаніи—первой, веденной при дѣйствіи новаго порядка,—и предположенія относительно продовольственнаго устава, который долженъ замѣнить собою временныя правила. Мы узнаемъ, прежде всего, что „своевременное опредѣленіе размѣровъ продовольственныхъ потребностей, на основаніи приблизительнаго ихъ подсчета, представило немало затрудненій, такъ какъ для выясненія продовольственныхъ нуждъ цѣлыхъ уѣздовъ и губерній недостаточно подсчета урожаевъ на одѣхъ крестьянскихъ земляхъ и сопоставленія собранныхъ свѣдѣній съ нормой крестьянскаго потребленія и наличностью общественныхъ запасовъ, а требуется еще соображеніе этихъ данныхъ со всеми условіями экономической жизни края, влияющими на обезпеченіе народнаго продовольствія“. Что система „приблизительнаго подсчета“, введенная бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (циркуляромъ 17 августа 1901-го года), должна была оказаться недостаточною и нецѣлесообразною—на это мы указали вслѣдъ за ея установленіемъ¹⁾. „Какъ бы удачно“—говорили мы тогда—„ни были придуманы основанія для приблизительнаго исчисленія ссуды, замѣнить собою расчетъ, сдѣланный на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ, оно не можетъ; средній сборъ съ десятины—величина обманчивая, средняя семья—понятіе сплошь и рядомъ не соответствующее дѣйствительности“. Неудивительно, затѣмъ, что „точность подсчетовъ не явилась общимъ правиломъ“: въ губерніяхъ воронежской, екатеринославской, таврической, тамбовской и харьковской „заблаговременно опредѣлить точно размѣръ продовольственныхъ ссудъ не удалось“, и

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1901 г., стр. 763.

еще болѣе „неустойчивыми всѣ предварительныя исчисленія размѣровъ продовольственной помощи оказались въ губерніяхъ пермской, томской, тобольской и области акмолинской“. Въ европейской Россіи предварительныя расчеты—тамъ, гдѣ они не подтвердились на самомъ дѣлѣ,—грѣшили въ сторону щедрости; въ Сибири, наоборотъ, они были чересчуръ низки. Въ томской губерніи, напримѣръ, потребовалось количество хлѣба въ полтора раза болѣе противъ опредѣленнаго сначала. Отсюда ясно, что новый способъ вычисления размѣровъ помощи не служитъ ручательствомъ противъ крупныхъ ошибокъ—даже противъ ошибокъ того рода, въ которыхъ всего чаще и всего сильнѣе упрекали земство: ошибокъ въ смыслѣ преувеличенія нужды. Вслѣдствіе несвоевременнаго выясненія потребностей населенія, доставка хлѣба (не только въ сибирскія губерніи, гдѣ размѣръ нужды былъ сначала опредѣленъ слишкомъ низко, но и въ пермскую, гдѣ была допущена ошибка противоположнаго свойства) „настолько замедлилась, что лишь вслѣдствіе необычно поздняго наступленія весны удалось снабдить сѣменами нуждающіяся мѣстности до окончанія времени посѣва“. При нормальной погодѣ обширное пространство яровыхъ полей осталось бы, слѣдовательно, незасѣяннымъ. Изъ приложений къ докладу, вмѣстѣ съ нимъ напечатанныхъ во всеобщее свѣдѣніе, видно, что не обошлось и безъ случаевъ несвоевременнаго полученія сѣмянъ. Въ четырехъ уѣздахъ томской губерніи, по мнѣнію губернатора, недостѣвъ яровыхъ хлѣбовъ составляетъ около 30%; но по удостовѣренію уполномоченнаго министерства внутреннихъ дѣлъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ кузнецкаго уѣзда онъ доходитъ до 70%. Мѣстная администрація удостовѣряла, что къ первой половинѣ марта на станцію Обь можетъ быть доставлено 1½ милліона пудовъ сѣменной пшеницы—а на самомъ дѣлѣ къ этому времени оказалось возможнымъ доставить лишь съ небольшимъ 250 тысячъ пудовъ. Въ той же губерніи часть доставленнаго агентами министерства финансовъ зерна была забракована крестьянскими учрежденіями; приняты были, за невозможностью ихъ замѣны или переочистки, нѣкоторыя партіи сѣмянъ, засоренность которыхъ опредѣлялась до 10%. Выборъ сѣмянъ ячменя, доставленнаго въ старобѣльскій уѣздъ (харьковской губ.), въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказался неудачнымъ; потребовалась дополнительная очистка зерна на мѣстѣ... Не было, такимъ образомъ, ни одного фазиса продовольственной кампаніи, вполнѣ свободнаго отъ упущеній, и опытъ 1901—1902 г. едва ли говорить безусловно въ пользу системы, установленной временными правилами.

„Во всѣхъ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ“—читаемъ мы въ всеподданнѣйшемъ докладѣ—„обезпечена была врачебная помощь заболѣвающимъ. За исключеніемъ уфимской губерніи, гдѣ въ періодъ

наибольшаго распространенія цынги, передъ весною, общее число больныхъ въ четырехъ уѣздахъ достигло 24 тысячъ, и хвалынскаго уѣзда саратовской губерніи, гдѣ заболѣванія наблюдались, хотя и не въ большемъ числѣ, въ теченіе цѣлаго года,—эпидемія цынги нигдѣ не получила широкаго распространенія и не была продолжительна“... Изъ приложенія къ докладу видно, однако, что довольно интенсивнаго развитія цынга достигла и въ акмолинской области, гдѣ, въ періодъ наибольшей ея силы, число заболѣвшихъ ею доходило до двухъ тысячъ,—и въ вятской губерніи, гдѣ, въ восьми уѣздахъ, цынга приняла эпидемическій характеръ и больныхъ было около 1½ тысячъ; еще въ августѣ мѣсяцѣ больныхъ цынгою было здѣсь 370 человекъ (до августа продолжалась эпидемія цынги и въ уфимской губерніи). Въ екатеринославской губерніи эпидемическія заболѣванія брюшнымъ тифомъ, цынгою и куривою слѣпотою продолжались до наступленія лѣтняго времени. Для народнаго здоровья неурожай 1901 года прошелъ, такимъ образомъ, далеко не безслѣдно. На народномъ благосостояніи онъ, по выраженію всеподданнѣйшаго доклада, „отозвался крайне тяжело и засвидѣтельствовалъ общее пониженіе уровня хозяйственной зажиточности крестьянскаго населенія“.

Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ реакціонная печать сѣмѣла отыскать то, чего въ немъ нѣтъ и слѣда—осужденіе земской дѣятельности въ прошедшемъ и настоящемъ. Какимъ путемъ эта печать приходитъ къ такому выводу—объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Изъ того, что неурожай 1901-го года коснулся 17 губерній и 2 областей, „Московскія Вѣдомости“ заключаютъ, что онъ „едва ли уступалъ памятному неурожаю 1891-го года“—а такъ какъ послѣдній стоилъ государственному казначейству втрое больше, чѣмъ первый, то эта разница должна быть поставлена въ пассивъ земства, вѣдавшаго продовольственное дѣло десять лѣтъ тому назадъ, и въ активъ администраціи, вѣдающей его въ настоящее время. Это выводъ безусловно и, утверждаемъ безъ колебаній, завѣдомо невѣрный. Московская газета не можетъ не знать, что неурожай 1901-го года былъ „пестрый“, поразившій, въ большинствѣ случаевъ, не сплошь цѣлыя губерніи, даже не цѣлыя уѣзды, а отдѣльныя мѣстности. „Особенно неблагополучными по неурожаю“, на основаніи циркуляра 17-го августа минувшаго года, было объявлено, если мы не ошибаемся, лишь около тридцати уѣздовъ. Раскроемъ приложеніе къ всеподданнѣйшему докладу—и мы увидимъ, что въ харьковской губерніи, напримѣръ, „сколько-нибудь значительной правительственной помощи“ потребовали только *два* уѣзда; въ оренбургской губерніи пострадали *три* уѣзда, „но лишь въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ“; для нижегородской губерніи понадобилась лишь ссуда въ 25 тысячъ рублей; орловская

губернія вовсе не потребовала правительственной помощи. Какое же значеніе, въ виду всего этого, остается за грозной, съ перваго взгляда, цифрой *семнадцати* губерній и *двухъ* областей? Во что обращается сравненіе съ 1891-мъ годомъ, когда районъ бѣдствія былъ, можетъ быть, приблизительно такой же, но интенсивность—несравненно больше?..

Не сильнѣе и другой аргументъ московской газеты, заимствуемый изъ той поддержки, которую продовольственная кампанія 1901—1902 г. нашла въ крестьянскихъ хлѣбныхъ магазинахъ. Если хлѣбные запасы оказались теперь болѣе обильными, чѣмъ въ 1891 г., то это объясняется весьма просто: въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ на пополненіи ихъ настаивали должностныя лица, облеченныя властью— властью, которою не располагали и не располагаютъ земскія учрежденія. Не отъ земства, наконецъ, зависѣло и закрытіе *центральныхъ* хлѣбныхъ магазиновъ, оплачиваемое „Московскими Вѣдомостями“. Трудно предположить, что единственной причиной этой мѣры была передача продовольственнаго дѣла въ руки земства; гораздо вѣроятнѣе, что центральные магазины были признаны въ то время не достигающими цѣли. Для того, чтобы собранный въ немногихъ магазинахъ хлѣбъ безъ труда и просрочки могъ быть доставленъ въ мѣстности, постигнутыя неурожаемъ, нужно такое развитіе путей сообщенія, которымъ Россія, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, не обладала ¹⁾.

Въ вину земства ставится, далѣе, недостаточное участіе въ тѣхъ способахъ борьбы съ послѣдствіями неурожая, которые и при дѣйствіи новыхъ правилъ не изъяты изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій. Если общественныя работы не получили широкаго развитія, то причину этому, по мнѣнію обвинителей, слѣдуетъ искать въ несоставленіи или несвоевременномъ составленіи земствами проектовъ, плановъ и смѣтъ, на основаніи которыхъ работы должны были производиться. Кредитъ на устройство дорожныхъ общественныхъ работъ (съ обезпеченіемъ будущими поступленіями въ дорожный капиталъ) остался въ болѣею своей части незатронутымъ. Не воспользовалось большинство земствъ и предложенными имъ безпроцентными ссудами на устройство продажи хлѣба по заготовительной цѣнѣ и на заготовку корма для скота. Таковы обвиненія: посмотримъ теперь, въ какой степени они подтверждаются официальными данными. Общественныя работы устраивались не только земствами, но и различными вѣдомствами, и крестьянскими учрежденіями — и тѣмъ не менѣе не сыграли видной роли въ борьбѣ съ неурожаемъ. Это прямо указываетъ на существованіе *общихъ* препятствій, не зависѣвшихъ отъ дѣятельности или

¹⁾ Центральныхъ хлѣбныхъ магазиновъ было всего семь, на громадномъ пространствѣ отъ Камы до Чернаго моря.

бездѣйствія земскихъ учрежденій. О характерѣ такихъ препятствій даетъ понятіе, отчасти, ссылка на климатическія условія, сдѣланная въ приложеніи къ всеподданнѣйшему докладу: въ уфимской губерніи „какъ лѣсныя, такъ и желѣзнодорожныя работы встрѣчали зимою большія затрудненія въ необыкновенно обилии выпавшаго снѣга“. Снѣжною и продолжительною минувшая зима была не только въ восточныхъ губерніяхъ европейской Россіи. Въ харьковской губерніи — читаемъ мы въ томъ же приложеніи — „земство возбудило рядъ ходатайствъ о сооруженіи, съ продовольственными цѣлями, новыхъ желѣзнодорожныхъ и шоссеинныхъ линій въ предѣлахъ губерніи, которыя не могли быть удовлетворены немедленно, а ассигновать кредитъ на общественныя работы въ распоряженіе крестьянскихъ учрежденій не оказало возможности, за позднюю разработку предположеній по этому предмету“. Отсюда ясно, съ одной стороны, что не всегда отсутствіе, въ данной губерніи, общественныхъ работъ зависѣло отъ земства, съ другой — что запаздывали съ составленіемъ плана общественныхъ работъ и крестьянскія учрежденія. Проектировать работы безусловно полезныя и вмѣстѣ съ тѣмъ осуществимыя въ данное время и при данныхъ условіяхъ — очевидно не такъ легко, какъ думаетъ московская газета. Въ оренбургской губерніи, гдѣ земства нѣтъ, изъ ассигнованной на общественныя работы не особенно большой суммы (60 тыс. руб.) образовался значительный остатокъ. Въ сибирскихъ губерніяхъ общественныя работы, повидимому, вовсе не производились (кромѣ предпринятыхъ по распоряженію комитета домовъ трудолюбія). Почему земства мало воспользовались ссудами за счетъ дорожнаго капитала — угадать нетрудно: во многихъ губерніяхъ взносы въ этотъ капиталъ поступаютъ не исправно, и отвѣтственность за ссуду могла бы пасть на общеземскія, и безъ того, въ большинствѣ случаевъ, крайне недостаточныя средства. Аналогичнымъ опасеніемъ, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада, былъ вызванъ и отказъ многихъ земствъ отъ ссудъ на устройство продажи хлѣба по заготовительной стоимости и на заготовку кормовъ для скота ¹⁾. Стараніе избѣжать непосильной задолженности заслуживаетъ, какъ намъ кажется, не порицанія, а одобренія. Добавочнаго труда земство, очевидно, не боялось: когда средства на покупку кормовъ для скота предоставлялись нуждающимся безъ возложенія отвѣтственности на земство, послѣднее охотно становилось посредникомъ между администраціей и населеніемъ. Въ тамбовской губерніи, какъ видно изъ приложенія къ всеподданнѣйшему докладу, всю

¹⁾ Цѣны на хлѣбъ, въ продолженіе послѣдней продовольственной кампаніи, не поднимались особенно высоко, такъ что едва ли и была надобность въ повсемѣстной организаціи продажи хлѣба по заготовительной цѣнѣ.

распорядительную дѣятельность по этой операціи приняли на себя, по предложенію губернатора, мѣстныхъ уѣздныхъ земскія управы. То же самое, судя по всеподданнѣйшему докладу, можно сказать и о саратовской губерніи. Были, впрочемъ, случаи, когда расходы на продажу хлѣба по заготовительной цѣнѣ и на покупку кормовъ для скота производились непосредственно изъ земскихъ средствъ: вятское земство, напримѣръ, издержало на этотъ предметъ свыше 450 тысячъ рублей... Подчеркивая мнимую апатію земства, московская газета замалчиваетъ все то, что свидѣтельствуетъ объ активномъ участіи земскихъ учреждений въ смягченіи послѣдствій неурожая. „Борьба съ цынгой“ — читаемъ мы въ приложеніи къ всеподданнѣйшему докладу — „энергично велась мѣстнымъ (вятскимъ) земствомъ на собственные средства и на суммы, ассигнованныя изъ мѣстнаго губернскаго продовольственнаго капитала... Борьба съ цынгой въ уѣздахъ мензелинскомъ и белебеевскомъ (уфимской губерніи) потребовала усиленныхъ расходовъ со стороны мѣстныхъ земствъ... Больничекъ земства и Краснаго Креста въ одномъ мензелинскомъ уѣздѣ было открыто шестьдесятъ“. Да и вообще, возможна ли была бы сравнительно удачная борьба съ эпидеміями, еслибы не существовало постоянной земской медицинской организаціи?... Существенно важную услугу оказало земство еще въ одномъ отношеніи: въ всеподданнѣйшемъ докладѣ прямо признано, что задача крестьянскихъ учреждений была облегчена въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они могли воспользоваться данными мѣстной сельско-хозяйственной статистики. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о земской статистикѣ. Затруднительность опредѣленія размѣровъ нужды въ Сибири докладъ объясняетъ, между прочимъ, „отсутствіемъ необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній“ — а въ сибирскихъ губерніяхъ нѣтъ земскихъ учреждений.

Въ большую заслугу администраціи реакціонная печать ставитъ „еще болѣе рѣшительное, чѣмъ прежде, обузданіе преувеличеній“ частной благотворительности. „Едва обозначалось гдѣ-либо бѣдствіе“ — восхваляютъ „Московскія Вѣдомости“, — „какъ появлялись люди злонамѣренныя, чтобы, пользуясь тяжелымъ положеніемъ народа, подвизываться подъ основы его государственнаго существованія. Въ послѣднюю кампанію этому вредному попустительству былъ положенъ рѣшительный предѣлъ... Правительство, вполнѣ справедливо, повидимому, полагало, что въ крайнемъ случаѣ лучше даже обойтись со всѣмъ безъ частной помощи, чѣмъ подъ ея покровомъ допускать внесеніе въ населеніе политической смуты“. Читая эти строки, можно подумать, что частная благотворительность во время прежнихъ неурожаяевъ была только прикрытіемъ агитаціи, не встрѣчавшей, притомъ, никакихъ серьезныхъ препятствій. Ничего подобнаго, конечно.

не было въ дѣйствительности. Что въ отдѣльныхъ случаяхъ за помощью голодающимъ скрывались намѣренія другого рода—это возможно, хотя никакихъ фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ такое предположеніе, во всеобщее свѣдѣніе сообщено не было; но исключенія, по всей вѣроятности рѣдкія, нельзя же возводить на степень общаго правила. Никогда частная помощь голодающимъ не достигала такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ 1891-мъ году—и тѣмъ не менѣе она пользовалась широкой свободой и въ 1892-мъ году, очевидно потому, что никакихъ серьезныхъ злоумышленій во время предыдущей продовольственной кампаніи обнаружено не было. Избыткомъ довѣрчивости и тогдашняя администрація не отличалась; о „попустительствѣ“ съ ея стороны не могло быть и рѣчи. Сначала она даже расположена была отрицать серьезность бѣдствія и необходимость усиленной борьбы съ его результатами; частному почину былъ открытъ достаточный просторъ лишь послѣ того какъ цѣлый рядъ фактовъ съ поразительною яркостью доказалъ его плодотворность и его безопасность. Система ограниченій была пущена въ ходъ только весной 1898-го года, при первыхъ приступахъ къ организаціи частной благотворительности, когда о направленіи, которое она приметъ, мыслимы были только догадки. То же самое, повидимому, можно сказать и о позднѣйшемъ обостреніи мѣръ предосторожности, затруднявшемъ для частныхъ лицъ и учрежденій *активную* помощь голодающимъ ¹⁾. Между тѣмъ, отсутствіе такой помощи составляетъ пробѣлъ, ничѣмъ другимъ невосполнимый. Только она можетъ раскрыть всѣ нужды населенія; только она, не довольствуясь простымъ поддержаніемъ существованія голодающихъ, можетъ хоть сколько-нибудь противоdѣйствовать „пониженію уровня хозяйственной зажиточности крестьянскаго населенія“, всегда составляющему неизбежное послѣдствіе неурожая. Припомнимъ, что именно частной инициативѣ лукояновскій уѣздъ былъ обязанъ, ранней весной 1892-го года, избавленіемъ отъ бездушной политики мѣстныхъ уѣздныхъ властей, сдѣлавшей все отъ нея зависѣвшее, чтобы въ конецъ разорить населеніе; припомнимъ, что частная инициатива создала лучшую форму помощи голодающимъ—деревенскія столовыя, открываемыя теперь и официальными учрежденіями. Не даромъ же самая свѣтлая страница въ исторіи послѣднихъ голодовыхъ отиѣчена именами гр. Л. Толстого и В. Г. Короленко. Дорога, притомъ, не одна матеріальная поддержка, оказываемая частною благотворительностью: невѣсома и неизмѣрима, но тѣмъ не менѣе громадна цѣнность той связи, которую она устанавливаетъ между раз-

¹⁾ Подъ именемъ *активной* помощи мы разумемъ организацію столовыхъ, пекарень, яслей, приютовъ и т. п. въ неурожайныхъ мѣстностяхъ

личными группами населенія. Нравственный подъемъ, которымъ ознаменовано начало пятидесятихъ годовъ, не прошелъ безслѣдно для русскаго общества. Чѣмъ безцвѣтнѣе и тусклѣе наша будничная жизнь, тѣмъ ярче выдѣляется на ея фонѣ масса безкорыстнаго, часто самоотверженнаго труда, вызваннаго борьбою съ голодомъ и эпидеміями—и тѣмъ чувствительнѣе потеря, сопряженная съ его предупреденіемъ или прекращеніемъ... Пропаганда, приурочиваемая къ народному бѣдствію, возможна, притомъ, и безъ прикрытія благотворительностью; несомнѣннымъ доказательствомъ этому служатъ недавнія событія въ полтавской и харьковской губерніяхъ. Изъ требованій охраны можетъ вытекать надзоръ надъ законными формами дѣятельности, но не стѣсненіе ихъ, равносильное запрещенію.

Весьма важную часть всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ составляютъ указанія на то, въ какомъ смыслѣ долженъ вестись дальнѣйшій пересмотръ узаконеній о народномъ продовольствіи. „Необходимо“—читаемъ мы въ докладѣ—„точно выяснитъ и опредѣлитъ положеніе и обязанности земства въ области продовольственнаго дѣла. По сложности своей этотъ вопросъ требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія и соображенія съ возложенными на крестьянскія учрежденія закономъ 12-го іюня 1900-го года полномочіями, *измѣнять коихъ не предполагается*“. Позволительно надѣяться, что предположеніе, выраженное въ этихъ словахъ, не имѣетъ силы окончательнаго рѣшенія. Проектъ общаго продовольственнаго устава, какъ видно изъ доклада, скоро будетъ подвергнутъ обсужденію „въ особомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ совѣщаніи, при участіи нѣкоторыхъ губернаторовъ и лицъ, близко стоящихъ къ продовольственному дѣлу по службѣ своей въ крестьянскихъ и земскихъ учрежденіяхъ“. При такомъ направленіи дѣла едва ли возможно предопредѣлять заранѣе одну изъ главныхъ его сторонъ, сѣуживая, такимъ образомъ, задачу и права совѣщанія. Вопросъ о томъ, кому должно быть ввѣрено веденіе продовольственнаго дѣла, подлежитъ разсмотрѣнію наравнѣ со всѣми другими уже потому, что онъ имѣетъ ближайшую связь съ нуждами сельско-хозяйственной промышленности, обсуждаемыми теперь въ уѣздныхъ и губернскихъ комитетахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы уже знаемъ, подали голосъ за возвращеніе продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земскихъ учреждений; трудно допустить, что мнѣніе ихъ останется вовсе безъ обсужденія. Въ томъ же смыслѣ могутъ высказаться и нѣкоторые изъ земскихъ членовъ будущаго совѣщанія, въ особенности если къ „служащимъ“ въ земствѣ, т.е. къ предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ, будутъ при-

соединены и земскіе гласные. Результатъ одной продовольственной кампаніи едва ли достаточенъ для того, чтобы признать за крестьянскими учрежденіями безусловное превосходство надъ земствомъ. При крайней скудости неофициальныхъ сообщеній изъ неурожайныхъ мѣстностей, едва ли возможна теперь полная картина всего достигнутаго и недостижутаго, всего сдѣланнаго и несдѣланнаго. Только по прошествіи нѣкотораго времени выяснятся окончательно послѣдствія неурожая, а слѣдовательно и степень успѣшности мѣръ, принятыхъ во время продовольственной кампаніи. Съ другой стороны, въ пользу возвращенія продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земства говоритъ одно важное соображеніе, прекрасно выставленное на видъ въ статьѣ г. В. Соголова: „По поводу предстоящихъ работъ по составленію общаго продовольственнаго устава“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“, №№ 304 и 305). „Земство“—говоритъ г. Соголовъ—„уже многое сдѣлало для народа. Оно предпринимаетъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію хозяйственной зажиточности населенія, стремится дать ему возможность предотвращать неурожай и вооружить его средствами для борьбы съ продовольственною нуждою. Эта творческая дѣятельность въ хозяйственной области навсегда останется за земствомъ. Неурожай, градобітія и вообще всяческія бѣдствія, постигающія населеніе—это лишь другая сторона жизненной медали, сторона отрицательная. Мы никакъ не можемъ уяснить себѣ, почему сторона положительная, и къ тому же самая важная, вѣрнется земству, а другая, обратная, предоставляется вѣдѣнію крестьянскихъ учреждений. Такое раздвоеніе, не оправдываемое никакими теоретическими соображеніями, въ практическомъ отношеніи неминуемо можетъ причинить вредъ. Заботясь о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, объ улучшеніи скотоводства, о распространеніи земледѣльческихъ орудій и машинъ, о травосѣяніи и т. д., земство должно имѣть увѣренность, что его труды въ этой сферѣ не пропадутъ даромъ, не будутъ уничтожены какою-нибудь несчастною случайностью. При нынѣ существующей двойственности, такой увѣренности не можетъ быть у земства... Не во-время поданная помощь, какъ нахлынувшая волна, много смоевъ все, что годами насаждало земство... Какъ нельзя медицинскую часть расчленять на двѣ совершенно самостоятельныя половины—санитарную и лечебную, распредѣливъ ихъ между двумя вѣдомствами, такъ нельзя дѣлить хозяйственную область крестьянской жизни, предоставляя заботу о ея подъемѣ земству, а заботу о продовольствіи—другимъ учрежденіямъ“. Здѣсь намѣченъ какъ нельзя лучше слабѣйшій пунктъ существующаго порядка. Если, по словамъ всеподданнѣйшаго доклада, „широкое развитие трудовой помощи недостижимо безъ живого участія земскихъ учреждений“, то не

менѣе цѣнно это живое участіе и въ другихъ видахъ продовольственной помощи, точно такъ же требующихъ близости къ населенію, знанія его нуждъ, сердечнаго отношенія къ нимъ и основательнаго знакомства со всѣми сторонами мѣстнаго хозяйства. Вполнѣ осуществимыми эти условія сдѣлаются только съ введеніемъ мелкой земской единицы; но и теперь земство удовлетворяетъ имъ въ гораздо болѣе мѣрѣ, чѣмъ крестьянскія учрежденія.

Другіе вопросы, намѣчаемые въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, касаются включенія общественныхъ работъ въ число предписываемыхъ закономъ постоянныхъ мѣръ борьбы съ продовольственной нуждой, измѣненія порядка возмѣщенія продовольственныхъ ссудъ, установленія продовольственнаго налога и образованія центральныхъ хлѣбныхъ складовъ. Что общественныя работы, въ неурожайные годы, могутъ служить значительнымъ подспорьемъ для населенія — это бесспорно; весьма важно опредѣлить точнѣе, на какія средства, по чьему распоряженію и подъ чьимъ контролемъ онѣ должны быть производимы — но едва ли возможно признать ихъ устройство безусловно обязательнымъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ — напр. при раннемъ наступленіи и позднемъ окончаніи зимы, при эпидеміяхъ, ослабляющихъ трудоспособность и не допускающихъ скопленія въ одномъ мѣстѣ многочисленныхъ пришлыхъ рабочихъ, при эпизоотіяхъ, быстро уменьшающихъ количество лошадей, — общественныя работы, въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ, могутъ оказаться совершенно неосуществимыми; видѣть въ нихъ *замѣну* другихъ формъ продовольственной помощи было бы неосторожно. — Измѣненіе порядка возмѣщенія продовольственныхъ ссудъ мотивируется желаніемъ съ одной стороны устранить благотворительный характеръ помощи, получаемый въ тѣхъ случаяхъ, когда ссуда не взыскивается, съ другой — не отягчать быстрымъ взысканіемъ ослабѣвшія отъ неурожая хозяйства. Проектируется, слѣдовательно, назначеніе болѣе продолжительныхъ сроковъ для возвращенія ссудъ. На практикѣ, въ большинствѣ случаевъ, отсрочки и разсрочки и до сихъ поръ допускались весьма широко; тѣмъ не менѣе значительная часть продовольственнаго долга, не сложенная со счетовъ въ силу милостивыхъ манифестовъ, все-таки оставалась и остается неуплаченною. Крестьянскія хозяйства, пострадавшія отъ неурожая, поправляются такъ медленно, неурожая повторяются такъ часто, общая сумма народнаго богатства такъ невелика, что ничего другого нельзя и ожидать, какіе бы ни были установлены сроки возврата ссудъ. Единственнымъ исходомъ изъ ненормальнаго положенія мы продолжаемъ считать, поэтому, систему безвозвратныхъ пособій, производимыхъ отчасти изъ страховыхъ сборовъ, отчасти изъ общегосударственныхъ средствъ ¹⁾. Будетъ ли этотъ послѣдній рас-

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ предъидущей книгѣ нашего журнала.

ходъ обращенъ на существующіе уже источники государственныхъ доходовъ, будетъ ли созданъ, для его покрытія, спеціальныи налогъ— во всякомъ случаѣ, онъ не долженъ упасть всецѣло на крестьянъ, безъ того уже несущихъ тяжелое податное бремя. Повторяемъ еще разъ, поддержаніе голодающихъ—задача государственнаго характера; въ успѣшномъ ея исполненіи заинтересовано не одно только земледѣльческое населеніе. Продовольственный налогъ, если онъ будетъ установленъ, долженъ быть налогомъ всесловнымъ. Съ точки зрѣнія удобства цѣлесообразнѣе было бы, однако, не прибѣгать къ новому налогу, который усложнилъ бы еще больше и безъ того уже сложную податную систему.— Что касается, наконецъ, до устройства центральныхъ хлѣбныхъ складовъ, то оно несомнѣнно можетъ облегчить и ускорить доставку хлѣба, въ неурожайные годы, въ мѣстности, отдаленныя отъ главныхъ желѣзнодорожныхъ линій и отъ средоточій хлѣбной торговли. Рядомъ съ такими складами могли бы существовать и сельскіе магазины, въ особенности тамъ, гдѣ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Соколовъ, они служатъ не столько для продовольствія во время голодовокъ, сколько для обмѣненія полей въ нормальные годы.

Два мѣсяца тому назадъ мы выразили надежду, что вниманіе, съ которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ отнесся къ работамъ курскаго земства по вопросу о мелкой земской единицѣ, устранить препятствія, встрѣчаемыя нѣкоторыми земствами при обсужденіи этого вопроса. Эта надежда не оправдалась: образъ дѣйствій администраціи въ разныхъ губерніяхъ по прежнему остается различнымъ. Въ ярославской губерніи, напримѣръ, вопросъ о мелкой земской единицѣ свободно обсуждался въ губернскомъ экономическомъ совѣтѣ и въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ—а въ пермской губерніи постановленія уѣздныхъ собраній по этому предмету опротестованы губернаторомъ; опротестовано также аналогичное постановленіе нижегородскаго уѣзднаго земскаго собранія, и принятый собраніемъ докладъ уѣздной управы не допущенъ губернаторомъ къ печати. Что земство, высказываясь за устройство мелкой земской единицы, не выходитъ изъ предѣловъ, въ которые оно поставлено закономъ—это мы старались показать неоднократно ¹⁾. Столь же несомнѣнна, въ нашихъ глазахъ, и *своевременность* постановки этого вопроса въ земскихъ собраніяхъ. О мелкой земской единицѣ спорятъ въ газетахъ и на сѣздахъ, говорятъ въ уѣздныхъ комитетахъ, думаютъ, повидимому, въ правительственныхъ сферахъ; какимъ же образомъ можетъ молчать о ней земство, къ ко-

¹⁾ См., напр., Внутр. Обзорѣніе въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1902 г.

тому она подходит такъ близко, котораго касается такъ прямо?.. За отсутствіемъ юридическихъ доводовъ, реакціонная печать пускаетъ въ ходъ привычныя ей намеки: она даетъ понять, что вся кампанія за мелкую единицу ведется вслѣдствіе какого-то тайнаго соглашенія, въ силу каковаго-то—*mot d'ordre*. Что ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ—лучшимъ доказательствомъ тому служить разнообразіе мнѣній, высказываемыхъ земскими собраніями. Въ ярославской губерніи, на примѣръ, губернской экономической совѣтъ примкнулъ къ сторонникамъ мелкой земской единицы, но изъ числа пяти уѣздныхъ земскихъ собраний, мнѣнія которыхъ приведены ярославскимъ корреспондентомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 311), за нее рѣшительно высказались два, столь же рѣшительно противъ нея—тоже два, а одно не пошло дальше пожеланія, чтобы продолжалось изученіе вопроса губернскимъ земствомъ. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, нѣтъ причины стѣснять свободу дѣйствій земства. Еще не упущено время для осуществленія ея по отношенію къ губернскимъ земскимъ собраніямъ, сессія которыхъ предстоитъ въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Различные взгляды на мелкую земскую единицу—различные въ особенности относительно ея своевременности или несвоевременности—высказываются и въ уѣздныхъ комитетахъ. Въ кременчугскомъ комитетѣ, на примѣръ, вопросъ о мелкой земской единицѣ остался открытымъ, вѣроятно подъ влияніемъ рѣчей председателя комитета, утверждавшаго ¹⁾, что „нѣсколько лѣтъ тому назадъ *еще* земства стояли за введеніе мелкой земской единицы, но съ прошлаго года перешли къ противоположной точкѣ зрѣнія“ (!). Ни въ какому рѣшительному заключенію не пришелъ и костромской уѣздный комитетъ. Въ малоархангельскомъ уѣздномъ комитетѣ большинство высказалось противъ всесословной волости, наводя, что крупные землевладѣльцы будутъ въ ней подавлены представителями крестьянства. Къ присутствовавшему въ комитетѣ волостному старшинѣ одинъ изъ помѣщиковъ обратился съ вопросомъ, желательна ли крестьянамъ всесословная волость? Не желательна—отвѣчалъ старшина. „Больше ничего не надо“—радостно воскликнулъ вопрошавшій ²⁾, упуская изъ виду, что мнѣніе волостныхъ старшинъ далеко не всегда совпадаетъ съ мнѣніемъ крестьянской массы; многіе изъ нихъ прямо заинтересованы въ сохраненіи дѣйствующихъ порядковъ, при которыхъ лицу, облеченному властью, такъ легко составить себѣ удобное и привилегированное положеніе. Само собою разумѣется, однако, что между волостными старшинами есть и такіе, которые способны смотрѣть на дѣло

¹⁾ См. № 291 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

²⁾ См. № 9583 „Новаго Времени“.

не съ точки зрѣнія своихъ личныхъ выгодъ. Въ рускомъ уѣздномъ комитетѣ, напримѣръ, волостной старшина Федотовъ прямо предложилъ „учредить всесословныя волости или приходы для помощи земству, такъ какъ одно земство за всѣмъ уѣздомъ слѣдить не можетъ“¹⁾. Къ тому же выводу приходитъ, другимъ путемъ, волостной старшина Константиновъ, высказываясь за привлеченіе всѣхъ сословій къ участию въ расходахъ на содержаніе волостного управленія и къ отбыванію мірскихъ повинностей, съ превращеніемъ ихъ изъ натуральныхъ въ денежныя. За мелкую земскую единицу подали голосъ, между прочимъ, уѣздные комитеты таганрогскій, нижегородскій, воронежскій, самарскій, белебеевскій, тираспольскій, бѣльскій (смоленской губ.). Въ ея активѣ слѣдуетъ внести и тѣ многочисленныя мнѣнія уѣздныхъ комитетовъ, которыя направлены къ уравниенію крестьянъ съ другими сословіями. Еслибы такое уравниеніе состоялось, естественнымъ послѣдствіемъ его было бы упраздненіе специально крестьянской волости, на мѣсто которой неизбѣжно должна была бы стать другая самоуправляющаяся единица.

Въ дѣятельности уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ, судя по свѣдѣніямъ, проникающимъ въ печать, продолжаютъ преобладать теченія, отмѣченныя нами въ предъидущихъ обзорѣніяхъ. За широкое распространеніе народнаго образованія высказываются не только многіе комитеты въ внутреннихъ, земскихъ губерніяхъ—напр. белебеевскій, обоянскій, макарьевскій (нижегородской губерніи), костромской, самарскій, елецкій, воронежскій,—но и терскій областной комитетъ, составленный, повидимому, исключительно изъ лицъ должностныхъ. Выслушавъ доклады секретаря статистическаго комитета и чиновника особыхъ порученій при м—вѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, терскій комитетъ призналъ необходимымъ введеніе въ области обязательнаго всеобщаго обученія. Столь же знаменательно и то, что многіе комитеты въ не-земскихъ губерніяхъ—напр. кievскій, липовецкій, звенигородскій, сквирскій, таращанскій, староконстантиновскій, новоградъ-волинскій²⁾, луцкій, гродненскій—подали голосъ за введеніе въ западномъ краѣ земскихъ учреждений, на общихъ съ земскими губерніями основаніяхъ. Въ гродненскомъ уѣзд-

¹⁾ Тотъ же волостной старшина доказываетъ, въ особой запискѣ, необходимость „сдѣлать для всѣхъ судъ одинъ“, съ примѣненіемъ къ крестьянамъ общихъ гражданскихъ законовъ, отмѣнить тѣлесное наказаніе и увеличить число гласныхъ отъ крестьянъ.

²⁾ Въ составъ этого комитета входили три мировыхъ посредника, податной инспекторъ, помощникъ исправника, гласной ревизоръ, семь помѣщиковъ и два крестьянина.

номъ комитетѣ указано было на необходимость измѣненія правового положенія крестьянъ и сравненія ихъ въ гражданскихъ правахъ съ лицами другихъ сословій, а также на необходимость подъема народнаго образованія, способнаго дать народу не только одну грамоту, но и развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ, и комитетъ призналъ эти указанія „въ высокой степени важными“. Вопросъ о юридической равноправности крестьянъ съ другими сословіями поднять и разрѣшенъ утвердительно и въ одномъ изъ сибирскихъ комитетовъ—нижнеудинскомъ (иркутской губерніи), въ средѣ котораго было выражено мнѣніе, что въ Сибири правовое положеніе крестьянина еще хуже, чѣмъ въ европейской Россіи. Въ земскихъ губерніяхъ число комитетовъ, выдвигающихъ на первый планъ юридическую равноправность сословій и расширеніе общественной самодѣятельности, постоянно растетъ; къ названнымъ нами прежде присоединились комитеты воронежскій, костромской, рязанскій, белебеевскій, макарьевскій, елецкій, вольскій. Съ какою горячностью обсуждается эта тема—можно судить по отрывкамъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ костромскомъ уѣздномъ комитетѣ ¹⁾. „Обладай земство расширенными правами и увеличенными средствами“ — сказалъ В. С. Соколовъ,—„мы бы помогли невѣжеству и крестьянской слабости. А теперь попробуйте-ка почитать вечеромъ въ той же школѣ мужичкамъ что-нибудь назидательное. Сейчасъ же вопросъ: а по какому праву? И пока мы будемъ тщетно искать этого права въ городѣ у начальства, мужикъ, чтобы убить время (чѣмъ же ему въ самомъ дѣлѣ заняться?), пойдетъ въ кабакъ. Да и у насъ съ вами дѣло обстоитъ не лучше въ этомъ отношеніи. Пока мы поѣдемъ въ Москву, чтобы испросить ходатайство прочесть что-нибудь по печатному, половина будущихъ слушателей пойдетъ въ клубъ и засядетъ тамъ въ карты или навѣститъ какой-нибудь кафе-шантанъ. Надо самимъ подняться, самимъ сдѣлаться культурнѣе и стараться культурнѣе сдѣлать другихъ. Необходимо самимъ подняться и поднять земство! На одномъ вагонѣ всѣхъ нашихъ нуждъ не увезешь!“ Ю. А. Спасскій замѣтилъ, что „однимъ образованіемъ мучительный процессъ, переживаемый русской деревней, не облегчится; главную роль играетъ здѣсь ненормальность социальныхъ условій, въ которыхъ тяжело жить темному мужику, а еще тяжелѣе будетъ мужику образованному. Намъ говорятъ: сдѣлайте мужика культурнѣе; и эти печальныя условія падутъ сами собою. Но вѣдь это значитъ обѣщать больному лекарство послѣ того, какъ онъ выздоровѣетъ. Говорятъ—рано давать мужику самостоятельность, онъ съ ней не справится; мы не созрѣли, мы не поднялись до возмож-

¹⁾ Болѣе подробное изложеніе ихъ см. въ № 9585 „Новаго Времени“.

ности регулировать жизнь собственными своими силами! Но историческое прошлое нашей родины говорить иное. Вѣдь точно такія же рѣчи о неимѣннй привычки, о трудности приспособленія къ новымъ условіямъ мы слышали и при введеніи земскихъ учрежденій. А между тѣмъ результаты реформы, которой черезчуръ благоразумные люди слѣпо боялись, оказались блестящими. Населеніе, бывшее сначала подъ татарскимъ игомъ, а потомъ подъ игомъ разнообразныхъ правопорядковъ, не остановилось въ недоумѣннй передъ освободительной реформой и сразу обнаружило огромную приспособляемость. Все хорошее въ русской жизни, на чемъ можно отдохнуть, дала эпоха великихъ реформъ, дали 60-е годы! Извѣстный строй жизни всегда самъ за себя лостоитъ; подготовленность здѣсь играетъ незначительную роль. И вотъ поэтому-то, я думаю, странно говорить о культурности, отнимая у населенія орудіе, которымъ оно можетъ успѣшно бороться съ невѣжествомъ. Начало просвѣщенія народа лежитъ въ устраненіи социальныхъ золъ, подтачивающихъ современную деревню, и въ предоставленіи земству правъ и возможности взять на себя это многотрудное дѣло". А вотъ, въ видѣ контраста, отрывокъ изъ сказаннаго (въ рязанскомъ уѣздномъ комитетѣ) представителемъ противоположнаго направленія, земскимъ начальникомъ Тютчевымъ ¹⁾. „Нашъ крестьянинъ—развитой и умный. Если онъ увидитъ, что сосѣдъ завелъ какое-нибудь усовершенствованіе, приносящее пользу, то и самъ заведетъ, если у него будутъ средства. Безъ средствъ не поможетъ никакая культурность. Чтобы улучшить сельскохозяйственную промышленность, не нужно заботиться объ особомъ поднятнй культурности; не нужно крестьянамъ быть свободными гражданами. Дайте въ рязанскомъ уѣздѣ побольше земли—и крестьяне заведутъ хорошихъ лошадей, купятъ плуги и всякія машины, поднимутъ культуру. Крестьянинъ безсиленъ потому, что имѣетъ только 2¹/₂ десятины надѣла. Стало быть, экономическія условія важнѣе культуры". Что экономическія условія въ высокой степени важны—это бесспорно; но развѣ улучшенію ихъ не способствуетъ культурность? Никто не утверждаетъ, что *все* сводится къ улучшенію правового положенія крестьянъ; но какимъ образомъ можно отрицать тѣснѣйшую связь его съ матеріальнымъ благосостояніемъ—это для насъ загадка. Непонятно и то, почему развитымъ и умнымъ людямъ, какими г. Тютчевъ признаетъ крестьянъ, „не нужно“ быть свободными гражданами... Въ аккерманскомъ уѣздномъ комитетѣ выслушанъ былъ докладъ инспектора народныхъ училищъ, Д. Д. Сухорукова, о необходимости отмѣны тѣлесныхъ наказаній для крестьянскаго населенія по приговорамъ волостныхъ судовъ и усмотрѣ-

¹⁾ См. № 257 „Русскихъ Вѣдомостей“.

нію административныхъ властей. Земскій начальникъ Штанге возразилъ докладчику, что возбужденіе этого вопроса не имѣетъ, для аккерманскаго уѣзда, практическаго значенія, такъ какъ съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ тѣлесныя наказанія здѣсь болѣе не примѣняются. Другое возраженіе г. Штанге, болѣе общаго характера, заключалось въ томъ, что административныя власти не имѣютъ права подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что послѣднее обстоятельство было очень хорошо извѣстно г. Сухорукову; но вѣдь уѣзднымъ комитетамъ не возбранено касаться фактовъ, не основанныхъ на правѣ. Что касается до практики, введенной аккерманскими земскими начальниками, то она держится на волоскѣ, пока остается въ силѣ законъ, уполномочивающій волостные суды приговаривать къ тѣлесному наказанію, а земскихъ начальниковъ—допускать исполненіе подобныхъ приговоровъ.

Среди массы серьезныхъ вопросовъ, затронутыхъ комитетами, есть и финансовыя (комитеты самарскій и воронежскій высказались, на примѣръ, за введеніе подоходнаго налога; елецкій комитетъ—противъ крайностей протекціонизма; мензелинскій комитетъ указалъ на тяжесть выкупныхъ платежей), и общеземскіе (комитеты елецкій и тираспольскій представили рядъ соображеній противъ фиксаціи земскихъ смѣтъ; макаръевскій комитетъ подалъ голосъ за пересмотръ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, рускій—за возвращеніе къ безсловному земству), и экономическіе (во многихъ комитетахъ заходила рѣчь о малоземельѣ, какъ объ одномъ изъ препятствій къ развитію народнаго благосостоянія; высказывались разнообразныя мнѣнія объ общинномъ владѣніи), и юридическіе (рускій комитетъ обратилъ вниманіе на безправное положеніе крестьянской женщины, причемъ одинъ изъ крестьянъ выразился такъ: отъ тѣлеснаго наказанія женщина избавлена, а отъ дурава-гулака—нѣтъ). Встрѣчались предложенія, направленные къ обостренію каръ за нарушеніе правъ собственности, за неисполненіе договоровъ—но, въ большинствѣ случаевъ, они не находили поддержки. Въ рускомъ комитетѣ, на примѣръ, указаніе на необходимость бѣльшаго обезпеченія сельскихъ хозяевъ противъ нарушенія условій найма со стороны рабочихъ вызвало возраженіе даже со стороны одного изъ земскихъ начальниковъ. „Установленіе для рабочихъ различныхъ стѣсненій“—замѣтилъ, по этому поводу, крестьянинъ Федотовъ, — „это возвращеніе къ крѣпостному праву. Какъ заставить человѣка работать? У насъ есть контракты—судись. А владѣть человѣкомъ—нельзя. Если рабочій уходитъ, то самъ хозяинъ виноватъ“. Въ томъ же комитетѣ другой крестьянинъ (Моченовъ) предлагалъ „для сокращенія порубокъ налагать строгія наказанія“, да и вообще „повысить наказанія за всѣ проступки“; но въ концѣ

концовъ комитетъ единогласно призналъ, что борьба съ преступностью должна быть ведена не усиленіемъ каръ, а путемъ поднятія благосостоянія и культурности населенія. Такое же противодѣйствіе мысль объ усиленіи репрессіи вызвала и въ комитетахъ черкасскомъ (донской области) и елецкомъ; въ послѣднемъ она была заявлена крестьяниномъ, но крестьяне противъ нея и возстали. Знаменитый чернский комитетъ остается, кажется, единственнымъ въ своемъ родѣ; по крайней мѣрѣ, намъ не случалось видѣть въ реакціонной печати похвальныхъ отзывовъ о какомъ-нибудь другомъ комитетѣ.

Какъ ни драгоцененъ матеріалъ, представляемый заключеніями комитетовъ, онъ могъ бы быть еще богаче, еслибы всѣ предсѣдатели комитетовъ одинаково широко воспользовались своимъ правомъ приглашенія и призвали къ участію въ комитетахъ по меньшей мѣрѣ всѣхъ уѣздныхъ гласныхъ. На самомъ дѣлѣ нѣкоторые предсѣдатели не пошли дальше состава, прямо указаннаго особымъ совѣщаніемъ, или присоединили къ нему весьма немногихъ изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно въ такихъ комитетахъ работа шла съ наименьшимъ оживленіемъ и дала всего меньше крупныхъ результатовъ. Немногаго достигли комитеты особенно въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстностяхъ, въ родѣ сибирскихъ. Вотъ, на примѣръ, что пишутъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ (№ 312) изъ Барнаула: „наши комитеты имѣютъ по сравненію съ русскими ту особенность, что въ нихъ совершенно лишены участія почти единственный землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ въ Сибири—крестьянинъ. Въ комитетахъ засѣдаютъ исключительно чиновники различныхъ вѣдомствъ. Гласность въ засѣданіяхъ большинства какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ комитетовъ отсутствуетъ; ни публики, ни корреспонденты туда не допускаются; этой доли общественности комитеты не лишались въ метрополиі даже самыми ретроградными предсѣдателями¹⁾. Комитеты рѣдко и плохо собираются, а иные даже совсѣмъ не собираются; матеріаловъ они имѣютъ весьма скудное число; это указываетъ на отсутствіе общественнаго интереса къ нимъ. Въ уѣздныхъ комитетахъ предсѣдательствуетъ предсѣдатель сѣзда крестьянскихъ начальниковъ, т.-е. одинъ изъ крестьянскихъ начальниковъ, и онъ по своему усмотрѣнію набираетъ весь составъ комитета; это обстоятельство дѣлаетъ составъ уѣздныхъ комитетовъ окончательно случайнымъ. Да, наконецъ, и су-

¹⁾ Корреспондентъ ошибается: случаи устраненія гласности бывали и въ европейской Россіи—напр. въ николаевскомъ (самарской губерніи) уѣздомъ комитетѣ, откуда, вслѣдствіе этого, удалились нѣкоторые члены, въ томъ числѣ представитель казны, управляющій имѣніемъ челоѣколюбиваго общества и два предсѣдателя сел.-хв. обществъ („С.-Петерб. Вѣд.“, № 302).

пеществованіе уѣздныхъ комитетовъ здѣсь тоже случайность: открыть или не открыть въ известномъ городѣ уѣздный комитетъ зависитъ отъ мѣстнаго губернатора. Поэтому, напримѣръ, въ тобольской губерніи вмѣсто уѣздныхъ комитетовъ, имѣющихъ самостоятельное значеніе, учреждены уѣздныя предварительныя совѣщанія, работы которыхъ служатъ только матеріаломъ для губернскаго комитета. Въ другихъ губерніяхъ, большею частью, уѣздные комитеты учреждены не во всѣхъ уѣздныхъ городахъ: не изъ кого ихъ составить... Пока еще не поздно, слѣдовало бы устранить для сибирскихъ комитетовъ всѣ эти ненормальности, если только мы дѣйствительно хотимъ узнать нужды нашей далекой и обширной окраины, которой грозитъ въ недалекомъ будущемъ то же страшное оскудѣніе, которое такъ гнететъ сердце Россіи: припомнимъ только послѣднюю двухлѣтнюю голодовку, охватившую значительную часть Западной Сибири, и сосчитаемъ тѣ усиленные расходы, которые понесла казна за эти два года на нашу окраину!.. Въ виду разнохарактернаго, часто случайнаго состава комитетовъ, серьезнаго вниманія заслуживаютъ двѣ мѣры, намѣченныя комитетами: кременчугскимъ—предварительное разсмотрѣніе на мѣстахъ (съ точки зрѣнія ихъ осуществимости) предложеній, на которыхъ остановится совѣщаніе; русскимъ—образованіе при совѣщаніи особой комиссіи для пересмотра земскихъ ходатайствъ, имѣющихъ отношеніе къ сельско-хозяйственной промышленности и еще не разрѣшенныхъ. Послѣдняя мѣра предлагается лишь условно, на тотъ случай, если земскія собранія не будутъ опрошены особымъ совѣщаніемъ. Нужно надѣяться, что это условіе не наступитъ. Губернскія земскія собранія важно было бы выслушать уже потому, что они лучше губернскихъ комитетовъ, съ ихъ преимущественно административнымъ составомъ, могли бы обобщить массу мнѣній, высказанныхъ уѣздными комитетами. По отношенію къ самимъ губернскимъ собраніямъ ту же работу могли бы выполнить ихъ уполномоченные, призванные для того въ особое совѣщаніе.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ виду неоднократныхъ земскихъ ходатайствъ, нашло необходимымъ приступить къ общему пересмотру нормъ, опредѣляющихъ право участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Успѣшное осуществленіе такой работы возможно лишь при наличности матеріаловъ, дающихъ полное понятіе о положеніи уѣзда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, и точныхъ цифровыхъ данныхъ, которыя могли бы быть приняты за основаніе новыхъ цензовыхъ нормъ. Исходя изъ этой мысли, министерство предложило земскимъ учрежденіямъ подвергнуть тщательному обсужденію вопросъ, насколько существующій размѣръ ценза какъ для землевладѣльцевъ,

такъ и для владѣльцевъ другихъ недвижимыхъ имуществъ, соотвѣтствуетъ современному положенію вещей. Привѣтствуя приступъ къ реформѣ, настоятельность которой давно уже стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, мы думаемъ, что необходимымъ дополненіемъ долженъ служить пересмотръ постановленій, относящихся къ избранію гласныхъ отъ крестьянъ и составляющихъ самый слабый пунктъ нынѣшней избирательной системы.

Postscriptum. — Наше обозрѣніе было уже окончено, когда мы прочли, въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“ (№ 313) интересную статью г. Л. Дашкевича: „Продовольственное дѣло въ тамбовской губерніи“. Общій ея выводъ заключается въ томъ, что новый порядокъ не подвинулъ впередъ продовольственное дѣло. Такъ какъ продовольственная нужда могла наступить въ тамбовской губерніи не раньше весны, — нѣкоторые земскіе начальники не спѣшили доставлять губернатору данныя о ея размѣрѣ. Тогда губернаторъ, котораго торопили Петербургъ, распорядился въ одинъ и тотъ же день (6-ое декабря) собрать во всей губерніи сельскіе сходки, которые сами, взаимно недоставленныхъ по формамъ свидѣній, должны были сказать, сколько имъ потребуется въ будущемъ продовольственной помощи отъ правительства. Такая мѣра вызвала во многихъ мѣстахъ неумѣренные требованія и подала крестьянамъ несбыточныя надежды. Осенью же было приступлено къ закупкѣ хлѣба. Тамбовская губернія — по преимуществу ржаная губернія. По количеству производства ржи она стоитъ во главѣ всѣхъ другихъ губерній; въ прошломъ году, особенно изъ ея южныхъ уѣздовъ, было вывезено много миллионовъ пудовъ этого хлѣба. Тѣмъ не менѣе, и для этихъ уѣздовъ было рѣшено въ Петербургѣ покупать рожь извнѣ. А такъ какъ и по качеству тамбовская рожь выше ржи всѣхъ другихъ губерній, то свой хорошій хлѣбъ сталъ вывозиться въ другія губерніи и замѣняться худшимъ изъ другихъ губерній. Такъ напримѣръ, послѣ того, какъ въ ноябрѣ въ кирсановскій уѣздъ было рѣшено ввезти извнѣ, черезъ уполномоченнаго отъ министерства финансовъ, 70 тысячъ пудовъ ржи, въ тотъ же уѣздъ въ декабрѣ пріѣхалъ уполномоченный того же министерства, закупилъ и вывезъ оттуда въ пермскую губернію по льготному тарифу около 60 тысячъ пудовъ ржи. Въ февралѣ губернаторъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать объ отиѣнѣ такого порядка, что ему и удалось: для южныхъ уѣздовъ была закуплена только мѣстная рожь. Что касается продовольственныхъ требованій, то разница между ними по отдѣльнымъ земскимъ участкамъ объяснялась не столько дѣйствительной нуждой, сколько разницею въ личныхъ взглядахъ отдѣльнаго земскаго начальника. Иногда мало нуждающійся участокъ требовалъ болѣе сильно нуждаю-

шагося, рядомъ съ нимъ лежащаго. Объединять эту разницу во взглядахъ многіе уѣздные сѣзды и не пытались. Сколько земскій начальникъ требовалъ, столько онъ и получалъ. Когда было приступлено къ составленію списковъ нуждающихся, большинствомъ земскихъ начальниковъ это было предоставлено всецѣло волостному и сельскому начальству; личная провѣрка дѣлалась въ рѣдкихъ случаяхъ. Хлѣбъ раздавался болѣею частью по спискамъ, составленнымъ сельскими писарями. Каждому земскому начальнику былъ данъ опредѣленный хлѣбный бюджетъ; выдача въ болѣе или меньшемъ количествѣ ставилась земскимъ начальникамъ въ вину. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказалось, что заранѣе составленные бюджеты не имѣютъ никакого значенія. Во многихъ участкахъ они оказались слишкомъ недостаточными, и весной открылась нужда, которая не могла быть удовлетворена; въ другихъ остались излишки. Въ годъ средняго урожая, который прежде проходилъ, обыкновенно, безъ особыхъ заботъ о продовольствіи, губернская власть должна была посвятить все время этому вопросу. Изъ губерніи постоянно шли распоряженія, предписанія, запросы, болѣею частью по телеграфу, на имя исправниковъ, которые разсылали ихъ земскимъ начальникамъ съ особенными нарочными отъ земства. Эти нарочные такъ и сновали изъ города въ уѣздъ. О движеніяхъ хлѣбныхъ запасовъ требовались, а теперь требуются, чрезмѣрные по своимъ подробностямъ вѣдомости, составленіе которыхъ перешло въ волостныя канцеляріи. Управлять изъ губернскаго города, а тѣмъ болѣе изъ Петербурга, живымъ дѣломъ и регулировать издали подробности этого развѣтвленнаго дѣла оказалось труднымъ. Посланныя бумаги часто не сходились съ дѣйствительностью... Насколько такая картина, основанная на личныхъ наблюденіяхъ, подтверждаетъ взглядъ на продовольственную реформу, выраженный нами выше—это не требуетъ поясненій.

НА ПЕРВЫХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РАБОТАХЪ

По личнымъ наблюденіямъ.

Объ общественныхъ работахъ, предпринятыхъ въ помощь пострадавшимъ отъ голода въ 1891—92 годахъ, подъ управленіемъ и руководствомъ покойнаго генерала Н. М. Анненкова, составилось предствленіе, какъ о работахъ мало производительныхъ, не достигшихъ результатовъ; что суммы, употребленныя и затраченныя на работы, явились брошенными деньгами; что отъ работъ не осталось никакихъ слѣдовъ и т. д.

Такия отрицательныя заключенія объ этихъ работахъ сошались не безъ поспѣшности, страдаютъ односторонностью и далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

По крайней мѣрѣ, это такъ по отношенію работъ по обводненію и возведенію плотинъ, прудовъ и другихъ водозадерживающихъ сооружений въ тамбовскомъ и усманскомъ уѣздахъ тамбовской губерніи, въ бассейнѣ р. Битюга, т.-е. того отдѣла общественныхъ работъ, который признавался наиболѣе важнымъ и имѣющимъ огромное экономическое значеніе.

Говоря такъ, въ данномъ случаѣ, мы отнюдь не опираемся исключительно только на собственныя наблюденія. На этотъ вопросъ весьма краснорѣчиво отвѣчаютъ добытые факты и научныя изслѣдованія, произведенныя лѣтомъ 1900 года, подъ руководствомъ А. А. Фока, завѣдующаго геодезической частью экспедиціи по изслѣдованію источниковъ рѣкъ; всѣ эти факты и изслѣдованія опубликованы въ отчетѣ экспедиціи ¹⁾. Всѣ сооруженія генерала Анненкова, произведенныя во время общественныхъ работъ, были осмотрѣны, обмѣрены и всесторонне обслѣдованы экспедиціей, причемъ по каждому пруду, путемъ опроса мѣстныхъ жителей, восстанавливалась исторія его жизни, выяснялась степень необходимости пруда для ближайшаго населенія, отмѣчались мѣры ухода, примѣняемыя къ пруду, выяснялись причины размыва, если плотины пострадали, и даже опредѣлялась примѣрная стоимость ремонта пострадавшаго сооруженія. Въ результатѣ изслѣдованія начальникомъ геодези-

¹⁾ Фактическія свѣдѣнія объ изслѣдованіи А. А. Фока цитируются по „Русскимъ Вѣдомостямъ“, № 15—1902 г.

ческаго отдѣла экспедиціи сгруппированы всѣ осматрѣнные пруды въ слѣдующія четыре категоріи: 1) пруды съ плотинами непромытыми, дѣйствующими исправно—37 сооруженій, или 40⁰/о; 2) пруды съ плотинами промытыми, но исправляемыми ежегодно кое-какъ,—такихъ прудовъ съ пониженнымъ горизонтомъ воды—24 сооруженія, или 26⁰/о; 3) пруды съ плотинами промытыми и оставленными безъ исправленія—27 сооруженій, или 29⁰/о; и 4) пруды непромытые, но не наполняющіеся водой—5 сооруженій, или 5⁰/о.

Такимъ образомъ, изъ полученныхъ экспедиціей данныхъ видно, что изъ 93 осматрѣнныхъ сооруженій *только 29⁰/о* промыты и оставлены безъ исправленія.

Такіе результаты превосходятъ, можно сказать, даже тѣ ожиданія, которыя можно было бы высказывать въ данномъ случаѣ.

Въ моментъ изслѣдованія прошло со времени общественныхъ работъ почти 10 лѣтъ, и что же мы видимъ? 71⁰/о сооруженныхъ плотинъ являются до сихъ поръ способными дѣйствовать и приносить пользу населенію (въ 5 плотинахъ, не наполняющихся водой, могутъ быть вызваны источники, почему эти плотины необходимо отнести къ неутратившимъ утилитарнаго значенія).

Вспомнимъ, при какихъ условіяхъ организовались и происходили общественныя работы 1892 года. Прежде всего, основная ихъ цѣль—скорая, лихорадочная помощь истощенному и голодавшему населенію. Нужно было дать *какъ можно скорѣе и вѣсь* голодающимъ заработокъ. Въ данномъ случаѣ, *о послѣдствіяхъ* работъ и сооруженій, строго говоря, почти не думалось. Минуты были тяжелыя. Нужно было думать только и исключительно о работѣ, о хлѣбѣ для населенія. Это былъ первый опытъ, наскоро предпринятый, общественныхъ работъ. Думать особенно не приходилось. Въ силу уже одного этого обстоятельства, безпристрастіе требуетъ признанія возможности и ошибокъ, и промаховъ, и не тѣхъ послѣдствій, которыя можно было бы ожидать отъ общественныхъ работъ въ томъ случаѣ, если бы онѣ были предприняты и ведены спокойно, обдуманно, не съ той лихорадочностью, которая требовалась въ 1892 году. Ничего не было заготовлено, все нужно было организовать вновь. Пришлось наскоро составить контингентъ техниковъ и производителей работъ. Вознагражденіе ихъ колебалось отъ 75 руб. до 150 рублей,—для техниковъ, привыкшихъ обычно къ крупнымъ кушамъ, оно не Богъ знаетъ какое. Почему ѣхали техники на работы не особенно-то охотно и скоро. Прибавьте сюда холеру, свирѣпствовавшую въ то время въ районѣ общественныхъ работъ. Перспектива зараженія удерживала многихъ отъ поѣздки на мѣсто работъ, а нѣкоторые, пріѣхавшіе туда, убоялись и бѣжали обратно. Не были заготовлены матеріалы и ору-

дія производства работъ. Требовался громадный, многотысячный транспортъ желѣзныхъ лопатъ. Высылка ихъ постоянно задерживалась и подолгу, такъ какъ не только на ближайшихъ рынкахъ, въ Липецкѣ, Мордовѣ и др., лопатъ не находилось, но и съ отдаленныхъ рынковъ онѣ скоро не могли быть получены.

Все вышесказанное привело къ тому, что общественныя работы замедлились, затянулись до осени, и къ зимѣ оказались недоконченными нѣкоторыя изъ сооружений, хотя очень немногочисленныя. Такъ что весенняя полоя вода въ этихъ недоконченныхъ плотинахъ нашла свою первую и вѣрную жертву. Нѣтъ сомнѣнія, что такія недоконченныя плотины находятся въ числѣ 29% промытыхъ и недѣйствующихъ плотинъ.

Далѣе. Отношеніе крестьянъ къ общественнымъ работамъ, къ ихъ руководителямъ, какъ видно будетъ изъ моихъ дальнѣйшихъ воспоминаній, было *безусловно отрицательное*, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ,—оно покоилось на невѣжествѣ и безпросвѣтной тьмѣ нашего народа. Населеніе относилось недоувѣрчиво и къ нахваставшимъ техникамъ, и къ работамъ, и къ прудамъ. И съ этой недоувѣрчивостью осталось зимовать около сооруженныхъ прудовъ, которыхъ *боялось* (sic!).

При такихъ условіяхъ, глубокой ошибкой была надежда на то, что весной населеніе употребитъ всѣ усилія и заботы къ огражденію сооруженныхъ плотинъ отъ дѣйствія полоя воды, будетъ бороться съ ней и устроить правильный надзоръ за ними и надлежащій уходъ. Къ тому же населеніе тѣхъ мѣстностей и понятія не имѣло о такихъ, сравнительно, крупныхъ сооруженияхъ, какія имъ оставили общественныя работы.

— Ну-у, и прудица!—говорили крестьяне, охая отъ изумленія;—у насъ теперича пруды-то соломою запружены, курица въ бродъ перемахнетъ, а энти—э-эвона какъ машина!

Отсюда—непривычка, неумѣнье и незнаніе, какъ обращаться и охранять отъ напора воды большія плотины.

Поэтому необходимъ былъ, весной 1893 года, правильно организованный, техническій, правительственный надзоръ за сооруженными плотинами, чего не было въ надлежащемъ видѣ въ дѣйствительности. Можетъ быть, это произошло потому, что и тогда уже считали лишнимъ даже говорить объ общественныхъ работахъ; можетъ быть, въ то время звѣзда генерала Анненкова закатывалась. Не знаю. Все это уже *post factum*. А я могу и буду говорить только о томъ, что было во время самыхъ общественныхъ работъ.

Отсутствіе надлежащаго ухода и надзора за сооружениями было всяду. Но особенно плохой уходъ—за плотинами. Экспедиція А. А. Фока

отмѣчаетъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда прудъ располагается на двухъ смежныхъ владѣнiяхъ. Тутъ каждый владѣлецъ надѣялся на своего сосѣда, и сооруженiе оставлялось въ жертву стихiямъ.

Теперь, принявъ въ соображенiе всѣ неблагопрiятныя условiя, при которыхъ происходили общественныя работы,—отсутствiе хорошаго и надзора, и ухода за прудами и плотинами—развѣ не дается право сказать, что результаты общественныхъ работъ превосходятъ тѣ надежды, какiя можно было возлагать на нихъ.

Весенняя вода шутки не любитъ. Плотины—большое мѣсто всѣхъ владѣльцевъ имѣнiй, мельницъ и прочихъ предпрiятiй, въ которыхъ онѣ имѣются. У самаго осмотрительнаго и дѣятельнаго владѣльца слишкомъ часто плотины уносятся и разрушаются полой водой, а иногда и сильными ливнями.

И чтѣ же мы видимъ? Изъ сооруженныхъ во время общественныхъ работъ плотинъ, черезъ десять лѣтъ послѣ ихъ сооруженiя, при всѣхъ неблагопрiятныхъ условiяхъ ихъ постройки, охраны и ухода за ними, оказываются не утратившими своего утилитарнаго значенiя 70⁰/₀.

А. Э. Фортунатовъ, въ то время еще профессоръ Петровско-Разумовской земледѣльческой академiи, въ концѣ лѣта 1892 года, на мой вопросъ, не знаетъ ли онъ гдѣ-либо мѣста или работы, сказалъ мнѣ:

— Поѣзжайте, если хотите, на общественныя работы. Я только-что получилъ оттуда свѣдѣнiя, что тамъ нуждаются въ производителяхъ работъ.

На другой день поѣздъ меня уже уносилъ къ югу Россiи. Мнѣ нужно было ѣхать по желѣзной дорогѣ до станцiи Мордово, грязепарицѣнской линiи, а оттуда на лошадахъ до села Политова—центрального пункта работъ въ тамбовскомъ и усманскомъ уѣздахъ, гдѣ находилась контора работъ и жилъ завѣдующiй участковыми работами.

Я не буду описывать, какъ громыхаль поѣздъ и какъ и о чемъ думалъ я подъ его громыханья. И большiе художники, и поэты, и фотографы-бытописатели, сотни сотенъ разъ искали для своихъ творенiй настроенiя въ грохотѣ вагоновъ. О чемъ я думалъ? Все воображенiе, всѣ мои мысли неслись туда, куда уносилъ меня поѣздъ. Время было страшное и тяжелое. Пережитой голодь, пережитая и переживаемая холера, давившiе, какъ страшный копымаръ, холерные безобразки, жертвами которыхъ явились прежде всего тѣ лучшiе русскiе люди, которые несли и силу, и трудъ, и знанiя, и, въ данномъ случаѣ, жизнь—ему, этому же темному, страшному въ своемъ невѣжествѣ народу, который, будучи ослѣвленъ безпросвѣтной тьмой, рвалъ на части этихъ людей. И я ѣхалъ какъ разъ въ ту мѣстность, гдѣ только-что

разыгралась одна изъ страшныхъ трагедій русской жизни,—холерныя волненія,—именно, въ мѣстность около злополучнаго села Абакумовки. Было немножко и жутко за свое будущее. Но желаніе увидѣть, узнать, что дѣлается тамъ, внутри черноземной Россіи, внутри страданій и отъ голода, и отъ холеры, и отъ невѣжества, перечувствовать все на мѣстѣ—было сильнѣе, интенсивнѣе, и личное жуткое чувство казалось смѣшнымъ передъ этимъ моремъ народнаго горя.

Вблизилась осень, а тамъ—и зима. Съ работами надо было спѣшить. Я пробылъ въ селѣ, гдѣ помѣщалась контора, два дня, получилъ всѣ руководящія начала отъ завѣдующаго участьевыми работами, забралъ нивелиръ, желѣзныя лопаты и уѣхалъ на границу усманскаго и тамбовскаго уѣздовъ строить плотины.

Ужасовъ голода и холеры я уже не встрѣтилъ. Въ мѣстности моихъ работъ урожай въ 1892 году былъ хотя и не хорошій, но посредственный, холера прекратилась; въ окрестныхъ селахъ, верстахъ въ десяти-пятнадцати, она еще вспыхивала кое-гдѣ, но это были ея послѣдніе отголоски.

Населеніе входило въ свою почти обычную колею недоѣданія...

Нѣсколько наиболѣе ярыхъ фактическихъ наблюденій и впечатлѣній, вынесенныхъ мною съ общественныхъ работъ, о которыхъ я хочу здѣсь рассказать, рисуютъ ту страшную, беспросвѣтную тьму и парализующее невѣжество, соединенное съ недомыслиемъ, которыя держатъ въ своихъ объятіяхъ нашъ народъ. И до тѣхъ поръ, пока эта тьма не разсѣется и свѣтъ широкаго образованія и просвѣщенія, а не механической грамотности только, не озаритъ русскую землю,—всѣ прогрессивныя начинанія, всѣ экономическія и другія реформы будутъ разбиваться о твердыню народной косности. Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, покуда народъ нашъ не усвоитъ хотя бы простую элементарную грамотность, никакія мѣропріятія, никакія реформы имѣтъ прочнаго благотворнаго значенія не могутъ. Для прочнаго воплощенія ихъ въ жизненныя формы необходимо самосознаніе народной массы; а разъ его нѣтъ, не будетъ и народнаго успѣха. А какое же самосознаніе и какой свѣтъ можно отыскать тамъ, гдѣ возможны такіа явленія, какъ холерныя беспорядки, или такое міросозерцаніе, какое я видѣлъ среди крестьянъ во время общественныхъ работъ?

Какъ относились крестьяне къ общественнымъ работамъ, къ ихъ руководителямъ и производителямъ, къ техникамъ?

Здѣсь я нахожу полную аналогію съ отношеніемъ населенія многихъ мѣстностей къ медицинскому персоналу во время эпидеміи холеры. Тотъ же скептицизмъ, то же недовѣріе, та же фанатическая

темнота. Только отношеніе къ производителямъ общественныхъ работъ нигдѣ не перешло въ активное,—оно осталось потенциальнымъ. Отрицательное отношеніе къ общественнымъ работамъ высказывалось словами открыто, въ словахъ чувствовалось подчасъ „сердце“, призывъ „къ дѣйствию“, но, однако, послѣдняго нигдѣ не случилось. Какъ холерные беспорядки происходили только въ началѣ появленія холеры и впослѣдствіи не возникали,—какъ населеніе, на первыхъ порахъ враждебно относившееся къ медицинскому персоналу, затѣмъ приняло къ нему и во многихъ мѣстахъ, по окончаніи холеры, провожало врачей, фельдшеровъ и студентовъ съ глубокой благодарностью, напутствуя ихъ иконами,—такъ и къ производителямъ общественныхъ работъ отношеніе было и недоувѣрчивое, и отрицательное только въ началѣ работъ. Вотъ нѣсколько эпизодовъ и фактовъ, иллюстрирующихъ это отношеніе.

Какъ извѣстно, въ тамбовской губерніи разразились холерные беспорядки въ селѣ Абакумовкѣ, абакумовской волости, тамбовскаго уѣзда. Врачъ абакумовской больницы, г. Цвѣтаевъ, былъ съ трудомъ спасенъ и скрытъ отъ озвѣрѣлой толпы. Тяжелый эпизодъ такъ страшно повлиялъ на г. Цвѣтаева, что онъ уже не въ силахъ былъ возвратиться къ медицинѣ и, разбитый и въ конецъ разстроенный нервно, скоропалѣ послѣдніе годы жизни въ канцеляріи тамбовской губернской земской управы, скончавшись въ 1898 году. Во время происходившихъ беспорядковъ въ селѣ Абакумовкѣ, на земляхъ, принадлежащихъ соедннимъ съ Абакумовкой селеніямъ, происходили общественныя работы по сооруженію плотинъ и прудовъ. Руководители работъ, чувствовавшіе къ себѣ отрицательное отношеніе крестьянъ и предупрежденные о томъ, что имъ можетъ грозить участь врачей, принуждены были превратить работы и уѣхать въ Липецкъ, какъ ближайшій городъ. Но одинъ изъ руководителей работъ,—человѣкъ пожилой, переживавшій уже закатъ жизни, не уѣхалъ—„все равно, рѣшилъ я,—передавалъ онъ мнѣ послѣ,—убьютъ, такъ убьютъ, умирать надо, а ужъ жизнь прожилъ“—и остался одинъ-одинѣшенекъ среди возбужденнаго населенія въ селѣ Куксовѣ,—томъ самомъ Куксовѣ, „барышникѣмъшницы котораго пускали въ народъ *шмару* (заразу) изъ подзорныхъ трубъ съ балкона барскаго дома“ (см. отчетъ по дѣлу о холерныхъ беспорядкахъ въ селѣ Абакумовкѣ). Двигавшіяся на беспорядки въ Абакумовку толпы народа проходили мимо квартиры убѣленнаго сѣдинами производителя общественныхъ работъ, и ему, по своему адресу, пришлось выслушать не мало угрозъ съ послѣдовавшими потрясеніями въ воздухѣ кулаковъ обезумѣвшей толпы: „Уѣзжай скорѣе,—кричали ему изъ толпы,—а то и тебѣ тоже будетъ, что мы сдѣлаемъ сейчасъ

докторамъ. И тебѣ также кишки выпустимъ! Ишь, окаянные, понаѣхали народъ-то морить“!

Но гроза пронеслась. Дальше угрозъ дѣло не пошло. И старца миновала горькая чаша растерзанія толпой, — можетъ быть, почтенная старость только и спасла его; страсти понемногу улеглись. Черезъ три-четыре дня, возбужденный, а потомъ успокоившійся народъ опять сталъ понемногу собираться на пруды и плотины, и работы продолжались спокойно. Какъ я упомянулъ, я пріѣхалъ на работы, когда уже и голодъ и холера остались въ прошломъ, когда населеніе успокоилось и перешло къ нормальному влеченію тяжелой жизненной лямки. Между тѣмъ, вотъ что я услышалъ и увидѣлъ.

Первымъ моментомъ работъ при возведеніи плотинъ являлись развѣдочныя работы и изслѣдованія, съ цѣлью опредѣленія, насколько великъ въ „балкахъ“ и оврагахъ почвенный, наносный слой. Въ случаяхъ, когда до „грунта“, до глиняной подпочвы было слишккомъ глубоко, сооруженіе плотинъ въ такихъ мѣстахъ признавалось неудобнымъ и нежелательнымъ. Прочность такихъ плотинъ была бы сомнительна, а постройка обходилась бы значительно дороже. Поэтому изслѣдованія и работы начинались съ буренія. Когда я, по пріѣздѣ на общественныя работы, на земляхъ первой деревни, гдѣ намѣчены были плотины, началъ производить буреніе оврага, гдѣ имѣлъ въ виду построить плотину, около меня начала собираться постепенно большая толпа народа. Скоро посмотрѣвъ на невиданную дивовинку высыпало все село отъ мала до велика, и оврагъ на всемъ протяженіи усѣянъ былъ и малышами, и мужиками, и бабами, и сѣдыми патриархами деревни. Сѣдые старцы, можетъ быть, много лѣтъ не сползавшіе съ печи, теперь стояли здѣсь и, опершись на свои костыли и „бадоги“, сосредоточенно и зорко смотрѣли за моими дѣйствіями и „ковыряніемъ“ земли; бабы-старухи вздыхали и по молчаливой, сосредоточенной толпѣ то-и-дѣло проносилось: „о, Боже!“ „о, Господи!“ Всѣ недоумѣвали. Даже обычно шумливая и веселая дѣтвора жалась къ сарафанамъ своихъ „мамогъ“.

Понемногу до меня стали доноситься и протестующіе, глупые по своей нелѣпости, замѣчанія и выводы, которые начали во мнѣ возбуждать чувство боязни этой загадочной въ своемъ невѣжествѣ толпы.

— Вишь,—слышалось мнѣ,—пріѣхалъ. Вотъ, наковыряетъ *ямъ-то*, а потомъ напуститъ туда *яду*. Потомъ прудъ-отъ запрудитъ, а *ядь изъ ямъ выйдетъ* и отравитъ всѣхъ насъ и всю нашу скотину!

„Боже, что это? Сонъ это, или дѣйствительность? — думалось мнѣ. — Гдѣ же у этихъ людей разсудокъ? И какъ мы ни освѣдомлены о невѣжествѣ народной массы, имѣемъ ли мы понятіе о всей бездонной пропасти этого невѣжества и этой темноты?“

Когда же я, окончивъ произведенное въ нѣсколькихъ мѣстахъ оврага буреніе и рѣшивъ, что въ оврагѣ возвести плотину представляется возможнымъ, вынулъ изъ ящика нивеллиръ, поставилъ и укрѣпилъ его на треножникѣ и приступилъ къ нивелировкѣ,—вся громадная толпа какъ-то замерла въ нѣмомъ ожиданіи. Всѣ пересуди, всѣ возгласы, замѣчанія—прекратились. Нѣмая тишина длилась нѣсколько минутъ. Пока я возился около нивеллира, устанавливая его,—казалось, что около меня толпы въ 200—300 человекъ совсѣмъ не было, что я стою одинъ среди пустыннаго оврага. Старики и старухи крестились и въ безмолвномъ молчаніи уходили. Когда же десятникъ съ рейкой ушелъ саженъ на 50 и я началъ смотрѣть на рейку въ нивеллиръ, а потомъ заносить въ памятную книжку результаты нивелировки, изъ толпы до меня стало доноситься:—„Ну, какъ же не нечистая сила,—нѣшто можно изъ такой дали какую ни на есть тамъ цифирь разобратъ!“—„И впрямь черти,—гнать ихъ надо,—вотъ чтò!“—Кое-кто отхаркивался и въ негодованіи плевалъ.

Становилось жутко...

По окончаніи нивелировки, я предложилъ крестьянамъ взглянуть въ нивеллиръ на дѣленія рейки.

— Только, смотрите, осторожьѣе,—не уроните, не сдвиньте!—предупредилъ я крестьянъ.

„— Вишь ты, живая!“—почему-то раздалось изъ толпы.

Но затѣмъ толпа стала выходить изъ оцѣненія. Появились на лицахъ улыбки. Стоявшіе впереди не особенно охотно, съ опасеніемъ стали приближаться къ нивеллиру. Рѣшилась подойти молодежь. Старики, косо поглядывая, не подавались. Піонеры, послѣ замѣтнаго волебанія, рѣшились, наконецъ, взглянуть въ „чортову рогулину“, какъ, смѣясь впоследствии надъ своей темнотой, крестьяне наименовали нивеллиръ.

И каждый смотрѣвшій въ нивеллиръ ахалъ и охалъ отъ необычнаго изумленія, вида дѣленія и цифры рейки, тогда какъ простымъ глазомъ, какъ кто ни старался разсмотрѣть что-нибудь, прикладывая къ глазамъ кулаки, на манеръ бинокли, и защищая глаза отъ солнца ладонью, но ничего разглядѣть не могъ. Вся толпа понемногу продефилировала передъ нивеллиромъ, заглядывая въ него, щупая и трогая и самый нивеллиръ, и треножникъ, и ащикъ, въ который нивеллиръ складывается. Казалось, толпа никакъ не могла уйти безъ того, чтобы не отыскать въ нивеллирѣ хоть маленькаго чертенка.

„— И што за штука такая, што за орудія?“—слышалось изъ толпы, уже мягче и примиреннѣе настроенной.

Бояться мнѣ больше было нечего. Толпа была побѣждена вполне. Не устояли и старики.

На другой день утромъ въ оврагѣ опять собралась вся деревня, но

уже въ праздничныхъ костюмахъ, съ радостно настроенными лицами и съ сердцами, открытыми для добрыхъ, хорошихъ чувствъ и движеній. Мы молились передъ открытiемъ работъ. Мѣстнымъ церковнымъ причтомъ былъ отслуженъ молебень. И работы закигъли.

Перехожу къ другимъ картинамъ.

Въ одной изъ деревень, гдѣ я намѣтилъ сооруженіе плотины, мнѣ такъ и не пришлось приступить къ ней, по безусловно отрицательному настроенію крестьянъ къ такому сооруженію. Когда я приѣхалъ въ деревню и отправился осматривать балки и овраги,—въ деревнѣ собралась сходка. Въ результатѣ ко мнѣ явились парламентарь-ходаки и заявили мнѣ, чтобы я уѣзжалъ отъ нихъ:—„А то, господинъ, кабы худо не было,—старики, вишь, противятся. Бають, какъ тамъ воду намъ привезли. Нешто мы безъ ихъ воды-то не проживемъ. И-пшо отравимся“. Когда я проѣзжалъ по улицѣ, какой-то борода-тый Власть, потрясая посохомъ, крикнулъ по моему адресу: „Проваливай...“; далѣе слѣдовала чисто русская, отборная брань.

А черезъ двѣ недѣли крестьяне этой самой деревни приходили ко мнѣ за шесть верстъ и умоляли сдѣлать имъ прудъ.

„Ты ужъ насъ прости. Темный народъ. Ишь ты, вѣдь мы дураки. Ахъ, ты, Господи!“—твердили крестьяне, въ числѣ которыхъ, съ покорной головой, стоялъ и дѣдъ, вылившій на меня ушатъ брани.

Осень приближалась. Я боялся не окончить къ заморозкамъ пруда. Такъ крестьяне и остались безъ него.

Завѣдующій участковыми работами нашего района, окончившій курсъ въ Петровско-Разумовской земледѣльческой академіи, П. О. М—скій, былъ сильный брюнетъ, южанинъ-хохолъ, съ черными громадными выпуклыми глазами, большимъ, широкимъ лбомъ и черными, смоляного цвѣта волосами, любившій носить на пальцахъ громадные ногти. Въ то время слишкомъ усталый, нервно-болѣзненный, онъ смотрѣлъ на собесѣдника, если можно такъ выразиться, напряженно-тоскливо, оставляя впечатлѣніе какого-то магнетизера-чревоуѣщателя. Темное населеніе утвердилось во мнѣнiи, что „этотъ черный“—не кто иной, какъ *антихристъ*; остальные же производители работъ—его *подручные*, а попросту—*черти*. Толки среди населенія о длинныхъ ногтяхъ М—го, которые должны были служить, несомнѣнно, главнѣйшимъ признакомъ и атрибутомъ антихриста, были настолько сильны и упорно-надоѣдливы, что обладателю ихъ пришлось разстаться съ ними и сбрѣзать ихъ.

А вотъ и еще случай, указывающій, какія хитросплетенія выдѣлываетъ народная психологія по канвѣ невѣжества.

Расчетъ за произведенныя работы производился нами еженедѣльно, по воскресеньямъ. Порядокъ составленія вѣдомостей, по ко-

торымъ дѣлалась выдача заработанныхъ денегъ, былъ слѣдующій. Десятникъ каждой возводимой плотины вносилъ ежедневно къ себѣ въ книжку всѣхъ работавшихъ на плотинѣ и вечеромъ, ежедневно, послѣ окончанія работъ, передавалъ списки конторщику. Конторщикъ составлялъ еженедѣльную вѣдомость, по которой расчетъ производился всегда самимъ производителемъ работъ.

При производствѣ перваго по началу работъ расчета, у меня оказалось нѣсколько человекъ, и довольно много, заявившихъ мнѣ о томъ, что они всѣ работали на прудахъ,—между тѣмъ въ составленной вѣдомости ихъ не оказалось. Я пересмотрѣлъ еще разъ всю вѣдомость,—работало на каждомъ пруду по нѣсколькѣ сотъ мужчинъ и женщинъ,—и въ ней выражавшихъ претензію не оказывалось. Призванные десятичники и конторщики снова тщательно провѣрили свои записи и свѣрили вѣдомость. По заявленію десятичника и конторщика все было вѣрно. При очной ставкѣ десятичника и всѣхъ заявившихъ о томъ, что они работали на плотинѣ, десятичникъ сказалъ, что, какъ онъ помнитъ, всѣ эти лица, дѣйствительно, работали на прудѣ и въ вѣдомость были имъ всѣ занесены. Такъ ничего и не выяснялось. Я приходилъ въ полное отчаяніе и недоумѣніе. Плутинства какого-либо со стороны десятичника я не подозрѣвалъ,—онъ внушалъ мнѣ довѣріе, считался у меня лучшимъ десятиникомъ; да и какой смыслъ былъ ему не занести работавшихъ на пруду въ списки? Единственное предположеніе, возможное здѣсь, которое могло бы руководить десятиникомъ, это—месть. Но месть къ десятку, двумъ людям, да еще и въ чужой деревнѣ (десятники всегда брались изъ другихъ, по возможности, отдаленныхъ деревень, во избѣжаніе „связей“ съ населеніемъ, лицепріятія и проч.), особенно же на первыхъ порахъ работъ, когда для образованія такихъ злыхъ чувствъ еще не было и времени, предположить было нельзя. Къ тому же и десятичникъ призналъ всѣхъ работавшихъ на прудахъ, заявляя лишь настойчиво, что всѣ они въ вѣдомость занесены.

Съ другой стороны, въ вѣдомости оказалось очень много лицъ, не жившихся за расчетомъ. Это также казалось страннымъ. Въ деньгахъ была неимоверная нужда у cadaго. На расчетъ каждый сбѣшилъ съ нетерпѣніемъ. И въ конторѣ, и около, и на всей улицѣ была масса народа. Едва ли кто усидѣлъ дома. И вдругъ многихъ нѣтъ.

При выликаніи нѣкоторыхъ именъ и фамилій, присутствующіе крестьяне выражали недоумѣніе (какъ видно будетъ послѣ, напускное). При вызовѣ одного крестьянина заявляли, что такого у нихъ въ селеніи никогда и не было. О другомъ говорили, что такой, дѣйствительно, былъ, да давнымъ давно покойся на кладбищѣ. Выличка третьяго вызывала чуть не гомерическій хохотъ: оказывалось, что такой крестьянинъ или крестьянка „есть на селеніи, да старые, ста-

рне, и не только на прудахъ работать, но и съ печи-то еле слѣзайтъ“.

Я недоумѣвалъ, и меня начинало это сердить. Воображеніе рисовало признаки насмѣшки или издѣвательства. Но въ общемъ все казалось страннымъ и крайне меня озадачивало.

Побившись безъ толку еще нѣсколько времени, я записалъ имена и фамиліи всѣхъ заявлявшихъ, что они работали на прудахъ, но оказались занесенными въ списки и вѣдомость, велѣлъ десятнику и конторщику еще разъ свѣрить тщательно свои ежедневныя записи съ вѣдомостью и отложилъ расчетъ до слѣдующаго дня.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ расчета, уже ночью, часовъ въ 11—12, ко мнѣ пришли десятникъ и конторщикъ и сообщили слѣдующую разгадку происшедшаго недоумѣнія.

У крестьянъ, еще до возникновенія работъ, создалась легенда, будто *въ построенныхъ прудахъ будутъ впоследствии топить всѣхъ работавшихъ на нихъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ.*

Самый лучший и вѣрный исходъ избавленія отъ такой страшной перспективы былъ бы въ томъ, еслибъ молодня силы деревни совсѣмъ не посѣщали общественныхъ работъ; но какъ же пропустить рублишко-другой, когда этотъ рублишко страшно дорогъ и когда представляется возможность его заработать! Чтò же тутъ дѣлать? Послѣ продолжительныхъ размышленій и была придумана слѣдующая комбинація: работать необходимо, но записываться надо именами дѣдушекъ и бабушекъ, живыхъ и мертвыхъ; съ умершаго ничего не возьмешь, а живого дѣда или живую бабу и утопятъ потому, такъ бѣда небольшая. Пожили и довольно,—слава тебѣ, Господи! Да ихъ и не утопать, потому кому дряхлыхъ-то да старыхъ надо,—вѣдь топить собираются только молодыхъ.

Создавъ такую фантазмагорическую комбинацію, молодня силы деревни и приступили къ работамъ подъ прикрытіемъ тѣней своихъ предковъ, живыхъ и мертвыхъ.

— Ловкую штуковину мы придумали!—рѣшила деревня.

Когда я, получивъ эти разъясненія отъ конторщика и десятника, подсчиталъ число *приходившихъ за расчетомъ и оказавшихся, якобы, занесенными въ списки и вѣдомость, и число тѣхъ, которые оказались занесенными въ вѣдомость, но не явившихся за расчетомъ и не могшими явиться потому, что одни изъ нихъ лежали давно въ сырой могилѣ, а другіе были прикованы старческимъ недугами къ печи, и сравнилъ два полученныя числа—они были тождественны!* При производствѣ расчета на другой день всѣхъ оставшихся нерасчитанными наканунѣ, пришлось отыскивать ихъ по записаннымъ въ вѣдомости именамъ ихъ бабушекъ и дѣдушекъ, живыхъ и отошед-

шихъ въ вѣчность. Разсчитывая этихъ наивно-хитроумныхъ парней и дѣвицъ, молодыхъ мужиковъ и бабъ, я обращалъ вниманіе на возрастъ ихъ. Это былъ, дѣйствительно, народъ все молодой: старшему было 26 лѣтъ.

Не мало было смѣха самихъ крестьянъ въ этотъ день и въ слѣдующее время надъ своей хитросплетенной выдумкой. Я помню, постоянно послѣ вышучивалъ ея крестьянъ, и это вышучиваніе, вызывая горькую и добродушную вмѣстѣ съ тѣмъ иронію надъ собой, надъ собственнымъ бездоннымъ невѣжествомъ, сближало меня и крестьянъ все больше и больше. Этотъ смѣхотворный и одновременно грустный эпизодъ былъ послѣднимъ актомъ скептическаго ко мнѣ недовѣрія, и къ концу работъ оно совершенно сгладилося и исчезло.

Замѣчательна въ этомъ эпизодическомъ случаѣ та сторона, что крестьяне сами не раскрыли мнѣ при расчетѣ свою выдумку, будучи, очевидно, готовыми не получить расчета за труды своего молодого поколѣнія. Можетъ быть, ими руководила та мысль и соображеніе, что въ концѣ концовъ я признаю пропускъ и виновность со стороны десятника, и расчетъ все-таки произведу. „Записаны“ въ антихристовы книги работавшіе такъ и не будутъ, а деньги все-таки получать. Только уже десятнику и конторщику, какъ ближе стоящимъ къ народу и пользующимся, очевидно, большимъ его довѣріемъ, тѣмъ мы, классъ интеллигентный, удалось напасть на слѣдъ столь смутившаго меня, непонятнаго вначалѣ эпизода и разъяснить его!

Такъ вотъ каково міросозерцаніе нашего народа, и вотъ каково было мнѣніе крестьянъ о производителяхъ общественныхъ работъ въ началѣ ихъ.

Населеніе, привыкшее вѣками къ тому, чтобы все только отдавать да отдавать, не могло себѣ и представить возможности, чтобы вотъ такъ, ни съ того, ни съ сего, пришли къ нему добрые люди, и не только бесплатно понастроили ему пруды, но еще дали и заработокъ. Тутъ что-нибудь да не такъ, — работала непривычная къ такимъ явленіямъ, темная народная мысль, полная суевѣрій и скептицизма. Это-моль не добрые люди, а злые, и не только люди, а пожалуй, и сверхъестественныя силы, подъ видомъ добра, явились завлечь въ свои сѣти народъ. И надо ихъ остерегаться.

И фантазія налегала на фантазію, выдумка одной старухи погоняла выдумку другой. Легенды росли и обращались въ цѣныя фантазмагоріи. Темная, невѣжественная, невооруженная никакими научными знаніями, отторгнутая отъ культуры, разобщенная съ интеллигенціей толпа, не находя выхода и объясненія непонятныхъ для нея и мучившихъ ее вопросовъ, рѣшала, что поваѣхали злые люди.

прикинувшіеся овечками, посланники антихриста. Да онъ и самъ туть. Вонъ, тотъ самый „черный“, съ когтями.

Но проходили недѣли, мѣсяцы. Плотины выросли, пруды наполнялись водой; стали пить ее крестьяне, стали купаться въ прудахъ. „И ничего,—вреды никакой не видно“. Всѣ радовались такому небывалому еще въ той степной мѣстности обилію воды. А когда никто изъ ожидавшихъ смерти и страшнаго суда и со страхомъ прикасавшихся къ антихристовой водѣ не умиралъ -- тогда уже всякимъ опасеніямъ и подозрѣніямъ не стало ни почвы, ни мѣста.

Итакъ, съ плотинами, созданными общественными работами, дѣло обстоитъ, какъ теперь видно, не такъ плохо, какъ то принято думать. 40% изъ нихъ дѣйствуютъ вполне исправно и не требуютъ никакихъ исправленій; 30% исправляются кое-какъ крестьянами и, слѣдовательно, нуждаются въ капитальныхъ исправленіяхъ. Нѣтъ сомнѣній, что и остающіеся 30% могли бы быть въ значительной степени, а можетъ быть и цѣликомъ, возвращены къ дѣятельности и жизни. Начальникъ геодезическаго отдѣла экспедиціи въ указанномъ отчетѣ считаетъ чрезвычайной необходимостью исправленіе плотинъ, сооруженныхъ общественными работами, и предлагаетъ приступить къ ремонту и возобновленію плотинъ немедленно. Отчетъ говоритъ, что нынѣ сами крестьяне, буквально, умоляютъ о поддержкѣ и возобновленіи прудовъ, предлагая свой бесплатный трудъ и выражая желаніе собрать ту или иную сумму на ремонтъ,—напримѣръ, крестьяне с. Сосновки. Стоимость ремонта плотинъ исчисляется въ суммѣ около 19 тыс. рублей. Но эта сумма будетъ и того меньше, такъ какъ крестьяне, вѣвъ всякаго сомнѣнія, дадутъ свои рабочія руки. Имъ нужно только руководство и техническія указанія. Исправленіе плотинъ безусловно необходимо и возможно скорѣйшее. Въ той мѣстности нужда въ водѣ громадная. А между тѣмъ, неисправленныя плотины будутъ приходить съ каждымъ годомъ въ болѣе безнадежный видъ. Надобно думать, что мѣстное тамбовское земство поспѣшить взяться за это дѣло.

Н. М—скій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1902.

Печальныя событія въ Македоніи.—Роль европейской дипломатіи въ устройствѣ турецкихъ дѣлъ.—Мысль о созваніи европейской конференціи.—Политика Вильгельма II и внутренніе вопросы въ Германіи.

Положеніе дѣлъ въ Македоніи и въ другихъ христіанскихъ областяхъ Турціи ухудшается съ каждымъ днемъ. Турецкія власти предоставляютъ башибузукамъ усмирять населеніе по испытанному турецкому способу: убійства, грабежи и всевозможныя насилія свирѣпствуютъ повсюду, гдѣ обыватели принадлежатъ къ числу безправныхъ „гауровъ“. Въ специальномъ журналѣ „Mouvement macédonien“, о которомъ мы упоминали уже въ прошломъ обзорѣнн, печатаются длинныя списки жертвъ турецкой расправы, съ точнымъ указаніемъ обстоятельствъ ихъ гибели. Въ салонийскомъ вилайетѣ жандармы и солдаты распоряжаются какъ въ непріятельской странѣ; мусульманамъ раздается оружіе для повальныхъ избіеній, которыя могутъ начаться въ каждый данный моментъ по первому сигналу, ожидаемому изъ Константинополя. Во многихъ селахъ христіане подвергаются публичному сѣченію и затѣмъ заключаются еще въ тюрьму, гдѣ ихъ ждетъ мучительная смерть; священниковъ пытаются, чтобы добиться отъ нихъ свѣдѣній о мнимыхъ революціонныхъ замыслахъ и ихъ участникахъ; женщины, начиная съ дѣвочекъ-подростковъ, захватываются съ опредѣленною цѣлью, для удовольствія башибузуконъ и ихъ командировъ. Въ вилайетахъ монастырскомъ и коссовскомъ образовались разбойничьи шайки, дѣйствующія съ вѣдома и согласія властей, и всякое сопротивленіе нападающимъ признается за бунтъ или государственную измѣну.

Что же дѣлаетъ въ это время европейская дипломатія? Она довольствуется иногда робкими напомниманіями Портѣ о необходимости восстановленія порядка и спокойствія, въ интересахъ всеобщаго мира, и выражаетъ полное довѣріе къ мудрости султана, съ которымъ руководящія великія державы стараются теперь поддерживать самыя лучшія отношенія. Между тѣмъ обязанности дипломатіи относительно христіанскихъ подданныхъ Турціи ясно опредѣлены постановленіями берлинскаго трактата. Въ силу 23-ей статьи этого трактата, Порта должна была назначить особую комиссію для выработки новаго административнаго устройства отдѣльныхъ провинцій, при участіи выбор-

ныхъ представителей заинтересованнаго населенія; составленные такимъ образомъ проекты подлежали обнародованію и введенію въ дѣйствіе тотчасъ же по разсмотрѣніи ихъ въ европейской комиссіи, учрежденной по дѣламъ Восточной Румелии. Въ 1880 году турецкое министерство иностранныхъ дѣлъ сообщило кабинетамъ, что предложенные проекты реформъ уже выработаны, и что остается только обсудить ихъ въ упомянутой международной комиссіи; въ іюнь того же года комиссія собралась въ Константинополь и вскорѣ убѣдилась въ совершенной непригодности представленной ей работы, изготовленной въ турецкихъ канцеляріяхъ безъ малѣйшаго вниманія къ нуждамъ и желаніямъ жителей. Посвятить шестнадцать засѣданій коренному пересмотру и передѣлкѣ проекта, комиссія заключительнымъ актомъ 23 (11) августа высказала надежду, что новый регламентъ, поставленный подъ заботливую охрану Европы, „принесетъ благотворные плоды населенію провинцій и обезпечитъ безопасность и миръ оттоманской имперіи“. Но турецкіе сановники не имѣли вовсе въ виду осуществлять благодѣтельные предположенія иностранныхъ дипломатовъ; проектъ былъ похороненъ Портою безъ всякихъ церемоній, и о немъ забыли, повидимому, сами составители его, хотя относящаяся къ нему дипломатическая переписка была въ свое время напечатана въ англійской „синей книгѣ“, въ двухъ томахъ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ, и европейскіе кабинеты, поглощенные другими дѣлами, перестали уже интересоваться безотраднымъ положеніемъ турецкихъ христіанъ. Дипломатія избѣгаетъ вообще серьезныхъ предупредительныхъ мѣръ и вмѣшивается лишь при наступленіи кровавыхъ катастрофъ, въ родѣ армянскихъ избіеній или критскаго возстанія, приведшаго къ греко-турецкой войнѣ; но даже колоссальная рѣзня въ армянскихъ округахъ Малой Азіи прошла въ сущности безплодно и не послужила поводомъ къ энергическому вмѣшательству, отчасти потому, что событія въ мало-азіатскихъ владѣніяхъ Турціи затрогивали только интересы Россіи. Разумѣется само собою, что великія державы не могутъ относиться равнодушно къ опаснымъ внутреннимъ столкновеніямъ и беспорядкамъ на Балканскомъ полуостровѣ, и еслибы турки рѣшились повторить въ Македоніи опытъ повального истребленія христіанъ, то иностранные кабинеты, безъ сомнѣнія, протестовали бы въ той или другой формѣ. Этотъ ужасный взглядъ, — что только потоки крови способны привлечь вниманіе Европы къ судьбамъ христіанскаго населенія Турціи, — побудилъ горсть македонцевъ приняться за оружіе безъ всякихъ шансовъ успѣха, съ единственною цѣлю вызвать кровопролитіе, за которымъ послѣдуетъ, быть можетъ, европейское вмѣшательство. Македонскій революціонный комитетъ, руководимый извѣстнымъ туземнымъ патриотомъ, Бо-

рисомъ Сарафовымъ, рѣшительно высказался противъ возстанія, пока населеніе не снабжено оружіемъ и пока не собрано достаточно средствъ для надлежащей организаціи добровольческихъ отрядовъ; онъ находилъ пагубными для Македоніи преждевременныя мѣстныя всплшки, такъ какъ возлагалъ свои надежды не на дипломатію, а на пѣлесообразныя и сознательныя освободительныя усилія самихъ македонцевъ и сочувствующихъ имъ болгаръ. Другого мнѣнія держался комитетъ, во главѣ котораго стоятъ Цончевъ и Михайловскій; эти дѣтели полагали, что даже частичныя волненія, заранѣе обреченныя на неудачу, могутъ повліять на Европу и ускорить ея заступничество. Въ сущности, оба комитета расходились только въ оцѣнкѣ тѣхъ условій, при которыхъ можетъ быть достигнуто европейское вмѣшательство: Сарафовъ и его единомышленники считали для этого необходимымъ дѣйствительное и всеобщее народное возстаніе, требующее долгой и обдуманной подготовки, тогда какъ Цончевъ и Михайловскій думали добиться того же результата немедленнымъ устройствомъ партизанской борьбы въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется для этого подходящий матеріалъ. Подъ руководствомъ Цончева и товарищей начались военныя дѣйствія: небольшія „четы“ повстанцевъ сражались съ геройскимъ самоотверженіемъ, мстили за разгромъ своихъ селъ и ускользали отъ преслѣдованія, послѣ чего турки жестоко расправлялись съ безоружнымъ населеніемъ. Кровь лилась и льется, но не настолько, чтобы вывести Европу изъ ея пассивной роли. Однако, мысль о томъ, что требуются груды жертвъ для желательнаго воздѣйствія на дипломатію, заключаетъ въ себѣ нѣчто чудовищное. Неужели въ самомъ дѣлѣ иностранныя кабинеты нуждаются въ подобныхъ возбудительныхъ средствахъ для исполненія задачи, предписываемой не только интересами человѣчности, но и требованіями здравой политики? Почему надо ждать новыхъ крупныхъ избіеній, чтобы приняться за осуществленіе мѣръ, намѣченныхъ еще берлинскимъ конгрессомъ для обезпеченія безопасности и спокойствія христіанскихъ народностей Турціи?

Конечно, еслибы въ судьбѣ Македоніи заинтересована была Германія или Англія, вопросъ былъ бы уже давно поднятъ надлежащимъ образомъ и вѣроятно разрѣшился бы благополучно; но, къ несчастью, обѣ эти державы не имѣютъ никакого интереса въ прочномъ устройствѣ балканскихъ дѣлъ и особенно заботятся въ настоящее время о сохраненіи дружественныхъ отношеній съ султаномъ. Австро-Венгрія занята упроченіемъ и расширеніемъ своего собственнаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, и она откровенно отстаиваетъ status quo для турецкихъ областей, тяготящихся къ Болгаріи и Сербіи. Что же касается нашей дипломатіи, то принципы безусловнаго миролюбія не

позволяютъ ей выступать съ проектами, могущими нарушить взаимное согласіе державъ. Между тѣмъ не трудно было бы найти такую форму дипломатическаго вмѣшательства, которая не возбуждала бы ничьихъ опасеній насчетъ европейскаго мира. Анатолий Леруа-Болье, въ обстоятельной статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Еигорѣен“, предлагаетъ созвать международную конференцію по турецкимъ дѣламъ, причемъ инициатива должна бы принадлежать, по его мнѣнію, французскому правительству. „Созваніе такой конференціи—говорить онъ—оправдывалось бы многими вѣскими мотивами. Нѣкоторыя изъ существенныхъ статей берлинскаго трактата остались мертвой буквою; только европейская конференція могла бы обезпечить и контролировать ихъ примѣненіе. Конференція съ точно опредѣленнымъ кругомъ задачъ не вызвала бы тревоги ни въ правительствахъ, ни среди приверженцевъ общаго мира. Вмѣсто того, чтобы создавать или поощрять конфликты, она, напротивъ, предупреждала бы ихъ. Сама Турція и всѣ народы, подвластные султану, какъ христіанскіе, такъ и мусульманскіе, несомнѣнно выиграли бы при этомъ, такъ какъ и для нихъ нѣтъ другого способа обезпеченія мира и безопасности. Конференція имѣла бы свою цѣлью разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, возбужденныхъ неисполненіемъ берлинскаго трактата, и чтобы разрѣшить ихъ, было бы болѣею частью достаточно лишь настоять на исполненіи трактата. Такъ было бы между прочимъ съ армянскимъ вопросомъ. Чтобы спасти остатки наиболѣе европейской изъ азіатскихъ народностей, слѣдовало бы только заставить Порту соблюдать 61-ую статью трактата. Точно такъ же относительно европейскихъ провинцій, оставленныхъ конгрессомъ подъ властью султана, конференціи пришлось бы только потребовать введенія тѣхъ учрежденій, которыя обѣщаны были этимъ провинціямъ берлинскимъ трактатомъ и въ которыхъ Порты продолжаетъ упорно отказываться имъ до настоящаго времени. Рядомъ съ этими вопросами, наиболѣе настоятельными и наиболѣе угрожающими миру Европы, есть еще другіе, которые естественно привлекли бы вниманіе европейской конференціи, собравшейся съ цѣлью умиротворенія Востока. Положеніе Восточной Румелии, присоединенной фактически къ Болгаріи съ согласія самого султана, могло бы быть опредѣлено съ болѣею точностью; равнымъ образомъ выяснилось бы двусмысленное нынѣ положеніе Крита. Общее состояніе Европы не только не противорѣчитъ, но скорѣе благоприятствуетъ созыву подобной конференціи. Если континентальная Европа раздѣлена на двѣ группы державъ, то обѣ эти группы одинаково проникнуты миролюбивыми наклоненіями. Между участниками обоехъ союзовъ—тройственнаго и двойственнаго—установились въ послѣднее время особыя соглашенія, которыя значительно облегчили бы ком-

промиссъ между обѣими группами, тѣмъ болѣе что переговоры относились бы къ точно опредѣленному предмету и направлены были бы къ охранѣ всеобщаго мира, одинаково необходимаго для всѣхъ правительствъ. Главное затрудненіе заключается въ вопросѣ о томъ, какая группа или какая держава рѣшится взять на себя инициативу въ данномъ случаѣ. Мы желали бы, чтобы эту инициативу приняла на себя Франція. Это была бы роль, достойная ея прошлаго и согласная съ лучшими ея традиціями... Пусть не говорятъ, что это было бы опасное донкихотство. Единственною опасностью было бы отсутствіе поддержки со стороны другихъ державъ; но еслибы даже никто не послѣдовалъ за Франціею, она имѣла бы заслугу въ томъ, что осмѣлилась быть самостоятельною и вѣрною себѣ, вмѣсто того, чтобы вѣчно тянуться за другими“.

Можетъ быть, Анатолю Леруа-Болье обнаруживаетъ слишкомъ большой оптимизмъ по отношенію къ международнымъ конференціямъ и соглашеніямъ, которыя именно въ области восточнаго вопроса чаще всего доказывали на дѣлѣ свою несостоятельность. Македонскій вопросъ, какъ мы видѣли, былъ уже разрѣшенъ константинопольскою комиссіею 1880 года, согласно постановленіямъ берлинскаго трактата, и если достигнутое тогда соглашеніе не привело ни къ чему, то и новая конференція можетъ остаться безрезультатною по тѣмъ же причинамъ. Крайне трудною задачею представляется, во-первыхъ, устраненіе принципиальныхъ и практическихъ разногласій между державами по такимъ вопросамъ, относительно которыхъ каждый изъ кабинетовъ имѣетъ свои особые взгляды и интересы; но когда послѣ долгихъ дипломатическихъ совѣщаній установится наконецъ нѣкоторое подобіе единомыслія, на сцену неизбѣжно выступитъ второе затрудненіе, гораздо болѣе существенное,—необходимость прямого воздѣйствія на Порту, чтобы добиться отъ нея подчиненія предположеннымъ мѣрамъ и заставить ее добросовѣстно примѣнить ихъ на практикѣ. Какія принудительныя средства должны быть употреблены противъ Турціи для новаго устройства ея провинцій, при категорическомъ несогласіи султана? Мирныя увѣщанія или совмѣстная военная экзекуція? Но мирныя увѣщанія бесполезны, а военныя дѣйствія или угрозы означаютъ войну, которой никто не желаетъ; притомъ, для совмѣстной военной экзекуціи нужна та степень единодушія державъ, которая въ дѣйствительности почти недостижима. Англія и Австро-Венгрія никогда не будутъ искренно и до конца дѣйствовать, напримѣръ, заодно съ Россіею въ сферѣ восточно-турскихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, способъ, предлагаемый Анатолею Леруа-Болье, самъ по себѣ нисколько не гарантировалъ бы успѣха. Для того, чтобы конференція практически разрѣшила спорные вопросы, недостаточно было бы

простого соглашенія кабинетовъ, по почину Франціи или другой державы, а требовалась бы еще твердая рѣшимость по крайней мѣрѣ одного изъ участвующихъ правительствъ во что бы то ни стало довести начатое дѣло до желаннаго результата. Сознательная энергія одной изъ могущественныхъ державъ имѣла бы больше реального значенія и вѣрнѣе достигла бы цѣли безъ войны, чѣмъ сложныя дипломатическія комбинаціи, лишеныя единства и вдохновляемыя лишь пассивнымъ миролюбіемъ; только присутствіе такой твердой руководящей воли дѣлало бы конференцію полезнымъ орудіемъ для осуществленія поставленныхъ цѣлей. Не всѣ кабинеты присоединились бы къ настойчивымъ и послѣдовательнымъ мѣрамъ въ пользу Македоніи и другихъ турецкихъ областей; но можно быть заранѣе увѣреннымъ, что ни одинъ изъ кабинетовъ не затѣялъ бы войны для защиты существующаго турецкаго режима, и сама Турція предпочла бы уступить, чѣмъ рисковать своимъ спокойствіемъ и безопасностью, еслибы вопросъ объ автономіи ея христіанскихъ провинцій былъ поставленъ прямо и твердо одною изъ тѣхъ великихъ международныхъ группъ, на которыя дѣлится теперь Европа. Разумная, энергическая политика, ясно сознающая свои цѣли и точно рассчитывающая свои средства, не приводитъ и не можетъ приводить къ опаснымъ замѣшательствамъ и конфликтамъ, такъ какъ она своевременно предупреждаетъ ихъ; наглядный примѣръ такой политики представляетъ намъ Германія, сохраняющая внѣшнее миролюбіе уже болѣе тридцати лѣтъ и тѣмъ не менѣе преслѣдующая свои національныя интересы въ международныхъ дѣлахъ съ непреклонною энергіею и съ постояннымъ успѣхомъ. Какъ бы то ни было, мысль Леруа-Болье о созывѣ конференціи заслуживаетъ полного сочувствія, и попытка сдѣлать что-нибудь для прекращенія хроническихъ кровавыхъ неурядицъ на европейскомъ юго-востоцѣ едва ли встрѣтила бы отпоръ даже среди всегдашнихъ охранителей турецкаго status quo на Балканскомъ полуостровѣ.

Германія несомнѣнно принадлежитъ къ числу державъ, которыя отлично знаютъ, чего хотятъ и что имъ нужно; въ этомъ отношеніи императоръ Вильгельмъ II является вѣрнымъ выразителемъ интересовъ и потребностей своего государства. Вильгельмъ II систематически упрочилъ свои связи съ Турціей и извлекъ изъ этого сближенія значительныя выгоды для германской націи; онъ открылъ для нѣмецкой предпримчивости и нѣмецкихъ капиталовъ обширное поле дѣйствія въ Малой Азіи, устроивъ для нѣмцевъ концессию новой желѣзнодорожной линіи, имѣющей огромную будущность не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ смыслѣ. Вильгельмъ II ста-

рательно поддерживаетъ близкія дружественныя отношенія съ британскимъ правительствомъ, въ то время какъ неустанное и весьма успѣшное соперничество съ Англіею въ разныхъ частяхъ свѣта служить однимъ изъ руководящихъ принциповъ его политики. Германія, можно сказать, вырвала изъ рукъ англичанъ богатѣйшую добычу въ Китаѣ, не допустивъ подготовленнаго ими перехода долины Ян-тзе-Цяна въ сферу исключительнаго англійскаго вліянія. Мечтая о превращеніи германской имперіи въ первоклассную морскую державу, Вильгельмъ II ревниво слѣдитъ за каждымъ шагомъ Англии и нерѣдко предупреждаетъ или парализуетъ ея приобрѣтенія. Будучи близкимъ родственникомъ англійской королевской фамиліи, въ качествѣ внука королевы Викторіи и племянника короля Эдуарда VII, Вильгельмъ II умѣетъ пользоваться этой близостью въ интересахъ своей страны. Тѣсное сближеніе съ Англіею составляетъ также одну изъ давнишнихъ цѣлей его дипломатіи, такъ какъ для Германіи было бы чрезвычайно удобно расширять свое морское владычество при прямомъ или косвенномъ содѣйствіи англичанъ или по крайней мѣрѣ при ихъ официальномъ дружескомъ сочувствіи. Вильгельмъ II отрекся отъ нѣмецкихъ симпатій къ бургскимъ вождямъ, чтобы доставить невинное удовольствіе англичанамъ и заслужить ихъ признательность передъ поѣздкою своею въ Англію; но поѣздка его на этотъ разъ не была удачна и вѣроятно не имѣла предположенныхъ политическихъ результатовъ: она совпала съ неприятными разоблаченіями и разсужденіями англійской печати относительно внѣшней политики Германіи.

Въ ноябрьской книжкѣ журнала „National Review“, вышедшей въ свѣтъ за нѣсколько дней до прибытія Вильгельма II, помѣщены весьма рѣзкія обличительныя статьи противъ нѣмецкихъ патріотовъ и ихъ императора; одна изъ статей подписана дипломатомъ, бывшимъ британскимъ посломъ въ Вѣнѣ, сэромъ Горасомъ Рембольдомъ; другая принадлежитъ самому издателю, а подъ третьею значится таинственная подпись „A. V. C. etc.“ — коллективный псевдонимъ для разныхъ политическихъ дѣятелей, считавшихъ себя специалистами по внѣшней политикѣ. Общее вниманіе обратила на себя статья сэра Рембольда, какъ лица, занимавшаго еще недавно высокій постъ въ дипломатическомъ мірѣ и имѣвшаго возможность основательно изучить завулисныя пружины германской дипломатіи; этотъ компетентный авторъ, подъ предлогомъ восхваленія императора Франца-Иосифа, дѣлаетъ весьма язвительную характеристику его союзника, Вильгельма II, и отзывается крайне враждебно о Германіи, которая, по его „твердому убѣжденію“, остается „потенціально опаснѣйшимъ и неустаннымъ врагомъ Англии“. Сэръ Горасъ Рембольдъ сохраняетъ еще вѣжливость относительно германскаго императора и отдаетъ

справедливость его личнымъ дружественнымъ чувствамъ, не соответствующимъ настроенію германской націи; но въ другихъ статьяхъ высказываются довольно безцеремонныя замѣчанія и догадки о вѣроятныхъ политическихъ мотивахъ и цѣляхъ наружнаго англофильства Вильгельма II. Почти одновременно съ открытіемъ этой журнальной кампаніи противъ нѣмцевъ, появились въ газетахъ офиціозныя свѣдѣнія о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Германіи при переговорахъ, предшествовавшихъ очищенію Шанхая, и о попыткахъ ея виѣшательства въ вопросъ объ уступкѣ англичанамъ португальской бухты Делагоа въ южной Африкѣ. Въ наиболѣе вліятельной части англійской прессы устанавливается общій тонъ недовѣрія и раздраженія относительно Германіи, и этотъ тонъ достигъ наибольшей рѣзкости во время пребыванія Вильгельма II въ Англии. Въ привѣтственной передовой статьѣ по поводу прибытія „почетнаго гостя короля и націи“, лондонскій „Times“ замѣчаетъ, между прочимъ: „Привѣтствіе, съ какимъ мы встрѣчаемъ его, не должно быть понято въ томъ смыслѣ, что страна не помнитъ характера политики, преслѣдуемой германскимъ правительствомъ, или думаетъ смотрѣть на будущее развитіе ея съ небрежнымъ безразличіемъ. Ни чувства обязательной вѣжливости, ни уваженіе къ его сильной и притягательной личности не увлекутъ насъ на путь, по которому запрещаютъ намъ идти истинные интересы націи. Изъ прошлаго мы должны вспоминать примѣры, какіе слѣдуетъ вспоминать по соображеніямъ благоразумія. Мы надѣемся жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ Германіею, и постараемся не забывать, что рѣзкость ея дипломатическихъ приемовъ испытываютъ на себѣ и другіе, точно также какъ и мы. Но мягкая, податливая до вѣрчивость, въ которую мы впадаемъ слишкомъ охотно, должна быть признаваема неумѣстною при сношеніяхъ съ державою, которая такъ ясно показала свою готовность наносить раны и свою терпѣливую бдительность въ захватъ всякой выгоды, крупной или мелкой;—эти качества и стремленія не станутъ слабѣе подъ вліяніемъ нашихъ уступокъ и любезностей“. Вильгельму II было, конечно, не особенно пріятно видѣть въ Англии этотъ враждебный поворотъ въ сужденіяхъ о германской виѣшной политикѣ; но, въ сущности, нѣмецкое патріотическое чувство должно бы считаться удовлетвореннымъ: англичане признали нѣмцевъ своими достойными соперниками и ставятъ имъ въ вину только чрезмѣрные и систематическіе успѣхи въ преслѣдованіи тѣхъ крупныхъ и мелкихъ выгодъ, которыя прежде доставались одной Англии. Упреки англійскихъ патріотовъ равносильны похваламъ съ національной нѣмецкой точки зрѣнія. Осуждаемый англичанами за свою расчетливую, чисто дѣловую дипломатію, Вильгельмъ II можетъ

утѣшаться сознаниемъ, что эта дипломатія приноситъ посильную реальную пользу отечеству и народу.

Въ дѣлахъ внутренней политической жизни Германіи официальныя представители власти играютъ нѣсколько иную роль, и Вильгельмъ II не всегда довольствуется выраженіемъ и защитой того, что составляетъ дѣйствительный интересъ націи; онъ можетъ свободнѣе высказывать свои личныя чувства и идеи, не опасаясь практическихъ послѣдствій своихъ сужденій, и эти сужденія гораздо чаще противорѣчатъ господствующимъ взглядамъ, чѣмъ въ иностранной политикѣ. Когда умеръ одинъ изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ, Вирховъ, Вильгельмъ II ограничился официальной телеграммой къ его семейству, съ выраженіемъ своего соболѣзнованія; а недавняя смерть одного изъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ заводчиковъ, Круппа, превращена была въ официальное событіе первостепенной важности, и императоръ произнесъ цѣлую рѣчь противъ лицъ, печатавшихъ о покойномъ какія-то клеветы и сплетни. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что Круппъ былъ болѣе цѣннымъ украшеніемъ нѣмецкой націи, чѣмъ Вирховъ, или что пушечное дѣло важнѣе, чѣмъ развитіе и процвѣтаніе наукъ; но каждый понимаетъ, что, напр., военное вѣдомство должно было ближе интересоваться издѣліями заводовъ Круппа, чѣмъ сочиненіями величайшихъ ученыхъ. Случайныя или произвольныя разногласія въ оцѣнкѣ людей и событій проходятъ безслѣдно при обычномъ свободномъ просторѣ національнаго общественнаго мнѣнія въ Германіи.

Парламентскіе и политическіе споры, поднятыя проектомъ новаго таможеннаго тарифа, продолжаютъ волновать нѣмецкое общество и печать. По мѣрѣ того какъ подвигается впередъ обсужденіе его въ имперскомъ сеймѣ, оппозиція становится все болѣе энергичею и настойчивою, и борьба противъ аграрнаго протекціонизма все сильнѣе сосредоточивается въ рукахъ вождей социальна-демократической партіи. Чтобы помѣшать торжеству крупныхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ, добывающихся искусственнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ при помощи покровительственнаго тарифа, представители нѣмецкаго рабочаго класса прибѣгаютъ не только къ доводамъ логики и справедливости, но и къ спеціальнымъ приемамъ парламентской тактики, напоминающимъ отчасти систематическую обструкцію; они вносятъ десятки поправокъ къ каждому параграфу проекта, требуютъ поименныхъ голосованій по всякому вопросу или предложенію, произносятъ безконечныя рѣчи и стараются затянуть пренія всевозможными способами, къ великой досадѣ противниковъ. Большинство въ имперскомъ сеймѣ стоитъ за протекціонизмъ; консерваторы, националь-либералы и многочисленная партія центра имѣютъ противъ себя

только разрозненныя либеральныя группы и тѣсно сплоченную партію социаль-демократовъ. Меньшинство не имѣетъ уже шансовъ побѣды и располагаетъ единственнымъ лишь оружіемъ для противодѣйствія большинству—обструкціею въ различныхъ, болѣе или менѣе благовидныхъ ея формахъ; но и это оружіе можетъ быть отнято или значительно ослаблено волею большинства, путемъ соответственнаго измѣненія парламентскаго порядка обсужденія законопроектвъ. Одинъ изъ способовъ обструкціи, касающійся поименнаго голосованія, уже ограниченъ рѣшеніемъ большинства, принятымъ послѣ горячихъ двухдневныхъ преній; засѣданіе 13 ноября, посвященное этому второстепенному вопросу, продолжалось почти десять часовъ безъ перерыва и было закрыто по чисто внѣшней причинѣ—вслѣдствіе прекращенія дѣйствія электрическихъ аппаратовъ, освѣщающихъ залу палаты. Соціалистъ Гейне говорилъ въ теченіе трехъ съ половиною часовъ; внесено было болѣе двадцати предварительныхъ предложеній, и споры о голосованіи ихъ заняли значительную часть засѣданія; только на слѣдующій день удалось большинству провести предполагаемую ограничительную мѣру. Представители большинства грозятъ дальнѣйшими ограниченіями, если оппозиція не откажется отъ обструкціи, и не трудно предвидѣть, что всѣ усилія меньшинства останутся въ концѣ концовъ напрасными. Неутомимая энергія, обнаруженная социаль-демократическою партіею имперскаго сейма въ борьбѣ противъ аграрнаго протекціонизма, имѣла одинъ практическій результатъ: она заставила аграріевъ понизить свои требованія и согласиться на примирительныя предложенія правительства, такъ что проектъ тарифа будетъ вѣроятно принятъ безъ особенно крупныхъ измѣненій. Возможно ли будетъ, по принятіи новаго таможеннаго тарифа, возобновить торговые договоры съ другими державами и, главнымъ, образомъ съ Россіею на прежнихъ основаніяхъ—это другой вопросъ, о которомъ пока еще нельзя сказать ничего опредѣленнаго и который сильнѣе всего озабочиваетъ вліятельныя промышленныя сферы въ Германіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1902.

- Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Томъ первый. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра Перваго (1802 г. сентября 8—1825 г. ноября 19). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе канцеляріи Ком. мин. (Къ столѣтію Комитета министровъ 1802—1902). Спб. 1902.
- Томъ второй. Часть I. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 г. февраля 18). Спб. 1902.
- Томъ второй. Часть II. (Тотъ же историческій періодъ). Спб. 1902.

Нынѣшній годъ и слѣдующій отмѣчены особымъ богатствомъ историческихъ юбилеевъ. Въ нынѣшнемъ году совершилось столѣтіе съ основанія министерствъ, и сколько извѣстно, издаются ихъ исторіи, которыя, надо ожидать, представляютъ важный историческій матеріалъ; въ будущемъ году совершится двухсотлѣтіе основанія Петербурга.

Столѣтіе Комитета министровъ уже ознаменовано названнымъ выше изданіемъ. Обзоръ вѣковой дѣятельности учрежденія требовалъ, конечно, весьма продолжительнаго труда, и въ предисловіи мы читаемъ, что первое предположеніе объ этомъ обзорѣ исходило отъ управляющаго дѣлами Комитета, статсъ-секретаря Куломзина, когда председателемъ Комитета министровъ былъ М. Х. Рейтернъ, еще въ 1885 году.

На первый разъ, исполненіемъ этого плана имѣлось въ виду „открыть наукѣ доступъ къ хранящимся въ архивѣ Комитета министровъ историческимъ матеріаламъ, относящимся къ эпохѣ царствованія имп. Александра I и не подлежащимъ безусловной тайнѣ“. Такимъ образомъ, въ 1888—91 годахъ изданы были два тома „Журналовъ Комитета министровъ“ за 1802—1812 годы съ обширнымъ предисловіемъ, гдѣ изложена исторія возникновенія Комитета и разсмотрѣны его устройство и компетенція за время царствованія имп. Александра I. Дальнѣйшая работа была задержана тѣмъ, что въ 1892 г. учрежденъ былъ комитетъ сибирской желѣзной дороги, все дѣлопроизводство котораго сосредоточено было въ канцеляріи Комитета министровъ, что

и отыскло ея наличныя сѣды; но затѣмъ работа возобновилась, и составленіе обзора было поручено г. Середонину.

При составленіи „Обзора“ приняты были мѣры къ тому, чтобы внести въ него лишь тѣ стороны дѣятельности Комитета министровъ, которыя имѣли историческій интересъ. Иначе, дѣйствительно, „Обзоръ“ могъ быть загроможденъ массою архивнаго матеріала, совсѣмъ излишняго съ этой точки зрѣнія. Такимъ образомъ, отсюда исключены очень многочисленныя дѣла по личному составу управления: назначенія, увольненія, отпуска, пособія и т. п. О такихъ дѣлахъ предполагалось только упомянуть, какъ о разрѣшаемыхъ Комитетомъ. Такии же образомъ опускались дѣла, поступавшія въ Комитетъ только къ свѣдѣнію и которыя принадлежать собственно разнымъ министерствамъ и инымъ вѣдомствамъ.

Главное вниманіе обращено было на тѣ дѣла, въ рѣшеніи которыхъ Комитетъ принималъ непосредственное участіе, — и именно, во-первыхъ, дѣла, по которымъ состоялись рѣшенія Комитета, составляющія новыя законоположенія или доставлявшія образецъ для рѣшенія однородныхъ дѣлъ; во-вторыхъ, дѣла, по которымъ послѣдовали особыя Высочайшія резолюціи и по которымъ возникали въ Комитетѣ пренія; дѣла эти, между прочимъ, важны тѣмъ, что опредѣляли положеніе Комитета министровъ въ ряду другихъ высшихъ государственныхъ учреждений и его дѣятельность, „направленную къ согласованію закона съ дѣйствительностью“.

„На многихъ положеніяхъ Комитета находятся собственноручныя Высочайшія резолюціи; по многимъ дѣламъ подаваемы были особыя мнѣнія. Такимъ образомъ, помимо того интереса, который представляютъ вносимыя въ Комитетъ дѣла и его положенія, русской исторической наукѣ и литературѣ открывається рядъ документальныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о стремленіяхъ и воззрѣніяхъ государей Россіи XIX вѣка и ихъ главныхъ сотрудниковъ“.

Интересъ къ новѣйшей русской исторіи, столь естественный, въ послѣднее время очень распространенъ въ нашемъ обществѣ и постоянно возрастаетъ. Поэтому нельзя не встрѣтить съ особымъ сочувствіемъ слѣдующія замѣчанія предисловія, указывающаго взглядъ самаго вѣдомства:

„Разработка новѣйшей исторіи, столь необходимой для *общественнаго самосознанія*, у насъ только еще начинается; сложившіяся и слагающіяся представленія о ея главнѣйшихъ дѣятеляхъ основываются частью на показаніяхъ, свидѣльствахъ и впечатлѣніяхъ современниковъ этихъ лицъ, частью же на заключеніяхъ о характерѣ принятыхъ и проведенныхъ мѣропріятій.

„Даннымъ перваго рода, т. е. показаніямъ современниковъ, обык-

новенно слишкомъ субъективнымъ, журналы Комитета противопагаютъ показанія документальныя, подлинныя мнѣнія государственныхъ дѣятелей по многимъ вопросамъ управленія; сужденія, основанныя на общемъ характерѣ принятыхъ кѣмъ-либо мѣръ, журналы Комитета часто измѣняютъ или исправляютъ указаніемъ на условия и обстоятельства, при которыхъ проведены были эти мѣропріятія, и которыя, т.-е. обстоятельства и условия, оставались доселѣ неизвѣстными“.

Оба источника историческихъ свѣдѣній несомнѣнно имѣютъ великую важность; но, во всякомъ случаѣ, для нашихъ историческихъ изысканій имѣетъ первостепенную важность извлеченіе данныхъ изъ архивовъ государственныхъ учреждений, на первый разъ хотя въ общихъ обзорахъ, какъ настоящій,—и тѣмъ подробнѣе эти обзоры, тѣмъ, конечно, лучше.

Словомъ, „Обзоръ“ представляетъ очень цѣнный вкладъ въ новѣйшую русскую историографію.

— А. С. Борецкій. Милліонъ. Разсказъ. Спб. 1902. (Изданіе редакціи журнала „Образованіе“).

Въ предисловіи „издателя“ объясняется, что разсказу г. Борецкаго, помѣщенному въ журналъ „Образованіе“, повидимому, удалось заинтересовать нѣкоторые слои нашего интеллигентнаго общества: „этотъ интересъ вызывается отнюдь не художественной стороною разсказа, а обуславливается исключительно тѣми *чисто практическими* задачами, которыя поставлены въ немъ авторомъ“. А именно, разсказъ „имѣетъ своею цѣлью обратить вниманіе общества на неотложную необходимость возможно болѣе активной и систематической дѣятельности въ области внѣ-школьнаго образованія народа“. У автора сложилась цѣлая программъ, совмѣстившая „всѣ разнообразныя, *наиболѣе важныя и существенныя*“ (кажется, это—одно и то же) „нужды внѣ-школьнаго образованія народа“.

Затѣмъ, „издатель“ замѣчаетъ, что фабула разсказа неволью упоминаетъ „извѣстный англійскій романъ Вальтера Безанта, романъ, въ которомъ авторомъ былъ детально нарисованъ планъ „Народнаго Дворца“ въ Истѣ-Эндѣ. ...Роману Безанта суждено было сыграть *крупную и выдающуюся*“ (кажется, это—одно и то же) „роль въ дѣлѣ культурнаго развитія рабочихъ массъ, благодаря тому, что среди англійскаго общества тотчасъ же нашлись лица, которыя поспѣшили предложить свои средства для осуществленія плана, развитаго романомъ“.

Издатель выражаетъ надежду, что, быть можетъ, и настоящій

разсказъ, подобнымъ образомъ, возьмѣть практическія послѣдствія для „скорѣйшаго осуществленія“ этихъ задачъ, *проведенія ихъ въ жизнь*“ (кажется, это—одно и то же).

Фабула разсказа немногосложна. Существуетъ нѣкто Вьюгинъ, сотрудникъ журнала „Новыя Вѣянія“. Вьюгинъ—даровитый публицистъ, въ особенности горячій проповѣдникъ народнаго образованія, сколько возможно широкаго. Въ одно прекрасное утро является къ нему нѣкто Полозовъ, „архимилліонеръ“, который начитался статей Вьюгина, увлекся ими за себя и за своихъ брата и сестру, и въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ послѣдними, рѣшилъ сдѣлать пожертвованіе для прекраснаго дѣла, проповѣдуемаго Вьюгиннымъ. Всѣ Полозовы богаты; они сложились по нѣскольку сотъ тысячъ, такъ что новый знакомецъ Вьюгина предоставилъ въ его распоряженіе для цѣлей народнаго образованія—милліонъ. Они начинаютъ разсуждать, что нужно сдѣлать на этотъ милліонъ,—Полозовъ, впрочемъ, предоставилъ это на полное усмотрѣніе Вьюгина, который и развиваетъ цѣлую программу образовательныхъ изданій для народа, разъясняетъ, какъ составить редакцію этихъ изданій, какія излагать народу науки, съ какихъ книгъ начать и т. д., какъ задавать писателямъ темы, назначать конкурсы, и пр. Вьюгинъ все волновался, говорилъ... Наконецъ, онъ услышалъ стукъ въ дверь. Онъ остановился; пошелъ отворить дверь и встрѣтилъ посылнаго изъ типографіи, пришедшаго за статьей. Было утро. Оказалось, что „архимилліонеръ“ и вся восторженная бесѣда съ нимъ—былъ сонъ.

Намѣреніе автора было, конечно, самое лучшее. Но приѣмъ намъ не очень нравится. Беллетристическія манеры (какъ пришелъ къ Вьюгину редакторъ, какъ „пронеслась юркая горничная“, какъ редакторъ закурилъ папиросу и „выпустилъ огромную струю дыма“ и т. д.), по нашему крайнему разумѣнію, совершенно ненужны, потому что слишкомъ банальны; не нуженъ вовсе и самый сонъ. Неужели самый предметъ такъ мало значителенъ, что къ нему надо привлекать такими беллетристическими приманками? Примѣръ Вальтера Безанта сюда не совсѣмъ идетъ—по разнымъ причинамъ; между прочимъ, потому, что въ нашемъ обществѣ вовсе нѣтъ, какъ въ англійскомъ, такихъ просвѣщенныхъ „архимилліонеровъ“, которые способны были бы на подобныя широкія предпріятія; затѣмъ, есть громадная разница въ нравахъ, въ положеніи общественной инициативы, и т. д.

Одна изъ первыхъ задачъ для просвѣтительной филантропіи, которой преданы даровитый публицистъ и благожелательный „архимилліонеръ“, состоитъ не въ томъ, какую „программу“ установить для „внѣ-школьнаго образованія“, какую книжку издать сначала, и какую потомъ: „мракъ невѣжества“ у насъ безграниченъ, и съ какой полез-

ной книжки ни начинать—совершенно безразлично. Прежде, чѣмъ надѣяться на поддержку „общества“, надо бы вспомнить о цѣломъ положеніи вопроса. Несмотря на всѣ горькіе опыты, которые грозятъ продолжаться и впредь, опыты голодовъ и сельско-хозяйственнаго разстройства народа, въ чемъ несомнѣнно участвовало и отсутствіе порядочной школы,—у насъ все еще господствуетъ недовѣріе къ настоящей народной школѣ (нужна ли она, не довольно ли простой дьячковской школы?), даже прямо враждебное къ ней отношеніе. Не однажды можно было читать въ современной „прессѣ“, что народная школа не нужна,—потому что „народомъ невѣжественнымъ управлять легче“! Это почти невѣроятно, но мы это читали даже недавно, и такіа соображенія отзывались на судьбѣ школы. Это — одно глубокое и по истинѣ гибельное заблужденіе. Другимъ прискорбнымъ явленіемъ общественной жизни было издавна и донинѣ крайне неясное, не-обезпеченное положеніе общественной инициативы. Можно сказать, съ немалымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, что за послѣдніе десятки лѣтъ въ нашемъ обществѣ было много замѣчательныхъ примѣровъ дѣятельнаго интереса къ несомнѣнно благотворнымъ вопросамъ просвѣщенія, общественной и народной пользы,—какъ высшіе женскіе курсы (общіе и медицинскіе), комитетъ грамотности; но извѣстно, съ какими трудностями соединялось для общественной инициативы достиженіе этихъ задачъ, и, въ сожалѣнію, эти трудности бывали иногда неодолимы. Нѣкоторыя изъ самыхъ симпатичныхъ и полезныхъ предпріятій падали — не отъ недостатка къ нимъ интереса общества... Однимъ словомъ, предстоитъ еще задача — разъяснить основной вопросъ, который давно уже былъ поставленъ, но все еще не вошелъ въ общественное сознаніе, ни въ высшихъ вліятельныхъ кругахъ общества, ни въ народныхъ массахъ. Намъ вѣжетъ, было бы убѣдительно и полезно разъясненіе дѣла, не теоретическое только, и не лирическое, въ беллетристическихъ сновидѣніяхъ, а именно разъясненіе фактическое и наглядное. Въ настоящую минуту, въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ, работающихъ для правительственнаго Особаго Совѣщанія,—насколько эти труды бываютъ извѣстны въ печати,—является не мало очень цѣнныхъ указаній между прочимъ объ „умственныхъ и духовныхъ нуждахъ“ народной жизни. Собрать фактическія данныя подобнаго рода было бы очень полезно и, думаю, интересно для общества,—и вѣроятно, убѣдительнѣе, чѣмъ фантастическій сонъ, даже съ его украшениями во вкусѣ новѣйшей беллетристики („редакторъ выпустилъ огромную струю дыма“—изъ одной напирасы, что даже сомнительно; „юркая горничная пронеслась“ и т. п.).

Намѣренія автора „Милліона“ были прекрасныя; но вѣжетъ намъ,

что предметъ, который онъ такъ близко принимаетъ къ сердцу, требовалъ бы иного изложенія, именно фактическаго. Матеріала разсѣяно очень много въ журнальной и газетной печати, и стоило бы труда собрать эти осязательныя данныя народной нужды, которыя указывали бы, что необходимо для „внѣ-школьнаго“ образованія народа, а прежде всего для его образованія „школьнаго“.

— Обзоръ кустарныхъ промысловъ Россіи. Составленъ по порученію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, членомъ-дѣлопроизводителемъ Кустарнаго Комитета означеннаго министерства Н. В. Пономаревымъ, подъ редакціей Д. А. Тимирязева. Спб. 1902.

Прекрасно исполненное по внѣшности изданіе министерства земледѣлія и госуд. имуществъ очень любопытно и поучительно по своему содержанію. Кустарные промыслы русскаго народа въ послѣднее время стали предметомъ особеннаго интереса и изученія; недавняя выставка кустарныхъ издѣлій привлекла къ себѣ большое вниманіе и, вѣроятно, способствовала болѣе серьезному пониманію въ обществѣ этого обширнаго явленія народнаго труда. Изданіе министерства можетъ послужить, между прочимъ, цѣннымъ вкладомъ въ бытовое изученіе русскаго народа.

Книга отерывается обширнымъ предисловіемъ Д. А. Тимирязева, гдѣ авторъ разъясняетъ вопросъ объ экономическомъ значеніи кустарной промышленности, относительно котораго, какъ извѣстно, существуютъ мнѣнія положительныя и отрицательныя. Именно многіе думаютъ, что кустарная промышленность составляетъ принадлежность только болѣе или менѣе первобытнаго экономическаго строя и что, съ дальнѣйшимъ развитіемъ его, она должна неизбежно падать; что развитіе техническихъ знаній и другія условія экономическаго прогресса неизбежно поведутъ къ специализаціи и дробности труда и, въ концѣ концовъ, къ поглощенію мелкихъ производствъ крупными. Само собою разумѣется, что одно усовершенствованіе техники способно возымѣть большое дѣйствіе на кустарные промыслы, можетъ—если не уничтожить, то видоизмѣнить ихъ; что фабричное производство также окажетъ свое вліяніе, и производство кустарное можетъ, въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ, или падать, или получать иное направленіе,—но въ цѣломъ намъ представляются очень любопытными и поучительными общія замѣчанія г. Тимирязева объ условіяхъ и особенностяхъ нашего кустарнаго промысла. Возражая противъ упомянутыхъ ожиданій, что этотъ промыселъ долженъ упасть съ развитіемъ экономическаго строя и именно стать жертвою капитализма, авторъ

ставить общее положеніе, что „кустарная промышленность зиждется на началахъ, которыя находятся въ коренномъ противорѣчій съ характеромъ такъ называемой капиталистической эволюціи“. „Въ чистой своей формѣ кустарная промышленность представляетъ собою прежде всего соединеніе занятія земледѣліемъ съ занятіемъ какимъ-либо ремесломъ или какою-либо отраслью обрабатывающей промышленности. Затѣмъ, подъ кустарями слѣдуетъ разумѣть исключительно хозяевъ самыхъ мелкихъ предпріятій, въ основѣ которыхъ лежитъ преимущественно трудъ членовъ собственной семьи“... Общее развитіе техники и капиталистическаго производства имѣеть, безъ сомнѣнія, неблагоприятное значеніе для кустарной промышленности,—но, замѣчаетъ г. Тимирязевъ,—„въ нашемъ отечествѣ ходъ подобнаго рода эволюціи встрѣчаетъ трудно преодолимая препятствія въ естественныхъ условіяхъ“—прежде всего въ нашихъ безконечныхъ пространствахъ и продолжительныхъ зимахъ,—послѣднее даетъ много досуга на время превращенія полевыхъ работъ, и этотъ досугъ можетъ идти на домашнюю кустарную работу, гдѣ, какъ въ побочномъ дѣлѣ, рабочій можетъ довольствоваться скромнымъ заработкомъ. Наконецъ, подавляющее вліяніе капитала можетъ устраняться артельнымъ началомъ. „Опытъ свидѣтельствуетъ, что преимущество капитала весьма успѣшно парализуется при помощи такихъ мѣръ, какъ образованіе мелкими предпріятіями союзовъ съ специальными цѣлями совместной закупки сырыхъ матеріаловъ, совместнаго сбыта своихъ произведеній, совместнаго пользованія кредитомъ и т. п.“. „Въ настоящее время начало этого движенія наблюдается и у насъ. Исконная же склонность нашего населенія къ образованію артелей и наличность столь широко распространеннаго союза, какова община, представляютъ собою весьма благодарную и воспріимчивую почву для успѣшнаго примѣненія начала кооперации“. Авторъ приводитъ любопытные примѣры того, какъ промыселъ кустарный можетъ сохраняться рядомъ съ фабричнымъ производствомъ, какъ работа кустарная, напр. въ изготовленіи земледѣльческихъ орудій, представляетъ даже свои преимущества, когда въ своей передѣлкѣ упрощаетъ и удешевляетъ эти орудія, и т. п.

Можно было бы прибавить, что въ извѣстныхъ случаяхъ ручная, т.-е. кустарная работа предпочитается фабричной, напр. домотканый холстъ, кружево ручной работы и т. п.

Наконецъ, авторъ вкратцѣ упоминаетъ исторію отношеній правительства къ кустарнымъ промысламъ. Еще Екатерина II обращала на нихъ вниманіе и указывала пользу „разсѣянной промышленности“; но главнымъ образомъ интересъ къ этому вопросу развился только въ послѣдніи десятилѣтія: онъ выразился сначала экономическимъ и статистическимъ изученіемъ вопроса, а затѣмъ, съ 1886 г., когда вопросъ

о кустарной промышленности перешелъ въ вѣдѣніе министерства госуд. имущества, стали приниматься практическія мѣры къ поддержанію и развитію кустарныхъ промысловъ по программѣ, выработанной министерствомъ.

Затѣмъ, самая книга заключаетъ въ себѣ описаніе разнообразныхъ кустарныхъ промысловъ: обработка дерева;—волоконистыхъ веществъ;—металловъ;—минераловъ. Описываются способы производства, указывается мѣстность промысла; наконецъ, приложены 34 рисунка, изображающіе обстановку работы.

— П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ Спб. 1902.

Г-нъ Милюковъ сдѣлалъ несомнѣнно большое удовольствіе своимъ читателямъ и почитателямъ, собравши въ книгу статьи по исторіи русской интеллигенціи, разбросанныя въ журналахъ и газетахъ, гдѣ, послѣ данной минуты, ихъ было бы трудно разыскивать. Статьи извлечены изъ „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдомостей“, „Міра Божьяго“ и т. д.; въ текстѣ „не сдѣлано никакихъ измѣненій, кромѣ очень немногихъ стилистическихъ поправокъ, имѣвшихъ цѣлью облегчить чтеніе“. „Поводомъ собрать въ одинъ сборникъ всѣ статьи, относящіяся къ „Исторіи русской интеллигенціи“, было желаніе автора сдѣлать эти статьи доступными для читателей его „Очерковъ по исторіи русской культуры“,—чтобы тѣмъ самымъ освободить себя отъ необходимости повтореній въ составляемомъ теперь III томѣ „Очерковъ“.

Своими „Очерками“ и обзоромъ русской историографіи авторъ приобрьлъ такой, вполне заслуженный, авторитетъ, что нѣтъ надобности говорить о великомъ интересѣ и поучительности новой его книги. Это—рядъ историческихъ очерковъ, на пространствѣ послѣднихъ полутора вѣковъ русской общественности, очерковъ, написанныхъ съ обычной у автора вдумчивостью въ содержаніе историческихъ явленій и опредѣленностью ихъ изображенія. Въ книгѣ помѣщены слѣдующія статьи: „Верховники и шляхетство“—новое изложеніе и освѣщеніе событій вступленія на престолъ имп. Анны Иоанновны; „Сергій Тим. Аксаковъ“; „Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“ (Станкевичъ; Бѣлинскій; А. И. и Н. А. Герцены); „Памяти Герцена“ (главныя черты его жизни); „По поводу переписки В. Г. Бѣлинскаго съ невестой“; „Надеждинъ и первыя статьи Бѣлинскаго“; „Университетскій курсъ Грановскаго“ (обозрѣніе историческихъ взглядовъ Грановскаго и роль его въ исторіи университетскаго историческаго препо-

даванія); „Разложеніе славянофильства“ (Н. Данилевскій, К. Леонтьевъ, Вл. С. Соловьевъ).

Собирая свои разбросанныя въ журналахъ и другихъ изданіяхъ статьи, г. Милововъ сдѣлалъ къ нимъ и весьма любопытное дополненіе—въ иллюстраціяхъ.

„Благодаря любезному разрѣшенію г. директора Государственнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, С. М. Горяинова, и содѣйствию служащаго въ Архивѣ, Н. П. Павлова-Сильванскаго, оказалось возможнымъ приложить къ настоящему изданію факсимиле интереснаго историческаго документа—„кондицій“ имп. Анны, сперва подписанныхъ ею, а потомъ разорванныхъ, но сохранившихся въ Государственномъ Архивѣ. Снимокъ съ рельефнаго изображенія Станкевича сдѣланъ былъ, по моей просьбѣ, уважаемой Н. С. Бакуниной, у которой хранится оригиналъ. Снимокъ съ малоизвѣстнаго портрета Герцена—въ томъ возрастѣ, къ которому относится его переписка съ будущей женой, Н. А. Захарьиной,—и съ портрета самой Н. А., сдѣланнаго въ Италіи въ 1847 году, любезно сообщены мнѣ извѣстной изслѣдовательницей сороковыхъ годовъ, Е. С. Некрасовой. Портретъ молодого Бѣлинскаго,—тоже въ томъ возрастѣ, къ которому относятся главныя событія его сердечной исторіи (27—28 лѣтъ, въ 1837—1838 году),—недавно былъ изданъ въ краскахъ во II томѣ „Полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго“, п. р. С. А. Венгерова“.—А. П.

— По Москвѣ и ея окрестностямъ. Путеводитель-справочникъ для туриста и исквича. Изданіе постоянной комиссіи по техническому образованію. М. 1903. Состав. П. Ф. Горностаевъ и Я. М. Богуславскій. Ц. 1 р. 25 к.

Изящно изданная книжка, съ многими иллюстраціями и картами, составлена по строго обдуманному плану—представляетъ въ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ не только внѣшній видъ, но и внутреннюю жизнь Москвы, въ связи ея настоящаго съ ея историческимъ прошлымъ. Отсюда включеніе въ „Путеводитель“ историческаго очерка Москвы, очерка развитія Москвы въ художественно-архитектурномъ отношеніи, очерка жилищныхъ и санитарныхъ условій города, дѣятельности городского общественаго управленія и т. д. Въ общемъ, книжка составлена очень хорошо и полно, но въ будущихъ изданіяхъ этого несомнѣнно полезнаго и предназначеннаго для усиленія средствъ образовательныхъ учреждений московскаго отдѣленія императорскаго русскаго техническаго общества труда желательно видѣть исправленіе нѣкоторыхъ частныхъ. Такъ, напр., въ историческомъ очеркѣ Москвы совершенно категорически утверждается, что Лжедмитрій I

былъ инокъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ, и что Наказъ Екатерины II написанъ по сочиненіямъ Монтескье и энциклопедистовъ, тогда какъ современное состояніе вопроса о первомъ самозванцѣ не даетъ основанія для такого рѣшительнаго взгляда на происхожденіе и личность послѣдняго, а послѣ труда С. М. Заруднаго о Беккарии можно считать доказаннымъ, что Наказъ въ значительной части есть переводъ сочиненія знаменитаго итальянскаго писателя „*Dei delitti e peni*“. Нелѣзнымъ представляется сообщеніе о томъ, что старше бояре, съ Василіемъ Шуйскимъ во главѣ, *воспользовались* присутствіемъ поляковъ въ Москвѣ, чтобы низложить и убить самозванца. Слишкомъ односторонне охарактеризованъ кружокъ Станкевича, и едва ли правильно помѣщена консультація помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ среди ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Нельзя не замѣтить, что и прекрасная мысль указать могилы русскихъ писателей выполнена не совсемъ удачно. Не указаны многія памятные имена, а нѣкоторыя охарактеризованы неполно и поверхностно. Такъ, забыта могила—въ Донскомъ монастырѣ—Н. И. Крылова, одного изъ талантливейшихъ и любимѣйшихъ профессоровъ московскаго университета, и въ Новодѣвичьемъ—Владимира Сергѣевича Соловьева; не указаны мѣста, гдѣ лежатъ въ Даниловскомъ монастырѣ Николай Рубинштейнъ и Перовъ; Ѡ. М. Дмитріевъ, авторъ солиднѣйшихъ ученыхъ трудовъ, отмѣченъ лишь какъ авторъ *брошюры* „О революціонномъ консерватизмѣ“ и т. п.

Цѣна книжки — 1 р. 25 коп. въ переплетѣ — можетъ быть признана довольно умѣренной. — К.

Въ теченіе ноября, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры.

Абамелекъ-Лазаревъ, кн.—Вопросъ о нѣдрахъ и развитіе горной промышленности въ XIX столѣтіи. Спб. 902.

Амненская, А. Н.—Анна, романъ для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. 902. Ц. 50 к.

Бабинъ, Мих.—Индивидуализмъ римскаго права. Ярославль. 902.

Безтъевъ, С. С.—Хозяйственные итоги истекшаго сорокатысячлѣтія и мѣры въ хозяйственному подъему. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Блинновъ, Н.—Жизнь Робинзона. Съ 102 рис. Изд. 3-е. М. 902. Ц. 70 к.

Блюменталь, д-ръ, Ф. М.—Объ амбулаторіяхъ для легочныхъ больныхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи и значеніе ихъ въ дѣлѣ борьбы съ туберкулезомъ. Спб. 902.

Бодановъ, А.—Краткій курсъ экономической науки. Изд. 3-е. М. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Болословскій, Н. А.—Матеріалы для изученія нижнепѣловой аммонитовой фауны центральной и сѣверной Россіи. Съ 18-ю палеонтологическими таблицами. Спб. 902.

Болконскій, А.—Ученіе гр. Л. Н. Толстого о всеобщемъ мирѣ. Критическій этюдъ, съ очеркомъ развитія дѣла всеобщаго мира съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Воронежъ. 902. Стр. 83. Ц. 50 к.

Боровиковскій, А. Л.—Конституція семьи, по проекту гражданского уложенія. Спб. 902.

Брандесъ, Георгъ.—Собраніе сочиненій. Съ датскаго, п. р. М. В. Лучицкой. Т. VII: Реакція во Франціи. Кіевъ. 902. Т. VIII: Романтическая школа во Франціи. Кіевъ. 902. Ц. за всѣ 12 томовъ—5 руб.

Браунъ, Дили.—Женскій вопросъ, его историческое развитіе и экономическое значеніе. Спб. 903. Ц. 2 р.

Бринъ-Гумдъ и Брунъ.—Въ дѣсахъ Флориды. Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Составл. М. Гранстремъ. Спб. 903.

Вегетарианка.—Нѣчто о вегетарианствѣ, Вып. 1. Спб. 902. Ц. 15 к.

Витте, С.—Повѣсти: У озера.—На волоскѣ. Од. 901. Ц. 75 к.

— Разказы: Три встрѣчи. — Новое счастье. — Сенька. Од. 1899. Ц. 40 к.

— Первый опытъ, пов. Од. 1893. Ц. 75 к.

Головина, К. (К. Орловскій).— Полное собраніе сочиненій. Т. VI: Блудный братъ, ром. въ 2 ч. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Горюстаевъ, П. Ѳ., и Боусласкій, Я. М.— По Москвѣ и ея окрестностямъ. Путеводитель-справочникъ для туриста и москвича. Съ 50 иллюстр., картин. окрестностей Москвы и планомъ города. М. 902. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

Гриммъ, братья.—Сказки и Легенды. Перев. А. С. Фридеманъ. Съ иллюстраціями. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 902. Ц. за 2 т.—2 р. 40 к.

Добольскій, Н. Н.—Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Дитрихъ, Г., д-ръ.—Леченіе свѣтомъ и его приименіе при болѣзняхъ кожи, почекъ, разстройствѣ обшѣна вещества, ревматизмѣ, подагрѣ, волчанкѣ, малокровіи; болѣзней немочи, обшѣй слабости и т. д. Перев. В. К.—ой, п. р. и съ примѣч. Г. Цѣханскаго. М. 903. Ц. 50 к.

Дорошевичъ, В. М.—Сахалинъ. (Каторга). Съ иллюстраціями. М. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Зайцевъ, проф., А. М.—Озеро Шира и его окрестности. Съ 15-ью фототипи и картою. Томскъ. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Зеленковъ, д-ръ мед., А. П.—Биологическія бесѣды. Вып. 1. Спб. 902. Ц. 35 к.

Зелинскій, В.—Методическая хрестоматія для обученія русскому языку. III: Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и образцовыхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 3-е. М. 902. Ц. 1 р.

Ильенко, И.—Закаспійская область. Очеркъ. М. 902. Ц. 25 к.

Катаевъ, К.—Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство въ Россіи. М. 902. Ц. 25 к.

Калламанъ, В. В.—Ruschkiniāna. I. Библиографическіе труды о Пушкинѣ, ихъ обшій характеръ и научное значеніе. II. Стихотворенія о Пушкинѣ. 1817—1849. Кіевъ. 902.

Карионовъ, Ю. И.—Разказы о пѣсняхъ и пѣвцахъ. Очерки изъ исторіи литературы. Саратовъ. 902. Ц. 15 к.

Картезъ, Н.—Учебная книга Древней исторіи. Съ историческими картами. 2-е изд. Первое допущ. Учен. Комит. мн. нар. просв., какъ учебное руковод., въ старшихъ классахъ гимназій. Спб. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Божественкова, Марія.—Материнство и умственная работа. М. 902. Ц. 25 к.

Кондратьева, д-ръ, А. П.—Краткій курсъ военной гигиены, со включеніемъ правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и на полѣ сраженія. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Кирвичиковъ, А.—Повѣсти и рассказы. Кн. I. М. 902. Ц. 70 к.

Косицъ, М. Н.—Литвины-Бѣлоруссы черниговской губерціи, ихъ бытъ и гѣсны. Спб. 902.

Котляръ, Д. И.—Срединное царство. Очеркъ жизни и исторіи Китая. Съ 21 рис. въ текстѣ. Изд. О. Поповой. Спб. 903. Ц. 80 к.

Лависсъ, чл. франц. акад.—Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исторіи, среднихъ вѣкахъ и объ исторіи новаго времени. Т. II. Современная эпоха. Перев. съ 12-го изд. Е. Кончаловской. М. 903. Ц. 85 к.

Ландсбергъ, Г.—Долой Гаутмана. Съ нѣм. М. Семенова. М. 902. Ц. 70 к.

Левинъ, Е. Б.—Сборникъ ограничительныхъ законовъ и постановленій о евреяхъ по 1-е июля 1902 г. Спб. 902.

Литтсъ, Т.—Самосознаніе. Съ нѣм. М. Лихаревъ. Спб. 903. Ц. 30 к.

Логвицкая (Жиберъ), М. А.—Стихотворенія. Т. IV. 1900—1902. Спб. 903. Ц. 2 р.

Лукаковский, В. А.—Русскіе писатели въ польской литературѣ. Вып. I: Гоголь. Спб. 903. Ц. 40 к.

Лютостанскій, И.—Талмудъ и Евреи. I. Талмудъ есть религіозный катихизисъ и въ немъ вся сила злобно-ядовитого ученія противъ христіанъ. II. Евреи и тайныя дѣянія ихъ по ученію Талмуда: Компилція изъ равныхъ талмудовъ и комментариевъ. Книга первая, изд. 3-е, исправл. и дополн. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Мельшинъ, Л.—Въ мирѣ отверженныхъ. Записки бывшаго ваторжника. Т. II. 2-е изд. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Метель-Фейтъ.—Живчикъ. Рассказъ для дѣтей. Съ англ. М. Гранстремъ. Съ 20 рис. 2-е изд. Одобрено Учен. Комит. по учрежд. имп. Маріи для ученицъ библ. и младш. классовъ средне-учебн. заведеній. Спб. 902. Ц. 2 р.

Миллюковъ, П.—Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ. Съ портретами: Н. Станкевичъ; В. Вѣлинскій; Н. А. Герценъ; А. И. Герценъ, и снимокъ съ „Кондицій“ имп. Анны. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Можаровскій, Ал.—Звѣріада. Сказка-поэма изъ русскаго животнаго эпоса. Тамб. 902. Ц. 60 к.

Мутеръ, Р.—Исторія живописи въ XIX-мъ вѣкѣ. Т. III. Перев. З. Венгеровой. Спб. 902.

Нордау, Максъ.—Собраніе сочиненій. Съ нѣм., к. р. В. Н. Михайлова. Т. VIII: I. Болѣнь вѣка. II. Анализъ души. Кіевъ. 902. Ц. за 12 том. 5 р.

Оболенскій, Л. Е.—Максимъ Горькій и причины его успѣха. (Опытъ параллеля съ А. Чеховымъ и Глѣбомъ Успенскимъ). Критическій этюдъ. Спб. 903. Стр. 142. Ц. 50 к.

Ожешко, Элиза.—Собраніе сочиненій. Т. X: I. Одна сотня. II. Хамъ. Съ польск. п. р. С. С. Зелинскаго. Кіевъ. 902. Ц. за 12 т.—4 р.

Пекаторосъ, Г.—Современныя настроенія. Діалоги. Од. 902. Ц. 20 к.

Першке, Л. Л.—Отчетъ завѣдущаго акціонными сборами Закавказскаго края о ходѣ акціоннаго дѣла въ 1900 г.

Пилленко, Ал.—Право изобрѣтателя. Привилегія на изобрѣтенія и ихъ защита въ русскомъ и международномъ правѣ. Историко-догматическое изслѣдованіе. Т. II. Спб. 903. Ц. 2 р.

Платоновъ, А.—Вокругъ мака. I. Давно рѣшенный вопросъ и новый споръ по поводу него. II. Что намъ говорить „Исповѣдники“ Боборыкина? III. Изъ мрака въ царство свѣта. Красноярскъ. 902.

Подкольскій, В. В.—Вечеромъ. Разказы. Спб. 903. Ц. 1 р.

Потыковъ, Н. И.—Ничего. Разказы про людей. Спб. 903. Ц. 1 р.

Пономаревъ, Н. В.—Обзоръ кустарныхъ промысловъ Россіи, составл. п. р. Д. А. Тимирязева. Изд. Мин. Землед. и Г. Им. Спб. 902.

Прокоповичъ, С. Н.—Кооперативное движеніе въ Россіи. Спб. 903. Ц. 2 р.

Р., И.—Рабиновичъ и Сионизмъ. Спб. 902. Ц. 15 к.

Рагозина, З. А.—Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Ассиріи, отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи. Съ 101 рис. и 2-ми картами, печат. красками. Спб. Изд. А. Маркса. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Роберовскій, В. И.—Труды экспедиціи Имп. Русск. Географ. Общ. по Центральной Азіи, совершенной въ 1893—95 гг. Ч. II. Спб. 99.

Рѣскингъ, Дж.—Сочиненія. Серія I, кн. 8: Радость на вѣки и ея рыночная цѣна, или политическая экономія искусства... Двѣ лекціи, читанныя въ Манчестерѣ, въ 1857 г. Перев. Л. Никифоровъ. М. 902. Ц. 60 к.

Реформатскій, А.—Неорганическая химія. Начальный курсъ. Съ 7 портр. и 95 рисунками. М. 903. Ц. 2 р.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Перев. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ, п. р. Ю. Энгеля. Вып. VIII. М. 903.

Россиевъ, П.—Сѣверная Русь. Очерки и картинки. Съ 16 рис. 903. М. Ц. 20 коп.

Самаринъ, Федоръ.—О мірской надѣльной землѣ. Замѣчаніе на статьи Б. Н. Чичерина по поводу пересмотра законодательства о крестьянахъ. М. 902. Ц. 60 к.

Сергиевъ, протоіерей І. И. (Кронштатскій).—Полный годичный кругъ поученій. Безплатное иллюстрированное приложеніе къ журналу „Православное Русское Слово“ на 1902-й годъ. Спб. 902.

Сикорскій, проф., И. А.—О книгѣ В. Вересаева: „Записки врача“. Что даетъ эта книга наукѣ, литературѣ и жизни. Кіевъ. 902.

Смолевскій, И. И.—Учебникъ гинекологической анатоміи, съ указаніемъ на фѣзическія отправления женскихъ половыхъ органовъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 40 р.

Соколовъ, М. Е.—Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губерніи о Стенькѣ Разинѣ. Сарат. 902. Ц. 20 к.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ.—Собраніе сочиненій. Т. IV и V: 1883—1897. Спб. 902. Въ 8 томахъ, ц. 12 руб.

Тарновская, П. Н., вр.—Женщины-убійцы. Антропологическое изслѣдованіе. Съ 163 рис. и 8 антропометр. табл. Спб. 902. Ц. 4 р.

Таубе, бар., М. А.—Христіанство и организація международного мира. Спб. 902. Ц. 60 к.

Тевель, М.—Принцъ и ишій. Съ англ. З. Журавской. Съ 142 рис. въ текстѣ. Спб. 902.

Тезляковъ, Н. И., земскій санитарный врачъ.—Бесѣды по гигиенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. 3-е изд., съ 5 рис. Ц. 40 к.

——— I. Заболѣваемость населенія Воронежской губерніи въ 1899 г. II.

Частный обзоръ главнѣйшихъ заразныхъ заболѣваній, составл. В. Успенскимъ и др. Вор. 902.

Урсандвагъ, Левъ.—Ночь и другіе рассказы. Спб. 902. Ц. 1 р.

Уэльсъ, Г.—Предвидѣнія о воедѣйствіи процесса механики на человѣческую жизнь и мысль. Перев. съ 6-го англ. изд. А. Каррикъ. М. 902. Ц. 1 р. 50 коп.

Фелонинъ, А. В.—Д. В. Веневитиновъ. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 902. Ц. 30 к.

Фирсовъ, П. П.—Введеніе къ изученію научнаго метода. Логическія основанія элементарной алгебры. Пособіе къ самообразованію. 2-е изд. Спб. 902.

Цейнеръ, М.—стихотворенія. Изд. 2-е. Томскъ. 902. Ц. 75 к.

Циенъ, проф., Т.—Отношеніе мозга къ душевной дѣятельности. Съ нѣм. Спб. 902. Ц. 40 к.

Чайковскій, М.—Жизнь П. И. Чайковского. Т. III, вып. 22. 188—93. М. 902.

Чуриковъ, А. В.—Отчетъ по командировкѣ на р. Вислу. Спб. 902.

Шевченко, Т. Г.—Мотивы поэзіи. Перев. С. Дремцова. Вып. I. Съ иллюстрац. и фрагментами музыки М. Лисенко. Вятка. 902. Ц. 45 к.

Щепкина-Куперникъ, Т.—Около кулисъ. М. 903. Ц. 1 р.

Я., П.—Стихотворенія. Т. I: 1878—1897. Т. II. 1898—1902. 5-е и 2-е изд. Спб. 902. Ц. 2 р.

Якимовъ, Василій.—По слѣдамъ голода. Изъ воспоминаній. Спб. 903. Ц. 1 р.

Lanceray, Olga.—Anthologie des poètes russes, traduits en vers français. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Pellissier, G.—Précis de l'histoire de la Littérature Française. Illustré de 85 portraits. Par.

Vinogradoff, Paul, D. C. L.—The reforming work of the Tzar Alexander II and the meaning of the present development in Russia. Cambridge, University Press. 902.

— Библіотека для самообразованія. XXII: М. А. Гансъ. Краткое руководство по стереохиміи. Съ франц. М. 902. Ц. 1 р.

— Библіотека Попечительства о Домахъ трудолюбія и Работныхъ домахъ. Спб. 902.

— Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1902 г. Іюнь—Августъ. № 9 (4). Полт. 902.

— Изъ рукописнаго собранія Одесской городской Публичной Библіотеки. I: Письмо И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стечкенинымъ. Изд. М. М. Толстого, п. р. М. Попруженка. Од. 903.

— Николай Федоровичъ ванъ-деръ-Флитъ. Опытъ біографическаго очерка. Спб. 902.

— Обзоръ дѣятельности Правительства на пользу кустарной промышленности. 1888—1902. Изд. Мин. Земл. и Гос. Им. Спб. 902.

— Отказъ проф. А. И. Введенскаго отъ третейскаго разбирательства. (Документы). Изданіе А. Н. Нечаева. Спб. 902.

— Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1900 годъ.

- Отчетъ о состояніи Училища при реформатскихъ церквяхъ за 1901—1902 г. Спб. 902.
- Протоколы засѣданій Общества психіатровъ въ С.-Петербургѣ за 1900—1901 гг. Спб. 902.
- Русское Общество акклиматизаціи животныхъ и растений. Вып. 7, 8 и 9: Дневникъ отдѣла Ихтиологін, п. р. В. Погоржельскаго. М. 902. Ц. по 20 к.
- Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 112. Спб. 901. Ц. 3 р.
- Сводъ статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX-го вѣка. Съ приложеніемъ картограммъ и диаграммъ. Вып. I Изд. Мин. Земл. и Г. Им. Спб. 902.
- Сельскій трудъ. № 5: Ив. Поповъ, О ковкѣ лошадей и объ уходѣ за копытомъ. Съ 4 рис. Ц. 2 к. № 6: В. Бажаевъ, Какъ завести правильное полевое травосѣяніе. Съ 4 рис. Спб. 902. Ц. 7 к.
- Справочный Указатель кустарныхъ промысловъ и кустарныхъ мастеровъ. Вып. V. Изд. Мин. Земл. и Г. Им. Спб. 902.
- Труды Карабугазской экспедиціи. Отчеты Мин. Землед. и Госуд. Им. Съ 12 карт., 13 диаграммами, 6 разрѣз. и 5 снимками. Спб. 902.
- Труды опытныхъ лѣсничествъ. 1902 г. 1-й вып. Спб. 902.
- Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1899 годъ. Составилъ А. Д. Педашенко. Спб. 902.
- Указатель Всероссийской Кустарно-Промышленной Выставки 1902 г. Спб. 902.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

N. A. Nekrassow. Gedichte. Im Verfass des Originals von F. Fiedler. Стр. 97. Leipzig. Verl. von Ph. Reclam jun.

Въ текущемъ году, 27-го декабря, исполняется двадцать-пять лѣтъ со дня смерти Некрасова, и чествованіе его памяти уже началось— съ появленія нѣмецкаго перевода его лирическихъ стихотвореній. Фридрихъ Фидлеръ, хорошо извѣстный въ Россіи и Германіи переводчикъ русскихъ поэтовъ, приурочилъ къ предстоящему двадцатипятилѣтію изданіе сборника стихотвореній Некрасова на нѣмецкомъ языкѣ. Г. Фидлеръ—очень ревностный распространитель русской поэзіи въ Германіи; зная въ одинаковой степени оба языка, и относясь съ величайшей добросовѣстностью и любовью къ своему дѣлу, точно передавая и смыслъ и краски русскихъ поэтовъ въ своихъ переводахъ. Онъ ежегодно знакомитъ иностранную публику съ какимъ-нибудь изъ выдающихся русскихъ стихотворцевъ, и успѣлъ уже составить довольно полное собраніе русскихъ поэтовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Только что вышедшій переводъ Некрасова принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ въ серіи, изданной г. Фидлеромъ. Онъ вполне овладѣлъ размѣромъ подлинника, вѣрно передаетъ духъ Некрасовской поэзіи, такъ что его нѣмецкіе читатели смогутъ вполне понять въ его передачѣ поэта „мести и печали“, а также ознакомиться и съ нѣжно лирической стороной таланта Некрасова. Выборъ стихотвореній для перевода сдѣланъ съ большимъ вкусомъ и съ пониманіемъ всѣхъ сторонъ творчества Некрасова. Конечно, не все могло войти въ небольшой сборникъ. Г. Фидлеръ ограничился, во-первыхъ, только лирикой Некрасова; къ тому же нѣкоторыя изъ его эпическихъ поэмъ („Кому жить на Руси хорошо“ и „Русскія женщины“) переведены имъ уже раньше, въ настоящей же сборникъ вошли только стихотворенія и нѣсколько менѣе длинныхъ поэмъ: „Рыцарь на часъ“, „Сапа“, „У параднаго подъѣзда“. Изъ стихотвореній г. Фидлеръ перевелъ все, что наиболѣе извѣстно и цѣнно въ поэзіи Некрасова. Нѣмецкіе читатели ознакомятся по его сборнику съ поэтомъ-гражданиномъ, скорбящимъ о жертвахъ общественныхъ условій въ „Убогой и нарядной“, съ печальникомъ народнаго горя въ „Размышленіи у параднаго подъѣзда“, съ

пѣвцомъ суровой крестьянской доли въ „Забитой деревнѣ“, а также и съ глубиной чистаго лиризма Некрасова въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Мать“, поэма „Рыцарь на часъ“ и др. Есть въ сборникѣ и сатирическіе стихи, и такіе, въ которыхъ сказывается умѣнье Некрасова описывать унылую бѣдную природу, какъ напр. „Несжатая полоса“—такъ что, въ общемъ, Некрасовъ представленъ очень полно, и всѣ струны его поэзіи звучатъ въ выбранныхъ г. Фидлеромъ для перевода стихотвореніяхъ. Кое-какіе недочеты есть въ его выборѣ; жаль, напримѣръ, что онъ не включилъ въ сборникъ „Крестьянскихъ дѣтей“, гдѣ любовь поэта къ народу сказывается въ бодрыхъ звукахъ и свѣтлыхъ сельскихъ картинахъ; но г. Фидлеръ, очевидно, стѣсненъ опредѣленными размѣрами своего сборника, и ограничился поэтому самыми характерными стихотвореніями.

Что касается достоинствъ перевода, то, какъ мы уже сказали, духъ поэзіи Некрасова сохраненъ въ переводѣ. Некрасовъ—глубоко національный поэтъ, и по внутреннему содержанию, и по языку. Но чисто русская окраска его поэзіи выражается очень конкретно, и потому легче поддается передачѣ на другой языкъ, чѣмъ болѣе индивидуальная по настроеніямъ, хотя и менѣе обособленная по колориту поэзія Лермонтова, Тютчева—не говоря уже о Пушкинѣ, всѣ переводы котораго не могутъ и отдаленно сравниться съ оригиналомъ, хотя, казалось бы, его общечеловѣческая, классическая по формѣ поэзія могла бы быть создана на какомъ угодно языкѣ. Но дѣло въ томъ, что колоритъ, составляющій національную особенность, всегда ясенъ и осязателенъ, и потому можетъ быть воссозданъ на другомъ языкѣ—конечно при умѣннѣ переводчика справиться съ этой задачей; непередаваема же именно индивидуальная основа, *quid propter* поэта, потому что это составляетъ нѣчто неуловимое, таинственное, скрывающееся за словами. Колоритъ поэта, національный на своемъ языкѣ, становится экзотичнымъ на другомъ; то же, что не относится къ духу языка, а составляетъ сущность даннаго поэта, также непередаваемо, какъ нельзя передать на одномъ и томъ же языкѣ настроеній одного человѣка словами другого. Много примѣровъ доказываютъ, что колоритъ возможно передать, чѣмъ лирическую сущность: изъ всѣхъ стихотвореній Лермонтова наиболѣе удачно переведена „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ на нѣмецкій языкъ. Первый переводчикъ Лермонтова, Боденштедтъ, вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу успѣхъ своего перевода этой, казалось бы, чисто русской поэмы. Но онъ не отдавалъ себѣ отчета, что чисто русскія черты этой поэмы заключаются во внѣшнихъ предметныхъ и фактическихъ чертахъ, о которыхъ можно дать представленіе и словами другого языка; гораздо труднѣе передать хотя бы, напр., „Ангела“, гдѣ всѣ слова обыкновен-

ныя, существующія на всѣхъ языкахъ, между тѣмъ, какъ сочетаніе ихъ создаетъ единственную въ своемъ родѣ гармонию—и ее никакими иными словами передать нельзя. Некрасовъ, въ силу своей колоритности, представляетъ благодарную задачу для переводчика, и съ этой задачей г. Фидлеръ превосходно справился. Нѣмецкимъ читателямъ поэзія Некрасова покажется, конечно, экзотичной, описывающей чуждыя имъ печали и незнакомыя картины природы и жизни; но это только увеличить вѣроятно ихъ интересъ къ поэту, также какъ экзотичность среды, описываемой Горькимъ, способствовала успѣху его на Западѣ. Общечеловѣческая сторона поэзія Некрасова, его скорбная любовь къ матери, его умиленное чувство передъ тихими печальными зрѣлищами родной природы, все это настолько ясно и конкретно, что можетъ быть вполне понято въ точной и красочной передачѣ столь опытнаго и хорошо знающаго свое дѣло переводчика, каковъ г. Фидлеръ. Онъ хорошо справился даже съ такой трудной для перевода поэмой, какъ „Рыцарь на часъ“, вѣрно передавъ общій тонъ настроенія и колоритъ унылаго сельскаго пейзажа. Къ числу лучшихъ переводовъ принадлежитъ также „Внимая ужасамъ войны“ и „Убогая и нарядная“—особенно трудное для передачи стихотвореніе, въ виду картинной сжатости опредѣленій. Не особенно удачно переданы знаменитые два стиха: „И на лбу роковыя слова—Продается съ публичнаго торга“. Г. Фидлеръ переводитъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Auch steht annonciert auf! der Stirn: „Wird öffentlich ausgeben“. Тутъ неумѣстенъ галицизмъ „annonciert“ и не передано отношеніе поэта къ описываемому факту: видную его внутреннему взору надпись на лбу онъ называетъ „роковыми словами“—этого г. Фидлеръ не передалъ.

II.

Lucien Muhlfeld. L'associée. Roman. Стр. 351. Paris, 1903. (Librairie Paul Ollendorf).

Люсьенъ Мюльфельдъ, молодой романистъ, прославился нѣсколько лѣтъ тому назадъ романомъ „La Carrière d'André Tourette“; въ немъ онъ проявилъ много „парижанства“ и спокойное ироническое отношеніе къ тѣмъ средствамъ, которыми достигаются жизненные успѣхи и создаются видныя положенія въ Парижѣ. Въ авторѣ „Карьеры Андрэ Турета“ виденъ ученикъ Анатоля Франса, и влияніе самаго утонченнаго и „мудраго“ изъ современныхъ французскихъ романистовъ еще болѣе замѣтно въ только-что вышедшемъ и встрѣченномъ въ кри-

тивѣ съ большимъ сочувствіемъ романѣ Мюльфельда „L'Associée“ („Сюзница“).

Идя по слѣдамъ Франса, авторъ романа смотритъ съ нѣкоторой высоты на описываемую имъ дѣйствительность, не морализируетъ, не думаетъ, что можно что-нибудь исправить, а только съ грустной скептической улыбкой указываетъ на диссонансы жизни—незамѣтные для тѣхъ, кто ихъ порождаетъ, но трагичные для болѣе тонкихъ, ищущихъ гармоніи натуръ.

Новый романъ Мюльфельда интересенъ оригинальностью своей основной идеи, или, вѣрнѣе, тѣмъ, что авторъ освѣщаетъ съ новой стороны вопросъ, составляющій общее содержаніе французской беллетристики. Въ „Сюзницѣ“ рѣчь идетъ о семейной жизни, объ отношеніяхъ мужа и жены, т.-е. о томъ, о чемъ говорится въ любомъ изъ современныхъ французскихъ романовъ, но для большинства французскихъ романистовъ семейная жизнь становится сюжетомъ психологическаго романа лишь съ того момента, когда въ ней образуется трещина, когда одинъ изъ супруговъ нарушилъ обѣтъ вѣрности, когда обычное теченіе жизни смѣняется драмой—или комедіей отношеній, построенныхъ на лжи и обманѣ. Въ болѣе легкомысленныхъ романахъ интересъ сосредоточивается на измѣнѣ жены, на психологіи ея сложныхъ отношеній къ обманутому мужу и къ одному или нѣсколькимъ „друзьямъ“. Въ болѣе „нравственныхъ“ романахъ измѣняетъ мужъ, и психологія сводится къ оскорбленнымъ чувствамъ обманутой и непонятой жены. Въ новѣйшее время, подъ влияніемъ русскаго романа, французскіе романисты занимаются вопросами о примиреніи и прощеніи измѣнъ, совершенныхъ кѣмъ-нибудь изъ супруговъ, т.-е. опять-таки центромъ дѣйствія становится супружеская измѣна. Мюльфельдъ въ первый разъ подступаетъ къ вопросу о семейной жизни съ совершенно новой для французовъ стороны; онъ говоритъ не о разстроенной семьѣ, не о разбитомъ семейномъ счастьѣ, которое нужно какъ-нибудь склеить, для того, чтобы его хватило на дальнѣйшую жизнь, а о нормальномъ, благополучномъ и, казалось бы, даже счастливомъ супружествѣ, безъ измѣнъ со стороны жены, почти безъ измѣнъ со стороны мужа. Изображая внутреннюю исторію такого брака, Мюльфельдъ задается вопросомъ о томъ, чѣмъ долженъ быть истинный бракъ, и чѣмъ онъ становится въ современной французской жизни подъ влияніемъ среды, житейскихъ интересовъ и т. д. Не гонясь за драматическими эффектами и одушевленный исканіемъ внутренней правды, Мюльфельдъ видитъ враждебныя семейному началу силы не въ разнузданности страстей, не въ жаждѣ новыхъ и запретныхъ наслажденій, а въ болѣе прозаическихъ и болѣе роковыхъ—именно вслѣдствіе своей незамѣтности—причинахъ. Трудно бо-

ротьясь противъ того, что вкрадывается въ жизнь исподоволь, невидимо, неосозательно, какъ болѣзнь, разрушающая организмъ. Эта разрушительная сила заключается въ роковомъ взаимномъ непониманіи двухъ людей, сошедшихся для совмѣстной жизни въ лучшемъ случаѣ по любви, которая вовсе не связана непременно съ внутренней гармоніей; слѣдствіемъ же непониманія является столь же роковая скука, которая зарождается и растетъ въ отношеніяхъ двухъ людей, даже если есть любовь, но нѣтъ гармоніи. Мюльфельдъ, съ необычной для француза серьезностью въ этомъ вопросѣ, строитъ идеаль совершеннаго брака на взаимопониманіи, на совмѣстной духовной жизни, на общности стремленій—и показываетъ всю пустоту и неприглядность семейной жизни, въ которой отсутствуетъ внутренняя солидарность. Онъ беретъ случай, когда одна изъ сторонъ понимаетъ, чѣмъ долженъ былъ бы быть бракъ, и страдаетъ отъ несоотвѣтствія дѣйствительности со своими ожиданіями и стремленіями. Часто оба супруга безсознательно довольствуются формой, лишенной содержанія, живутъ въ бракѣ, не задумываясь надъ его сущностью, любятъ уже больше въ силу привычки, скучаютъ другъ подлѣ друга, но считаютъ себя безупречными только потому, что неповинны въ измѣнѣ;—такова обычная средне-добродѣтельная семья во Франціи, не замѣчающая сѣрости своей жизни. Но трагедія начинается съ просвѣтленія одной изъ сторонъ, мужа или жены—и такую трагедію изображаетъ Мюльфельдъ; трагедія эта внутренняя, безъ потрясающихъ событій, скрытая подъ внѣшнимъ блескомъ жизненныхъ удачъ и безпечной свѣтской жизни, но тѣмъ не менѣе глубокая и безнадежная.

Женевьева Телье любитъ своего мужа и думаетъ, что несчастье ея въ томъ, что она любитъ его больше, чѣмъ онъ. Но это невѣрно. Онъ ее любитъ, нѣженъ съ ней, цѣнитъ ея красоту и ея душевные качества, не измѣняетъ ей—кромѣ одного только короткаго увлеченія умирающей пациенткой, о мимолетной связи съ которой Женевьева даже не узнаетъ. Но эта любовь мужа не удовлетворяетъ Женевьеву, именно потому, что она видитъ сущность брака въ объединенной дѣятельности духа, а мужъ ея чисто внѣшнимъ образомъ относится къ своей женѣ и даже не понимаетъ ея стремленій къ союзу душъ; живя всю жизнь подъ одной кровлей съ нею, онъ не подозреваетъ о томъ, что происходитъ въ ея душѣ. Гордая и замеченная, она никогда не выдаетъ себя; а когда, наконецъ, она не въ силахъ скрыть своихъ страданій, своихъ разочарованій, онъ приписываетъ ея „нервность и дурное расположеніе духа“ болѣзни, неврастеніи. Женевьева энергична. Уже послѣ первыхъ лѣтъ она поняла, что мужъ не относится къ ней съ той полнотой и исключительностью чувства, съ какой она относится къ нему. Полная силъ и надеждъ, она задается

цѣлью завоевать то, что она называетъ истинной любовью мужа. Нужно, чтобы жена была не игрушкой, не отдохновеніемъ для мужа, а подругой его, союзницей всѣхъ его жизненныхъ предпріятій—и Женевьева становится идеальной союзницей, незамѣтной, неутомимой и вѣрной, ведущей своего мужа и товарища къ высокому положенію въ обществѣ, къ успѣхамъ въ научной дѣятельности. Она знаетъ, какой врагъ грозитъ счастью ихъ молодой любви. Врагъ этотъ—скука и равнодушіе, порождаемое жизнью безъ заботъ и дѣла. Телье—натура нѣсколько пассивная, и ему тѣмъ болѣе нѣтъ надобности работать, что отецъ оставилъ ему большое состояніе. Но Женевьева будитъ въ немъ честолюбіе—не изъ собственнаго тщеславія, а для того, чтобы создать общее дѣло, въ которомъ она была бы подругой мужа. Телье—врачъ, и по ея настоянію онъ открываетъ лечебницу для чахоточныхъ. Лечебница эта благотворительная; въ ней лечатъ больныхъ рабочихъ примѣненіемъ разныхъ гигиеническихъ мѣръ. Телье сводитъ всю медицину къ гигиенѣ—въ этомъ оригинальность его системы, обращающей на себя общее вниманіе. О „dispensaire Tellier“ много говорятъ въ прессѣ и въ обществѣ; всѣ газеты отправляютъ журналистовъ для осмотра и описанія филантропическаго предпріятія, въ которомъ работаютъ выдающіеся врачи. Душой лечебницы становится Женевьева; она одѣляетъ приходящихъ рабочихъ деньгами и нужными для поддержанія ихъ силъ лекарствами, виномъ и т. д., завоевываетъ ихъ симпатіи участливыми вопросами, но дѣлаетъ это незамѣтно. Самъ Телье менѣе всего подозреваетъ роль своей жены, натолкнувшей его на мысль о лечебницѣ и содѣйствующей успѣху его предпріятія. Женевьева отдаетъ всю душу на то, чтобы содѣйствовать успѣху мужа и создавать все новыя и новыя удовлетворенія порожденному ею же въ немъ честолюбію. Она и не хочетъ, чтобы онъ цѣнилъ ея помощь; она стремится только сдѣлать его жизнь полной и разнообразной, и тѣмъ самымъ завоевать его любовь, т.-е. работать съ нимъ въ общемъ дѣлѣ. Занятая его славой, она любезничаетъ съ журналистами, которые, очарованные ею, дѣлаютъ блестящую рекламу мужу. Своимъ умомъ и тактичностью она создаетъ для мужа полезныя связи, знакомитъ его съ нужными людьми и незамѣтно, неутомимо устраиваетъ его карьеру. Внимательное наблюденіе парижскихъ нравовъ показываетъ ей силу женскаго вліянія. Поучительнымъ примѣромъ служить для нея и жена президента сената, которая довела своего посредственнаго и мало симпатичнаго мужа до вершинъ общественнаго положенія. Но Женевьева не похожа на жену президента. Та отличается безграничной добротой и заботливостью обо всѣхъ, и постоянно старается кого-нибудь пристроить и устроить. Женевьева же поглощена исключительно

мыслью о мужѣ, безмѣрной любовью къ нему, и сама признается въ этомъ въ письмахъ къ своему крестному отцу. „Я не люблю всѣхъ“, — пишетъ она, — я люблю только одного“. Къ своему сыну, маленькому Максиму, Женевьева относится съ надлежащей заботливостью, находитъ ему отличнаго воспитателя, присутствуетъ иногда на урокахъ, но, убѣдившись въ томъ, что мальчикъ въ отличныхъ рукахъ, считаетъ свой долгъ по отношенію къ сыну исполненнымъ; ему она не нужна, но мужу—хотя онъ этого и не сознаетъ—она необходима; она потому служитъ ему вѣрной союзницей, и радуется развитію его дѣятельности, сознавая себя тайной пружиной всѣхъ его начинаній. Всѣ считаютъ ее тщеславной, даже ея крестный отецъ журить ее за чрезмѣрное рекламированіе всякаго шага доктора Телье въ газетахъ, за любезность къ журналистамъ; но Женевьева объясняетъ ему, что дѣйствуетъ не изъ тщеславія, а только изъ любви къ мужу. Ея единственная награда въ томъ, что мужъ любитъ отдохнуть иногда наединѣ съ нею отъ постоянныхъ сношеній съ посторонними людьми, сношеній, вызванныхъ его возрастающей популярностью. Въ такія минуты Женевьевѣ кажется, что она приближается къ идеалу семейнаго счастья, что мужъ ея дѣйствительно нуждается въ душевной близости съ нею.

Благодаря неутомимымъ стараніямъ Женевьевы, Телье приобретаетъ все бѣльшую популярность. Она внушаетъ редактору одной газеты мысль о томъ, чтобы поручить ея мужу веденіе популярныхъ бесѣдъ о гигиенѣ, сама придумываетъ и удачныя названія для этихъ бесѣдъ, и указываетъ на темы, интересныя для публики, сама редактируетъ первыя статьи—дѣлая все это незамѣтно, такъ что Телье не только не видитъ инициаторской роли жены и ея умственной силы, но считаетъ ее обыкновенной свѣтской женщиной, тщеславію которой льститъ общее вниманіе къ ея мужу. Онъ увѣренъ, что вниманіе ея поглощено туалетами, визитами и приѣмами, и совершенно не подозреваетъ о нарастающей въ ея душѣ драмѣ. А между тѣмъ драма эта растетъ. Женевьева начинаетъ замѣчать тщетность своихъ стараній. Чѣмъ болѣе усложняется общественная жизнь ея мужа, тѣмъ менѣе чувствуетъ онъ активную близость жены. Онъ радуется, что доставляетъ ей удовольствіе своимъ возрастающимъ вліяніемъ въ обществѣ и „снисходительно“ относится къ ея тщеславію, къ ея нескрываемому восторгу передъ каждымъ новымъ доказательствомъ его популярности. Ей пріятно,—думаетъ онъ,—быть женой извѣстнаго человѣка—это, конечно, притворная слабость въ красивой свѣтской женщинѣ. Что она орудіе его успѣховъ—это ему и въ голову не приходитъ, также какъ онъ не видитъ ея мучительныхъ стремленій слиться съ нимъ въ единой жизни. Союзницы и товарища онъ

не видитъ—а смотритъ на жену только какъ на случайную свидѣтельницу своихъ удачъ и охотно рассказываетъ о своихъ успѣхахъ; ея восхищеніе онъ спокойно принимаетъ какъ должную дань своимъ талантамъ. Лечебница, которая создала его популярность, вскорѣ перестаетъ его занимать,—онъ предоставляетъ работу въ ней своимъ помощникамъ, занятый самъ новыми предпріятіями, журнальными работами и участіемъ въ разныхъ научныхъ ассоціаціяхъ; къ участію въ нихъ его приглашаютъ, какъ моднаго популярнаго гигиениста. Славу эту ему создала, главнымъ образомъ, Женева, придумавшая громкія заглавія для двухъ трактатовъ о туберкулезѣ,—„La tuberculose assassine“ для перваго, гдѣ говорилось о статистикѣ чахоточныхъ заболѣваній; „La tuberculose guérissable“—для втораго, гдѣ рекомендовались гигиеническія мѣры для борьбы съ туберкулезомъ. Ничего новаго по существу Телье въ этихъ трактатахъ не далъ, но удачная популяризація нѣмецкой системы санаторій и эффектность заглавій, вмѣстѣ съ умѣлой и умной рекламой, создали Телье видное положеніе въ медицинскомъ мірѣ. Никому, и менѣе всего самому Телье, не приходитъ въ голову, что и шумъ, возбужденный „системой д-ра Телье“, и талантливое изложеніе его статей по гигиенѣ—дѣло ума и рукъ скромной, занятой свѣтской суетней жены его. Она вѣдь только была отчасти секретаремъ мужа, исполняла его указанія, просматривала корректуры и писала по его указаніямъ письма, которыя всегда завоевывали ему симпатіи нужныхъ людей. Телье еще и потому не замѣчаетъ участія жены въ своихъ успѣхахъ, что онъ очень невысокаго мнѣнія о женщинахъ. По возвращеніи изъ Турина, куда онъ ѣдетъ на конгрессъ съ женой и нѣсколькими товарищами, заходитъ разговоръ о женщинахъ по поводу выступившей на конгрессѣ нѣсколько смѣшной польской докторессы. Всѣ выражаются за или противъ женской эмансипаціи, и Телье очень снисходительно и великодушно доказываетъ, что нужно предоставлять женщинамъ всѣ занятія, не требующія силы и инициативы, но что въ общемъ назначеніе женщины вовсе не въ продуктивномъ трудѣ. Когда дѣло идетъ о четвѣ супруговъ, то весь трудъ долженъ быть на сторонѣ мужа—его силъ вполне достаточно для матеріальнаго обезпеченія семьи и для выполненія всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ обязанностей, выпадающихъ на его долю; жена же должна только украшать жизнь мужа своимъ присутствіемъ и пользоваться праздностью, для которой она создана. Женева вѣдь очень тяжело слушать слова мужа. Для нея это не безразличный отвлеченный разговоръ, а приговоръ ея личному семейному счастью. Ея мужъ сознательно отдѣляетъ свою внутреннюю жизнь отъ жизни жены—жена создана для досуга, а не для совмѣстныхъ усилій ума и души. Чѣмъ удачнѣе складывается жизнь

и общественная дѣятельность Телье,—благодаря скрытымъ стараніямъ Женевьевы,—тѣмъ болѣе она убѣждается въ крушеніи своихъ надеждъ; занятія Телье не сближаютъ его съ женой, а раздѣляютъ ихъ. Онъ занятъ своими больными, въ томъ числѣ молоденькой, очень больной дѣвушкой; увлеченный ея красотой и жалостью къ ея болѣзни, онъ сходится съ ней, тщательно скрывая мимолетную и не особенно серьезную интригу отъ жены. Но эта мелкая измѣна, если бы даже Женевьева узнала о немъ, не такъ бы огорчила ее, какъ бессознательное духовное отчужденіе ея мужа отъ нея, полное невниманіе его къ ея всепоглощающей любви. Онъ занятъ новымъ предпріятіемъ, возникшимъ тоже благодаря ей. Она внушила разбогатѣвшему купцу мысль пожертвовать огромную сумму на устройство первой санаторіи для бѣдныхъ чахоточныхъ работницъ; купецъ изъ тщеславія, для того, чтобы создать себѣ славу „филантропа-милліонера“ (richissime philanthrope—это соблазняющее купца слово тоже придумано Женевьевой) жертвуетъ милліонъ на санаторію и назначаетъ Телье главнымъ врачомъ. Телье вскорѣ убѣждается, что польза отъ санаторіи не велика, что гигиеническихъ условій недостаточно для леченія; являются также разныя затрудненія въ администраціи,—но онъ настолько не привыкъ раздѣлять своихъ мыслей съ женой, что даже не посвящаетъ ее въ свои заботы и отдѣляется общими словами отъ ея распросовъ. О своихъ успѣхахъ онъ рассказываетъ ей изънисхожденія къ ея тщеславію—такъ ему по крайней мѣрѣ кажется,—но серьезныхъ сомнѣній въ себѣ онъ ей не открываетъ, какъ не отерпѣлъ бы ихъ чужому,—и только позже, въ безразличномъ разговорѣ онъ говоритъ Женевьевѣ о несостоятельности медицины вообще, т.-е. скрываетъ личныя чувства подъ общими разсужденіями. Женевьева съ растущимъ въ душѣ отчаяніемъ убѣждается въ тщетности своихъ усилій: вся жизнь ея уходитъ на то, чтобы стать „союзницей“ мужа, чтобы обрѣсти его истинную любовь, сдѣлать ихъ бракъ союзомъ душъ,—и каждое ея усиліе обращается противъ нея. Въ своемъ отчаяніи она обращается за совѣтомъ къ представителю церкви, къ учителю своего сына, почтенному аббату. Она рассказываетъ ему подъ видомъ несчастій своей подруги свою собственную исторію и проситъ дать совѣтъ, который она и передастъ подругѣ. Разговоръ съ аббатомъ въ высшей степени характеренъ; онъ рисуетъ взгляды и общества, и католическаго духовенства на бракъ, отмѣчаетъ несоотвѣтствіе, казалось бы, совершенно естественныхъ желаній Женевьевы съ обычнымъ во французскомъ обществѣ взглядомъ на семью. Женевьева говоритъ, что ея подруга несчастна, потому что больше любитъ своего мужа, чѣмъ онъ ее; на это аббатъ отвѣчаетъ, что можетъ ей только посовѣтовать молиться о возвращеніи ей привязан-

ности мужа. „Не посовѣтуете же вы ей, надѣюсь, — возражаетъ Женевьева, — молиться святому Антонію Падуанскому, который славится тѣмъ, что возвращаетъ потерянные предметы?“ — „Почему же и не обратиться къ нему? Антоній Падуанскій — великій святой, творящій много чудесъ... Есть, впрочемъ, и другіе святыя, которые могли бы заступиться за вашу подругу, не говоря о томъ, что она можетъ прямо обратиться къ Господу Богу“. — „Но, помимо молитвы, чтѣ ей посовѣтовать?“ — „Кромѣ молитвы я ни на что не могу указать“. Тогда Женевьева объясняетъ аббату, что страданія ея подруги не таковы, какъ можетъ предположить аббатъ. Мужъ ей не измѣняетъ, не чуждается ея, но все-таки она страдаетъ душевно, потому что она ищетъ счастья только въ любви мужа, въ томъ, чтобы раздѣлять его заботы, его трудъ, его надежды, всѣ ея мысли сосредоточены на мужѣ, — онъ же не раздѣляетъ съ ней своей души. Аббатъ находитъ, что это еще не такъ трагично, что у мужа могутъ быть занятія и заботы, къ которымъ жена непричастна; что, можетъ быть, онъ къ тому же боленъ или занятъ матеріальными заботами, омрачающими его расположеніе духа. „Нѣтъ, — говоритъ Женевьева, — характеръ у него ровный, здоровье цвѣтущее, жизнь полна удачъ, семейныхъ неприятностей нѣтъ, и его состояніе превышаетъ всѣ его потребности; кромѣ того, бракъ благословленъ прекрасными дѣтьми“. На это аббатъ отвѣчаетъ уже съ явнымъ раздраженіемъ противъ слишкомъ требовательной женщины: „Вы слишкомъ добры, сударыня, — говоритъ онъ, — что принимаете къ сердцу горе вашей подруги. Ея мужъ богатъ, здоровъ, обходителенъ и уменъ, преуспѣваетъ въ своихъ дѣлахъ. Богъ благословилъ ихъ союзъ потомствомъ — чего же ей еще надо? Чтобы мужъ ея былъ новымъ Ромео? Передайте ей мой совѣтъ: пусть она молится Пречистой Дѣвѣ, чтобы она сохранила ей ея счастье“. Когда же Женевьева все-таки съ жаромъ настаиваетъ на несчастіи подруги, аббатъ говоритъ, что, дѣйствительно, люди часто страдаютъ и отъ воображаемыхъ несчастій, и потому совѣтуетъ неудовлетворенной женѣ заняться или благотворительностью, или воспитаніемъ дѣтей. Женевьева съ горечью выслушиваетъ его, и только напоминаетъ ему, что ея подруга предъявляетъ чисто христіанскія требованія къ браку, стремясь къ тому, чтобы мужъ и жена составляли нѣчто единое, и что ей странно поэтому негодованіе представителя церкви противъ ея требованій. Аббатъ отвѣчаетъ уклончиво, доказывая безсиліе католической церкви въ этомъ вопросѣ. „Я знаю, — говоритъ онъ, — что дозволено надѣяться на счастье въ супружествѣ. Христосъ благословилъ бракъ, апостолы и соборы регламентировали таинство. Но не слѣдуетъ слишкомъ многого ожидать отъ брачнаго союза. Святой Павелъ сказалъ глубокое слово, о которомъ слѣдуетъ помнить: „бракъ —

великая тайна“,—а передъ тайной слѣдуетъ преклониться безъ излишней гордыни“. Изъ всего разговора съ аббатомъ Женевьева только запоминаетъ слова святого Павла и общаетъ передать ихъ подругѣ. Этотъ разговоръ—одно изъ самыхъ интересныхъ мѣстъ въ романѣ и доказываетъ, съ какой всесторонностью авторъ трактуетъ вопросъ о пониманіи брака въ французскомъ обществѣ и какъ онъ понимаетъ безсиліе обычныхъ рѣшеній его. Женевьева продолжаетъ усердно трудиться, устроивая дѣла своего мужа. Онъ достигаетъ высокихъ почестей, избранъ въ сенаторы, въ члены академіи, и мечты Женевьевы объ истинномъ союзѣ окончательно разрушены. Когда мужъ рассказываетъ ей о зломъ отношеніи къ нему нѣкоторыхъ ученыхъ, не сдѣлавшихъ такой блестящей карьеры, какъ онъ, и когда она возмущается людскою завистью и злобой, Телье говоритъ ей съ безсознательной жестокостью слова, глубоко ранящія ея душу: „Они, быть можетъ, правы,—говоритъ онъ:—противъ меня не только завистливые неудачники, но и одинокіе ученые, которые работаютъ въ тиши лабораторій; они противъ меня, потому что я пожертвовалъ одиночествомъ, необходимымъ для истинныхъ служителей науки, ради суетнаго свѣтскаго тщеславія, ради семьи. Они противъ меня, потому что я восторжествовалъ, благодаря счастливымъ случайностямъ, а не исключительно упорнымъ и безкорыстнымъ трудамъ, ведущимъ къ истинѣ“. Его слова окончательно убѣждаютъ Женевьеву въ томъ, что ея мужъ просто не замѣтилъ своей союзницы, работавшей вмѣстѣ съ нимъ и за него всю жизнь. Все, что она совершила, онъ приписываетъ счастливымъ случайностямъ, и считаетъ ее скорѣе помѣхой въ своей жизни, думаетъ, что правы одинокіе труженики, не берущіе на себя семейныхъ обязательствъ. Онъ полагаетъ, что жертвовалъ собой для удовлетворенія ея тщеславія, въ то время какъ она знаетъ, до чего она чужда тщеславія, и какъ она, напротивъ того, пожертвовала своимъ идеаломъ тихой интимной и семейной жизни, чтобы создать ему дѣятельность и положеніе, удовлетворяющія его. Она видитъ, что взаимное непониманіе слишкомъ глубоко и нѣтъ возможности его разсѣять. Ея грусть Телье принимаетъ за разстройство нервовъ, и совѣтуетъ ей успокоиться. Она, дѣйствительно, успокаивается, т.-е. примиряется съ неизбѣжнымъ: „бракъ—великая тайна“. Она уѣзжаетъ на время въ деревню, къ своему крестному отцу, старому барону, человѣку „другого вѣка“, врагу суеты и рекламности современнаго Парижа; онъ понимаетъ интимное горе своей крестницы и сочувствуетъ ей. Телье уѣхалъ на конгрессъ въ Бернъ, пишетъ оттуда восторженные письма объ оказываемыхъ ему почестяхъ—онъ вѣдь знаетъ, что это обрадуетъ его жену, будетъ льстить ея тщеславію. Женевьева все покорно принимаетъ. Ея жизнь разбита,

но мужъ ея не подозрѣваетъ ни о крушеніи ея надеждъ, ни о той мечтѣ, которая, воодушевляя ее, была причиной его „случайныхъ“ успѣховъ.

Романъ оканчивается пессимистически: совершенный бракъ—пустая мечта, неосуществимая въ условіяхъ лихорадочной и суетной современной жизни, при полномъ непониманіи смысла брачныхъ союзовъ. Жертвой падаетъ тотъ, кто при общей слѣпотѣ тянется къ свѣту. Можетъ быть, выводъ Мюльфельда—слишкомъ мрачный, и возможны новыя удовлетворительныя рѣшенія этого столь важнаго вопроса. Можетъ быть, создадутся новые идеалы семейной жизни и откроются новые пути къ ихъ достиженію,—но пока очень знаменательно, что во Франціи, гдѣ семейное начало болѣе распатано, чѣмъ гдѣ-либо, нашелся искренній и смѣлый писатель, который такъ ярко освѣтилъ роковыя недоразумѣнія, на которыхъ построена семья въ современномъ обществѣ.

Романъ Мюльфельда очень интересенъ также и съ бытоописательной стороны;—описанія литературныхъ и свѣтскихъ нравовъ необычайно тонки, блестящи, и сказывающаяся въ нихъ иронія дѣлаетъ автора достойнымъ послѣдователемъ Анатоля Франса.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1902.

Интересное сообщеніе и неудачные къ нему комментаріи.—Инцидентъ въ казанскомъ юридическомъ обществѣ.—Проектируемое общество московскихъ журналистовъ.—Предстоящій юбилей русской періодической печати.—Одесская эпидемія и городское самоуправленіе.—„Благая вѣсть“.—Корреспонденція изъ курской губерніи.—Письмо П. А. Тверского въ Редакцію.

Чѣмъ больше въ нашемъ ближайшемъ прошломъ сторонѣ, погруженныхъ въ глубокую тьму, чѣмъ меньше доступно для русскаго общества знакомство со многими недавними моментами величайшей исторической важности, тѣмъ цѣннѣе все то, что даетъ возможность заглянуть хоть мимоходомъ за кулисы нашей жизни. Пускай недостоверенъ, вообще, источникъ, изъ котораго идетъ сообщеніе, пускай невысоки мотивы, его вызвавшіе: если оно содержитъ въ себѣ хоть малую долю истины,—ее можно распознать среди чуждыхъ ей наслоеній, отдѣлить отъ извращающихъ ее толкованій. Все это примѣнимо вполне къ одному изъ послѣднихъ „Дневниковъ“ кн. Мещерскаго („Гражданинъ“, № 82), недостаточно обратившему на себя вниманіе русской печати. Вспоминая день кончины императора Александра III-го, редакторъ „Гражданина“ утверждаетъ, что въ послѣдніе годы жизни почившаго монарха его „томила“ вопросъ: работа надъ горами бумагъ не изображаетъ ли собою гораздо болѣе мертвящій культъ бюрократизма, чѣмъ живительную силу самодержавія, и, отнимая у него свободу и время, не отнимаетъ ли эта гора бумагъ свободу и у народа, вездѣ, гдѣ она ему нужна для труда и для жизни“? Мысль государя,—продолжаетъ кн. Мещерскій,—„приходила къ другому вопросу: конституція Россіи не нужна, но ей нужно другое; ей нужна свобода, ей нужно то же, что и русскому царю—освобожденіе отъ гнета бюрократизма и централизаціи, ей нужны пути правды къ нему. И развѣ это такъ трудно?—думалъ правдолюбивый самодержецъ. Стоить только измѣнить теченіе: благодаря мнимымъ союзникамъ самодержавія—бюрократіи и централизаціи,—ихъ все захватывающая волна снизу все возноситъ къ верху, въ зародышѣ туша всякую свободу на мѣстѣ; не лучше ли тихой волнѣ идти сверху книзу и приносить повсюду свободу для каждой плодотворной мысли, для каждаго жизненнаго труда“?

Что мы имѣемъ дѣло, на этотъ разъ, не съ вымысломъ, а съ чѣмъ-то хоть отчасти реальнымъ—доказательство тому мы видимъ

какъ въ неудовольствіи, съ которымъ отнеслись къ сообщенію „Гражданина“ обычные его единомышленники, такъ и въ полной дисгармоніи между сообщеніемъ и руководящими взглядами „Гражданина“. Судя по одному изъ позднѣйшихъ „Дневниковъ“ (№ 88), „консерваторы“ отказываются считать своимъ того, кто позволяетъ себѣ „говорить за свободу“—и, въ добавокъ, говорить за нее не отъ своего собственнаго, а отъ неизмѣримо болѣе авторитетнаго имени. И нельзя не признать, что съ своей специфической точки зрѣнія „консерваторы“, привыкшіе идти рука объ руку съ „Гражданиномъ“—консерваторы, къ которымъ больше подходило бы названіе реакціонеровъ,—совершенно правы. Уличить кн. Мещерскаго въ противорѣчьи имъ было бы нетрудно: стоило бы только напомнить одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ случаевъ, когда онъ и его сотрудники оказывались злѣйшими врагами свободы—не только свободы дѣйствій, но и свободы мысли ¹⁾.

Не въ этомъ, однако, дѣло: вопросъ не въ томъ, вѣренъ ли самъ себѣ редакторъ „Гражданина“, сочувственно останавливаясь на извѣстномъ фактѣ, а въ томъ,—достовѣренъ ли самый фактъ. Опроверженія его въ печати мы до сихъ поръ не встрѣчали... Само собою разумѣется, что къ ложѣ чужого меду кн. Мещерскій не преминулъ прибавить изрядное количество собственнаго дегтя. „Рядомъ лѣтъ“—восклицаетъ онъ—„убѣдительно доказано, что бюрократизмъ и централизація неумышленно, но въ порядкѣ вещей, гораздо болѣе союзники активныхъ либераловъ, чѣмъ правительства... Многоголовая гидра бюрократизма и централизаціи, требуя исполненія своихъ бумагъ, мирилась и мирится съ негласными попытками ослабленія самодержавія въ его животворящей, народолюбивой и свободолюбивой сущности, и оттого мы всегда видѣли бюрократа невольню ближе къ активному либералу, чѣмъ къ той великой идеѣ порядка, которой онъ обязанъ быть исполнителемъ“. Когда же, однако, и въ чемъ выразилась эта близость? Конечно, не въ области самоуправленія и не въ области мѣстнаго управленія, въ которой, при одобрительныхъ вликахъ „Гражданина“, все больше и больше торжествуютъ бюрократическіе принципы ²⁾; не въ области также печати, и т. д. Союзъ между бюрократіей и либералами, да еще „активными“—одно изъ самыхъ курьезныхъ измышленій, когда-либо появлявшихся на столь богатыхъ ими страницахъ „Гражданина“.

„Нужны пути правды“—вотъ центръ тяжести настроенія, о которомъ повѣствуетъ „Гражданинъ“. Пути существуютъ, отчасти, и теперь

¹⁾ „Идея всесословной волости“—читаемъ мы, напримѣръ, въ одной изъ недавнихъ статей „Гражданина“—„есть величайшая дерзость, величайшее историческое преступленіе, которому имени нѣтъ“...

²⁾ Съ какою легкостью „Гражданинъ“ переходитъ отъ нападокъ на бюрократію

—но не вполне обеспечено шествованіе по нимъ правды. Раскрытію и освѣщенію правды могла бы служить повременная печать — но она не пользуется уже той свободой, какая была предоставлена ей тридцать-семь лѣтъ тому назадъ, закономъ 6-го апрѣля 1865-го года. Много важныхъ общественныхъ явленій обнаруживается на судѣ — но многіе процессы, которые имѣютъ наибольшее общественное значеніе, производятся, въ послѣднее время, при закрытыхъ дверяхъ и проходятъ незамѣченными, почти никому неизвѣстными. Земскимъ ходатайствамъ, ставящимъ на очередь неотложныя нужды населенія, противопоставляются иногда препятствія формальнаго свойства, надолго останавливающія ихъ движеніе. Стѣснена дѣятельность, непрочно самое существованіе ученыхъ обществъ, отъ которыхъ, при другихъ условіяхъ, можно было бы ожидать яркаго освѣщенія тѣхъ или другихъ сферъ государственной и общественной жизни. Отсюда ясно, какимъ образомъ могли бы быть созданы настоящіе, широкіе „пути правды“, необходимость которыхъ такъ блистательно подтверждена сообщеніемъ „Гражданина“.

При какой обстановкѣ работаетъ у насъ иногда общественная мысль—объ этомъ даетъ понятіе недавній инцидентъ въ казанскомъ юридическомъ обществѣ ¹⁾. Въ засѣданіи 2-го ноября предсѣдатель общества, В. В. Сергіевскій, заявилъ, что какъ онъ самъ, такъ и товарищъ его, Н. К. Моисеенко, вынуждены сложить съ себя свои званія, такъ какъ исполненіе обязанностей, съ ними сопряженныхъ, ставится въ условія, съ которыми онъ, Сергіевскій, двадцать пять лѣтъ прослужившій дѣлу правосудія, примириться не можетъ. На вопросъ членовъ общества, въ чемъ заключаются эти условія, г. Сергіевскій объяснилъ слѣдующее. Еще весною былъ назначенъ въ слушанію рефератъ члена общества Н. В. Рейнгардта: „Романъ гр. Л. Н. Толстого („Воскресеніе“) и вопросы уголовного права, имъ возбуждаемые“. По желанію администраціи, рефератъ былъ снятъ съ очереди, въ виду тѣхъ чрезвычайныхъ событій, которыя нарушили мирное теченіе университетской жизни. Находя условія настоящаго времени вполне благопріятными для мирныхъ научныхъ занятій, предсѣдатель

къ ея поддержкѣ — объ этомъ можно судить по тѣмъ поправкамъ, которыя онъ предлагаетъ къ положенію о земскихъ начальникахъ (№ 88): „Нужно дать земскому начальнику отвѣтственного завѣдующаго канцеляріей; нужно увеличить канцелярскія средства земскаго начальника; нужно сдѣлать назначеніе его срочнымъ, дабы хорошій начальникъ могъ продолжать свою службу, а нехорошій—устранялся отъ нея“. Не ясно ли, что всѣ эти жѣры насквозь пропитаны „бюрократизмомъ“?

¹⁾ См. № 46 газеты „Право“.

назначилъ на 28-ое сентября засѣданіе для выслушанія реферата Н. В. Рейнгардта. Однако, до засѣданія онъ былъ приглашенъ черезъ полиціймейстера къ начальнику губерніи, который высказалъ пожеланіе, чтобы рефератъ г. Рейнгардта вовсе не читался. Мотивами къ тому служили тѣ нападки на установленный судебный порядокъ, которыми отличается романъ Толстого, тотъ „инквизиціонный“ процессъ, о которомъ говорится въ печатныхъ положеніяхъ референта, наконецъ, та сенсация, которую можетъ произвести рефератъ. Такъ какъ предсѣдатель объяснилъ, что по уставу онъ не въ правѣ снять безъ воли самого референта назначенный докладъ, то начальникъ губерніи пригласилъ присяжнаго повѣреннаго Рейнгардта и предложилъ ему реферата не читать. Присутствовавшій въ засѣданіи членъ общества Н. В. Рейнгардтъ подтвердилъ все сказанное предсѣдателемъ и заявилъ, что онъ лично отъ себя подастъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ на дѣйствія губернатора. Многіе изъ членовъ общества не согласились примириться со смертью общества и рѣшили еще разъ собраться, чтобы обсудить дальнѣйшій образъ дѣйствій.

Почти одновременно съ извѣстіемъ о затрудненіи, въ которое поставлено казанское юридическое общество, въ печати появилось сообщеніе о слушаніи въ первомъ обществѣ собраніи прав. сената жалобы бывшаго предсѣдателя московскаго юридическаго общества С. А. Муромцева и бывшаго члена общества П. Н. Обнинскаго, на закрытіе общества распоряженіемъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, состоявшимся въ июль 1899-го года. Подобною медленностью отличается въ большинствѣ случаевъ, и движеніе другихъ аналогичныхъ дѣлъ, по которымъ сенатъ долженъ имѣть въ виду заключеніе подлежащаго министра. Такъ какъ вопросъ, возникшій въ Казани, можетъ перейти изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ прав. сенатъ, то на скорое его разрѣшеніе рассчитывать, очевидно, нельзя. Юридическому обществу угрожаетъ или распаденіе, или, въ лучшемъ случаѣ, вынужденное бездѣйствіе. Какъ трудно вновь пустить въ ходъ однажды прерванное дѣло—это показываетъ примѣръ Москвы. Закрывая московское юридическое общество, министръ народнаго просвѣщенія предоставилъ совѣту московскаго университета войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи новаго юридическаго общества, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) всѣ профессора юридическаго общества состоятъ членами общества по своей должности, и 2) предсѣдатели общества и его отдѣльный должны быть избираемы изъ профессоровъ юридическаго факультета и утверждаемы министромъ народнаго просвѣщенія. Прошло болѣе трехъ лѣтъ—и о возстановленіи общества до сихъ поръ ничего не слышно. Отчасти, безъ сомнѣнія, это зависитъ отъ указанной нами

въ свое время ¹⁾ строгости и непрактичности поставленныхъ условий— но и безъ нихъ не легко было бы вновь собрать *disjecta membra* общества, воскресить замершую жизнь. Между тѣмъ, исчезновение ученаго общества, особенно въ провинціи, оставляетъ пробѣлъ, нелегко восполнимый. Пока оно дѣйствуетъ, для его членовъ, да и для всѣхъ интересующихся предметомъ его занятій, существуетъ умственный центръ, обладающій болѣе или меньшею притягательной силой. Онъ будитъ мысль, которую сѣрая и дряблая дѣйствительность располагаетъ къ усыпленію; онъ напоминаетъ объ университетскихъ завѣтахъ, такъ легко забываемыхъ среди житейской суеты и однообразнаго полу-ремесленнаго труда; онъ поддерживаетъ связь между наукой и практикой—связь, разрывъ которой особенно опасенъ въ судебномъ мірѣ. Чѣмъ меньше ученыхъ обществъ—или чѣмъ ограниченнѣе ихъ сфера дѣйствій, чѣмъ безжизненнѣе и безнадежнѣе ихъ работа,—тѣмъ меньше шансовъ для успѣшной борьбы съ картами и другими засасывающими привычками различныхъ *mondes où l'on s'enpauvre*... Казанскій инцидентъ кажется намъ прискорбнымъ еще и потому, что сколько-нибудь серьезныхъ оснований для административнаго *veto* въ данномъ случаѣ не имѣлось. Не было ихъ ни въ внѣшнихъ условіяхъ казанской жизни, вошедшей, къ осени текущаго года, въ свою нормальную колею, ни въ содержаніи реферата, подвергшагося запрету. Если нападки гр. Л. Н. Толстого на установленный судебный порядокъ не помѣшали широкому распространенію его романа, то почему же онѣ явились препятствіемъ къ чтенію реферата, который могъ только воспроизвести, но не обострить ихъ? Если въ выраженіи: *инквизиціонный процессъ* былъ усмотрѣнъ намекъ на сходство нашего судопроизводства съ приемами инквизиціи, то не было ли при этомъ упущено изъ виду, что въ примѣненіи къ процессу слово *инквизиціонный* имѣетъ другой, совершенно невинный смыслъ, означая то же самое, что *слѣдственный, розыскной*—а изъ розыскаго процесса кое-что, безспорно, до сихъ поръ сохранилось и у насъ, и даже въ континентальныхъ государствахъ западной Европы... Что касается до „сенсаци“, то въ засѣданіи ученаго общества, хотя бы и доступномъ не для однихъ его членовъ, она едва ли представляетъ какую бы то ни было опасность.

Чѣмъ быстрѣе растетъ число профессиональныхъ писателей, чѣмъ шире сфера интересовъ, затрогиваемыхъ періодическою и не-периодическою печатью, тѣмъ болѣе чувствуется потребность въ объединеніи литературныхъ силъ—объединеніи свободномъ, непринужденномъ,

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1899 г.

создаваемомъ и регулируемомъ ихъ собственной инициативой. Приближающійся двухсотлѣтній юбилей періодической прессы вызвалъ на свѣтъ мысль объ учрежденіи московскаго общества журналистовъ. Аналогичное общество, не приуроченное къ одному городу и къ одной категоріи литераторовъ, существовало недавно въ Петербургѣ, подъ именемъ союза взаимопомощи русскихъ писателей, и успѣло развить, въ теченіе четырехъ лѣтъ, довольно разностороннюю дѣятельность. Его закрытіе. (въ мартѣ 1901-го года), мотивированное единичнымъ фактомъ, остановило естественный ходъ дѣла, но не уничтожило и не могло уничтожить тѣхъ причинъ, благодаря которымъ оно возникло. Все то, къ чему оно стремилось, находить себѣ мѣсто въ проектѣ устава новаго общества: рѣчь идетъ здѣсь и объ общеніи между писателями, и объ улучшеніи матеріальнаго ихъ положенія, и объ охраненіи добрыхъ литературныхъ правовъ. Для послѣдней цѣли предполагается учрежденіе, въ составѣ общества, суда чести—и за него высказывается, въ принципѣ, даже та петербургская газета, которая долго стояла въ первыхъ рядахъ его противниковъ. Осуществится ли московскій проектъ, получить ли онъ болѣе широкую сферу дѣйствій—это покажетъ будущее; характерно, во всякомъ случаѣ, самое его появленіе. Въ Россіи общества писателей трудно осуществимы, болѣе чѣмъ гдѣ-либо окружены подводными камнями; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они были невозможны. Слишкомъ пессимистическимъ кажется намъ мнѣніе, высказанное по этому предмету „С.-Петербургскими Вѣдомостями“ (№ 310). „На Западѣ“—читаемъ мы здѣсь — „различіе направленій не можетъ помѣшать объединенію всей печати по нѣкоторымъ, касающимся только ея вопросамъ, потому что тамъ всѣ направленія пользуются одинаковыми правами гражданства и существуютъ при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ. На Западѣ силы разныхъ направленій болѣе привыкли цѣнить другъ друга за общія всѣмъ имъ профессиональныя внутреннія качества; тамъ нѣтъ мѣста личному раздраженію въ тѣхъ элементахъ, которые, какъ въ Россіи, не могутъ проявить въ желательной степени свой талантъ, знанія, искренность. Какое же можетъ быть сближеніе и единеніе между полноправными и правоспособными элементами съ одной стороны и едва терпимыми—съ другой“? Сочувствуя мотивамъ, изъ которыхъ исходитъ эта аргументація, мы видимъ въ ней, однако, двѣ важныя ошибки. И въ западно-европейской печати не всѣ направленія поставлены въ „одинаковыя внѣшнія условія“; и тамъ возможны „привилегіи“, приобретаемыя „направленіемъ“ (припомнимъ хотя бы прусскій Reptilienfond); и тамъ существуютъ органы „улицы“, унижающіе достоинство печатнаго слова. Съ другой стороны, „едва терпимыхъ элементовъ“ у насъ такъ много, что вполне

мыслимо и весьма цѣнно ихъ объединеніе, хотя бы къ нему и не примыкалъ никто изъ „полноправныхъ“. И между послѣдними, впрочемъ, есть возможные участники объединенія: въ профессиональномъ союзѣ важна не столько сущность взглядовъ, сколько ихъ искренность, безупречность побужденій, руководящихъ ихъ защитой. Конечно, еслибы двери писательскаго союза были широко раскрыты для *всѣхъ* лишающихся и выступающихъ въ печати, существованію его скоро наступилъ бы конецъ, вслѣдствіе слишкомъ большихъ разногласій по элементарнымъ нравственнымъ вопросамъ; но уставы обществъ, за рѣдкими исключениями, обуславливаютъ принятіе въ члены согласіемъ большинства—и это, при хорошемъ составѣ учредителей, служитъ достаточной гарантіей противъ переполненія общества нежелательными элементами.

Отрицательно относясь къ союзамъ или обществамъ писателей, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ предвѣщаютъ неудачу и другому проекту, также связанному съ юбилеемъ періодической печати: проекту Г. К. Градовскаго, предлагающаго образовать, путемъ пожертвованій, особый пенсіонный фондъ литераторовъ и ученыхъ ¹⁾. „На Западъ“—говоритъ газета—„читатель имѣетъ свою любимую газету, такъ какъ она въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ его политическимъ и общественнымъ взглядамъ и не стѣснена въ сообщеніи всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ фактовъ текущей жизни. Русскій читатель не встрѣчаетъ въ своей газетѣ ни того, ни другого, въ желательной ему степени, не вѣритъ въ то, что говоритъ ему газета, не вѣритъ даже въ самую прочность ея существованія, постоянно жалуется на ея пустоту, скудость, даже въ столь содержательную эпоху, какъ переживаемая—и это общается продолжаться *in saecula saeculorum*. Въ этихъ разсужденіяхъ упущено, прежде всего, изъ виду, что пенсіонный фондъ предназначается не для однихъ редакторовъ и сотрудниковъ газетъ, но для всѣхъ вообще дѣятелей литературы, такъ много внесшей добра и свѣта въ русскую жизнь, имѣющей такъ много правъ на благодарность всякаго сколько-нибудь образованнаго русскаго. Нуждались многіе изъ нашихъ крупныхъ, даже великихъ писателей, нуждались, послѣ ихъ смерти, ихъ семейства—и слишкомъ недостаточной была и продолжаетъ быть поддержка, которую оказывало и оказываетъ имъ общество, черезъ посредство литературнаго фонда и другихъ аналогичныхъ учреждений. Заслуживаютъ общественной поддержки и болѣе скромные дѣятели печати, работающіе въ періодическихъ изданіяхъ. Совершенно невѣрно, что у русскаго читателя нѣтъ и не можетъ быть

¹⁾ Этотъ проектъ принять, въ главныхъ чертахъ, общимъ собраніемъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

любимой газеты или любимаго журнала. Не выходя за предѣлы болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, назовемъ „Русскій Вѣстникъ“ конца пятидесятихъ годовъ, „Современникъ“ того же и нѣсколько позднѣйшаго времени, „Голосъ“ въ послѣднее десятилѣтїе его существованїя, „Отечественныя Записки“ редакціи Некрасова и Салтыкова; неужели можно сомнѣваться въ томъ, что читатели всѣхъ этихъ изданій были соединены съ ними самою тѣсною связью, находили въ нихъ отраженіе своихъ взглядовъ, *любили* ихъ, какъ любятъ совѣтника и друга? Неполноту свѣдѣній, сообщаемыхъ русскими періодическими изданїями, недостаточную опредѣленность выражаемыхъ ими мнѣній читатель не ставитъ имъ въ вину, зная, что ни то, ни другое отъ нихъ не зависитъ. Среди тѣхъ, къ кому примѣнимо выраженіе Салтыкова: „читатель-другъ“, симпатїя къ газетѣ или журналу не ослабляется, а, наоборотъ, усиливается непрочною ихъ существованїя. Мы также далеко не увѣрены въ успѣхѣ проекта, предложеннаго Г. К. Градовскимъ, но не по тѣмъ соображенїямъ, которыя приводятъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, а просто въ виду инерціи и апатїи, слишкомъ еще распространенной въ нашемъ обществѣ. Мы не можемъ забыть, что число членовъ литературнаго фонда, сорокъ лѣтъ спустя послѣ его основанїя, все еще не превышаетъ нѣсколькихъ сотенъ, клонясь скорѣе къ пониженію, чѣмъ къ повышенію; мы не можемъ забыть, что если капиталы фонда достигли полу-милліона рублей, то этому гораздо больше способствовали крупныя пожертвованїя самихъ писателей (Плещеева, Елисеева, Надсона, завѣщавшаго фонду право изданїя своихъ стихотвореній) и нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ (напр. покойнаго генерала Дамича), чѣмъ скромныя взносы, становящїеся силой только при постоянно растущей ихъ многочисленности. Очень мало дали литературному фонду и „Дружининская копѣйка“, и „читательскій рубль“. Отъ души желаемъ, чтобы болѣе плодотворнымъ оказался краснорѣчивый призывъ къ пожертвованїямъ въ пользу литературнаго фонда, напечатанный В. В. Лесевичемъ въ № 313 „Русскихъ Вѣдомостей“.

Въ одномъ только мы вполне согласны съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“: какъ и имъ, намъ кажутся несвоевременными *празднества*, приуроченныя къ юбилею печати. Для праздничнаго настроенїя у современной русской печати—кромѣ немногихъ органовъ, довольныхъ судьбой именно потому, что ея недовольны всѣ остальные,—слишкомъ мало основаній. Юбилейнымъ днемъ ея будетъ не тотъ, который напоминаетъ о давно минувшемъ и, въ сущности, не особенно важномъ событіи (первыя „Вѣдомости“ не имѣли большого значенія, расходились плохо и издавались не безъ перерыва), а тотъ, который принесетъ съ собою давно желанную законную свободу печати.

Въ Одессѣ закончилась, повидимому, чумная эпидемія, въ успѣшномъ противодѣйствіи которой городское общественное управленіе сыграло выдающуюся роль. „Существуетъ мнѣніе“—сказалъ одесскій городской голова, П. А. Зеленый, представляя думѣ краткій отчетъ о произведенныхъ городомъ затратахъ,—„что государственная казна понесла расходъ по борьбѣ съ чумою въ Одессѣ въ такомъ же размѣрѣ, какъ и городъ. Но такъ ли это, если сдѣлать подробное сопоставленіе? Развѣ участіе города въ предупрежденіи развитія эпидемій ограничивается одними усиленными въ настоящій моментъ мѣрами? Развѣ постоянно существующія городскія врачебно-санитарныя учрежденія, содержаніе которыхъ стоитъ городу до 80.000 р. въ годъ, не способствовали успѣху борьбы съ чумою? Видѣ нѣкоторые изъ учреждений постоянной врачебно-санитарной организаціи всецѣло были отданы на дѣло борьбы съ чумою; наиримѣръ, дезинфекціонная камера въ теченіе долгаго времени почти лишена была возможности выполнять свои обычныя текущія работы, такъ какъ находилась въ исключительномъ распоряженіи санитарно-исполнительной комиссіи для борьбы съ чумою. Другія учрежденія, какъ больница, амбулаторія, несомнѣнно способствовали обнаруженію подозрительныхъ больныхъ. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи оказалось бы дѣло борьбы съ чумной заразой, если бы не существовало широко развитой и прочно поставленной городской врачебно-санитарной организаціи“. Изъ той же рѣчи мы узнаемъ, что къ дѣятельности думской санитарно-исполнительной комиссіи и учрежденныхъ думою санитарныхъ попечительствъ сочувственно отнесся одесскій градоначальникъ... Латинская поговорка: „in rebus angustis cognoscuntur homines“—примѣнима не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ учрежденіямъ. Одесская эпидемія показала ясно, какъ велико значеніе самоуправленія въ нашей общественной жизни. Важны не столько тѣ чрезвычайныя усилія, на которыя оно оказывается способнымъ въ критическія минуты, сколько та непрерывная работа, которую оно несетъ въ нормальное время, подготавливая почву для борьбы съ возможными бѣдствіями. Въ виду такихъ фактовъ, какіе констатированы въ рѣчи одесскаго городского головы, во что обращаются газетныя нападки на выборное начало, на общественную самостоятельность? Совершенно понятными, наоборотъ, становятся слова, съ которыми министръ внутреннихъ дѣлъ обратился недавно къ гласнымъ кіевской городской думы. „Сочувствуя идеѣ городского общественнаго управленія“—сказалъ В. К. фонъ-Шлеве,—„я увѣренъ, что мы будемъ жить въ добромъ согласіи, и надѣюсь, что я въ ближайшемъ будущемъ буду имѣть случай доказать мое искреннее расположеніе къ вамъ“. Къ числу признаковъ, благоприятныхъ для будущности самоуправления, отно-

сятся и перемены, внесенныя, судя по газетнымъ сообщеніямъ, въ проектъ преобразованія с.-петербургскаго городского общественнаго управления. Сохраненъ выборный характеръ должностей городского головы и его товарищей; созывать думу предположено не только по усмотрѣнію городского головы или министерства внутреннихъ дѣлъ, но и по постановленію самой думы, а также по заявленію пяти гласныхъ (въ первоначальномъ проектѣ требовалось заявленіе трети всего состава гласныхъ, т.-е. нѣчто почти неосуществимое). Остается неизвѣстнымъ рѣшеніе важнаго въ будущемъ для думы вопроса относительно предсѣдательства въ ней: будетъ ли дума имѣть своего предсѣдателя, а не предсѣдателя подчиненной ей управы, какъ то, въ сожалѣнію, было до сихъ поръ? Исполнительныя коммисіи до сихъ поръ разрѣшались единолично градоначальникомъ, а теперь предполагается поставить вопросъ о ихъ разрѣшеніи въ зависимость отъ особаго присутствія по городскимъ дѣламъ, что будетъ, конечно, лучше.

Въ № 317 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ появилось важное сообщеніе, озаглавленное: „Благія Вѣсти“. „Три года тому назадъ“ — читаемъ мы здѣсь, — „въ нашу печать проникъ слухъ, что въ военномъ вѣдомствѣ возбужденъ вопросъ объ отмигнѣ тѣлесныхъ наказаній, примѣняемыхъ нынѣ въ дисциплинарномъ порядкѣ къ нижнимъ чинамъ, состоящимъ въ разрядѣ штрафованныхъ, и что, въ числѣ другихъ высшихъ воинскихъ начальниковъ, за полную своевременность этой реформы высказался такой высокой военной авторитетъ, какъ М. И. Драгомировъ. Затѣмъ, въ прошломъ году, въ одной изъ статей профессора военно-юридической академіи А. С. Лыкошина, напечатанной въ „Русскомъ Инвалидѣ“, проскользнуло извѣстіе о предстоящей отмигнѣ тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ и по судебнымъ приговорамъ, какъ средства замѣны въ извѣстныхъ случаяхъ для штрафованныхъ нижнихъ чиновъ заключенія въ военной тюрьмѣ. Наконецъ, въ послѣднее время, „Финляндская Газета“ сообщила отзывъ финляндскаго генералъ-губернатора на заключеніе финляндскаго сената о военномъ судѣ въ частяхъ, пополняемыхъ преимущественно финляндскими уроженцами, въ которомъ генералъ-адъютантъ Бобриковъ, указывая, что военное законодательство не должно ни въ чемъ различаться по отношенію частей единой арміи въ ея цѣломъ составѣ, между прочимъ, пишетъ: „полагалъ бы необходимымъ допустить лишь одно отступленіе — въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній, примѣненіе которыхъ, не практикуемое въ гражданскомъ стрѣб Финляндіи и способное уменьшить въ глазахъ финскаго населенія почетное званіе солдата, могло бы и не быть обязательнымъ для финскихъ войскъ въ виду возможной от-

мѣны ихъ и въ русскихъ войскахъ". Идея о совершенномъ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ военномъ вѣдомствѣ имѣеть почти сорокалѣтнюю давность, такъ какъ еще въ вѣчно памятномъ Высочайшемъ повелѣніи 17 апрѣля 1863 г. было положительно выражено, что тѣлесное наказаніе въ войскахъ по судебнымъ приговорамъ оставляется лишь въ видѣ временной мѣры, впредь до устройства военныхъ тюремъ и исправительныхъ заведеній. Съ тѣхъ поръ стремленіе къ возможному уменьшенію случаевъ употребленія роговъ характеризуетъ всѣ важнѣйшія работы по усовершенствованію нашего военно-уголовнаго законодательства. Въ 1875 г. было признано необходимымъ отмѣнить тѣлесное наказаніе, какъ замѣну заключенія въ военной тюрьмѣ, для нижнихъ чиновъ вообще и оставить его только для лицъ, состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ. Тогда же возникалъ и вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, но былъ рѣшенъ отрицательно, такъ какъ казалось, что съ отмѣною этого взыскапія переводъ въ разрядъ штрафованныхъ утратилъ бы значеніе. Преувеличенность этого опасенія вскорѣ доказали русскіе военные юристы, примѣнявшіе въ 1879 г. русское военно-уголовное законодательство къ войскамъ только-что освобожденной отъ тяжкаго турецкаго ига Болгаріи: включивъ въ лѣстницу наказаній ограниченіе правъ по службѣ, сопровождающее и у насъ переводъ въ разрядъ штрафованныхъ, они вовсе изгнали розги изъ военныхъ кодексовъ княжества. Съ того времени прошло около четверти вѣка. Въ военномъ вѣдомствѣ расширены мѣста заключенія; казармы сдѣлались господствующимъ типомъ размѣщенія войскъ. Сознаніе, что тѣлесныя наказанія совершенно не соотвѣтствуютъ условіямъ службы комплектованія и нравственному уровню нижнихъ чиновъ и не составляютъ незамѣнимаго пробѣла въ системѣ наказаній, повидимому безповоротно окрѣпло въ высшихъ военныхъ сферахъ и приблизило русское общество къ новой, давно желанной реформѣ, въ духѣ гуманнаго закона 17 апрѣля 1863 г.— совершенной отмѣнѣ этихъ наказаній въ нашемъ *вооруженномъ народѣ*".—Сообщеніе какъ будто бы не доведено до конца, что-то остается недосказаннымъ; но самое заглавіе его заставляеть думать, что обещаема имъ реформа предстоитъ въ близкомъ будущемъ. Если это такъ, то вѣсть дѣйствительно можетъ быть названа *важною*. Отмѣненное въ войскахъ, тѣлесное наказаніе едва ли можетъ остаться въ силѣ для какихъ бы то ни было другихъ группъ населенія. Исчезнувъ изъ воинскаго устава о наказаніяхъ, оно должно исчезнуть изъ положенія о волостныхъ судахъ; исчезнувъ безслѣдно изъ закона, оно должно исчезнуть и изъ внѣ-законной практики. Только тогда въ русскомъ народѣ будетъ безпрепятственно расти и укрѣпляться чувство лич-

наго достоинства, все больше и больше, несмотря на неблагоприятныя условия, проявляющееся въ немъ и въ настоящее время.

Чрезвычайно замѣчательны, съ этой точки зрѣнія, слова, сказанныя въ кременчугскомъ уѣздномъ комитетѣ однимъ изъ присутствовавшихъ въ немъ крестьянъ. Когда зашла рѣчь объ уравниеніи крестьянъ съ другими сословіями, председатель комитета сталъ утверждать, что крестьяне сами не согласятся на подобную реформу. „Въ правовомъ отношеніи“ — воскликнулъ онъ, — „крестьяне обладаютъ преимуществами передъ дворянами; за однородный проступокъ крестьянинъ отдѣлывается легкимъ наказаніемъ, а дворянина привлекаютъ къ уголовной отвѣтственности“. Что разумѣлось здѣсь подъ „легкимъ наказаніемъ“ — административныя ли кары, налагаемыя на крестьянъ земскимъ начальникомъ, или уголовныя, налагаемыя волостнымъ судомъ (имѣющимъ право присудить крестьянина къ розгамъ за проступокъ, для лицъ другихъ сословій влекущій за собою арестъ или тюрьму) — мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ предполагалось, что крестьянамъ свойственно особенное понятіе о *легкости* наказанія — понятіе, въ которомъ честь не играетъ никакой роли. И что же? *Мы согласны на уравниеніе* — таковъ былъ крестьянскій отвѣтъ на увѣреніе председателя. Въ дальнѣйшихъ словахъ крестьянина ясно слышится ироническая нотка: „нехай“ — сказалъ онъ — „добре наказуютъ и насъ, мы тоді не будемъ часто попадаться, для насъ же буде краше“. И въ самомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ странно считать *преимуществомъ* крестьянъ передъ дворянами меньшую строгость наказанія за простое мошенничество или простую кражу. Дорожить такимъ „преимуществомъ“ могутъ только мошенники и воры, а отнюдь не крестьянская масса, чувствующая и сознающая, насколько правовое положеніе ея хуже положенія другихъ сословій... Взглядъ, выраженный председателемъ кременчугскаго уѣзднаго комитета, является, къ счастью, скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Ковровский комитетъ, напримѣръ, согласился во всемъ съ крестьяниномъ Носковымъ, о запискѣ котораго мы говорили въ предъидущей хроникѣ, и высказался за уравниеніе крестьянъ съ другими сословіями въ правахъ личныхъ и гражданскихъ, за освобожденіе ихъ отъ административной опеки, подчиненіе общимъ судебнымъ установленіямъ и избавленіе отъ позорнаго тѣлеснаго наказанія.

Въ № 319 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ напечатана слѣдующая корреспонденція изъ Суджи, курской губерніи: „председатель нашей уѣздной земской управы, кн. П. Д. Долгоруковъ, оставилъ службу. Этотъ нашъ дѣятель безспорно обладалъ особой энергіей во всѣхъ

дѣлахъ, касавшихся благоустройства населенія, всегда во все внималъ и лично проводилъ въ жизнь съ успѣхомъ. Благодаря его энергій и неутомимости въ дѣятельности, суджанскій уѣздъ поднялся на много выше другихъ. По инициативѣ князя Долгорукова и его стараніями почти осуществлена сѣть школъ всеобщаго обученія, организованы при школахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ библіотеки-читальни, народныя чтенія, преобразована женская прогимназія—въ гимназію, открыта торговая школа и т. п. При земской управѣ организованы экономическій и санитарный совѣты; при управѣ и въ селахъ организованы склады сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ и желѣза, отпускаемыхъ населенію въ кредитъ на льготныхъ условіяхъ; введена ссуда безлошаднымъ крестьянамъ на покупку лошадей; учреждены сельско-хозяйственныя общества; учреждено нѣсколько земскихъ кустарныхъ мастерскихъ: кожевнная, сапожная, коверная, корзиночная и друг.; организованы кредитъ кустарямъ и кустари изолированы отъ эксплуатаціи продавцовъ сырья и скупщиковъ; введена въ уѣздѣ агрономія; устроена, въ огражденіе крестьянъ отъ эксплуатаціи скупщиковъ, ссыпка земствомъ крестьянскаго хлѣба и продажа его земствомъ же интендантству; учреждено нѣсколько товариществъ мелкаго кредита; организована въ уѣздѣ телефонная сѣть; медицина въ уѣздѣ постановлена возможно доступнѣе для населенія: открыто нѣсколько лечебницъ и пріемныхъ покоевъ; организованы врачебный совѣтъ и санитарный уѣздный надзоръ; введена правильная ветеринарія; введены дѣтскіе пріюты-ясли; введенъ техническій дорожный надзоръ и дорожныя сооруженія приведены въ возможное состояніе и т. п. Достаточно ясно видно изъ краткаго перечня, насколько дѣятельность кн. Долгорукова была широка и плодотворна: она захватывала всѣ нужды нашей деревни“.

„Русскимъ Вѣдомостямъ“ телеграфируютъ изъ Суджи, 17-го ноября: „городская дума поднесла кн. Петру Дмитріевичу Долгорукову дипломъ о возведеніи его, съ Высочайшаго соизволенія, въ званіе почетнаго гражданина города Суджи. По поводу оставленія имъ должности предсѣдателя земской управы на состоявшемся обѣдѣ выразалось единодушное сожалѣніе; получена масса сочувственныхъ телеграммъ“.

Мы получили на дняхъ письмо П. А. Тверского, изъ Лосъ-Анжелесъ, въ Калифорніи, отъ 3-го ноября нов. ст.:

„Года два тому назадъ, я, пропутавшись болѣе года съ попытками помочь духоборамъ въ Канадѣ и издержавъ на нихъ нѣсколько тысячъ долларовъ, пытался затѣмъ особыми брошюрами раскрыть глаза русской читающей публикѣ на то безвыходное, ужасное поло-

женіе, въ которое оказались поставленными семь слишкомъ тысячъ темныхъ русскихъ людей. Въ русской печати мнѣ не повѣрили, и съ самыми грубыми комментаріями печатали мнѣ возраженія, стараясь закидать меня грязью. Полагая всякую дальнѣйшую полемику и бесполезной, и излишней—фактической же стороны моихъ сообщеній отрицать однако никто не могъ,—я и молчалъ, такъ какъ только время могло бы разрѣшить, кто изъ насъ былъ правъ—я ли, съ моимъ 20-ти-лѣтнимъ опытомъ и знаніемъ американскихъ жизненныхъ условій, или мои противники, съ ихъ теоретическими представленіями о томъ, что необходимо для „царства божія“ на нашей планетѣ. Теперь это время пришло, и результаты таковы, что оспаривать ихъ ни подъ какимъ видомъ нельзя. Пробывши четыре года и убѣдившись въ совершенной невозможности существовать при тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыя ихъ затащили мои противники, духоборы бросили свои земли и деревни, и ударились пѣшкомъ, съ женщинами и дѣтьми, на югъ, безъ руководителей, безъ опредѣленнаго или даже предполагаемаго мѣста, гдѣ бы они могли приткнуться, поздней осенью, безъ съѣстныхъ припасовъ и теплаго платья и обуви. Еще въ прошломъ году они безусловно отказались подчиниться разнымъ требованіямъ мѣстныхъ законовъ относительно порядка владѣнія землей, метрической регистраціи рожденій и смертей, явки браковъ и т. д. и находились съ тѣхъ поръ въ состояніи открытаго сопротивленія—конечно, пассивнаго—мѣстнымъ властямъ, которыя потеряли голову и рѣшительно не знали, что съ ними дѣлать. Все прошлое лѣто прошло въ броженіи, въ подачѣ прошеній правительствамъ разныхъ странъ объ отводѣ имъ земель для жительства, и съ наступленіемъ зимы и вѣрной голодной смерти они побросали свои поселенія и двинулись куда глаза глядятъ. Вызванный канадскимъ правительствомъ изъ Англии, В. Ч., повидимому, не успѣлъ ничего съ ними подѣлать; они теперь, очевидно, пришли въ отчаяніе, благодаря безвыходности,—и переселеніе духоборовъ въ Канаду превратило ихъ, послѣ четырехъ-лѣтнихъ ужаснѣйшихъ усилій, въ толпу босяковъ-нищихъ, въ числѣ около семи тысячъ душъ¹⁾, блуждающихъ позакованной морозомъ, крайне мало населенной странѣ, и уже своимъ числомъ исключавшей возможность пропитываться подаваніемъ. Изъ пріѣхавшихъ съ ними руководителей не осталось ни одного; кто проживаетъ въ Швейцаріи, кто вернулся въ Россію, и эта несчастная невѣжественная толпа совершенно покинута на произволъ судьбы, безъ какого бы то ни было осмысленнаго руководства. Мои послѣднія свѣдѣнія таковы,

¹⁾ Только не болѣе 30 семей изъ бывшихъ богачей между ними остались на мѣстахъ жительства.

что многіе уже поморозили себѣ руки и ноги, и что первая значительная снѣжная буря, которая тамъ очень обыкновенна въ это время года, можетъ смести большую ихъ часть съ лица земли...

„Я получилъ въ свое время много писемъ изъ Россіи по духоборческому дѣлу, и знаю, что мое къ нему отношеніе и мои брошюры стоили мнѣ многихъ друзей и до известной степени возстановили многихъ противъ меня. Но, какъ говорить пословица, пила въ мѣшкѣ не утаишь, и истина, конечно, должна была бы обнаружиться и безъ меня. Пишу эти нѣсколько строкъ, чтобы познакомить васъ съ тѣмъ, что теперь происходитъ въ Канадѣ, чтобы вы могли видѣть, что я былъ безусловно правъ во всемъ, что я сообщалъ о духоборахъ.

„Канадское правительство, въ виду опасности для жизни женщинъ и дѣтямъ отъ холода и голода, остановило духоборческую толпу посредствомъ mounted police, и отдѣлило ихъ отъ мужчинъ, продовольствуя на казенный счетъ; мужчины же, несмотря ни на что, бросили остановленныхъ женщинъ и дѣтей на попеченіе правительства, и продолжаютъ свой путь пѣшкомъ на югъ. По послѣднимъ известіямъ, и другое поселеніе духоборовъ—въ Prince Albert Province, на рѣкѣ Swan River'ѣ—тоже бросило свои земли и деревни и тоже пѣшкомъ, въ числѣ тысячи душъ, идетъ на югъ, куда глаза глядятъ. Изъ полученныхъ живущими здѣсь духоборами писемъ я знаю, что всѣ они побросали все свое имущество, всю привезенную изъ Россіи теплую одежду, и идутъ въ однѣхъ рубахахъ. Оставленный на волѣ скотъ и лошади, всего до 200 головъ, были переловлены мѣстнымъ начальствомъ и проданы съ аукціона на пополненіе долговъ“.

ИЗВѢЩЕНІЯ

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЖЕНСКАГО ПАТРИОТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патриотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ въ геліо-гравюрахъ (на мѣди) съ художественнымъ воспроизведеніемъ картинъ изъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III.

Открытыя письма будутъ выходить послѣдовательно серіями по 20 штукъ въ каждой, попеременно копій съ картинъ Музея и Эрмитажа. Цѣна каждой серіи, 20 разныхъ открытыхъ писемъ—2 рубля, или по 10 к. за письмо. Первые 2 серіи будутъ изготовлены въ началу декабря.

Адресныя стороны открытыхъ писемъ снабжены штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императ. Женск. Патриот. Общ.“, а также украшены художественными виньетками.

Подписка на серіи открытыхъ писемъ принимается у почетнаго старшины Фридриха Борисовича Вернштейна: Спб., Фонтанка, 134, гдѣ и можно получать справки по сему изданію.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1902 году.

Въ 1902-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Харьковск..	203	23. Томская . .	59	45. Лифляндск.	50
2. Кіевская. .	193	24. Бакинская .	59	46. Амурск. об.	49
3. Херсонск. .	178	25. С.-Петербур. .	59	47. Терская об.	48
4. Екатериносл.	129	26. Рязанская .	59	48. Витебская .	48
5. Саратовск..	116	27. Примор. об.	59	49. Казанская .	47
6. Варшавск..	113	28. Тульская . .	59	50. Минская. .	46
7. Тифлисская.	112	29. Гродненская	57	51. Сурь-Д. об.	45
8. Таврическ. .	106	30. Московская .	57	52. Сибирская.	45
9. Черниговск.	98	31. Воронежск..	57	53. Псковская .	43
10. Полтавская.	93	32. Закасп. об.	57	54. Тобольская .	42
11. Курская. .	79	33. Пред. Китая.	56	55. Астраханск.	41
12. Тамбовская.	78	34. Владимірск.	55	56. Бовенская .	41
13. Бессарабск.	77	35. Обл. В. Дон.	54	57. Уфимская .	40
14. Иркутская .	70	36. Ярославская	53	58. Виленская .	40
15. Орловская .	68	37. Самарская .	53	59. Оренбургск.	35
16. Подольская.	66	38. Калужская .	53	60. Енисейская .	34
17. Смоленская.	66	39. Нижегород.	53	61. Ломжинская.	34
18. Забайк. об.	65	40. Могилевск..	52	62. Пензенская .	34
19. Пермская. .	64	41. Кубанск. об.	52	63. Эстляндская.	28
20. Тверская. .	63	42. Кутанская.	52	64. Акмол. об.	26
21. Новгородск.	60	43. Вятская . .	51	65. Вологодская.	25
22. Волынская .	59	44. Костромская	51	66. Люблинская	24

67. Плоцкая . 23	78. Сувальская . 19	89. Калишская . 11
68. Эриванская . 23	79. Олонская . 19	90. Кѣлецкая . 10
69. Курляндск. 23	80. Радомская . 18	91. Вазаская . 9
70. Варская об. 23	81. Семипал. об. 18	92. С.-Михельск. 8
71. Елисаветпол. 22	82. Черном. окр. 18	93. Тавастгусск. 8
72. Архангельск. 22	83. Съдлецкая . 17	94. Тургайск. об. 8
73. Самарк. об. 20	84. Выборгская. 16	95. Або-Вьерноб. 4
74. Ставропольск. 20	85. Ферган. об. 16	
75. Петроковск. 20	86. Уральск. об. 14	
76. Семирѣч. об. 20	87. Нюландская. 13	
77. Дагест. обл. 20	88. Якутск. об. 13	
II. Въ С.-Петербурѣ		1.119
III. Въ Москвѣ.		540
IV. За границей		153
		<hr/>
		Всего: экз. 6.525

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1902 году.

- Анищенко-Вернаръ, Н. П. — Бабушкина внучка (апр., 598; май, 52; июнь, 702).
- ✓ Арсеньевъ, К. К. — Одна изъ окраинъ Россіи (сент., 340). — Эмиль Зола (окт., 835).
- ✓ Багалій, Д. И. — Изъ жизни харьковскаго университета въ началѣ XIX-го вѣка (февр., 628).
- В-го. — Малкіе промыслы въ Англіи (нояб., 303).
- ✓ Вирюковичъ, Вл. — Сельско-хозяйственный протекціонизмъ (сент., 318).
- ✓ Влаикъ, Р. М. — Всеобщее голосованіе во Франціи. Итоги перваго пятидесятилѣтія. 1848—1898 гг. (май, 164).
- Воборыкинъ, П. Д. — Исповѣдники. Повѣсть (январь, 5; февраль, 432; мартъ, 21; апрель, 449).
- Брусиницъ, Вас. — По лѣсной Башкиріи. Разсказы изъ жизни на лѣсныхъ промыслахъ (январь, 246).
- Вѣлконскій, Н. — Н. М. Мартяновъ и Минусинскій музей (апрель, 750).
- ✓ В., В. — Кустарные промыслы и организація ихъ въ Россіи (мартъ, 296). — Иностранные капиталы въ Россіи. Б. Брантъ, Иностранные капиталы и ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны (июнь, 817). — Ученый противникъ общины (сент., 306). — Первый банкъ для кустарей (октябрь, 734). — Новый трудъ о денежной реформѣ (ноябрь, 361).
- Верещагинъ, А. В. — По Манчжуріи. 1900—1901 г. Воспоминанія и разсказы (январь, 103; февраль, 573; мартъ, 130).
- Витте, Софья. — Мой романъ (июнь, 604; июль, 29).
- Веселовскій, Алексѣй. — Послѣдніе годы жизни Байрона, 1818—1824 г. (январь, 80; февраль, 441).
- ✓ Веселовскій, Юрій. — Французское общество конца XIX-го вѣка въ литературныхъ типахъ того времени (мартъ, 195; апрель, 638).
- Виноградовъ, П. Г. — Школа на Скандинавскомъ сѣверѣ и борьба за нее (мартъ, 95).
- Воробьевъ, Кл. — Волость, какъ за-

чатокъ мелкой земской организаціи (дек., 800).

Воропоновъ, Ѡ. Ѡ. — Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ. 1865—1868 г. (январь, 289; февраль, 733). — Крестьянское дѣло въ ю.-зап. краѣ (сентябрь, 5) — Земельная торговля и спекуляція (октябрь, 574).

Гебель, Валер. — Наши „Городскія училища и ихъ современное положеніе. По поводу 30-лѣтія „Положенія о городскіихъ училищахъ 31 мая 1872 года“ (апрель, 433).

Гербановскій, Мих. — Стих.: I. Баллада изъ Казим. Глинскаго. II. Наброски (январь, 283).

Гн., Е. — Стихотворенія (июнь, 672).

Головинъ, К. — Въ опустѣломъ домѣ (августъ, 480; сентябрь, 52).

Гольбергъ, Людв. — Эразмъ Монтанусъ, ком. съ датск. А. и П. Ганзенъ (июнь, 555).

Гольденвейзеръ, А. — Исправительныя заведенія въ С.-Американскіихъ Штатахъ (февраль, 552).

Гренгагенъ, Е. — Высшія народныя школы въ Швеціи (декабрь, 457).

Гутьяръ, Н. — И. С. Тургеневъ и П. В. Анненковъ (январь, 177). — Ив. С. Тургеневъ во Франціи (ноябрь, 94).

Даниловъ, И. — Случайная встрѣча. Равсказъ (мартъ, 174).

Дмитріева, В. І. — „Вамскующій града“, очеркъ (октябрь, 546).

Дружининъ, Н. — Среди крестьянскихъ дѣл. Сцени съ натуры (май, 120).

Друцкой-Сokolьнинскій, вн. Дм. — Обвиненія и оправданіе земства. Письмо въ Редакцію (май, 351). — Финансовыя успѣхи въ Италиі (декабрь, 674).

Еропкинъ, А. В. — По вопросу о задачахъ губернскаго земства (январь, 319; февраль, 774).

Ефименко, А. Я. — Национальная двойственность въ творчествѣ Гоголя (июль, 229).

Ж., Ж. — По поводу желѣзнодорожныхъ тарифовъ и ихъ экономическаго значенія (мартъ, 349).

Жуковскій, В. А. — Портретъ и факсимиле (май). — Письмо изъ Уѣзда къ Издателю (май, III).

Ильинъ, С. — Сонеты Шекспира: 1—20 (сентябрь, 90).

Исаровъ, Х. Г. — Французскіе памфлеты XIX-го вѣка (августъ, 652; сентябрь, 126).

Карамзинъ, Н. М. — Портретъ и факсимиле обертки первой книжки журнала „Вѣстникъ Европы“, вышедшаго въ Москвѣ, въ январѣ 1802 г. (январь, II—III).

Катаевъ, Н. М. — Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство (май, 205).

К., И. — По поводу македонскаго вопроса (сентябрь, 369).

Кларкъ, Н. С. — На золотыхъ приискахъ въ южной Америкѣ (августъ, 440; сентябрь, 181; октябрь, 514; ноябрь, 209).

Кони, Ан. Ѡ. — Книга о князѣ В. А. Черкасскомъ (ноябрь, 317).

Корсаковъ, В. В. — Религіозныя вѣрованія и убѣжденія у китайцевъ (декабрь, 655).

Котляревскій, Н. — Трилогія гр. А. К. Толстого, какъ національная трагедія (октябрь, 697).

Кочубинскій, А. — Будущимъ биографамъ Н. В. Гоголя (февраль, 650; мартъ, 5).

Крашвинъ, Юр. — Въ гостяхъ на хуторѣ (ноябрь, 137).

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д. — По вопросу о мелкой земской единицѣ (апрель, 803).

Л., Евг. — Еще о нашей школѣ (декабрь, 752).

Л—новъ, С. М. — Стихотворенія: I—IV (июль, 245).

Маричевъ, Ѡ. — Волостной писарь и волость. По личнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ (май, 240).

Марковъ, Ва. П. — Стихотворенія: I-IV (апр., 545). — Весенняя ночь (июль, 327).

Мартенсъ, Ф. Ф. — Американскія впечатлѣнія (нояб., 5).

Мечниковъ, Ильд. — А. О. Ковалевскій (дек. 772).

Михайлова, О. — Стих.: I. Изъ В. Гюго: „Презрѣніе“. II. Изъ Ж. Роденбаха: 1. Идеаль. 2. Одиночество. 3. На стражѣ (июнь, 698). — У моря (окт., 713).

Морозовъ, П. О. — Финская литература, въ ея прошломъ и настоящемъ (июль, 187; авг., 571).

М—скій, Н. — На первыхъ общественныхъ работахъ (дек., 833).

Никитинъ, А. Н. — Положеніе мелкаго кредита въ Петербургѣ (апр., 760).

Новиковъ, А. И. — Деревенскія сцены. Три разсказа: I. Бобыль. II. Быка покупають. III. Мама, дззя! (январь, 149).

Ольнень, О. Н. — Муравейникъ, разск. (авг., 537).

Панкратовъ, А. — На берегахъ р. Оки. Санитарно-статистическій очеркъ (май, 339).

П., И. — Стихотворенія: I. Дубрава. II. Русская пѣсня (февр., 772).

Покровский, Н. — Культурное болото. Повѣсть (май, 183; июнь, 508).

Поповъ, П. С. — Навануѣ реформы въ Китаѣ (апр., 513).

Пынинъ, А. Н. — Н. К. Шилдьеръ, некрологъ (май, 446).

Рацпопортъ, С. И. — Моя поѣздка въ Шотландію (июль, 79).

Ряхтеръ, Д. — По вопросу объ объединѣніи черноземнаго центра Россіи (мартъ, 320).

Ротштейнъ, А. — Сонеты: I. Въ паркѣ Медичи. II. Виночерпій. III. Баллада (июнь, 801).

Савинъ, А. — Общедоступныя пренія въ Лондонѣ (мартъ, 372).

С—ва., П—на. — Жизнь Томаса Трука. Романъ. F. Holländer, Der Weg des Thomas Truck (январь, 196; февр., 676; мартъ, 241; апр., 686; май, 278). — Кимъ, ром. Kim, by R. Kipling (июнь, 746; июль, 247; авг., 703; сент., 213). — Шаткія основы, ром. W. v. Polenz, „Wurzellocker“ (окт., 600; нояб., 251; дек., 687).

Свѣтловъ, Валер. — На полпути, пов. (окт., 475; нояб., 52). — Въ Будаевской усадьбѣ, романъ (дек., 481).

Скаржинскій, А. — По поводу статьи Л. Буха о винной монополіи (январь, 366).

Слонимскій, Л. З. — Современные задачи (июль, 306). — Изъ исторіи второй имперіи (сент., 286; окт., 716). — Новое гражданское уложеніе (нояб., 342). — Забытый сатирический романъ (дек., 753).

С., М. — Примѣчаніе къ портрету Жуковскаго (май, VIII).

Соловьева, П. С. — * * * — Стих. (мартъ, 194). — Старый домъ, стих. (дек., 752).

Стасовъ, В. В. — М. М. Антокольскій, некр. (авг., 535).

Стаховичъ, Нат. — Страничка изъ задушной жизни (авг., 621).

Сулиговскій, А. — Городское управленіе въ губерніяхъ царства польскаго (июнь, 675).

Сѣверовъ, Н. — Старый капитанъ (июнь, 803). — Нелли, разск. (сент., 101).

Тарле, Евг. — Соціологія и историческое познаніе (окт., 429).

Тверской, П. А. — Американскій империализмъ и пинѣшніе его представители (июль, 330). — Федерация женскихъ клубовъ въ Америкѣ (дек., 639).

Тимофеевъ, Гр — А. А. Рейнгольдтъ (сент., 407).

Т., кн. Г. — Россія и Вселенская Патріархія, послѣ крымской войны. 1856—60 гг. По неизданнымъ матеріаламъ (апр., 549; май, 5; июнь, 469).

Франкенштейнъ, Г. Э. — Экономическое пробужденіе Италіи (авг., 519).

Хвостовъ, А. — Русскій Китай. Наша первая колонія на Дальнемъ Востоке (окт., 653; нояб., 181).

Хвостовъ, Н. Б. — Въ поѣздѣ, стих. Фр. Коппе, съ франц. (мартъ, 294).

Холостова, Юл. — На пристани, разск. (іюль, 140).

Цертелевъ, кн., Д. Н. — Письма Владимира Соловьева (авг., 425).

Щерба, Вл. — Учительскіе курсы и правила о курсахъ (окт. 773).

Ярошевичъ, Дм. — Кустарный промыселъ въ Полтавской губерніи (іюль, 5).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Январь — Первый годъ новаго вѣка.—Противорѣчія въ административной практикѣ по вопросу о „мелкой земской единицѣ“.—Отношеніе къ нему различныхъ земствъ.—„Мелкіе сѣзды“, какъ подготовка къ земскому собранію.—Постановленіе орловскаго губернскаго земскаго собранія.—Общеземскій періодическій брантъ.—Продовольственное дѣло въ вятской губерніи.—Разъясненіе товарища министра народнаго просвѣщенія по вопросу о четырехклассныхъ „городскихъ“ училищахъ (стр. 341).—Февраль:—Государственная роспись на 1902-й годъ.—Закрытіе совѣщанія, учрежденнаго въ 1897 г. для выясненія нуждъ помѣщанскаго дворянства. Предлагается открытіе особаго дворянскаго отдѣла.—Ультра-сословное газетное прожектерство, не отступающее передъ „насиломъ“.—Сфера дворянскихъ ходатайствъ.—Возобновленіе пересмотра узаконеній о крестьянахъ.—Программа изслѣдованія причинъ упадка центральныхъ губерній.—Близкій конецъ работъ по составленію гражданскаго уложенія.—Отдѣленіе Кронштадта отъ петергофскаго уѣзднаго земства (стр. 801).—Мартъ:—Учрежденіе особаго совѣщанія для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности.—Отношеніе къ нему земства и печати.—Сорокъ лѣтъ тому назадъ и теперь.—Значеніе предсѣдателя совѣщанія.—Своеобразные взгляды на задачи совѣщанія.—Новые продукты сословнаго прожектерства.—Еще о мелкой земской единицѣ.—Земство и не-земскія губерніи.—Опроверженіе въ „Слб. Вѣдомостяхъ“ предсѣдателя зарайской уѣздной земской управы (стр. 329).—Апрѣль:—Нѣсколько земскихъ ходатайствъ.—Предѣлы права ходатайства, и практическое его значеніе.—Два противоположныхъ мнѣнія о фиксаци земскихъ сборовъ.—Замѣчательное изслѣдованіе „вымирающей деревни“.—Предложенія А. А. Стаховича и гр. Доррера.—Слухъ объ изытаніи статистическихъ работъ изъ вѣдѣнія земства.—Исторія вятскаго земства.—Значеніе личностей въ общемъ дѣлѣ.—Сѣздъ кустар-

ныхъ дѣателей въ С.-Петербургѣ (стр. 782).—Май:—Кончина Д. С. Сипагина.—Рѣчь новаго министра внутреннихъ дѣлъ.—Переѣзъ въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Задачи совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Проектируемые совѣщаніемъ губернскіе комитеты.—Вопросъ о мелкой земской единицѣ на кустарномъ сѣздѣ.—Угличское земство и начальная школа.—Земскія оцѣночныя работы (стр. 365).—Іюнь:—Правительственные сообщенія.—Разобщенность различныхъ классовъ населенія и ея результаты.—Еще о мелкой земской единицѣ.—Рѣчь управляющаго мнѣ. народа. пр. и комментаріи къ ней въ печати.—Отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1898-й годъ.—Церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Квартирные деньги чиновъ полиціи (стр. 834).—Іюль:—Высочайшій рескриптъ 10 іюня с. г.—Вопросы, переданные особымъ совѣщаніемъ на обсужденіе мѣстныхъ комитетовъ.—Пренія въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, саратовскомъ и курскомъ.—Разныя мнѣнія о мелкой земской единицѣ.—Приостановка оцѣночныхъ работъ въ 12 земскихъ губерніяхъ.—Неправильный взглядъ на губернское земство.—Смѣшеніе фактовъ съ вымыслами.—Post-scriptum (стр. 343).—Августъ:—Законъ объ улучшеніи положенія избирательныхъ дѣтей.—Черты сходства и различія между ними и проектомъ гражданскаго уложенія.—Отысканіе отцовства и материнства.—Признаніе избирательныхъ дѣтей.—Узаконеніе и усминовеніе ихъ.—Первые шаги губернскихъ комитетовъ.—Слухъ объ упраздненіи губернскаго земства.—Еще о мелкой земской единицѣ.—Post-scriptum (стр. 766).—Сентябрь:—Сельско-хозяйственный протекціонизмъ, Вл. Бирюковича (стр. 318).—Октябрь:—Слова, произнесенныя въ Курскѣ Государемъ Императоромъ.—Труды уѣздныхъ комитетовъ по вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Новые законы: объ усовершенствованіи дворянскихъ учреждений; о дворянскихъ кассахъ

взаимопомощи; о церковныхъ школахъ; объ артеляхъ и др. — Post-scriptum: Бесѣда г. министра внутреннихъ дѣлъ съ представителями курского земства (стр. 746). — Ноябрь: — Продолженіе занятій уѣздныхъ комитетовъ. — Роль правительства, земства и городовъ въ области охраненія народнаго здравія. — Недомжки земскихъ сборовъ. — Примѣненіе временныхъ правилъ о народномъ продовольствіи. — Земские члены училищныхъ совѣтовъ. — Новый газетный походъ противъ земства. — Инцидентъ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. — Участіе членовъ губернской земской управы въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (стр. 374). — Декабрь: — Новое Главное Управление. — Всеподданнѣйшій докладъ министра вн. дѣлъ о мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 г. — Общіе результаты продовольственной кампаніи. — Тенденціонныя газетныя нападенія на земство. — Частная благотворительность. — Дальнѣйшія направленія продовольственнаго дѣла. — Положеніе вопроса о мелкой земской единицѣ. — Новая свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ. — Пересмотръ земскаго избирательнаго ценза. — Post-scriptum (стр. 812).

II. Иностранное Обозрѣніе. — Январь: — Политическія событія истекшаго года. — Общее международное положеніе и китайскій вопросъ. — Война въ южной Африкѣ и британская политика. — Возможная перемена министерства въ Англии. — Колоніи и внѣшніе союзы. — Германскій проектъ таможеннаго тарифа въ парламентѣ. — Печальный прусско-польскій инцидентъ. — Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ (стр. 378). — Февраль: — Рѣчи графа Булова въ германскомъ парламентѣ. — Официальный патриотизмъ и внѣшняя политика Германіи. — Внутреннія дѣла въ Пруссіи. — Дѣло Кулемана въ прусской палатѣ депутатовъ. — Парламентскія пренія о польскомъ вопросѣ (стр. 821). — Мартъ: — Программы французскихъ политическихъ партій. — Парламентскій споръ о франко-русскомъ союзѣ. — Пренія о законахъ для охраны рабочихъ. — Реформа французской средней школы. — Попытка голландскаго посредничества въ бурской войнѣ. — Англо-японскій союзъ. — Китайскія дѣла (стр. 359). — Апрельъ: — Франко-русская декларация. — Отношенія державъ на Дальнемъ Востокѣ. — Рѣчь Делькассэ въ сенатѣ. — Новая проявленія жизнечности франко-русскаго союза. — Французскія парламентскія пренія. — Г. Делькассэ и „Новое Время“ о багдадской желѣзной дорогѣ. —

Южно-африканская война. — Сесиль Родсъ (стр. 814). — Май: — Правительство сообщеніе о манчжурской конвенціи. — Спорные вопросы и затрудненія въ Дальнемъ Востокѣ. — Парламентскіе выборы во Франціи. — Политическія волненія въ Бельгіи. — „Избранная раса“ и военные обычай (стр. 390). — Июнь: — Повѣдка президента Лубэ въ Россіи. — Официальныя тосты. — „Франко-русскія“ манифестаціи и „патриотическая“ печать. — Внутреннія дѣла во Франціи. — Дѣло Эмберъ. — Отмена закона объ охранѣ въ Эльзасѣ-Лотарингіи. — Рѣчь графа Голуховскаго и русско-австрійское соглашеніе (стр. 857). — Июль: — Конецъ южно-африканской войны. — Печальные итоги. — Содержаніе и характеръ мирныхъ условій. — Отсроченная коронація Эдуарда VII. — Политическія дѣла во Франціи. — Польскій вопросъ въ прусскомъ сеймѣ (стр. 364). — Августъ: — Международное положеніе Италіи. — Рѣчь Делькассэ о франко-итальянской дружбѣ. — Возобновленный тройственный союзъ и общія политика въ Европѣ. — Борьба съ клерикализмомъ во Франціи. — Перемены въ составѣ британскаго правительства — Лордъ Сольсбери, Бальфуръ и Чемберленъ (стр. 789). — Сентябрь: — Бурскіе вожди въ Капской колоніи и въ Англии. — Политическое движеніе въ южной Африкѣ. — Капскій парламентъ и Чемберленъ. — Македонскій вопросъ. — Брюссельскій конгрессъ въ защиту армянъ (стр. 356). — Октябрь: — Внутреннія дѣла во Франціи. — Военный судъ надъ полковникомъ де-Сенъ-Реми. — Война съ клерикалами и рѣчи министровъ. — Приѣзды славянскаго единенія: событія въ Хорватіи. — Поинтка американскаго вмѣшательства въ европейскую политику. — Международный судъ въ Гаагѣ. — Берлинскій трактатъ и Румыніи (стр. 783). — Ноябрь: — Бурскіе генералы въ Европѣ. — Английская политика и ея континентальныя общиптели. — Нѣкоторые иллюстраціи къ вопросу о политической этикѣ. — Положеніе Македоніи. — Парламентскія дѣла во Франціи. — Развязка каменноугольнаго кризиса въ Соединенныхъ-Штатахъ (стр. 391). — Декабрь: — Печальныя событія въ Македоніи. — Роль европейской дипломатіи въ устройствѣ турецкихъ дѣлъ. — Мысль о созваніи европейской конференціи. — Политика Вильгельма II и внутренніе вопросы въ Германіи (стр. 846).

III. Литературное Обозрѣніе. — Январь: — Писателя Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ 4-хъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. — „На трудовомъ пути“,

лит. худож. сборникъ.—А. П.—Мандельштамъ, проф. О характерѣ Гоголевскаго стиля.—Е. Л.—Новыя книги и брошюры (стр. 392).—Февраль:—„Подъ знаменемъ науки“, вблн. сборникъ въ честь Н. И. Стороженка.—Сочиненія И. Ѳ. Горбунова, ч. р. и съ предислов. А. Ѳ. Коки.—Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова, гр. П. Шереметева.—П. А. Кулиничъ, В. Шеврока.—А. П.—Новое о Пушкинѣ, Ив. Шелгова.—Е. Л.—Новыя книги и брошюры (стр. 833).—Мартъ:—А. Ериоловъ, Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ.—Боженяковъ, И., „Навскій просектъ“, 1703—1903 г. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка.—XVIII-XIX.—Н. В. Гоголь въ русской повѣи, состав. В. В. Камлачъ.—А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 388).—Апрѣль:—Н. К. (Н. Е. Кудринъ), Очерки современной Франціи.—Н. Карѣева.—А. А. Кауфманъ, Сибирское переселеніе на исходѣ XIX-го вѣка.—Харьковскій Календарь на 1902 годъ.—В. В.—Ѳ. Д. Балюшковъ, Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ.—С.—И.—А. М. Бобринцевъ-Пушкинъ, Судь и раскольничьесектанты.—К. А.—„Крестьянинъ“, ром. ф.-Полеица, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого.—А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 827).—Май:—В. Д. Завитневичъ, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, т. I-ый, кн. 1 и 2.—Д.—Маркъ Басаничъ, Записки эмигранта въ Южной Америкѣ.—П. Н. Ардашевъ, Абсолютная монархія на Западѣ.—Л. С.—Давиде Алигеріи, Божественная Комедія. „Адъ“. Перев. Д. Минъ.—А.—Е. Д. Максимовъ, Присхождение нищенства и мѣры борьбы съ нимъ.—Н. И. Тезиковъ, Рмыи найма сельскохозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи.—В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 404).—Іюль:—Арс. Кадлубовскій, Очерки по исторіи древне-русской литературы—жизни святыхъ.—М. Бородинъ, Славянофильство Тютчева и Герцена.—Мэтью Арнольдъ, Задачи современной критики.—А. П.—М. Н. Капустинъ и его переписка съ А. А. Боренко.—З.—Новыя книги и брошюры (стр. 874).—Іюль:—Луи де Сентъ-Обенъ, Тридцать девять портретовъ 1808—1816. Фотогн. воспроизвед. съ биограф. очерк. Изд. в. кн. Н. М.—И. П. Минаевъ, Путешествіе Марко Поло.—А. П.—Петръ Струве, На разныя темы (1898—1901). Сборникъ статей.—С. Г. Алексѣевъ, Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ, XVIII—XIX вв.—Л. С.—П. Г. Гамзевъ, Опытъ одоров-

ленія деревни.—В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 378).—Августъ:—Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина.—А. П.—А. Никольскій, Земля, община и трудъ.—Л. С.—Д. Н. Вергунъ, Червонно-русскіе отзвуки.—Д.—Новыя книги и брошюры (стр. 803).—Сентябрь:—В. А. Францевъ, Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученныя связи конца XVIII и первой половины XIX стол.—А. П.—Графъ Павелъ Шереметевъ, Зимняя побѣда въ Бѣлозерскій край.—Е. Л.—А. Зотовъ, Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности.—А. А. Зубрилинъ, Способы улучшенія крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ.—В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 381).—Отябрь:—Головачевъ, Сибирь: Природа, Люди и Жизнь.—Е. Л.—Умеръ талантъ, пов. А. Лугового.—Д.—Б. Ф. Брандтъ, Торгово-промышленный кризисъ въ западной Европѣ и въ Россіи, т. I.—В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 795).—Ноябрь:—Гр. Новополинь, Въ сумеркахъ литературы и жизни.—Д.—Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи, п. р. В. И. Покровскаго, т. I.—Обзоръ податного состоянія курской губерніи за 1900 годъ.—В. В.—Очеркъ всеобщей и русской исторіи, М. Коваленскаго.—Б.—Народное образованіе въ Петербургѣ, Ю. Н. Лавриновича.—З.—Новыя книги и брошюры (стр. 404).—Декабрь:—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ въ царств. имп. Александра I и Николая I.—А. С. Борецкій, Милліоны, разсказъ.—Н. В. Пономаревъ, Обзоръ кустарныхъ промысловъ въ Россіи.—П. Милюковъ, Изъ исторіи русской интеллигенціи.—А. П.—По Москвѣ и ея окрестностямъ, путеводитель-справочникъ.—К.—Новыя книги и брошюры (стр. 856).

IV. Новости Иностранной Литературы.—Январь:—I. Louis Bertrand. La Cina.—II. Max Messer. Moderne Essays.—З. В. (стр. 405).—Февраль:—I. Der rote Hahn, v. G. Hauptmann.—II. Lebendige Stunden, v. Arthur Schnitzler.—З. В.—III. Positive Ethik, v. G. Ratzenhofer.—Ѳ. P. (стр. 846).—Мартъ:—I, René Bazin, „Les Oberlé“.—II. Wilhelm Bölsche, „Hinter der Weltstadt“.—З. В. (стр. 400).—Апрѣль:—I. Brunetière, Victor Hugo.—II. Leo Berg, Henrik Ibsen.—З. В. (стр. 857).—Май:—I, Hermann Bahr, Der Apostel.—II. Edouard Estaunié, L'Épave.—III, André Beaunier, La poésie nouvelle.—З. В.

(стр. 428).—Июнь:—I. W. Jensen, Wilhelm Raabe.—II. Brioux, La petite amie.—З. В. (стр. 891).—Июль:—I. Max Dreyer, Drei Schelmenstücke.—II. Anatole France, L'affaire Crainquebille.—З. В. (стр. 891).—Август:—I. Maurice Maeterlinck, Monna Vanna. Pièce en trois actes.—II. Gabriele d'Annunzio, Francesca da Rimini.—З. В. (стр. 820).—Сентябрь:—I. Gustave Kahn, L'Adultère Sentimental.—II. Robert de la Sizeranne, Miroir de la vie (Essais sur l'évolution esthétique).—З. В. (стр. 898).—Октябрь:—I. G. Frensen, "Jorn Uhl".—II. Ad. Bartels, Geschichte der deutschen Literatur.—З. В. (стр. 820).—Ноябрь:—I. G. Reval, "Les Sévriennes", "Les Lucéennes".—II. Hans Ostwald, "Vervorfene".—З. В. (стр. 424).—Декабрь:—I. Nekrassow, Gedichte, übers. von F. Fiedler.—II. L. Muhfeld, I'Associée, roman.—З. В. (стр. 871).

У. Изъ Общественной Хроникъ.—Январь:—"Вѣстникъ Европы" сто лѣтъ тому назадъ.—Старые и новые земцы.—Земство и печать.—Три громкихъ земскихъ имени: В. Н. Чичеринъ, Д. Ф. Самаринъ (+), Д. Д. Дашковъ (+).—Систематическое изречение истины въ "Моск. Вѣд.".—Десятилѣтне кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—Чествование П. И. Вейнберга и Н. И. Стороженка.—P. S.—Правительственные сообщения (стр. 420).—Февраль:—Значение яслей въ голодные годы.—Поучительный опытъ.—Пироговскій съѣздъ врачей.—Судъ надъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ.—Юбилей "Гражданина".—Возобновленіе занятій комиссіи по преобразованію средней школы.—Э. Д. Нарышкинъ, И. В. Мумкетовъ, Н. И. Цухановъ и А. В. Плетнева † (стр. 864).—Мартъ:—Чествованіе памяти Гоголя.—Столѣтне со дня рожденія Виктора Гюго.—Параллель между его "Misérables" и "Воскресеніемъ" гр. Л. Н. Толстого.—Полемика по поводу "Записокъ врача", г. Вересаева.—Правительственное сообщеніе о дѣлѣ сектантовъ села Павловокъ (стр. 415).—Апрѣль:—Предисловіе гр. Л. Н. Толстого къ переводу романа: "Крестьянинъ".—Ступеньки литературной лѣстницы въ Англии и въ Россіи.—Задачи и формы литературной критики.—Различные способы борьбы съ расколомъ.—Двадцатипятилѣтне с-петербургскаго юридическаго общества.—Ф. Д. Нефедовъ † (стр. 871).—Май:—Пятидесятилѣтне со дня смерти В. А. Жуковскаго.—Планъ "раціональнаго устроенія русской жизни".—"Гражданинъ" и свобода печати.—Рѣчь и

письмо черскаго уѣзднаго предводителя дворянства.—Два рѣшенія сената.—Г. И. Успенскій, В. П. Острогорскій и Д. Д. Семеновъ † (стр. 460).—Июнь:—Новый фазисъ въ исторіи одного изъ старѣйшихъ русскихъ журналовъ.—"Русскія рѣчи" обновленнаго "Русскаго Вѣстника", какъ вкладъ въ сокровищницу реакціонной печати.—Нѣчто о "сердечности" и "твердости".—Судьба трехъ земскихъ ходатаевъ.—Новыя названія.—С. А. Рачинскій † (стр. 904).—Июль:—Десятилѣтне Городового Положенія 1892-го года и совпадающее съ нимъ правительственное "обозрѣніе" с-петербургскаго городского общественнаго управленія.—Своеобразный критерій оцѣнки правительственныхъ мѣропріятій и назначеній.—Предостереженіе, данное "Гражданину".—"Логика жизни" и обыкновенная логика.—Еще о дѣлѣ черскаго уѣзднаго предводителя дворянства.—Постоянное и временное устройство средней школы (стр. 410).—Августъ:—Двадцатипятилѣтне дѣятельности петербургской уѣздной комиссіи по началному народному образованію и главнѣйшіе результаты ея.—"Городскія" училища думи и причина ихъ успѣха.—Вопросъ о городскихъ исполнительныхъ комисиіяхъ.—Проектъ созванія съѣзда городскихъ уѣздныхъ въ Москвѣ, и общеобразовательные курсы для уѣздныхъ въ г. Павловскѣ.—Несправедливыя обвиненія.—Оригинальная городская дума.—А. Н. Бекетовъ † (стр. 847).—Сентябрь:—Временныя росписанія уроковъ въ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.—Циркуляръ управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія.—Пересмотръ Городового Положенія.—Бузеть изъ мѣстной "Гражданина" о земствѣ и крестьянствѣ, о начальной школѣ и университетѣ, о кассационныхъ рѣшеніяхъ и крестьянскомъ банкѣ.—Крестьянскій банкъ и "Московскія Вѣдомости".—Нѣсколько словъ по адресу "Русскаго Вѣстника" (стр. 410).—Октябрь:—Правила о профессорскомъ судѣ, о кураторахъ, курсовыхъ собраніяхъ и старостахъ.—Сиб. политехнической институтъ.—"Университетъ или политехникумъ?"—Десятилѣтне финансоваго управленія.—Конгрессъ криминалистовъ въ Петербургѣ.—Рѣзкіе контрасты.—Странныя разсужденія предпринимателя.—Возможная судебная ошибка.—Интересный вопросъ.—С. И. Старикевичъ †.—Post-scriptum (стр. 888).—Ноябрь:—Университетская реформа и рѣчь г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Своеобразная децентрализація, проповѣдуемая

въ „Гражданинѣ“:—Пересмотрѣжъ Городоваго Положенія 1892 г. въ приложеніи къ одному городу Петербургу.—Вопросы: о способѣ замѣщенія должностей городскаго голови; о распространеніи избирательнаго права; о порядкѣ производства выборовъ; объ исполнительныхъ коммиссіяхъ (стр. 489).—Декабрь:—Интересное сообщеніе и неудачныя къ нему комментаріи.—Инцидентъ въ казанскомъ юридическомъ обществѣ.—Проектируемое общество московскихъ журналистовъ.—Предстоящій юбилей русской періодической печати.—Одесская эпидемія и городское самоуправленіе.—„Благая вѣсть“.—Корреспонденція изъ г. Суджа.—Письмо П. А. Тверского въ Редакцію (стр. 889).

Библиографическій Листокъ.—Январь:—Гейне, Собраніе сочиненій, п. р. П. И. Вейнберга, т. VII.—Гоголь, Мертвая душа, поэма, съ 355 иллюстр.; изд. А. Ф. Маркса.—„Невскій просвѣтъ“, 1708—1903, юбилейное изданіе, т. I, вып. 1.—Автобиографія Абдурахана, съ англ. М. Грулевъ.—Собраніе сочиненій Шиллера въ перев. русск. писателей, п. р. С. Венгерова, т. III.—Февраль:—Отчужденіе недвижимой собственности для государственной или общественной пользы, В. В. Салова.—Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ, П. Новгородцева.—Стихотворенія, кн. Д. Н. Церетелева.—Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста, Р. Лесафта.—Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, А. И. Дмитриева-Мамонова.—Учебныя годы стараго барчука, Евг. Маркова.—Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. III.—Мартъ:—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Т. I: 1802—1825, состав. С. М. Середонина.—Русскія юридическія древности, В. Сергѣевича, т. I.—Введеніе въ римскую исторію, В. И. Модестова, ч. I.—Недогѣтыя гѣсны, С. Я. Надсона.—Горюкъ, разсказъ В. I. Дмитриевой.—Апрѣль:—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. П. Барсукова, кн. 16-ая.—Стихотворенія П. И. Вейнберга, съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній „Гейне изъ Тамбова“.—Сабань, В. В., Систематическая Репнсья книгамъ, вышедшимъ въ Россіи—за 1899-й годъ, т. I, вып. 1.—П. Сергѣенко, Сократъ, драмат. хроника.—Д. Мережковский, „Любовь сильнѣе смерти“, „Наука любви“, „Микель-Анджело“.—Малый Энциклопедическій Словарь, вып. VII, послѣдній.—Май:—Изданіе Сиб. Городской

Души: Ч. I.—В. А. Жуковский; ч. II: Н. В. Гоголь.—М. П. Роевскій, Стихотворенія. М. Винаверъ, Очерки объ адвокатурѣ.—Головачевъ, П., Сибирь: Природа Люди, Живнъ.—Фришмутъ, Марія, Критическіе очерки и статьи.—Іюль:—В. Д. Спасовичъ, Записки о проектѣ земскаго управленія для 18 не-земскихъ губерній.—П. Таннери, Первые шаги древне-греческой науки, перев. Э. Радлова и Г. Церетели, съ пред. А. И. Введенскаго.—Шиповъ, П., капитанъ, Русская одежда.—Н. Азбелевъ, Единство въ устройствѣ вселенной.—И. И. Игнатовичъ, Помѣщичья крестьяне наканунѣ освобожденія.—Русскій Биографическій Словарь: Павелъ преподоби.—Петръ (Илейна).—Іюль:—Владиміръ Соловьевъ, очеркъ В. Л. Величко.—Спасовичъ, В., и Пильцъ, Е., Очердные вопросы въ царствѣ польскомъ.—А. Манцони, очеркъ М. Ватсонъ.—Графъ Э. П. Беннигсенъ. Къ вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ. Изъ записокъ практика.—Августъ:—Н. Н. Карабчевскій. Около правосудія. Статьи, сообщенія и судебныя очерки.—Курсъ семейнаго права. Проф. А. И. Загоровскаго.—Л. Е. Оболенскій. Научныя основы красоты и искусства.—Какъ люди на быломъ свѣтѣ живутъ. Е. Водовозовой. Турки.—Второй сборникъ статей. 1901—1902. Александра Новикова.—Стихотворенія Владиміра Соловьева.—Сентябрь:—Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ (1898—1902). П. П. Мигулина, проф. харьк. университета.—М. В. Кечеджи-Шаповаловъ, Женское движеніе въ Россіи и за границей.—В. Гурко, Устои народнаго хозяйства Россіи.—Аграрно-экономическіе этюды.—Октябрь:—Исторія русской литературы, А. Н. Пыпина, т. II.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. X.—Путеводитель по окрестностямъ Петербурга, изд. Коммиссіи по народному образов. въ Сиб.—Цѣли воинскаго наказанія, А. Фалъева.—Русскій Китай, барона А. Буксгевдена.—Преступный міръ и его защитники, Н. В. Никитина.—Ноябрь:—Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призваніе на Западѣ, д-ра А. И. Скребицкаго.—Россія въ дорожномъ отношеніи, состав. В. Мейенъ.—Шекспиръ—въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.—Практическія занятія по зоології и ботаникѣ. Т. Гексли и Г. Мартинъ.—Синтаксисъ русскаго языка, Д. Овсяннико-Куликовскаго.—Декабрь:—Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева, т. IV.—Женщины-убійцы, вр. П. Н. Тарновской.—Сахалинъ (Кагорга), В. М. Дорошевича.—Сборникъ Историческаго Русскаго

Общества, т. 112.—Повѣсти и рассказы Я. Кривоногого (Я. Я. Гуревича).

VII. Извѣщенія.—I. Отъ городской Комиссии по народному образованію.—II. Извлеченіе изъ Положенія о Всероссийскомъ Пожарномъ Свѣздѣ (Январь, 436).—Отъ городской Комиссии по народному образованію (Февраль, 881;

Мартъ, 431; Май, 466).—I. Изъ Устава С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго вспоможенія.—II. Отъ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ (Апрѣль, 884; Май, 466).—Отъ Попечительства о глухонѣмыхъ (Октябрь, 858; Ноябрь, 456).—Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества (Декабрь, 898).

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОГО ТОМА

НОВАБРЬ. — ДЕКАБРЬ. 1902.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	СТР.
АМЕРИКАНСКІЯ ВПЕЧАТЛЕНІЯ.—Очерки и замѣтки.—I-V.—Ф. Ф. МАРТЕНСА . . .	5
НА ПОПУТИ.—Повѣсть.—XI-XX.—Окончаніе.—ВАЛЕР. СВѢТЛОВА	52
ИВ. С. ТУРГЕНЕВЪ ВО ФРАНЦІИ.—1847-1850 гг.—I-IX.—Н. ГУТЬЕРА	94
ВЪ ГОСТЯХЪ НА ХУТОРѢ.—Личныя впечатлѣнія.—I. Въ страну далеку... II. На хуторѣ. III. Гости. IV. Мой отъѣзд.—ЮРІЯ КРАПИВИНА	187
РУССКІЙ КИТАЙ.—Наша первая колонія на Дальнемъ Востокѣ.—VI-VIII.—Окончаніе.—А. ХВОСТОВА	181-
НА ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКАХЪ ВЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.—По личнымъ воспоминаніямъ.—V.—Окончаніе.—Н. С. КЛАРКА	209
ШАТКИ ОСНОВЫ.—Эскизъ.—W. von Polenz, „Wurzelstock“, Roman.—XIII-XXVIII.—П.—НН С—ВОЙ	251
МЯГКІЯ ПРОМЫСЛЫ ВЪ АНГЛІИ.—Б—ГО	303
КНИГА О КНЯЗѢ В. А. ЧЕРКАССКОМЪ.—„Материалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, состав. кн. О. Трубецкаго, т. I.—А. Θ. КОНИ	317
НОВОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	342
ХРОНИКА.—Новый трудъ о денежной реформѣ.—„Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ“ (1893—1902 г.). П. П. Мигулина.—В. В.	361
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРАЩЕНІЕ.—Продолженіе занятій уѣздныхъ комитетовъ.—Роль правительства, земства и городовъ въ области охраненія народнаго здоровья.—Недостатки земскихъ сборовъ.—Примѣненіе временныхъ правилъ о народномъ продовольствіи.—Земскіе члены учившихся совѣтовъ.—Новый газетный походъ противъ земства.—Инцидентъ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.—Участіе членовъ губернской земской управы въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ	374
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРАЩЕНІЕ.—Бурскіе генералы въ Европѣ.—Англійская политика и ея континентальные обличители.—Нѣкоторыя иллюстраціи къ вопросу о политической этикѣ.—Положеніе Македоніи.—Парламентскія дѣла во Франціи.—Развязка каменноугольнаго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ	391
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРАЩЕНІЕ.—Гр. Новопольскій, Въ сумеркахъ литературы и жизни.—Д.—Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи, п. р. В. И. Покровскаго, т. I.—Обзоръ податнаго состоянія курской губерніи за 1900 годъ.—В. В.—Очеркъ всеобщей и русской исторіи, М. Коваленскаго.—Е.—Народное образованіе въ Петербургѣ, Ю. Н. Лавриновича.—З.—Новыя книги и брошюры	404
НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. G. Reval: „Les Sèviennes“; „Les Lucéennes“.—II. Hans Ostwald, „Verworfenen“.—З. В	424
ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Университетская реформа и рѣчь г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Своеобразная децентрализація, проповѣдуемая въ „Гражданинѣ“.—Пересмотръ Городоваго Положенія 1892 г. въ примѣненіи къ одному городу Петербургу.—Вопросы: о способѣ замѣщенія должности городского головы; о распространеніи избирательнаго права; о порядкѣ провозводства выборовъ; объ исполнительныхъ коммисіяхъ	439
ИЗВѢЩАНІЯ.—Отъ Почетальства о глухонѣмыхъ	456
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призываніе на Западѣ, д-ра А. И. Скребицкаго.—Россія въ дорожномъ отношеніи, состав. В. Мейеръ.—Шекспиръ—въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.—Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ Т. Гексли и Г. Мартинъ.—Синтаксисъ русскаго языка, Д. Овсянко-Куликовскаго.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

	стр.
Висшия народныя школы въ Швеции. — Очерки. — К. ГРӨНГАГЕНА	457
Въ Будавской усадьбѣ. — Романъ. — I-XXVI. — ВАЛЕР. СВѢТЛОВА	481
Федерация женскихъ клубовъ въ Америкѣ. — П. А. ТВЕРСКОГО	639
Варованія и суевѣрія у китайцевъ. — По личнымъ наблюденіямъ. — В. В. КОР- САКОВА	655 —
Финансовыя успѣхи Италіи. — Изъ путевыхъ замѣтокъ. — КН. ДМИТРИЯ ДРУЦ- КОГО-СОБОЛЬНИНСКАГО	674
Шатки основы. — Эскизы. — W. v. Polenz, „Wurzellocker“. — XXIX-LL. — Окон- чаніе. — Съ вѣм. П.—НН С—ВОЙ	687
Еще о нашей школѣ. — Свящ. Г. Петровъ, Школа и жизнь. — ЕВГ. Л.	788
Старый домъ. — Стих. П. С. СОЛОВЬЕВОЙ	752
Завитый сатирический романъ. — „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“ и его про- долженіе: „Графъ Обезьянновъ на новомъ мѣстѣ“, кн. В. Мещерскаго. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	753
Александръ Онуфриевичъ Ковалевскій. — Очерки изъ исторіи науки въ Россіи. — ИЛЫ МЕЧНИКОВА	772
Хроника. — Волюта, какъ зачатокъ мелкой земской организаціи. — КЛ. Д. ВО- РОБЬЕВА	800
Внутреннее Овозрѣніе. — Новое главное управленіе. — Всеподданнѣйшій докладъ министра вн. дѣлъ о мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 г. — Общія ре- зультаты продовольственной кампаніи. — Тенденціозныя газетныя напа- денія на земство. — Частная благотворительность. — Дальнѣйшія направ- ленія продовольственнаго дѣла. — Положеніе вопроса о мелкой земской единицѣ. — Новыя свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ. — Пере- смотреть земскаго избирательнаго ценза. — Post-scriptum	812
На первыхъ общественныхъ работахъ. — По личнымъ наблюденіямъ. — М—СКАГО	833
Иностранное Овозрѣніе. — Печальныя событія въ Македоніи. — Роль европейской дипломатіи въ устройствѣ турецкихъ дѣлъ. — Мысль о созваніи европей- ской конференціи. — Политика Вильгельма II и внутренніе вопросы въ Германіи	846
Литературное Овозрѣніе. — Историческій обзоръ дѣятельности Комитета мини- стровъ въ царств. имп. Александра I и Николая I. — А. С. Борейскій, Милліонъ, разсказъ. — Н. В. Пономаревъ, Обзоръ кустарныхъ промыш- ловъ въ Россіи. — П. Милюковъ, Изъ исторіи русской интеллигенціи. — — А. П. — По Москвѣ и ея окрестностямъ, путеводитель-справочникъ. — — Б. — Новыя книги и брошюры	856
Новости Иностранной Литературы. — I. Nekrassow, Gedichte, abers. von F. Fiedler. — II. L. Muhlfeld, L'Associée, roman. — З. В.	871
Изъ Общественной Хроники. — Интересное сообщеніе и неудачные къ нему комментаріи. — Инцидентъ въ казанскомъ юридическомъ обществѣ. — Проектируемое общество московскихъ журналистовъ. — Предстоящій юбилей русской периодической печати. — Одесская эпидемія и городское самоуправленіе. — „Благая вѣсть“. — Корреспонденція изъ курской гу- берніи. — Письмо П. А. Тверскаго въ Редакцію	883
Извѣщенія. — Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества	898
Материалы для журнальной статистики: „Вѣстникъ Европы“ въ 1902 году	899
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ въ 1902 году	901
Библиографическій Листокъ. — Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева, т. IV. — Женщины-убійци, вр. П. Н. Тарновской. — Сахалинъ (Каторга), В. М. Дорошевича. — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 112. — Повѣсти и разсказы, Я. Кривокусаго (Я. Я. Гуревича). Объявленія. — I-IV; I-XVI стр.	

ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Связаніе сочиненій Владимира Сергѣевича Соловьева. Т. IV, стр. 588. Т. V, стр. 352. Ц. за всѣ 8 томовъ—12 рубль.

Новые «вишуски» обнимаютъ собою пятнадцатилѣтній періодъ литературной и публицистической дѣятельности вѣковаго Влад. Соловьева, начиная съ 1883 года и до 1897 г. Больше двухъ третей четвертаго тома занимаетъ «Исторія и будущіесть геократіи»,—трудъ, написанный самимъ авторомъ.—Исслѣдованіе всемірно-историческаго пути къ истинной жизни, «Оправданіе вѣру нашихъ идоловъ, вѣнчаемаго ея на новую ступень разумнаго сознанія; показать, какъ эта тревниа вѣра, освобожденная отъ оковъ жѣсткаго обособленія и народнаго самолюбія, совладаетъ съ истинною всемірною истинною—вѣтъ, говоритъ исследователь, общаа задача моего труда...». Сверхъ того, въ этомъ томѣ содержится слѣдующія статьи: «Великій споръ и христіанская полемика»; «Согласіе съ Римомъ и московская газета»; «Варіетство и христіанскій вопросъ»; «Какъ прокубитъ нами црковныя силы?»—письмо къ С. А. Рачинскому, которое авторъ называетъ не возраженіемъ ему, а диволюбіемъ къ его призыву, обращенному къ людямъ изъ образованной мірской среды—идти въ оскръжіе священника «для самоотверженнаго служенія церкви и народу». Пятый томъ посвященъ, главнымъ образомъ, «Наполеоновому вопросу въ Россіи» и другимъ 15-ти болѣе или менѣе статьямъ, разбланнымъ по газетамъ и журналамъ.

Жизннны-тѣлны, антропологическое изслѣдованіе врача П. Н. Тарновскаго. Сиб. 902. Стр. 512. Ц. 4 р.

Постоянны авторъ отнюдь скромно называетъ свой обширный трудъ «экетлнваніемъ и вѣнчаніемъ» и смотритъ на него «какъ на подложку матеріаламъ», которые онъ предоставляетъ будущимъ ученымъ для дальнѣйшей владки жизни крикнпальной антропологии, еще ожидающей своего обобцанія». Но эта зародившаяся въ наше время наука будетъ не мало обязана настоящему собранію матеріаламъ для нея, выполненному на строго-точннхъ научныхъ основаніяхъ. Авторъ ограничивается въ своемъ изслѣдованіи субъектами исключительно изъ крестьянской среды, и притомъ безъ всякой предрѣси псторической прозы, изъ средннхъ губерній; такимъ образомъ, въ настоящее трудъ приведено 160 наблюдений, субъектами которыхъ послужили исключительно уроженцы центра европеекой Россіи, севернорусскихъ губерній. Самые наблюдения наостриврваны 163 рисунками и 8-ю антропометрическими таблицами. Авторъ, исходя изъ положенія, что «преступленіе, въ смыслѣ прикнпальной антропологии, имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ крнпическомъ»,—приходитъ, обратясь на свои наблюдения, къ тому выводу, что «възлы на основаніи анатомическихъ данныхъ, или приращеннхъ нравственныхъ отклоненій, на основаніи только однихъ этихъ условій считать человека преступникомъ; въ этомъ смыслѣ типъ приращеннаго преступника Ломброзо долженъ быть отвергнутъ», но основанія чнть его, что преступленіе совершается, въ большинствѣ случаевъ, въ силу врожденных или приобретенныхъ отклоненій и недостатковъ организаціи—

эта мысль, заключенная авторомъ, безмѣрно важна послѣдствіемъ». Мы надѣемся еще возвратиться къ интересному и замѣчательному труду П. Н. Тарновскаго, чтобы ближе ознакомиться читателя съ его богатнми содержаніемъ.

Сахалинцы. (Каторга). В. М. Дорошевича. Въ двухъ частяхъ. М. 903. Стр. 127+199. Ц. 3 р. 50 к.

Какъ бы въ доопаненіе къ предыдущему труду явилось настоящее изданіе, которое можно было бы, подобно тому, озаглавить «Мушкетирскіе убійцы». Но авторъ, возсе не имѣлъ въ виду приготовить научное изслѣдованіе, каковымъ является предыдущее, и далъ, въ другомъ отношеніи, также богатый и интересный матеріалъ для сопоставленія съ бытомъ сосланныхъ на каторгу во всѣхъ ея подробностяхъ и обстановкѣ, возмнннхъ отъ описанія природы остр. Сахалина и жизни его обитателей. Изданіе весьма рогнншо иллюстрировано массой рисункомъ, съ видами Сахалина, каторжанъ на землѣ и работамъ, а также инакъ семейно-каторжанца. Съ ннхъ словъ записаны авторомъ многочисленные рассказы изъ ннхъ жизни, подробности совершннхъ или задрскнхъ убійствъ и грабѣжъ, судъ надъ ннми и жнтья на каторгѣ. Особый интересъ въ ннхъ составляетъ статья, посвященная «Уроженцамъ о. Сахалина», съ цѣлью осужденія «несчастной вѣны и сахалинской колоніи». По наблюденіямъ автора, «болѣе 25 лѣтъ на Сахалинѣ рождались дѣти, росли среди каторги, въ атмосферѣ прозя и грязи, и съ снкой калнбелы были сами обречены на каторгу, что было большою грѣхъ противъ этихъ несчастныхъ».

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 112. Сиб. 901. Стр. 740. Ц. 3 р.

Настоящій томъ представляетъ одну особенность; до сихъ поръ было принято за правило въ отношеніи общеродованна документна, устанавливаться на вѣнчаніи конгресса, 1814 года; ннхъ же впервые сдѣлано французскимъ правительствомъ исключеніе для «Историческаго Общества», а потому явилась возможность приступить къ изданію дипломатической переписки нашего и французскаго правительства, начавшая съ 1814 г. по 1830 годъ. Изъ этого одного можно заключить, насколько любозннны и ннхѣтъ драгоценны для исторіи той малой изслѣдованной эпохи выходящіе ннхъ въ свѣтъ документи и дипломатическая переписка упомянутыхъ правительствъ.

Я. Крѣковскій (П. Л. Гуремать). Повѣсти и рассказы. Сиб. 1902.

Въ рассказахъ г. Крѣковскаго изображаются преимущественно тнны и нравы, господствующія въ мнрѣ «забитыхъ людей». Авторъ добросовѣстно выискиваетъ въ освѣщенному имъ педальную дѣятельность, а очерки его производятъ на читателя впечатлѣніе самыхъ искреннихъ, задумывающнхъ тономъ. Въ сочиненіяхъ г. Крѣковскаго замѣчательна отчасти ннхнн Максимъ Горькаго; наиболѣе удачными и интересными слѣдуетъ признать повѣсти «Павелъ Валентинъ» и «Внхъ чнтура».

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ исторіи, политики, литературы,

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ,
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года.			
		Июль	Іюль	Июль	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Възъ доставля, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ —	8 „ —	8 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл.	17 „ —	9 „ —	8 „ —	5 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союзу	19 „ —	10 „ —	9 „ —	5 „ —	5 „ —	5 „ —	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Высто разерочки годовой подписки на журналъ, подписка по асаудіемъ: въ январь и іюль, и по четвертямъ года: въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается — безъ пониженія годовой цѣны подписки.

Ближнеыя магазины, при годовой подпискѣ, получаютъ обычное уступку.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линияхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

ВЪ ОДЕСѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглобина, Брешатск., 53.

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевск., 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ означать въ себѣ имя, почтовое отдѣленіе съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускаться выдана журналовъ, если нѣтъ таковаго учрежденія въ данномъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) Переменная адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ правящаго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иностранное, должны платить 1 руб., а иностранцы, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) Жалобы на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была отдана въ книжн. магазиновныхъ мѣстахъ, а, согласно объявленію въ Почтоваго Департамента, не позже чѣмъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) Бланеты на получение журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иностранныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтоваго жетона.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Сиб., Галерная, 20.

Вас. Остр., Google

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

